This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

3 2044 103 186 201

A7
Montesquieu, Charles Louis
O dlukhiz zakonov

Bd. Dec. 1931

HARVARD LAW LIBRARY

Received SEP 24 1931

Charles-Louis de Secondat, baron de La Brède et de Montesquieu

Монтескье.

О ДУХѢ ЗАКОНОВЪ

ИЛИ ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ, ВЪ КОТОРЫХЪ ЗАКОНЫ ДОЛЖНЫ НАХОДИТЬСЯ

к устройству каждаго правленія, къ нравамъ, климату, религіи, торговлѣ, и т. д.

КЪ ЧЕМУ АВТОРЪ ПРИБАВИЛЪ

НОВЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ЗАКОНАХЪ РИМСКИХЪ,

КАСАЮЩИХСЯ НАСЛѢДОВАНІЯ,

О ЗАКОНАХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ И О ЗАКОНАХЪ ФЕОДАЛЬНЫХЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ **А. Г. Горнфельда,**

СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ **М. М. Ковалевскаго.**

Prolem sine matre creatam.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1900.

FRA
963
MCH/AR

A7
Montesquieu, Charles Louis
O duchu zakonov

Bd. Dec. 1931

HARVARD LAW LIBRARY

Received SEP 24 1931

было ненужнымъ. Если назначеніе какой-либо части намъ еще неизвѣстно, то не должны-ли мы съ благодарнымъ рвеніемъ направить всѣ усилія на его открытіе" [1].—Перенесенная въ сферу общественныхъ наукъ, та же точка зрѣнія позволитъ Монтескье говорить о томъ, что законы политическіе и гражданскіе, свойственные отдѣльнымъ націямъ, не болѣе, какъ частныя проявленія того общаго закона, какимъ является человѣческій разумъ [2].

Если въ основѣ всѣхъ общественныхъ отношеній лежитъ необходимость, если всѣ они разумны, то задача изслѣдователя, очевидно, сводится не къ выдумкѣ новыхъ еще болѣе совершенныхъ порядковъ, а къ раскрытію той внутренней связи, какая существуетъ между тѣми, которые присущи данной націи. Источникъ этихъ порядковъ, положительные законы, должны въ такой мѣрѣ приходиться къ народу, у котораго они дѣйствуютъ, что только въ рѣдкихъ случаяхъ ихъ можно привить другому. Но такое соотвѣтствіе мыслимо только въ томъ случаѣ, когда они отвѣчаютъ природѣ и жизненному принципу дѣйствующаго у даннаго народа правительства, когда они согласованы съ физическими условіями страны, съ климатомъ, съ качествомъ почвы, съ топографическимъ положеніемъ, величиною государства, образомъ жизни его обитателей, степенью свободы, допустимой учрежденіями, религіей, вкусами, богатствомъ, численностью населенія, торговлей, нравами и привычками. Со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія Монтескье берется разсмотрѣть положительное законодательство древнихъ и новыхъ народовъ. Раскрытіе взаимной связи, въ которой стоятъ законы того или другого государства между собою, съ источникомъ, изъ котораго они возникли, т. е. съ задачами, какія преслѣдовалъ ихъ виновникъ, и съ тѣмъ порядкомъ вещей, для которыхъ они созданы, равнозначительно въ глазахъ Монтескье раскрытію духа законовъ. Преслѣдованіе же этой задачи и позволяетъ ему дать это именно названіе своему сочиненію [3].

Такая задача была новой для его времени и мало отвѣчала общественному настроенію. XVI и XVII столѣтія, когда подъ вліяніемъ внутреннихъ междоусобій и религіозныхъ войнъ впервые

---

[1]) Discours sur l'usage des glandes rénales, prononcé le 25 août 1718.

[2]) La loi, en général, est la raison humaine, en tant qu'elle gouverne tous les peuples de la terre; et les lois politiques et civiles de chaque nation ne doivent être que les cas particuliers où s'applique cette raison humaine. Духъ законовъ, книга I, глава 3 — Сравни съ этимъ изреченіемъ извѣстное заявленіе голландскаго юриста XVII вѣка, Бенкерсгука: ratio, ipsa inquam ratio est juris gentium anima.

[3]) Книга I, глава 3.

поставленъ былъ вопросъ объ условіяхъ закономѣрности правительствъ и границахъ повиновенія имъ подданныхъ, пріучили европейскихъ читателей къ публицистикѣ совершенно иного рода. Еще невполнѣ освободившись отъ узъ теократіи, политика попала въ новую кабалу у метафизики; только не многимъ писателямъ эпохи возрожденія, Маккіавели, Гвичіардини, Фортескью и Бодену приходило на умъ обосновывать ее на изученіи быта древнихъ и новыхъ народовъ; но эта недавняя традиція внезапно была прервана тѣмъ широкимъ расцвѣтомъ, какой метафизика получила въ сочиненіяхъ Декарта, Гоббса, Спинозы и Локка. Вопросъ о природѣ и источникѣ правительства, на который теологія отвѣчала текстами Библіи и Новаго Завѣта, перенесенъ былъ на почву вымышленнаго общественнаго договора, якобы связавшаго воедино разрозненныя семьи людей подъ властью ими же поставленнаго начальства. Споръ консерваторовъ и либераловъ свелся съ этого времени къ обсужденію отдѣльныхъ статей этого договора, къ установленію тѣхъ предѣловъ, далѣе которыхъ не можетъ идти вмѣшательство власти въ свободу внутреннихъ и внѣшнихъ проявленій личности. Отъ политическаго трактата общественное мнѣніе XVIII вѣка, уже встревоженное надвигавшейся революціей, ждало не раскрытія внутренней связи существующихъ порядковъ, которые для многихъ являлись не болѣе какъ устарѣлымъ безправіемъ, а указаніемъ общихъ и неизмѣнныхъ законовъ общественнаго благоденствія. Не мудрено, поэтому, если книга Монтескье встрѣчена была дружнымъ неодобреніемъ не однихъ богослововъ, но и сторонниковъ всякаго рода метафизическихъ системъ, будетъ ли ими превозносимый физіократами „естественный порядокъ человѣческихъ обществъ“, или матерьялизмъ Гельвеція и Дидро. Въ недавно появившемся томѣ „Отдѣльныхъ мыслей и отрывковъ изъ неизданныхъ сочиненій“ Монтескье, можно прочесть зачеркнутую имъ же сентенцію по адресу критиковъ: „Я—высокій дубъ, вокругъ котораго тѣснятся жабы пускающія въ него свой ядъ“ [1]). Въ числѣ этихъ критиковъ не всѣ отвѣчали однако той характеристикѣ, какую даетъ имъ авторъ Духа Законовъ, говоря, что они не только не поняли его, но и не хотѣли понять [2]). Не всѣ также

---

[1]) Pensées et Fragments inédits de Montesquieu, стр. 36.

[2]) Je me plaignois d'une infinité de mauvaises critiques sur mon Esprit des Loix qui venoient de ce qu'on ne m'avoit pas entendu, je me trompais: elles venoient de ce qu'on ne vouloit pas m'entendre, ibid. та же стр. Изъ письма отъ 22 іюня 52 года мы узнаемъ, что Монтескье въ частности обвинялъ въ такомъ сознательномъ нежеланіи понять его аббата де-Ла-Портъ, напечатавшаго въ 1751 году свои замѣчанія на Духъ Законовъ и поставившаго

ставили себѣ задачей, подобно органу іезуитовъ, Journal Trévoux, или янсенистскимъ Nouvelles Ecclésiastiques, уличить автора въ колебаніи основъ религіи и добиться затѣмъ включенія Духа Законовъ въ индексъ книгъ, запрещенныхъ римской куріей [1]). Если откупщикъ Дюпенъ и повиненъ былъ въ „идіотическомъ", какъ говоритъ Монтескье, разборѣ его основнаго сочиненія [2]), то нельзя обозвать тѣмъ же терминомъ статьи, посвященныя Духу Законовъ Вольтеромъ и Гельвеціемъ, Дидро и Кондорсэ. Если Дидро, напримѣръ, ставилъ „Естественный порядокъ обществъ" физіократа Мерсье де-ла-Ривьера выше Духа Законовъ [3]), то очевидно потому, что не находилъ въ послѣднемъ прямого отвѣта на волновавшій всю Францію вопросъ: какое правительство надо поставить на мѣсто существующаго. Гельвецій высказывалъ то же недовольство въ извѣстномъ письмѣ къ автору Духа Законовъ, говоря, что человѣкъ, желающій быть полезнымъ ближнему, долженъ болѣе заниматься раскрытіемъ истинныхъ принциповъ лучшаго порядка вещей, нежели выводить эти принципы изъ существующаго [4]). Ту же мысль повторяетъ и Кондорсэ. Почему, пишетъ онъ, Монтескье никогда не говоритъ въ своемъ Духѣ Законовъ о справедливости и несправедливости приводимыхъ имъ мѣропріятій, а только о причинахъ, вызвавшихъ ихъ къ жизни? Почему не указано имъ никакого принципа, по которому можно было бы

автору въ вину желаніе все объяснить вліяніемъ климата и правительства. Смотри Вступленіе Лабулэ къ Духу Законовъ, стр. XXXVII.

[1]) Смотри вступленіе Лабулэ къ предпринятому имъ изданію Монтескье, томъ III, стр. XXXVI, смотри также Vian, Histoire de Montesquieu, стр. отъ 282 до 296. Одно время можно было думать, что эти инсинуаціи достигнутъ своей цѣли. Назначенная Сорбоною комиссія должна была подвергнуть Духъ Законовъ разбору и высказаться насчетъ его правовѣрія. Монтескье настолько обезпокоился этими мѣропріятіями, что въ одной изъ его недавно напечатанныхъ рукописей мы находимъ между прочимъ слѣдующее мѣсто: Я вижу издали собирающіяся тучи, которыя рано или поздно разразятся грозой. Меня по всей вѣроятности поставятъ въ необходимость покинуть нѣжно любимую родину и обожаемаго короля. Pensées et Fragments inédits, стр. 37.

[2]) Ibid., стр. 37.

[3]) Смотри письмо его къ Екатеринѣ II.

[4]) Souvenez-vous qu'en les discutant vos principes à la Brède, je convenois qu'ils s'appliquoient à l'etat actuel; mais qu'un écrivain qui vouloit être utile aux hommes, devoit plus s'occuper de maximes vraies dans un meilleur ordre de choses à venir, que de consacrer celles qui sont dangereuses, du moment que le prejugé s'en empare pour s'en servir et les perpétuer. Смотри изданіе сочиненій Монтескье 1828, томъ V, стр. 419 и 420. Lettre d'Helvétius à Montesquieu sur son manuscrit de l'Esprit des Lois.

установить между законами, вытекающими изъ рукъ правомѣрной власти, различіе справедливыхъ и несправедливыхъ [1])?

Одну изъ интереснѣйшихъ сторонъ недавно изданныхъ черновыхъ тетрадей Монтескье составляетъ возможность познакомиться на основаніи ихъ съ тѣми задачами, какія ставилъ себѣ авторъ Духа Законовъ, приступая къ редакціи своего трактата. Вопросы о происхожденіи государства и права, столь волновавшіе его современниковъ, далеко не казались ему праздными; но онъ считалъ ихъ болѣе или менѣе рѣшенными, какъ показываетъ, между прочимъ, его заявленіе: „Я признателенъ Гроту и Пуффендорфу за то, что они выполнили значительную часть того, чѣмъ я долженъ былъ бы заняться въ этомъ сочиненіи; они сдѣлали это съ тою силою таланта, какой я не въ состояніи былъ бы достигнуть“ [2]), или еще: „особенность моего ума состоитъ въ томъ, чтобы не возвращаться къ тому, что всѣмъ извѣстно“ [3]). Что Монтескье вовсе не считалъ лишенными интереса тѣ вопросы, на которыхъ останавливалась европейская публицистика еще со временъ реформаціи, когда Соломоній, Юній Брутъ и Маріана уже подымали вопросъ о происхожденіи властей путемъ договора подданныхъ съ правителемъ [4]), показываютъ нѣкоторыя разсужденія, попадающіяся въ его неизданныхъ трактатахъ. Нельзя не признать ложнымъ положеніе Гоббса, читаемъ мы въ одномъ изъ нихъ, будто народъ перенесъ всю власть на монарха, благодаря чему дѣянія послѣдняго одновременно его дѣянія, откуда еще тотъ выводъ, что народъ не можетъ высказывать претензій на князя или требовать отчета въ его поведеніи, такъ какъ это было бы равнозначительно жалобѣ на самого себя. Говоря это, Гоббсъ забывалъ провозглашенный имъ же принципъ естественнаго права: договоры должны быть соблюдаемы (pacta esse servanda). Вѣдь народъ далъ князю полномочія на извѣстныхъ условіяхъ; онъ установилъ его въ силу договора; этотъ договоръ долженъ быть

---

[1]) Observations de Condorcet sur le vingt-neuvième livre de l'Esprit des Lois, замѣчаніе на главу IV.

[2]) Ibid., стр. 99.

[3]) Ibid., стр. 100.

[4]) Смотри Die Monarchomachen, Eine Darstellung der revolutionären Staatslehren des XVI. Jahrhunderts von Dr Rudolf Treumann, стр. 54. За исключеніемъ Готомана, пишетъ Трейманъ, у всѣхъ публицистовъ послѣдней четверти XVI вѣка, мы встрѣчаемъ ученіе о договорѣ подданныхъ съ правительствомъ. Юній Брутъ и Соломоній настаиваютъ на томъ, что власть князя производная и по полнотѣ своей уступаетъ той, которая принадлежитъ народу. Первый изъ упомянутыхъ нами писателей высказываетъ положеніе, которое впослѣдствіи развито будетъ Руссо, а именно, что права народа неотчуждаемы. Ibid., стр. 60 и 61.

соблюдаемъ; князь представляетъ народъ только такъ, какъ это угодно было народу. Къ тому же невѣрно, чтобы уполномоченный имѣлъ столько же власти, сколько уполномочившій, и не зависѣлъ отъ него [1]).

Имѣя своими предшественниками учителей естественнаго права, Грота, Гоббса, Спинозу, Пуффендорфа и Локка, и желая по возможности отдѣлить свое дѣло отъ ихняго, Монтескье въ первыхъ двухъ книгахъ, служащихъ какъ бы введеніемъ, опредѣляетъ характеръ своей задачи и особенности своего индуктивнаго и сопоставительнаго метода, который имѣетъ дѣло не съ выводомъ общихъ началъ изъ проблематической природы первыхъ людей, а съ установленіемъ прочныхъ обобщеній на основаніи массы наблюденій, сдѣланныхъ надъ древними и новыми народами. Авторъ отступаетъ однако отъ своихъ, можно сказать, положительныхъ пріемовъ изслѣдованія въ этихъ начальныхъ главахъ. Говоря о естественныхъ законахъ, онъ пытается вывести ихъ изъ природы человѣка до момента возникновенія общежитія. Такъ какъ наблюденію доступны только люди, состоящіе членами какихъ-либо союзовъ, начиная отъ родовыхъ и оканчивая государственными, то немудрено, если современная соціологія исключаетъ изъ сферы своихъ задачъ изслѣдованіе вопроса о томъ, каковы были психическія и нравственныя свойства людей до образованія первыхъ сообществъ; ей недоступно то, что обнимается понятіемъ первобытности; если подчасъ отдѣльные изслѣдователи позволяютъ себѣ обращеніе къ этому термину, то они каждый разъ связываютъ съ нимъ представленіе о древнѣйшемъ изъ періодовъ общественности, извѣстныхъ намъ по даннымъ исторіи и этнографіи. Удовлетворяя запросу времени и сознавая въ то же время шаткость той почвы, на которой опираются всѣ соображенія о естественномъ состояніи и естественныхъ законахъ, Монтескье удовольствовался нѣкоторыми отрывочными заявленіями о первыхъ, такъ сказать, прирожденныхъ идеяхъ, пытаясь связать ихъ съ физическими потребностями и вытекающей изъ нихъ заботой о самосохраненіи. Но и въ этомъ вопросѣ, стоящемъ за предѣлами точнаго знанія, онъ старается обосновать свои соображенія на наблюденіяхъ. Въ его время много толковали „о лѣсныхъ людяхъ“, якобы встрѣченныхъ въ Гановерскомъ коро-

---

[1]) Pensées et Fragments, стр. 79. Въ разсужденіи объ обязанностяхъ Монтескье мимоходомъ снова говоритъ о договорѣ, заключенномъ съ цѣлью установленія гражданскаго общежитія, законовъ и власти, стр. 382 и 398. Гражданскіе законы заступаютъ у него такимъ образомъ мѣсто естественнаго, который одинъ управлялъ людьми до возникновенія государства, какъ политическая власть является на смѣну власти семейной, стр. 397.

левствѣ и вызвавшихъ большой интересъ къ себѣ въ Англіи при Георгѣ I. Эти лѣсные люди, которые, разумѣется, давали такое же слабое представленіе о первобытномъ человѣчествѣ, какое можно составить себѣ, наблюдая въ парижскомъ гипподромѣ „человѣка-собаку и человѣка медвѣдя", т. е. обросшихъ съ ногъ до головы волосами крестьянъ Великоросіи, заставляетъ Монтескье утверждать, что первобытному человѣку свойствена въ равной мѣрѣ физическая слабость и робость, не примиримыя поэтому съ тѣмъ представленіемъ о войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ, какую Томасъ Гоббсъ связываетъ съ естественнымъ состояніемъ. Прирожденная трусость, думаетъ Монтескье, заставила бы людей скорѣе укрываться другъ отъ друга нежели искать сообщества себѣ подобныхъ, еслибы этому чувству не противодѣйствовало стремленіе половъ къ сближенію и то удовольствіе, которое люди выносятъ изъ общенія, наконецъ, еслибы ему не противились пріобрѣтаемыя людьми познанія, зарождающіяся подъ вліяніемъ потребности продлить свое существованіе завоеваніемъ у природы необходимыхъ средствъ къ жизни, легче достижимыхъ путемъ соединенія силъ [1]).

Только что разобранная глава вызвала съ самаго начала ожесточенныя нападки, при чемъ автора одновременно упрекали въ двухъ противорѣчивыхъ пристрастіяхъ: къ пантеизму Спинозы и атеизму Гоббса, и все это въ виду того, что Монтескье позволилъ себѣ сказать: „мысль о Творцѣ міра и связи людей съ нимъ, хотя и въ правѣ считаться важнѣйшимъ изъ естественныхъ законовъ, отнюдь не можетъ быть признана первымъ по времени". Насъ разумѣется ни мало не интересуетъ возникшая по этому поводу полемика; мы желаемъ только отмѣтить тѣ дополненія, какія къ своимъ краткимъ замѣткамъ о естественномъ состояніи Монтескье въ отвѣтъ критикамъ сдѣлалъ въ своей „Защитѣ Духа Законовъ". Одной изъ задачъ автора, пишетъ онъ здѣсь, было опровергнуть систему Гоббса, систему жестокую, которая признаетъ источникомъ всѣхъ добродѣтелей и всѣхъ пороковъ законы, которые люди дали сами себѣ. Доказывая, что человѣчество зародилось въ состояніи вѣчной вражды, что первымъ закономъ была война всѣхъ противъ всѣхъ, Гоббсъ, подобно Спинозѣ, подкашиваетъ въ корнѣ всякую религію и всякую нравственность. Въ противность обоимъ, авторъ Духа Законовъ, говоритъ о себѣ Монтескье, показываетъ, что состояніе войны возникло послѣ образованія первыхъ человѣческихъ сообществъ, что справедливость и правда

[1]) Ibid., книга I, глава II.

существовали на землѣ до изданія положительныхъ нормъ. Авторъ въ то же время пытался опредѣлить тотъ порядокъ, въ какомъ возникли въ людяхъ первыя впечатлѣнія, чувства и понятія; онъ остановился въ концѣ концовъ на мысли, что страхъ, а затѣмъ потребность самосохраненія появилась въ человѣкѣ прежде всего, что ощущенія предшествовали во времени размышленіямъ, почему и идея о Творцѣ зародилась не съ самаго начала" [1]).

Отведши всего на всего одну страницу соображеніямъ о естественныхъ законахъ, Монтескье переходитъ сразу къ опредѣленію источника и природы положительныхъ. Выходомъ изъ состоянія войны, въ какомъ жили первыя человѣческія сообщества, было установленіе постоянныхъ нормъ, изъ которыхъ однѣ опредѣлили отношеніе народовъ другъ къ другу, другія — отношеніе управителей и управляемыхъ, третьи—отношеніе гражданъ между собою. Такимъ образомъ возникли право международное, право политическое и право гражданское. Первое опирается на томъ принципѣ, что народы въ мирное время должны дѣлать другъ другу возможно больше добра, а въ военное — возможно меньше зла. Политическое право занимается вопросомъ объ организаціи правительствъ и отношеніи къ нимъ подданныхъ. Монтескье, слѣдуя въ этомъ, какъ онъ самъ признаетъ, ученію Гравина, высказываетъ одно положеніе, которое найдетъ затѣмъ болѣе всестороннее развитіе у Руссо. Суверенитетъ, совпадающій у него съ понятіемъ общей силы, force générale, является результатомъ соединенія всѣхъ частныхъ силъ, но это соединеніе возможно, учитъ онъ, лишь подъ условіемъ, чтобы всѣ частныя воли слились въ общую волю. По его ученію, такая общая сила можетъ оказаться въ рукахъ одного человѣка или многихъ, на чемъ и опирается различіе монархіи и республики. Согласною съ природою надо считать поэтому, думаетъ онъ, и ту и другую, вообще всякое правительство соотвѣтствующее генію націи (à la disposition du peuple pour lequel le gouvernement est établi). Но это возможно лишь тогда, если законы вполнѣ отвѣчаютъ физическимъ и нравственнымъ условіямъ того народа, для котораго они изданы. Вступительная глава заканчивается обѣщаніемъ обнаружить тѣ отношенія причинности, въ какихъ законы стоятъ ко всѣмъ элементамъ гражданственности. Въ этомъ авторъ и видитъ задачу своего сочиненія. Уже въ предисловіи онъ говоритъ, что *не намѣренъ* критиковать тѣ или другіе порядки. Любая нація найдетъ въ моей книгѣ, обѣщаетъ онъ, только объясненіе господствующихъ у нея законодательныхъ

---

[1]) Ibid., Défense de l'Esprit des Lois, часть первая.

принциповъ.—Вотъ все, что Монтескье счелъ нужнымъ сообщить читателю о своихъ ближайшихъ задачахъ, предпочитая длиннымъ разсужденіямъ рекомендованное еще древними вступленіе in medias res. Но изъ черновыхъ тетрадей и отрывковъ, не вошедшихъ въ составъ Духа Законовъ, мы узнаемъ съ желательной для насъ подробностью самый генезисъ какъ общаго плана сочиненія, такъ и отдѣльныхъ книгъ, его составляющихъ; въ этихъ не предназначенныхъ къ обнародованью документахъ говорится также о массѣ затраченнаго имъ труда, о причинѣ, по которой, накопивши значительный матерьялъ по тому или другому вопросу, онъ въ концѣ концовъ не рѣшался ввести его въ текстъ сочиненія, вызывая такимъ образомъ не разъ справедливый упрекъ въ бездоказательности тѣхъ или другихъ положеній. Тѣ же отрывки рисуютъ намъ Монтескье постоянно озабоченнымъ судьбой своей книги, готовымъ подвергнуть ее новой редакціи за нѣсколько лѣтъ до смерти, съ цѣлью болѣе глубокаго проникновенія въ смыслъ отдѣльныхъ вопросовъ, и довольно ясно предвидящимъ, что его сочиненіе найдетъ въ будущемъ меньше читателей, чѣмъ людей, готовыхъ щеголять его сентенціями. Пришлось много читать, пишетъ Монтескье, и мало воспользоваться прочитаннымъ. Легче отяготить умъ читателей массою цитатъ, нежели обогатить ихъ собственными изслѣдованіями. Двадцать лѣтъ моей жизни я посвятилъ этому сочиненію, и мнѣ кажется, что я тѣмъ не менѣе не затратилъ на него достаточно времени. Я все еще не могу дать себѣ отчета въ томъ, не былъ ли я слишкомъ смѣлъ и самоувѣренъ, предпринимая его, и не подавленъ ли я тяжестью моего предмета. Изъ года въ годъ я бросалъ на вѣтеръ листки моей книги, теряя подчасъ время на исправленіе того, чему не суждено будетъ увидѣть свѣта. Одно время я остановился на мысли расширить нѣкоторые отдѣлы моей книги и проникнуть болѣе въ глубь вопросовъ, но глаза мои ослабѣли отъ чтеній, и я болѣе не въ силахъ этого сдѣлать [1]). Монтескье даетъ себѣ отчетъ въ томъ, что время, въ которое ему пришлось жить, болѣе занято изученіемъ естественныхъ наукъ, нежели политическихъ. При сопоставленіи его съ эпохою грековъ и римлянъ поражаешься тѣмъ невниманіемъ, съ какимъ стали относиться къ вопросамъ морали и обществовѣдѣнія. Одинъ аббатъ Сенъ-Пьеръ пошелъ противъ теченія и задумалъ писать о политикѣ. Монтескье хочетъ послѣдовать его примѣру, хотя ему и приходитъ на умъ, что не ранѣе 700 или 800 лѣтъ найдется народъ, которому его мысли будутъ полезны [2]). Эти слова написаны на разстояніи менѣе полу-

[1]) Ibid., стр. 100 и 104.
[2]) Ibid., стр. 102.

столѣтія до революціи и обращенія Учредительнымъ Собраніемъ въ законы многихъ основныхъ положеній Монтескьё. Послѣдній думаетъ однако, что его сочиненіе можно бы съ успѣхомъ преподавать будущимъ правителямъ, которыхъ кормятъ пока только неопредѣленными совѣтами хорошо править, быть великими монархами и обезпечивать благополучіе подданныхъ, не указывая въ то же время необходимыхъ къ тому путей и средствъ. При всемъ томъ пессимизмъ автора такъ великъ, что въ одномъ мѣстѣ своего журнала онъ съ горечью восклицаетъ: „это сочиненіе, которое было предметомъ размышленій всей моей жизни, которое потребовало массы труда, предпринятаго съ лучшими намѣреніями ради общественной пользы, будетъ для меня только источникомъ горестей... А между тѣмъ эта книга не написана въ защиту или во вредъ какого-либо сословія и ни одно не вправѣ высказывать на него недовольства; оно предназначено одинаково для всѣхъ людей... Я разсуждаю обо всемъ и не критикую ничего. Изъ всѣхъ правительствъ, какія мнѣ пришлось имѣть передъ глазами, я не высказываю пристрастія ни къ одному, не исключая и того, въ какомъ я имѣю счастіе жить [1]). Когда мнѣ удалось впервые обнять мыслью свой предметъ во всей его широтѣ, передо мною сразу выступили отвѣты на всѣ волновавшіе меня вопросы. Не я придумываю тѣ или другіе принципы, но они руководятъ мною [2]). Монтескье любитъ отмѣчать новизну затрогиваемыхъ имъ вопросовъ. Приступая къ редакціи той книги, которая посвящена раскрытію внутренней связи между законами политическими и гражданскими, онъ пишетъ: „мнѣ неизвѣстно, чтобы кто-либо задался этой мыслью раньше меня“ [3]). Когда вслѣдъ затѣмъ ему приходится говорить о законахъ наслѣдованія у римлянъ и о варварскихъ правдахъ, онъ объясняетъ свой интересъ къ нимъ желаніемъ показать на отдѣльныхъ примѣрахъ самый порядокъ зарожденія законовъ. Если я вѣрно изложилъ теорію римскаго наслѣдственнаго права, пишетъ онъ, то, при помощи того же метода, можно будетъ изучить генезисъ ихъ у всѣхъ народовъ. Чтобы хорошо понять смыслъ современнаго законодательства, надо быть знакомымъ съ древнимъ, надо прослѣдить развитіе отдѣльныхъ нормъ въ различнѣйшія эпохи. Предметъ мой не позволяетъ мнѣ сдѣлать этого самому. Я взялся за перо не для того, чтобы научить законамъ, а методу преподавать ихъ. Я пишу не о законахъ, а о Духѣ Законовъ [4]).

---

[1]) Ibid., стр. 100 и 101.
[2]) Ibid., стр. 101.
[3]) Ibid., стр. 192.
[4]) Ibid., стр. 194 и 195.

Монтескьё понимаетъ, насколько всѣ экскурсіи въ область отдѣльныхъ законодательствъ отягощаютъ ходъ изложенія. Прежде чѣмъ приступить къ редакціи двадцать девятой книги, посвященной вопросу о порядкѣ составленія законовъ, онъ заноситъ въ свою черновую тетрадь: „я принесъ новую жертву и построилъ новый храмъ скукѣ и долготерпѣнію“ [1]). Неудивительно, если постепенно въ его умѣ стало складываться представленіе о томъ, что его сочиненіе слишкомъ серьезно, чтобы имѣть многочисленныхъ читателей; „оно болѣе встрѣтитъ признанія, чѣмъ любознательности“, вноситъ онъ въ свою тетрадь. „Такія книги могутъ доставить удовольствіе при чтеніи, онѣ отнюдь не могутъ служить забавою“ [2]). Какъ ни нова была точка зрѣнія, съ которой Монтескье рѣшился обозрѣть законы и учрежденія различныхъ временъ и народовъ, но она имѣла уже представителя въ лицѣ неаполитанца Вико. Въ своей Новой Наукѣ, этотъ предшественникъ Огюста Конта и всей современной соціологіи не только надѣляетъ обществовѣдѣніе тѣмъ же сравнительнымъ методомъ, какого придерживается Монтескье, но и дѣлаетъ попытку примѣнить этотъ методъ, между прочимъ, къ исторіи права и учрежденій. Весьма интересно было бы опредѣлить степень вліянія, оказаннаго имъ на Монтескье. Что послѣднему извѣстно было его сочиненіе, въ этомъ трудно сомнѣваться съ тѣхъ поръ, какъ въ путешествіяхъ по Италіи автора Духа Законовъ найдена помѣтка о необходимости пріобрѣсть въ Неаполѣ Новую Науку. Но доказываетъ ли это еще, что мысли геніальнаго аббата произвели на Монтескье достаточно впечатлѣнія, чтобы опредѣлить самую его точку зрѣнія на развитіе права и политики. То обстоятельство, что Вико придаетъ рѣшающее значеніе религіи [3]) въ исторіи человѣчества, тогда какъ Монтескьё болѣе склоненъ объяснять различіе законовъ вліяніемъ климата и учрежденій, повидимому противорѣчитъ такому допущенію. Не согласно съ нимъ и отсутствіе въ Духѣ Законовъ того фатализма, съ какимъ Вико говоритъ о необходимомъ и послѣдовательномъ вырожденіи общественно-политическихъ по-

[1]) Ibid., стр. 205.

[2]) Ibid., стр. 99.

[3]) Principi di scienza nuova. Заключительная глава. Perchè in quest'Opera appieno si è dimostrato, che sopra la Provvedenza ebbero i primi Governi del Mondo per loro intiera forma la Religione; sulla quale unicamente resse lo Stato delle Famiglie: indi passando a Governi Civili Eroici ovvero Aristocratici, ne dovette essa Religione esserne la principal ferma pianta: quindi innoltrandosi a Governi popolari, la medesima Religione servi di mezzo a' popoli di pervenirvi: fermandosi finalmente ne' Governi Monarchici, essa Religione dev' essere lo scudo de' Principi.

рядковъ и о возвращеніи народовъ къ отправному пункту ихъ развитія [1]).

Тѣмъ не менѣе при внимательномъ чтеніи обоихъ писателей трудно не отмѣтить совпаденія ихъ взглядовъ по нѣкоторымъ коренным вопросамъ, напримѣръ, по вопросу о вырожденіи монархій и республикъ въ деспотію и анархію [2]). Какъ также не признать въ положеніи Вико: правительства должны отвѣчать природѣ управляемыхъ, одну изъ излюбленныхъ темъ Духа Законовъ [3]), какъ не видѣть сходства во взглядахъ на до-государственный періодъ человѣческаго общежитія, характеризуемый господствомъ патріархальной семьи и нераздѣльнаго родового владѣнія [4]).

Сопоставленіе мыслей обоихъ родоначальниковъ соціологіи въ XVIII вѣкѣ раскрываетъ передъ нами обычное отношеніе, въ какое Монтескье становился къ изучаемымъ имъ писателямъ. Они обыкновенно будили его мысль или давали ей извѣстное направленіе. Но, только убѣдившись на массѣ привлеченныхъ къ изслѣдованію фактовъ, что то или другое положеніе, ранѣе его высказанное, справедливо, Монтескье усвоивалъ его себѣ и вносилъ въ текстъ своего сочиненія. О простомъ заимствованіи, въ какомъ обвиняютъ его нѣкоторые нѣмецкіе критики, не можетъ быть и рѣчи [5]). Вмѣсто того, чтобы списывать у другихъ, онъ провѣряетъ фактами чужіе взгляды, то принимая ихъ, то замѣняя собственными, смотря по тому, насколько они обоснованы и согласны съ его общими принципами. Это, разумѣется, ни мало не лишаетъ

---

[1]) Смотри въ Principi di Scienza Nuova послѣднюю главу Del Ricorso delle cose umane nel risurgere, che fanno le nazioni

[2]) Ma corrompendosi ancora gli stati popolari... e non più contentandosi i cittadini delle ricchezze, per farne ordine, ne vollero fare potenza; come furiosi Austri il mare, commovendo civili guerre nelle loro Repubbliche, le mandarono ad un totale discordine; e si da una libertà le fecero cadere sotto una parfetta Tirannide; la qual è peggiore di tutte, ch'è l'Anarchia, ovvero la sfrenata libertà de popoli liberi.

[3]) I governi debbeno essere conformi alla natura degli uomini governati. Scienza Nuova, Dign. 69.

[4]) Смотри Francesco Cosentini La Sociologia, e G. B. Vico, второе изданіе Савона 1899 годъ, стр. 73 и 78.

[5]) Эти обвиненія высказаны были еще въ прошломъ столѣтіи, напримѣръ, въ предисловіи къ вышедшему въ 1761 году сочиненію Гейманъ, Der Geist der Gesetze der Teutschen. Говоря о Духѣ Законовъ, онъ заявляетъ: если бы нѣмецъ былъ авторомъ этого сочиненія, то вѣроятно уже послѣдовалъ бы общій приговоръ: все это очень старо и имѣются уже книги подобнаго же рода. (Предисловіе). Въ новѣйшее время Кохъ и нѣкоторые другіе нѣмецкіе критики задались болѣе детальнымъ изслѣдованіемъ тѣхъ заимствованій, какія Монтескье могъ сдѣлать у своихъ предшественниковъ и современниковъ. Въ длинномъ спискѣ авторовъ, сочиненіями которыхъ воспользовался Монтескье, Кохъ

интереса добросовѣстныя попытки нѣкоторыхъ новѣйшихъ критиковъ опредѣлить то отношеніе, въ какомъ отдѣльные взгляды Монтескьё стоятъ къ сочиненіямъ предшествовавшихъ ему писателей о политикѣ. Мнѣ кажется, что пока этимъ попыткамъ удалось сколько нибудь убѣдительно доказать только то, что знаменитое ученіе о раздѣленіи властей и взаимномъ ихъ уравновѣшиваніи, какъ присущемъ англійской конституціи, было намѣчено, если не развито, въ самой Англіи задолго до Монтескье. Нѣмецкія монографіи Коха и Пича не прочь возвести это ученіе къ Сиднею и Локку. Но на самомъ дѣлѣ его можно встрѣтить въ зародышѣ уже у родоначальниковъ англійскаго радикализма, у левеллеровъ, въ частности у Лильборна [1]).

Взглядъ на то, что англичане обязаны своей свободой обособленію законодательства и исполненія, взаимному ограниченію ихъ другъ другомъ (balancing of powers), встрѣчающійся уже у политическихъ дѣятелей и писателей первой англійской революціи, воспроизводится затѣмъ Сиднеемъ и Локкомъ. Если Монтескьё говоритъ о трехъ властяхъ—законодательной, исполнительной и судебной, то каждой изъ послѣднихъ онъ даетъ, если не то же самое, то нѣсколько измѣненное названіе противъ того, какое встрѣчается уже у обоихъ англійскихъ писателей [2]).

§ 2.

Гораздо больше вліянія на выработку основныхъ воззрѣній Монтескье оказали его продолжительныя путешествія по Италіи, Германіи, Голландіи и Англіи, а также серьезное знакомство съ

называетъ какъ итальянца Гравина, такъ и англичанъ Сиднея и Локка, но приводимыя имъ параллели только доказываютъ, что Монтескье, какъ это было не только его право, но и обязанность, старался привлечь къ толкованію, римскихъ ли законовъ, или англійской конституціи, тѣхъ писателей, которые по праву могли считаться ихъ наиболѣе авторитетными истолкователями.

[1]) Смотри мою статью «Родоначальники англійскаго радикализма» въ «Русской Мысли».

[2]) Монтескье различаетъ: 1) la puissance législative, 2) la puissance executrice des choses qui dépendent du droit des gens, 3) la puissance executrice de celles qui dépéndent du droit civil. Сидней же — legislative, executive and of War (т. е. законодательную, исполнительную и военную). У Локка тѣ же власти названы legislative, executive and federative (т. е. федеративной). — Не столько теорія, сколько фактъ уравновѣшиванія властей другъ другомъ упоминается уже Сиднеемъ, глава XII, § 141, и тотъ же терминъ balancing the powers возвращается у Локка (Two treaties on state, кн. II). Сравни Koch (Gottfried) Montesquieu's Verfassungstheorie, Halle 1883 г. и Pietsch (Theodor) Ueber das Verhältniss der politischen Theorien Locke's zu Montesquieu's Lehre von der Theilung der Gewalten. Breslau, 1887.

исторіей французскихъ учрежденій, о которомъ говорятъ намъ уцѣлѣвшіе отрывки изъ комментарія на Буленвилье, этюдъ о политическомъ завѣщаніи Ришелье и отдѣльныя главы болѣе обширнаго трактата, посвященнаго изложенію общихъ судебъ его собственной родины. Монтескье предпринялъ свои путешествія въ періодъ полнаго расцвѣта своей литературной дѣятельности, уже послѣ изданія Персидскихъ Писемъ. Какъ членъ французской академіи, какъ человѣкъ, еще недавно засѣдавшій въ парламентѣ Бордо на правахъ одного изъ его президентовъ, наконецъ, какъ дворянинъ, принадлежащій по рожденію къ той судебной аристократіи (noblesse de robe), которая, подъ вліяніемъ нивелирующаго духа времени, постепенно заняла во французскомъ обществѣ мѣсто, равное феодальной, Монтескье могъ разсчитывать и дѣйствительно нашелъ предупредительный пріемъ въ высшихъ слояхъ европейскаго общества: у папы, императора, королей, герцоговъ, пословъ, свѣтской и духовной знати. Передъ нимъ открыты были всѣ двери, съ нимъ искали знакомства всѣ выдающіеся люди времени. Если прибавить къ этому, что самое путешествіе предпринято было въ обществѣ племянника маршала Бервика, графа Вальдгрева, котораго въ Италіи вскорѣ замѣнилъ лордъ Честерфильдъ, то не трудно будетъ понять, какъ легко могъ Монтескье воспользоваться поѣздкой по Европѣ для расширенія своего политическаго кругозора. Этому не мало содѣйствовала та способность сродниться съ окружающей средою, которая позволила автору Духа Законовъ сказать впослѣдствіи о себѣ: „Когда я путешествовалъ за границей, я привязывался къ посѣщаемымъ мною странамъ, какъ къ собственному отечеству. Я интересовался ихъ судьбою и желалъ имъ большаго благосостоянія, чѣмъ то, какимъ они пользовались“ [1]).

Рѣдкій путешественникъ былъ также болѣе подготовленъ къ осмысленному воспріятію тѣхъ разнообразныхъ свѣдѣній, какія сообщали ему государственные дѣятели, ученые и публицисты Европы.

Дневникъ путешествія не предназначался къ изданію; въ немъ можно поэтому искать выраженія сокровенныхъ мыслей автора. Несмотря на свою отрывочность, на отсутствіе литературной формы, на пестроту и несистематичность, какую представляетъ всякая записная книжка, онъ содержитъ въ себѣ рядъ помѣтокъ, свидѣтельствующихъ, что вниманіе Монтескье приковывали въ равной мѣрѣ политическій, финансовый и экономическій строй посѣщенныхъ имъ націй. Его мысль уже въ это время занята была рас-

---

[1]) Pensées diverses. Цитировано Vian, Histoire de Montesquieu.

крытіемъ той связи, въ какой законы и учрежденія стоятъ не только съ физическими условіями почвы и климата, но и съ нравственнымъ складомъ отдѣльныхъ націй. Его любознательность привлекаютъ не одни посѣщенныя имъ государства; онъ пользуется еще всякой возможностью разузнать у путешественниковъ, миссіонеровъ и дипломатовъ подробности о странахъ Востока, въ особенности же о Персіи и Турціи, призванныхъ со временемъ служить для него образцами деспотіи, т. е. единовластія, отрѣшеннаго отъ подчиненія законамъ и не знающаго другой удержи, кромѣ религіи и обычая. То немногое, что во время поѣздки ему пришлось узнать о Пруссіи, поставленной въ это время подъ желѣзную руку отца Фридриха Великаго, позволитъ ему впослѣдствіи восполнить картину восточнаго произвола нѣкоторыми чертами изъ жизни Запада. Невозможность открыть во всей Европѣ другихъ республиканскихъ правительствъ, кромѣ аристократическихъ, сдѣлается причиной тому, что свою характеристику демократій онъ составитъ исключительно по классическимъ образцамъ. Магистраты свободныхъ городовъ Германіи, въ томъ числѣ Гамбурга, голландская плутократія съ замѣтнымъ тяготѣніемъ къ единовластію еще избираемаго, но вскорѣ наслѣдственнаго „пенсіонарія", какъ и венеціанскій патриціатъ, поставленный подъ грозный контроль инквизиторовъ и совѣта десяти, только укрѣпятъ въ немъ увѣренность въ неминуемомъ вырожденіи аристократій и преимуществѣ наслѣдственныхъ правительствъ надъ избирательными. Наконецъ, Англія, посѣщеніемъ которой завершится рядъ его путешествій, раскроетъ передъ нимъ картину вполнѣ уравновѣшенной монархіи, которую онъ затѣмъ поставитъ въ образецъ своимъ соотечественникамъ, призывая ихъ, однако, не къ рабскому подражанію, не къ цѣлостному перенесенію на родину чужихъ учрежденій, что онъ признаетъ немыслимымъ, а къ дальнѣйшему упроченію тѣхъ противовѣсовъ, какими во Франціи по отношенію къ наслѣдственной монархіи являлись независимые отъ королевскаго выбора верховныя палаты и временно пришедшіе въ забвеніе или упадокъ генеральные и провинціальные штаты.

Путешествіе доставитъ Монтескье еще возможность расширить кругъ тѣхъ мыслителей, на изученіи которыхъ разовьется и созрѣетъ его собственное міросозерцаніе. Въ Венеціи ему придется слышать не разъ повтореніе взглядовъ Контарини, Джаноти и Ботеро о природѣ ея учрежденій и объ умѣренности въ пользованіи властью, какъ о высшей добродѣтели, содѣйствовавшей стойкости ея аристократическаго правительства. Эта умѣренность, по ученію названныхъ публицистовъ, сказыва-

лась между прочимъ въ фактѣ допущенія и недворянъ къ отправленію извѣстныхъ должностей, частью въ главномъ городѣ, частью въ зависимыхъ отъ него городахъ и провинціяхъ. Въ другой аристократіи, въ Генуѣ, Монтескье констатируетъ существованіе такого же клапана для честолюбія и предпріимчивости буржуазіи, благодаря сосредоточенію всего управленія народнымъ кредитомъ въ частномъ акціонерномъ банкѣ Святого Георгія. Банкъ этотъ постепенно пріобрѣлъ въ Генуѣ то же государственное значеніе, какимъ пользуются нынѣ также два частныхъ товарищества, англійскаго и французскаго банка. Монтескье увидитъ въ этомъ обстоятельствѣ новое подтвержденіе той мысли, что устойчивость аристократій покупается цѣною ограниченія ихъ собственной сферы дѣятельности и вліянія къ выгодѣ остальныхъ классовъ общества. Такъ какъ въ Римской исторіи плутократія развивается безпрепятственно, несмотря на сохраненіе старинныхъ привилегій патриціата, то Монтескье позволитъ себѣ обобщить всѣ эти факты въ одно положеніе объ умѣренности въ пользованіи прирожденными преимуществами, какъ о необходимомъ условіи, для прочнаго существованія аристократіи, или, выражаясь его языкомъ, объ умѣренности, какъ о ея жизненномъ принципѣ. Находя еще у древнихъ политическихъ писателей, и между прочимъ у Аристотеля, а изъ новыхъ у Сиднея разсужденіе о томъ, что гражданская добродѣтель, т. е. способность подчинять личную волю общей и частный интересъ благу родины, неизбѣжное условіе существованія народовластія, Монтескье возведетъ добродѣтель на степень такого же жизненнаго принципа демократій, какимъ является умѣренность въ аристократіяхъ. Страсть къ антитезамъ, въ связи съ наблюденіемъ тѣхъ психологическихъ мотивовъ, какими опредѣляются поступки военной и придворной знати въ его собственной родинѣ, побудятъ его въ свою очередь признать сословную честь жизненнымъ принципомъ монархіи, послѣ чего вполнѣ естественнымъ покажется ему приписать уравненнымъ въ безправіи подданнымъ деспотическаго государства одинъ руководящій мотивъ поведенія — страхъ. Такимъ образомъ сложится ученіе Духа Законовъ о жизненныхъ принципахъ отдѣльныхъ формъ правленія, какъ о чемъ-то отличномъ отъ ихъ природы и въ то же время обусловленномъ ею.

Извѣстно, какое значеніе не одинъ Монтескье, но и всѣ писатели XVIII вѣка придаютъ вліянію нравовъ на учрежденія. Можно сказать, что насколько соціальные вопросы разсматриваются въ настоящее время съ точки зрѣнія матеріальнаго обезпеченія народныхъ массъ, настолько же въ прошломъ столѣтіи они инте-

ресовали мыслителей съ точки зрѣнія личнаго усовершенствованія. Писатели задавались главнымъ образомъ мыслью о привитіи правящимъ классамъ тѣхъ качествъ, при которыхъ только и возможно было, въ ихъ глазахъ, прочное существованіе закономѣрныхъ правительствъ. Немудрено поэтому, если въ записной книжкѣ Монтескье большее или меньшее пристрастіе тѣхъ или другихъ націй къ роскоши или къ простотѣ жизни и самая сфера проявленія этой роскоши, въ публичномъ ли, или частномъ обиходѣ, отмѣчаются такъ же тщательно, какъ и корысть или нестяжательность, подкупность или неподкупность отдѣльныхъ сословій и народныхъ массъ.

Дневникъ Монтескье позволяетъ намъ не только слѣдить за тѣмъ, съ какимъ вниманіемъ будущій авторъ Духа Законовъ отмѣчалъ связь между учрежденіями и нравами; онъ даетъ намъ еще возможность присутствовать при самомъ зарожденіи въ его умѣ ученія о связи, въ какой нравы стоятъ съ формою правленія. Роскошь, учитъ онъ, болѣе или менѣе велика, согласно степени неравенства; она немыслима въ деспотіяхъ и нежелательна въ демократіяхъ, гдѣ должно держаться равенство въ правахъ въ такой же мѣрѣ, въ какой въ деспотіяхъ равенство въ безправіи; она вредна также аристократіямъ, такъ какъ противорѣчитъ духу умѣренности, обстоятельство, въ виду котораго законы Венеціи принуждаютъ дворянъ вести скромный образъ жизни [1]), но въ монархіяхъ роскошь и неравенство равно необходимы. Богатства однихъ, пишетъ Монтескье, высказывая мысли, близкія къ тѣмъ, какія обычны соціалистамъ, возросли только потому, что у части гражданъ отнято было необходимое для жизни; надо вернуть имъ отнятое, а для этого, думаетъ онъ, слѣдуетъ, чтобы богатые тратили пропорціонально неравенству состояній, иначе бѣдные умрутъ съ голоду [2]). Эти мысли въ зародышѣ уже встрѣчаются въ дневникѣ. Если дворянство въ Піемонтѣ обѣднѣло и пришло въ упадокъ, то рядомъ съ этимъ королевская власть постепенно приняла здѣсь деспотическій характеръ. Ни за что въ мірѣ, восклицаетъ Монтескье, не хотѣлъ бы я быть подданнымъ этихъ маленькихъ князьковъ; они знаютъ все, что вы дѣлаете; они вѣчно слѣдятъ за вами. Ваши доходы для нихъ не тайна, и они сумѣютъ найти средства къ тому, чтобы заставить васъ затратить ихъ излишекъ [3]). Въ Туринѣ можно встрѣтить шпіоновъ во всѣхъ до-

---

[1]) Ibid., книга VII, глава III, смотри также книгу V, главу VIII.
[2]) Ibid., книга VII, глава IV.
[3]) Ibid.. стр. 112.

махъ; здѣсь слышатъ сами стѣны [1]). Король позволяетъ себѣ посылать комиссаровъ къ собственникамъ съ цѣлью принудить ихъ обратить виноградники въ сѣнокосы и облагаетъ, въ цѣляхъ поощренія мѣстнаго шелководства и другихъ мануфактуръ, иноземные товары такими высокими пошлинами, что купцы находятъ расчетъ объѣзжать его владѣнія, не взирая на то, что провозъ товаровъ дешевле на Монсени, чѣмъ на Симплонъ. Итакъ, въ Піемонтѣ дворянство только потому не отличается существенно отъ прочихъ классовъ богатствомъ и роскошью, что сама монархія постепенно клонится къ деспотіи. Что касается до мелкихъ республикъ Италіи, то водворившееся въ нихъ неравенство состояній вполнѣ отвѣчаетъ факту вырожденія ихъ въ аристократіи, „озабоченныя одной мыслью, продлить свое, какъ выражается Монтескье, жалкое существованіе, благодаря состраданію, какое внушаютъ они сосѣднимъ князьямъ. Въ этихъ республикахъ, прибавляетъ онъ, дворянство, потерявъ заботу о величіи и славѣ, сосредоточиваетъ свое честолюбіе на томъ, чтобы удержать сословныя преимущества и возможность жить въ праздности [2]).

Тиранической характеръ пріобрѣтаютъ также правительства городскихъ республикъ Германіи. Народъ обложенъ въ нихъ чрезмѣрно: такъ въ Аугсбургѣ треть, а иногда и половина дохода уходитъ на содержаніе магистрата. Самъ этотъ магистратъ составленъ на три четверти изъ дворянъ. При пяти тысячахъ гражданъ, власть сосредоточивается въ рукахъ какихъ-нибудь 40; они пользуются большимъ произволомъ, одинаково въ Ульмѣ, во Франкфуртѣ и въ Нюренбергѣ. Въ Аугсбургѣ, гдѣ, не въ примѣръ прочимъ городамъ, въ составъ магистрата входятъ, наравнѣ съ католиками, и протестанты, существуетъ по крайней мѣрѣ возможность прибѣгнуть въ случаѣ несправедливости съ жалобой къ вѣчно враждующимъ между собою разновѣрцамъ и добиться отмѣны или исправленія уже принятой мѣры. Благодаря этому республика пользуется лучшей администраціей, такъ какъ каждый изъ правителей считаетъ себя состоящимъ подъ надзоромъ у товарищей. Въ другихъ городахъ, гдѣ магистратъ составленъ изъ однихъ протестантовъ, члены его живутъ какъ князья и являются по отношенію къ подданнымъ мелкими тиранами [3]).

Такими же вырождающимися аристократіями надо считать и городскія республики Нидерландъ, въ которыхъ чрезмѣрная страсть къ наживѣ и происходящее отсюда неравенство и роскошь внесли

[1]) Ibid., стр. 114, 118 и 121.
[2]) Voyages, томъ I, стр. 273.
[3]) Voyages, томъ II, стр. 156 и 157.

въ управленіе общественными дѣлами продажность и корысть. Даже въ Амстердамѣ, аристократію котораго Монтескье объявляетъ разумной, такъ какъ въ ней немногіе правятъ толпою въ силу избранія, продажность такъ велика, что сановники входятъ въ сдѣлку съ откупщиками налоговъ и берутъ съ нихъ взятки [1]).

Настоящей монархіи, въ которой власть умѣрялась бы богатымъ и привилегированнымъ дворянствомъ, склоннымъ поэтому къ неравенству и роскоши, Монтескье не встрѣчаетъ болѣе на континентѣ, какъ не находитъ онъ на немъ и проникнутыхъ духомъ равенства демократій. Молодому герцогу Мекленбургскому его наставникъ, лютеранскій пасторъ, внушаетъ мысль, что онъ самодержавный властитель надъ жизнью и имуществомъ подданныхъ и что все, чѣмъ владѣютъ его дворяне, захвачено у него [2]). Прусскій король, озабоченный только тѣмъ, чтобы создать себѣ большое войско, не останавливается ни передъ какимъ насиліемъ: подданные, пишетъ Монтескье, страдаютъ отъ его ужасающей тираніи; онъ не хочетъ, чтобы отцы отдавали дѣтей въ обученіе; послѣдствіемъ всего этого будетъ водвореніе въ его земляхъ крайняго варварства; въ судахъ Пруссіи сидятъ какія-то ничтожества, получающіе 200 флориновъ въ годъ и поставленные въ необходимость торговать правосудіемъ. Едва мальчикъ достигнетъ десятилѣтняго возраста, какъ его уже вербуютъ въ солдаты, онъ не остается болѣе подъ властью отца, хотя и продолжаетъ жить подъ его кровомъ. Неудивительно, если онъ позволяетъ себѣ по отношенію къ родителю всякаго рода дерзости. Многіе отцы изувѣчили своихъ дѣтей изъ желанія удержать ихъ при себѣ. Чтобы откупиться отъ службы, семьямъ, имѣющимъ только одного наслѣдника, приходится затрачивать на поставку замѣстителя до тысячи экю, да еще снаряжать его на свои средства. Купцы не дерзаютъ болѣе проникать во владѣнія прусскаго короля; ихъ грабятъ здѣсь, оскорбляютъ, силою берутъ въ рекруты. Всѣ, кто занимается промышленностью, бѣжитъ изъ прусскихъ владѣній.

И въ Швеціи Монтескье констатируетъ тотъ же ростъ единовластія и тотъ же упадокъ дворянства и сословнаго представительства. Приводимый имъ въ Духѣ Законовъ примѣръ посылки Карломъ XII своего сапога недовольному его отсутствіемъ сейму представляетъ только одно изъ проявленій нескрываемаго болѣе стремленія королей къ единовластію. Въ этомъ шведскіе правители нашли прямую поддержку въ недовольныхъ дворянскимъ ре-

---

[1]) Ibid., стр. 234.
[2]) Томъ II, стр. 203.

жимомъ крестьянахъ. Монтескье отмѣчаетъ тотъ фактъ, что, когда сеймъ потребовалъ отмѣны абсолютнаго образа правленія и бывшій канцлеръ Горнъ, избранный въ президенты дворянской камеры, принудилъ короля къ соглашенію, далекарлійцы послали депутатовъ съ заявленіемъ, что они предпочитаютъ имѣть одного верховнаго начальника взамѣнъ многихъ, короля на мѣсто угнетающихъ ихъ дворянъ. На этотъ разъ дѣло кончилось задержаніемъ депутатовъ вопреки конституціи, позволяющей каждому предлагать, что ему угодно; но Монтескье предвидитъ, что при правителѣ, болѣе твердомъ и предпріимчивомъ, шведскіе государственные порядки подвергнутся радикальной перемѣнѣ и самодержавіе будетъ установлено [1]). Не меньшая опасность грозитъ дворянскимъ привилегіямъ въ завоеванной русскими Ливоніи. Царь обѣщалъ правда сохранить наималѣйшія преимущества дворянъ, но ихъ отмѣна настанетъ несомнѣнно въ недальнемъ будущемъ. Стремленіе создать сильную армію и подражать великолѣпію версальскаго двора, таковы причины, побуждающія правителей Германіи накоплять деньги и, въ виду невозможности дѣлать это съ согласія сословій, всячески стремиться къ захвату власти въ свои руки.

Неудивительно, если въ такихъ условіяхъ они вызываютъ ропотъ въ народѣ чрезмѣрностью своихъ денежныхъ требованій. Жители герцогствъ Юлихъ, Бергъ, а также Клеве, пишетъ Монтескье, всего болѣе стонутъ подъ гнетомъ податей, что и заставляетъ ихъ эмигрировать. Чрезмѣрныя налоговыя требованія вызываютъ столкновенія между штатами и рейнскимъ курфюрстомъ Палатиномъ. Подобныя же распри существуютъ и въ Баваріи, гдѣ дворянскимъ привилегіямъ, пишетъ Монтескье, наносится постоянный ущербъ. Тщетны всѣ обращенія въ Вѣну. Вѣна молчитъ, а курфюрстъ баварскій, поддерживая свои притязанія военными экзекуціями, отрицаетъ за Вѣною даже право сказать свое слово [2]).

Всѣ эти наблюденія необходимо должны были сложиться въ головѣ Монтескье въ одно общее представленіе о вырожденіи современныхъ ему формъ политическаго устройства, одинаково аристократіи и монархіи, въ общую обѣимъ деспотію или тираннію. Уже у Аристотеля онъ могъ встрѣтиться съ ученіемъ о правильныхъ и неправильныхъ формахъ государственнаго устройства и о переходѣ однѣхъ въ другія.

Та же мысль была развита, и Вико въ той „Новой Наукѣ“,

---

[1]) Ibid., стр. 199.
[2]) Ibid., стр. 192.

о выходѣ которой въ свѣтъ за три года до его путешествія (въ 1725 году) Монтескье узнаетъ впервые въ Венеціи. Но особенность ученія автора Духа Законовъ касательно вырожденія правительствъ лежитъ въ томъ, что онъ сводитъ его всецѣло къ двумъ явленіямъ: къ анархіи и деспотизму. Первая наступаетъ тогда, когда народъ теряетъ уваженіе къ властямъ и понимаетъ политическое равенство въ смыслѣ отсутствія подчиненія. Она возможна въ однихъ народоправствахъ, образца которыхъ не представляла болѣе современная Монтескье Европа, гдѣ, не исключая и швейцарскихъ кантоновъ, права верховенства осуществлялись самое большее двумя или тремя стами гражданъ.

Только въ древнихъ демократіяхъ, насколько онѣ извѣстны были ему по сочиненіямъ Платона, Аристотеля, Цицерона, греческихъ и римскихъ аналистовъ, Монтескье могъ найти элементы своего ученія о вырожденіи народоправства въ анархію, эту „охлократію“ древнихъ писателей. Но переживаемая въ его время всей Европой, за исключеніемъ Англіи, борьба тѣсныхъ городскихъ совѣтовъ и магистратовъ съ полноправнымъ нѣкогда гражданствомъ и королевской власти съ сословнымъ представительствомъ,—въ частности съ дворянствомъ, борьба, конечный исходъ которой уже обрисовывался въ близкомъ будущемъ въ формѣ установленія единовластія на развалинахъ гражданскихъ вольностей,—привилегій дворянства и верховныхъ палатъ, заставила автора Духа Законовъ выдѣлить въ отличную отъ монархіи группу не знающую никакихъ средостѣній деспотію. Совершенные образцы ея онъ, разумѣется, нашелъ на Востокѣ въ описаніяхъ Шарденомъ Персіи, Рико—Турціи и католическими миссіонерами—Китая и Японіи. Но посѣщенныя имъ государства европейскаго континента, заодно съ Франціей послѣднихъ годовъ царствованія Людовика XIV и смѣнившаго его регентства герцога Орлеанскаго, вызвали въ немъ справедливое опасеніе, что восточный деспотизмъ грозитъ завоевать себѣ и единственную часть свѣта, еще избѣжавшую полнаго подавленія прирожденной человѣку свободы. Подобно тому, какъ рѣки устремляются къ морю, пишетъ онъ въ XVII главѣ VIII книги своего великаго сочиненія, монархіи теряются въ деспотіи.

Нѣкоторые критики, въ томъ числѣ Франкъ, ставятъ Монтескье въ вину отступленіе отъ той старинной классификаціи государственныхъ формъ, основы которой положены были еще Аристотелемъ. Авторъ Духа Законовъ восполнилъ ее деспотіей, признавъ послѣднюю такимъ образомъ не вырожденіемъ, а самостоятельнымъ типомъ правительства. Упрекъ, о которомъ идетъ рѣчь, сдѣланъ

былъ еще Вольтеромъ, заявлявшимъ, что монархія и деспотія похожи другъ на друга, какъ два родныхъ брата. Но эволюція, пережитая Европой, начиная съ религіозныхъ войнъ и состоявшая въ постепенномъ торжествѣ самодержавія надъ политическими правами сословій, какъ нельзя лучше доказываетъ глубокую проницательность Монтескье и тонкое пониманіе имъ дѣйствительныхъ условій времени. Его дневникъ знакомитъ насъ съ той фактической основой, на которой опирается эта наиболѣе оригинальная сторона его историко-философскихъ воззрѣній. Но не онъ одинъ даетъ ключъ къ ихъ пониманію. Изданные недавно фрагменты изъ недоконченныхъ сочиненій Монтескье даютъ намъ возможность говорить о серьезномъ изученіи имъ судебъ французской конституціи. Тонкая сатира, какую содержатъ въ себѣ Персидскія Письма по отношенію къ абсолютизму Людовика XIV, имѣетъ въ основаніи серьезное недовольство тѣмъ, что, благодаря постепеннымъ захватамъ власти, начало которымъ положено было еще Людовикомъ XI, французская монархія постепенно утратила присущій ей нѣкогда характеръ единовластія, уравновѣшеннаго сословіями и верховными палатами, и приблизилась къ типу восточной деспотіи. Въ одномъ изъ неизданныхъ вступленій, по всей вѣроятности къ задуманной имъ, но не доведенной до конца исторіи Франціи, Монтескье высказываетъ свое отношеніе къ ея современному строю, говоря: „я не знаю, можно ли назвать публичнымъ правомъ тѣ жалкіе и ничтожные остатки нашихъ законовъ, которые абсолютной власти удавалось доселѣ скрыть отъ нашихъ глазъ, но которые могутъ пасть окончательно только съ нею [1])“. Выполненіе этого пророчества выпало въ удѣлъ Учредительному Собранію.

Недавно изданные отрывки изъ историческихъ этюдовъ Монтескье тѣмъ и интересны, что позволяютъ намъ прослѣдить тотъ путь, какимъ составилось въ его умѣ представленіе о томъ, что Франція, имѣвшая нѣкогда общія учрежденія со всѣми сословными монархіями Запада, не исключая Англіи, постепенно выродилась въ подобіе восточной деспотіи. Начало этимъ новымъ порядкамъ положено было, думаетъ онъ, Людовикомъ XI. Разбирая исторію Франціи Буленвилье, Монтескье замѣчаетъ: обычай, въ силу котораго въ Англіи каждый судится своими равными, именуемыми присяжными, извѣстенъ былъ и Франціи; она имѣла вообще оди-

[1]) J'ai été d'une profession où j'ai acquis des connoissances du droit de mon pays, et surtout du droit public, si l'on doit appeler ainsi ces foibles et misérables restes de nos loix, que le pouvoir arbitraire a pu jusq'ici cacher, mais qu'il ne pourra jamais anéantir qu'avec lui même. Pensées et Fragments, стр. 271.

наковые съ Англіей судебные порядки. Изслѣдованія Бруннера подтвердили эту догадку, показавъ, что судъ присяжныхъ развился изъ тѣхъ церковныхъ и фискальныхъ разслѣдованій или „обысковъ", родиной которыхъ надо признать Францію и въ частности норманское герцогство [1]). Заодно съ Буленвилье, Монтескье ищетъ доказательства этой мысли въ дарственныхъ грамотахъ Людовика Гордаго. Въ норманской хартіи и вызванныхъ ею подражаніяхъ лежитъ въ ихъ глазахъ главнѣйшій источникъ той свободы, которую французы удержали бы и доселѣ, не помѣшай этому ихъ легкомысленное отношеніе къ ней. Главнѣйшимъ проявленіемъ этой свободы было не разъ повторенное на генеральныхъ штатахъ XIV вѣка клятвенное обязательство не взимать налоговъ безъ согласія сословій [2]). Столѣтняя война съ Англіей признается Монтескье важнѣйшей причиной того невниманія, съ которымъ нація со второй половины XIV вѣка стала относиться къ захватамъ королевской власти, а поддѣлка монетъ обычной практикой доставлять казнѣ нужныя для нихъ средства [3]).

Когда, пишетъ Монтескье, англичане были наконецъ прогнаны изъ Франціи, королевское всемогущество было уже создано и феодальнымъ сеньерамъ осталось только недоумѣвать, какъ отъ необузданнаго произвола они внезапно перешли къ неограниченному подчиненію. Сравнивая царствованіе Карла VII съ правленіемъ его преемника Людовика XI, думаешь, что рѣчь идетъ о двухъ разныхъ народахъ. Произволъ власти сказывается сразу и мгновенно, такъ что въ концѣ правленія послѣдняго изъ названныхъ королей ни одинъ сеньеръ не былъ уже увѣренъ въ жизни. Смерть Карла VII была послѣднимъ днемъ французской свободы [4]). Людовикъ XI умножилъ налоги, уничтожилъ привилегіи городовъ, нанесъ серьезные удары дворянству, упразднилъ многія должности или сократилъ ихъ преимущества; имъ отмѣнена прагматическая санкція, этотъ памятникъ религіи и свободы. Запугивая французовъ возможностью постояннаго нападенія со стороны Бургундіи, вступившей въ союзъ съ Англіей, Людовикъ XI сумѣлъ ослабить въ народѣ заботу о своихъ вольностяхъ. Ничто, пишетъ Монтескье, не помогаетъ правителямъ въ большей степени въ ихъ стремленіи къ самодержавію, какъ страхъ иноземнаго нашествія. Народы ревниво относятся къ своимъ свободамъ

---

[1]) Brunner. Die Entstehung der Schwurgerichte in England.
[2]) Pensées et Fragments, стр. 318, 319 и 320.
[3]) Стр. 337 и 321.
[4]) Ibid., стр. 137 и 138.

только среди того покоя, какой даетъ миръ [1]). Людовикъ XI сумѣлъ такъ же воспользоваться рознью сословій, рѣзко выступавшей на собраніяхъ Штатовъ. Противъ захватовъ королевской власти сеньеры не имѣютъ другого средства, кромѣ этихъ Штатовъ, но на нихъ народъ и духовенство всегда были въ союзѣ противъ дворянства, такъ какъ боялись честолюбія магнатовъ и возможности междоусобной войны, издержки которой покрыты бы были ихъ кошелькомъ [2]). Успѣхъ Людовика XI не заставляетъ Монтескье причислить его къ великимъ людямъ. Счастье этого короля, пишетъ онъ, было найти такого историка, какъ Филиппъ де Комминъ, онъ прославилъ его пороки и украсилъ ихъ названіемъ осмотрительности и мудрости. Умъ Людовика XI на самомъ дѣлѣ проявлялся только въ томъ, что всѣ души казались ему одинаково продажными и онъ всегда готовъ былъ оплатить сдѣланныя ему услуги; король покупалъ крѣпости, предпочитая этотъ пріемъ славѣ завоевателя. Онъ умѣлъ также унижаться во время, порождать ненависть и заключать дружбу; ничто не останавливало его, кромѣ неудачи. Его нельзя причислить къ тѣмъ правителямъ, которые озабочены сохраненіемъ своего величія и оставляютъ интриги подчиненнымъ. Изъ самаго благочестія онъ сдѣлалъ орудіе тираніи; его неумолимость сказывалась съ особенной силою, когда онъ обнаруживалъ наибольшую набожность. Монтескье сравниваетъ Людовика XI съ Кромвелемъ и даетъ рѣшительное предпочтеніе послѣднему. Кромвель, говоритъ онъ, былъ великимъ умомъ,—оцѣнка не только вѣрная сама по себѣ, но и новая для того времени, когда была сдѣлана, и въ особенности во Франціи, въ которой приверженцы Стюартовъ все еще находили тайныхъ и явныхъ союзниковъ. Умъ же Людовика XI, продолжаетъ Монтескье, впадающій въ этомъ случаѣ въ преувеличеніе, давалъ себя знать устройствомъ цѣлой сѣти мелкихъ плутней, не имѣвшихъ ни связи между собою, ни опредѣленной цѣли (?).

Нерасположеніе Монтескье къ Людовику XI раздѣляетъ и другой виновникъ французскаго абсолютизма—Ришелье. Авторъ „Духа Законовъ“ отрицаетъ даже заслуги его во внѣшней политикѣ, обвиняетъ кардинала въ созданіи могущества австрійскаго дома и возрожденіи падавшаго уже протестантизма союзомъ съ германскими князьями. Во внутренней политикѣ Ришелье, по его словамъ, обнаружилъ то же честолюбіе, какое заставляло его въ международныхъ сношеніяхъ играть подданными и правителями, какъ орудіями для собственнаго возвеличенія. Ришелье правилъ Франціей какъ монархъ, а

[1]) Ibid., стр. 345.
[2]) Ibid., стр. 344.

не какъ министръ; онъ завидовалъ власти короля и присваивалъ себѣ его авторитетъ, предоставляя въ то же время Людовику XIII расширять свои права по отношенію къ магнатамъ. Благодаря ему, король принужденъ былъ играть второстепенную роль въ собственномъ государствѣ, исполняя первую въ мірѣ [1]). Монтескье заканчиваетъ свою характеристику Ришелье, объявляя, что его надо поставить въ число двухъ вреднѣйшихъ гражданъ Франціи; вторымъ онъ считаетъ Лувуа, руководителя Людовика XIV въ послѣднюю несчастную половину его царствованія, ознаменованную неудачными войнами, преслѣдованіями гугенотовъ и захватами абсолютизма.

Уже это заявленіе даетъ возможность предвидѣть, каково будетъ отношеніе Монтескье къ Королю-Солнцу. Онъ не щадитъ ни внѣшней, ни внутренней его политики. Людовикъ XIV, пишетъ онъ, повидимому не имѣлъ другой цѣли, какъ возстановить противъ себя всю Европу. Онъ стремился менѣе къ завоеванію ея, чѣмъ къ тому, чтобы вѣчно держать ее въ страхѣ. Геній великаго политика сказывается въ томъ, что онъ заботится прежде всего объ упроченіи своей власти, Людовикъ же XIV старался обнаруживать ее, не добившись ранѣе ея установленія. Его ложное честолюбіе состояло въ томъ, чтобы брать крѣпости даже тогда, когда онъ напередъ былъ увѣренъ въ необходимости вернуть ихъ обратно. Во внутренней политикѣ Людовикъ XIV, по словамъ Монтескье, ознаменовалъ себя только неумѣреннымъ желаніемъ усилить свою власть надъ подданными. Не знаю, прибавляетъ авторъ Духа Законовъ, вправѣ-ли я осудить его за это, такъ какъ чувство, которымъ онъ руководствовался, общо всѣмъ людямъ. Король-Солнце находитъ въ лицѣ своего критика весьма строгаго судью. Чрезмѣрностью податей Людовикъ, по его словамъ, возстановилъ противъ себя сердца подданныхъ. Всѣ онѣ вызваны были желаніемъ вести безполезныя войны. Имѣя отъ природы умъ заурядный (un esprit médiocre), Людовикъ XIV часто принималъ ложное величіе за настоящее. Его уваженіе къ законамъ и установленнымъ правиламъ управленія не выдерживало столкновенія съ личными интересами. Ханжество отняло у него напослѣдокъ и ту слабую долю разума, какая отпущена была ему природой. Духовники—причина тому, что его царствованіе постепенно сдѣлалось ненавистнымъ и смѣшнымъ въ глазахъ подданныхъ [2]).

Только что приведенная характеристика „великаго монарха" въ болѣе яркихъ краскахъ повторена Монтескье въ Персидскихъ

---

[1]) Ibid., стр. 360, 361, 364 и 365.
[2]) Ibid., стр. 361 по 374.

Письмахъ. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ этой вымышленной переписки изображаетъ Людовика XIV-го чертами человѣка, обладающаго рѣдкой способностью добиваться отъ всѣхъ повиновенія. Онъ съ равнымъ геніемъ управляетъ собственной семьей, дворомъ и государствомъ. Король держится высокаго мнѣнія о восточныхъ порядкахъ и не разъ высказывалъ свое пристрастіе къ образу правленія, существующему въ Турціи и Персіи. Хотя онъ и привязанъ къ своей вѣрѣ, но все же не терпитъ тѣхъ, кто настаиваетъ на строгомъ соблюденіи предписанныхъ ею правилъ поведенія. Любя трофеи и побѣды, онъ въ то-же время боится поставить способнаго генерала во главѣ своихъ войскъ. Онъ не прочь расточать милости за дѣйствительныя услуги государству, но еще охотнѣе награждаетъ ими праздность и лесть своихъ придворныхъ. Сплошь и рядомъ онъ оказываетъ предпочтеніе не герою, взявшему крѣпость или выигравшему сраженіе, а человѣку, ловко раздѣвающему его передъ сномъ или подающему ему салфетку за обѣдомъ [1]). Къ тому же онъ всецѣло въ рукахъ женщинъ, хотя возрастъ и ставитъ его въ условія, при которыхъ онѣ всего менѣе нужны ему. Мѣсто стариннаго дворянства занялъ при его дворѣ штатъ лакеевъ; онъ пользуется во Франціи бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и служитъ разсадникомъ, изъ котораго вербуются сановники государства [2]). Продолжая свою характеристику политическихъ порядковъ Франціи въ моментъ кончины Людовика XIV, Монтескье высказываетъ между прочимъ свое отношеніе къ тому упадку, въ какой пришли парламенты и верховныя палаты королевства, нѣкогда игравшіе значительную роль въ дѣлѣ ограниченія абсолютизма.

Парламенты, пишетъ онъ, нынѣ не болѣе, какъ почтенныя развалины, которыхъ топчутъ ногами. Только внушаемый ими народу культъ вызываетъ еще въ умѣ память о великолѣпномъ нѣкогда храмѣ. Королямъ они ненавистны потому, что изъ ихъ устъ раздаются однѣ горькія истины. Въ то время, какъ толпа придворныхъ восхваляетъ благоденствіе народа подъ мудрымъ правительствомъ монарха, верховныя палаты, протестуя противъ этой лести, приносятъ къ подножію престола выраженіе стона и слезъ подданныхъ [3]). Въ наши дни, жалуется Монтескье, парламенты допускаются только къ отправленію правосудія; ихъ власть кажется вымирающей; одно непредвидѣнное стеченіе обстоятельствъ можетъ вернуть имъ жизнь и значеніе. Ихъ постигла такимъ об-

[1]) Ibid., письмо XXXVII.
[2]) Ibid., письмо 108.
[3]) Ibid., письмо 140.

разомъ общая судьба всѣхъ человѣческихъ созданій: они подверглись вліянію всеразрушающаго времени, порчѣ нравовъ, отъ которой все слабѣетъ, и захватамъ верховной власти, которая все рушитъ. Монтескье не скрываетъ своего сочувствія попыткамъ регента Филиппа Орлеанскаго возстановить уваженіе къ парламентамъ, сдѣлать ихъ опорой монархіи и основою всякой закономѣрной власти. Верховныя палаты продолжаютъ оставаться въ его глазахъ зеркаломъ или отраженіемъ политической свободы [1]).

Такимъ образомъ изученіе старинной французской конституціи и новѣйшихъ судебъ родины только укрѣпляетъ въ немъ впечатлѣніе, вынесенное изъ путешествія по различнымъ странамъ Европы и знакомства съ ихъ современными порядками. Всюду насталъ конецъ той ограниченной сословіями и верховными судами монархіи, въ которой, пишетъ Монтескье, власть правителя раздѣляло значительное число сеньеровъ; безъ ихъ согласія нельзя было объявить войны, налоги установлялись не исключительно съ цѣлью обогатить короля, законы же изготовляемы были въ собраніи націи [2]). Монархіи Европы, говоритъ будущій авторъ Духа Законовъ еще въ своихъ Персидскихъ Письмахъ, не заслуживаютъ болѣе этого имени. Онѣ вырождаются въ деспотіи [3]). Въ неизданныхъ и только теперь появляющихся на свѣтъ разсужденіяхъ Монтескье о политической свободѣ, объ обязанностяхъ подданныхъ и о правахъ правителей, опредѣленнѣе выступаетъ его взглядъ на причины, по которымъ міру угрожаетъ переходъ отъ монархіи къ деспотизму. Монтескье думаетъ, что это вызвано не одними захватами власти со стороны правителей, но также невниманіемъ, съ какимъ подданные относятся къ такой узурпаціи; онъ видитъ другой источникъ переживаемаго Европою вырожденія въ самой религіи, „Христіанство, какъ и магометанство, пишетъ онъ, въ противность древнимъ вѣрованіямъ, озабочены только благополучіемъ будущей жизни и приносятъ ему въ жертву жизнь земную [4]), и по мѣрѣ того, какъ религія подавляетъ въ насъ стремленіе къ обезпеченію земного благополучія, деспотизмъ, повсюду распространенный, угнетаетъ насъ все болѣе и болѣе“.

Современники Монтескье не разъ ставили ему въ вину недостаточность сказаннаго имъ о природѣ деспотизма. Духъ Законовъ,

---

[1]) Ibid., письмо 93.

[2]) Ibid., письмо 131.

[3]) Ibid., письмо 103.

[4]) Aujourd'hui, le Mahométisme et le Christianisme, uniquement fait pour l'autre vie, anéantissent toute celle-ci. Et, pendant que la Religion nous afflige, le Despotisme, partout répandu, nous accable. Pensées et Fragments, стр. 311.

дѣйствительно, ограничился по этому вопросу лишь извѣстнымъ заявленіемъ, что страхъ составляетъ жизненный принципъ [1]) деспотіи; взамѣнъ всякой другой характеристики, Монтескье пишетъ лишь слѣдующія три строки: когда дикари Луизіаны хотятъ собрать плоды, они срубаютъ дерево у самаго корня; таковъ деспотическій образъ правленія [2]). Эта глава, говорилъ о приведенномъ параграфѣ Вольтеръ, поражаетъ своей краткостью и заключаетъ въ себѣ не болѣе, какъ передачу испанской поговорки [3]). Трудно составить себѣ по ней представленіе, въ чемъ именно, въ глазахъ Монтескье, лежитъ отличіе деспотіи отъ монархіи. Авторъ болѣе опредѣленно высказывается на этотъ счетъ какъ въ непоявившихся въ печати отрывкахъ изъ Духа Законовъ, такъ и въ разсужденіи объ обязанностяхъ подданныхъ и политической свободѣ. Въ послѣднемъ онъ прямо противоставляетъ деспотію умѣренному образу правленія, предполагающему комбинацію властей и ихъ взаимное равновѣсіе [4]). Монтескье не думаетъ, чтобы сосредоточеніе всѣхъ ихъ въ рукахъ одного лица, какое предполагаетъ упраздненіе всякаго смѣшаннаго правительства, служило бы къ выгодѣ, какъ начальствующихъ, такъ и подчиненныхъ. Я готовъ сказать князьямъ, объявляетъ онъ, почему Вы такъ озабочены расширеніемъ Вашего авторитета; или Вы думаете пріумножить тѣмъ свое могущество; но вѣдь опытъ всѣхъ странъ и всѣхъ временъ доказываетъ, что Вы этимъ путемъ только ослабляете его. Нужно ли Вамъ такое усиленіе власти для того, чтобы дѣлать добро? Очевидно нѣтъ, такъ какъ не существуетъ достаточно нелѣпыхъ народовъ и законовъ, чтобы мѣшать Вамъ въ этомъ случаѣ. Слѣдовательно Вы стремитесь къ такому расширенію авторитета только для того, чтобы дѣлать зло [5]).

Не хорошо, что короли Европы, читаемъ мы въ одномъ неизданномъ отрывкѣ изъ Духа Законовъ, стремятся къ деспотизму Азіи. Мелкое удовлетвореніе, какое даетъ неограниченная власть,

---

[1]) Книга III, глава IX.

[2]) Книга V, глава XIII.

[3]) Commentaire sur quelques principales maximes de l'Esprit des Lois, § 23.

[4]) Ce qui fait que la plupart des gouvernements de la Terre sont despotiques, c'est qu'un pareil gouvernement saute aux yeux, qu'il est uniforme partout. Comme il ne faut que des passions violentes pour l'établir, tout le monde est bon pour cela. Mais, pour établir un gouvernement modéré, il faut combiner les puissances, les tempérer, les faire agir et les règler; donner un lest à l'une, pour la mettre en état de résister à une autre; enfin, il faut faire un système. Pensées et Fragments, стр. 416—417.

[5]) Ibid., статья, озаглавленная Les Princes. Отрывки, которые не могли появиться въ Bibliothèque Espagnole. Ibid. стр. 427.

покупается настолько дорогою цѣною, что человѣкъ благомыслящій не можетъ ей завидовать. Короли Европы правятъ какъ люди и пользуются тѣмъ же прочнымъ положеніемъ, какое выпало въ удѣлъ богамъ. Монархи же Азіи правятъ какъ боги и всегда подвержены тѣмъ опасностямъ, какими грозитъ непрочность дѣлъ человѣческихъ [1]).

Величайшій вредъ, какой наносится подданнымъ торжествомъ абсолютизма, въ глазахъ Монтескье лежитъ въ томъ, что неограниченная власть не терпитъ существованія рядомъ съ ней никакого другого авторитета, даже того, который природа дала родителямъ надъ дѣтьми. Подумаешь, пишетъ онъ, что естественнымъ послѣдствіемъ упроченія неограниченной власти является обособленіе людей и ихъ интересовъ [2]).

Въ неизданныхъ параграфахъ Духа Законовъ Монтескье еще нагляднѣе противополагаетъ монархію, которая для него является смѣшаннымъ или, вѣрнѣе, ограниченнымъ образомъ правленія, и незнающую никакой удержи деспотію. Для монархіи, пишетъ онъ, необходимо зажиточное дворянство, располагающее авторитетомъ и привилегіями. Въ деспотіи же всѣ люди равны между собой, такъ какъ всѣ одинаково живутъ въ политическомъ рабствѣ [3]). О вы, которымъ ввѣрены интересы французскаго дворянства, говоритъ онъ въ тѣхъ же отрывкахъ, обращаясь къ министрамъ, не направляйте завистливыхъ взоровъ на почетныя права этого сословія и не протягивайте хищническихъ рукъ на его имущество [4]). Съ переходомъ монархіи въ деспотію, по мнѣнію Монтескье, неизбѣжно связана и потеря государствомъ его прежней силы. Обратите вниманіе, пишетъ онъ, на судьбу великихъ имперій, которыя, поразивъ міръ своимъ могуществомъ, не менѣе удивили его своею слабостью. Какъ примирить такое противорѣчіе, если не тѣмъ, что въ начальный періодъ развитія неограниченной власти еще остается искра свободы, и государство можетъ поэтому творить великія дѣла, такъ какъ того, что уцѣлѣло отъ его жизненныхъ принциповъ, достаточно для этого. Но, разъ свобода потеряна окончательно, на смѣну прежней силы является слабость. И это потому, что исчезла любовь къ доброму и великому, что каждой профессіи выгоднѣе, скажу болѣе, приказано не стремиться къ возвышенному. Разочарованіе овладѣло

---

[1]) Ibid., стр. 109.

[2]) Il semble que l'effet naturel de la puissance arbitraire soit de particulariser tous les intérêts. Des Devoirs. Ibid. стр. 383.

[3]) Ibid., стр. 113.

[4]) Ibid., стр. 109.

всѣми вообще и каждымъ въ частности; дворянство лишилось прежняго чувства чести, военное сословіе потеряло интересъ къ успѣхамъ, судебное—прежнее рвеніе, буржуазія—довѣріе, народъ—надежду. Удивительное дѣло, все какъ будто двигается и въ то же время находится въ застоѣ. Каждый гражданинъ имѣетъ, повидимому, опредѣленное положеніе, но въ дѣйствительности не пріуроченъ ни къ какому общественному служенію. Отъ каждаго требуютъ не разума и сердца, а однѣхъ тѣлесныхъ услугъ. При такихъ условіяхъ монархіи не мудрено показать свою слабость, нерѣдко къ собственному изумленію [1]).

Завоевательная политика и связанное съ нею обремененіе народа податями—ближайшая причина, по которой правители чувствуютъ необходимость усилить свою власть. Французскіе монархи нѣкоторое время избѣгали этого послѣдствія, пополняя казну съ помощью фальшиваго чекана монеты. Но настало время, когда и они рѣшились взимать налоги съ подданныхъ, обходя требованіе объ ихъ формальномъ согласіи. Несомнѣнно, однако, что, еслибы при третьей династіи законы присоединили къ собранію пэровъ палату земельныхъ собственниковъ и камеру депутатовъ отъ городовъ, ограниченное сословіями „готическое правительство" удержалось бы во Франціи и захваты деспотизма сдѣлались бы невозможными [2]). Случись это, Франція осталась бы при умѣренномъ образѣ правленія, подобно Англіи, о которой Монтескье говоритъ въ одномъ изъ ненапечатанныхъ отрывковъ, что, будучи государствомъ смѣшаннымъ, подобно республиканскому Риму, она тѣмъ не менѣе оставляетъ за правительствомъ больше власти, чѣмъ та, какой располагаетъ турецкій султанъ. Парламентъ, прибавляетъ онъ, истолковывая далѣе свою мысль, менѣе страшенъ для короля и министровъ въ Лондонѣ, чѣмъ константинопольская милиція (яничары) и чернь для Сераля и Дивана [3]). Какъ добились англичане сохраненія своего умѣреннаго образа правленія? Монтескье отвѣчаетъ на это въ своемъ отрывкѣ объ обязанностяхъ слѣдующими многознаменательными словами: предположимъ, что жестокое и разрушительное правительство упрочилось въ цѣломъ мірѣ не столько благодаря силѣ тирановъ, сколько въ виду довѣрчивости и предразсудковъ толпы. Еслибы кто-нибудь открылъ глаза людямъ и обучилъ ихъ вѣчнымъ и неизмѣннымъ законамъ, не былъ ли бы онъ дѣйствительнымъ благодѣтелемъ человѣчества. Безсмысленно считать автори-

---

[1]) Неизданные отрывки Esprit des Lois, ibid., стр. 124 и 125.

[2]) Смотри отрывки изъ Исторіи Франціи, стр. 336, и замѣтки на Исторію графа Буленвилье, стр. 321.

[3]) Le Prince, ibid., стр. 428.

тетъ князя священнымъ, не признавая той же святости за авторитетомъ закона [1]). Итакъ, англичане потому только избѣжали общаго вырожденія монархіи въ деспотію, что нашлись люди, готовые отстоять ихъ „готическую конституцію“ отъ всѣхъ захватовъ абсолютизма. Но не грозитъ ли Англіи въ ближайшемъ будущемъ опасность потерять свободу? Монтескье не прочь думать, что счастливое равновѣсіе властей, обезпеченное конституціей, не мѣшаетъ Англіи переживать за послѣднее время общій всей Европѣ процессъ вырожденія монархій. Если Франція, по его предсказанію, погибнетъ благодаря своему войску, т. е. благодаря той власти, которую армія даетъ королю [2]), Англіи грозитъ другая, не меньшая опасность: деньги въ ней въ большомъ почетѣ, честь и добродѣтель цѣнятся мало и подкупность проникла во всѣ сословія [3]). Англичане недостойны болѣе свободы; они продаютъ ее королю. Если бы послѣдній вздумалъ продать ее имъ обратно, они бы повторили снова прежнюю сдѣлку. Для иллюстраціи своей мысли, Монтескье, заставшій въ Англіи министерство Вальполя, знаменитое въ ея лѣтописяхъ умѣніемъ практиковать офиціальную кандидатуру и скупать голоса въ парламентѣ, приводитъ тотъ фактъ, что депутаты отъ Шотландіи не прочь передаться министру за скромное вознагражденіе въ двѣсти ливровъ каждый. Самъ министръ производитъ на будущаго автора Духа Законовъ впечатлѣніе человѣка, готоваго продать всѣ государства въ мірѣ, въ томъ числѣ свою родину, лишь бы одержать побѣду надъ противникомъ въ нижней палатѣ, а парламентъ—вѣчно отступающимъ передъ мыслью вырвать съ корнемъ то зло, отъ котораго всего болѣе самъ страдаетъ, т. е. подкупы на выборахъ.

Итакъ, Монтескье не слѣпъ по отношенію къ тѣмъ опасностямъ, какія грозятъ англійской конституціи; онъ находитъ и въ ней элементы вырожденія. Вотъ почему въ Духѣ Законовъ, въ знаменитой XI книгѣ, ставя другимъ націямъ въ образецъ Англію, утверждая, что въ ней одной конституція озабочена сохраненіемъ политической свободы, онъ въ то же время пророчествуетъ: и это государство, подобно всѣмъ созданіямъ человѣческимъ, потеряетъ свою свободу и погибнетъ, если законодательная власть подвергнется въ немъ еще большей порчѣ, чѣмъ исполнительная. Не мнѣ судить, пользуются

---

[1]) Ibid., стр. 381.

[2]) La France se perdra par les gens de guerre. Pensées diverses. Oeuvres complètes, изданіе Didot, стр. 26.

[3]) Notes sur l'Angleterre, ibid., стр. 630.

ли англичане на дѣлѣ всею тою свободою, которая обезпечена имъ законами [1]).

§ 3.

Чтобы быть всеобщимъ, законъ вырожденія политическихъ формъ, потери свободы и возникновенія деспотизма долженъ найти выраженіе себѣ и въ исторіи народовъ древности. Аристотель на примѣрѣ греческихъ республикъ пытался установить теорію неизмѣннаго перехода демократіи въ охлократію и аристократіи въ олигархію. Монархія, которая для него, какъ грека по рожденію, еще совпадала съ тираніей или узурпаціей народнаго самодержавія предпріимчивымъ и счастливымъ честолюбцемъ, является въ его трактатѣ скорѣе вырождающейся, нежели нормальной формой политическаго устройства. Годная для варваровъ, она сливается у него съ понятіемъ восточной деспотіи, такъ что начавшееся завоеваніе Александра въ его глазахъ было бы по всей вѣроятности не болѣе, какъ новымъ доказательствомъ той мысли, что, внѣ эллиновъ и эллинской культуры, свобода политическая немыслима.

Если такимъ образомъ примѣръ Греціи, насколько онъ принятъ въ расчетъ авторомъ „Политики", только въ слабой степени раскрываетъ процессъ фатальнаго торжества деспотіи, въ формѣ вырожденія олигархій и охлократій въ тираніи, то невозможно ли на примѣрѣ Рима съ большей полнотою провѣрить справедливость той гипотезы, какую вызываетъ въ умѣ наблюденіе надъ судьбами новыхъ народовъ, переходящихъ отъ уравновѣшенныхъ сословіями монархій, демократическихъ и аристократическихъ республикъ къ единоначалію? Монтескье задался этимъ вопросомъ и отвѣтомъ на него явилось знаменитое Разсужденіе о причинахъ величія и паденія римлянъ.

Каковъ, спрашиваетъ онъ себя, историческій ходъ развитія этого единственнаго въ мірѣ народа? Изъ мелкаго городского поселенія, похожаго на ту совокупность пещерныхъ построекъ, которыя въ Крыму давали возможность укрыться отъ набѣговъ людямъ и скоту [2]), Римъ становится владыкою міра, осуществляетъ недоступный современнымъ народамъ [3]) идеалъ всемірной монар-

---

[1]) Книга XI, конецъ главы VI.

[2]) Книга I.

[3]) Смотри разсужденіе Монтескье о всемірной монархіи въ Европѣ, напечатанное въ Deux opuscules de Montesquieu, Reflexions sur la Monarchie universelle en Europe. C'est une question qu'on peut faire si, dans l'état où est

хіи. Эти внѣшніе успѣхи совпали съ внутреннимъ вырожденіемъ. Должно было, пишетъ Монтескье, случиться одно изъ двухъ: Риму надлежало измѣнить свой образъ правленія или остаться навсегда мелкой и бѣдной монархіей, какой онъ былъ на первыхъ порахъ. Исторія новыхъ народовъ представляетъ намъ примѣръ того же, прибавляетъ онъ, обнаруживая тѣмъ самымъ постоянную заботу найти въ прошломъ доказательство общности тѣхъ явленій, которыя совершаются передъ его глазами. „Во всѣ времена люди имѣли однѣ страсти; этимъ и объясняется, почему различіе могло коснуться только обстоятельствъ, вызвавшихъ великія перемѣны, а не причинъ, ихъ обусловившихъ [1]), другими словами: люди всегда люди, имѣютъ одинаковыя страсти и одинаковую способность пользоваться случаемъ для удовлетворенія этихъ страстей". Въ ряду ихъ важнѣйшую роль въ смѣнѣ правительствъ играетъ страсть къ наживѣ и честолюбіе. Все разсужденіе направлено къ доказательству той мысли, что, пока римляне сохраняли простоту нравовъ, привитую имъ первыми ихъ законами, въ частности равнымъ якобы въ началѣ распредѣленіемъ имуществъ, они удержали и свою свободу [2]). Но, когда скупость однихъ и расточительность другихъ сосредоточили землю въ немногихъ рукахъ, нарушено было прежнее соотвѣтствіе между землевладѣніемъ и отправленіемъ обязанностей гражданина въ государствѣ и солдата въ войскѣ. Получаемая на войнѣ добыча не шла болѣе, какъ прежде, въ раздѣлъ между всѣми участниками завоеванія, а поступала въ руки людей богатыхъ, распоряжавшихся ею для поселенія рабовъ и ремесленниковъ.

Не раздѣленіе на партіи и постоянное соперничество ихъ

---

actuellement l'Europe, il peut arriver qu'un peuple y ait, comme les Romains, une superiorité constante sur les autres. Je crois qu'un pareille chose est devenue moralement impossible; стр. 11.

[1]) Considération sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence, глава I. Эти «Соображенія» по первоначальному плану автора должны были войти составною частью въ Духъ Законовъ. Сочиненіе приняло слишкомъ широкіе размѣры, такъ что Монтескье принужденъ былъ ограничиться однимъ воспроизведеніемъ въ XI книгѣ тѣхъ мыслей о характерѣ римской конституціи, какія нашли первое выраженіе себѣ въ его историческомъ разсужденіи. Такое сближеніе становилось естественнымъ и необходимымъ въ виду того, что раздѣлъ суверенитета, находимый имъ въ Англіи, въ древности извѣстенъ былъ и Риму.

[2]) Dans la naissance des sociétés. ce sont les chefs des républiques qui font l'institution; et c'est ensuite l'institution qui forme les chefs des républiques... Les fondateurs des anciennes républiques avaient également partagé les terres: cela seul faisait un peuple puissant, c'est-à-dire une société bien règlée; cela faisait aussi une bonne armée, chacun ayant un égal intérêt, et très-grand, à défendre sa patrie. Ibid., глава I и III.

между собою вызвало паденіе римской свободы. Такія партіи и такое соперничество необходимы во всякомъ свободномъ государствѣ и встрѣчались въ Римѣ съ самаго начала. Нельзя требовать, чтобы люди храбрые на войнѣ были робки въ мирное время. Общимъ правиломъ можно считать, что, когда въ государствѣ всѣ въ покоѣ, оно остается республикой только по имени и свобода его потеряна [1]). Погубила римлянъ порча ихъ нравовъ, которая въ свою очередь вызвана была чрезмѣрнымъ расширеніемъ предѣловъ государства. Когда легіоны, пишетъ Монтескье, перешли границы Альпъ и моря, воины, которыхъ приходилось держать въ завоеванныхъ странахъ, постепенно потеряли духъ гражданскій, а генералы, поставленные во главѣ завоеванныхъ королевствъ, почувствовали свою силу и не пожелали болѣе повиноваться. На ряду съ этимъ Монтескье отмѣчаетъ еще другое послѣдствіе того же неограниченнаго расширенія римскихъ владѣній: италійскіе народы, принявшіе участіе въ завоеваніяхъ римлянъ, пожелали раздѣлить ихъ преимущества и добились въ концѣ концовъ сообщенія имъ правъ гражданства. Но съ этого времени Римъ пересталъ быть городомъ, въ которомъ населеніе объединено было любовью къ свободѣ, и равенству и ненавистью къ тираніи. Съ тѣхъ поръ, какъ всѣ народы Италіи сдѣлались его гражданами, каждый городъ привнесъ въ него свой геній, свои частные интересы, свою зависимость отъ какого-нибудь могущественнаго покровителя. Честолюбцы стали водить съ собою въ народныя собранія населеніе цѣлыхъ городовъ, съ цѣлью провести свои собственные взгляды. Собранія сдѣлались заговорами, комиціями стали называться толпы мятежниковъ, химерою сдѣлался авторитетъ народа, анархія дошла до того, что нельзя было съ увѣренностью сказать, изданъ ли извѣстный законъ, или не изданъ. Такимъ образомъ громадное протяженіе Имперіи впервые придало характеръ междоусобныхъ войнъ тому, что на первыхъ порахъ было не болѣе, какъ борьбой партій, служащей естественнымъ проявленіемъ правильнаго функціонированія свободныхъ учрежденій [2]). Обширность государства, сдѣлавшись источникомъ обогащенія частныхъ лицъ, внесла въ Римъ небывалую дотолѣ роскошь и вмѣстѣ съ нею неравенство и измѣнчивость состояній [3]). Тѣ, въ комъ превратности судьбы породили неумѣренное желаніе вернуть прежнее благоденствіе, готовы были на всѣ преступленія; люди, не имѣвшіе сами земель и вла-

---

[1]) Ibid., глава IX.
[2]) Ibid., глава IX.
[3]) Ibid., глава X.

дѣній, не хотѣли допустить и другихъ къ такому преимуществу [1]). Такимъ образомъ подготовлены были условія, благопріятныя захвату власти нѣкоторыми честолюбцами.

Законы Рима, пишетъ Монтескье, мудро раздѣлили верховенство между большимъ числомъ сановниковъ, которые то поддерживали, то останавливали и всегда уравновѣшивали другъ друга. Честолюбцы озаботились тѣмъ, чтобы соединить въ своихъ рукахъ возможно большее число должностей, одни—въ силу надѣленія народомъ, другіе—путемъ открытаго присвоенія. Республика подпала ихъ гнету; въ этомъ не слѣдуетъ обвинять частныхъ лицъ и ихъ честолюбіе, а природу человѣческую, которая становится тѣмъ болѣе жадной на власть, чѣмъ больше возможность ея обнаруженія [2]). Въ паденіи Римской свободы неповинны поэтому ни Марій, ни Сулла, ни Помпей, ни Цезарь, а сама сила вещей и прирожденныя людямъ страсти. Если бы Цезарь и Помпей, пишетъ Монтескье, держались тѣхъ же мнѣній, что и Катонъ, другіе взяли бы на себя роль Цезаря и Помпея; республика, предназначенная къ погибели, ввергнута была бы въ бездну только не ихъ рукою [3]). Августъ закончилъ то, что начато было еще Маріемъ и Суллою; онъ установилъ порядокъ, т. е., пишетъ Монтескье, прочное рабство. Въ свободномъ государствѣ, въ которомъ произошелъ захватъ верховной власти, поясняетъ онъ, порядкомъ называютъ то, что содѣйствуетъ упроченію неограниченнаго единоначалія, а безпорядкомъ все то, что позволяетъ гражданамъ сохранить хотя бы умѣренную свободу.

Всѣ дѣйствія Августа, всѣ его мѣропріятія, стремились открыто къ установленію монархіи. Онъ отнялъ у народа законодательную власть и право судить государственныя преступленія, но онъ оставилъ за нимъ право избранія сановниковъ. Тиверій пошелъ еще дальше въ томъ же направленіи и, опасаясь многочисленныхъ сборищъ, перенесъ въ руки раболѣпнаго сената право замѣщенія должностей, чѣмъ и обезпечилъ себѣ возможность занятія ихъ собственными креатурами [4]). Неограниченность власти, какой пользовались преемники Августа, Монтескье объясняетъ тѣмъ, что самой абсолютной является смѣняющая народовластіе монархія;

---

[1]) Ibid., глава X.

[2]) Enfin la république fut opprimée, et il n'en faut pas accuser l'ambition de quelques particuliers, il en faut accuser l'homme toujours plus avide du pouvoir à mesure qu'il en a davantage, et qui ne désire tout que parce qu'il possède beaucoup. Ibid. глава XI.

[3]) Ibid., глава XI.

[4]) Ibid., глава XIII и XIV.

въ этомъ случаѣ въ руки самодержца переходитъ весь авторитетъ народа, который не умѣетъ поставить самъ границъ своему всемогуществу [1]). Власть императоровъ Рима была поэтому даже болѣе тиранической, чѣмъ власть монарховъ новой Европы; она была результатомъ соединенія въ одномъ лицѣ власти всѣхъ римскихъ сановниковъ. Будучи диктаторами, народными трибунами, проконсулами, цензорами, первосвященниками, при желаніи консулами, императоры нерѣдко осуществляли правосудіе, тогда какъ монархи Европы—обыкновенно только законодатели, но не судьи. Сохранивъ за собою право помилованія, императоры перенесли на поставленныхъ ими лицъ ненавистное народу право назначать наказанія и производить конфискаціи [2]).

Процессъ вырожденія старинной римской конституціи не ограничился упроченіемъ деспотизма; послѣдній вскорѣ уступилъ мѣсто анархіи; гражданская власть оказалась безсильной уравновѣсить власть военную; каждая армія пожелала имѣть своего императора [3]). Щедрыя подачки въ пользу солдатъ съ цѣлью снискать ихъ поддержку, внесли роскошь въ среду, которая, по силѣ вещей, должна довольствоваться необходимымъ для жизни. Армія стала возводить и низлагать императоровъ, исключительно изъ денежнаго расчета, изъ желанія получить новыя подачки или отомстить за недоплату обѣщанныхъ. Во времена Декія, Римская Имперія уподобилась военной аристократіи, правящей Алжиромъ, гдѣ армія возводитъ и низводитъ бейевъ по своему выбору. Настали моменты, когда, какъ напримѣръ къ концу царствованія Валеріана и въ правленіе сына его Галіена, тридцать претендентовъ оспаривали престолъ другъ у друга. Если Имперія удержалась тѣмъ не менѣе въ теченіе еще нѣсколькихъ столѣтій, то только потому, что среди всеобщаго паденія тѣхъ добродѣтелей, которыя доставили римлянамъ владычество надъ міромъ, а именно осторожности, мудрости, постоянства, любви къ славѣ и любви къ родинѣ, уцѣлѣло ихъ военное искусство. Благодаря ему, несмотря на слабость и тиранію своихъ правителей, Риму удалось долгое время сохранить все пріобрѣтенное, но, когда порча проникла и въ армію, онъ сдѣлался добычею всѣхъ народовъ.

Въ Соображеніяхъ о причинахъ величія и паденія римлянъ Монтескье, какъ видно изъ сказаннаго, не довольствуется однимъ констатированіемъ факта постепеннаго исчезновенія политической

---

[1]) Ibid., глава XV.
[2]) Ibid., глава XVI.
[3]) Ibid., глава XV.

свободы, но и связываетъ ея судьбы съ удержаніемъ или исчезновеніемъ той системы противовѣсовъ, существованіе которой онъ констатировалъ ранѣе въ Англіи. Эту систему равновѣсія властей онъ находитъ въ Римской республикѣ въ фактѣ раздѣленія верховенства между многочисленными сановниками, поддерживающими, задерживающими и умѣряющими другъ друга [1]).

Такимъ образомъ политическій идеалъ Соображеній тотъ же, что и Персидскихъ Писемъ, гдѣ, какъ мы видѣли, пристрастіе Монтескье вызываетъ уравновѣшенная сословіями и верховными палатами монархическая власть, но идеалъ этотъ получаетъ теперь историческое обоснованіе въ примѣрѣ самаго могущественнаго народа, когда-либо существовавшаго въ мірѣ. Такъ какъ изъ новыхъ государствъ въ одной только Англіи, придерживающейся той же системы раздѣленія и равновѣсія властей, конституція ставитъ себѣ сознательной цѣлью политическую свободу [2]), а другія страны владѣютъ ею лишь въ той мѣрѣ, въ какой сохранили эти противовѣсы, то неудивительно, что въ Духѣ Законовъ Монтескье, на анализѣ этихъ двухъ образцовыхъ конституцій, построитъ свой идеалъ свободнаго государства, одинаково далекаго отъ анархіи и произвола, деспотизма толпы и деспотизма единоначалія. Вмѣсто того, чтобы измѣняться со временемъ, какъ думаютъ многіе критики, политическія пристрастія Монтескье остаются прежними; онъ только раскрываетъ ихъ съ большею полнотою. Мы имѣемъ дѣло не съ обратившимся въ монархиста республиканцемъ, а съ человѣкомъ, котораго исторія и наблюденіе надъ дѣйствительностью привели къ убѣжденію, что свобода возможна при всякой формѣ правленія, допускающей раздѣлъ верховенства.

Но Соображенія о причинахъ величія и паденія Римлянъ знаменуютъ собою и другой прогрессъ въ развитіи политической доктрины Монтескье. Онъ не ограничивается болѣе однимъ указаніемъ на то, что съ исчезновеніемъ системы противовѣсовъ правительство клонится къ деспотизму и анархіи; онъ пытается еще открыть отдаленныя причины этого регресса столько же въ экономическихъ, сколько и въ нравственныхъ условіяхъ обществъ: въ исчезновеніи первоначальнаго равенства и въ развитіи роскоши. Онъ дѣлаетъ еще шагъ далѣе въ истолкованіи тѣхъ сокровенныхъ пружинъ, которыми держатся учрежденія, говоря о роли, какую постепенное расширеніе территоріи и включеніе въ предѣлы имперіи разнородныхъ по климату и расѣ элементовъ оказали на измѣненіе

---

[1]) Глава XI. Духа Законовъ, глава 3 и слѣд.

[2]) Ibid., Духъ Законовъ, книга XI, глава II.

основъ старинной конституціи. Такимъ образомъ уже въ этомъ трактатѣ, вышедшемъ въ свѣтъ четырнадцатью годами ранѣе Духа Законовъ (въ 1734 году), намѣчены тѣ основныя точки зрѣнія, съ которыхъ Монтескье подвергнетъ своему анализу юридическія нормы и учрежденія разнообразнѣйшихъ народовъ земного шара, какъ древнихъ, такъ и новыхъ.

§ 4.

Духъ Законовъ затрогиваетъ столько вопросовъ общественнаго и политическаго характера, что намъ не можетъ быть поставлено въ вину, если въ общей характеристикѣ, какова настоящая, мы ограничимся указаніемъ лишь нѣкоторыхъ сторонъ этого сочиненія. Но прежде всего намъ предстоитъ познакомить читателя съ общимъ его планомъ и показать зависимость отдѣльныхъ книгъ и параграфовъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что многіе критики ставятъ Монтескье въ вину отсутствіе руководящей мысли и искусственное соединеніе воедино летучихъ замѣтокъ и нерѣдко простыхъ анекдотовъ. Что позволило автору Духа Законовъ, спросимъ мы словами Гельвеція, выйти изъ хаоса противорѣчивыхъ законовъ, одержать побѣду надъ мракомъ, подобно герою Мильтонова Ада, и указать другимъ руководящую нить изъ того лабиринта, какой представляютъ глубоко изученныя имъ права грековъ, римлянъ, вандаловъ и вестготовъ [1]). Заглавіе сочиненія не даетъ еще отвѣта на этотъ вопросъ — какъ нѣтъ его и въ слѣдующемъ заявленіи самого автора: „наблюдая людей, я убѣдился, что, несмотря на характеризующее ихъ разнообразіе законовъ и нравовъ, они руководствуются не одними пристрастіями; я установилъ принципы, послѣ чего частные случаи сами подошли подъ нихъ; историческая жизнь отдѣльныхъ націй представилась мнѣ развитіемъ этихъ принциповъ и каждый частный законъ связаннымъ съ прочими или зависящимъ отъ болѣе общаго. Самые же принципы выведены мною не изъ моихъ предубѣжденій, а изъ природы вещей“.

Недостаточно сказать въ самомъ дѣлѣ, что Монтескье поставилъ себѣ задачей открыть причину всѣхъ законовъ или указать ихъ зависимость отъ физическихъ и нравственныхъ факторовъ, изъ которыхъ складывается обстановка тѣхъ или другихъ націй. Сами эти факторы не представляютъ неизмѣнныхъ величинъ; подлежатъ воздѣйствію времени, входятъ отдѣльными звеніями въ общую цѣпь развитія, благодаря которой живущіе въ лѣсахъ германцы

[1]) Письмо Гельвеція къ Монтескье по прочтеніи рукописи Духа Законовъ.

становятся, напримѣръ, выражаясь языкомъ того же Монтескье, творцами сперва уравновѣшенной сословіями готической монархіи, и затѣмъ основанной на раздѣленіи властей англійской конституціи. Мы въ правѣ спросить себя поэтому, сознавалъ ли Монтескье эту идею всемірной эволюціи, этого неизбѣжнаго прогресса экономическихъ формъ [1]). Ничто въ его сочиненіи не доказываетъ этого, ничто не даетъ права утверждать, что идея преемства была тою руководящей нитью, которая позволила ему выйти съ успѣхомъ изъ массы накопленныхъ имъ историческихъ фактовъ и наблюденій [2]). Мѣсто общей теоріи развитія занимаетъ у него частное обобщеніе, идущее наперекоръ такой гипотезѣ. По мѣрѣ своего территоріальнаго расширенія свободныя въ выборѣ и часто мѣняющія свое внутреннее устройство государства приближаются, думаетъ онъ, къ неподвижности восточной деспотіи. Избѣжать такого исхода можно только или воздержавшись отъ неограниченнаго распространенія своего владычества надъ другими народами, или связавъ ихъ судьбы съ своими собственными путемъ установленія федераціи, примиряющей преимущества автономіи и той болѣе широкой безопасности, какую обезпечиваетъ обширность области и населенія. Такова на мой взглядъ центральная мысль автора Духа законовъ, позволяющая ему въ равной мѣрѣ интересоваться раскрытіемъ и тѣхъ причинъ, какими обусловливается свобода народовъ, едва вышедшихъ изъ первобытнаго состоянія, и тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ политическое безправіе, въ какомъ жили и живутъ жители обширныхъ имперій Азіи и востока Европы. Она позволяетъ ему включить въ сферу своихъ обобщеній соображенія насчетъ политическихъ судебъ республикъ древности, въ частности насчетъ ихъ вырожденія въ единоначалія. Она вызываетъ въ немъ желаніе постояннаго сопоставленія античной культуры съ современной, такъ какъ республики, подобныя Венеціи или Голландіи, по мѣрѣ утраты ими политиче-

---

[1]) Въ неизданныхъ отрывкахъ изъ его сочиненій я встрѣтилъ, правда, одно мѣсто, доказывающее употребленіе имъ самаго термина прогрессъ, но въ смыслѣ отличномъ отъ современнаго. «Il ne faut presque rien pour donner à un peuple les préjugés d'un autre, et le progrès peut être si grand qu'il change, pour ainsi dire, tout le génie de la nature humaine. Pensées et Fragments inédits de Montesquieu, стр. 302.

[2]) Вольтеръ справедливо упрекаетъ его въ томъ, что онъ недостаточно оттѣнилъ общность процесса развитія. «Il parait que partout la société humaine a été formée, говоритъ онъ, par de petites peuplades qui, après s'être plus ou moins civilisées, ont fini par se réunir ou par être absorbées dans de grands empires. Commentaire sur quelques principales maximes de l'Esprit des Lois, въ изданіи Монтескье 1828 года, томъ V, стр. 379.

скаго равновѣсія, въ такой же мѣрѣ склоняются къ тираніи, въ какой готическая монархія переходитъ въ подобіе восточной деспотіи. Этотъ частный законъ извращенія политическихъ формъ, по мѣрѣ измѣненія прежней обстановки, занимаетъ въ книгѣ Монтескье то самое мѣсто, какое въ новѣйшихъ сочиненіяхъ по соціологіи—теорія эволюціи.

Процессъ, совершающійся въ сферѣ политическихъ учрежденій, опредѣляетъ въ его глазахъ всѣ прочіе. Отсюда возможность говорить объ отношеніяхъ, въ какихъ воспитаніе, торговля, гражданскіе законы, законы о роскоши и т. д. стоятъ съ природою отдѣльныхъ формъ правленія. Монтескье далекъ отъ мысли видѣть въ государственныхъ порядкахъ одну надстройку экономическаго уклада, сложившагося на почвѣ борьбы интересовъ. Учрежденія для него основа, къ которой должны приспособиться всѣ прочіе устои націи. Въ республикахъ необходимо поэтому возможное равенство состояній и поддерживающіе простоту нравовъ законы о роскоши, какъ въ монархіяхъ мыслимо существованіе допускающихъ внѣшнее великолѣпіе громадныхъ состояній и не имѣютъ смысла предписанія, задерживающія развитіе соціальныхъ контрастовъ. Въ республикахъ желательно ограниченіе торговой предпріимчивости и роста, тогда какъ то и другое несогласно съ природою монархій. Въ республикахъ немыслима свобода завѣщаній и необходимъ возможно равный раздѣлъ наслѣдствъ; въ монархіяхъ же майораты и субституціи допустимы, какъ ведущіе къ созданію тѣхъ средостѣній, которыя препятствуютъ ея вырожденію въ неограниченное единовластіе.

Послѣ сказаннаго понятно и принятое Монтескье распредѣленіе матеріала по книгамъ и самый порядокъ слѣдованія этихъ книгъ. Сперва рѣчь идетъ о природѣ правительствъ и ихъ жизненныхъ принциповъ, затѣмъ о пріуроченіи системы воспитанія къ этой природѣ и этимъ принципамъ, о соотвѣтствіи имъ также всего законодательства, гражданскаго и уголовнаго, въ частности законовъ о роскоши, о личномъ и имущественномъ положеніи женщинъ. Извращеніе формъ правленія и его причины занимаютъ послѣ этого мысль автора, который, въ связи съ установленнымъ имъ тяготѣніемъ правительствъ къ деспотіи, говоритъ затѣмъ о зависимости, существующей между системами народной обороны и формами государственнаго устройства между политической и гражданской свободой, съ одной стороны, политическими учрежденіями и обусловленными ими уголовными законами—съ другой. Податная система приводится въ соотвѣтствіе съ природой и жизненными принципами республиканскихъ, монархическихъ и деспотическихъ правительствъ; какъ съ ними же

ставится въ связь существованіе или отсутствіе гражданскаго рабства и большей или меньшей зависимости женщинъ и дѣтей отъ главы семейства.

Обусловливая собою всѣ эти различія, формы правленія въ свою очередь обусловлены климатомъ и всею совокупностью физическихъ причинъ, въ томъ числѣ протяженіемъ занятой народомъ территоріи и болѣе или менѣе благопріятнымъ расположеніемъ страны въ отношеніи къ торговымъ путямъ. Отсюда рядъ книгъ, посвященныхъ обсужденію всѣхъ этихъ вопросовъ, въ томъ числѣ того, въ какой мѣрѣ климатъ содѣйствуетъ или препятствуетъ развитію политическаго рабства, въ какой мѣрѣ сложившіеся подъ его вліяніемъ нравы и привычки налагаютъ свой отпечатокъ на законодательство. Монетная система, а затѣмъ численность населенія, приводятся въ связь съ формами политическаго устройства. Отдѣльныя книги (24 и 25) отведены обсужденію возможныхъ отношеній церкви и государства, отношеній измѣнчивыхъ, сообразно формѣ правленія. Сочиненіе заканчивается разсужденіями о различной природѣ законовъ, божескихъ и естественныхъ, гражданскихъ и политическихъ, а также о порядкѣ составленія положительныхъ. Экскурсами и иллюстраціями уже сказаннаго надо считать распространенныя историко-юридическія диссертаціи о происхожденіи и развитіи наслѣдственнаго права у римлянъ и феодальнаго законодательства, въ связи съ перемѣнами, пережитыми французской монархіей.

§ 5.

Монтескье отводитъ правда цѣлую книгу разсужденіямъ о воздѣйствіи климата на характеръ учрежденій и считаетъ его сильнѣйшимъ изъ тѣхъ, какими опредѣляется политическій укладъ націй (книга XIX, глава 14). Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы въ его сочиненіи можно было найти систематическое объясненіе вліянія физическихъ факторовъ на экономическій, гражданскій или политическій строй отдѣльныхъ народовъ и государствъ. Въ большинствѣ случаевъ онъ только развиваетъ взгляды, высказанные еще въ древности Гиппократомъ и нашедшіе отголосокъ себѣ въ сочиненіяхъ какъ Аристотеля, такъ и Бодена.

Нельзя же считать законами народной психологіи такія общія положенія, какъ то, напримѣръ, что холодъ содѣйствуетъ развитію энергіи и ослабляетъ чувственность, а жара порождаетъ лѣность, робость и изнѣженность (книга XIV, глава 2). Правда, нѣкоторыя заявленія Монтескье даютъ поводъ причислить его къ прямымъ

предшественникамъ того научнаго метода, который неразрывно связанъ съ именемъ основателя соціологіи и ищетъ объясненія отдѣльныхъ явленій общественной жизни въ массѣ взаимодѣйствующихъ факторовъ, въ числѣ которыхъ далеко не послѣднее мѣсто принадлежитъ физическимъ. Любой позитивистъ охотно подпишется подъ слѣдующими словами: климатъ, религія, законы, принципы правительства, примѣры прошлаго, нравы, привычки, вотъ изъ чего слагается общій духъ націи (книга XIX, глава 4). Но, къ сожалѣнію, такія положенія являются въ Духѣ Законовъ не болѣе, какъ общимъ мѣстомъ; авторъ не разъ забываетъ о необходимости дать имъ фактическое обоснованіе; мало того, вопреки собственнымъ его утвержденіямъ, Монтескье раздѣляетъ общій предразсудокъ своихъ современниковъ, который состоитъ въ сведеніи всевозможныхъ факторовъ къ одному важнѣйшему—политическому [1]). Подобно тому, какъ въ наши дни преимущественное занятіе экономическими вопросами заставляетъ многихъ мыслителей выдвигать на первый планъ перемѣны въ производствѣ, объясняя ими даже такіе простѣйшіе факторы всякой общественной эволюціи, какъ ростъ населенія и соотвѣтственно большая его густота; такъ точно въ XVIII вѣкѣ заинтересованность общества въ измѣненіи существующихъ политическихъ порядковъ обусловила собою попытку объяснить ихъ вліяніемъ разнообразнѣйшія стороны въ развитіи гражданственности. Эта односторонность свойственна въ равной мѣрѣ и д'Аржансону, видящему въ абсолютизмѣ и крайностяхъ административной централизаціи источникъ всѣхъ бѣдъ, отъ которыхъ страдаетъ Франція, и Руссо, для котораго поступательный ростъ общества связанъ неразрывно съ возстановленіемъ принципа народнаго самодержавія и торжествомъ общей воли надъ частными, внѣ чего не существовало и не можетъ существовать, думаетъ онъ, закономѣрныхъ правительствъ. Монтескье не выдѣляется изъ среды своихъ современниковъ и продолжаетъ традицію англійскихъ публицистовъ XVII вѣка съ Гоббсомъ и Локкомъ во главѣ, когда дѣлаетъ попытку объяснить гражданскіе и экономическіе порядки отдѣльныхъ націй ихъ государственнымъ строемъ. Чтобы примирить такое воззрѣніе съ раньше высказаннымъ взглядомъ о главенствѣ физическихъ факторовъ надъ всѣми прочими, онъ пытается развить ту мысль, что вліяніе

---

[1]) Въ своемъ коментаріи на Духъ Законовъ Вольтеръ упрекаетъ даже автора въ томъ, что онъ придалъ климату слишкомъ большое значеніе: Convenons donc que si le climat fait les hommes blonds ou bruns, c'est le gouvernement qui fait leurs vertus et leurs vices. Изданіе сочиненій Монтескье Le Roux. 1828 г., томъ V, стр. 400.

природы и климата имѣетъ рѣшающее значеніе только въ средѣ дикарей и что, переходя къ высшимъ порядкамъ общежитія, мы встрѣчаемся съ столь же всесильнымъ воздѣйствіемъ политическихъ формъ какъ на экономическій строй, такъ и на гражданскій, такъ, наконецъ, и на умственный укладъ націй. Очень выпукло это положеніе развито въ 27 главѣ XIX книги Духа Законовъ. На примѣрѣ Англіи Монтескье пытается раскрыть вліяніе политическихъ учрежденій. Ограничившись бѣглымъ замѣчаніемъ: „не говорю, чтобы климатъ не опредѣлилъ собою въ значительной мѣрѣ законы, нравы и привычки англичанъ“, и выгородивъ себя такимъ образомъ отъ упрека въ непослѣдовательности и противорѣчіяхъ, авторъ Духа Законовъ приписываетъ затѣмъ исключительно свободнымъ учрежденіямъ страны и порожденному ими духу независимости и самоопредѣленія даже такіе факты, какъ изобиліе въ Англіи религіозныхъ сектъ и общую терпимость ко всѣмъ и каждой изъ нихъ, за исключеніемъ католицизма, да и то лишь потому, что послѣдній нѣкоторые правители хотѣли навязать силой. Политическимъ строемъ Англіи, благопріятнымъ, какъ онъ думаетъ, развитію индивидуализма, объясняетъ Монтескье и такія особенности народной психологіи, какъ уваженіе, какимъ пользуются у англичанъ, съ одной стороны, личныя качества, а съ другой—богатства. Въ немъ же ищетъ онъ источникъ тому, что англичанамъ неизвѣстна та изысканная вѣжливость, какой отличаются, напримѣръ, французы, и которая въ глазахъ Монтескье неразрывно связана съ лѣностью, порождаемой въ нихъ абсолютизмомъ. Такія мало связанныя между собою черты народнаго характера англичанъ, какъ гордость и робость, пристрастіе къ сатирѣ, богатство фантазіи и недостатокъ утонченнаго литературнаго вкуса, искуственно связаны имъ съ существующими въ странѣ порядками представительства и самоуправленія.

Государственный строй служитъ для Монтескье такимъ же ключомъ къ раскрытію причинъ психическихъ особенностей и историческихъ судебъ отдѣльныхъ націй, какимъ для Эдгара Кине и Фюстель де Куланжа является религія, для Ренана и Тэна—раса, а для узкихъ толкователей марксизма—измѣненіе порядковъ производства. Такъ, напримѣръ, для Монтескье кажется несомнѣннымъ, что гражданское рабство всего терпимѣе въ деспотіяхъ, такъ какъ въ нихъ существуетъ уже рабство политическое (книга XV, глава 13). Крайняя подчиненность женщинъ вполнѣ отвѣчаетъ въ его глазахъ духу деспотическаго образа правленія, свобода же ихъ мирится съ принципами монархіи (книга XVI, глава 9). Земля воздѣлывается хорошо или дурно не въ виду меньшаго или боль-

шаго ея плодородія, а въ прямомъ отношеніи къ свободѣ населяющаго ее народа (книга XVIII, глава 3). Монархическій и всякій вообще умѣренный образъ правленія, думаетъ Монтескье, благопріятенъ распространенію христіанства, деспотизмъ же, какъ слѣдуетъ между прочимъ изъ примѣра Китая, враждебенъ ему (книга XIX, глава 18). И торговая дѣятельность стоитъ въ прямомъ отношеніи къ государственнымъ порядкамъ. При единовластіи, торговля имѣетъ въ виду предметы роскоши, при многовластіи же—предметы необходимости. Обширныя торговыя предпріятія болѣе обычны въ республикахъ, нежели въ монархіяхъ. (ibid.). Роскошь желательна въ послѣднихъ и гибельна въ первыхъ (книга XXI, глава 16).

Преувеличенное значеніе, какое Монтескье признаетъ за политическими учрежденіями при объясненіи особенностей народной психологіи и народнаго быта, стоитъ въ прямой связи съ тѣмъ представленіемъ, какое онъ составилъ себѣ о роли законодателя. Онъ думаетъ, что послѣдній ставитъ себѣ цѣлью привести въ соотвѣтствіе съ жизненнымъ принципомъ избранной имъ формы правленія всѣ положительно стороны народной жизни. Такъ какъ гражданскіе законы зависятъ отъ политическихъ, говоритъ онъ въ книгѣ XXIX, главѣ 13, то при заимствованіи того или другого гражданскаго закона однимъ народомъ у другого, необходимо прежде всего задаться вопросомъ: существуютъ ли у обѣихъ націй одинаковыя политическія учрежденія. Такимъ образомъ законодатель сознательно избираетъ тѣ или другія нормы имущественнаго, семейнаго, договорнаго или процессуальнаго права, смотря по образу правленія, рискуя при этомъ даже вступить въ коллизію съ общимъ духомъ націи. Соображаться съ нимъ, говоритъ Монтескье въ книгѣ XIX, главѣ 5, можно только тогда, когда онъ не противорѣчитъ принципамъ существующей у народа формы правленія. Какъ отлична подобная точка зрѣнія отъ ходячихъ нынѣ представленій! Мы полагаемъ, что учрежденія не дѣлаются, а ростутъ, что причины, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, какъ данныя природой, такъ и созданныя искусствомъ людей, обусловливаютъ собою ихъ эволюцію. Для насъ роль законодателя сводится къ тому, чтобы въ каждый данный моментъ открыть наиболѣе подходящія средства къ удовлетворенію запросовъ, поставленныхъ жизнью. Совершенно иначе представляетъ себѣ процессъ развитія государственныхъ учрежденій тотъ, кто, имѣя постоянно передъ глазами, подобно Монтескье, примѣръ древнихъ законодателей, полагаетъ, что форма политическаго устройства можетъ быть предметомъ свободнаго вы-

бора, выбора удачнаго или неудачнаго, но всегда имѣющаго рѣшающее значеніе, такъ какъ имъ опредѣляется дальнѣйшая судьба націи.

Прибавимъ къ этому, что идея роста, лежащая въ основѣ всѣхъ современныхъ представленій о прогрессѣ, была совершенно чужда Монтескье. Въ Духѣ Законовъ постоянно идетъ рѣчь о вырожденіи того или другого правительства, какъ измѣнившаго своей природѣ или своему жизненному принципу. Въ немъ нельзя встрѣтить ни одной фразы, которая бы говорила о естественномъ и постепенномъ расширеніи основъ государственнаго верховенства по мѣрѣ матеріальнаго и духовнаго развитія націи.

Въ уцѣлѣвшихъ отрывкахъ изъ неизданнаго сочиненія „Объ обязанностяхъ" какъ нельзя лучше выступаетъ основная мысль автора Духа Законовъ касательно незыблемости и неизмѣнности разъ установившейся формы правленія, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока для нея, какъ и для всего земного, не настанетъ періодъ вырожденія.

Случай и личныя особенности (le tour d'esprit) тѣхъ, кто соединился въ гражданское сообщество, опредѣлили собою существованіе столькихъ же различныхъ формъ правленія, сколько имѣется народовъ. Всѣ эти формы одинаково должны считаться хорошими, такъ какъ одинаково отвѣчаютъ желанію договаривающихся сторонъ. То, что на первыхъ порахъ было дѣломъ выбора, сдѣлалось современемъ необходимостью. „Одному насилію предоставлено отнынѣ измѣнять форму правленія даже на лучшую противъ существующей" [1]). Въ другомъ тоже неизданномъ разсужденіи о политической свободѣ можно найти у Монтескье выраженіе той же вѣры въ необходимость держаться разъ установленнаго государственнаго порядка. „Я отнюдь не думаю, чтобы пристрастіе къ одному образу правленія должно было отвратить отъ всѣхъ прочихъ. Лучшимъ обыкновенно является тотъ, подъ сѣнью котораго мы живемъ. Человѣкъ благоразумный необходимо долженъ любить его. Вѣдь нельзя опрокинуть этого порядка, не измѣнивши обыкновеній и нравовъ. Человѣческая же жизнь коротка, и я не вижу поэтому, какую пользу люди нашли бы въ перемѣнѣ разъ сложившихся привычекъ" [2]). Согласно такому взгляду, свободнымъ народомъ въ глазахъ Монтескье является всякій, живущій подъ властью закономъ установленнаго правительства [3]). Отказъ въ повиновеніи

[1]) Pensées et fragments inédits de Montesquieu, publiés par le baron Gaston de Montesquieu, стр. 399.

[2]) Ibid. стр. 416.

[3]) Ibid. стр. 415.

властямъ допустимъ только въ одномъ случаѣ, когда правительство вступитъ въ столкновеніе съ создавшимъ ее закономъ, другими словами, когда разъ установленная форма государственнаго устройства будетъ насильственно измѣнена самими властями [1]).

Итакъ, въ глазахъ Монтескье государственные порядки разъ созданные призваны существовать вѣчно. Всякая попытка къ ихъ низверженію, сверху ли, или снизу, одинаково преступна и должна быть остановлена силою.

Являясь чѣмъ-то неизмѣннымъ среди измѣнчивыхъ условій народной жизни, форма правленія тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ значеніе рѣшающаго фактора въ судьбахъ націи. Она естественно оказываетъ отпоръ всему, что несогласно съ ея жизненнымъ принципомъ и принимаетъ, наоборотъ, подъ свою защиту все, что такъ или иначе содѣйствуетъ ея собственному упроченію. Согласно сказанному, восточныя деспотіи враждебны христіанству и проводимой имъ нравственности. „Милосердіе, предписываемое Евангеліемъ, было бы препятствіемъ къ свободному обнаруженію деспотомъ того гнѣва, который побуждаетъ его къ кровавому самосуду и всевозможнымъ жестокостямъ“ (книга XIV, глава 3). Самые святые и возвышенные догматы, утверждаетъ Монтескье, могутъ имѣть крайне пагубныя послѣдствія, разъ они не согласованы съ принципами, на которыхъ опирается гражданское общежитіе и, наоборотъ, ложные догматы, согласованные съ этими принципами, нерѣдко имѣютъ самыя выгодныя послѣдствія (книга XXIV, глава 19). Въ виду сказаннаго Монтескье полагаетъ, что вновь возникающая въ государствѣ религія всегда приспособляется къ его политическимъ порядкамъ. Вѣдь люди, практикующіе ее и содѣйствующіе ея распространенію, разсуждаетъ онъ, обыкновенно не имѣютъ другихъ представленій о государственномъ строѣ, кромѣ тѣхъ, какія внушены имъ существующими учрежденіями (книга XXIV, глава 5).

Но, если государственный строй имѣетъ рѣшающее значеніе для успѣха даже тѣхъ или другихъ вѣрованій, то, съ другой стороны, выборъ законодателемъ религіи зависитъ отъ ряда причинъ, въ числѣ которыхъ, наравнѣ съ климатомъ, почвою и большей или меньшей густотой населенія, мы находимъ обусловленный ими обычный образъ жизни, нравы, привычки, экономическій и гражданскій строй, что въ общей сложности и опредѣляетъ собою духъ той или другой націи. „Повидимому, говоритъ Монтескье, самъ

---

[1]) Разсужденіе объ обязанностяхъ. Ibid. стр. 381.

климатъ установилъ границы распространенію христіанства и магометанизма (книга XXIV, глава 26)". Говоря это, онъ, повидимому, не даетъ себѣ отчета въ томъ противорѣчіи, въ какомъ это утвержденіе стоитъ съ высказанной имъ же мыслью о соотвѣтствіи вѣрованій государственнымъ учрежденіямъ. Правда, это противорѣчіе можетъ быть разрѣшено признаніемъ, что тѣ и другія одинаково стоятъ въ связи съ климатомъ, и эта мысль, какъ мы сейчасъ увидимъ, не чужда была Монтескье, такъ какъ вслѣдъ за Иппократомъ и Боденомъ, онъ готовъ былъ признать, что способность къ самодѣятельности, а слѣдовательно и къ самоопредѣленію, проявляется въ большей степени сѣверными народами, нежели южными. Объясненіе этого различія онъ находилъ въ томъ, что „холодный воздухъ, сжимая конечности наружныхъ мышцъ и сокращая такимъ образомъ ихъ длину, съ одной стороны, содѣйствуетъ приливу крови къ сердцу, а съ другой—увеличиваетъ силу самихъ мышцъ" (книга XIV, глава 2).

Если Монтескье, допуская вліяніе природы на характеръ разнообразнѣйшихъ проявленій общественности, въ то же время придаетъ рѣшающее значеніе не физическимъ факторамъ, а учрежденіямъ, то объясняется это тѣмъ, что въ его глазахъ добрый законодатель призванъ бороться съ вліяніемъ климата (книга XIV, глава 5), поощряя съ этой цѣлью, напримѣръ, трудолюбіе тамъ, гдѣ жара дѣлаетъ людей лѣнивыми, или запрещая употребленіе горячительныхъ напитковъ тамъ, гдѣ они могли бы причинить особенно сильный вредъ для здоровья.

Чѣмъ ближе знакомишься съ текстомъ Духа Законовъ, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ томъ, что мысль Монтескье постоянно переходила отъ теоріи воздѣйствія климата на духъ народный и соотвѣтственно на нравы и учрежденія къ ученію объ успѣшной борьбѣ законодателя съ природными факторами. Трудно не считать, напримѣръ, выраженіемъ перваго взгляда слѣдующія категорическія утвержденія: „различіе потребностей въ разныхъ климатахъ вызвало различія въ образѣ жизни, а эти послѣднія обусловили собою различіе въ законахъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, которые опредѣляютъ порядокъ государственнаго устройства" (книга XIV глава 10). Такъ въ южныхъ климатахъ, гдѣ люди склонны къ лѣни, необходимъ страхъ наказанія, чтобы заставить ихъ работать. Въ этихъ климатахъ поэтому рабство менѣе противно разуму, чѣмъ въ сѣверныхъ (книга XV, глава 7). Съ другой стороны, то обстоятельство, что въ южныхъ климатахъ женщины старятся рано, благопріятно одинаково и браку съ малолѣтними, отъ котораго въ свою очередь зависитъ подчиненное положеніе супруги и много-

женству. Неравенство въ правахъ между полами свойствено поэтому жаркимъ странамъ, скорѣе Азіи, чѣмъ Европѣ (книга XVI, глава 2). Но тамъ, гдѣ климатъ потребовалъ подчиненія женщинъ, немыслима всегда стремящаяся къ равенству республика и умѣстно единовластіе. Такова одна изъ причинъ, прибавляетъ Монтескье, которыя помѣшали установленію демократіи на Востокѣ (книга XVI, глава 9). Такъ какъ большая жара изнуряетъ силы и ослабляетъ мужество, то немудрено, если деспотизмъ свойственъ по преимуществу жаркимъ странамъ (книга XVII, глава 2). Сравненіе въ этомъ отношеніи Азіи съ Европой даетъ право заключить, что первая болѣе призвана природой къ неограниченному образу правленія, чѣмъ вторая. Въ Европѣ большинство странъ тянется съ юга на сѣверъ, а это имѣетъ то послѣдствіе, что въ каждой изъ нихъ встрѣчается различіе въ климатахъ. Наоборотъ, въ Азіи, за исключеніемъ Сибири, всѣ государства главной своей массой принадлежатъ къ тропической зонѣ. Свобода находитъ еще одного союзника въ Европѣ, котораго не знаетъ Азія, и который также стоитъ въ связи съ ея умѣреннымъ климатомъ. Обиліе атмосферическихъ осадковъ, при отсутствіи большихъ жаровъ, вызываетъ образованіе ледниковъ и обусловливаетъ богатство рѣкъ водою. Въ Азіи же степи примыкаютъ къ степямъ, горныя возвышенности свободнѣе отъ снѣговъ, ледники рѣдки, рѣки мелководны и потому не могутъ служить серьезной преградой къ завоеваніямъ. Физическія условія Азіи, заканчиваетъ Монтескье, враждебны поэтому сепаратизму и благопріятны объединяющей и сдерживающей власти деспотовъ. Объ Азіи нельзя сказать, какъ о Европѣ, что въ ней климатъ является однимъ изъ условій созданія государствъ средней величины, государствъ, въ которыхъ политическое единство можетъ быть обезпечено и при господствѣ законовъ.

Качество почвы, думаетъ Монтескье, также можетъ быть однимъ изъ обстоятельствъ, вліяющихъ на выборъ той или другой формы правленія. Необыкновенное плодородіе освобождаетъ земледѣльца отъ необходимости усиленныхъ работъ, парализуетъ его энергію и дѣлаетъ его способнымъ къ подчиненію. Этимъ объясняется, говоритъ Монтескье, почему единовластіе всего чаще встрѣчается въ странахъ богатыхъ естественными продуктами, тогда какъ, наоборотъ, неблагодарная почва, подобная каменистымъ землямъ Аттики, благопріятна многовластію или республикѣ (книга XVIII, главы 1 и 2).

Островное положеніе также можетъ считаться однимъ изъ условій сохраненія свободы (книга XVIII, глава 5). Имъ отчасти объясняется, почему Англія опередила въ этомъ отношеніи всѣ

прочія страны. Монтескье преувеличиваетъ значеніе этой оторванности Англіи отъ континента Европы, утверждая между прочимъ, что она является для нея препятствіемъ ко всякой завоевательной политикѣ; тогда какъ въ дѣйствительности ею обусловливается только преобладаніе у англичанъ морскихъ силъ и войнъ надъ сухопутными. (Книга XIX, глава 27).

Большая или меньшая густота населенія также является въ глазахъ Монтескье однимъ изъ физическихъ факторовъ, опредѣляющихъ собою различіе въ условіяхъ гражданственности; отъ нея зависитъ, думаетъ онъ, выборъ націей господствующихъ промысловъ и соотвѣтственно важнѣйшихъ средствъ продовольствія. Страны пастушескія отличаются сравнительно слабой населенностью, такъ какъ могутъ доставить пропитаніе лишь небольшому числу жителей; иное дѣло страны земледѣльческія, а тѣмъ болѣе винодѣльныя (книга XXIII, глава 14). Монтескье высказываетъ такимъ образомъ взгляды, повторяемые въ наше время марксистами, полагающими, что ростъ населенія зависитъ отъ перемѣнъ въ производствѣ, а не обусловливаетъ самъ собою, какъ я думаю, этихъ перемѣнъ [1]).

Съ господствомъ первобытныхъ промысловъ Монтескье ставитъ въ связь и нѣкоторыя особенности домашняго быта практикующихъ ихъ націй. Совершенно правильно, но въ полномъ противорѣчіи съ нѣкоторыми современными этнологами, напр. Гроссе, онъ полагаетъ, что у народовъ, живущихъ преимущественно охотой и рыболовствомъ, бракъ не носитъ характера нерасторжимаго союза. Перемѣна женщинъ у нихъ обычное явленіе и принимаетъ нерѣдко форму безпорядочнаго сожитія (книга XVIII, глава 13). Монтескье обращаетъ также вниманіе на тѣ особенности въ бытѣ кочующихъ или недавно прекратившихъ свои кочевья племенъ, которыя въ наше время обнимаются понятіемъ материнской семьи. Предваряя до нѣкоторой степени открытія современной этнологіи, онъ отмѣчаетъ уже выдающуюся роль тетокъ со стороны матери, сестеръ и ихъ нисходящихъ, у германцевъ временъ Тацита и даже въ позднѣйшую эпоху редактированія Салической Правды (книга XVIII, глава 22). Другія черты тѣхъ же патріархальныхъ порядковъ: включеніе жениха въ семью невѣсты на островѣ Формозѣ (книга XVIII, глава 4), наслѣдованіе престола женщинами

[1]) Смотри напримѣръ брошюру М. В. Ганушкина. Народонаселеніе, какъ самостоятельный факторъ въ экономической эволюціи, стр. 40... не низкая плотность населенія обусловливаетъ собою низкую экономическую культуру, а наоборотъ, бѣдность экономической культуры не позволяетъ имѣть большую плотность населенія и задерживаетъ его ростъ.

наравнѣ съ мужчинами у древнихъ египтянъ и примѣръ женовластія, выступающій въ преданіи объ Амазонкахъ, наконецъ, гостепріимный гетеризмъ, удержавшійся въ обычаяхъ массагетовъ, останавливаютъ на себѣ его вниманіе. Но вмѣсто того, чтобы видѣть въ нихъ отдѣльныя стороны материнскаго рода, еще сохранившаго нѣкоторыя переживанія безпорядочнаго сожитія, авторъ Духа Законовъ старается связать эти факты съ культомъ женскихъ божествъ, напримѣръ Изиды, въ честь которой, говоритъ онъ, за женщинами признанъ былъ въ Египтѣ верховный авторитетъ въ семьѣ и обезпечена возможность занятія общественныхъ должностей [1]). Религіей также надо, по его мнѣнію, объяснить происхожденіе такихъ напримѣръ фактовъ, какъ добровольное проституированіе себя незамужними женщинами въ храмѣ Венеры у ликійцевъ, фактъ, къ которому Монтескье снова возвращается въ своей поэмѣ—прозою, озаглавленной „Храмъ въ Книдѣ". Культъ, оказываемый Венерѣ многими народностями, пишетъ онъ, здѣсь, скорѣе можетъ считаться профанаціей вѣры, нежели религіей; этой богинѣ посвящены храмы, въ которыхъ дѣвушки отдаются прохожимъ и составляютъ себѣ приданое изъ получаемаго такимъ образомъ дохода. Въ другихъ капищахъ той же богини замужнія женщины разъ въ жизни отдаются любому по выбору, бросая на алтарь полученную ими плату. Имѣются наконецъ и такіе, въ которыхъ куртизанки изо-всѣхъ странъ, окруженныя бо̀льшимъ почетомъ, чѣмъ замужнія женщины, приносятъ свои пожертвованія [2]).

Чтобы понять причину, по которой Монтескье, впервые отмѣтившій эти факты, не имѣлъ возможности открыть дѣйствительную ихъ природу и подвести ихъ, какъ дѣлаютъ современные этнологи, подъ общій типъ переживаній свободнаго общенія половъ, надо принять во вниманіе, что сочиненіе Лафито о нравахъ американскихъ дикарей, въ которомъ слѣдуетъ видѣть первую попытку систематическаго описанія материнскаго рода и уцѣлѣвшихъ въ немъ слѣдовъ безпорядочнаго сожитія, появилось десятки лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ Духа Законовъ. Безъ сближенія съ фактами древне-американской жизни, разрозненныя свидѣтельства греческихъ и римскихъ писателей объ отношеніяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ властью мужа надъ женой и отца надъ дѣтьми, не могли сдѣлаться основаніемъ къ построенію теоріи естественнаго роста семьи и рода, начиная съ ничѣмъ не

---

[1]) Sur la jalousie въ Pensées et fragments, стр. 291 и слѣд.
[2]) Le temple de Gnide, premier chant.

регулированнаго общенія и материнства и оканчивая возникновеніемъ патріархата и агнатическаго родства.

Но если заслуга Монтескье въ отношеніи къ исторіи раннихъ формъ брака сводится только къ констатированію нѣкоторыхъ фактовъ, не укладывающихся въ готовыя рамки римской семьи съ manus и patria potestas, то въ то же время своей гипотезой о связи нѣкоторыхъ формъ внѣбрачнаго сожитія съ почитаніемъ зиждительныхъ силъ природы онъ оказалъ рѣшительное вліяніе на взгляды Дюлора, автора весьма извѣстнаго нѣкогда трактата о фалическомъ культѣ (Divinités Génératrices et le culte du phalus). Если во всю первую половину столѣтія до появленія знаменитаго Mutterrecht Бахофена и одновременно съ нимъ Этюдовъ о первобытной семьѣ Макленана, факты материнства объясняемы были вліяніемъ религіозныхъ представленій, вмѣсто того, чтобы считаться источникомъ возникновенія послѣднихъ, то въ этомъ трудно не признать временнаго торжества тѣхъ взглядовъ, зародышъ которыхъ находится въ Духѣ Законовъ.

Я остановился можетъ быть подробнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, на характеристикѣ этой стороны ученія Монтескье, отчасти потому, что о ней вовсе не заходитъ рѣчи въ существующихъ коментаріяхъ на его книгу, отчасти же въ виду того, что она какъ нельзя лучше иллюстрируетъ измѣнчивость той точки зрѣнія, съ которой онъ объясняетъ возникновеніе различій въ нравахъ, законахъ и учрежденіяхъ. Мы видѣли, что физическимъ факторамъ онъ придаетъ первенствующее значеніе въ бытѣ дикихъ и варварскихъ народностей; но это обстоятельство не помѣшало ему искать для особенностей ихъ брачнаго права ближайшаго объясненія въ вѣрованіяхъ, возникновеніе которыхъ не приведено имъ въ то же время ни въ какую причинную связь, ни съ климатомъ, ни съ почвою, ни съ продовольствіемъ. Его вниманіе приковано было одновременнымъ присутствіемъ въ бытѣ, напримѣръ, египтянъ, культа богини Изиды и высокаго относительно положенія женщинъ. Этого было достаточно для него, чтобы признать между обоими явленіями отношеніе причинности и потерять изъ виду одновременное воздѣйствіе другихъ, можетъ быть болѣе сильныхъ и притомъ первичныхъ факторовъ. Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, Монтескье минуетъ всѣ посредствующія звенія, считая возможнымъ толковать, напримѣръ, связи первобытныхъ промысловъ съ политической свободой, которой пользовались древніе германцы на своихъ народныхъ вѣчахъ во времена Тацита и на смѣнившихъ ихъ современемъ мартовскихъ и майскихъ поляхъ.

Онъ гораздо ближе стоитъ къ современнымъ историкамъ права, когда утверждаетъ, что климатомъ, почвою и поставляемыми ею продуктами обусловливаются нравы, обычаи націи и вообще совокупность того, что носитъ уже у него столь облюбованный впослѣдствіи германской исторической школой терминъ народнаго духа—l'esprit général d'une nation. (Книга XIX, глава 1 и слѣд.).

Любопытно отмѣтить однако, что въ числѣ элементовъ, изъ которыхъ слагается этотъ народный духъ, мы не находимъ у Монтескье вліянія расы или національности, такъ сильно подчеркнутое впослѣдствіи школою Савиньи и Эйхгорна. Его точка зрѣнія ближе стоитъ къ той, на какую становятся современные представители сравнительнаго правовѣдѣнія, заявляющіе, напримѣръ, устами Поста, что имъ не удалось пріурочить господства тѣхъ или другихъ обычаевъ къ распространенію той или другой расы, и что однохарактерныя учрежденія повторяются сплошь и рядомъ у народностей, и не родственныхъ между собою, но проходящихъ одну и ту же стадію развитія [1]).

Толкуя о вліяніи физическихъ факторовъ, Монтескье преслѣдуетъ не однѣ теоретическія задачи. Тотъ выводъ, что нравы, обычаи и общій духъ націи обусловливаются климатомъ, почвою и продовольствіемъ, имѣетъ въ его глазахъ то практическое значеніе, что указываетъ законодателю на его дѣйствительное призваніе. Онъ долженъ считаться съ народнымъ духомъ и пріурочивать къ нему свои мѣропріятія. Связь тѣхъ или другихъ нравовъ и обычаевъ, источникъ которыхъ лежитъ въ природѣ, съ формою правленія такъ велика, что въ деспотіи достаточно малѣйшаго измѣненія въ нихъ, чтобы вызвать революцію и положить насильственный конецъ единоначалію. (Книга XIX, глава 12). Но, рекомендуя законодателю сообразоваться съ вліяніемъ физическихъ факторовъ, Монтескье въ то же время настаиваетъ на необходимости непосредственной борьбы съ ними, говоря, что только этимъ путемъ можно остановить разслабляющее вліяніе жаркаго климата, воспрепятствовать развитію лѣности и изнѣженности. Природа и климатъ, говоритъ Монтескье, имѣютъ всеопредѣляющее значеніе только между дикарями (la nature et le climat dominent presque seuls sur les sauvages), очевидно потому, что они не нашли еще въ лицѣ законодателя человѣка, способнаго воспротивиться одностороннему ихъ воздѣйствію.

---

[1]) Die Anfänge des Staats-und Rechtslebens, стр. 3 и 4.

Такъ какъ законодателю Монтескье въ то же время даетъ совѣтъ сообразовать свои мѣропріятія съ жизненнымъ принципомъ избранной имъ или ранѣе его возникшей формы правленія, то немудрено, если ему не разъ приходится жертвовать соотвѣтствіемъ издаваемыхъ имъ нормъ съ природою необходимости пріурочить ихъ къ политическому укладу. Монтескье прямо заявляетъ, что законодатель сообразуетъ свои мѣропріятія съ духомъ націи лишь въ томъ случаѣ, когда они не входятъ въ конфликтъ съ принципами существующаго въ странѣ правительства. (Книга XIX, глава 5). Такимъ образомъ рѣшающее значеніе все же остается за послѣдними, и мы въ правѣ будемъ сказать, что для Монтескье, какъ вѣками ранѣе для Аристотеля, важнѣйшимъ элементомъ различій между народами и государствами является избранная ими форма правленія.

Соціологія не въ состояніи была, разумѣется, навсегда удовольствоваться етимъ болѣе внѣшнимъ, нежели внутреннимъ критеріемъ. Въ виду доказанной исторіей смѣны государственныхъ порядковъ вмѣстѣ съ ростомъ націи, она не могла также смотрѣть на эти порядки, какъ на нѣчто незыблемое и неизмѣнное. Примѣненіе сравнительнаго метода позволило открыть ближайшую связь политическихъ формъ съ экономическими и обусловленнымъ ими общественнымъ укладомъ, а того и другого съ ростомъ знаній и техники. Съ политическихъ формъ вниманіе соціологовъ перенесено было поэтому на изученіе общественнаго уклада и служащихъ ему фундаментомъ типовъ народной экономіи; одной изъ важнѣйшихъ задачъ, еще не выполненныхъ обществовѣдѣніемъ, является въ наше время раскрытіе той внутренней связи, въ какой чередованіе отдѣльныхъ типовъ хозяйства стоитъ съ умственной эволюціей и приложеніемъ добытыхъ наукою законовъ къ производству.

Изъ сказаннаго не слѣдуетъ, однако, чтобы сдѣланная Монтескье попытка найти объясненіе существующихъ между націями различій во взаимодѣйствіи физическихъ факторовъ и свободной дѣятельности законодателя лишена была всякаго значенія. Одно уже то обстоятельство, что она позволила классифицировать явленія, дотолѣ не сведенныя ни въ какую систему, можетъ считаться положительнымъ пріобрѣтеніемъ для соціологіи.

Неправильное построеніе все же лучше отсутствія всякаго обобщенія. Если, съ другой стороны, мы зададимся вопросомъ, въ чемъ лежитъ ближайшій источникъ этой неправильности, то какъ не признать, что отсутствіе въ Духѣ Законовъ идеи роста или эволюціи въ отношеніи къ вѣрованіямъ, нравамъ, обычаямъ

и учрежденіямъ является ея кореннымъ источникомъ. А между тѣмъ эта идея уже нашла талантливаго истолкователя, котораго Монтескье не могъ не знать, уже потому, что въ Путевыхъ его замѣткахъ встрѣчается въ лицѣ неаполитанца Вико упоминаніе о Scienza Nuova. Остановись Монтескье на эволюціонной точкѣ зрѣнія, онъ не счелъ бы возможнымъ связать наличность тѣхъ или другихъ формъ религіознаго, экономическаго, правового или политическаго уклада съ однимъ воздѣйствіемъ болѣе или менѣе неизмѣннаго фактора, какимъ является природа или съ такою случайной и искусственной причиной, какъ выборъ формы правленія первымъ законодателемъ. Онъ открылъ бы для нея болѣе общій источникъ, какимъ является прохожденіе тѣмъ или другимъ народомъ извѣстной стадіи развитія, наступленіе которой могло быть самое большее ускорено или задержано климатомъ, почвою или волею законодателя, но отнюдь не вызвано ими всецѣло. Но справедливо ли ставить въ вину Монтескье ошибки, отъ которыхъ не сумѣли отдѣлаться болѣе близкіе къ намъ по времени историки культуры, въ числѣ ихъ Бокль. Вѣдь и для него физическія условія страны продолжаютъ сохранять силу всеопредѣляющаго фактора, несмотря на то, что въ его время Конту уже удалось, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ историческимъ народностямъ, провести идею роста или естественной эволюціи отъ самыхъ грубыхъ формъ фетишизма къ научному міросозерцанію и отъ состоянія почти непрекращающейся войны къ эрѣ торжества промышленности и торговли надъ милитаризмомъ.

§ 6.

Имя Монтескье популярно главнымъ образомъ потому, что его считаютъ родоначальникомъ доктрины, видящей въ раздѣленіи суверенитета необходимое условіе политической свободы. Я настаиваю на томъ, что теорія раздѣленія властей, какъ понималъ ее Монтескье, сводится на дѣлѣ къ раздѣленію суверенитета. Въ этомъ и лежитъ ея глубокое отличіе отъ ученій средне-вѣковыхъ публицистовъ объ ограниченной сословіями монархіи. Ѳома Аквинатъ и позднѣе Фортескью и Боденъ высказывались въ пользу ограниченія самодержавія сословными камерами, будутъ ли ими имперскій сеймъ, парламентъ, или генеральные штаты и верховныя палаты, но они не требовали раздѣла суверенитета.

Теорія Монтескье въ этомъ отношеніи прямо примыкаетъ къ

ученію политиковъ древности и итальянскаго возрожденія о смѣшанныхъ формахъ государственнаго устройства, соединяющихъ въ себѣ преимущества аристократіи, демократіи и монархіи. Подобно Полибію Маккіавелли, или Джанотти,, онъ ищетъ образецъ такой формы въ республиканскихъ учрежденіяхъ древняго Рима и сближаетъ съ ними затѣмъ англійскую конституцію. Выраженіе gouvernement mêlé примѣняется Монтескье въ равной мѣрѣ и къ Спартѣ, и къ Риму, и къ Китаю, и къ Англіи [1]).

Въ XI книгѣ Духа Законовъ прямо сказано, что политическая свобода зависитъ не отъ того, принадлежитъ ли суверенитетъ монарху, аристократіи или народу, а отъ того, чтобы три власти, изъ которыхъ слагается верховная, оказались въ разныхъ рукахъ. Демократіи и аристократіи, пишетъ Монтескье, не могутъ считаться по природѣ свободными государствами; политическая свобода встрѣчается только при умѣренныхъ образахъ правленія, dans les états modérés, да и въ нихъ лишь въ томъ случаѣ, если нѣтъ злоупотребленій властью; для этого же необходимо, чтобы одна власть останавливала другую [2]). И ранѣе Монтескье, авторъ Океаны, Гаррингтонъ, задавался мыслью о томъ, чтобы установить равновѣсіе властей (balancing of powers) путемъ равномѣрнаго распредѣленія ихъ между имѣющимъ законодательную иниціативу сенатомъ, принимающимъ окончательныя рѣшенія народомъ и приводящими ихъ въ исполненіе сановниками [3]). Но тогда какъ Гаррингтонъ кладетъ въ основу своей теоріи разборъ венеціанской конституціи, повидимому болѣе извѣстной ему по

---

[1]) Такъ въ неизданныхъ отрывкахъ Духа Законовъ мы читаемъ „Quelle est donc la constitution d'Angleterre? C'est une monarchie mêlée, comme Lacédémone, surtout avant la création des éphores, fut une aristocratie mêlée; comme Rome, quelque temps après l'expulsion des Roix, fut une démocratie mêlée.

L'Angleterre, comme on a vu, incline plus vers la monarchie. Rome, où le peuple décidait et discutait les affaires, incline plus vers la démocratie; Lacédémone, où le peuple n'eut que la décision, inclina plus vers l'aristocratie. (Pensées et Fragments, стр. 115 и 116).

La Chine est un gouvernemen tmêlé, qui tient beaucoup du despotisme, par le pouvoir immense du Prince; un peu de la république, par la censure et une certaine vertu fondée sur l'amour et le respect paternel; de la monarchie, par des lois fixes et des tribunaux règlés, par un certain honneur attaché à la fermeté et au péril de dire la verité. Ces trois choses bien tempérées et des circonstances tirées du physique du climat l'ont fait subsister" (Ibid. стр. 128).

[2]) Книга XI, глава IV.

[3]) Смотри Gooch. English Democratic ideas in the seventeenth century стр. 291. Отъ Гаррингтона эта идея равновѣсія властей перешла сперва къ Сиднею, а затѣмъ и къ Локку.

трактатамъ Контарини, Джанотти и Ботеро, нежели на основаніи прямого знакомства съ ея примѣненіемъ аристократіей, выродившейся въ олигархію, Монтескье ищетъ своего образца въ Англіи, порядки которой изучены были имъ на мѣстѣ во время почти двухгодового пребыванія въ этой странѣ. Авторъ Духа Законовъ самъ заявляетъ, что въ основѣ его ученія о раздѣленіи суверенитета лежитъ англійская конституція. Есть, пишетъ онъ, нація въ мірѣ, конституція которой имѣетъ въ виду политическую свободу. Мы займемся изученіемъ тѣхъ принциповъ, на которыхъ она построена [1]).

Монтескье настолько убѣжденъ въ томъ, что только въ Англіи приняты необходимыя гарантіи для обезпеченія политической свободы, что ставитъ Гаррингтону въ вину попытку найти ихъ въ другомъ мѣстѣ. По словамъ Монтескье, авторъ „Океаны" подобенъ въ этомъ отношеніи человѣку, который, имѣя передъ глазами константинопольскую бухту, вздумалъ бы построить Халкедонъ. Этотъ упрекъ объясняется тѣмъ, что въ глазахъ Монтескье венеціанская конституція является не болѣе, какъ вырождающейся аристократіей, нѣкогда отличавшейся предпочтительно предъ другими своей умѣренностью, но въ настоящее время принужденной прибѣгать въ интересахъ самосохраненія къ такимъ насильственнымъ мѣрамъ, какъ государственная инквизиція, своей практикой напоминающая турецкіе порядки [2]).

Признавая, что англійская конституція лучше всѣхъ прочихъ обезпечиваетъ политическую свободу, Монтескье держится, однако, того мнѣнія, что и въ другихъ королевствахъ Европы, гдѣ образъ правленія остается еще умѣреннымъ, политическая свобода обезпечена, хотя и въ меньшей мѣрѣ, однимъ уже тѣмъ фактомъ, что осуществленіе судебной власти оставлено въ рукахъ подданныхъ [3]). Это обстоятельство заставляетъ его считать и Францію умѣренной монархіей, въ виду того, что въ ней правосудіе находится въ рукахъ членовъ верховныхъ судовъ, покупающихъ свою должность и слѣдовательно независимыхъ отъ министерскаго выбора, т. е. произвола верховной власти. Если Монтескье открыто высказывается въ пользу продажи должностей, то исключительно

---

[1]) Книга XI, глава V.

[2]) Книга XI, глава VI. «Dans les républiques d'Italie, où ces trois pouvoirs sont réunis, la liberté se trouve moins que dans nos monarchies. Aussi le gouvernement a-t-il besoin, pour se maintenir, de moyens aussi violens que le gouvernement des Turcs; témoin les inquisiteurs d'état, et le tronc où tout délateur peut, à tous les momens, jeter avec un billet son accusation.

[3]) Ibid., книга XI, глава VI.

по только что приведенному соображенію. Эта продажа позволяетъ верховнымъ палатамъ сохранить то, что онъ называетъ esprit de corps, —корпоративный духъ, поддерживающій въ нихъ оппозицію всякимъ захватамъ власти со стороны короля и его ближайшихъ агентовъ. Мы узнаемъ такимъ образомъ, каково было дѣйствительное отношеніе Монтескье къ правительству его родины. Онъ видѣлъ въ ней вырождающуюся монархію, только потому не ставшую деспотіей, что судебная власть еще не подпала подъ владычество всепоглощающаго абсолютизма. То начало раздѣленія суверенитета, послѣднимъ проявленіемъ котораго является сосредоточеніе въ рукахъ верховныхъ палатъ юрисдикціи гражданской и уголовной, зародилось, по мнѣнію Монтескье, еще въ лѣсахъ Германіи. „Кто пожелаетъ прочесть превосходное сочиненіе Тацита о нравахъ германцевъ, говоритъ онъ, тотъ убѣдится, что у нихъ заимствовали англичане идею своего политическаго устройства. Эта прекрасная система была найдена въ лѣсахъ“ [1]). Монтескье опираетъ свое мнѣніе въ данномъ случаѣ на извѣстный текстъ Тацита, говорящій о томъ, что у германцевъ о менѣе важныхъ дѣлахъ толкуютъ старѣйшіе, principes, а о болѣе важныхъ—всѣ (глава XI). Положеніе Монтескье, по моему ошибочное, нашло въ наши дни болѣе [2]) широкое обоснованіе въ Сравнительной Политикѣ Фримана, распространившей его на народы арійскаго происхожденія, въ частности на грековъ и римлянъ. Еще ранѣе Духа Законовъ, Монтескье высказывалъ тотъ же взглядъ на характеръ установленныхъ германцами политическихъ порядковъ въ сочиненіи о всемірной монархіи. Если бы, пишетъ онъ въ немъ, „готскому правителю“ пришло на мысль говорить объ абсолютной власти и неограниченномъ верховенствѣ, онъ разсмѣшилъ бы тѣмъ всю свою армію [3]). Другими словами, феодальная монархія, начало которой положено было германскими нашествіями, была въ глазахъ Монтескье правительствомъ уравновѣшеннымъ, примирявшимъ единоначаліе съ политическимъ равноправіемъ феодальнаго дворянства и дѣлавшимъ изъ короля только перваго между равными. Монтескье отражаетъ здѣсь на себѣ

---

[1]) Книга XI, глава VI.

[2]) Уже Вольтеръ справедливо возставалъ противъ мысли, что палаты пэровъ и общинъ имѣютъ первоначальной родиной Шварцвальдъ. Ужъ лучше было бы, замѣчалъ онъ, связать съ нимъ происхожденіе сейма въ Регенсбургѣ. Послѣднему все же легче, чѣмъ Лондону, воспользоваться системой, открытой въ лѣсахъ Германіи. Томъ V сочиненій Монтескье, въ изданіи Леру, 1828 г., стр. 339.

[3]) Deux opuscules, стр. 21.

вліяніе ученій, высказанныхъ политическими писателями XVI вѣка, въ томъ числѣ авторомъ Франко-Галліи Готоманомъ, которые, въ виду начавшихся съ религіозныхъ войнъ захватовъ абсолютизма, считали нужнымъ напомнить правителямъ и подданнымъ дѣйствительную природу сословныхъ монархій съ ихъ представительствомъ высшихъ и второстепенныхъ вассаловъ, призванныхъ къ совѣту и участію въ законодательствѣ, управленіи и судѣ. Монтескье отмѣчаетъ также въ этомъ трактатѣ начавшееся вырожденіе „готскаго", какъ онъ называетъ его, правительства (le gouvernement gotique). Оно раздѣлило судьбу всѣхъ другихъ и подверглось порчѣ. Авторъ задается послѣдовательно вопросомъ, чѣмъ обусловливается ростъ абсолютизма въ ущербъ ограниченной сословіями монархіи и указываетъ на созданіе постоянной арміи, какъ на ближайшій источникъ такого явленія [1]). Послѣдствіемъ такого созданія было обремененіе подданныхъ налогами, необходимыми для содержанія войска. Европа настолько разорена ими, что еслибы три частныхъ человѣка очутилось въ томъ положеніи, въ какомъ находятся три главныя державы, Франція, Германская Имперія и Испанія, имъ нечѣмъ было бы жить [2]).

Не въ одной Франціи уцѣлѣли въ большей или меньшей полнотѣ особенности „готическаго правительства", а слѣдовательно и гарантіи политической свободы. Монтескье считаетъ поэтому полезной задачей выясненіе вопроса о томъ, каково распредѣленіе властей въ каждомъ изъ умѣренныхъ образовъ правленія, извѣстныхъ еще міру, такъ какъ это позволило бы судить и о степени сохраненія ими свободы. „Но, прибавляетъ онъ, не слѣдуетъ истощать предмета, не оставляя ничего для самодѣятельности читателя. Недостаточно дать матерьялъ для чтенія, необходимо еще побудить къ самостоятельному мышленію" [3]).

Изъ всего сказаннаго ясно, что для Монтескье Франція стараго порядка—Франція середины XVIII вѣка—является вымирающей готической монархіей, въ которой послѣдней гарантіей политической свободы осталась независимость судовъ отъ короля и министерствъ, независимость, покупаемая цѣною такъ называемой vénalité des charges, т. е. возможностью занять судебную должность въ силу покупки. Монтескье сочувствуетъ всему, что такъ или иначе содѣйствуетъ оживленію болѣе или менѣе утраченной

---

[1]) Deux opuscules, стр. 28.
[2]) Ibid., стр. 40.
[3]) Духъ Законовъ, книга XI, глава XX.

политической свободы, путемъ возстановленія отдѣльныхъ сторонъ готическаго правительства. Затѣянныя герцогомъ Орлеанскимъ реформы встрѣчаютъ его сочувствіе. Еще въ Персидскихъ Письмахъ онъ объясняетъ ихъ общимъ сознаніемъ, овладѣвшимъ всѣми французами въ годъ кончины Людовика XIV, что дѣла идутъ неладно и что неограниченная власть министровъ—виновница всего зла. Это сознаніе вызвало рѣшеніе раздѣлить эту власть между шестью или семью совѣтами; и это правительство, прибавляетъ Монтескье, обнаруживая тѣмъ свои личныя пристрастія, управляло Франціей наиболѣе разумно [1]).

Тотъ же Филиппъ Орлеанскій, по словамъ Монтескье, справедливо видѣлъ въ парламентахъ и другихъ верховныхъ палатахъ опору монархіи и основу всякой законной власти [2]).

Въ числѣ учрежденій прошлаго, оживить которыя желалъ бы Монтескье, мы встрѣчаемъ и провинціальные штаты. Въ мемуарѣ о правительственныхъ долгахъ, написанномъ еще въ эпоху регентства, авторъ Духа Законовъ, вооружаясь противъ покрытія дефицита новыми налогами и ходатайствуя объ отмѣнѣ между прочимъ подушной подати, capitation, призываетъ Филиппа Орлеанскаго къ оживленію старинной практики самообложенія народа чрезъ посредство его уполномоченныхъ, созываемыхъ на провинціальные штаты. Эти послѣдніе, пишетъ онъ, не должны вызывать никакихъ опасеній со стороны правительства, такъ какъ на нихъ не обсуждается общихъ вопросовъ государства. Королевская власть не уменьшилась бы отъ ихъ возстановленія. Вѣдь въ тѣхъ провинціяхъ, которыя удержали сословное представительство (pays d'état), авторитетъ короля ничуть не меньше, чѣмъ въ остальныхъ. Возстановленіе провинціальныхъ штатовъ было бы желательно въ интересахъ самой казны. Король не пользуется больше никакимъ кредитомъ, но штаты безъ труда нашли бы лицъ, готовыхъ дать имъ въ заемъ нужныя правительству средства. Расширеніе власти сословій позволило бы сократить функціи интендантовъ, но подъ условіемъ вдохнуть новую жизнь въ городскія общины, которыя нынѣ являются только тѣнью прежняго. Никто, прибавляетъ Монтескье, не стремится болѣе къ занятію муниципальныхъ должностей, такъ велико паденіе того почета, какимъ онѣ нѣкогда пользовались. Мемуаръ заканчивается слѣдующимъ характернымъ заявленіемъ: сказанное мною о возстановленіи провинціальныхъ штатовъ покажется страннымъ на пер-

---

[1]) Письмо 140.
[2]) Письмо 93.

вый взглядъ, но, если хорошо обдумать мой проектъ, то нетрудно будетъ открыть въ немъ много преимуществъ и между прочимъ то, что эта реформа сдѣлаетъ непоколебимымъ самое регентство, такъ какъ всѣ будутъ заинтересованы въ поддержаніи начатаго имъ дѣла [1]).

Такимъ образомъ Монтескье предлагаетъ не рабское подражаніе англійской конституціи, а только приближеніе къ ней путемъ возвращенія къ порядкамъ, нѣкогда общимъ всѣмъ „готическимъ правительствамъ", но уцѣлѣвшимъ въ его время въ большей или меньшей полнотѣ въ одной только Англіи. Когда полвѣка спустя послѣ выхода въ свѣтъ Духа Законовъ, г-жа Сталь, въ своихъ Соображеніяхъ о французской революціи, выскажетъ извѣстный афоризмъ: не произволъ, а свобода старинны во Франціи, она повторитъ только одну изъ любимыхъ мыслей Монтескье. Въ свою очередь Бональдъ воспользуется тѣмъ, что Монтескье говоритъ о продажѣ должностей, какъ о необходимомъ условіи, при которомъ судебная власть можетъ сохранить свою независимость отъ двухъ другихъ къ выгодѣ политической свободы. Утрируя то, что есть справедливаго въ этомъ положеніи, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ Франціи стараго порядка, онъ признаетъ ее своего рода королевской аристократіей (aristocratie royale) [2]), имѣющей еще то преимущество надъ всѣми прочими, что она была открытой для второго и третьяго поколѣнія зажиточныхъ буржуа, попадавшихъ чрезъ покупку должности въ составъ верховныхъ палатъ и парламентовъ, этихъ, какъ онъ выражается, хранителей законовъ (qui avaient le dépôt des lois) [3]).

Сравнивая то, что Монтескье говоритъ о характерѣ старинной французской конституціи съ позднѣйшими варіантами на ту же тему, нельзя не отдать рѣшительнаго предпочтенія его краткимъ,

---

[1]) Mélanges inédits de Montesquieu, стр. отъ 243 по 245.

[2]) Терминъ этотъ впервые употребленъ въ примѣненіи къ Франціи стараго порядка Тестю де-Траси въ Коментаріи на Духъ Законовъ.

[3]) La constitution disait à toutes les familles privées: quand vous aurez rempli votre destination dans la société domestique qui est d'acquérir l'indépendance de la propriété par le travail, l'ordre et l'économie; quand vous aurez acquis assez pour n'avoir plus besoin des autres et pour pouvoir servir l'état à vos frais, le plus grand honneur auquel vous puissiez prétendre sera de passer dans le service de l'état et dès lors vous devenez capables de toutes les fonctions publiques... L'inamovibileté des charges, les mœurs l'avait étendue à presque tous les emplois; tout était possédé à titre d'office, tout était propriété. La propriété comme une barrière impénétrable placée entre la faiblesse et la force formait autour du monarque une enceinte qu'il ne pouvait franchir. (Observations sur les considérations de M-me de Staël sur la Révolution française).

но вѣскимъ замѣткамъ. Порядки, упраздненные французской революціей, не были ни деспотизмомъ, ни ограниченной сословіями монархіей, всего же менѣе той монархической аристократіей, какой признаютъ ихъ Тестю де-Траси и Бональдъ. Франція середины XVIII вѣка, при отсутствіи генеральныхъ штатовъ и ничтожествѣ провинціальныхъ, при сосредоточеніи законодательныхъ и исполнительныхъ функцій въ рукахъ королевскаго совѣта, министровъ и ихъ подчиненныхъ агентовъ, такъ называемыхъ интендантовъ, при постепенномъ ограниченіи судебной автономіи парламентовъ, благодаря такъ называемымъ эвокаціямъ или переносу дѣлъ въ руки спеціальныхъ назначенныхъ королемъ административно-судебныхъ инстанцій, наконецъ при ограниченіи на практикѣ права протеста верховныхъ палатъ противъ отмѣняющихъ прежніе законы эдиктовъ, несомнѣнно была той вырождающейся въ деспотію сословной или готической монархіей, какой считалъ ее Монтескье. Указывая на сходство исходныхъ моментовъ ея развитія съ тѣми, съ которыхъ начался ростъ англійской конституціи, Монтескье на цѣлыхъ полтора вѣка предугадалъ выводы современной исторіографіи, справедливо доказывающей, что англійская конституція является не болѣе, какъ послѣдовательнымъ развитіемъ тѣхъ самыхъ порядковъ, какіе присущи были Франціи въ эпоху существованія генеральныхъ штатовъ, Священной Римской Имперіи—съ ея сеймомъ и ландтагами, Кастиліи и Арагоніи—съ ея кортесами.

Если XI книга Духа Законовъ болѣе всѣхъ прочихъ наложила свою печать на ходъ дальнѣйшаго политическаго развитія Европы и Америки, то потому, что предложила имъ для подражанія не вымышленный идеалъ и не совершенно чуждые ихъ прошлому порядки, а только возможно полное и совершенное ихъ развитіе.

Остается затѣмъ вопросъ, въ какой мѣрѣ англійская конституція середины прошлаго вѣка можетъ узнать себя въ томъ описаніи, какое Монтескье даетъ ея руководящимъ принципамъ; и входило ли въ задачу автора дать одинъ фотографическій снимокъ съ того, что найдено было имъ въ Англіи? По обоимъ вопросамъ отвѣтъ можетъ быть только отрицательнымъ. Монтескье несомнѣнно преувеличилъ ту роль, какую въ англійской конституціи играетъ раздѣленіе властей. Отъ его вниманія ускользнулъ тотъ фактъ, что страною фактически правитъ комиссія выборныхъ изъ среды обѣихъ палатъ или такъ называемый кабинетъ и что обособленіе законодательства и исполненія на самомъ дѣлѣ далеко не проведено въ Англіи съ тою послѣдовательностью, какой

требовалъ бы ригоризмъ принциповъ [1]). Онъ преувеличилъ, съ другой стороны, значеніе королевскаго вето, какъ противовѣса, оказываемаго исполнительной властью власти законодательной. Съ тѣхъ поръ, какъ управленіе перешло въ руки кабинета и большинство законопроектовъ, вотируемыхъ парламентомъ, стало поступать къ нему непосредственно отъ министерства, королевское вето сдѣлалось практически безполезнымъ, такъ какъ королю, очевидно, нѣтъ основанія отказывать въ своемъ согласіи законамъ, проводимымъ собственнымъ его правительствомъ.

Но тѣмъ самымъ установившаяся въ Англіи практика расходится съ утвержденіемъ Монтескье, будто законодательный починъ и право участія въ обсужденіи проводимыхъ въ парламентѣ биллей вовсе не принадлежитъ власти исполнительной [2]). Монтескье приписалъ также слишкомъ большое значеніе уголовной отвѣтственности министровъ. Совершенно правильно возставая противъ передачи органамъ законодательной власти суда надъ ними, чему только отчасти положенъ былъ конецъ благодаря рѣдкости случаевъ преслѣдованія сановниковъ предъ Парламентомъ въ силу такъ называемаго билля of attender, Монтескье, не обратилъ достаточнаго вниманія на тотъ фактъ, что отвѣтственность министровъ достигается въ Англіи и помимо суда за преступленія по должности, благодаря тому обстоятельству, что достаточно неблагопріятнаго министерской политикѣ постановленія большинства, чтобы вызвать отставку кабинета. Монтескье, съ другой стороны, весьма вѣрно понимаетъ то значеніе, какое для сохраненія политической свободы, имѣетъ правило о безотвѣтственности короля, говоря, что въ противномъ случаѣ законодательная власть сдѣлалась бы тиранической, т, е. равновѣсіе было бы нарушено въ ея пользу. Не менѣе тонко понято имъ значеніе того принципа, что денежные билли могутъ быть только отвергнуты верхней палатой, безсильной внести въ нихъ какія либо измѣненія.

---

[1]) Монтескье рѣшительно высказывается противъ англійской системы кабинета и повидимому игнорируетъ самое его существованіе, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста: Que s'il n'y avait point de monarque, et que la puissance exécutrice fût confiée à un certain nombre de personnes tirées du corps législatif, il n'y aurait plus de liberté, parce que les deux puissances seraient unies, les mêmes personnes ayant quelquefois et pouvant toujours avoir part à l'une et à l'autre. (Кн. XI, гл. 6).

[2]) La puisance exécutrice ne faisant partie de la législative que par sa faculté d'empêcher, elle ne saurait entrer dans le débat des affaires. Il n'est pas même nécessaire qu'elle propose, pouvant toujours désapprouver les résolutions des propositions qu'elle aurait voulu qu'on n'eût pas faites. Книга XI, глава VI.

Такая практика, думаетъ онъ, не позволяетъ лордамъ дать торжество своимъ частнымъ интересамъ надъ интересами народа. Вотированіе издержекъ на армію изъ года въ годъ, въ силу такъ называемаго mutiny act, также встрѣчаетъ его справедливое одобреніе на томъ основаніи, что въ противномъ случаѣ исполнительная власть пріобрѣла бы чрезмѣрную независимость отъ законодательной, къ не малому ущербу для свободы. Въ характеристикѣ избирательныхъ законовъ Монтескье какъ нельзя лучше передаетъ англійскую точку зрѣнія, враждебную выбору депутатовъ по спискамъ (scrutin de liste) и повелительному мандату избирателей. Но онъ сознательно уклоняется отъ англійской практики, объявляя, что право голосованія на выборахъ должно принадлежать всѣмъ, за исключеніемъ тѣхъ, приниженное положеніе которыхъ не допускаетъ мысли о независимости [1]). Нельзя также сказать, чтобы Монтескье, справедливо видящій гарантію свободы въ судѣ присяжныхъ и обособленіи суда отъ исполненія, вполнѣ вѣрно передалъ англійскую практику, говоря, что согласно ей члены трибуналовъ не должны имѣть права расширительнаго толкованія законовъ. Въ странѣ, не знающей кодификаціи, въ которой юридическій обычай играетъ роль статей свода, судьямъ трудно обойтись безъ большой свободы въ подведеніи вновь возникающихъ спорныхъ случаевъ подъ существующіе прецеденты. Наконецъ нельзя признать удачнымъ выбранный Монтескье терминъ наслѣдственнаго дворянства для передачи состава верхней палаты. Англійская пэрія очевидно не имѣетъ много общаго съ высшими сословіями континента уже по той причинѣ, что одни старшіе сыновья аристократическихъ родовъ наслѣдуютъ преимущества этого званія, тогда какъ прочіе члены семьи остаются въ рядахъ обыкновенныхъ гражданъ или такъ называемыхъ коммонеровъ. То обстоятельство, что въ палатѣ лордовъ засѣдаютъ, на ряду со свѣтскими аристократами, попадающіе въ силу своей должности епископы и что доступъ къ званію пэра открытъ выдающимся администраторамъ, судьямъ, художникамъ и литераторамъ, что король или королева во всякое время могутъ восполнить наличный составъ верхней палаты новыми назначеніями, не даетъ права приравнивать палату лордовъ къ собранію дворянъ, какимъ была, напримѣръ, вторая палата на генеральныхъ штатахъ Франціи. Это неправильное пониманіе или точнѣе эта ошибка въ передачѣ дѣйствительнаго характера англійской пэріи, можетъ счи-

[1]) Tous les citoyens, dans les divers districts, doivent avoir droit de donner leur voix pour choisir le représentant, excepté ceux qui sont dans un tel état de bassesse qu'ils sont réputés n'avoir point de volonté propre.

таться причиной, по которой многіе изъ послѣдователей Монтескье и не меньшее число его противниковъ думали дать вѣрное толкованіе его мыслямъ, рекомендуя или соотвѣтственно противясь созданію дворянскихъ камеръ. Исторія Учредительнаго Собранія и первой писанной въ Франціи конституціи представляетъ примѣры такого искаженія англійскаго образца не безъ косвеннаго вліянія выбранной Монтескье терминологіи. Середина XVIII столѣтія была слишкомъ озабочена борьбою съ привилегіями дворянства и высшаго духовенства, съ искорененіемъ повсюду корпоративнаго духа, извѣстнаго въ это время подъ наименованіемъ esprit particulier, чтобы оцѣнить должнымъ образомъ призывъ Монтескье къ возстановленію принциповъ готической монархіи возможнымъ приближеніемъ къ англійской конституціи. „Сомнѣваюсь, писалъ ему Гельвецій, чтобы наши внуки озаботились примѣненіемъ къ конституціямъ болѣе совершеннымъ, чѣмъ теперешняя, превозносимаго вами равновѣсія властей. Вмѣсто того, чтобы объединить частные интересы, ваши комбинаціи только обособляютъ и осложняютъ ихъ. Васъ увлекъ примѣръ англійскаго правительства, но я не могу раздѣлить вашей мысли, что оно совершенно. Когда подкупъ, сдѣлавшійся необходимымъ въ виду инерціи верхней палаты, перенесенъ будетъ министрами и въ нижнюю и всѣ перестанутъ его стыдиться, тогда выступитъ воочію опасность вашего равновѣсія и окажется нужнымъ постоянно нарушать его, чтобы ускорить или задержать ходъ политической машины“. Въ другомъ письмѣ къ Сорену, обсуждая трактатъ Монтескье, Гельвецій сожалѣетъ о томъ, что, съ умомъ Монтаня, авторъ сохранилъ предразсудки парламентскаго совѣтника и дворянина. Въ этомъ—источникъ всѣхъ его заблужденій.

Корпоративный духъ, прибавляетъ онъ, овладѣлъ нами. Подъ именемъ самостоятельнаго политическаго тѣла хотятъ создать власть, преслѣдующую собственные интересы въ ущербъ общества [1]). Теорія Монтескье нашла на первыхъ порахъ сторонниковъ не въ лицѣ родственныхъ ему по направленію энциклопедистовъ и вообще сильныхъ умовъ Франціи, а за границей и прежде всего въ Англіи. Хотя въ письмѣ къ аббату Гуаско въ Лондонъ Монтескье и говоритъ, что короли вѣроятно послѣдніе возьмутся за его книгу и можетъ быть вовсе не прочтутъ ея [2]), но на са-

---

[1]) Томъ V, сочиненій Монтескье въ изданіи Леру 1828 года, стр. 420, 421 426 и 428.

[2]) Письмо отъ 12-го марта 1750 года, томъ VII, изданіе 1828 г., стр. 438. Совершенно въ томъ же смыслѣ Тестю де Траси въ своемъ коментаріи на XI книгу, главу II, говоритъ: «Tous ces systèmes d'opposition et de balance ne sont jamais,

момъ дѣлѣ въ числѣ лицъ, ранѣе другихъ ознакомившихся съ Духомъ Законовъ, пришлось считать короля Георга II, явно высказавшаго свое одобреніе всему, что говоритъ Монтескье о британской конституціи [1]), короля Сардиніи, давшаго Духъ Законовъ въ руки своему сыну и преемнику, герцогу Савойскому [2]), короля польскаго Станислава [3]), сдѣлавшаго Монтескье членомъ своей академіи въ Нанси, наконецъ, Екатерину II, положившую его мысли въ основу совѣтовъ, преподанныхъ комиссіи для составленія новаго уложенія. За предѣлами Франціи въ странахъ съ болѣе или менѣе умѣреннымъ образомъ правленія глава о раздѣленіи властей встрѣтила сразу одобреніе въ широкихъ кругахъ. Это приходится сказать не только объ Англіи, гдѣ задались мыслью о переводѣ Духа Законовъ, вскорѣ послѣ его обнародованія, и никто иной, какъ Блэкстонъ, въ коментаріи къ законамъ страны, положилъ ученіе Монтескье въ основу своего пониманія конституціи, но и о Тосканѣ, гдѣ Бертолини, къ предпринятому имъ итальянскому изданію, предпослалъ особый анализъ всего сочиненія, настолько лестный для автора, что послѣдній даже потребовалъ исключенія нѣсколькихъ словъ, говорившихъ, что никто лучше его не сумѣлъ показать самимъ англичанамъ преимуществъ ихъ конституціи [4]).

Мысли автора Духа Законовъ объ англійскихъ порядкахъ получили особенное распространеніе съ того момента, когда швейцарецъ Делольмъ, долгое время прожившій въ Англіи, примѣнилъ теорію раздѣленія властей къ детальному анализу ея учрежденій. Возгорѣвшаяся вскорѣ затѣмъ борьба французскихъ парламентовъ и верховныхъ судовъ съ захватами „Министерскаго абсолютизма", созывъ нотаблей и агитація въ пользу возстановленія какъ мѣстнаго, такъ и общаго представительства, въ лицѣ провинціальныхъ собраній и генеральныхъ штатовъ, придали интересъ современ-

je le répète, que vaines singeries, ou une guerre-civile réelle». Коментаторъ объясняетъ далѣе свою мысль, говоря, что въ монархическихъ странахъ правительство необходимо преслѣдуетъ интересы, отличные отъ общаго, почему его приверженцы всегда и ведутъ себя, какъ мятежная партія (faction), нерѣдко ставящая себѣ цѣлью внести рознь и тѣмъ самымъ ослабить власть націи, дабы легче одержать надъ ней побѣду. См. Коментарій къ Духу Законовъ Тестю де Траси, въ VIII томѣ полнаго собранія сочиненій Монтескье, изданіе Леру 1828 года, стр. 195—207.

[1]) Ibid.

[2]) Письмо къ аббату Венути въ Бордо, стр. 471.

[3]) Ibid. стр. 475—477.

[4]) Письмо отъ пятаго декабря 1754 года. Ibid., стр. 535, Бертолини выбросилъ это мѣсто и ограничился простой передачей основного положенія XI книги.

ности всему, что Монтескье говоритъ о „готической монархіи“ и ея уцѣлѣвшемъ образцѣ. Люди, которыхъ политическая борьба увлекла впослѣдствіи въ лагерь горячихъ сторонниковъ республики, Маратъ въ томъ числѣ, почти наканунѣ революціи не отказывали въ дани уваженія человѣку, обнаружившему въ ихъ глазахъ „въ защитѣ разумныхъ требованій политической свободы, смѣлость, которой въ равной степени не находишь даже у Руссо“ [1]). Для дѣятелей 89 года Монтескье съ его теоріей раздѣленія властей является не меньшимъ авторитетомъ, чѣмъ „гражданинъ Женевы“ съ его ученіемъ о народномъ суверенитетѣ. Большинство публицистовъ конца прошлаго вѣка объявляютъ себя сторонниками того и другого. Самъ Руссо показалъ своимъ послѣдователямъ примѣръ уваженія къ автору Духа Законовъ, говоря, что изъ всѣхъ писателей новаго времени никто больше его не былъ способенъ положить прочныя основы праву политическому [2]).

Наканунѣ революціи нельзя встрѣтить публициста, за исключеніемъ развѣ аббата Сееса, который бы не считалъ нужнымъ повторить ученіе о раздѣленіи властей, или, по крайней мѣрѣ, считаться съ нимъ. Это можно сказать въ равной мѣрѣ и о Мирабо, и о Черутти, и о Рабо Сентъ-Этьенъ и о Кондорсэ, а тѣмъ болѣе о Мунье, Малуэ и Мале дю Панъ. Конституція 91-го года во многомъ отразила на себѣ ученіе XI книги Духа Законовъ, хотя и отступила отъ него въ двухъ существенныхъ вопросахъ, отнявъ у короля абсолютное вето и высказавшись въ пользу однокамерной системы. Если не говорить о конституціи 93-го года, никогда не примѣнявшейся на практикѣ, и о консульско-имперской, надѣлившей Францію тѣмъ демократическимъ въ источникѣ деспотизмомъ, котораго всего болѣе опасался Монтескье, ни одна не обошлась безъ открытаго провозглашенія или тайнаго проведенія принципа раздѣленія властей. Но нигдѣ

[1]) Въ похвальномъ словѣ Монтескье, написанномъ на конкурсъ Маратомъ, мы встрѣчаемъ между прочимъ, слѣдующее мѣсто: „Aux vues d'un génie bienfaisant l'Esprit des Lois réunit le faîte d'un génie sublime. Quelle solidité dans les principes! Quelle justesse dans les conséquences! Quelle évidence dans les resultats. Eloge de Montesquieu pas Marat, publié par Brézetz 1783. Libourne. Въ томъ же Eloge мы читаемъ: On reproche a Montesquieu-d'avoir quelquefois manqué d'énergie et on l'oppose à Rousseau. Quelle difference entre ces deux hommes! R. n'a pas craint de soulever contre lui l'autorité, j'en conviens, mais il n'avait rien à perdre à la persécution; il portait partout avec lui son génie, sa célèbrité, sa gloire ne pouvait qu'y gagner. Mais Montesquieu avait une grande fortune en fonds de terre, il tenait à une famille notable, il avait femme et enfans. Que de liens. Et toute fois il ne craignait pas d'attaquer l'autorité arbitraire, les vices du gouvernement, les prodigalités du Prince.

[2]) Lettres écrites de la montagne. Письмо VI.

этотъ принципъ не одержалъ такой побѣды и не показалъ въ большей степени практическихъ неудобствъ, связанныхъ съ строгимъ его проведеніемъ въ законѣ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ назначаемое президентомъ министерство не имѣетъ доступа въ палаты конгресса и послѣдній вынужденъ поручить фактическое руководство отдѣльными сторонами внутренней и внѣшней политики избираемымъ изъ своей среды комитетамъ. Опытъ Америки показываетъ, что опасеніе, высказанное нѣкоторыми критиками Монтескье, въ томъ числѣ Тестю Де Траси [1]), далеко не такъ безпочвенно, какъ думаютъ односторонніе приверженцы дорогого Духу Законовъ принципа. Строгое обособленіе властей въ дѣйствительности можетъ имѣть послѣдствіемъ ихъ изолированіе; оно въ состояніи помѣшать поэтому правильному ходу политической машины.

§ 7.

Въ исторіи экономическихъ и общественныхъ теорій прошлаго вѣка Монтескье занимаетъ, разумѣется, второстепенное мѣсто. Его нельзя считать тѣмъ новаторомъ, какимъ одновременно являлся Кене или Гурнэ. Нельзя также видѣть въ немъ послѣдняго эпигона идей меркантилистовъ, въ родѣ Форбонэ, или предвѣстника ученій современнаго соціализма, на подобіе Руссо, Мабли или Морели. Тѣмъ не менѣе знакомство съ его взглядами въ области народнаго хозяйства и общественнаго уклада въ высшей степени интересно потому, что позволяетъ сказать въ какой мѣрѣ теоріи вмѣшательства и соотвѣтсвенно невмѣшательства государства въ экономическую сферу могутъ считать его своимъ поборникомъ. Имя Монтескье слишкомъ громко, чтобы индивидуалисты и государственники нашего времени не сочли нужнымъ искать въ немъ прародителя. До послѣдняго времени школа Бастіа любила цитировать Духъ Законовъ въ числѣ сочиненій, ратовавшихъ за общій съ нею идеалъ правительства, не ставящаго себѣ другихъ задачъ, кромѣ обезпеченія подданнымъ безопасности и правосудія. Но уже Лабулэ, сторонникъ тѣхъ же воззрѣній, принужденъ былъ съ прискорбіемъ сознаться, что идеи Монтескье значительно уклоняются отъ здравой въ его глазахъ доктрины. То же соболѣзнованіе высказываетъ и другой поклонникъ Монтескье, Віанъ въ своей Исторіи его жизни [2]). Прежніе толкователи

---

[1]) См. коментаріи къ книгѣ XI, главѣ I. Сочиненія Монтескье, изданіе Леру, стр. 163—164.

[2]) Malheureusement, à ses yeux, la propriété, l'hérédité et le testament dérivent de la loi positive: c'est une erreur qui a été exploitée par les socia-

Духа Законовъ мало обращали вниманія на эту, какъ имъ казалось, второстепенную сторону его доктрины. Въ коментаріи Тестю де Траси, напримѣръ, включившемъ въ себя изложеніе фритредерскихъ доктринъ Жанъ Батиста Сея, не нашлось мѣста ни для передачи, ни для критики дѣйствительныхъ взглядовъ Духа Законовъ на вопросы экономической политики.

Съ полнымъ отрицаніемъ относится Тестю ко всему сказанному Монтескье объ отношеніи законовъ къ торговлѣ. Когда авторъ Духа Законовъ, читаемъ мы въ его коментаріи, говоритъ о подобныхъ предметахъ, онъ обнаруживаетъ такое неясное пониманіе дѣйствительной ихъ природы, что можно считать уже счастливой случайностью, если кое гдѣ ему удастся высказать полезную истину или дать добрый совѣтъ [1]). Правда, еще въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, Маратъ, трактуя о Персидскихъ письмахъ, обращалъ особое вниманіе на ту картину идеальныхъ общественныхъ отношеній, какую Монтескье даетъ въ нихъ въ извѣстномъ письмѣ о Троглодитахъ. „Какая глубина мысли, восклицалъ онъ, въ апологіи существующихъ у нихъ порядковъ. Въ ней, какъ бы мимоходомъ, Монтескье устанавливаетъ тѣ великія начала, на которыхъ должно быть построено непрочное благоденствіе этого міра. Истины, имъ высказанныя, не сознаются невѣждами и забыты современными философами“ [2]). Говоря это, Маратъ очевидно имѣетъ въ виду слѣдующія заявленія Монтескье: интересъ частныхъ лицъ всегда лежитъ въ торжествѣ общаго интереса, отрѣшиться отъ послѣдняго значитъ приготовить собственную погибель. Троглодиты считали себя членами одной семьи. Ихъ скотъ пасся совмѣстно, такъ какъ они находили возможнымъ освободить себя отъ ненужной заботы, какую представляетъ раздѣлъ стада между частными лицами [3]). Но ни Марату, ни послѣдующимъ коментаторамъ, въ томъ числѣ Кондорсэ, не приходило въ голову искать въ Духѣ Законовъ элементовъ самостоятельной экономической доктрины, шедшей въ разрѣзъ съ проповѣдуемымъ физіократіей индивидуализмомъ. Даже въ наши дни лучшіе знатоки Монтескье, въ числѣ ихъ Альбертъ Сорель, думаютъ, что категорическія заявленія Духа Законовъ о томъ, что государство обязано обезпечить каждому гражданину пищу, одежду и образъ жизни, не вредящій его здоровью, не

listes en 1848. Histoire de Montesquieu, sa vie et ses oeuvres d'après des documents nouveaux et inédits par Loui Vian. стр. 316.

[1]) Смотри VIII томъ полнаго собранія сочиненій Монтескье, коментарій на Духъ Законовъ Тестю де-Траси, стр. 345.

[2]) L'éloge de Montesquieu par J. Marat.

[3]) Lettres Persanes, письмо XII.

могутъ считаться чѣмъ либо другимъ, какъ передачей „обычной практики монархій стараго порядка“ [1]). Историкъ французскаго соціализма XVIII вѣка, Лихтенбергеръ, включаетъ, правда, Монтескье въ число провозвѣстниковъ современныхъ доктринъ государственнаго вмѣшательства, но онъ въ то же время показываетъ, что большинство его сентенцій въ этомъ смыслѣ пріурочены къ демократическимъ порядкамъ, торжество которыхъ онъ относилъ къ прошлому, а не къ будущему. „То немногое, пишетъ онъ, что Духъ Законовъ говоритъ о роли всѣхъ правительствъ въ дѣлѣ народнаго благосостоянія, запечатлѣно свойственнымъ автору характеромъ умѣренности, не мѣшающей, однако, признать въ немъ сторонника идеи всемогущества государства“ [2]).

Только что цитированный нами авторъ ждетъ отъ обнародованія неизданныхъ сочиненій Монтескье новыхъ указаній на характеръ его экономическихъ доктринъ. Хотя въ общемъ можно признать эти надежды не оправдавшимися, все же приходится привлечь то немногое, что содержится въ недавно отпечатанныхъ фрагментахъ, для выясненія источника и постепеннаго роста далеко не цѣльной и скорѣе противорѣчивой доктрины, какую заключаетъ въ себѣ Духъ Законовъ о задачахъ хозяйственной политики.

Экономическія воззрѣнія Монтескье сложились, по нашему мнѣнію, подъ вліяніемъ многообразныхъ причинъ, въ числѣ которыхъ далеко не послѣднюю роль играла близость его съ Мелономъ, самымъ крупнымъ, быть можетъ, представителемъ теоріи торговаго баланса во Франціи. На ряду съ этимъ, я поставлю впечатлѣніе, произведенное на него крахомъ системы Джона Ло и необходимость отстаивать близкіе ему интересы винодѣловъ Жиронды отъ ригоризма правительственныхъ регламентовъ. Тогда какъ эти двѣ причины склоняли его, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, скорѣе на сторону индивидуалистовъ, чтеніе политиковъ древности, въ частности Платона, и знакомство съ англійской системой государственной помощи неимущимъ, поддерживали въ немъ обратную тенденцію. Онъ настаивалъ на расширеніи области правительственнаго вмѣшательства въ сферу народнаго труда въ интересахъ не только обезпеченія каждому необходимаго для жизни,

---

[1]) Que l'on ne s'y trompe point cependant, Montesquieu n'a en vue ici ni les ateliers nationaux ni le droit au travail, et ce qu' il érige en principe, c'est tout simplement la pratique des monarchies de l'ancien régime. Montesquieu par Sorel, стр. 128.

[2]) André Lichtenberger. Le socialisme au XVIII siècle, стр. 92.

но и устраненія чрезмѣрнаго неравенства состояній съ помощью законовъ о роскоши, ограниченія размѣра приданаго и завѣщательныхъ легатовъ, наконецъ, запрещенія тѣхъ или другихъ профессій, напримѣръ, торговой, лицамъ, имѣющимъ возможность обезпечить свое матерьяльное положеніе сельскохозяйственной дѣятельностью. Какъ и всѣхъ моралистовъ прошлаго вѣка, не исключая Руссо и Мабли, вопросы народнаго хозяйства и экономической политики интересовали Монтескье со стороны ихъ тѣсной связи съ нравами. Сознаніе же относительности той истины, что простота ихъ есть высшее качество, заставляло его соразмѣрять свою заботу объ уравненіи состояній съ избранной народомъ формой правленія. Онъ настаивалъ поэтому въ большей или меньшей мѣрѣ на преимуществахъ матеріальнаго равенства, смотря по тому, идетъ ли дѣло о нуждающихся въ гражданской добродѣтели демократіяхъ, или о поддерживаемыхъ умѣренностью аристократіяхъ, или же, наконецъ, объ іерархически расчлененныхъ сословныхъ монархіяхъ, движимыхъ преувеличеннымъ представленіемъ о чести и нерѣдко ищущихъ ее во внѣшнемъ блескѣ.

Вопросы экономическаго характера занимали Монтескье съ давнихъ временъ, насколько можно судить какъ по его путевымъ замѣткамъ, такъ и по неизданнымъ мемуарамъ, часть которыхъ увидѣла свѣтъ лишь въ недавнее время. Въ своемъ дневникѣ путешествія онъ не разъ останавливается на такихъ, напримѣръ, предметахъ, какъ состояніе рудниковъ и ихъ эксплоатаціи въ Венгріи, нижней Саксоніи, Гановерѣ и вообще Германіи. Этому предмету онъ посвящаетъ затѣмъ цѣлые мемуары. Въ письмѣ о Генуѣ, Монтескье занятъ такими вопросами, какъ ея торговля съ Испаніей и Левантомъ, состояніе ея порта, качество производимаго въ окрестностяхъ оливковаго масла и т. п. На протяженіи всего пути по Австріи и Германіи, Монтескье освѣдомляется о природѣ и размѣрахъ обложенія, о равновѣсіи или неравновѣсій доходовъ съ издержками, о затратахъ на содержаніе войска и постройку дворцовъ и т. п. Въ Италіи его интересуютъ распредѣленіе благосостоянія между различными классами общества, господство мелкой собственности въ Піемонтѣ и Тосканѣ, чудовищное неравенство состояній въ Венеціи, Генуѣ и Голландіи, еще усиливаемое бережливостью зажиточныхъ классовъ, нерѣдко принимающей характеръ скаредности. Всѣ эти стороны быта занимаютъ его не столько въ силу ихъ вліянія на народное хозяйство, сколько по тому отраженію, какое они находятъ въ нравахъ, обычаяхъ и вообще въ характерѣ отдѣльныхъ націй. Въ этомъ

легко убѣдиться, читая, напримѣръ, то, что онъ говоритъ о голландцахъ. У нихъ, пишетъ онъ, стяжательность является общею чертою. Все, что говорили мнѣ объ ихъ скупости, плутовствѣ и мошенничествѣ, ни мало не преувеличено. Я полагаю, что со временъ Іуды Искаріота не существовало большихъ жидовъ, чѣмъ голландцы [1]). Этой чертѣ народнаго характера Монтескье тотчасъ же ищетъ объясненія въ преобладающей формѣ производства и въ политикѣ правительства. Голландцы корыстны по его мнѣнію потому, что въ странахъ, живущихъ почти исключительно торговлею, „сердце людское извращено"; никто не оказываетъ ближнему даровыхъ услугъ; всѣ ждутъ, что эти услуги будутъ куплены [2]). Чрезмѣрность обложенія—другая причина, по которой голландцы желаютъ содрать съ каждаго возможно больше. Такъ какъ, пишетъ Монтескье, они страдаютъ подъ бременемъ податей, то каждый старается добыть денегъ, не разбирая путей и средствъ.

Самыхъ вѣрныхъ у нихъ два: скупость и грабительство. Невмѣшательство властей—третья причина, по которой стяжательности данъ въ Голландіи полный просторъ. Такъ какъ все предоставлено здѣсь свободному соглашенію, то никакія жалобы не принимаются въ расчетъ, и на всякія заявленія о чрезмѣрности требованій слышится отвѣтъ: „почему не уговорились раньше" [3]).

Сдѣланныя въ Голландіи наблюденія позволятъ затѣмъ автору Духа Законовъ цитировать примѣръ ея жителей въ доказательство тому, что, порождая связь между націями, торговля въ то же время вноситъ рознь между частными лицами. Въ странахъ, пишетъ онъ, въ которыхъ, какъ въ Голландіи, преобладаетъ торговое настроеніе, всѣ человѣческія дѣйствія, всѣ нравственныя качества, служатъ предметомъ торга. Малѣйшая услуга, вызываемая въ другихъ мѣстахъ простымъ человѣколюбіемъ, здѣсь покупается за деньги [4]).

Монтескье совершенно чуждо представленіе, что правительство безсильно бороться съ унаслѣдованными недостатками и пороками. Одна изъ книгъ его главнаго трактата прямо задается вопросомъ, въ какой мѣрѣ законы могутъ содѣйствовать образованію нравовъ, привычекъ и характера націи [5]) и каковы естественные пути къ ихъ измѣненію [6]).

---

[1]) Томъ II Voyages, стр. 221.
[2]) Ibid., стр. 222.
[3]) Ibid., стр. 221.
[4]) Книга XX, глава II.
[5]) Книга XIX, глава XXVII.
[6]) Ibid., глава XIV.

Нигдѣ эта перемѣна нравовъ и привычекъ подъ вліяніемъ учрежденій не бросилась ему такъ рѣзко въ глаза, какъ въ вѣчномъ городѣ.

Народы папскихъ владѣній, пишетъ Монтескье въ своемъ дневникѣ, весьма бѣдны, и еще болѣе плутоваты; они только и думаютъ о томъ, какъ бы получить милостыню или обмануть васъ [1]). Величіе римскаго народа, о которомъ такъ много говоритъ Титъ Ливій, замѣчаетъ онъ въ другой части своего дневника, исчезло безслѣдно. Въ этомъ народѣ вы найдете теперь только два класса: проститутокъ и лакеевъ. Люди высшаго состоянія, за исключеніемъ полусотни бароновъ и князей, не имѣющихъ, впрочемъ, никакого значенія, здѣсь временные гости. Что, спрашивается, развратило въ такой мѣрѣ жителей вѣчнаго города? Отвѣтъ на это даетъ дневникъ, говоря о бѣдности народа, о приниженіи нѣкогда могущественнаго дворянства папами, внесшими разъединеніе въ его среду самымъ фактомъ созданія придворной титулованной знати, о неограниченномъ господствѣ симоніи, позволяющей самымъ презрѣннымъ людямъ попадать на высшія должности, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Иннокентіемъ XII отмѣнена была возможность открытой покупки ихъ лучшими семьями Италіи [2]), о дурномъ вліяніи на нравственность, какую оказываетъ обязательное безбрачіе численно преобладающаго здѣсь духовенства, еще болѣе распущеннаго, чѣмъ во Франціи [3]), наконецъ о безнаказанности, какой нерѣдко пользуются преступники, благодаря дарованному церквамъ праву убѣжища [4]). Иныя учрежденія создали и иные нравы въ Тосканскомъ герцогствѣ и въ Піемонтѣ. Правитель перваго, пишетъ Монтескье, дѣлаетъ все возможное, чтобы избавиться отъ назойливыхъ притязаній священства и монашества (prêtraille et moinerie) на свободу отъ налоговъ; онъ уменьшилъ бремя податей, произвелъ конверсію прежнихъ займовъ, понижая процентъ, платимый государствомъ, съ шести на $3^1/_2$. Онъ и его предшественники украсили Флоренцію великолѣпными сооруженіями, построили портъ Ливорно и вообще обогатили государство внесеніемъ строгой экономіи въ издержки двора. Высокіе поборы съ наслѣдствъ и приданыхъ въ размѣрѣ $7^3/_4{}^0/_0$ и установленный предшественникомъ теперешняго правителя подоходный налогъ въ размѣрѣ $^1/_2{}^0/_0$ съ

---

[1]) Voyages, томъ I, стр. 204.
[2]) Ibid., стр. 202, 204, 209, 221, 224.
[3]) Ibid., стр. 253.
[4]) Ibid., стр. 218.

дохода, объявленнаго плательщиками, содѣйствовали не только обогащенію казны, но и уравненію состояній. Праздность сдѣлалась неизвѣстной и даже дворянскія семьи ищутъ занятія какой либо должности какъ бы ничтожно ни было связанное съ ней жалованіе и подъ предлогомъ, что то же дѣлалось во времена республики [1]). На ряду съ праздностью исчезла и роскошь, также какъ послѣдствіе бо̀льшаго уравненія состояній; это впрочемъ не мѣшаетъ тому, что нѣкоторыя семьи еще слывутъ получающими ежегодный доходъ во сто и двѣсти тысячъ ливровъ, хотя на дѣлѣ имѣютъ самое большее половину [2]). Въ Піемонтѣ королемъ сдѣлано все нужное къ ограниченію власти, вліянія и богатства высшихъ сословій. Соглашеніемъ съ папою достигнуто обложеніе церковныхъ земель, разъ послѣднія пріобрѣтены были не далѣе ста лѣтъ назадъ, а также съ частныхъ владѣній лицъ, принимающихъ священническій санъ—обстоятельство, уменьшившее, какъ замѣчаетъ Монтескье, число кандидатовъ [3]). Возсоединеніемъ съ доменами нѣкогда отчужденныхъ отъ нихъ земель король нанесъ существенный ударъ экономическому благосостоянію дворянскихъ семей, которыя въ Піемонтѣ, пишетъ Монтескье, весьма бѣдны и едва затрачиваютъ десять или двѣнадцать тысячъ ливровъ въ годъ [4]); онѣ не пользуются также никакою властью въ своихъ земляхъ, такъ какъ крѣпостное право отмѣнено. Что касается до крестьянства, то его матеріальное положеніе относительно весьма благопріятно; каждый владѣетъ участкомъ земли, вообще плодородной; многіе изъ крестьянъ такъ же богаты, какъ и дворяне [5]). Все это вмѣстѣ взятое объясняетъ и большее равенство въ общественныхъ отношеніяхъ; „крестьяне, напримѣръ, перестали ломать шапку [6]) передъ дворянами“.

Сдѣланныхъ выписокъ достаточно, чтобы показать, какіе вопросы всего болѣе интересовали будущаго автора Духа Законовъ и съ какой стороны онъ приступалъ къ анализу современныхъ ему порядковъ народнаго хозяйства. Въ нихъ также сказывается присущая меркантилистамъ вѣра въ возможность правительственными мѣропріятіями измѣнить обычный ходъ вещей и самыя особенности народнаго характера. Эта вѣра не позволяетъ, однако, Монтескье раздѣлить мнѣніе тѣхъ, кто, подобно Джону Ло и за-

[1]) Ibid., стр. 166, 167, 169, 171, 172, 173 и 174.
[2]) Ibid., стр. 175.
[3]) Ibid., стр. 107.
[4]) Ibid., стр. 123.
[5]) Ibid., стр. 127.
[6]) Ibid., стр. 120.

щитнику его идей въ области теоретической экономіи, меркантилисту Дюто, признавали за правительствомъ право эксплоатировать довѣріе подданныхъ въ интересахъ собственнаго кредита, пуская въ обращеніе низкопробную монету или замѣняя металлическія деньги гарантированными правительствомъ бумажными. Еще въ Персидскихъ Письмахъ Монтескье отрицательно относится къ знаменитой „системѣ", разсказывая о томъ, какъ иностранецъ (намекъ на шотландца Ло), чтобы излѣчить больного, (разумѣется Франція послѣ смерти Людовика XIV), далъ ему сильное средство, но вмѣсто того, чтобы поставить его на ноги, произвелъ въ немъ только вздутіе всего тѣла. Кто шестью мѣсяцами ранѣе былъ богатъ, теперь бѣденъ, а кто не имѣлъ хлѣба, нынѣ утопаетъ въ роскоши. Все же это произошло отъ того, что правители Запада, по примѣру восточныхъ, стали распоряжаться народной казной, какъ собственной, подавляя въ корнѣ возможность всякаго протеста со стороны установленныхъ властей и въ частности парламентовъ [1]). Монтескье возвращается къ оцѣнкѣ дѣятельности Ло, съ которымъ ему пришлось встрѣтиться и бесѣдовать въ Венеціи, въ неизданномъ имъ политическомъ памфлетѣ, озаглавленномъ „письма Ксенократа къ Ферасу". Языкомъ Эзопа, въ формѣ прозрачной сатиры, будущій авторъ Духа Законовъ разсказываетъ здѣсь, какъ однажды выводимому имъ правителю Алкамену, подъ которымъ разумѣется регентъ, герцогъ Орлеанскій, представилось во снѣ, что онъ владѣетъ всѣми сокровищами міра. Этотъ сонъ, пишетъ Монтескье, сдѣлался источникомъ великихъ бѣдствій для народа. Тщетно Ѳемида предупреждала тѣхъ, кто воздвигалъ капища Плутону; ее изгнали изъ собственнаго храма, заставили замолчать, не произносить болѣе оракуловъ. Но въ одну ночь всѣ алтари Плутона были ниспровергнуты, его жрецы обратились въ бѣгство; тѣ же кто слѣдовалъ его культу, отданы въ жертву Титану [2]).

Вопросы монетнаго обращенія занимаютъ вниманіе Монтескье и въ недошедшемъ до насъ мемуарѣ о богатствахъ Испаніи. Выраженныя въ немъ мысли воспроизведены были впослѣдствіи самимъ авторомъ въ болѣе обширномъ трактатѣ о Всемірной Монархіи или вѣрнѣе о невозможности ея въ современныхъ условіяхъ Европы. Въ этомъ сочиненіи онъ между прочимъ утверждаетъ, что одной изъ причинъ, препятствующихъ ея возстановленію надо считать то обстоятельство, что вся Европа ведетъ въ настоящее

---

[1]) Lettres Persanes, письмо 140.
[2]) Mélanges inédits de Montesquieu, стр. 195 № 197.

время торговлю и навигацію съ цѣлымъ міромъ, тогда какъ прежде это составляло преимущество немногихъ избранныхъ націй. Могущество той или другой, пишетъ Монтескье, обусловлено всегда участіемъ, какое она принимаетъ въ этой торговлѣ и въ этой навигаціи—утвержденіе идущее въ разрѣзъ съ ученіемъ физіократовъ, сближающее Монтескье съ Мелономъ и вообще со сторонниками теоріи торговаго баланса. Но такъ какъ, продолжаетъ авторъ Духа Законовъ, всевозможныя случайности, въ числѣ ихъ большая или меньшая мудрость правительства, опредѣляютъ собою ту роль, какую въ каждый данный моментъ отдѣльныя націи играютъ въ комерческомъ обмѣнѣ и мореплаваніи, то понятно, что ни одинъ изъ новыхъ народовъ не можетъ сохранить навсегда за собою однажды пріобрѣтеннаго первенства. Государство, торжествующее побѣду надъ другими, въ то же время можетъ разоряться внутри. Говоря это, Монтескье очевидно имѣетъ передъ глазами примѣръ внѣшняго величія и внутренней нищеты Франціи въ эпоху, слѣдовавшую за смертью Кольбера. Къ тому же извѣстно, прибавляетъ онъ, что страны, достигшія процвѣтанія благодаря торговлѣ и промышленности, не могутъ преступить извѣстнаго предѣла благосостоянія, такъ какъ приливъ золота и серебра возвышаетъ цѣну всѣхъ припасовъ, равно и заработную плату, почему иностранцы и пріобрѣтаютъ возможность продавать свои товары по болѣе дешевой цѣнѣ. Высказываемая здѣсь точка зрѣнія составилась на основаніи изученія экономическихъ судебъ Испаніи, которой Монтескье отводитъ въ концѣ своего сочиненія особую главу съ цѣлью показать, что сокровища, накопленныя съ момента открытія Новаго Свѣта, скорѣе содѣйствовали ея упадку нежели дальнѣйшему матерьяльному развитію. Отрывокъ этотъ заслуживалъ бы быть приведеннымъ цѣликомъ, такъ ясно и отчетливо выступаетъ въ немъ отличіе Монтескье отъ сторонниковъ теоріи металлическаго фонда и такъ наглядно сказывается вліяніе, оказанное на его образъ мыслей въ этомъ вопросѣ критиками меркантилизма, въ томъ числѣ Мелономъ и Дюто. „Сила государства, говорилъ первый, зависитъ отъ обилія въ немъ предметовъ первой необходимости. Золото и серебро, являющіяся залогомъ этого изобилія, не могутъ служить его замѣной [1])“.

Вздорожаніе, вызванное увеличеніемъ количества звонкой монеты, является всеобщимъ, пишетъ тотъ же авторъ; оно касается всего, что служитъ предметомъ торговли: припасовъ, товаровъ, перевоза, заработной платы и т. д. Деньги—мѣра всего, и нѣтъ

[1]) Essai politique sur le commerce. 1734 года.

основанія, чтобы для товара онѣ были иной, чѣмъ для перевоза. Когда рабочій покупаетъ дороже хлѣбъ и вино, онъ продаетъ дороже и свой трудъ [1]). Необходимо уничтожить въ корнѣ заблужденіе тѣхъ, которые полагаютъ, что страны, богатыя золотыми и серебряными рудниками, на самомъ дѣлѣ дѣйствительно наиболѣе зажиточны. Опытъ учитъ, что онѣ больше зависятъ отъ другихъ, а разсужденіе показываетъ, что мы не станемъ искать предметовъ роскоши, разъ у насъ нѣтъ предметовъ необходимости [2]). Въ томъ же духѣ сторонникъ Джона Ло, экономистъ Дюто, училъ, что единственнымъ средствомъ воспрепятствовать отливу золота и серебра является выгодный для страны торговый балансъ [3]). Монтескье раздѣляетъ эту самую точку зрѣнія, говоря въ разбираемомъ нами трактатѣ: кому неизвѣстно, что золото и серебро—только знакъ, теряющій свою цѣну по мѣрѣ размноженія. Несчастіе испанцевъ состояло въ томъ, что съ момента завоеванія Мексики и Перу они перестали заботиться о своихъ естественныхъ богатствахъ и удовольствовались однимъ богатствомъ знаковъ, цѣнность которыхъ падала по мѣрѣ увеличенія самаго ихъ числа. Если рудники Германіи и Венгріи не причинили такого же урона соотвѣтствующимъ странамъ, какой вызванъ былъ въ Испаніи открытіемъ пріисковъ въ Америкѣ, то это объясняется, думаетъ авторъ, тѣмъ, что, будучи расположены въ самой странѣ, они, не въ примѣръ послѣднимъ, служатъ источникомъ заработка для многихъ тысячъ людей и расширяютъ между прочимъ сферу земледѣлія [4]).

Монтескье даетъ болѣе полное и систематическое развитіе тѣмъ же взглядамъ въ XXII главѣ Духа Законовъ, гдѣ, объясняя природу денегъ, онъ между прочимъ говоритъ: большее противъ сосѣдей количество золота и серебра—благопріятное для страны условіе, если смотрѣть на эти металлы, какъ на товаръ. Иное дѣло, если видѣть въ нихъ только денежные знаки, такъ какъ въ этомъ случаѣ большее ихъ изобиліе понизитъ ихъ мѣновую цѣнность (подлинно: leur qualité de signe), зависящую въ значительной степени отъ ихъ рѣдкости. Монтескье видитъ доказательство этому положенію между прочимъ въ томъ обстоятельствѣ, что въ эпоху „системы", т. е. во время операцій Джона Ло, всѣ товары были дороги, за исключеніемъ денегъ [5]). Если убытокъ находящихся въ обращеніи

---

[1]) Ibid., глава XVII.

[2]) Глава I.

[3]) Dutot, Réflexions sur le commerce et les finances, publiées en 1738 (въ изданіи Daire, стр. 904).

[4]) Deux opuscules, стр. отъ 30 по 33.

[5]) Смотри книгу XXVI, главу V и VI. Монтескье очевидно теряетъ изъ

монетъ можетъ повлечь за собою возростаніе цѣнъ на товары, то тоже послѣдствіе должна имѣть и порча ихъ чекана [1]). Духъ Законовъ рекомендуетъ всѣмъ правительствамъ, озабоченнымъ успѣхами торговли, издать законъ, запрещающій обращеніе другихъ монетъ, кромѣ тѣхъ, которыя содержатъ въ себѣ реальную цѣнность. Онъ слишкомъ близко стоитъ къ эпохѣ знаменитаго краха, чтобы понять ту пользу, какую государство можетъ извлечь изъ своего кредита и, въ противоположность Дюто, высказывается противъ всякаго рода бумажныхъ денегъ (monnaies idéales) [2]), а также противъ пріуроченія банковъ къ другимъ задачамъ, помимо промѣна [3]). Заявляя, что цѣна предметовъ зависитъ отъ численнаго отношенія ихъ къ массѣ обращающихся въ странѣ мѣновыхъ знаковъ, Монтескье послѣдовательно приходитъ къ заключенію, что никакой правитель не въ силахъ поддержать легальныхъ таксъ на товары, другими словами, онъ относится съ полнымъ отрицаніемъ ко всякимъ попыткамъ нормировать высоту заработной платы или цѣну припасовъ, попыткамъ, образецъ которыхъ представляетъ намъ практика Римской имперіи временъ Діоклеціана, средне-вѣковыхъ правительствъ и французскаго конвента [4]). Изобиліемъ или рѣдкостью денежныхъ знаковъ въ данной странѣ сравнительно съ прочими опредѣляется, по мнѣнію Монтескье, вексельный курсъ. Правитель не въ состояніи измѣнить его путемъ закона, такъ какъ онъ обусловленъ количествомъ металла, заключающагося въ монетѣ, и той оцѣнкой, какую даютъ мѣновымъ знакамъ государства торговцы всего міра. Страна, наиболѣе богатая деньгами, а такой Монтескье признаетъ Голландію, необходимо вліяетъ на высоту вексельнаго курса всѣхъ прочихъ [5]). Въ только что разсмотрѣнныхъ вопросахъ Монтескье является сторонникомъ правительственнаго невмѣшательства. Неуспѣхъ системы Ло кажется ему рѣшающимъ доказательствомъ невозможности съ помощью кредитныхъ операцій и поддерживаемой правительствомъ биржевой горячки достигнуть чего-либо, помимо искусственнаго перемѣщенія капиталовъ и окончательнаго паденія вексельнаго курса [6]). Такимъ

виду, что въ послѣднемъ случаѣ дѣло идетъ лишь о воображаемыхъ знакахъ и что вздорожаніе всѣхъ товаровъ въ эпоху операцій Ло объясняется не только обиліемъ выпущенныхъ денегъ, но и отсутствіемъ металлической наличности.

[1]) Книга XXII, глава 13

[2]) Книга XXII, глава XVI. Les banquiers sont fait pour changer de l'argent, et non pas pour en prêter.

[3]) Книга XXII, глава VII.

[4]) Книга XXII, глава VII.

[5]) Ibid., глава X.

[6]) Книга XXII, глава X.

поборникомъ экономической свободы является Монтескье и въ вопросѣ объ отдачѣ денегъ въ ростъ, но уже не безусловнымъ, такъ какъ, высказываясь въ пользу допущенія процента, онъ въ то же время желалъ бы ограничить закономъ его размѣръ. Повторяя сказанное ранѣе англійскими экономистами XVII вѣка, въ томъ числѣ Чайльдомъ и Кульпеперомъ, Монтескье справедливо замѣчаетъ, что величина процентовъ возростаетъ вмѣстѣ со строгостью законовъ, ихъ воспрещающихъ, и проистекающимъ отсюда рискомъ для заимодавца. Онъ иллюстрируетъ свою мысль примѣрами магометанскихъ странъ и древняго Рима, но вмѣсто того, чтобы прити въ конечномъ выводѣ къ заключенію, что законодатель безсиленъ бороться съ ростомъ, онъ останавливается на полупути и даетъ понять, что въ его глазахъ проценту должны быть даны законодателемъ разумные предѣлы [1]).

Вопросъ о налогахъ и государственныхъ займахъ, которымъ Монтескье задается, какъ въ XIII, такъ и въ XXII книгѣ Духа Законовъ, принадлежитъ опять таки къ числу волновавшихъ его издавна проблемъ. Въ двухъ мемуарахъ, написанныхъ въ эпоху регентства и министерства кардинала Флери, ему приходится между прочимъ высказать свое отношеніе къ налогу на капиталистовъ, какъ и вообще ко всей финансовой системѣ старой Франціи, и подать голосъ по вопросу о пользѣ или вредѣ государственныхъ займовъ.

Наконецъ въ особомъ докладѣ государственному совѣту отъ 1726 года, защищая интересы французскихъ винодѣловъ, онъ подымаетъ по существу вопросъ о границахъ государственнаго вмѣшательства и притомъ какъ, мы сейчасъ увидимъ, въ направленіи, ничего не имѣющемъ общаго съ правительственной опекой. Въ указанныхъ трехъ мемуарахъ надо видѣть ближайшій комментарій къ тому, что впослѣдствіи въ болѣе отвлеченной формѣ и въ примѣненіи къ природѣ различныхъ образовъ правленія сказано будетъ имъ на тѣ же темы въ его основномъ трактатѣ. Я считаю поэтому небезполезнымъ познакомить читателя съ мыслями автора Духа Законовъ въ той первоначальной формѣ, какую они нашли въ этихъ раннихъ разсужденіяхъ. Поводъ къ первымъ двумъ поданъ былъ проектомъ Филиппа Орлеанскаго установить налогъ на капиталистовъ. Монтескье высказывается противъ такого налога, говоря, что имъ правительство можетъ скорѣе выместить свою

---

[1]) Les usures de terre... sont ou proscrites par les législateurs, ou ce qui est plus sensé, réduites à de justes bornes. Книга XXII, глава XX.

злобу на аферистахъ (недавно содѣйствовавшихъ краху „системы"), нежели улучшить свое финансовое положеніе. Налогу на капиталистовъ Монтескье предпочитаетъ даже частичное банкротство. Правительство объявило бы, что сокращаетъ на четверть или на треть обязательства, заключенныя покойнымъ королемъ, соблюдая при этомъ строго принципъ прогрессивности, увеличивая вычетъ или уменьшая его, обратно пропорціонально тому, какую часть состоянія даннаго лица представляютъ его помѣщенія въ правительственныхъ бумагахъ. Никто не потеряетъ, утверждаетъ онъ, разъ всѣ понесутъ равномѣрную утрату. Въ защиту этихъ спорныхъ положеній Монтескье приводитъ между прочимъ то соображеніе, что и послѣ такого уменьшенія ихъ капитала владѣльцы правительственныхъ бумагъ окажутся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ земельные собственники, у которыхъ tailles и aides часто поглощаютъ всю выручку [1]). Онъ объявляетъ себя одновременно сторонникомъ выкупа подданными наиболѣе тяжкихъ налоговъ, въ томъ числѣ налога на соль, „gabelle", одно взиманіе котораго увеличиваетъ на цѣлую треть сумму требуемыхъ съ плательщиковъ пожертвованій. Будущій авторъ Духа Законовъ не допускаетъ возможности покрыть дефицитъ путемъ новыхъ податей. Онъ ходатайствуетъ объ отмѣнѣ поголовнаго налога, capitation, и подоходнаго, dixième, говоря, что Его Высочеству должно быть извѣстно, въ какой мѣрѣ эти прибавки къ tailles тягостны для простонародія и ненавистны дворянству (впервые привлеченному съ момента ихъ установленія къ платежу прямыхъ налоговъ). Предложенныя реформы въ области податей должны сопровождаться оживленіемъ старинной практики самообложенія народа чрезъ посредство созываемыхъ на провинціальные штаты уполномоченныхъ, а также засѣдающихъ въ муниципальныхъ совѣтахъ выборныхъ. Монтескье является такимъ образомъ сторонникомъ податныхъ изъятій дворянства, противникомъ обложенія капиталовъ, врагомъ всякаго рода косвенныхъ сборовъ и пропагандистомъ идеи расширенія на всѣ провинціи той системы откупа налоговъ провинціальными штатами или такъ называемаго abonnement, которое позволило, напримѣръ, Лангедоку замѣнить болѣе равномѣрной податью ненавистные народу taille и capitation [2]).

Монтескье снова возвращается къ обсужденію финансовыхъ интересовъ Франціи въ мемуарѣ, написанномъ въ защиту правъ

---

[1]) Mémoire sur les dettes de l'état, ibid., стр. 240.

[2]) Смотри въ Mélanges inédits de Montesquieu, мемуаръ, озаглавленный Государственные долги, стр. отъ 237 по 245.

гвіенскихъ винодѣловъ разводить лозы на протяженіи своихъ пахотныхъ земель. Государственный совѣтъ постановленіемъ отъ 27 февраля 1725 года пытался остановить этотъ ростъ винодѣлія подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ можетъ повлечь за собою вздорожаніе цѣнъ на хлѣбъ. Монтескье побѣдоносно доказываетъ, что собственникъ лучше министра сумѣетъ дать своимъ землямъ наиболѣе выгодное употребленіе. Если запретить французскимъ провинціямъ посадку новыхъ лозъ, иностранцы поспѣшатъ расширеніемъ своего винодѣлія удовлетворить запросу сѣверныхъ народовъ къ невыгодѣ Франціи. Опасеніе, что въ Гвіенѣ обнаружится недостатокъ въ хлѣбѣ, не заслуживаетъ вниманія, такъ какъ, еслибы оно и оправдалось, ея жителямъ не трудно было бы восполнить недочетъ морскимъ подвозомъ въ Бордо. Напрасно ссылаются также на возрастаніе заработной платы, какъ на послѣдствіе усиленной посадки лозъ. Это вздорожаніе вызвано крахомъ „системы Ло“ и связаннымъ съ тѣмъ денежнымъ кризисомъ, да къ тому же нечего особенно тревожиться жалобами на большее вознагражденіе труда, „нечего прислушиваться къ голосу алчности“. Собственники всегда будутъ утверждать, что рабочіе обходятся имъ слишкомъ дорого, а рабочіе, что ихъ трудъ недостаточно оплачивается. Предоставьте самимъ заинтересованнымъ выборъ производства, и общее благосостояніе не только не понизится отъ этого, но еще возрастетъ. На сбываемое за границу вино Гвіени можно будетъ покупать избытокъ хлѣба, производимаго въ другихъ провинціяхъ Франціи.

Созданіе новыхъ заработковъ увеличитъ число жителей, а передача въ руки собственниковъ права давать то или другое назначеніе своимъ землямъ сдѣлаетъ ненужнымъ вмѣшательство интендантовъ въ такую сферу, въ которой они, не будучи мѣстными уроженцами, обыкновенно понимаютъ не много [1]).

Ничто въ разсмотрѣнныхъ мемуарахъ не даетъ права ожидать отъ Монтескье заявленій въ духѣ сторонниковъ государственнаго соціализма, и мы дѣйствительно не находимъ ихъ и въ тѣхъ совѣтахъ, какіе онъ даетъ современнымъ правительствамъ для устройства ихъ финансовъ. Если Монтескье часто настаиваетъ на равенствѣ, умѣренности въ издержкахъ, ограниченіи дареній, наслѣдствъ и завѣщаній правительственными мѣропріятіями, между прочимъ налоговой политикой, то всю эту практику онъ пріурочиваетъ къ однѣмъ только демократіямъ [2]).

---

[1]) Ibid., стр. 253 по 258.

[2]) Смотри Духъ Законовъ, книга XVII, глава V, книга XVIII, глава I, книга V, глава VI.

Но то, что приличествуетъ „Эпидамнамъ“, у которыхъ торговля производима была самимъ правительствомъ въ интересахъ равенства состояній, или Спартанцамъ, у которыхъ Ликургъ завелъ порядки, напоминающіе, говоритъ Монтескье, коммунизмъ, воспѣтый въ знаменитомъ въ его время дидактическомъ романѣ о Северамбахъ [1]), ни мало не отвѣчаетъ условіямъ народовъ Новой Европы. Если Монтескье, вслѣдъ за Локкомъ, не считаетъ возможнымъ признать частную собственность искони существовавшей и посвящаетъ особую главу XXVI книги доказательству той мысли, что право наслѣдованія регулируется законами гражданскими и политическими, отнюдь на естественными, то отсюда еще нельзя вывести заключенія о его враждебности къ принципамъ индивидуализма. Въ той же книгѣ, въ которой идетъ рѣчь о дѣйствительномъ источникѣ наслѣдственнаго права, мы встрѣчаемъ призывъ къ соблюденію частной собственности въ интересахъ общаго блага. Подобно тому, какъ люди, пишетъ онъ совершенно въ духѣ Локка, отказались отъ естественной свободы для того, чтобы жить подъ властью законовъ политическихъ, такъ точно они разстались съ допускаемой естественнымъ правомъ общностью имуществъ, чтобы жить подъ сѣнью законовъ гражданскихъ. Первые законы обезпечивали имъ свободу, вторые— собственность. Нельзя рѣшать законами политическими, задача которыхъ сохранить свободу, вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ собственности. Нельзя утверждать, что частный интересъ долженъ отступать передъ общимъ, разъ дѣло идетъ о собственности, такъ какъ общественная польза лежитъ въ томъ, чтобы каждый сохранилъ то имущество, какое признано за нимъ законами гражданскими; оно не допускаетъ ни полной, ни частичной конфискаціи путемъ политическаго регламента. Мѣсто послѣдняго долженъ занять гражданскій законъ, который надо считать паладіумомъ собственности. Изъ этого уваженія къ ней слѣдуетъ, во-первыхъ, что экспропріація въ интересахъ общественнаго блага возможна только подъ условіемъ вознагражденія заинтересованнаго [2]). Тѣми же общими положеніями объясняется взглядъ Монтескье на природу налога. Доходы государства, говоритъ онъ, составляются изъ той части, какую каждый гражданинъ выдѣляетъ ему изъ своего имущества. Государство въ правѣ требовать только то, что необходимо для его

[1]) Смотри Pensées diverses, въ Oeuvres de Montesquieu, изданіе Лабулэ, томъ VII, стр. 161.

[2]) Книга XXVI, глава XV.

дѣйствительныхъ нуждъ [1]). Монтескье останавливается на развитіи той мысли, что въ монархіяхъ, а тѣмъ болѣе въ деспотіяхъ, налоги должны быть менѣе значительны, чѣмъ въ республикахъ, и что вообще величина обложенія обратно пропорціональна свободѣ гражданъ [2]).

Всѣмъ налогамъ онъ въ умѣренныхъ правительствахъ предпочитаетъ сборы съ товаровъ, утверждая, что ихъ можно взимать незамѣтнымъ образомъ для плательщиковъ. Помимо косвенныхъ налоговъ, Монтескье допускаетъ еще поголовный и десятину натурою или вычетъ изъ урожаевъ, другими словами, подобіе рекомендованной Вобаномъ dîme royale [3]). Эти подати имѣютъ въ его глазахъ преимущество опредѣленности и легкости взиманія.

Весьма энергично онъ высказывается противъ откупной системы. Все потеряно, пишетъ онъ, когда доходная профессія откупщиковъ, благодаря накопленнымъ богатствамъ, пріобрѣтаетъ почетное положеніе. Это терпимо еще въ деспотіяхъ, гдѣ откупщики часто являются правительственными чиновниками, но это совершенно противно духу монархіи, жизненный принципъ которой, какъ мы знаемъ, для Монтескье,—не иной, какъ честь. Отвращеніе овладѣваетъ всѣми сословіями, честь теряетъ всякое значеніе, медленные и естественные пути къ тому, чтобы выдѣлиться и отличиться, не имѣютъ прежней цѣны въ глазахъ гражданъ и монархическое правительство оказывается поколебленнымъ въ самой своей основѣ. Слава и почести, заканчиваетъ Монтескье, указывая тѣмъ лишній разъ на свои аристократическія пристрастія, должны быть всецѣло достояніемъ дворянства, которое ни въ чемъ другомъ и не видитъ своего дѣйствительнаго благополучія [4]). Въ этомъ осужденіи откупной системы также наглядно выступаетъ критика существующихъ во Франціи финансовыхъ порядковъ, какъ и въ томъ, что Монтескье говоритъ о ложности того принципа, по которому благосостояніе народа зависитъ отъ богатства казны, обусловленнаго высотою обложенія [5]). Духъ Законовъ справедливо указываетъ источникъ такого предразсудка въ

---

[1]) Книга XIII, глава I.

[2]) Книга XIII, глава X, XI, XII и XIII.

[3]) Книга XIII, глава VII и X.

[4]) Книга XIII, глава XX.

[5]) Книга XIII, глава II. См. также кн. XXIII, главу XI. C'est la facilité de parler et l'impuissance d'examiner qui ont fait dire que plus les sujets étaient pauvres, plus les familles étaient nombreuses; que plus on était chargé d'impôts, plus on se mettait en état de les payer: deux sophismes qui ont toujours perdu, et qui perdront à jamais les monarchies.

произвольномъ обобщеніи, сдѣланномъ о бѣдности жителей нѣкоторыхъ мелкихъ государствъ, въ которыхъ недоборы казны зависѣли не отъ ничтожности податей, а отъ отсутствія промышленности и торговли. Онъ дѣлаетъ изъ всего этого тотъ выводъ, что народъ вовсе не является болѣе предпріимчивымъ въ виду увеличенія налоговъ и что дѣйствительный источникъ его матеріальнаго благосостоянія лежитъ въ самой этой предпріимчивости, только поощряемой легкостью обложенія. Монтескье такимъ образомъ рѣшительно высказывается противъ мысли, ходячей еще незадолго передъ тѣмъ и нашедшей между прочимъ выраженіе себѣ въ политическомъ завѣщаніи Ришелье. Этотъ замѣчательный документъ, многими признаваемый за апокрифъ, послужилъ для Монтескье предметомъ особаго мемуара, недавно отпечатаннаго въ его неизданныхъ сочиненіяхъ. Въ немъ защищается уже тотъ взглядъ, который побѣдоносно установленъ въ послѣднее время Ганото и состоитъ въ признаніи Ришелье дѣйствительнымъ авторомъ этого единственнаго въ своемъ родѣ акта. [1]).

Во всемъ, что сказано было нами доселѣ объ экономическихъ воззрѣніяхъ Монтескье, трудно найти проблескъ соціалистическихъ пристрастій. Въ счастливомъ противорѣчіи съ общимъ характеромъ его доктрины стоитъ его ученіе объ обязанностяхъ государства по отношенію къ нуждающимся. Современные соціалисты, справедливо замѣчаетъ Луи де-Ломени, ошибаются, приписывая Конвенту изобрѣтеніе права на трудъ. Они должны были бы признать эту честь за Монтескье. И дѣйствительно, въ 23-й книгѣ Духа Законовъ, въ главѣ 29-й, значится: „Раздача милостыни не исчерпываетъ обязанностей государства по отношенію къ неимущимъ. Оно должно обезпечить гражданамъ пищу, приличную одежду и такую житейскую обстановку, которая не противорѣчила бы условіямъ добраго здоровья... Человѣкъ впадаетъ въ нищету не потому, что у него нѣтъ собственности, а потому, что у него нѣтъ работы... Трудно допустить, чтобы всѣ вѣтви народной промышленности процвѣтали въ равной мѣрѣ, чтобы ни одна не терпѣла временнаго застоя и не ставила работающихъ въ нужду (dans une nécessité momentanée). На государство падаетъ обязанность спѣшить имъ на помощь, частью для предупрежденія

---

[1]) Смотри Pensées et Fragments, стр. 322. Je dis donc que le Testament politique est du Cardinal, parce que j'y trouve son caractère, son génie, ses passions, ses intérêts, ses vues, et jusque aux préjugés de son état et de la profession qu'il avait embrassée.

народнаго бѣдствія, частью для устраненія повода къ возстанію. „Госпитали“ и вообще все, способное предотвратить нищенство (la misère), поэтому необходимы. Монтескье отдаетъ, впрочемъ, предпочтеніе не постояннымъ мѣрамъ призрѣнія, а временнымъ (secours passagers), отвѣчающимъ характеру самаго зла, какое они призваны парализовать. Можно думать на основаніи этого, что временное устройство національныхъ мастерскихъ для не находящихъ труда рабочихъ вполнѣ отвѣчало бы желаніямъ автора Духа Законовъ.

Если мы зададимся вопросомъ о томъ, откуда заимствовано имъ ученіе о правѣ на трудъ, намъ легко будетъ прійти къ заключенію, что прототипомъ послужила ему англійская система общественнаго призрѣнія съ ея преслѣдованіемъ нищенства и устройствомъ рабочихъ домовъ для всѣхъ, кто готовъ трудиться, но не находитъ занятія. Вѣдь основное положеніе, на которомъ построено все зданіе государственной помощи неимущимъ въ Англіи состоитъ въ признаніи права и обязанности каждаго находить пропитаніе въ трудѣ; право предполагаетъ возможность настаивать на полученіи заказовъ; разъ ихъ не имѣется на лицо, заинтересованная сторона получаетъ ихъ отъ государства, устраивающаго съ этою цѣлью особые рабочіе дома на средства, доставляемыя ему налогомъ на нищихъ. Въ странѣ, издавна привыкшей къ децентрализаціи и мѣстному самоуправленію, обязанность государства призрѣвать бѣдныхъ должна была перейти въ руки мѣстныхъ союзовъ, какими являются приходы и „уніи приходовъ“. Монтескье очевидно высказывается въ томъ же смыслѣ, что и англійскіе статуты, установившіе систему общественнаго призрѣнія, объявляя, что человѣкъ можетъ считаться бѣднымъ не тогда, когда у него нѣтъ ничего, а когда онъ не можетъ найти необходимой для жизни работы; въ этомъ случаѣ обязанность поспѣшить ему на помощь падаетъ на государство. Нельзя сказать, чтобы Духъ Законовъ рекомендовалъ исключительно старинную французскую практику устройства госпиталей, такъ какъ отъ вниманія его автора не ускользаетъ фактъ развитія ими „лѣности, только увеличивающей общую нищету“. Вотъ почему постоянной помощи, оказываемой людямъ недостаточнымъ подобнаго рода учрежденіями, Монтескье предпочитаетъ временную, состоящую въ поставкѣ работы государствомъ до того момента, когда нуждающійся найдетъ ее у предпринимателя. Далѣе этого не идутъ его требованія. Онъ еще далекъ отъ мысли о томъ обезпеченіи всѣхъ и каждаго отъ послѣдствій несчастныхъ случаевъ, заболѣваній и даже простыхъ забастовокъ, которая въ наши дни оду-

шевляетъ ревнителей такъ называемой assurance générale, или общаго страхованія, какъ бы ни расходились они по вопросу о томъ, сдѣлать ли его факультативнымъ, или обязательнымъ [1]).

Характеръ сравнительно-историческаго трактата, какой Монтескье придалъ своему сочиненію, помѣшалъ ему дать болѣе систематическое изложеніе своихъ соціальныхъ воззрѣній и поставилъ насъ въ необходимость отгадывать дѣйствительную его мысль по нѣкоторымъ, высказаннымъ мимоходомъ сентенціямъ. Такъ мы узнаемъ, напримѣръ, что авторъ Духа Законовъ не остался слѣпъ къ невыгодамъ, представляемымъ крупной собственностью, и отмѣтилъ тѣ послѣдствія, какія процессъ огораживаній имѣлъ для крестьянства на протяженіе всей Европы и въ частности въ Англіи. Трудно въ самомъ дѣлѣ не видѣть явнаго намека на эту страну въ слѣдующихъ словахъ; духовенство, правитель, города, вельможи, нѣсколько зажиточныхъ гражданъ незамѣтно сдѣлались собственниками всей земли; она остается безъ обработки, согнанныя семьи оставили по себѣ пастбища, работникъ же ничего не имѣетъ. Чтобы парализовать послѣдствіе такого обезземеленія земледѣльческихъ классовъ, Монтескье рекомендуетъ практику римлянъ; они раздавали неимущимъ семьямъ участки и доставляли имъ средства для корчеванія и обработки [2]). Неудобство современнаго положенія, при которомъ немногіе всѣмъ владѣютъ, а большинство живетъ въ нищетѣ, заставляетъ его идеализировать тѣ порядки помѣстнаго хозяйства, при которыхъ каждый сеньеръ, какъ онъ говоритъ, видѣлъ собственное благополучіе въ увеличеніи числа жителей и употреблялъ для этого всѣ зависящія отъ него средства. Заодно съ современными историками, Монтескье не прочь думать, что въ эпоху феодализма многія страны Европы были болѣе населены, чѣмъ въ его время [3]). Монтескье такъ же сознательно относится и къ невыгодамъ начавшагося уже въ его время машиннаго производства. Хотя по его ученію никакая

[1]) На недавнемъ конгрессѣ соціологовъ въ Генуѣ адвокатъ Лаура, издатель мѣстнаго юридическаго журнала (il Jurista), выступилъ съ предложеніемъ высказаться въ пользу такой assicurarzione generale. Возникшія вслѣдъ затѣмъ пренія показали, что въ средѣ конгрессистовъ имѣется два противоположныхъ взгляда на этотъ счетъ. Профессоръ Buyllia изъ Орвіедо требовалъ установленія общаго государственнаго налога съ цѣлью страхованія. Кергалль, редакторъ Démocratie rurale и руководитель движенія, направленнаго къ устройству земледѣльческихъ синдикатовъ во Франціи, оспаривалъ эту мысль, настаивая на необходимости предоставить самимъ общинамъ починъ въ этомъ дѣлѣ. Въ томъ же смыслѣ высказался и извѣстный экономистъ Луцати, такъ много сдѣлавшій для устройства народныхъ банковъ и земледѣльческихъ синдикатовъ въ Италіи.

[2]) Книга XXIII, глава XXVIII.

[3]) Книга XXIII, глава XXVI.

страна, пользующаяся умѣреннымъ образомъ правленія, не можетъ обойтись безъ обрабатывающей промышленности, такъ какъ она одна дѣлаетъ возможнымъ сохраненіе излишковъ производства надъ потребленіемъ, онъ въ то же время рѣшается признать, что машины, сокращающія трудъ человѣка и слѣдовательно содѣйствующія успѣхамъ промышленности, далеко не всегда полезны. Если цѣны не высоки, замѣчаетъ онъ, и одинаково удовлетворяютъ требованіямъ потребителя и производителя, введеніе машинъ, уменьшающихъ число рабочихъ рукъ, было бы гибельно.

Монтескье иллюстрируетъ свою мысль примѣромъ водяныхъ мельницъ, которыя, лишивъ многихъ работы, отняли еще воду, необходимую для ирригаціи [1]). Такимъ образомъ, попутно излагая отношеніе климатовъ и формъ правленія къ различнымъ вопросамъ государственной экономіи, Монтескье постепенно высказываетъ свои взгляды и на то, что можно было считать въ его время злобою дня. Онъ дѣлаетъ это не только въ книгѣ, посвященной вопросу объ отношеніи законовъ къ народонаселенію, но и въ тѣхъ, предметомъ которыхъ служитъ нормированіе отношеній церкви къ государству и законовъ естественныхъ, гражданскихъ и политическихъ между собою. Весьма энергично высказывается онъ, напримѣръ, противъ церковныхъ латифундій и принципа неотчуждаемости церковной собственности, благодаря которому, говоритъ онъ, въ Кастиліи духовенство всѣмъ овладѣло.

Монтескье призываетъ правительство къ отмѣнѣ податныхъ изъятій духовенства, къ обложенію новыхъ его пріобрѣтеній значительными вычетами въ пользу государства и къ ограниченію принципа неотчуждаемости однимъ только древнѣйшимъ земельнымъ фондомъ церкви [2]). Онъ столь же рѣшительно высказывается по вопросу о правѣ государства такъ или иначе измѣнять законы наслѣдованія, объявляя, что естественный законъ только предписываетъ родителямъ кормить своихъ дѣтей, отнюдь не оставлять имъ наслѣдство. Раздѣлъ послѣдняго между дѣтьми и ихъ нисходящими могъ быть установленъ только обществомъ, другими словами, онъ—дѣло не естественныхъ законовъ, а политическихъ и гражданскихъ. Изъ этого Монтескье между прочимъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что законы политическіе, въ противность требованіямъ каноническаго права, могутъ допустить незаконнорожденныхъ къ полученію наслѣдствъ, чему есть подтвержденіе въ цѣломъ рядѣ законодательствъ, древнихъ и новыхъ [3]).

---

[1]) Книга XXIII, глава XV.
[2]) Книга XXV, глава V.
[3]) Книга XXVI, глава VI.

Тогда какъ въ вопросахъ соціальныхъ Духъ Законовъ обнаруживаетъ значительную самостоятельность и новизну взглядовъ, въ ученіи объ экономической политикѣ онъ слѣдуетъ почти цѣликомъ ученію Мелона о торговомъ балансѣ. Принципы, на которыхъ Монтескье желалъ бы построить обмѣнъ продуктовъ между націями, въ немногихъ словахъ могутъ быть переданы въ слѣдующемъ видѣ. Не слѣдуетъ исключать ни одну страну отъ права продавать свои товары или покупать чужіе, если къ тому не имѣется достаточныхъ причинъ. Одна конкурренція установляетъ справедливыя цѣны на товары и правильное отношеніе этихъ цѣнъ между собою. Не слѣдуетъ также принимать обязательства отпускать мѣстные продукты исключительно одной какой-либо странѣ подъ условіемъ, что она будетъ принимать ихъ за извѣстную цѣну [1]). Свобода торговли не состоитъ въ произволѣ купцовъ дѣлать, что они вздумаютъ. Такой произволъ могъ бы даже сдѣлаться источникомъ несвободы и обмана. Стѣсненія, налагаемыя на комерсантовъ, не являются одновременно стѣсненіями для торговли. Въ странахъ свободныхъ негоціантъ встрѣчаетъ много ограниченій, и они почти отсутствуютъ въ странахъ несвободныхъ. Такъ Англія, напримѣръ, запрещаетъ вывозъ своей шерсти; она требуетъ, чтобы каменный уголь доставляемъ былъ въ столицу моремъ. Корабли ея колоній, торгующіе въ Европѣ, должны причаливать въ Англіи. Этими путями она связываетъ свободу купцовъ, но эти стѣсненія только клонятся къ выгодѣ ея торговли [2]). Гибельными для послѣдней могутъ быть одни фискальныя вымогательства, проистекающія отъ излишка таможеннаго обложенія и потери времени, какую вызываетъ дурная администрація откупщиковъ [3]). Выгодность или невыгодность торговли для страны зависитъ отъ того отношенія, въ какомъ ввозъ стоитъ къ вывозу. Страна, отпускающая меньше припасовъ и мануфактуратовъ противъ числа покупаемыхъ ею, постепенно бѣднѣетъ; ее ждетъ неминуемо наступленіе такого момента, когда, за отсутствіемъ вывоза, прекратится и ввозъ [4]). Очевидно, во всемъ этомъ нѣтъ ничего особенно оригинальнаго, если вспомнить, что, ранѣе Монтескье, Мелонъ, говоря о свободѣ торговли, заявлялъ: она состоитъ въ правѣ каждаго покупать и продавать не то, что онъ вздумаетъ, а только то, что полезно госу-

---

[1]) Книга XX, глава VIII.
[2]) Книга XX, глава XII.
[3]) Ibid., книга XX, глава XIII.
[4]) Книга XX, глава XXIII.

дарству. Благо народа—верховный законъ. Это благо будетъ обезпечено въ томъ случаѣ, когда торговый балансъ будетъ клониться въ пользу націи, т. е. когда избытокъ ея отпусковъ надъ ввозомъ поведетъ къ приливу въ страну золота и серебра [1]).

Въ особой книгѣ, посвященной исторіи торговли, Монтескье бѣгло обозрѣваетъ различные періоды ея развитія, указывая между прочимъ на вліяніе, какое физическіе факторы могутъ оказать на природу обмѣна, и отмѣчая различія, существующія между торговлею древнихъ и новыхъ народовъ.

Интересными для экономистовъ въ этой книгѣ являются только его разсужденія о роли, какую христіанство оказало на законодательство о ростѣ и на сосредоточеніе преслѣдуемыхъ имъ кредитныхъ операцій въ рукахъ евреевъ. Общее заключеніе: Монтескье думаетъ, что, запрещая то, что по природѣ должно быть дозволеннымъ, только обращаешь въ плутовъ людей, которые въ противномъ случаѣ честно отправляли бы свое ремесло [2]). Это мнѣніе нашло впослѣдствіи отголосокъ у всѣхъ поборниковъ свободы роста, начиная съ Тюрго и Юма и оканчивая Бентамомъ. Дальнѣйшія главы о судьбахъ торговли со временъ открытія Новаго Свѣта воспроизводятъ съ нѣкоторыми варіантами сказанное уже авторомъ о богатствахъ Испаніи въ мемуарѣ, посвященномъ имъ вопросу о всемірной монархіи. Выступая противъ теоріи денежнаго баланса и всей политики испанцевъ, направленной къ сохраненію торговли съ Вестъ-Индіей исключительно въ своихъ рукахъ, а поставляемаго ею золота и серебра—въ металлической валютѣ [3]), Монтескье въ то же время высказываетъ одобреніе нѣкоторымъ мѣропріятіямъ, вызваннымъ тѣмъ же меркантильнымъ духомъ, между прочимъ запрету колоніямъ вступать въ торговый обмѣнъ съ кѣмъ бы то ни было, помимо метрополіи [4]).

Я думаю, что примѣръ Англіи, еще придерживавшейся принциповъ Навигаціоннаго акта Кромвеля и обязанной отчасти процвѣтаніемъ своей торговли и мореплаванія такому упроченію протекціонной системы, во многомъ объясняетъ собою причину, по ко-

---

[1]) Смотри въ сборникѣ сочиненій важнѣйшихъ экономистовъ, предпринятомъ Деромъ, томъ, посвященный Вобану, Буагильберу, Мелону и т. д. Политическій опытъ о торговлѣ Мелона, стр. 756, 758 и 792.

[2]) Книга XXI, глава XX.

[3]) Книга XXI, глава XXII и XXIII.

[4]) On a établi que la métropole seule pourrait négocier dans la colonie; et cela avec grande raison, parce que le but de l'établissement a été l'extension du commerce, non la fondation d'une ville ou d'un nouvel empire. Книга XXI, глава XXI.

торой Монтескье въ Духѣ Законовъ является меньшимъ ревнителемъ экономической, чѣмъ политической свободы. Но въ этомъ же лежитъ источникъ того, что его ученіе, какъ несогласное съ восторжествовавшей вскорѣ доктриной свободной торговли, болѣе или менѣе оставлено было въ тѣни или прямо отвергнуто, какъ физіократами, такъ и школою Адама Смита. Лишь за послѣднее время замѣчается оживленіе интереса не столько къ экономическимъ, сколько соціальнымъ воззрѣніямъ Духа Законовъ. Школа катедръ-соціалистовъ не прочь видѣть предшественника въ человѣкѣ, не желавшемъ отнять у государства его исконной миссіи,—миссіи защитника слабыхъ противъ сильныхъ и при томъ не только въ области гражданскаго или уголовнаго правосудія, но и въ сферѣ экономической борьбы интересовъ.

М. Ковалевскій.

Предисловіе.

Если-бы среди безконечнаго разнообразія предметовъ, о которыхъ говорится въ этой книгѣ, и оказалось что нибудь такое, что, противъ моего ожиданія, можетъ кого либо обидѣть, то не найдется въ ней, по крайней мѣрѣ, ничего, сказаннаго съ злымъ умысломъ. Въ природѣ моего ума нѣтъ склонности къ порицанію. Платонъ благодарилъ небо за то, что родился во времена Сократа, я-же благословляю его за то, что оно судило мнѣ родиться при правительствѣ, подъ властью котораго я живу, и повелѣло мнѣ повиноваться тѣмъ, къ которымъ внушило любовь.

Я прошу одной милости, хотя и боюсь, что мнѣ въ ней откажутъ: не судить по минутному чтенію о двадцатилѣтнемъ трудѣ; одобрять или осуждать всю мою книгу цѣликомъ, а не отдѣльныя ея фразы. Когда хотятъ узнать цѣли и намѣренія автора, то гдѣ-же всего ближе искать ихъ какъ не въ цѣляхъ и намѣреніяхъ его произведенія.

Я началъ съ изученія людей, и нашелъ, что все безконечное разнообразіе ихъ законовъ и нравовъ не вызвано единственно произволомъ ихъ фантазіи.

Я установилъ общія начала, и увидѣлъ, что частные случаи какъ-бы сами собою подчинялись имъ, что исторіи всѣхъ народовъ вытекали изъ нихъ, какъ слѣдствія, и всякій частный законъ входилъ въ связь съ другимъ закономъ или становился въ зависимость отъ другого, болѣе общаго закона.

Обратившись къ древности, я постарался усвоить духъ ея, чтобы случаи существенно различные не принимать за сходные, но и не просмотрѣть различія въ тѣхъ, которые кажутся сходными.

Принципы свои я извлекъ не изъ своихъ предразсудковъ, а изъ самой природы вещей.

Не мало истинъ окажутся здѣсь очевидными лишь послѣ того, какъ обнаружится цѣпь, связующая ихъ съ другими истинами. Чѣмъ больше будутъ размышлять надъ подробностями, тѣмъ болѣе будутъ убѣждаться въ вѣрности общихъ началъ. Самыя эти подробности приведены мною не всѣ, ибо кто могъ-бы сказать все, не причиняя крайней скуки?

Здѣсь не найдутъ тѣхъ крайностей, которыя, кажется, составляютъ характерную особенность современныхъ сочиненій. При извѣстной широтѣ взгляда всѣ крайности исчезаютъ; появляются-же онѣ обыкновенно лишь вслѣдствіе того, что умъ писателя, сосредоточившись всецѣло на одной сторонѣ предмета, оставляетъ безъ вниманія прочія.

Я пишу не съ цѣлью порицать установленія какой-бы то ни было страны. Всякій народъ найдетъ въ моей книгѣ объясненіе усвоенныхъ имъ правилъ, и она естественно приведетъ къ заключенію, что предлагать въ нихъ какія-нибудь измѣненія имѣютъ право только тѣ лица, которыя получили отъ рожденія счастливый даръ проникать однимъ взглядомъ генія всю организацію государства.

Просвѣщеніе народа—дѣло далеко не безразличное. Предразсудки правителей были первоначально предразсудками народа. Во времена невѣжества люди не вѣдаютъ сомнѣній, даже когда творятъ величайшее зло, а въ пору просвѣщенія они трепещутъ, даже при совершеніи величайшаго блага. Они чувствуютъ старое зло, видятъ средства къ его исправленію, но вмѣстѣ съ тѣмъ видятъ и зло отъ этого исправленія. Они оставляютъ дурное изъ боязни худого и довольствуются существующимъ благомъ, если сомнѣваются въ возможности бо́льшаго; они разсматриваютъ части только для того, чтобы познать цѣлое и изслѣдуютъ всѣ причины, чтобы уразумѣть всѣ послѣдствія.

Если-бы я могъ сдѣлать такъ, чтобы люди получили новыя основанія возлюбить свои обязанности, своего государя, свое отечество и свои законы; чтобы они почувствовали себя болѣе счастливыми во всякой странѣ, при всякомъ правительствѣ и на всякомъ занимаемомъ или посту,—я счелъ-бы себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Если-бы я могъ сдѣлать такъ, чтобы у тѣхъ, которые повелѣваютъ, увеличился запасъ свѣдѣній относительно того, что они должны предписывать, а тѣ, которые повинуются, нашли новое удовольствіе въ повиновеніи,—я счелъ-бы себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Я счелъ-бы себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, если-бы могъ излечить людей отъ предразсудковъ. Предразсудками я называю не то, что припятствуетъ намъ познанію нѣкоторыхъ вещей, а то, что мѣшаетъ намъ познать самихъ себя.

Стремясь просвѣтить людей, мы всего болѣе можемъ прилагать къ дѣлу ту общую добродѣтель, въ которой заключается любовь къ человѣчеству. Человѣкъ—это существо столь гибкое и въ общественномъ быту своемъ

столь воспріимчивое къ мнѣніямъ и впечатлѣніямъ другихъ людей,—одинаково способенъ и понять свою собственную природу, когда ему указываютъ на нее, и утратить даже всякое представленіе о ней, если ее скрываютъ отъ него.

Я много разъ начиналъ и покидалъ этотъ трудъ; тысячу разъ бросалъ я на вѣтеръ уже писанные мною листки [1]), и каждый день чувствовалъ, какъ мои отеческія руки падаютъ отъ безсилія [2]). Изслѣдуя свой предметъ безъ всякаго предварительнаго плана, я не зналъ ни правилъ, ни исключеній, и—если находилъ истину, то для того только, чтобы тутъ-же утратить ее; но когда я открылъ мои общія начала, то все, чего я искалъ, предстало предо мною, и въ теченіе двадцати лѣтъ я видѣлъ, какъ трудъ мой возникалъ, росъ, развивался и завершился.

Если этому труду суждено имѣть успѣхъ, я буду много обязанъ имъ величію моего предмета. Не думаю, однако, чтобы тутъ не было никакой заслуги и съ моей стороны. Когда я прочелъ все, что было написано прежде меня столь многими великими людьми во Франціи, въ Англіи и Германіи [3]), я былъ пораженъ восхищеніемъ, но не палъ духомъ. «И я тоже художникъ [4])», воскликнулъ я вмѣстѣ съ Корреджіо.

Заявленіе автора [5]).

Для пониманія первыхъ четырехъ книгъ этого труда слѣдуетъ замѣтить, что 1) подъ словомъ республиканская добродѣтель я разумѣю любовь къ отечеству, т.-е. любовь къ равенству. Это не христіанская или моральная, а политическая добродѣтель; она представляетъ ту главную пружину, которая приводитъ въ движеніе республиканское правительство подобно тому какъ честь является движущей пружиной монархіи. На этомъ основаніи любви къ отечеству и къ равенству я и далъ названіе

---

[1]) *Ludibria ventis.*

[2]) *Bis patriae cecidere manus.*

[3]) А. Во Франціи и въ Германіи. Я означаю буквой А оба изданія 1748 г., а буквой В—изданіе 1749 г. Что-же касается до другихъ изданій, которыя мнѣ случится цитировать, то при каждой цитатѣ я буду обозначать годъ ихъ.

[4]) *Ed io anche son pittore* (М.).

[5]) Этого *заявленія* нѣтъ въ первыхъ изданіяхъ. Оно написано съ цѣлью отвѣтить критикамъ того времени, которые видѣли обиду правительству и чуть ли не преступленіе оскорбленія величества въ томъ, что французъ XVIII столѣтія не сдѣлалъ изъ добродѣтели принципа монархіи.

добродѣтели политической: новыя идеи, къ которымъ я пришелъ, обязывали меня пріискать для нихъ и новыя названія или употреблять старыя слова въ новомъ смыслѣ. Лица, не понявшія этого, приписали мнѣ много такихъ нелѣпыхъ мнѣній, которыя показались-бы возмутительными во всѣхъ странахъ міра, такъ какъ во всѣхъ странахъ міра дорожатъ нравственностью [1]). 2) Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что между утвержденіемъ, что извѣстное свойство, душевное расположеніе или добродѣтель не являются главными двигателями такого-то правительства и утвержденіемъ, что они въ этомъ правительствѣ совсѣмъ отсутствуютъ,— есть большое различіе. Если я скажу, что такое-то колесо или шестерня не относятся къ орудіямъ, приводящимъ въ движеніе механизмъ часовъ, то можно-ли изъ этого заключить, что ихъ совсѣмъ не имѣется въ этихъ часахъ? Столь-же основательно заключеніе, что истины христіанства и моральныя и даже сама политическая добродѣтель отсутствуютъ въ монархіи. Однимъ словомъ: честь существуетъ и въ республикѣ, хотя движущее начало республики—политическая добродѣтель, и—политическая добродѣтель находится и въ монархіи, несмотря на то, что движущее начало монархіи—честь.

Говоря въ V-й главѣ III-ей книги моего сочиненія о человѣкѣ блага, я имѣлъ въ виду не человѣка блага христіанскаго или моральнаго, но человѣка блага политическаго, обладающаго тою политическою добродѣтелью, о которой была рѣчь. Это человѣкъ, который любитъ законы своей страны и любовью къ нимъ руководствуется въ своей дѣятельности. Въ настоящемъ изданіи я, посредствомъ болѣе точнаго опредѣленія своихъ идей, представилъ всѣ эти вещи въ новомъ свѣтѣ, и въ большинствѣ случаевъ, гдѣ было употреблено мною слово добродѣтель, замѣнилъ его выраженіемъ политическая добродѣтель [1]).

---

[1]) См. *Объясненія къ духу законовъ*, слѣдующія за *защитой*.

[2]) Противъ Монтескье всегда аргументировали такъ, какъ будто-бы онъ сказалъ, что въ республикѣ нѣтъ ничего, кромѣ добродѣтели, а въ монархіи ничего, кромѣ чести, или, что честь имѣется только въ монархіи, а добродѣтель только въ республикѣ; но онъ ни того, ни другого не говорилъ, и странно даже, что его могли считать способнымъ высказывать такія уже слишкомъ большія нелѣпости. Но зложелательство не знаетъ мѣры. (La Harpe).

Монтескье создалъ себѣ особый научный языкъ. Слова *добродѣтель*, *честь*, *монархія* и т. д. имѣютъ у него особый, очень ясно опредѣленный смыслъ. Чтобы понимать Монтескье, а тѣмъ болѣе критиковать его, должно предварительно изучить его лексиконъ.

Часть первая.[1]

КНИГА ПЕРВАЯ.

О законахъ вообще.

ГЛАВА I.

О законахъ въ ихъ отношеніяхъ къ различнымъ существамъ.

Законы, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, суть необходимыя отношенія, вытекающія изъ природы вещей [2]); въ этомъ смыслѣ все, что существуетъ, имѣетъ свои законы: они есть и у божества [3]), и у міра матеріальнаго, и у существъ сверхчеловѣческаго разума, и у животныхъ, и у человѣка.

Тѣ, которые говорятъ, что всѣ видимыя нами въ мірѣ явленія произведены слѣпою случайностью, утверждаютъ великую нелѣпость, такъ какъ что можетъ быть нелѣпѣе слѣпой случайности, создавшей разумныя существа?

Итакъ есть первоначальная причина всего; законы-же — это отношенія, существующія между нею и различными существами и взаимныя отношенія этихъ различныхъ существъ [4]).

Богъ относится къ міру какъ создатель и охранитель, Онъ творитъ

---

[1]) Раздѣленіе книги о *духѣ законовъ* на шесть частей сдѣлано нами согласно изданію in—12, 3 том., Женева, 1751 г.

[2]) См. *Защита Духа законовъ. часть первая, первое опроверженіе.* «Авторъ имѣлъ въ виду опровергнуть систему Гоббса, эту ужасную систему, которая всѣ добродѣтели и всѣ пороки приводила въ зависимость отъ установленія созданныхъ людьми законовъ и стремилась доказать, что человѣчество рождается въ состояніи войны и что первый естественный законъ его есть война каждаго противъ всѣхъ, подрывая такимъ образомъ, подобно Спинозѣ, всякую религію и всякую мораль».

[3]) Законъ—говоритъ Плутархъ—есть властелинъ смертныхъ и безсмертныхъ. Трактатъ о *необходимости образованія для государя.* (М.). Но самъ-же Плутархъ говоритъ, что тутъ онъ не болѣе какъ отголосокъ Пиндара.

[4]) *Персидскія письма*, LXXXIII, русск. пер. (изд. Л. Ф. Пантелѣева, Спб. 1892) стр. 174.

по тѣмъ-же законамъ, по которымъ охраняетъ: Онъ дѣйствуетъ по этимъ законамъ, потому что знаетъ ихъ; Онъ знаетъ ихъ, потому что создалъ ихъ и Онъ создалъ ихъ, потому что они состоятъ въ извѣстномъ отношеніи къ Его мудрости и могуществу.

Непрерывное существованіе міра, образованнаго движеніемъ и лишеннаго разума, приводитъ къ заключенію, что всѣ его движенія должны совершаться по неизмѣннымъ законамъ [1]), и какой-бы иной міръ мы себѣ ни вообразили, вмѣсто существующаго, онъ, все равно, долженъ былъ-бы или подчиняться неизмѣннымъ правиламъ, или разрушиться.

Такимъ образомъ дѣло творенія, кажущееся актомъ произвола, предполагаетъ рядъ правилъ, столь-же неизбѣжныхъ, какъ рокъ атеистовъ [2]). Было-бы нелѣпо думать, что Творецъ могъ-бы управлять міромъ и помимо этихъ правилъ, такъ-какъ міръ не могъ-бы существовать безъ нихъ.

Эти правила — неизмѣнно установленныя отношенія. Такъ, всѣ движенія двухъ движущихся тѣлъ зачинаются, возрастаютъ, замедляются и прекращаются согласно отношеніямъ массы и скорости этихъ тѣлъ; въ каждомъ различіи есть единообразіе и въ каждомъ измѣненіи постоянство.

Отдѣльныя разумныя существа могутъ сами для себя создавать законы, но у нихъ есть также и такіе законы, которые не ими созданы. Прежде чѣмъ стать дѣйствительными, разумныя существа были возможны, слѣдовательно возможны были отношенія между ними, возможны поэтому и законы. Законамъ, созданнымъ людьми должна была предшествовать возможность справедливыхъ отношеній. Говорить, что внѣ того, что предписано или запрещено положительнымъ закономъ, нѣтъ ничего ни справедливаго, ни несправедливаго, значитъ утверждать, что радіусы круга не были равны между собою до того какъ былъ начерченъ самый кругъ [3]).

Итакъ надо допустить, что отношенія справедливости предшествовали установившему ихъ положительному закону [4]); допустить, напримѣръ, что считалось справедливымъ, чтобы люди, живя въ обществѣ, подчинялись законамъ этого общества; чтобы разумныя существа, облагодѣтельствованныя другимъ существомъ, должны были относиться къ нему съ признательностью, чтобы разумное существо, порожденное другимъ разумнымъ существомъ, продолжало быть въ тѣхъ отношеніяхъ зависимости къ ро-

---

[1]) *Персидскія письма*, XCVII, русск. пер., стр. 201.

[2]) «Здѣсь рѣчь идетъ лишь о законахъ движенія, которые, какъ говоритъ авторъ, установлены Богомъ. Неизмѣнность ихъ подтверждается всей физической наукой, и неизмѣнны они потому, что Богъ, желая сохранить міръ, сдѣлалъ ихъ таковыми». Защита *Духа законовъ*, *часть первая*, *третье опроверженіе*.

[3]) Это разсужденіе, надлежащимъ образомъ развитое, очень пригодно для опроверженія Карнеада и тѣхъ, которые утверждаютъ, что нѣтъ ничего ни справедливаго, ни несправедливаго, кромѣ того, что объявлено таковымъ положительными законами. (Lezac.).

[4]) Т.-е. закону, установившему ихъ легальность, узаконившему ихъ.

дившему, которыя установились между ними съ его рожденія; чтобы разумное существо, причинившее зло другому разумному существу, заслуживало получить въ отплату за это такое-же зло [1]), и т. д.

Но міръ разумныхъ существъ далеко еще не управляется съ такимъ совершенствомъ, какъ міръ физическій [2]); такъ-какъ, хотя у него и есть законы по своей природѣ неизмѣнные, но онъ не слѣдуетъ имъ съ тѣмъ постоянствомъ, съ которымъ физическій міръ слѣдуетъ своимъ законамъ. Причина этого въ томъ, что отдѣльныя разумныя существа по своей природѣ ограничены и потому способны заблуждаться и что, съ другой стороны, въ природѣ ихъ лежитъ стремленіе дѣйствовать по собственнымъ побужденіямъ. Поэтому они не соблюдаютъ постоянно своихъ первоначальныхъ законовъ и даже тѣмъ законамъ, которые они создаютъ сами для себя, они подчиняются не всегда.

Неизвѣстно, находятся-ли животныя подъ управленіемъ общихъ или какихъ-нибудь особенныхъ законовъ движенія. Какъ-бы то ни было, они не состоятъ къ Богу въ отношеніяхъ болѣе близкихъ, чѣмъ остальной матеріальный міръ; способность-же чувствовать служитъ имъ лишь для ихъ отношеній другъ къ другу, къ другимъ существамъ и къ самимъ себѣ.

Въ свойственномъ имъ влеченіи къ удовольствію каждое изъ нихъ находитъ средство для охраны своего отдѣльнаго бытія и то-же влеченіе служитъ имъ и для сохраненія рода. Они имѣютъ естественные законы, потому что соединены способностью чувствовать и не имѣютъ законовъ положительныхъ, потому что не соединены способностью познавать. Но они не слѣдуютъ неизмѣнно и своимъ естественнымъ законамъ: растенія, у которыхъ не замѣчается ни чувства, ни сознанія, лучше ихъ слѣдуютъ послѣднимъ.

Животныя лишены тѣхъ высокихъ преимуществъ, которыми мы обладаемъ; но у нихъ есть такія, которыхъ нѣтъ у насъ. У нихъ нѣтъ нашихъ надеждъ, но нѣтъ и нашихъ страховъ; они подобно намъ подлежатъ смерти, но не сознаютъ этого; большая часть ихъ даже охраняетъ себя лучше нашего и гораздо менѣе насъ злоупотребляетъ своими страстями.

Какъ существо физическое, человѣкъ, подобно всѣмъ прочимъ тѣламъ, управляется неизмѣнными законами; а какъ существо, одаренное умомъ, онъ безпрестанно нарушаетъ законы, установленные Богомъ [3]) и передѣлываетъ тѣ, которые самъ установилъ. Онъ долженъ руководить собою, и, однако, онъ существо ограниченное; какъ всякая конечная мысль,

[1]) Ниже, кн. VI, гл. XIX.

[2]) Міръ свободы управляется иначе, чѣмъ міръ физическій, но не одно-ли только невѣдѣніе наше заставляетъ насъ думать, что онъ менѣе хорошо управляется?

[3]) Ниже, кн. XXVI, гл. XIV.

онъ становится жертвою невѣденія и заблужденія и нерѣдко утрачиваетъ и тѣ слабыя познанія, которыя ему уже удалось пріобрѣсти; а какъ существо чувствующее, онъ находится во власти тысячи страстей. Такое существо способно ежеминутно забывать своего Создателя—и Богъ напоминаетъ ему о себѣ въ завѣтахъ религіи [2]); такое существо способно ежеминутно забывать самого себя—и философы направляютъ его законами морали; созданный для жизни въ обществѣ, онъ способенъ забывать своихъ ближнихъ—и законодатели призываютъ его къ исполненію его обязанностей посредствомъ законовъ политическихъ и гражданскихъ [1]).

ГЛАВА II.

О законахъ природы.

Всѣмъ этимъ законамъ предшествуютъ законы природы, названные такъ потому, что они вытекаютъ единственно изъ устройства нашего существа. Чтобы основательно познакомиться съ ними, надо разсмотрѣть человѣка во время, предшествовавшее образованію общества [2]). Законы, по которымъ онъ жилъ въ такомъ состояніи, и будутъ законами природы.

Тотъ законъ, который, напечатлѣвъ въ насъ идею Творца, влечетъ насъ къ нему, въ ряду естественныхъ законовъ занимаетъ первое мѣсто по своей важности, но не по порядку законовъ во времени. Человѣкъ въ природномъ состояніи обладаетъ болѣе способностью къ познанію, чѣмъ самими познаніями. Ясно, что первыя идеи его не будутъ принадлежать къ области спекулятивныхъ идей: прежде чѣмъ размышлять о началѣ своего бытія, онъ подумаетъ о его охраненіи [3]). Такой человѣкъ вначалѣ будетъ чувствовать лишь свою слабость. Онъ будетъ робокъ до чрезвычайности; и если-бы для подтвержденія этого потребовались примѣры, то они уже найдены въ лѣсахъ, обитаемыхъ дикарями [4]): все заставляетъ ихъ трепетать, все обращаетъ въ бѣгство.

Въ такомъ состояніи каждый чувствуетъ себя низшимъ по отношенію къ другимъ людямъ и много, если доходитъ до ощущенія равенства

---

[1]) *Защита Духа законовъ, первая часть, 11, седьмое и восьмое опроверженія.*

[2]) Это предположеніе химерическое и выводимыя изъ него заключенія — чистая фантазія. Монтескье самъ осудилъ подобныя мечтанія. *Персидскія письма.* XCIV, русск. пер. стр. 238.

[3]) «Мнѣ кажется, что намъ незачѣмъ скрывать, что у насъ чувство предшествуетъ знанію и пониманію. Признавая это, мы не только не оскорбляемъ Творца, но, напротивъ, входилъ въ его намѣренія, такъ какъ онъ пожелалъ, чтобы чувство нашего существованія побуждало насъ разыскивать начальную причину его». (Извлечено изъ книги *О духѣ законовъ*, стр. 3). См. также: *Защита духа законовъ, первая часть, 11, шестое опроверженіе.*

[4]) Доказательство: дикарь, найденный въ лѣсахъ Ганновера; онъ жилъ въ Англіи во время царствованія Георга 1. (М.).

съ ними. Стремленіе нападать другъ на друга чуждо такимъ людямъ; отсюда миръ является первымъ естественнымъ закономъ человѣка [2]).

Желаніе властвовать другъ надъ другомъ, которое Гоббсъ приписываетъ первобытнымъ людямъ, не можетъ быть оправдано разсужденіемъ [3]). Идея власти и господства до того сложна и зависитъ отъ такого множества другихъ идей, что не можетъ быть первой по времени идеей человѣка.

Если война не есть естественное состояніе людей, то почему-же, спрашиваетъ Гоббсъ [4]), они всегда ходятъ вооруженными и носятъ съ собою ключи отъ своихъ жилищъ? Но мы не замѣчаемъ, что здѣсь людямъ, существующимъ до установленія общественнаго быта, приписываются такія стремленія, которыя могутъ овладѣть ими только послѣ возникновенія этого быта, вмѣстѣ съ которымъ и возникаютъ для нихъ поводы къ нападенію и защитѣ.

Съ чувствомъ своей слабости человѣкъ соединяетъ ощущеніе своихъ нуждъ,—отсюда стремленіе добывать пищу будетъ вторымъ естественнымъ закономъ человѣка.

Я сказалъ, что страхъ побуждаетъ людей удаляться другъ отъ друга; но самое обнаруженіе факта взаимности этого страха скоро вызоветъ въ нихъ влеченіе къ сближенію. Ихъ кромѣ того влечетъ къ нему и чувство удовольствія, испытываемое каждымъ животнымъ при встрѣчѣ съ животнымъ той-же породы, причемъ то очарованіе, которое внушается другъ другу особями двухъ различныхъ половъ, еще болѣе увеличитъ это удовольствіе; отсюда возникаютъ отношенія, основанныя на взаимномъ упрашиваніи и составляющія третій естественный законъ человѣка.

Кромѣ чувствъ, которыми первоначально обладаютъ люди, они доходятъ еще и до пріобрѣтенія познаній; такимъ образомъ у нихъ есть вторая связь, которой нѣтъ у животныхъ, а слѣдовательно, и новый поводъ къ сближенію; отсюда—желаніе жить въ обществѣ есть четвертый естественный законъ человѣка [4]).

ГЛАВА III.

О законахъ положительныхъ.

Соединившись въ общества, люди утрачиваютъ сознаніе своей слабости; существовавшее между ними равенство исчезаетъ, и между ними начинается война [5]).

---

[1]) Это чистая гипотеза.
[2]) Гоббсъ жилъ среди гражданскихъ войнъ. (Гельвецій).
[3]) *In praef. lit, de Cive.*
[4]) Аристотель, *Политика*, кн. I, гл. 1.
[5]) Общественное состояніе не уничтожаетъ, или, покрайней мѣрѣ, не дол-

Каждое отдѣльное общество приходитъ къ сознанію своей силы; отсюда—состояніе войны между націями. Отдѣльныя лица въ каждомъ обществѣ начинаютъ ощущать свою силу и пытаются обратить въ свою пользу главныя выгоды этого общества;—отсюда война между отдѣльными лицами.

Эта двойная война побуждаетъ установить законы между людьми. Разсматриваемые какъ жители планеты, величина которой дѣлаетъ необходимымъ существованіе на ней многихъ различныхъ народовъ, люди имѣютъ законы, опредѣляющіе отношенія между этими народами: это *международное право*. Разсматриваемые какъ существа, живущія въ обществѣ, существованіе котораго нуждается въ охранѣ, они имѣютъ законы, опредѣляющіе отношенія между правителями и управляемыми: это *право политическое*. Есть у нихъ еще законы, коими опредѣляются отношенія всѣхъ гражданъ между собою: это *право гражданское*.

Международное право, естественно, основывается на томъ принципѣ, согласно которому различные народы должны, во время мира, дѣлать другъ другу какъ можно болѣе добра, а во время войны—нисколько возможно менѣе зла, не нарушая при этомъ своихъ истинныхъ интересовъ.

Цѣль войны—побѣда; цѣль побѣды—завоеваніе [1]); цѣль завоеванія—сохраненіе [2]). Изъ этого и предшествующаго принциповъ должны проистекать всѣ законы, образующіе международное право.

Международное право есть у всѣхъ народовъ; оно есть и у Ирокезовъ, поѣдающихъ своихъ плѣнниковъ: они отправляютъ и принимаютъ пословъ; имъ извѣстны нѣкоторые виды права войны и мира; дурно только, что это международное право основано не на истинныхъ принципахъ.

Кромѣ международнаго права, относящагося ко всѣмъ обществамъ есть еще политическое право для каждаго изъ нихъ отдѣльно. Общество не можетъ существовать безъ правительства. Соединеніе всѣхъ отдѣльныхъ силъ, какъ прекрасно говоритъ *Gravina*, «образуетъ то, что называется *политическимъ* (государственнымъ) *состояніемъ*».

Эта соединенная сила можетъ быть отдана въ руки или одному лицу или нѣсколькимъ лицамъ. Основываясь на томъ, что оте-

---

жно-бы уничтожать равенство; ему слѣдовало-бы защищать и обезпечить его. (Гельвецій).

[1]) Монтескье разсуждаетъ согласно идеямъ своего времени, идеямъ старымъ, какъ міръ. Въ настоящее время, съ развитіемъ труда и появленіемъ болѣе истинныхъ понятій о правѣ народовъ и индивидуумовъ, непозволительно уже говорить, что для народа цивилизованнаго цѣль побѣды заключается въ завоеваніи. Завоеванія, сдѣланныя вопреки желанію населенія, — это царство чистаго насилія, то-есть разбой, который не можетъ породить никакого права. Самъ Монтескье зналъ эту истину новаго международнаго права и ясно выразилъ ее въ *Персидскихъ письмахъ*, XCV, рус. перев. стр. 241.

[2]) Цѣль войны—получить удовлетвореніе за причиненное намъ зло и достаточное обезпеченіе отъ него въ будущемъ. Кто ведетъ войну по какому-либо иному побужденію, тотъ дѣйствуетъ противъ права народовъ. (Luzac).

ческая власть установлена самой природой, нѣкоторые [1]) полагаютъ, что правленіе одного—самое естественное изъ всѣхъ. Но примѣръ отеческой власти ничего не доказываетъ, ибо, если власть отца и представляетъ нѣкоторое соотвѣтствіе съ правленіемъ одного, то власть братьевъ или, по смерти ихъ, власть двоюродныхъ братьевъ соотвѣтствуетъ правленію нѣсколькихъ. Политическая власть необходимо предполагаетъ союзъ нѣсколькихъ семействъ.

Вѣрнѣе будетъ сказать, что наиболѣе сообразно съ природой то правительство, особенныя свойства котораго наиболѣе соотвѣтствуютъ характеру народа, для котораго оно установлено.

Силы отдѣльныхъ людей не могутъ объединиться, пока не пришли къ единству ихъ воли; это послѣднее единство и есть то, что, по новому прекрасному выраженію *Gravina*, называется *гражданскимъ состояніемъ*.

Законъ, говоря вообще, есть разумъ человѣческій, насколько онъ управляетъ народами земли; а законы политическіе и гражданскіе каждаго народа должны быть не болѣе какъ частными случаями приложенія этого разума.

Эти законы должны находиться въ такомъ тѣсномъ соотвѣтствіи со свойствами народа, для котораго они установлены, что только въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ законы одного народа могутъ оказаться пригодными и для другого народа.

Необходимо, чтобы законы соотвѣтствовали природѣ и принципамъ установленнаго или установляемаго правительства, имѣютъ-ли они цѣлью устройство его,—что есть дѣло законовъ политическихъ,—или только поддержаніе его существованія,—что есть дѣло гражданскихъ законовъ.

Они должны соотвѣтствовать физическимъ свойствамъ страны, ея климату—холодному, жаркому или умѣренному,—качествамъ ея почвы, ея положенію, ея величинѣ, образу жизни ея народовъ—земледѣльцевъ, охотниковъ или пастуховъ,—степени свободы, допускаемой устройствомъ государства, религіи населенія, его склонностямъ, богатству, численности, торговлѣ, нравамъ и обычаямъ; наконецъ, они должны состоять въ извѣстномъ отношеніи другъ къ другу, къ условіямъ своего происхожденія, къ цѣлямъ законодателя и къ порядку вещей, на которомъ они утверждаются [2]). Ихъ нужно разсмотрѣть со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія.

Это именно я и предполагаю сдѣлать въ настоящей книгѣ. Въ ней будутъ изслѣдованы всѣ эти отношенія: совокупность ихъ образуетъ то, что называется *Духомъ законовъ*.

---

[1]) Эта доктрина изложена Фильмеромъ въ его *Patriarchia*. Локкъ опровергалъ Фильмера въ своемъ разсужденіи о *Гражданскомъ правленіи*, V; а Ж. Ж. Руссо въ *Общественномъ договорѣ*. (Contrat social).

[2]) Въ изданіи *Духа законовъ* 1751 г. всѣ эти различныя обстоятельства отчетливо различены посредствомъ подраздѣленій, сохранившихся въ *Перечнѣ книгъ и главъ*. Мы возстановляемъ ихъ въ этомъ новомъ изданіи.

Въ этомъ изслѣдованіи я не отдѣляю политическихъ законовъ отъ гражданскихъ, такъ какъ, занимаясь изслѣдованіемъ не законовъ, а духа законовъ, который заключается въ различныхъ отношеніяхъ законовъ къ различнымъ предметамъ, я долженъ былъ сообразоваться не столько съ естественнымъ порядкомъ законовъ, сколько съ естественнымъ порядкомъ этихъ отношеній и предметовъ.

Я начну съ разсмотрѣнія тѣхъ отношеній, въ которыхъ законы состоятъ къ природѣ и принципу каждаго правительства, при чемъ, въ виду рѣшительнаго вліянія, оказываемаго этимъ принципомъ на законы, постараюсь основательно познакомиться съ нимъ. И разъ мнѣ удастся установить этотъ принципъ — законы вытекутъ изъ него, какъ изъ своего источника. Затѣмъ я перейду къ разсмотрѣнію другихъ, повидимому, болѣе частныхъ отношеній.

КНИГА ВТОРАЯ.

О законахъ, вытекающихъ непосредственно изъ природы правительства.

ГЛАВА I.

О природѣ трехъ различныхъ родахъ правленія.

Есть три образа правленія: республиканскій, монархическій и деспотическій. Чтобы обнаружить ихъ природу достаточно и тѣхъ представленій, которыя имѣютъ о нихъ наименѣе посвященные люди. Я предполагаю три опредѣленія или, вѣрнѣе, три факта [1]): «республиканское правленіе — это-то, гдѣ верховная власть находится въ рукахъ или всего народа или части его; монархическое, гдѣ управляетъ одинъ человѣкъ, но посредствомъ установленныхъ неизмѣнныхъ законовъ; между тѣмъ какъ въ деспотическомъ все внѣ всякихъ законовъ и правилъ движется волей и произволомъ одного лица».

Вотъ что я называю природой правленія. Предстоитъ разсмотрѣть, каковы законы, непосредственно вытекающіе изъ этой природы и, стало быть, имѣющіе значеніе основныхъ краеугольныхъ законовъ.

ГЛАВА II.

О республиканскомъ правленіи и законахъ, относящихся къ демократіи [2]).

Если въ республикѣ верховная власть принадлежитъ всему народу, то

---

[1]) Поясненіе этого своеобразнаго подраздѣленія можно найти въ *Персидскихъ письмахъ*, CXXXI, русск. пер. стр. 278.

[2]) Въ связи съ этой главой см. изложеніе основныхъ законовъ демократи-

это демократія [1]). Если верховная власть находится въ рукахъ части народа—это называется аристократіей.

Народъ въ демократіи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ является государемъ, а въ нѣкоторыхъ иныхъ—подданнымъ.

Государемъ онъ является только въ силу своихъ голосованій, коими онъ изъявляетъ свою волю. Воля государя есть самъ государь. Поэтому законы, опредѣляющіе право голосованія, составляютъ основные законы этого вида правленія. Въ самомъ дѣлѣ, для республики столь-же важно опредѣлить, какъ, кѣмъ, предъ кѣмъ и о чемъ будутъ производиться голосованія, какъ для монархіи—знать, кто государь и какъ онъ долженъ управлять.

Либаній [2]) говоритъ, что въ Аѳинахъ иностранецъ, вмѣшавшійся въ народное собраніе, подлежалъ смертной казни: онъ былъ виновенъ въ узурпаціи правъ верховной власти.

Существенно важно опредѣлить число гражданъ, изъ коихъ состоитъ народное собраніе; безъ этого нельзя было бы знать, высказался ли весь народъ или только часть его. Въ Лакедемонѣ требовалось десять тысячъ гражданъ. Въ Римѣ, рожденномъ въ ничтожествѣ, чтобы достигнуть величія; въ Римѣ, созданномъ для того, чтобы извѣдать всѣ превратности фортуны; въ Римѣ, который то видѣлъ всѣхъ своихъ гражданъ внѣ своихъ стѣнъ, то заключалъ въ своихъ стѣнахъ всю Италію и часть земного шара,—это число не было опредѣлено [3]), и въ этомъ заключалась одна изъ главнѣйшихъ причинъ его паденія.

Народъ, обладающій верховною властью, долженъ дѣлать самъ все, что онъ въ состояніи хорошо выполнить, а то, что онъ не можетъ выполнить, онъ долженъ дѣлать черезъ посредство своихъ уполномоченныхъ (министровъ).

Но эти уполномоченные не будутъ таковыми, если они не назначены самимъ народомъ; поэтому основное начало этого вида правленія требуетъ, чтобы народъ самъ назначалъ отъ себя правителей, т. е. должностныхъ лицъ государства.

ческой конституціи во II гл. VI кн. *Политики* Аристотеля. То мѣсто этой книги, гдѣ Аристотель обсуждаетъ вопросъ, «каковы должны быть принципы законовъ въ ихъ отношеніяхъ къ различнымъ родамъ правленія», могло навести Монтескье на основную идею его безсмертнаго творенія (Parrele).

[1]) Должно имѣть въ виду, что, говоря *демократія,* Монтескье имѣетъ въ виду Аѳины и Римъ. И когда онъ говоритъ: «существенно важно, чтобы было опредѣлено число гражданъ, изъ которыхъ должно состоять народное собраніе... въ народномъ государствѣ народъ обыкновенно раздѣляется на извѣстное число классовъ» и т. д., то это значитъ: «вотъ что дѣлалось въ республикахъ аѳинской и римской». Особенно-же не слѣдуетъ упускать изъ виду, что обобщенія автора имѣютъ значеніе лишь въ предѣлахъ тѣхъ фактовъ, которыхъ касаются его наблюденія.

[2]) *Декламаціи* 17 и 18 (М.)

[3]) См. *Размышленія о причинахъ величія и паденія римлянъ*, гл. IX (М.)

Народъ не менѣе монарховъ, и даже больше ихъ, нуждается въ руководительствѣ совѣта или сената [1]). Но чтобы имѣть къ нимъ довѣріе, онъ долженъ самъ избирать членовъ этихъ учрежденій или непосредственно, какъ въ Аѳинахъ, или чрезъ посредство нарочно установленныхъ для выбора ихъ лицъ, какъ это дѣлалось въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ Римѣ [2]).

Народъ въ высшей степени удачно избираетъ тѣхъ, кому онъ долженъ поручить часть своей власти. Тутъ ему нужно руководиться лишь обстоятельствами, которыхъ онъ не можетъ не знать и самыми очевидными фактами. Онъ знаетъ наприм., что такой-то человѣкъ часто бывалъ на войнѣ и воевалъ успѣшно — и вотъ, онъ уже способенъ избрать полководца. Онъ знаетъ, что такой-то судья усердно исполняетъ свои обязанности, никогда не былъ уличенъ въ подкупности и что люди вообще довольны имъ—и онъ уже достаточно освѣдомленъ для избранія претора. Онъ пораженъ роскошью и щедростью какого-нибудь гражданина и вотъ, все, что ему нужно знать, для выбора эдила. Все это вещи, которымъ онъ научается на своихъ площадяхъ гораздо лучше, чѣмъ монархи въ своихъ дворцахъ [3]). Но съумѣетъ ли онъ самъ повести какое-нибудь дѣло, воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, мѣстомъ, моментомъ? Нѣтъ, этого онъ не съумѣетъ сдѣлать.

Еслибы кто-либо усомнился въ естественной способности народа распознавать достоинства избираемыхъ имъ лицъ, то пусть онъ броситъ взглядъ на этотъ непрерывный рядъ удивительно удачныхъ выборовъ, которые были произведены аѳинями и римлянами и которые, конечно, невозможно объяснять случайностью.

Извѣстно, что хотя въ Римѣ народъ и предоставилъ себѣ право поручать отправленіе государственныхъ должностей плебеямъ, онъ, однако, никакъ не могъ рѣшиться выбирать ихъ [4]); и хотя въ Аѳинахъ, по закону Аристида,

---

[1]) Аристотель. *Политика*, кн. VI, гл. II.

[2]) Въ Римѣ сенаторы всегда избирались особыми уполномоченными отъ народа сановниками: консуломъ, цензоромъ, императоромъ. Но во время республики курульные сановники засѣдали въ сенатѣ, гдѣ и оставались и по окончаніи срока ихъ полномочій до ближайшаго ценза, когда цензоръ вносилъ ихъ въ списки сенаторовъ. Такимъ образомъ, на самомъ дѣлѣ народъ косвенно назначалъ большую часть сенаторовъ.

[3]) Все это могло быть справедливо по отношенію къ Аѳинамъ и къ Риму, въ пору расцвѣта этихъ республикъ, т. е. въ небольшихъ городахъ, населеніе которыхъ состояло изъ свободныхъ людей, представлявшихъ собою настоящую аристократію, весь численный составъ которой могъ умѣститься въ тѣсныхъ границахъ агоры или форума. Но можно ли сказать то-же о большихъ государствахъ нашего времени и даже о нашихъ большихъ городахъ? Не говоря о прочемъ, кто не знаетъ, что въ нѣкоторыхъ штатахъ сѣверо-американской республики избраніе судей народомъ дало такіе плохіе результаты, что въ виду ихъ не одна страна имѣла благоразуміе отказаться отъ этого способа назначенія судей. Но разъ дѣло идетъ о выборѣ депутатовъ — вопросъ измѣняется, и тутъ Монтескье правъ. — Бенжаменъ Констанъ. *Esquisse d'une constitution* Ch. IV. *Cours du droit constitutionnel*, t. 1.

[4]) Маккіавелли.—Разсужденіе о *Титѣ-Ливіи*, кн. I, гл. XLVII.—*Размышленіе о величіи и паденіи римлянъ*, гл. VIII.

дозволялось избирать на эти должности лицъ изо всѣхъ классовъ, простой народъ, по словамъ Ксенофонта [1]), никогда не обращался къ тѣмъ изъ нихъ, которымъ всего ближе было радѣть о его благополучіи и славѣ.

Какъ граждане почти всегда достаточно способны быть избирателями, но не имѣютъ всѣхъ нужныхъ качествъ для того, чтобы быть избираемыми; такъ народъ способенъ требовать отчета у лицъ, завѣдывающихъ его дѣлами, но не способенъ завѣдывать этими дѣлами самъ.

Необходимо, чтобы дѣла шли, и шли не слишкомъ скорымъ и не слишкомъ замедленнымъ шагомъ; но народъ всегда или не въ мѣру рьянъ или совсѣмъ безучастенъ. Иногда своими сотнями тысячъ рукъ онъ все ниспровергаетъ, но иногда на своихъ сотняхъ тысячъ ногъ онъ ползетъ, какъ насѣкомое.

Въ демократическомъ государствѣ народъ раздѣляется на извѣстные классы. Въ различныхъ способахъ производить это раздѣленіе, проявилъ себя по преимуществу геній великихъ законодателей, и отъ него-то и зависѣли всегда прочность и процвѣтаніе демократіи.

Сервій Туллій создавалъ свои классы въ духѣ аристократіи. Титъ Ливій [2]) и Діонисій Галикарнасскій [3]) разсказываютъ намъ, какъ онъ сосредоточилъ право голосованія въ рукахъ главныхъ гражданъ. Онъ раздѣлилъ римскій народъ на восемьдесятъ три центуріи, образовавшихъ шесть классовъ. Отнеся богатыхъ въ относительно меньшемъ количествѣ въ первыя центуріи, а менѣе богатыхъ, въ количествѣ сравнительно большемъ, въ слѣдующія, онъ отбросилъ всю массу бѣдняковъ въ одну послѣднюю центурію. И, такъ какъ центуріи имѣли только по одному голосу каждая [4]), то выходило, что право голоса принадлежало не столько лицамъ, сколько ихъ богатству.

Солонъ раздѣлилъ народъ аѳинскій на четыре класса. Руководимый демократическимъ духомъ, онъ образовалъ ихъ для того, чтобы обозначить не тѣхъ, которые должны избирать, а тѣхъ, которые могутъ быть избираемы; оставивъ за каждымъ гражданиномъ право избранія, онъ разрѣшилъ [5]) избирать судей въ каждомъ изъ этихъ четырехъ классовъ, между тѣмъ какъ на главныя государственныя должности могли быть избираемы лица только первыхъ трехъ классовъ, состоящихъ изъ болѣе достаточныхъ гражданъ [6]).

Какъ раздѣленіе на классы лицъ, имѣющихъ право голоса, составляетъ

---

[1]) Стр. 691 и 692 издан. Wechelius'a—1596 г. (М.)

[2]) Кн. 1. (М.)

[3]) Кн. IV, парагр. 15 и слѣд. (М.)

[4]) Въ главѣ IX *Размышленій о причинахъ величія и упадка римлянъ* можно видѣть, какъ этотъ духъ Сервія Туллія сохранился въ республикѣ.

[5]) Діонисій Галикарнасскій, *Похвала Исократу*, стр. 97, т. II, изд. Вехеліуса. Pollux, книга VIII, глава X, парагр. 13. (М.)

[6]) Аристотель. *Политика*, кн. II, гл. XII.

основной законъ въ республикѣ, такъ способъ подачи голосовъ является другимъ основнымъ закономъ ея.

Назначеніе по жребію свойственно демократіи [1]); назначеніе по выборамъ—аристократіи.

Жребій представляетъ самый безобидный способъ избранія: онъ предоставляетъ каждому гражданину возможность послужить отечеству.

Но такъ какъ въ этомъ именно состоитъ недостатокъ этого способа, то великіе законодатели превзошли себя въ усиліяхъ исправить и упорядочить его.

Въ Аѳинахъ Солонъ постановилъ, чтобы для всѣхъ военныхъ должностей назначеніе происходило по выбору, а сенаторы и судьи назначались по жребію.

Онъ хотѣлъ, чтобы тѣ изъ гражданскихъ должностей, отправленіе которыхъ требовало большихъ расходовъ, доставались по выбору, а прочія—по жребію.

Но для исправленія недостатковъ, связанныхъ съ назначеніемъ по жребію, онъ опредѣлилъ, что подвергаться этому способу избранія могутъ лишь тѣ лица, которыя сами того пожелаютъ; что достоинство избранныхъ такимъ образомъ лицъ должно подлежать разсмотрѣнію судей [2]), и что каждый гражданинъ можетъ уличать ихъ въ томъ, что они недостойны избранія [3]). Такимъ образомъ получалось нѣчто среднее между избраніемъ и жребіемъ. Наконецъ, отбывъ срокъ отправленія должности, приходилось еще подвергаться обсужденію того, какъ она была отправляема. Все это должно было въ значительной степени удерживать людей неспособныхъ отъ кандидатуры въ жеребьевкѣ.

Законъ, опредѣляющій самую форму подачи избирательныхъ бюллетеней, также принадлежитъ къ основнымъ законамъ демократія. Здѣсь особую важность имѣетъ вопросъ, будетъ-ли голосованіе открытымъ или тайнымъ [4]). Цицеронъ [5]) пишетъ, что законы [6]), сдѣлавшіе его тайнымъ,

---

[1]) Аристотель. *Политика*, кн. IV, гл. IX. Таковъ былъ способъ назначенія на нѣкоторыя государственныя должности, принятый въ нѣсколькихъ греческихъ городахъ; но трудно видѣть въ такомъ грубомъ способѣ видъ избранія, свойственный *природѣ демократіи*.

[2]) См. рѣчи Демосѳена: *De falsa Legat.* и противъ Тимарха. (М.)

[3]) Вынималось даже по два жребія для каждой должности: одинъ, присуждавшій самую должность, а другой съ именемъ замѣстителя на случай, если-бы первый не былъ избранъ. (М.)

[4]) Вопросъ времени и мѣста, котораго нельзя рѣшать посредствомъ общей формулы.

[5]) Кн. I и III—о законахъ.

[6]) Они назывались *законами табулларій* (законами дощечекъ) каждому гражданину давали по двѣ дощечки, т. е. два бюллетеня: одну съ буквою A, что значило—*Antiquo*; другую съ буквами *U* и *R*, что значило *uti rogas* (М.). Такъ было, когда народу предстояло высказаться о какомъ-нибудь предложенномъ ему законѣ. Но, само собою разумѣется, что иначе должны были поступать, когда дѣло заключалось въ выборѣ должностныхъ лицъ, такъ какъ въ

въ послѣднія времена римской республики, были одною изъ главныхъ причинъ ея паденія. Имѣя въ виду различныя отношенія къ этому вопросу разныхъ республикъ, вотъ что, полагаю я, слѣдуетъ сказать о немъ.

Когда голоса подаетъ народъ, то голосованіе, несомнѣнно, должно быть открытымъ [1]), и въ этомъ слѣдуетъ видѣть основной законъ демократіи. Нужно, чтобы народная толпа могла быть вразумляема руководителями и сдерживаема внушительной важностью извѣстныхъ особъ. Поэтому, когда въ римской республикѣ было введено тайное голосованіе, все въ ней стало разрушаться; не было уже болѣе возможности вразумить погибающій народъ. Когда-же голоса подаются въ аристократіи [2]) корпораціей дворянъ или въ демократіи сенатомъ [3]), и когда, поэтому, все дѣло сводится лишь къ предупрежденію происковъ честолюбія, то въ этихъ случаяхъ находитъ примѣненіе самая строгая тайна голосованія.

Происки честолюбія опасны въ сенатѣ и въ знати; но они не опасны въ народѣ, которому свойственно дѣйствовать по увлеченію страсти [4]). Въ государствахъ, гдѣ народъ не имѣетъ никакого участія въ управленіи, онъ будетъ увлекаться какимъ-нибудь актеромъ, также какъ въ другихъ случаяхъ увлекался-бы дѣлами [5]). Полное отсутствіе честолюбивыхъ стремленій — большое несчастіе для республики. Оно постигаетъ ее, когда народъ развращенъ подкупами; онъ становится тогда равнодушнымъ, пристращается къ деньгамъ, но не интересуется дѣлами и, беззаботный относительно правительства и его намѣреній, спокойно ожидаетъ подачки.

Къ основнымъ законамъ демократіи принадлежитъ и тотъ, въ силу котораго власть издавать законы должна принадлежать только народу. И однако есть тысячи случаевъ, когда бываютъ необходимы постановленія сената [6]); часто полезно даже испробовать законъ, прежде чѣмъ устано-

такомъ случаѣ надо было вручить каждому гражданину столько бюллетеней, сколько было кандидатовъ на эти должности (Crévier).

[1]) Въ Аѳинахъ оно выражалось поднятіемъ рукъ (М.) *Porrexerunt manus, et psephisma natum est.* Cic., *Pro Flacco*, c. VII.

[2]) Какъ въ Венеціи. (М.)

[3]) Тридцать тирановъ Аѳинъ хотѣли сдѣлать публичными голосованія *Areonaga*, чтобы управлять ими по своей фантазіи. *Lysias*, *Orat. contra Agorat.*, cap. VIII (М.).

[4]) Есть эпохи, въ которыя все энергичное пугаетъ; это тѣ эпохи, когда тираннія готовится основать свое владычество, а раболѣпіе разсчитываетъ извлечь изъ этого выгоды для себя. Тогда прославляютъ кротость, гибкость, частныя добродѣтели, мистическія умствованія. Но это эпохи нравственнаго разслабленія. Избранниками народа должны быть люди, которые владѣютъ его умомъ, которые пріобрѣли право на его уваженіе и признательность, и эти люди, наиболѣе энергичные, будутъ и наиболѣе умѣренными.—Б. Констанъ. *Principes de politique*, ch. V. *Cours de droit const.*, tome 1, page 46.

[5]) Ниже, кн. XIX, гл. III.

[6]) См. Діон. Галикарнасскаго, кн. IV и IX. (М).—Смѣю сказать, что эта предполагаемая предварительная проба законовъ до ихъ утвержденія есть не болѣе какъ химера, и что во всей исторіи римской республики нельзя найти ни одного

вить его окончательно. Конституціи Рима и Аѳинъ были въ этомъ отношеніи весьма мудры. Опредѣленія сената имѣли тамъ силу закона впродолженіе года и обращались въ постоянный законъ только по волѣ народа.

ГЛАВА III.

О законахъ, относящихся къ природѣ аристократіи.

Въ аристократіи [1]) верховная власть находится въ рукахъ извѣстнаго числа лицъ. Эти лица издаютъ законы и заставляютъ исполнять ихъ; остальной-же народъ относится къ нимъ также, какъ въ монархіи, подданные къ своему государю.

Здѣсь выборъ по жребію не долженъ имѣть мѣста; онъ проявилъ-бы здѣсь лишь свои дурныя стороны. Въ самомъ дѣлѣ, въ правленіи, которое уже установило самыя прискорбныя различія между людьми, не станешь менѣе ненавистнымъ оттого, что будешь выбранъ по жребію: тутъ завидуютъ не служебной должности человѣка, а его знатности.

Если число знати очень велико, то является необходимость въ сенатѣ для рѣшенія дѣлъ, которыя знать не въ состояніи рѣшать сама и для подготовки тѣхъ дѣлъ, которыя подлежатъ ея рѣшенію. Въ этомъ случаѣ можно сказать, что сенатъ представляетъ собою аристократію, господствующее сословіе—демократію, а народъ—ничто [2]).

Въ аристократическомъ государствѣ должно почитать за большое счастье, если народъ будетъ какимъ-нибудь косвеннымъ путемъ выведенъ изъ такого своего небытія. Такъ, вслѣдствіе того, что генуэскій банкъ св. Георгія управляется [3]) по бо̀льшей части почетными лицами изъ народа [4]), народъ получаетъ возможность оказывать нѣкоторое вліяніе на правительство, отъ чего зависитъ все его благосостояніе.

Сенаторы не должны имѣть права замѣщать вакантныя мѣста въ сенатѣ: это повело-бы къ большимъ злоупотребленіямъ. Въ Римѣ, который

примѣра, оправдывающаго такое предположеніе. Въ области распоряженій административныхъ, которыя должны измѣняться сообразно съ обстоятельствами, сенатъ, правда, часто дѣлалъ постановленія на годичные сроки, какъ, напримѣръ, въ случаѣ когда онъ дѣлилъ управленіе области между двумя консулами или опредѣлялъ число легіоновъ, назначенныхъ къ выступленію въ походъ и т. д. Ничего иного и нельзя видѣть въ словахъ Діонисія Галикарнасскаго; но по отношенію къ законамъ сенатъ имѣлъ право первый обсуждать ихъ и сообщать свое мнѣніе о нихъ народу, который, однако, рѣшалъ, какъ ему заблагоразсудилось и произносилъ свое окончательное мнѣніе, какъ самодержецъ (Crévier).

[1]) Говоря объ аристократіи, Монтескье всегда имѣетъ въ виду Венецію.

[2]) Таково государственное устройство Венеціи съ его Большимъ совѣтомъ, гдѣ засѣдаютъ нобили, и сенатомъ.

[3]) А. В. Банкъ Св. Георгія, который управляется народомъ, даетъ ему нѣкоторое вліяніе и т. д.

[4]) См. Аддиссона — *Voyages d'Italie*, стр. 16 (М.) Юмъ. *Essais morales et politiques*, IV *essai*. Маккіавелли, *Delle Istorie fiorentine*, lib. VIII.

первоначально былъ видомъ аристократіи, сенатъ не пополнялся самъ собою: новые сенаторы назначались [1]) цензорами.

Чрезмѣрная власть, внезапно предоставленная въ республикѣ гражданину, образуетъ монархію и даже больше чѣмъ монархію. Въ послѣдней есть законы. охраняющіе государственное устройство, или приспособленные къ его требованіямъ, такъ что тутъ принципъ правленія сдерживаетъ государя; но гражданинъ, получившій [2]) чрезвычайную власть въ республикѣ, имѣетъ гораздо болѣе возможности злоупотреблять ею, такъ какъ тутъ онъ не встрѣчаетъ никакого противодѣйствія со стороны законовъ, не предвидѣвшихъ этого обстоятельства.

Исключеніе изъ этого правила допустимо лишь въ томъ случаѣ, когда самое устройство государства таково, что оно нуждается въ должности, сопряженной съ чрезвычайною властью. Таковъ былъ Римъ съ своими диктаторами; такова Венеція со своими государственными инквизиторами: это страшныя власти, насильственно возвращающія государство къ утраченной свободѣ [3]). Но чѣмъ объясняется столь существенное различіе между обоими учрежденіями въ этихъ двухъ республикахъ? Тѣмъ, что въ Римѣ диктатура была призвана для защиты остатковъ его аристократіи противъ народа, тогда какъ Венеція пользовалась своими государственными инквизиторами для поддержанія своей аристократіи противъ знати [4]). Отсюда слѣдовало, что въ Римѣ диктатура была кратковременной, потому что народомъ двигаютъ не обдуманныя намѣренія, а вспышки страсти; что она должна была дѣйствовать гласно и торжественно, потому что имѣла въ виду устранить народъ, а не карать его; что диктаторъ назначался только для одного опредѣленнаго дѣла и только въ границахъ этого дѣла пользовался своею безпредѣльною властью, потому что назначеніе диктатора всегда вызывалось какимъ-нибудь непредвидѣннымъ случаемъ. Наоборотъ, въ Венеціи инквизиція должна быть учрежденіемъ постояннымъ: здѣсь зарождаются намѣренія, здѣсь они развиваются, откладываются и снова появляются, здѣсь честолюбіе одного лица переходитъ къ семейству, а отъ одного семейства ко многимъ. Здѣсь необходимо тайное судилище, потому что преступленія, которыя оно караетъ, имѣютъ глубокіе корни и зарождаются въ тишинѣ и тайнѣ. Власть этого судилища должна распространяться на всѣ дѣла, потому что цѣль его прекращать не только уже извѣстное зло, но и предупреждать то, которое еще никому неизвѣстно. Наконецъ эта послѣдняя установлена, чтобы

---

[1]) Прежде они назначались консулами. (М.) Sup. ch. II.

[2]) Это и было причиной паденія римской республики. См. *Размышленіе о причинахъ величія и паденія римлянъ*, гл. XIV и XVI. (М.)

[3]) Ниже, кн. V, гл. VIII; кн. XI, гл. VI.

[4]) Въ Венеціи была поговорка, что тамъ тысяча благородныхъ рабовъ управляетъ милліонами свободныхъ людей. Cataneo, *Источникъ, сила и истинный Духъ Законовъ*. Гага, 1753, стр. 220.

мстить за преступленія, существованіе которыхъ она подозрѣваетъ, между тѣмъ какъ первая дѣйствовала болѣе угрозами, чѣмъ карами даже противъ преступленій, въ которыхъ виновные уже сознались.

Во всѣхъ установленіяхъ подобнаго рода обширность власти должна имѣть свой противовѣсъ въ кратковременности ея существованія [1]). Большинство законодателей назначаетъ ей срокъ въ одинъ годъ. Бо́льшая продолжительность была-бы опасна, а меньшая — противна природѣ вещей. Кто принялъ-бы ее даже для управленія домашними дѣлами? Въ Рагузѣ [2]) глава республики смѣняется каждый мѣсяцъ, прочія должностныя лица—каждую недѣлю, а комендантъ крѣпости — каждый день. Но это можетъ имѣть мѣсто лишь въ небольшой республикѣ [3]), окруженной могущественными державами, которымъ не трудно было-бы подкупать ничтожныхъ должностныхъ лицъ.

Лучшая аристократія та, гдѣ часть народа, не принимающаго никакого участія во власти, до того бѣдна и малочисленна, что у господствующихъ партій нѣтъ никакой выгоды угнетать ее. Такъ, Антипатръ [4]) своимъ постановленіемъ, лишавшимъ въ Аѳинахъ права голоса всѣхъ, у кого не было двухъ тысячъ драхмъ, образовалъ лучшую изъ возможныхъ аристократій, потому что этотъ цензъ былъ такъ малъ, что исключалъ лишь очень немногихъ и никого изъ гражданъ, пользовавшихся нѣкоторымъ почетомъ въ городѣ.

Итакъ, аристократическіе роды должны, насколько это возможно, сливаться съ народомъ. Аристократія будетъ тѣмъ лучше, чѣмъ она болѣе приближается къ демократіи и тѣмъ хуже, чѣмъ она болѣе приближается къ монархіи.

Худшая изъ аристократій та, гдѣ часть народа, который повинуется, находится въ гражданскомъ рабствѣ у той, которая повелѣваетъ, какова, напр., аристократія Польши, гдѣ крестьяне—рабы дворянства.

ГЛАВА IV.

О законахъ въ ихъ отношеніяхъ къ природѣ монархическаго правленія [5]).

Власти посредствующія, подчиненныя и зависимыя образуютъ природу правленія монархическаго, т.-е. такого, гдѣ правитъ одно лицо посредствомъ основныхъ законовъ [6]). Я сказалъ: посредствующія, подчиненныя

---

[1]) Аристотель. *Политика*, кн. V, гл. VIII.

[2]) *Путешествія* Турнефора. (М.).

[3]) Въ Луккѣ должностныя лица избираются лишь на два мѣсяца. (М).

[4]) Діодоръ, кн. XVIII, стр. 601, изд. Rhodoman (М) См. гл. II-ую *Объясненій къ Духу Законовъ*, слѣдующихъ за *Защитой*. Монтескье отвѣчаетъ тамъ на критики Journal de Trevoux. Ниже, кн. XXIV, гл. XXIV.

[5]) Подъ монархіей Монтескье разумѣетъ французскую монархію.

[6]) По мнѣнію нашихъ древнихъ юристовъ, во Франціи было нѣсколько основныхъ законовъ, и сами короли объявляли себя въ *счастливой невозмож-*

и зависимыя потому, что въ монархіи источникъ всякой политической и гражданской власти есть самъ государь. Эти основные законы необходимо предполагаютъ существованіе посредствующихъ каналовъ, по которымъ движется власть, такъ какъ если въ государствѣ нѣтъ ничего, кромѣ моментальной и капризной воли одного, то въ немъ ничего не можетъ быть устойчиваго, а слѣдовательно, и никакого основного закона.

Самая естественная изъ этихъ посредствующихъ и подчиненныхъ властей есть власть дворянства. Она нѣкоторымъ образомъ содержится въ самой сущности монархіи, основное правило которой: «Нѣтъ монарха, нѣтъ и дворянства, нѣтъ дворянства, нѣтъ и монарха» [1]). Но есть деспотъ.

Есть люди, которые въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы задумали отмѣнить юрисдикцію отдѣльныхъ владѣтелей. Они не видѣли, что добивались того, что было сдѣлано англійскимъ парламентомъ. Уничтожьте въ монархіи прерогативы господъ, духовенства, дворянства и городовъ, и вы скоро получите въ результатѣ государство народное, или-же деспотическое [2]).

Трибуналы одной великой европейской державы [3]) впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ не перестаютъ поражать своими ударами патримоніальную юрисдикцію господъ и духовенства. Не хотимъ критиковать этихъ столь мудрыхъ судей, но предоставляемъ подумать о томъ, до какой степени можетъ измѣниться отъ этого государственное устройство.

Я не питаю никакого пристрастія къ привилегіямъ духовенства, но мнѣ хотѣлось-бы что-бы его юрисдикція была разъ навсегда точно опредѣлена. Вопросъ не въ томъ, слѣдовало-ли ее устанавливать, а въ томъ, установлена-ли она; составляетъ-ли она часть законовъ страны, связанную извѣстными отношеніями со всѣми прочими ея учрежденіями; должна-ли

кости измѣнить ихъ. Таковъ былъ законъ салическій, исключавшій женщинъ изъ права престолонаслѣдія; таково было раздѣленіе сословій и вотированіе налоговъ генеральными штатами. Въ концѣ послѣдняго столѣтія, подъ заглавіемъ *Правила французскаго публичнаго права*, было издано два тома in 4° съ цѣлью доказать, что этими основными законами охраняются самыя драгоцѣнныя права свободнаго народа. Къ несчастію, эти законы, или вѣрнѣе основные обычаи, служили удобнымъ предлогомъ для успокоенія парламента, замышлявшаго оппозицію; но если задаться вопросомъ, какія средства добиться справедливости имѣлъ подданный, угнетенный, ограбленный, брошенный въ тюрьму безъ суда и обобранный безъ вознагражденія, то окажется, что эти основные законы, за отсутствіемъ политическихъ гарантій, были пустыми словами. Духовенство, дворянство и парламенты пользовались ими для защиты своихъ привилегій, но говорить, что ранѣе 1789 г. во Франціи была свобода и обезпеченіе отъ произвола, значитъ уже злоупотреблять правомъ смѣяться надъ людьми. Ниже, кн. V, гл. II.

[1]) Это правило напоминаетъ слова Карла I-го англійскаго: «*нѣтъ креста, нѣтъ и короны*» (No cross, no crown.).

[2]) Французская революція вполнѣ оправдала это замѣчаніе.

[3]) Франціи.

существовать нѣкоторая взаимность въ положеніи двухъ властей, признаваемыхъ независимыми, и не все-ли равно для всякаго добраго подданнаго защищать юстицію государя или тѣ границы, которыя она всегда предписывала себѣ.

Насколько власть духовенства пагубна въ республикѣ, настолько она умѣстна въ монархіяхъ и въ особенности въ тѣхъ, которыя склоняются къ деспотизму. Что сталось-бы съ Испаніей и Португаліей, послѣ утраты ихъ законовъ, безъ этой власти, которая одна только сдерживаетъ могущество произвола? За неимѣніемъ другихъ преградъ, хороша и эта, такъ какъ въ виду ужасныхъ золъ, которыя деспотизмъ причиняетъ природѣ человѣка, даже зло, которое ограничиваетъ его, есть уже благо.

Подобно тому какъ море, стремящееся, повидимому, затопить всю землю, останавливается на своемъ пути травами и малѣйшими камешками, разсыпанными по его берегамъ; такъ и монархи съ ихъ, повидимому, безграничной властью, останавливаются передъ малѣйшими препятствіями, смиряя свойственную имъ гордость передъ обращенной къ нимъ жалобой и мольбой.

Англичане, покровительствуя свободѣ, уничтожили всѣ посредствующія власти, входившія въ составъ ихъ монархіи. И они сто разъ правы, сохраняя эту свободу; утративъ ее, они стали-бы самымъ рабскимъ народомъ на землѣ.

Г. Лоу [1]), вслѣдствіе равнаго непониманія государственнаго устройства республики и монархіи, былъ однимъ изъ величайшихъ поборниковъ деспотизма, какихъ когда-либо видѣла Европа. Кромѣ сдѣланныхъ имъ измѣненій, столь рѣзкихъ, столь необычныхъ и неслыханныхъ, онъ хотѣлъ устранить всѣ посредствующіе классы и уничтожить политическія сословія; своими химерическими выкупами онъ подрывалъ [2]) монархію, и какъ будто замышлялъ выкупить и самую конституцію.

Недостаточно, чтобы въ монархіи были посредствующія власти; она еще нуждается въ учрежденіи, охраняющемъ законы. Такимъ учрежденіемъ могутъ быть лишь политическія коллегіи, которыя обнародуютъ вновь изданные законы и напоминаютъ о существующихъ, когда ихъ забываютъ [3]). Свойственное знатиневѣжество, ея невнимательность и презрѣніе къ гражданской власти, вызываютъ необходимость учрежденія для постояннаго извлеченія законовъ изъ тьмы забвенія, въ которой они были-бы погребены. Состоящій при государѣ совѣтъ не годится для этой цѣли [4]).

---

[1]) *Персидскія письма* CXLVI, русск. пер. (Спб. 1892) стр. 330.

[2]) Фердинандъ, король Арагоніи, объявилъ себя великимъ магистромъ орденовъ, и одно это уже исказило конституцію (М).

[3]) Иначе сказать, нуженъ парламентъ съ правомъ публиковать законы и дѣлать возраженія.

[4]) Государственный совѣтъ былъ самымъ прямымъ органомъ воли короля и естественнымъ врагомъ парламента. Посредствомъ *постановленій совѣта*

По самой природѣ своей, онъ есть исполнитель и блюститель мгновенныхъ проявленій воли государя, а не вмѣстилище основныхъ законовъ. Сверхъ того, совѣтъ государя постоянно мѣняется, онъ не дѣйствуетъ непрерывно, не можетъ быть многочисленнымъ; наконецъ, онъ не пользуется въ достаточно высокой степени довѣріемъ народа, и потому не въ состояніи ни вразумить его въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, ни привести его къ повиновенію

Въ государствахъ деспотическихъ, гдѣ нѣтъ основныхъ законовъ, нѣтъ также и учрежденій для храненія ихъ. Этимъ объясняется та особенная сила, которую въ этихъ странахъ пріобрѣтаетъ религія [1]): она образуетъ тамъ родъ непрерывно дѣйствующей охраны; иногда-же мѣсто религіи занимаютъ обычаи, которые тамъ почитаются вмѣсто законовъ.

ГЛАВА V.

О законахъ, относящихся къ природѣ деспотическаго государства [2]).

Изъ природы деспотической власти слѣдуетъ, что одно лицо, обладающее ею, поручаетъ осуществлять ее также одному только лицу. Человѣкъ, которому всѣ его пять чувствъ постоянно говорятъ, что онъ все, а прочіе люди ничто, естественнымъ образомъ лѣнивъ, невѣжественъ, сластолюбивъ. Поэтому онъ не занимается дѣлами самъ. Но если онъ поручитъ ихъ нѣсколькимъ лицамъ, то между ними заведутся распри, начнутся интриги изъ за чести быть первымъ между рабами, и государю снова придется вмѣшиваться въ дѣла правленія. Поэтому, гораздо проще предоставить всѣ дѣла визирю [3]), надѣливъ его всею своею властью. Учрежденіе должности визиря есть поэтому основной законъ такого государства.

Говорятъ, что нѣкій папа, проникнутый во время избранія сознаніемъ своей неспособности, очень долго отказывался отъ сана. Наконецъ, онъ согласился и предоставилъ всѣ дѣла своему племяннику. Онъ былъ въ восторгѣ и говорилъ: «Никогда-бы я не повѣрилъ, что это такъ просто». То-же и съ государями Востока. Когда изъ тюрьмы, гдѣ евнухи разслабили ихъ умъ и сердце, часто оставляя ихъ даже въ полномъ невѣдѣніи объ ихъ санѣ, ихъ извлекутъ для того, чтобы возвести на тронъ, они сначала бываютъ озадачены; но разъ они назначили визиря, да вдостоль утолили свои животныя страсти въ сералѣ, да увидѣли какъ легко выполняются всѣ самые безсмысленные ихъ капризы раболѣпнымъ

Людовикъ XIV и Людовикъ XV создавали для своего королевства законы и, въ случаѣ надобности парализовали дѣятельность парламента.

[1]) Ниже, кн. III, гл. X, кн. V, гл. XIV.

[2]) Говоря о деспотизмѣ, Монтескье имѣетъ въ виду Востокъ и въ частности Турцію, которую онъ изучилъ по соч. Рико, и Персію, изученную по соч. Шардена и Тавернье.

[3]) У государей Востока всегда есть визири, говоритъ Шарденъ. (М.).

дворомъ, то они тоже никогда не повѣрили-бы, чтобы это было такъ просто.

Чѣмъ обширнѣе государство, тѣмъ обширнѣе сераль, и тѣмъ болѣе, слѣдовательно, государь упивается наслажденіями; такъ что, чѣмъ бо́льшимъ количествомъ народовъ приходится въ этихъ государствахъ управлять государю, тѣмъ менѣе онъ озабоченъ дѣлами правленія; чѣмъ значительнѣе дѣла, тѣмъ менѣе о нихъ разсуждаютъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

О принципахъ трехъ видовъ правленія.

ГЛАВА I.

О различіи между природой правленія и его принципомъ.

Послѣ разсмотрѣнія законовъ, вытекающихъ изъ природы каждаго образа правленія, надо разсмотрѣть тѣ, которые вытекаютъ изъ ихъ принципа.

Различіе [1]) между природой правленія и его принципомъ въ томъ, что природа его есть то, что его дѣлаетъ такимъ, каково оно есть; а принципъ—то, что управляетъ его дѣятельностью [2]). Первая есть его особенный строй, а второй—человѣческія страсти, которыя двигаютъ имъ.

Но законы должны сколько-же соотвѣтствовать принципу каждаго правительства, сколько его природѣ. Итакъ, надо найти этотъ принципъ. Это и будетъ предметомъ настоящей книги.

ГЛАВА II.

О принципѣ различныхъ видовъ правленія.

Я сказалъ, что природа республиканскаго правленія заключается въ томъ, что тамъ верховная власть принадлежитъ всему народу или нѣсколькимъ семьямъ; природа монархическаго — въ томъ, что тамъ этою властью обладаетъ государь, управляющій не иначе, какъ въ согласіи съ установленными законами; природа деспотическаго образа правленія въ томъ, что тамъ всѣмъ управляетъ одно лицо по своей волѣ и прихотямъ. Вотъ все, что мнѣ нужно для выясненія принциповъ этихъ трехъ видовъ прав-

---

[1]) Это очень важное различіе, и я сдѣлаю изъ него не мало выводовъ: оно ключъ къ безконечному множеству законовъ. (М).

[2]) Не вхожу въ разсмотрѣніе того, правильно-ли употреблено здѣсь слово *принципъ*, представляетъ-ли оно идею достаточно ясную и не лучше-ли было-бы замѣнить его словомъ *двигатель* (ressort) (Crévier). Самъ Монтескье пользуется словомъ *двигатель* какъ синонимомъ принципа; V, sup. *Заявленіе автора*, и ниже гл. III, и IX; кн. VI, гл. IX.

ленія; они естественно вытекаютъ изъ этихъ опредѣленій. Я начну съ республиканскаго образа правленія и прежде всего съ его демократической формы.

ГЛАВА III.

О принципѣ демократіи.

Для утвержденія и поддержанія правительства монархическаго или деспотическаго не требуется большого запаса честности. Сила законовъ въ одномъ и вѣчно подъятая длань государя въ другомъ—все опредѣляютъ и сдерживаютъ. Но государство народное нуждается въ добавочномъ двигателѣ; это есть добродѣтель [1]).

Сказанное мною подтверждается всей совокупностью исторіи и вполнѣ сообразно съ природой вещей.

Ясно, вѣдь, что монархія, гдѣ лицо, заставляющее исполнять законы, считаетъ себя выше законовъ, не имѣетъ такой надобности въ добродѣтели, какъ народное правленіе, гдѣ лицо, заставляющее исполнять законы, чувствуетъ, что само подчинено имъ и несетъ отвѣтственность за ихъ исполненіе.

Ясно также, что государь, который, вслѣдствіе небрежности или дурныхъ совѣтовъ, пересталъ-бы блюсти за исполненіемъ законовъ, можетъ легко исправить порожденное этимъ зло: для этого ему стоитъ только взять другихъ совѣтниковъ или самому исправиться отъ своей набрежности. Но если законы перестаютъ соблюдаться въ народномъ государствѣ, то оно уже погибло [2]), такъ какъ причина этого зла можетъ быть только въ испорченности самой республики.

Поучительное зрѣлище представили намъ въ прошломъ столѣтіи безсильныя попытки англичанъ водворить у себя демократію. Такъ какъ лица, принимавшія здѣсь участіе въ дѣлахъ правленія, далеко не отличались добродѣтелью, а честолюбіе ихъ разжигалось успѣхами наиболѣе дерзновеннаго [3]), и такъ какъ стремленія одной партіи могли быть обузданы только стремленіями другой, то правительства постоянно мѣнялись, и народъ, всюду искавшій демократію, къ удивленію своему, не находилъ ея нигдѣ. Наконецъ, послѣ многихъ движеній, толчковъ и потрясеній, приш-

---

[1]) Всякое правленіе есть порядокъ, и всякій порядокъ основанъ на морали. Но республиканское правленіе зависитъ главнымъ образомъ отъ духа и характера большинства населенія, точно также, какъ королевское правленіе преимущественно зависитъ отъ характера одного человѣка—короля или правящаго министра. Если характеръ народа дуренъ, то дурно и правленіе, подобно тому какъ если дуренъ государь, то будетъ дурно и государство; разница лишь въ томъ, что пороки государя кончаются вмѣстѣ съ нимъ и могутъ быть возмѣщены лучшимъ преемникомъ, между тѣмъ какъ порча республики уже ничѣмъ не можетъ быть остановлена. (Лагарпъ).

[2]) Аристотель, *Политика*, кн. V, гл. VIII.

[3]) Кромвель.

лось найти успокоеніе въ томъ самомъ образѣ правленія, который былъ отвергнутъ [1]).

Когда Сулла захотѣлъ возвратить Риму свободу [2]), Римъ уже не могъ принять ее. Отъ прежнихъ добродѣтелей онъ сохранялъ лишь слабые остатки, и такъ какъ послѣдніе все шли на убыль, вмѣсто того, чтобы пробудиться послѣ Цезаря, Тиверія, Кая, Клавдія, Нерона, Домиціана, онъ все болѣе погрязалъ въ рабствѣ; всѣ его удары падали на тирановъ ни одинъ—на тираннію [3]).

Политическіе дѣятели Греціи, жившіе во времена народнаго правленія, не признавали для него никакой другой опоры, кромѣ добродѣтели [4]). Нынѣшніе-же только и говорятъ, что о мануфактурѣ, торговлѣ, финансахъ, богатствѣ и даже о роскоши [5]).

Когда эта добродѣтель исчезла, честолюбіе проникаетъ всѣ сердца, которыя могутъ вмѣстить его, а скупость всѣ прочія. Предметы желаній измѣняются: что прежде любили, того уже не любятъ; была свобода по законамъ, хотятъ свободы противузаконной; каждый гражданинъ—словно рабъ, убѣжавшій отъ своего господина; что звали правиломъ, то зовутъ строгостью; что было порядкомъ, то стало стѣсненіемъ, осмотрительность слыветъ трусостью, а скупость видятъ въ умѣренности, а не въ жаждѣ стяжаній. Прежде имущества частныхъ лицъ питали общественную казну, а теперь общественная казна стала достояніемъ частныхъ лицъ. Республика обратилась въ добычу, а ея сила—это власть немногихъ и произволъ всѣхъ.

Аѳины, какъ во времена ихъ столь славнаго господства, такъ и въ пору ихъ столь позорнаго рабства, обладали тѣми-же силами. Тамъ было двадцать тысячъ гражданъ [6]), когда они защищали грековъ отъ персовъ, боролись за господство съ Лакедемономъ и шли походомъ на Сицилію, тамъ было двадцать тысячъ гражданъ и тогда, когда Димитрій Фалерейскій пересчиталъ [7]) ихъ поголовно, какъ на рынкѣ считаютъ рабовъ. Когда Филиппъ осмѣлился господствовать въ Греціи, когда онъ показался у во-

---

[1]) Такъ оно было и съ французской революціей. Народъ, рѣзко порвавшій съ своимъ прошлымъ, скоро подпадаетъ подъ вліяніе сильной реакціи, заставляющей его отступать. Чтобы переворотъ былъ проченъ, надо измѣнить не правительство, а нравы.

[2]) Ср. *Разговоръ* Суллы съ Евкратомъ, гдѣ Монтескье съ такимъ блескомъ поддерживаетъ парадоксъ, что Сулла хотѣлъ возвратить свободу Риму.

[3]) О значеніи слова *тираннія* въ *Духѣ законовъ*, см. ниже, кн. XIV, гл. XIII въ примѣч.

[4]) Аристотель, *Политика*, кн. II, гл. II.

[5]) Это оттого, что греки жили войной, а новые народы мирно живутъ земледѣліемъ, торговлей и промышленностью. Измѣнился духъ времени и цивилизація, форма-же правленія тутъ не причемъ. См. Benjam. Constant, *De l'esprit de conquête*. II-me partie, ch. VI. *Cours de D. C.*, t. II, p. 207.

[6]) Плутархъ, *in Pericle;* Платонъ, *in Critia*. (М.).

[7]) Тамъ оказалось двадцать одна тысяча гражданъ, десять тысячъ иностранцевъ, четыреста тысячъ рабовъ. См. Атеней, кн. VI., (М.).

ротъ Аѳинъ [1]), то тамъ ничто еще не было потеряно, кромѣ времени. Можно видѣть изъ рѣчей Демосѳена, какихъ трудовъ стоило пробудить аѳинянъ: они боялись Филиппа не какъ врага народной свободы, но какъ врага удовольствій [2]). Этотъ городъ, уцѣлѣвшій отъ столькихъ пораженій и возродившійся послѣ своего разрушенія, былъ побѣжденъ при Херонеѣ и побѣжденъ навсегда. Что изъ того, что Филиппъ возвращаетъ ему всѣхъ плѣнныхъ? Онъ возвращаетъ уже не людей, достойныхъ названія человѣка. Восторжествовать надъ силами Аѳинъ было всегда столь-же легко, какъ трудно было восторжествовать надъ ихъ добродѣтелью.

Какимъ образомъ могъ-бы удержаться Карѳагенъ? Когда Аннибалъ, ставши преторомъ, захотѣлъ помѣшать чиновникамъ грабить республику, не обратились ли они на него съ жалобами къ римлянамъ? Эти несчастные хотѣли быть гражданами безъ государства и поручить охранять ихъ богатство своимъ разорителямъ! Вскорѣ Римъ потребовалъ у нихъ въ заложники триста ихъ знатнѣйшихъ гражданъ, заставилъ ихъ выдать себѣ оружіе и корабли и затѣмъ объявилъ имъ войну. По тѣмъ подвигамъ, которые были совершены въ обезоруженномъ Карѳагенѣ [3]) отчаяніемъ, можно судить о томъ, что онъ могъ бы совершить добродѣтелью, когда еще обладалъ всѣми своими силами.

ГЛАВА IV.

О принципѣ аристократіи.

Добродѣтель, составляющая условіе народнаго образа правленія, нужна также и для аристократическаго. Правда, что въ послѣднемъ она не столь настоятельно необходима.

Народъ, который по отношенію къ знати, то-же, что подданные по отношенію къ своему государю, сдерживается ея законами. Поэтому добродѣтель менѣе необходима для него, чѣмъ для народа демократическаго государства. Но что-же будетъ сдерживать самую знать? Тѣ изъ нея, которымъ придется примѣнять законы противъ своихъ сочленовъ, не могутъ-же не почувствовать, что они дѣйствуютъ противъ самихъ себя. И такъ, добродѣтель необходима для этого сословія по самой природѣ этого государственнаго устройства.

Аристократическое правительство заключаетъ въ себѣ нѣкоторую силу, которой нѣтъ у демократіи. Знать является въ немъ такимъ сословіемъ, которое въ силу своихъ прерогативъ и ради своего собственнаго интереса сдерживаетъ народъ; такъ что тутъ исполненіе законовъ обезпечивается уже тѣмъ однимъ, что эти законы существуютъ.

---

[1]) Тамъ было двадцать тысячъ гражданъ. См. Демосѳенъ, in Aristog. (М.).

[2]) Они издали законъ, каравшій смертною казнью того, кто предложилъ-бы обратить на военные расходы деньги, назначенныя на театры. (М.).

[3]) Эта война продолжалась три года. (М.). Титъ-Ливій, XXXIII, 46.

Но насколько легко этому сословію обуздывать другія, настолько трудно ему обуздывать самого себя [1]). Природа этого государственнаго строя такова, что онъ какъ будто въ одно и то-же время и ставитъ людей подъ власть закона и освобождаетъ ихъ отъ нея.

Такое сословіе можетъ обуздывать себя двумя способами: или при посредствѣ великой добродѣтели, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ какъ бы уравниваетъ знать съ народомъ, что можетъ послужить основой великой республики; или посредствомъ меньшей добродѣтели, которая заключается въ нѣкоторой умѣренности и, по крайней мѣрѣ, уравниваетъ знать въ ея средѣ, что и составляетъ силу охраняющую.

Умѣренность есть, поэтому, душа этихъ правленій. Разумѣется— умѣренность, которая основана на добродѣтели, а не та, источникъ которой въ трусости и духовной лѣни.

ГЛАВА V.

О томъ, что добродѣтель не есть принципъ образа правленія монархическаго.

Въ монархіяхъ политика совершаетъ великія дѣла съ помощью возможно меньшаго участія добродѣтели [3]); какъ самыя лучшія машины совершаютъ свою работу съ помощью возможно меньшаго количества силъ, колесъ и движеній. Такое государство существуетъ независимо отъ любви къ отечеству, отъ стремленія къ истинной славѣ, отъ забвенія собственнаго я, отъ способности приносить въ жертву самые дорогіе свои интересы и отъ всѣхъ героическихъ добродѣтелей, которыя мы находимъ у древнихъ и о которыхъ знаемъ только по слухамъ.

Законы замѣняютъ въ немъ всѣ эти добродѣтели, ставшія ненужными; государство освобождаетъ всѣхъ отъ нихъ [4]): всякое дѣйствіе, не производящее шума, тамъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, остается безъ послѣдствій.

Хотя всѣ преступленія по природѣ своей суть явленія публичныя, но тѣмъ не менѣе отъ преступленій дѣйствительно публичныхъ (государственныхъ) принято отличать преступленія частныя, называемыя такъ потому, что они вредитъ болѣе отдѣльному лицу, чѣмъ цѣлому обществу [5]).

Но въ республикахъ частныя преступленія ближе къ публичнымъ, т. е. такимъ, которыя нарушаютъ болѣе конституцію государства, чѣмъ

[1]) Преступленіе публичнаго свойства тамъ могутъ быть наказываемы, потому что они касаются всѣхъ; преступленія-же частныя будутъ оставаться безъ наказанія, потому что въ интересѣ всѣхъ не наказывать ихъ. (М.). Объ этомъ раздѣленіи преступленій на публичныя и частныя см. слѣдующую главу.

[2]) Во всей этой главѣ авторъ имѣетъ въ виду Венецію.

[3]) Подъ *добродѣтелью* разумѣйте всегда любовь къ отечеству и къ свободѣ.

[4]) *Персидскія письма*, письмо XIV, русск. пер. стр. 29.

[5]) Ниже, кн. XI, гл. XVIII.

права отдѣльныхъ лицъ; а въ монархіяхъ публичныя преступленія имѣютъ болѣе характеръ частныхъ, т. е. такихъ, которыя болѣе нарушаютъ интересы отдѣльнаго лица, чѣмъ конституцію самого государства.

Усердно прошу не оскорбляться тѣмъ, что я сказалъ: сказанное мною согласно со всѣми свидѣтельствами исторіи. Я очень хорошо знаю, что добродѣтельные государи встрѣчаются нерѣдко, и хочу только сказать, что трудно народу [1]) быть добродѣтельнымъ въ монархіи.

Прочитайте, что писали историки всѣхъ временъ о дворахъ государей; вспомните, что говорилось во всѣхъ странахъ о гнусной природѣ придворныхъ: это не умозрѣніе, а плоды печальнаго опыта.

Честолюбивая праздность, низкое высокомѣріе, желаніе обогащаться безъ труда, отвращеніе къ правдѣ, лесть, измѣна, вѣроломство, неисполненіе всѣхъ своихъ обязанностей, презрѣніе къ долгу гражданина, страхъ, внушаемый добродѣтелью государя, надежда, возлагаемая на его пороки [2]) и, что хуже всего этого, вѣчное издѣвательство надъ добродѣтелью — вотъ, полагаю я, черты характера большинства придворныхъ, отмѣченныя всюду и во всѣ времена. Но трудно допустить, чтобы низшіе были честны тамъ, гдѣ большинство высшихъ лицъ въ государствѣ [3]) люди безчестные, чтобы одни были мошеники, а другіе довольствовались ролью обманываемыхъ простаковъ.

Если же въ народѣ и найдется какой нибудь злополучный честный человѣкъ [4]), то кардиналъ Ришелье въ своемъ политическомъ завѣщаніи [5]) намекаетъ, что государю слѣдуетъ остерегаться пользоваться его услугами [6]). Вотъ до какой степени несомнѣнна истина, что добродѣтель не есть двигательное начало этого образа правленія. Конечно, она не отсутствуетъ и въ немъ, но не она управляетъ его дѣятельностью [7]).

ГЛАВА VI.

Чѣмъ восполняется отсутствіе добродѣтели въ монархическомъ правленіи.

Лечу впередъ поспѣшными шагами, чтобы предупредить подозрѣніе, будто я пишу сатиру на монархическое правленіе. Нѣтъ: взамѣнъ одного

[1]) Здѣсь я говорю о добродѣтели политической, которая есть добродѣтель моральная, въ томъ смыслѣ, что она направляется къ общему благу; очень мало говорю о частныхъ моральныхъ добродѣтеляхъ и совсѣмъ не касаюсь той добродѣтели, которая имѣетъ отношенія къ истинамъ откровенія. Все это станетъ вполнѣ яснымъ въ кн. V, главѣ II. (М.).

[2]) Персидскія письма, CVII, русск. пер. стр. 224.

[3]) А. В. Но трудно допустить, чтобы тамъ, гдѣ высшія лица государства и т. д.

[4]) Понимайте это въ смыслѣ предшествующаго примѣчанія. (Sup., p, 129, п. I.) (М.).

[5]) Эта книга была составлена подъ наблюденіемъ и по воспоминаніямъ Ришелье гг. de Bourseis и de... (Примѣчаніе первыхъ изданій). (М.).

[6]) Не слѣдуетъ, сказано тамъ, пользоваться услугами людей низкаго происхожденія: они слишкомъ неподатливы и щепетильны. (*Завѣщаніе*, гл. IV). (М)

[7]) Этой послѣдней фразы нѣтъ въ изданіяхъ А. В.

недостающаго ему двигателя, у него есть другой. *Честь*, т. е. предрасудки каждаго лица и каждаго положенія, замѣняетъ въ немъ вышесказанную политическую добродѣтель и всюду ее представляетъ. Она можетъ тамъ подвигать людей на самыя прекрасныя дѣянія и, въ соединеніи съ силою законовъ, вести ихъ къ цѣлямъ правительства не хуже самой добродѣтели.

Поэтому въ монархіяхъ благоустроенныхъ всякій человѣкъ будетъ болѣе или менѣе добрымъ гражданиномъ, но рѣдко кто будетъ человѣкомъ добра, такъ какъ для того, чтобы быть человѣкомъ добра [1]), надо имѣть желаніе быть таковымъ [2]) и любить государство не столько ради себя, сколько ради его самого [3]).

ГЛАВА VII.

О принципѣ монархіи.

Монархическое правленіе, какъ мы сказали, предполагаетъ существованіе чиновъ, преимуществъ и даже родовитое дворянство. Природа *чести* требуетъ предпочтеній и отличій, почему она естественнымъ образомъ свойственна этому управленію.

Чостолюбіе, вредное въ республикѣ, можетъ быть благотворно въ монархіи; оно одушевляетъ этотъ образъ правленія и притомъ имѣетъ то преимущество, что не опасно для него, потому что можетъ быть постоянно обуздываемо.

Все это напоминаетъ систему міра, гдѣ есть сила постоянно удаляющая тѣла отъ центра и сила тяжести, привлекающая ихъ къ нему. Честь приводитъ въ движеніе всѣ части политическаго тѣла; самымъ дѣйствіемъ своимъ она связываетъ ихъ, и каждый, думая преслѣдовать свои личные интересы, стремится къ общему благу.

Правда, что, съ философской точки зрѣнія, эта честь, двигающая всѣми частями государственнаго тѣла, есть ложная честь; но эта ложная честь такъ же полезна для общества, какъ была бы полезна истинная честь для лицъ, обладающихъ ею.

И развѣ не большая заслуга—обязывать людей выполнять всѣ трудныя и требующія большихъ усилій дѣла, но не имѣя въ виду другого вознагражденія, кромѣ производимаго этими дѣлами шума.

ГЛАВА VIII.

О томъ, что честь не есть принципъ деспотическихъ государствъ.

Честь не можетъ быть принципомъ деспотическихъ государствъ: тамъ

---

[1]) Слово, *человѣкъ добра*, употребляется здѣсь лишь въ политическомъ смыслѣ. (М.).

[2]) См. примѣч. 1 на стр. 29. (М.).

[3]) Въ изданіяхъ А. В. слова: *и любить государство* и т. д. отсутствуютъ.

всѣ люди равны и потому не могутъ превозноситься другъ передъ другомъ; тамъ всѣ люди рабы и потому не могутъ превозноситься ни надъ чѣмъ.

Сверхъ того, такъ какъ честь имѣетъ свои законы и правила, отъ соблюденія которыхъ она не можетъ уклониться; такъ какъ она зависитъ отъ своихъ собственныхъ, а не отъ чужихъ прихотей, то по всему этому она можетъ имѣть мѣсто лишь въ государствахъ съ опредѣленнымъ устройствомъ и твердыми законами [1]).

Какъ она могла-бы быть терпима деспотомъ? Она полагаетъ свою славу въ презрѣніи къ жизни, а вся сила деспота только въ томъ, что онъ можетъ лишать жизни. Какъ она сама могла-бы стерпѣть деспота? У нея есть неуклонныя правила и неприкосновенныя прихоти, а деспотъ не имѣетъ никакихъ правилъ, и все должно покоряться его собственнымъ прихотямъ.

Честь, невѣдомая въ деспотическомъ государствѣ, гдѣ часто нѣтъ даже и слова для ея обозначенія [2]), господствуетъ въ монархіяхъ; тамъ она даетъ жизнь всему: политическому тѣлу, законамъ и даже самимъ добродѣтелямъ.

ГЛАВА IX.

О принципѣ деспотическаго правленія.

Какъ для республики нужна добродѣтель, а для монархіи честь, такъ для деспотическаго правительства нуженъ страхъ. Въ добродѣтели оно не нуждается, а честь была-бы для него опасна.

Безграничная власть государя переходитъ здѣсь цѣликомъ къ тѣмъ, кому онъ ее поручаетъ. Люди съ большимъ самоуваженіемъ были-бы способны затѣвать въ такомъ государствѣ революціи. Поэтому надо задавить страхомъ всякое мужество въ людяхъ и погасить въ нихъ малѣйшую искру честолюбія.

Правительство умѣренное можетъ по желанію и безъ опасности для себя ослабить бразды правленія: оно держится собственною силою и силою законовъ. Но если въ деспотическомъ государствѣ государь хоть на мгновеніе опуститъ угрожающую руку, если онъ не можетъ сейчасъ-же уничтожать лицъ, занимающихъ первыя мѣста въ государствѣ [3]), то все про-

---

[1]) Честь была принципомъ французскаго дворянства и въ нѣкоторомъ смыслѣ всей старинной французской монархіи. Это моральное наслѣдіе феодализма и рыцарства. Но не слѣдуетъ видѣть въ ней необходимый принципъ всякой монархіи: въ Европѣ есть очень большія монархическія государства, ничтожное и чахлое дворянство которыхъ не представляетъ ничего подобнаго тому изяществу и великодушію, той чуткости и независимости, которыми отличалась старинная французская или испанская честь.

[2]) См. Perry, стр. 447. (М.).

[3]) Какъ это часто случается въ военной аристократіи. (М.).

пало, такъ какъ страхъ — единственное движущее начало этого образа правленія—исчезъ, и у народа нѣтъ болѣе покровителя.

Въ этомъ, повидимому, смыслѣ и говорили кадіи, что великій повелитель не обязанъ соблюдать данное имъ слово или клятву, если онъ ограничиваетъ ими свою власть [1]).

Нужно, чтобы народъ былъ судимъ по законамъ, а вельможи—по прихоти государя; чтобы жизнь послѣдняго изъ подданныхъ была ограждена, а жизнь пашей—въ постоянной опасности [2]). Нельзя говорить безъ ужаса объ этомъ чудовищномъ правленіи. Персидскій софи, низвергнутый въ наши дни Миривеисомъ, видѣлъ разрушеніе правительства еще до завоеванія страны, потому что онъ недостаточно пролилъ крови [3]).

Исторія говоритъ намъ, что Домиціанъ страшными жестокостями своими до того напугалъ своихъ правителей, что народъ оправился во время его царствованія [4]). Такъ потокъ, разрушившій все по одной своей сторонѣ, оставляетъ на другой нетронутыя пространства, гдѣ глазъ издали замѣчаетъ нѣсколько зеленѣющихъ лужаекъ.

ГЛАВА X.

Различіе въ образѣ повиновенія въ государствахъ умѣренныхъ и государствахъ деспотическихъ.

Въ государствахъ деспотическихъ природа правленія требуетъ безпрекословнаго повиновенія, и разъ воля государя извѣстна, всѣ послѣдствія, вызываемыя ею, должны наступить съ неизбѣжностью явленій, обусловленныхъ ударомъ одного шара о другой.

Здѣсь уже нѣтъ мѣста смягченіямъ, видоизмѣненіямъ, приспособленіямъ, отсрочкамъ, возмѣщеніямъ, переговорамъ, предостереженіямъ, предложеніямъ чего нибудь лучшаго или равносильнаго. Человѣкъ есть тварь, повинующаяся твари повелѣвающей.

---

[1]) Ricaut. *Оттоманская имперія*, кн. I, гл. II. (М.). Рико, секретарь графа Уинчельси, чрезвычайнаго посла Карла II при султанѣ Магометѣ IV, служитъ для Монтескье великимъ авторитетомъ во всемъ, что касается политики и учрежденій Турціи. Этотъ Рико, проживший пять лѣтъ въ Константинополѣ и говорившій по турецки, очень основательный наблюдатель. Книга его, изданная въ 1669 г., переведена съ англійскаго языка Бріо и издана въ 1678 г. въ Амстердамѣ подъ заглавіемъ: *Исторія настоящаго состоянія оттоманской имперіи, содержащая изложеніе правилъ политики турокъ, главныхъ основаній магометанской религіи, ихъ военной дисциплины, съ точнымъ исчисленіемъ ихъ сухопутныхъ и военныхъ силъ и государственныхъ доходовъ.*

[2]) «Выходя отъ государя», говоритъ одинъ персидскій сановникъ, «я всякій разъ ощупываю, есть-ли еще у меня голова на плечахъ, а прійдя домой, смотрюсь даже въ зеркало, чтобы убѣдиться въ этомъ». Шарденъ, *Voyage en Perse*, описаніе правленія, гл. II.

[3]) Ср. исторію этой революціи отца дю Серсо (М.).

[4]) Его правленіе было военное; это одинъ изъ видовъ деспотическаго образа правленія. Светон., *Domit.*, с. VII. (М.).

Здѣсь уже нельзя [1]) ни заявлять своихъ опасеній относительно событій, предвидимыхъ въ будущемъ, ни извинять свои неудачи превратностью счастія. Здѣсь у человѣка одинъ удѣлъ съ животными: инстинктъ, послушаніе, наказаніе.

Здѣсь ни къ чему не послужитъ приводить въ свое извиненіе чувства, внушаемыя природой, уваженіе къ отцу, любовь къ своимъ дѣтямъ и своимъ женамъ, законы чести, состояніе здоровья: приказъ объявленъ, и довольно.

Въ Персіи, разъ государь осудилъ кого-нибудь, никто уже не смѣетъ ни заводить съ нимъ рѣчь объ осужденномъ, ни испрашивать для него помилованія. И если-бы, изрекая свой приговоръ, властелинъ былъ пьянъ или не въ полномъ разсудкѣ, приговоръ все-таки долженъ быть выполненъ [2]). Иначе государь противорѣчилъ-бы самому себѣ, а въ законѣ не можетъ быть противорѣчія. Такой образъ мыслей всегда господствовалъ въ этой странѣ: за невозможностью отмѣнить указъ царя Агасфера объ избіеніи евреевъ, тамъ пришлось разрѣшить имъ защищаться [3]).

Но есть, однако, и тамъ одна сила, которую можно иногда противопоставить волѣ государя [4]): это религія. По приказу государя человѣкъ покинетъ отца своего, даже убьетъ его, но онъ не станетъ пить вина, несмотря ни на какіе приказы. Законы религіи исходятъ отъ высшей власти, одинаково обязательной для государя и его подданныхъ [5]). Иное дѣло—естественныя права человѣка: тамъ государь уже не считается человѣкомъ.

Въ умѣренной монархіи верховная власть ограничивается тѣмъ, что составляетъ главную ея причину, я хочу сказать — честью, ко-

[1]) Въ такой странѣ уже нельзя и т. д. Исправленіе сдѣлано въ изданіи 1756 г.

[2]) См. Шарденъ. (М.). «Нѣтъ на свѣтѣ, говоритъ Шарденъ, ни одного государя столь неограниченнаго, какъ государь персидскій, такъ какъ всякій приговоръ его выполняется въ точности, не взирая ни на сущность дѣла, ни на обстоятельства, и хотя бы было ясно, какъ день, что въ приказахъ его по большой части нѣтъ не только справедливости, но часто и здраваго смысла. Разъ государь приказалъ, всякое слово его тотчасъ же приводится въ исполненіе, даже если бы онъ и самъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что говоритъ и дѣлаетъ, какъ, напр., когда онъ бываетъ пьянъ... И нѣтъ ни въ чемъ защиты отъ его сумасброднаго самодурства: ни въ честности, ни въ достоинствѣ человѣка, ни въ его усердіи и заслугахъ; малѣйшее движеніе его прихоти, выраженное словомъ или взглядомъ, ниспровергаетъ самыхъ высокопоставленныхъ и достойныхъ людей, лишаетъ ихъ имущества и жизни, и все это безъ всякихъ судебныхъ формальностей, помимо всякихъ заботъ о провѣркѣ справедливости введеннаго на нихъ обвиненія». *Voyage en Perse*, desc. du gouv., chap. II.

[3]) *Эсфирь*, гл. IX. Имъ было разрѣшено не только защищаться, но и мстить своимъ врагамъ, *ut dominarentur in hostibus suis*. И они перебили великое множество ихъ, и въ числѣ прочихъ десятерыхъ сыновей Амана, трупы которыхъ были повѣшены ими. Въ память этой неожиданной мести евреи и установили праздникъ *Пуримъ*, который и доселѣ празднуется ими.

[4]) См. Шарденъ. (М.). *Размышленіе о величіи*, и т. д. *римлянъ*. Гл. XXII.

[5]) Ниже, кн. V, гл. XIV; кн. XII, гл. XXIX.

торая, подобно монарху, господствуетъ тамъ надъ государемъ и народомъ. Тамъ ссылаются не на требованія религіи — придворный счелъ-бы это смѣшнымъ—а на правила чести. Отсюда происходятъ необходимыя видоизмѣненія въ характерѣ повиновенія; понятію чести свойственны различныи причуды, и всѣ онѣ отразятся на повиновеніи.

Но хотя въ обоихъ этихъ государствахъ характеръ повиновенія неодинаковъ, тѣмъ не менѣе у нихъ одна и та-же верховная власть. Куда-бы ни повернулся государь, воля его вездѣ перетягиваетъ, и ему повинуются. Все же различіе тутъ въ томъ, что въ монархіяхъ государи—люди болѣе просвѣщенные, и министры ихъ безконечно искуснѣе и опытнѣе въ дѣлахъ правленія, чѣмъ въ государствѣ деспотическомъ.

ГЛАВА XI.

Размышленія обо всемъ этомъ.

Таковы принципы трехъ видовъ правленія. Это не значитъ, что въ такой-то республикѣ люди добродѣтельны, а то, что они должны быть таковыми. Изъ этого не слѣдуетъ также и того, что въ данномъ монархическомъ государствѣ господствуетъ честь, а въ деспотическомъ—страхъ, но что они должны бы тамъ господствовать, такъ какъ иначе эти государства не будутъ совершенными.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

О томъ, что законы воспитанія должны быть въ соотвѣтствіи съ принципами образа правленія.

ГЛАВА I.

О законахъ воспитанія.

Человѣкъ прежде всего подлежитъ дѣйствію законовъ воспитанія. И такъ какъ законы эти дѣлаютъ изъ насъ гражданъ, то каждая семья должна быть управляема по образцу великой семьи, обнимающей всѣхъ ихъ [1]).

---

[1]) «Самое вѣрное и наиболѣе пренебрегаемое теперь средство, для охраненія и прочности государства, заключается въ воспитаніи юношества, сообразномъ съ духомъ правленія. Къ чему послужатъ самые полезные и одобряемые законы, если граждане не приспособлены къ нимъ, если они не получили воспитанія республиканскаго, чтобы жить въ республикѣ, или олигархическаго, чтобы жить въ олигархіи? Пороки гражданъ суть пороки государства». Аристотель, *Политика*, кн. V, гл. IX.

Если народъ вообще живетъ какимъ-нибудь принципомъ, то и всѣ его составныя части, т. е. семейства, будутъ тоже жить имъ. Законы воспитанія поэтому должны быть различны для каждаго вида правленія. Въ монархіяхъ ихъ предметомъ будетъ честь; въ республикахъ—добродѣтель; въ деспотіяхъ—страхъ.

ГЛАВА II.

О воспитаніи въ монархіяхъ [1]).

Въ монархіяхъ существенная часть воспитанія получается не въ публичныхъ школахъ, гдѣ обучаются дѣти; настоящее воспитаніе начинается для человѣка лишь со времени его выступленія въ свѣтъ. Свѣтъ—вотъ та школа, гдѣ мы знакомимся съ тѣмъ общимъ нашимъ наставникомъ и руководителемъ, имя которому—честь [2]).

Въ этой школѣ мы постоянно видимъ и слышимъ три вещи: «нужно извѣстное благородство въ добродѣтели, извѣстная искренность въ нравахъ и извѣстная учтивость въ обращеніи».

Добродѣтели, примѣры которыхъ мы видимъ здѣсь, всегда говорятъ намъ менѣе о нашихъ обязанностяхъ къ другимъ, чѣмъ о нашихъ обязанностяхъ къ самимъ себѣ: предметъ ихъ не столько то, что влечетъ насъ къ нашимъ согражданамъ, сколько то, что насъ отличаетъ насъ отъ нихъ [3])

Въ поступкѣ здѣсь цѣнятъ не хорошее чувство, вложенное въ него, но его показную красоту, не справедливость, но широту размаха, не обдуманность, но необычайнность.

Усмотрѣвъ въ извѣстномъ поступкѣ нѣчто благородное, честь или признаетъ законность этого поступка какъ судья, или объясняетъ его какъ софистъ.

Она допускаетъ волокитство, если оно связано съ представленіемъ о чувствахъ сердца или о побѣдѣ, и вотъ истинная причина того, почему въ монархіяхъ нравы никогда не бываютъ такъ чисты, какъ въ государствахъ республиканскихъ.

Она допускаетъ хитрость, если она сочетается съ представленіемъ о великомъ умѣ или объ обширномъ замыслѣ, какъ это бываетъ въ политикѣ, уловки и тонкости которой не оскорбляютъ ее.

---

[1]) *Персидскія письма*, LXXXIX и XC., русск. изд. стр. 186 и 188.

[2]) Во всемъ, что авторъ говоритъ о монархіи, рѣчь идетъ лишь о дворянствѣ военномъ или судебномъ и о духовенствѣ, но никогда о томъ *разрядѣ людей, который находился въ пренебреженіи во всѣ времена*, т. е. о народѣ. Въ отношеніи историческомъ Монтескье правъ: при старомъ французскомъ режимѣ народъ не считался; но нельзя не замѣтить, какъ узко было поле наблюденій Монтескье и насколько размышленія, вѣрныя въ 1748 г., утратили свое значеніе теперь, когда старинная монархія уже болѣе восьмидесяти лѣтъ покоится въ могилѣ.

[3]) Это болѣе похоже на портретъ куртизана, чѣмъ на изображеніе народа. (Гельвецій).

Она запрещаетъ лесть лишь въ томъ случаѣ, когда она не связана съ представленіемъ о большой выгодѣ и свидѣтельствуетъ только о нашей приниженности.

Что же касается до нравовъ, то, какъ я уже сказалъ, монархическое воспитаніе должно внести въ нихъ извѣстную долю искренности и прямоты. Тамъ, слѣдовательно, требуютъ правды отъ рѣчей человѣка. Но изъ любви ли къ самой правдѣ? Совсѣмъ нѣтъ, а только потому, что человѣкъ, привыкшій говорить правду, кажется смѣлымъ и свободнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, такой человѣкъ производитъ впечатлѣніе лица, достоинство котораго зависитъ отъ его собственныхъ дѣлъ, а не отъ мнѣнія о нихъ другихъ людей.

По всему этому тамъ столько-же цѣнятъ прямоту подобнаго рода, сколько презираютъ прямоту народа, основанную лишь на простодушіи и правдивости.

Наконецъ, воспитаніе въ монархіяхъ требуетъ извѣстной учтивости въ обращеніи. Будучи созданы для совмѣстной жизни, люди тѣмъ самымъ созданы для того, чтобы нравиться другъ другу, и человѣкъ, который сталъ-бы оскорблять своихъ ближнихъ несоблюденіемъ правилъ приличія, уронилъ-бы себя въ общественномъ мнѣніи до такой степени, что лишилъ-бы себя всякой возможности быть полезнымъ.

Но не изъ этого чистаго источника происходитъ обыкновенно учтивость. Она порождается желаніемъ отличиться. Мы учтивы изъ чванства: намъ лестно чувствовать, что самые пріемы нашего обращенія доказываютъ, что мы не принадлежимъ къ низшимъ слоямъ общества и никогда не водились съ этой породой людей [1]).

Въ монархіяхъ вѣжливость сосредоточивается при дворѣ. Передъ необычайнымъ величіемъ одного человѣка всѣ прочіе чувствуютъ себя одинаково малыми. Отсюда любезная внимательность ко всѣмъ; отсюда эта вѣжливость, равно пріятная и тѣмъ, которые ее оказываютъ, и тѣмъ, которымъ она оказывается; ибо она свидѣтельствуетъ о томъ, что мы принадлежимъ ко двору и достойны состоять при немъ.

При дворѣ люди обыкновенно отказываются отъ своего собственнаго величія для заимствованнаго. Послѣднее болѣе лестно для придворнаго, чѣмъ свое. Оно сообщаетъ нѣкоторую высокомѣрную скромность, вліяніе которой заходитъ далеко, но горделивость которой незамѣтно уменьшается по мѣрѣ удаленія отъ источника этого величія.

При дворѣ мы находимъ тотъ тонко развитой вкусъ, который происходитъ отъ постояннаго пользованія излишествами большого богатства, отъ разнообразія удовольствій и особенно отъ пресыщенія ими, отъ множества, и даже хаотическаго смѣшенія всевозможныхъ причудъ, которыя тамъ всегда поощряются, если могутъ доставить удовольствіе.

[1]) Т. е. съ народомъ. Ниже, кн. XI, гл. VI.

На все это и обращаетъ свои усилія воспитаніе, чтобы образовать такъ-называемаго порядочнаго человѣка [1]), т. е. такого, который обладалъ-бы всѣми желательными для этого правленія качествами и добродѣтелями.

Здѣсь вездѣсущее понятіе чести сродняется со всякимъ образомъ мыслей и способомъ чувствованія и управляетъ даже принципами.

Эта своеобразная честь возводитъ въ добродѣтель все, что ей угодно и какъ угодно. Она собственной властью предписываетъ правила всему, что намъ вмѣнено въ обязанность, и по произволу своей фантазіи то расширяетъ, то съуживаетъ предѣлы нашихъ обязанностей, гдѣ-бы ни былъ ихъ источникъ: въ религіи, въ политикѣ или въ морали.

Ничто въ монархіяхъ не предписывается такъ настоятельно религіей, законами и честью, какъ повиновеніе волѣ государя; но эта честь въ то-же время подсказываетъ намъ, что государь никогда не долженъ требовать отъ насъ дѣйствія несогласнаго съ честью, такъ какъ это лишило-бы насъ способности служить ему.

Крильонъ отказался умертвить герцога Гиза, но заявилъ Генриху III, что готовъ сражаться съ нимъ. Когда Карлъ IX, послѣ Варѳоломеевской ночи, далъ всѣмъ губернаторамъ приказъ избивать гугенотовъ, виконтъ д'Ортъ, комендантъ Байонны, писалъ королю [2]): «Государь, между жителями и военными я нашелъ только добрымъ гражданъ да храбрыхъ солдатъ, но ни одного палача; поэтому мы умоляемъ Ваше Величество употребить наши руки и жизни на какое-нибудь удобоисполнимое дѣло». Для великаго и великодушнаго сердца этого человѣка совершеніе подлости было дѣломъ невозможнымъ.

Изо всего, что честь вмѣняетъ знати въ обязанность, самое настоятельное—служить государю на войнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, это особенно почетная служба, такъ какъ всѣ ея случайности, успѣхи и даже неудачи ведутъ къ величію. Но, установивъ этотъ законъ, честь и его подчиняетъ своему верховному суду и если почувствуетъ себя оскорбленной, то дозволяетъ воину вернуться домой [3]).

Она требуетъ, чтобы каждый былъ воленъ искать служебнаго поста или отказываться отъ него, и эту свободу цѣнилъ выше самаго богатства.

Итакъ, честь имѣетъ свои верховныя правила, и воспитаніе должно сообразоваться съ ними [4]). Первое и главнѣйшее изъ нихъ дозволяетъ

---

[1]) Выраженіе порядочный человѣкъ (l'honnête homme) на языкѣ XVII и XVIII столѣтій означало человѣка дворянскаго происхожденія и благовоспитаннаго. Изъ такихъ «порядочныхъ людей» состояло то, что теперь называется хорошимъ обществомъ.

[2]) См. l'Histoire de d'Aubigné. (M.).

[3]) *Персидскія письма*, LXXXIX, русск. пер. стр. 186.

[4]) Здѣсь говорится о томъ, что есть, а не о томъ, что должно бы быть: честь есть предразсудокъ, который религія старается то разрушить, то урегу-

намъ дорожить имуществомъ, но безусловно запрещаетъ дорожить жизнью [1]).

Второе правило чести требуетъ, чтобы, разъ занявъ какой-нибудь постъ, мы не позволяли ни себѣ, ни другимъ ничего, показывающаго, что мы не стоимъ на высотѣ его [2]).

Третье правило ея внушаетъ, чтобы мы тѣмъ болѣе избѣгали нарушать требованія чести, чѣмъ менѣе эти нарушенія преслѣдуются закономъ, и тѣмъ неукоснительнѣе выполняли эти требованія, чѣмъ менѣе законы настаиваютъ на ихъ выполненіи [3]).

ГЛАВА III.

О воспитаніи въ государствѣ деспотическомъ.

Какъ въ государствахъ монархическихъ воспитаніе стремится возвышать сердца, такъ въ государствахъ деспотическихъ оно старается ихъ унизить. Оно должно быть проникнуто духомъ рабства. Хорошо, если въ этомъ духѣ воспитаны здѣсь и начальствующіе, ибо въ этомъ государствѣ всякій тиранъ въ то-же время и рабъ.

Безграничное повиновеніе [4]) предполагаетъ невѣжество не только въ томъ, кто повинуется, но и въ томъ, кто повелѣваетъ: ему незачѣмъ размышлять, сомнѣваться и обсуждать, когда достаточно только приказать.

Въ деспотическихъ государствахъ каждый домъ—отдѣльное государство. Поэтому задача воспитанія, заключающаяся главнымъ образомъ въ искусствѣ жить съ другими людьми, тамъ очень ограничена: все ея дѣло въ томъ, чтобы въ сердце вселить страхъ, а уму сообщить познаніе нѣкоторыхъ самыхъ простыхъ правилъ религіи. Знаніе тамъ было-бы опасно, соревнованіе—гибельно; а что до добродѣтелей, то, по мнѣнію Аристотеля,

---

лировать (М.).—Читая эту часть книги Монтескье, можно бы подумать, что авторъ написалъ *Духъ законовъ* съ единственною цѣлью изобразить смѣшныя стороны характера французовъ и внушить имъ болѣе солидные и здравые принципы. Въ вышеприведенномъ примѣчаніи онъ заявляетъ, что говорить *о томъ, что есть, а не о томъ, что должно быть;* но все, что онъ здѣсь говоритъ о монархіяхъ вообще, относится единственно къ французской монархіи; и его обвинили бы въ томъ, что онъ написалъ сатиру, если бы вмѣсто того, чтобы говорить вообще, онъ указывалъ лишь на одну собственную націю.

[1]) Боссюэтъ, *Разсужденіе о всемірной исторіи*, кн. III, гл. VI: «Что дѣлаетъ наше дворянство такимъ отважнымъ въ бояхъ и смѣлымъ въ замыслахъ? Внушенное ему съ дѣтства и утвержденное единодушнымъ мнѣніемъ націи убѣжденіе, что малодушный дворянинъ унижаетъ самъ себя и недостоинъ жизни».

[2]) Ниже кн. VII, гл. XIX.

[3]) На этомъ основаніи карточные долги считаются долгами чести и по той же причинѣ дворянинъ не можетъ отказаться отъ дуэли, хотя бы для этого пришлось нарушить законъ и рисковать эшафотомъ. Ср., *Персидскія письма*, XC, русск. пер. стр. 188.

[4]) Т. е. слѣпое повиновеніе.

между ними нѣтъ ни одной, которая была-бы свойственна рабамъ [1]); все это очень съуживаетъ дѣло воспитанія въ этомъ строѣ.

Такимъ образомъ оно тамъ какъ-бы совсѣмъ отсутствуетъ. Надо лишить человѣка всего, чтобы дать ему нѣчто и сначала сдѣлать изъ него дурного подданнаго, чтобы потомъ выдѣлать изъ него раба.

Да и зачѣмъ стараться тамъ воспитать хорошаго гражданина, чуткаго къ общественнымъ бѣдствіямъ? Любовь къ государству вѣдь можетъ увлечь его къ попыткамъ ослабить бразды правленія, и если это ему не удастся, то онъ погибъ; а если удастся, то онъ рискуетъ погубить и себя самого, и государя, и государство.

ГЛАВА IV.

Различныя дѣйствія воспитанія у древнихъ и у насъ.

Большинство древнихъ народовъ жило въ государствахъ, принципомъ которыхъ была добродѣтель, и, въ пору процвѣтанія этой послѣдней, тамъ совершались дѣла, которыхъ мы топерь уже не видимъ и которыя поражаютъ изумленіемъ наши мелкія души.

Ихъ воспитаніе имѣло еще и другое преимущество передъ нашимъ: послѣдующая жизнь не отрицала его. Эпаминондъ и въ послѣдніе годы своей жизни говорилъ, видѣлъ, слышалъ и дѣлалъ то-же самое, что и въ первые годы своего ученія.

Нынѣ же мы получаемъ три различныя или противныя другъ другу воспитанія: отъ нашихъ отцовъ, отъ нашихъ учителей и отъ того, что называютъ свѣтомъ. И уроки послѣдняго разрушаютъ идеи двухъ первыхъ. Это отчасти происходитъ отъ существующаго у насъ противорѣчія между требованіями религіи и правилами свѣта — явленіе, неизвѣстное древнимъ [2]).

ГЛАВА V.

О воспитаніи въ республиканскомъ государствѣ.

Ни одно правленіе не нуждается такъ въ помощи воспитанія, какъ правленіе республиканское [3]). Страхъ въ государствахъ деспотическихъ

---

[1]) *Политика*, кн. I, гл. III. (М.). Какъ можетъ быть добродѣтеленъ рабъ, когда у него нѣтъ собственной воли? Отъ него какъ отъ животнаго, требуютъ лишь слѣпого повиновенія.

[2]) Маккіавелли, *Разсужденіе о Титѣ Ливіи*, кн. I, гл. XII.—Ж. Ж. Руссо (*Эмиль*, кн. I) признаетъ тоже три рода воспитанія, изъ которыхъ одно дается природой, другое людьми, а третье вещами. Природа воспитываетъ внутреннимъ развитіемъ нашихъ способностей и органовъ; люди—указаніемъ на то употребленіе, которое мы должны дѣлать изъ этого развитія; а вещи—собственнымъ нашимъ опытомъ, который мы пріобрѣтаемъ изъ нашего отношенія къ нимъ. (Parrelle).

[3]) Въ странѣ гдѣ народъ—государь, воспитаніе ничтожнѣйшаго изъ гражданъ столь-же важно, какъ въ монархіи воспитаніе наслѣдника престола.

зарождается самъ собою среди угрозъ и наказаній; честь монархій находитъ себѣ опору въ страстяхъ человѣка и сама служитъ имъ опорой; но политическая добродѣтель есть самоотверженность—вещь всегда очень тяжелая.

Эту добродѣтель можно опредѣлить какъ любовь къ законамъ и къ отечеству [1]). Эта любовь, требующая постояннаго предпочтенія общественнаго блага своему личному, лежитъ въ основаніи всѣхъ частныхъ добродѣтелей: всѣ онѣ представляютъ собою ничто иное какъ это предпочтеніе.

Эта любовь получаетъ особенную силу въ демократіяхъ [2]). Только тамъ правительство поручается каждому гражданину. Но правительство—то же, что и все прочее въ мірѣ: чтобы его охранять, надо его любить.

Никогда не было слыхано, чтобы государь не любилъ монархіи, а деспоты ненавидѣли деспотизмъ.

Дѣло, слѣдовательно, въ томъ, чтобы водворить въ республикѣ эту любовь; ее-то и должно воспитаніе внушить дѣтямъ. Но вѣрное средство привить ее дѣтямъ состоитъ въ томъ, чтобы она была у отцовъ.

Человѣкъ обыкновенно способенъ передавать дѣтямъ свои познанія; онъ еще болѣе способенъ передавать имъ свои страсти.

Если же этого нѣтъ, то это значитъ, что все, внушаемое въ домѣ родительскомъ, разрушается вліяніями, приходящими извнѣ.

Народъ вырождается не въ пору своего зарожденія; онъ погибаетъ лишь тогда, когда зрѣлые люди уже развращены.

ГЛАВА VI.

О нѣкоторыхъ учрежденіяхъ грековъ.

Древніе греки, проникнутые сознаніемъ необходимости, чтобы народы, живущіе подъ властью народнаго правительства, были утверждены въ добродѣтели, придумали съ этою цѣлью весьма оригинальныя учрежденія. Читая въ жизнеописаніи Ликурга о законахъ, данныхъ имъ лакедемонянамъ, думается, что читаешь исторію Севарамбовъ [3]). Законы Крита были первообразомъ законовъ Лакедемона, а законы Платона—ихъ исправленнымъ изданіямъ.

---

[1]) Боссюэтъ, *Разсужденіе о всемірной монархіи*, кн. III, гл. VI, говоритъ какъ Монтескье. «Нравственная сущность римлянина, говоритъ онъ, заключалась въ любви къ свободѣ и къ отечеству. Первая заставляла его любить второе, такъ какъ потому именно, что онъ любилъ свободу, онъ любилъ и свое отечество, какъ мать, воспитывающую его въ равно благородныхъ и свободныхъ чувствахъ. Подъ именемъ свободы римляне и греки представляли себѣ государство, гдѣ всѣ подчинялись однимъ только законамъ, и гдѣ законы были могущественнѣе людей».

[2]) *Персидскія письма*, LXXXIX, русск. пер. стр. 186.

[3]) Исторія Севарамбовъ, народа австральной (южной) земли, есть лишь посредственная копія съ Утопіи Томаса Мора; этотъ политическій романъ появился около 1672 г. Авторомъ его былъ нѣкто Верассъ д'Аллэ.

Прошу обратить вниманіе на силу генія, которою должны были обладать эти законодатели для того, чтобы видѣть, что, нарушая всѣ принятые обычаи и перемѣшивая всѣ добродѣтели [1]), они выкажутъ міру свою мудрость. Ликургъ, смѣшавъ кражу [2]) съ духомъ справедливости, самое суровое рабство съ самой крайней свободой и самыя свирѣпыя чувства съ величайшей умѣренностью, далъ устойчивость своему городу. Онъ, повидимому, отнялъ у него все: искусство, торговлю, деньги, ограду стѣнъ: тамъ есть честолюбіе, но нѣтъ надежды удовлетворить его; есть влеченія, внушаемыя природой, но нѣтъ ни отца, ни мужа, ни дѣтей; и даже стыдливость отнята у цѣломудрія. Вотъ пути, которыми Спарта шла къ величію и славѣ [3]), и при такомъ непогрѣшимомъ руководствѣ своихъ учрежденій, что никакія одержанныя надъ нею побѣды не могли сломить ее, если не удавалось сломить эти учрежденія [4]).

Такими законами управлялись Критъ и Лаконія. И Лакедемонъ послѣдній сдался македонянамъ, а Критъ [5]) сталъ послѣ всѣхъ добычею римлянъ. Тѣ же самыя учрежденія были и у самнитянъ [6]), и они доставили тѣмъ-же римлянамъ двадцать-четыре тріумфа [7]).

Та-же необычайная сила, которую мы видѣли въ учрежденіяхъ Греціи, явилась намъ и среди грязи и разложенія нашего времени [8]). Одинъ законодатель и честный человѣкъ образовалъ народъ, у котораго прямодушіе и честность являются такими-же естественными качествами, какъ храбрость у спартанцевъ.

Г. Пеннъ—настоящій Ликургъ [9]), и хотя одинъ поставилъ себѣ цѣлью миръ, а другой—войну: но они сходны по тѣмъ своеобразнымъ путямъ

[1]) Авторъ, повидимому, хотѣлъ сказать, что лакедемоняне смѣшивали пороки съ добродѣтелями. (Dupin).

[2]) Эта кража была не болѣе какъ военнымъ мародерствомъ, которое въ извѣстное время дозволялось молодымъ людямъ, для пріученія ихъ къ войнѣ. V. Rollin, *Traité des études*, третья часть. Ниже кн. XXIX. гл. XIII.

[3]) Величіе и слава Спарты не много имѣютъ цѣны для всякаго неослѣпленнаго поклонника древности. Что далъ этотъ солдатскій монастырь, кромѣ разрушенія и развалинъ? Чѣмъ обязана цивилизація этимъ варварамъ?

[4]) Филопоменъ принудилъ лакедемонянъ оставить принятый у нихъ способъ кормленіе дѣтей, хорошо зная, что иначе они всегда-бы имѣли великую душу и гордое сердце. (Плутархъ *Жизнеописаніе Филопомена*. См. кн. XXXVIII *Тита Ливія*).

[5]) Онъ въ продолженіе трехъ лѣтъ защищалъ свои законы и свою свободу. (См. книги XCVIII, XCIX и С. Тита Ливія, въ *Epitome* Florus'a), онъ сопротивлялся сильнѣе, чѣмъ величайшіе изъ государей.

[6]) *Величіе и паденіе римлянъ*, гл. I. Монтескье считаетъ сабинямъ и самнитянъ потомками лакедемонянъ, но это ничѣмъ не оправданное предположеніе.

[7]) Florus, кн. I, гл. XVI (М.).

[8]) *In fece Romuli*, Цицеронъ, *письма къ Аттику*, II, I. (М.).

[9]) «Я не знаю ничего болѣе противоположнаго Ликургу, чѣмъ законодатель и народъ, питающіе отвращеніе къ войнѣ. Я отъ всей души желаю, чтобы Лондонъ не принуждалъ добрыхъ пенсильванцевъ стать такими-же злыми, какъ мы и какъ эти древніе лакедемоняне, которые были несчастіемъ Греціи». (Вольтеръ).

на которые они вывели свои народы, по силѣ своего вліянія на свободныхъ людей, по своимъ побѣдамъ надъ ихъ предразсудками и господству надъ ихъ страстями.

Другой примѣръ можетъ намъ представить Парагвай. Обществу [1]) хотѣли вмѣнить въ преступленіе то, что оно въ удовольствіи повелѣвать видитъ единственное благо жизни. Но управлять людьми съ цѣлью сдѣлать ихъ счастливыми будетъ всегда прекрасно [2]).

Оно достойно славы за то, что первое показало въ этихъ странахъ примѣръ сочетанія религіи съ человѣчностью. Исправляя опустошенія, причиненныя странѣ испанцами, оно приступило къ излѣченію одной изъ величайшихъ ранъ, когда-либо нанесенныхъ человѣчеству [3]).

Тонкая чувствительность этого общества ко всему, чему имя честь, его рвеніе къ религіи, которая много болѣе смиряетъ тѣхъ, которымъ она проповѣдуется, чѣмъ тѣхъ, которые ее проповѣдуютъ, позволили ему затѣять великія предпріятія и успѣшно выполнить ихъ. Оно вызвало изъ лѣсовъ разсѣянные въ нихъ народы, обезпечило ихъ въ пищѣ, снабдило ихъ одеждой; и если-бы все это повело лишь къ увеличенію промышленности между людьми, то и этимъ однимъ было-бы уже много сдѣлано [4]).

Желая создать подобныя учрежденія, нужно установить общность имущества республики Платона, требуемое имъ почтеніе къ богамъ, отчужденіе отъ иностранцевъ для охраненія нравовъ; нужно поручить веденіе торговли государству, а не отдѣльнымъ гражданамъ [5]); нужно дать людямъ наши искусства безъ нашей роскоши и наши нужды безъ нашихъ желаній.

---

[1]) Т.-е. іезуитамъ.

[2]) Индійцы Парагвая не подвластны никакому частному владѣльцу, платятъ не болѣе пятой части податей и снабжены огнестрѣльнымъ оружіемъ для самозащиты. (М.).

[3]) Конечно, нѣтъ ничего прекраснѣе какъ управлять людьми съ цѣлью сдѣлать ихъ счастливыми, и въ этомъ смыслѣ авторъ и называетъ орденъ іезуитовъ *обществомъ* по преимуществу. Однако, де-Бугенвилль повѣдалъ намъ, что въ Парагваѣ іезуиты подвергали тѣлесному наказанія отцовъ семейства. Можно-ли вести людей къ счастію, обращаясь съ ними, какъ съ рабами или дѣтьми? (Вольтеръ).

[4]) «У меня здѣсь (въ Парижѣ) уже завелись перекоры и съ янсенистами и съ іезуитами; вотъ что подало поводъ къ этому. Въ гл. VI, кн. IV моего сочиненія, говоря о поселеніи іезуитовъ въ Парагваѣ, я сказалъ, что поведеніе ихъ тамъ, какъ-бы ни старались очернить его, было очень похвально; и вотъ янсенистамъ не понравилось, что я защищалъ то, на что они нападали, и одобрялъ поведеніе іезуитовъ: все это ихъ очень разсердило. Съ другой стороны, іезуиты нашли, что я говорю о нихъ недостаточно почтительно и укоряю ихъ въ недостаткѣ смиренія. Такимъ образомъ я раздѣляю судьбу всѣхъ людей умѣренныхъ, и нахожусь въ положеніи тѣхъ нейтральныхъ лицъ, которыхъ великій Косьма Медичи сравниваетъ съ обитателями вторыхъ этажей, страдающими и отъ шума надъ ними и отъ дыма подъ ними». (Монтескье. *Письмо къ г. де Стенвиллъ*, отъ 27 мая 1750 г.).

[5]) Что станется тогда съ рвеніемъ и неутомимой бдительностью личнаго интереса? (Гельвецій).

Нужно запретить употребленіе денегъ, которыя побуждаютъ людей увеличивать ихъ богатства выше мѣры, положенной природой; научаютъ ихъ безполезно хранить то, что они безполезно накопляли; до безконечности умножаютъ ихъ желанія и насилуютъ природу, давшую намъ очень ограниченныя средства раздражать наши страсти, развращая другъ друга.

Граждане Эпидамна [1]), почувствовавъ, что нравы у нихъ портятся вслѣдствіе сношенія съ варварами, назначили особенное должностное лицо для завѣдыванія всѣми торговыми оборотами отъ имени города и для города [2]). Такимъ образомъ торговля перестаетъ вносить разложеніе въ государственное устройство, а государственное устройство не лишаетъ общество выгодъ торговли [3]).

ГЛАВА VII.

Въ какомъ случаѣ могутъ быть полезны эти своеобразныя учрежденія.

Учрежденія подобнаго рода могутъ быть умѣстны въ республикахъ, такъ какъ въ основѣ ихъ лежитъ политическая добродѣтель. Но для развитія чувства чести въ монархіяхъ и страха въ государствахъ деспотическихъ нѣтъ надобности въ столь многихъ заботахъ.

Кромѣ того такія учрежденія возможны лишь въ небольшихъ государствахъ [4]) гдѣ можно весь народъ воспитывать какъ одно семейство, въ одномъ общемъ для всѣхъ направленіи.

Законы Миноса, Ликурга и Платона предполагаютъ со стороны гражданъ очень бдительный надзоръ однихъ надъ другими, на который нельзя расчитывать среди смятеній, разсѣянности и обширнаго размѣра дѣлъ великаго народа.

Эти учрежденія требуютъ, какъ было уже сказано, отмѣны денегъ [5]). Но въ большихъ обществахъ, число, разнообразіе, важность дѣлъ, удобства ввоза и медленность обмѣна, требуютъ общей денежной мѣры. Для

---

[1]) *Плутархъ*, Demande des choses grecques, гл. XXIX. (М.).

[2]) Это значитъ, что, подобно всѣмъ невѣжественнымъ народамъ, они употребляли лекарства противъ наружнаго проявленія зла, а не противъ его источника. (Гельвецій).

[3]) Но оно уничтожаетъ соревнованіе между торговцами и губитъ торговлю. (Luzac).

Всякое общество, которое, лишивъ человѣка свободы, обращаетъ его въ простое орудіе, есть вызовъ, брошенный природѣ человѣка. Колонія, основанная Пенномъ, обратилась въ большое государство, потому что законодатель предоставилъ полную свободу дѣятельности колонистовъ; а что осталось отъ дѣлъ парагвайскихъ *Миссій?*

[4]) Какими и были города Греціи. (М.).

[5]) Это все равно, что желать переплыть океанъ безъ лодки или запретить дождю литься (Гельвецій).

повсемѣстнаго распространенія своей власти или повсемѣстной защиты ея, надо имѣть то, съ чѣмъ люди вездѣ связываютъ власть [1]).

ГЛАВА VIII.

Объясненіе одного парадокса древнихъ по отношенію къ нравамъ.

Полибій, разсудительный Полибій, говоритъ намъ [2]), что музыка была необходима для смягченія нравовъ обитателей Аркадіи, которые жили въ странѣ суровой и холодной, и что жители Кинета, пренебрегавшіе музыкой, превзошли въ жестокости всѣхъ прочихъ грековъ, такъ что не было города, гдѣ совершалось бы столько преступленій, какъ у нихъ. Платонъ [3]) не побоялся даже сказать, что нельзя сдѣлать никакого измѣненія въ музыкѣ, которое не повлекло бы за собою соотвѣтственнаго измѣненія въ конституціи государства. Аристотель, который написалъ свою Политику, кажется, только для того, чтобы противопоставить свои идеи идеямъ Платона, согласенъ, однако, съ нимъ въ мнѣніи о важномъ вліяніи музыки на нравы [4]). Теофрастъ, Плутархъ [5]), Страбонъ были того-же мнѣнія. И это у нихъ не случайная игра ума, а одно изъ основныхъ началъ ихъ политики [6]). Такъ они создавали законы; такъ, думали они, надо управлять государствами.

Полагаю, что я буду въ состояніи объяснить это. Надо имѣть въ виду, что въ греческихъ городахъ и особенно въ тѣхъ, главнымъ предметомъ которыхъ была война, всякій трудъ и всякая профессія, которые имѣли цѣлью денежную выгоду, считались недостойными свободнаго человѣка.

---

[1]) Другими словами, насилуя природу вещей, мы получаемъ вмѣсто общества монастырь или казарму, а вмѣсто человѣка—монаха или солдата. Было-бы очень желательно, чтобы болѣе правильное воспитаніе и болѣе близкое знакомство съ древностью излѣчили насъ отъ этихъ предразсудковъ, которые ослѣпляли такихъ великихъ мыслителей, какъ Боссюэтъ и Монтескье. Безплодіе учрежденій, приписываемыхъ Ликургу, и плодотворность аѳинскаго генія должна бы, кажется, просвѣтить насъ насчетъ разницы между колоніей солдатъ и обществомъ купцовъ, моряковъ, фабрикантовъ, поэтовъ и артистовъ. Платонъ и Ксенофонтъ указывали на нравы лакедемонянъ въ видѣ укора слабостямъ и порокамъ аѳинской демократіи; они были въ правѣ дѣлать это; но мы не правы, принимая сатиру за истину.

[2]) Истор., кн. IV, гл. XX и XXI.

[3]) *О Республикѣ*, кн. IV. Подъ словомъ музыка древніе разумѣли поэзію, исторію, краснорѣчіе и собственно музыку. *Республика*, кн. III.

[4]) *Политика*, кн. VIII, гл. V. Мнѣніе Монтескье о *Политикѣ* Аристотеля, пожалуй, слишкомъ сурово. Платонъ былъ теоретикомъ, чтобы не сказать мечтателемъ; Аристотель же—человѣкъ наблюденія и первый изъ наблюдателей. Естественно, что холодный разумъ его не придавалъ большой цѣны химерамъ Платона. Это распря науки съ воображеніемъ.

[5]) *Жизнеописаніе Пелопида*, (М.) и *Жизнеописаніе Ликурга*.

[6]) Платонъ, кн. IV. *Законовъ*, говоритъ, что префектуры музыки и гимнастики—самыя важныя должности въ государствѣ. «Дамонъ скажетъ вамъ, говоритъ онъ въ III-ей кн. *Республики*, какіе звуки способны возбуждать въ душѣ низкія чувства, дерзость, и противоположныя имъ добродѣтели». (М.).

«Большая часть ремеслъ», говоритъ Ксенофонтъ [1]), искажаютъ тѣла людей, занимающихся ими; они заставляютъ сидѣть въ тѣни или близъ огня и не оставляютъ времени ни для друзей, ни для республики». Ремесленники стали гражданами въ нѣкоторыхъ демократіяхъ только въ пору разложенія послѣднихъ. И Аристотель [2]), сообщая намъ объ этомъ, утверждаетъ, что республика благоустроенная никогда не дастъ имъ права гражданства [3]).

Земледѣліе тоже считалось дѣломъ [4]) рабскимъ и занимался имъ обыкновенно какой нибудь покоренный народъ: илоты у лакедемонянъ; періэки у критянъ; пенесты у ѳессалійцевъ; другіе [5]) порабощенные народы въ другихъ республикахъ.

Наконецъ, всякая мелкая торговля [6]) считалась у грековъ постыдной. Она заставляла гражданина оказывать услуги рабу, постояльцу, иностранцу: мысль объ этомъ возмущала свободолюбіе эллина, и Платонъ [7]) въ своихъ законахъ требуетъ наказанія для гражданина, занявшагося торговлей.

Греческія республики были въ очень затруднительномъ положеніи. Онѣ не хотѣли, чтобы граждане занимались торговлей, земледѣліемъ, ремеслами; но не хотѣли также, чтобы они проводили время въ праздности [8]). Ихъ учрежденія не предоставляли гражданамъ никакихъ другихъ занятій, кромѣ тѣхъ упражненій, которыя имѣютъ отношеніе къ гимнастикѣ или къ войнѣ [9]). На грековъ надо поэтому смотрѣть какъ на общество атлетовъ и воиновъ. Но эти упражненія, столь удобныя для выработки людей грубыхъ и дикихъ [10]), требовали противовѣса въ другихъ занятіяхъ,—

---

[1]) Кн. V, *Достопамятныя изреченія*. (*Экономики*, гл. IV). (М.).

[2]) *Политика*, кн. III, гл. IV. (М.).

[3]) Діофантъ, говоритъ Аристотель, (*Политика*, кн. II, гл. VII), постановилъ нѣкогда въ Аѳинахъ, чтобы ремесленники были рабами общества. (М.).

[4]) Въ древности, какъ и въ наши времена, съ праздностью связывалось представленіе о благородствѣ, что было источникомъ столькихъ золъ въ области политики и морали. (Гельвецій). Гражданинъ—у грековъ и римлянъ, благородный—у нашихъ отцовъ, должны были заниматься только войной; все остальное лежало на обязанности рабовъ и мужиковъ.

[5]) Поэтому Платонъ и Аристотель требуютъ, чтобы рабы воздѣлывали землю. (*Законы*, кн. VII; *Политика*, кн. VII, гл. X). Правда, что земледѣліемъ занимались не вездѣ одни рабы; напротивъ, Аристотель говоритъ, что самыя лучшія республики были тѣ, гдѣ имъ занимались и граждане; но это случилось лишь послѣ разложенія старыхъ образовъ правленія, обратившихся въ демократіи, такъ какъ вначалѣ города Греціи были аристократіями. (М.).

[6]) *Cauponatio*. (М.). Римское право санкціонировало это униженіе торговли. Законъ Константина смѣшиваетъ женщинъ, державшихъ торговое заведеніе, съ рабами, кабатчиками, актрисами и обитательницами дурныхъ домовъ (Parrelle).

[7]) Кн. II. (М.).

[8]) Аристот., *Политика*, кн. X. (М.).

[9]) *Ars corporum exercendorum, gymnastica; variis certaminibus terendorum, paedotribica*. (Арист. *Политика*, кн. VIII, гл. III. (М.).

[10]) Аристотель говоритъ, что дѣти лакедемонянъ, принимавшіяся за эти упражненія съ самаго нѣжнаго возраста, становились слишкомъ свирѣпыми. *Полит*, кн. VIII, гл. IV. (М.). *Республика* Платона, кн. III.

способныхъ смягчать нравы. Музыка, какъ искусство, дѣйствующее на душу чрезъ посредство органовъ тѣла, была очень подходящимъ для этого средствомъ. Она занимаетъ середину между тѣлесными упражненіями, которыя дѣлаютъ людей жестокими, и спекулятивными умствованіями, которыя дѣлаютъ ихъ нелюдимыми. Нельзя сказать, что музыка внушала добродѣтель. Это было-бы непостижимо; но она противодѣйствовала ожесточающему вліянію грубаго учрежденія и въ области воспитанія отводила и для души мѣсто, котораго у нея безъ этого-бы не было.

Предположимъ, что среди насъ есть общество людей, до того страстно любящихъ охоту, что они ею одной только и занимаются. Нѣтъ сомнѣнія, что такое занятіе подѣйствовало-бы на нихъ огрубляющимъ образомъ. Но если-бы эти люди, кромѣ того, получили-бы еще и вкусъ къ музыкѣ. то вскорѣ въ ихъ обращеніи и нравахъ сказалось-бы нѣкоторое различіе сравнительно съ прежнимъ. Наконецъ, обычныя упражненія грековъ возбуждали въ нихъ лишь одинъ родъ страстей; суровость, гнѣвъ, жестокость. Музыка же возбуждаетъ всѣ роды ихъ и даетъ душѣ ощутить чувства кротости, состраданія, нѣжности, тихой отрады. Наши сочинители моральныхъ разсужденій, съ такою строгостью запрещающіе намъ посѣщать театры, достаточно убѣждаютъ насъ этимъ въ силѣ той власти, которую имѣетъ музыка надъ душой человѣка.

И если-бы обществу, о которомъ я говорилъ, дали одни барабаны да трубные звуки, то, не правда-ли, что этимъ предположенная цѣль достигалась-бы менѣе, чѣмъ, если-бы имъ дали болѣе нѣжную музыку? Древніе поэтому были правы, отдавая въ извѣстныхъ обстоятельствахъ предпочтеніе тому или другому средству вліять на нравы. Но зачѣмъ же, спросятъ, отдавать предпочтеніе музыкѣ? Затѣмъ, что изо всѣхъ чувственныхъ удовольствій она менѣе всего способна повреждать нравы. Мы краснѣемъ, читая у Плутарха [1]) о ѳиванцахъ, которые для смягченія нравовъ молодежи узаконили у себя нѣкоторый родъ любви, который долженъ-бы быть осужденъ всѣми народами міра.

КНИГА ПЯТАЯ [2]).

Законы, постановляемые законодателемъ, должны соотвѣтствовать принципу образа правленія.

ГЛАВА I.

Идея этой книги.

Мы уже видѣли, что законы воспитанія должны соотвѣтствовать принципу каждаго правленія. То же слѣдуетъ сказать и о законахъ, создаваемыхъ

[1]) *Жизнеописаніе Пелопида*, гл. X. (М.). Цицер., *о Республ.*

[2]) VI-ая кн. *Политики* Аристотеля трактуетъ о томъ-же предметѣ, что и эта (Parrelle).

законодателемъ для всего общества. Это соотвѣтствіе законовъ съ этимъ принципомъ приводитъ въ дѣйствіе всѣ пружины правленія, и самый принципъ получаетъ отъ этого новую силу. Такъ въ области физическихъ движеній за всякимъ дѣйствіемъ всегда слѣдуетъ противодѣйствіе. Мы разсмотримъ это соотвѣтствіе по отношенію къ каждому виду правленія, и начнемъ съ государства республиканскаго, принципъ котораго—добродѣтель.

ГЛАВА II.

Что такое добродѣтель въ государствѣ политическомъ.

Въ республикѣ добродѣтель есть очень простая вещь: это—любовь къ республикѣ; это—чувство, а не рядъ познаній. Оно столь-же доступно послѣднему человѣку въ государствѣ, какъ и тому, который занимаетъ въ немъ первое мѣсто. Разъ усвоивъ себѣ добрыя правила, народъ держится за нихъ дольше, чѣмъ такъ называемые порядочные люди [1]). Разложеніе рѣдко начинается съ него, и часто въ самой скудости своего просвѣщенія онъ почерпаетъ болѣе сильную привязанность къ тому, что установлено.

Любовь къ отечеству ведетъ къ добронравію, а добронравіе ведетъ къ любви къ отечеству. Чѣмъ менѣе мы можемъ удовлетворять нашимъ личнымъ страстямъ, чѣмъ болѣе мы отдаемся общимъ. Что заставляетъ монаховъ такъ любить свои монашескіе ордена? Именно то, чѣмъ они всего болѣе несносны для нихъ. Уставы орденовъ лишаютъ ихъ членовъ всего, что питаетъ обычныя страсти человѣка, оставляя мѣсто только одной страсти—къ тому самому уставу, который удручаетъ ихъ. И чѣмъ онъ болѣе суровъ, т. е. чѣмъ больше склонностей онъ урѣзываетъ, тѣмъ болѣе силы придаетъ онъ тѣмъ склонностямъ, которыя не подвергаются его запрету.

ГЛАВА III.

Что такое любовь къ республикѣ въ демократіи [2]).

Любовь къ республикѣ въ демократіи есть любовь къ демократіи, а любовь къ демократіи есть любовь къ равенству.

Любовь къ демократіи есть, кромѣ того, любовь къ умѣренности. Такъ какъ всѣ должны тамъ пользоваться одинаковымъ благополучіемъ и выгодами, то каждый долженъ имѣть тѣ-же удовольствія и предаваться тѣмъже надеждамъ, что и прочіе; а все это возможно только при общей умѣренности и воздержности.

Любовь къ равенству въ демократіи ограничиваетъ честолюбіе однимъ желаніемъ, однимъ счастіемъ—послужить отечеству болѣе важными дѣ-

---

[1]) Выше, кн. IV, гл. II.

[2]) Т. е. опять-таки въ античной демократіи.

лами, чѣмъ прочіе граждане. Всѣ не могутъ быть для него равно полезны, но всѣ равно должны быть ему полезны. Они уже съ самаго рожденія находятся въ неоплатномъ долгу передъ нимъ [1]).

Такимъ образомъ самыя отличія вытекаютъ тамъ изъ принципа равенства, даже когда послѣднее, повидимому, совсѣмъ устраняется превосходствомъ таланта или удачнымъ служеніемъ.

Любовь къ умѣренности ограничиваетъ въ демократіи стремленіе пріобрѣтать желаніемъ имѣть необходимое для семьи, а излишекъ—для отечества. Богатство даетъ власть, которую гражданинъ не можетъ употреблять для собственной пользы, потому что онъ пересталъ-бы быть равнымъ Оно доставляетъ наслажденія, которыми онъ тоже не долженъ пользоваться, потому что этимъ также нарушалось-бы равенство.

Поэтому благоустроенныя демократіи, утвердивъ умѣренность въ области домашней жизни, открыли двери для роскоши въ области жизни общественной, какъ это и было въ Аѳинахъ и въ Римѣ. Такимъ образомъ умѣренность явилась источникомъ изобилія и великолѣпія: и какъ религія требуетъ, чтобы жертвы богамъ были приносимы чистыми руками, такъ законы установляютъ умѣренность въ нравахъ, чтобы была возможность приносить дары отечеству.

Здравый смыслъ и благополучіе отдѣльныхъ лицъ много зависятъ отъ посредственности ихъ талантовъ и достатка [2]). Республика, гдѣ, благодаря законамъ, есть много людей посредственныхъ, а потому и благоразумныхъ, будетъ и управляема благоразумно; будучи составлена изъ людей счастливыхъ, она и сама будетъ очень счастлива.

ГЛАВА IV.

Какъ внушается любовь къ равенству и умѣренности.

Любовь къ равенству и умѣренности доводится до высшей степени самими-же равенствомъ и умѣренностью у людей, живущихъ въ обществѣ, гдѣ и то и другое установлены закономъ.

Въ монархіяхъ и въ государствахъ деспотическихъ никто не стремится къ равенству; даже мысль объ этомъ никому не приходитъ въ голову; тамъ каждый стремится къ возвышенію. Люди самаго низкаго положенія желаютъ выйти изъ него лишь для того, чтобы господствовать надъ другими людьми.

То-же и съ умѣренностью: чтобы полюбить ее, надо наслаждаться ею. И, конечно, не люди, развращенные удовольствіями роскоши, могутъ по-

---

[1]) *Человѣкъ рождается должникомъ*, сказалъ Бэконъ.

[2]) По отношенію къ достатку, это понятно, особенно тому, кто видалъ богачей; но въ приложеніи къ талантамъ—это мысль знатнаго барина, а не мудреца, знающаго, что есть добро и зло, пороки и добродѣтели. (Гельвецій).

любить воздержаніе; если-бы этотъ переходъ былъ явленіемъ естественнымъ и обычнымъ, то Алкивіадъ не сталъ-бы предметомъ восхищенія всего міра [1]). Не станутъ также любить умѣренность и тѣ, которые завидуютъ роскоши другихъ людей или восхищаются ею: люди, которые имѣютъ передъ глазами только или богачей или такихъ-же бѣдняковъ, какъ они сами, ненавидятъ свою бѣдность, не любя и не вѣдая того, что составляетъ границу между нею и богатствомъ.

Итакъ, вполнѣ истинно правило, что для развитія любви къ равенству и умѣренности въ республикѣ нужно, чтобы они были тамъ установлены законами.

ГЛАВА V.

Какъ законы водворяютъ равенство въ демократіи.

Нѣкоторые древніе законодатели, какъ Ликургъ и Ромулъ, раздѣлили земли поровну. Это могло произойти лишь при основаніи новой республики, или когда старая была до того испорчена и состояніе умовъ въ ней было таково, что бѣдные были поставлены въ необходимость домогаться подобнаго средства, а богатые—допустить его.

Если законодатель, совершивши такой раздѣлъ, не установитъ особыхъ законовъ для его охраненія, то созданіе его будетъ недолговѣчно: неравенство проникнетъ въ него съ той стороны, которая не защищена закономъ, и республика погибнетъ.

Поэтому, для поддержанія этого порядка, необходимо регулировать приданое женщинъ, право даренія, наслѣдованія, завѣщанія, наконецъ, всѣ роды договоровъ. Ибо если-бы было дозволено передавать свое имущество кому угодно и какъ угодно, то каждая отдѣльная воля подрывала-бы положенія основного закона.

Солонъ, дозволивъ аѳинянамъ. въ случаѣ бездѣтности [2]), передавать имущество по завѣщанію кому имъ угодно, всталъ въ разрѣзъ съ древними законами, не дозволявшими выхода имущества изъ семьи завѣщате-

---

[1]) «Не смѣю учить грамматикѣ геніальнаго человѣка, но желалъ-бы, чтобы такой остроумный и основательный писатель замѣнилъ фразу *jouir de la frugalité* (*наслаждаться умѣренностью*) какимъ-нибудь инымъ выраженіемъ. Еще болѣе желалъ-бы я, чтобы онъ не выставлялъ Алкивіада предметомъ восхищенія всего міра за то, что тотъ, проживая въ Лакедемонѣ, сообразовался съ воздержнымъ образомъ жизни спартанцевъ По моему мнѣнію, не слѣдуетъ быть столь расточительнымъ на восхищенія міра» (Вольтеръ). *Jouir de la frugalité* — фраза смѣлая, но ее можно защищать, такъ какъ она выражаетъ вѣрное понятіе. Что же касается до *восхищенія всего міра*, то тутъ критика является болѣе основательной, но надо имѣть въ виду темпераментъ Монтескье и его любовь къ классической древности. Онъ восхищается греками и римлянами и понимаетъ ихъ въ совсѣмъ иномъ духѣ, чѣмъ Вольтеръ, который былъ гораздо болѣе другомъ новыхъ людей, чѣмъ древнихъ.

[2]) Плутархъ, *Жизнь Солона.* (М.).

ля [1]). Онъ всталъ въ разрѣзъ и со своими собственными законами, такъ какъ, уничтожая долги, онъ добивался равенства.

Законъ, запрещавшій получать болѣе одного наслѣдства [2]), былъ очень благопріятенъ для демократіи. Онъ коренился въ равномъ раздѣлѣ земельныхъ участковъ между гражданами. Онъ не хотѣлъ допустить скопленія въ однѣхъ рукахъ нѣсколькихъ участковъ.

Изъ такого-же источника вытекалъ законъ, предписывавшій бракъ наслѣдницы съ ея ближайшимъ родственникомъ. Онъ былъ установленъ у евреевъ послѣ подобнаго-же раздѣла. Платонъ [3]), законы котораго основаны на этомъ раздѣлѣ, тоже даетъ этотъ законъ; и это былъ законъ аѳинскій.

Въ Аѳинахъ былъ одинъ законъ, духа котораго, насколько мнѣ извѣстно, никто до сихъ поръ не могъ уяснить. Онъ разрѣшалъ жениться на сестрѣ единокровной, но не на сестрѣ единоутробной [4]). Этотъ обычай велъ свое происхожденіе отъ республикъ, которыя, согласно господствовавшему въ нихъ духу, не допускали сосредоточенія въ рукахъ одного и того-же человѣка двухъ земельныхъ участковъ, а слѣдовательно и двухъ наслѣдствъ. Человѣкъ, вступившій въ бракъ съ своей сестрой съ отцовской стороны, могъ получить только одно наслѣдство — отъ своего отца; но если онъ вступалъ въ бракъ съ сестрой единоутробной, то могло случиться, что отецъ этой сестры, за неимѣніемъ у него дѣтей мужского пола, сдѣлалъ-бы ее своей наслѣдницей, вслѣдствіе чего ея братъ, женившійся на ней получилъ-бы два наслѣдства.

И пусть не возражаютъ мнѣ указаніемъ на Филона [5]), который говоритъ, что если въ Аѳинахъ разрѣшалось жениться на сестрахъ единокровныхъ, а не единоутробныхъ, то въ Спартѣ можно было жениться лишь на единоутробныхъ, а не на единокровныхъ сестрахъ. Ибо у Страбона [6]) мы читаемъ, что въ Лакедемонѣ сестра, вышедшая замужъ за брата, получала въ приданое половину части, приходившейся на долю брата. Ясно, что этотъ законъ былъ изданъ для предупрежденія нежелательныхъ послѣдствій перваго. Чтобы воспрепятствовать переходу имущества семьи

---

[1]) Плутархъ, *Жизнь Солона*. (М.).

[2]) Филолай Коринѳскій постановилъ въ Аѳинахъ (читайте: въ Ѳивахъ), чтобы количество земельныхъ участковъ и наслѣдствъ никогда не измѣнялось (Аристотель, *Политика*, кн. II, гл. XII. (М.).

[3]) *Республика*, кн. VIII. (М.). *Законы*, кн. XI.

[4]) Корнелій Непотъ, *in praefat.* (*Neque enim Cimoni fuit turpe, Atheniensium summo viro, sororem hermanam habere in matrimonio, quippe quum cives ejus eodem uterentur instituto. At id quidem nostris moribus ne as habetur*). Это былъ обычай первобытный; такъ Авраамъ говоритъ о Саррѣ: *она моя сестра, дочь моего отца, а не моей матери*. (Кн. Бытія, гл. XX). Этотъ законъ существовалъ у различныхъ народовъ по тѣмъ-же причинамъ. (М.).

[5]) *De specialiabus legibus quae pertinent ad praecepta Decalogi*. (М.).

[6]) Кн. X.—Страбонъ, слѣдуя историку Эфору, говоритъ въ этомъ мѣстѣ о законахъ Крита, а не Лакедемона.

сестры въ семью брата, ей назначали въ приданое половину имущества брата.

Сенека [1]), разсказывая о Силанѣ, женившемся на своей сестрѣ, говоритъ, что въ Аѳинахъ дозволеніе такихъ браковъ было очень ограничено, между тѣмъ какъ оно было всеобщее въ Александріи. Тамъ, гдѣ всѣмъ управлялъ одинъ человѣкъ, не могло быть вопроса объ охраненіи раздѣла имуществъ.

Для охраненія этого раздѣла земель въ демократіи весьма полезенъ былъ законъ, который предписывалъ, чтобы отецъ, имѣющій нѣсколько человѣкъ дѣтей, выбралъ изъ нихъ одного для передачи ему по наслѣдству своей части [2]), а прочихъ отдалъ для усыновленія какому-нибудь бездѣтному человѣку, дабы число гражданъ было всегда равно числу земельныхъ участковъ [3]).

Фалеасъ Халкедонскій [4]) изобрѣлъ способъ установить равенство между имуществами въ республикѣ, гдѣ этого равенства не было. Онъ хотѣлъ, чтобы богатые давали приданое бѣднымъ, а сами не получали его отъ нихъ, и чтобы бѣдные получали деньги за своихъ дочерей, а сами денегъ не давали. Но я не знаю ни одной республики, которая усвоила-бы себѣ подобное установленіе. Оно ставитъ гражданъ въ условія, обнаруживающія такія вопіющія различія, что это одно заставило-бы ихъ возненавидѣть самое то равенство, которое желаютъ установить у нихъ. Благоразуміе требуетъ иногда, чтобы законы не шли такъ напрямикъ къ своей цѣли.

Хотя въ демократіи дѣйствительное равенство есть душа государства, но его такъ трудно установить, что слишкомъ большая точность въ этомъ отношеніи не всегда желательна. Достаточно, если будетъ установленъ цензъ [5]), опредѣляющій и ограничивающій до нѣкоторой степени различія; а дѣло уравненія неравенствъ будетъ выполняемо отдѣльными законами, посредствомъ налагаемыхъ ими тягостей на богатыхъ и доставляемыхъ ими облегченій бѣднымъ. Только люди посредственнаго состоянія безропотно переносятъ такого рода уравненія, богачи же во всякомъ отказѣ въ почестяхъ и власти видятъ для себя оскорбленіе.

---

[1]) *Athenis dimidium licet. Alexandriae totum.* Сенека, *de morte Claudii.* (М.). Сенека, разсказывая о Силанѣ, говоритъ просто слѣдующее: *Oro per quod sororem, festivissimamomnium puellarum, quam omnes Venerem vocarent, maluit Junonem vocare.* Это значитъ не то, что Силанъ былъ женатъ на своей сестрѣ, а то, что его подозрѣвали въ кровосмѣшеніи; но мы знаемъ изъ Тацита (Анн., XII, IV), что это была клевета, выдуманная Вителліемъ. Браки между братьями и сестрами никогда не были дозволены въ Римѣ.

[2]) Платонъ создаетъ подобный-же законъ, кн. III *Законовъ.*

[3]) Развѣ дѣтей не больше чѣмъ отцовъ? (Гельвецій).

[4]) Аристотель, *Политика*, кн. II, гл. VII. (М.).

[5]) Солонъ установилъ четыре класса: первый состоялъ изъ лицъ, имѣющихъ пятьсотъ минъ дохода, въ зернѣ или въ винахъ; второй—изъ лицъ, у которыхъ было триста минъ дохода и которые могли содержать лошадь; третій—изъ тѣхъ, у кого было только двѣсти минъ; четвертый—изо всѣхъ, которые жили трудами своихъ рукъ. (Плутархъ, *Жизнь Солона*). (М.).

Всякое неравенство въ демократіи должно вытекать изъ природы демократіи и изъ самаго принципа равенства. Тамъ, напримѣръ, можно опасаться, какъ бы люди, обязанные поддерживать свое существованіе непрерывнымъ трудомъ, не слишкомъ обѣднѣли вслѣдствіе отправленія ими общественныхъ должностей или-же не пренебрегли обязанностями, налагаемыми на нихъ этими должностями; чтобы ремесленники не возгордились; чтобы слишкомъ многочисленные вольноотпущенники не сдѣлались могущественнѣе старинныхъ гражданъ, и во всѣхъ этихъ случаяхъ равенство между гражданами [1]) можетъ быть отмѣнено въ демократіи для блага самой демократіи. Но въ такихъ случаяхъ нарушается только кажущееся равенство; такъ какъ человѣкъ, разорившійся на службѣ обществу, оказался-бы въ положеніи худшемъ сравнительно съ прочими гражданами, и этотъ самый человѣкъ, будучи вынужденъ необходимостью пренебрегать своими служебными обязанностями, могъ-бы этимъ поставить прочихъ гражданъ въ положеніе худшее даже по сравненію съ его собственнымъ и т. д.

ГЛАВА VI.

Какъ законы должны поддерживать умѣренность въ демократіи.

Въ благоустроенной демократіи земельные участки должны быть не только равными, но еще и очень небольшими, какъ у римлянъ. «Не дай Богъ, говорилъ Курій [2]) своимъ воинамъ, чтобы гражданинъ почиталъ слишкомъ малымъ кусокъ земли, достаточный для прокормленія человѣка!»

Какъ равенство состояній поддерживаетъ умѣренность, такъ умѣренность поддерживаетъ равенство состояній. Хотя это двѣ различныя вещи, но онѣ таковы, что одна безъ другой существовать не можетъ; каждая изъ нихъ есть и причина и слѣдствіе: если одна покидаетъ демократію, другая всегда слѣдуетъ за нею.

Правда, въ демократіяхъ, которыя основаны на торговлѣ, можетъ случиться, что отдѣльныя лица будутъ обладать большими богатствами, а нравы оставаться неповрежденными; но причина этого въ томъ, что духъ торговли влечетъ за собою духъ воздержанія, бережливости, умѣренности, трудолюбія, благоразумія, спокойствія, порядка и исправности. Поэтому, пока этотъ духъ держится, богатства, производимыя имъ, не оказываютъ никакого дурного вліянія. Зло наступаетъ лишь послѣ того, какъ духъ торговли будетъ уничтоженъ излишнимъ накопленіемъ богатствъ. Тогда

---

[1]) Солонъ освободилъ отъ повинностей всѣхъ лицъ четвертаго ценза. (М.). Плутархъ, *Жизнь Солона*, гл. XI.

[2]) Они требовали болѣе значительную долю изъ завоеванной земли. Плутархъ, *Нравоучительныя сочиненія, Достопамятныя изреченія древнихъ государей и полководцевъ*. (М.).

всѣ неурядицы неравенства, которыя до той поры не давали себя чувствовать, вдругъ выступаютъ наружу [1]).

Чтобы поддержать этотъ духъ торговли, надо, чтобы первые граждане сами занимались ею; чтобы этотъ духъ господствовалъ безраздѣльно, не перекрещиваясь съ другимъ; чтобы всѣ законы оказывали ему покровительство; чтобы тѣ-же законы, распредѣляя богатства по мѣрѣ того, какъ они увеличиваются торговлей, доставляли каждому бѣдному гражданину благосостояніе, которое давало-бы ему возможность работать, какъ прочіе, а каждаго богатаго гражданина ставили-бы въ такія условія, которыя обязывали-бы его трудиться, чтобы пріобрѣтать и сберегать.

Законъ, удѣляющій всѣмъ дѣтямъ равную долю изъ наслѣдства ихъ отца, очень благопріятенъ для торговой республики [2]). Благодаря ему, дѣти, какъ-бы ни былъ богатъ ихъ отецъ, будучи всегда бѣднѣе его, склоняются избѣгать роскоши и трудиться по примѣру ихъ отца. Говоря это, я имѣю въ виду лишь торговыя республики; для прочихъ же есть не мало другихъ мѣръ, о которыхъ предстоитъ подумать законодателю [3]).

Въ Греціи было два рода республикъ: однѣ—военныя, какъ Лакедемонъ, а другія—торговыя, какъ Аѳины. Въ однихъ хотѣли сдѣлать гражданъ праздными, въ другихъ имъ старались внушить любовь къ труду. Солонъ вмѣнялъ праздность въ преступленіе и хотѣлъ, чтобы каждый гражданинъ отдавалъ отчетъ въ томъ, какимъ образомъ онъ пріобрѣтаетъ средства къ существованію [4]). Въ самомъ дѣлѣ, въ хорошей демократіи, гдѣ не должно издерживать болѣе, чѣмъ на необходимое, каждый долженъ его добывать своимъ трудомъ; такъ какъ иначе, откуда онъ его возметъ?

ГЛАВА VII.

Другія средства, содѣйствующія принципу демократіи.

Равный раздѣлъ земель возможенъ не для всѣхъ демократій [5]). Есть обстоятельства, когда такая мѣра была-бы неудобоисполнима, опасна и даже могла-бы поколебать государственное устройство. Не всегда необходимо прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ. И если этотъ раздѣлъ, цѣль котораго охра-

---

[1]) Потому что вслѣдствіе такого излишества богатствъ соревнованіе дѣловое обращается въ соревнованіе изъ за желанія пріобрѣсти болѣе высокое общественное положеніе. Въ государственныхъ должностяхъ видятъ уже не исполненіе тяжелаго долга, а средство пріобрѣтать отличія. Начинаютъ съ презрѣнія къ народу и кончаютъ презрѣніемъ къ купцу. Вотъ вамъ и неравенство. (Luzac).

[2]) Ср. гл. VIII.

[3]) Тамъ слѣдуетъ очень ограничить женское приданое. (М.). Плутархъ *Жизнь Солона*, гл. XIII.

[4]) Какъ можно было обязать аѳинянъ къ такимъ отчетамъ, если греческія республики не хотѣли чтобы ихъ граждане занимались торговлей, земледѣліемъ и ремеслами? (Grosley).

[5]) Такъ-же какъ и точная установка одного и того-же уровня населенія. (Гельвецій).

неніе нравовъ, окажется неподходящимъ для какой-нибудь демократіи, то надо обратиться къ другимъ средствамъ.

Можно создать опредѣленное учрежденіе, которое само собою явится образцомъ и правиломъ въ области нравовъ: напр. сенатъ, доступъ въ который открывается возрастомъ, добродѣтелью, степенной важностью характера, заслугами; такіе сенаторы, поставленные на видъ народу какъ нѣкое подобіе боговъ, внушатъ ему чувства, которыя проникнутъ въ нѣдра всѣхъ семействъ.

Особенно нужно, чтобы этотъ сенатъ отличался привязанностью къ учрежденіямъ старины и дѣйствіями своими поддерживалъ любовь къ нимъ въ народѣ и его сановникахъ.

Нравы много выигрываютъ отъ этой привязанности къ обычаямъ старины. Народы съ испорченными нравами рѣдко совершаютъ великія дѣла; не они учреждаютъ общества, основываютъ города, устанавливаютъ законы; напротивъ, большая часть учрежденій создана народами, нравы которыхъ были суровы и просты; призывать людей къ завѣтамъ старины значитъ, въ большинствѣ случаевъ, возвращать ихъ къ добродѣтели.

Сверхъ того, если была произведена какая-нибудь революція и государству придана новая форма, то все это могло совершиться лишь посредствомъ безконечныхъ усилій и трудовъ, и рѣдко посредствомъ испорченныхъ нравовъ и праздности. Тѣ самые люди, которые сдѣлали революцію, желали сдѣлать ея блага ощутительными для всѣхъ, и они могли достигнуть этого лишь посредствомъ установленія хорошихъ законовъ. Древнія учрежденія, поэтому, обыкновенно являются исправленіемъ зла, а новыя— злоупотребленіями. Въ теченіе долгаго правленія люди по незамѣтному уклону спускаются ко злу и могутъ снова подняться къ благу только усиліемъ.

Было много споровъ о томъ, должны-ли члены сената, о которомъ идетъ рѣчь, избираться на всю жизнь или только на время. Конечно, они должны быть пожизненными, какъ это было въ Римѣ [1]), Лакедемонѣ [2]), было даже и въ Аѳинахъ, такъ какъ не надо смѣшивать того, что называли въ Аѳинахъ сенатомъ, весь составъ коего обновлялся черезъ каждые три мѣсяца, съ ихъ ареопагомъ, члены коего избирались на всю жизнь, въ качествѣ постоянныхъ образцовъ.

Общее правило: въ сенатѣ, созданномъ для того, чтобѣ служить образцомъ и, такъ сказать, хранилищемъ нравовъ, сенаторы должны быть из-

---

[1]) Должностныя лица тамъ назначались на годъ, а сенаторы—на всю жизнь. (М.).

[2]) Ликургъ, говоритъ Ксенофонтъ *(De Republ. Laced.*, гл. X, § 1 и 2) хотѣлъ, «чтобы въ сенаторы избирались старцы, дабы они и на склонѣ дней не пренебрегали собою; поставивъ старыхъ людей судьями надъ мужествомъ молодыхъ людей, онъ сдѣлалъ старость первыхъ болѣе почетною, чѣмъ силу послѣднихъ». (М.).

бираемы на всю жизнь; въ сенатѣ, созданномъ для подготовленія дѣлъ, сенаторы могутъ быть временными.

Духъ, говоритъ Аристотель, старѣетъ также, какъ и тѣло [1]). Но это замѣчаніе вѣрно только по отношенію къ единичному государственному дѣятелю и не можетъ быть приложимо къ собранію сенаторовъ. Въ Аѳинахъ, кромѣ ареопага, были еще стражи нравовъ и стражи законовъ [2]). Въ Лакедемонѣ всякій старикъ былъ цензоромъ. Въ Римѣ цензура принадлежала двумъ особымъ сановникамъ. Какъ сенатъ наблюдаетъ за народомъ, такъ цензоры должны надзирать за народомъ и сенатомъ. Они обязаны исправлять всякую испорченность въ республикѣ, отмѣчать недостатокъ усердія, судить упущенія, исправлять ошибки, подобно тому какъ законы караютъ преступленія.

Римскій законъ, предписывавшій, чтобы обвиненіе въ прелюбодѣяніи было заявляемо публично [3]), способствовалъ въ высшей степени охраненію чистоты нравовъ; онъ устрашалъ женщинъ; онъ устрашалъ и тѣхъ, которые должны были надзирать за ними [4]).

Ничто не удерживаетъ такъ отъ безнравственности, какъ крайнее подчиненіе молодыхъ людей старикамъ. Оно сдерживаетъ и тѣхъ и другихъ; первыхъ—посредствомъ внушаемаго имъ уваженія къ старцамъ, а послѣднихъ—посредствомъ уваженія внушаемаго имъ къ себѣ самимъ.

Ничто не придаетъ такой силы законамъ какъ крайнее подчиненіе гражданъ правителямъ. «Великое различіе, которое Ликургъ установилъ между Лакедемономъ и прочими государствами», говоритъ Ксенофонтъ [5]), «заключалось главнымъ образомъ въ томъ, что онъ заставилъ гражданъ повиноваться законамъ: на призывъ правителя они устремляются бѣгомъ. Въ Аѳинахъ же богатый человѣкъ пришелъ бы въ отчаяніе, если бы на него посмотрѣли какъ на лицо, зависящее отъ чиновника».

Отеческая власть тоже очень полезное средство для охраненія нравовъ. Мы уже сказали, что въ республикѣ нѣтъ той сдерживающей силы, которая есть у другихъ видовъ правленія. Поэтому законы должны стараться замѣстить ее чѣмъ-нибудь, и это достигается отцовской властью.

Въ Римѣ отцы имѣли право жизни и смерти надъ своими дѣтьми [6]). Въ Лакедемонѣ каждый отецъ имѣлъ право наказать чужое дитя.

---

[1]) *Политика*, кн. II, гл. IX.

[2]) Самъ Ареопагъ былъ подчиненъ цензурѣ. (М.).

[3]) Т. е. дозволено всѣмъ.

[4]) Ниже, кн. VII, гл. X.

[5]) *Лакедемонская республика*, гл. VIII. (М.).

[6]) Исторія римская показываетъ намъ, съ какою выгодою для республики тамъ пользовались этимъ правомъ. Привожу только одинъ примѣръ изъ эпохи наибольшаго развращенія нравовъ. Когда Авлъ Фульвій отправился въ путь, чтобы присоединиться къ Катилинѣ, отецъ его велѣлъ ему вернуться назадъ и предалъ его смерти. Саллюстій, *de bello Catil.*, гл. XXXIX. Многіе другіе граждане поступили также. Діон., кн. XXVII, гл. XXXVI. (М.).

Отцовская власть исчезла въ Римѣ вмѣстѣ съ республикой. Въ монархіяхъ, гдѣ нѣтъ никакой надобности въ такой чистотѣ нравовъ, требуется, чтобы каждый жилъ подъ властью чиновниковъ.

Римскіе законы, пріучивъ молодыхъ людей къ зависимости, установили очень длинный періодъ несовершеннолѣтія. Мы, можетъ быть, напрасно усвоили себя этотъ обычай: монархія не нуждается въ такихъ стѣсненіяхъ [1]).

Въ республикѣ можетъ во имя того же повиновенія явиться надобность въ законѣ, предоставляющемъ отцу пожизненное право распоряжаться имуществомъ своихъ дѣтей. Но это не въ духѣ монархіи [2]).

ГЛАВА VIII.

Каково должно быть отношеніе законовъ къ принципу правленія аристократическаго.

Если въ аристократическомъ государствѣ народъ добродѣтеленъ, то люди могутъ быть почти также счастливы, какъ и при правленіи народномъ, и государство будетъ могущественно. Но такъ какъ рѣдко случается, чтобы тамъ, гдѣ имущество гражданъ распредѣлено такъ неравномѣрно, могло быть много добродѣтелей, то нужно, чтобы законы старались, насколько это отъ нихъ зависитъ, водворить въ этомъ государствѣ духъ умѣренности и возстановить въ немъ то равенство, которое неизбѣжно устраняется характеромъ его устройства.

Этотъ духъ умѣренности и есть то, что въ аристократіи зовется добродѣтелью: онъ занимаетъ тамъ мѣсто духа равенства въ государствѣ народномъ.

Какъ роскошь и великолѣпіе, окружающія государя, составляютъ часть его могущества, такъ скромность и простота обращенія составляютъ силу аристократической знати [3]). Если она ничѣмъ не старается отличить себя отъ другихъ, если она сливается съ народомъ, носитъ одинаковую съ нимъ одежду и допускаетъ его къ участію въ своихъ удовольствіяхъ—народъ забываетъ свое безсиліе.

У каждаго правленія есть своя природа и свой принципъ, поэтому аристократія не должна усвоивать себѣ природу и принципъ монархіи, что произошло-бы въ томъ случаѣ, если-бы одна группа изъ знати имѣла какія-нибудь личныя и особенныя прерогативы, отличныя отъ тѣхъ, ко-

---

[1]) На югѣ Франціи несовершеннолѣтіе продолжалось до двадцати пяти лѣтъ.

[2]) *Персидскія письма*, CXXIX., рус. пер. стр. 272.

[3]) Въ наше время, венеціанцы, которые во многихъ случахъ вели себя очень благоразумно, по поводу спора о первомъ мѣстѣ въ церкви, возникшаго между венеціанскимъ аристократомъ и дворяниномъ съ материка, рѣшили, что внѣ Венеціи венеціанскій дворянинъ не долженъ имѣть никакого преимущества предъ всякимъ другимъ гражданиномъ. (М.).

торыя принадлежатъ всему сословію. Привилегіи пусть даются сенату; а сенаторамъ—ничего, кромѣ простого уваженія.

Есть два источника неурядицъ въ аристократическихъ государствахъ: крайнее неравенство между тѣми, которые управляютъ, и тѣми, которыми управляютъ; и такое-же неравенство между членами сословія, которое управляетъ. Изъ этихъ двухъ неравенствъ рождается и зависть и ненависть, которыя должны быть предупреждаемы или подавляемы законами.

Первое неравенство происходитъ по преимуществу въ томъ случаѣ, когда привилегіи аристократіи почетны лишь потому, что онѣ постыдны для народа. Таковъ былъ въ Римѣ законъ, который запрещалъ патриціямъ заключать браки съ плебеями [1]), и единственныя послѣдствія котораго состояли въ томъ, что патриціи стали, съ одной стороны, болѣе высокомѣрны, а съ другой—болѣе ненавистны. Надо видѣть, какую пользу извлекли трибуны для своихъ рѣчей изъ этого закона.

Это неравенство является еще и тогда, когда граждане поставлены въ неодинаковыя условія по отношенію къ налогамъ, что происходитъ въ слѣдующихъ четырехъ случаяхъ: когда дворяне даютъ себѣ привилегію не платить ихъ; когда они обманомъ избавляютъ себя отъ платежа [2]); когда они употребляютъ въ свою пользу эти платежи подъ предлогомъ вознагражденія или жалованья за отправляемыя ими должности; наконецъ, когда они облагаютъ народъ данью и раздѣляютъ между собою налоги, взимаемые ими съ него. Послѣднее рѣдко случается, и въ такомъ случаѣ аристократическое правленіе является самымъ тягостнымъ изо всѣхъ.

Пока въ Римѣ преобладали аристократическія наклонности, онъ умѣлъ очень хорошо избѣжать этихъ неудобствъ. Его должностныя лица никогда не получали жалованья за свою службу. Первыя лица въ республикѣ были обложены, какъ и прочіе, и даже больше прочихъ, а иногда только они одни и были обложены. Наконецъ, они не только не присваивали себѣ доходовъ государства, но все, что они могли извлечь изъ общественной казны и всѣ богатства, которыми ихъ надѣляла фортуна—все это они распредѣляли въ народѣ [3]), какъ бы въ извиненіе за тѣ почести, которыми они пользовались [4]).

Надо видѣть основное правило въ томъ, что такіе подарки народу столь-же вредны въ демократіи, сколько они могутъ быть полезны въ правленіи аристократическомъ. Въ первомъ случаѣ они губятъ духъ гражданина, а во второмъ—возвращаютъ къ нему.

---

[1]) Онъ былъ начертанъ децемвирами на двухъ послѣднихъ таблицахъ. См. кн. X Діонисія Галикарнасскаго. (М).

[2]) Какъ въ нѣкоторыхъ аристократіяхъ нашихъ дней. Ничто не обезсиливаетъ такъ государства. (М.).

[3]) Деньги всегда пагубны, когда не добыты трудомъ. (Гельвецій).

[4]) Читайте у Страбона, въ кн. XIV, о томъ какъ поступали въ этомъ отношеніи родосцы. (М.)

Если же эти доходы не распредѣляются въ народѣ, то надо ему показать, что ими хорошо распоряжаются: даже видя ихъ, онъ уже нѣкоторымъ образомъ пользуется ими. Золотая цѣпь, которую протягивали въ Венеціи, богатства, которыя носили въ тріумфахъ Рима, сокровища, которыя хранились въ храмѣ Сатурна, были поистинѣ богатствами народа.

Въ аристократическомъ государствѣ всего важнѣе то, чтобы взиманіе податей не было дѣломъ знати. Въ Римѣ первый разрядъ гражданъ былъ свободенъ отъ этой обязанности: ее возложили на второй, но и тутъ оказались большія неудобства. Въ аристократіи, гдѣ знать взимала бы подати, частныя лица очутились бы подъ властью произвола должностныхъ лицъ, и надъ этими лицами не было бы никакого суда. Тѣ изъ нихъ, которыя, по своей должности, обязаны преслѣдовать злоупотребленія, предпочли бы пользоваться ими. Знать уподобилась бы деспотическимъ государямъ, которые конфискуютъ имущества всѣхъ, у кого пожелаютъ

Вскорѣ на получаемые такимъ образомъ доходы стали бы смотрѣть какъ на законную собственность, которую будетъ пріумножать по собственной фантазіи скупость. Она уронитъ цѣны откуповъ, доведетъ до полнаго ничтожества доходы государства. Вотъ причина того, почему нѣкоторыя государства, безо всякихъ замѣтныхъ потрясеній, доходятъ до безсилія, которое удивляетъ ихъ сосѣдей и даже ихъ собственныхъ гражданъ [1]).

Законы должны также воспрещать знати заниматься торговлей: иначе такіе властные купцы заведутъ всякаго рода монополіи. Торговая профессія требуетъ равенства между лицами, занимающимися ею, и изо всѣхъ деспотическихъ государствъ самое несчастное то, гдѣ государь занимается торговлей.

Законы Венеціи [2]) запрещаютъ дворянамъ торговлю, которая могла бы имъ дать возможность пріобрѣтать слишкомъ большія богатства, даже самыми невинными средствами.

Законы должны заставить знать оказывать правосудіе народу. Если они не создали трибуна, то они сами должны быть трибуномъ.

Всякая лазейка для беззаконія губитъ аристократію и приближаетъ тираннію.

Законы должны неустанно обуздывать высокомѣріе господства. Необходима власть, которая заставляла бы трепетать дворянъ, власть подобная тѣмъ эфорамъ Лакедемона и государственнымъ инквизиторамъ Венеціи, дѣятельность которыхъ не стѣснялась никакими формальностями. Это правленіе нуждается въ крутыхъ, сильнодѣйствующихъ мѣрахъ. Въ

---

[1]) Не намекъ-ли это на Венецію или Геную?

[2]) Amelot de la Houssaye, *Du gouvernement de Venise*, часть III. Законъ Клавдія запрещалъ сенаторамъ имѣть на морѣ корабли вмѣстимостью болѣе сорока бочекъ. Титъ Ливій, кн. XXI, гл. LXIII. (М).

Венеціи къ услугамъ доносчиковъ была вѣчно открытая щель каменнаго ящика [1]), словно разверстая пасть тиранніи.

Эти тиранническія учрежденія аристократіи соотвѣтствуютъ цензурѣ [2]) въ демократіи, которая по природѣ своей не менѣе независима. Въ самомъ дѣлѣ, цензоры не подлежатъ отвѣтственности за ихъ цензуры. Имъ надо довѣрять и никогда не обезкураживать. Римляне отлично понимали это: они позволяли требовать отчета въ ихъ поведеніи у всѣхъ должностныхъ лицъ [3]), за исключеніемъ цензоровъ [4]).

Двѣ вещи пагубны для аристократіи: крайняя бѣдность знати или ея чрезмѣрное богатство. Чтобы предупредить обѣднѣніе знати, надо болѣе всего стараться обязать ее къ скорѣйшей уплатѣ долговъ; чтобы умѣрять ея богатства, необходимо прибѣгать къ мѣрамъ благоразумнымъ и постепеннымъ; но никакъ не къ конфискаціямъ, аграрнымъ законамъ, отмѣнѣ долговъ, что причиняетъ безчисленныя бѣдствія.

Законы должны отмѣнить у дворянъ право первородства [5]): дабы имущества уравнивались путемъ постояннаго раздѣла наслѣдствъ.

Не слѣдуетъ допускать субституцій, выкупа родовыхъ имѣній, майоратовъ, усыновленій. Всѣ средства, изобрѣтенныя въ государствахъ монархическихъ для поддержанія могущества отдѣльныхъ родовъ, не должны имѣть мѣста въ аристократіяхъ [6]).

Уравнявъ роды, законъ долженъ еще поддерживать между ними духъ единенія. Раздоры дворянъ должны быть разрѣшаемы быстро, иначе тяжбы между лицами обращаются въ родовые раздоры. Эти тяжбы могутъ быть разрѣшаемы или предупреждаемы посредниками.

Наконецъ, законы никакъ не должны давать поблажку тѣмъ различіямъ, которыя устанавливаются между семействами тщеславіемъ подъ предлогомъ большей знатности или древности: такія притязанія должны быть отнесены къ мелочности лицъ, заявляющихъ ихъ.

Достаточно бросить взглядъ на Лакедемонъ, чтобы увидѣть, какъ эфоры умѣло справлялись тамъ съ слабостями царей, вельможъ и народа.

---

[1]) Доносчики бросали туда свои записки. (М.).

[2]) Ихъ цензура—тайная, а римская была публичной. (Гельвецій).

[3]) См. у Тита Ливія кн. XLIX. Цензоръ не могъ быть потревоженъ даже другимъ цензоромъ: каждый велъ свои записи, не соображаясь съ мнѣніемъ своего коллеги, когда же стали поступать иначе, то цензура была, такъ сказать, опрокинута. (М.). Ср. Цицеронъ, *pro Cluentio*, гл. XLII, XLIII.

[4]) Въ Аѳинахъ логисты, имѣли право требовать отчета у всѣхъ должностныхъ лицъ, а сами никому не обязаны были давать отчета. (М.).

[5]) Такъ оно было въ Венеціи. Amelot de la Houssaye, стр. 30 и 31. (М.).

[6]) Кажется, что цѣль нѣкоторыхъ аристократій заключается не столько въ поддержаніи государства, сколько того, что онѣ называютъ своей знатностью. (М.).

ГЛАВА IX.

О соотвѣтствіи законовъ монархіи ихъ принципу.

Такъ какъ принципъ этого образа правленія — честь, то законы его должны соотвѣтствовать этому принципу.

Они должны поддерживать знать, которая есть, такъ сказать, и дитя и отецъ этой чести.

Они должны установить наслѣдственность дворянства, но не для того, чтобы оно было стѣной между силой государя и слабостью народа, а для того, чтобы оно было связью между ними [1]).

Субституціи, какъ средство, препятствующее переходу семейнаго имущества въ чужія руки, очень полезны для этого образа правленія, хотя не соотвѣтствуютъ прочимъ.

Обязательный выкупъ родового имущества возвращаетъ въ дворянскія семьи земли, отчужденныя мотовствомъ какого-нибудь родственника.

Дворянскія земли должны обладать такими-же привилегіями, какія даются лицамъ. Какъ нельзя отдѣлить достоинство государя отъ достоинства его государства, такъ нельзя отдѣлять и достоинство дворянина отъ достоинства его помѣстья.

Всѣ эти прерогативы должны составлять особенности дворянства; ихъ нельзя сообщать народу, если не желаютъ колебать принципъ правленія и подрывать силы и дворянства и народа.

Право субституцій стѣснительно для торговли; выкупъ родового имущества порождаетъ безчисленныя тяжбы; всѣ запроданныя земли государства остаются, по меньшей мѣрѣ, въ продолженіе года [2]) безъ владѣльца. Прерогативы дворянскихъ помѣстій очень обременительны для тѣхъ, кто ихъ претерпѣваетъ. Всѣ эти неудобства, связанныя съ существованіемъ дворянства, исчезаютъ передъ приносимой имъ общей пользой [3]). Но сообщать ихъ народу было бы равносильно потрясенію всѣхъ принциповъ [4]) правленія.

Въ монархіяхъ можно дозволить отцу завѣщать большую часть своего

---

[1]) Дворянство Франціи никогда не являлось покровителемъ народа. Эту роль взяла на себя королевская власть, которая посредствомъ городскихъ общинъ обуздывала высшее дворянство. Монтескье ослѣпленъ своими предразсудками. Онъ говоритъ о томъ, что дворянство было-бы должно и могло-бы сдѣлать, но чего оно не сдѣлало. Что же было хорошаго въ этихъ привилегіяхъ, только поощрявшихъ лѣнь и высокомѣріе?

[2]) Для пользованія этимъ правомъ существовалъ срокъ въ одинъ годъ со днемъ.

[3]) Въ чемъ когда либо заявила себя во Франціи эта общая польза?

[4]) Въ принципѣ, который я совсѣмъ не думаю защищать, основою дворянскихъ привилегій была не только личность, но и поземельное имущество. Когда простой народъ получилъ право пріобрѣтать дворянскія земли, онъ естественно пріобрѣталъ и дворянскія привилегіи, связанныя съ этими землями.

имущества одному изъ своихъ сыновей. Собственно только здѣсь и умѣстно такое дозволеніе [1]).

Законы должны покровительствовать всякой торговлѣ [2]), допускаемой этимъ строемъ дабы подданные могли безъ крайняго разоренія удовлетворять вѣчно возрождающимся потребностямъ государя и его двора.

Законы должны внести нѣкоторый порядокъ въ способъ взиманія налоговъ, дабы онъ не сталъ тяжелѣе самихъ налоговъ.

Тяжкіе налоги вызываютъ непосильный трудъ; трудъ — истощеніе; истощеніе—духъ лѣни [3]).

ГЛАВА X.

О быстромъ рѣшеніи дѣлъ въ монархіи.

Монархическое правленіе имѣетъ одно преимущество надъ республиканскимъ: такъ какъ дѣла тамъ ведутся однимъ лицомъ, то онѣ рѣшаются скорѣе. Но чтобы эта скорость не выродилась въ вредную поспѣшность, законы должны внести въ нее нѣкоторыя замедленія. Они должны не только содѣйствовать природѣ каждаго строя, но и противодѣйствовать тѣмъ злоупотребленіямъ, которыя могли бы быть слѣдствіемъ этой природы.

Кардиналъ Ришелье [4]) не хотѣлъ допускать въ монархіяхъ образованія промышленныхъ компаній, съ которыми такъ трудно ладить [5]). У этого человѣка деспотизмъ былъ не только въ сердцѣ, но и въ головѣ.

Учрежденія, обязанныя охранять законы [6]), всего лучше исполняютъ свои обязанности, когда онѣ двигаются замедленнымъ шагомъ и вносятъ въ обсужденіе дѣлъ государя ту обдуманность, которой невозможно ожидать ни отъ малосвѣдущихъ въ законахъ государства дворянъ, ни отъ торопливости государственныхъ совѣтовъ [7]).

Что сталось бы съ самой лучшей монархіей свѣта [8]), если бы должностныя лица своими оттяжками, своими жалобами, своими просьбами не

---

[1]) Чтобы изъ старшаго сына вышелъ бездѣльникъ, а изъ младшихъ пройдохи. (Гельвецій).

[2]) Она разрѣшается только народу. См. законъ третій въ кодексѣ, *de comm. et mercatoribus*, отличающійся большимъ здравомысліемъ. (М.). Другими словами: въ монархіяхъ разрѣшается всякая торговля; но есть нѣкоторые привилегированные классы, которымъ занятіе торговлей и промышленностью должно быть запрещено. Это одно изъ заблужденій стараго порядка, породившее предразсудки и теперь еще не совсѣмъ изгладившіеся въ нашей странѣ.

[3]) См. ниже., глава: *О государственныхъ доходахъ*, кн. XXII, гл. XVII.

[4]) *Политическое завѣщаніе*. (М.).

[5]) *Персидскія письма*, CXL., рус. пер. стр. 298.

[6]) Парламенты, счетныя палаты, и т. п.

[7]) *Barbaris cunctatio servilis, statim exequi regium videtur*. (Тацитъ, *Анналы*, кн. V, гл. XXXII. (М.). Выше, кн. II, гл. IV.

[8]) Т. е. съ французской монархіей.

останавливали даже самыхъ добрыхъ порывовъ своихъ государей, когда тѣ, повинуясь только однимъ влеченіямъ своей великой души, захотѣли бы награждать выше всякой мѣры за услуги, оказанныя имъ мужествомъ и преданностью, также не знавшими мѣры [1])?

ГЛАВА XI.

О преимуществахъ образа правленія монархическаго [2]).

Правленіе монархическое имѣетъ одно большое преимущество предъ деспотическимъ. Такъ какъ природа этого правленія требуетъ, чтобы въ государственномъ строѣ было нѣсколько государственныхъ сословій, на которыя опирается власть государя, то, благодаря этому, государство получаетъ большую опредѣленность, его конституція оказывается болѣе устойчивой, а личности правителей болѣе прочно обезпеченными.

Цицеронъ [3]) думаетъ, что учрежденіе въ Римѣ трибуновъ было спасеніемъ республики. «Въ самомъ дѣлѣ», говоритъ онъ, «сила народа грознѣе, когда у него нѣтъ предводителя. Послѣдній чувствуетъ, что онъ за все будетъ въ отвѣтѣ и озабоченъ этимъ; между тѣмъ, какъ ослѣпленный страстью народъ не видитъ угрожающихъ ему опасностей». Это разсужденіе одинаково приложимо и къ государству деспотическому, которое есть народъ безъ трибуновъ; и къ монархіи, гдѣ у народа есть нѣчто подобное трибунамъ [4]).

Въ самомъ дѣлѣ, мы всюду видимъ, что въ движеніяхъ государства деспотическаго, народъ, предоставленный самому себѣ, доводитъ всякое дѣло до крайнихъ предѣловъ возможнаго, совершая ужасные безпорядки; между тѣмъ, какъ въ монархіяхъ такія крайности случаются очень рѣдко. Предводители боятся за себя; они опасаются быть покинутыми; зависимыя посредствующія власти [5]) не хотятъ, чтобы народъ забралъ слишкомъ много силы. Государственные чины рѣдко бываютъ развращены вполнѣ; государь держится за нихъ, и бунтовщики, не имѣя ни желанія, ни надежды ниспровергнуть государство, не могутъ и не хотятъ низвергнуть государя.

---

[1]) *Персидскія письма*, CXXIV., рус. пер. стр. 261.

[2]) Въ этой главѣ рѣчь идетъ лишь о монархіи французской.

[3]) Кн. III *законовъ*, гл. X. *Nimia potestas est tribunorum plebis?—Quis negat? Sed vis populi multo sevior multoque vehementior, quae, ducem quod habet, interdum lenior est quam si nullum haberet. Dux enim suo se periculo progredi cogitat; populi impetus periculi notionem sui non habet.* (M.). Въ этомъ замѣчаніи Цицерона заключается тайна парламентскаго правленія.

[4]) Такими трибунами были во французской монархіи парламенты, болѣе безпокойные, чѣмъ страшные.

[5]) См. объ этомъ первое примѣчаніе къ IV гл. II-ой книги. (М.). Нѣтъ сомнѣнія, что парламентъ очень искусно пользовался страданіями, жалобами и правами народа, чтобы вынудить у двора уступки себѣ, но онъ никогда не заступался за народъ, къ которому вообще относился не столько съ почтеніемъ, сколько съ пренебреженіемъ.

При такихъ обстоятельствахъ люди, обладающіе благоразуміемъ и властью, выступаютъ посредниками; начинаются переговоры, уступки, смягченія, законы снова вступаютъ въ силу и заставляютъ себѣ повиноваться.

Вотъ почему наша исторія полна разсказовъ о гражданскихъ войнахъ безъ переворотовъ; исторіи деспотическихъ государствъ переполнены переворотами безъ гражданскихъ войнъ.

Лица, которыя писали исторію гражданскихъ войнъ въ разныхъ государствахъ и даже тѣ, которыя возбуждали эти войны, достаточно убѣждаютъ насъ, какъ мало подозрительной должна казаться государямъ та власть, которую они предоставляютъ нѣкоторымъ государственнымъ чинамъ; такъ какъ эти послѣдніе даже среди заблужденій своихъ не переставали вздыхать о законахъ и своихъ обязанностяхъ и болѣе сдерживали пылкую стремительность мятежниковъ, чѣмъ содѣйствовали ей [1]).

Кардиналъ Ришелье, полагая, можетъ быть, что онъ уже слишкомъ унизилъ государственные чины, прибѣгаетъ для поддержки государства къ добродѣтелямъ государя и его министровъ [2]), требуя отъ нихъ такой проницательности, такого просвѣщенія, такого мужества и такихъ познаній, что надо, поистинѣ, быть ангеломъ, чтобы имѣть все это, и что едва ли позволительно надѣяться, чтобы, за все время отъ нашихъ дней до грядущаго исчезновенія монархій, могли оказаться такой государь и такіе министры.

Подобно тому какъ народы, которые живутъ подъ охраной хорошаго управленія, счастливѣе тѣхъ, которые безъ правилъ и начальства скитаются по лѣсамъ; такъ и монархи, которые живутъ подъ кровомъ основныхъ законовъ своего государства [3]), не счастливѣе-ли тѣхъ деспотическихъ государей, у которыхъ нѣтъ ничего, способнаго управлять сердцами ихъ подданныхъ и даже своимъ собственнымъ сердцемъ.

ГЛАВА XII.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Не ищите великодушія въ государствахъ деспотическихъ; государь не можетъ внушать тамъ величія, котораго нѣтъ у него самого: слава не живетъ въ его владѣніяхъ.

Только въ монархіяхъ мы увидимъ вокругъ государя подданныхъ, озаряемыхъ лучами его свѣта; только тутъ каждый, занимая, такъ сказать, болѣе значительное пространство, можетъ проявлять тѣ добродѣтели, которыя развиваютъ въ душѣ не чувство независимости, а чувство величія.

---

[1]) *Мемуары* кардинала Ретца и др. (М.). Здѣсь говорится о парижскомъ парламентѣ.

[2]) *Политическое завѣщаніе.* (М.).

[3]) Для Монтескье основные законы французской монархіи заключаются прежде всего въ привилегіяхъ духовенства, дворянства и парламента. Выше, кн. II, IV.

ГЛАВА XIII.

Идея деспотизма.

Когда дикари Луизіаны хотятъ достать плодъ съ дерева, они срубаютъ дерево подъ корень и срываютъ плодъ [1]). Таково деспотическое правленіе [2]).

ГЛАВА XIV.

Въ какихъ отношеніяхъ законы состоятъ къ принципу правленія деспотическаго.

Принципъ деспотическаго правленія — страхъ; но для народовъ робкихъ, невѣжественныхъ, угнетенныхъ не нужно много законовъ.

Тутъ все должно держаться на двухъ, трехъ идеяхъ, поэтому новыхъ и не требуется. Научая чему-нибудь животное, надо всего болѣе остерегаться мѣнять учителей, уроки и пріемы ученія. Вы напечатлѣваете въ его мозгу два-три движенія—и все тутъ.

Если государь живетъ затворникомъ, то онъ не можетъ выйти изъ пріюта своихъ наслажденій, не приведя въ отчаяніе всѣхъ, которые удерживаютъ его тамъ. Они боятся, чтобы его личность и власть не перешли изъ ихъ рукъ въ другія [3]). Поэтому онъ рѣдко ведетъ войну лично и боится вести ее посредствомъ своихъ полководцевъ.

Такой государь, не привыкшій встрѣчать въ своемъ дворцѣ никакого противодѣйствія, возмущается тѣмъ, которое ему оказываютъ съ оружіемъ въ рукахъ; поэтому онъ обыкновенно дѣйствуетъ въ такихъ случаяхъ подъ вліяніемъ гнѣва или мщенія. Къ тому же онъ не можетъ имѣть понятія объ истинной славѣ. Поэтому войны здѣсь ведутся со всею свойственною имъ свирѣпостью, и международное право имѣетъ менѣе вліянія, чѣмъ въ прочихъ правленіяхъ.

Такой государь до такой степени порочень, что слѣдуетъ опасаться выводить на показъ его безобразіе. Его скрываютъ, и никто не знаетъ въ какомъ онъ находится состояніи. Къ счастію, люди въ этихъ странахъ таковы, что управлять ими можно и однимъ только именемъ государя.

Когда Карлъ XII, будучи въ Бендерахъ [4]), встрѣтилъ нѣкоторое противодѣйствіе своей волѣ со стороны сената Швеціи, онъ написалъ сена-

---

[1]) *Lettres edif.*, recueil II, p. 315. (М.). Письмо о. Мареста.

[2]) Эта глава коротка; вся она состоитъ изъ старинной испанской пословицы.—Мудрый король Альфонсъ VI говаривалъ: «подрѣзывай, но не срубай». Это еще короче. То-же самое повторяетъ Сааведра въ своихъ *политическихъ размышленіяхъ (poda, no corta)*. То-же самое истинный государственный человѣкъ Устарицъ постоянно внушаеъ въ своей *Практической теоріи торговли:* «Когда земледѣлецъ нуждается въ топливѣ, онъ срѣзываетъ вѣтку съ дерева, а не самое дерево». (Вольтеръ).

[3]) Шарденъ, Путешествіе въ Персію, описаніе правленія, гл. XIV.

[4]) Карлъ XII былъ тогда не въ Бендерахъ, а въ Демотикѣ (Дюпенъ).

торамъ, что пришлетъ имъ свой сапогъ командовать ими. Этотъ сапогъ командовалъ-бы не хуже деспотическаго государя.

Если государь въ плѣну,—онъ считается умершимъ, и на престолъ вступаетъ другой. Договоры, заключаемые плѣнникомъ, не имѣютъ силы; его преемникъ не утвердилъ-бы ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ въ его лицѣ соединены и законы, и государство, и государь, то разъ онъ не государь, то онъ уже ничто, и если бы его не сочли умершимъ, то государство оказалось бы разрушеннымъ.

На рѣшеніе турокъ заключить отдѣльный миръ съ Петромъ I-мъ всего болѣе повліяло то, что москвитяне сообщили визирю, будто въ Швеціи посадили на престолъ другого короля [1]).

Охрана государства сводится здѣсь къ охранѣ государя, или скорѣе къ охранѣ дворца, въ которомъ онъ замкнутъ, Все, что не угрожаетъ прямо этому дворцу или столицѣ, не производитъ никакого впечатлѣнія на невѣжественные, надменные и предубѣжденные умы; что же касается до взаимной связи событій, то они не въ состояніи ни слѣдить за ними, ни предвидѣть ихъ, ни даже подумать объ этомъ. Политика, ея средства и ея законы являются здѣсь въ видѣ очень ограниченномъ, и политическое управленіе тутъ столь-же просто, какъ и гражданское [2]).

Все сводится къ тому, чтобы согласовать политическое и гражданское управленіе съ домашнимъ и объединить должностныхъ лицъ государства съ должностными лицами сераля.

Самое лучшее положеніе для такого государства будетъ то, при которомъ оно какъ бы существуетъ одно на свѣтѣ; когда оно окружено пустынями и отдѣлено отъ другихъ народовъ, которыхъ оно будетъ называть варварами [3]). Не полагаясь на свою милицію, оно иногда находитъ нужнымъ уничтожить какую-либо часть самого себя.

Если принципъ деспотическаго государства—страхъ, то цѣль его—тишина; но это не тишина мира, а затишье города, ожидающаго вступленія непріятеля.

Такъ какъ сила государства заключается не въ немъ самомъ, а въ войскѣ, которое его основало, то это войско необходимо для защиты государства; а между тѣмъ оно страшно самому государю. Какъ-же согласовать безопасность государства съ безопасностью особы его государя?

Посмотрите, съ какимъ усердіемъ старается московское правительство высвободиться изъ деспотизма, который тяготитъ его само даже болѣе, чѣмъ его народы. Оно уничтожило цѣлые большіе отдѣлы своего войска [4]), смягчило кары за преступленія, установило суды, начало познавать законы, просвѣщать народъ. Но есть особенныя причины, которыя, можетъ

[1]) *Всеобщая исторія* Пуффендорфа, гл. X, о Шведскомъ трактатѣ. (М.).
[2]) По словамъ Шардена въ Персіи нѣтъ государственнаго совѣта. (М.).
[3]) Шарденъ, *Путешествіе въ Персію*, описаніе правленія, гл. IV.
[4]) Стрѣльцовъ.

быть, снова заставятъ его вернуться къ тому бѣдствію, отъ котораго оно стало было удаляться.

Въ этихъ государствахъ религія имѣетъ болѣе вліянія, чѣмъ во всѣхъ прочихъ; она — страхъ, прибавленный къ страху. Изъ ея то источника и почерпаетъ народъ, въ государствахъ магометанскихъ, ту изумительную преданность, которую онъ питаетъ къ своимъ государямъ.

И она-же отчасти исправляетъ и недостатки турецкаго государственнаго строя [1]). Подданные, не связанные съ величіемъ и славой своего государства принципами чести, связываются съ нимъ силой и принципомъ религіи.

Изо всѣхъ деспотическихъ государствъ нѣтъ ни одного, которое такъ удручало бы самого себя, какъ то, гдѣ государь является собственникомъ всѣхъ поземельныхъ имуществъ и наслѣдникомъ всѣхъ своихъ подданныхъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого бываетъ то, что земли перестаютъ обработываться, а если государь къ тому-же занимается торговлей, то рушится и всякая промышленность.

Въ такихъ государствахъ ничего не исправляютъ, ничего не улучшаютъ [2]); дома строятся тамъ лишь на время жизни [3]) ихъ владѣльца; тамъ не роютъ канавъ, не садятъ деревьевъ; тамъ извлекаютъ изъ земли все, что она можетъ дать, и ничего не отдаютъ ей обратно; тамъ все запущено, вездѣ пустыня.

Быть можетъ, вы думаете, что посредствомъ законовъ, отмѣняющихъ земельную собственность и наслѣдованіе имуществъ, можно будетъ ослабить скупость и жадность вельможъ? Нѣтъ: этимъ вы только еще болѣе усилили бы ихъ жадность и скупость. Они станутъ считать своимъ только то золото или серебро, которое имъ удастся украсть и припрятать и потому будутъ совершать тысячи вымогательствъ, чтобы добыть ихъ.

Чтобы не все погибло, надо, чтобы любостяжаніе государя умѣрялось какимъ-нибудь обычаемъ. Такъ, въ Турціи государь обыкновенно довольствуется взиманіемъ трехъ процентовъ со всѣхъ наслѣдствъ [4]) простого народа. Но такъ какъ великій повелитель раздаетъ большую часть земель своей милиціи и располагаетъ ими по своей фантазіи; такъ какъ онъ захватываетъ всѣ наслѣдства чиновниковъ имперіи, и такъ какъ, въ случаѣ смерти человѣка, не оставившаго послѣ себя дѣтей мужескаго пола, великій повелитель получаетъ на его имущество право собственности, предоставляя дочерямъ умершаго одно право пользованія имъ, то все это придаетъ владѣнію большею частью имуществъ въ государствѣ характеръ непрочности.

---

[1]) Выше, кн. III, гл. X.

[2]) См. Рико, *Положеніе Отоманской имперіи* (изд. 1678 г., in 12), стр. 196. (М.).

[3]) *Персидскія письма*, CXII, рус. пер. стр. 232.

[4]) См., о наслѣдованіи у турокъ, *Лакедемонъ древній и новый*. См. также *Отоманская имперія*. Рико. (М.).

По закону Бантама [1]), король получаетъ въ наслѣдство даже жену, дѣтей и домъ покойнаго [2]). Во избѣжаніе самаго жестокаго послѣдствія этого закона, тамъ женятъ дѣтей восьми, девяти или десяти лѣтняго возраста, а иногда и того моложе, чтобы избавить ихъ отъ горькой участи стать частью отцовскаго наслѣдства.

Въ государствахъ, не имѣющихъ основныхъ законовъ, не можетъ быть опредѣленнаго порядка наслѣдованія престола. Тамъ государь самъ избираетъ себѣ преемника, въ своемъ ли семействѣ или внѣ его. Напрасно было бы установлять право престолонаслѣдія за старшимъ сыномъ; государь всегда могъ бы избрать другого. Преемникъ опредѣляется или самимъ государемъ, или его министрами, или междоусобною войной. Такимъ образомъ въ этомъ государствѣ есть одной причиною разложенія больше, чѣмъ въ монархіи

Такъ какъ всѣ члены семьи государя равно способны быть избранными въ преемники ему, то отсюда выходитъ, что тотъ изъ нихъ, кто вступилъ на престолъ, начинаетъ обыкновенно съ того, что или приказываетъ передушить своихъ братьевъ, какъ въ Турціи; или ослѣпляетъ ихъ, какъ въ Персіи [3]); или объявляетъ ихъ сумасшедшими, какъ у Могола; если же ни одна изъ этихъ предосторожностей не принята, то каждый случай вакантности престола сопровождается ужасными междоусобіями, какъ въ Марокко.

Въ Московскомъ государствѣ [4]) царь воленъ избрать себѣ въ преемники кого хочетъ, или въ своемъ семействѣ, или внѣ его. Такое установленіе о преемственности служитъ причиной тысячи смутъ и дѣлаетъ положеніе престола настолько шаткимъ, насколько произвольна его преемственность. Такъ какъ порядокъ престолонаслѣдія принадлежитъ къ вещамъ, которыя всего важнѣе знать народу, то лучшимъ изъ нихъ будетъ тотъ, который основанъ на фактахъ наиболѣе для него очевидныхъ, каковы, напр., рожденіе или извѣстный порядокъ родства. Онъ прекращаетъ интриги и замыслы властолюбія; при немъ уже нѣтъ надобности въ усиліяхъ овладѣть умомъ слабаго государя и заставлять говорить умирающихъ.

Когда порядокъ престолонаслѣдія установленъ основнымъ закономъ, наслѣдникомъ престола является только одно лицо, и у братьевъ его нѣтъ уже никакого дѣйствительнаго или кажущагося права оспаривать у него корону. Никто уже не можетъ воспользоваться указаніями на какое-

[1]) Бантамъ было государство на островѣ Явѣ. Въ концѣ XVII-го столѣтія оно было завоевано голландцами.

[2]) *Сборникъ путешествій, послужившихъ къ учрежденію индійской компаніи*, т. I. Законъ Пегу менѣе жестокъ. Если у покойнаго есть дѣти, то государь наслѣдуетъ лишь двѣ трети оставшагося послѣ него имущества. Ibid. т. III, стр. 1. (М.).

[3]) Шарденъ, *Путешествіе въ Персію*, о правленіи, гл. I и III.

[4]) Обратите вниманіе на различные, основные законы, въ особенности на законъ 1722 г. (М.).

нибудь отдѣльное заявленіе воли государя, и отнимать свободу или жизнь у брата государя такъ-же мало надобности, какъ и у всякаго другого подданнаго.

Но въ государствахъ деспотическихъ, гдѣ братья государя являются въ одно и то-же время и его рабами и его соперниками, осторожность велитъ держать ихъ въ рукахъ, особенно въ магометанскихъ странахъ, гдѣ въ побѣдѣ и удачѣ религія видитъ судъ Божій и гдѣ вслѣдствіе этого всѣ государи царствуютъ не въ силу права, а въ силу факта.

Въ государствахъ, гдѣ принцы крови знаютъ, что если они не овладѣютъ престоломъ, то будутъ заключены въ тюрьму или преданы смерти, властолюбіе гораздо болѣе возбуждено, чѣмъ у насъ, гдѣ они пользуются положеніемъ, достаточно удовлетворительнымъ, если не для честолюбія, то для желаній болѣе скромныхъ.

Деспотическіе государи всегда злоупотребляли бракомъ. Они обыкновенно берутъ себѣ нѣсколько женъ, особенно въ той части свѣта, гдѣ деспотизмъ, такъ сказать, натурализованъ, т. е. въ Азіи. И у нихъ такое множество дѣтей, что ни между отцомъ и дѣтьми, ни между самими дѣтьми не можетъ существовать никакого родственнаго чувства.

Царская семья походитъ на государство: она слишкомъ безсильна, а ея глава слишкомъ могучъ; она обширна, но доведена до полнаго ничтожества. Артаксерксъ [1]) умертвилъ всѣхъ своихъ дѣтей за то, что они составили противъ него заговоръ. Трудно, однако, повѣрить, чтобы пятьдесятъ человѣкъ дѣтей сошлись въ заговоръ противъ отца, и еще менѣе правдоподобно, что они затѣяли этотъ заговоръ потому, что ихъ отецъ не пожелалъ уступить своей наложницы старшему сыну. Гораздо проще объяснить все это одной изъ интригъ сералей Востока, этихъ мѣстъ, гдѣ притворство, злость и хитрость царствуютъ въ тишинѣ подъ покровомъ непроницаемаго мрака и гдѣ престарѣлый государь, глупѣющій съ каждымъ днемъ, является первымъ плѣнникомъ дворца.

Послѣ всего сказаннаго, надо бы, кажется, предположить, что природа человѣческая будетъ постоянно возмущаться противъ деспотическаго правленія; но, несмотря на любовь людей къ свободѣ, несмотря на ихъ ненависть къ насилію, большая часть народовъ подчинились ему. И не трудно понять почему. Чтобы образовать умѣренное правленіе, надо умѣть комбинировать власти, регулировать ихъ, умѣрять, приводить ихъ въ дѣйствіе, подбавлять, такъ сказать, баласту одной, чтобы она могла уравновѣшивать другую; это такое мастерское произведеніе законодательства, которое рѣдко удается выполнить случаю и которое рѣдко позволяютъ выполнить разумѣнію. Напротивъ, деспотическое правленіе, такъ

---

[1]) См. Юстин. (М.). Во II-ой гл. кн. X-ой онъ говоритъ, что у Артаксеркса было сто пятнадцать сыновей, изъ которыхъ пятьдесятъ составили противъ него заговоръ, за что и были преданы смерти. (Кревье).

сказать, само собой бросается въ глаза; оно повсюду однообразно, и такъ какъ, чтобы установить его,не нужно ничего кромѣ страстей, то на это всякій пригоденъ.

ГЛАВА XV.

Продолженіе о томъ-же предметѣ.

Въ жаркихъ климатахъ, гдѣ обыкновенно царитъ деспотизмъ, страсти пробуждаются раньше, раньше также затихаютъ [1]), и умственныя способности скорѣе достигаютъ зрѣлости; тамъ менѣе соблазновъ для расточительности, менѣе возможности отличиться, менѣе общенія между молодыми людьми, живущими затворниками въ своихъ домахъ; тамъ женятся раньше, и потому пора совершеннолѣтія наступаетъ прежде, чѣмъ въ нашихъ европейскихъ климатахъ. Въ Турціи она начинается съ пятнадцатилѣтняго возраста [2]).

Тамъ нельзя освобождаться отъ долговъ уступкой своего имущества кредитору. Въ государствѣ, гдѣ ничье имущество не обезпечено, ссуды дѣлаются болѣе лицу, чѣмъ имуществамъ.

Естественное мѣсто для этихъ уступокъ въ правленіяхъ умѣреннаго [3]) типа, и особенно въ республикахъ, вслѣдствіе большаго довѣрія къ добросовѣстности гражданъ, существующаго тамъ, и взаимнаго расположенія ихъ другъ къ другу, внушаемаго формой правленія, которую каждый изъ нихъ какъ бы самъ для себя создалъ.

Если бы законодатели установили эту уступку [4]) въ римской республикѣ, то она не подверглась бы столькимъ мятежамъ и гражданскимъ неурядицамъ и не извѣдала бы ни опасностей недуговъ, ни пагубныхъ послѣдствій лѣкарствъ.

Бѣдность и неогражденность имущества въ деспотическихъ государствахъ приводятъ къ развитію въ нихъ ростовщичества, такъ какъ цѣна денегъ тамъ естественно увеличивается соотвѣтственно риску, которому подвергается каждый, кто ссужаетъ ихъ. Бѣдность и нищета входятъ въ это государство со всѣхъ сторонъ. Оно лишено всего, даже возможности займовъ.

Поэтому купецъ не можетъ тамъ вести значительной торговли; онъ живетъ со дня на день: если онъ сдѣлаетъ большіе запасы товаровъ, то

---

[1]) См. кн. XIV: *О законахъ въ ихъ отношеніяхъ къ свойствамъ климата.* (М).

[2]) La Guilletière. *Лакедемонъ древній и новый*, стр. 463. (М.).

[3]) Такъ же какъ и для отсрачиванія платежей при добросовѣстныхъ банкротствахъ. (М.).

[4]) Она была установлена лишь закономъ Юліевымъ, *De cessione bonorum.* Тюремное заключеніе устранялось, и уступка имущества не считалась постыдной. *Сод.*, кн., II, пар. XII. (М.). А В. Тюремное заключеніе устранялось посредствомъ постыдной уступки имуществъ.

одна уплата процентовъ за ссуженныя ему на эту покупку деньги превыситъ всѣ его барыши отъ продажи товаровъ. Вслѣдствіе этого тамъ не существуетъ особыхъ законовъ для торговли; они сводятся къ простому полицейскому надзору.

Государство не можетъ быть несправедливымъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи рукъ, посредствомъ которыхъ эти несправедливости совершаются. Но невозможно допустить, чтобы эти руки не порадѣли и о самихъ себѣ. Поэтому расхищеніе государственной казны становится въ государствахъ деспотическихъ явленіемъ естественнымъ.

Въ виду обычности этого преступленія, тамъ полезны конфискаціи. Ими утѣшаютъ народъ; онѣ доставляютъ государю обильную денежную дань, равную которой ему было бы трудно собрать съ своего разореннаго народа: въ этихъ странахъ нѣтъ ни единой даже семьи, которую желали-бы поддерживать.

Иное дѣло въ государствахъ умѣреннаго типа. Тамъ конфискаціи поколебали бы право собственности; разорили бы ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей; для наказанія одного виновнаго онѣ разрушили бы всю семью. Въ республикахъ онѣ, лишая гражданина всякихъ средствъ къ жизни, причинили бы зло нарушеніемъ равенства, которое составляетъ душу этого правленія [1]).

Въ Римѣ былъ законъ [2]), допускавшій конфискацію только въ случаяхъ преступленія оскорбленія величества [3]). Часто было бы очень благоразумно, слѣдуя духу этого закона, пріурочивать конфискаціи лишь къ извѣстному роду преступленій [4]). Боденъ [5]) вполнѣ основательно говоритъ, что въ странѣ, гдѣ раздѣльность имуществъ супруговъ опредѣлена обычаемъ, конфискаціи должны бы подлежать только одни благопріобрѣтенныя ими и не состоящія въ ихъ общемъ владѣніи имущества.

ГЛАВА XVI.

О передачѣ власти.

Въ деспотическихъ государствахъ власть переходитъ цѣликомъ въ руки того, кому она довѣрена. Визирь есть самъ деспотъ, и каждый чиновникъ есть визирь. Въ правленіяхъ монархическихъ власть не переходитъ въ такой непосредственной полнотѣ. Передавая свою власть, государь огра-

---

[1]) Мнѣ кажется, что въ аѳинской республикѣ слишкомъ любили конфискацію (М.).

[2]) Автентика, *Bona damnatarum*. Cod., *De bon. proscript. seu damn.* (М.).

[3]) Т. е. преступленія противъ особы государя и безопасности государства.

[4]) Допускать ихъ для какихъ бы то ни было преступленій, значитъ создавать тирановъ для обогащенія доносчиковъ. (Гельвецій).

[5]) О Республикѣ, кн. V, гл. III. (М.).

ничиваетъ ее [1]). Онъ такъ распредѣляетъ ее, что никогда не передастъ другому долю своей власти, не удержавъ за собою наибольшую ея часть.

Такъ, въ монархическихъ государствахъ, отдѣльные правители городовъ, завися отъ правителей провинціи, еще болѣе зависятъ отъ государя, и начальники отдѣльныхъ частей арміи, состоя въ подчиненіи у своихъ генераловъ, состоятъ еще въ большемъ подчиненіи у государя.

Въ большинствѣ монархическихъ государствъ благоразумно установлено, чтобы лица, обладающія сколько-нибудь обширною властью, не числились командирами ни при какой отдѣльной части войска, такъ что, получая назначеніе командовать ими лишь по особенному приказу государя, который воленъ имъ дать или нѣтъ такое назначеніе, они въ одно и то-же время и какъ бы находятся на службѣ и какъ-бы оказываются внѣ ея.

Но это несовмѣстимо съ духомъ правленія деспотическаго; такъ какъ допустить существованіе лицъ, которыя, не имѣя опредѣленнаго служебнаго назначенія, тѣмъ не менѣе обладали-бы титулами и прерогативами, значило бы допустить въ государствѣ существованіе лицъ, которыя значительны сами по себѣ, что противорѣчило бы природѣ этого государства.

Если бы начальникъ города былъ независимъ отъ паши, то, чтобы согласить ихъ другъ съ другомъ, необходимо было бы прибѣгать къ постояннымъ уступкамъ и смягченіямъ; предположеніе нелѣпое при деспотическомъ правленіи. Кромѣ того, если бы начальникъ города могъ отказать въ повиновеніи пашѣ, то какъ же могъ бы паша отвѣчать головою за свою провинцію?

Въ этомъ государствѣ власти не могутъ быть между собой уравновѣшены; и таковы всѣ онѣ, отъ власти послѣдняго чиновника до власти самого деспота. Въ государствахъ умѣренныхъ законъ дѣйствуетъ съ благоразумною осторожностью, онъ всѣмъ извѣстенъ, и самыя низшія должностныя лица имѣютъ возможность руководствоваться имъ. Но въ деспотическомъ правленіи, гдѣ законъ есть воля государя, какъ бы ни былъ мудръ этотъ государь, чиновникъ все-таки руководствоваться его волей не можетъ, потому что не можетъ знать ее. И потому онъ руководится своею волею.

Мало того: такъ какъ законъ есть то, чего именно хочетъ государь, а государь можетъ хотѣть лишь того, что онъ знаетъ, то является надобность въ безконечномъ множествѣ лицъ, которыя бы хотѣли за него и такъ какъ онъ.

Наконецъ, такъ какъ законъ есть непредвиденное проявленіе воли государя, то необходимо, чтобы хотѣніе тѣхъ, которые хотятъ за него, было такое-же быстрое и внезапное, какъ его собственное.

---

[1]) *Ut esse Phoebi dulcius lumen solet*
Jamjam cadentis... (M.). Senec., *Troas*, актъ V.

ГЛАВА XVII.

О подаркахъ.

Въ деспотическихъ государствахъ есть обычай, согласно которому всякое обращеніе къ высшему лицу и даже къ самимъ государямъ, должно сопровождаться приношеніями. Императоръ Могола [1]) не принимаетъ просьбъ отъ своихъ подданныхъ безъ какого-нибудь приношенія съ ихъ стороны. Эти государи продаютъ даже свое милосердіе [2]).

Такъ оно и должно быть въ государствѣ, гдѣ нѣтъ гражданъ; въ государствѣ, гдѣ всѣ убѣждены, что высшій не имѣетъ никакихъ обязательствъ по отношенію къ низшему; въ государствѣ, гдѣ люди думаютъ, что единственная связь между ними состоитъ лишь въ карахъ, которыя одинъ налагаетъ на другого; въ государствѣ, гдѣ мало дѣлается дѣлъ и гдѣ рѣдко встрѣчается надобность обращаться къ высокопоставленному лицу съ какимъ-нибудь запросомъ и еще того рѣже съ просьбой.

Въ республикѣ эти приношенія ненавистны, потому что добродѣтель въ нихъ не нуждается. Въ монархіи честь является болѣе сильнымъ двигателемъ, чѣмъ подарки. Но въ деспотическомъ государствѣ, гдѣ нѣтъ ни добродѣтели, ни чести, человѣка можно побудить къ дѣятельности лишь надеждой на умноженіе его житейскихъ удобствъ.

Платонъ [3]) въ своей республикѣ требуетъ, чтобы лица, принимающія подарки за исполненіе своего долга, были наказуемы смертью. «Не берите ихъ ни за хорошія, ни за дурныя дѣла», говоритъ онъ.

Римскій законъ, дозволявшій должностнымъ лицамъ принимать небольшія приношенія [4]), лишь бы годовая цѣнность ихъ не превысила ста экю, былъ очень дурнымъ закономъ [5]). Кому ничего не даютъ, тотъ ничего и не желаетъ; тѣ же, кому даютъ мало, вскорѣ пожелаютъ большаго, а потомъ и многаго. Къ тому-же легче вразумить того, кто, будучи обязанъ не брать ничего, беретъ нѣчто, чѣмъ того, кто беретъ больше, чѣмъ ему дозволено брать, всегда находя для этого какіе нибудь предлоги, извиненія, причины и оправдывающія его обстоятельства.

---

[1]) *Сборникъ путешествій, послужившихъ къ учрежденію индійской компаніи*, т. I, стр. 80. (М.).

[2]) Это восточный обычай, источникъ котораго въ глубочайшей древности, и который относится болѣе къ нравамъ, чѣмъ къ природѣ правленія. Быть можетъ, такова даже была первая форма налога.—Геродотъ, книга III, гл. LXXXIX.

[3]) Кн. XII. *О законахъ*. (М.).

[4]) *Munuscula*. [Пряности]. (М.).

[5]) . 6, § 2, *Dig. ad leg. Jul. repet.* (М.).

ГЛАВА XVIII.

О раздаваемыхъ государемъ наградахъ.

Въ государствахъ деспотичеекихъ, гдѣ, какъ уже мы уже сказали, люди побуждаются къ дѣятельности лишь надеждой на увеличеніе своихъ житейскихъ удобствъ, всѣ награды государя могутъ заключаться лишь въ деньгахъ. Въ монархіи, гдѣ господствуетъ одна честь, государь могъ-бы награждать только одними почетными отличіями, но такъ какъ эти установленныя честью отличія связаны съ роскошью, которая порождаетъ соотвѣтственныя ей потребности, то награды государя заключаются тамъ въ почестяхъ, ведущихъ къ богатству. Въ республикѣ же, гдѣ властвуетъ добродѣтель, двигатель самъ себѣ довлѣющій и исключающій всѣ прочіе, государство награждаетъ только однимъ засвидѣтельствованіемъ этой добродѣтели.

Что увеличеніе наградъ служитъ признакомъ упадка—это общее правило какъ для республики, такъ и для монархіи; оно указываетъ на то, что основныя начала правленія испорчены, что, съ одной стороны, понятіе чести утратило прежнюю силу, а съ другой — ослабѣли качества гражданина.

Самые худшіе изъ римскихъ императоровъ были самые щедрые на награды. Таковы, напримѣръ, Калигула, Клавдій, Неронъ, Оттонъ, Вителій, Коммодъ, Геліогабалъ и Каракалла. Лучшіе же, какъ Августъ, Веспасіанъ, Антонинъ Пій, Маркъ Аврелій и Пертинаксъ, были, напротивъ, самые экономные въ этомъ отношеніи. При хорошихъ императорахъ государство снова овладѣвало своими принципами, и сокровище чести замѣняло всѣ прочія сокровища.

ГЛАВА XIX.

Новыя послѣдствія принциповъ трехъ видовъ правленія.

Не могу закончить этой книги, не сдѣлавъ еще нѣсколько примѣненій моихъ трехъ принциповъ.

Первый вопросъ. Должны-ли законы понуждать гражданина къ принятію общественныхъ должностей? Отвѣчаю—да, должны, но только въ правленіи республиканскомъ, а не монархическомъ. Въ первомъ случаѣ общественная должность является свидѣтельствомъ о добродѣтели, драгоцѣннымъ залогомъ, который отечество ввѣряетъ гражданину, и такъ какъ вся жизнь, дѣятельность и всѣ мысли послѣдняго должны принадлежать отечеству, то онъ и не можетъ отказываться отъ этихъ должностей [1]). Во второмъ случаѣ онѣ являются свидѣтельствомъ чести, своеоб-

[1]) Платонъ, въ XVIII-ой кн. своей *Республики*, зачисляетъ такіе отказы въ разрядъ признаковъ, указывающихъ на испорченность республиканскаго

разныя правила которой требуютъ, чтобы человѣкъ принималъ ихъ лишь когда это ему угодно и въ такомъ видѣ, въ какомъ это ему угодно.

Покойный король Сардиніи [1]) наказывалъ тѣхъ, которые отказывались отъ должностей и службы въ его государствѣ. Самъ того не понимая, онъ дѣйствовалъ въ духѣ республиканскихъ идей. Впрочемъ, пріемами своего правленія онъ достаточно доказалъ, что не въ этомъ заключалось его намѣреніе.

Второй вопросъ. Заслуживаетъ-ли одобренія правило, согласно которому можно обязать гражданина занять въ войскѣ мѣсто, низшее по сравненію съ тѣмъ, которое онъ тамъ занималъ прежде? Въ Римѣ воину часто приходилось служить подъ начальствомъ человѣка, который годъ тому назадъ былъ его подчиненнымъ [2]). Это потому, что республиканская добродѣтель требуетъ постояннаго самопожертвованія во всѣхъ отношеніяхъ ради государства. Но въ монархическомъ государствѣ честь, истинная или ложная, видитъ въ этомъ несовмѣстное съ ея правилами униженіе человѣка [3]).

Въ государствахъ деспотическихъ, гдѣ равно злоупотребляютъ и частью, и мѣстами, и рангами, дѣлаютъ безразлично изъ государя батрака и изъ батрака государя.

Третій вопросъ. Слѣдуетъ-ли соединять въ одномъ лицѣ гражданскія должности съ военными? Въ республикѣ надо ихъ соединять, а въ монархіи раздѣлять. Въ республикѣ было-бы опасно обращать военную профессію въ особое званіе, отличное отъ гражданскаго, а въ монархіи не менѣе опасно было-бы соединять обѣ эти профессіи въ одномъ и томъже лицѣ.

Въ республикѣ люди берутся за оружіе лишь въ качествѣ защитниковъ законовъ и отечества; человѣкъ становится на нѣкоторое время солдатомъ именно потому, что онъ гражданинъ. При раздѣльности же обоихъ званій, каждому, кто, состоя въ арміи, продолжалъ-бы считать себя гражданиномъ, можно-бы дать почувствовать, что онъ уже не болѣе какъ солдатъ.

Въ монархіяхъ военные люди имѣютъ въ виду только славу, или, по крайней мѣрѣ, честь или богатство. Такимъ людямъ никакъ не слѣдуетъ поручать гражданскихъ должностей; необходимо, напротивъ, чтобы гражданскія власти обуздывали ихъ, и чтобы одни и тѣ-же люди не могли

правленія. Въ своихъ *Законахъ* (кн. VI) онъ предлагаетъ наказывать за нихъ штрафомъ. Въ Венеціи за это карали изгнаніемъ. (М.).

[1]) Викторъ Амедей. (М.). Первый король Сициліи и Сардиніи. (1666—1732).

[2]) Когда нѣкоторые центуріоны обратились къ народу, требуя, чтобы ихъ возстановили въ прежнихъ должностяхъ, одинъ изъ нихъ сказалъ: *Справедливость требуетъ, товарищи, чтобы вы считали одинаково почетными всѣ посты, на которыхъ вамъ придется защищать республику.* Титъ Ливій, кн. XLII, гл. XXXIV. (М.).

[3]) Выше, кн. IV, гл. II.

въ одно и то-же время обладать и довѣріемъ народа и силою, дающею имъ возможность злоупотреблять этимъ довѣріемъ.[1]).

Посмотрите, какъ опасаются обособленности военнаго званія въ государствѣ, гдѣ подъ формой монархіи скрывается республика [2]); тамъ воинъ не перестаетъ быть гражданиномъ и даже должностнымъ лицомъ, дабы оба эти качества постоянно напоминали ему о его обязанностяхъ къ отечеству.

Раздѣленіе должностей на военныя и гражданскія, произведенное римлянами послѣ паденія республики, не было дѣломъ произвола. Оно явилось слѣдствіемъ цѣлаго ряда измѣненій римскаго государственнаго строя; начатое при Августѣ [3]), оно было по необходимости довершено послѣдующими императорами [4]) для обузданія военнаго правленія.

Если-бы Прокопъ, соперникъ Валента въ исканіи императорской власти, понималъ все это, то, возведя персидскаго принца крови Гормизда въ званіе проконсула [5]), онъ не возвратилъ-бы этому званію принадлежавшее ему нѣкогда право предводительствовать войсками, предполагая, что у него не было для этого никакихъ особенныхъ причинъ. Человѣкъ, стремящійся къ верховой власти, болѣе заботится о собственной пользѣ, чѣмъ о пользѣ государства.

Четвертый вопросъ. Слѣдуетъ-ли допускать продажу должностей? Въ государствахъ деспотическихъ, гдѣ мѣста даются и отнимаются по внезапному изъявленію воли государя, должности не должны продаваться.

Но въ государствахъ монархическихъ ихъ продажа полезна, потому что она даетъ возможность людямъ полюбить какъ наслѣдственное семейное ремесло то, чего они не полюбили-бы ради добродѣтели; потому что она каждому опредѣляетъ его долгъ и придаетъ болѣе устойчивости и постоянства сословіямъ. Свида [6]) недаромъ сказалъ, что Анастасій посредствомъ продажи всѣхъ государственныхъ должностей сдѣлалъ изъ имперіи нѣчто въ родѣ аристократіи.

Платонъ [7]) не терпѣлъ такой продажи. «Это все равно, говоритъ онъ, какъ если-бы кого либо приняли на корабль кормчимъ или матро-

---

[1]) *Ne imperium ad optimos nobilium transferretur, senatum militia vetuit Gallienus; etiam adire exercitum.* Aurelius Victor, *de Caesaribus.* (М.).

[2]) Англія.

[3]) Августъ лишилъ сенаторовъ, проконсуловъ и губернаторовъ права носить оружіе. Діон., кн. XXXIII. (М.).

[4]) Константинъ. См. *Zozime*, кн. II. (М).

[5]) Амміанъ Марцеллинъ, кн. XXVI. *Et civilia more veterum, et bella rectura.* (М.).

[6]) Это извлеченіе изъ Іоанна Антіохійскаго, которое находится также въ извлеченіи изъ книги. *О порокахъ и добродѣтеляхъ* Константина Порфиророднаго, но съ нѣкоторымъ измѣненіемъ текста, который прямо говоритъ, что Анастасій извратилъ все, что было хорошаго въ правленіи. Заимствую эту замѣтку у Кревье.

[7]) *Республика*, кн. VIII. (М.).

сомъ за его деньги. Какимъ образомъ правило, вредное для всякаго житейскаго дѣла, можетъ оказаться полезнымъ только для руководства республикой»? Но Платонъ говоритъ о республикѣ, основанной на добродѣтели; а мы говоримъ о монархіи. Но если-бы въ монархіи должности не продавались согласно публично установленнымъ правиламъ, то онѣ все таки станутъ продаваться вслѣдствіе корыстолюбія и жадности придворныхъ; случай доставитъ лучшихъ покупателей, чѣмъ выборъ государя [1]). Наконецъ, самый способъ возвышаться посредствомъ богатства поддерживаетъ и поощряетъ промышленность [2]), въ чемъ всегда очень нуждается этого рода правленіе [3]).

Пятый вопросъ. Для какого правленія нужны цензоры? Они нужны для республики, гдѣ принципъ правленія—добродѣтель. Добродѣтель разрушается не одними только преступленіями, но также и небрежностью, ошибками, не довольно ревностной любовью къ отечеству, опасными примѣрами, сѣменами порчи, всѣмъ, что, не нарушая закона, обходитъ его, и что, не уничтожая его силы, ослабляетъ ее: все это должно быть исправляемо цензорами.

Насъ удивляетъ наказаніе, которому подвергли члена Ареопага за то, что онъ убилъ воробья, спрятавшагося у него на груди отъ преслѣдованія ястреба. Мы изумлены тѣмъ, что Ареопагъ предалъ смерти ребенка за то, что тотъ выкололъ глаза птичкѣ [4]). Но надо имѣть въ виду, что тутъ дѣло идетъ не о приговорахъ уголовнаго суда, а о дѣйствіяхъ суда нравственнаго въ республикѣ, основанной на нравственности.

Монархіи не нуждаются въ цензорахъ; онѣ основаны на чести, а природа чести въ томъ и состоитъ, что для нея весь міръ—цензоръ [5]). Всякій человѣкъ, преступившій правила чести, услышитъ упреки даже отъ тѣхъ, у кого ея совсѣмъ нѣтъ.

Тутъ сами цензоры были-бы развращены тѣми, кого имъ слѣдовало исправлять. Они были-бы слишкомъ слабы для борьбы съ монархической испорченностью, а монархическая испорченность слишкомъ сильна въ своей борьбѣ съ ними.

Понятно, что для правленія деспотическаго цензоры совсѣмъ не нужны. Китай, повидимому, является исключеніемъ изъ этого правила; но мы изложимъ впослѣдствіи своеобразныя причины этого обстоятельства [6]).

---

[1]) Это мнѣніе, не очень лестное для нашей старинной монархіи, принадлежитъ исключительно Монтескье. Современники его не одобряли продажи должностей; они видѣли въ ней не имѣющее оправданія зло, на которое энергично нападалъ аббатъ де Сенъ Пьеръ. См. *Мечты благонамѣреннаго человѣка*, Парижъ, 1775. стр. 8.

[2]) Эта мысль извлечена изъ *Политическаго завѣщанія* Ришелье.

[3]) Испанская лѣнь; тамъ всѣ должности раздаются. (М.).

[4]) Это и безумно и несправедливо. (Гельвецій).

[5]) Выше, кн. V, гл. IV.

[6]) Ниже, кн. VIII, гл. XXI, и кн. XIX, гл. XVI.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Вліяніе, оказываемое принципами различныхъ образовъ правленія на простоту законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, на формы судопроизводства и опредѣленіе наказаній.

ГЛАВА I.

О простотѣ гражданскихъ законовъ въ различныхъ видахъ правленія.

Въ монархическомъ правленіи законы не могутъ быть такъ просты, какъ въ правленіи деспотическомъ. Здѣсь нужны суды. Эти суды постановляютъ приговоры; эти приговоры надо хранить; ихъ слѣдуетъ изучать, для того чтобы судъ дѣйствовалъ сегодня также, какъ онъ дѣйствовалъ вчера, и чтобы собственность и жизнь гражданъ были столь-же прочно и опредѣленно обезпечены, какъ и само государственное устройство.

Въ монархіи, отправленіе правосудія, рѣшеніямъ котораго подлежатъ не только имущество и жизнь, но также и честь человѣка, требуетъ тщательныхъ изысканій. Чѣмъ шире вѣдомство суда, чѣмъ важнѣе интересы, подлежащіе его рѣшеніямъ, тѣмъ внимательнѣе и осмотрительнѣе становится судья.

Поэтому не слѣдуетъ удивляться, что законы этого государства отличаются такимъ изобиліемъ правилъ, оговорокъ и распространеній, благодаря которымъ умножается количество частныхъ случаевъ и самый разумъ обращается, повидимому, въ особаго рода искусство.

Установленное въ монархіяхъ различеніе людей по ихъ званію, происхожденію, положенію, часто приводитъ къ установленію различій въ характерѣ ихъ имуществъ, и законы этого государственнаго строя могутъ увеличивать число такихъ различеній. Такъ, у насъ есть имущества собственныя и общія или сообща пріобрѣтенныя; полученныя въ приданое и принадлежащія исключительно женѣ; отцовскія и материнскія; разнаго рода движимости; имущества свободныя и ограниченныя субституціей; родовыя или не родовыя; имущества дворянскія—бѣлопомѣстныя и простонародныя, ренты поземельныя или денежныя. Каждый видъ имущества подлежитъ особымъ правиламъ, согласно которымъ имъ располагаютъ: и все это усложняетъ дѣло [1]).

Въ нашихъ государствахъ ленныя помѣстья стали наслѣдственными. Надо было обезпечить дворянство съ имущественной стороны, т. е. при-

[1]) Уничтоженіе всѣхъ этихъ феодальныхъ различій есть великая заслуга революціи. Установивъ равенство между имуществами, она срѣзала до самаго корня древнія привилегіи дворянства и сдѣлала изъ Франціи демократію.

дать нѣкоторую прочность лену для того, чтобы собственникъ лена былъ въ состояніи нести службу государю. Это породило не мало различій: въ однѣхъ странахъ, напримѣръ, лены не могли быть раздѣлены между братьями, въ другихъ—младшіе братья получали болѣе значительное обезпеченіе.

Монархъ, знающій положеніе каждой изъ своихъ провинцій, можетъ создавать различные законы и допускать существованіе разнообразныхъ обычаевъ. Но деспотъ ничего не знаетъ и ни за чѣмъ не можетъ слѣдить; его пріемы всегда одинаковы; онъ всѣмъ управляетъ своею суровою волею, которая всюду одинакова; все уравнивается подъ его стопами.

По мѣрѣ того какъ въ монархіяхъ дѣятельность судовъ увеличивается, ихъ приговоры становятся предметомъ изученія юриспруденціи, такъ какъ въ этихъ приговорахъ иногда встрѣчаются противорѣчія, или вслѣдствіе того, что въ послѣдовательномъ ряду судей не всѣ были одинаковаго мнѣнія, или потому, что одно и то-же дѣло въ одномъ случаѣ было ведено лучше, чѣмъ въ другомъ; или, наконецъ, по причинѣ безчисленныхъ злоупотребленій, которыя неминуемо вкрадываются во всѣ дѣла рукъ человѣческихъ. Это неизбѣжное зло, которое законодатель отъ времени до времени исправляетъ, какъ нѣчто противное духу умѣреннаго образа правленія, такъ какъ дѣятельность судовъ должна быть обусловлена природою государственнаго устройства, а не противорѣчіями и неопредѣленностью законовъ.

Въ правленіяхъ, гдѣ существуютъ необходимыя различія между лицами, должны существовать и привилегіи. Это еще болѣе вредитъ простотѣ и порождаетъ тысячи исключеній.

Изъ этихъ привилегій наименѣе отяготительна для общества, и особенно для лицъ, которыя ее устанавливаютъ, привилегія быть подсуднымъ одному какому нибудь суду, предпочтительно передъ другимъ [1]). И вотъ новый рядъ дѣлъ, т. е. такихъ, предметъ которыхъ опредѣлить тотъ именно судъ, къ которому слѣдуетъ обратиться истцу [2]).

Въ государствахъ деспотическихъ положеніе народа совсѣмъ иное. Я даже не нахожу тамъ никакого предлога для дѣятельности законодателя или судьи. Такъ какъ всѣ земли принадлежатъ государю, то тамъ нѣтъ почти никакихъ гражданскихъ законовъ о земельной собственности. Такъ какъ государь наслѣдуетъ своимъ подданнымъ, то нѣтъ тамъ также и за-

[1]) Это то, что было извѣстно подъ названіемъ права *Committimus*.

[2]) Что можетъ быть для общества тягостнѣе привилегіи, которая даетъ право отдѣльнымъ лицамъ и могучимъ и богатымъ обществамъ заставлять своихъ вассаловъ, фермеровъ, наконецъ, своихъ должниковъ или кредиторовъ тащиться съ отдаленныхъ концовъ большого государства въ столицу для защиты тамъ своихъ правъ? Не значитъ ли это давать имъ право разорять этихъ людей, притѣснять ихъ и лишать ихъ возможности возстановить свои нарушенныя права? (Извлеченія изъ книги *О духѣ законовъ*, стр. 330). Революція уничтожила это зло.

коновъ о наслѣдствѣ. Принадлежащее государю исключительное право торговли, которую онъ ведетъ въ нѣкоторыхъ странахъ, устраняетъ надобность во всякомъ торговомъ законодательствѣ. Браки, заключаемы съ рабынями, дѣлаютъ ненужными гражданскіе законы о приданомъ и о правахъ женщины. Изъ этого повальнаго рабства получается еще и то слѣдствіе, что тамъ почти вовсе нѣтъ людей, которые имѣли-бы собственную волю и, поэтому, могли-бы отвѣчать передъ судьей за свое поведеніе. Большая часть нравственныхъ дѣйствій обусловлены тамъ волею отца, мужа, господина и опредѣляются ими, а не судьями.

Забылъ сказать, что такъ какъ то, что мы называемъ честью, едва извѣстно въ этихъ государствахъ, то всѣ дѣла, касающіяся этого предмета и занимающія у насъ такое огромное мѣсто, тамъ совсѣмъ не существуютъ. Деспотизмъ все наполняетъ собою; вокругъ него все пусто. Поэтому, путешественники, описывая страны, гдѣ онъ царствуетъ, рѣдко говорятъ намъ о гражданскихъ законахъ [1]).

Итакъ, тамъ устранены всякіе поводы къ тяжбамъ и процессамъ. Этимъ отчасти объясняется, почему тамъ такъ сурово обращаются съ тяжущимися; несправедливость ихъ притязаній, не будучи прикрыта, ограждена и замаскирована безконечнымъ множествомъ законовъ [2]), выступаетъ во всей своей наготѣ.

ГЛАВА II.

О простотѣ уголовныхъ законовъ въ разныхъ видахъ правленія.

Безпрестанно слышишь, что надо бы вездѣ отправлять правосудіе такъ, какъ въ Турціи. Неужели только самые невѣжественные народы ясно уразумѣли то, что всего важнѣе въ мірѣ понимать людямъ?

Если вы взглянете на судейскія формальности съ точки зрѣнія тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчаетъ въ нихъ гражданинъ, добивающійся возвращенія своего добра или полученія удовлетворенія за нанесенную ему обиду, то вы, конечно, найдете, что ихъ слишкомъ много. Если вы взглянете на тѣ отношенія, въ которыхъ эти формальности стоятъ къ свободѣ и безопасности гражданъ, то вы нерѣдко найдете, что ихъ слиш-

---

[1]) Въ Мацулипатанѣ не удалось открыть ни одного писаннаго закона. См. *Сборникъ путешествій, послужившихъ къ основанію индійской компаніи*, т. VI, часть I, стр. 391. Индійцы судятся только на основаніи нѣкоторыхъ обычаевъ. Въ книгѣ *Vedam* (читайте *Vedas*) и другихъ подобныхъ книгахъ, нѣтъ гражданскихъ законовъ, а только предписанія религіи. См. *Lettres édifiantes*, четырнадцатое собраніе. (М.). Монтескье ошибается. У индійцевъ существуетъ юриспруденція, гораздо болѣе развитая, чѣмъ онъ воображаетъ. Есть она даже у турокъ и у арабовъ. Коранъ есть, безъ сомнѣнія, ихъ главный законъ, источникъ права; но есть тамъ тоже и безчисленное множество юристовъ и юриспруденція, столь же изворотливая и тонкая, какъ у римлянъ.

[2]) Слѣдовало прибавить: *и формъ, болѣе сложныхъ, чѣмъ законы.* (Гельвецій).

комъ мало, и увидите, что всѣ эти затрудненія, издержки, проволочки и самыя ошибки правосудія составляютъ ту цѣну, которою каждый гражданинъ оплачиваетъ свою свободу [1]).

Въ Турціи, гдѣ очень мало обращаютъ вниманія на имущество, жизнь и честь подданныхъ, всѣ тяжбы оканчиваются тѣмъ или другимъ способотъ очень быстро. Самый способъ рѣшенія безразличенъ—лишь бы только рѣшить. Паша, запасшись нѣкоторыми свѣдѣніями о дѣлѣ, распредѣляетъ, по внушенію собственной фантазіи, палочные удары по пятамъ тяжущихся, и отсылаетъ ихъ по домамъ.

И тамъ было бы очень опасно увлекаться страстью къ тяжбамъ: эта страсть предполагаетъ жгучую жажду добиться правосудія, ненависть, неугомонную дѣятельность ума, постоянство въ преслѣдованіи цѣли. Всего этого слѣдуетъ избѣгать въ государствѣ, гдѣ не слѣдуетъ имѣть никакого иного чувства, кромѣ страха, и гдѣ все внезапно и непредвидѣнно приводитъ къ революціямъ. Здѣсь каждый долженъ понимать, что для него лучше, если правитель совсѣмъ не будетъ знать о его существованіи, и что безопасность его личности зависитъ отъ ея ничтожества.

Но въ государствахъ умѣренныхъ голова малѣйшаго изъ гражданъ имѣетъ высокую цѣнность; здѣсь лишаютъ гражданина имущества и чести только послѣ долгаго и внимательнаго обсужденія; здѣсь у него отнимаютъ жизнь только тогда, когда само отечество возстаетъ противъ него; но, возставъ на него, оно предоставляетъ ему всевозможныя средства защищать себя.

Поэтому, всякій человѣкъ, власть котораго близится къ абсолютизму [2]), начинаетъ прежде всего заботиться объ упрощеніи законовъ. Въ такомъ государствѣ обращаютъ болѣе вниманія на устраненіе разныхъ отдѣльныхъ неудобствъ, чѣмъ на свободу подданныхъ, о которой совсѣмъ перестаютъ заботиться.

Мы видимъ, что республики нуждаются въ не меньшемъ, по крайней мѣрѣ, количествѣ формальностей, чѣмъ монархіи. Въ томъ и другомъ правленіи число ихъ увеличивается въ прямомъ отношеніи къ уваженію, съ которымъ относятся къ чести, имуществу, жизни и свободѣ гражданъ.

Всѣ люди равны въ государствахъ республиканскихъ, они равны и въ государствахъ деспотическихъ: въ первомъ случаѣ—потому, что они все; во второмъ—потому, что всѣ они —ничто.

ГЛАВА III.

Въ какихъ правленіяхъ и въ какихъ случаяхъ должно судить по буквѣ закона.

Чѣмъ болѣе правленіе приближается къ республиканскому, тѣмъ опре-

[1]) Ниже, кн. XXXI, гл. I.
[2]) Цезарь, Кромвель и столь много другихъ. (М.).

дѣленнѣе и точнѣе становится способъ отправленія правосудія, и если въ лакедемонской республикѣ эфоры судили произвольно, безъ всякаго руководства законовъ, то это было большимъ недостаткомъ этой республики. Въ Римѣ, первые консулы судили, какъ эфоры [1]): неудобства этого суда вскорѣ обозначились, и были созданы опредѣленные законы.

Въ государствахъ деспотическихъ нѣтъ закона: тамъ самъ судья законъ. Въ государствахъ монархическихъ есть законы, и если они ясны, то судья руководится ими; а если нѣтъ, то онъ старается уразумѣть духъ ихъ. Природа республиканскаго правленія требуетъ, чтобы судья не отступалъ отъ буквы закона. Тамъ нельзя истолковывать законъ во вредъ гражданину, когда дѣло идетъ о его имуществѣ, его чести или его жизни [2]).

Въ Римѣ судьи рѣшали только, что подсудимый виновенъ въ извѣстномъ преступленіи, а наказаніе указывалъ законъ, какъ это видно изъ различныхъ созданныхъ тамъ законовъ [3]). Точно такъ же и въ Англіи присяжные рѣшаютъ лишь вопросъ о томъ, виновенъ ли подсудимый въ вмѣняемомъ ему въ вину дѣяніи или нѣтъ; и если онъ объявленъ виновнымъ, то судья произноситъ наказаніе, опредѣленное въ законѣ за такое дѣяніе, для чего ему нужны только глаза [4]).

ГЛАВА IV.

О способахъ постановки судебныхъ приговоровъ.

Отсюда слѣдуютъ различные способы постановлять приговоры. Въ монархіяхъ судьи дѣйствуютъ по образцу посредниковъ; они обсуждаютъ сообща, обмѣниваются мнѣніями, совѣтуются, стараются согласовать свои сужденія. Мнѣнія самаго незначительнаго меньшинства принимаются въ разсчетъ большинствомъ. Все это не въ природѣ республики. Въ Римѣ и въ городахъ Греціи судьи неимѣли общенія другъ съ другомъ: каждый заявлялъ своемнѣніе въ одномъ изъ слѣдующихъ трехъ отзывовъ: Оправдываю, Осуждаю, Сомнѣваюсь [5]), такъ какъ тамъ судилъ, или предполагалось, что судитъ, народъ. Но народъ не юристъ. Всѣ эти извороты и приспособленія судей для него не годятся. Ему надо предъявить только одинъ предметъ, одинъ только фактъ и требовать отъ него лишь того, чтобы онъ разсудилъ, слѣдуетъ ли ему обвинить, оправдать или отложить приговоръ.

Римляне, по примѣру грековъ, ввели у себя особыя формулы для исковъ [6]) и признали необходимымъ вести каждое дѣло по свойственной

---

[1]) Тамъ были обычаи, *mores majorum*, столь же опредѣленные, какъ законы.

[2]) Беккаріа, *О преступленіяхъ и наказаніяхъ*, гл. IV.

[3]) Ниже, кн., XI, гл. XVIII.

[4]) Ниже, кн. XI, гл. VI.

[5]) *Non liquet*. (М.)—А. В.: *Мнѣ не ясно.*

[6]) *Quas actiones, ne populus, prout vellet, institueret, certas solemnesqu esse voluerunt*. L. 2, § 6, Digest., *de orig. jur.* (М.).

ему исковой формулѣ. Это было необходимо при ихъ способѣ отправлять правосудіе: надо было опредѣлить состояніе вопроса съ неизмѣнной точностью, чтобы онъ былъ всегда на глазахъ у народа. Иначе, въ теченіе какого-нибудь большого процесса, это состояніе вопроса стало бы постоянно измѣняться, и его нельзя будетъ узнать. Отсюда слѣдуетъ, что у римлянъ судьи принимали просьбы только по точно опредѣленному предмету, который уже не подлежалъ никакимъ добавленіямъ, ограниченіямъ и видоизмѣненіямъ. Но преторы изобрѣли другія формулы для исковъ которыя получили названіе добросовѣстныхъ [1]) и давали судьѣ болѣе свободы въ формулировкѣ приговора. Это болѣе соотвѣтствовало духу монархіи. Поэтому французскіе юристы и говорятъ: En France, toutes les actions sont de bonne foi [2]) (Во Франціи всѣ процессы ведутся по доброй совѣсти).

ГЛАВА V.

При какомъ образѣ правленія государь самъ можетъ быть судьей.

Макіавелли [3]) приписываетъ утрату свободы Флоренціи тому, что совершаемыя тамъ преступленія оскорбленія величества противъ народа не судились, какъ въ Римѣ, въ народныхъ собраніяхъ. Они подлежали суду восьми установленныхъ для этого судей. Но, говоритъ Макіавелли, немногіе и развращаются немногимъ. Охотно согласился бы я съ этимъ великимъ человѣкомъ; но такъ какъ въ этомъ случаѣ политическій интересъ, такъ сказать, насилуетъ интересъ гражданскій (потому что есть большія неудобства, если народъ самъ становится судьей въ причиненныхъ ему обидахъ), то, для противодѣйствія этому, необходимо, чтобы законы сдѣлали все возможное для огражденія безопасности частныхъ лицъ.

Законодатели Рима сдѣлали въ этихъ видахъ два постановленія: они дозволили обвиняемымъ избѣгать суда [4]) посредствомъ добровольнаго изгнанія [5]) и опредѣлили посвящать богамъ имущества осужденныхъ, чтобы избѣжать ихъ конфискаціи въ пользу народа. Въ XI книгѣ будутъ изложены прочія ограниченія, установленныя для судебной власти народа.

Солонъ отлично сумѣлъ предупредить злоупотребленія, которыя народъ могъ бы сдѣлать изъ своего права судить преступленія: онъ хотѣлъ, чтобы

---

[1]) Которыя обозначались словами: *ex bona fide*. (М.).

[2]) Тамъ приговариваютъ къ уплатѣ издержекъ даже того, на комъ ищутъ больше того, чѣмъ онъ долженъ, если онъ не предложилъ и не внесъ того, что онъ долженъ. (М.).

[3]) *Разсужденіе о первой декадѣ Тита Ливія*, кн. I, гл. VII. (М.).

[4]) Судя по тому, что говоритъ объ этомъ Демосѳенъ, это былъ аѳинскій законъ. Сократъ отказался воспользоваться имъ. (М.).

[5]) Хорошее объясненіе этого находится въ концѣ рѣчи Цицерона, *pro Caecina*. (М.).

ареопагъ пересматривалъ дѣла, чтобы онъ снова обвинилъ передъ народомъ того, кого считалъ несправедливо имъ оправданнымъ [1]), и, остановивъ исполненіе приговора надъ тѣмъ, кого считалъ несправедливо обвиненнымъ [2]), заставилъ бы обсудить его дѣло вторично. Это былъ прекрасный законъ: онъ подчинялъ народъ цензурѣ власти наиболѣе имъ уважаемой и побуждалъ его быть своимъ собственнымъ цензоромъ.

Въ ходѣ такихъ дѣлъ, и въ особенности съ того момента, когда обвиненный уже арестованъ, необходима нѣкоторая медлительность, которая дала бы народу время успокоиться и возможность судить хладнокровно.

Въ государствахъ деспотическихъ государь можетъ самъ судить, но онъ не долженъ быть судьей въ монархіяхъ [3]): ихъ устройство было бы разрушено, посредствующія и зависимыя власти уничтожены и всѣ формальности судопроизводства прекращены; во всѣхъ умахъ воцарился бы страхъ, на всѣхъ лицахъ блѣдность; исчезло бы взаимное довѣріе, исчезла бы честь, исчезла бы любовь; не было бы болѣе безопасности, не было бы болѣе монархіи.

Вотъ и другія соображенія. Въ государствахъ монархическихъ государь является стороной, которая преслѣдуетъ обвиняемыхъ, заставляетъ ихъ обвинить или оправдать. Если бы онъ судилъ самъ, то былъ бы и судьей и стороной.

Въ этихъ же самыхъ государствахъ конфискаціи часто дѣлаются въ пользу государя: еслибы онъ судилъ преступленія, то опять-таки сталъ бы и судьей и стороной.

Сверхъ того, онъ лишился бы прекраснѣйшаго украшенія своей власти — права помилованія [4]); онъ не могъ бы передѣлывать и отмѣнять своихъ приговоровъ, потому что этимъ поставилъ бы себя въ нелѣпое положеніе человѣка противорѣчащаго самому себѣ; онъ, наконецъ, спуталъ бы всѣ понятія, такъ какъ нельзя было бы знать оправданъ обвиненный или помилованъ.

Когда Людовикъ XIII пожелалъ быть судьей въ процессѣ герцога де-Лавалетта [5]), и, созвавъ для того въ свой кабинетъ нѣсколько парламентскихъ чиновниковъ и государственныхъ совѣтниковъ, предложилъ имъ высказать свое мнѣніе объ арестѣ обвиняемаго, президентъ Белльевръ сказалъ, «что ему странно видѣть государя, принимающаго участіе въ про-

---

[1]) Демосѳенъ. *О вѣнцѣ*, стр. 494, изд. Франкфуртское 1604. (М.).

[2]) См. *Жизнь софистовъ* Филострата, кн. I; *Жизнь Эсхина*. (М.).

[3]) Макіавелли, котораго никакъ нельзя обвинять въ желаніи ограничить прерогативы верховной власти, придерживается этого-же мнѣнія.—См. *Государь*, гл. XIX. (Parrelle).

[4]) Платонъ (*Письмо VIII*) полагаетъ, что царь, будучи, какъ онъ говоритъ, въ то же время и священникомъ, не долженъ присутствовать въ судахъ, гдѣ приговариваютъ къ смерти, изгнанію и тюрьмѣ. (М.).

[5]) Ср. изложеніе процесса герцога де Лавалетта, напечатанное въ *Мемуарахъ* Монтрезора, т. II, стр. 62. (М.).

цессѣ одного изъ своихъ подданныхъ; что короли обыкновенно только милуютъ, предоставляя обвинять своимъ чиновникамъ; что Его Величеству не можетъ быть пріятно смотрѣть на сидящаго передъ нимъ на скамьѣ подсудимыхъ человѣка, который черезъ часъ уйдетъ отъ него на смертную казнь! Что особа государя, разсыпающая милости, не можетъ выносить такого зрѣлища; что передъ однимъ видомъ этой особы снимаются церковные интердикты, и что всѣ должны выходить отъ государя не иначе какъ довольными». Когда стали разсматривать дѣло по существу, тотъ-же президентъ подалъ такое мнѣніе: «Этотъ судъ не имѣетъ себѣ примѣра, и даже противорѣчитъ всѣмъ примѣрамъ прошлаго по сей день, ибо не было видано, чтобы король Франціи, въ качествѣ судьи и въ силу своего мнѣнія, приговорилъ дворянина къ смерти» [1]).

Личный судъ государя явился-бы неисчерпаемымъ источникомъ несправедливостей и злоупотребленій. Назойливость придворныхъ стала-бы вынуждать у государя приговоры. Нѣкоторые римскіе императоры были одержимы страстью судить, и они-то всего болѣе и удивили міръ своимъ неправосудіемъ.

Тацитъ [2]) говоритъ, что Клавдій, завладѣвъ дѣлами и обязанностями судей, подалъ этимъ поводъ ко всевозможнымъ хищеніямъ. Поэтому, слѣдующій за Клавдіемъ императоръ Неронъ, желая расположить къ себѣ умы, заявилъ, «что онъ никогда не станетъ самъ судить всѣ дѣла, такъ какъ иначе обвинители и обвиняемые могли-бы очутиться, въ стѣнахъ дворца, подъ тягостнымъ гнетомъ нѣсколькихъ отпущенниковъ» [3]).

«Въ царствованіе Аркадія, говоритъ Зосимъ [4]), размножившаяся порода клеветниковъ окружила и осквернила дворецъ государя. Когда кто-нибудь умиралъ, его объявляли бездѣтнымъ [5]) и раздавали его имущество по указу государя; такъ какъ самъ императоръ былъ необычайно глупъ, а слишкомъ предпріимчивая императрица потакала ненасытной жадности своихъ лакеевъ и пріятельницъ, то для честныхъ людей не было ничего желаннѣе смерти».

«Въ прежнее время, говоритъ Прокопій [6]), при дворѣ было немного людей, но когда, при Юстиніанѣ, судьи лишены были свободы отправлять

---

[1]) Впослѣдствіи это было измѣнено. Читайте то-же изложеніе, т. II, стр. 236. (М.). Первоначально существовало право пэрства, по которому пэръ, обвиненный въ преступленіи, долженъ былъ быть судимъ королемъ, какъ своимъ главнымъ пэромъ. Францискъ II участвовалъ въ обсужденіи процесса принца Конде, дяди Генриха IV. Карлъ VII подавалъ свой голосъ въ процессѣ герцога Алансонскаго, и парламентъ даже убѣдилъ его, что стоять во главѣ судей было его обязанностью. Нынѣ присутствіе короля въ судѣ надъ пэромъ, для его осужденія, показалось бы актомъ тиранніи. (Вольтеръ).

[2]) *Анналы*, кн. XI, г. V. (М.).

[3]) Тацитъ, *Анналы*, кн. XIII, г. IV. (М.).

[4]) *Истор.*, кн. V. (М.).

[5]) Та-же неурядица при Ѳеодосіи Младшемъ. (М.).

[6]) *Тайная исторія.* (М.).

правосудіе, суды стояли пустыми, между тѣмъ какъ дворецъ государя оглашался криками тяжущихся, которые хлопотали тамъ о своихъ дѣлахъ». Всему міру извѣстно, какъ тамъ продавали приговоры и даже законы.

Законы—это глаза государя; благодаря имъ онъ видитъ то, что безъ нихъ не могъ-бы увидать. Возлагая на себя обязанность судьи, онъ поступаетъ не въ свою пользу, а во вредъ себѣ и въ пользу своихъ обольстителей.

ГЛАВА VI.

О томъ, что въ монархіи министры не должны быть судьями.

Въ монархіяхъ происходятъ большія затрудненія отъ того, что министры берутся сами рѣшать спорныя дѣла. И теперь еще мы видимъ государства [1]), гдѣ есть множество судей для производства дѣлъ, касающихся казны, и гдѣ—кто-бы этому повѣрилъ!—министры все-таки еще хотятъ сами рѣшать ихъ. Много можно-бы сказать противъ этого; ограничусь слѣдующимъ соображеніемъ.

Между совѣтомъ монарха и его судами есть нѣкоторое противорѣчіе, вытекающее изъ природы вещей. Совѣтъ королей долженъ состоять изъ немногихъ лицъ, а суды требуютъ большого количества судей. Причина этого въ томъ, что въ первомъ случаѣ за дѣла надо приниматься и вести ихъ съ нѣкоторою страстью, чего можно ожидать лишь отъ группы, состоящей не болѣе какъ изъ четырехъ или пяти лицъ, отожествившихся съ этими дѣлами.

Наоборотъ, для веденія судебныхъ дѣлъ необходимы дѣятели хладнокровные, для которыхъ всѣ дѣла были-бы въ извѣстномъ смыслѣ безразличны.

ГЛАВА VII.

О судьѣ единоличномъ.

Такой судья возможенъ лишь въ государствѣ деспотическомъ [2]). Мы видимъ изъ исторіи Рима, до какой степени могутъ доходить злоупотребленія единоличнаго судьи. Какъ было Аппію не презирать законовъ въ своемъ судѣ, когда онъ нарушалъ даже тѣ, которые самъ создавалъ? [3]) Титъ Ливій разсказалъ намъ о безчестной уловкѣ этого децемвира. Онъ встрѣтилъ человѣка, домогавшагося выдачи ему Виргиніи, какъ принадлежащей ему рабыни. Родственники послѣдней требовали, чтобы Аппій, на основаніи изданнаго имъ-же самимъ закона, вручилъ Виргинію имъ впредь до окончательнаго приговора суда. Аппій объявилъ, что его законъ изданъ

---

[1]) Франція.

[2]) Римъ и Англія дали примѣры противоположнаго. Примѣръ Аппія ничего не доказываетъ, потому что Аппій, будучи вмѣстѣ и судьей и законодателемъ, не подлежалъ никакой отвѣтственности. Это случай исключительный.

[3]) См. законъ 2, § 24, Dig. *de orig. jur.* (М.).

лишь въ пользу отца и что, такъ какъ Виргиній находится въ отсутствіи, то этотъ законъ и не можетъ быть примѣненъ къ данному случаю [1]).

ГЛАВА VIII.

О способахъ обвиненія въ различныхъ правленіяхъ.

Въ Римѣ [2]) дозволялось гражданину обвинять гражданина. Это было установлено въ духѣ республики, гдѣ отъ каждаго гражданина требуется безграничное рвеніе къ общественному благу и гдѣ предполагается, что каждый гражданинъ какъ-бы держитъ въ своихъ рукахъ всѣ права своего отечества [3]). При императорахъ продолжали слѣдовать правиламъ республики, и тотчасъ-же увидѣли появленіе гнусной породы людей, своры доносчиковъ. Всякій, кто съ большими пороками совмѣщалъ въ себѣ большія способности и съ низкою душою честолюбивый умъ, сталъ разыскивать преступника, осужденіе котораго было-бы пріятно государю. Это былъ путь, приводившій къ почестямъ и богатству [4]),—вещь у насъ невозможная.

Теперь у насъ есть превосходный законъ,—тотъ именно законъ, который требуетъ, чтобы государь, поставленный охранять законы, приставилъ къ каждому суду чиновника [5]) для преслѣдованія отъ его имени всѣхъ преступленій, такъ что функція доносчика у насъ неизвѣстна; а если-бы этотъ публичный мститель былъ заподозрѣнъ въ злоупотребленіи своей должностью, то его обяжутъ назвать своего доносчика [6]).

По законамъ Платона [7]), всякій, отказавшій суду въ заявленіи или содѣйствіи, подлежалъ наказанію. Въ настоящее время это было-бы неумѣстно. Государство бодрствуетъ за гражданъ; оно дѣйствуетъ, и они спокойны [8]).

---

[1]) *Quod pater puellae abesset, locum injuriae esse ratus.* Титъ Ливій, декада I, кн. III, гл. XLIV. (М.).

[2]) И во многихъ другихъ городахъ. (М.).

[3]) «Право обвинять открываетъ выходъ неудовольствіямъ, возникающимъ въ городахъ между гражданами». Маківелли, *Разсужденіе о Титѣ Ливіи*, кн. I, гл. VII.

[4]) Читайте у Тацита о награжденіяхъ этихъ доносчиковъ. *Анн*, кн. IV, гл. XXX. (М.).

[5]) Генеральный прокуроръ и прокуроръ короля.

[6]) См. *Коммент. на Филанжіери* Бенжамена Констана. III часть, гл. I.

[7]) Кн. IX. (М.).

[8]) Предоставленіе обвинительной власти гражданамъ предполагаетъ общество, совершенно отличное отъ нашего. У насъ нѣтъ столько досуга, какъ у гражданъ Аѳинъ и Рима, и сомнительно, чтобы кто нибудь отважился на рискъ судебнаго преслѣдованія, не будучи побуждаемъ къ тому какимъ нибудь личнымъ и часто не совсѣмъ уважительнымъ интересомъ. Если природа республики требуетъ отъ гражданъ безграничнаго рвенія *къ общественному благу*, то природа человѣческаго сердца, болѣе непогрѣшимая въ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ духъ гражданскаго правленія, требуетъ отъ человѣка безграничнаго и предпочтительнаго рвенія къ удовлетворенію своихъ страстей. Поэтому уста-

ГЛАВА IX.

О суровости каръ въ различныхъ правленіяхъ [1]).

Строгость въ наказаніяхъ болѣе умѣстна въ государствахъ деспотическихъ, принципъ которыхъ страхъ, чѣмъ въ монархіяхъ и республикахъ, которыя имѣютъ своимъ двигателемъ честь и добродѣтель.

Въ государствахъ умѣренныхъ любовь къ отечеству, стыдъ, боязнь порицанія заключаютъ въ себѣ обуздывающую силу, которая въ состояніи удержать отъ многихъ преступленій. Быть уличеннымъ въ дурномъ поступкѣ тамъ будетъ самымъ большимъ наказаніемъ за совершеніе этого поступка. Поэтому гражданскимъ законамъ тамъ легче исправлять людей, и они не нуждаются въ особенной суровости.

Въ этихъ государствахъ хорошій законодатель будетъ менѣе заботиться о наказаніяхъ за преступленія, чѣмъ о предупрежденіи преступленій; онъ постарается не столько карать, сколько улучшать нравы.

Китайскіе писатели постоянно замѣчали [2]), что усиленіе казней въ ихъ имперіи всегда предвѣщало приближеніе революціи. Причина этого явленія въ томъ, что казни увеличивались по мѣрѣ того, какъ ослабѣвало дѣйствіе на нравы.

Не трудно было-бы доказать, что во всѣхъ, или почти во всѣхъ государствахъ Европы наказанія увеличивались или уменьшались по мѣрѣ увеличенія или уменьшенія свободы.

Въ государствахъ деспотическихъ люди такъ несчастны, что они болѣе боятся смерти, чѣмъ дорожатъ жизнью. Въ государствахъ умѣренныхъ они болѣе дорожатъ жизнью, чѣмъ боятся смерти; поэтому казни, заключающіяся въ простомъ лишеніи жизни, тамъ достаточны.

Люди чрезмѣрно счастливые и люди чрезмѣрно несчастные одинаково наклонны быть жестокими; доказательство—монахи и завоеватели. Только въ одной посредственности и состояніи, смѣшанномъ изъ счастія и несчастія, встрѣчаются кротость и состраданіе.

То, что мы видимъ въ отдѣльныхъ лицахъ, то встрѣчается и у цѣлыхъ народовъ. Народы дикіе, жизнь которыхъ очень сурова, и народы, живущіе подъ деспотическимъ правленіемъ, гдѣ судьба благопріятствуетъ

новленіе свободы обвиненія, вмѣсто того, чтобы благопріятствовать общественному благу, благопріятствуетъ только своекорыстнымъ разсчетамъ и возбуждаетъ ихъ. (Серванъ).

Примѣръ Англіи доказываетъ, однако, что въ свободномъ государствѣ нѣкоторыя публичныя обвиненія могутъ быть допущены, хотя бы въ видахъ противудѣйствія упущеніямъ и превышенію власти. Въ этомъ отношеніи, быть можетъ недурно бы кое чѣмъ позаимствоваться у древнихъ.

[1]) *Персидскія письма*, LXXX и CII, русск. пер. стр. 169 и 191.

[2]) Дальше будетъ показано, что Китай въ этомъ отношеніи находится въ условіяхъ республики или монархіи. (М.). Ниже, кн. VIII, гл. XXI; кн. XIX гл. XVII—XXI.

только одному человѣку, пренебрегая всѣми прочими—одинаково жестоки. Кротость царитъ лишь въ умѣренныхъ правленіяхъ.

Читая въ исторіи примѣры свирѣпой расправы султановъ, мы съ чѣмъ-то въ родѣ душевной боли ощущаемъ бѣдствія природы человѣческой.

Въ умѣренныхъ правленіяхъ хорошему законодателю все можетъ послужить наказаніемъ. Не удивительно-ли, что въ Спартѣ одно изъ главныхъ наказаній состояло въ запрещеніи ссужать свою жену другому, получать въ ссуду чужую жену и въ необходимости видѣть у себя дома только дѣвственницъ? Однимъ словомъ все, что законъ назоветъ наказаніемъ, и будетъ дѣйствительно наказаніемъ.

ГЛАВА X.

О старинныхъ французскихъ законахъ.

Въ этихъ старинныхъ французскихъ законахъ болѣе всего проявляетъ себя духъ монархій. По дѣламъ, оканчивающимся денежными пенями, простые люди наказывались легче, чѣмъ благородные [1]). Въ уголовныхъ дѣлахъ—наоборотъ [2]): благородный былъ лишаемъ чести и права засѣданія въ судѣ, между тѣмъ какъ для простого человѣка, у котораго нѣтъ чести, предметомъ наказанія было тѣло.

ГЛАВА XI.

О томъ, что, если народъ добродѣтеленъ, то не надо много наказаній.

У римскаго народа было довольно прямодушія. Онъ былъ такъ прямодушенъ, что законодателю часто довольно было указать ему на путь добра, чтобы заставить его идти этимъ путемъ. Казалось, ему нужны были не приказанія, а только совѣты.

Кары, установленныя законами царей и законами двѣнадцати таблицъ, во время республики были почти всѣ отмѣнены или рядомъ законовъ Валерія [3]), или по закону Порція [4]). Не было замѣчено, чтобы отъ этого ухудшилось управленіе республикой или пострадалъ полицейскій порядокъ.

---

[1]) «За нарушеніе приказа неблагородные платятъ сорокъ су, а благородные шестьдесятъ ливровъ». *Somme rurale*, liv. II, 198, edit. goth. 1512 и Beaumanoir, chap. LIX, p. 309. (М.).

[2]) См. *Conseil* Пьера Дефонтенъ, гл. XIII и особенно парагр. 22. (М.).

[3]) Онъ былъ изданъ Валеріемъ Публиколой вскорѣ послѣ изгнанія царей и два раза возобновляемъ должностными лицами изъ того-же рода, какъ объ этомъ говоритъ Титъ-Ливій въ кн. X. гл. IX. Вопросъ шелъ не о приданіи ему большей силы, а о его улучшеніи. *Diligentius sanctam*, говоритъ Титъ-Ливій *тамъ-же*. (М.).

[4]) *Lex Porcia pro tergo civium lata.* Онъ былъ изданъ въ 454 г. отъ основанія Рима. (М.).

Законъ Валерія запрещалъ судьямъ всякое употребленіе силы противъ гражданина, аппелировавшаго къ народу, и единственное наказаніе за его нарушеніе заключалось въ репутаціи дурного человѣка [1]).

ГЛАВА XII.

О силѣ наказаній.

Опытъ показалъ, что въ странахъ, гдѣ наказанія не жестоки, они производятъ на умъ гражданина впечатлѣніе столь-же сильное, какъ самыя жестокія наказанія въ другихъ странахъ.

Замѣтивъ какой-нибудь безпорядокъ въ государствѣ, крутое и склонное къ насильственнымъ мѣрамъ правительство хочетъ его прекратить тотчасъ-же, и вмѣсто того, чтобы постараться возстановить силу старыхъ законовъ, устанавливаетъ новую жестокую казнь, которая разомъ прекращаетъ зло. Но слишкомъ напряженныя бразды правленія скоро ослабѣваютъ. Воображеніе привыкаетъ къ этой бо́льшей карѣ, какъ оно привыкло къ прежней меньшей; и такъ какъ страхъ, внушаемый послѣдней, значительно слабѣетъ, то является необходимость распространить первую на всѣ случаи. Въ нѣкоторыхъ государствахъ стали обычнымъ явленіемъ грабежи на большихъ дорогахъ [2]). Для прекращенія ихъ придумали казнь посредствомъ колесованія, которая и пріостановила ихъ на нѣкоторое время. А потомъ на большихъ дорогахъ стали такъ-же грабить, какъ и прежде.

Въ наши дни участились случаи дезертирства; противъ дезертировъ установили смертную казнь, и дезертирство не уменьшилось. Причина этого весьма естественна: солдатъ, привыкшій ежедневно рисковать своею жизнью, презираетъ или ставитъ себѣ въ честь презирать опасности. Его ежедневно пріучаютъ бояться стыда; поэтому не слѣдовало подвергать его наказанію [3]), налагающему неизгладимое пятно стыда на всю его жизнь. Думая усилить наказаніе, на самомъ дѣлѣ ослабили его.

Не слѣдуетъ править людьми съ помощью такихъ крайностей; надо разсчетливо обходиться съ данными намъ природою средствами руководить ими. Вникните въ причины всякой распущенности, и вы увидите, что она происходитъ отъ безнаказанности преступленій, а не отъ слабости наказаній.

---

[1]) *Nihil ultra quam improbe factum adjecit.* Титъ-Ливій, *ibid.* (М.). Надобы знать какова была санкція этого заявленія. Не представляетъ ли оно одинъ изъ случаевъ отвѣтственности для судьи по оставленіи имъ своей должности? Или не заключалось ли въ немъ какое нибудь опороченіе съ религіознымъ характеромъ?

[2]) Тутъ рѣчь идетъ о Франціи. См. ниже, гл. XVI.

[3]) Обрѣзывали носъ и уши. (М.). См. *Мемуары* интенданта Фуко (Foucault), изданные Бодрю.

Послѣдуемъ природѣ, которая вмѣсто бича дала человѣку стыдъ, и пусть самая чувствительная часть наказанія будетъ заключаться въ позорѣ быть ему подвергнутымъ.

Если же есть страны, гдѣ стыдъ не бываетъ слѣдствіемъ наказанія, то въ этомъ виновата тираннія, которая подвергаетъ одинаковымъ наказаніямъ и преступниковъ и честныхъ людей.

И если есть другія страны, гдѣ люди сдерживаются лишь жестокими наказаніями, то будьте увѣрены, что это по большей части происходитъ отъ жестокости правительства, налагавшаго эти наказанія за легкія провинности.

Часто законодатель, желающій прекратить какое-нибудь зло, только и думаетъ, что объ этомъ прекращеніи. Онъ видитъ лишь одну эту сторону дѣла, и не видитъ сопряженныхъ съ этимъ дѣломъ неудобствъ. Зло исчезаетъ, но жестокость законодателя остается; остается въ государствѣ зло, произведенное этой жестокостью: она извратила умы, она пріучила людей къ деспотизму.

Послѣ побѣды, одержанной Лизандромъ [1]) надъ аѳинянами, побѣдители стали судить плѣнниковъ; аѳинянъ обвинили въ томъ, что они побросали въ море съ двухъ галеръ всѣхъ своихъ плѣнниковъ и постановили на всенародномъ собраніи отрубать кисти рукъ у всякаго, кого захватятъ въ плѣнъ. Ихъ умертвили всѣхъ, исключая Адаманта, протестовавшаго противъ этого постановленія. Прежде чѣмъ придать смерти Филоклеса, Лизандръ укорилъ его въ томъ, что онъ развратилъ умы и далъ примѣры жестокости всей Греціи.

«Когда аргосцы, говоритъ Плутархъ [2]), умертвили полторы тысячи своихъ гражданъ, аѳиняне принесли очистительныя жертвы [3]) богамъ, умоляя ихъ отвратить отъ сердецъ аѳинянъ такую жестокую мысль» [4]).

Есть два рода испорченности: одинъ, когда народъ не соблюдаетъ законовъ; другой, когда онъ развращается законами; недугъ неизлѣчимый, ибо причина его въ самомъ лѣкарствѣ.

ГЛАВА XIII.

Безсиліе японскихъ законовъ.

Чрезмѣрныя наказанія могутъ обезсилить самый деспотизмъ. Взглянемъ на Японію [5]).

---

[1]) Ксенофонтъ, *Исторія*, кн. II, гл. II. § 20—22. (М.).

[2]) *Нравственныя сочиненія*. И тѣхъ, которые служатъ государству, гл. XIV. (М.).

[3]) Въ текстѣ значится, что аѳиняне велѣли пронести очистительную жертву вокругъ собранія. Извѣстно, что при церемоніи всеобщаго очищенія, эта жертва обносилась вокругъ собранія тѣхъ, которыхъ хотѣли очистить. (Кревье).

[4]) Эта послѣдняя фраза составляетъ добавленіе, сдѣланное Аміо. Кажется, аѳиняне имѣли въ виду очиститься отъ пятна, наложеннаго аргосцами на всѣ народы Греціи. (Кревье).

[5]) Ниже, кн. XII, гл. 14, и кн. XIV, гл. 15.

Тамъ наказываютъ смертью за всѣ почти преступленія [1]), потому что неповиновеніе такому великому императору, каковъ японскій, есть страшное преступленіе.

Эти идеи порождены раболѣпіемъ, и происходятъ главнымъ образомъ отъ того, что, такъ какъ императоръ является тамъ собственникомъ всѣхъ имуществъ, то почти всѣ преступленія оказываются прямымъ нарушеніемъ его интересовъ.

Тамъ наказываютъ смертью за всякую ложь передъ чиновникомъ [2]), дѣло противное естественнымъ свойствамъ самозащиты.

Тамъ строго наказываютъ даже за дѣйствія, не похожія на преступленія; такъ, напр., человѣкъ, рискнувшій своими деньгами въ азартной игрѣ, подлежитъ смертной казни.

Правда, что необычайный характеръ этого народа, упрямаго, капризнаго, рѣшительнаго, причудливаго, презирающаго всякія опасности и бѣдствія, повидимому, оправдываетъ свирѣпыя постановленія законодателей; но можно-ли постояннымъ зрѣлищемъ мучительныхъ казней исправлять или сдерживать людей, которые естественно презираютъ смерть и распарываютъ себѣ животы по малѣйшему поводу? Не освоятся-ли они скорѣе съ этими казнями?

Въ разсказахъ о воспитаніи у японцевъ, говорится, что съ дѣтьми необходимо мягкое обращеніе, потому что наказанія ожесточаютъ ихъ; что не слѣдуетъ слишкомъ сурово обходиться съ рабами, такъ какъ этимъ ставятъ ихъ въ необходимость защищаться. По духу, который долженъ господствовать въ домашнемъ управленіи, не слѣдовало-ли заключить и о томъ, который должно-бы внести въ управленіе политическое и гражданское?

Благоразумный законодатель постарался-бы умиротворить умы справедливымъ умѣреніемъ наказаній и наградъ, правилами философіи, морали и религіи, соотвѣтствующими характеру народа, правильнымъ примѣненіемъ правилъ чести, наказаніемъ стыда [3]), радостями постояннаго житейскаго благополучія и мирнаго благоденствія; и если-бы онъ опасался, что на людей, привыкшихъ къ жестокимъ карамъ, не будутъ дѣйствовать болѣе легкія наказанія, то онъ сталъ-бы дѣйствовать [4]) съ незамѣтной постепенностью, и, начавъ со смягченія наказаній для случаевъ легкихъ провинностей, дошелъ-бы до видоизмѣненія ихъ для всѣхъ случаевъ.

Но деспотизмъ не знаетъ этихъ пріемовъ; не такими путями ведетъ

---

[1]) См. Кемпфера. (М.).

[2]) *Сборникъ путешествій, послужившихъ къ основанію Индійской Компаніи*, т. III, часть II, стр. 428. (М).

[3]) Фразы *«наказаніемъ позора» (par le supplice de la honte)* нѣтъ въ изд. А. В.

[4]) Обратите на это вниманіе, какъ на практическое правило для случаевъ, когда умы людей испорчены слишкомъ суровыми наказаніями. (М.).

онъ людей. Онъ можетъ злоупотреблять собою—и только. Въ Японіи онъ напрягъ всѣ свои силы, и превзошелъ въ жестокости самого себя.

Чтобы продолжать управлять людьми напуганными и освирѣпѣлыми, ему пришлось постоянно усиливать жестокость своего управленія.

Таковъ источникъ, таковъ духъ законовъ Японіи. Но въ этихъ законахъ больше ярости, чѣмъ силы. Имъ удалось искоренить христіанство; но самая чрезмѣрность ихъ усилій служитъ доказательствомъ ихъ слабости. Они хотѣли создать хорошую полицію, и еще болѣе обнаружили свое безсиліе.

Прочитайте сообщеніе о свиданіи императора съ дейро въ Меако [1]). Тамъ было задушено или убито невѣроятное количество людей; негодяи похищали молодыхъ дѣвушекъ и мальчиковъ, и въ извѣстные часы можно было находить каждый день похищенныхъ, выставленными въ публичныхъ мѣстахъ нагими и зашитыми въ холстяные мѣшки, чтобы они не знали мѣстъ, по которымъ проходили; тамъ грабили все, что хотѣли; распарывали животы лошадямъ, чтобы повергнуть на землю всадниковъ; опрокидывали кареты, чтобы обобрать женщинъ. Когда голландцамъ сказали, что имъ нельзя провести ночь на подмосткахъ, не рискуя быть убитыми, они спустились оттуда, и т. д.

Набросаю вкратцѣ другую картину. Императоръ, преданный гнуснымъ наслажденіямъ, не помышлялъ о бракѣ: онъ рисковалъ умереть, не оставивъ наслѣдника. Дейро прислалъ ему двухъ очень красивыхъ дѣвушекъ; онъ женился на одной ради приличія, но не имѣлъ съ нею никакихъ сношеній. Его кормилица приводила къ нему самыхъ красивыхъ женщинъ имперіи, но и это не помогло; однажды дочь оружейника [2]) угодила его вкусамъ; онъ наконецъ рѣшился, и имѣлъ отъ нея сына. Придворныя дамы, возмущенныя тѣмъ, что онъ предпочелъ имъ женщину столь низкаго происхожденія, задушили ребенка. Это преступленіе было скрыто отъ императора: иначе онъ пролилъ-бы потоки крови. Жестокость законовъ препятствуетъ соблюдать ихъ. Когда наказаніе безмѣрно, ему часто приходится предпочитать безнаказанность.

ГЛАВА XIV.

О духѣ римскаго сената.

Въ консульство Ацилія Глабрія и Пизона былъ изданъ законъ Ацилія [3]), для прекращенія происковъ искателей должностей. Діонъ говоритъ [4]),

---

[1]) *Сборникъ путешествій, послужившихъ къ основанію Индійской Компаніи*, т. V, стр. 2. (М.).

[2]) Ibid. (М.).

[3]) Виновные приговаривались къ штрафу; они лишались права зачисленія въ сенатъ и назначенію на какіе бы то нибыло общественныя должности. Діонъ кн. XXXVI, гл. XXI. (М.).

[4]) Ibid. (М.).

что сенатъ побудилъ консуловъ предложить этотъ законъ потому, что трибунъ К. Корнелій задумалъ постановить ужасныя кары противъ этого преступленія, и народъ ему сочувствовалъ. Сенатъ полагалъ, что неумѣренныя кары, конечно, устрашатъ умы, но вмѣстѣ съ тѣмъ произведутъ и то послѣдствіе, что никто уже не посмѣетъ ни обвинять, ни осуждать, между тѣмъ какъ при болѣе умѣренныхъ наказаніяхъ не будетъ недостатка въ судьяхъ и обвинителяхъ.

ГЛАВА XV.

О римскихъ законахъ по отношенію къ наказаніямъ.

Я твердо вѣрю въ истину своихъ правилъ, когда имѣю за себя римлянъ, и, видя какъ измѣнялись гражданскіе законы этого великаго народа по мѣрѣ того, какъ онъ измѣнялъ свои законы политическіе, думаю, что характеръ наказаній состоитъ въ зависимости отъ природы правленія.

Законы царей, созданные для народа, состоящаго изъ бѣглецовъ, рабовъ и разбойниковъ, были очень суровы. Духъ республики требовалъ, чтобы децемвиры не включали этихъ законовъ въ свои Двѣнадцать таблицъ; но люди, мечтавшіе о тираніи, не видѣли надобности руководиться духомъ республики.

Титъ Ливій [1]) говоритъ, что мучительная казнь Метія Суффеція, диктатора Альбы, присужденнаго Тулломъ Гостиліемъ быть разорваннымъ двумя телѣгами, къ которымъ его привязали, была первою и послѣднею казнью, свидѣтельствовавшею о забвеніи чувства человѣчности. Онъ ошибается: законы Двѣнадцати таблицъ изобилуютъ очень жестокими постановленіями [2]).

То изъ этихъ постановленій, которое яснѣе всего обнаруживаетъ замыселъ децемвировъ, заключается въ назначеніи смертной казни поэтамъ и авторамъ памфлетовъ. Это совсѣмъ не въ духѣ республики, гдѣ народъ любитъ видѣть униженіе сильныхъ. Но люди, замышлявшіе ниспровергнуть свободу, опасались писаній, которыя могли напомнить о духѣ свободы [3]).

Послѣ изгнанія децемвировъ исчезли почти всѣ законы ихъ, установлявшіе наказанія. Формально они не были отмѣнены, но, благодаря закону Порція, воспретившему казнить смертью римскаго гражданина, оставались безъ приложенія.

Вотъ время, къ которому можно отнести заявленіе Тита Ливія [4]), ска-

---

[1]) Кн. I, гл. XXVIII. (М.).

[2]) Тамъ встрѣчается пытка огнемъ, наказанія почти всегда заключающіяся въ лишеніи жизни, смертная казнь за кражи. (М.).

[3]) Сулла, одушевленный одинаковыми стремленіями съ децемвирами, подобно имъ усилилъ кары противъ сатирическихъ писателей. (М.).

[4]) Кн. I, гл. XXVIII. (М.).

завшаго о римлянахъ, что никогда еще народъ не выказывалъ большаго сочувствія къ смягченію каръ [1]).

Прибавивъ къ мягкости наказаній право обвиняемаго удалиться отъ суда [2]), мы увидимъ, что римляне неуклонно руководились этимъ духомъ, столь, какъ я уже сказалъ, естественнымъ въ республикѣ.

Сулла, смѣшавшій свободу съ анархіей и тиранніей, создалъ законы Корнелія. Онъ, повидимому. создавалъ законы только для того, чтобы создавать преступленія. Такъ, назвавъ великое множество дѣйствій убійствомъ, онъ вездѣ находилъ убійцъ, и своимъ образомъ дѣятельности, имѣвшимъ столько послѣдователей, поставилъ ловушки, разсыпалъ терніи и вырылъ пропасти на пути каждаго гражданина.

Почти всѣ законы Суллы угрожали только лишеніемъ покровительства законовъ. Цезарь прибавилъ къ нимъ конфискацію имуществъ [3]) въ виду того, что богачи, сохраняя въ изгнаніи свои богатства, совершали преступленія съ большей смѣлостью.

Учредивъ военное правленіе, императоры вскорѣ почувствовали, что оно столь-же погубно для нихъ самихъ, какъ и для ихъ подданныхъ; они стали придумывать средства смягчить его; ощутили потребность въ установленіи должностей и званій и въ почетѣ, который онѣ внушали къ себѣ.

Правленіе нѣсколько приблизилось къ монархическому, и было установлено раздѣленіе наказаній на три класса [4]): на легкія—для первыхъ особъ въ государствѣ [5]); болѣе суровыя—для лицъ менѣе высокаго разряда [6]), и, наконецъ, самыя тяжкія — для людей самаго низкаго положенія [7]).

Свирѣпый и безсмысленный Максиминъ, вмѣсто того, чтобы смягчать военное правленіе, только, такъ сказать, раздражилъ его. Сенатъ, говоритъ Капитолинъ [8]), то и дѣло слышалъ, что однихъ казнили распятіемъ, другихъ выставили на растерзаніе звѣрямъ или зашивали въ кожи только что убитыхъ звѣрей, безъ всякаго вниманія къ ихъ званію. Онъ, повидимому, вдохновлялся духомъ военной дисциплины, по образцу которой думалъ управлять дѣлами гражданскими.

Въ Размышленіяхъ о величіи и упадкѣ римлянъ [9]) разска-

---

[1]) Для нихъ самихъ; но рабы; но дѣти ихъ? (Гельвецій).

[2]) Т. е удалиться изъ Рима и отказаться отъ правъ гражданина.

[3]) Poenas facinorum auxit, cum locupletes eo facilius scelere se obligarent, quod integris patrimoniis exularent. Светоній, *Iulius Caesar*, гл. LXII. (М.).

[4]) См. законъ 3, § *legis, ad legem Cornel. de sicariis*, и большое множество другихъ, въ Дигестахъ и въ Кодексѣ. (М.).

[5]) *Sublimiores*. (М.).

[6]) *Medios*. (М.).

[7]) *Infimos*. L. 3. § *legis*. ad. leg., *Cornel. de sicariis*. (М.).

[8]) Iul. Cap. *Maximini duo*, c. VIII. (М.).

[9]) Глава XVII. (М.).

зано, какъ Константинъ преобразовалъ военный деспотизмъ въ деспотизмъ военный и гражданскій и приблизился къ монархіи; тамъ-же можно слѣдить за различными переворотами въ этомъ государствѣ и видѣть какъ въ немъ переходили отъ строгости къ безпечности и отъ безпечности къ безнаказанности.

ГЛАВА XVI.

О точномъ соотвѣтствіи между наказаніемъ и преступленіемъ.

Необходимо, чтобы между наказаніями была взаимная гармонія, такъ какъ лучше избѣжать большого преступленія, чѣмъ меньшаго; того, что болѣе наноситъ ущерба обществу, чѣмъ того, что менѣе вредитъ ему.

Одинъ самозванецъ [1]), назвавшійся Константиномъ Дука, произвелъ большія смуты въ Константинополѣ. Его схватили и приговорили къ плетямъ; но, за обвиненія значительныхъ особъ, онъ, какъ клеветникъ, былъ еще присужденъ къ сожженію. Это очень странное распредѣленіе каръ между преступленіемъ оскорбленія величества и преступленіемъ клеветы [2]).

Оно приводитъ на память слова Карла II, короля Англіи. Однажды онъ, мимоходомъ, увидалъ человѣка, привязаннаго къ позорному столбу, и спросилъ, за что онъ тутъ. «Государь, отвѣчали ему, онъ сочинилъ пасквили на вашихъ министровъ».—«Вотъ глупецъ! сказалъ король: отчего онъ не сочинялъ ихъ противъ меня? Ему-бы ничего не сдѣлали».

«Семьдесятъ человѣкъ составили заговоръ противъ императора Василія [3]). Онъ велѣлъ ихъ подвергнуть бичеванію; имъ опалили волосы на головѣ и тѣлѣ. Однажды олень ухватилъ его рогами за поясъ. Нѣкто изъ его свиты обнажилъ мечъ, разрѣзалъ поясъ и выручилъ императора. Онъ приказалъ отрубить ему голову за то, что онъ обнажилъ противъ него мечъ». Кто-бы могъ подумать, что оба эти приговора состоялись при одномъ и томъ-же государѣ?

У насъ [4]) очень дурно дѣлаютъ, что назначаютъ равное наказаніе и тому, кто воруетъ на большой дорогѣ и тому, кто грабитъ и убиваетъ. Очевидно, что тутъ слѣдовало-бы, въ видахъ общественной безопасности, установить нѣкоторое различіе въ наказаніяхъ.

Въ Китаѣ разбойниковъ разрѣзываютъ на куски [5]), а воровъ—нѣтъ: благодаря этому различію, тамъ воруютъ, но не убиваютъ.

---

[1]) *Исторія* Никифора, константинопольскаго патріарха. (М.).

[2]) Вѣроятно, что онъ былъ наказанъ плетью, чтобы возбудить къ нему презрѣніе черни и что его наказали за оскорбленіе величества подъ предлогомъ клеветы. Тутъ дѣло идетъ не о законѣ, а объ отдѣльномъ фактѣ, который не даетъ никакого основанія судить о пропорціональности наказаній.

[3]) *Исторія* Никифора. (М.).

[4]) Во Франціи.

[5]) От. Дюгальдъ, т. I., стр. 6. (М.).

Въ московскомъ государствѣ, гдѣ воровъ и убійцъ наказываютъ одинаково, всегда убиваютъ [1]). Мертвые, говорятъ тамъ, ничего не разскажутъ.

Если нѣтъ различія въ наказаніяхъ, то надо внести его въ надежду на облегченіе участи. Въ Англіи не убиваютъ, потому что воры могутъ надѣяться на ссылку въ колоніи, а убійцы—нѣтъ.

Указы о помилованіи — великій рычагъ умѣренной монархіи. Право помилованія, которымъ обладаетъ государь, можетъ въ благоразумномъ примѣненіи приводить къ изумительно благотворнымъ послѣдствіямъ [2]). Принципъ государства деспотическаго, которое не прощаетъ и которому никогда не прощаютъ, лишаетъ его этихъ выгодъ.

ГЛАВА XVII.

Объ истязаніи или пыткѣ преступниковъ.

Вслѣдствіе того, что люди дурны, законъ обязанъ считать ихъ лучшими, чѣмъ они есть. Такъ, заявленіе двухъ свидѣтелей полагается достаточнымъ для наказанія всѣхъ преступленій. Законъ вѣритъ имъ, какъ будто устами ихъ говорила сама истина. Положено также считать законнымъ всякаго ребенка, зачатаго во время брака; законъ довѣряетъ матери, какъ будто она сама непорочность. Но пытка преступниковъ не относится къ разряду этихъ форсированныхъ представленій. Мы знаемъ нынѣ очень благоустроенное государство [3]), которое отмѣнило ее безъ всякихъ для себя неудобствъ. Слѣдовательно она не является необходимой по природѣ своей [4]).

Противъ этого обычая писали столько искусныхъ писателей и великихъ геніевъ, что я не смѣю говорить послѣ нихъ [5]). Я хотѣлъ было сказать, что онъ можетъ быть умѣстнымъ въ деспотическихъ государствахъ, гдѣ все, что внушаетъ страхъ, становится пружиной правленія: я хотѣлъ было сказать, что у грековъ и римлянъ рабы... Но я слышу голосъ природы, вопіющій противъ меня.

---

[1]) *Настоящее состояніе Россіи.* Перри. (М.).

[2]) Это утвержденіе нуждается въ нѣкоторомъ ограниченіи. См. ниже гл. XXI.

[3]) Англія. (М.).

[4]) Аѳинскіе граждане не могли быть подвергаемы пыткѣ (Лизій, *Orat. in Argorat.*), за исключеніемъ преступленія оскорбленія величества. Пытка производилась черезъ тридцать дней послѣ осужденія (Курій Фортунатъ, Rhetor scol., кн. II). Пытки слѣдственной совсѣмъ не существовало. Что же касается до римлянъ, то въ законѣ 3 и 4 *ad leg. Juliam majest.* заявлено, что происхожденіе, достоинство и званіе воина не допускаютъ пытки, за исключеніемъ случаевъ оскорбленія величества. Обратите вниманіе на разумныя ограниченія, внесенныя въ эту практику законами вестготовъ. (М.).

[5]) Между ними долженъ быть названъ однимъ изъ первыхъ Огюстэнъ Никола, совѣтникъ парламента въ Безансонѣ. Его книжка, появившаяся въ 1681 г., подъ заглавіемъ: *Представляетъ ли пытка вѣрное средство къ раскрытію тайныхъ преступленій* (Si la torture est un moyen sûr à verifier les crimes secrets) составляетъ одно изъ лучшихъ произведеній нашей уголовной юриспруденціи. Въ числѣ противниковъ пытки надо также упомянуть нашего великаго криминалиста Эйро (Ayrault).

ГЛАВА XVIII.

О наказаніяхъ денежныхъ и наказаніяхъ тѣлесныхъ.

Наши отцы, германцы, допускали только одни денежныя наказанія. Эти воинственные и свободные люди полагали, что ихъ кровь должна проливаться лишь на полѣ битвы. Японцы [1]), напротивъ, отвергаютъ такого рода наказанія, подъ предлогомъ, что богатые люди будутъ избѣгать ихъ. Но развѣ богатые люди не боятся утраты своихъ имуществъ? Развѣ денежныя наказанія не могутъ быть соразмѣрны богатству? И, наконецъ, развѣ нельзя соединить эти наказанія съ безчестіемъ?

Хорошій законодатель избираетъ средній путь: онъ не всегда караетъ деньгами и не всегда наказываетъ тѣлесно.

ГЛАВА XIX.

О законѣ возмездія.

Государства деспотическія, какъ любители простыхъ законовъ, много пользуются закономъ возмездія [2]). Государства умѣренныя тоже допускаютъ его иногда; но здѣсь та разница, что у первыхъ онъ дѣйствуетъ со всею строгостью, между тѣмъ какъ вторыя почти всегда смягчаютъ его.

Законъ Двѣнадцати таблицъ допускалъ два закона этого рода; онъ присуждалъ къ возмездію только въ такомъ случаѣ, когда жалобщикъ не соглашался на иное удовлетвореніе [3]). Послѣ приговора можно было уплатить протори и убытки [4]), и тѣлесное наказаніе превращалось въ денежное.

ГЛАВА XX.

О наказаніи дѣтей ихъ отцами.

Въ Китаѣ наказываютъ отцовъ за проступки ихъ дѣтей. Тотъ-же обычай былъ въ Перу [5]): все это плоды деспотическихъ идей.

Сколько бы ни говорили, что въ Китаѣ наказываютъ отцовъ за то, что они не пользовались отеческою властью, которая установлена природой и усилена законами, все-же это предполагаетъ, что у китайцевъ нѣтъ чести. У насъ и отцы, дѣти которыхъ присуждены къ казни, и дѣти [6]), отцы которыхъ подверглись той-же участи, настолько-же нака-

---

[1]) См. Кемпфера. (М.).

[2]) Онъ установленъ въ *Коранѣ*. Читайте главу *О коровѣ*. (М.).

[3]) Si membrum rupit, ni cum eo pacit, talio esto. Авлъ-Геллій, кн. XX, гл. I. (М.).

[4]) *Ibid.* Чит. также законъ вестготовъ, кн. VI, тит. IV, § 3 и 5. (М.).

[5]) См. «Исторію гражданскихъ войнъ въ Испаніи» Гарцилассо. (М.).

[6]) Ихъ надо-бы не наказывать, говоритъ Платонъ, а хвалить за то, что они не походятъ на своихъ отцовъ. (*Законы*, кн. IX).

заны стыдомъ, настолько они были бы въ Китаѣ наказаны лишеніемъ жизни [1]).

ГЛАВА XXI.

О милосердіи государя.

Милосердіе есть отличительное качество монарховъ. Въ республикѣ, принципъ которой—добродѣтель, оно менѣе необходимо. Въ государствѣ деспотическомъ, гдѣ царствуетъ страхъ, оно менѣе употребительно, такъ какъ тамъ надо сдерживать высокопоставленныхъ лицъ государства примѣрами строгости. Въ монархіяхъ, гдѣ управляетъ честь, часто требующая того, что запрещаетъ [2]) законъ, оно болѣе необходимо [3]). Опала тамъ равносильна карѣ; даже формальности судопроизводства являются наказаніями. Всюду присутствующій стыдъ даетъ тамъ обильный матеріалъ для образованія разныхъ родовъ каръ.

Тамъ высшія лица въ государствѣ чувствуютъ себя столь сильно наказанными опалой, гибелью,—часто лишь воображаемой,—своего кредита, своей карьеры, своихъ привычекъ, своихъ удовольствій, что всякая строгость по отношеніи къ нимъ становится излишней; она могла бы только лишить подданныхъ той любви, которую они питаютъ къ особѣ государя и того уваженія, которое они должны имѣть къ своему положенію.

Какъ неустойчивость положенія высшихъ лежитъ въ природѣ деспотическаго правленія, такъ ихъ безопасность входитъ въ природу монархіи.

Монархи могутъ такъ много выиграть милосердіемъ, оно вызываетъ къ нимъ такую любовь, они извлекаютъ изъ него столько славы, что каждая почти возможность оказать его есть для нихъ счастіе; а въ нашихъ странахъ эта возможность почти всегда существуетъ.

Быть можетъ у нихъ станутъ оспаривать какую-нибудь часть ихъ власти, но почти никогда не будутъ возставать противъ всей ихъ власти, и если имъ иногда приходится бороться за корону, то за то они не имѣютъ надобности бороться за жизнь.

Но, спросятъ, когда-же слѣдуетъ наказать? Когда слѣдуетъ простить? Это легче почувствовать, чѣмъ предписать напередъ. Случаи, когда миловать опасно, вполнѣ ясны, и не трудно увидѣть разницу между милосердіемъ и тѣмъ слабодушіемъ, которое заставляетъ государя пренебрегать наказаніями и доводитъ его до невозможности налагать ихъ.

---

[1]) Въ старой Франціи, въ силу укоренившагося въ нравахъ предразсудка, дѣтей лицъ, преданныхъ смертной казни, почитали какъ бы обезчещенными и даже опозоренными: парламенты иногда даже присуждали этихъ несчастныхъ къ изгнанію.

[2]) Въ случаѣ, напримѣръ, дуэли.

[3]) Авторъ говоритъ лишь о французскомъ дворѣ и дворянствѣ. Онъ забываетъ о томъ, какъ жестоки были наказанія для народа и какъ рѣдко примѣнялась милость монарха къ простымъ людямъ.

Императоръ Маврикій [1]) рѣшилъ никогда не проливать крови своихъ подданныхъ. Анастасій [2]) совсѣмъ не каралъ преступниковъ. Исаакъ-Ангелъ поклялся никого не лишать жизни въ теченіе своего царствованія. Греческіе императоры забыли, что они не напрасно носятъ мечъ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Вліяніе различныхъ принциповъ трехъ видовъ правленія на роскошь, законы противъ роскоши и на положеніе женщинъ.

ГЛАВА I.

О роскоши [3]).

Роскошь всегда пропорціональна неравенству состояній. При равномъ распредѣленіи богатствъ въ государствѣ [4]), роскоши не будетъ, такъ какъ она основана лишь на тѣхъ удобствахъ, которыя люди доставляютъ себѣ посредствомъ труда другихъ людей.

Для равнаго распредѣленія богатствъ надо, чтобы законъ давалъ каждому лишь физически необходимое. Имѣя больше этого, одни будутъ тратить, другіе пріобрѣтать, и установится неравенство.

Если мы предположимъ физическія потребности равными данной суммѣ, то роскошь тѣхъ, которые имѣютъ одно необходимое, будетъ равна нулю; у тѣхъ, которые имѣютъ вдвое больше, чѣмъ первые, она будетъ равна единицѣ; у тѣхъ, которые имѣютъ вдвое больше, чѣмъ вторые, она будетъ равна тремъ; у тѣхъ, которые имѣютъ вдвое больше, чѣмъ третьи, она будетъ равна семи; такъ что, при предположеніи, что имущество каж-

---

[1]) Евагрій, *Исторія*.

[2]) Отрывокъ изъ Свиды, который также находится у Константина Порфиророднаго. (М.). Смыслъ подлинника въ томъ, что Анастасій поручалъ должности недостойнымъ людямъ. Старинная латинская версія Свиды ввела Монтескье въ заблужденіе. (Кревье).

[3]) Что значитъ *роскошь* на языкѣ Монтескье? Обыкновенно это имя дается всякимъ безплоднымъ тратамъ, показнымъ удовольствіямъ; но Монтескье прилагаетъ его ко всему, что переходитъ за предѣлы физически необходимаго. Это опредѣленіе узкое и ложное. Если бы люди ограничивались физически необходимымъ, то они никогда не вышли бы изъ варварства. Гораздо вѣрнѣе опредѣленіе аббата Сенъ-Пьерра: «Дурное употребленіе излишка—вотъ что называю я роскошью». (*Rêves d'un homme de bien*, стр. 225).

[4]) Это предположеніе химерическое. Существуютъ монастыри, гдѣ монахи не имѣютъ болѣе физически необходимаго; но нѣтъ нигдѣ общества, которое существовало бы въ такихъ условіяхъ. Вездѣ, гдѣ человѣкъ работаетъ и сберегаетъ, является и неравенство въ распредѣленіи богатствъ.

даго послѣдующаго лица вдвое больше имущества лица предыдущаго, роскошь будетъ возрастать путемъ удвоенія каждой предшествующей цифры съ прибавленіемъ къ ней единицы, по прогрессіи: 0, 1, 3, 7, 15, 31, 63, 127.

Въ республикѣ Платона [1]) роскошь могла быть опредѣлена съ точностію. Тамъ было установлено четыре разряда ценза. Первый находился на той границѣ, гдѣ кончается бѣдность [2]), а второй, третій, четвертый были вдвое, втрое и вчетверо больше перваго. Въ первомъ разрядѣ роскошь равнялась нулю, во второмъ она была равна единицѣ, въ третьемъ двумъ въ четвертомъ—тремъ, и слѣдовала дальше въ ариѳметической прогрессіи.

Что-же касается до сравнительной роскоши у разныхъ народовъ, то она въ каждомъ государствѣ опредѣляется сложнымъ отношеніемъ неравенства богатствъ среди различныхъ гражданъ къ неравенству богатствъ различныхъ государствъ. Въ Польшѣ, напримѣръ, неравенство состояній доведено до крайности; но бѣдность цѣлой страны не допускаетъ въ ней такой роскоши, которая встрѣчается въ болѣе богатыхъ государствахъ.

Роскошь пропорціональна еще и величинѣ городовъ, особенно столичныхъ, такъ что она состоитъ въ сложномъ отношеніи къ богатству государствъ, къ неравенству состояній отдѣльныхъ лицъ и къ количеству людей, собранныхъ въ извѣстныхъ мѣстахъ.

Чѣмъ больше собраніе людей, тѣмъ люди тщеславнѣе и тѣмъ сильнѣе ощущаютъ они желаніе отличить себя какими-нибудь мелочами [3]). Если количество ихъ такъ велико, что они въ большинствѣ незнакомы другъ съ другомъ, то стремленіе выдѣлиться у нихъ усугубляется, такъ какъ увеличивается надежда на успѣхъ. Надежду эту доставляетъ роскошь; каждый усваиваетъ себѣ признаки положенія, предшествующаго его собственному. Но усиленная жажда отличій приводитъ къ равенству, уничтожающему возможность отличиться: такъ какъ всѣ хотятъ быть замѣтными, то уже никого нельзя замѣтить.

Все это порождаетъ большія неудобства. Лица, отличающіеся въ какой нибудь профессіи, назначаютъ за произведенія своего искусства ка-

---

[1]) Первый разрядъ заключался въ наслѣдственномъ земельномъ участкѣ, и Платонъ не хотѣлъ, чтобы прочее имущество каждаго превышало тройную цѣнность этихъ участковъ. См. его *Законы*, кн. IV. (М.).

[2]) Согласно Платону. Кто можетъ указать границу, гдѣ кончается бѣдность? Это вещь относительная, зависящая отъ тягостей, лежащихъ на семьѣ, отъ количества дѣтей, отъ положенія, занимаемаго человѣкомъ, и т. д.

[3]) Въ большомъ городѣ, говоритъ (Мандевиль) авторъ *Басни о пчелахъ*, т. I, стр. 133, люди одѣваются сверхъ состоянія, чтобы внушить къ себѣ въ народѣ болѣе почтенія. Слабая мысль испытываетъ при этомъ наслажденіе, равносильное исполненію ея желаній. (М.). Чужія глаза—вотъ что разоряетъ насъ, сказалъ Франклинъ.

кую имъ угодно цѣну; самыя незначительныя дарованія слѣдуютъ ихъ примѣру; нѣтъ болѣе соотвѣтствія между средствами и потребностями, Если я вынужденъ вести тяжбу, то необходимо, чтобы у меня были средства нанять адвоката; если я боленъ—надо, чтобы я имѣлъ возможность пригласить доктора.

Нѣкоторые полагали, что при такомъ скопленіи народа въ столицѣ слабѣетъ торговля, вслѣдствіе того, что люди уже не находятся на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга. Я этого не думаю; у людей больше становится желаній, больше потребностей, больше прихотей, когда они собираются вмѣстѣ.

ГЛАВА II.

О законахъ противъ роскоши въ демократіи [1]).

Я только что сказалъ, что въ республикѣ, гдѣ имущества равно распредѣлены, совсѣмъ не можетъ быть роскоши, и такъ какъ это равное распредѣленіе было—какъ показано въ пятой книгѣ [2])—причиной превосходнаго состоянія одной республики, то отсюда слѣдуетъ, что республика тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ менѣе въ ней роскоши. Ея не было у древнихъ римлянъ, не было и у лакедемонянъ; и въ республикѣ, гдѣ равенство не совсѣмъ утрачено, духъ торговли, трудолюбія и добродѣтели даетъ каждому и возможность и желаніе обходиться собственными средствами, вслѣдствіе чего тамъ не бываетъ много роскоши.

Законы о новомъ раздѣлѣ земель, которыхъ такъ настойчиво домогались въ нѣкоторыхъ республикахъ, были, по природѣ своей, очень благодѣтельны. Они были опасны лишь какъ дѣйствіе внезапное. Уменьшая вдругъ богатства однихъ и увеличивая состоянія другихъ, они производятъ переворотъ въ каждой семьѣ и должны привести къ общему перевороту во всемъ государствѣ.

По мѣрѣ того, какъ роскошь водворяется въ республикѣ, умами овладѣваютъ частные интересы. Людямъ, которые довольствуются однимъ необходимымъ, не остается желать ничего, кромѣ славы для себя и отечества. Но душа человѣка, развращеннаго роскошью, имѣетъ много иныхъ желаній. Она вскорѣ станетъ врагомъ законовъ, которые стѣсняютъ ее. Роскошь, съ которою познакомился гарнизонъ Реджіи, побудила его къ избіенію жителей.

Когда римляне развратились, желанія ихъ стали безмѣрны [3]). Объ этомъ можно судить по цѣнѣ, которую они придавали вещамъ. Кружка

---

[1]) Что значитъ вся эта глава? Равенство богатствъ—химера; раздѣлъ земель ничего не стоитъ ни въ смыслѣ практики, ни въ качествѣ закона (Гельвецій).

[2]) Гл. III и IV. (М.).

[3]) Римляне и достигли богатства, и пользовались имъ, какъ наглые выскочки. (Гельвецій).

фалернскаго вина [1]) стоила сто римскихъ динаріевъ; боченокъ понтійской солонины—четыреста динаріевъ; хорошій поваръ—четыре таланта; молодые мальчики и цѣны не имѣли. И когда всѣхъ увлекло неудержимое стремленіе [2]) къ роскоши, что сталось съ добродѣтелью?

ГЛАВА III.

О законахъ противъ роскоши въ аристократіи.

Дурно устроенная аристократія несчастна тѣмъ, что тамъ благородные обладаютъ богатствами, а пользоваться ими не могутъ. Роскошь, какъ противная духу умѣренности, должна быть изгнана изъ этого государства. Поэтому населеніе его состоитъ изъ людей очень бѣдныхъ, которые не имѣютъ возможности получать, и очень богатыхъ, которые не могутъ тратить.

Въ Венеціи люди знатные были принуждены къ умѣренности законами [3]). Они такъ привыкли къ бережливости, что однѣ только куртизанки могли выманивать у нихъ деньги. Этимъ пользовались для поддержанія промышленности? [4]). Самыя презрѣнныя женщины безопасно предавались роскоши, между тѣмъ какъ ихъ данники вели самую скромную и незамѣтную жизнь.

Благоустроенныя греческія республики имѣли по этому предмету превосходныя установленія. Богачи тратили свои деньги на устройство празднествъ и музыкальныхъ хоровъ, на колесницы и лошадей для состязаній въ бѣгѣ, на отправленіе сопряженныхъ съ большими расходами должностей. Богатство было столь-же тягостно, какъ и бѣдность [5]).

ГЛАВА IV.

О законахъ противъ роскоши въ монархіяхъ.

Сейоны [6]), народъ германскаго племени, почитаютъ богатства, говоритъ Тацитъ [7]); вслѣдствіе чего они живутъ подъ управленіемъ одного.

[1]) Отрывокъ изъ XXXVI книги Діодора, приводимый Константиномъ Порфиророднымъ.

[2]) *Cum maximus omnium impetus ad luxuriam esset.* Ibid. (M.).

[3]) «Дворянство не могло даже ни одѣваться, какъ вздумается, ни заводить домашнюю обстановку, согласную своимъ прихотямъ. Никто не могъ уклоняться отъ общественной службы, если только не былъ боленъ или не поступилъ въ священники. Разъ государство приказало служить, надо было повиноваться. Оно вызывало васъ изъ деревни, изъ города, отрывало отъ вашихъ дѣлъ и даже вашихъ удовольствій всякій разъ, какъ находило это нужнымъ».—Катанео. *Источникъ, сила и истинный духъ законовъ*, стр. 221.

[4]) Это совсѣмъ навыворотъ здравому смыслу. (Гельвецій).

[5]) Трудъ и промышленность, порождающіе изобиліе, и посредствомъ этого изобилія роскошь, дающую средства къ жизни множеству гражданъ и жителей, не гораздо ли болѣе были бы благодѣтельны для республики, чѣмъ празднества, музыкальные хоры, колесницы и бѣговыя лошади и всѣ эти учрежденія греческихъ республикъ, которыя такъ восхищаютъ автора? (Euzac).

[6]) Сейоны жили въ той части Европы, которая нынѣ называется Швеціей.

[7]) *О нравахъ Германцевъ*, гл. XLIV. (M.).

Это значитъ, что роскошь особенно свойственна монархіи и что въ монархіи не должно быть законовъ противъ роскоши.

Такъ какъ неравное распредѣленіе богатствъ вытекаетъ изъ самаго устройства монархіи, то роскошь является тамъ необходимостью. Если богатые будутъ мало тратить, то бѣднымъ придется умирать съ голода. Необходимо даже, чтобы траты богатыхъ были пропорціональны неравенству состояній, и чтобы, какъ мы уже сказали, роскошь возрастала въ той-же самой пропорціи. Отдѣльныя богатства увеличились только потому, что часть гражданъ была лишена физически необходимаго [1]); надо, слѣдовательно, чтобы они получили его обратно.

Итакъ, для поддержанія государства монархическаго, роскошь должна идти возрастая отъ земледѣльца къ ремесленнику, къ торговцу, къ благороднымъ, къ чиновникамъ, къ вельможамъ, къ главнымъ откупщикамъ государственныхъ доходовъ, къ государямъ; иначе все погибнетъ.

Во время Августа, римскому сенату, состоявшему изъ важныхъ сановниковъ, юристовъ и людей, преданныхъ идеямъ первобытной старины, было предложено заняться исправленіемъ нравовъ и ограниченіемъ женской роскоши. Интересно читать у Діона [2]), какъ искусно императоръ отклонилъ неумѣстныя требованія сенаторовъ: онъ основывалъ монархію и уничтожалъ республику.

Въ царствованіе Тиверія, эдилы внесли въ сенатъ предложеніе о возстановленіи древнихъ законовъ противъ роскоши [3]). Государь, не лишенный проницательности, воспротивился этому. «При настоящемъ положеніи вещей, сказалъ онъ, это погубило-бы государство. Какъ сталъ-бы существовать Римъ? какъ стали-бы существовать провинціи? Мы были умѣренны, пока мы были гражданами одного только города, теперь же мы потребляемъ богатства всего міра и заставляемъ работать на себя господъ и рабовъ». Онъ ясно видѣлъ, что въ законахъ противъ роскоши уже не было надобности.

Когда, при томъ-же императорѣ, сенату было предложено запретить губернаторамъ забирать съ собою въ провинціи своихъ женъ, вслѣдствіе производимыхъ ими тамъ соблазновъ, это предложеніе было тоже отвергнуто. Возразили, что «суровость древнихъ теперь уже уступила мѣсто

---

[1]) Монтескье постоянно заблуждается, думая, что богатство міра представляетъ опредѣленную величину и что нельзя дать одному, не отнимая въ то же время у другого. Кто же, напротивъ, не видитъ, что богатство ежедневно создается трудомъ? Чѣмъ страна богаче, тѣмъ болѣе въ ней капиталовъ, и тѣмъ болѣе бѣдняки имѣютъ случаевъ выйти изъ бѣдности не посредствомъ захвата части чужого богатства, а посредствомъ соединенія собственнаго труда съ капиталомъ другого человѣка для производства новаго богатства.

[2]) Діонъ Кассій, кн. LIV, гл. XVI. (М.).

[3]) Тацитъ, *Анналы*, кн. III, гл. XVI. (М.).

болѣе пріятному образу жизни» [1]). Люди чувствовали, что теперь нужны иные нравы.

Итакъ, роскошь необходима для государствъ монархическихъ; необходима она также и для деспотическихъ. У первыхъ она является особымъ видомъ употребленія, которое люди дѣлаютъ изъ предоставленной имъ тамъ свободы; а у вторыхъ—особымъ видомъ злоупотребленія тѣми выгодами, которыя они могутъ извлекать изъ своего рабства; рабъ, поставленный своимъ господиномъ въ тираны надъ его другими рабами и неувѣренный въ благополучіи своего завтрашняго дня, не знаетъ другого наслажденія, кромѣ удовлетворенія своему тщеславію, сладострастію и своимъ мгновеннымъ прихотямъ.

Все это приводитъ къ заключенію, что республики погибаютъ отъ роскоши, а монархіи—отъ бѣдности [2]).

ГЛАВА V.

Въ какомъ случаѣ законы противъ роскоши полезны въ монархіи.

Законы противъ роскоши, появившіеся въ половинѣ XIII-го столѣтія въ Арагоніи, были созданы въ духѣ республикй. Іаковъ I приказалъ, чтобы король и всѣ его подданные не имѣли за своими обѣдами болѣе двухъ сортовъ мяса, приготовленныхъ каждое по одному только способу, за исключеніемъ убитой ими самими дичины [3]).

Въ наши дни въ Швеціи тоже были изданы законы противъ роскоши, но съ иною цѣлью, чѣмъ въ Арагоніи.

Государство можетъ создавать законы противъ роскоши въ видахъ безусловной умѣренности; таковъ духъ этихъ законовъ въ республикѣ, и судя по характеру законовъ Арагоніи, они преслѣдовали такую именно цѣль.

Но законы противъ роскоши могутъ также имѣть предметомъ лишь относительную умѣренность, въ томъ, напримѣръ, случаѣ, когда государство, видя, что ввозъ иностранныхъ товаровъ, вслѣдствіе ихъ высокихъ цѣнъ, потребуетъ такого вывоза его собственныхъ, что ему болѣе придется испытывать лишеній отъ недостатка послѣднихъ, чѣмъ удовлетворенія отъ пріобрѣтенія первыхъ, — запрещаетъ ввозить эти товары; таковъ духъ законовъ, созданныхъ въ наши дни въ Швеціи [4]), и это един-

---

[1]) Multa duritiei veterum melius et laetius mutata. Тацитъ, *Анналы*, кн. III. XXXIV. (М).

[2]) *Opulentia paritura mox egestatem.* Флоръ, кн. III, гл. XII. (М.). Монархія, или точнѣе римская имперія, кончила всеобщимъ разрушеніемъ; но не видно, почему монархія, гдѣ народъ живетъ земледѣліемъ, торговлей и промышленностью, можетъ погибнуть только отъ бѣдности. Французская монархія во время своего разрушенія въ 1789 г. находилась на высшей ступени матеріальнаго процвѣтанія.

[3]) Конституція Іакова I-го, 1234 года, парагр. 6, въ *Marca Hispanica* стр. 1429. (М.).

[4]) Тамъ наложили запретъ на тонкія вина и другіе дорогіе товары. (М.).

ственные законы противъ роскоши, которые могутъ быть умѣстны въ монархіяхъ.

Вообще, чѣмъ государство бѣднѣе, тѣмъ болѣе оно разоряется отъ своей относительной роскоши, и тѣмъ болѣе, слѣдовательно, оно нуждается въ законахъ противъ роскоши относительной. Чѣмъ государство богаче, тѣмъ болѣе оно обогащается своей относительной роскошью и тѣмъ болѣе оно должно воздерживаться отъ законовъ противъ этого вида роскоши. Все это мы лучше объяснимъ въ книгѣ о торговлѣ [1]). Здѣсь же рѣчь идетъ лишь о роскоши безусловной.

ГЛАВА VI.

О роскоши въ Китаѣ.

Въ нѣкоторыхъ государствахъ существуютъ особыя причины, требующія законовъ противъ роскоши. Народъ, вслѣдствіе благопріятнаго климата, можетъ до того размножиться, а средства къ его существованію стать до того невѣрными, что является необходимость заставить его заниматься исключительно земледѣліемъ. Въ такихъ государствахъ роскошь опасна, и законы противъ нея должны быть очень строги. Такимъ образомъ, желая узнать, слѣдуетъ ли поощрять роскошь или противодѣйствовать ей, надо прежде всего взглянуть на отношеніе, существующее между числомъ населенія и его средствами къ жизни. Въ Англіи земля производитъ хлѣба гораздо больше, чѣмъ нужно для прокормленія какъ тѣхъ, которые обрабатываютъ землю, такъ и тѣхъ, которые снабжаютъ ихъ одеждой [2]); поэтому тамъ могутъ существовать разныя суетныя искусства, а слѣдовательно и роскошь. Во Франціи родится довольно хлѣба для пропитанія земледѣльцевъ и тѣхъ, которые заняты мануфактурой. Кромѣ того торговля съ иностранцами можетъ дать въ обмѣнъ за вещи, служащія роскоши, столько вещей необходимыхъ, что тамъ совсѣмъ не слѣдуетъ опасаться роскоши.

Въ Китаѣ, напротивъ, женщины такъ плодовиты [3]) и родъ человѣческій размножается съ такой быстротой, что земля, какъ бы ее ни обработывали, едва можетъ прокормить населеніе; поэтому роскошь тамъ пагубна, а духъ трудолюбія и экономіи столько-же желателенъ, какъ въ любой республикѣ [4]). Люди должны тамъ посвящать себя производству предметовъ необходимости, избѣгая производства предметовъ роскоши.

---

[1]) *Персидскія письма*, CVI, рус. пер. стр. 220. См. ниже, кн. XX, гл. XX. (М.).

[2]) Теперь все это измѣнилось до противоположности, а между тѣмъ кто-же отважится сказать, что Англія теперь бѣднѣе, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи?

[3]) *Персидскія письма*, CXIX, рус. пер. стр. 250.

[4]) Тамъ всегда препятствовали роскоши. (М.).

Вотъ образчикъ духа прекрасныхъ указовъ китайскихъ императоровъ. «Наши предки, говоритъ одинъ изъ императоровъ династіи Тангъ [1]), держались того правила, что если есть мужчина, котырый не пашетъ, и женщина, которая не занимается пряжей, то кто-нибудь въ имперіи вслѣдствіе этого страдаетъ отъ холода или голода...» И въ силу этого правила онъ повелѣлъ разрушить множество монастырей бонзъ.

Третій императоръ двадцать первой династіи [2]), которому показали нѣсколько драгоцѣнныхъ камней, найденныхъ въ шахтѣ, велѣлъ эту шахту закрыть, не желая обременять свой народъ работой на дѣло, которое не могло ему доставить ни пищи, ни одежды.

«Наша роскошь дошла до того, говоритъ Кіявенти [3]), что народъ украшаетъ шитьемъ башмаки тѣхъ самыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которыхъ нужда его и заставляетъ продавать». Когда столько людей заняты изготовленіемъ одежды для одного, то какъ не быть людямъ, которые нуждаются въ одеждѣ? [4]) Когда на одного, воздѣлывающаго землю, приходится десять, поѣдающихъ плоды ея, то какъ не быть людямъ, которые нуждаются въ пищѣ [5])?

ГЛАВА VII.

Роковыя послѣдствія роскоши въ Китаѣ.

Изъ исторіи Китая видно, что тамъ было двадцать двѣ смѣнившихъ другъ друга династіи; это значитъ, что Китай испыталъ двадцать двѣ общихъ революціи, не считая множества частныхъ. Три первыя династіи царствовали довольно долго, потому что онѣ хорошо управлялись, и государство не было такъ обширно, какъ впослѣдствіи. Вообще-же можно сказать, что всѣ эти династіи начинали довольно хорошо. Добродѣтель, осмотрительность, бдительность необходимы въ Китаѣ; ими знаменовалось начало правленія династій, но онѣ исчезали въ концѣ его. Весьма естественно, въ самомъ дѣлѣ, что императоры, которые были воспитаны въ тягостяхъ войны и только что свели съ престола родъ,

---

[1]) Въ указѣ, о которомъ упоминаетъ О. дю Гальдъ (le P. du Halde), т. II, стр. 497. (М.).

[2]) *Исторія Китая*, двадцать первая династія, въ книгѣ О. дю Гальда, т. I. (М.).

[3]) Въ рѣчи, переданной О. Дю Гальдомъ, т. II, стр. 497. (М.).

[4]) Это экономическая ошибка. Люди, приготовляющіе одежду для другихъ, дѣлаютъ это не даромъ. Они получаютъ заработную плату, которая даетъ имъ возможность жить, т. е. имѣть помѣщеніе, пищу и одежду.

[5]) Если десять человѣкъ потребляютъ доходы съ земель въ качествѣ чиновниковъ или рентьеровъ, то земледѣлецъ, конечно, будетъ раздавленъ налогами; но если эти десять тоже работаютъ, производя коммерческія и мѣновыя цѣнности, то хлѣбъ будетъ возрастать въ цѣнѣ и, если нужно, будетъ полученъ извнѣ. Могутъ ли люди нуждаться въ пищѣ оттого, что страна стала богаче и ея трудъ производительнѣе?

погрязшій въ наслажденіяхъ, сохраняли добродѣтель, которая принесла имъ столько пользы и страшились наслажденій, гибельныя послѣдствія которыхъ они видѣли. Но послѣ трехъ, четырехъ такихъ государей, развратъ, роскошь, праздность, наслажденія овладѣваютъ ихъ преемниками; они замыкаются въ дворцѣ, умъ ихъ слабѣетъ, жизнь укорачивается и семья клонится къ упадку; сановники забираютъ власть, евнухи овладѣваютъ довѣріемъ, на престолъ начинаютъ возводить только дѣтей; дворецъ становится врагомъ императора; праздные люди, населяющіе его, разоряютъ тѣхъ, которые трудятся; императоръ умерщвляется или низвергается узурпаторомъ, полагающимъ основаніе новой династіи, третій или четвертый преемникъ которой уходитъ въ тотъ же дворецъ на новое затворничество [1]).

ГЛАВА VIII.

О публичной пристойности [2]).

Утрата добродѣтели у женщинъ связана съ такимъ множествомъ пороковъ, вся душа ихъ такъ сильно извращается, исчезновеніе этого главнаго опорнаго пункта влечетъ за собою паденіе столькихъ другихъ добродѣтелей, что надо видѣть въ публичной непристойности величайшее изъ несчастій народнаго государства и вѣрный признакъ близящагося измѣненія въ его устройствѣ.

Поэтому хорошіе законодатели требовали отъ женщинъ извѣстной степенности нрава. Они изгоняли изъ республики не только порокъ, но даже видимость порока. Они изгнали даже эти порождаемыя праздностью галантныя отношенія, которыя дѣлаютъ женщинъ способными развращать другихъ, прежде чѣмъ онѣ сами успѣютъ развратиться, которыя придаютъ цѣну всякимъ пустякамъ и обезцѣниваютъ дѣйствительно важное и благодаря которому люди начинаютъ руководиться въ своемъ поведеніи лишь правилами смѣшного, которыя такъ мастерски умѣютъ устанавливать женщины.

ГЛАВА IX.

О положеніи женщинъ въ различныхъ государствахъ.

Въ монархіяхъ женщины не отличаются скромностью, такъ какъ, будучи по условіямъ своего общественнаго положенія призваны ко двору, онѣ заражаются тѣмъ духомъ вольнаго обращенія, который почти только одинъ тамъ и поощряется. Каждый пользуется ихъ прелестями и стра-

---

[1]) Это исторія не одного Китая, но и всѣхъ деспотій Востока. И, кто знаетъ, не подумывалъ ли Монтескье и о французской монархіи и не приводилъ ли онъ примѣръ Китая въ видѣ намека читателю?

[2]) Ниже, кн. XVI, гл. XII.

стями для преуспѣяній своей карьеры [1]). И такъ какъ, по свойственной имъ слабости, гордость замѣняется у нихъ тщеславіемъ, то роскошь всегда царствуетъ вмѣстѣ съ ними [2]).

Въ деспотическомъ государствѣ женщины роскоши не вносятъ, но онѣ сами становятся тамъ предметами роскоши. Рабство ихъ должно быть чрезвычайнымъ. Каждый приноравливается къ духу правленія, и переноситъ къ себѣ то, что видѣлъ у другихъ. Такъ какъ законы тамъ очень строги и приводятся въ исполненіе немедленно, то люди боятся, чтобы свобода женщинъ не надѣлала имъ хлопотъ. Ихъ свары, ихъ болтливость, ихъ пристрастія, ихъ склонности, ихъ ревность, ихъ подстрекательство, это искусство мелкихъ душъ подчинять себѣ великія души, не могли бы тамъ остаться безъ послѣдствій [3]).

Кромѣ того, властители этихъ государствъ, издѣвающіеся надъ природой человѣческой, имѣютъ по нѣскольку женъ, которыхъ, по тысячѣ причинъ, они вынуждены держать взаперти.

Въ республикахъ женщины свободны по закону, а плѣнницы—въ силу нравовъ; роскошь изгнана изъ этихъ государствъ, а вмѣстѣ съ нею развратъ и пороки.

Въ греческихъ городахъ, гдѣ люди не исповѣдывали той религіи, которая чистоту нравовъ даже у мужчинъ почитаетъ частью добродѣтели: въ греческихъ городахъ, гдѣ темный порокъ господствовалъ во всей своей необузданности, между тѣмъ какъ чистая дружба находила себѣ пріютъ въ бракѣ [4]),—добродѣтель, искренность, цѣломудріе женщинъ достигли такой высоты, что не видано было въ мірѣ народа, столь благоустроеннаго въ этомъ отношеніи [5]).

ГЛАВА X.

О домашнемъ судѣ у римлянъ.

У римлянъ не было, какъ у грековъ, особыхъ должностныхъ лицъ для надзора за поведеніемъ женщинъ. Цензоры наблюдали за ними, какъ и за всѣмъ прочимъ въ республикѣ. Учрежденіе домашняго суда [6]) яви-

---

[1]) *Персидскія письма*, CXII, рус. пер. стр. 232.

[2]) Не обладаютъ ли честью также и женщины въ монархіи? *Я слишкомъ бѣдна, чтобы быть вашей женой, и изъ слишкомъ хорошей семьи, чтобы быть вашей любовницей*, сказала Катерина де Роганъ Генриху IV.

[3]) Ниже, кн. XVI, 9.

[4]) Что-же касается до настоящей любви, говоритъ Плутархъ, то женщины нисколько ей не причастны. *Нравственныя сочиненія*, трактатъ *О любви*, стр. 600. Онъ говорилъ въ духѣ своего времени. Читайте у Ксенофонта діалогъ подъ заглавіемъ *Гіеронъ*. (М.). Это говоритъ не Плутархъ, а одно изъ лицъ діалога.

[5]) Въ Аѳинахъ былъ особый чиновникъ, наблюдавшій за поведеніемъ женщинъ. (М.).

[6]) Судя по Діонисію Галикарнасскому (кн. II, стр. 96). этотъ судъ былъ, повидимому, учрежденъ Ромуломъ. (М.).

лось замѣной этихъ установленныхъ у грековъ должностей [1]). Мужъ созывалъ родителей жены и судилъ ее въ ихъ присутствіи [2]). Этотъ судъ поддерживалъ чистоту нравовъ въ республикѣ, но и самъ онъ поддерживался этими нравами. Онъ долженъ былъ судить не только за беззаконія, но и за безнравственность. Но чтобы судить безнравственность, надо имѣть установившіеся нравы.

Наказанія, налагаемыя этимъ судомъ, могли быть только произвольными, какими они на самомъ дѣлѣ и были, такъ какъ все, что касается нравовъ, все, что относится къ правиламъ скромности, не можетъ быть опредѣлено въ сводѣ законовъ. Законами можно опредѣлять наши обязанности къ другимъ; но трудно обнять ими всѣ наши обязанности къ себѣ самимъ [3]).

Вѣдомство домашняго суда распространялось на все поведеніе женщинъ. Но въ числѣ преступленій, подлежащихъ его приговорамъ, было одно, которое подлежало еще и публичному обвиненію; такимъ преступленіемъ было именно прелюбодѣяніе, потому ли, что въ республикѣ такое нарушеніе нравовъ по важности своей должно было обратить на себя особенное вниманіе правительства; потому ли, что развратное поведеніе жены заставляло подозрѣвать въ томъ же и ея мужа, или, наконецъ, вслѣдствіе опасенія, что порядочные люди предпочтутъ скрывать и оставлять безъ послѣдствій это преступленіе, чѣмъ карать и мстить за него [4]).

ГЛАВА XI.

Какъ въ Римѣ учрежденія измѣнялись вмѣстѣ съ правленіемъ.

Какъ домашній судъ, такъ публичное обвиненіе имѣли предметомъ нравы, вслѣдствіе чего оба эти учрежденія пали вмѣстѣ съ нравами и исчезли вмѣстѣ съ республикой [5]).

Установленіе questiones perpetuae, т. е. распредѣленія судебнаго вѣдомства между преторами, и все болѣе и болѣе утверждавшійся обычай, по

---

[1]) Въ XXXIV кн. Тита Ливія разсказано о дѣйствіяхъ этого суда во время заговора вакханалій: собранія, гдѣ развращались нравы женщинъ и юношей, были названы заговоромъ противъ республики. (М).

[2]) Изъ книги II Діонисія Галикарнасскаго видно, что, по правиламъ учрежденія Ромула, мужъ судилъ одинъ въ присутствіи родственниковъ жены въ обыкновенныхъ случаяхъ; въ случаяхъ же болѣе важныхъ, онъ судилъ ее вмѣстѣ съ пятью изъ этихъ ея родственниковъ. Поэтому Ульпіанъ, въ ст. VI, § 9, 12 и 13-мъ раздѣляетъ суда нравовъ на болѣе и менѣе важные: *mores graviores, mores leviores.* (М.).

[3]) Таково различіе между правомъ и моралью. Законъ, созданный для поддержанія общества, долженъ ограничиться преслѣдованіемъ дѣйствій, возмущающихъ общество. Иначе онъ выродится въ тираннію.

[4]) См. кн. V, гл. VII.

[5]) *Iudicio de moribus (quod antea quidem in antiquis legibus positum erat, non autem frequentabatur) penitus abolitio.* L. 11, § 2, *Cod. de repud.* (М.).

которому всѣ дѣла должны были быть судимы самими этими преторами [1]). ослабили дѣятельность домашняго суда до такой степени, что когда Тиверій призвалъ его къ рѣшенію нѣсколькихъ дѣлъ, историки уже увидѣли въ этомъ нѣчто совсѣмъ необычное и даже какъ бы возстановленіе практики старины [2]).

Съ установленіемъ монархіи и перемѣной въ нравахъ прекратилось и публичное обвиненіе. Можно было опасаться, чтобы люди безчестные, оскорбленные презрѣніемъ къ нимъ женщины, раздосадованные ея упорствомъ, озлобленные самою ея добродѣтелью, не замыслили ее погубить. Lex Julia предписалъ, чтобы каждому обвиненію женщины въ прелюбодѣяніи предшествовало обвиненіе ея мужа въ потворствѣ ея распутству; что значительно сократило число этихъ обвиненій и, такъ сказать, подорвало ихъ [3]).

Сикстъ Пятый хотѣлъ, повидимому, возстановить публичное обвиненіе [4]). Но немного надо размышлять, чтобы увидѣть, что этотъ законъ, въ такой монархіи, какъ его собственная, былъ еще болѣе неумѣстенъ, чѣмъ во всякой другой монархіи.

ГЛАВА XII.

Объ опекѣ надъ женщинами у римлянъ.

По законамъ римскимъ женщины находились въ постоянной опекѣ, если онѣ не состояли подъ властью мужа [5]). Эта опека поручалась ближайшимъ родственникамъ изъ мужчинъ и, судя по народной поговоркѣ [6]), она очень стѣсняла ихъ. Это было хорошо для республики, но не было необходимо въ монархіи [7]).

Судя по различнымъ сборникамъ «законовъ варваровъ», кажется, что у первобытныхъ германцевъ женщины тоже состояли въ постоянной опекѣ [8]). Этотъ обычай перешелъ въ основанныя ими монархіи; но не удержался тамъ.

---

[1]) *Judicia extraordinaria.* (М.).

[2]) Тацитъ *Анналы*, II, 50.

[3]) Константинъ совсѣмъ отмѣнилъ ихъ. «Возмутительно, говорилъ онъ, давать возможность дерзости чужихъ людей возмущать покой мирныхъ супружествъ». (М.).

[4]) Сикстъ V предписалъ казнить смертью мужа, который не обратился бы къ нему съ жалобой на распутство своей жены. См. Лети, *Жизнь Сикста V.* (М.). Это разсужденіе монаха. (Гэльвецій).

[5]) *Nisi convenissent in manum viri.* (М.).

[6]) *Ne sis mihi patruus oro.* (М.).

[7]) По закону Папія, изданному во время Августа, женщины, имѣющія трехъ дѣтей, освобождались отъ этой опеки. (М.).

[8]) Она называлась у нихъ. *Mundeburdium.* (М.).

ГЛАВА XIII.

О законахъ, установленныхъ императорами противъ женскаго распутства.

Законъ Юліевъ назначилъ наказаніе за прелюбодѣянія. Но, какъ этотъ законъ, такъ и созданные вслѣдъ за нимъ по тому же предмету законы, не только что не свидѣтельствовали о доброкачественности нравовъ, но служили, напротивъ, признакомъ ихъ испорченности.

Вся прежняя политическая система, по отношенію къ женщинамъ, измѣнилась во время монархіи. Рѣчь шла уже не о томъ, чтобы воспитать въ нихъ чистоту нравовъ, а о томъ, чтобы наказывать ихъ преступленія. Новые законы о наказаніяхъ за эти преступленія издавались только потому, что уже перестали наказывать нарушенія, не входившія въ разрядъ этихъ преступленій.

Страшная распущенность нравовъ обязывала императоровъ придумывать законы для того, чтобы положить нѣкоторый предѣлъ безстыдству. Но задача общаго исправленія нравовъ не входила въ ихъ намѣренія. Положительные факты, сообщаемые историками, служатъ тому доказательствомъ, котораго не опровергнутъ никакіе законы. Можно видѣть у Діона, каково было въ этомъ отношеніи поведеніе Августа, и какъ онъ, въ должности претора и цензора, отклонялъ обращенныя къ нему предложенія по этому предмету [1]).

У историковъ, правда, можно найти не мало суровыхъ приговоровъ, состоявшихся при Августѣ и Тиверіи противъ безстыдныхъ поступковъ римскихъ дамъ; но, знакомя насъ съ духомъ этого царствованія, они ознакомили насъ и съ духомъ этихъ приговоровъ.

Августъ и Тиверій заботились главнымъ образомъ о наказаніи распутства своихъ родственницъ. Они карали не разнузданность нравовъ, но опредѣленныя преступленія противъ благочестія или величества [2]), которыя они выдумали сами, какъ средства возстановить почтеніе къ власти и удобные предлоги для своей мести. Вотъ почему римскіе писатели такъ сильно возстаютъ противъ этой тиранніи.

---

[1]) Когда къ нему привели молодого человѣка, женившагося на женщинѣ, съ которой онъ прежде былъ въ связи, онъ долго колебался, не рѣшаясь ни оправдать, ни наказать его. Наконецъ, собравшись съ духомъ, онъ сказалъ: «Смуты надѣлали намъ много волъ, предадимъ ихъ забвенію» (Діонъ, кн. LIV, гл. XVI). Когда сенаторы обратились къ нему съ вопросомъ объ установленіи правилъ, касающихся нравовъ женщинъ, онъ уклонился отъ отвѣта, предложивъ имъ исправлять своихъ женъ такъ, какъ онъ самъ исправляетъ свою жену, вслѣдствіе чего сенаторы просили его повѣдать имъ, какими мѣрами онъ справляется съ своей супругой. (Вопросъ, кажется, довольно нескромный). (М.).

[2]) *Culpam inter viros et feminas vulgatam, gravi nomine laesarum religionum, ac violatae majestatis appellando, clementiam majorum suasque ipse leges egrediabatur.* Тацитъ, Анналы, кн. III, гл. XXIV. (М.).

Кары, установленныя закономъ Юлія, не были суровы [1]). Императоры требовали, чтобы наказанія, установленныя созданнымъ ими закономъ, были увеличиваемы судьями. За это они навлекли на себя поношенія историковъ. Они заботились не о томъ, справедливо ли были наказаны женщины, а о томъ, былъ ли нарушенъ законъ для того, чтобы наказать ихъ.

Одна изъ главныхъ тираній Тиверія [2]) заключалась въ злоупотребленіи, которое онъ дѣлалъ изъ древнихъ законовъ. Желая наказать одну римлянку выше мѣры, установленной закономъ Юлія, онъ возстановилъ для этого случая домашній судъ [3]).

Всѣ эти мѣры относительно женщинъ касались не народа, а только семействъ сенаторовъ. Онѣ были внушены желаніемъ имѣть предлоги для обвиненія сильныхъ, а дурное поведеніе женщинъ могло доставить безчисленное множество такихъ предлоговъ.

Наконецъ, сказанное мною о томъ, что доброкачественность нравовъ не есть принципъ правленія единоличнаго [4]), получаетъ самое лучшее свое оправданіе въ царствованіе этихъ первыхъ императоровъ, и если кто усомнится въ этомъ, то пусть только прочтетъ Тацита, Светонія, Ювенала и Марціала.

ГЛАВА XIV.

О законахъ противъ роскоши у римлянъ.

Мы говорили о публичной непристойности, потому что она находится въ связи съ роскошью, всегда предшествуетъ ей и всегда за нею слѣдуетъ. Давъ полную свободу порывамъ сердца, будете ли вы въ силахъ противиться заблужденіямъ разсудка?

Въ Римѣ, независимо отъ общихъ учрежденій, было по настоянію цензоровъ издано нѣсколько частныхъ законовъ для удержанія женщинъ въ границахъ умѣренности. Законы Фаннія, Лицинія и Оппія преслѣдовали эту цѣль [5]). Надо видѣть у Тита Ливія [6]), въ какомъ возбужденіи

---

[1]) Этотъ законъ находится въ *Дигестахъ*, но безъ означенія постановленнаго имъ наказанія. Полагаютъ, что оно заключалось въ ссылкѣ, такъ какъ за кровосмѣшеніе карали только изгнаніемъ. L. *Siquis viduam*, *ff. de quest.* (М.) Тацитъ, *Анналы*, кн. II, гл. I.

[2]) Proprium id Tiberio fuit, scelera nuper reperta priscis verbis obtegere. Тацитъ, *Анналы*, кн. IV, гл. XIX. (М.).

[3]) *Adulterii graviorem poenam deprecatus, ut, exemplo majorum, propinquis suis ultra ducentesimum lapidem removeretur, suasit. Adultero Manlio Italia atque Africa interdictum est.* Тацитъ, *Анналы*, кн. II, гл. L. (М.). Тиверій требовалъ не усиленія, а смягченія кары.

[4]) Ему слишкомъ выгодно поощрять развратъ: ничто не способно такъ отвлекать людей отъ общественныхъ дѣлъ. (Гельвецій).

[5]) Нигдѣ не сказано, чтобы эти законы были изданы по настоянію или предложенію цензоровъ. Консулы или трибуны, предложившіе ихъ, дѣйствовали по должности, не имѣя никакой надобности въ побужденіи со стороны цензоровъ. Законы Фаннія и Лицинія не касались исключительно женщинъ. Они опредѣляли и ограничивали расходы на столъ. (Кревье).

[6]) *Декада* IV, кн. IV. (М.).

находился сенатъ, когда отъ него потребовали отмѣны закона Оппія. Валерій-Максимъ считаетъ начало роскоши со времени уничтоженія этого закона.

ГЛАВА XV.

О приданомъ и матеріальныхъ послѣдствіяхъ брака въ разныхъ правленіяхъ.

Въ монархіяхъ приданое женщинъ должно быть значительно, чтобы мужья ихъ могли поддерживать образъ жизни, соотвѣтственный ихъ положенію и требованіямъ общепринятой роскоши [1]). Оно не должно быть велико въ республикахъ, гдѣ роскошь не должна царствовать [2]). Оно должно почти совсѣмъ отсутствовать въ государствахъ деспотическихъ, гдѣ женщины находятся въ болѣе или менѣе рабскомъ состояніи.

Установленная французскими законами общность имущества между мужемъ и женой весьма умѣстна въ государствѣ монархическомъ, такъ какъ она пріохочиваетъ женщинъ къ хозяйству, и, какъ бы невольно, привлекаетъ ихъ къ домашнимъ заботамъ. Она менѣе умѣстна въ республикѣ, гдѣ женщины болѣе добродѣтельны. Она была бы нелѣпостью въ государствахъ деспотическихъ, гдѣ женщины сами являются частью имущества своего господина.

Такъ какъ женщины по самому положенію своему достаточно наклонны къ замужеству, то было бы безполезно [3]) поощрять ихъ къ этому законами, предоставляющими имъ долю въ имуществѣ мужа. Такіе законы были бы очень вредны въ республикѣ въ виду того, что ихъ отдѣльныя имущества порождаютъ роскошь. Въ государствахъ деспотическихъ всѣ выгоды брака для женщинъ должны заключаться лишь въ средствахъ существованія, и ни въ чемъ болѣе этого.

ГЛАВА XVI.

Прекрасный обычай самнитянъ [4]).

У самнитянъ былъ обычай, который, въ республикѣ небольшого размѣра, и особенно при томъ положеніи, въ какомъ находилась ихъ рес-

[1]) Ниже, XXVII, гл. I въ концѣ. Повторяю уже сдѣланное мною замѣчаніе. Говоря о монархіи, т. е. о Франціи, Монтескье всегда имѣетъ въ виду одни привилегированные классы. Для него, какъ и для его современниковъ, народъ не существуетъ.

[2]) Марсель была самая благоразумная изъ республикъ его времени; цѣнность приданаго тамъ не должна была превосходить ста экю въ деньгахъ и пяти въ платьѣ, говоритъ Страбонъ въ кн. IV-ой. (М.).

[3]) Кто участвуетъ въ трудѣ, долженъ участвовать и въ прибыли. (Гельвецій). Нельзя считать безполезнымъ обезпеченіе существованія жены, у которой смерть унесла мужа; въ этомъ и заключается цѣль брачныхъ контрактовъ; но почему закону быть менѣе внимательнымъ къ тѣмъ, которые не заключили контракта?

[4]) Авторъ принялъ здѣсь сунитовъ, народъ Сарматіи, за итальянскій народъ—самнитянъ; Стобей называетъ ихъ *Sumnitae*. (Дюпенъ).

публика, долженъ былъ произвести превосходныя послѣдствія. Тамъ собирали всѣхъ молодыхъ людей и оцѣнивали ихъ достоинства. Тотъ, кто былъ объявленъ самымъ лучшимъ, бралъ себѣ въ жены какую хотѣлъ изъ дѣвицъ; слѣдующій за нимъ по достоинству дѣлалъ такой-же выборъ, и такъ далѣе [1]). Великолѣпенъ былъ этотъ обычай цѣнить въ молодыхъ людяхъ выше всего ихъ личныя достоинства и заслуги, оказанныя ими отечеству [2]). Кто былъ богаче всѣхъ такого рода благами, тотъ могъ выбирать любую дѣвушку во всемъ государствѣ. Любовь, красота, цѣломудріе, происхожденіе, даже богатство—все это, такъ сказать, шло въ приданое къ добродѣтели. Трудно было бы изобрѣсти награду болѣе благородную, болѣе великую, менѣе обременительную для небольшого государства и болѣе способную вліять на лицъ того и другого пола.

Самнитяне происходили отъ лакедемонянъ, и Платонъ, учрежденія котораго не болѣе какъ усовершенствованіе законовъ Ликурга, тоже создалъ почти такой-же законъ [3]).

ГЛАВА XVII.

О правленіи женщинъ.

Противно и разуму и природѣ ставить женщинъ во главѣ дома, какъ это было у египтянъ [4]); но ни тому ни другому не противно ставить ихъ во главѣ управленія государствомъ. Въ первомъ случаѣ свойственная имъ слабость не позволяетъ имъ преобладать; во второмъ же случаѣ эта самая слабость придаетъ ихъ управленію поболѣе той кротости и умѣренности, которыя гораздо нужнѣе для образованія хорошаго правительства, чѣмъ болѣе суровыя и свирѣпыя нравственныя качества.

Въ Индіи людямъ очень хорошо живется подъ управленіемъ женщинъ; и тамъ установлено, что, если дѣти мужского пола не происходятъ отъ матери той-же крови, то на престолъ вступаютъ женщины, рожденныя отъ матери царской крови [5]). Чтобы облегчить имъ бремя правленія, имъ даютъ извѣстное количество помощниковъ. По М. Смиту [6]), африканцы тоже очень хорошо уживаются съ женскимъ правленіемъ. Прибавивъ къ этому примѣры государства Московскаго и Англіи [7]), мы увидимъ, что

---

[1]) Фрагментъ Николая Дамасскаго, заимствованный у Стабея въ *Сборникѣ* Константина Порфиророднаго. (М.).

[2]) Не менѣе великолѣпно было бы освѣдомиться о мнѣніи дѣвушки, прежде чѣмъ назначить ей супруга.

[3]) Онъ даже дозволяетъ имъ болѣе частыя свиданія. (М.).

[4]) *Персидскія письма*. XXXVIII, рус. пер. стр. 74; *Храмъ въ Книдѣ*, пѣснь III-я.

[5]) *Поучительныя письма*, 14-е собраніе. (М.).

[6]) *Путешествіе по Гвинеѣ*, вторая часть, стр. 165 перевода; въ царствѣ Ангона, на Золотомъ берегу. (М.).

[7]) Елизавета и Анна въ Англіи; Екатерина I, Анна и Елисавета въ Московскомъ государствѣ.

онѣ одинаково преуспѣваютъ и въ государствахъ умѣреннаго образа правленія, и въ государствахъ деспотическихъ.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

О разложеніи принциповъ трехъ видовъ правленія.

ГЛАВА I.

Общая идея этой книги.

Разложеніе каждаго правленія почти всегда начинается съ разложенія принциповъ.

ГЛАВА II.

О разложеніи принципа демократіи.

Принципъ демократіи разлагается не только, когда утрачивается духъ равенства, но также и тогда, когда онъ доводится до крайности, и каждый хочетъ быть равнымъ тѣмъ, которыхъ онъ избралъ въ свои правители. Въ такомъ случаѣ народъ, не выносящій имъ-же создаваемыхъ властей, хочетъ все дѣлать самъ: совѣщаться вмѣсто сената, управлять вмѣсто чиновниковъ и судить вмѣсто судей.

Тогда уже въ республикѣ нѣтъ мѣста для добродѣтели. Народъ хочетъ исполнять обязанности правителей—значитъ правителей уже не уважаютъ. Совѣщанія сената не имѣютъ болѣе вѣса,—значитъ нѣтъ болѣе почтенія къ сенаторамъ, а слѣдовательно и къ старцамъ. Но если нѣтъ почтенія къ старцамъ, то его не будетъ и къ отцамъ; мужьямъ не повинуются, господамъ не подчиняются; всѣ возлюбятъ духъ своеволія; трудъ управленія станетъ столь-же тягостнымъ, какъ и обязанность послушанія. Дѣти, женщины, рабы забудутъ о покорности. Не будетъ болѣе нравственности, любви къ порядку, не будетъ болѣе добродѣтели.

Въ Пирѣ Ксенофонта [1]) есть очень наивное изображеніе республики, гдѣ народъ злоупотребилъ равенствомъ. Участники пира высказываютъ поочередно причины, почему каждый изъ нихъ доволенъ собою. «Я доволенъ собою, говоритъ Хармидъ, потому что бѣденъ. Когда я былъ богатъ, я вынужденъ былъ заискивать у клеветниковъ, зная, что они могутъ причинить мнѣ зла гораздо болѣе, чѣмъ я имъ; республика постоянно требовала отъ меня денегъ; я никуда не могъ отлучиться. Съ тѣхъ поръ какъ я обѣднѣлъ, я сталъ господиномъ; никто мнѣ не угрожаетъ, я самъ угрожаю другимъ; хочу—сижу дома, хочу—уйду. Уже богачи, за-

[1]) Гл. IV. Платонъ, *Республ.*, кн. VIII.

видя меня, поднимаются и уступаютъ мнѣ мѣсто. Я царь, а былъ рабомъ; я платилъ дань республикѣ, а теперь она меня кормитъ; я уже не боюсь разориться, а надѣюсь пріобрѣтать».

Народъ постигаетъ такое несчастіе, когда тѣ, которымъ онъ довѣрился, стараются его развратить, желая этимъ скрыть свою собственную испорченность. Чтобы онъ не увидѣлъ ихъ властолюбія, они говорятъ ему о величіи; чтобы онъ не замѣтилъ ихъ алчности, они постоянно льстятъ его собственной алчности.

Развратъ будетъ усиливаться среди развратителей и тѣхъ, которые уже развращены. Народъ подѣлится казной; и такъ какъ онъ сочеталъ свою лѣнь съ завѣдываніемъ общественными дѣлами, то ему захочется сочетать свою бѣдность съ наслажденіями роскоши. Но при его лѣни и при его роскоши единственною цѣлью его стремленій можетъ быть только общественная казна.

Не удивительно, поэтому, если голоса будутъ продаваться за деньги. Народу даютъ много только для того, чтобы получить отъ него еще больше. Но чтобы получить это большее, надо будетъ произвести государственный переворотъ. Чѣмъ значительнѣе будутъ казаться народу выгоды, извлекаемыя имъ изъ своей свободы, тѣмъ ближе онъ будетъ къ моменту, когда придется утратить ее. Въ средѣ его образуются мелкіе тираны со всѣми пороками одного большого. Вскорѣ все, что осталось отъ свободы, становится невыносимо тяжкимъ; тогда возвышается одинъ тиранъ, и народъ теряетъ все, до самыхъ выгодъ своей испорченности.

Итакъ, демократія должна избѣгать двухъ крайностей: духа неравенства, который ведетъ ее къ аристократіи или правленію одного; и духа доведеннаго до крайности равенства, которое заканчивается деспотизмомъ одного, столь-же неминуемо, какъ деспотизмъ одного заканчивается завоеваніемъ.

Правда, что люди, развращавшіе греческія республики, не всегда дѣлались тиранами. Это потому, что они болѣе были опытны въ краснорѣчіи, чѣмъ въ данномъ искусствѣ; кромѣ того, въ сердцѣ каждаго грека жила неумолимая ненависть противъ всѣхъ, ниспровергавшихъ республиканское правленіе; вслѣдствіе всего этого анархія довела ихъ до гибели, вмѣсто того, чтобы преобразоваться въ тираннію.

Но Сиракузы, которые находились въ центрѣ множества маленькихъ олигархій, обратившихся въ тиранніи [1]); Сиракузы, гдѣ былъ сенатъ [2]), о которомъ нѣтъ почти помину въ исторіи, подверглись бѣдствіямъ, превышающимъ послѣдствія обыкновенной испорченности. Этотъ городъ, вѣчно

---

[1]) Чит. у Плутарха, *Жизнеописаніе Тимолеона и Діона.* (М.).

[2]) Это тотъ сенатъ шестисотъ, о которомъ говоритъ Діодоръ въ кн. XIX, гл. V. (М.).

переходившій отъ безначалія [1]) къ рабству; одинаково терзаемый и своей свободой и своимъ порабощеніемъ, которыя всегда, подобно бурѣ, налетали на него; городъ, въ которомъ, несмотря на его внѣшнее могущество, при малѣйшей поддержкѣ извнѣ вспыхивали революціи, вмѣщалъ въ своихъ нѣдрахъ громадное населеніе, вся исторія котораго заключалась въ жестокой альтернативѣ: или поставить надъ собою тирана, или быть самому тираномъ [2]).

ГЛАВА III.

О духѣ крайняго равенства.

Какъ небо далеко отъ земли, такъ духъ истиннаго равенства далекъ отъ духа равенства, доведеннаго до крайности. Первый состоитъ не въ томъ, чтобы всѣ повелѣвали или никто-бы не повелѣвалъ, а въ томъ, чтобы повелѣвать равнымъ себѣ людямъ. Онъ стремится не къ тому, чтобы надъ нами не было высшихъ, но чтобы наши высшіе были намъ равны.

Въ природномъ состояніи люди рождаются равными, но не могутъ удержаться въ этомъ равенствѣ; общество отнимаетъ его у нихъ, и они вновь становятся равными лишь благодаря законамъ [3]).

Различіе между правильной демократіей и неправильной заключается въ томъ, что въ первой люди равны только какъ граждане, между тѣмъ какъ во второй они равны еще и какъ правители, какъ сенаторы, какъ отцы, какъ мужья и какъ господа.

Естественное мѣсто для добродѣтели — рядомъ со свободой; но рядомъ съ крайней свободой она бываетъ только тогда, когда уже находится рядомъ съ рабствомъ.

ГЛАВА IV.

Особенная причина испорченности народа.

Великіе успѣхи, особенно достигнутые при большомъ содѣйствіи народа, внушаютъ ему такую гордость, что руководить имъ становится невозможно. Завидуя должностнымъ лицамъ и враждуя съ правителями, онъ вскорѣ становится врагомъ всего государственнаго строя. Вотъ почему

---

[1]) Изгнавъ тирановъ, сиракузцы приняли въ число гражданъ иностранцевъ и наемныхъ солдатъ, что причинило междоусобныя войны. Аристотель, *Политика*, кн. V, гл. III. Устройство республики измѣнилось вслѣдствіе того, что честь побѣды надъ аѳинянами принадлежала народу, *ibid*, гл. IV. Страсти двухъ молодыхъ правителей, изъ коихъ первый похитилъ у второго мальчика, а второй соблазнилъ жену перваго, повели къ измѣненію формы этой республики, *ibid.*, кн. VII, гл. IV. (М.).

[2]) Рисуя эту превосходную картину излишествъ, губящихъ демократію, Монтескье, подобно Цицерону, вдохновлялся Платономъ, котораго онъ не однажды переводилъ. Платонъ, *Республ.*, кн. VIII; Цицеронъ, *de Rep.*, кн. I, XLII и XLIV.

[3]) Ср. кн. I главы II и III.

побѣда надъ персами при Саламинѣ развратила аѳинскую республику [1]; вотъ почему побѣда сиракузянъ надъ аѳинянами погубила республику сиракузскую [2]).

Марсельская республика никогда не испытывала этихъ великихъ переходовъ отъ униженія къ величію, поэтому она всегда управлялась благоразумно, поэтому она и сохранила свои принципы.

ГЛАВА V.

О разложеніи принципа аристократіи.

Аристократія повреждается, когда власть знати станетъ произвольной: при этомъ уже не можетъ быть добродѣтели ни у тѣхъ, которые управляютъ, ни у тѣхъ, которыми управляютъ.

Когда правящія фамиліи соблюдаютъ законы, аристократія подобна хорошей по своей природѣ монархіи съ нѣсколькими государями; почти всѣ эти государи ограничены законами. Въ случаѣ-же несоблюденія законовъ—это деспотическое государство со многими деспотами.

Въ такомъ случаѣ республика существуетъ лишь для знати и среди знати. Она сосредоточена въ корпораціи управляющихъ, между тѣмъ какъ классъ управляемыхъ живетъ въ государствѣ деспотическомъ, что приводитъ къ образованію двухъ самыхъ разъединенныхъ классовъ въ мірѣ.

Испорченность достигаетъ высшей степени, когда власть знати станетъ наслѣдственной [3]). Такіе властители утрачиваютъ всякую умѣренность. Чѣмъ меньше ихъ число, тѣмъ больше ихъ власть и тѣмъ меньше ихъ безопасность; чѣмъ больше они числомъ, тѣмъ менѣе у нихъ власти и тѣмъ болѣе у нихъ безопасности: такъ что власть и безопасность слѣдуютъ въ обратномъ отношеніи другъ къ другу вплоть до самаго деспота, въ лицѣ котораго крайняя степень власти соединяется съ крайнею степенью опасности.

Поэтому, въ наслѣдственной аристократіи, при большомъ количествѣ благородныхъ, правленіе будетъ менѣе насильственнымъ; но такъ какъ въ немъ будетъ мало добродѣтели, то духъ легкомыслія, небреженія и лѣни овладѣетъ имъ, и государство лишится и силы, и средствъ дѣятельности [4]).

Аристократія можетъ сохранить силу своего принципа, если законы установятъ такой порядокъ, что опасности и тягости правленія станутъ для нея болѣе чувствительными, чѣмъ доставляемыя имъ наслажденія; и если государство будетъ находиться въ положеніи, заставляющемъ его быть

---

[1]) Аристотель, *Политика*, кн. V, гл. IV. (М.).

[2]) *Ibid.* (М.).

[3]) Аристократія обращается въ олигархію. (М.).

[4]) Изъ всѣхъ республикъ Венеція лучше всего сумѣла исправить своими законами недостатки наслѣдственной аристократіи. (М.).

насторожѣ противъ какой-нибудь угрожающей ему опасности; и если опасность угрожаетъ ему извнѣ, а залоги безопасности находятся внутри его.

Нѣкоторая степень спокойнаго довѣрія необходима для славы и безопасности монархіи; республика же, наоборотъ, должна всегда чего-нибудь опасаться [1]). Страхъ персовъ поддерживалъ законный порядокъ у грековъ. Карѳагенъ и Римъ взаимными угрозами укрѣпляли другъ друга. Удивительная вещь! Чѣмъ болѣе увеличивалась безопасность этихъ государствъ, тѣмъ болѣе они, какъ застоявшіяся воды, подвергались порчѣ.

ГЛАВА VI.

О разложеніи принципа монархіи.

Какъ демократіи погибаютъ, когда народъ лишаетъ правителей и судей отправленія ихъ служебныхъ обязанностей, такъ монархіи разлагаются, когда мало-по-малу отмѣняются прерогативы сословій и привилегіи городовъ [2]). Въ первомъ случаѣ идутъ къ деспотизму всѣхъ; во второмъ — къ деспотизму одного.

«Династіи Тзинъ и Суи, говоритъ китайскій писатель, погибли по той причинѣ, что государи, вмѣсто того, чтобы ограничиться единственнымъ достойнымъ самодержца дѣломъ—общимъ надзоромъ за управленіемъ, захотѣли всѣмъ управлять непосредственно сами» [3]). Китайскій писатель даетъ намъ здѣсь причину порчи всѣхъ почти монархій.

Монархія гибнетъ, когда государь полагаетъ, что онъ выкажетъ болѣе могущества, измѣняя порядокъ вещей, чѣмъ соблюдая его; когда онъ у однихъ отнимаетъ естественно принадлежащія имъ должности, чтобы произвольно передать ихъ другимъ, и когда онъ болѣе влюбленъ въ свои фантазіи, чѣмъ въ рѣшенія собственной своей воли.

Монархія погибаетъ, когда государь, все относя единственно къ самому себѣ, сводитъ государство къ своей столицѣ, столицу—къ своему двору, а свой дворъ—къ своей особѣ [4]).

Наконецъ, она гибнетъ, когда государь не знаетъ силы своей власти, условій своего положенія, любви своихъ народовъ, и когда онъ не проникся сознаніемъ, что монарху столь-же свойственно вѣрить въ свою безопасность, какъ деспоту считать себя въ постоянной опасности.

---

[1]) Юстинъ приписываетъ смерти Эпаминонда упадокъ добродѣтели въ Аѳинахъ. Не будучи возбуждаемы соревнованіемъ, аѳиняне стали тратить свои доходы на устройство празднествъ, *frequentus coenat quam castra virentes.* Тогда то македоняне и выступили изъ неизвѣстности, кн. VI, гл. IX. (М.).

[2]) Что и дѣлалось Валуа и Бурбонами.

[3]) *Компиляція сочиненій, написанныхъ во время династіи Минювъ*, въ сообщеніи О. Дю Гальда. *Описаніе Китая*, т. II, стр. 648. (М.). Другими словами, умѣренныя монархіи погибаютъ отъ централизаціи. Ясно, что, говоря о Китаѣ, Монтескье мѣтилъ во французскую монархію.

[4]) Болѣе чѣмъ прозрачный намекъ на политику Людовика XIV.

ГЛАВА VII.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Принципъ монархіи разлагается, когда высшія должности въ государствѣ являются высшими ступенями рабства, когда сановниковъ лишаютъ уваженія народа и обращаютъ ихъ въ жалкое орудіе произвола.

Онъ разлагается еще болѣе, когда честь поставлена въ противорѣчіе съ почестями, такъ что можно быть въ одно и то же время покрытымъ безчестіемъ и украшеннымъ [1]) почестями [2]).

Онъ разлагается, когда государь замѣняетъ справедливость строгостью, когда онъ, подобно римскимъ императорамъ, носитъ голову Медузы на своей груди [3]); когда онъ усвоиваетъ себѣ тотъ грозный и ужасающій видъ, который Коммодъ велѣлъ придавать своимъ статуямъ [4]).

Принципъ монархіи разлагается, когда подлыя души чванятся величіемъ своего раболѣпія и думаютъ, что, будучи всѣмъ обязаны своему государю, они освобождаются отъ всякихъ обязанностей предъ своимъ отечествомъ.

Но если правда, что—какъ оно было видано во всѣ времена—по мѣрѣ того, какъ власть государя становится чрезмѣрной, безопасность его лица уменьшается; то люди, развращающіе его власть до извращенія ея природы, не совершаютъ-ли противъ него преступленія оскорбленія величества?.

ГЛАВА VIII.

Опасное слѣдствіе разложенія принципа монархическаго правленія.

Опасность не тогда, когда государство отъ одного умѣреннаго правленія переходитъ къ другому правленію того-же рода, какъ, напримѣръ, отъ монархіи къ республикѣ, или отъ республики къ монархіи; а въ томъ когда оно падаетъ и устремляется отъ умѣреннаго образа правленія къ деспотизму.

---

[1]) Во время Тиверія отдавали тріумфаторскія почести и воздвигали статуи доносчикамъ, чѣмъ эти почести были до того обезславлены, что стали предметомъ презрѣнія со стороны лицъ, дѣйствительно заслужившихъ ихъ.—Фрагментъ изъ Діона, кн. LVIII, гл. XIV, заимствованный изъ *Extrait des aertus et des vices* Конст. Порфиророднаго. Читайте у Тацита, какъ Неронъ, по случаю открытія и наказанія предполагаемаго заговора, даровалъ Петронію Турпиліану, Нервѣ и Тигеллину тріумфальныя почести. *Анналы*, кн. XV, гл. LXXII. Обратите также вниманіе на то, что полководцы гнушались войной, изъ презрѣнія къ доставляемымъ ею почестямъ. *Pervulgatis triumphi insignibus.* Тацитъ, *Анналы*, кн. XIII, гл. LIII. (М.).

[2]) Не намекъ ли это на кардинала Дюбуа?

[3]) Государь этого государства отлично понималъ принципъ своего управленія. (М.).

[4]) Геродіанъ. (М.). Кн. I. *Жизнь Коммода.*

Большая часть народовъ Европы еще управляется добрыми нравами. Но если-бы, вслѣдствіе долгаго злоупотребленія властью, или великой побѣды, деспотизмъ утвердился бы тамъ въ какомъ-нибудь пунктѣ, то никакіе нравы и климаты не устоятъ передъ нимъ, и природа человѣка, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, будетъ претерпѣвать тѣ же оскорбленія въ этой прекрасной части свѣта, которыя наносятся ей въ трехъ прочихъ.

ГЛАВА IX.

О стремленіи дворянства къ защитѣ трона.

Англійская знать похоронила себя вмѣстѣ съ Карломъ I подъ обломками трона; и прежде этого, когда во время Филиппа II во Франціи прозвучало слово—свобода, корона всегда находила себѣ поддержку въ этомъ дворянствѣ, которая ставитъ себѣ въ честь повиноваться королю, но сочло бы высшимъ безславіемъ для себя раздѣлить свою власть съ народомъ [1]).

Извѣстно, какъ неотступно домъ австрійскихъ государей притѣснялъ венгерское дворянство. Онъ не предвидѣлъ какія драгоцѣнныя услуги оно нѣкогда окажетъ ему. Онъ искалъ у этихъ народовъ денегъ, которыхъ у нихъ не было, и не обратилъ вниманія на людей, которыя тамъ были. Иностранные государи дѣлили между собою его государства, и всѣ составныя части его имперіи валились, такъ сказать, другъ на друга, какъ инертныя и безжизненныя массы. Жизнь была только въ дворянствѣ; подвинутое негодованіемъ, оно забыло свои обиды и бросилось въ бой, послушное голосу славы, призывавшей его простить и умирать [2]).

ГЛАВА X.

О разложеніи принципа государства деспотическаго.

Принципъ государства деспотическаго безпрерывно разлагается, потому что онъ испорченъ по самой своей природѣ. Другія государства гибнутъ вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, нарушающихъ ихъ принципы; это же погибаетъ вслѣдствіе своего внутренняго порока, если никакія случайныя причины не помѣшаютъ его принципу разлагаться. Поэтому, оно можетъ держаться лишь когда, по особеннымъ условіямъ климата, религіи, положенія или духа народнаго, оно вынуждено придерживаться какого-нибудь порядка и выносить какія-нибудь правила. Все это насилуетъ его природу, но не измѣняетъ ее; его свирѣпость остается при немъ; она только на нѣкоторое время укрощается.

---

[1]) Таковы были чувства дворянства въ 1789 г., и они были одной изъ существенныхъ причинъ, ускорившихъ паденіе монархіи.

[2]) Намекъ на *Moriamur pro rege nostro Maria Theresa* и на поведеніе венгерскаго дворянства во время войны 1741—1748 г. за наслѣдство австрійскаго престола.

ГЛАВА XI.

О естественныхъ послѣдствіяхъ здороваго и испорченнаго состоянія принциповъ.

Разъ принципы правленія находятся въ разложеніи, самые лучшіе законы становятся дурными и обращаются противъ государства; когда же принципы здравы, то и дурные законы производятъ послѣдствія хорошихъ; сила принципа все покоряетъ.

Чтобы содержать своихъ правителей въ постоянномъ подчиненіи законамъ, критяне придумали очень своеобразное средство: а именно *возстаніе*. Часть гражданъ возмущалась [1]), обращала въ бѣгство правителей и принимала ихъ обратно подъ извѣстнымъ условіемъ. Это считалось законнымъ образомъ дѣйствія. Кажется, что учрежденіе, обращавшее мятежъ въ средство противодѣйствія злоупотребленіямъ власти, должно бы погубить любую изъ республикъ, но оно не разрушило республики Крита, и вотъ почему [2]).

Желая указать народъ, отличавшійся самой сильной любовью къ отечеству, древніе обыкновенно указывали на критянъ. *Отечество, слово, столь дорогое критянамъ*, говоритъ Платонъ [3]). Они называли его словомъ, которое выражало любовь матери къ своимъ дѣтямъ [4]). Но любовь къ отечеству исправляетъ все.

Законы Польши тоже допускали *возстаніе*. Но проистекавшіе отъ этого неудобства удостовѣряютъ, что одинъ только народъ Крита былъ въ состояніи съ успѣхомъ пользоваться такимъ средствомъ.

Не менѣе зависѣли отъ хорошаго состоянія принципа правленія и установленныя у грековъ гимнастическія упражненія. «Лакедемоняне и критяне, говоритъ Платонъ [5]), первые открыли эти знаменитыя академіи, которыя дали имъ такое почетное положеніе въ свѣтѣ. Стыдливость вооружилась было противъ нихъ; но должна была склониться предъ общественной пользой. Во время Платона это были превосходныя учрежденія [6]),

---

[1]) Аристотель *Политика*, кн. II, гл. X.

[2]) Тамъ напередъ всегда соединялись противъ внѣшнихъ враговъ, что называли *синкретизмомъ*. Плутархъ, *Нравственныя сочиненія*, стр. 88. (М.).

[3]) *Республика*, кн. IX. (М.).

[4]) Плутархъ, *Моральныя сочиненія*, трактатъ: *Слѣдуетъ ли человѣку преклоннаго возраста участвовать въ общественныхъ дѣлахъ*. (М.).

[5]) *Республика*, кн. V. (М.).

[6]) Гимнастическія упражненія дѣлились на двѣ части: пляска и борьба. Въ Критѣ происходила пляска вооруженныхъ Куретовъ; въ Лакедемонѣ пляски Кастора и Поллукса; въ Аѳинахъ военныя пляски Паллады, весьма подходящія къ возрасту людей, слишкомъ еще молодыхъ для участія въ войнахъ. Борьба изображаетъ войну, говоритъ Платонъ. (*О законахъ*, кн. VII). Онъ хвалитъ древность за то, что она установила лишь два танца: мирный и воинственный. Объ отношеніяхъ этого послѣдняго танца къ военному искуству читайте въ той же кн. *Республ.* Платона. (М.).

связанныя съ великимъ дѣломъ военнаго искусства. Но когда греки утратили добродѣтель, онѣ обратились на пагубу даже и этому искусству; гимнастическую арену стала посѣщать не для развитія тѣла, а для того, чтобы развращать другъ друга [1]).

Плутархъ говоритъ [2]), что современные ему римляне, думали, что эти гимнастическія игры были главной причиной рабства грековъ; на самомъ-же дѣлѣ было наоборотъ: рабство грековъ явилось причиной извращенія смысла этихъ гимнастическихъ игръ. Во времена Плутарха [3]), гимнастическіе бои въ нагомъ видѣ и упражненія въ борьбѣ развращали молодыхъ людей, внушали имъ гнусную страсть и дѣлали изъ нихъ гаеровъ; между тѣмъ, какъ во времена Эпаминонда, благодаря тѣмъ-же самымъ боевымъ упражненіямъ, ѳиванцы могли одержать побѣду подъ Левктрами [4]).

У государства, не утратившаго своихъ принциповъ, всѣ почти законы хороши; «не жидкость въ сосудѣ испортилась, а самый сосудъ испорченъ» [5]), размышляя о богатствахъ, сказалъ Эпикуръ.

ГЛАВА XII.

Продолженіе о томъ-же предметѣ.

Въ Римѣ брали судей изъ сословія сенаторовъ. Гракхи перенесли эту прерогативу на всадниковъ. Друзъ далъ ее сенаторамъ и всадникамъ; Сулла—однимъ сенаторамъ, Котта—сенаторамъ, всадникамъ и трибунамъ общественной казны (Tribuni aerarii). Цезарь исключилъ послѣднихъ. Антоній образовалъ декуріи сенаторовъ, всадниковъ и центуріоновъ.

Когда республика испорчена, ни одинъ изъ рождающихся въ ней недуговъ не можетъ быть исцѣленъ иначе, какъ посредствомъ устраненія этой испорченности и возстановленія принциповъ; всякое другое леченіе или будетъ безполезно, или явится новымъ зломъ. Пока Римъ сохранялъ свои принципы, можно было, не опасаясь злоупотребленій, поручить судебные приговоры сенаторамъ; когда же онъ оказался испорченнымъ, то кому-бы ихъ ни вручали: сенаторамъ, всадникамъ, трибунамъ, двумъ-ли изъ этихъ корпорацій, или всѣмъ тремъ вмѣстѣ, или какой-бы то ни было

---

[1]) ..... Aut libidinosae
Ledaeas Lacedemoniis palestras.
(Марціалъ, lib. IV· epig 55.). (М.).

[2]) *Нравствен. соч.*, трактатъ: *О римскихъ дѣлахъ*. Вопросъ XL. (М.).

[3]) Плутархъ, *ibid.* (М.).

[4]) Плутархъ, *Нравственныя соч. Застольныя бесѣды*, кн. II, вопросъ V. (М.). Надъ кѣмъ они одержали эту побѣду? Надъ лакедемонянами, въ продолженіе четырехсотъ лѣтъ упражнявшимися въ гимнастикѣ (Б. Констанъ, *Комментаріи на Филанджіери*, IV часть, гл. I).

[5]) А. И я бы могъ кстати сказать здѣсь то, что сказалъ Эпикуръ; и т. д. *Sincerum nisi vas, quodcumque infundis acescit.* (Горацій).

другой корпораціи—все выходило плохо. У всадниковъ было не болѣе добродѣтели, чѣмъ у всадниковъ, а у послѣднихъ—не болѣе, чѣмъ у центуріоновъ.

Когда римскій народъ добился доступа къ патриціанскимъ должностямъ, естественно было ожидать, что его льстецы овладѣютъ правительствомъ. Но этого не случилось: народъ, открывшій доступъ къ правительственнымъ должностямъ плебеямъ, всегда избиралъ на эти должности патриціевъ. И онъ поступалъ такъ потому, что былъ доблестенъ, былъ великодушенъ, потому что онъ былъ свободенъ и не гонялся за властью [1]). Когда же онъ утратилъ свои принципы, то чѣмъ болѣе увеличивалась его власть, тѣмъ небрежнѣе онъ обходился съ нею; такъ что, наконецъ, онъ сталъ и своимъ собственнымъ тираномъ и своимъ собственнымъ рабомъ. Онъ подорвалъ силу свободы, для того, чтобы впасть въ безсиліе и распущенность.

ГЛАВА XIII.

О силѣ присяги у народа добродѣтельнаго.

Изо всѣхъ народовъ, говоритъ Титъ Ливій [2]), римляне дольше всѣхъ противились разложенію и держали въ почетѣ бѣдность и умѣренность.

Присяга имѣла у этого народа такую силу, что ничто крѣпче ея не привязывало его къ законамъ. И онъ неоднажды дѣлалъ для соблюденія ея то, чего никогда не сдѣлалъ-бы ни ради славы, ни ради отечества [3]).

Квинтъ Цинциннатъ, желая набрать въ городѣ войско противъ эквовъ и вольсковъ, встрѣтилъ сопротивленіе со стороны трибуновъ. «Хорошо, сказалъ онъ, пусть-же всѣ, которые присягнули прошлогоднему консулу, послѣдуютъ за моими знаменами [4]). Напрасно трибуны говорили, что эта присяга уже никого не связываетъ, что она была произнесена, когда Квинтъ былъ еще частнымъ лицомъ; народъ оказался религіознѣе своихъ руководителей: онъ не внялъ тонкостямъ и толкованіямъ трибуновъ.

Когда тотъ-же народъ захотѣлъ удалиться на Священную гору, онъ удержанъ былъ отъ этого клятвой, данной имъ консуламъ, слѣдовать за ними на войну [5]). Тогда онъ замыслилъ убить этихъ консуловъ; но ему дали понять, что и послѣ этого его клятвенное обѣщаніе останется во

---

[1]) *Величіе и паденіе римлянъ*, гл. VIII.

[2]) Кн. I. Предисл. (М.).

[3]) *Размышленіе о величіи и упадкѣ римлянъ*, гл. I.

[4]) Титъ Ливій, кн. III, гл. XX. (М.). Квинтъ не могъ держать такой рѣчи. Если тѣ, къ которымъ онъ обращался съ нею, присягнули консулу *прошлаго года*, то они были уже свободны отъ своихъ обязательствъ, такъ какъ въ первыя времена республики римляне зачислялись въ войско только на время одной кампаніи. Но Цинциннатъ былъ консуломъ въ качествѣ замѣстителя П. Валерія, убитаго въ началѣ года, и къ солдатамъ П. Валерія онъ именно и обращался съ своей рѣчью (Кревье).

[5]) Титъ Ливій, кн. II, гл. XXXII. (М.).

всей своей силѣ. Можно судить по великости задуманнаго имъ преступленія о томъ, каковы были его понятія о нарушеніи клятвы.

Послѣ битвы при Каннахъ, испуганный народъ хотѣлъ удалиться въ Сицилію [1]). Но Сципіонъ взялъ съ него клятву не покидать Рима, и страхъ нарушить эту клятву превозмогъ всѣ прочіе страхи. Римъ былъ подобенъ кораблю, утвердившемуся во время бури на двухъ якоряхъ: религіи и нравахъ.

ГЛАВА XIV.

Какъ значительныя измѣненія въ государственномъ строѣ могутъ повлечь за собою гибель принциповъ.

Аристотель [2]) говоритъ о Карѳагенѣ какъ о республикѣ весьма благоустроенной. Полибій сообщаетъ, что во время второй пунической войны [3]) въ Карѳагенѣ произошла неурядица вслѣдствіе того, что его сенатъ утратилъ почти всю свою власть. Титъ Ливій [4]) повѣдалъ намъ, что, возвратившись въ Карѳагенъ, Аннибалъ увидѣлъ, что правители расхищали доходы республики и злоупотребляли властью. Итакъ, добродѣтель правителей исчезла вмѣстѣ съ властью сената; все вытекло изъ одного и того-же принципа.

Извѣстны чудесныя дѣйствія цензуры у римлянъ. Было время, когда она оказалась тягостной; но она все-таки удержалась, потому что въ обществѣ было еще болѣе роскоши, чѣмъ испорченности. Клавдій ослабилъ ее, и, благодаря этому ослабленію, испорченности стало еще больше, чѣмъ роскоши, и цензура [5]) исчезла, такъ сказать, сама собою. То отвергаемая, то признаваемая, отмѣняемая и вновь вводимая, она была совсѣмъ пріостановлена вплоть до времени, когда стала безполезной, а именно въ царствованія Августа и Клавдія.

ГЛАВА XV.

Весьма дѣйствительныя средства для сохраненія трехъ принциповъ.

Чтобы надлежащимъ образомъ понять меня, надо прочесть слѣдующія четыре главы.

---

[1]) Никогда у народа не было такого нелѣпаго намѣренія. Все дѣло состояло въ томъ, что молодые офицеры арміи, отчаявшись въ республикѣ, задумали поступить на службу къ какому нибудь иностранному государю. Титъ Ливій, XXII, гл. LIII.

[2]) *Политика*, кн. II, гл. XI.

[3]) Почти сто лѣтъ послѣ нея. (М.). Полибій, *Исторія*, кн. VI.

[4]) Титъ Ливій, кн. XXIII, гл. XLVI.

[5]) Въ первыхъ изданіяхъ находится примѣчаніе: Трибуны препятствовали имъ производить цензъ и воспротивились ихъ избранію. См. Цицеронъ къ Аттику, кн. IV, *Письма* X и XV. (М.).

ГЛАВА XVI.

Отличительныя свойства республики.

Республика, по своей природѣ, требуетъ небольшой территоріи, иначе она не удержится [1]). Въ большой республикѣ будутъ и большія богатства, а слѣдовательно и неумѣренныя желанія. Кругъ общественныхъ дѣлъ, поручаемыхъ заботамъ гражданина, приметъ слишкомъ обширные размѣры. Личные интересы получатъ преобладаніе. Человѣкъ увидитъ возможность достигнуть счастія, величія и славы, не взирая на отечество. и вскорѣ убѣдится въ возможности быть одному великимъ на развалинахъ своего отечества.

Въ большой республикѣ общее благо приносится въ жертву тысячѣ разныхъ соображеній; оно подлежитъ изъятіямъ; оно зависитъ отъ случайностей. Въ небольшой республикѣ общее благо живѣе чувствуется, яснѣе сознается, ближе къ каждому гражданину; злоупотребленія встрѣчаютъ тамъ менѣе простора, а слѣдовательно и менѣе покровительства.

Лакедемонъ просуществовалъ такъ долго потому, что, несмотря на всѣ свои войны, онъ оставался при тѣхъ-же размѣрахъ своей территоріи. Единственная цѣль Лакедемона была свобода, а единственный интересъ его свободы—слава.

Довольствоваться своими землями и своими законами—таковъ былъ духъ греческихъ республикъ. Аѳины поддались честолюбію и внушили его Лакедемону; но оно влекло ихъ руководить свободными народами, а не управлять работами, встать во главѣ союза, а не разрушить его. Все погибло, лишь когда возникла монархія,—образъ правленія, духъ котораго болѣе наклоненъ къ завоеваніямъ.

Въ государствѣ, состоящемъ изъ одного города, трудно, безъ содѣйствія особенныхъ обстоятельствъ [2]), удержаться какому-нибудь иному правленію, кромѣ республиканскаго. Обладая большою властью, но ничтожными средствами воспользоваться ею и заставить ей повиноваться, государь такого малаго государства естественно станетъ притѣснителемъ и возстановитъ противъ себя свой народъ. Съ другой стороны, и самъ онъ легко можетъ быть угнетаемъ какою-нибудь внѣшнею или даже внутреннею силой, по-

---

[1]) Это примѣнимо лишь къ республикамъ древности, которыя были городами, управлявшимися народными собраніями на площадяхъ: нынѣ примѣръ Америки внушаетъ иныя мысли. Но въ прошломъ столѣтіи этого примѣра не было, и какъ Маккіавелли такъ и Монтескье, имѣя передъ глазами лишь примѣръ паденія римской республики въ пору ея наибольшаго увеличенія. считали аксіомой, что республика можетъ существовать только на незначительной территоріи.

[2]) Какъ, напримѣръ, когда государь небольшого государства держится благодаря взаимному соперничеству двухъ большихъ государствъ; но это непрочное положеніе. (М.).

чему народъ можетъ ежеминутно собраться для возстанія противъ него. Но когда государь, царствующій въ одномъ только городѣ, будетъ изъ этого города изгнанъ, то дѣлу конецъ; если же у него много городовъ, то дѣло только начинается.

ГЛАВА XVII.

Отличительныя свойства монархіи.

Монархическое государство должно быть средней величины. Будучи мало, оно обратилось бы въ республику; а если бы оно было слишкомъ обширно, то главныя лица въ государствѣ, сильныя своею собственною силою, не будучи на глазахъ у государя, имѣя такіе-же дворы, какъ у него и обезпеченные отъ рѣшительныхъ мѣръ законами и нравами, могли бы перестать повиноваться; угроза кары слишкомъ отдаленной и медленной не устрашила бы ихъ [1]).

Поэтому, едва Карлъ Великій успѣлъ основать свою имперію, какъ ему тотчасъ-же пришлось дробить ее; потому ли, что начальники провинцій не повиновались, для того ли, чтобы заставить ихъ лучше повиноваться—было необходимо раздѣлить имперію на нѣсколько государствъ.

По смерти Александра, имперія его распалась. Что могло заставить повиноваться этихъ сильныхъ Греціи и Македоніи, свободныхъ и побѣдоносныхъ вождей, разсѣянныхъ по громадному пространству завоеванныхъ земель?

По смерти Аттилы его царство распалось: государи, освободившіеся отъ подчиненія, не могли вернуться къ прежней неволѣ.

Единственное средство, способное въ такихъ случаяхъ предупредить разложеніе, заключается въ быстромъ установленіи неограниченной власти, т. е. въ новомъ злѣ, слѣдующемъ за зломъ завоеванія!

Рѣки бѣгутъ смѣшаться съ моремъ; монархіи стремятся раствориться въ деспотизмѣ [2]).

---

[1]) Монтескье имѣлъ въ виду имперію Карла Великаго, т. е. тѣ времена, когда не было ни дорогъ, ни мореплаванія; но нынѣ положеніе вопроса совсѣмъ измѣнилось. Съ помощью желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и покрывающихъ моря кораблей, президенту Соединенныхъ Штатовъ не такъ трудно держать въ рукахъ цѣлый континентъ, какъ было трудно Людовику Толстому заставить себѣ повиноваться Корбейль. Вопросъ о размѣрахъ территоріи государства теперь уже пересталъ быть вопросомъ правленія, если, впрочемъ, онъ не касается такихъ обширныхъ и столь чуждыхъ чудесамъ новѣйшей техники государствъ, каковъ Китай. См. ниже кн. IX, гл. VI.

[2]) Монтескье все говоритъ намъ о современной французской монархіи. Но нѣтъ основанія думать, чтобы конституціонная монархія, которая, по правдѣ сказать, является однимъ изъ видовъ республики, не могла бы безо всякой опасности для себя управлять многими народами. Взгляните на Англію.

ГЛАВА XVIII.

О томъ, что Испанія находилась въ условіяхъ исключительныхъ.

Пусть не опровергаютъ меня примѣромъ Испаніи; она скорѣе подтверждаетъ сказанное мною. Чтобы сохранить за собою Америку, она сдѣлала то, чего и деспотизмъ не дѣлаетъ—истребила ея обитателей [1]). Для удержанія въ своей власти колоній, она должна была поставить ихъ въ зависимость отъ себя даже въ средствахъ пропитанія.

Она попробовала править деспотически Нидерландами, и когда она отказалась отъ этого—ея затрудненія увеличились. Съ одной стороны, валлоны не захотѣли состоять подъ управленіемъ испанцевъ; съ другой—испанскіе солдаты отказывались повиноваться офицерамъ изъ валлоновъ [2]).

Она удержалась въ Италіи потому, что разорялась для ея обогащенія: люди, желавшіе отдѣлаться отъ испанскаго короля, не были расположены отказываться отъ его денегъ.

ГЛАВА XIX.

Отличительныя свойства деспотическаго образа правленія.

Обширная имперія предполагаетъ деспотическую власть въ томъ, кто ею управляетъ. Надо, чтобы быстрота выполненія приказаній правителей уравновѣшивала отдаленность мѣстъ, куда эти приказанія разсылаются; чтобы начальствующіе или судьи отдаленныхъ областей воздерживались отъ нерадѣнія страхомъ; чтобы весь законъ былъ сосредоточенъ въ одной особѣ, и чтобы онъ постоянно измѣнялся, сообразно разнымъ случайностямъ, число которыхъ всегда умножается въ прямомъ отношеніи къ величинѣ государства.

ГЛАВА XX.

Слѣдствія, выводимыя изъ предшествующихъ главъ.

Если небольшія государства должны быть республиками, государства средней величины—подчиняться монарху, а обширныя имперіи—состоять подъ властью деспота, то отсюда слѣдуетъ, что, для сохраненія принциповъ установленнаго въ немъ правленія, государство—должно сохранять свою прежнюю величину, и что духъ этого государства будетъ измѣняться сообразно расширенію или суженію предѣловъ его территоріи.

---

[1]) Это преувеличеніе. Были отвратительныя избіенія, но не всѣ индѣйцы были перебиты. Они и теперь еще существуютъ въ Мексикѣ и въ другихъ мѣстахъ.

[2]) Ср. *Исторію Соединенныхъ провинцій* ле-Клерка. (М.).

ГЛАВА XXI.

О китайской имперіи [1]).

Прежде чѣмъ закончить эту книгу, отвѣчу на возраженіе, которое могутъ сдѣлать противъ всего до сихъ поръ мною сказаннаго.

Наши миссіонеры представляютъ намъ обширную имперію Китая, какъ превосходное государство, совмѣщающее въ своемъ принципѣ страхъ, честь и добродѣтель. Выходитъ, что установленное мною различеніе принциповъ трехъ видовъ правленія неосновательно.

Не знаю, что надо понимать подъ словомъ честь у народовъ, которыхъ ко всякому дѣлу понуждаютъ палочными ударами [2]).

Сверхъ того, наши коммерсанты сообщаютъ намъ мнѣнія объ этой добродѣтели, далеко несходныя съ тѣми, которыя внушаются намъ нашими миссіонерами: послушайте, что говорятъ о разбойничествѣ мандариновъ [3]).

Ссылаюсь также на свидѣтельство великаго человѣка, милорда Ансона [4]).

Да и сами письма О. Пареннена о судѣ, наряженномъ императоромъ надъ неугодными ему принцами крови [5]), обнаруживаютъ передъ нами тираннію, послѣдовательно дѣйствующую по заранѣе составленному плану, и рядъ оскорбленій, нанесенныхъ человѣческой природѣ по правилу, т. е. хладнокровно.

Есть еще у насъ письма Мэрана и того-же о. Пареннена о правленіи Китая. Послѣ весьма основательныхъ отвѣтовъ на заданные вопросы всѣ чудеса его исчезли.

Не могло ли случиться, что миссіонеры были введены въ заблужденіе призракомъ порядка, что они были поражены этой непрерывной дѣятельностью воли одного, которой они и сами управляются, и которую имъ такъ пріятно встрѣчать во дворахъ государей Индіи собственно потому, что, посѣщая эти дворы лишь съ цѣлью произвести тамъ большія измѣ-

---

[1]) Въ прошломъ столѣтіи, іезуиты, нарисовавъ чарующее изображеніе Китая, вызвали всобщій восторгъ предъ этимъ патріархальнымъ государствомъ. Философы XVIII столѣтія пользуются Китаемъ, какъ Тацитъ Германіей, для укора своимъ современникамъ. Монтескье не поддался этому заблужденію; онъ не довѣрялъ письмамъ отца Пареннена и не допускалъ союза добродѣтели и чести съ неограниченной властью. Нечего и говорить, насколько былъ онъ правъ въ этомъ отношеніи.

[2]) Въ Китаѣ управляетъ палка, говоритъ отецъ Дю Гальдъ. *Описаніе Китая*, т. II, стр. 134. (М).

[3]) Ср., между прочимъ, сообщеніе Ланжа. (М.).

[4]) Когда появилось *Путешествіе вокругъ свѣта* адмирала Ансона. (Французскій переводъ въ кн. in 4 появился въ 1749 г. Второе изданіе вышло въ 1754 г. въ 4 томахъ in—12), Монтескье воскликнулъ: A! я всегда говорилъ, что китайцы совсѣмъ не такіе прекрасные люди, какими они выставляются въ *Lettres édifiantes*. (Письмо къ аббату Гуаско, 1755 г.).

[5]) Изъ рода Сурніама. *Lettres édifiantes*, 18-е собраніе. (М.).

ненія, они находятъ, что гораздо легче увѣрить государей, что имъ все позволено дѣлать, чѣмъ убѣдить народы, что они все должны выносить [1]).

Наконецъ часто бываетъ нѣчто истинное и въ заблужденіяхъ. Въ силу особенныхъ и, можетъ быть, единственныхъ въ своемъ родѣ обстоятельствъ, китайское правленіе не такъ испорчено, какъ должно бы быть. Физическія причины, зависящія главнымъ образомъ отъ климата, могли, напримѣръ, пересилить дѣйствіе моральныхъ причинъ въ этой странѣ и произвести въ ней необычайныя явленія.

Климатъ Китая необыкновенно благопріятствуетъ размноженію рода человѣческаго [2]). Женщины тамъ такъ плодовиты, какъ нигдѣ на землѣ. Самая жестокая тираннія не останавливаетъ тамъ процесса размноженія. Государь Китая не можетъ сказать, подобно фараону: «Будемъ притѣснять ихъ съ благоразуміемъ. Ему скорѣе приходится пожелать вмѣстѣ съ Нерономъ, чтобы у рода человѣческаго была только одна голова [3]). Несмотря на тираннію, населеніе Китая не перестанетъ размножаться, и одолѣть тираннію.

Китай, какъ и всякая страна, гдѣ воздѣлывается рисъ [4]), подверженъ частымъ голодовкамъ. Умирающій отъ голода народъ разсыпается по странѣ искать средства существованія; повсюду образуются шайки изъ трехъ, четырехъ или пяти воровъ. Большая часть ихъ тотчасъ-же истребляется; другія увеличиваются, и тоже истребляются. Но, при такомъ множествѣ областей, и при томъ столь отдаленныхъ, можетъ случиться, что какой-нибудь изъ этихъ группъ посчастливится. Она удерживается, усиливается, становится арміей, идетъ прямо на столицу, и вождь ея восходитъ на престолъ.

Такова природа вещей, что дурное правительство тамъ прежде всѣхъ несетъ наказаніе. Тамъ смуты возникаютъ внезапно, когда народъ лишается продовольствія. Если въ другихъ государствахъ злоупотребленія исправляются такъ медленно, то это потому, что тамъ ихъ послѣдствія менѣе чувствительны, и государь не получаетъ о нихъ такого быстраго и рѣшительнаго извѣстія, какъ въ Китаѣ.

Китайскій государь не будетъ, подобно нашимъ государямъ, печалиться о томъ, что если онъ дурно управляетъ, то будетъ менѣе блаженъ въ той жизни и менѣе могучъ и богатъ въ этой: онъ знаетъ, что если его управленіе дурно, то онъ лишается и государства и жизни.

---

[1]) См. у о. Дю Гальда о томъ, какъ миссіонеры воспользовались властью Конги, чтобы заставить умолкнуть мандариновъ, говорившихъ, что, по законамъ ихъ страны, никакая чужеземная вѣра не можетъ быть терпима въ имперіи. (М.).

[2]) См. кн. VII гл. VI, и *Персидскія письма*, CCX.

[3]) Это чудовищное желаніе приписывается Калигулѣ: *Utinam populus Romanus unam cervicem haberet*. Светоній, *Калигула*, гл. XXX.

[4]) См. кн. XXIII, гл. XIV. (М.).

Такъ какъ, несмотря на забрасываніе дѣтей, населеніе Китая все увеличивается [1]), то необходимо неустанно трудиться, чтобы вынудить у земли, чѣмъ пропитать его. Это требуетъ усиленнаго вниманія со стороны правительства. Собственный интересъ побуждаетъ его ежеминутно заботиться о томъ, чтобы люди могли работать безъ опасенія лишиться плодовъ своего труда. Его управленіе должно быть болѣе домашнимъ, чѣмъ гражданскимъ [2]).

Вотъ причина регламентацій, о которыхъ столько говорятъ. Хотѣли соединить царство закона съ царствомъ деспотизма; но все, соединяющееся съ деспотизмомъ, становится безсильнымъ. И напрасно этотъ деспотизмъ, преслѣдуемый собственными своими бѣдствіями, рѣшился самъ надѣть на себя цѣпи: онъ вооружается этими цѣпями, и становится еще ужаснѣе.

Итакъ, Китай есть государство деспотическое, принципъ котораго — страхъ. Можетъ быть, во время своихъ первыхъ династій, когда государство не было еще такъ обширно, оно нѣсколько отклонялось отъ этого образца, но теперь этого уже нѣтъ.

Часть вторая.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

О законахъ въ ихъ отношеніи къ силѣ оборонительной.

ГЛАВА I.

Какъ республики охраняютъ свою безопасность.

Небольшія республики погибаютъ отъ внѣшняго врага, а большія — отъ внутренней язвы [3]).

Это двойное зло свойственно и демократіямъ и аристократіямъ, не взирая на то, хороши онѣ или дурны. Зло лежитъ въ самомъ существѣ вещи, и никакое измѣненіе ея формы не исцѣлитъ отъ него.

Очень вѣроятно, поэтому, что люди подъ конецъ были-бы вынуждены жить всегда подъ управленіемъ одного, если-бы они не избрали извѣст-

[1]) См. наставленія Твонгму объ удобреніи. Lettres édif., 21-е собраніе.

[2]) Монтескье правъ. Китай есть государство патріархальное и полицейское, руководимое обычаемъ. Но это правленіе *sui generis* ни одной стороной своей не входитъ въ классификацію *Духа законовъ*. Этимъ объясняются затрудненія, а порой и нетерпѣніе автора.

[3]) *Fato potentiae,non sua vi nixae*, Тацитъ. (Примѣчаніе изд. А. (М.). Авторъ имѣетъ въ виду съ одной стороны маленькія республики Греціи, а съ другой — великую римскую республику.

наго строя, который со всѣми внутренними достоинствами республиканскаго правленія совмѣщаетъ внѣшнюю силу монархическаго. Я говорю о республикѣ федеративной.

Эта форма правленія есть договоръ, посредствомъ котораго нѣсколько политическихъ тѣлъ обязываются стать гражданами одного болѣе значительнаго государства, которое они пожелали образовать. Это общество обществъ, составляющихъ новое общество, которое можетъ увеличиваться присоединеніемъ къ нему новыхъ членовъ.

Этимъ союзамъ Греція была обязана своимъ долгимъ процвѣтаніямъ. Они позволили римлянамъ вызвать на бой весь міръ,—а міру защищаться отъ римлянъ. И когда Римъ достигъ вершины своего величія, въ такихъ именно союзахъ, возникшихъ за Дунаемъ и сложившихся подъ вліяніемъ страха, варвары почерпнули силу сопротивляться ему.

Благодаря имъ, Голландія [1]), Германія и Швейцарскіе союзы слывутъ въ Европѣ вѣчными республиками.

Союзы городовъ нѣкогда [2]) были болѣе необходимы, чѣмъ теперь. Городъ не достаточно могущественный подвергался величайшимъ опасностямъ. Будучи завоеванъ, онъ лишался не только, какъ нынѣ, исполнительной и законодательной власти, но еще и всего того, что составляетъ собственность людей [3]).

Такого рода республика, способная сопротивляться внѣшней силѣ, можетъ сохранять свою величину, не подвергаясь внутренней порчѣ. Форма этого общества спасаетъ его.

Человѣкъ, стремящійся къ захвату власти, не могъ-бы тамъ пользоваться одинаковымъ довѣріемъ со стороны всѣхъ государствъ союза. Ставши слишкомъ могучимъ въ одномъ изъ нихъ, онъ возбудилъ-бы противъ себя всѣ прочія; и если-бы онъ подчинилъ своей власти часть союза, то другая, оставшаяся свободною, часть его могла-бы противиться ему силами независимыми отъ тѣхъ, которыя онъ захватилъ, и одолѣть его прежде, чѣмъ онъ успѣлъ-бы утвердиться.

---

[1]) Она состоитъ изъ пятидесяти двухъ очень различныхъ республикъ. *Государство Соединенныхъ провинцій* М. Яниссона. (М:). Семь соединенныхъ провинцій заключаютъ въ себѣ пятьдесятъ два города, и такъ какъ каждый изъ этихъ городовъ пользуется правомъ подачи голоса для образованія общей подачи голосовъ въ генеральныхъ штатахъ, то Монтесье и принялъ каждый городъ за особую республику. (Вольтеръ).—Монтескье не ошибся; онъ понялъ лучше Вольтера республику Соединенныхъ провинцій. - Генеральные Штаты, говоритъ Лавеле, зависятъ въ своей дѣятельности отъ провинціальныхъ штатовъ, а провинціальные—отъ городовъ и сословій, которые они представляютъ. Такъ что, на самомъ дѣлѣ, верховная власть принадлежитъ пятидесяти двумъ городамъ и различнымъ корпораціямъ дворянства семи провинцій. (Форма правленія въ республикѣ Соединенныхъ Провинцій. Revue des Deux Mondes, 15 августа 1844 г.).

[2]) Т. е. въ древности.

[3]) Гражданская свобода, имущество, жены, дѣти, храмы и даже кладбища. (М.).

Если случится какая-нибудь смута у одного изъ членовъ союза, то, прочіе могутъ прекратить ее. Если гдѣ-либо возникнутъ какія-нибудь злоупотребленія, то они могутъ быть исправлены свободными отъ нихъ частями республики. Это государство можетъ разрушиться въ одной своей сторонѣ, не разрушаясь въ другой; союзъ можетъ разложиться, а члены его остаться независимыми государствами.

Состоя изъ небольшихъ республикъ, онъ пользуется благами внутренняго управленія каждой изъ нихъ, а для отношеній внѣшнихъ, онъ располагаетъ, благодаря объединенію силъ, всѣми выгодами большихъ монархій [1]).

ГЛАВА II.

О томъ, что федерація должна состоять изъ государствъ одинаковой природы и въ особенности изъ республикъ.

Хананеяне погибли, потому что они были раздѣлены на небольшія монархіи, которыя не образовали союза другъ съ другомъ и не защищались общими силами. Конфедерація не въ природѣ маленькихъ монархій [2]). Федреативная республика Германіи состоитъ изъ вольныхъ городовъ и небольшихъ владѣній, подчиненныхъ государямъ [3]). Опытъ показываетъ, что она менѣе совершенна, чѣмъ Голландія и Швейцарія.

Духъ монархіи [4]) есть война и завоеваніе; духъ республики—миръ и умѣренность. Оба эти вида правленія не могутъ безъ насилія своей природы совмѣщаться въ федеративной республикѣ.

Римская исторія говоритъ намъ, что когда жители Вей избрали себѣ царя, всѣ маленькія тосканскія республики [5]) отшатнулись отъ нихъ. Когда цари Македоніи добились мѣста среди Амфиктіоновъ, все погибло въ Греціи.

Федеративная реепублика Германіи, состоящая изъ вольныхъ городовъ и государей, держится потому, что у нея есть глава [6]), который является и чѣмъ-то въ родѣ высшаго должностного лица союза и чѣмъ-то въ родѣ его монарха.

---

[1]) Изображая Голландію, которая была у него передъ глазами, Монтескье даетъ намъ заранѣе вѣрный образъ Соединенныхъ Штатовъ.

[2]) Болѣе естественная причина въ томъ, что труднѣе согласовать нѣсколько различныхъ головъ, чѣмъ нѣсколько различныхъ членовъ (Люзакъ).

[3]) Едва ли Монтескье правъ, включая Германію въ число федеративныхъ республикъ заодно съ Голландіей и Швейцаріей. Между первою и двумя послѣдними различіе такъ велико, что даже не нуждается въ доказательствахъ. (Пеке, *Систематическое изслѣдованіе Духа Законовъ*, стр. 49).

[4]) То есть монархіи французской и испанской XVI и XVII столѣтій.

[5]) Т. е. этрусскія. Монтескье всегда именуетъ этрусковъ тосканцами.

[6]) Императоръ.

ГЛАВА III.

Нѣкоторыя другія требованія федеративной республики.

Въ голландской республикѣ ни одна провинція не можетъ заключать союза безъ согласія всѣхъ прочихъ [1]). Для республики федеративной это очень хорошій и даже необходимый законъ. Его недостаетъ конституціи Германіи, гдѣ онъ былъ-бы въ состояніи предупредить много бѣдъ, которыя могутъ постигнуть всѣхъ членовъ по неосторожности, честолюбію или жадности одного изъ нихъ. Республика, примкнувшая къ политической федераціи, отдается ей всецѣло и ничего уже не можетъ болѣе дать.

Трудно ожидать, чтобы вступившія въ союзъ государства были всѣ равны по величинѣ и могуществу. Республика ликійцевъ была ассоціаціей двадцати трехъ городовъ [2]). Большіе города имѣли въ общемъ совѣтѣ по три голоса каждый; средніе—по два, а малые—по одному. Голландія состоитъ изъ семи провинцій, различныхъ по величинѣ, каждая изъ которыхъ имѣетъ по одному голосу.

Налоги, уплачиваемые городами Ликіи [3]), были пропорціональны голосомъ. Провинціи Голландіи не могутъ слѣдовать этой пропорціи: онѣ должны платить пропорціонально своему могуществу.

Въ Ликіи [4]) судьи и городскія власти избирались общимъ совѣтомъ по указанной нами пропорціи. Въ голландской республикѣ они не избираются общимъ совѣтомъ, но каждый городъ самъ назначаетъ своихъ должностныхъ лицъ. Если бы надо было указать образецъ прекрасной федеративной республики, я указалъ-бы на республику Ликіи.

ГЛАВА IV.

Какъ государства деспотическія обезпечиваютъ свою безопасность.

Республики охраняютъ себя, соединяясь другъ съ другомъ, а государства деспотическія, ради той-же цѣли, отдѣляются и, такъ сказать, отъединяются другъ отъ друга. Они жертвуютъ частью своей страны, опустошаютъ ея окраины и обращаютъ ихъ въ пустыню, вслѣдствіе чего ядро государства становится недоступнымъ непріятелю.

---

[1]) Если бы авторъ потрудился справиться съ *Quaestiones juris publici* Бинкерсгука, то увидѣлъ бы, что утверждаетъ вещь, которую ему было бы очень трудно доказать. (Люзакъ).

[2]) Страбонъ, кн. XIV. (М).

[3]) Въ голландской республикѣ выборы совершаются не одинаковымъ образомъ не только въ ея провинціяхъ, но даже и въ городахъ одной и той же провинціи. (Люзакъ).

[4]) Въ бумагахъ Вашингтона оказалось нѣсколько касающихся Ликіи замѣтокъ, которыя, судя по всему, не болѣе какъ извлеченія изъ настоящей главы. Замѣчательно также, что изо всѣхъ конфедерацій какъ древнихъ такъ и новыхъ, кондеферація Соединенныхъ Штатовъ всего болѣе походитъ на ликійскую.

Въ геометріи принято, что чѣмъ больше объемъ тѣла, тѣмъ относительно меньше его поверхность. Поэтому, практика опустошенія окраинъ болѣе выгодна для большихъ государствъ, чѣмъ для среднихъ.

Такое государство само причиняетъ себѣ все то зло, которое могъ-бы надѣлать ему врагъ жестокій и неотразимый.

Деспотическое государство охраняетъ себя еще и другимъ видомъ отдѣленія, которое оно осуществляетъ, обращая свои отдаленныя провинціи въ вассальныя государства [1]). Моголъ, персъ, императоры Китая имѣютъ вассаловъ, и турки видятъ большое для себя благо въ томъ, что они между собою и своими непріятелями помѣстили татаръ, молдаванъ, валаховъ, и нѣкогда—трансильванцевъ.

ГЛАВА V.

Какъ охраняетъ себя монархія.

Монархія не разрушается сама собою, какъ государство деспотическое. Но монархія среднихъ размѣровъ могла-бы стать жертвою нашествія. Поэтому у нея есть крѣпости для защиты границъ и арміи для защиты этихъ крѣпостей [2]). Малѣйшій клочекъ земли обороняется тамъ съ большимъ искусствомъ, упорствомъ и мужествомъ. Между деспотическими государствами возможны лишь нашествія; войны ведутся только между монархіями [3]).

Крѣпости составляютъ принадлежность монархіи; государства деспотическія боятся заводить ихъ у себя. Они никому не смѣютъ довѣрить ихъ, такъ какъ тамъ никто не любитъ государства и государя.

ГЛАВА VI.

Оборонительная сила государствъ вообще.

Чтобы государство было въ полной своей силѣ, оно должно имѣть такую величину, при которой быстротѣ выполненія какого-нибудь затѣяннаго противъ него предпріятія могла-бы соотвѣтствовать та быстрота, съ которой оно можетъ отразить его. Такъ какъ нападеніе можетъ быть сдѣлано отовсюду, то защита должна быть готова явиться повсюду, что возможно только при посредственной величинѣ государства, величинѣ, соразмѣрной съ той степенью скорости, которую природа дала человѣку для его передвиженій съ мѣста на мѣсто.

---

[1]) Это не составляетъ исключительнаго свойства деспотическихъ государствъ. Взгляните на дѣйствія англичанъ и голландцевъ въ Индіи.

[2]) Все это есть и у благоустроенныхъ республикъ, и все, что можетъ дѣлать благоразумнѣйшій изъ монарховъ, дѣлаютъ тоже и онѣ.

[3]) Другими словами: турки совершаютъ нашествія, Франція ведетъ войны.

Испанія и Франція имѣютъ именно такую величину. Силы ихъ такъ хорошо расположены, что легко переносятся въ какую угодно сторону; ихъ войска быстро соединяются и переходятъ отъ одной границы къ другой, и никакое дѣло, требующее извѣстнаго времени для своего выполненія, не внушаетъ тамъ опасеній.

Во Франціи, по особенному счастію, близость столицы и государства отъ его различныхъ границъ находится въ прямомъ отношеніи къ ихъ слабости; такъ что государь изо всѣхъ частей страны всего лучше видитъ тѣ, которыя болѣе всего беззащитны.

Другое дѣло, когда приходится защищаться отъ нападенія такому обширному государству, какъ Персія. Ему понадобится нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы собрать разсѣянныя войска; и оно не можетъ заставлять ихъ идти столько времени съ той усиленной быстротой, которая возможна въ продолженіе какихъ-нибудь двухъ недѣль. Если находящаяся на границѣ армія разбита, она непремѣнно разсѣется, вслѣдствіе удаленности пунктовъ ея отступленія. Побѣдоносное войско, не встрѣчая сопротивленія, подвигается поспѣшными переходами, подходитъ къ столицѣ и осаждаетъ ее, въ то время какъ правители провинцій едва успѣли получить увѣдомленіе о присылкѣ помощи. Тѣ, которые думаютъ, что переворотъ близокъ, ускоряютъ его, отказывая въ повиновеніи, такъ какъ люди, повинующіеся единственно изъ страха близкой кары, перестаютъ повиноваться, когда кара отдаляется. Они погружаются въ заботы о своихъ личныхъ интересахъ. Имперія разлагается, столица взята, и побѣдитель вступаетъ въ борьбу съ областными правителями изъ-за провинцій.

Истинное могущество государя не столько въ томъ, что ему легко завоевывать, сколько въ томъ, что на него трудно нападать; оно заключается, если смѣю такъ выразиться, въ неизмѣнности его положенія. Но съ увеличеніемъ государствъ открываются новые пункты для нападенія на нихъ.

Итакъ, если государи нуждаются въ мудрости для того, чтобы увеличивать свое могущество, то не менѣе нуждаются они въ благоразуміи для того, чтобы предписать ему надлежащія границы. Устранивъ неудобства, связанныя съ малыми размѣрами государства, они никогда не должны упускать изъ виду тѣхъ неудобствъ, которыя связаны съ чрезмѣрной величиной его.

ГЛАВА VII.

Размышленія.

Недруги великаго государя, столь долго царствовавшаго [1]), тысячу разъ обвиняли его (какъ я полагаю, болѣе вслѣдствіе своихъ опасеній, чѣмъ

[1]) Людовикъ XIV.

основательнаго разсужденія) въ томъ, что онъ составилъ и стремился осуществить проектъ всемірной монархіи. Ничто не могло-бы быть пагубнѣе для Европы, его подданныхъ, для него самого и его семейства, какъ если бы его намѣреніе могло увѣнчаться успѣхомъ. Небо, которому лучше извѣстно извѣстно истинное благо, устроило такъ, что онъ болѣе выигралъ отъ своихъ пораженій, чѣмъ могъ-бы выиграть отъ своихъ побѣдъ. Вмѣсто того, чтобы сдѣлать его единственнымъ государемъ Европы, оно распорядилось лучше, сдѣлавъ его самымъ могущественнымъ изо всѣхъ ея государей.

Народъ этого государя, который въ чужихъ странахъ думаетъ только о томъ, что онъ оставилъ въ своей; который, покидая родину, видитъ верховное благо въ славѣ, а въ далекихъ краяхъ лишь препятствіе къ своему возвращенію домой; который раздражаетъ даже своими хорошими качествами, такъ какъ къ нимъ примѣшивается пренебреженіе; который можетъ выносить раны, опасности и всякія лишенія, но не лишенія своихъ удовольствій; который любитъ больше всего свою веселость и мирится съ проиграннымъ сраженіемъ, осмѣявъ своего предводителя, — такой народъ, говорю я, никогда не былъ-бы въ состояніи довести до конца предпріятія, которое не можетъ потерпѣть неудачи въ одной странѣ и въ данное время, чтобы не потерпѣть ея во всѣхъ странахъ и навсегда.

ГЛАВА VIII.

Случай, когда оборонительная сила государства слабѣе его наступательной силы.

Сиръ Куси сказалъ королю Карлу V, что англичане всего слабѣе и легче всего могутъ быть побѣждены у себя дома. То-же говорилось о римлянахъ; то-же самое испытали карѳагеняне, и то-же самое случится со всякимъ государствомъ, которое послало-бы въ далекія страны арміи, чтобы силою военной власти и дисциплины объединить тѣхъ, которые у себя дома разъединены политическими и гражданскими интересами. Государство, ослабленное остающеюся въ немъ болѣзнью, ослабляется еще и лекарствомъ отъ этой болѣзни.

Замѣчаніе сира Куси есть исключеніе изъ общаго правила, запрещающаго предпринимать отдаленныя войны. Но это исключеніе отлично подтверждаетъ правило, такъ какъ оно примѣняется лишь къ тѣмъ, которые сами нарушили правило [1]).

ГЛАВА IX.

О силѣ государствъ относительной.

Всякое величіе, всякая сила, всякое могущество—явленія относитель-

[1]) А. В. такъ какъ оно примѣняется лишь къ тѣмъ, которые сами предприняли ихъ.

ныя. Стремясь увеличить дѣйствительное величіе, слѣдуетъ всегда остерегаться, чтобы при этомъ не уменьшилось величіе относительное.

Около середины царствованія Людовика XIV Франція была на высшей точкѣ своего относительнаго величія. У Германіи еще не было тѣхъ великихъ государей, которые явились тамъ впослѣдствіи. Италія была въ томъ-же положеніи. Шотландія съ Англіей и Арагонія съ Кастиліей не образовывали еще одного монархическаго тѣла; части, отдѣленныя отъ Испаніи, были слабы и въ свою очередь ослабляли Испанію. Москва была въ Европѣ столь-же мало извѣстна, какъ и Крымъ.

ГЛАВА X.

О слабости сосѣдняго государства.

Имѣя по сосѣдству государство, находящееся въ упадкѣ [1]), государь никакъ не долженъ ускорять его разрушенія, такъ какъ онъ въ такомъ случаѣ находится въ наивозможно счастливѣйшемъ положеніи. Ничто не можетъ быть выгоднѣе для него, какъ имѣть подъ бокомъ у себя государя, который получаетъ за него всѣ удары и оскорбленія фортуны. И очень рѣдко бываетъ, чтобы отъ завоеванія такого государства дѣйствительная сила могла-бы увеличиться на столько-же, на сколько при этомъ уменьшилась сила относительная.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

О законахъ въ ихъ отношеніяхъ къ силѣ наступательной.

ГЛАВА I.

О силѣ наступательной.

Наступательная сила регулируется международнымъ правомъ, которое есть политическій законъ націй, разсматриваемыхъ въ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ онѣ состоятъ другъ къ другу.

ГЛАВА II.

О войнѣ.

Жизнь государства подобна жизни человѣка. Люди имѣютъ право убивать въ случаѣ естественной самообороны; государства имѣютъ право вести войну изъ-за самосохраненія.

---

[1]) Не намекъ ли это на Испанію?

Въ случаѣ естественной самообороны, я имѣю право убить, потому что моя жизнь принадлежитъ мнѣ, такъ-же какъ жизнь того, кто на меня нападаетъ, принадлежитъ ему; и государство въ правѣ вести войну, потому что его самоохраненіе равно всякому другому самоохраненію.

Между гражданами право естественной самообороны не заключаетъ въ себѣ необходимости нападенія. Вмѣсто того, чтобы нападать другъ на друга, они должны обратиться къ судебнымъ установленіямъ. Поэтому они могутъ осуществлять право этой самообороны лишь въ краткіе моменты такого положенія, когда человѣкъ погибъ-бы, если бы сталъ ожидать помощи законовъ. Но что касается до обществъ, то тутъ право естественной обороны иногда влечетъ за собою и необходимость нападенія, въ томъ, напримѣръ, случаѣ, когда народъ видитъ, что болѣе продолжительный миръ дастъ другому государству возможность его уничтожить, и что въ данный моментъ нападеніе является для него единственнымъ средствомъ предотвратить это уничтоженіе [1]).

Отсюда слѣдуетъ, что небольшія общества чаще большихъ имѣютъ право прибѣгать къ войнѣ, такъ какъ имъ чаще приходится находиться въ положеніи, заставляющемъ ихъ опасаться за свое существованіе.

Поэтому право войны вытекаетъ изъ необходимости и строгой справедливости [2]). Если тѣ, которые управляютъ совѣстью государя или его совѣтами [3]), не остаются въ предѣлахъ этого права, то тогда все погибло; а если они будутъ руководиться произвольными принципами славы, приличія и пользы, то земля будетъ залита потоками крови.

И пусть ни въ какомъ случаѣ не говорятъ намъ о славѣ государя. Его властолюбіе и гордость—вотъ что будетъ его славой; но это страсти, а не законное право.

Правда, что славой о своемъ могуществѣ онъ можетъ увеличить силы своего государства, но того-же самаго онъ можетъ достигнуть и славой о своей справедливости.

ГЛАВА III.

О правѣ завоеванія [4]).

Изъ права войны вытекаетъ право завоеванія; оно—его слѣдствіе [5]), и потому должно слѣдовать его духу.

---

[1]) Очень удобный для властолюбцевъ предлогъ заводить войны по внушенію своихъ страстей и прихотей.

[2]) «Есть только два рода справедливыхъ войнъ: война для отраженія нападающаго непріятеля и война для подачи помощи подвергшемуся нападенію союзнику». *Персидскія письма.* XCVI, рус. пер. стр. 199.

[3]) Духовники и министры.

[4]) *Персидскія письма*, XCV, рус. пер. стр. 196.

[5]) См. кн. I, гл. III.

Право завоевателя на завоеванный имъ народъ опирается на четыре рода законовъ: законъ природы, по которому все существующее стремится къ сохраненію своего вида; законъ естественнаго разума, который требуетъ, чтобы мы поступали съ другими такъ, какъ хотѣли-бы, чтобы они поступали съ нами; законъ образованія политическихъ обществъ, по которому онѣ созданы такъ, что природа не ограничила продолжительности ихъ существованія, и, наконецъ, на законъ, который вытекаетъ изъ самой сущности вещи. Завоеваніе есть пріобрѣтеніе; но духъ пріобрѣтенія несетъ съ собою духъ сохраненія и пользованія, а не духъ разрушенія.

Государство, завоевавшее другое государство, поступаетъ съ нимъ по одному изъ слѣдующихъ четырехъ способовъ: или оно продолжаетъ управлять имъ по его собственнымъ законамъ, предоставивъ себѣ лишь дѣло правленія политическаго и гражданскаго; или оно даетъ ему новое политическое и гражданское правленіе; или оно разрушаетъ это общество и растворяетъ его въ прочихъ обществахъ; или, наконецъ, оно истребляетъ всѣхъ гражданъ.

Первый способъ согласенъ съ международнымъ правомъ, которымъ мы руководимся нынѣ; четвертый болѣе согласуется съ международнымъ правомъ римлянъ, изъ чего можно судить до какой степени мы стали лучше ихъ въ этомъ отношеніи. Воздадимъ здѣсь должное почтеніе новѣйшему времени, современному разуму, нынѣшней религіи, нашей философіи, нашимъ нравамъ.

Авторы нашего публичнаго права, основываясь на исторіяхъ древности и взявъ за точку отправленія строгую справедливость, впали въ большія заблужденія; они вдались въ произволъ и признали за завоевателями какое-то невѣдомое право убивать, которое привело ихъ къ заключеніямъ, столь-же ужаснымъ, какъ принципъ, и побудило установить такія правила, которымъ не слѣдовали и сами завоеватели, сохранившіе каплю здраваго смысла. Ясно, что разъ завоеваніе совершено, завоеватель уже не имѣетъ права убивать, потому что онъ уже не находится въ положеніи естественной обороны и подъ вліяніемъ чувства самосохраненія.

Думали же они такъ потому, что, признавъ за завоевателемъ право уничтожить общество [1]), они заключили отсюда, что оно даетъ ему и право уничтожить людей, изъ которыхъ общество состоитъ; но это не болѣе какъ ложно выведенное послѣдствіе изъ ложнаго принципа, такъ какъ изъ того, что нужно уничтожить общество, вовсе не слѣдуетъ, что необходимо для этого уничтожить и людей, его образующихъ. Общество есть связь, соединяющая людей, а не сами люди. Гражданинъ можетъ погибнуть, а человѣкъ остаться цѣлъ.

Изъ права убивать при завоеваніи политики извлекли право обращать

---

[1]) Въ настоящее время сказали бы націю или государство.

въ рабство; но заключеніе ихъ столь-же мало основательно, какъ и исходная точка.

Завоеватель имѣетъ право обращать въ рабство лишь тогда, когда это необходимо для сохраненія завоеваннаго. Предметъ завоеванія—сохраненіе, а никакъ не порабощеніе; можетъ, однако, случиться, что послѣднее явится необходимымъ средствомъ для цѣлей сохраненія.

Въ такомъ случаѣ было-бы противно природѣ дѣла устанавливать это рабство на вѣчныя времена. Надо, чтобы народъ-рабъ могъ обратиться въ подданнаго. Порабощеніе есть случайное послѣдствіе завоеванія. Когда, по истеченіи нѣкотораго времени, всѣ части государства—завоевателя объединятся съ частями государства завоеваннаго посредствомъ обычаевъ, браковъ, законовъ, сообществъ и нѣкотораго единомыслія, рабство должно быть устранено. Права завоевателя основываются лишь на отсутствіи такого объединенія и на существованіи между обоими народами отчужденія, при которомъ не можетъ быть взаимнаго довѣрія между ними.

Итакъ, завоеватель, обращающій народъ въ состояніе рабства, долженъ всегда имѣть въ запасѣ средства (а ихъ безчисленное множество) вывести его изъ этого состоянія.

То, что я говорю — не пустое предположеніе. Такъ поступали наши отцы [1]), завоевавшіе Римъ. Законы, которые они, опьяненные гордостью своихъ побѣдъ, создали въ пылу битвъ, въ разгарѣ дѣйствія, были ими впослѣдствіи смягчены. Ихъ законы были суровы, они ихъ сдѣлали безпристрастными. Бургунды, готы и лонгабарды всегда хотѣли держать римлянъ въ положеніи побѣжденнаго народа, а законы Эврика, Гундебода и Эвтариса сдѣлали изъ варваровъ и римлянъ согражданъ [2]).

Карлъ Великій, чтобы укротить саксовъ, лишилъ ихъ наивной простоты быта и собственности имуществъ. Людовикъ Благочестивый освободилъ ихъ [3]): это было самымъ лучшимъ дѣломъ его царствованія. Время и рабство смягчили ихъ нравы, и Саксы всегда были вѣрны ему.

---

[1]) Позволю себѣ здѣсь сдѣлать замѣтку. Не одинъ изъ тѣхъ писателей, которые, компилируя все, что попадется подъ руку, становятся историками (я не имѣю въ виду такого человѣка, какъ Монтескье), не одинъ изъ такихъ писателей, послѣ сдѣланнаго имъ заявленія, что его нація—первая нація въ свѣтѣ, что Парижъ—первый городъ въ свѣтѣ, а кресло съ ручками, въ которое садится его король, первый тронъ въ свѣтѣ,—нисколько не затрудняется произносить: *мы, наши предки, наши отцы*, когда онъ говоритъ о франкахъ, вышедшихъ изъ болотъ Рейна и Мааса, грабить и покорять Галлію. Аббатъ Вели говоритъ: *мы*. Э! другъ мой, точно ли ты увѣренъ въ своемъ происхожденіи отъ франка? Почему бы тебѣ не быть потомкомъ бѣдной гальской семьи? (Вольтеръ).

[2]) См. Сводъ законовъ варваровъ и послѣдующую XXVIII книгу. (М.).

[3]) См. неизвѣстнаго автора жизнеописанія Людовика Благочестиваго въ *Сборникѣ Дюшена*. (Recueil Duchesne) т. II, стр. 296. (М.).

ГЛАВА IV.

Нѣкоторыя выгоды, приносимыя народу завоеваніемъ.

Вмѣсто того, чтобы выводить изъ права завоеванія столь роковыя послѣдствія, политики лучше бы занялись указаніемъ тѣхъ выгодъ, которыя это право можетъ иной разъ принести покоренному народу. Эти выгоды были бы для нихъ ощутительнѣе, если бы законы нашего международнаго права соблюдались съ большей точностью и были бы установлены по всей землѣ.

Государства, подвергающіяся завоеванію, обыкновенно страдаютъ внутреннимъ разстройствомъ: ихъ учрежденія ослаблены, ихъ нравы испорчены, ихъ законы не соблюдаются, ихъ правительство стало притѣснителемъ. Какъ сомнѣваться, что такое государство не выиграло бы, не извлекло бы для себя какія-нибудь выгоды даже изъ своего завоеванія, если-бы оно не было разрушительнымъ! Что можетъ потерять правленіе, дошедшее до такого разстройства, при которомъ оно уже не въ силахъ само себя преобразовать, отъ того, что оно будетъ переустроено заново? Завоеватель, явившійся среди народа, гдѣ богачъ, съ помощью тысячи уловокъ и ухищреній, нечувствительно обезпечилъ себѣ безчисленныя средства ко всякаго рода захватамъ; гдѣ бѣднякъ, который стонетъ, видя какъ все, что онъ считалъ злоупотребленіемъ, становится закономъ и, терпя угнетеніе, не смѣетъ на него жаловаться; завоеватель, говорю я, можетъ все это разстроить, и глухая тираннія первая потерпитъ отъ насилія [1]).

Были, напримѣръ, случаи, когда государства, угнетенныя откупщиками, бывали облегчаемы завоевателями, которые не имѣли ни обязательствъ, ни нуждъ ихъ законнаго государя. Злоупотребленія исчезали сами собою, даже безъ содѣйствія завоевателя [2]).

Иногда умѣренные нравы завоевательной націи давали ей возможность не лишать побѣжденныхъ того необходимаго, которое было у нихъ отнято ихъ законнымъ государемъ.

Завоеваніе можетъ разрушить вредные предразсудки, и если смѣю такъ выразиться, дать въ руководители народу лучшаго генія [3]).

Сколько добра могли бы сдѣлать мексиканцамъ испанцы! Имъ предстояло даровать имъ кроткую религію, а они принесли имъ свирѣпые предразсудки. Они должны были сдѣлать рабовъ свободными, а они свободныхъ сдѣлали рабами. Они могли просвѣтить ихъ на счетъ зла чело-

---

[1]) Т. е. оправдываетъ его, достойна его.

[2]) См. кн. XIII, гл. XVI.

[3]) Монтескье какъ будто и не подозрѣваетъ, что ничто не можетъ вознаградить покоренный народъ за его уничтоженную національность и утраченную независимость. Какое матеріальное благо можетъ возмѣстить нравственное крушеніе подобнаго рода?

вѣческихъ жертвоприношеній, а они вмѣсто этого истребили ихъ. Я бы никогда не кончилъ, если бы сталъ перечислять все несдѣланное ими добро и все сдѣланное ими зло.

Завоеватель долженъ исправить часть сдѣланныхъ имъ золъ. Право завоеванія я опредѣляю такъ: это необходимое, законное и злосчастное право, которое всегда налагаетъ на завоевателя громадныя обязательства, чтобы онъ могъ расквитаться съ природой человѣческой.

ГЛАВА V.

Гелонъ, царь Сиракузскій.

Мирный заговоръ, который Гелонъ заключилъ съ карѳагенянами, есть, какъ я полагаю, самый прекрасный изо всѣхъ извѣстныхъ исторіи договоровъ этого рода. Онъ потребовалъ отъ нихъ отмѣны жертвоприношенія дѣтей [1]). Не великолѣпное ли это дѣло! послѣ пораженія, нанесеннаго имъ тремстамъ тысячамъ карѳагенянъ, онъ предъявилъ имъ требованіе, которое было полезно только для нихъ-же самихъ или, вѣрнѣе, явился передъ ними заступникомъ за родъ человѣческій.

Бактріане отдавали своихъ престарѣлыхъ родителей на съѣденіе большимъ собакамъ. Александръ запретилъ имъ это [2]), и это запрещеніе было побѣдой, которую онъ одержалъ надъ предразсудками.

ГЛАВА VI.

О завоеваніяхъ республики [3]).

Противно природѣ вещей, чтобы въ федеративномъ государствѣ одинъ изъ членовъ союза дѣлалъ завоеваніе на счетъ другого члена его, какъ это мы видѣли въ наши дни у швейцарцевъ [4]). Но въ смѣшанныхъ федеративныхъ республикахъ, состоящихъ изъ небольшихъ республикъ и небольшихъ монархій, это менѣе неумѣстно.

Несогласно также съ природою вещей, чтобы демократическая республика завоевывала города, которые не могутъ войти въ сферу демократіи. Надо, чтобы завоеванный народъ могъ пользоваться привилегіями верховной власти, какъ оно было вначалѣ установлено римлянами.

---

[1]) См. *le Recueil* de M. Barbeyrac (Истор. древн. трактатовъ, Амстердамъ, 1739 г.) гл. 112. (М.).

[2]) Страбонъ, кн. XI.

[3]) Юмъ излагалъ такія же идеи въ своихъ *Опытахъ моральныхъ и политическихъ*, IV-й опытъ: *о томъ, что политика можетъ быть излагаема въ научной формѣ.*

[4]) Въ XV столѣтіи Швицъ и Цюрихъ боролись за обладаніе Тоггенбургомъ, небольшой долиной Сенъ-Галленскаго кантона. Съ 1706 до 1718 г. жители этой долины вели съ С. Галленскимъ аббатствомъ вторую тоггенбургскую войну, которая привела ихъ къ освобожденію.

Размѣръ завоеванія долженъ быть ограниченъ опредѣленнымъ для демократіи числомъ ея гражданъ [1]).

Если демократія покоритъ народъ, чтобы управлять имъ, какъ своимъ подданнымъ, то этимъ она подвергнетъ опасности свою собственную свободу, такъ какъ ей придется вручать слишкомъ большую власть лицамъ, которыхъ она пошлетъ управлять завоеваннымъ государствомъ.

Не величайшая ли опасность угрожала бы республикѣ Карѳагена, если бы Аннибалъ овладѣлъ Римомъ? Чего бы не могъ сдѣлать въ своемъ городѣ, послѣ побѣды, тотъ, кто произвелъ въ немъ столько переворотовъ послѣ своего пораженія [2]).

Ганнонъ никогда не могъ бы убѣдить сенатъ не посылать помощи Аннибалу, если бы въ немъ говорила только одна его зависть. Этотъ сенатъ, благоразуміе котораго хвалитъ Аристотель (оно доказывается и цвѣтущимъ состояніемъ карѳагенской республики), могъ принять такое рѣшеніе лишь на основаніи разумныхъ доводовъ. Было бы уже слишкомъ нелѣпо не понимать, что армія, удаленная на триста миль отъ своей страны, должна неизбѣжно нести потери, которыя необходимо пополнять.

Партія Ганнона хотѣла, чтобы Аннибалъ былъ преданъ римлянамъ [3]). Римлянъ тогда еще не боялись, значитъ боялись Аннибала.

Говорятъ, что карѳагеняне не вѣрили побѣдамъ Аннибала. Но возможно ли было такое сомнѣніе? Могли-ли разсыпанные по всей землѣ карѳагеняне не знать того, что происходило въ Италіи? Нѣтъ; именно потому, что они знали это, имъ и не хотѣлось посылать помощи Аннибалу. Послѣ битвъ при Требіи, Тразименскомъ озерѣ и при Каннахъ Ганнонъ все болѣе и болѣе утверждался въ своемъ рѣшенія: не сомнѣнія его усиливались въ немъ, а его опасенія [4]).

ГЛАВА VII.

Продолженіе о томъ-же предметѣ.

Завоеванія, совершаемыя демократіями, имѣютъ еще слѣдующее неудобство: правленіе ихъ всегда ненавистно покореннымъ государствамъ. По фикціи оно монархическое, но на дѣлѣ оно болѣе сурово, чѣмъ монархическое, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ опытъ всѣхъ временъ и странъ.

Положеніе покоренныхъ народовъ подъ этимъ управленіемъ очень печально: они не могутъ пользоваться ни преимуществами республики, ни преимуществами монархіи.

---

[1]) См. кн. II, гл. II, примѣч. I.

[2]) Онъ стоялъ во главѣ заговора. (М.) Титъ Ливій, XXXIII, XLVI.

[3]) Ганнонъ хотѣлъ выдать Аннибала римлянамъ, какъ Катонъ хотѣлъ, чтобы Цезарь былъ преданъ галламъ. (М.).

[4]) Сравните съ тѣмъ, что говоритъ Сентъ-Эвремонъ въ VII-ой гл. книги *Размышленія о римлянахъ.*

Сказанное мною о государствѣ народномъ, можетъ быть примѣнено и къ аристократіи.

ГЛАВА VIII

Продолженіе о томъ-же предметѣ.

Итакъ, республика, которая держитъ въ своемъ подчиненіи какой-нибудь народъ, должна стараться исправить неудобства, вытекающія изъ природы такого порядка вещей, посредствомъ дарованія этому народу хорошаго государственнаго права и хорошихъ гражданскихъ законовъ.

Одна итальянская республика имѣла у себя въ подчиненіи островитянъ [1]); но ея политическое устройство и гражданское право были по отношенію къ нимъ очень дурны. Всѣ помнятъ данную ею амнистію, въ которой сказано, что ихъ не будутъ болѣе присуждать къ тѣлеснымъ наказаніямъ по усмотрѣнію губернатора [2]). Нерѣдко народы требуютъ себѣ привилегій; здѣсь же властитель даруетъ народу, какъ привилегію, право общее для всѣхъ народовъ.

ГЛАВА IX.

О монархіи, покоряющей окрестныя страны.

Если монархія можетъ дѣйствовать долгое время, прежде чѣмъ ослабить себя своимъ чрезмѣрнымъ увеличеніемъ, то она достигнетъ грознаго могущества и не утратитъ своей силы, пока будетъ тѣснима сосѣдними монархіями.

Поэтому ея завоеванія должны продолжаться только до тѣхъ поръ, пока они не вышли изъ границъ, свойственныхъ природѣ ея правленія. Благоразуміе предписываетъ ей остановиться, какъ только она переступила ихъ.

При завоеваніяхъ этого рода надо, чтобы въ завоеванной странѣ все осталось въ томъ-же положеніи, въ какомъ было прежде: тѣ-же суды, тѣ-же законы, тѣ-же обычаи, тѣ-же привилегіи; ничто не должно быть измѣнено, кромѣ арміи да имени государя.

Когда монархія распространила свои предѣлы завоеваніемъ нѣсколькихъ сосѣднихъ провинцій, она должна управлять ими съ величайшей кротостью.

---

[1]) Генуя повелѣвала Корсикой.

[2]) Вотъ текстъ амнистіи отъ 18 октября 1738 г., напечатанный въ Генуѣ, у Франкелли. *Vietamo al nostro general governatore in detta isola, di condannare in avenire solamente* ex informata conscientia *persona alcune nazionale in pena afflittiva. Potra ben si far arrestare ed incarcerare le persona che gli saranno sospette; salvo di renderne poi a noi conto sollecitamente.* гл. VI. См. также Амстердамскую *Газету* отъ 23 декабря 1738 г. (М.).

Если монархія долго занималась завоеваніями, то тѣ области, изъ которыхъ состояло все ея исконное владѣніе, обыкновенно бываютъ очень истощены. Имъ приходится терпѣть и отъ новыхъ, и отъ старинныхъ злоупотребленій, и часто обширная столица, которая все поглощаетъ, отнимаетъ у нихъ значительную часть населенія [1]). Если же монархія, совершающая завоеванія вокругъ этихъ исконныхъ владѣній, станетъ обращаться и съ народами покоренныхъ ею провинцій такъ-же, какъ со своими старинными подданными, то государство погибнетъ. Всѣ дани, собираемыя съ покоренныхъ провинцій столицею, будутъ поглощены ею безвозвратно, пограничныя области будутъ разорены; ихъ населеніе исполнено непріязни, и содержаніе армій, которыя должны тамъ оставаться и дѣйствовать, станетъ болѣе труднымъ.

Таково неизбѣжное положеніе завоевательной монархіи: страшная роскошь въ столицѣ, нищета въ нѣсколько отдаленныхъ отъ нея провинціяхъ и изобиліе на окраинахъ: совсѣмъ какъ на нашей планетѣ: огонь въ центрѣ, зелень на поверхности, сухая, безплодная и холодная земля посрединѣ.

ГЛАВА X.

О монархіи, которая завоевываетъ другую монархію.

Иногда монархія завоевываетъ другую монархію. Чѣмъ послѣдняя меньше, тѣмъ легче удерживать ее въ подчиненіи посредствомъ крѣпостей; чѣмъ она больше, тѣмъ удобнѣе сохранять ее въ своемъ владѣніи посредствомъ колоній [2]).

ГЛАВА XI.

О нравахъ побѣжденнаго народа.

При такого рода завоеваніяхъ недостаточно оставить побѣжденному народу его законы; гораздо болѣе, быть можетъ, необходимо не нарушать его нравовъ, потому что народъ всегда болѣе любитъ и ревностнѣе защищаетъ свои нравы, чѣмъ свои законы.

Французы были девять разъ изгоняемы изъ Италіи, по причинѣ, какъ говорятъ историки [3]), ихъ наглаго обращенія съ женщинами. Не по силамъ народу, страдающему отъ высокомѣрія побѣдителя, выносить еще и его невоздержность и эту беззастѣнчивость, которая хуже всего, потому что порождаетъ безчисленныя оскорбленія.

---

[1]) А. В. Необходимо, чтобы терпѣли и отъ новыхъ, и отъ старинныхъ злоупотребленій, и чтобы обширная столица, которая все поглощаетъ, лишала ихъ населенія.

Монтескье смягчилъ первоначальный текстъ, чтобы въ немъ не усмотрѣли слишкомъ прямого намека на французскую монархію и на Парижъ.

[2]) Макіавелли, *Государь*, гл. III.

[3]) Ср. *Всемірную исторію* Пуффендорфа. (М.).

ГЛАВА XII.

Объ одномъ законѣ Кира.

Я не вижу ничего хорошаго въ законѣ Кира, по которому лидяне были осуждены заниматься однѣми только низкими и постыдными профессіями. Спѣшатъ предупреждать ближайшую бѣду и, опасаясь революцій, не помышляютъ о нашествіяхъ. Но вскорѣ явятся и нашествія; оба народа сливаются и развращаютъ другъ друга. Я предпочелъ-бы поддерживать законами суровые нравы побѣдителя, чѣмъ поощрять ими изнѣженность побѣжденнаго.

Аристодемъ, бывшій тираномъ въ Кумахъ [1]), старался подорвать мужество молодежи. Онъ хотѣлъ, чтобы юноши отпускали длинные волосы на подобіе публичныхъ женщинъ; чтобы они украшали ихъ цвѣтами и одѣвались въ разноцвѣтныя платья длиною до пятъ; чтобы женщины носили за ними зонтики, ароматы и опахала, когда они отправлялись къ своимъ учителямъ танцевъ или музыки, и подавали имъ гребни и зеркала, когда они находились въ баняхъ. Такое воспитаніе продолжалось до двадцатилѣтняго возраста. Все это прилично лишь маленькому тирану, который подрываетъ свою власть ради спасенія своей жизни.

ГЛАВА XIII.

Карлъ XII [2]).

Этотъ государь, опиравшійся только на однѣ собственныя свои силы, погубилъ себя потому, что задавался замыслами, требовавшими для своего выполненія долгой войны, которая была не по силамъ его государству.

Онъ задумалъ сокрушить не государство въ періодѣ упадка, а имперію въ періодѣ ея зарожденія. Москвитяне воспользовались войною съ нимъ, какъ школой. Послѣ каждаго пораженія они приближались къ побѣдѣ и, терпя внѣшній уронъ, научались внутренней оборонѣ.

Блуждая въ пустыняхъ Польши, по которымъ какъ-бы разсыпалась Швеція, онъ считалъ себя повелителемъ міра, между тѣмъ какъ его главный врагъ укрѣплялся противъ него, тѣснилъ его, утверждался на берегахъ Балтійскаго моря и частью разрушалъ, частью завоевывалъ Ливонію.

Швеція походила на рѣку, теченію которой давали другое направленіе, уничтожая въ то-же время питавшіе ее источники.

Не Полтава погубила Карла: онъ все равно погибъ-бы, если не въ этомъ, такъ въ другомъ мѣстѣ. Случайности фортуны легко исправляются,

---

[1]) Діонисій Галикарнасскій, кн. VII. (М.).
[2]) *Персидскія письма*, CXXVII, русск. пер., стр 267.

но нельзя защитить себя отъ событій, постоянно порождаемыхъ природою вещей [1]).

Главнымъ врагомъ его была не столько природа или неудача, сколько онъ самъ.

Въ дѣятельности своей онъ не сообразовался съ существующимъ положеніемъ вещей, а слѣдовалъ принятому имъ извѣстному образцу, которому при томъ подражалъ очень дурно. Онъ не былъ Александромъ, но могъ бы быть лучшимъ солдатомъ Александра.

Замыслы Александра увѣнчались успѣхомъ только потому, что они были разумны. Неудачный исходъ нашествій персовъ на Грецію, завоеванія Агезилая и отступленіе десяти тысячъ ясно обнаружили превосходство военной тактики и вооруженія грековъ, и всѣмъ было извѣстно, что персы слишкомъ важны, чтобы исправиться.

Они не могли уже ослаблять Грецію, производя въ ней внутреннія раздѣленія; она была соединена тогда подъ властью вождя, который зналъ, что лучшимъ средствомъ не дать ей замѣтить ея подчиненность будетъ ослѣпить ее уничтоженіемъ ея вѣчныхъ враговъ и надеждою на покореніе Азіи.

Государство, населенное самымъ трудолюбивымъ народомъ въ мірѣ, и воздѣлывавшее землю по заповѣди религіи, плодоносное и всѣмъ изобилующее, давало непріятелю всевозможныя удобства держаться въ немъ.

Судя по высокомѣрію его царей, не извлекавшихъ никакихъ уроковъ изъ своихъ пораженій, можно было предвидѣть, что они ускорятъ свое паденіе, давая постоянно сраженія, и что лесть никогда не позволитъ имъ усомниться въ своемъ величіи.

Предпріятіе было не только мудро задумано, но и разумно выполнено. Среди стремительности своихъ дѣйствій и даже въ самомъ пылу своихъ страстей Александръ всегда сохранялъ ту, если смѣю такъ выразиться, черту холоднаго разсудка, которая всегда руководила имъ и которую не удалось скрыть отъ насъ тѣмъ, которые, по внушенію своего разсудка, болѣе поврежденнаго, чѣмъ у него, хотѣли сдѣлать романъ изъ его исторіи. Поговоримъ о немъ.

ГЛАВА XIV.

Александръ [2]).

Онъ выступилъ въ походъ лишь послѣ того, какъ обезопасилъ Македонію отъ сосѣднихъ варварскихъ народовъ и довершилъ пораженіе гре-

---

[1]) См. *Размышленія о величіи и упадкѣ Римлянъ*, гл. XVIII, стр. 273.

[2]) Монтескье одинъ изъ первыхъ въ ряду новѣйшихъ писателей возстановилъ, по выраженію Сервана, Александра въ его правахъ на почтительное удивленіе потомства. За нимъ въ томъ же направленіи послѣдовалъ Вольтеръ и Робертсонъ, въ своей *Исторіи Америки*.

ковъ; онъ воспользовался этимъ пораженіемъ лишь для выполненія своего замысла; онъ сдѣлалъ безсильной зависть лакедемонянъ; онъ аттаковалъ приморскія области; онъ повелъ свою сухопутную армію по берегамъ моря, чтобы не удалять ее отъ флота; онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ противопоставилъ дисциплину численностью; онъ не терпѣлъ нужды въ продовольствіи; и если справедливо, что побѣда доставила ему все, чего онъ желалъ, то и онъ тоже сдѣлалъ все, чтобы доставить себѣ побѣду.

При началѣ своего предпріятія, то-есть въ то время, когда неудача могла его погубить, онъ очень немногое отдавалъ на волю случая; когда же счастіе вознесло его надъ случайностями, дерзкая отвага бывала иногда однимъ изъ средствъ его успѣховъ. Напавъ, передъ своимъ выступленіемъ, на трибалловъ и иллирійцевъ, онъ ведетъ съ ними войну [1]), подобную той, которую Цезарь велъ противъ галловъ. Возвратившись въ Грецію [2]), онъ, какъ бы нехотя, беретъ и разрушаетъ Ѳивы: расположившись лагеремъ противъ этого города, онъ ждетъ отъ ѳиванцевъ предложенія мира; они сами ускоряютъ свою гибель. Когда дѣло идетъ о сраженіи съ морскими силами Персіи [3]), то наиболѣе отважнымъ является Парменіонъ, а наиболѣе сдержаннымъ Александръ. Онъ искусно отодвигаетъ персовъ отъ береговъ моря, чтобы вынудить ихъ покинуть свой флотъ, который былъ могущественнѣе его флота. Тиръ былъ по принципу сторонникомъ персовъ, которые не могли обходиться безъ его торговли и кораблей; Александръ разрушилъ этотъ городъ. Онъ взялъ Египетъ, который былъ оставленъ безъ защиты Даріемъ, собиравшимъ въ то время безчисленныя арміи въ предѣлахъ другого міра.

Переходъ черезъ Граникъ доставилъ Александру господство надъ колоніями грековъ; битва при Иссѣ отдала ему въ руки Тиръ и Египетъ; битва при Арбеллахъ отдала ему во власть всю землю.

Послѣ битвы при Иссѣ, онъ оставляетъ безъ вниманія бѣгущаго Дарія и хлопочетъ только объ утвержденіи и приведеніи въ порядокъ своихъ завоеваній; послѣ битвы при Арбеллахъ онъ преслѣдуетъ его по пятамъ [4]), не оставляя ему ни одного убѣжища во всемъ его царствѣ. Дарій вступаетъ въ свои города и области только для того, чтобы тотчасъ же бѣжать далѣе; движенія Александра такъ быстры, что господство надъ міромъ какъ будто стало не столько исходомъ побѣды, сколько наградой за состязаніе въ бѣгѣ, какъ на играхъ Греціи.

Такъ онъ совершалъ свои завоеванія; посмотримъ, какъ онъ сохранялъ ихъ.

Онъ не внималъ тѣмъ, которые хотѣли, чтобы онъ обращался съ гре-

---

[1]) См. у Арріана, *Исторія походовъ Александра*, lib. I. (М.).
[2]) Ibid. (М.).
[3]) Ibid. (М.).
[4]) См. *Походы Александра* Арріана, кн. I. (М.).

ками [1]), какъ съ господами, а съ персами, какъ съ рабами; онъ заботился только о томъ, чтобы соединить обѣ націи и стереть различія между народомъ завоевателемъ и народомъ завоеваннымъ. Онъ отбросилъ, послѣ побѣды, всѣ предразсудки, которые помогали ему одержать ее. Онъ принялъ нравы персовъ, чтобы не огорчить персовъ, заставляя ихъ принять нравы грековъ. Поэтому онъ обошелся такъ почтительно съ матерью Дарія и выказалъ такую воздержность. Не удивителенъ ли этотъ завоеватель, оплакиваемый всѣми завоеванными имъ народами? Не поразителенъ ли этотъ узурпаторъ, смерть котораго вызываетъ слезы семьи государя, лишеннаго имъ престола? Это такая черта его жизни, что историки не скажутъ намъ, чтобы какой-нибудь другой завоеватель могъ похвалиться подобной.

Ничто такъ не упрочиваетъ завоеванія, какъ единеніе, образующееся между обоими народами посредствомъ браковъ. Александръ бралъ себѣ женъ изъ среды побѣжденнаго имъ народа; онъ хотѣлъ, чтобы такъ же поступали его придворные [2]); остальные македоняне послѣдовали этому примѣру. Франки и бургунды [3]) дозволяли такіе браки; вестготы [4]) сначала воспретили ихъ въ Испаніи, а потомъ дозволили; лонгобарды не только дозволяли, но и поощряли [5]) ихъ. Когда римляне вознамѣрились ослабить Македонію, они запретили заключеніе браковъ между жителями ея различныхъ провинцій.

Желая объединить оба народа, Александръ задумалъ основать въ Персіи большое множество греческихъ колоній. Онъ построилъ безчисленные города и такъ крѣпко спаялъ части своего новаго царства, что по смерти его, среди тревогъ и смутъ жесточайшихъ междоусобій. въ то время, когда греки, такъ сказать, сами уничтожали себя, ни одна изъ провинцій Персіи не возмутилась.

Чтобы не истощать Греціи и Македоніи, онъ послалъ въ Александрію колонію евреевъ [6]): для него были безразличны нравы народа, лишь бы онъ былъ вѣренъ ему.

Онъ [7]) оставлялъ побѣжденнымъ народамъ не только ихъ нравы, но и ихъ гражданскіе законы, а часто даже и ихъ прежнихъ царей и област-

---

[1]) Таковъ былъ совѣтъ Аристотеля, *Сочин. моральныя: О судьбѣ Александра.* (М.).

[2]) См. Арріана, *Походы Александра*, кн. VII. (М.).

[3]) См. законъ Бургундовъ, гл. XII, отд. V. (М.).

[4]) См. законъ Вестготовъ, кн. III, отд. I, § 1, которымъ отмѣняется древній законъ, обращавшій болѣе вниманія на различія по національностямъ, чѣмъ по условіямъ положенія. (М.).

[5]) См. зак. Лонгобардовъ, кн. II, отд. VII, § 1 и 2. (М.).

[6]) Государи Сиріи пренебрегая планомъ основателя царства, стали принуждать евреевъ къ усвоенію греческихъ нравовъ, что произвело большія смуты въ государствѣ. (М.).

[7]) Всего послѣдующаго до конца главы въ изд. А. и В., не имѣется.

ныхъ правителей. Онъ ставилъ македонянъ [1]) во главѣ войскъ, а во главѣ правленія—туземцевъ, предпочитая возможную измѣну какого-нибудь отдѣльнаго лица (что иногда и случалось), возможности общаго возстанія. Онъ относился съ уваженіемъ къ древнимъ традиціямъ и ко всѣмъ памятникамъ славы или тщеславія народовъ. Цари Персіи разрушили храмы грековъ, вавилонянъ и египтянъ; онъ возстановилъ ихъ [2]). Онъ приносилъ жертвы на алтаряхъ почти всѣхъ подчинившихся ему народовъ. Онъ совершалъ свои завоеванія какъ-бы для того, чтобы стать отдѣльнымъ государемъ каждаго народа и первымъ гражданиномъ каждаго города. Римляне все завоевали, чтобы все разрушить; онъ хотѣлъ все завоевать, чтобы все сохранить, и въ какой бы странѣ онъ ни появлялся, первая мысль его, первыя его намѣренія всегда клонились къ тому, чтобы сдѣлать что-нибудь для увеличенія ея благосостоянія и могущества. Онъ находилъ средства для этого, прежде всего—въ величіи своего генія; затѣмъ въ своей воздержности и обычаяхъ своего частнаго хозяйства [3]) и, наконецъ, въ своей безграничной щедрости на великія дѣла. Его рука сжималась для частныхъ издержекъ и широко раскрывалась для публичныхъ. Взгляните на него, когда онъ правитъ своимъ домашнимъ хозяйствомъ и вы увидите македонца; взгляните на него, когда онъ уплачиваетъ долги своихъ солдатъ, извѣщаетъ о своихъ завоеваніяхъ грековъ и устраиваетъ благополучіе каждаго человѣка своей арміи—и передъ вами Александръ.

Онъ сдѣлалъ два дурныхъ дѣла: разрушилъ Персеполь и убилъ Клита. Но онъ прославилъ ихъ своимъ раскаяніемъ: такъ что люди забыли его преступленія, сохранивъ лишь память о его уваженіи къ добродѣтели, такъ что на эти преступленія смотрѣли болѣе, какъ на постигшее его несчастіе, чѣмъ на свойственные ему поступки; такъ что потомство даже любуется прекрасными проявленіями его души почти рядомъ съ его увлеченіями и слабостями, такъ что приходилось его жалѣть, потому что невозможно было его ненавидѣть.

Сравню его съ Цезаремъ. Когда Цезарь захотѣлъ подражать царямъ Азіи, онъ возмутилъ римлянъ своимъ тщеславіемъ; когда Александръ захотѣлъ подражать царямъ Азіи, онъ совершилъ дѣло, входившее въ планъ его завоеванія.

ГЛАВА XV.

Новыя средства сохранять завоеванія.

Монарху, завоевавшему большое государство, предстоитъ прекрасная дѣятельность, одинаково способная и умѣрять деспотизмъ, и сохранить завоеванное; завоеватели Китая проявляли такую дѣятельность.

---

[1]) См. Арріана, *Походы Александра*, кн. III и другія. (М.).
[2]) См. *Походы Александра*, Арріана. (М.).
[3]) *Ibid*, кн. VII. (М.).

Чтобы не довести до отчаянія побѣжденный народъ и не дать слишкомъ возгордиться побѣдителю, чтобы предотвратить образованіе военнаго образа правленія и удержать оба народа въ предѣлахъ долга, татарская династія, нынѣ царящая въ Китаѣ, опредѣлила, чтобы войска, размѣщенныя по провинціямъ, состояли наполовину изъ китайцевъ и наполовину изъ татаръ, дабы самая зависть, съ которою обѣ эти націи относятся другъ къ другу, удерживала ихъ въ границахъ долга. Суды тамъ тоже наполовину китайскіе, наполовину татарскіе. Все это привело ко многимъ хорошимъ послѣдствіямъ: 1), обѣ націи сдерживаютъ другъ друга; 2), обладая обѣ властью военною и гражданскою, онѣ не могутъ подавлять другъ друга; 3), народъ завоеватель можетъ разлиться повсюду, не ослабляясь и не растворяясь въ побѣжденномъ; онъ становится способнымъ противостоять врагамъ внутреннимъ и внѣшнимъ. Это учрежденіе настолько благотворно, что именно отсутствіе его и погубило почти всѣхъ, совершившихъ завоеванія на землѣ.

ГЛАВА XVI.

О завоеваніяхъ государства деспотическаго.

Огромность завоеванія порождаетъ деспотизмъ [1]). Войска, разсыпаннаго по провинціямъ тогда уже не хватаетъ на все. Надо, чтобы около государя былъ всегда отрядъ, состоящій изъ воиновъ исключительно ему преданныхъ, всегда готовыхъ устремиться въ ту область имперіи, гдѣ могло бы вспыхнуть возстаніе. Эта дружина должна сдерживать всѣ прочія части войска и наводить трепетъ на всякаго, кому пришлось предоставить сколько-нибудь власти въ государствѣ. Китайскій императоръ всегда имѣетъ подъ рукой большой татарскій отрядъ, всегда готовый выступить по первой надобности. У могола, у турокъ, въ Японіи есть полки, состоящіе на жалованьи государей [2]), кромѣ тѣхъ, которые содержатся на доходы отъ земли [3]). Эти отдѣльныя силы удерживаютъ въ повиновеніи общія.

ГЛАВА XVII.

Продолженіе о томъ-же предметѣ.

Мы уже сказали, что государства, завоеванныя монархомъ деспотическимъ, должны быть обращены въ вассальныя государства. Историки истощаются въ похвалахъ завоевателямъ, которые возвращали корону побѣжденнымъ ими государямъ. Съ этой точки зрѣнія надо бы ви-

[1]) Ср. кн. VIII, гл. XVII, кн. XVII, гл. VI.
[2]) Какъ, напр., янычары у турокъ.
[3]) Сипаи и тимаріоты у Турціи.

дѣть особенное великодушіе въ римлянахъ, которые всюду создавали государей, съ цѣлью пользоваться ими какъ орудіями порабощенія [1]). Подобная мѣра объясняется необходимостью. Если завоеватель присоединитъ завоеванное государство, то, посылаемые имъ туда губернаторы не будутъ въ силахъ справляться съ подданными, а онъ самъ не будетъ въ состояніи справляться со своими губернаторами. Онъ увидитъ себя вынужденнымъ ослабить военную охрану своихъ исконныхъ владѣній, ради упроченія за собою новыхъ. Всякое бѣдствіе въ одномъ изъ государствъ станетъ общимъ бѣдствіемъ обоихъ; междоусобіе одного распространится и на другое. Если же, напротивъ, побѣдитель возвратитъ престолъ законному государю, то онъ будетъ имѣть въ немъ союзника, который увеличитъ его силы своими собственными силами. Такъ, на нашихъ глазахъ, Шахъ-Надиръ завоевалъ у Могола его сокровища, но оставилъ ему Индустанъ [2]).

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

О законахъ, устанавливающихъ политическую свободу въ ея отношеніи къ государственному устройству.

ГЛАВА I.

Общая идея.

Я отличаю тѣ законы, которые опредѣляютъ политическую свободу въ ея отношеніяхъ къ государственному устройству отъ тѣхъ, коими она опредѣляется въ ея отношеніяхъ къ гражданину. Первые будутъ предметомъ настоящей книги; о вторыхъ я буду говорить въ слѣдующей.

ГЛАВА II.

Различныя значенія, придаваемыя слову свобода.

Нѣтъ слова, которое получило бы столько разнообразныхъ значеній и производило бы столь различно впечатлѣніе на умы, какъ слово—свобода. Одни принимаютъ ее за легкую возможность низлагать того, кого они надѣлили тираннической властью; другіе—за право избирать того, кому они должны повиноваться; третьи—за право носить оружіе и совершать наси-

---

[1]) Тац., *Агрикола*, гл. XIV. *Vetere ac jam pridem recepta populi romani consuetudine, ut haberent instrumenta servitutis et reges.* (М.).

[2]) *Размышленія о величіи Римлянъ*, гл. IV, въ концѣ.

лія; тѣ видятъ ее въ привилегіи состоять подъ управленіемъ человѣка своей національности или своихъ собственныхъ законовъ [1]). Нѣкій народъ, долго принималъ свободу за обычай носить длинную бороду [2]). Иные соединяютъ это названіе съ извѣстной формой правленія, за исключеніемъ всѣхъ прочихъ. Люди, вкусившіе блага республиканскаго правленія, отожествили его съ этимъ правленіемъ, а люди, пользовавшіеся благами правленія монархическаго, совмѣстили его съ монархіей [3]). Наконецъ, каждый именовалъ свободой то правленіе, которое наиболѣе отвѣчало его обычаямъ или склонностямъ; и такъ какъ въ республикѣ орудія золъ, на которыя жалуются люди, выступаютъ на видъ менѣе и не столь назойливо, при чемъ законы говорятъ о нихъ, повидимому, всего болѣе, а исполнители законовъ — всего менѣе, то свободу обыкновенно отожествляютъ съ республиками, исключая ее изъ монархій. Наконецъ, въ виду того, что въ демократіяхъ народъ, повидимому, можетъ дѣлать все, что хочетъ, свободу пріурочили къ этому строю, смѣшивая такимъ образомъ власть народа со свободой народа.

ГЛАВА III.

Что такое свобода.

Правда, въ демократіяхъ народъ, повидимому, дѣлаетъ, что хочетъ; но политическая свобода состоитъ совсѣмъ не въ томъ, чтобы дѣлать, что хочется. Въ государствѣ, т. е. въ обществѣ, гдѣ есть законы, свобода можетъ заключаться лишь въ томъ, чтобы имѣть возможность дѣлать то, чего должно хотѣть, и не быть принуждаемымъ дѣлать то, чего не должно хотѣть.

Необходимо уяснить себѣ, что такое свобода, и что такое независимость. Свобода есть право дѣлать все, что дозволено законами [4]); и если бы гражданинъ могъ дѣлать то, что этими законами запрещается, то

---

[1]) «Я, говоритъ Цицеронъ, списалъ эдиктъ Сцеволы, который дозволяетъ грекамъ судиться по своимъ собственнымъ законамъ, вслѣдствіе чего они считаютъ себя свободными народами». (М.). Ad. Att. VI, I.

[2]) Русскіе были сильно оскорблены тѣмъ, что царь Петръ приказалъ обрѣзать ее. (М.).

[3]) Жители Каппадокіи не приняли республиканскаго правленія, предложеннаго имъ римлянами. (М.).

[4]) «Правило Монтескье о правѣ лица дѣлать все, что дозволяется законами, есть не что иное какъ принципъ гарантіи. Оно означаетъ, что никто не имѣетъ права препятствовать человѣку дѣлать то, что не запрещено законами; но оно не объясняетъ намъ того, что именно законы въ правѣ дозволить и чего они не имѣютъ права воспрещать. А между тѣмъ въ этомъ то и состоитъ свобода. Она есть не что иное, какъ то, что человѣкъ имѣетъ право дѣлать и чего законъ не имѣетъ права ему запрещать». Бенжаменъ Констанъ, *Курсъ конституціонной политики*, т. I, стр. 274.

у него не было бы свободы, такъ какъ то же самое могли бы дѣлать и прочіе граждане [1]).

ГЛАВА IV.

Продолженіе о томъ-же предметѣ.

Демократія и аристократія не являются государствами свободными по самой своей природѣ. Политическая свобода имѣетъ мѣсто лишь въ правленіяхъ умѣренныхъ. Но она не всегда встрѣчается и въ умѣренныхъ государствахъ; она бываетъ въ нихъ лишь когда тамъ не злоупотребляютъ властью; но извѣстно уже по вѣковому опыту, что всякій человѣкъ, обладающій властью, склоненъ злоупотреблять ею, и онъ идетъ въ этомъ направленіи, пока не дойдетъ до положеннаго ему предѣла. А въ предѣлѣ,— кто бы это могъ подумать!—нуждается и сама добродѣтель.

Чтобы не было возможности злоупотреблять властью, необходимъ такой порядокъ вещей, при которомъ различныя власти могли бы взаимно сдерживать другъ друга. Возможенъ такой государственный строй, что никто не будетъ понуждаемъ дѣлать то, къ чему его законъ не обязываетъ, и не дѣлать того, что законъ ему дозволяетъ.

ГЛАВА V.

О цѣляхъ разныхъ государствъ.

Хотя у всѣхъ государствъ есть одна общая имъ всѣмъ цѣль, заключающаяся въ охранѣ ихъ существованія; но, тѣмъ не менѣе, у каждаго изъ нихъ есть и своя особенная, ему только свойственная цѣль. Такъ у Рима была цѣль—увеличеніе предѣловъ государства; у Лакедемона—война; у законовъ іудейскихъ—религія; у Марсели—торговля; у Китая—общественное спокойствіе [2]); у родосцевъ — мореплаваніе; естественная свобода есть предметъ заботы для дикарей; для государствъ деспотическихъ—наслажденія государя; для монархій—слава государя и его государства [3]); для законовъ Польши—независимость каждаго отдѣльнаго лица, и вытекающее отсюда угнетеніе всѣхъ [4]).

Есть также въ мірѣ народъ, непосредственнымъ предметомъ государственнаго устройства котораго является политическая свобода. Обратимся къ разсмотрѣнію общихъ началъ, на которыхъ онъ утверждаетъ ее. Если они хороши, то свобода отразится въ нихъ, какъ въ зеркалѣ.

---

[1]) *Omnes legum servi sumus ut liberi esse possimus.* Цицер., *pro Cluentio.* c. LIII.

[2]) Вполнѣ естественная цѣль для государства, не имѣющаго внѣшнихъ враговъ или считающаго себя достаточно огражденнымъ отъ нихъ. (М).

[3]) Ср. кн. XI, гл. VII.

[4]) Неудобства *Liberum veto.* (М.).

Намъ не потребуется много труда для того, чтобы разыскать въ конституціи политическую свободу. Если можно увидѣть ее тамъ, гдѣ она есть, если она уже найдена, то зачѣмъ долѣе искать ее?

ГЛАВА VI.

О государственномъ устройствѣ Англіи [1]).

Въ каждомъ государствѣ есть три рода власти: власть законодательная, власть исполнительная по предметамъ, входящимъ въ область права международнаго, и власть исполнительная, по предметамъ, относящимся къ области права гражданскаго.

Въ силу первой, государь или правитель создаетъ законы, временные или постоянные, и исправляетъ или отмѣняетъ существующіе законы. Въ силу второй, онъ объявляетъ войну или заключаетъ миръ, отправляетъ или принимаетъ пословъ, охраняетъ безопасность, предотвращаетъ нашествія. Въ силу третьей, онъ караетъ преступленія и разрѣшаетъ столкновенія частныхъ лицъ. Послѣдняя власть носитъ названіе судебной, а первая называется просто исполнительной властью государства.

Для гражданина политическая свобода есть то душевное спокойствіе, которое коренится въ убѣжденіи каждаго въ своей безопасности; и чтобы обладать этой свободой [2]), необходимо такое правленіе, при которомъ гражданинъ не могъ-бы бояться другого гражданина.

Если власть законодательная и власть исполнительная будутъ соединены въ одномъ лицѣ или учрежденіи, то свободы при этомъ не будетъ, такъ какъ можно опасаться, что обладающій ими монархъ или сенатъ станутъ создавать тиранническіе законы для того, чтобы такъ-же тиранически примѣнять ихъ.

Не будетъ еще свободы и въ томъ случаѣ, когда судебная власть не отдѣлена отъ власти законодательной и исполнительной. Если она соединена съ законодательной властью, то жизнь и свобода гражданъ окажутся во власти произвола: ибо судья будетъ законодателемъ [3]). Если она соединена съ исполнительной властью, то судья получаетъ возможность стать угнетателемъ.

Все погибло-бы, если-бы въ одномъ и томъ-же лицѣ или учрежденіи, составленномъ изъ сановниковъ или дворянъ, или изъ простыхъ людей, были соединены эти три власти: создавать законы, приводить въ испол-

---

[1]) Большая часть принциповъ, которые Монтескье приводитъ въ этой главѣ, извлечены имъ изъ *Трактата о гражданскомъ правленіи*, Локка, гл. XII. (Паррель).

[2]) Если бы въ Англіи, у кого нибудь было столько враговъ, сколько у него волосъ на головѣ, то и тогда ему нечего было бы опасаться; и это очень важно, такъ какъ здоровье души столь же необходимо, какъ и здоровье тѣла.

[3]) Примѣръ: судъ и осужденіе Людовика XVI конвентомъ.

неніе общеобязательныя постановленія и судить преступленія или тяжбы частныхъ лицъ.

Въ большинствѣ европейскихъ государствъ установленъ умѣренный образъ правленія, потому что ихъ государи, обладая двумя первыми властями, предоставляютъ своимъ подданнымъ отправленіе третьей.

У турокъ, гдѣ эти три власти соединены въ лицѣ султана, царствуетъ ужасающій деспотизмъ.

Въ республикахъ Италіи, гдѣ эти три власти соединены, свободы меньше, чѣмъ въ нашихъ монархіяхъ. Поэтому тамъ правительство нуждается, для собственнаго своего поддержанія, въ мѣрахъ, столь-же свирѣпыхъ, какъ турецкое, о чемъ свидѣтельствуютъ государственные инквизиторы [1]) и ящикъ, куда всякій доносчикъ можетъ во всякое время бросить свою обвинительную записку [2]).

Подумайте о положеніи, въ которое можетъ быть поставленъ гражданинъ этихъ республикъ. Тамъ каждое вѣдомство обладаетъ, какъ исполнитель законовъ, всею властью, которую оно дало себѣ, какъ законодатель. Оно можетъ разрушать государство своими общими постановленіями и, кромѣ того, обладая судебною властью, оно имѣетъ возможность задушить каждаго гражданина въ частности своими приговорами.

Власть является тутъ въ нераздѣльномъ единствѣ; и хотя тамъ и нѣтъ той внѣшней пышности, которая обнаруживаетъ деспотическаго государя, но присутствіе его чувствуется ежеминутно.

Поэтому государи, стремившіеся къ деспотизму, всегда начинали съ объединенія въ своемъ лицѣ всѣхъ отдѣльныхъ властей; а многіе короли Европы—съ принятія на себя всѣхъ главныхъ должностей своего государства.

Конечно, чистая наслѣдственная аристократія итальянскихъ республикъ не воспроизводитъ въ точности азіатскаго деспотизма. Тамъ изобиліе должностныхъ лицъ иногда смягчаетъ самую должность; тамъ не всѣ дворяне бываютъ согласны въ своихъ намѣреніяхъ; тамъ существуютъ различные суды, которые ограничиваютъ другъ друга. Такъ, въ Венеціи, большой совѣтъ обладаетъ законодательною властью, прегадія—исполнительною, а кварантія—судебною властью [3]). Но дурно то, что всѣ эти трибуналы состоятъ изъ должностныхъ лицъ одного и того-же сословія, вслѣдствіе чего они представляютъ собою одну и ту-же власть.

---

[1]) Въ Венеціи. (М.).

[2]) Ср. II, гл. III; кн. V, гл. IV.

[3]) Большой совѣтъ состоялъ изъ благородныхъ, въ числѣ отъ 12 до 1500 чел. Эта была верховная власть; *pregadi* были сенаторы, избранные въ числѣ 120 изъ членовъ большого совѣта; *quarantie* представляла три отдѣла, по 40 членовъ въ каждомъ: *quarantia criminale*, который судилъ самыя важныя преступленія и члены котораго пользовались совѣщательнымъ голосомъ въ сенатѣ; *quarantia civil vecchia* и *quarantia civil nova*, которымъ принадлежалъ судъ уголовный и апелляціонный по гражданскимъ дѣламъ.

Судебная власть не должна быть поручаема постоянно дѣйствующему сенату, но лицамъ, которые, въ извѣстныя времена года, по указанному закономъ способу, берутся изъ народа [1]), для образованія суда, продолжительность дѣйствія котораго опредѣляется требованіями необходимости.

Такимъ образомъ судебная власть, столь страшная людямъ, не будучи связана ни съ извѣстнымъ положеніемъ, ни съ извѣстной профессіей, становится, такъ сказать, невидимой и какъ-бы несуществующей. Люди не имѣютъ постоянно передъ глазами судей и страшатся уже не судьи, а суда.

Необходимо даже, чтобы въ случаѣ важныхъ обвиненій преступникъ, заодно съ закономъ, пользовался правомъ избранія своихъ судей, или, по крайней мѣрѣ, отвода ихъ въ числѣ настолько значительномъ, чтобы на остальныхъ можно было бы уже смотрѣть какъ на имъ самимъ избранныхъ [2]).

Обѣ же другія власти могли бы быть поручены должностнымъ лицамъ или постояннымъ учрежденіямъ, въ виду того, что онѣ не касаются никакого частнаго лица, такъ какъ одна изъ нихъ представляется лишь выраженіемъ общей воли государства, а другая есть исполнительный органъ этой воли.

Но если составъ суда не долженъ быть неизмѣннымъ, то въ приговорахъ его неизмѣнность должна царить такъ чтобы они всегда были не болѣе какъ точнымъ примѣненіемъ текста закона [3]). Если же въ нихъ выражалось бы лишь частное мнѣніе судьи, то людямъ пришлось бы жить въ обществѣ, не имѣя опредѣленнаго понятія объ обязанностяхъ, налагаемыхъ на нихъ этимъ обществомъ.

Нужно даже, чтобы судьи были одного общественнаго положенія съ подсудимымъ, его ровнями, чтобы онъ не могъ вообразить себѣ, что попалъ въ руки людей, склонныхъ притѣснять его.

Если власть законодательная предоставитъ исполнительной право арестовать гражданъ, которые могли бы представить въ обезпеченіе своего поведенія поручительство, то не будетъ болѣе свободы, за исключеніемъ случаевъ, когда они арестованы для того, чтобы безо всякой отсрочки быть привлеченными къ отвѣту на обвиненія, признанныя закономъ особенно тяжкими. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ арестованные на самомъ дѣлѣ, свободны, такъ какъ они подчиняются лишь власти закона.

Но если бы законодательная власть почувствовала себя въ опасности, вслѣдствіе какого нибудь тайнаго заговора противъ государства или какихъ либо сношеній съ внѣшнимъ врагомъ, то она могла бы дозволить исполнительной власти арестовать на короткое и ограниченное время подо-

---

[1]) Какъ въ Аѳинахъ. (М.). Монтескье намекаетъ на судъ присяжныхъ.
[2]) Ср. кн. XI, гл. XVIII.
[3]) Ср. кн. VI, гл. III.

зрительныхъ гражданъ [1]), которые, въ такомъ случаѣ утратили бы свободу на время, для того чтобы сохранить ее навсегда.

И это единственное, сообразное съ разумомъ средство замѣны тираннической власти эфоровъ и деспотизма государственныхъ инквизиторовъ Венеціи.

Въ виду того, что въ государствѣ свободномъ всякій человѣкъ, за которымъ признается свободная душа, долженъ управлять собою самъ, законодательная власть должна бы принадлежать всему народу. Но такъ какъ въ большихъ государствахъ это невозможно, а въ малыхъ связано съ большими неудобствами, то необходимо, чтобы народъ дѣлалъ посредствомъ своихъ представителей все, что онъ не можетъ дѣлать самъ.

Люди гораздо лучше знаютъ нужды своего города, чѣмъ нужды другихъ городовъ; они лучше могутъ судить о способностяхъ своихъ сосѣдей, чѣмъ о прочихъ своихъ соотечественникахъ. Поэтому члены законодательнаго собранія не должны быть избираемы изъ всего вообще населенія страны, но жители каждаго главнаго города должны избирать себѣ въ немъ своего представителя.

Великое преимущество избираемыхъ представителей состоитъ въ томъ что они способны обсуждать дѣла. Народъ для этого совсѣмъ не пригоденъ, что и составляетъ одну изъ слабѣйшихъ сторонъ демократіи.

Нѣтъ необходимости, чтобы представители, получивши отъ своихъ избирателей общую инструкцію, получали отъ нихъ еще и частныя по каждому особому дѣлу, какъ это дѣлается на сеймахъ въ Германіи. Правда, что въ послѣднемъ случаѣ, слова депутата были бы болѣе вѣрнымъ отголоскомъ націи; но это повело бы къ безконечнымъ проволочкамъ, дало бы каждому депутату власть надъ всѣми прочими, и въ самыхъ неотложныхъ случаяхъ вся сила народа могла бы быть парализована чьимъ нибудь капризомъ.

Если депутаты, какъ прекрасно говоритъ Сидней [2]), являются представителями сословій, какъ въ Голландіи, то они должны отдавать отчетъ тѣмъ, кто ихъ уполномочилъ; но иное дѣло, когда они являются представителями городовъ и мѣстечекъ, какъ въ Англіи.

Право подавать голосъ въ своемъ округѣ для выбора представителей должны имѣть всѣ граждане, исключая тѣхъ, положеніе которыхъ такъ низко, что на нихъ смотрятъ какъ на людей, неспособныхъ имѣть свою собственную волю [3]).

---

[1]) Пріостановка *habeas corpus*'а. Ср. кн. XII, гл. XIX.

[2]) Альджернонъ Сидней (1617—1683), пламенный республиканецъ, глава оппозиціи противъ герцога Іоркскаго, незаконно приговоренный къ смерти судомъ, предсѣдателемъ котораго былъ Джеффризъ. Монтескье очевидно изучилъ *Discourses concerning the governement* Сиднея. Эти рѣчи, публикованныя въ 1698 г., были въ послѣднемъ столѣтіи переведены на французскій языкъ Самсономъ въ 3 томахъ in 8°.

[3]) Ср. кн. IV, гл. II; кн. XV, гл. XVIII.

Древнія республики имѣли одинъ большой недостатокъ: народъ имѣлъ здѣсь право принимать рѣшенія активныя, связанныя съ дѣятельностью исполнительной, къ чему онъ совсѣмъ неспособенъ. Все его участіе въ правленіи должно быть ограничено избраніемъ представителей; послѣднее ему очень по силамъ, такъ какъ, если и мало есть людей, знающихъ точныя границы способностей человѣка, то всякій человѣкъ, однако, способенъ знать, является ли его избранникъ болѣе способнымъ и свѣдущимъ по сравненію съ прочими.

Представительное собраніе также должно быть избираемо не для того, чтобы постановлять какія нибудь активныя рѣшенія, которыхъ оно не въ состояніи хорошо выполнить, но для того, чтобы создавать законы или наблюдать за тѣмъ, хорошо ли соблюдаются тѣ законы, которые уже созданы имъ—дѣло, которое оно можетъ очень хорошо выполнить и даже только оно одно и въ состояніи хорошо выполнить.

Во всякомъ государствѣ [1]) всегда есть люди, отличающіеся преимуществами рожденія, богатства, или почестей; и если бы они были смѣшаны съ народомъ; если бы у нихъ, какъ и у прочихъ, было по одному только голосу, то общая свобода стала бы для нихъ рабствомъ, и они не имѣли бы никакого интереса защищать ее, такъ какъ большая часть рѣшеній была бы направлена противъ нихъ. Поэтому доля ихъ участія въ законодательствѣ должна быть поставлена въ соотвѣтствіе съ прочими преимуществами, которыя они находятъ для себя въ государствѣ, и это можетъ быть достигнуто въ томъ случаѣ, если изъ нихъ будетъ образовано особое собраніе, которое имѣлъ бы право отмѣнять рѣшенія народа, какъ народъ имѣетъ право отмѣнять его рѣшенія.

Такимъ образомъ, законодательная власть была-бы поручена и собранію благородныхъ [2]), и собранію представителей народа, каждое изъ которыхъ имѣло-бы свои отдѣльныя отъ другого совѣщанія, свои отдѣльные интересы и виды.

Изъ трехъ властей, о которыхъ мы говорили, судебная въ извѣстномъ смыслѣ какъ бы совсѣмъ не власть [3]). Остаются лишь двѣ осталь-

---

[1]) Замѣчаніе Монтескье и здѣсь, какъ почти всегда, имѣетъ частный характеръ. Все, что онъ говоритъ, было справедливо по отношенію къ англійскимъ пэрамъ и могло бы быть примѣнено и къ французскому дворянству; но сколько же есть монархій, не говоря уже о республикахъ, которыя не испытываютъ никакой необходимости снабжать государственными привилегіями преимущества рожденія, богатства и почестей. Не входятъ ли послѣднія въ разрядъ тѣхъ привилегій естественныхъ или соціальныхъ, которыя даютъ видное положеніе лицамъ обладающимъ ими. Неужели надо еще давать привилегіи самымъ привилегіямъ?

[2]) Англійскіе пэры не представляютъ собою сословія благородныхъ; есть множество дворянъ, не имѣющихъ никакого мѣста въ Палатѣ лордовъ. Правда, что всѣ пэры—*бароны;* но на одного благороднаго по рожденію сколько-же тамъ приходится облагороженныхъ за заслуги?

[3]) Это болѣе гарантія, чѣмъ политическая власть; за исключеніемъ, во вся-

ныя; для удержанія ихъ отъ крайностей онѣ нуждаются во власти регулирующей, и та часть законодательнаго собранія, которая состоитъ изъ благородныхъ, очень пригодна для этого назначенія.

Законодательное собраніе благородныхъ должно быть наслѣдственнымъ. Оно, во первыхъ, уже таково по своей природѣ и, кромѣ того, необходимо, чтобы оно имѣло очень большой интересъ охранять свои прерогативы, которыя сами по себѣ ненавистны, и въ свободномъ государствѣ должны находиться въ постоянной опасности.

Но такъ какъ власть наслѣдственная могла бы быть вовлечена въ преслѣдованіе своихъ отдѣльныхъ интересовъ, забывая объ интересахъ народа, то необходимо, чтобы во всѣхъ случаяхъ, гдѣ можно предположить могущественный интересъ совратить ее, какъ, напр., въ случаѣ законовъ о налогахъ, все ея участіе въ законодательствѣ состояло-бы въ ея правѣ отмѣнять рѣшенія, но не постановлять ихъ.

Подъ правомъ постановлять рѣшенія я разумѣю право приказывать самому, или исправлять то, что было приказано другимъ. Подъ правомъ отмѣнять рѣшеніе я разумѣю право обратить въ ничто рѣшеніе, постановленное кѣмъ либо другимъ—право, въ которомъ заключалась власть трибуновъ Рима [1]). И хотя тотъ, кто имѣетъ право отмѣны рѣшенія, имѣетъ также и право одобрять, однако это одобреніе, въ данномъ случаѣ,—ничто иное какъ заявленіе о нежеланіи пользоваться своимъ правомъ отмѣны и составляетъ естественное послѣдствіе этого права.

Исполнительная власть должна быть въ рукахъ монарха, такъ какъ эта часть правленія, почти всегда нуждающаяся въ дѣйствіи быстромъ, лучше выполняется однимъ, чѣмъ многими; тогда какъ все, зависящее отъ законодательной власти, часто лучше устраивается многими, чѣмъ однимъ.

Если бы, за неимѣніемъ монарха, законодательная власть была ввѣрена извѣстному количеству лицъ, взятыхъ въ законодательномъ собраніи, то свободы уже не было-бы, потому что обѣ власти оказались бы въ соединеніи, такъ какъ одни и тѣ-же лица иногда бы пользовались и всегда могли бы пользоваться и тою и другою властью.

Если бы законодательное собраніе не собиралось въ теченіе значительнаго періода времени, то не было-бы болѣе свободы, такъ какъ тогда произошло-бы одно изъ двухъ: или законодательная дѣятельность совсѣмъ-бы прекратилась—и государство впало бы въ состояніе анархіи, или эту дѣятельность приняла бы на себя исполнительная власть, вслѣдствіе чего оно стало бы абсолютнымъ.

комъ случаѣ, федеральнаго суда Соединенныхъ Штатовъ, имѣющаго право охранять конституцію, не взирая ни на какіе законы, которые могли бы быть созданы въ нарушеніе верховнаго закона страны.

[1]) Это то, что мы называемъ правомъ *veto*.

Нѣтъ никакой надобности въ томъ, чтобы законодательное собраніе было постоянно въ сборѣ. Это было бы неудобно для его представителей, и задало бы слишкомъ много работы исполнительной власти, которой въ такомъ случаѣ пришлось бы заботиться уже не о томъ, чтобы исполнять, а лишь о томъ, чтобы защищать свои прерогативы и свое право на исполнительную дѣятельность.

Кромѣ того, если бы законодательное собраніе было въ постоянномъ сборѣ, то могло бы случиться, что всѣ измѣненія въ его личномъ составѣ были бы сведены лишь на замѣщеніе умершаго депутата новымъ, и въ такомъ случаѣ, если бы законодательное собраніе оказалось несоотвѣтствующимъ своему назначенію, то этому уже ничѣмъ нельзя было бы помочь. При смѣнѣ одного состава законодательнаго собранія другимъ, народъ, не расположенный къ нынѣшнему законодательному собранію, переноситъ не безъ основанія свои надежды на слѣдующее за нимъ, между тѣмъ какъ при безсмѣнности этого собранія, онъ, въ случаѣ испорченности послѣдняго, ничего хорошаго отъ его законовъ не можетъ ожидать, и впадаетъ или въ ярость или въ равнодушіе.

Законодательное собраніе не должно собираться по собственной волѣ [1]), такъ какъ всякое политическое тѣло признается обладающимъ волею лишь тогда, когда оно уже находится въ сборѣ; и если бы оно собралось не единодушно, то нельзя было бы знать, какая часть является дѣйствительно законодательнымъ собраніемъ: та ли, которая собралась, или та, которая не собралась. Если же оно имѣло бы право само распускать себя, то могло бы случиться, что оно никогда не постановило бы этого распущенія, что было бы опасно въ случаѣ, если бы оно замыслило какое нибудь покушеніе на исполнительную власть. Да къ тому же есть времена болѣе чѣмъ другія благопріятныя для дѣятельности законодательнаго собранія: необходимо, поэтому, чтобы время созыва и продолжительность засѣданія этихъ собраній были опредѣляемы исполнительной властью, согласно съ извѣстными ей обстоятельствами.

Если исполнительная власть не будетъ имѣть права останавливать дѣйствія законодательнаго собранія, то послѣднее впадетъ въ деспотизмъ, такъ какъ, имѣя возможность предоставить себѣ любую власть, которая представится его воображенію, оно уничтожитъ всѣ прочія власти.

Наоборотъ, законодательная власть не должна имѣть права останавливать дѣйствія исполнительной власти. Такъ какъ границы дѣйствій исполнительной власти заключаются въ ея собственной природѣ, то ограничивать ее было бы безполезно; не говоря уже о томъ, что дѣятельность ея

[1]) Не забудемъ, что категорическое правило Монтескье: *Законодательное собраніе не должно собираться по собственной волѣ* и т. д., не заключаетъ въ себѣ ничего принципіальнаго. Въ республикѣ, каковы напр. Соединенные Штаты, конгрессъ созывается и распускается по собственному почину и при этомъ безо всякихъ неудобствъ.

всегда примѣняется къ вещамъ быстропреходящимъ. И одинъ изъ главныхъ недостатковъ власти трибуновъ Рима состоялъ въ томъ, что они могли останавливать дѣятельность не только законодательной, но даже исполнительной власти, что причиняло большія бѣдствія.

Но, если въ свободномъ государствѣ законодательная власть не должна имѣть права останавливать власть исполнительную, то она имѣетъ и должна имѣть право разсмотрѣть какимъ образомъ были приводимы въ исполненіе созданные ею законы; и въ этомъ состоитъ преимущество такого правленія надъ тѣмъ, которое было у критянъ и въ Лакедемонѣ, гдѣ космы и эфоры не отдавали отчета въ своемъ управленіи [1]).

Но, къ чему бы ни привело это разсмотрѣніе, законодательное собраніе не должно имѣть власти судить лицо, а слѣдовательно и поведеніе лица, отправляющаго исполнительную власть. Личность послѣдняго должна быть священна; такъ какъ она необходима государству для того, чтобы законодательное собраніе не обратилось въ тираннію, то свобода исчезла бы съ того момента, какъ исполнительная власть была бы подвергнута обвиненію или суду.

Въ такомъ случаѣ государство было бы не монархіей, но республикой безъ свободы. Но такъ какъ тотъ, кому принадлежитъ исполнительная власть, можетъ дурно пользоваться ею только потому, что у него дурные совѣтники, ненавидящіе, какъ министры, законы, хотя и благопріятствующіе имъ, какъ люди, то эти совѣтники могутъ быть привлечены къ отвѣту и наказаны. И въ этомъ заключается преимущество этого рода правленія надъ правленіямъ Гнида, гдѣ законъ не дозволялъ привлекать къ суду а м и м о н о в ъ [2]) даже по окончаніи срока ихъ управленія [3]), вслѣдствіе чего народъ никогда не могъ добиться удовлетворенія за причиненныя ему несправедливости.

Хотя вообще судебная власть не должна быть соединяема ни съ какою частью власти законодательной, это правило однако допускаетъ три исключенія, основанныя на особенномъ интересѣ того, кто привлекается къ суду.

Люди знатные всегда возбуждаютъ къ себѣ зависть; и если бы они подлежали суду народа, то имъ угрожала бы опасность, и они не пользовались бы привилегіей малѣйшаго изъ гражданъ свободнаго государства быть судимымъ равными себѣ. Поэтому необходимо, чтобы благородные судились не въ обыкновенныхъ судахъ націи, а тою частью законодательнаго собранія, которая составлена изъ благородныхъ.

---

[1]) Аристотель, *Политика*, кн. II, гл. IX и X.

[2]) Это были должностныя лица, ежегодно избираемые народомъ. Читайте о нихъ у Стефана Византійскаго. (М.). Также у Плутарха въ его *Греческихъ вопросахъ* гл. III.

[3]) Римскія должностныя лица могли подлежать обвиненію по окончаніи отправленія своей должности. См. въ IX книгѣ Діонисія Галикарнасскаго о дѣлѣ трибуна Генуція. (М.).

Возможно, что законъ, въ одно и то же время и дальновидный и слѣпой, оказался бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ слишкомъ суровымъ. Но судьи народа, какъ мы уже сказали,—не болѣе какъ уста, произносящія слова закона,—безжизненныя существа, не могущія ни умѣрить его силу, ни смягчить его суровость. Поэтому та часть законодательнаго собранія, о которой мы только что говорили какъ о судѣ, необходимомъ въ другомъ случаѣ, является таковымъ и въ настоящемъ случаѣ. Верховному авторитету этого суда предстоитъ умѣрять законъ для блага самого же закона, произнесеніемъ приговоровъ менѣе суровыхъ, чѣмъ тѣ, которые предписываются имъ.

Могло бы также случиться, что гражданинъ нарушилъ бы въ какомъ либо общественномъ дѣлѣ права народа и натворилъ бы преступленій, которыхъ не могли и не пожелали бы карать установленные судьи. Но, говоря вообще, законодательная власть не должна имѣть права судить, и тѣмъ менѣе можетъ она пользоваться этимъ правомъ въ томъ особенномъ случаѣ, когда она представляетъ заинтересованную сторону, которая есть народъ. Итакъ, за ней остается только право обвиненія. Но передъ кѣмъ же будетъ она обвинять? Не передъ тѣми ли судами, которые поставлены ниже ея, и при этомъ состоятъ изъ людей, которые, принадлежа, какъ и она, къ народу, были бы увлечены авторитетомъ столь возвышеннаго обвинителя? Нѣтъ: для охраненія достоинства народа и безопасности частнаго лица надо, чтобы часть законодательнаго собранія, состоящая изъ народа, обвиняла передъ тою частью законодательнаго собранія, которая, состоя изъ благородныхъ, не имѣетъ ни одинаковыхъ съ первой интересовъ, ни одинаковыхъ съ нею страстей.

И въ этомъ заключается преимущество такого рода правленія надъ правленіемъ большей части древнихъ республикъ, гдѣ существовалъ пагубный порядокъ, въ силу котораго народъ являлся въ одно и то же время и судьей и обвинителемъ.

Исполнительная власть, какъ мы сказали, должна принимать участіе въ законодательствѣ своимъ правомъ отмѣны рѣшеній, безъ чего она скоро лишилась бы своихъ прерогативъ. Но она равно погибнетъ и въ томъ случаѣ, когда законодательная власть стала бы принимать участіе въ отправленіи исполнительной власти.

Если бы монархъ сталъ участвовать въ законодательствѣ посредствомъ своего права издавать постановленія, то уже не было бы болѣе свободы. Но такъ какъ ему нужно же, однако, участвовать въ законодательствѣ ради собственной защиты, то необходимо, чтобы такое его участіе выражалось въ его правѣ отмѣны.

Причина перемѣны правленія въ Римѣ заключалась въ томъ, что сенатъ, обладавшій одною частью законодательной власти, и судьи, обладавшіе другою ея частью, не имѣли, подобно народу, права отмѣны.

Итакъ, вотъ основныя начала образа правленія, о которомъ мы ведемъ рѣчь. Законодательное собраніе состоитъ здѣсь изъ двухъ частей, связывающихъ другъ друга принадлежащимъ имъ правомъ отмѣны, причемъ обѣ онѣ связываются исполнительною властью, въ свою очередь связанной властью законодательной.

Эти три власти должны бы въ результатѣ придти въ состояніе покоя и бездѣйстія. Но такъ какъ необходимое движеніе вещей заставитъ ихъ двигаться, то онѣ будутъ вынуждены двигаться въ согласіи другъ съ другомъ [1]).

Такъ какъ исполнительная власть участвуетъ въ законодательствѣ только посредствомъ своего права отмѣны рѣшеній, то ей не принадлежитъ право входить въ самое обсужденіе дѣлъ. Нѣтъ даже необходимости, чтобы она вносила о нихъ предложенія; такъ какъ, всегда имѣя возможность не одобрять заключенія законодательной власти, она можетъ отвергнуть всякое рѣшеніе, состоявшееся по поводу нежелательнаго для нея предложенія.

Въ нѣкоторыхъ древнихъ республикахъ, гдѣ дѣла обсуждались народомъ, исполнительная власть естественно должна была вмѣстѣ съ нимъ и вносить предложенія о дѣлахъ, и обсуждать ихъ, такъ какъ иначе получилась бы необычайная путаница въ постановленіяхъ.

Если исполнительная власть станетъ участвовать въ постановленіяхъ о налогахъ не однимъ только изъявленіемъ своего согласія, то свободы уже не будетъ, потому что исполнительная власть обратится въ законодательную въ одномъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ законодательства.

Если, по тому же вопросу, законодательная власть будетъ дѣлать свои постановленія не на годичные сроки, а навсегда, то она рискуетъ утратить свою свободу, такъ какъ исполнительная власть уже не будетъ зависѣть отъ нея; и, разъ такое право пріобрѣтено навсегда — вопросъ о томъ, кому мы обязаны такимъ пріобрѣтеніемъ: самимъ ли себѣ или кому либо другому—уже становится безразличнымъ. Тоже самое произойдетъ если законодательная власть станетъ дѣлать такія же безсрочныя постановленія по вопросамъ о сухопутныхъ и морскихъ силахъ, которыя она должна поручать вѣдѣнію исполнительной власти.

Чтобы тотъ, кому принадлежитъ власть исполнительная, не могъ угнетать, надо, чтобы поручаемыя ему войска представляли собою народъ и были проникнуты однимъ духомъ съ народомъ, какъ это было въ Римѣ до временъ Марія. И, чтобы оно было такъ, необходимо одно изъ двухъ: или, чтобы тѣ, которые служатъ въ арміи, имѣли довольно достатка, чтобы

[1]) Это сравненіе правленія съ механизмомъ очень нравилось Монтескье, который не мало поспособствовалъ введенію его въ моду. Кто не слыхалъ разсужденій о равновѣсіи властей? Теперь предпочитаютъ сравнивать общества и правительства съ живыми организмами, и хотя всякое сравненіе—дѣло рискованное, послѣднее все таки нѣсколько менѣе удаляется отъ истины.

отвѣчать за свое поведеніе передъ прочими гражданами своимъ имуществомъ, причемъ служба ихъ была бы ограничена годичнымъ срокомъ, какъ оно практиковалось въ Римѣ [1]); или,— если имѣется въ виду постоянное войско, составленное изъ подонковъ народа, — чтобы законодательная власть могла распустить это войско, когда ей вздумается; чтобы солдаты жили вмѣстѣ съ народомъ, и чтобы не было для нихъ ни отдѣльныхъ лагерей, ни казармъ, ни крѣпостей.

Армія, разъ она установлена, должна находиться въ косвенной зависимости не отъ законодательной, а отъ исполнительной власти, по той согласной съ природою вещи причинѣ, что ей надлежитъ болѣе дѣйствовать, чѣмъ разсуждать.

По свойственному имъ образу мыслей, люди болѣе уважаютъ смѣлость, чѣмъ осторожность; дѣятельность, чѣмъ благоразуміе; силу, чѣмъ совѣты. Армія всегда будетъ презирать сенатъ и уважать своихъ офицеровъ. Она отнесется съ пренебреженіемъ къ приказамъ, посылаемымъ ей отъ имени собранія, составленнаго изъ людей, которыхъ она считаетъ робкими и недостойными распоряжаться ею. Разъ армія будетъ зависѣть единственно отъ законодательнаго собранія—правленіе станетъ военнымъ. Если и были гдѣ либо уклоненія отъ этого правила, то они происходили отъ дѣйствія какихъ нибудь чрезвычайныхъ причинъ: отъ того, напр., что армія была изолирована; отъ того, что она состояла изъ нѣсколькихъ частей, зависящихъ отъ разныхъ провинцій, по которымъ онѣ были размѣщены; отъ того, что главные города страны были отлично защищены самымъ своимъ положеніемъ и потому не содержали въ себѣ войска.

Голландія еще лучше защищена, чѣмъ Венеція. Она можетъ потопить взбунтовавшіяся войска и уморить ихъ голодомъ. Тамъ войска размѣщаются не по городамъ, которые могли бы продовольствовать ихъ; поэтому ихъ легко можно лишить этого продовольствія.

Но если, въ случаѣ непосредственной зависимости арміи отъ законодательнаго корпуса, какія нибудь особенныя обстоятельства и помѣшаютъ правленію стать высшимъ правленіемъ, то этимъ не устраняются другія неудобства такого положенія, и должно будетъ случиться одно изъ двухъ: или армія должна будетъ разрушить правительство, или правительство— ослабить армію [2]).

И это ослабленіе явится слѣдствіемъ причины по истинѣ роковой: оно будетъ порождено слабостью самого правительства.

Всякій, кто пожелаетъ прочитать великолѣпное твореніе Тацита О ира-

---

[1]) Ср. кн. XI, гл. XVIII. Бенжаменъ Констанъ разсмотрѣлъ и обсудилъ это мнѣніе Монтескье въ своихъ *Основахъ политики*, гл. XIV: *Объ организаціи вооруженной силы въ конституціонномъ государствѣ*, V. *Курсъ конституц. права*, т. I, стр. 107.

[2]) Въ изд. А. и В. нѣтъ ни этого, ни слѣдующаго за этимъ параграфа.

вахъ Германцевъ [1]), увидитъ, что свою идею о политическомъ правленіи англичане заимствовали у нихъ. Эта прекрасная система найдена въ лѣсахъ.

Все человѣческое имѣетъ конецъ, и государство, о которомъ мы говоримъ, утратитъ свою свободу и погибнетъ, какъ погибли Римъ, Лакедемонія и Карѳагенъ. Погибнетъ же оно, когда законодательная власть окажется болѣе испорченной, чѣмъ исполнительная.

Не мое дѣло судить о томъ, пользуются или не пользуются въ настоящее время англичане этой свободой. Я довольствуюсь указаніемъ, что они установили ее посредствомъ своихъ законовъ, и не ищу бо̀льшаго.

Я не имѣю намѣренія ни унижать другія правленія, ни говорить, что эта крайняя политическая свобода должна служить укоромъ тѣмъ, у которыхъ есть—умѣренная. Да и какъ могъ бы я сказать это, при своемъ убѣжденіи, что даже избытокъ разума не всегда желателенъ, и что люди почти всегда лучше уживаются съ серединой, чѣмъ съ крайностями?

Гаррингтонъ [2]), въ своей Океана, разыскивалъ ту высшую ступень свободы, до которой можетъ быть вознесена конституція государства. Но можно сказать, что онъ сталъ разыскивать эту свободу отвернувшись отъ нея, и что онъ построилъ Халкедонъ, имѣя передъ глазами берега Византіи [3]).

ГЛАВА VII.

Объ извѣстныхъ намъ монархіяхъ.

Монархіи, которыя намъ извѣстны [4]), не имѣютъ своимъ непосредственнымъ предметомъ свободы, подобно той монархіи, о которой мы только что говорили; онѣ стремятся лишь къ славѣ гражданъ, государства и государя [5]). Но изъ этой славы проистекаетъ духъ свободы, который можетъ, въ этихъ государствахъ, творить дѣла столь же великія и, можетъ быть, столько же способствовать счастію людей, какъ сама свобода.

Распредѣленіе и соединеніе трехъ властей тамъ устроено не по образцу того государственнаго устройства, о которомъ мы говорили. У каждой есть свое особое распредѣленіе, которое болѣе или менѣе приближаетъ ее къ свободѣ, безъ чего монархія выродилась бы въ деспотизмъ.

---

[1]) Cap. XI. De minoribus rebus principes consultant, de majoribus omnes; ita tamen ut eo quoque quorum penes plebem arbitrium est apud principes pertractentur. (M.).

[2]) Гаррингтонъ высказался за республику.

[3]) Намекъ на слово Мегабиза, приведенное Геродотомъ въ кн. IV, гл. CXLIV.

[4]) Франція.

[5]) Ср. кн. XI, гл. V.

ГЛАВА VIII.

Почему древніе не имѣли достаточно яснаго представленія о монархіи.

Древніе совсѣмъ не знали правленія, основаннаго на сословіи благородныхъ, и еще менѣе—правленія, основаннаго на законодательномъ собраніи, составленномъ изъ представителей націи. Республики Греціи и Италіи были городами, каждый изъ которыхъ управлялся по своему и заключалъ въ своихъ стѣнахъ всѣхъ своихъ гражданъ. Прежде чѣмъ всѣ эти республики были поглощены римлянами, государя не было почти нигдѣ—въ Италіи, Галліи, Испаніи, Германіи [1]) всюду были маленькіе народцы да маленькія республики; даже Африка находилась въ подчиненіи у большой республики, а Малая Азія была занята греческими колоніями. Примѣры городского представительства и государственныхъ собраній совсѣмъ отсутствовали, и надо было добраться до Персіи, чтобы найти правленіе одного лица.

Существовали, правда, республики федеративныя; нѣсколько городовъ высылали своихъ представителей на общее собраніе. Но монархіи, устроенной по такому образцу, не было.

Вотъ какъ возникъ первоначальный очеркъ извѣстныхъ намъ монархій. Племена германцевъ, которыя завоевали римскую имперію, какъ извѣстно, пользовались очень большою свободой. Стоитъ только послушать, что говоритъ Тацитъ о правахъ германцевъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Завоеватели распространились по завоеванной странѣ; они осѣлись по ея деревнямъ, и очень немногіе въ городахъ. Пока они жили въ Германіи, весь народъ могъ сходиться на общее собраніе; послѣ того какъ они разсѣялись по завоеванной странѣ, это уже стало невозможнымъ. Но такъ какъ народъ долженъ же былъ совѣщаться о своихъ дѣлахъ, какъ это дѣлалось имъ до завоеванія, то онъ сталъ совѣщаться посредствомъ представителей. Вотъ зародышъ готическаго правленія [2]) среди насъ [3]). Оно первоначально состояло изъ смѣси аристократіи съ монархіей и заключало въ себѣ то неудобство, что простой народъ былъ тамъ рабомъ. Это было хорошее правленіе, обладавшее способностью сдѣлаться лучшимъ [4]). Въ немъ установился обычай давать освободительныя грамоты, и вскорѣ гражданская свобода народа, прерогативы дворянства и духовенства, власть государей оказались въ такомъ состояніи, что я не

---

[1]) Не забылъ ли Монтескье, что во время, о которомъ онъ говоритъ, были цари въ Македоніи, въ Сиріи, въ Египтѣ, цари Понта и Виѳиніи въ Малой Азіи, цари нумидійскіе и мавританскіе въ Африкѣ? (Кревье). Я думаю, что Монтескье отвѣтилъ бы, что во всѣхъ этихъ государствахъ онъ видѣлъ деспотіи, а не монархіи, въ придаваемомъ имъ этому слову смыслѣ.

[2]) Слово готическій Монтескье употребляетъ какъ синонимъ германскаго.

[3]) *Персидскія письма*, CXXXI, рус. пер. стр. 278.

[4]) Въ изд. А. и В. эта фраза находится въ примѣчаніи.

знаю, было ли когда нибудь на землѣ правленіе столь хорошо уравновѣшенное, какъ то, которымъ пользовались всѣ части Европы, въ то время, какъ оно существовало тамъ. И не изумителенъ ли тотъ фактъ, что изъ самаго разложенія правленія народа-завоевателя произошло лучшее изъ правленій, которое люди могли только себѣ вообразить.

ГЛАВА IX.

Воззрѣнія Аристотеля.

Затрудненіе Аристотеля становится очевиднымъ, когда онъ заводитъ рѣчь о монархіи [1]). Онъ устанавливаетъ пять родовъ ея и различаетъ ихъ не по формѣ государственнаго устройства, а по случайнымъ признакамъ, каковы добродѣтели или пороки государя; или по признакамъ постороннимъ, каковы захваты тиранніи или ея преемственность.

Аристотель причисляетъ къ монархіямъ и государство персовъ и государство лакедемонянъ. Но кто не видитъ, что первое было государствомъ деспотическимъ, а второе республикой?

Не зная распредѣленія трехъ властей въ правленіи одного, древніе не могли составить себѣ вѣрнаго представленія о монархіи [2]).

ГЛАВА X.

Воззрѣнія другихъ политиковъ.

Аррибасъ [3]), царь Эпира, видѣлъ въ республикѣ средство умѣрить власть одного. Молоссы, не зная, какъ ограничить ту-же самую власть, поставили двухъ царей [4]); этимъ они ослабили государство болѣе, чѣмъ власть государей; они думали создать соперниковъ и получили враговъ.

Существованіе двухъ царей могло быть терпимо лишь въ Лакедемонѣ; тамъ они не представляли собой всего государственнаго устройства, но были однимъ изъ его элементовъ.

---

[1]) *Политика*, кн. III, гл. XIV. (М.). Для Аристотеля монархія есть законное правленіе одного человѣка, каковы бы ни были различія этой единоличной власти у различныхъ народовъ.

[2]) Т. е. о монархіи съ сословіями, корпораціями и привилегіями, какъ ее понимаетъ Монтескье.

[3]) См. въ III гл. XVII-ой кн. Іустина: *Primus leges et senatum, annuosque magistratus, et rei publicae formam composiut.* (М.). Ясно, что въ этой цитатѣ, подъ словомъ *Respublica* разумѣется государство свободное и благоустроенное, а не республика. Послѣ произведенной реформы, Эпиръ все таки остался монархіей. Аррибасъ умеръ на тронѣ, передавъ свою власть своему сыну Неоптолему, который былъ отцомъ Олимпіи, матери Александра Великаго. Цари Эпирскіе просуществовали до Павла Эмилія, который разрушилъ ихъ власть.

[4]) Аристотель, *Политика*, кн. V, гл. IX. (М.). Монтескье понялъ слова Аристотеля неправильно. У Молоссовъ всегда былъ только одинъ государь.

ГЛАВА XI.

О греческихъ царяхъ временъ героическихъ.

У грековъ, во времена героическія, установилось нѣчто вродѣ монархіи, которая не долго продержалась [1]). Лица, которыя изобрѣтали искуства, вели войну за народъ, соединяли разсѣянныхъ людей или надѣляли ихъ землями, получали для себя царскую власть и передавали ее своимъ дѣтямъ. Они были царями, жрецами и судьями. Это одинъ изъ пяти родовъ монархіи, о которой намъ говоритъ Аристотель [2]), и даже единственная монархія, способная пробудить представленіе о монархическомъ строѣ. Но характеръ этого строя противоположенъ устройству нашихъ нынѣшнихъ монархій.

Распредѣленіе трехъ властей было въ немъ таково, что народъ имѣлъ власть законодательную [3]), и государь—власть исполнительную вмѣстѣ съ властью судебной; между тѣмъ какъ въ извѣстныхъ намъ государствахъ, государь обладаетъ властью исполнительной и законодательной, или по крайней мѣрѣ частью законодательной, но самъ не судитъ.

Въ правленіи царей героической эпохи, распредѣленіе трехъ властей было сдѣлано очень дурно. Эти монархіи были не долговѣчны, такъ какъ народъ, обладая законодательствомъ, могъ уничтожить ихъ по малѣйшему капризу, что онъ повсюду и сдѣлалъ.

У народа свободнаго и обладающаго законодательной властью, у народа, заключеннаго въ городѣ, гдѣ все ненавистное является еще болѣе ненавистнымъ, высшее искуство законодательства состоитъ въ умѣніи хорошо распорядиться судебной властью. Но ее нельзя было помѣстить хуже, какъ вручивъ тому, кто имѣлъ уже власть исполнительную. Съ этого момента монархъ становился страшнымъ. Но такъ какъ онъ въ то-же время не участвовалъ въ законодательствѣ и потому былъ относительно его беззащитенъ; то у него было и слишкомъ много, и слишкомъ мало власти.

Тогда еще не было обнаружено, что истинное назначеніе государя состоитъ въ томъ, чтобы назначать судей, а не судить самому. Противоположная этому политика сдѣлала власть одного невыносимой. Всѣ эти цари были изгнаны. Греки не составили себѣ представленія о распредѣленіи трехъ властей въ правленіе одного; они дошли до этого представленія только въ примѣненіи къ правленію многихъ, и называли государственный строй такого рода политіей [4]).

---

[1]) Аристотель, *Политика*, кн. III, гл. XIV. (М.).

[2]) *Ibid.* (М.).

[3]) См. что говоритъ Плутархъ въ *Жизнеописаніи Тезея*, гл. VIII; а также и Ѳукидидъ въ кн. I. (М.).

[4]) См. *Политику* Аристотеля, кн. IV, гл. VIII. (М.). То, что Аристотель означаетъ словомъ, *политія*, Полибій называетъ *демократіей*.

ГЛАВА XII.

О правленіи царей Рима и о томъ каково было тамъ распредѣленіе трехъ властей.

Правленіе царей Рима въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходно съ правленіемъ царей у грековъ героическаго періода. Оно пало, какъ и прочія, вслѣдствіе своего общаго порока; хотя само по себѣ и по свойственной ему природѣ, оно было очень хорошо.

Для выясненія этого правленія, я раздѣлю его на правленіе пяти первыхъ царей, правленіе Сервія Туллія и правленіе Тарквинія.

Царь назначался по выбору; и во время пяти первыхъ царей сенатъ имѣлъ очень большое участіе въ избраніи.

По смерти царя сенатъ обсуждалъ—слѣдуетъ ли сохранить форму правленія, которая была установлена. Если онъ находили нужнымъ сохранить ее, то онъ назначалъ изъ своей среды сановника [1]), который избиралъ царя; сенатъ долженъ былъ одобрить избраніе: народъ—утвердить его; гаданія—освятить его. Если одного изъ этихъ трехъ условій не было на лицо, совершались новые выборы.

Государственный строй былъ монархическимъ, аристократическимъ и народнымъ; и такова была гармонія властей, что во время первыхъ царствованій не было ни зависти, ни вражды. Царь предводительствовалъ войсками и завѣдывалъ жертвоприношеніями; онъ имѣлъ власть судить дѣла гражданскія [2]) и уголовныя [3]); онъ созывалъ сенатъ и собиралъ народъ; нѣкоторыя дѣла онъ вносилъ на разсмотрѣніе народа, а другія рѣшалъ совмѣстно съ сенатомъ [4]).

Сенатъ пользовался большимъ авторитетомъ. Цари часто призывали сенаторовъ для участія въ своемъ судѣ и не вносили на разсмотрѣніе народа ни одного дѣла, не обсуженнаго предварительно въ сенатѣ [5]).

Народъ имѣлъ право избирать [6]) должностныхъ лицъ, изъявлять свое согласіе на изданіе новыхъ законовъ, и, съ дозволенія царя, объявлять войну и заключать миръ. Но онъ не имѣлъ власти судить; и, если Туллъ Гостилій отдалъ на его судъ Горація, то у него были для этого

---

[1]) Діонисій Галикарнасскій, кн. II, стр. 120; и кн. IV, стр. 242 и 243. (М.)

[2]) Чит. рѣчь Танаквили у Тита Ливія, кн. I; и распоряженія Сервія Туллія у Діонисія Галикарнасскаго, кн. IV, стр. 229. (М.).

[3]) См. Діонисій Галикарнасскій, кн. II, стр. 118; и кн. III, стр. 171. (М.).

[4]) Туллъ Гостилій предпринялъ разрушеніе Альбы въ силу постановленія сената. Діонисій Галикарнасскій, кн. III, стр. 167 и 172. (М.).

[5]) *Ibid.*, кн. IV, стр. 276. (М.).

[6]) *Ibid.*, кн. II. Онъ не долженъ былъ, однако, назначать на всѣ должности, такъ какъ Валеріемъ Публиколой былъ изданъ знаменитый законъ, запрещавшій всякому гражданину отправленіе какой бы то ни было должности, не полученной имъ по народному голосованію. (М.).

особыя причины, изложеніе которыхъ можно найти у Діонисія Галикарнасскаго [1]).

Государственный строй измѣнился при Сервіѣ Тулліѣ [2]). Сенатъ уже не участвовалъ въ избраніи этого царя; онъ былъ провозглашенъ народомъ. Онъ пересталъ судить дѣла гражданскія [3]) и оставилъ за собой только уголовныя; онъ вносилъ всѣ дѣла на обсужденіе народа, онъ облегчилъ налоги и все бремя ихъ возложилъ на патриціевъ. Такъ, ослабляя царскую власть и авторитетъ сената, онъ соотвѣтственно этому увеличивалъ власть народа [4]).

Тарквиній не былъ избранъ ни сенатомъ, ни народомъ. Онъ видѣлъ въ Сервіѣ Тулліѣ узурпатора и взялъ корону, какъ наслѣдственное право; онъ истребилъ бо́льшую часть сенаторовъ; совѣщался лишь съ остальными и не приглашалъ ихъ даже къ участію въ своемъ судѣ [5]). Власть въ его рукахъ увеличилась; но все что было въ ней ненавистнаго, стало еще болѣе ненавистнымъ; онъ захватилъ власть народа; онъ создавалъ законы безъ него и даже противъ него [6]). Онъ соединилъ бы въ своемъ лицѣ всѣ три власти; но народъ однажды вспомнилъ, что законодатель—онъ самъ, и Тарквинія не стало.

ГЛАВА XIII.

Общія разсужденія о состояніи Рима послѣ изгнанія царей.

Никакъ невозможно разстаться съ римлянами: такъ еще и теперь, въ ихъ столицѣ, люди покидаютъ новые дворцы и ищутъ развалинъ; такъ глазъ, успокоенный созерцаніемъ зеленой эмали луговъ, любитъ созерцать скалы и горы.

Патриціанскія фамиліи имѣли всегда большія привилегіи. Эти привилегіи, столь значительныя во время царей, стали еще значительнѣе послѣ ихъ изгнанія. Это возбудило зависть плебеевъ, которые захотѣли ихъ иринизить. Удары пререканій падали на государственный строй, не ослабляя силы правленія: къ какимъ-бы семьямъ ни принадлежали должностныя лица, они все равно сохраняли въ цѣлости свою власть.

Избирательная монархія, какою былъ Римъ, должна по необходимости опираться на могущественную аристократію, за отсутствіемъ которой она превратится въ тираннію или народное государство. Но народное госу-

---

[1]) *Ibid.*, кн. III, стр. 159. (М.).

[2]) *Ibid.*, кн. IV. (М.).

[3]) Онъ лишилъ себя половины царской власти, говоритъ Діонисій Галикарнасскій, кн. IV, стр. 229. (М.).

[4]) Думали, что онъ установилъ бы народное правленіе, если бы Тарквиній не помѣшалъ ему. Діонисій Галикарнасскій, кн. IV, стр. 243. (М.).

[5]) Діонисій Галикарнасскій, кн. IV. (М.).

[6]) *Ibid.* (М.).

дарство не нуждается для своей поддержки въ родовыхъ привилегіяхъ. Поэтому патриціи, которые были необходимымъ элементомъ государственнаго строя во времена царей, стали въ немъ излишними во времена консуловъ; народъ могъ принизить патриціевъ безъ вреда для себя и преобразовать строй, не извращая его.

Послѣ того какъ Сервій Туллій унизилъ патриціевъ, Римъ долженъ былъ перейти въ руки царей или народа; между тѣмъ какъ народъ, принижая патриціевъ, не имѣлъ основанія опасаться снова очутиться въ рукахъ царей.

Государственный строй измѣняется двумя путями: или потому, что онъ исправляется, или потому, что онъ разлагается. Если онъ измѣняется, сохраняя свои принципы—это значитъ, что онъ исправляется; если же, при измѣненіи, онъ утрачиваетъ свои принципы—это значитъ, что онъ разлагается.

Римъ, послѣ изгнанія царей, долженъ былъ стать демократіей. Народъ уже обладалъ законодательною властью: цари были изгнаны по его единодушному рѣшенію; и если бы онъ не настаивалъ на этомъ рѣшеніи, то Тарквиніи могли бы возвратиться ежеминутно. Предполагать, что онъ изгналъ ихъ для того, чтобы стать рабомъ нѣсколькихъ фамилій, было бы неразумно. Итакъ, положеніе вещей требовало, чтобы Римъ сталъ демократіей; и однако онъ не былъ ею. Надо было умѣрить власть главныхъ сановниковъ и направить законы къ демократіи.

Часто государства процвѣтаютъ болѣе во время своего нечувствительнаго перехода отъ одного строя къ другому, чѣмъ во время господства того или другого изъ этихъ строевъ. Въ такую пору всѣ пружины правленія напрягаются; всѣ граждане исполнены стремленій; люди то осыпаютъ ударами, то ласкаютъ другъ друга, и возникаетъ благородное соревнованіе между защитниками падающаго государственнаго строя и сторонниками строя, получающаго преобладаніе.

ГЛАВА XIV.

Какимъ образомъ распредѣленіе трехъ властей начало измѣняться послѣ изгнанія царей [1]).

Четыре обстоятельства болѣе всего нарушали свободу Рима. Всѣ должности жреческія, политическія, гражданскія и военныя доставались однимъ патриціямъ; консульству была придана чрезмѣрная власть: народъ былъ подвергаемъ оскорбленіемъ и, наконецъ, ему не оставили

[1]) Говоря о римлянахъ, Монтескье слѣпо слѣдуетъ за Діонисіемъ Галикарнасскимъ. Современная наука, однако, далеко не согласна съ этимъ греческимъ риторомъ. Можно соглашаться съ общими соображеніями Монтескье, но не съ большинствомъ фактовъ, которыми онъ ихъ подтверждаетъ.

почти никакого вліянія на голосованія. Эти-то четыре злоупотребленія и были исправлены народомъ.

1. Онъ установилъ право плебеевъ на отправленіе нѣкоторыхъ должностей, и мало-по-малу распространилъ его на всѣ, за исключеніемъ должности интеррекса.

2. Консульская власть была разложена на части, изъ которыхъ образовали нѣсколько должностей. Были созданы преторы [1]) съ властью судить дѣла гражданскія; были назначены квесторы [2]), для суда надъ публичными преступленіями; были установлены эдилы, которымъ поручена полиція; была учреждена должность казначеевъ [3]), для завѣдыванія общественными суммами; наконецъ, посредствомъ созданія цензоровъ, консулы были лишены той части законодательной власти, которая касается нравовъ гражданъ и временнаго надзора за различными государственными сословіями. Главныя оставшіяся за ними прерогативы заключались въ правѣ предсѣдательствовать въ большихъ народныхъ Собраніяхъ [4]), созывать сенатъ и предводительствовать войсками.

3. Священные законы установили трибуновъ, которые могли во всякій мигъ останавливать дѣйствія патриціевъ и не допускать не только частныхъ обидъ, но и общихъ несправедливостей.

Наконецъ, плебеи увеличили долю своего вліянія въ области общественныхъ постановленій. Римскій народъ былъ раздѣленъ троякимъ образомъ: по центуріямъ, по куріямъ и по трибамъ; и онъ подавалъ голоса, будучи собранъ и распредѣленъ по одному изъ этихъ трехъ способовъ.

Въ собраніяхъ перваго рода почти вся власть принадлежала патриціямъ, главнымъ сановникамъ, богачамъ и сенату, что составляло почти одно и то же; въ собраніяхъ второго рода они имѣли менѣе власти, и еще менѣе—въ собраніяхъ третьяго рода.

Дѣленіе по центуріямъ было болѣе дѣленіемъ ценза и достатка, чѣмъ дѣленіемъ лицъ. Весь народъ былъ раздѣленъ на сто девяносто три центуріи [5]), изъ коихъ каждая имѣла одинъ голосъ. Первыя девяносто восемь центурій были составлены изъ патриціевъ и главныхъ сановниковъ государства, а остальные граждане были распредѣлены по девяносто пяти прочимъ центуріямъ. Такимъ образомъ, въ этомъ дѣленіи, патриціи были хозяевами голосованія.

Въ дѣленіи по куріямъ [6]), патриціи не имѣли этихъ преимуществъ.

---

[1]) Титъ Ливій, Декады I, кн. VI. (М.).

[2]) *Quaestores parricidii;* Pomponius, *leg.* 2, § 23, ff. *de orig. jur.* (М.).

[3]) (Въ собственномъ смыслѣ слова *квесторовъ*) Плутархъ, *жизнеописаніе Публиколы*, гл. VI. (М.).

[4]) *Comitiis centuriatis.* (М.).

[5]) Чит. объ этомъ Тита Ливія, кн. гл. XLIII; и Діонисія Галикарнасскаго, кн. IV и VII. (М.).

[6]) Діонисій Галикарнасскій, кн. IX, стр. 598. (М.).

Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя преимущества были у нихъ и тутъ. Здѣсь надо было сообразоваться съ показаніями гаданій, которыми завѣдывали патриціи, и нельзя было вносить на разсмотрѣніе плебеевъ никакого предложенія, которое предварительно не было предъявлено сенату и одобрено сенатскимъ постановленіемъ. Но въ дѣленіи по трибамъ не было рѣчи ни о гаданіяхъ, ни о сенатскихъ постановленіяхъ, и патриціи на эти собранія не допускались.

Но народъ всегда домогался составлять по куріямъ собранія, которыя обыкновенно составлялись по центуріямъ, и составлять по трибамъ собранія, которыя составлялись по куріямъ, вслѣдствіе чего дѣла наконецъ и перешли изъ рукъ патриціевъ въ руки плебеевъ.

Поэтому, когда плебеи добились права суда надъ патриціями, чего они стали домогаться со времени дѣла Коріолана [1]), то они стали судить ихъ въ собраніяхъ по трибамъ [2]), а не по центуріямъ; когда же были установлены въ пользу народа новыя должности [3]) трибуновъ и эдиловъ, то народъ добился права избирать этихъ должностныхъ лицъ въ собраніяхъ по куріямъ; а вслѣдъ затѣмъ, когда власть его достаточно утвердилась, онъ получилъ право [4]) избирать ихъ въ собраніяхъ по трибамъ.

ГЛАВА XV.

Какимъ образомъ, во время процвѣтанія республики, Римъ внезапно утратилъ свою свободу.

Въ пылу раздоровъ между патриціями и плебеями, послѣдніе потребовали установленія опредѣленныхъ законовъ, дабы приговоры суда перестали быть слѣдствіемъ произвольныхъ желаній или прихотей власти. Послѣ долгаго сопротивленія, сенатъ изъявилъ свое согласіе. Для составленія этихъ законовъ назначили децемвировъ [5]). Полагали, что ихъ необходимо было снабдить большею властью, въ виду того, что имъ предстояло создать законы для сторонъ, почти ни въ чемъ не согласныхъ другъ съ другомъ. Назначеніе всѣхъ должностныхъ лицъ было пріостановлено; и въ комиціяхъ децемвиры были избраны одни въ качествѣ правителей республики [6]). Они были облечены властью консульской и властью трибунской [7]). Первая давала имъ право созывать сенатъ; вторая—созывать на-

---

[1]) *Ibid.*, кн. VII. (М.).

[2]) Вопреки древнему обычаю, какъ это можно видѣть у Д. Галикарнасскаго въ кн. V, на стр. 320. (М.).

[3]) *Ibid.*, кн. VI, стр. 410 и 411. (М.).

[4]) *Ibid.*, кн. IX, стр. 605.

[5]) Годъ Рима 302.

[6]) Титъ Ливій, III, гл. XXXII. Placet creari decemviros sine provocatione, et ne quis eo anno magistratus esset.

[7]) Ихъ власть была шире консульской, но они не обладали властью трибуновъ, а были избавлены отъ нея. Г. де Монтескье переноситъ на децемви-

родъ; но они не созывали ни сената, ни народа [1]. Десять человѣкъ въ республикѣ одни обладали всею властью законодательной, всею властью исполнительной и всею властью судебной. Римъ увидѣлъ себя во власти тираннiи, столь же жестокой, какъ тираннiя Тарквинiя. Когда Тарквинiй творилъ свои насилiя, Римъ былъ возмущенъ властью, которую тотъ захватилъ; когда децемвиры творили свои насилiя, онъ былъ изумленъ властью, которую онъ самъ вручилъ имъ [2].

Но какова же была система этой тираннiи, производимой людьми, которые получили власть политическую и военную только потому, что они были свѣдущи въ гражданскихъ дѣлахъ, и которымъ, по обстоятельствамъ того времени, внутри страны было необходимо малодушiе гражданъ, чтобы они позволили властвовать надъ собою; а внѣ ея границъ,— ихъ мужество, чтобы они могли защищать своихъ владыкъ.

Зрѣлище смерти Виргинiи, закланной своимъ отцомъ на алтарѣ стыда и свободы, низвергло власть децемвировъ. Каждый сталъ свободнымъ, потому что всѣ почувствовали себя отцами. Сенатъ и народъ вернулись къ свободѣ, которая была поручена жалкимъ тиранамъ.

Римскiй народъ, болѣе всякаго другого, былъ чувствителенъ къ зрѣлищамъ. Окровавленное тѣло Лукрецiи положило конецъ власти царей. Покрытый ранами должникъ, появившiйся на площади, заставилъ измѣнить форму республики. Образъ Виргинiи побудилъ изгнать децемвировъ. Чтобы заставить осудить Манлiя, надо было скрыть отъ народа видъ Капитолiя. Окровавленная тога Цезаря снова повергла Римъ въ рабство.

ГЛАВА XVI.

О законодательной власти въ римской республикѣ.

Раздоры были воспрещены при децемвирахъ; но зависть воскресла вмѣстѣ со свободой: пока у патрицiевъ оставались какiя либо привилегiи, плебеи не переставали отбирать у нихъ эти привилегiи.

Большого зла тутъ не было бы, если бы плебеи удовлетворились лишенiемъ патрицiевъ ихъ преимуществъ и не оскорбили ихъ еще и какъ гражданъ. Въ народныхъ собранiяхъ по куріямъ или по центурiямъ народъ состоялъ изъ сенаторовъ, патрицiевъ и плебеевъ. Во время раздоровъ, плебеи завоевали себѣ право, въ силу котораго они могли создавать законы одни [3], безъ участiя патрицiевъ и сената; эти законы были на-

---

ровъ то, что было сдѣлано четыре столѣтiя послѣ того въ пользу императоровъ. (Кревье).

[1]) Это не совсѣмъ точно. Консулы имѣли право созывать комицiи центурiатныя, и, если вѣрить Дiонисiю Галикарнасскому (кн. X.), трибуны имѣли право созывать сенатъ, даже до учрежденiя децемвировъ.

[2]) *Размышленiя о величiи и упадкѣ Римлянъ*, гл. I.

[3]) Дiонисiй Галикарносскiй, кн. XI, стр. 725. (М.).

званы плебисцитами, а комиціи, въ которыхъ они создавались, — комиціями по трибамъ Такимъ образомъ, были случаи, когда патриціи [1]) не имѣли никакого участія въ законодательствѣ [2]), и когда они были подчинены законодательной власти другого государственнаго сословія. Это было какое-то безуміе свободы. Во имя установленія демократіи, народъ ниспровергалъ основы демократіи. Казалось, что такая чрезмѣрная власть должна уничтожить власть сената; но у Рима были превосходныя учрежденія. Особенно хороши были два, изъ коихъ одно регулировало законодательную власть народа, а другое—ограничивало ее.

Цензора, а ранѣе ихъ консулы [3]), каждыя пять лѣтъ, формировали и, такъ сказать, создавали политическое тѣло народа; они имѣли законодательную власть надъ самой законодательной властью. «Цензоръ Тиверій Гракхъ, говоритъ Цицеронъ, перемѣстилъ вольноотпущенниковъ въ городскія трибы не силою своего краснорѣчія, но однимъ только словомъ и жестомъ; и если бы онъ не сдѣлалъ этого, то у насъ не было бы этой республики, которую мы съ такимъ трудомъ поддерживаемъ теперь» [4]).

Съ другой стороны, сенатъ имѣлъ власть изъять, такъ сказать, республику изъ рукъ народа посредствомъ назначенія диктатора, передъ которымъ самодержавный народъ преклонялъ голову и умолкали самые популярные законы [5]).

ГЛАВА XVII.

О власти исполнительной въ той же республикѣ.

Народъ, столь ревниво охранявшій свою законодательную власть, менѣе дорожилъ своею властью исполнительной; онъ отдалъ ее почти цѣликомъ сенату и консуламъ, а за собою оставилъ только право избирать должностныхъ лицъ и утверждать распоряженія сената и полководцевъ.

Вслѣдствіе своей страсти повелѣвать и честолюбиваго стремленія все подчинить своей власти, вслѣдствіе узурпацій, которыя онъ всегда производилъ и продолжалъ производить — Римъ былъ постоянно обремененъ большими заботами: то враги его составляли противъ него заговоръ, то онъ самъ устраивалъ заговоръ противъ своихъ враговъ.

---

[1]) Въ силу священныхъ законовъ, плебеи могли издавать плебисциты одни, безъ допущенія патриціевъ въ свои собранія. Діонисій Галикарнасскій, кн. IV, стр. 430. (М.).

[2]) На основаніи закона, изданнаго послѣ изгнанія децемвировъ, патриціи были подчинены плебисцитамъ, несмотря на то, что они не могли участвовать въ ихъ постановленіи. Титъ-Ливій, кн. III, гл. LV, и Діонисій Галикарнасскій, кн. XI, стр. 725, и этотъ законъ былъ подтвержденъ закономъ Публія Филона, диктатора въ 416 году Рима.—Титъ Ливій, кн. VIII, гл. XII. (М.).

[3]) Въ 312-мъ году Рима, консулы еще производили цензъ, какъ это явствуетъ изъ кн. XI Діонисія Галикарнасскаго. (М.).

[4]) *Ораторъ*, кн. I, гл. XI.

[5]) Какъ, напр., тѣ, которые дозволяли аппеллировать къ народу на постановленія всѣхъ должностныхъ лицъ. (М.).

Все это обязывало его дѣйствовать, съ одной стороны, съ героической отвагой, а съ другой—съ величайшимъ благоразуміемъ, и создавало положеніе вещей, которое требовало, чтобы дѣлами его руководилъ сенатъ. Народъ оспаривалъ у сената всѣ отрасли власти законодательной, потому что дорожилъ своей свободой; но онъ не оспаривалъ у него ни одной изъ отраслей власти исполнительной, потому что дорожилъ своею славой.

Доля участія сената въ исполнительной власти была такъ велика, что, по словамъ Полибія [1]), всѣ иностранцы считали Римъ аристократіей [2]). Сенатъ располагалъ общественными деньгами и отдавалъ на откупъ государственные доходы; былъ третейскимъ судьей въ дѣлахъ между союзниками; рѣшалъ вопросы о войнѣ и мирѣ и руководилъ, въ этомъ отношеніи, консулами; онъ опредѣлялъ численность войска римскаго и союзнаго, распредѣлялъ провинціи и войска между консулами или преторами, и по истеченіи ихъ служебнаго года, могъ назначать имъ преемниковъ; онъ предписывалъ тріумфы, онъ принималъ и отправлялъ пословъ; онъ поставлялъ царей, награждалъ ихъ, наказывалъ ихъ, судилъ ихъ, жаловалъ имъ или отнималъ у нихъ званіе союзниковъ народа римскаго.

Консулы собирали войска, которыя они должны были вести на войну: они командовали сухопутными и морскими силами, располагали союзниками; они пользовались въ провинціяхъ всею властью республики; они давали миръ побѣжденнымъ народамъ и налагали на нихъ условія мира сами, или отсылали ихъ для этого къ сенату.

Даже въ первыя времена, когда народъ принималъ нѣкоторое участіе въ дѣлахъ войны и мира, онъ проявлялъ его болѣе со стороны своей законодательной власти, чѣмъ со стороны власти исполнительной. Онъ только утверждалъ то, что было сдѣлано царями, а послѣ ихъ, консулами или сенатомъ. Онъ не только не объявлялъ войну, но, мы даже видимъ, что консулы или сенатъ часто вели ее, вопреки сопротивленію его трибуновъ. Но, опьяненный своимъ могуществомъ, народъ увеличилъ размѣры своей исполнительной власти. Такъ, онъ [3]) самъ сталъ назначать военныхъ трибуновъ, которые до тѣхъ поръ назначались полководцами, и незадолго до первой пунической войны опредѣлилъ, что ему одному принадлежитъ право объявленія войны [4]).

---

[1]) Кн. VI. (М.). Все это заимствовано изъ размышленій Полибія о распредѣленіи властей въ римской республикѣ. *Исторія*, кн. VI, гл. IX—XII.

[2]) То-же самое можно бы сказать и о Голландіи. (Люзакъ).

[3]) 444 г. отъ осн. Рима, Титъ-Ливій, первая декада, кн. IX, гл. XXX.— Война съ Персеемъ казалась опасной; она была пріостановлена постановленіемъ сената, и народъ согласился съ этимъ. Титъ-Ливій, пятая декада, кн. II (кн. XLII, гл. XXXI) (М.).

[4]) Онъ вынудилъ это право у сената, говоритъ Freinshemius, вторая декада, кн. VI. (М.) Монтескье плохо понялъ Фрейнсгеміуса. Вся исторія свидѣтельствуетъ противъ такого факта. Можно убѣдиться въ томъ, прочитавъ у Тита-Ливія объявленіе войны карѳагенянамъ послѣ взятія Сагунта, Филиппу,

ГЛАВА XVIII.

О судебной власти въ римскомъ государствѣ.

Судебная власть была предоставлена народу, сенату, государственнымъ сановникамъ и извѣстному количеству судей. Надо разсмотрѣть, какъ она была распредѣлена. Начинаю это разсмотрѣніе съ дѣлъ гражданскихъ.

Консулы [1]) судили послѣ царей, какъ преторы отправляли правосудіе послѣ консуловъ. Сервій Туллій сложилъ съ себя обязанность творить судъ по дѣламъ гражданскимъ; консулы тоже не рѣшали ихъ, за исключеніемъ случаевъ очень рѣдкихъ [2]), которые, поэтому, и получили названіе чрезвычайныхъ [3]). Они довольствовались назначеніемъ судей и образованіемъ трибуналовъ, которые должны были судить. Судя по рѣчи Аппія Клавдія, переданной Діонисіемъ Галикарнасскимъ [4]), кажется, начиная съ 259 года, въ этомъ видѣли установившійся въ Римѣ обычай; и мы не зайдемъ слишкомъ далеко, если отнесемъ его къ Сервію Туллію.

Преторъ каждый годъ составлялъ списокъ [5]) или табель лицъ которыхъ онъ избиралъ для выполненія обязанности судей въ продолженіе года отправленія своей должности. Для каждаго дѣла брали достаточное для его разсмотрѣнія количество судей. Почти то же самое практикуется въ Англіи. Особенно благопріятно для свободы [6]) было тутъ то, что преторъ назначалъ судей съ согласія [7]), сторонъ. Значительное количество отводовъ, которое допускается теперь дѣлать въ Англіи, очень близко подходитъ къ этому обычаю [8]).

Эти судьи рѣшали только вопросы о фактѣ [9]), напр., была или нѣтъ уплачена такая-то сумма; было или не было совершенно такое то дѣй-

---

царю македонскому, Антіоху, Персею. Вездѣ мы видимъ, что сенатъ обсуждаетъ вопросъ о войнѣ. постановляетъ рѣшеніе и даетъ тонъ народу, отдающему свое приказаніе объявить войну согласно съ заключеніемъ сената. (Кревье).

[1]) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, до созданія должности преторовъ, гражданскія дѣла судились консулами. См Титъ-Ливія, декада 1, кн. II, гл. I; Діонисія Галикарнасскаго кн. X, стр. 627 и 645 стр. той же книги. (М.).

[2]) Часто трибуны судили одни, что сдѣлало ихъ особенно ненавистными.— Діонисій Галикарнасскій, кн. XI, стр. 709 (М.).

[3]) *Iudicia extraordinaria.* (См. *Институціи*, кн. IV). (М.).

[4]) Кн. VI, стр. 360. (М).

[5]) *Album judicum.* (М.).

[6]) «Наши предки не хотѣли, говоритъ Цицеронъ (*Pro Cluentio.* c. XLIII), чтобы кто либо, не избранный по соглашенію сторонъ, могъ быть судьей не только что въ дѣлахъ, касающихся репутаціи гражданина, но даже въ малѣйшемъ денежномъ дѣлѣ». (М.).

[7]) Изъ фрагментовъ закона Сервилія, Корнелія и другихъ видно, что для суда надъ дѣлами по преступленіямъ, которыя карались этими законами. судьи иногда назначались по выбору, иногда по жребію и, наконецъ, по способу смѣшанному изъ выбора и жребія (М.).

[8]) Ср. кн. XI, гл. VI.

[9]) Сенека, *de Benef.*, кн. III, гл. VII, *in fine.* (М.) См. кн. VI, гл. III.

ствіе. Но что касается до вопросовъ о правѣ [1]), рѣшеніе которыхъ требуетъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ способностей, то они были вносимы на обсужденіе трибунала центумвировъ [2]).

Цари предоставили себѣ право суда по дѣламъ уголовнымъ, которое отъ нихъ перешло къ консуламъ. Въ силу этой то судебной власти, консулъ Брутъ и предалъ смерти своихъ дѣтей и всѣхъ, составившихъ заговоръ въ пользу Тарквиніевъ. Эта власть была чрезмѣрна. Военная власть, которою обладали консулы стала примѣняться ими даже къ дѣламъ города, и ихъ суды не стѣсняемые никакими формами судопроизводства, были скорѣе актами насилія, чѣмъ суда.

Этимъ было вызвано изданіе закона Валерія, дозволявшаго аппелировать къ народу на всякое распоряженіе консуловъ, которымъ подвергалась опасности жизнь гражданина. Консулы уже не могли произносить смертнаго приговора надъ римскимъ гражданиномъ иначе, какъ по волѣ народа [3]).

Мы видимъ, что, во время перваго заговора въ пользу возвращенія Тарквиніевъ, виновныхъ судитъ консулъ Брутъ; между тѣмъ какъ во время второго заговора по тому же предмету, для суда надъ виновными, созываютъ сенатъ и комиціи [4]).

Законы, названные священными, дали народу трибуновъ, образовавшихъ корпорацію, заявившую вначалѣ безмѣрныя притязанія. Не знаешь, чему болѣе удивляться: дерзкой ли требовательности плебеевъ или робкой уступчивости сенаторовъ. Законъ Валерія дозволилъ аппелировать къ народу, т. е. къ народу, составленному изъ сенаторовъ, патриціевъ и плебеевъ; но плебеи постановили, что аппеляціи должны быть обращаемы только къ нимъ однимъ. Вскорѣ былъ поднятъ вопросъ о томъ, могутъ ли плебеи судить патриція, что стало предметомъ распри, порожденной дѣломъ Коріолана и вмѣстѣ съ этимъ дѣломъ окончившейся. Коріоланъ, обвиненный трибунами передъ народомъ, утверждалъ вопреки духу закона Валерія, что онъ, въ качествѣ патриція, могъ быть судимъ только консулами; плебеи, вопреки духу того же закона, рѣшили, что онъ долженъ быть судимъ только одними плебеями, и судили его.

Законъ Двѣнадцати Таблицъ измѣнилъ все это. Онъ постановилъ, что вопросъ о жизни и смерти гражданина подлежитъ рѣшенію лишь большихъ народныхъ собраній [5]). Такимъ образомъ, собранія плебеевъ, или,

---

[1]) См. Квинтиліана, кн. IV, стр. 54. in-fol., парижск. изд. 1541 г. (М.).

[2]) L. 2, § 24, ff. *de orig. jur.* Должностныя лица, называемыя децемвирами, предсѣдательствовали въ судѣ подъ руководствомъ претора. (М.).

[3]) *Quoniam de capite civis romani, injussu populi romani, non erat permissum consulibus jus dicere.* См. Помпонія, l. 2, § 6, ff. *de orig. jur.* (М.).

[4]) Діонисій Галикарнасскій, кн. V. 322. (М.).

[5]) Т. е. въ собраніяхъ по центуріямъ, гдѣ и былъ судимъ Манлій Капитолинъ. Титъ-Ливій, декада 1, кн. VI, гл. XX. (М.).

что то же, комиціи по трибамъ, стали судить только дѣла по преступленіямъ, наказуемымъ денежнымъ штрафомъ. Для произнесенія смертнаго приговора нуженъ былъ законъ; для присужденія къ денежному штрафу достаточно было плебисцита.

Это опредѣленіе закона Двѣнадцати Таблицъ было очень благоразумно. Благодаря ему, плебеи и сенаторы стали дѣйствовать съ удивительнымъ согласіемъ: такъ какъ компетенція тѣхъ и другихъ поставлена была въ зависимость отъ размѣра наказанія и природы преступленія, то имъ было невозможно обойтись безъ взаимнаго соглашенія.

Законъ Валерія лишилъ строй Рима всего, что было въ немъ сходнаго съ правленіемъ греческихъ царей героической эпохи. Консулы уже не имѣли власти карать преступленія. Хотя всѣ преступленія имѣютъ публичный характеръ, тѣмъ не менѣе надо отличать между ними тѣ, которыя касаются взаимныхъ отношеній гражданъ отъ тѣхъ, которыя болѣе касаются отношеній государства къ гражданамъ. Первыя называются преступленіями частными, а вторыя публичными преступленіями [1]). Публичныя преступленія судилъ самъ народъ; а что касается до частныхъ, то онъ поручалъ особымъ коммиссіямъ назначать квесторовъ для преслѣдованія каждаго преступленія этого разряда. Въ квесторы народъ часто избиралъ лицо должностное, иногда частное лицо. Они назывались квесторами отцеубійства (questores parricidi). О нихъ упоминается въ законахъ Двѣнадцати Таблицъ [2]).

Квесторы назначали такъ называемаго судью даннаго дѣла, который избиралъ по жребію судей, устраивалъ судъ и предсѣдательствовалъ въ немъ [3]).

Слѣдуетъ обратить вниманіе на участіе, которое принималъ сенатъ въ назначеніи квестора, для того чтобы показать какимъ образомъ были въ этомъ отношеніи уравновѣшены власти. Иногда сенатъ заставлялъ избрать диктатора для отправленія должности квестора [4]); иногда онъ приказывалъ, чтобы избраніе квестора было поручено народному собранію, созванному трибуномъ [5]); наконецъ случалось, что народъ давалъ порученіе избранному имъ для этого лицу доложить сенату о какомъ нибудь преступленіи и просить его назначить квестора, какъ это видно изъ суда надъ Луціемъ Сципіономъ [6]), о которомъ говоритъ Титъ-Ливій [7]).

---

[1]) Ср. кн. III, гл. V.

[2]) Помпоній, въ законѣ 2-мъ. Дигеста *de orig. jur.* (М.).

[3]) См. фрагментъ Ульпіана, приводящаго отрывокъ изъ закона Корнелія; онъ находится въ *Collation des lois mosaïques et romaines*, tit. 1, *de sicariis et homicidiis.* (М.).

[4]) Въ особенности это имѣло мѣсто по случаю преступленій, совершенныхъ въ Италіи, подчиненной по премуществу надзору сената. См. у Тита-Ливія первую декаду, въ кн. IX, гл. XXVI—о заговорахъ въ Капуѣ. (М.).

[5]) Такъ было въ дѣлѣ о смерти Постумія, въ 340 году отъ осн. Рима. См Тита-Ливія кн. IV, гл. L. (М.).

[6]) Этотъ судъ происходилъ въ 457 году отъ осн. Рима. (М.).

[7]) Кн. VIII. (М.).

Въ 604 году отъ основ. Рима, нѣкоторыя изъ этихъ временныхъ коммиссій были обращены въ постоянныя [1]). Мало по малу матеріалъ преступленій былъ раздѣленъ на части, которыя составили предметъ постоянныхъ судовъ (questiones perpetuae), и каждая изъ которыхъ была поручена вѣдѣнію особаго претора. Власть преторовъ судить эти преступленія была ограничена годичнымъ срокомъ, по истеченіи котораго они отправлялись управлять своими провинціями.

Въ Карѳагенѣ сенатъ ста состоялъ изъ пожизненныхъ судей [2]). Но въ Римѣ преторы опредѣлялись на одинъ годъ, а судьи даже менѣе, чѣмъ на годъ потому-что они назначались на каждое дѣло особо. Мы уже сказали въ VI главѣ этой книги, насколько такой порядокъ былъ въ нѣкоторыхъ государствахъ благопріятенъ для свободы.

До Гракховъ судей избирали изъ сословія сенаторовъ. Тиверій Гракхъ [3]) заставилъ избирать ихъ изъ сословія всадниковъ; перемѣна до такой степени важная, что этотъ трибунъ полагалъ, что онъ одною этою мѣрою подорвалъ силу сословія сенаторовъ.

Надо замѣтить, что распредѣленіе трехъ властей можетъ быть очень благопріятно для свободы конституціи, хотя оно менѣе благопріятно для свободы гражданина. Въ Римѣ могущество народа, обладавшаго законодательной властью и частью власти исполнительной и судебной, было такъ велико, что нуждалось въ противовѣсѣ со стороны другой власти. Хотя сенатъ и пользовался частью исполнительной власти и нѣкоторыми отраслями законодательной [4]), но этого было мало для противовѣса народу. Нужно было, что бы онъ пользовался частью судебной власти, и онъ пользовался ею, когда судьи были выбраны изъ сенаторовъ. Но послѣ того какъ Гракхи лишили сенаторовъ участія въ судѣ [5]), сенатъ уже не могъ противостоять народу. Такимъ образомъ Гракхи поколебали свободу строя ради усиленія свободы народа; но послѣдняя погибла вмѣстѣ съ первой.

Отсюда произошли два безконечныя бѣдствія. Государственный строй былъ измѣненъ въ такое время, когда, въ пылу усобицъ, основные законы уже почти не существовали. Всадники перестали быть тѣмъ среднимъ сословіемъ, которое соединяло народъ съ сенатомъ, и узы единенія въ государственномъ строѣ были порваны.

Существовали даже и частныя причины, въ силу которыхъ не слѣдо-

---

[1]) Цицеронъ, *in Bruto*. (М.).

[2]) Это доказано Титъ-Ливіемъ, который говоритъ, что Аннибалъ ограничилъ время отправленія судейской должности однимъ годомъ. Кн. XXXIII, гл. XLV. (М.).

[3]) Мѣра эта была проведена Каемъ Гракхомъ.

[4]) Сенатскія постановленія, даже и не утвержденныя волею народа, сохраняли силу впродолженіи года. Діонисій Галикарнасскій, кн. IX, стр. 595, и кн. XI, стр. 735. (М.) — Это невѣрно. См. кн. II, гл. II, заключительное примѣчаніе.

[5]) Въ 630 году. (М.).

вало вручать судебную власть всадникамъ. Государственный строй Рима былъ основанъ на принципѣ, по которому войско его должно было состоять изъ лицъ, достаточно состоятельныхъ, что бы отвѣчать передъ республикой за свое поведеніе своимъ имуществомъ [1]). Всадники, какъ люди самые богатые, составляли кавалерію легіоновъ [2]). Но послѣ того какъ были увеличены ихъ права и достоинство, они уже не захотѣли служить въ этомъ войскѣ; надо было образовать новую кавалерію: Марій сталъ набирать въ свои легіоны всякій сбродъ, и республика погибла [3]).

Кромѣ того, всадники были откупщиками доходовъ республики; они были жадны, они сѣяли бѣдствіе за бѣдствіемъ и вызывали нужду за нуждою. Чѣмъ дѣлать такихъ людей судьями, надо бы ихъ самихъ постоянно держать подъ надзоромъ судей. Къ чести нашихъ старинныхъ французскихъ законовъ надо сказать, что при заключеніи договоровъ съ дѣловыми людьми, они относились къ нимъ съ недовѣріемъ, которое естественно внушается непріятелемъ. Когда, въ Римѣ, судебная власть была передана откупщикамъ, не стало ни добродѣтели, ни порядка, ни законовъ, ни судовъ, ни судей.

Въ нѣкоторыхъ отрывкахъ изъ Діодора Сицилійскаго и Діона встрѣчается довольно наивное изображеніе такого положенія дѣлъ. «Муцій Сцевола, говоритъ Діодоръ [4]), захотѣлъ жить въ согласіи съ нравами старины, честно и воздержно, на одни только средства своего собственнаго имущества [5]). Предшественники его, вступивъ въ сообщничество съ откупщиками, которые были въ это время судьями въ Римѣ, наводнили провинцію всякаго рода преступленіями. Но Сцевола покаралъ ростовщиковъ и засадилъ въ тюрьмы тѣхъ, которые сажали туда другихъ».

Діонъ разсказываетъ [6]), что намѣстникъ Сцеволы, Публій Рутилій, человѣкъ не менѣе Сцеволы ненавистный всадникамъ, былъ обвиненъ, по своемъ возвращеніи изъ провинціи, въ полученіи подарковъ и присужденъ къ денежному штрафу. Онъ тотчасъ-же заявилъ объ уступкѣ своего имущества. Онъ доказалъ свои права на владѣніе имъ, и его невинность обнаружилась въ томъ, что цѣнность его имущества оказалась меньше всего того, въ похищеніи чего его обвиняли. Онъ не захотѣлъ болѣе жить въ одномъ городѣ съ такими людьми.

Діодоръ [7]) говоритъ еще, что итальянцы закупали въ Сициліи партіи рабовъ для воздѣлыванія своихъ полей и ухода за своими стадами, и не

[1]) Ср. кн. XI, гл. VI.

[2]) Но не они одни входили въ составъ ея. Титъ-Ливій, V, гл. VII.

[3]) *Capite censos plerosque.* Саллюстій, *Война Югуртинская*, гл. LXXXIV. (М.).

[4]) Фрагментъ этого автора, кн. XXXVI, въ сборникѣ Константина Порфиророднаго *О добродѣтеляхъ и порокахъ.* (М.).

[5]) Муцій Сцевола велъ такой образъ жизни, будучи проконсуломъ Азіи.

[6]) Фрагментъ его исторіи, извлеченный изъ *Разсужденія о добродѣтеляхъ о порокахъ.* (М.).

[7]) Фрагментъ книги XXXIV, въ статьѣ о добродѣтеляхъ и порокахъ. (М.).

кормили ихъ, вслѣдствіе чего эти несчастные, одѣтые въ шкуры животныхъ, вооруженные копьями и окруженные стаями большихъ собакъ, были вынуждены грабить по большихъ дорогамъ. Они опустошали всю провинцію, такъ что жители ея могли считать своимъ только то имущество, которое находилось подъ охраною городскихъ стѣнъ. И ни одинъ проконсулъ, ни одинъ преторъ не могъ или не хотѣлъ воспротивиться этой неурядицѣ, не смѣлъ наказать этихъ рабовъ, потому-что они принадлежали всадникамъ, которые обладали судебною властью въ Римѣ [1]). Это было, однако, одной изъ причинъ возстанія рабовъ. Скажу только одно: людямъ профессіи, единственная цѣль которой барышъ, профессіи, которая всегда всего требовала, но отъ которой никто ничего не требовалъ, неумолимымъ и глухимъ ко всему прочему,—людямъ этой профессіи, которые не только расхищали богатства, но разоряли и самую бѣдность, не слѣдовало вручать судебную власть въ Римѣ.

ГЛАВА XIX.

Объ управленіи римскими провинціями.

Таково было распредѣленіе трехъ властей въ столицѣ, но далеко не такимъ являлось оно въ провинціяхъ. Между тѣмъ какъ въ центрѣ царила свобода, тираннія господствовала на окраинахъ.

Пока господство Рима простиралось на одну Италію, народы ея были управляемы, какъ союзники. Каждая республика имѣла свои собственные законы. Но когда Римъ распространилъ свои завоеванія, когда сенатъ не могъ уже имѣть непосредственнаго надзора за провинціями, когда должностныя лица, находившіяся въ Римѣ, не могли болѣе управлять имперіей,—приходилось посылать преторовъ и проконсуловъ. Съ этихъ поръ не стало болѣе гармоніи между тремя властями. Посылаемый правитель соединялъ въ своемъ лицѣ совокупную власть всѣхъ должностныхъ лицъ Рима; что я говорю?—даже власть самого сената, даже власть самого народа [2]). То были правители деспотическіе, очень подходящіе для мѣстъ, куда они были посылаемы, вслѣдствіе удаленности этихъ мѣстъ. Они обладали всѣми тремя властями, и были, если можно такъ выразиться, пашами республики.

Мы уже сказали въ другомъ мѣстѣ [3]), что въ республикѣ соединеніе въ лицѣ одного и того же гражданина должностей военныхъ и гражданскихъ вытекало изъ природы вещей. Это доказываетъ, что республика,

---

[1]) *Penes quos Romae tum judica erant, atque ex equestri ordine solerent sortito judices elige in causa praetorum et proconsulum, quibus, post administratam provinciam, dies dicta erat.* (M.).

[2]) Они издавали эдикты при своемъ вступленіи въ провинціи. (M.).

[3]) Кн. V, гл. XIX. См. также кн. II, III, IV и V. (M.)

производящая завоеванія, не можетъ управлять завоеваннымъ государствомъ въ согласіи съ формой своего собственнаго государственнаго строя, не можетъ передать ему своего образа правленія. Въ самомъ дѣлѣ, посылаемый ею правитель, имѣя уже въ рукахъ власти исполнительную, гражданскую и военную, долженъ-же обладать еще и законодательной властью, такъ какъ кто же безъ него сталъ бы предписывать законы? Столь же необходимо, что бы онъ обладалъ и властью судебною, такъ какъ кто же могъ бы судить, независимо отъ него? Необходимо, слѣдовательно, чтобы назначаемый распубликою правитель обладалъ всѣми тремя властями, какъ это и было въ римскихъ провинціяхъ.

Монархія можетъ съ меньшими затрудненіями сообщать свой образъ правленія, такъ какъ изъ посылаемыхъ ею для управленія чиновниковъ одни обладаютъ исполнительной властью гражданской: а другіе—исполнительной властью военной,—что не влечетъ за собою деспотизма.

Право римскаго гражданина подлежать суду только одного народа было для него привилегіей высокой важности, такъ какъ, иначе, находясь въ провинціи, онъ оказался бы подъ властью произвола проконсула или пропретора. Городъ [1]) не ощущалъ на себѣ тиранніи, которая дѣйствовала только среди покоренныхъ народовъ.

Такимъ образомъ, въ Римѣ, какъ и въ Лакедемонѣ, свободные пользовались чрезмѣрной свободой; а рабы были въ чрезмѣрномъ рабствѣ.

Когда налоги собирались съ гражданъ, взиманіе ихъ происходило съ чрезвычайной справедливостью. Основой его служило постановленіе Сервія Туллія, который раздѣлилъ гражданъ на шесть классовъ по степени ихъ богатства, и опредѣлилъ величину налога, уплачиваемаго каждымъ изъ этихъ классовъ въ прямомъ отношеніи къ степени его участія въ дѣлахъ правленія. Отсюда выходило, что большіе налоги не возбуждали неудовольствіе по причинѣ связаннаго съ ними большого довѣрія; а малое довѣріе—вслѣдствіе соединенной съ нимъ незначительности налога.

Была тутъ и еще одна прекрасная сторона: она заключалась въ томъ, что такъ какъ дѣленіе Сервія Туллія было, такъ сказать, основнымъ принципомъ государственнаго строя, то справедливость при взиманіи налоговъ коренилась, значитъ, въ самомъ основномъ принципѣ правленія и могла быть нарушена лишь заодно съ нимъ.

Но между тѣмъ какъ городъ легко уплачивалъ налоги, или вовсе не платилъ ихъ [2]), провинціи опустошались всадниками—откупщиками республики. Мы уже говорили о ихъ насиліяхъ; исторія переполнена разсказами объ этомъ.

---

[1]) *Urbs*, т. е. Римъ.

[2]) Послѣ завоеванія Македоніи налоги перестали взиматься въ Римѣ. (М.).

«Вся Азія ожидаетъ меня, какъ избавителя»,—говоритъ Митридатъ [1]); до того ненависть къ римлянамъ была возбуждена хищничествомъ проконсуловъ [2]), вымогательствомъ дѣльцовъ [3]) и клеветами судей [4]).

Вотъ почему все, что составляло силу провинцій, не придало ничего силѣ республики, а, напротивъ, только ослабило ее. Вотъ почему провинціи видѣли въ утратѣ Римомъ его свободы начало своего собственнаго освобожденія.

ГЛАВА XX.

Конецъ этой книги.

Я хотѣлъ бы разсмотрѣть способъ распредѣленія трехъ властей во всѣхъ извѣстныхъ намъ умѣренныхъ правленіяхъ, и согласно съ этимъ опредѣлить степень свободы, присущей каждому изъ нихъ. Но не слѣдуетъ исчерпывать предмета до того, что ничего уже не оставалось бы на долю читателя. Дѣло не въ томъ, чтобы заставить его читать, а въ томъ, чтобы заставить думать.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

О законахъ, которые устанавливаютъ политическую свободу въ ея отношеніи къ гражданину [5]).

ГЛАВА I.

Основная мысль этой книги.

Недостаточно разсмотрѣть политическую свободу въ ея отношеніи къ государственному строю; надо еще разсмотрѣть ея отношенія къ гражданину.

Я уже сказалъ, что, въ первомъ случаѣ, она устанавливается извѣстнымъ распредѣленіемъ трехъ властей; но, во второмъ случаѣ, надовз гля-

---

[1]) Рѣчь, извлеченная изъ Трога Помпея и приводимая Юстиномъ въ кн. XXXVIII, гл. IV. (М.)

[2]) См. *Рѣчи противъ Верреса.* (М.).

[3]) *Sectio publicanorum* у Юстина.

[4]) Извѣстно, возмущеніе германцевъ было вызвано судебными рѣшеніями Вара. (М.).—*Calumniae lituim* въ переводѣ значатъ *мнусныя ябеды*, а не *клеветы судей.*

[5]) Въ книгѣ VI-й Монтескье уже разсмотрѣлъ вліяніе уголовныхъ законовъ по отношенію къ принципамъ различныхъ видовъ правленія. Въ XII-ой книгѣ онъ изучаетъ уголовные законы по отношенію къ свободѣ гражданина. Оба эти вопроса соприкасаются, и ихъ не слѣдуетъ раздѣлять. Читатель хорошо сдѣлаетъ, если, для лучшаго уясненія настоящей книги, онъ снова перечитаетъ книгу VI-ую.

нуть на нее съ иной точки зрѣнія. Тутъ она заключается въ увѣренности гражданина въ своей безопасности, или въ томъ мнѣніи, которое онъ имѣетъ о своей безопасности.

Можетъ случиться, что и въ свободномъ строѣ государства гражданинъ не будетъ свободенъ, или при свободѣ гражданина строй все таки не можетъ быть названъ свободнымъ. Въ этихъ случаяхъ свобода строя бываетъ правовая, но не фактическая, а свобода гражданина фактическая, но не правовая.

Свобода, по отношенію къ строю, устанавливается только законами и даже законами основными; но, по отношенію къ гражданину она можетъ явиться въ силу извѣстныхъ нравовъ, обычаевъ, усвоенныхъ примѣровъ и при благопріятномъ вліяніи нѣкоторыхъ гражданскихъ законовъ, какъ мы все это увидимъ въ настоящей книгѣ.

Кромѣ того, такъ какъ въ большой части государствъ свобода стѣсняется, нарушается и подавляется болѣе чѣмъ это требуется ихъ устройствомъ, то недурно будетъ обратить вниманіе на тѣ отдѣльные законы, которые могутъ оказывать полезное или вредное вліяніе на принципъ свободы, по мѣрѣ ихъ болѣе или менѣе близкаго отношенія къ послѣднему.

ГЛАВА II.

О свободѣ гражданина.

Свобода философская состоитъ въ безпрепятственномъ проявленіи нашей воли, или, по крайней мѣрѣ, (по общему смыслу всѣхъ философскихъ системъ), въ нашемъ убѣжденіи, что мы ее такимъ образомъ проявляемъ. Свобода политическая заключается въ нашей безопасности или, по крайней мѣрѣ, въ нашей увѣренности, что мы въ безопасности.

Эта безопасность всего болѣе подвергается нападеніямъ въ уголовныхъ процессахъ по обвиненіямъ публичнаго или частнаго характера. Поэтому свобода гражданина зависитъ главнымъ образомъ отъ доброкачественности уголовныхъ законовъ.

Уголовные законы усовершенствовались не сразу. Даже тамъ, гдѣ искали свободы съ наибольшимъ усердіемъ, не всегда находили ее. Аристотель [1]) говоритъ, что въ Кумахъ, родители обвинителя могли быть свидѣтелями на судѣ. Въ Римѣ, при царяхъ, несовершенство закона было еще такъ велико, что Сервій Туллій могъ произнести приговоръ надъ дѣтьми Анка Марція, обвиненными въ убійствѣ царя, который былъ тестемъ Сервія Туллія [2]). Во время первыхъ королей Франціи Клотарь издалъ законъ [3]), по которому обвиненный не могъ быть осужденъ, не будучи

[1]) *Политика*, кн. II, гл. XIII. (М.).
[2]) Тарквиній Прискъ. См. Діонисія Галикарнасскаго кн. IV. (М.).
[3]) Въ 560 году. (М.).

предварительно выслушанъ, что доказываетъ, что нѣкоторыхъ случаяхъ или у нѣкоторыхъ варварскихъ народовъ существовала противоположная этому закону практика. Наказанія за лжесвидѣтельство были въ первый разъ установлены Харондомъ [1]). Если не ограждена невинность гражданъ, то не ограждена и свобода.

Свѣдѣнія, о наилучшихъ правилахъ, которыми слѣдуетъ руководствоваться при уголовномъ судопроизводствѣ, уже пріобрѣтенныя въ нѣкоторыхъ странахъ [2]) и долженствующія быть усвоены прочими, важнѣе для человѣчества всего прочаго въ мірѣ.

Только на примѣненіи къ дѣлу этихъ свѣдѣній и можетъ быть основана свобода; и въ государствѣ, которое обладало бы по этому предмету самыми лучшими законами, человѣкъ, приговоренный по суду быть завтра повѣшеннымъ, будетъ болѣе свободенъ, чѣмъ въ Турціи паша [3]).

ГЛАВА III.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Законы, допускающіе гибель человѣка на основаніи показаній одного только свидѣтеля, пагубны для свободы. Разумъ требуетъ двухъ; потому что свидѣтель, который утверждаетъ и обвиненный, который отрицаетъ, уравновѣшиваютъ другъ друга, и нужно третье лицо для рѣшенія дѣла.

У грековъ [4]) и римлянъ [5]) можно было осуждать большинствомъ одного голоса. Наши французскіе законы требуютъ двухъ голосовъ [6]). Греки говорили, что ихъ обычай былъ установленъ богами [7]); но скорѣе это можно бы сказать о нашемъ.

ГЛАВА IV.

О томъ, какимъ образомъ свойства и мѣра налагаемыхъ наказаній благопріятствуютъ свободѣ.

Свобода торжествуетъ, когда кары, налагаемыя уголовными законами, извлекаются ими изъ особенной природы преступленій. Здѣсь нѣтъ мѣста произволу; наказаніе зависитъ уже не отъ каприза законодателя, но отъ существа дѣла, и оно перестаетъ быть насиліемъ человѣка надъ человѣкомъ.

---

[1]) Аристотель, *Политика*, кн. II, гл. XII. Онъ издалъ эти законы въ Туріумѣ во время восемьдесятъ четвертой олимпіады. (М).

[2]) Въ Англіи.

[3]) См. кн. XV, гл. II.

[4]) *Orat. in Minervam* Аристида.

[5]) Діонисій Галикарнасскій, о судѣ надъ Коріоланомъ, кн. VII (М).

[6]) Loisel, *Institutes coutumières*, кн. V, тит. V, прим. 10. *Voix d'un, voix de nun*; *vox unius, vox nullius.*

[7]) Minervae calculus. (М).

Есть четыре рода преступленій: къ первому роду принадлежатъ преступленія противъ религіи; ко второму — преступленія противъ нравовъ; къ третьему—преступленія противъ общественнаго спокойствія; къ четвертому—преступленія противъ безопасности гражданъ. Налагаемыя за нихъ наказанія должны вытекать изъ природы каждаго изъ этихъ родовъ.

Я помѣщаю въ разрядъ преступленій противъ религіи только тѣ изъ нихъ, которыя затрогиваютъ ее непосредственно, каково, напр., всякое святотатство [1]); такъ какъ преступленія, нарушающія отправленіе религіозныхъ обязанностей, по природѣ своей принадлежатъ къ тѣмъ, которыя нарушаютъ спокойствіе и безопасность гражданъ, и должны быть причислены къ тому разряду.

Чтобы наказаніе за простыя святотатства проистекало изъ природы преступленія [2]), оно должно заключаться въ лишеніи всѣхъ доставляемыхъ религіей преимуществъ: въ удаленіи изъ храма; въ отлученіи отъ общества вѣрныхъ на время или навсегда; въ избѣганіи присутствія преступника, въ обращаемыхъ къ нему выраженіяхъ отчужденія, омерзенія, отвращенія [3]).

Въ дѣлѣ нарушенія спокойствія или безопасности государства сокровенныя дѣйствія подлежатъ вѣдѣнію человѣческаго правосудія; но въ дѣлѣ преступленій противъ Божества, тамъ, гдѣ нѣтъ видимаго дѣйствія, нѣтъ и матеріала для преступленія: все происходитъ между человѣкомъ и Богомъ, который знаетъ время и мѣру своего отмщенія. Если же судья, не обративъ вниманія на это различіе, станетъ разыскивать и скрытое святотатство, то онъ внесетъ искъ въ область такихъ дѣяній, гдѣ въ немъ нѣтъ никакой необходимости: онъ разрушитъ свободу гражданъ, вооруживъ противъ нихъ религіозное рвеніе и робкихъ и смѣлыхъ душъ.

Зло произошло отъ мысли, что надо мстить за Божество. Но Божество надо почитать, и никогда не надо мстить за него. Въ самомъ дѣлѣ, если бы люди стали руководиться этимъ послѣднимъ правиломъ, то когда-же наступилъ бы конецъ казнямъ? Если законамъ предстоитъ мстить за существо безконечное, то они и въ дѣйствіяхъ своихъ будутъ сообразоваться съ безконечностью этого существа, а не съ слабостями, невѣдѣніемъ и прихотями человѣческой природы.

Одинъ провансальскій историкъ [4]) приводитъ фактъ, отлично рисующій, какого рода дѣйствіе можетъ произвести на слабые умы эта мысль о мщеніи за Божество. Еврей, обвиненный въ хулѣ на Святую Дѣву, былъ присужденъ къ казни сдиранія кожи. Нѣсколько рыцарей въ маскахъ и

---

[1]) Т. е. преступленіе чисто религіознаго свойства безъ примѣси насилія, побоевъ, брани и т. под.

[2]) Людовикъ Святой издалъ такіе жестокіе законы противъ напрасно призывающихъ имя Божье, что папа счелъ себя обязаннымъ сдѣлать ему замѣчаніе, послѣ чего этотъ государь умѣрилъ свое рвеніе и смягчилъ свои законы. (М).

[3]) Т. е. въ проклятіяхъ и отлученіяхъ отъ церкви.

[4]) Отецъ Бужерель. (М.).

съ ножами въ рукахъ взошли на эшафотъ и прогнали палача, чтобы самимъ отомстить за честь Святой Дѣвы... Не хочу предвосхищать мнѣніе читателя.

Второй разрядъ состоитъ изъ преступленій противъ нравовъ. Таковы оскорбленія публичной и частной благопристойности, т. е. установленныхъ способовъ пользованія чувственными удовольствіями и половыми сношеніями. Здѣсь наказанія тоже должны слѣдовать изъ природы преступленія. Они должны заключаться въ лишеніи выгодъ, связанныхъ обществомъ съ чистотою нравовъ, въ штрафахъ, позорѣ, необходимости скрываться, публичномъ посрамленіи, въ изгнаніи изъ города и общества; наконецъ всѣ наказанія, относящіяся къ вѣдомству исправительной юстиціи, достаточны для борьбы съ распущенностью обоихъ половъ. Въ самомъ дѣлѣ, основаніе этихъ преступленій лежитъ не столько въ злой волѣ, сколько въ забвеніи своего достоинства и въ презрѣніи къ себѣ.

Но здѣсь идетъ рѣчь лишь о тѣхъ преступленіяхъ, которыя исключительно касаются нравовъ, а не о тѣхъ, которые, кромѣ того, нарушаютъ и общественную безопасность, каково изнасилованіе и похищеніе: эти уже принадлежатъ къ четвертому разряду.

Къ преступленіямъ третьяго разряда относятся тѣ, которыя нарушаютъ спокойствіе гражданъ. Наказанія за нихъ должны быть извлечены изъ природы преступленія и относиться къ этому спокойствію. Таковы: тюрьма, ссылка, исправительныя мѣры и другія наказанія, которыя укрощаютъ безпокойные умы и возвращаютъ ихъ въ лоно установленнаго порядка.

Преступленія противъ спокойствія я отношу къ простымъ нарушеніямъ полицейскихъ правилъ, такъ какъ тѣ изъ этихъ преступленій, которыя, возмущая спокойствіе, нарушаютъ въ то-же время и безопасность, должны быть отнесены къ четвертому разряду.

Наказанія за эти послѣднія преступленія состоятъ въ томъ, что именуется казнью. Это родъ отмщенія, вслѣдствіе коего общество лишаетъ безопасности гражданина, который лишилъ или покушался лишить безопасности другихъ. Это наказаніе извлечено изъ природы, оно почерпнуто изъ разума въ самомъ источникѣ добра и зла. Гражданинъ заслуживаетъ смерти, если, нарушая безопасность, онъ лишилъ и покушался лишить кого-нибудь жизни. Смертная казнь является тутъ какъ бы лекарствомъ больного общества. Могутъ быть причины, оправдывающія ея примѣненіе и къ преступленіямъ, нарушающимъ безопасность собственности; но, можетъ быть, было-бы лучше и сообразнѣе съ природой, если бы преступленія противъ собственности наказывались лишеніемъ собственности. Оно такъ и должно бы быть, если бы собственность состояла въ общемъ владѣніи или была равно распредѣлена. Но такъ какъ всего охотнѣе покушаются на чужую собственность тѣ, которые не имѣютъ своей,

то явилась надобность присоединить къ денежному наказанію еще и тѣлесное.

ГЛАВА V.

О нѣкоторыхъ обвиненіяхъ, которыя требуютъ особенной умѣренности и осмотрительности.

Вотъ важное правило: надо быть очень осмотрительнымъ въ дѣлѣ преслѣдованія волшебства и ереси [1]). Обвиненіе по этимъ преступленіямъ могутъ вести къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ для свободы и быть источникомъ безконечной тиранніи, если законодатель не сумѣетъ поставить ихъ въ надлежащія границы. Будучи основаны не на дѣйствіяхъ гражданина, а скорѣе на составившемся о его характерѣ мнѣніи, они становятся тѣмъ опаснѣе, чѣмъ невѣжественнѣе народъ, и являются вѣчной угрозой для гражданина, такъ какъ самое похвальное поведеніе въ мірѣ, нравственность самая чистая и безукоризненная, выполненіе всѣхъ обязанностей не могутъ защитить человѣка отъ подозрѣній въ этихъ преступленіяхъ.

Въ царствованіе Мануила Комнена, протестаторъ [2]) былъ обвиненъ въ заговорѣ противъ императора и въ употребленіи для этой цѣли тайныхъ средствъ. съ помощью которыхъ можно дѣлать людей невидимками. Ааронъ, сказано въ жизнеописаніи этого императора [3]), былъ застигнутъ читающимъ книгу Саломона, чтеніемъ которой вызывались легіоны демоновъ. Но при предположеніи въ волшебствѣ силы повелѣвать адомъ, люди естественно будутъ смотрѣть на того, кого называютъ волшебникомъ, какъ на человѣка, изо всѣхъ людей въ свѣтѣ наиболѣе способнаго возмущать и разрушать общество и потому заслуживающаго наказанія выше всякой мѣры.

Негодованіе противъ волшебства возростаетъ, когда ему приписывается сила разрушать религію. Въ исторіи Константинополя [4]) говорится о епископѣ, который имѣлъ откровеніе, что нѣкоторое чудо перестало совершаться, благодаря волшебству одного человѣка, вслѣдствіе чего этотъ человѣкъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ были приговорены къ смерти. Чтобы

---

[1]) Не слѣдуетъ придавать серьезнаго значенія этой иронической фразѣ. Чувствуя надобность въ крайне осторожномъ отношеніи къ правительству, церкви и предразсудкамъ своей страны, Монтескье часто затушевываетъ свою мысль; но, въ данномъ случаѣ, ее легко обнаружить, прочитавъ то, что онъ говоритъ въ слѣдующей главѣ о волшебствѣ и ереси. Позволительно предположить, что при писаніи первой части этой главы, Монтескье имѣлъ въ виду слѣдующее заключеніе Аддисона (*Spectator*, № 167): «Итакъ заключимъ, что, говоря *вообще*, волшебство существуетъ, но что, въ *частности*, нельзя привести ни одного примѣра его существованія».

[2]) Никита, *Жизнь Мануила Комнена*, кн. IV. (М.).

[3]) Никита, *Жизнь Мануила Комнена*, кн. IV. (М.).

[4]) *Исторія императора Маврикія*, написан. Ѳеофилактомъ, гл. XI. (М.).

такое преступленіе могло совершиться, надо было признать наличность слѣдующихъ необычайныхъ фактовъ: что нерѣдко бываютъ откровенія; что епископъ имѣлъ такое откровеніе; что это откровеніе было не ложно; что было чудо; что это чудо перестало совершаться; что виною этого было колдовство; что колдовство; можетъ разрушать религію; что этотъ человѣкъ былъ колдунъ; что онъ, наконецъ, виновникъ этого колдовства.

Императоръ Ѳеодоръ Ласкарисъ приписывалъ свою болѣзнь колдовству, и всѣ обвиняемые въ этомъ колдовствѣ не могли оправдаться иначе, какъ подержавъ раскаленное желѣзо безъ обжога рукъ [1]). У грековъ надо было быть колдуномъ, чтобы очиститься отъ обвиненія въ колдовствѣ. Они были до такой степени нелѣпы, что самое сомнительное въ мірѣ преступленіе обставляли столь-же сомнительными доказательствами.

Въ царствованіе Филиппа Долгаго, евреи были изгнаны изъ Франціи вслѣдствіе обвиненія въ отравленіи источниковъ посредствомъ прокаженныхъ. Нелѣпость этого обвиненія не должна ли бы заставить усомниться въ правдивости всѣхъ обвиненій, основанныхъ на общественной ненависти?

Я не говорю, чтобы совсѣмъ не надо было наказывать ереси, я хочу сказать лишь то, что слѣдуетъ быть очень осмотрительнымъ въ вопросѣ о ея наказаніи [2]).

ГЛАВА VI.

О преступленіи противъ естества.

Избави меня Богъ отъ желанія ослабить ужасъ, внушаемый преступленіемъ, которое одинаково осуждается религіей, нравственностью и политикой. Его надо было бы преслѣдовать и тогда, когда оно только сообщало бы слабости одного пола другому полу и посредствомъ постыдно проводимой юности подготовляло безславную старость. Все, что я скажу о немъ, оставитъ его при всемъ заслуженномъ имъ позорѣ и будетъ направлено лишь противъ тиранніи, которая способна употреблять во зло даже самое отвращеніе, которое должно вызываться этимъ преступленіемъ.

Такъ какъ въ природѣ этого преступленія лежитъ тайна, то случалось, что законодатели наказывали его на основаніи свидѣтельскаго показанія дѣтей. Этимъ они открывали настежъ двери клеветѣ. «Юстиніанъ, говоритъ Прокопъ [3]), издалъ законъ противъ этого преступленія, и приказалъ разыскивать всѣхъ, которые провинились въ немъ, не только послѣ обнародованія его закона, но и до этого. Показанія одного свидѣтеля, иногда ребенка, иногда раба, было достаточно для осужденія чело-

---

[1]) Это, конечно, заимствованіе, сдѣланное изъ обычаевъ варваровъ, внесшихъ ихъ въ нашъ Западъ, хотя объ испытаніи желѣзомъ говорится въ древнѣйшихъ преданіяхъ Греціи.

[2]) См. слѣдующую главу.

[3]) *Тайная исторія.* (М.).

вѣка, особенно если онъ былъ богатъ или принадежалъ къ партіи зеленыхъ [1]).

Замѣчательно, что три преступленія: колдовство, ересь и преступленіе противъ естества, изъ коихъ можно сказать о первомъ, что оно вовсе не существуетъ; о второмъ, что оно подлежитъ цѣлой безконечности различеній, истолкованій и ограниченій [2]), а о третьемъ, что его часто очень трудно опредѣлить,—что всѣ эти три преступленія подлежали у насъ одинаковому наказанію огнемъ.

Надо сказать, что преступленія противъ естества никогда не получатъ большого распространенія въ обществѣ, если склонность къ нимъ не будетъ развиваться какимъ-нибудь существующимъ у народа обычаемъ, какъ это было у грековъ, гдѣ молодые люди совершали всѣ свои гимнастическія упражненія голыми; какъ это есть у насъ, гдѣ домашнее воспитаніе вышло изъ обычая, и какъ мы видимъ это у народовъ Азіи, гдѣ нѣкоторыя лица имѣютъ большое количество женъ, которыхъ они презираютъ, между тѣмъ какъ прочіе не могутъ имѣть ни одной. Не подготовляйте этого преступленія, преслѣдуйте его точно опредѣленными полицейскими мѣрами наравнѣ съ прочими нарушеніями нравовъ, и вы скоро увидите, какъ сама природа встанетъ на защиту своихъ правъ или для возвращенія ихъ себѣ. Эта кроткая, ласковая и очаровательная природа щедрою рукою разсыпала удовольствія и, осыпавъ насъ наслажденіями, приготовляетъ намъ въ дѣтяхъ нашихъ, въ которыхъ мы, такъ сказать, возрождаемся, удовольствія еще болѣе значительныя, чѣмъ эти самыя наслажденія.

ГЛАВА VII.

О преступленіи оскорбленія величества.

По опредѣленію законовъ Китая, всякій провинившійся въ неуваженіи къ императору долженъ быть наказанъ смертью. И такъ какъ они не опредѣляютъ, въ чемъ состоитъ это неуваженіе, то все можетъ послужить предлогомъ для лишенія жизни какого угодно человѣка и для истребленія любого семейства.

Два лица, на обязанности которыхъ лежало составленіе придворной газеты, при изложеніи какого-то факта, сообщили нѣкоторыя подробности оказавшіяся невѣрными, и были за это преданы смерти [3]) на томъ осно-

[1]) *Размышленія о величіи и упадкѣ Римлянъ*, гл. XX.

[2]) *Персидскія письма*, XXIX, русск. пер. стр. 58.

[3]) От. Дю-Гальдъ, т. I, стр. 43. (М.). Въ Китаѣ, лица, на обязанности которыхъ лежитъ составленіе придворной газеты, подвергаются обвиненію въ преступленіи оскорбленія величества за всякое измѣненіе въ ея текстѣ и особенно за напечатаніе ложныхъ извѣстій, такъ какъ въ этой газетѣ не печатается ничего, что не было бы предварительно просмотрѣно и одобрено императоромъ или не исходило бы отъ него непосредственно. (Дюпэнъ).

ваніи, что лгать въ газетѣ, назначенной для двора, значитъ выказывать неуваженіе къ двору. Принцъ крови, сдѣлавшій по разсѣянности нѣсколько замѣтокъ на документѣ, подписанномъ государемъ красною кистью, подвергся обвиненію въ неуваженіи къ императору и навлекъ на всю свою семью одно изъ жесточайшихъ преслѣдованій, о которыхъ когда-либо говорила исторія [1]).

Одного неяснаго опредѣленія преступленія оскорбленія величества уже достаточно, чтобы правленіе выродилось въ деспотизмъ. Я поговорю пространнѣе объ этомъ въ книгѣ о составленіи законовъ [2]).

ГЛАВА VIII.

Объ ошибочномъ примѣненіи названій святотатства и оскорбленія величества.

Одно изъ жесточайшихъ злоупотребленій заключается въ томъ, что иногда названіе оскорбленія величества прилагается къ дѣйствіямъ, не заключающимъ въ себѣ этого преступленія. Одинъ законъ императоровъ [3]) преслѣдовалъ, какъ виновныхъ въ святотатствѣ, тѣхъ, которые критиковали приговоръ государя или сомнѣвались въ достоинствѣ назначенныхъ имъ на какую нибудь должность чиновниковъ. Конечно, законъ этотъ былъ установленъ кабинетомъ и фаворитами государя. Другимъ закономъ было объявлено, что лица, покушающіяся на жизнь министровъ или чиновниковъ государя, виновны въ преступленіи оскорбленія величества, какъ бы совершившія покушеніе на особу самого государя [4]). Мы обязаны этимъ закономъ двумъ государямъ [5]), знаменитымъ въ исторіи своей слабостью; двумъ государямъ, которыми управляли министры, какъ пастухи управляютъ своими стадами; двумъ государямъ, которые являлись во дворцѣ рабами, въ совѣтѣ—дѣтьми, были людьми чуждыми своимъ арміямъ и сохраняли имперію только потому, что ежедневно поступались ею. Нѣкоторые изъ этихъ фаворитовъ составили заговоръ противъ своихъ императоровъ. Они дѣлали больше: составляли заговоры противъ самой имперіи; призвали въ нее варваровъ; и когда рѣшились взять ихъ подъ стражу, государство было уже такъ ослаблено, что приходилось нарушить составленный ими законъ и совершать преступленіе оскорбленія величества для того, чтобы наказать ихъ.

И вотъ на такомъ-то законѣ основывался докладчикъ по дѣлу Сенъ-Мара (Cinq-Mars), когда, желая обвинить его въ преступленіи оскорбленія

[1]) Письма От. Пареннена *(Lettres édifiantes)*. (М.).
[2]) См. кн. XXIX.
[3]) Граціанъ, Валентиніанъ и Ѳеодосій. Это третій законъ въ кодексѣ *de crim. sacril.* (М.).
[4]) Пятый законъ, *ad led. Jul maj.* Кодексъ IX, тит. VIII. (М.).
[5]) Аркадій и Гонорій. (М.).
[6]) *Mémoires* de Montresor, т. I. стр. 238, изд. Кельнское 1723 г. (М.).

величества за домогательства отстранить отъ дѣлъ Ришелье, онъ говорилъ: «Преступленіе, касающееся особы министровъ и государей, признано, по силѣ конституціи императоровъ, равнозначительнымъ тому, которое касается особы императора. Устраненіемъ отъ дѣлъ министра, который вѣрно служитъ своему государю и государству, наносится ущербъ имъ обоимъ; это все равно, какъ если бы перваго лишили руки [1]), а второе—части его могущества». Если бы само рабство появилось на землѣ, оно не говорило бы инымъ языкомъ.

Другой законъ Валентиніана, Ѳеодосія и Аркадія [2]) объявилъ фальшивыхъ монетчиковъ виновными въ преступленіи оскорбленія величества. Но не значило ли это смѣшивать вещи разнородныя? Перенося названіе оскорбленія величества на преступленіе иного рода, не ослабляемъ ли мы ужасъ, внушаемый первымъ преступленіемъ?

ГЛАВА IX.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Павлинъ доложилъ императору Александру [3]), «что онъ собирается преслѣдовать по обвиненію въ оскорбленіи величества судью, за произнесеніе приговора, противнаго его постановленіямъ». Императоръ отвѣтилъ ему, что «въ вѣкѣ, ознаменованномъ его царствованіемъ, косвенныя преступленія оскорбленія величества не имѣютъ мѣста».

Фаустиніанъ писалъ тому же императору, что однажды поклявшись жизнью государя никогда не простить своего раба, онъ теперь видитъ себя вынужденнымъ держать его въ вѣчной опалѣ, дабы не оказаться виновнымъ въ оскорбленіи величества. «Ваши страхи напрасны [4]), отвѣчалъ ему императоръ, и вамъ неизвѣстны мои правила».

Одинъ сенатусконсультъ повелѣлъ [5]) приравнять къ оскорбленію величества расплавку неудачно отлитыхъ статуй императора [6]). Императоры Северъ и Антонинъ писали Понтію, что человѣкъ, продающій статуи императора, принадлежащія къ разряду непосвященныхъ, не совершаетъ преступленія оскорбленія величества [7]). Тѣ же императоры писали Юлію Кассіану, что тотъ, кто бросилъ бы нечаянно камень въ статую императора, не долженъ быть преслѣдуемъ, какъ виновный въ оскорбленіи величества [8]). Законъ Юлія особенно нуждался въ этого рода ограниченіяхъ, такъ

[1]) *Nam ipsi pars corporis nostri sunt.* Тотъ же самый законъ въ кодексѣ *ad led. Iul. maj.* (М.).

[2]) Это девятый законъ въ кодексѣ Ѳеодосія, *de falsa moneta.* (М.).

[3]) Александръ Северъ.

[4]) Alienam sectae meae sollicitudinem concepisti. L. 2, Cod. lib. III, tit. IV, *ad leg. Jul maj.* (М.).

[5]) См. зак. IV. § 1, ff. *ad. leg. Jul. maj.*, кн. XLVIII, тит. IV. (М.).

[6]) Т. е. бракованныхъ.

[7]) См. законъ 5, § 2, ff. *ad leg. Jul. maj.* (М.).

[8]) *Ibid.*, § 1. (М.).

какъ онъ признавалъ виновными въ оскорбленіи величества не только за переплавку статуй императоровъ, но и за всякое подобное этому дѣйствіе [1]), что дѣлало это преступленіе доступнымъ произвольнымъ истолкованіямъ. Разъ были установлены преступленія оскорбленія величества, явилась необходимость установить различія между этими преступленіями. И вотъ, юрисконсультъ Ульпіанъ, сказавъ, что обвиненіе въ преступленіи оскорбленія величества не погашается даже смертью виновнаго, прибавляетъ, что это правило относится не ко всѣмъ [2]) преступленіямъ оскорбленія величества, установленнымъ закономъ Юлія; а только къ тѣмъ изъ нихъ, которыя содержатъ покушеніе на безопасность имперіи или на жизнь императора [3]).

ГЛАВА X.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Одинъ англійскій законъ, проведенный при Генрихѣ VIII, объявлялъ виновнымъ въ государственной измѣнѣ всякаго, кто сталъ бы дѣлать предсказанія о смерти короля. Вотъ законъ, по истинѣ, недостаточно ясный. Деспотизмъ такъ ужасенъ, что губитъ даже тѣхъ, кому онъ служитъ. Во время послѣдней болѣзни этого короля, медики никогда не осмѣливались сказать, что онъ находится въ опасности, и, конечно, сообразно съ этимъ и поступали съ нимъ [4]).

ГЛАВА XI.

О помышленіяхъ.

Нѣкто Марсій видѣлъ однажды во снѣ, что перерѣзалъ горло Діонисію [5]). Послѣдній предалъ его за это смерти, разсуждая, что ему не приснилось бы это ночью, еслибы онъ не помышлялъ о томъ днемъ. Это была большая тираннія, такъ какъ, если бы онъ даже и помышлялъ объ этомъ, то онъ все-таки не покушался [6]). Законы обязаны карать одни только внѣшнія дѣйствія.

ГЛАВА XII.

О нескромныхъ словахъ.

Нѣтъ ничего произвольнѣе преступленія величества, чѣмъ когда предметомъ его становятся нескромныя слова. Рѣчи людей могутъ быть разнообразно

---

[1]) Aliudve quid simile admiserint· Leg 6 ff. *ad leg. Jul. maj.* (М.).

[2]) Въ послѣднемъ законѣ, ff. ad leg. Iul. de adulteriis. (М.).

[3]) Т. е. къ тому, что называется преступленіемъ оскорбленія величества по первому пункту.

[4]) См. *Исторію реформаціи* Бюрне. (М.).

[5]) Плутархъ, *Жизнь Діонисія*. (М.). Въ соединеніи съ таковою же Діона, гл. III.

[6]) Надо, чтобы мысль была соединена съ какимъ нибудь дѣйствіемъ. (М.).

истолкованы, различіе между несдержанностью и злоумышленіемъ такъ велико, а различіе между словами, которыми онѣ выражаются, такъ мало, что законъ не долженъ назначать смертной казни за слова, не обозначивъ, по крайней мѣрѣ, въ точности тѣ изъ этихъ словъ, за которыя она назначается [1]).

Слова не входятъ въ составъ преступленія; они остаются въ мысли. Значеніе ихъ по большей части лежитъ не въ нихъ самихъ, а въ тонѣ, которымъ они высказаны. Часто одни и тѣ же слова повторяются въ различномъ смыслѣ; послѣдній зависитъ отъ ихъ связи съ другими вещами. Иногда молчаніе выразительнѣе всякихъ рѣчей. Нѣтъ ничего неуловимѣе всего этого. Какъ же можно создавать изъ такого матеріала преступленіе оскорбленія величества? Вездѣ, гдѣ такой законъ установленъ, нѣтъ не только свободы, но даже и тѣни ея [2]).

По манифесту покойной царицы [3]), изданному противъ семьи Долгорукихъ [4]), одинъ изъ этихъ князей былъ приговоренъ къ смерти за произнесеніе неприличныхъ словъ противъ ея особы; а другой—за злонамѣренное истолкованіе ея мудрыхъ государственныхъ мѣръ и оскорбленіе ея священной особы неуважительными отзывами [5]).

Я вовсе не хочу ослаблять негодованія, которое должно чувствовать къ людямъ, желающимъ омрачить славу своего государя; но скажу не обинуясь, что, въ видахъ умѣренія деспотизма, простое исправительное наказаніе будетъ гораздо болѣе подходящимъ къ такимъ случаямъ, чѣмъ обвиненіе въ оскорбленіи величества, всегда страшное даже для самой невинности [6]).

Такія дѣянія совершаются не каждый день; они могутъ быть замѣчены многими, и ложное обвиненіе, опирающееся на факты, можетъ быть легко выяснено. Слова, сопровождающіяся дѣйствіемъ, получаютъ свой смыслъ отъ этого дѣйствія. Такъ, человѣкъ, призывающій подданныхъ на площади къ возстанію, виновенъ въ оскорбленіи величества, потому что слова его сопровождаются дѣйствіемъ и участвуютъ въ немъ. Въ такомъ случаѣ караютъ не за слова, а за совершенное дѣйствіе, при которомъ

---

[1]) *Si non tale sit delictum, in quod vel scripturæ legis descendit, vel ad exemplum legis vindi candum est*, говоритъ Модестинъ въ законѣ 7, § 3, ff. *ad leg. Jul. maj.* (М.).

[2]) Блэкстонъ, въ своемъ Комментаріи къ англійскимъ законамъ, IV, 6, опирался на эти слова.

[3]) Анна Ивановна, царица Московская, 1693—1740.

[4]) Въ 1740. (М.).

[5]) Иванъ Долгорукій, любимецъ Петра II, съ которымъ онъ обручилъ свою сестру Екатерину, былъ со всѣмъ своимъ семействомъ предметомъ ненависти Анны и Бирона. Сосланный въ Сибирь, онъ былъ обвиненъ въ сношеніяхъ съ иностраннымъ государствомъ и колесованъ въ Новгородѣ. Всѣ, носившіе имя Долгорукихъ, сосланы въ Сибирь или погибли на эшафотѣ. Монтескье пишетъ *d'Olgouroukі*.

[6]) *Nec lubricum linguae ad poenam facile trahendum est.* Модестинъ, въ законѣ 7, § 3, ff. *ad leg. Jul. maj.* (М.).

эти слова употребляются. Слова становятся преступными лишь тогда, когда они подготовляютъ преступное дѣяніе, сопровождаютъ его или слѣдуютъ за нимъ. Но дѣлать изъ словъ преступленіе, подлежащее смертной казни, вмѣсто того, чтобы видѣть въ нихъ одинъ изъ признаковъ такого преступленія, значитъ все извращать и перепутывать.

Императоры Өеодосій, Аркадій и Гонорій писали префекту Руффину: «Человѣкъ, который сказалъ бы что-либо дурное о нашей особѣ или о нашемъ правленіи, не долженъ быть подвергаемъ наказанію [1]): если онъ сказалъ это по легкомыслію, то надо его презирать; если—по безумію, то надо его пожалѣть; если это брань, то надо его простить. Поэтому, не приступая къ преслѣдованію дѣла, доведите его до нашего свѣдѣнія, дабы дать намъ возможность, оцѣнивая слова по людямъ, основательно взвѣсить, слѣдуетъ ли ихъ предать суду или пренебречь ими».

ГЛАВА XIII.

О литературныхъ произведеніяхъ.

Произведенія литературныя заключаютъ въ себѣ нѣчто болѣе прочное, чѣмъ устное слово [2]); но если въ нихъ нѣтъ ничего, подготовляющаго къ преступленію оскорбленія величества, то они не могутъ быть матеріаломъ для этого преступленія.

Августъ и Тиверій наказывали за нихъ, однако, какъ за оскорбленіе величества [3]); первый — въ дѣлѣ о нѣкоторыхъ памфлетахъ, направленныхъ противъ знаменитыхъ мужей и женщинъ; а второй—въ дѣлѣ о сочиненіяхъ, которыя, какъ онъ думалъ, были направлены противъ него самого. Отсюда произошли самыя роковыя послѣдствія для римской свободы. Кремуцій Кордъ былъ обвиненъ за то, что, въ своихъ анналахъ, назвалъ Кассія послѣднимъ изъ римлянъ [4]).

Сатирическія сочиненія совсѣмъ неизвѣстны въ государствахъ деспотическихъ, гдѣ подавленность, съ одной стороны, а съ другой—невѣжество не даютъ ни желанія, ни способности заниматься ими. Въ демократіяхъ имъ не препятствуютъ по той же причинѣ, по которой, въ правленіи одного, они запрещаются. Будучи обыкновенно направлены противъ людей могущественныхъ, они пріятно щекочутъ демократическое злорадство самодержавнаго народа. Въ монархіи [5]) ихъ запрещаютъ, но тамъ

[1]) *Si id ex levitate processerit, contemnendum est; si ex insania, miseratione dignissimum; si ab injuria, remittendum.* Leg. unica, Cod. *si quis imperat. maled.* (М.).

[2]) *Scribere est agere*, говоритъ пословица, приведенная Блэкстономъ, IV, 6.

[3]) Тацитъ, *Анналы*, кн. I, гл. LXXII. То же продолжалось при послѣдующихъ императорахъ. См. законъ первый въ кодексѣ *de famosis libellis.* (М.).

[4]) Тацитъ, *Анналы*, кн. IV, гл. XXXIV. (М.).

[5]) Читайте, какъ всегда, во Франціи. Да, произведенія пера подлежали болѣе вѣдѣнію полиціи, чѣмъ уголовныхъ судовъ, что не мѣшало, однако, при случаѣ книгопродавца повѣсить, а писателя засадить въ Бастилію.

они бываютъ болѣе предметомъ полицейскихъ мѣръ, чѣмъ уголовныхъ каръ. Ихъ насмѣшки забавляютъ общество, они могутъ доставить утѣшеніе недовольнымъ, уменьшить зависть къ людямъ высокопоставленнымъ, дать народу силу терпѣливо переносить свои страданія и даже заставить его смѣяться надъ ними.

Аристократическое правленіе ревностнѣе всѣхъ прочихъ преслѣдуетъ сатирическія произведенія. Правители его—маленькіе монархи, слишкомъ малые для того, чтобы отвѣчать на брань презрѣніемъ. Въ монархіи государь стоитъ такъ высоко, что сатирическія стрѣлы не достигаютъ до него, между тѣмъ какъ аристократическій сановникъ бываетъ насквозь пронзенъ ими. Поэтому децемвиры, которые образовали изъ себя аристократію, и наказывали смертью за сатирическія произведенія [1]).

ГЛАВА XIV.

Оскорбленіе стыдливости при наказаніи преступленій.

Есть правила стыдливости, соблюдаемыя почти всѣми народами міра, и было бы нелѣпо нарушать ихъ при наказаніи преступленій, которое всегда должно имѣть предметомъ возстановленіе порядка.

Жители Востока, отдававшіе женщинъ въ жертву слонамъ, выдресированнымъ для совершенія чудовищной казни, кажется задались задачей нарушать законъ посредствомъ закона.

Древній обычай Рима запрещалъ предавать смертной казни дѣвственницъ, но Тиверій извернулся, приказавъ, чтобы, передъ казнью [2]), онѣ были изнасилованы палачами. Этотъ хитрый и свирѣпый тиранъ разрушалъ нравы ради сохраненія обычаевъ.

Японское правительство, выставивъ въ публичныхъ мѣстахъ раздѣтыхъ до нага женщинъ и приказавъ имъ ходить, подобно скотамъ, на четверенкахъ, заставило содрогнуться человѣческую стыдливость [3]); но когда оно захотѣло принудить мать..., когда оно захотѣло принудить сына..., я не въ силахъ продолжать,—оно заставило содрогнуться самую природу [4]).

ГЛАВА XV.

Объ освобожденіи раба съ цѣлью дать ему возможность обвинять своего господина.

Августъ постановилъ, чтобы рабы господъ, составлявшихъ противъ него заговоръ, были продаваемы съ торговъ, дабы дать имъ возможность по-

---

[1]) Законъ двѣнадцати таблицъ. (М.).

[2]) Светоній, *in Tiberio*, гл. XLI (М.).

[3]) *Собраніе путешествій, послужившихъ къ основанію Индійской компаніи*, т. V, ч. II. (М.).

[4]) *Ibid.*, стр. 496. (М.).

казывать противъ своего господина [1]). Для раскрытія важнаго преступленія не надо ничѣмъ пренебрегать. Поэтому въ государствѣ, гдѣ есть рабы, они естественно могутъ быть доносчиками, но они не должны быть свидѣтелями.

Виндексъ сдѣлалъ доносъ о составленномъ въ пользу Тарквинія заговорѣ; но онъ не могъ быть свидѣтелемъ противъ дѣтей Брута. Ему, по справедливости, даровали свободу; но онъ получилъ ее въ благодарность за великую услугу, оказанную отечеству; а не для того, чтобы дать ему возможность оказать эту услугу.

Поэтому императоръ Тацитъ издалъ законъ, воспрещавшій рабамъ свидѣтельствовать противъ своихъ господъ даже въ случаѣ преступленія оскорбленія величества [2]),—законъ, не внесенный въ сборникъ Юстиніана.

ГЛАВА XVI.

Оклеветаніе въ оскорбленіи величества.

Надо отдать справедливость цезарямъ: не они первые выдумали мрачные законы, изданные ими. Оставлять безъ наказанія клеветниковъ надоумилъ ихъ Сулла [3]). Вскорѣ этихъ клеветниковъ стали даже награждать [4]).

ГЛАВА XVII.

О раскрытіи заговоровъ.

«Если твой братъ, или твой сынъ, или твоя дочь, или жена твоя возлюбленная, или твой другъ, который тебѣ, какъ душа твоя, скажетъ тебѣ втайнѣ: обратимся къ другимъ богамъ, то побей его камнями: сперва твоя рука да поднимется на него, а затѣмъ и рука всего народа». Это постановленіе Второзаконія [5]) не можетъ быть гражданскимъ закономъ у большей части извѣстныхъ намъ народовъ, такъ какъ оно открыло бы у нихъ двери для всевозможныхъ преступленій.

Законъ, въ силу котораго, во многихъ государствахъ, человѣкъ вынуждается подъ страхомъ наказанія доносить даже на тѣ заговоры, въ которыхъ онъ самъ не участвовалъ, не менѣе жестокъ, чѣмъ вышепри-

---

[1]) Діонъ въ извлеченіяхъ Ксифилина, кн. LV, гл. V. (М.) Тацитъ, (*Анналы*, II, гл. XXX, и III, LXVII) приписываетъ этотъ законъ Тиверію.

[2]) Флавій Вопискъ, въ *Жизнеописаніи императора Тацита*, гл. IX. (М.).

[3]) Сулла издалъ объ этомъ предметѣ законъ, о которомъ говорится въ *Рѣчахъ* Цицерона, *pro Cluentio*, гл. 3; *in Pisonem*, гл. 21; во *второй* (рѣчи) *противъ Верреса*, гл. 5; въ *epistolae ad familiares*, кн. III, письмо II. Цезарь и Августъ включили ихъ въ законы Юлія; другіе императоры сдѣлали къ нимъ добавленія.

[4]) *Et quo quis distinctior, accusator, eo magis honores assequebatur, ac veluti sacrosanctus erat.* Тацитъ, Анналы, IV, гл. XXXVI. (М.).

[5]) Глава XIII, стихъ 6, 7, 8 и 9. (М.).

веденный [1]). Если онъ вводится въ государство монархическое, то необходимо подвергнуть его разнымъ ограниченіямъ.

Тамъ онъ долженъ примѣняться, во всей своей строгости, лишь къ преступленію оскорбленія величества по первому пункту [2]). Въ этихъ государствахъ очень важно не смѣшивать различные виды этого преступленія.

Въ Японіи, гдѣ законы разрушаютъ всѣ соображенія человѣческаго разума, обвиненіе въ недонесеніи примѣняется къ самымъ обыденнымъ случаямъ.

Мы читаемъ [3]) о двухъ дѣвушкахъ, которыхъ тамъ продержали до смерти въ утыканномъ гвоздями сундукѣ; одну за ея любовныя похожденія, а другую за то, что она не донесла на первую.

ГЛАВА XVIII.

Какъ опасно въ республикахъ наказывать слишкомъ строго за преступленіе оскорбленія величества.

Когда республикѣ удалось уничтожить тѣхъ, которые хотѣли ее ниспровергнуть, она должна поспѣшить положить конецъ мщенію, наказаніямъ и даже наградамъ.

Нельзя создавать великія кары, а слѣдовательно и великія измѣненія, не влагая въ руки нѣсколькихъ гражданъ великой власти. Поэтому лучше будетъ въ этомъ случаѣ много прощать, чѣмъ много наказывать; лучше изгонять немногихъ, чѣмъ многихъ, лучше не лишать имущества, чѣмъ размножать конфискаціи. Иначе подъ предлогомъ мщенія за республику установится тираннія мстителей. Надо уничтожать не того, кто господствуетъ, а господство. Надо какъ можно скорѣе возвратиться къ обычному порядку правленія, гдѣ законъ все охраняетъ и никого не угнетаетъ.

Греки не полагали никакихъ предѣловъ мщенію тираннамъ или тѣмъ, которые имъ казались тиранами. Они предавали смерти дѣтей [4]) и иногда пятерыхъ ближайшихъ родственниковъ осужденнаго [5]). Они изгнали великое множество семействъ. Ихъ республики были этимъ потрясены до основанія; отправленіе въ изгнаніе и возвращеніе изгнанныхъ были всегда эпохами, обозначавшими перемѣну государственнаго строя.

Римляне поступали благоразумнѣе. Когда Кассій былъ осужденъ за стремленіе къ тиранніи, возникъ вопросъ, не слѣдуетъ ли умертвить его

---

[1]) Въ силу этого именно закона Де-Ту и былъ приговоренъ къ смертной казни, какъ участникъ въ заговорѣ Сенъ-Мара. Ср., гл. VIII.

[2]) См. въ гл. IX, послѣднее примѣчаніе.

[3]) *Сборникъ путешествій, послужившихъ къ основанію Индійской компаніи*, стр. 423, кн. V, часть II. (М.),

[4]) Діонисій Галикарнасскій, *Римскія древности*, кн. VII. (М.).

[5]) *Tyranno occiso, quinque ejus proximos cognatione, magistratus necato.* Цицеронъ, *de Inventione*, lib. II, c. XXIX. (М.).

дѣтей, но ихъ освободили отъ всякаго наказанія. «Тѣ, которые, въ концѣ войны марсійской и войны гражданской, говоритъ Діонисій Галикарнасскій [1]), хотѣли измѣнить этотъ законъ и не допускать къ должностямъ дѣтей лицъ, изгнанныхъ Суллой, были большими преступниками».

Изъ войнъ Марія и Суллы видно, до какой степени мало по малу извратились души римлянъ. Событія этого времени были такъ ужасны, что, казалось, они уже не повторятся. Но во время тріумвировъ люди хотѣли быть. болѣе жестокими, желая въ то же время казаться менѣе жестокими, и можно прійти въ отчаяніе слушая софизмы, которыми оправдывала себя эта жестокость. Аппіанъ [2]) сообщаетъ намъ формулу тогдашнихъ проскрипцій. Можно подумать, что благо республики было ихъ единственнымъ предметомъ, такъ много говорится тамъ о безпристрастіи, объ интересахъ общества, о превосходствѣ настоящихъ мѣръ надъ прежними, о безопасности богачей и спокойствіи простого народа, о необходимости дорожить жизнью гражданъ, о желаніи умиротворить солдатъ и, наконецъ о томъ какъ всѣ будутъ счастливы [3]).

Римъ былъ залитъ потоками крови, когда Лепидъ, послѣ своихъ побѣдъ въ Испаніи, отдалъ безпримѣрный по своей нелѣпости приказъ повелѣвавшій гражданамъ радоваться подъ угрозой проскрипціи [4]).

ГЛАВА XIX.

Какъ пріостанавливаютъ пользованіе свободой въ республикѣ.

Въ государствахъ, наиболѣе дорожащихъ свободой, существуютъ законы, дозволяющіе нарушить ее противъ одного, дабы сохранить ее для всѣхъ. Таковы, въ Англіи, такъ называемые bills of attainder [5]). Они

---

[1]) Кн. VIII, стр. 547. (М.).

[2]) *О гражданскихъ войнахъ*, кн. IV. (М.).

[3]) *Quod felix faustum que sit.* (М.). А. В. «О желаніи умиротворить солдатъ; вотъ ужасный примѣръ того, какъ режимъ чрезвычайныхъ каръ близокъ къ тиранніи». Въ такомъ же духѣ составленъ и докладъ Булэ де ля Мерта о проскрипціяхъ фруктидора; тамъ только и рѣчи, что о благѣ человѣчества: нѣтъ ничего однообразнѣе лжи тиранніи.

[4]) *Sacris et epulis dent hunc diem: qui secus faxit, inter prosciptos esto.* (М).

[5]) Въ изданіяхъ А. и В. находится слѣдующее примѣчаніе: «По опредѣленію автора продолженія Rapin de Thoyras, *bill of attainder* есть приговоръ, въ силу котораго, если онъ одобренъ обѣими палатами и подписанъ королемъ, подсудимый объявляется виновнымъ въ государственной измѣнѣ, помимо всякихъ другихъ формальностей и безъ права аппеляціи.—Это, значитъ совсѣмъ не приговоръ.

Въ послѣднихъ изданіяхъ это примѣчаніе замѣнено слѣдующимъ: Суды королевства не удовлетворяются доказательствомъ, достаточнымъ для убѣжденія судей; надо еще, чтобы это доказательство удовлетворяло требованіямъ формы, т. е. было легально: такъ, законъ требуетъ, чтобы было два свидѣтеля противъ обвиняемаго, и всякое другое доказательство почитаетъ недостаточнымъ. Но если бы подсудимый нашелъ средство устранить свидѣтелей, такъ что его по закону нельзя было бы обвинить, то можно направить противъ него *bill*

принадлежатъ къ одному разряду съ тѣми аѳинскими законами, которые создавались противъ отдѣльнаго лица [1]) по рѣшенію шести тысячъ гражданъ. Они принадлежатъ къ одному разряду съ тѣми законами, которые создавались въ Римѣ противъ отдѣльныхъ гражданъ и назывались тамъ привилегіями [2]). Право создавать ихъ принадлежало лишь большимъ собраніямъ народа [3]). Но какимъ бы образомъ народъ ихъ ни создавалъ, Цицеронъ требовалъ, чтобы они были уничтожены, на томъ основаніи, что вся сила закона заключается въ его всеобщемъ примѣненіи [4]). Признаюсь, однако, что въ виду обычая существующаго у самыхъ свободныхъ народовъ міра, я склоненъ думать, что бываютъ случаи, когда на свободу слѣдуетъ набросить покрывало, подобно тому какъ закрываютъ иногда статуи боговъ [5]).

ГЛАВА XX.

О законахъ, благопріятствующихъ свободѣ въ республиканскомъ государствѣ.

Въ государствахъ народныхъ обвиненія часто бываютъ публичными, такъ что каждому дозволяется обвинять кого онъ захочетъ. Это вызвало установленіе законовъ, для огражденія невинности гражданъ. Въ Аѳинахъ, обвинитель, не получившій за себя пятой части голосовъ собранія, уплачивалъ штрафъ въ пять тысячъ драхмъ. Эсхинъ, обвинявшій Ктезифона, былъ приговоренъ къ такому штрафу [6]). Въ Римѣ, недобросовѣстный обви-

---

of attainder, т. е. законъ, имѣющій въ виду исключительно его личность. Этотъ билль изготовляется подобно всѣмъ прочимъ: онъ долженъ быть проведенъ черезъ обѣ палаты и получить согласіе короля, безъ чего не можетъ быть билля, т. е. приговора. Адвокаты обвиненнаго могутъ говорить противъ билля, а палата въ пользу его. (М.). Англія давно уже отказалась отъ этихъ bills of attainder, которые были просто политическими проскрипціями.

[1]) *Legem de singulari aliquo ne rogato, nisi sex millibus ita visum. Ex Andocide de mysteriis.* Это остракизмъ. (М.).

[2]) *De privis hominibus latae.* Цицеронъ, *de leg.*, кн. III, гл. XIX. (М.).

[3]) Т. е. въ комиціяхъ по центуріямъ, см. XI, XVIII.

[4]) *Scitum est jussum in omnes.* Цицеронъ, *ibid.* (М.).

[5]) «Вотъ до чего довела англоманія этого великаго человѣка!» восклицаетъ Дестюдъ де Траси. И онъ правъ: примѣръ Англіи не превозмогаетъ опыта свободныхъ народовъ. Надо сожалѣть, что Монтескье написалъ эту фразу, которой такъ странно злоупотребляли во время нашихъ внутреннихъ раздоровъ. Есть классъ людей, всегда старающихся создавать аргументы въ пользу деспотизма изъ жалобъ друзей свободы на совершаемыя во имя ея преступленія. Здѣсь Монтескье заблуждается вполнѣ. Нѣтъ, никогда ни въ какомъ случаѣ проскрипціи не могутъ быть законными Въ обстоятельствахъ самыхъ трудныхъ можно находить защиту въ справедливыхъ законахъ и правильныхъ приговорахъ· Да и въ сущности на свободу не покрывало набрасываютъ, а ее насилуютъ и, насилуя, убиваютъ.

[6]) См. кн. I Филострата *Жизнь софистовъ*, *Жизнь Эсхина*. а также Плутарха и Фотія. (М.).

нитель считался опозореннымъ [1]), и ему клеймили лобъ литерой К [2]). Чтобы обвинитель не могъ совратить судей или свидѣтелей, къ нему приставляли стражу [3]).

О римскомъ и аѳинскомъ законѣ, которые дозволяли обвиненному избавляться отъ суда добровольнымъ изгнаніемъ, я уже говорилъ.

ГЛАВА XXI.

О жестокости законовъ противъ должниковъ въ республикѣ.

Гражданинъ, ссудившій деньги гражданину, который занялъ ихъ для того, чтобы израсходовать, и потому уже не имѣетъ ихъ [4]), этимъ однимъ получаетъ надъ нимъ большое преимущество. Что же произойдетъ въ республикѣ, если это преимущество будетъ еще болѣе усилено законами?

Въ Аѳинахъ и въ Римѣ [5]) первоначально дозволялось продавать несостоятельнаго должника. Солонъ примѣнилъ это обыкновеніе въ Аѳинахъ [6]): онъ отмѣнилъ власть кредитора надъ личностью должника. Но въ Римѣ, децемвиры не преобразовали этого обычая; имѣя передъ глазами реформу Солона, они не захотѣли послѣдовать его примѣру, и это не единственный пунктъ въ законѣ Двѣнадцати Таблицъ, гдѣ обнаруживается намѣреніе децемвировъ поколебать духъ демократіи.

Эти жестокіе законы противъ должниковъ не однажды подвергали опасности республику. Человѣкъ, покрытый ранами, убѣжалъ изъ дома своего кредитора и предсталъ на площади передъ народомъ [7]). Народъ былъ возмущенъ этимъ зрѣлищемъ. Тогда и другіе граждане вышли изъ тюремъ своихъ оробѣвшихъ кредиторовъ. Имъ надавали обѣщаній, но не сдержали ихъ, и народъ удалился на Священную Гору. Онъ добился не отмѣны законовъ, а назначенія особаго должностного лица, на обязанности котораго лежало защищать его [8]). Общество вышло изъ анархіи, но ему угрожала тираннія. Манлій, для пріобрѣтенія популярности, замышлялъ вырвать изъ рукъ кредиторовъ гражданъ, которыхъ они держали въ раб-

---

[1]) По закону *Retnia*. (М.).

[2]) Т. е. первою буквою слова *Kalumnia*, согласно древней орѳографіи.— Plinii *Panegyricus*, c. XXXV.

[3]) Трактатъ Плутарха: *Какую можно пользу получать отъ враговъ*. (М.).

[4]) Израсходовавъ занятыя деньги, должникъ долженъ былъ получить за нихъ какую нибудь равную имъ цѣнность, если только онъ не проигралъ или не прокутилъ ихъ. Единственное преимущество кредитора состоитъ лишь въ довѣріи, оказанномъ имъ честности своего должника.

[5]) Многіе продавали своихъ дѣтей, чтобы расквитаться съ долгами. Плутарха, *Жизнь Солона*. (М.).

[6]) *Ibid.* по свидѣтельству исторіи этотъ обычай былъ установленъ въ Римѣ ранѣе закона Двѣнадцати Таблицъ. Титъ Ливій, *Декада* I, кн. II, гл. XXIII и XXIV. (М.)

[7]) Діонисій Галикарнасскій *Древности римскія*, кн. IV. (М.).

[8]) Народные трибуны.

ствѣ [1]). Замыслы Манлія были предупреждены; но старое зло продолжало существовать. Было издано нѣсколько отдѣльныхъ законовъ, облегчавшихъ должникамъ возможность уплаты [2]), и въ 428 году отъ основанія Рима, конеулы провели законъ [3]), который лишилъ кредиторовъ права держать своихъ должниковъ въ рабствѣ у себя на дому [4]). Ростовщикъ, по имени Папирій, покушался обезчестить молодого человѣка, по имени Публій [5]), котораго онъ содержалъ въ оковахъ; преступленіе [6]) Секста дало Риму свободу политическую; преступленіе Папирія дало ему свободу гражданскую.

Такова была судьба этого города, что новыя преступленія утвердили въ немъ свободу, доставленную ему старыми преступленіями. Покушеніе Аппія на Виргинію пробудило въ народѣ то отвращеніе къ тиранамъ, которое было ему внушено несчастной судьбою Лукреціи. Черезъ тридцать семь лѣтъ [7]) послѣ позорнаго преступленія Папирія подобное-же преступленіе [8]) заставило народъ удалиться на Яникульскій [9]) холмъ и придало новую силу закону, созданному для огражденія должниковъ.

Съ этого времени не столько кредиторы преслѣдуютъ своихъ должниковъ за неуплату долговъ, сколько должники—своихъ кредиторовъ за нарушеніе законовъ противъ ростовщичества.

ГЛАВА XXII.

О мѣрахъ, нарушающихъ свободу въ монархіяхъ.

Въ монархіяхъ свобода часто терпѣла отъ мѣры, болѣе всего прочаго на свѣтѣ безполезной для самого государя, а именно отъ назначенія особыхъ комиссаровъ для суда надъ отдѣльной личностью [10]).

Государь такъ мало извлекаетъ пользы отъ комиссаровъ, что не стоило бы изъ за этого измѣнять обычнаго порядка вещей. Въ отношеніи моральномъ у него, конечно, болѣе пониманія, честности и справедливости,

---

[1]) Плутархъ, *Жизнь Фурія Камилла*, гл. XVIII. (М).

[2]) Чит. слѣдующую за симъ главу XXII-ую книги XXII-ой. (М.).

[3]) Черезъ сто двадцать лѣтъ послѣ закона Двѣнадцати таблицъ. *Eo anno plebi romanae velut aliud initium libertatie factum est, quod necti desierunt.* Титъ Ливій, кн. VIII, гл. XXVIII. (М.).

[4]) *Bona debitoris, non corpus obnoxium esset.* Ibid. (М.).

[5]) Публилій.

[6]) Секстъ Тарквиній.

[7]) Въ 465 г. (М.).

[8]) Именно преступленіе Плавта, покусившагося на цѣломудріе Ветурія. Валерій Максимъ, кн. VI, гл. I, чл. IX. Не слѣдуетъ смѣшивать этихъ двухъ происшествій: времена и лица тутъ разныя. (М.).

[9]) Читайте отрывокъ Діонисія Галикарнасскаго въ *Извлеченіи о порокахъ и добродѣтеляхъ*, *Сокращенной исторіи* Тита Ливія, кн. XI и XI-ую *Фрейнсгеміуса*. (М.).

[10]) Такому суду были преданы Сенъ-Маръ, Фуке и многіе другіе.

чѣмъ у его комиссаровъ, которые всегда считаютъ себя достаточно оправданными его приказами, сомнительными требованіями государственной пользы, оказаннымъ имъ предпочтеніемъ и даже своей трусостью [1]).

При Генрихѣ VIII для суда надъ пэрами назначали комиссаровъ, взятыхъ изъ палаты пэровъ, и съ помощью этого способа переказнили всѣхъ пэровъ, отъ которыхъ желательно было отдѣлаться.

ГЛАВА XXIII.

О шпіонахъ въ монархіи.

Нужны ли шпіоны въ монархіи? [2]) Хорошіе государи не пользуются ихъ услугами. Человѣкъ, который соблюдаетъ законы, выполняетъ все, чего можетъ требовать отъ него государь; надо, чтобы по крайней мѣрѣ его домъ могъ быть его убѣжищемъ и остальная часть его дѣятельности находиться въ безопасности. Шпіонство, можетъ быть, и было бы терпимо, если бы шпіонами могли быть честные люди. Но по позору, неизбѣжно падающему на лицо, можно судить о позорѣ самаго дѣла. Государь долженъ поступать съ своими подданными съ кротостью, прямотою и довѣріемъ. Тотъ, кто много тревожится, подозрѣваетъ и опасается, подобенъ актеру, затрудняющемуся выполнить свою роль. Видя, что законы остаются въ силѣ и уважаются, государь можетъ считать себя въ безопасности. Поведеніе всѣхъ вообще ручается ему за поведеніе каждаго. Пусть онъ только не поддается страху, и онъ изумится, увидя, какъ сильно влеченіе любить его. Да и почему бы не любить его? Въ немъ видятъ лишь источникъ всякаго добра, между тѣмъ какъ всѣ кары ставятся въ счетъ законамъ. Онъ показывается народу не иначе какъ съ лицомъ яснымъ и благоволящимъ. Даже его славу мы считаемъ своею славой, и въ его могуществѣ видимъ нашу силу. Одно изъ доказательствъ любви къ государю заключается въ томъ довѣріи, которое питаютъ къ нему: когда министръ откажетъ въ просьбѣ, думаютъ, что государь выполнилъ бы желаніе просящаго. Даже въ пору общественныхъ бѣдствій его не обвиняютъ; но только сожалѣютъ о томъ, что онъ многаго не знаетъ или находится подъ вліяніемъ дурныхъ людей. Если бы государь зналъ!

---

[1]) См. кн. VI, v. Нѣтъ такого правительства—монархическаго или республиканскаго, которое не ослаблялось бы назначеніемъ этихъ комиссій, какъ бы онѣ ни были составлены. Оно вооружаетъ противъ себя общественную совѣсть. Что такое этотъ судъ, который учреждается въ презрѣніе къ обыкновеннымъ судамъ, для устраненія гарантій, связанныхъ съ правильнымъ отправленіемъ правосудія? Это никого не обманывающая комедія, насиліе, дѣлающее даже виновныхъ предметомъ того сочувствія, которое возбуждаетъ къ себѣ безъ вины угнетаемый.

[2]) Здѣсь рѣчь идетъ о шпіонствѣ политическомъ и имѣется въ виду Франція.

говоритъ народъ. Въ этихъ словахъ звучитъ призывъ къ нему и заключается доказательство довѣрія, которымъ онъ пользуется [1]).

ГЛАВА XXIV.

Объ анонимныхъ письмахъ.

Татары должны надписывать свои имена на своихъ стрѣлахъ, чтобы можно было узнать, чья рука выпустила ихъ. Филиппъ Македонскій былъ раненъ при осадѣ города дротикомъ, на которомъ было написано: этотъ смертельный ударъ Филиппу нанесъ Астеръ [2]). Если бы тѣ, которые обвиняютъ человѣка, имѣли въ виду общественное благо, то они отнеслись бы со своими обвиненіями не къ государю, который можетъ быть легко предубѣжденъ; но къ судьямъ, которые дѣйствуютъ по правиламъ, страшнымъ только для однихъ клеветниковъ. Если же обвинитель не хочетъ допустить между собою и обвиненнымъ посредничества законовъ, то это значитъ, что онъ имѣетъ основаніе бояться ихъ, и малѣйшее наказаніе, котораго онъ заслуживаетъ въ такомъ случаѣ, состоитъ въ томъ, чтобы не давать ему вѣры. Можно удостоить его вниманіемъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, которые не терпятъ медлительныхъ пріемовъ обычнаго судопроизводства, и когда дѣло идетъ о безопасности государя [3]). Въ такомъ случаѣ можно предположить, что тотъ, кто обвиняетъ, употребилъ надъ собой нѣкоторое усиліе, которое развязало ему языкъ и заставило его говорить. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ слѣдуетъ сказать вмѣстѣ съ императоромъ Констанціемъ: «мы не можемъ заподозрить того, кто, имѣя врага, не имѣлъ обвинителя» [4]).

ГЛАВА XXV.

О пріемахъ правленія въ монархіи.

Королевская власть есть великій двигатель, дѣйствія котораго должны происходить легко и безъ шума. Китайцы прославляютъ одного изъ своихъ императоровъ, который, по ихъ словамъ, правилъ какъ само небо, т. е. своимъ примѣромъ.

Есть случаи, когда власть должна дѣйствовать всею своею силой, и другіе, когда она должна дѣйствовать только какою-либо частью ея. Выс-

---

[1]) Таковы были, въ прошломъ столѣтіи, чувства французскаго народа, и его то любовь къ королямъ и выражаетъ Монтескье въ этой главѣ. Но не то было въ Англіи и прочихъ странахъ.

[2]) Плутархъ *Моральныя произведенія, Сравн. нѣкоторыхъ событій греческой и римской исторіи*, т. II, стр. 487. (М.).

[3]) Это мѣсто, кажется, внушено той осторожной сдержанностью, которая затемняетъ иногда мысль автора.

[4]) *Leg.* 6, Сод. Theod. *de famos. libellis.* (М.).

шее искусство управленія состоитъ въ томъ, чтобы твердо знать, каковы должны быть предѣлы власти, которую слѣдуетъ примѣнять въ различныхъ обстоятельствахъ.

Въ нашихъ монархіяхъ все наше благоденствіе состоитъ въ мнѣніи, которое составилъ себѣ народъ о мягкости правленія. Неискусный министръ любитъ заявлять вамъ, что вы рабы. Но если бы оно было и такъ, то онъ долженъ бы стараться скрывать это отъ васъ. Онъ только и знаетъ, что извѣщать васъ и словесно, и письменно о томъ, что государь разгнѣвался, что онъ возмущенъ, что онъ дастъ себя знать. Правило, облегчающее дѣло управленія, состоитъ въ слѣдующемъ: государю надлежитъ ободрять, а угрожать должны только законы [1]).

ГЛАВА XXVI.

О томъ, что монархъ долженъ быть доступенъ.

Это будетъ яснѣе всего изъ примѣра противоположнаго:

«Царь Петръ I, разсказываетъ г. Перри [2]), издалъ новый указъ, по которому подавать ему жалобы позволяется лишь послѣ того, какъ его чиновникамъ поданы уже двѣ. Въ случаѣ отказа въ правосудіи, можно подать ему третью; ослушники же подвергаются смертной казни». Съ тѣхъ поръ никто не подавалъ царю жалобъ.

ГЛАВА XXVII.

О нравахъ монарха.

Нравы государя не менѣе законовъ содѣйствуютъ свободѣ. Подобно имъ, онъ можетъ обращать людей въ животныхъ и животныхъ въ людей. Если онъ любитъ свободныя души,—у него будутъ подданные; если ему нравятся низкія души, — у него будутъ рабы. Желаетъ онъ познать великое искусство царствовать,—пусть приближаетъ къ себѣ честь, добродѣтель, пусть призываетъ личныя заслуги. Онъ даже можетъ иногда обратить взоръ и на таланты [3]). Ему незачѣмъ бояться соперничества со стороны людей высокодостойныхъ: онъ равенъ имъ, коль скоро полюбилъ ихъ. Пусть онъ покоряетъ сердца, но не плѣняетъ разума [4]). Пусть онъ станетъ популярнымъ. Онъ долженъ быть польщенъ любовью малѣйшаго

---

[1]) Нерва, говоритъ Тацитъ, облегчилъ дѣло управленія имперіей. (М.). *Жизнь Агриколы*, гл. III.

[2]) Состояніе Великой Россіи, париж. изд. 1717 г. стр. 173. (М.).

[3]) Можно думать, что, высказывая эту фразу, въ которой чувствуется горечь, Монтескье помышлялъ о своемъ желаніи поступить на службу по дипломатической части, желаніи, котораго правительство, съ своей стороны, не имѣло никакого намѣренія удовлетворить. Ср. *Письмо къ аббату Оливе*, въ *Переписк*.

[4]) Нынѣ сказали бы: «но не порабощаетъ разума».

изъ своихъ подданныхъ, такъ какъ и они тоже люди. Народъ такъ доволенъ малѣйшимъ вниманіемъ къ себѣ, что несправедливо было бы отказать ему въ этомъ: безконечное разстояніе, которое отдѣляетъ его отъ монарха, не позволитъ ему стѣснять его. Пусть онъ будетъ благосклоненъ къ просьбамъ и неумолимъ къ выпрашиваніямъ милостей, и пусть знаетъ онъ, что народъ радуется его отказамъ, а придворные—его милостямъ [1]).

ГЛАВА XXVIII.

Объ обращеніи монарховъ со своими подданными.

Монархи должны соблюдать большую осторожность въ шуткахъ. Умѣренная шутливость пріятна, потому что она поощряетъ къ искренности; но колкая шутка дозволительна для нихъ менѣе, чѣмъ для послѣдняго изъ ихъ подданныхъ, такъ какъ только въ ихъ устахъ она всегда наноситъ смертельныя раны.

Еще менѣе позволительно имъ подвергать подданнаго какому-нибудь тяжкому оскорбленію: они поставлены для того, чтобы прощать и наказывать, но отнюдь не оскорблять.

Нанося своимъ подданнымъ оскорбленіе, они поступаютъ съ ними съ бо́льшей жестокостью, чѣмъ поступилъ бы въ томъ же случаѣ съ своими подданными турокъ повелитель или москвитянъ. Эти послѣдніе своими оскорбленіями унижаютъ, но не безчестятъ людей; а они и унижаютъ и безчестятъ ихъ.

Азіаты, по свойственному имъ предразсудку, видятъ въ причиненной имъ государемъ обидѣ нѣчто въ родѣ доказательства его отеческаго вниманія; а по свойственному намъ образу мыслей, жестокая боль отъ испытаннаго оскорбленія усугубляется въ насъ отчаяніемъ отъ невозможности смыть его.

Государи должны радоваться, что имѣютъ подданныхъ, для которыхъ честь дороже жизни и является не меньшимъ мотивомъ вѣрности, чѣмъ мужества.

Вспомнимъ о несчастіяхъ, постигшихъ государей, оскорбившихъ своихъ подданныхъ: о мести Херея, евнуха Нарзеса, и графа Юліана [2]), и наконецъ о герцогинѣ Монпансье, которая, оскорбившись на Генриха III за разглашеніе нѣкоторыхъ ея тайныхъ недостатковъ, не переставала его тревожить въ продолженіе всей его жизни.

---

[1]) *Персидскія письма,* CXXIV, рус. пер., стр. 261.
[2]) См., кн. XIV, гл. XIV.

ГЛАВА XXIX.

О законахъ гражданскихъ, могущихъ внести немножко свободы въ деспотическое правленіе.

Хотя деспотическое правленіе, по природѣ своей, и вездѣ одинаково, но различныя обстоятельства, религіозныя убѣжденія, предразсудки, полученные примѣры, свойства ума, обычаи, нравы могутъ внести въ него значительныя различія.

Весьма полезно, чтобы въ основѣ его лежали какія-нибудь твердыя представленія. Такъ, въ Китаѣ на государя смотрятъ какъ на отца народа, а при основаніи государства арабовъ, государь былъ проповѣдникомъ [1]).

Хорошо также, если тамъ есть какія-нибудь священныя книги, которыя могутъ служить правиломъ поведенія, каковы Алкоранъ у арабовъ, книги Зороастра у персовъ, Ведды у индійцевъ, классическія книги у китайцевъ. Религіозный кодексъ восполняетъ недостатки гражданскаго кодекса и ограничиваетъ произволъ.

Недурно тоже, чтобы судьи, въ сомнительныхъ случаяхъ, совѣщались съ властями духовными [2]), какъ это дѣлается въ Турціи, гдѣ кади вопрошаютъ моллаховъ [3]). Въ случаяхъ же преступленій, караемыхъ смертью, судья, если онъ есть, могъ бы справляться и съ мнѣніемъ губернатора, дабы власти гражданская и церковная были умѣряемы еще и политическою властью.

ГЛАВА XXX.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Неистовство деспотизма постановило, чтобы опала отца распространялась на его дѣтей и женъ. Но послѣднія уже несчастны, и не будучи виновными; да кромѣ того государю слѣдуетъ оставить, между собою и обвиненнымъ, мѣсто для лицъ, которыя могли бы своими мольбами смягчить его гнѣвъ или просвѣтить его чувство справедливости.

---

[1]) Калифы. (М.).

[2]) *Исторія Татаръ*, III часть, стр. 277, въ отдѣлѣ примѣчаній. (М.).

[3]) Монтескье смѣшиваетъ моллаховъ съ муфтіями. Моллахъ значитъ кади или судья высшаго разряда. Лица, тяжущіяся у кади или моллаха по какому нибудь затруднительному или интересному вопросу, обращаются за совѣтомъ къ муфти и получаютъ отъ него *фефту*, которая есть, собственно, отвѣтъ на ихъ консультацію, представленную въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *Дозволено или недозволено закономъ*. Къ муфти, слѣдовательно, обращаются какъ къ первому истолкователю закона; но если его *фефта* противорѣчитъ послѣднему, то кади, предполагая, что муфти былъ плохо освѣдомленъ, рѣшаетъ согласно закону. Guys, *Письма о Греціи*, nº XXX.

У малдивовъ есть хорошій обычай [1]), въ силу котораго сановникъ, впавшій въ немилость, долженъ ежедневно являться ко двору своего государя до тѣхъ поръ, пока онъ снова не войдетъ въ милость: своимъ постояннымъ присутствіемъ онъ обезоруживаетъ гнѣвъ государя.

Есть деспотическія государства [2]), гдѣ полагаютъ, что ходатайствовать за опальнаго передъ государемъ, значитъ нарушать должное почтеніе къ послѣднему. Эти государи какъ будто употребляютъ всѣ свои усилія для того, чтобы лишить себя добродѣтели милосердія.

Аркадія и Гонорій объявили въ законѣ [3]), о которомъ я столько говорилъ [4]), что они не будутъ щадить тѣхъ, которые осмѣлятся умолять ихъ за виновныхъ. Это очень дурной законъ, такъ какъ онъ нехорошъ даже для деспотизма [5]).

Очень хорошъ обычай Персіи, дозволяющій кому угодно покидать государство, и хотя противоположный этому обычай беретъ свое начало въ деспотизмѣ, который смотритъ на подданныхъ, какъ на рабовъ [6]), а на покидающихъ государство, какъ на рабовъ бѣглыхъ; но этотъ персидскій обычай оказывается очень выгоднымъ для деспотизма, такъ какъ боязнь ухода плательщиковъ останавливаетъ или умѣряетъ притѣсненія пашей и сборщиковъ податей [7]).

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ.

Объ отношеніяхъ взиманія податей и размѣровъ государственныхъ доходовъ къ свободѣ.

ГЛАВА I.

О доходахъ государства.

Доходы государства—это та часть имущества, которую каждый граж-

[1]) См. у Франсуа Пирара. (М.).

[2]) Какъ, напр., нынѣшняя Персія, по свидѣтельству Шардена. Это очень древній обычай. «Кавадъ, говоритъ Прокопъ, былъ заключенъ въ замокъ забвенія. Есть законъ, запрещающій говорить о тѣхъ, которые заперты тамъ, и даже произносить ихъ имена». (М.).

[3]) Законъ 5, Cod. *ad leg. Jul. maj.* (М.).

[4]) Въ главѣ VIII этой книги. (М.).

[5]) Фредерикъ приводитъ этотъ законъ въ *Конституціяхъ* Неаполя, кн. I. (М.).

[6]) Въ монархіяхъ обыкновенно существуетъ законъ, который запрещаетъ лицамъ, занимающимъ общественныя должности, уѣзжать изъ государства безъ дозволенія государя *). Этотъ законъ долженъ быть установленъ и въ республикахъ. Но въ тѣхъ республикахъ, которыя отличаются отъ прочихъ своими своеобразными учрежденіями, запрещеніе покидать государство должно распространяться на всѣхъ, дабы туда не вносились чужежные нравы. (М.).

[7]) Не о французскихъ ли протестантахъ думалъ авторъ, приводя этотъ примѣръ умѣренности обычаевъ Персіи?

*) Какъ, напр. кардиналамъ, епископамъ, и т. п.

данинъ отдаетъ государству для того, чтобы оно обезпечило ему спокойное или пріятное пользованіе остальною его частью [1]).

Чтобы надлежащимъ образомъ опредѣлить размѣры этихъ доходовъ, слѣдуетъ имѣть въ виду необходимыя нужды государства и необходимыя нужды гражданъ. Не слѣдуетъ брать у народа изъ того, что идетъ на удовлетвореніе его дѣйствительныхъ нуждъ, для удовлетворенія воображаемыхъ потребностей государства.

Воображаемыя потребности, это то, что требуется страстями и слабостями тѣхъ, которые управляютъ: обаяніе необычайнаго проекта, болѣзненная жажда суетной славы и нѣкоторое безсиліе разсудка противостоять фантазіямъ. Нерѣдко безпокойные умы, поставленные государемъ во главѣ правленія видѣли, потребности государства въ потребностяхъ своихъ мелкихъ душъ.

Опредѣлить ту часть, которую слѣдуетъ брать у подданныхъ, и ту, которую слѣдуетъ оставить имъ,—вотъ на что, болѣе всего прочаго, должны быть устремлены всѣ усилія государственной мудрости и благоразумія.

Доходы государства надо измѣрять не тѣмъ, что народъ можетъ дать, а тѣмъ, что онъ долженъ дать; если же ихъ измѣряютъ тѣмъ, что онъ можетъ дать, то надо по крайней мѣрѣ, чтобы то, что онъ можетъ дать, было тѣмъ, что онъ можетъ давать всегда.

ГЛАВА II.

О томъ, что дурно разсуждаютъ тѣ, которые говорятъ, что большіе налоги хороши сами по себѣ.

Было замѣчено, въ нѣкоторыхъ государствахъ [2]), что небольшія страны, избавленныя отъ налоговъ [3]), были столь же бѣдны, какъ и окружающія ихъ, обремененныя налогами страны. Главная причина тутъ въ томъ, что небольшое государство, при такихъ сосѣдяхъ, не можетъ имѣть ни промышленности, ни искусствъ, ни мануфактуры, потому что оно во всѣхъ этихъ отношеніяхъ тысячью различныхъ способовъ стѣснено большимъ государствомъ, окружающимъ его. У большого государства, которое его окружаетъ, есть и промышленность, и искусства, и мануфактуры; и оно создаетъ для нихъ уставы, въ силу которыхъ ему достается вся приносимая ими выгода. При этомъ, малое государство по необходимости будетъ бѣдно, какъ бы малы ни были взимаемые тамъ налоги.

И однако, изъ факта бѣдности этихъ маленькихъ странъ было выведено заключеніе, что для процвѣтанія трудолюбія въ народѣ необходимы

---

[1]) Скажите лучше: для того, чтобы содѣйствовать благоденствію государства. (Люзакъ).

[2]) Этой перифразой авторъ почти всегда указываетъ на Францію См. гл. XII.

[3]) Швейцарія. См. гл. XII

тяжкіе налоги. Было бы правильнѣе заключить, что ихъ совсѣмъ не нужно. Дѣло въ томъ, что всѣ бѣдняки окрестностей направляются въ такія страны, чтобы предаваться тамъ праздности; доведенные до отчанія непосильнымъ трудомъ, они все свое счастіе ставятъ въ лѣни. Богатство страны зажигаетъ честолюбіе въ сердцахъ людей, а бѣдность поражаетъ ихъ отчаяніемъ. Въ первомъ случаѣ люди ищутъ удовлетворенія въ трудѣ, а во второмъ находятъ утѣшеніе въ лѣни.

Природа справедлива къ людямъ; она не оставляетъ безъ вознагражденія ихъ труды. Она внушаетъ имъ трудолюбіе тѣмъ, что съ большей работой связываетъ и большее вознагражденіе. Но разъ произволъ власти лишилъ ихъ этихъ наградъ природы, они начинаютъ чувствовать отвращеніе къ труду, и праздность кажется имъ единственнымъ благомъ [1]).

ГЛАВА III.

О налогахъ въ странахъ, гдѣ часть народа закрѣпощена землѣ.

Послѣдствіемъ завоеванія бываетъ иногда прикрѣпленіе народа къ землѣ [2]). Въ такомъ случаѣ рабъ, воздѣлывающій землю, долженъ быть половникомъ у своего господина. Одни только отношенія, основанныя на взаимности выгоды и убытка, могутъ примирить тѣхъ, удѣлъ которыхъ работать, съ тѣми, удѣлъ которыхъ наслаждаться.

ГЛАВА IV.

О положеніи республики въ подобномъ случаѣ.

Республика, принудившая народъ обработывать для нея землю, не должна допускать, чтобы гражданинъ могъ увеличивать платежи раба. Въ Лакедемонѣ не дозволяли этого: тамъ полагали, что илоты [3]) станутъ лучше обрабатывать землю, при увѣренности, что рабство ихъ не будетъ отягощено; тамъ полагали, что господа будутъ лучшими гражданами, если не перестанутъ довольствоваться тѣмъ, что они привыкли имѣть.

ГЛАВА V.

О положеніи монархіи въ подобномъ случаѣ.

Когда въ монархіи дворянство заставляетъ покоренный народъ воздѣлывать землю въ свою пользу, то и тутъ тоже не слѣдуетъ дозволять увеличенія оброковъ [4]). Кромѣ того, хорошо, если государь будетъ доволь-

---

[1]) См., кн. XX, гл. IV.

[2]) Намекъ на германское завоеваніе.

[3]) Плутархъ, *Замѣчательныя изреченія лакедемонянъ*. (М.).

[4]) Это и было осуществлено въ прекрасныхъ установленіяхъ Карла Великаго по этому предмету. См. кн. V *Капитуляріевъ*, гл. 303. (М.). Но вѣрно ли,

ствоваться своими доменами и военною повинностью. Если же онъ хочетъ взимать налоги деньгами съ рабовъ своего дворянства [1]), то надо, чтобы за правильное поступленіе налоговъ былъ отвѣтственъ господинъ этихъ рабовъ [2]); чтобы онъ уплачивалъ за нихъ, а они возмѣщали ему уплаченное; если же не будутъ слѣдовать этому правилу, то рабъ будетъ поочередно угнетаемъ и своимъ господиномъ и тѣмъ, который собираетъ подати для государя, переходя изъ рукъ одного въ руки другого до тѣхъ поръ, пока не погибнетъ отъ нищеты или не убѣжитъ отъ нихъ въ лѣса.

ГЛАВА VI.

О положеніи государства деспотическаго въ подобномъ случаѣ.

Все, сказанное мною, еще болѣе необходимо для государства деспотическаго. Господинъ, который ежеминутно можетъ быть лишенъ своихъ земель и своихъ рабовъ, не очень склоненъ заботиться о нихъ.

Петръ I, желая по примѣру Германіи получать свои налоги въ деньгахъ, сдѣлалъ очень благоразумное распоряженіе, которому и до сихъ поръ слѣдуютъ въ Россіи. Дворянинъ собираетъ подати съ крестьянъ и уплачиваетъ ихъ царю. Если число крестьянъ уменьшается, онъ платитъ, какъ и прежде; если число ихъ увеличивается, онъ не платитъ больше прежняго. Такимъ образомъ у него есть интересъ не притѣснять своихъ крестьянъ.

ГЛАВА VII.

О налогахъ въ странахъ, гдѣ нѣтъ крѣпостныхъ.

Въ государствѣ, гдѣ всѣ люди граждане, гдѣ каждый владѣетъ своимъ помѣстьемъ, какъ государь своимъ государствомъ, можно взимать налоги съ лицъ, съ земли или съ товаровъ; съ двухъ изъ этихъ предметовъ или со всѣхъ трехъ вмѣстѣ.

Въ налогѣ на лица способъ обложенія, строго пропорціональный имуществамъ, не справедливъ. Въ Аѳинахъ [3]) граждане были раздѣлены на четыре класса. Тѣ, которые извлекали изъ своихъ имуществъ пятьсотъ мѣръ продуктовъ жидкихъ или сухихъ, платили обществу одинъ талантъ; тѣ, которые извлекали изъ нихъ триста мѣръ, вносили половину таланта; тѣ, которые получали двѣсти мѣръ, уплачивали десять минъ, или шестую часть одного таланта; граждане четвертаго класса не платили ничего [4]). Налогъ былъ справедливъ, хотя и совсѣмъ не былъ про-

что колоны и крѣпостные принадлежали исключительно къ покоренному народу? Это—романъ графа де Буленвиль. См. XXX, x.

[1]) Т. е. съ крѣпостныхъ, или людей прикрѣпленныхъ къ землѣ.

[2]) Такъ дѣлается въ Германіи. (М.).

[3]) Поллуксъ, кн. VII, гл. X, чл. 130. (М.).

[4]) Этотъ четвертый классъ состоялъ изъ наемниковъ, не имѣвшихъ ничего.

порціоналенъ: не будучи пропорціоналенъ имуществамъ, онъ былъ пропорціоналенъ нуждамъ. Было принято во вниманіе: что всѣ имѣютъ равную нужду въ физически необходимомъ и что это физически необходимое не должно подлежать обложенію; что за физически необходимымъ слѣдуетъ полезное, которое слѣдуетъ облагать, но менѣе, чѣмъ излишнее; что большое обложеніе излишняго препятствуетъ излишеству.

При обложеніи земель производятся росписи, въ которыя вносятъ различные классы поземельныхъ имуществъ. Но опредѣлить эти различія очень трудно, и еще труднѣе найти людей, которые не имѣли бы интереса скрывать ихъ. Отсюда—два рода несправедливости: одна, зависящая отъ человѣка, а другая—отъ самого предмета. Но если обложеніе вообще не чрезмѣрно велико, если необходимое оставлено народу въ изобиліи, то эти частныя несправедливости ничтожны. Если же, напротивъ, народу оставятъ лишь то, что ему нужно въ обрѣзъ для поддержанія жизни, то малѣйшая непропорціональность поведетъ къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ.

Зло не велико, если нѣкоторые граждане платятъ меньше, чѣмъ слѣдуетъ: ихъ благосостояніе всегда обращается на пользу общества; но если нѣкоторыя отдѣльныя лица платятъ слишкомъ много—ихъ разореніе обратится во вредъ обществу. Если государство соразмѣряетъ свои средства со средствами отдѣльныхъ лицъ, то вмѣстѣ съ обогащеніемъ послѣднихъ будетъ увеличиваться и его богатство. Весь вопросъ вотъ въ чемъ: будетъ ли государство обогащать себя посредствомъ разоренія своихъ подданныхъ, или оно подождетъ, пока достигшіе матерьяльнаго довольства подданные обогатятъ его? Станетъ ли оно пользоваться выгодами перваго или второго способа обогащенія? Начнетъ ли оно съ богатства, или кончитъ тѣмъ, что станетъ богатымъ?

Налоги на товары всего менѣе чувствительны народамъ, потому именно, что не предъявляютъ формальнаго требованія ихъ уплаты. Они могутъ быть такъ благоразумно распредѣлены, что народъ почти и знать не будетъ, что уплачиваетъ ихъ. Для этого особенно важно чтобы уплата была возложена на того, кто продаетъ товары. Послѣдній знаетъ, что онъ платитъ не за себя; а въ умѣ покупателя, который, въ сущности, уплачиваетъ этотъ налогъ, онъ сливается въ одно неразличимое цѣлое съ цѣною товара. Нѣкоторые авторы говорятъ, что Неронъ отмѣнилъ взиманіе одной двадцать пятой части съ цѣны продаваемыхъ рабовъ [1]); и, однако, онъ только распорядился перемѣстить уплату налога съ покупателя на продавца: это распоряженіе, оставлявшее весь налогъ нетронутымъ, показалось отмѣной налога.

---

[1]) Vectigal quoque quintae et vicesimal venalium mancipiorum remissum specie magis quam vi; quia cum lenditor pendere juberetur, in partem pretii emptoribus accrescebat. Тацитъ, *Анналы*, кн. XIII, гл. XXXI. (М.).

Въ Европѣ есть два государства, гдѣ установлены очень большіе налоги на напитки: въ одномъ [1]) налогъ уплачивается только производителемъ; въ другомъ—онъ безразлично взимается со всѣхъ потребителей [2]). Въ первомъ никто не ощущаетъ тяжести налога; во второмъ онъ считается тяжкимъ: тамъ гражданинъ ощущаетъ лишь свободу не платить; здѣсь онъ ощущаетъ лишь необходимость платить.

Кромѣ того, чтобы гражданинъ платилъ, надо производить въ его домѣ постоянно розыски. Нѣтъ ничего болѣе противнаго свободѣ, чѣмъ это, и тѣ, которые устанавливали такого рода налоги, не имѣли счастія найти для этого удачныхъ исполнителей.

ГЛАВА VIII.

Какъ сохраняется иллюзія.

Чтобы цѣна вещи и падающій на нее налогъ могли образовать одно цѣлое въ головѣ плательщика, надо чтобы между товаромъ и налогомъ существовало нѣкоторое отношеніе, и чтобы малоцѣнныя вещи не облагались чрезвычайнымъ налогомъ. Есть страны, гдѣ налогъ на товаръ превышаетъ въ семнадцать разъ цѣну товара [3]). Этимъ отнимается у подданныхъ всякая иллюзія; они видятъ, что ими управляютъ неблагоразумно, вслѣдствіе чего чувство своей зависимости доходитъ у нихъ до высшей степени.

Кромѣ того, чтобы государь могъ воспользоваться налогомъ, столь несообразнымъ съ цѣнностью товара, надо, чтобы онъ самъ продавалъ этотъ товаръ и чтобы народъ не могъ покупать его нигдѣ болѣе; а это сопряжено съ массой неудобствъ.

Въ такомъ случаѣ злоупотребленія становятся очень выгодны, а естественное наказаніе за нихъ, предписываемое разумъ и состоящее въ конфискаціи товара, не въ состояніи остановить ее, тѣмъ болѣе, что стоимость этого товара обыкновенно очень ничтожна. Поэтому приходится прибѣгать къ наказаніямъ чрезвычайнымъ, подобнымъ тѣмъ, которыя назначаются за величайшія преступленія [4]). При этомъ уничтожается всякая пропорціональность между наказаніями. Люди, нисколько не злонамѣренные, наказываются какъ злодѣи: вещь менѣе всего на свѣтѣ соотвѣтствующая духу умѣреннаго правленія.

Прибавлю, что чѣмъ болѣе народу дается поводовъ обманывать откупщика, тѣмъ болѣе обогащается послѣдній и становится бѣднѣе первый.

---

[1]) Въ Англіи.

[2]) Во Франціи. То, что называлось «le droit d' aides».

[3]) Авторъ здѣсь имѣетъ въ виду Францію и ея налогъ на соль, или gabelle.

[4]) Въ 1789 году значительная часть сосланныхъ на галеры состояла изъ людей, которые занимались контрабандой соли, перевозя ее изъ провинцій, гдѣ она была обложена легко, въ провинцію съ чрезмѣрнымъ обложеніемъ.

Чтобы противодѣйствовать злоупотребленіямъ, надо дать покупщику въ высшей степени стѣснительную власть, и тогда все погибло [1]).

ГЛАВА IX.

Объ одномъ дурномъ налогѣ.

Скажемъ мимоходомъ объ установленномъ въ нѣкоторыхъ государствахъ налогѣ на различныя статьи гражданскихъ договоровъ [2]). Чтобы тягаться съ откупщикомъ, необходимо большое знаніе дѣла, такъ какъ дѣла этого рода подлежатъ самымъ хитрымъ различеніямъ Поэтому откупщикъ, будучи истолкователемъ уставовъ государя, получаетъ произвольную власть надъ имуществами. Было бы гораздо лучше замѣнить эти налоги обложеніемъ на бумагу, на которой долженъ быть написанъ контрактъ [3]).

ГЛАВА X.

О томъ, что величина налоговъ зависитъ отъ природы правленія.

Въ государствѣ деспотическомъ налоги должны быть очень легки. Иначе, кто захотѣлъ бы взять на себя трудъ заниматься тамъ земледѣліемъ? Да и какъ платить большія подати при правленіи, которое ничѣмъ не возмѣщаетъ подданному того, что получаетъ отъ него?

При страшной силѣ государя и удивительномъ безсиліи народа, надобно, чтобы между ними не было ничего сомнительнаго и двусмысленнага. Налоги должны быть такъ ясно установлены и взиманіе ихъ такъ легко, чтобы они не могли быть ни увеличиваемы, ни уменьщаемы по произволу сборщиковъ. Нѣкоторая часть отъ плодовъ земли, подушная подать, налогъ на товары по стольку-то на сто, — вотъ что единственно приличествуетъ такому правленію.

Хорошо, если въ деспотическомъ государствѣ купцамъ дается личная охрана [4]) и существуетъ обычай, заставляющій уважать ихъ; такъ какъ безъ этого они оказались бы слишкомъ безсильными въ случаѣ возможныхъ столкновеній съ чиновниками государя.

ГЛАВА XI.

О наказаніяхъ фискальныхъ.

Фискальныя кары представляютъ ту свойственную имъ особенность что, вопреки общей практикѣ, онѣ болѣе строги въ Европѣ, чѣмъ въ Азіи.

[1]) Штрафы и конфискаціи составляли значительную часть доходовъ откупа-

[2]) Право контроля, записи, или регистраціи.

[3]) Штемпельный сборъ былъ установленъ въ Голландіи, и оттуда перешелъ въ Англію и Францію. Къ несчастію, онъ не замѣнилъ налога на регистрацію, но только усилилъ его, будучи прибавленъ къ нему.

[4]) На Востокѣ, въ силу капитуляцій, франкскій купецъ состоялъ подъ покровительствомъ трибунала, составленнаго изъ франковъ и, слѣдовательно, независимаго.

Въ Европѣ конфискуютъ товары, иногда даже корабли и повозки, а въ Азіи не дѣлаютъ ни того, ни другого. Причина этого въ томъ, что, въ Европѣ, для купца есть судьи, которые могутъ оградить его отъ притѣсненія, между тѣмъ какъ деспотическіе судьи Азіи сами являются въ такомъ случаѣ притѣснителями. Что могъ бы сдѣлать купецъ противъ какого-нибудь паши, вздумавшаго конфисковать его товары?

Произволъ, видя себя вынужденнымъ къ нѣкоторому смягченію гнета, превозмогаетъ самого себя. Въ Турціи ввозная пошлина взимается только однажды, послѣ чего вся страна открывается купцамъ. Ложныя заявленія относительно товара не навлекаютъ ни конфискаціи, ни увеличенія платежей. Въ Китаѣ багажъ лицъ, не занимающихся торговлей, не подвергается освидѣтельствованію [1]). Въ странѣ Могола контрабанда наказывается не конфискаціей, а удвоеніемъ пошлины. Татарскіе государи [2]), обитающіе въ городахъ Азіи, не взимаютъ почти ничего съ провозимыхъ товаровъ. И если, въ Японіи, торговая контрабанда считается уголовнымъ преступленіемъ, то это объясняется желаніемъ этой страны не имѣть никакого сообщенія съ иностранцами, такъ что контрабанда [3]) является тамъ не столько нарушеніемъ законовъ торговли, сколько нарушеніемъ законовъ, созданныхъ для охраны безопасности государства.

ГЛАВА XII.

Отношеніе величины налоговъ къ свободѣ.

Общее правило: чѣмъ бо́льшею свободою пользуются подданные, тѣмъ бо́льшіе можно взимать съ нихъ налоги; и чѣмъ болѣе усиливается ихъ рабство, тѣмъ болѣе приходится понижать ихъ платежи. Такъ оно всегда было и такъ всегда будетъ. Это правило самой природы, всегда и вездѣ неизмѣнное: ему подчиняются всѣ страны: Англія, Голландія и всѣ государства, гдѣ свобода идетъ на убыль, вплоть до самой Турціи. Швейцарія является, повидимому, исключеніемъ, такъ какъ тамъ не платятъ податей; но особенная причина этого извѣстна, и она даже подтверждаетъ сказанное мною. На этихъ безплодныхъ горахъ пища такъ дорога и страна населена такъ густо, что швейцарецъ платитъ природѣ вчетверо больше, чѣмъ турокъ султану.

Народъ властелинъ, каковы были аѳиняне и римляне, можетъ освободить себя отъ всякаго налога, потому что онъ царитъ надъ подвласт-

---

[1]) О. Дю Гальдъ т. II, стр. 37. (М.).

[2]) *Исторія Татаръ*, часть III, стр. 290. (М.).

[3]) Желая вести торговлю съ иностранцами, не сообщаясь съ ними, японцы избрали двѣ націи: голландскую, для торговли съ Европой, и китайскую, для торговли съ Азіей. Комиссіонеры и матросы проживаютъ у нихъ какъ въ тюрьмѣ, испытывая стѣсненія, которыя заставляютъ ихъ терять всякое терпѣніе. (М.).

ными ему народами. Тогда онъ уже не платитъ пропорціонально своей свободѣ, такъ какъ, въ этомъ отношеніи, онъ уже не народъ, а монархъ.

Но общее правило остается неизмѣннымъ. Въ государствахъ умѣренныхъ есть вознагражденіе за тягость налоговъ—оно заключается въ свободѣ. Въ государствахъ деспотическихъ [1]) есть вознагражденіе за лишеніе свободы: оно заключается въ умѣренности налоговъ.

Въ нѣкоторыхъ монархіяхъ Европы встрѣчаются провинціи [2]), которыя, благодаря природѣ ихъ политическаго правленія, находятся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ прочія. Обыкновенно говорятъ, что онѣ слишкомъ мало платятъ, такъ какъ при менѣе добродушномъ правленіи онѣ могли бы платить больше, и при этомъ всегда является желаніе лишить ихъ самаго правленія, производящаго это благо, которое распространяется далеко, сообщается другимъ, и которымъ было бы гораздо лучше пользоваться побольше.

ГЛАВА XIII.

При какихъ видахъ правленія налоги могутъ быть увеличиваемы.

Налоги могутъ быть увеличиваемы въ большей части республикъ, потому что гражданинъ, думающій, что онъ платитъ ихъ самому себѣ, имѣетъ желаніе, а равно—благодаря природѣ этого правленія [3])—имѣетъ, обыкновенно, и возможность платить ихъ.

Въ монархіи можно увеличивать налоги, потому что умѣренность правленія способствуетъ накопленію богатствъ: это какъ бы награда государю за то, что онъ уважаетъ законы.

Въ государствѣ деспотическомъ нельзя увеличивать налоги, потому что нельзя увеличить доведенное до крайней степени рабство.

ГЛАВА XIV.

Объ отношеніи природы налоговъ къ образу правленія.

Налогъ подушный болѣе свойственъ рабству; налогъ на товары болѣе свойственъ свободѣ, потому что онъ менѣе непосредственнымъ образомъ относится къ лицу плательщика.

Въ правленіи деспотическомъ государь обыкновенно не даетъ денегъ своимъ воинамъ и людямъ своего двора, но надѣляетъ ихъ землями,

---

[1]) Въ Россіи налоги не велики; они увеличились съ ослабленіемъ деспотизма. См. *Исторію Татаръ*, часть II. (М.).

[2]) Провинціи государственныя (во Франціи). Государственныя провинціи имѣли право сами опредѣлять цифру своихъ налоговъ; но при Людовикѣ XIV и его пріемникахъ это право стало болѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ. Дворъ заранѣе назначалъ цифру, до которой должна была возвыситься щедрость государственныхъ провинцій. Но и въ этомъ все же видѣлся слѣдъ старинной французской свободы.

[3]) См. XIX, xxvii.

вслѣдствіе чего тамъ взимаютъ немного налоговъ. Если-же государь хочетъ платить деньгами, то наиболѣе естественнымъ налогомъ будетъ въ такомъ случаѣ подушный налогъ. Но этотъ налогъ долженъ быть по необходимости очень умѣренъ, потому что, такъ какъ тамъ невозможно распредѣлять плательщиковъ на различные классы, вслѣдствіе того, что при несправедливости и жестокости правленія это повело бы къ злоупотребленіямъ, то необходимость заставляетъ сообразоваться, при опредѣленіи величины налога, съ тѣмъ, что могутъ платить наиболѣе бѣдные люди.

Для правленія умѣреннаго самый естественный налогъ есть налогъ на товары. Этотъ налогъ, въ дѣйствительности уплачиваемый покупателемъ, хотя и взимаемый съ продавца, есть ссуда, получаемая отъ купца покупателемъ: поэтому въ купцѣ надо видѣть общаго должника государства и кредитора всѣхъ отдѣльныхъ лицъ. Онъ напередъ уплачиваетъ государству налогъ, который когда-нибудь будетъ ему уплаченъ покупателемъ; и онъ уже уплатилъ за покупателя налогъ, уплативъ его за свои товары. Понятно, поэтому, что чѣмъ умѣреннѣе образъ правленія, чѣмъ болѣе царствуетъ въ немъ духъ свободы, и чѣмъ въ большей безопасности находятся имущества, тѣмъ легче будетъ купцу вносить впередъ государству и давать въ ссуду частнымъ лицамъ большіе налоги. Въ Англіи купецъ платитъ государству отъ пятидесяти до шестидесяти фунтовъ стерлинговъ съ каждой получаемой имъ бочки вина. Какой купецъ рѣшился бы сдѣлать нѣчто подобное этому въ странѣ, управляемой какъ Турція? А если бы онъ рѣшился, то какъ могъ-бы онъ сдѣлать это при своемъ неогражденномъ, невѣрномъ и разоренномъ имуществѣ?

ГЛАВА XV.

Злоупотребленіе свободой.

Большія выгоды, приносимыя свободой, привели къ тому, что стали злоупотреблять даже и ею. Видя, что умѣренное правленіе дало превосходные результаты, положили разстаться съ этой умѣренностью, извлекая большіе налоги, пожелали извлекать налоги чрезмѣрные; и, не вѣдая руки свободы, приносившей всѣ эти дары, обратились къ рабству, которое всегда безплодно.

Свобода привела къ чрезмѣрнымъ налогамъ; но чрезмѣрные налоги приводятъ къ рабству, а рабство приводитъ къ уменьшенію налоговъ.

Азіатскіе монархи издаютъ ежегодно указы, избавляющіе отъ налоговъ какую нибудь провинцію ихъ государства [1]): каждое изъявленіе ихъ воли—благодѣяніе. У насъ-же, въ Европѣ [2]), указы государей огорчаютъ

[1]) Таковъ обычай китайскихъ императоровъ. (М.).
[2]) Читайте: во Франціи.

подданныхъ даже прежде, чѣмъ станетъ извѣстно ихъ содержаніе, потому что тамъ всегда говорится о нуждахъ государей и никогда—о нуждахъ подданныхъ.

Изъ непростительной безпечности, которою правители этихъ странъ [1]) обязаны образу правленія, и часто—климату, народы извлекаютъ ту выгоду, что ихъ не обременяютъ безпрестанно новыми требованіями. Расходы тамъ не возрастаютъ, потому что тамъ не выдумываютъ новыхъ проектовъ, а если подчасъ и выдумаютъ, то это проекты съ видимымъ концомъ, а не съ однимъ только началомъ. Лица, управляющія государствомъ, не держатъ его въ постоянной тревогѣ, потому что они сами не находятся во всегдашней тревогѣ. Но что касается до насъ, то установить какой нибудь порядокъ въ нашихъ финансахъ нѣтъ возможности, потому что мы всегда знаемъ, что будемъ что-то дѣлать, и никогда не знаемъ, что именно.

У насъ великимъ министромъ называютъ уже не того, кто благоразумно распредѣляетъ общественные доходы, но того, кто отличается изворотливостью и всегда находитъ средства выпутаться.

ГЛАВА XVI.

О завоеваніяхъ магометанства.

Чрезмѣрные налоги [2]) были причиной той удивительной легкости, съ которою магометане совершали свои завоеванія. Непрерывный рядъ тяжкихъ поборовъ, изобрѣтаемыхъ жадностью императоровъ, они замѣняли однимъ простымъ налогомъ, который было легко и уплачивать и взимать; и народы предпочитали повиноваться этимъ варварамъ, чѣмъ испорченному правительству, подъ властью котораго имъ приходилось претерпѣвать всѣ тягости уже не существующей свободы вмѣстѣ со всѣми ужасами существующаго рабства [3]).

ГЛАВА XVII.

Объ увеличеніи войска.

Новая болѣзнь распространилась въ Европѣ; она захватила нашихъ государей и заставила ихъ безмѣрно увеличивать число своихъ войскъ. Она усиливается и становится заразительной, ибо какъ скоро одно государство увеличиваетъ то, что оно называетъ своими войсками, другія

---

[1]) Странъ азіатскихъ.

[2]) Читайте въ исторіи примѣры размѣровъ, необычайности и даже безумія этихъ налоговъ. Анастасій выдумалъ налогъ за право дышать воздухомъ: *ut quisque pro haustu aëris penderet.* (М.). Полагаю, что этотъ налогъ не болѣе страненъ, чѣмъ нашъ налогъ на двери и окна.

[3]) Кн. X, гл. IV.

тотчасъ-же дѣлаютъ то-же самое, такъ что въ результатѣ не получается ничего, кромѣ общаго разоренія. Каждый монархъ держитъ наготовѣ столько войска, сколько ему пришлось-бы имѣть развѣ въ случаѣ, когда его народамъ угрожало-бы истребленіе; и эти усилія всѣхъ противъ всѣхъ называютъ миромъ [1]). Не мудрено, что Европа до того разорена, что если бы частныя лица находились въ положеніи трехъ самыхъ богатыхъ державъ этой части свѣта [2]), то имъ нечѣмъ было бы жить. Мы бѣдны съ богатствами и торговлей всего міра, и при нашемъ желаніи побольше солдатъ скоро ничего не будемъ имѣть, кромѣ солдатъ, и станемъ подобны татарамъ [3]).

Большія государства, не довольствуясь покупками войска у мелкихъ государей [4]), стараются покупать себѣ повсюду союзниковъ, т. е. почти всегда бросать деньги даромъ.

Слѣдствіемъ такого положенія является непрерывное возростаніе налоговъ, и еще то, устраняющее всякую возможность исцѣленія обстоятельство, что на веденіе войнъ истрачиваются уже не доходы, а самый капиталъ [5]). И уже теперь не удивительно видѣть государства, закладывающія свои земли даже во время мира и употребляющія, для собственнаго разоренія, средства, которыя они называютъ чрезвычайными, и которыя, дѣйствительно, до того чрезвычайны, что самый расточительный молодой человѣкъ едва ли могъ бы вообразить ихъ [6]).

ГЛАВА XVIII.

О сложеніи налоговъ.

Обычай великихъ имперій Востока слагать налоги съ пострадавшихъ провинцій слѣдовало бы ввести и въ государствахъ монархическихъ. Во многихъ изъ нихъ онъ и введенъ [7]), но сталъ для нихъ только лишнимъ отягощеніемъ, такъ какъ тамъ государь не уменьшаетъ общей цифры на-

---

[1]) Правда, что эти усилія и поддерживаютъ главнымъ образомъ равновѣсіе, доводя до изнеможенія великія державы. (М.).

[2]) Англія, Франція, Голландія. Кн. XXI, гл. XXI.

[3]) Для этого надо бы только воспользоваться новымъ изобрѣтеніемъ, милиціи (народныхъ ополченій), установленныхъ почти во всей Европѣ, и довести ихъ до той же крайности, до которой доведены регулярныя войска. (М.).

[4]) Людовикъ XIV и Людовикъ XV держали на жалованіи нѣмецкіе и швейцарскіе полки.

[5]) Посредствомъ займовъ.

[6]) Что бы Монтескье сказалъ нынѣ? Система вооруженной націи, введенная пруссіей, повела къ побѣдамъ 1870 г. и къ подавленію Франціи; но естественнымъ слѣдствіемъ этой побѣды и превосходства нѣмецкихъ армій будетъ то, что и прочія государства Европы станутъ, по примѣру Пруссіи, вооружать всѣхъ своихъ подданныхъ. Въ результатѣ можетъ получиться только всеобщее истощеніе и истребительная война. Окажется, что Пруссія отодвинула цивилизацію назадъ на нѣсколько столѣтій.

[7]) Во Франціи.

логовъ, взимаемыхъ со всего государства, вслѣдствіе чего все государство и становится солидарнымъ въ уплатѣ ихъ. Чтобы облегчить одну деревню, которая платитъ неисправно, обременяютъ другую, которая платитъ исправнѣе, и, не оказавъ существенной помощи первой, разоряютъ послѣднюю. Поставленный между необходимостью платить изъ страха вымогательствъ и опасностью платить изъ страха надбавки, народъ приходитъ въ отчаяніе.

Государство, хорошо управляемое, должно всегда держать въ запасѣ опредѣленную сумму на неожиданныя нужды. Общество подобно отдѣльнымъ лицамъ, которыя разоряются, если расходуютъ безъ остатка доходы съ своихъ земель.

Круговая порука между жителями одного и того же села оправдывалась [1]) тѣмъ, что можно предположить съ ихъ стороны заговоръ съ цѣлью обмана. Но не безсмысленно ли установливать на основаніи однихъ предположеній вещь, которая сама по себѣ несправедлива и разорительна для государства?

ГЛАВА XIX.

Что выгоднѣе для государя и народа: отдача на откупъ налоговъ или казенное управленіе ими?

Казенное управленіе есть управленіе хорошаго семьянина, который самъ расчетливо и благоразумно завѣдуетъ своими доходами.

При казенномъ управленіи государь властенъ ускорять или замедлять взиманіе налоговъ, смотря по собственнымъ нуждамъ или нуждамъ своихъ народовъ. При казенномъ управленіи онъ сохраняетъ для государства, огромные барыши откупщиковъ [2]), которые разоряютъ страну всевозможными способами. При казенномъ управленіи онъ избавляетъ народъ отъ огорчающаго его зрѣлища внезапнаго обогащенія. При казенномъ управленіи собранныя деньги переходятъ черезъ немногія руки; онѣ идутъ прямо къ государю и, слѣдовательно, скорѣе возвращаются къ народу. При казенномъ управленіи государь избавляетъ народъ отъ безчисленнаго множества дурныхъ законовъ, всегда вынуждаемыхъ у него жадностью откупщиковъ, преслѣдующихъ выгоды настоящаго посредствомъ мѣропріятій, гибельныхъ для будущаго.

И такъ какъ человѣкъ, у котораго есть деньги, всегда имѣетъ нѣкоторую власть надъ тѣмъ, у кого ихъ нѣтъ, то откупщикъ пріобрѣтаетъ деспотическую власть даже надъ самимъ государемъ; онъ не можетъ самъ издавать законы, но заставляетъ государя издавать ихъ.

---

[1]) Ср. *Трактатъ о финансахъ римлянъ*, гл. II, напечатанный въ Парижѣ у Бріассона въ 1740 г. (М.).

[2]) Откупщиковъ налоговъ (Fermiers généraux).

Допускаю, что иногда бываетъ полезно начать съ отдачи на откупъ какого нибудь вновь установленнаго налога. Для предупрежденія обмановъ нужны искуство и изобрѣтательность, къ которымъ неспособны чиновники, но которыя естественно внушаются откупщику его личнымъ интересомъ; но какъ скоро система взиманія установлена откупщикомъ, можно съ успѣхомъ перейти къ казенному управленію. Въ Англіи система управленія акцизомъ и почтовыми доходами, въ томъ видѣ, какъ она теперь существуетъ, была заимствована у откупщиковъ [1]).

Въ республикахъ, доходы государства почти всегда находятся въ казенномъ управленіи. Противоположный этому порядокъ былъ большимъ недостаткомъ правленія Рима [2]). Въ государствахъ деспотическихъ, гдѣ установлено казенное управленіе, народы безконечно счастливѣе: примѣры Персіи и Китая [3]) свидѣтельствуютъ о томъ. Несчастнѣе же всего тѣ страны, гдѣ государь отдаетъ на откупъ морскіе порты и торговые города. Исторія монархій переполнена примѣрами золъ, причиненныхъ откупщиками.

Неронъ, возмущенный вымогательствами сборщиковъ податей, задался невозможнымъ и великодушнымъ проектомъ отмѣны всѣхъ налоговъ [4]). Онъ не изобрѣлъ казеннаго управленія, но издалъ четыре указа, которыми повелѣвалось: чтобы законы, изданные противъ откупщиковъ и до сихъ поръ содержавшіеся въ тайнѣ, были обнародованы; чтобы откупщики лишались права взыскивать то, о чемъ они не заявляли требованій въ продолженіе года; чтобы былъ назначенъ преторъ для обсужденія ихъ требованій безъ всякихъ формальностей; чтобы купцы были избавлены отъ уплаты пошлинъ за свои суда [5]). Вотъ хорошіе дни царствованія этого императора.

ГЛАВА XX.

Объ откупщикахъ налоговъ.

Все погибло, если корыстная профессія откупщиковъ сдѣлается, благодаря ихъ богатствамъ, еще и уважаемой профессіей. Послѣднее можетъ

---

[1]) Въ изд. А. и В. этого параграфа нѣтъ.

[2]) Цезарь, какъ сообщаетъ Діонъ въ кн. XLII, гл. VI, былъ вынужденъ отмѣнить откупщиковъ въ провинціи Азіи и замѣнить ихъ инымъ родомъ управленія. А Тацитъ (*Анналы*, кн. I, гл. LXXVI) говоритъ намъ, что Македонія и Ахайя, провинціи, предоставленныя Августомъ римскому народу и потому управлявшіяся по старому порядку, добились присоединенія ихъ къ числу тѣхъ, которыми императоръ управлялъ посредствомъ своихъ чиновниковъ. (М.).

[3]) См. Шардэнъ, *Путешествіе по Персіи*, т. VI. (М.).

[4]) Тацитъ, *Анналы*, кн. XIII, гл. L.

[5]) Тацитъ, *Анналы*, кн. XIII, LI. (М.). *Ut leges cujusque publici, occultae ad id tempus, proscriberentur*, другими словами чтобы условія, поставленныя государствомъ сборщикамъ для каждаго рода налога въ договорѣ, были объявлены публично. Очевидно, что Монтескье не понялъ слова *publicum*. (Кревье).

быть умѣстно въ государствахъ деспотическихъ, гдѣ должность ихъ нерѣдко составляетъ часть служебныхъ обязанностей самихъ губернаторовъ. Но оно неумѣстно въ республикѣ, и нѣчто въ такомъ родѣ было причиной паденія римской республики. Не менѣе неумѣстно оно и въ монархіяхъ: нѣтъ ничего противнѣе духу этого правленія. Люди всѣхъ прочихъ состояній проникаются отвращеніемъ, честь перестаетъ уважаться, медленныя и естественныя средства отличиться пренебрегаются, и правленіе поражено въ самомъ своемъ принципѣ.

Не мало видѣли и въ прошлыя времена скандальныхъ обогащеній; это было одно изъ бѣдствій пятидесятилѣтней войны; но тогда презирали эти богатства, а мы восхищаемся ими [1]). У всякаго занятія — свой удѣлъ. Удѣлъ тѣхъ, которые собираютъ налоги и богатства — и есть это самое богатство. Честь и слава — удѣлъ знати, которая не знаетъ, не видитъ, не понимаетъ иного истиннаго блага кромѣ славы и чести. Почетъ и уваженіе остаются на долю тѣхъ министровъ и чиновниковъ, которые, получая въ награду за трудъ новые труды, дни и ночи трудятся неустанно на пользу государства.

Часть третья.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

О законахъ въ ихъ отношеніяхъ къ свойствамъ климата.

ГЛАВА I.

Общая идея [2]).

Если справедливо, что характеръ ума и страсти сердца чрезвычайно различны въ различныхъ климатахъ, то законы должны соотвѣтствовать и различію этихъ страстей, и различію этихъ характеровъ [3]).

[1]) Эти размышленія пришлись не по вкусу откупщикамъ, и, когда появился *Духъ законовъ*, они заявили свои жалобы. Объ этомъ можно судить по слѣдующему отрывку изъ письма Монтескье, написаннаго въ 1749 г. къ его другу кавалеру д'Эйди (d'Aydies):

«Мой дорогой кавалеръ, съ чего это дѣловые люди сочли себя обиженными? Я сказалъ, что кавалеры (всадники) Рима, которые обдѣлывали свои дѣла гораздо лучше, чѣмъ вы, нынѣшніе кавалеры, погубили республику, и я не только сказалъ, но и доказалъ это. Зачѣмъ же они принимаютъ на свой счетъ то, чего я имъ въ счетъ не ставлю?»

Что бы ни говорилъ Монтескье, откупщики считали себя затронутыми его книгой и они были правы.

[2]) Защита *Духа законовъ*, часть вторая: *Климатъ*.

[3]) Изо всѣхъ теорій Монтескье всего болѣе надѣлала шума теорія климата

ГЛАВА II.

Насколько люди различны въ различныхъ климатахъ

Холодный воздухъ [1]) производитъ сжатіе мышцъ внѣшнихъ конечностей нашего тѣла, отчего напряженіе ихъ увеличивается и усиливается притокъ крови отъ конечностей къ сердцу. Онъ уменьшаетъ длину [2]) этихъ мышцъ и такимъ образомъ еще болѣе увеличиваетъ ихъ силу. Наоборотъ, теплый воздухъ ослабляетъ мышцы конечностей, растягиваетъ ихъ и, слѣдовательно, уменьшаетъ ихъ силу и ихъ упругость.

Поэтому въ холодныхъ климатахъ люди крѣпче. Дѣятельность сердца и реакція конечностей волоконъ тамъ совершаются лучше, жидкости находятся въ большемъ равновѣсіи, кровь энергичнѣе стремится къ сердцу и, въ свою очередь, сердце обладаетъ болѣе значительною силою. Эта болѣе значительная сила должна производить не мало послѣдствій, каковы напримѣръ: большее довѣріе къ самому себѣ т. е. болѣе мужества; большее сознаніе своего превосходства т. е. менѣе желанія мстить; большая увѣренность въ своей безопасности, т. е. больше прямоты, меньше подозрительности, политиканства и хитрости. Поставьте человѣка въ жаркое и замкнутое помѣщеніе, и онъ, по вышеуказаннымъ причинамъ, ощутитъ очень сильное разслабленіе. И если бы, при такихъ обстоятельствахъ, къ нему обратились съ призывомъ на какой нибудь отважный поступокъ, то, полагаю, онъ выказалъ бы очень мало расположенія къ этому; ощущаемое имъ разслабленіе лишитъ его душевной бодрости: онъ будетъ бояться всего, потому что будетъ чувствовать себя ни къ чему неспособнымъ. Народы жаркихъ климатовъ робки, какъ старики; народы холодныхъ климатовъ отважны, какъ юноши. Обративъ вниманіе на послѣднія войны [3]), которыя по своей близости къ намъ даютъ намъ болѣе возможности подмѣтить нѣкоторыя легкія и незамѣтныя издали вліянія, мы увидимъ, что народы сѣвера, перенесенные въ южныя страны [4]), оказались тамъ неспособными къ тѣмъ прекраснымъ подвигамъ, которые совершали ихъ соотечественники, потому что, сражаясь въ своемъ родномъ климатѣ они обладали всѣмъ своимъ мужествомъ.

и его вліянія. Огромное значеніе, которое она приписываетъ дѣйствію физическихъ причинъ на жизнь людей, поразило умы современниковъ и послужило поводомъ къ безчисленнымъ обвиненіямъ противъ ея автора. Надо, однако, признать, что климатъ играетъ слишкомъ большую роль въ образованіи обычаевъ и характера отдѣльныхъ лицъ и народовъ, чтобы можно было не принимать его въ расчетъ. Но не преувеличилъ ли его значеніе Монтескье? Это другой вопросъ, который предстоитъ рѣшать читателю.

[1]) Это замѣтно и на глазъ: въ холодѣ человѣкъ кажется худощавѣе. (М.).

[2]) Извѣстно, что желѣзо отъ него сокращается. (М.).

[3]) Войны за испанское наслѣдство. (М.).

[4]) Напримѣръ, въ Испанію.

Благодаря силѣ своихъ мышцъ, народы сѣвера извлекаютъ изъ пищи самые грубые соки. Отсюда два послѣдствія: первое заключается въ томъ, что частицы лимфы, вслѣдствіе значительнаго ихъ размѣра, крѣпче утверждаются въ волокнахъ и лучше питаютъ ихъ; а второе—въ томъ, что, по причинѣ своей грубости, онѣ менѣе способны придавать нѣкоторую остроту нервному соку. У этихъ народовъ, поэтому, будутъ большія тѣла и мало живости.

Нервы, которые со всѣхъ сторонъ примыкаютъ къ нашей кожной ткани, оканчиваются каждый, нервнымъ пучкомъ. Обыкновенно возбуждается не весь нервъ, а лишь безконечно малая часть его. Въ жаркихъ климатахъ, гдѣ кожная ткань ослаблена, концы нервъ развернуты и доступны самому малому дѣйствію самыхъ слабыхъ впечатлѣній. Въ холодныхъ странахъ кожная ткань сокращена, бугорки ея сжаты и малые нервные сосочки какъ бы парализованы; впечатлѣніе доходитъ до мозга лишь когда оно чрезвычайно сильно и овладѣваетъ всѣмъ нервомъ цѣликомъ. Но извѣстно, что воображеніе, вкусъ, чувствительность и живость зависятъ отъ воспріимчивости къ безконечному множеству малыхъ впечатлѣній.

Я наблюдалъ внѣшнюю ткань языка овцы въ томъ мѣстѣ, гдѣ она является для невооруженнаго глаза покрытой бугорками. Вооружившись микроскопомъ, и замѣтилъ, что эти бугорки были покрыты волосиками, чѣмъ-то въ родѣ пуха; а между бугорками находились пирамидки, которыя заканчивались какъ-бы кисточками. Есть большая вѣроятность, что эти пирамидки и составляютъ главный органъ вкуса.

Я заморозилъ одну половину этого языка и увидѣлъ простымъ глазомъ, что бугорки значительно уменьшились, а нѣсколько рядовъ ихъ углубились въ ткань. Обозрѣвъ ткань въ микроскопъ, я уже совсѣмъ не увидѣлъ пирамидокъ. По мѣрѣ того какъ языкъ оттаивалъ, бугорки, видимо для простого глаза, приподнимались; а при наблюденіи въ микроскопъ, замѣтно было и появленіе нервныхъ кисточекъ.

Это наблюденіе подтверждаетъ сказанное мною о томъ, что въ холодномъ климатѣ нервныя кисточки менѣе развернуты: онѣ углубляются въ свои влагалища, которыя и прикрываютъ ихъ отъ дѣйствія внѣшнихъ предметовъ, понижая такимъ образомъ живость ощущеній.

Въ холодныхъ климатахъ чувствительность человѣка къ наслажденіямъ будетъ очень малая; она будетъ болѣе значительна въ странахъ умѣреннаго климата и чрезвычайно сильна въ жаркихъ странахъ. Подобно тому, какъ различаютъ климаты по градусамъ широты, можно бы различать ихъ и по степенямъ чувствительности. Я видѣлъ оперы въ Италіи и Англіи; тѣ-же были пьесы и тѣ-же актеры; но одна и та-же музыка производила на людей обѣихъ націй впечатлѣніе столь различное, такъ мало возбуждало одну и приводила въ такой восторгъ другую, что все это казалось непонятнымъ.

То-же самое и съ ощущеніемъ боли: она возбуждается въ насъ разрывомъ нѣкоторыхъ волоконъ нашего тѣла. Создатель природы устроилъ такъ, что это боль ощущается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ значительнѣе будутъ эти разрывы. Но очевидно, что массивныя тѣла и грубыя волокна народовъ Сѣвера, способны подвергаться такому разстройству менѣе, чѣмъ нѣжныя волокна народовъ жаркихъ странъ; душа ихъ, поэтому, менѣе чувствительна къ ощущенію боли. Чтобы пробудить въ москвитянинѣ чувствительность, надо съ него содрать кожу.

При такой нѣжности органовъ людей жаркихъ странъ, душа ихъ въ высшей степени воспріимчива ко всему, что касается до соединенія обоихъ половъ: тамъ все ведетъ къ этому предмету.

Въ климатахъ сѣвера, физическая сторона любви едва ощущается съ достаточной силой; въ климатахъ умѣренныхъ любовь, сопровождаемая тысячами аксессуаровъ, прельщаетъ разными вещами, которыя кажутся самою любовью, не будучи еще, однако, ею; въ климатахъ болѣе теплыхъ, любовь любятъ ради нея самой; тамъ она единственная причина счастья; тамъ она сама жизнь.

Въ южныхъ странахъ, организмъ нѣжный, слабый, но чувствительный, предается любви, которая, зародившись въ сералѣ, безпрерывно удовлетворяется, а при болѣе независимомъ положеніи женщинъ подвергается множеству тревогъ. Въ сѣверныхъ странахъ, организмъ здоровый, крѣпко сложенный, но неуклюжій, находитъ удовольствіе во всякой дѣятельности, которая можетъ расшевелить душу: въ охотѣ, странствованіяхъ, войнѣ и винѣ. Въ климатахъ сѣвера вы увидите людей [1]), у которыхъ мало пороковъ, не мало добродѣтелей и много искренности и прямодушія. По мѣрѣ приближенія къ югу [2]), вы какъ бы удаляетесь отъ самой морали: тамъ вмѣстѣ съ усиленіемъ страстей умножаются преступленія, и каждый старается взять верхъ надъ другимъ во всемъ, что можетъ благопріятствовать этимъ страстямъ. Въ странахъ умѣреннаго климата [3]), вы увидите народы, непостоянные въ своемъ образѣ жизни и даже въ своихъ порокахъ и добродѣтеляхъ, такъ какъ недостаточно опредѣленныя свойства этого климата не въ состояніи даже и имъ дать устойчивость.

Въ климатѣ чрезмѣрно жаркомъ тѣло совершенно лишается силы. Тогда подавленность тѣла человѣка переходитъ и на душу: онъ равнодушенъ по всему, не любопытенъ, не способенъ ни къ какому благородному дѣянію, ни къ какому великодушію; всѣ его склонности пріобрѣтаютъ пассивный характеръ; лѣнь становится счастіемъ; тамъ предпочитаютъ выносить наказанія, чѣмъ принуждать себя къ дѣятельности духа,

---

[1]) Англія, Голландія, Германія.
[2]) Испанія и Италія.
[3]) Читайте: во Франціи.

и рабство кажется болѣе легкимъ, чѣмъ усилія разума, необходимыя для того, чтобы управлять самимъ собою.

ГЛАВА III.

Противорѣчія въ характерѣ нѣкоторыхъ южныхъ народовъ.

Индійцы [1]), по самой природѣ своей, лишены мужества. Даже дѣти [2]) европейцевъ, рожденныя въ Индіи утрачиваютъ мужество, свойственное изъ климату. Но какъ совмѣстить съ этимъ ихъ свирѣпыя дѣянія, ихъ обычаи и варварскія наказанія? Мужчины тамъ подвергаются невѣроятнымъ мукамъ, а женщины сами себя сожигаютъ: вотъ сколько силы при такой слабости.

Природа, давшая этимъ людямъ слабость, которая дѣлаетъ ихъ робкими, дала имъ вмѣстѣ съ тѣмъ воображеніе, до того живое, что оно всѣмъ поражается выше мѣры. Та-же самая чувствительность органовъ, которая заставляетъ ихъ бояться смерти, заставляетъ ихъ также страшиться многаго болѣе смерти. И та-же самая чувствительность, которая заставляетъ ихъ избѣгать опасностей, позволяетъ имъ презирать эти опасности.

Подобно тому какъ хорошее воспитаніе болѣе необходимо для дѣтей, чѣмъ для людей зрѣлаго ума, такъ и народы этихъ климатовъ болѣе нуждаются въ мудромъ законодателѣ, чѣмъ народы нашего климата. Чѣмъ люди впечатлительнѣе, тѣмъ важнѣе, чтобы получаемыя ими впечатлѣнія были хорошаго качества, чтобы имъ не внушались предразсудки и чтобы они были руководимы разумомъ.

Во времена Римлянъ, народы сѣверной Европы жили безъ искусствъ, безъ воспитанія и почти безъ законовъ, и однако, посредствомъ одного только здраваго разсудка, связаннаго съ грубыми волокнами этихъ климатовъ, они съ удивительной мудростью противостояли римскому могуществу [3]) до тѣхъ поръ пока не вышли изъ своихъ лѣсовъ, чтобы разрушить его.

ГЛАВА IV.

Причина неизмѣняемости религіи, нравовъ, обычаевъ и законовъ въ странахъ Востока.

Если къ этой нѣжности органовъ, благодаря которой народы Востока получаютъ самыя сильныя въ мірѣ впечатлѣнія, вы присоедините нѣко-

---

[1]) «Сто европейскихъ солдатъ, говоритъ Тавернье, безъ труда одолѣютъ тысячу солдатъ индійскихъ». (М.).

[2]) Даже Персы, поселившіеся въ Индіи, заражаются въ третьемъ поколѣніи индійской безпечностью и трусливостью. См. Бернье, *Sur le Mogol*, т. I, стр. 282. (М.).

[3]) Сила варваровъ заключалась въ слабости Рима. Что же касается до *удивительной мудрости* германцевъ, готовъ и гунновъ, то было бы весьма трудно представить историческое доказательство этого.

торую лѣность ума, естественно связанную съ такою-же лѣнью тѣла, и дѣлающею ихъ неспособными ни къ какому подвигу, ни къ какому усилію, ни къ какому самообладанію, вы поймете почему душа ихъ, разъ воспринявъ впечатлѣнія, не можетъ уже болѣе измѣнить ихъ. Вотъ отчего законы, нравы [1]) и обычаи, даже такіе, повидимому, безразличные, какъ тѣ, которые касаются одежды, остаются и теперь на Востокѣ такими, какими они были тысяча лѣтъ тому назадъ.

ГЛАВА V.

О томъ, что дурные законодатели—тѣ, которые поощряли пороки, порожденные климатомъ, а хорошіе — тѣ, которые боролись съ этими пороками.

Индійцы полагаютъ, что покой и небытіе составляютъ основу и конецъ всего существующаго. Полная бездѣятельность является для нихъ самымъ совершеннымъ состояніемъ и главнымъ предметомъ ихъ желаній. Они даютъ верховному [2]) существу названіе неподвижнаго. Жители Сіама полагаютъ высшее блаженство [3]) въ томъ, чтобы не быть обязаннымъ одушевлять организмъ и приводить въ движеніе тѣло.

Въ этихъ странахъ, гдѣ чрезмѣрный жаръ обезсиливаетъ и подавляетъ, покой доставляетъ такое наслажденіе, а движеніе такъ тягостно, что эта метафизическая система кажется вполнѣ естественной, и Фо [4]), законодатель Индіи, слѣдовалъ внушенію собственныхъ чувствъ, рекомендуя людямъ состояніе полной пассивности; но его ученіе, порожденное созданной климатомъ лѣнью и въ свою очередь поощряющее эту лѣнь, причинило тысячи золъ.

Законодатели Китая [5]) явили болѣе здраваго смысла: имѣя въ виду не то состояніе покоя, къ которому нѣкогда придутъ люди, а ту дѣятельность, которая имъ необходима для выполненія житейскихъ обязанностей, они дали своей религіи, своей философіи и своимъ законамъ направленіе совершенно практическое. Чѣмъ болѣе физическія причины склоняютъ людей къ покою, тѣмъ болѣе слѣдуетъ удалять ихъ отъ него воздѣйствіемъ причинъ моральныхъ.

---

[1]) Изъ фрагмента Николая Дамасскаго, приводимаго у Константина Порфиророднаго, видно, что обычай отправлять посланныхъ, для удушенія неугоднаго правителя, былъ очень древнимъ обычаемъ Востока; онъ относится ко временамъ мидянъ. (М.).

[2]) Панаманакъ. См. Кирхера. (М.).

[3]) La Loubère, Сообщеніе о Сіамѣ, стр. 446. (М.).

[4]) Фо пытается свести сердце къ нулю. «У насъ есть глаза и уши; но совершенство въ томъ, чтобы не видѣть и не слышать; есть ротъ и руки и т. д., но совершенство въ томъ, чтобы они оставались въ бездѣйствіи». Это извлечено изъ разсужденія китайскаго философа, сообщеннаго О. дю Гальдомъ, т. III. (М.). Такова основа религіи буддистовъ. Извѣстно, что Фо есть китайское имя Сакіа-Муни, Будды.

[5]) Т. е. Конфуцій и его школа.

ГЛАВА VI.

О воздѣлываніе земель въ жаркихъ климатахъ.

Земледѣліе—самый большой трудъ людей. Чѣмъ болѣе климатъ побуждаетъ ихъ избѣгать этого труда, тѣмъ болѣе они должны быть поощряемы къ нему религіей и законами. Поэтому законы Индіи, которые отдаютъ земли государямъ и лишаютъ частныхъ лицъ духа собственности, усиливаютъ невыгодныя вліянія климата, т. е. производимую имъ лѣность.

ГЛАВА VI.

О монашествѣ.

Такое-же зло производитъ тамъ и монашество; оно родилось въ жаркихъ странахъ Востока, гдѣ люди болѣе склонны къ созерцанію, чѣмъ къ дѣятельности.

Въ Азіи количество дервишей или монаховъ видимо возрастаетъ вмѣстѣ съ жаромъ климата; Индія, гдѣ этомъ жаръ доходитъ до крайности, переполнена ими; то-же отношеніе встрѣчается и въ Европѣ.

Чтобы побѣдить внушаемую климатомъ лѣнь, законы должны бы лишить людей всякой возможности жить не работая; но на югѣ Европы они дѣйствуютъ въ совсѣмъ обратномъ направленіи: они ставятъ людей, желающихъ быть праздными, въ положенія, приноровленныя къ созерцательной жизни и связываютъ съ этимъ положеніемъ огромныя богатства. Эти люди, живя въ изобиліи, которое даже тяготитъ ихъ, естественно удѣляютъ свои излишки простому народу. Послѣдній утратилъ собственность; они вознаграждаютъ его за это, давая ему возможность наслаждаться праздностью и этимъ доводятъ его до того, что онъ начинаетъ любить даже свою нищету [1]).

ГЛАВА VIII.

Хорошій китайскій обычай.

Въ описаніяхъ Китая [2]), разсказывается о церемоніи [3]) открытія земледѣльческихъ работъ, ежегодно отправляемой императоромъ. Цѣль этого публичнаго и торжественнаго акта—поощрить народъ [4]) къ хлѣбопашеству.

Сверхъ того императора каждый годъ извѣщаютъ о наиболѣе отличив-

---

[1]) *Персидскія письма*, CXVII; русск. пер. (СПБ. 1892), стр. 247.

[2]) О. дю Гальдъ, *Исторія Китая*, т. II, стр. 72. (М.).

[3]) Многіе государи Индіи дѣлаютъ то же самое: La Loubère, *Сообщеніе о Сіамскомъ королевствѣ*, стр. 69. (М.).

[4]) Венъ-тю, третій императоръ третьей династіи обрабатывалъ землю собственными руками; а императрица съ ея придворными дамами занималась въ его дворцѣ обработкой шелка. *Исторія Китая*. (М.).

шимся въ своемъ дѣлѣ земледѣльцѣ, котораго онъ и производитъ въ мандарины восьмого разряда [1]).

У древнихъ [2]) персовъ восьмой день мѣсяца Chorrem ruz государи покидали свои пиршества, чтобы раздѣлять пищу съ пахарями. Все это превосходныя установленія для поощренія земледѣлія.

ГЛАВА IX.

Способы поощренія промышленности.

Въ книгѣ XIX я покажу, что лѣнивыя націи обыкновенно отличаются тщеславіемъ. Можно-бы обратить слѣдствіе противъ его причины и одолѣвать лѣнь посредствомъ тщеславія. На югѣ Европы, гдѣ народы такъ чувствительны къ почестямъ, слѣдовало бы назначать преміи наиболѣе отличившимся въ своемъ дѣлѣ земледѣльцамъ и ремесленникамъ. Эта мѣра будетъ хороша даже для всякой страны. Въ наши дни, она способствовала учрежденію въ Ирландіи одной изъ самыхъ значительныхъ во всей Европѣ мануфактуры полотенъ.

ГЛАВА X.

О законахъ, относящихся къ трезвости народовъ.

Въ жаркихъ странахъ водянистая часть крови сильно улетучивается посредствомъ испарины, [3]), вслѣдствіе чего ее нужно восполнять подобною-же жидкостью. Поэтому вода тамъ въ большомъ употребленіи; крѣпкіе же напитки произвели бы тамъ сгущеніе кровяныхъ шариковъ, [4]), которые остаются послѣ испаренія водянистыхъ частей крови.

Въ холодныхъ странахъ, водянистая часть крови испаряется слабо; она остается въ крови въ большомъ изобиліи. Поэтому тамъ можно употреблять спиртные напитки, не опасаясь сгущенія крови. Тамъ тѣла переполнены мокротой, и крѣпкіе напитки не будутъ неумѣстны.

Законъ Магомета, запрещающій пить вино, есть поэтому законъ самаго климата Аравіи; извѣстно, что вода и до Магомета была обычнымъ напит-

---

[1]) Это не мѣшаетъ Китаю постоянно терпѣть голодъ и родителямъ забрасывать своихъ дѣтей, которыхъ они не въ состояніи прокормить. Дѣло въ томъ, что Китай—государство деспотическое, и что его земледѣльцы, подвергаемые палочнымъ ударамъ въ продолженіе всего года, не могутъ видѣть большого утѣшенія и удовлетворенія въ томъ почетѣ, который имъ оказывается одинъ разъ въ годъ. Б. Констанъ, *Комментаріи къ Филанджіери*, гл. IV.

[2]) М. Пуде, *Религія персовъ* (М.).

[3]) Бернье, путешествовавшій изъ Лагора въ Кашемиръ, пишетъ: «Тѣло мое подобно рѣшету. Только что я проглочу кружку воды, какъ она тотчасъ-же выступаетъ, подобно росѣ, изо всѣхъ членовъ моего тѣла до оконечностей пальцевъ; я пью по десяти кружекъ въ день безъ всякаго вреда для себя». *Путешествіе* Бернье, т. II, стр. 261. (М.).

[4]) Въ крови есть красные шарики, волокнистыя части, бѣлые шарики и вода, въ которой все это плаваетъ. (М.).

комъ аравитянъ. Карѳагенскій законъ [1]), запрещавшій жителямъ этой страны пить вино, былъ тоже закономъ климата; и въ самомъ дѣлѣ, обѣ эти страны имѣютъ почти одинаковый климатъ.

Подобный законъ не годился бы для холодныхъ странъ, гдѣ въ силу климата развивается нѣкоторое національное пьянство, очень отличающееся отъ пьянства личнаго. Пьянство распространено по всей землѣ въ прямомъ отношеніи къ холоду и сырости климата. Подвигаясь отъ экватора къ нашему полюсу, вы увидите, что пьянство возрастаетъ вмѣстѣ съ градусами широты. Подвигаясь отъ экватора къ полюсу, противоположному нашему, вы увидите, что тутъ оно возрастаетъ въ направленіи къ югу, [2]), подобно тому какъ тамъ возрастало въ направленіи къ сѣверу.

Естественно, что тамъ, гдѣ употребленіе вина противно климату, а слѣдовательно и здоровью, злоупотребленіе имъ наказывается строже, чѣмъ въ странахъ, гдѣ дурныя послѣдствія пьянства не велики для личности, не велики для общества и гдѣ оно только дурманитъ людей, а не дѣлаетъ ихъ свирѣпыми. Поэтому законы [3]), покаравшіе пьянаго человѣка и за совершенный имъ проступокъ, и за его пьянство, касались только его личнаго, а не національнаго пьянства. Нѣмецъ напивается по обычаю, испанецъ—по личному желанію.

Въ жаркихъ странахъ, вслѣдствіе разслабленнаго состоянія волоконъ, происходитъ большая трата жидкостей посредствомъ испаренія; но твердыя части сохраняются лучше. Волокна, вялыя и неупругія, изнашиваются мало, и немного надо питательнаго сока для возстановленія ихъ утратъ; поэтому тамъ люди очень умѣрены въ пищѣ, [4]).

Отъ различія въ потребностяхъ, порождаемаго различіемъ въ климатахъ, происходитъ различіе въ образѣ жизни; а отъ различія въ образѣ жизни происходитъ различіе въ законахъ. Для народа, гдѣ существуетъ большое общеніе между людьми, нужны одни законы; для народа, гдѣ такого общенія нѣтъ, нужны законы иного рода.

---

[1]) Платонъ, кн II, *О Законахъ;* Аристотель, *О домашнемъ хозяйствѣ*, кн. I, гл. V. Евсевій *Praepar. Evang.*, кн. XII, гл. XVII. (М.).

[2]) Это видно на примѣрѣ готтентотовъ и обитателей южной части Чили. (М.).

[3]) Такъ, согласно Аристотелю (*Политика*, кн. II, гл. III) поступилъ Питтакъ. Онъ жилъ въ климатѣ, гдѣ пьянство не было національнымъ порокомъ. (М.).

[4]) Въ жаркихъ странахъ, воздержность въ пищѣ есть лишь слѣдствіе климата. Такъ какъ тамъ тратятъ меньше, то меньше нужно для возстановленія утраченнаго, и потребность въ пищѣ не такъ живо ощущается. Посты греческой церкви, которые кажутся намъ столь продолжительными, быть можетъ, находятся въ меньшемъ соотвѣтствіи съ тамошнимъ климатомъ, чѣмъ наши посты съ холоднымъ климатомъ нашей страны. (Recqueti *Analyse raisonnée de l'Esprit des lois*, *p.* 101).

ГЛАВА XI.

О законахъ, имѣющихъ отношеніе къ болѣзнямъ, порождаемымъ климатомъ.

Геродотъ [1]), говоритъ, что законы евреевъ о проказѣ были заимствованы ими у египтянъ. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ-же болѣзни требуютъ тѣхъ-же лекарствъ. Эти законы были неизвѣстны грекамъ и первымъ римлянамъ, также какъ и самъ вызвавшій ихъ недугъ. Климатъ Египта и Палестины сдѣлалъ ихъ необходимыми, и легкость, съ которою эта болѣзнь распространяется, служитъ намъ достаточнымъ свидѣтельствомъ предусмотрительности и мудрости этихъ законовъ.

Мы и сами испытали ихъ дѣйствія. Крестовые походы занесли къ намъ проказу; а благоразумныя мѣры, принятыя противъ нея, не дозволили ей распространиться въ массѣ народа.

Изъ законовъ [2]) лонгобардовъ видно, что эта болѣзнь была распространена въ Италіи до крестовыхъ походовъ и обратила тамъ на себя вниманіе законодателей. Ротарисъ повелѣлъ, чтобы прокаженный, изгнанный изъ своего дома и удаленный въ особое мѣсто, былъ лишенъ права распоряжаться своимъ имуществомъ, такъ какъ съ того момента, какъ его выбросили изъ его дома, онъ уже считался умершимъ. Чтобы устранить всякое сообщеніе съ прокаженными, они были лишены гражданскихъ правъ.

Я думаю, что эта болѣзнь проникла въ Италію вмѣстѣ съ завоеваніями греческихъ императоровъ, въ войскахъ которыхъ могли быть отряды изъ Палестины или Египта. Какъ бы то ни было, дальнѣйшее ея распространеніе было остановлено до времени крестовыхъ походовъ.

Говорятъ, что солдаты Помпея, возвратившись изъ Сиріи, принесли оттуда болѣзнь, совершенно сходную съ проказой. Принятыя противъ нея мѣры не дошли до нашего свѣдѣнія; но надо полагать, что такія мѣры были, такъ какъ эта болѣзнь была пріостановлена до временъ лонгобардовъ.

Два вѣка тому назадъ болѣзнь, неизвѣстная нашимъ отцамъ, переправилась изъ Новаго Свѣта въ нашъ и стала поражать человѣческую природу въ самомъ источникѣ ея жизни и наслажденій. Большая часть знатнѣйшихъ фамилій юга Европы погибли отъ недуга, тѣмъ болѣе пагубнаго, что онъ сталъ до того обычнымъ, что его уже перестали стыдиться. Упрочила эту болѣзнь жажда золота, за которымъ люди постоянно ѣздили въ Америку, постоянно принося оттуда новыя сѣмена заразы [3]).

---

[1]) Кн. II. (М.).
[2]) Кн. II, тит. I, § 3; и тит. XVIII, § 1. (М.).
[3]) *Персидскія письма*, CXIII; русск. пер., стр. 236.

По разнымъ религіознымъ мотивамъ, кары закона не были допущены въ эту область, а между тѣмъ бѣдствіе проникло въ нѣдра брака и заразило даже дѣтей [1]).

Но забота о здоровьѣ гражданъ есть предметъ, достойный мудрости законодателя; поэтому было бы благоразумно остановить этотъ способъ сообщенія заразы посредствомъ законовъ, составленныхъ по образцу законовъ Моисеевыхъ.

Чума производитъ свои опустошенія еще быстрѣе и внезапнѣе. Главный источникъ ея въ Египтѣ, откуда она распространяется по всему міру. Большая часть государствъ Европы приняли очень хорошія мѣры, чтобы не допустить ее къ себѣ, и въ наше время придумано превосходное средство остановить ея распространеніе: зачумленная страна окружается цѣпью стражниковъ, которая прекращаетъ всякое сообщеніе съ нею [2]).

Турки [3]) не принимаютъ никакихъ мѣръ противъ чумы и видятъ, какъ въ одномъ и томъ же городѣ христіане избѣгаютъ опасности, и только они одни погибаютъ. Они покупаютъ одежды зачумленныхъ, носятъ ихъ и не измѣняютъ привычнаго образа жизни. Ученіе о неумолимой судьбѣ, которая всѣмъ управляетъ, обращаетъ правителя въ невозмутимаго зрителя: онъ думаетъ, что Богъ уже сдѣлалъ все, что нужно, и что ему уже ничего не остается дѣлать.

ГЛАВА XII.

О законахъ противъ тѣхъ, которые сами себя убиваютъ [4]).

Изъ исторіи не видно, чтобы римляне причиняли себѣ смерть безъ причины; но англичане убиваютъ себя даже въ счастливѣйшихъ обстоятельствахъ жизни [5]), такъ что невозможно и вообразить себѣ, что привело его къ этому рѣшенію. У римлянъ самоубійство было слѣдствіемъ ихъ воспитанія; оно имѣло основаніе въ ихъ образѣ мыслей и въ ихъ обычаяхъ; у англичанъ оно есть слѣдствіе болѣзни [6]), имѣетъ свое осно-

---

[1]) Въ изд. А. и В. нѣтъ этого параграфа.

[2]) Въ настоящее время довѣріе къ спасительному дѣйствію этихъ санитарныхъ кордоновъ очень уменьшилось.

[3]) Рико, *Объ Оттоманской имперіи*. (Изд. 1678, in-12), стр. 284. (М.).

[4]) Дѣяніе тѣхъ, которые убиваютъ сами себя, противно закону естественному и религіи откровенія. (М.). Этого примѣчанія нѣтъ въ первыхъ изданіяхъ. Монтескье, какъ стоикъ, всегда относился къ самоубійству болѣе, чѣмъ снисходительно. См. *Персидскія письма*, LXXVI и LXXVII, русск. пер., стр. 161 и 163; *Размышленія о величіи и упадкѣ римлянъ*, гл XIII.

[5]) «Нѣтъ народа, для котораго религія была бы такъ необходима, какъ для англичанъ. Кто не боится повѣситься, долженъ бояться вѣчнаго осужденія». Монтескье, *Разныя мысли (Pensées diverses)*.

[6]) Очень можетъ быть, что эта болѣзнь осложняется скорбутомъ, отъ котораго, особенно въ нѣкоторыхъ странахъ, люди становятся столь странными

ваніе въ физическомъ состояніи организма и ни отъ какой другой причины не зависитъ.

Весьма вѣроятно, что оно связано съ недостаточной фильтраціей нервнаго сока; организмъ, двигательныя силы котораго остаются въ постоянномъ бездѣйствіи, становится въ тягость самому себѣ; душа не ощущаетъ боли, а нѣкоторую трудность существованія. Боль есть мѣстное зло, которое возбуждаетъ въ насъ желаніе избавиться отъ этого зла; но чувство тягости жизни не имѣетъ опредѣленнаго мѣста, и возбуждаетъ въ насъ желаніе прекратить эту жизнь.

Безъ сомнѣнія—законы, карающіе самоубійство, не лишены разумнаго основанія [1]) въ нѣкоторыхъ странахъ, но карать его въ Англіи, все равно, что карать поступки помѣшаннаго [2]).

и невыносимыми для себя самихъ.—*Voyage* de François Pyrard, part. II, chap. XXI. (М.).

[1]) Въ этомъ основаніи нѣтъ ничего разумнаго. Можно ли наказывать безчувственный трупъ? Смерть выводитъ насъ изъ подъ власти человѣческихъ законовъ; а позорить память, конфисковать имущества значитъ наказывать не самоубійцу, а его жену, дѣтей, семью, т. е. невинныхъ.

[2]) Англичане называютъ эту болѣзнь сплиномъ, (spleen—селезенка). Наши дамы нѣкогда страдали селезенкой. У Мольера, въ его комедіи *Любовь-исцѣлительница* (дѣйствіе III-е, сцена VIII), шуты говорятъ:

Veut-on qu'on rabatte
Par des moyens doux
Les vapeurs de rate
Qui nous minent tous,
Qù on laisse Hippocrate
Et qu'on vienne à nous.

(Если вы желаете легкими и пріятными средствами избавиться отъ терзающихъ всѣхъ насъ испареній селезенки *) такъ бросьте Иппократа и спѣшите къ намъ).

Наши парижанки страдали селезенкой; теперь онѣ страдаютъ нервами, и и ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не прибѣгали къ самоубійству. Англичанъ удручаетъ сплинъ, и они убиваютъ себя отъ ипохондріи. Они гордятся этимъ, потому что обо всякомъ, кто въ Лондонѣ повѣсится, утопится или выстрѣлитъ въ себя изъ пистолета, будетъ упомянуто въ газетѣ.

...Они претендуютъ на исключительную честь самоубійства. Но, при желаніи поубавить имъ этой спеси, можно бы ихъ удостовѣрить, что въ Парижѣ, въ теченіе одного 1764 года насчитано болѣе пятидесяти самоубійствъ, и что ежегодно совершается по двѣнадцати самоубійствъ въ Женевѣ, гдѣ всего двадцать тысячъ душъ населенія, между тѣмъ какъ въ Лондонѣ, съ его семьюстами тысячъ сплиновъ, количество самоубійствъ, по свѣдѣніямъ газетъ, не превышаетъ этого числа.

Съ той поры, какъ волчица исполняла должность кормилицы Ромула и Рема, климатъ Рима не измѣнился. И однако, почему же ни одинъ извѣстный римлянинъ, за исключеніемъ поэта Лукреція, исторія котораго не очень достовѣрна, не былъ доведенъ сплиномъ до покушенія на свою жизнь? И почему, затѣмъ, послѣ немногихъ лѣтъ, Катонъ Утическій, Брутъ, Кассій, Антоній и столько другихъ явили міру примѣры этихъ покушеній? Не было ли, кромѣ климата, другой причины, въ силу которой эти самоубійства стали столь обычными явленіями? (Вольтеръ).

*) Ипохондрія, истерія и разн. другія нервныя болѣзни приписывались испареніямъ селезенки, которая считалась источникомъ желчи. (Прим. перев).

ГЛАВА XIII.

Слѣдствія, вытекающія изъ климата Англіи.

Для націи, у которой порождаемая климатомъ болѣзнь удручаетъ душу до такой степени, что поселяетъ въ ней отвращеніе ко всему на свѣтѣ и къ самой жизни, для людей, которымъ все стало невыносимо, — наиболѣе подходящій образъ правленія былъ бы тотъ, при которомъ они не могли бы слагать вину своихъ золъ на одно лицо, при которомъ страной управляютъ не столько люди, сколько законы, и гдѣ поэтому для измѣненія государственнаго строя приходилось-бы ниспровергать самые законы.

И если бы, при этомъ, та же нація получила отъ своего климата нѣкоторую нетерпѣливость характера, которая не дозволяла бы ей долго терпѣть отъ однихъ и тѣхъ же причинъ, то очевидно, что образъ правленія, о которомъ мы только что говорили, оказался бы для нея еще болѣе подходящимъ [1]).

Эта нетерпѣливость характера не есть великое благо само по себѣ; но въ соединеніе съ мужествомъ, она можетъ стать очень значительнымъ благомъ.

Она не похожа на ту легкость, съ которой люди принимаются за дѣла, неизвѣстно зачѣмъ, и оставляютъ ихъ, неизвѣстно почему. Она болѣе подходитъ къ настойчивости, потому что происходитъ отъ такого живого ощущенія зла, которое не притупляется даже привычкой терпѣть его.

Такой характеръ у народа свободнаго былъ бы очень большимъ препятствіемъ для происковъ тиранніи [2]), дѣйствія которой обыкновенно бываютъ столь же вялы и медлительны въ началѣ, сколько они быстры и рѣшительны въ концѣ; и которая начинаетъ помогать одною рукою, для того чтобы вслѣдъ затѣмъ угнетать всѣмъ безконечнымъ множествомъ своихъ рукъ.

Порабощенію всегда предшествуетъ усыпленіе. Но народъ, который не знаетъ покоя ни въ какомъ положеніи, который постоянно ощупываетъ себя, обнаруживая всѣ свои больныя мѣста, не можетъ поддаться сну.

Политика — беззвучный напилокъ, который совершаетъ свою работу незамѣтно и медленно достигаетъ своей цѣли. Но люди, о которыхъ мы только что говорили, не были бы въ состояніи выдержать всю медлительность, мелочность переговоровъ; тутъ они часто оказывались бы слабѣе всякой другой націи и утрачивали бы посредствомъ своихъ трактатовъ то, что пріобрѣли своимъ оружіемъ [3]).

---

[1]) Нетерпѣливость не изъ тѣхъ пороковъ, въ которыхъ упрекаютъ нынѣшнихъ англичанъ.

[2]) Подъ этимъ словомъ я разумѣю намѣреніе ниспровергнуть установленную власть и въ особенности демократію. Такое именно значеніе придавали ему Греки и Римляне. (М.).

[3]) Въ послѣднемъ столѣтіи англичане полагали, что въ своихъ перегово-

ГЛАВА XIV.

Другія слѣдствія климата.

Наши отцы [1]), древніе германцы, жили въ климатѣ, гдѣ страсти людей были очень спокойны. Законы ихъ принимали вещи такъ, какъ они ихъ видѣли, и ничего большаго о нихъ не воображали. Судя объ обидахъ, нанесенныхъ мужчинѣ, по размѣру полученныхъ имъ ранъ, они съ той-же простотой оцѣнивали и обиды, нанесенныя женщинамъ. Очень своеобразенъ въ этомъ послѣднемъ отношеніе законъ [2]) аллемановъ. За обнаженіе головы женщины надо было платить шесть солей штрафа; за обнаженіе ея ноги до колѣна—столько же, и вдвое больше за обнаженіе выше колѣна Кажется, что законъ измѣрялъ величину оскорбленія, нанесеннаго женской личности такъ, какъ измѣряютъ величину геометрической фигуры; онъ наказывалъ не преступленіе воображенія, а преступленіе глазъ. Но когда одна изъ германскихъ націй переправилась въ Испанію, тамошній климатъ внушилъ ей совсѣмъ иные законы. Законъ вестготовъ дозволялъ медикамъ пускать кровь свободнорожденной женщинѣ не иначе какъ въ присутствіи ея отца или матери, ея брата, сына или дяди. Воображеніе народовъ воспламенилось, а отъ него разгорѣлось и воображеніе законодателей: законъ сталъ подозрѣвать все въ народѣ, который былъ способенъ все заподозрить.

Поэтому законы эти отнеслись съ величайшимъ вниманіемъ къ поведенію обоихъ половъ. Но, судя по установленнымъ ими наказаніямъ, они, кажется, стремились болѣе удовлетворять требованія мести личной, чѣмъ общественной. Такъ. въ большей части случаевъ, они отдавали обоихъ виновныхъ въ рабство родителямъ или оскорбленному супругу. Свободнорожденная женщина [3]) отдавшаяся женатому человѣку, была предоставляема въ полное распоряженіе его супруги. Эти законы обязывали рабовъ [4]) связать и привести къ мужу женщину, застигнутую ими во время прелюбодѣянія; они дозволяли дѣтямъ [5] этой женщины обвинять свою мать, и подвергать ея рабовъ пыткѣ, для того чтобы уличить ее. Потому-то они и были болѣе способны доводить до крайней утонченности извѣстное пониманіе чести, чѣмъ образовать хорошую полицію нравовъ. И не надо удивляться, если графъ Юліанъ полагалъ, что оскорбленіе подобнаго рода требовало гибели его отечества и его короля. И нѣтъ ничего изумительнаго въ томъ, что, при такомъ состояніи нравовъ, мавры могли такъ легко поселиться въ Испаніи, удержаться тамъ и замедлить паденіе своей имперіи.

рахъ и трактатахъ они всегда оказывались жертвами своего простодушія. Они исправились отъ этой слабости, если допустить, что она когда либо существовала у нихъ.

[1]) См. кн. X, гл. III.

[2]) Гл. LVIII, § 1 и 2. (М.).

[3]) Законы вестготовъ, кн. III, тит. IV, § 9. (М.).

[4]) *Ibid.*, кн. III, тит. IV. § 6. (М.). Ниже, кн. XXI, гл. XIX.

[5]) *Ibid.*, кн. III, тит. IV, § 13. (М.).

ГЛАВА XV.

О вліяніи климата на довѣріе законовъ къ народу.

У японскаго народа такой свирѣпый характеръ, [1]) что его законодатели и правители не могли имѣть къ нему никакого довѣрія: они говорятъ ему только о судьяхъ, угрозахъ и наказаніяхъ; каждый шагъ его подчиненъ полицейскому розыску. Эти законы, которые изъ пяти главъ семейства ставятъ одного надъ четырьмя прочими; эти законы, которые за одно преступленіе караютъ всю семью или цѣлый кварталъ; эти законы, для которыхъ нѣтъ невинныхъ тамъ, гдѣ можетъ быть одинъ виноватый,—созданы для того, чтобы люди опасались другъ друга, чтобы каждый слѣдилъ за поведеніемъ каждаго и былъ для него сыщикомъ, свидѣтелемъ и судьей.

Индійскій народъ [2]), напротивъ, кротокъ, нѣженъ и сострадателенъ; поэтому его законодатели выказали къ нему большое довѣріе. Они установили немного [3]) наказаній и при томъ не очень строгихъ и даже не во всей строгости выполняемыхъ. Они поручили племянниковъ дядьямъ и и сиротъ—опекунамъ, какъ у другихъ поручаютъ дѣтей ихъ отцамъ; они основали право наслѣдованія на признанномъ достоинствѣ наслѣдника. Кажется, что они думали, что каждый гражданинъ долженъ полагаться на естественное доброжелательство прочихъ гражданъ.

Они охотно отпускаютъ на волю [4]) своихъ рабовъ; они женятъ ихъ, они обращаются съ ними, какъ со своими дѣтьми [5]): счастливый климатъ, который порождаетъ чистые нравы и производитъ кроткіе законы!

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Объ отношеніи законовъ гражданскаго рабства къ природѣ климата.

ГЛАВА I.

О гражданскомъ рабствѣ.

Рабство, собственно говоря, есть установленіе права, которое даетъ такую власть одному человѣку надъ другимъ, что первый становится без-

[1]) См. кн. VI, гл. XIII, кн. XII, гл. XIV.

[2]) См. Бернье, т. II, стр. 140. (М.).

[3]) См. въ четырнадцатомъ собраніи *Поучительныхъ писемъ (Lettres édifiantes)*, стр. 403, главные законы ими обычаи народовъ Индіи на полуостровѣ по ту сторону Ганга. (М.).

[4]) *Поучительныя письма*, девятое собраніе, стр. 378. (М.).

[5]) Я думалъ, что кроткое обращеніе съ рабами въ Индіи заставило Діодора сказать, что въ этой странѣ нѣтъ ни господъ, ни рабовъ; но Діодоръ приписалъ всей Индіи то, что, по Страбону (кн. XV) было свойственно лишь одному народу. (М.).

условнымъ господиномъ надъ имуществомъ и жизнью послѣдняго. Оно дурно по самой своей природѣ; отъ него нѣтъ пользы ни рабу, ни господину: первому—потому, что при немъ онъ ничего не можетъ дѣлать по внушенію добродѣтели [1]); второму, потому, что онъ усваиваетъ себѣ разныя дурныя привычки, незамѣтно привыкаетъ пренебрегать всѣми моральными добродѣтелями, становится гордымъ, нетерпѣливымъ, суровымъ, гнѣвнымъ, сладострастнымъ, жестокимъ.

Въ странахъ деспотическихъ, гдѣ есть уже политическое рабство, гражданское рабство болѣе сносно. Тамъ каждый доволенъ уже тѣмъ, что можетъ жить и питаться. Поэтому положеніе раба тамъ не тягостнѣе положенія подданнаго.

Но въ правленіи монархическомъ, гдѣ безусловно необходимо воздерживаться отъ подавленія и униженія природы человѣка, совсѣмъ не надо рабовъ. Въ демократіи, гдѣ всѣ люди равны, и въ аристократіи, гдѣ законы должны напрягать всѣ усилія, чтобы сдѣлать ихъ равными, насколько допускаетъ природа этого правленія, рабство противно устройству государства и служитъ только для доставленія гражданамъ могущества и роскоши, которыми они никакъ не должны-бы пользоваться [2]).

ГЛАВА II.

Происхожденіе рабства по мнѣнію римскихъ юристовъ.

Кто бы могъ подумать, что рабство обязано своимъ происхожденіемъ чувству состраданія, и что оно было установлено послѣднимъ по слѣдующимъ тремъ причинамъ [3]).

Право международное сдѣлало изъ плѣнниковъ рабовъ для того, чтобы ихъ перестали убивать. Римское гражданское право дозволило должникамъ продавать себя въ рабство, во избѣжаніе жестокаго обращенія съ ними ихъ кредиторовъ, и право естественное хотѣло, чтобы дѣти раба, которыхъ отецъ не въ состояніи прокормить, были такими-же рабами, какъ и онъ.

Эти доводы юристовъ нисколько не убѣдительны [1]). Неправда, что на войнѣ дозволяется убивать не въ одномъ только случаѣ необходимости; но разъ человѣкъ сдѣлалъ другого своимъ рабомъ, нельзя уже сказать, что онъ не могъ не убить его, такъ какъ вѣдь онъ его и не убилъ. Един-

---

[1]) См. кн. IV, гл. III.

[2]) Это рабство, о которомъ съ негодованіемъ разсуждаетъ Монтескье, кажется ему до того ненавистнымъ, что онъ приписываетъ его цѣликомъ деспотизму Востока и объявляетъ его несовмѣстимымъ съ конституціей свободнаго государства, забывая, что всѣ греческія демократіи приняли домашнее рабство въ основу своей общественной независимости. (Вильменъ).

[3]) *Инстит.* Юстиніана, кн. I. (М.).

ственное право, которое война можетъ дать надъ плѣнниками, заключается въ правѣ поставить ихъ въ такое положеніе, которое лишило бы ихъ возможности вредить. Убійства, хладнокровно совершаемыя солдатами, послѣ пыла сраженія, отвергаются всѣми народами міра [1]).

2) Неправда, будто свободный человѣкъ можетъ себя продать. Продажа предполагаетъ уплату; но такъ какъ купленный рабъ становится со всѣмъ своимъ имуществомъ собственностью своего господина, то выходитъ, что господинъ ничего не даетъ, а рабъ ничего не получаетъ. Скажутъ—рабу дозволяется имѣть пекуліарное имущество; но это личное достояніе составляетъ собственность господина. Если недозволительно убивать себя, потому что самоубійца отнимаетъ себя у отечества, то столь-же недозволительно и продавать себя. Свобода каждаго гражданина есть часть общей свободы, а въ государствѣ народномъ—даже часть самодержавія. Продавать свое гражданство, — это такое сумасбродство [2]), котораго никакъ нельзя предполагать въ человѣкѣ. Если свобода имѣетъ цѣнность для того, кто ее покупаетъ, то она безцѣнна для того, кто ее продаетъ. Гражданскій законъ, дозволившій людямъ раздѣлъ имуществъ, не могъ включить въ разрядъ имуществъ часть людей, которые должны были производить этотъ раздѣлъ. Гражданскій законъ, лишающій силы договоры, которые заключаютъ въ себѣ какой-нибудь ущербъ лицу, не можетъ не лишить силы соглашеніе, заключающее въ себѣ самый чудовищный изъ всѣхъ ущербовъ [3]).

Третья причина касается рожденія. Она исчезаетъ вмѣстѣ съ двумя предыдущими. Ибо, если человѣкъ не имѣлъ права продать самого себя, то тѣмъ менѣе былъ онъ въ правѣ продать своего еще нерожденнаго сына. Если нельзя обращать въ рабство военноплѣннаго, то еще менѣе позволительно обращать въ рабство его дѣтей.

Смертная казнь преступника имѣетъ свое оправданіе въ томъ, что законъ, который его караетъ, былъ созданъ для его же пользы. Убійца, напримѣръ, пользовался благомъ осудившаго его закона: послѣдній ежеминутно охранялъ его жизнь, и потому онъ не можетъ протестовать противъ него [4]). Но другое дѣло рабъ: законъ рабства никогда не могъ быть полезенъ ему; онъ при всякомъ случаѣ былъ противъ него и никогда за него, что противно основному принципу всѣхъ обществъ.

Скажутъ, что онъ могъ быть ему полезенъ тѣмъ, что господинъ давалъ рабу пропитаніе. Въ такомъ случаѣ рабство слѣдовало-бы ограничить лицами, неспособными добывать средства къ жизни. Но такихъ то

---

[1]) Если не упоминать о тѣхъ, которые поѣдаютъ своихъ плѣнниковъ. (М.).

[2]) Я говорю о рабствѣ въ строгомъ смыслѣ слова, о такомъ рабствѣ, какое было у римлянъ и какое установлено въ нашихъ колоніяхъ. (М.).

[3]) Ср. письмо Монтескье къ Гролэ (Grosley).

[4]) См. кн. XII, гл. II.

рабовъ и не желаютъ имѣть. Что же касается до дѣтей, то природа, давшая матери молоко, обезпечила пропитаніе ребенка; вся же остальная часть ихъ дѣтства такъ близка къ тому возрасту, который заключаетъ въ себѣ наибольшую способность приносить пользу, что нельзя сказать, будто человѣкъ, который кормилъ ихъ для того, чтобы стать ихъ господиномъ, далъ что-нибудь этимъ дѣтямъ.

Наконецъ, рабство столь же противно праву гражданскому, какъ и праву естественному. Какой законъ могъ бы удержать отъ бѣгства раба, который не входитъ въ составъ общества, и до котораго, поэтому, не касаются никакіе гражданскіе законы? Онъ можетъ быть удержанъ только закономъ семейственнымъ, т. е. закономъ своего господина [1]).

ГЛАВА III.

Другой источникъ происхожденія рабства.

Съ неменьшимъ правомъ я могъ бы сказать, что право рабства происходитъ отъ презрѣнія, которое одинъ народъ питаетъ къ другому народу, вслѣдствіе разницы въ ихъ обычаяхъ.

Лопецъ де Гомара [2]) говоритъ, что «испанцы нашли близъ св. Мареы корзины, наполненныя съѣстными припасами жителей; тамъ были морскіе раки, улитки, стрекозы и саранча. Побѣдители вмѣнили это въ преступленіе побѣжденнымъ». Авторъ признаетъ, что на этомъ было основано право, въ силу котораго американцы отдавались въ рабство испанцамъ; не говоря уже о томъ, что эти американцы курили табакъ и не брили себѣ бороды по-испански.

Знаніе умягчаетъ людей; разумѣніе ведетъ ихъ къ человѣчности, и одни только предразсудки удаляютъ ихъ отъ всего этого.

ГЛАВА IV.

Еще одинъ источникъ происхожденія рабства.

Съ не меньшимъ правомъ я могъ бы сказать, что религія даетъ тѣмъ, которые ее исповѣдуютъ, право обращать въ рабство тѣхъ, которые ее не исповѣдуютъ, для того, чтобы легче было работать для ея распространенія.

Въ этомъ-то мнѣніи разрушители Америки и находили поощреніе для своихъ преступленій [3]). На этой то мысли они и основали право обра-

[1]) Здѣсь Монтескье протестуетъ противъ античной теоріи, которую до него защищали: Гроціусъ, *De jure belli et pacis*, кн. V. Боссюэтъ, *Avert. aux protestants*, и Локкъ, *Гражданск. правл.*, гл. VI. § 9.

[2]) *Biblioth. angl.*, t. XIII, part. II, art. 3. (М.). Гомара, *Hist. gen. de las Indias*, c. LXIX.

[4]) См. *Ист. завоев. Мексики*, Соли (Solis) и *Завоев. Перу*, Гарцилассо де ла Вега. (М.).

тить въ рабство столько народовъ; ибо эти разбойники, которые непремѣнно хотѣли быть и разбойниками, и христіанами, были очень набожные люди.

Людовикъ XIII [1]) испытывалъ чрезвычайныя затрудненія согласиться на изданіе закона, обращавшаго въ рабство негровъ его колоній; но когда его убѣдили, что это самое вѣрное средство обратить ихъ въ истинную вѣру, онъ согласился.

ГЛАВА V.

О рабствѣ негровъ.

Если бы мнѣ пришлось защищать право, въ силу котораго мы сдѣлали негровъ рабами, то я сказалъ-бы слѣдующее:

Народы Европы, истребивъ народы Америки, были вынуждены обращать въ рабство народы Африки, чтобы посредствомъ ихъ расчищать обширныя земли Америки.

Сахаръ былъ бы слишкомъ дорогъ, если бы растеніе, которое его производитъ, не обрабатывалось рабами.

Люди, о которыхъ идетъ рѣчь, черны отъ головы до пятокъ, и носъ у нихъ до такой степени приплюснутъ, что почти невозможно жалѣть ихъ.

Нельзя себѣ представить, чтобы Богъ, который есть существо очень мудрое, вложилъ душу, и при томъ хорошую душу, въ тѣло, совсѣмъ черное.

Мысль, что существо человѣка заключается въ цвѣтѣ, такъ естественна, что народы Азіи, дѣлающіе евнуховъ, употребляютъ особливое средство, чтобы ограничить сходство черныхъ людей съ нами.

О цвѣтѣ кожи можно судить по цвѣту волосъ, которымъ египтяне, лучшіе философы въ мірѣ, придавали такое огромное значеніе, что предавали смерти всякаго рыжаго, который попадался имъ въ руки.

Что негры лишены здраваго смысла, доказывается тѣмъ, что они предпочитаютъ ожерелье изъ стеклышекъ золоту, которое въ такомъ великомъ почетѣ у народовъ просвѣщенныхъ.

Невозможно допустить, чтобы эти существа были люди, потому что если бы мы ихъ причислили къ людямъ, то пришлось бы усомниться въ томъ, принадлежимъ ли мы сами къ числу христіанъ.

Недальновидные умы слишкомъ преувеличили несправедливость, причиняемую африканцамъ, потому что, если бы она была дѣйствительно такова, то неужели ни одному изъ государей Европы, которые заключаютъ

[1]) О. Лаба (P. Labat). *Новое путешествіе по островамъ Америки*, т. IV, стр. 114, 1722, in-12. (М.).

между собою столько безполезныхъ соглашеній, не пришло бы въ голову заключить одно общее соглашеніе во имя милосердія и состраданія? [1]).

ГЛАВА VI.

Истинный источникъ происхожденія рабства.

Пора обратиться къ разысканію истиннаго источника рабства. Оно должно быть основано на природѣ вещей [2]); посмотримъ, не найдутся ли обстоятельства, объясняющія его происхожденіе.

Во всѣхъ деспотическихъ государствахъ люди продаютъ себя съ большою легкостью: рабство политическое тамъ нѣкоторымъ образомъ уничтожаетъ свободу гражданскую.

Перри [3]) говоритъ, что москвитяне очень охотно продаютъ себя. И я знаю почему: потому, что ихъ свобода ничего не стоитъ.

Въ Ассамѣ всѣ стараются продать себя. Нѣкоторые изъ главныхъ сановниковъ [4]) имѣютъ не менѣе тысячи рабовъ, которые состоятъ изъ главныхъ торговцевъ, имѣющихъ подъ собой также не мало рабовъ, въ свою очередь тоже владѣющихъ рабами. Ихъ наслѣдуютъ и заставляютъ торговать. Въ этихъ государствахъ свободные люди, слишкомъ безсильные передъ правительствомъ, домогаются стать рабами тѣхъ, которые имѣютъ власть надъ правительствомъ.

Вотъ гдѣ истинная и сообразная съ разумомъ причина происхожденія того, существующаго въ нѣкоторыхъ странахъ мягкаго рабства, которое и должно быть мягко, потому что будучи основано на свободномъ выборѣ, который дѣлаетъ человѣкъ, ради собственной пользы отыскивающій себѣ господина, оно является слѣдствіемъ взаимнаго соглашенія обѣихъ сторонъ.

ГЛАВА VII.

Другой источникъ происхожденія рабства.

Вотъ другой источникъ происхожденія рабства, и даже того жестокаго рабства, которое мы видимъ у людей.

Есть страны, жаркій климатъ которыхъ истощаетъ тѣло и до того обезсиливаетъ духъ, что всякая трудная обязанность исполняется людьми не иначе, какъ изъ страха наказанія; въ такихъ странахъ рабство ме-

---

[1]) Государи Европы, съ 1815 г., начали устранивать такое соглашеніе, и благодаря нѣкоторымъ благожелательнымъ лицамъ и содѣйствію общественнаго мнѣнія, рабство было наконецъ отмѣнено у христіанскихъ народовъ. Одна только Испанія остается теперь внѣ этого новаго международнаго права.

[2]) Что такое природа вещей въ примѣненіи къ рабству? Не просто ли сила эгоизма?

[3]) *Настоящее состояніе Россіи*, Жана Перри. (М.).

[4]) *Новое путешествіе вокругъ свѣта.*

нѣе противно разуму; и такъ какъ тамъ господинъ является столь-же малодушнымъ по отношенію къ своему государю, какъ его рабъ по отношенію къ нему, то рабство гражданское сопровождается тамъ рабствомъ политическимъ.

Аристотель [1]) хочетъ доказать, что есть рабы отъ природы, но то, что онъ говоритъ, не доказываетъ этого. Я думаю, что если такіе рабы существуютъ, то это именно тѣ, о которыхъ я сейчасъ говорилъ. Но такъ какъ всѣ люди рождаются равными, то слѣдуетъ сказать, что рабство противно природѣ, хотя въ нѣкоторыхъ странахъ оно основано на естественной причинѣ; и при этомъ никакъ не слѣдуетъ забывать различія, существующаго между этими странами и тѣми, въ которыхъ сами естественныя причины противодѣйствуютъ рабству, каковы страны Европы, гдѣ оно было такъ благополучно уничтожено.

Плутархъ, въ своемъ жизнеописаніи Нумы, говоритъ намъ, что въ вѣкѣ Сатурна не было ни господъ, ни рабовъ. Въ нашихъ климатахъ этотъ вѣкъ водворенъ христіанствомъ.

ГЛАВА VIII.

Безполезность рабства у насъ.

Итакъ, область естественнаго рабства должна быть ограничена нѣкоторыми отдѣльными странами земли. Что-же касается до всѣхъ прочихъ странъ, то, какъ-бы ни были тяжки работы, которыя тамъ требуются обществомъ, мнѣ кажется, что всѣ онѣ могутъ быть выполнены свободными людьми.

Кажется-же мнѣ это потому, что въ то время, когда гражданское рабство не было еще отмѣнено въ Европѣ христіанствомъ, тамъ смотрѣли на работу въ рудникахъ какъ на трудъ до такой степени тяжкій, что выполнить его возможно только посредствомъ рабовъ или преступниковъ; между тѣмъ какъ теперь мы знаемъ, что люди, занимающіеся имъ, живутъ счастливо [2]). Поощряя ихъ профессію небольшими привилегіями и соединяя съ увеличеннымъ трудомъ увеличенное вознагражденіе, ихъ заставили полюбить свое положеніе болѣе всякаго другого изъ доступныхъ имъ.

Нѣтъ такого тяжкаго труда, который нельзя было бы привести въ соотвѣтствіе съ силами тѣхъ, кто его выполняетъ, если имъ управляетъ разумъ человѣка, а не жадность его. Можно замѣнить машинами, изобрѣтаемыми и примѣняемыми искусствомъ, усиленный трудъ, который въ другихъ мѣстахъ выполняютъ посредствомъ рабовъ. Турецкіе рудники въ

---

[1]) *Политика*, кн. I, гл. I. (М.).

[2]) Въ этомъ можно убѣдиться, познакомившись съ тѣмъ, что дѣлается въ рудникахъ Гарца, Нижней Германіи и Венгріи. (М.).

между собою столько безполезныхъ соглашеній, не пришло бы въ голову заключить одно общее соглашеніе во имя милосердія и состраданія? [1]).

ГЛАВА VI.

Истинный источникъ происхожденія рабства.

Пора обратиться къ разысканію истиннаго источника рабства. Оно должно быть основано на природѣ вещей [2]); посмотримъ, не найдутся ли обстоятельства, объясняющія его происхожденіе.

Во всѣхъ деспотическихъ государствахъ люди продаютъ себя съ большою легкостью: рабство политическое тамъ нѣкоторымъ образомъ уничтожаетъ свободу гражданскую.

Перри [3]) говоритъ, что москвитяне очень охотно продаютъ себя. И я знаю почему: потому, что ихъ свобода ничего не стоитъ.

Въ Ассамѣ всѣ стараются продать себя. Нѣкоторые изъ главныхъ сановниковъ [4]) имѣютъ не менѣе тысячи рабовъ, которые состоятъ изъ главныхъ торговцевъ, имѣющихъ подъ собой также не мало рабовъ, въ свою очередь тоже владѣющихъ рабами. Ихъ наслѣдуютъ и заставляютъ торговать. Въ этихъ государствахъ свободные люди, слишкомъ безсильные передъ правительствомъ, домогаются стать рабами тѣхъ, которые имѣютъ власть надъ правительствомъ.

Вотъ гдѣ истинная и сообразная съ разумомъ причина происхожденія того, существующаго въ нѣкоторыхъ странахъ мягкаго рабства, которое и должно быть мягко, потому что будучи основано на свободномъ выборѣ, который дѣлаетъ человѣкъ, ради собственной пользы отыскивающій себѣ господина, оно является слѣдствіемъ взаимнаго соглашенія обѣихъ сторонъ.

ГЛАВА VII.

Другой источникъ происхожденія рабства.

Вотъ другой источникъ происхожденія рабства, и даже того жестокаго рабства, которое мы видимъ у людей.

Есть страны, жаркій климатъ которыхъ истощаетъ тѣло и до того обезсиливаетъ духъ, что всякая трудная обязанность исполняется людьми не иначе, какъ изъ страха наказанія; въ такихъ странахъ рабство ме-

---

[1]) Государи Европы, съ 1815 г., начали устранивать такое соглашеніе, и благодаря нѣкоторымъ благожелательнымъ лицамъ и содѣйствію общественнаго мнѣнія, рабство было наконецъ отмѣнено у христіанскихъ народовъ. Одна только Испанія остается теперь внѣ этого новаго международнаго права.

[2]) Что такое природа вещей въ примѣненіи къ рабству? Не просто ли сила эгоизма?

[3]) *Настоящее состояніе Россіи*, Жана Перри. (М.).

[4]) *Новое путешествіе вокругъ свѣта*.

нѣе противно разуму; и такъ какъ тамъ господинъ является столь-же малодушнымъ по отношенію къ своему государю, какъ его рабъ по отношенію къ нему, то рабство гражданское сопровождается тамъ рабствомъ политическимъ.

Аристотель [1]) хочетъ доказать, что есть рабы отъ природы, но то, что онъ говоритъ, не доказываетъ этого. Я думаю, что если такіе рабы существуютъ, то это именно тѣ, о которыхъ я сейчасъ говорилъ. Но такъ какъ всѣ люди рождаются равными, то слѣдуетъ сказать, что рабство противно природѣ, хотя въ нѣкоторыхъ странахъ оно основано на естественной причинѣ; и при этомъ никакъ не слѣдуетъ забывать различія, существующаго между этими странами и тѣми, въ которыхъ сами естественныя причины противодѣйствуютъ рабству, каковы страны Европы, гдѣ оно было такъ благополучно уничтожено.

Плутархъ, въ своемъ жизнеописаніи Нумы, говоритъ намъ, что въ вѣкѣ Сатурна не было ни господъ, ни рабовъ. Въ нашихъ климатахъ этотъ вѣкъ водворенъ христіанствомъ.

ГЛАВА VIII.

Безполезность рабства у насъ.

Итакъ, область естественнаго рабства должна быть ограничена нѣкоторыми отдѣльными странами земли. Что-же касается до всѣхъ прочихъ странъ, то, какъ-бы ни были тяжки работы, которыя тамъ требуются обществомъ, мнѣ кажется, что всѣ онѣ могутъ быть выполнены свободными людьми.

Кажется-же мнѣ это потому, что въ то время, когда гражданское рабство не было еще отмѣнено въ Европѣ христіанствомъ, тамъ смотрѣли на работу въ рудникахъ какъ на трудъ до такой степени тяжкій, что выполнить его возможно только посредствомъ рабовъ или преступниковъ; между тѣмъ какъ теперь мы знаемъ, что люди, занимающіеся имъ, живутъ счастливо [2]). Поощряя ихъ профессію небольшими привилегіями и соединяя съ увеличеннымъ трудомъ увеличенное вознагражденіе, ихъ заставили полюбить свое положеніе болѣе всякаго другого изъ доступныхъ имъ.

Нѣтъ такого тяжкаго труда, который нельзя было бы привести въ соотвѣтствіе съ силами тѣхъ, кто его выполняетъ, если имъ управляетъ разумъ человѣка, а не жадность его. Можно замѣнить машинами, изобрѣтаемыми и примѣняемыми искусствомъ, усиленный трудъ, который въ другихъ мѣстахъ выполняютъ посредствомъ рабовъ. Турецкіе рудники въ

---

[1]) *Политика*, кн. I, гл. I. (М.).

[2]) Въ этомъ можно убѣдиться, познакомившись съ тѣмъ, что дѣлается въ рудникахъ Гарца, Нижней Германіи и Венгріи. (М.).

Темешварскомъ Банатѣ были богаче рудниковъ Венгріи, а производили меньше, потому что турки не знали никакихъ орудій производства, кромѣ рукъ рабовъ.

Не знаю, умъ или сердце диктуютъ мнѣ этотъ послѣдній параграфъ. Нѣтъ, можетъ быть, такого климата на землѣ, гдѣ трудъ не могъ бы быть свободнымъ. Такъ-какъ законы были дурны, люди оказались лѣнивыми, а такъ какъ они были лѣнивы, ихъ обратили въ рабство [1]).

ГЛАВА IX [2]).

О народахъ, у которыхъ установлена гражданская свобода.

Ежедневно слышишь, что было бы хорошо, если бы у насъ были рабы. Чтобы основательно обсудить это, не надо задаваться вопросомъ, будутъ ли рабы полезны для богатой и наслаждающейся части всякаго общества. Для нея-то они, безъ сомнѣнія, будутъ полезны; но ставши на иную точку зрѣнія, я не думаю, чтобы кто нибудь изъ входящихъ въ составъ этой части общества, пожелалъ прибѣгнуть къ жребію для рѣшенія вопроса о томъ, станетъ ли онъ принадлежать къ той части народа, которая будетъ свободна, или къ той, которая будетъ въ рабствѣ. Тѣ, которые всего болѣе стоятъ за рабство, всего болѣе ужаснулись бы его, и съ тѣмъ-же ужасомъ отнеслись бы къ нему и самые бѣдные и несчастные люди. Крикъ въ пользу рабства, поэтому, есть крикъ роскоши и сладострастія, а не любви и общаго блага. Кто сомнѣвается, что каждый человѣкъ, въ частности, былъ бы очень доволенъ стать властителемъ имущества, чести и жизни другихъ людей, и что при одной мысли объ этомъ пробуждаются всѣ его страсти; но чтобы бы въ дѣлахъ этого рода узнать законны ли желанія каждаго, надо только разсмотрѣть желанія всѣхъ.

ГЛАВА X.

Различные роды рабства.

Есть два рода рабства: реальное и личное. Реальное—то, которое прикрѣпляетъ раба къ землѣ помѣстья [3]). Таковые были рабы у германцевъ, по словамъ Тацита [4]). Они не служили въ домѣ господина; они давали ему извѣстное количество хлѣба въ зернѣ, скота или тканей; ихъ повинности не шли дальше этого. Рабство этого рода существуетъ еще въ Венгріи, въ Богеміи и во многихъ мѣстахъ Нижней Германіи,

---

[1]) См. письмо Монтескье къ Гролэ (Grosley).

[2]) Этой главы нѣтъ въ изд. А. и В.; она извлечена изъ письма къ Гролэ отъ 1750 г.

[3]) Это то, что называется *крѣпостнымъ правомъ* (le servage).

[4]) De Moribus German., гл. XXV. (М.).

Личное рабство связано съ управленіемъ домомъ и болѣе относится къ личности господина.

Высшее зло рабства тамъ, гдѣ оно въ одно и то-же время и реальное, и личное. Таково было у македонянъ рабство илотовъ; они исполняли всѣ работы внѣ дома и терпѣли всевозможныя оскорбленія внутри дома. Это илотство противно природѣ вещей. У народовъ съ простыми нравами есть одно только реальное рабство [1]), потому что домашнія работы тамъ исполняютъ жены и дѣти [2]). У народовъ, преданныхъ роскоши, есть личное рабство, потому что роскошь нуждается въ домашней службѣ раба. Илотство же соединяетъ въ одномъ и томъ-же лицѣ и рабство, существующее у народовъ, преданныхъ роскоши, и рабство, существующее у народовъ съ простыми нравами.

ГЛАВА XI.

Что должны дѣлать законы по отношенію къ рабству.

Но какого-бы рода ни было рабство, законы должны стараться очистить его, съ одной стороны, отъ злоупотребленій, съ другой отъ опасностей, связанныхъ съ нимъ [3]).

ГЛАВА XII.

Злоупотребленія рабствомъ.

Въ государствахъ магометанскихъ [4]), господинъ имѣетъ власть не только надъ жизнью, имуществомъ и женами рабовъ, но еще и надъ тѣмъ, что называютъ ихъ добродѣтелью и ихъ честью. Одно изъ несчастій этихъ странъ составляютъ то, что самая большая часть народа существуетъ лишь для того, чтобы служить похотямъ остальной его части. Это рабство вознаграждается лѣнью, которою предоставляютъ наслаждаться подобнымъ рабамъ, что составляетъ новое несчастіе для государства.

Эта-то лѣнь и обращаетъ серали Востока [5]) въ пріюты наслажденій даже для тѣхъ, противъ которыхъ они созданы. Люди, которые болѣе всего боятся труда, могутъ обрѣсти счастье въ этихъ спокойныхъ пристанищахъ. Но очевидно, что всѣмъ этимъ нарушается даже духъ учрежденія рабства.

---

[1]) «По образу жизни, говоритъ Тацитъ (*De Moribus German.* c. XX) вы не отличите господина отъ раба». (М.).

[2]) *Cetera domus officia uxor ac liberi exequuntur.* Тацитъ, *De Mor. German.*, c. XXV.

[3]) Злоупотребленія и опасности связаны съ самой сущностью этого учрежденія, и единственное средство предупредить ихъ заключается въ уничтоженіи этого господства человѣка надъ человѣкомъ, которое есть преступленіе противъ человѣчности.

[4]) См. *Путешествія по Персіи* Шардена. (М.).

[5]) См. *Описаніе рынка Изагура*, Шарденъ, т. II. (М.).

Разумъ требуетъ, чтобы власть господина не простиралась далѣе требованія необходимыхъ для него услугъ; рабство должно служить пользѣ, а не сладострастію. Законы цѣломудрія принадлежатъ къ естественному праву и должны быть соблюдаемы всѣми народами міра.

Если законъ, охраняющій цѣломудріе рабовъ, полезенъ и для такихъ государствъ, гдѣ все служитъ на потѣху безграничной власти, то насколько-же онъ необходимъ для монархіи? Насколько онъ необходимъ для государствъ республиканскихъ?

У лангобардовъ есть законъ [1]), который былъ-бы хорошъ для всякаго правленія. «Если господинъ развратитъ жену своего раба, то и этотъ рабъ и жена его получаютъ свободу». Вотъ превосходное средство предупредить и обуздать, безъ большой суровости, распутство господъ.

Не вижу, чтобы у римлянъ были по этому предмету хорошія постановленія. Они освободили отъ всякой узды невоздержаніе господъ и даже лишили до нѣкоторой степени ихъ рабовъ права на бракъ. Рабы составляли тамъ самую презрѣнную часть народа; но какъ бы ихъ ни презирали, все-же было-бы хорошо, чтобы они имѣли добрые нравы; кромѣ того, запрещеніе браковъ среди рабовъ вносило развратъ въ браки гражданъ.

ГЛАВА XIII.

Опасность отъ большого количества рабовъ.

Большое количество рабовъ въ различныхъ правленіяхъ приводитъ къ различнымъ послѣдствіямъ. Для деспотическаго правленія оно не составляетъ тягости; изъ за политическаго рабства, установленнаго въ этомъ государственномъ строѣ, рабство гражданское слабо ощущается. Тѣ, которыхъ тамъ называютъ свободными людьми, свободны не болѣе тѣхъ, которые не имѣютъ этого титула; и такъ какъ эти послѣдніе, въ качествѣ евнуховъ, отпущенниковъ или рабовъ, имѣютъ въ рукахъ почти всѣ дѣла, то состояніе свободнаго человѣка и состояніе раба отстоятъ другъ отъ друга очень недалеко. Поэтому вопросъ о томъ, много или мало людей проживаютъ тамъ въ рабствѣ, почти безразличенъ для этого государства.

Но для государствъ съ умѣреннымъ правленіемъ очень важно не имѣть у себя слишкомъ большого количества рабовъ. Политическая свобода тамъ придаетъ большую цѣнность свободѣ гражданской, и кто лишается послѣдней, тотъ утрачиваетъ еще и первую. Онъ видитъ счастливое общество, въ составъ котораго онъ не входитъ; онъ видитъ законъ, охраняющій всѣхъ, за исключеніемъ его; онъ чувствуетъ, что у его господина есть душа, которая можетъ возвышаться, между тѣмъ какъ его

[1]) Кн. I. тит. XXXII, § 5. (М.).

душа принуждена постоянно принижаться. Ничто не приближаетъ такъ человѣка къ животнымъ, какъ то положеніе, при которомъ онъ всегда видитъ людей свободныхъ, а самъ остается рабомъ. Такіе люди — естественные враги общества, и большое количество ихъ для него опасно.

Не надо поэтому удивляться тому, что государства съ умѣреннымъ правленіемъ такъ часто бывали возмущены возстаніемъ рабовъ, между тѣмъ какъ эти возстанія происходили такъ рѣдко [1]) въ государствахъ деспотическихъ.

ГЛАВА XIV.

О рабахъ вооруженныхъ.

Вооружать рабовъ менѣе опасно въ монархіи, чѣмъ въ республикахъ. Въ первой, воинственный народъ и знать могутъ сдерживать ихъ. Но мирные граждане республики не будутъ въ состояніи обуздать людей, которые съ оружіемъ въ рукахъ окажутся равными гражданамъ.

Готы, овладѣвъ Испаніей, разсѣялись по покоренной странѣ, и вскорѣ почувствовали себя очень слабыми. Они сдѣлали три важныя распоряженія: отмѣнили древній обычай, запрещавшій имъ заключать брачные союзы [2]) съ римлянами; постановили, чтобы всѣ вольноотпущенники [3]) государства ходили на войну подъ страхомъ быть опять обращенными въ рабство: повелѣли, чтобы каждый готъ приводилъ съ собою на войну и вооружалъ десятую [4]) часть своихъ рабовъ. Это количество было незначительно сравнительно съ количествомъ тѣхъ, которые оставались. При томъ же рабы, уводимые своими господами на войну, не составляли отдѣльнаго отряда; они были включены въ армію и оставались, такъ сказать, въ семьѣ.

ГЛАВА XV.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Если вся нація воинственна, то вооруженные рабы еще менѣе опасны для нея.

По закону аллемановъ, рабъ, который похищалъ [5]) довѣренную ему вещь, подлежалъ одинаковому наказанію съ человѣкомъ свободнымъ; но если онъ похищалъ [6]) ее силой, то былъ обязанъ только возвратить похищенное. У аллемановъ дѣйствія, отличавшіяся мужествомъ и силой,

---

[1]) Возстаніе мамелюковъ—особенный случай: это былъ захватъ государства военными. (М.).

[2]) Законъ вестготовъ. кн. III. тит. I, § 1. (М.).

[3]) *Ibid.*, кн. V, тит. VII. § 20. (М.).

[4]) *Ibid.*, кн. IX, тит. II, § 9. (М.).

[5]) Законъ аллемановъ. гл. V. § 3. (М.).

[6]) *Ibid.*. гл. V. § 5. *per virtutem*. (М.).

не считались преступными [1]). Они пользовались своими рабами для войнъ. Въ большей части республикъ старались подавить мужество рабовъ; народъ аллемановъ, увѣренный въ себѣ, стремился увеличить отвагу своихъ рабовъ. Всегда вооруженный, онъ не боялся ихъ; онъ видѣлъ въ нихъ орудіе, служившее для его разбоевъ или для его славы.

ГЛАВА XVI.

Предосторожности, которыя должны быть приняты въ умѣренномъ правленіи.

Въ государствахъ съ умѣреннымъ образомъ правленія опасность отъ большого количества рабовъ можетъ быть предупреждена человѣчнымъ обращеніемъ съ ними. Люди привыкаютъ ко всему, и даже къ рабству, лишь бы господинъ не былъ болѣе жестокъ, чѣмъ самое рабство. Аѳиняне обращались со своими рабами очень кротко, и рабы, поколебавшіе государство лакедемонянъ, не возмущали покоя государства аѳинскаго.

Римляне перваго періода также не испытывали затрудненій отъ своихъ рабовъ. И только когда они утратили къ нимъ всѣ человѣческія чувства, начались тѣ гражданскія войны, которыя сравнивали съ пуническими [2]).

Народы съ простыми нравами, которые сами работаютъ, обыкновенно относятся къ своимъ рабамъ съ большей мягкостью, чѣмъ тѣ, которые перестали работать. Первые римляне жили, работали и ѣли вмѣстѣ со своими рабами. Въ обращеніи ихъ съ ними было много кротости и справедливости. Самое большое наказаніе, которому они подвергали раба, состояло въ томъ, чтобы заставить его пройтись передъ сосѣдями съ ярмомъ на шеѣ. Вѣрность рабовъ достаточно поддерживалась нравами, и въ угрозахъ закона не было надобности.

Но когда могущество римлянъ возросло, и рабы стали уже для нихъ не сотрудниками, а орудіями ихъ роскоши и тщеславія, то нравы пришли въ упадокъ, и явилась надобность въ законахъ. Необходимы были даже законы очень жестокіе для того, чтобы охранять этихъ свирѣпыхъ господъ, которые жили среди своихъ рабовъ, какъ среди непріятелей.

И вотъ, появился сенатусконсультъ Силланія и другіе законы [3]), которыми было опредѣлено, чтобы, въ случаѣ убійства господина, всѣ рабы, находившіеся съ нимъ подъ одной крышей или на разстояніи человѣческаго голоса отъ его дома, безъ различія подлежали смерти. Тѣ, которые, въ такомъ случаѣ, укрывали раба, чтобы спасти его, наказывались какъ

---

[1]) Аллеманы, какъ ниже замѣчаетъ Монтескье, никогда не дѣлали различія между разбоемъ и славой.

[2]) «Сицилія говоритъ Флоръ, болѣе жестоко опустошена возстаніемъ рабовъ, чѣмъ пунической войной». Кн. III, гл. XIX. (М.).

[3]) См. всю главу *de senat. consult. Sillan.* (М.).

убійцы [1]). Виновенъ былъ и тотъ рабъ, который исполнилъ приказаніе своего господина убить его [2]), и тотъ, кто не помѣшалъ своему господину убить себя [3]). Если господинъ былъ убитъ во время пути, то предавали смерти [4]) и тѣхъ рабовъ, которые остались при немъ, и тѣхъ, которые убѣжали отъ него. Всѣ эти законы примѣнялись даже къ людямъ, невиновность которыхъ была доказана. Они имѣли цѣлью внушить рабу благоговѣйный ужасъ къ своему господину. Они зависѣли не отъ гражданскаго правленія, а отъ порока или несовершенства гражданскаго правленія. У нихъ не было ничего общаго съ правдой законовъ гражданскихъ, такъ какъ они были противны самымъ принципамъ этихъ законовъ. Принципъ, на которомъ они были основаны, былъ собственно принципомъ войны, но войны противъ непріятеля, который находился въ самыхъ нѣдрахъ государства. Сенатусконсультъ Силланія вытекалъ изъ международнаго права, требующаго, чтобы даже несовершенное общество охраняло себя.

Несчастіе для государства, когда его правители вынуждены прибѣгать къ такимъ жестокимъ законамъ. Когда у людей отнята возможность повиноваться, поневолѣ приходится усиливать наказанія за неповиновеніе и подозрѣвать ихъ вѣрность. Но благоразумный законодатель старается предупредить тягостную необходимость обратиться въ жестокаго законодателя. Римскіе законы не могли имѣть довѣрія къ рабамъ именно потому, что рабы не могли имѣть довѣрія къ законамъ.

ГЛАВА XVII.

О законодательномъ опредѣленіи отношеній между господиномъ и рабами.

Должностныя лица обязаны наблюдать, чтобы рабъ не былъ лишенъ пищи и одежды; это должно быть опредѣлено закономъ.

Законы должны наблюдать, чтобы рабы больные и престарѣлые не были оставляемы безъ призора. Клавдій [5]) повелѣлъ, чтобы рабы, покинутые своимъ господиномъ во время болѣзни, получали по выздоровленіи свободу. Этотъ законъ обезпечивалъ имъ свободу; но слѣдовало бы обезпечить имъ и жизнь.

Господинъ, которому законъ предоставляетъ право лишать жизни своего раба, долженъ пользоваться этимъ правомъ, какъ судья, а не какъ

---

[1]) L. *Si quis*, § 12. *de senat. consult. Sillan.* (M.).

[2]) Антоній, приказывая Эросу убить его, приказывалъ ему этимъ убить самого себя, потому что, если бы тотъ исполнилъ его приказаніе, то былъ бы наказанъ, какъ убійца своего господина. (M.).

[3]) L. I, § 22, ff. *de senat. consult. Sillan.* (M.).

[4]) L. I, § 31, ff. *ibid.*, lib. XXXIX, tit. V. (M.). Тацитъ, Анн., XIV, XLII.

[5]) Ксифилинъ, *in Claudio.* (M.).

господинъ раба; поэтому законъ долженъ предписать извѣстныя формальности, которыми устранялось бы подозрѣніе въ насильственномъ дѣйствіи.

Когда въ Римѣ не было болѣе дозволено отцамъ умерщвлять своихъ дѣтей, то тѣ наказанія, которымъ прежде подвергали ихъ отцы, стали налагаться на нихъ судьями [1]). Этотъ обычай было бы хорошо ввести по отношенію къ рабамъ въ странахъ, гдѣ господа имѣютъ надъ ними право жизни и смерти.

Очень суровъ былъ законъ Моисея [2]): «Господинъ, наносящій своему рабу побои, будетъ наказанъ, если рабъ умретъ подъ его рукою; но если онъ проживетъ послѣ этихъ побоевъ день или два, то господинъ не подлежитъ наказанію, такъ какъ рабъ—его деньги». Что за народъ, у котораго законъ гражданскій долженъ былъ до такой степени расходиться съ закономъ естественнымъ! [3])

По одному закону грековъ [4]), рабы, подвергавшіеся слишкомъ суровому обращенію со стороны своихъ господъ, могли требовать, чтобы ихъ продали другому лицу. Въ послѣднія времена Рима, тамъ тоже существовалъ подобный законъ [5]): господинъ, озлобленный на своего раба и рабъ, озлобленный на своего господина, должны были быть разлучены.

Необходимо, чтобы рабъ, обиженный не своимъ господиномъ, могъ жаловаться на него судьѣ. Такъ какъ законы Платона [6]) и законы большей части народовъ лишили рабовъ естественной охраны, то надо имъ предоставить охрану гражданскую.

Въ Лакедемонѣ рабы были совершенно беззащитны противъ всякаго рода обидъ. Несчастіе ихъ дошло до того, что они были не только рабами гражданина, но и рабами общества; они принадлежали всѣмъ и одному. У римлянъ вредъ, причиненный рабу, оцѣнивался лишь съ точки зрѣнія выгоды его господина [7]). Законъ Аквилія не дѣлалъ различія между пораненіемъ животнаго и пораненіемъ раба; въ обоихъ случаяхъ имѣлось въ виду лишь уменьшеніе ихъ цѣны. Въ Аѳинахъ [8]) наказы-

---

[1]) См. законъ 3-й въ Кодексѣ *de patria potestate* Александра (Севера) (М.).

[2]) Исходъ. гл. XXI.

[3]) Въ этомъ нельзя видѣть особенной іудейской свирѣпости: не видно, чтобы евреи были жестоки къ своимъ рабамъ. Но разъ, въ глазахъ закона, рабъ является вещью своего господина—естественно (употребляя выраженіе Монтескье) думать, что господинъ достаточно наказанъ тѣмъ, что потерялъ свою вещь. Та же самая законодательная жестокость встрѣчается въ большинствѣ странъ, гдѣ господствуетъ рабство. Въ этомъ отношеніи и новыя и древнія времена одинаково гнусны.

[4]) Плутархъ, *О предразсудкахъ*. (М.).

[5]) См. установленія Антонина Пія. *Institut.*, кн. I, тит. VII. (М.).

[6]) *О законахъ*, кн. IX. (М.). Ниже. кн. XXVI, гл. II.

[7]) Таковъ былъ нерѣдко духъ законовъ народовъ, вышедшихъ изъ Германіи, какъ это можно видѣть въ ихъ кодексахъ. (М.). Таковы были всѣ законы о черныхъ Америки.

[8]) Демосѳенъ. *Orat. contra Midiam*, стр. 160, изд. франкфуртское 1604 г.

вали строго, иногда даже смертью, за жестокое обращеніе съ чужимъ рабомъ. Законъ аѳинскій не хотѣлъ присоединять утрату безопасности къ утратѣ свободы [1]).

ГЛАВА XVIII.

Объ освобожденіи рабовъ.

Ясно, что чѣмъ болѣе у республики рабовъ, тѣмъ большее количество ихъ она должна освобождать отъ рабства. Зло тутъ въ томъ, что если рабовъ слишкомъ много, то ихъ трудно удерживать въ повиновеніи; а если слишкомъ много вольноотпущенныхъ, то они, за невозможностью прокормить себя, становятся бременемъ для республики, не говоря уже о томъ, что послѣдняя можетъ одинаково находиться въ опасности и отъ слишкомъ большого количества вольноотпущенныхъ, и отъ слишкомъ большого количества рабовъ. Итакъ, законы не должны упускать изъ виду оба эти неудобства.

Различные законы и постановленія сената, которые были изданы въ Римѣ за и противъ рабовъ, то въ видахъ стѣсненія, то въ видахъ облегченія ихъ освобожденія, ясно показываютъ въ какомъ затрудненіи находились тогда по этому поводу. Были даже времена, когда совсѣмъ не смѣли издавать законовъ. Когда, при Неронѣ [2]), въ сенатѣ было предложено дозволить патронамъ возвращать въ рабское состояніе неблагодарныхъ вольноотпущенниковъ, императоръ написалъ, чтобы не дѣлали никакихъ общихъ постановленій по этому предмету, но каждый частный случай обсуждали въ отдѣльности.

Трудно сказать, какія мѣры должна бы принять въ этомъ отношеніи благоустроенная республика; все это слишкомъ зависитъ отъ обстоятельствъ. Но вотъ нѣсколько соображеній.

Не слѣдуетъ дѣлать разомъ и въ силу общаго закона значительнаго количества освобожденій. Извѣстно, что у Вальсиніевъ [3]) вольноотпущенники, ставши господами голосованія, провели чудовищный законъ, который давалъ имъ право проводить первую ночь съ женщинами, выходившими замужъ за свободнорожденныхъ.

Есть разные способы незамѣтно вводить въ республику новыхъ гражданъ. Законы могутъ оказать содѣйствіе улучшенію экономическаго положенія рабовъ, и этимъ дать имъ возможность выкупать свою свободу; они могутъ положить извѣстный срокъ рабству, подобно законамъ Моисея, которые ограничили рабство у евреевъ шестью годами; хорошо также

[1]) Это новое доказательство гуманности грековъ: они въ рабѣ видѣли человѣка. Но въ Римѣ до Антонина и въ Америкѣ до войны за освобожденіе на раба смотрѣли лишь какъ на рабочее животное.

[2]) Тацитъ, *Анналы*, кн. XIII, гл. XXVII. (М.).

[3]) Прибавленіе Фрейнсгеміуса, декада II, кн. V. (М.).

ежегодно отпускать на волю [1]) нѣкоторое количество рабовъ изъ числа тѣхъ, которые по своему возрасту, состоянію здоровья и трудолюбію въ состояніи добывать средства къ жизни. Можно даже лечить зло въ самомъ его корнѣ: такъ какъ количество рабовъ связано съ количествомъ различныхъ занятій, составляющихъ ихъ обязанность, то можно уменьшить ихъ число, перенося съ рабовъ на свободнорожденныхъ нѣкоторую часть этихъ занятій, каковы, напримѣръ, торговля или мореплаваніе.

Если вольноотпущенныхъ много, то всѣ ихъ обязанности по отношенію къ ихъ патронамъ должны быть или опредѣлены закономъ, или обозначены въ самомъ договорѣ объ ихъ освобожденіи.

Понятно, что положеніе ихъ должно быть болѣе благопріятно въ области гражданской, чѣмъ въ области политической, такъ какъ даже при народномъ правленіи власть не должна находиться въ рукахъ низшаго слоя населенія.

Въ Римѣ, гдѣ было столько вольноотпущенниковъ, были по этому предмету превосходные законы. Имъ дали немного, но не отказали ни въ чемъ. Они имѣли нѣкоторое участіе въ законодательствѣ, но не оказывали почти никакого вліянія на рѣшенія законодательныхъ собраній. Они были допущены къ должностямъ, не исключая и жреческихъ [2]), но не могли пользоваться этой привилегіей вслѣдствіе своего безсилія при выборахъ. Имъ была открыта военная служба, но для того, чтобы быть солдатомъ, надо было имѣть извѣстный цензъ. Ничто не мѣшало вольноотпущеннымъ вступать посредствомъ браковъ въ родство съ семьями свободнорожденныхъ, но имъ не было возможности вступать въ такое родство съ семьями сенаторовъ. Наконецъ дѣти вольноотпущеннаго признавались свободнорожденными, хотя бы самъ онъ и не былъ таковымъ

ГЛАВА XIX.

О вольноотпущенныхъ евнухахъ.

Итакъ, въ правленіи многихъ, часто бываетъ полезно, чтобы положеніе вольноотпущенныхъ было лишь немногимъ ниже положенія свободнорожденныхъ, и такъ поставлено закономъ, чтобы они не питали отвращенія къ своему состоянію. Но въ правленіи одного, гдѣ царствуютъ роскошь и произволъ, ничего такого уже не требуется. Тамъ вольноотпущенники почти всегда стоятъ выше свободныхъ людей: они господствуютъ при дворѣ государя и въ дворцахъ вельможъ; и такъ какъ они стараются угождать слабостямъ своего господина, а не его добродѣтелямъ, то и заставляютъ его царствовать не посредствомъ его добродѣтелей, а

[1]) Исходъ, гл. XXI. (М.).
[2]) Тацитъ *Анналы*, кн. XIII, гл. XVII (М.).

посредствомъ его слабостей. Таковы были въ Римѣ вольноотпущенные во времена императоровъ.

Что же касается до евнуховъ, занимающихъ высшее мѣсто между рабами, то какія бы привилегіи имъ ни были предоставлены, на нихъ все же нельзя смотрѣть, какъ на гражданъ; такъ какъ, не имѣя возможности имѣть собственную семью и будучи, по природѣ своей должности, приставлены къ чужой семьѣ, они только посредствомъ нѣкотораго рода фикціи могутъ считаться гражданами.

И однако есть страны, гдѣ имъ поручаются всякія должности. Дампіеръ [1]) говоритъ, что «въ Тонкинѣ [2]) всѣ мандарины, гражданскіе и военные,—евнухи. У нихъ нѣтъ семьи, и хотя они естественно люди скупые и жадные, но самая жадность ихъ въ концѣ концовъ идетъ на пользу ихъ господину или государю».

Тотъ же Дампіеръ [3]) разсказываетъ, что въ этихъ странахъ евнухи не могутъ обойтись безъ женщинъ, и что они женятся. Законъ, дозволяющій имъ жениться, не можетъ имѣть другого основанія, кромѣ уваженія, которымъ тамъ пользуются подобные люди, съ одной стороны, и того презрѣнія, которое тамъ питаютъ къ женщинамъ, съ другой стороны.

Итакъ, этимъ людямъ поручаются различныя должности, потому что у нихъ нѣтъ семьи; а, съ другой стороны, имъ дозволяется жениться, потому что у нихъ есть должности.

И вотъ тогда-то страсти, которыя у нихъ остались, упорно стремятся возмѣстить тѣ, которыя ими утрачены, и предпріятія, внушенныя отчаяніемъ, становятся для нихъ чѣмъ-то въ родѣ наслажденія. Такъ, у Мильтона, Духъ, у котораго ничего не осталось, кромѣ желаній, проникнутый всей глубиной своего униженія, стремится обратить въ силу даже безсиліе свое.

Исторія Китая представляетъ намъ великое множество законовъ, воспрещающихъ евнухамъ всѣ гражданскія и военныя должности; но онѣ все-таки достаются имъ. Кажется, что, на Востокѣ, евнухи составляютъ необходимое зло.

---

[1]) Томъ III, стр. 91. (М.).

[2]) То же было нѣкогда и въ Китаѣ. Оба араба магометанина, которые въ IX вѣкѣ путешествовали тамъ, означаютъ правителей городовъ словомъ евнухъ. (М.). Описанія ихъ путешествій были изданы на французскомъ языкѣ аббатомъ Ренодо. Парижъ, 1718. in-8°.

[3]) Томъ III, стр. 94. (М.).

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ [1]).

Объ отношеніи законовъ рабства домашняго къ природѣ климата.

ГЛАВА I.

О рабствѣ домашнемъ.

Рабы не столько входятъ въ составъ семьи, сколько предназначены для семьи [1]). Поэтому я отличаю рабство въ собственномъ смыслѣ отъ того положенія, въ которомъ находятся женщины въ нѣкоторыхъ странахъ и которое я буду называть домашнимъ рабствомъ.

ГЛАВА II.

О естественномъ неравенствѣ половъ въ южныхъ странахъ.

Въ жаркихъ климатахъ женщины становятся зрѣлыми для брака [2]) въ восьми или девятилѣтнемъ возрастѣ; поэтому дѣтство и бракъ тамъ почти всегда идутъ рядомъ. Въ двадцать лѣтъ онѣ уже старухи; такъ что расцвѣтъ разума никогда у нихъ не совпадаетъ съ расцвѣтомъ красоты. Когда онѣ могли бы властвовать красотой, онѣ еще не могутъ властвовать разумомъ; а когда онѣ могли бы властвовать разумомъ — красоты уже нѣтъ. И такъ какъ разумъ не можетъ имъ доставить подъ старость ту власть, которой не дала имъ, во время ихъ юности, даже красота,

---

[1]) Этой книгой начинается томъ второй женевскаго изданія «Духа Законовъ» 1749 года. По поводу эпиграфа къ этому тому *Docuit quae maximus Atlas*, авторъ дѣлаетъ на оборотѣ заглавнаго листка слѣдующее примѣчаніе:

Много разсуждали объ эпиграфѣ къ тому первому: *Prolem sine matre creatam*, но ничего не сказали объ эпиграфѣ къ тому второму. Очевидно, мнѣ кажется, что смыслъ его: *То, чему научило меня изученіе природы и ея непоколебимыхъ законовъ.*

...Cithara crinitus Iopas
Personat aurata docuit quae maximus Atlas.
Hic canit errantem lunam, solisque labores;
Unde hominum genus et pecudes, inde imber et ignes;
Arcturum, pluviasque Hyadas, geminosque Triones;
Quid tantum Oceano properent se tingere soles
Hiberni, vel quae tardis mora noctibus obstet.
Виргилій. Энеида. I, 740 и сл.

[2]) Какъ указывалъ Аристотель. См. кн. XV, гл. I. (Паррель).

[3]) Магометъ женился на Хадиджѣ *), когда ей было пять лѣтъ, а раздѣлилъ съ нею брачное ложе, когда ей было восемь лѣтъ. Въ жаркихъ странахъ Индіи и Аравіи женщины достигаютъ половой зрѣлости въ восьмилѣтнемъ возрастѣ и черезъ годъ послѣ этого рождаютъ. Придо (Prideaux), *Жизнь Магомета*. Въ государствахъ Алжиріи бываетъ, что женщины рождаютъ, имѣя девять, десять и одиннадцать лѣтъ отъ роду. Ложье де Тасси, *Исторія государства Алжирскаго*, стр. 61. (М.).

---

*) Хадиджѣ было сорокъ лѣтъ, когда она вышла замужъ за Магомета; а шестилѣтняя дѣвушка, на которой женился пророкъ, называлась Аиша.

то зависимость становится удѣломъ женщинъ. Поэтому нѣтъ ничего необычайнаго въ томъ, что тамъ мужчина покидаетъ свою прежнюю жену— если религія не противится этому — чтобы взять себѣ новую, и водворяется многоженство.

Въ странахъ съ умѣреннымъ климатомъ, гдѣ женскія прелести лучше сохраняются, гдѣ половая зрѣлость наступаетъ позднѣе и гдѣ женщины рождаютъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, онѣ старѣются почти одновременно со своими мужьями, и такъ какъ, во время вступленія въ бракъ, у нихъ больше разума и знаній, уже по одному тому, что онѣ больше жили, то между обоими полами естественно должно было установиться нѣкоторое равенство, а слѣдовательно и законъ единоженства.

Въ странахъ съ холоднымъ климатомъ, почти необходимое употребленіе крѣпкихъ напитковъ развиваетъ невоздержаніе между мужчинами [1]), и женщины, которыя обладаютъ въ этомъ отношеніи естественною сдержанностью, потому что имъ всегда приходится защищаться, такимъ образомъ имѣютъ надъ ними еще и преимущество разума.

Природа, давшая въ отличіе мужчинамъ силу и разумъ, не положила никакого другого предѣла ихъ власти, кромѣ того, который заключается въ этой силѣ и этомъ разумѣ. Женщинѣ она даровала прелести красоты и опредѣлила, чтобы вмѣстѣ съ ними оканчивалось и вліяніе женщины; но въ жаркихъ странахъ онѣ встрѣчаются только въ началѣ, а не въ въ продолженіе жизни женщинъ.

Итакъ, законъ, дозволяющій имѣть только одну жену, относится болѣе къ физическимъ свойствамъ климата Европы, чѣмъ къ физическимъ свойствамъ климата Азіи. Это одна изъ причинъ, почему магометанство такъ легко установилось въ Азіи и съ такимъ трудомъ распространилось на Европу; почему христіанство удержалось въ Европѣ и было уничтожено въ Азіи, и почему, наконецъ, въ Китаѣ такъ много преуспѣваютъ магометане, и такъ мало—христіане. Человѣческія соображенія всегда подчиняются той высшей причинѣ, которая дѣлаетъ все, что хочетъ, и пользуется всѣмъ, что ей нужно [2]).

По нѣкоторымъ особымъ причинамъ, Валентиніанъ [3]) дозволилъ многоженство въ имперіи. Этотъ законъ, противный нашимъ естественнымъ условіямъ, былъ отмѣненъ [4]) Ѳеодосіемъ, Аркадіемъ и Гоноріемъ.

---

[1]) См. кн. XIV, гл. X.

[2]) Эта послѣдняя фраза встрѣчается впервые въ изданіи 1758 г. Она, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ тѣмъ вставкамъ, которыя Монтескье дѣлалъ въ видахъ обезоруженія «Конгрегаціи индекса».

[3]) См. Іорнанда, *De regno et tempor. succes.* и церковныхъ историковъ. (М.). Эти церковные историки сводятся къ Сократу; но Сократъ—писатель довольно далекій отъ времени Валентіана, а Іорнандъ только копировалъ его. Эту басню опровергли Боссюэ и Тиллемонъ, *Исторія императоровъ*, т. V, примѣч. 28 о Валентіанѣ. (Crévier).

[4]) См. законъ 7 въ кодексѣ *De Judaeis et coelicolis;* и новел. 18, гл. V. (М.).

ГЛАВА III.

Что многоженство много зависитъ отъ стоимости содержанія женъ.

Хотя въ странахъ, гдѣ однажды установлено многоженство, большое число женъ много зависитъ отъ богатства ихъ мужа, однако нельзя сказать, чтобы причина установленія въ государствѣ полигаміи заключалась въ богатствѣ: къ тому же послѣдствію можетъ привести и бѣдность, какъ я это покажу, говоря о дикаряхъ.

Полигамія — не столько роскошь, сколько одинъ изъ поводовъ проявленія большой роскоши у богатыхъ націй. Въ жаркихъ климатахъ у людей меньше потребностей [1]) и менѣе нужно средствъ на содержаніе жены и дѣтей. Поэтому тамъ можно имѣть и бо́льшее количество женъ.

ГЛАВА IV.

О многоженствѣ и его различныхъ причинахъ [2]).

По произведеннымъ въ разныхъ мѣстахъ Европы исчисленіямъ, тамъ рождается больше мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ [3]); а въ описаніяхъ Азіи [4]) и Африки [5]) говорится, что тамъ рождается больше дѣвочекъ, чѣмъ мальчиковъ. Законы единоженства въ Европѣ и многоженства въ Азіи и въ Африкѣ [6]) имѣютъ, слѣдовательно, нѣкоторое отношеніе къ климату [7]).

Въ холодныхъ климатахъ Азіи, какъ и въ Европѣ, рождается больше мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ. Въ этомъ, говорятъ ламы [8]), заключается причина, почему у нихъ законъ дозволяетъ женщинѣ имѣть многихъ мужей [9]).

Но я не думаю, чтобы было много странъ, гдѣ эта неравномѣрность настолько значительна, что надо вводить въ нихъ законы, устанавливающіе

---

[1]) Въ Цейлонѣ человѣкъ живетъ на десять су въ мѣсяцъ; тамъ питаются только рисомъ да рыбой. *Собраніе путешествій, послужившихъ къ основанію Индійской компаніи*, т. II, часть I. (М.).

[2]) Въ изд. А. и В.: *Что законъ полигаміи есть дѣло расчета.* Это заглавіе вызвало сильныя нападки на автора, что, конечно, и заставило его замѣнить другимъ въ послѣдующемъ изданіи. См. *Защита Духа законовъ*, часть вторая.

[3]) Г. Арбетнотъ находитъ, что въ Англіи число мальчиковъ превосходитъ число дѣвочекъ; отсюда пришли къ неправильному заключенію, что оно такъ и во всѣхъ климатахъ. (М.).

[4]) См. сообщеніе Кемпфера о томъ, что въ Меако исчислено 182,072 мужчинъ и 223,573 женщинъ. (М.).

[5]) См. *Путешествіе по Гвинеѣ* Г. Смита, вторая часть, о странѣ Анте. (М.).

[6]) Слова: *и въ Африкѣ*—прибавлены въ изд. 1758, какъ и почти все, касающееся Африки.

[7]) См. кн. XXIII, гл. XII.

[8]) Дю Гальдъ. *Записки о Китаѣ*, т. IV, стр. 4. (М.).

[9]) Альбузеиръ-эль-Гассанъ, одинъ изъ двухъ арабовъ магометанъ, посѣтившихъ въ IX вѣкѣ Индію и Китай принималъ этотъ обычай за проституцію, до такой степени онъ оскорблялъ воззрѣнія магометанъ. (М.). Ср. гл. XIX.

многоженство или многомужіе. Все это значитъ только, что въ нѣкоторыхъ странахъ численное преобладаніе женщинъ или даже мужчинъ болѣе или менѣе удаляется отъ естественной пропорціи, чѣмъ въ другихъ странахъ [1]).

Признаюсь, что если бы то, что намъ сообщаютъ о Бантамѣ [2]), а именно, что тамъ на одного мужчину приходится десять женщинъ, было вѣрно, то это былъ бы очень исключительный случай полигаміи.

Говорю все это не для того, чтобы оправдывать обычаи, а для того, чтобы объяснить ихъ.

ГЛАВА V.

Причина одного закона на Малабарѣ.

На Малабарскомъ берегу, въ кастѣ найровъ [3]), мужчина можетъ имѣть только одну жену, а женщина, напротивъ, можетъ имѣть много мужей. Я думаю, что возможно обнаружить причину этого обычая. Найры—это каста благородныхъ, которые всѣ, у этихъ народовъ, солдаты. Въ Европѣ солдатамъ препятствуютъ жениться. Въ Малабарѣ, гдѣ климатъ болѣе требователенъ, удовольствовались возможно большимъ облегченіемъ для нихъ бремени брака, и чтобы ослабить ихъ привязанность къ семьѣ, облегчить имъ хозяйственныя заботы и сохранить въ неприкосновенности ихъ воинственный духъ, дали нѣсколькимъ мужчинамъ по одной женщинѣ.

ГЛАВА VI.

Многоженство само по себѣ.

Многоженство, разсматриваемое вообще, независимо отъ обстоятельствъ, въ силу которыхъ оно можетъ быть до нѣкоторой степени терпимо, не приноситъ никакой пользы ни роду человѣческому, ни лицамъ обоихъ половъ, ни тому, кто злоупотребляетъ, ни тому, которымъ злоупотребляютъ [4]). Не приноситъ оно пользы и дѣтямъ; и одно изъ главныхъ

---

[1]) Не есть ли это вопросъ цивилизаціи? Не говоритъ ли намъ Цезарь, что древніе бретонцы жили въ безбрачномъ смѣшеніи половъ? (*Галльская война*. V., XIV).

[2]) *Собраніе путешествій, послужившихъ къ основанію Индійской компаніи*, т. I. (М.).

[3]) *Путешествія* Франсуа Пирара, гл. XXVII, *Поучительныя письма*, третье и шестое собраніе, о племени маллеами на Малабарскомъ берегѣ. Въ этомъ видятъ злоупотребленіе военной профессіи, и, какъ говоритъ Пираръ, женщина изъ касты браминовъ никогда не согласится имѣть нѣсколько мужей. (М.).

[4]) Вообще замѣчено, что какъ въ Персіи, такъ и на всемъ Востокѣ, многоженство не способствуетъ увеличенію населенія, и что въ Персіи семьи обыкновенно менѣе многочисленны, чѣмъ во Франціи. Говорятъ, что это происходитъ отъ того, что мужчины и женщины сходятся другъ съ другомъ слишкомъ рано, не дождавшись зрѣлаго возраста, и вмѣсто того, чтобы беречь свои силы, разгорячаютъ себя посредствомъ разныхъ возбудительныхъ снадобій, которыя

его неудобствъ состоитъ въ томъ, что при немъ отецъ и мать не могутъ имѣть одинаковой привязанности къ дѣтямъ; отецъ не можетъ любить двадцать человѣкъ дѣтей такъ, какъ мать любитъ двухъ. Но еще хуже, когда у женщины нѣсколько мужей; такъ какъ въ такомъ случаѣ отцовская любовь держится лишь на мнѣніи, что отецъ, если пожелаетъ, можетъ повѣрить, или что другіе могутъ повѣрить, что нѣкоторыя дѣти принадлежатъ ему.

Говорятъ, что у марокскаго государя въ сералѣ есть женщины бѣлыя, женщины черныя и женщины жолтыя. Несчастный! едва ли онъ нуждается и въ одномъ-то цвѣтѣ [1]).

Обладаніе многими женами не предупреждаетъ вожделѣнія [2]) къ чужой женѣ. Сладострастіе подобно скупости: жажда его распаляется вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ сокровищъ.

Во время Юстиніана, нѣкоторые философы, стѣсненные христіанствомъ, удалились въ Персію къ Хозрою. Агаѳій [3]) говоритъ, что тамъ ихъ всего болѣе поразило то, что полигамія была дозволена людямъ, которые не воздерживались даже отъ прелюбодѣянія.

Многоженство, кто бы могъ подумать! ведетъ даже къ той любви, которая отвергается природой: такъ одно распутство всегда влечетъ за собой другое. Говорятъ, что во время волненій въ Константинополѣ, происшедшихъ при сверженіи султана Ахмеда [4]), народъ, грабившій домъ кіяи (министра двора) не нашелъ въ немъ ни одной женщины. Говорятъ, что въ Алжирѣ [5]) дѣло дошло до того, что въ большинствѣ тамошнихъ сералей совсѣмъ нѣтъ женщинъ.

ГЛАВА VII.

О равенствѣ обращенія случаѣ въ многоженства.

Изъ закона о многоженствѣ вытекаетъ равенство между женами. Магометъ, который дозволяетъ имѣть четыре жены, требуетъ, чтобы онѣ были равны во всемъ: въ пищѣ, одеждѣ и вниманіи супруга. Такой-же законъ установленъ у малдивовъ [5]), гдѣ можно жениться на трехъ женщинахъ.

Законъ Моисея [6]) даже предписываетъ, чтобы сынъ, которому отецъ далъ въ жены рабу и который впослѣдствіи женился на свободной жен-

---

истощаютъ ихъ. Поэтому женщины на Востокѣ очень скоро перестаютъ рождать, а именно съ двадцати семи или тридцати лѣтняго возраста. Шардэнъ, *Путешествіе по Персіи*, гл. XII.

[1]) Въ изд. А. и В. нѣтъ этого параграфа, похожаго болѣе на шутку чѣмъ на серьезное замѣчаніе.

[2]) Потому-то на Востокѣ такъ старательно и прячутъ женщинъ. (М.).

[3]) *О жизни и дѣяніяхъ Юстиніана*, стр. 403. (М.).

[4]) Ахметъ III былъ свергнутъ съ престола янычарами въ 1730 г.

[5]) *Путешествія* Франсуа Пирара, гл. XII. (М.).

[6]) Исходъ, гл. XXI, стихи 10 и 11. (М.).

щинѣ, не отнималъ у своей первой жены ничего изъ ея одеждъ, пищи и вниманія супруга. Новой супругѣ можно было дать больше, но прежняя не должна получать меньше прежняго.

ГЛАВА VIII.

Объ отдѣленіи женщинъ отъ мужчинъ.

Одно изъ послѣдствій многоженства заключается въ томъ, что у народовъ сладострастныхъ и богатыхъ люди имѣютъ очень большое количество женъ. Отдѣленіе послѣднихъ отъ мужчинъ и ихъ затворничество естественно вытекаютъ изъ такого ихъ количества; домашній порядокъ требуетъ этого: несостоятельный должникъ старается укрыться отъ преслѣдованія своихъ кредиторовъ. Есть такіе климаты, гдѣ правила нравственности совершенно безсильны передъ физическими потребностями. Оставьте мужчину наединѣ съ женщиной—и всякій соблазнъ приведетъ къ паденію, и всякое нападеніе будетъ побѣдоносно, а сопротивленіе—ничтожно. Въ этихъ странахъ, вмѣсто моральныхъ правилъ, нужны замки.

Одна классическая книга Китая [1]) видитъ чудо добродѣтели въ поведеніи человѣка, который, оставшись въ отдаленной комнатѣ наединѣ съ женщиной, не изнасиловалъ этой женщины.

ГЛАВА IX.

Связь домашняго управленія съ политическимъ.

Республика ставитъ гражданина въ условія жизни умѣренной, тихой, ровной и ограниченной; тамъ на всемъ лежитъ печать общественной свободы. Власть надъ женщинами не могла-бы тамъ проявиться съ достаточной силой; и когда эта власть была обусловлена климатомъ, наиболѣе подходящей для нея средой оказалось правленіе одного. Вотъ одна изъ причинъ, почему всегда было трудно установить народное правленіе на Востокѣ.

Наоборотъ, рабство женщинъ вполнѣ сообразно съ духомъ правленія деспотическаго, которое охотно злоупотребляетъ всѣмъ. Потому-то въ Азіи домашнее рабство шло всегда рядомъ съ деспотическимъ правленіемъ.

Въ государствѣ, гдѣ прежде всего требуютъ спокойствія и гдѣ доведенную до крайности покорность называютъ миромъ, надо держать женщинъ взаперти, потому что ихъ интриги могли бы имѣть роковыя послѣдствія для ихъ мужей. Правительство, у котораго нѣтъ времени вхо-

---

[1]) «Найти въ сторонкѣ кладъ, которымъ можно овладѣть, или одинокую и прекрасную женщину въ укромномъ мѣстѣ; услышать голосъ своего врага, который погибаетъ – вотъ превосходный пробный камень».—Переводъ китайскаго сочиненія о морали въ книгѣ о. дю Гальда. т. III, стр. 151. (М).

дить въ разсмотрѣніе поведенія подданныхъ, относится къ нимъ съ подозрѣніемъ по одному тому, что они выставляются напоказъ и даютъ о себѣ знать.

Предположимъ на мгновеніе, что легкомысліе и нескромность, симпатіи и антипатіи нашихъ женщинъ, ихъ страсти и пристрастія были бы перенесены въ одно изъ государствъ Востока, со всею ихъ стремительностью и при всей свободѣ, съ которой онѣ проявляются у насъ; какой отецъ семейства могъ бы имѣть минуту спокойствія? Вездѣ подозрительные люди, повсюду враги; государство было бы потрясено, и полились бы потоки крови [1]).

ГЛАВА X.

Принципъ нравственности Востока.

Чѣмъ болѣе разстраивается единство семьи при многоженствѣ, тѣмъ болѣе отдѣлившіяся отъ нея части должны быть притягиваемы къ центру законами; и чѣмъ больше различія въ интересахъ, тѣмъ необходимѣе сводить ихъ къ одному интересу закономъ.

Это достигается преимущественно посредствомъ затворничества. Женщины должны быть отдѣлены отъ мужчинъ не только что стѣнами дома, но еще и внутри этихъ стѣнъ, такъ чтобы онѣ являлись какъ бы отдѣльной семьею въ семьѣ. Изъ этого положенія вытекаютъ всѣ обязательныя для нихъ правила морали: стыдливость, цѣломудріе, сдержанность, молчаливость, кротость, послушаніе, почтеніе, любовь и, наконецъ, общее направленіе чувствъ къ тому, что, по природѣ своей, есть самое лучшее въ мірѣ, а именно къ привязанности къ семьѣ [2]).

Женщинамъ естественно предстоитъ выполнять столько свойственныхъ имъ обязанностей, что необходимо усиленное вниманіе для того, чтобы отдалить ихъ отъ всякихъ забавъ и дѣлъ, которыя могли бы внушить имъ иныя мысли.

Въ различныхъ государствахъ Востока чистота нравовъ находится въ прямомъ отношеніи къ болѣе совершенному затворничеству женщинъ. Въ большихъ государствахъ есть, конечно, и большіе господа, и чѣмъ они богаче, тѣмъ болѣе у нихъ возможности держать своихъ женъ въ болѣе полномъ заключеніи и съ большимъ успѣхомъ противодѣйствовать ихъ возвращенію въ общество. Потому-то въ Турціи, Персіи, Китаѣ, Японіи и въ государствѣ Могола такъ изумительно хороши нравы женщинъ [3]).

---

[1]) См. кн. VII, гл. IX.

[2]) Трудно допустить, чтобы при многоженствѣ и гаремахъ могла существовать большая привязанность къ семьѣ, такъ какъ при этомъ семья, въ томъ смыслѣ, который мы придаемъ этому слову, не существуетъ.

[3]) Это утвержденіе нуждается въ доказательствѣ. Гаремы никогда не слыли пріютами невинности и чистоты, и трудно допустить, что добродѣтель женщинъ зависитъ отъ строгаго обращенія съ ними и затворничества.

Но нельзя сказать того же объ Индіи. Вслѣдствіе положенія ея и множеству островов, она распалась на безчисленныя небольшія государства, ставшія, по великому множеству причинъ, которыя здѣсь не время излагать, деспотическими.

Населеніе этихъ государствъ состоитъ только изъ нищихъ, которые грабятъ, и нищихъ, которыхъ грабятъ. Тѣ, которыхъ тамъ называютъ знатными, имѣютъ очень небольшія средства а тѣ, которыхъ называютъ богатыми, имѣютъ лишь необходимое. Тамъ затворничество женщинъ не можетъ быть столь совершеннымъ; тамъ нельзя принимать противъ нихъ столь большихъ предосторожностей, и развращеніе ихъ нравовъ превышаетъ всякое воображеніе.

Здѣсь можно видѣть до какихъ крайностей доходятъ пороки, внушаемые климатомъ, когда имъ предоставлена слишкомъ большая свобода; здѣсь природа проявляетъ поразительную силу, а стыдливость такое-же безсиліе. Въ Патанѣ [1]) похотливость [2]) женщинъ такъ велика, что мужчины вынуждены прибѣгать къ особаго рода приборамъ, чтобы оградить себя отъ ихъ покушеній. По словамъ М. Смита [3]), не лучше обстоятъ дѣла и въ малыхъ государствахъ Гвинеи. Кажется, въ этихъ странахъ люди утрачиваютъ даже свойственные ихъ полу законы.

ГЛАВА XI.

О рабствѣ домашнемъ, независимомъ отъ многоженства.

Въ нѣкоторыхъ странахъ Востока затворничество женщинъ вызывается не однимъ только многоженствомъ, но еще и климатомъ. Всякій, кто прочтетъ объ ужасахъ, преступленіяхъ, коварствахъ, низостяхъ, отравленіяхъ, убійствахъ, которые являются слѣдствіемъ свободы женщинъ въ Гоа и въ португальскихъ владѣніяхъ Индіи, гдѣ религія не дозволяетъ

---

[1]) *Собраніе путешествій, послужившихъ къ основанію индійской компаніи*, т. II, часть II, стр. 196. (М.). Монтескье часто цитируетъ этихъ путешественниковъ. Но показанія ихъ требуютъ провѣрки. Теперь, при большемъ знакомствѣ съ Индіей, нельзя не видѣть басень въ ихъ разсказахъ, которымъ слишкомъ довѣрялъ Монтескье.

[2]) Но Малдивахъ отцы выдаютъ замужъ своихъ десяти и одиннадцатилѣтнихъ дочерей, такъ какъ было бы большимъ грѣхомъ, говорятъ они, лишать ихъ долѣе потребности въ мужчинѣ. *Путешествія* Фр. Пирара, гл. XII.—Въ Бонтомѣ тринадцати или четырнадцати лѣтнюю дѣвушку надо уже выдавать замужъ, если не хотятъ, чтобы она вдалась въ развратъ. *Собраніе путешествій, послуживш. къ основ. индійск. комп.*, стр. 348. (М.).

[3]) *Путешествіе по Гвинеѣ*, вторая часть, стр. 192 перевода: «Женщины, говоритъ онъ, встрѣтивъ мужчину, накидываются на него и угрожаютъ донести на него своимъ мужьямъ, если онъ противится. Онѣ украдкой пробираются на постель къ спящему мужчинѣ, будятъ его, и въ случаѣ отказа съ его стороны угрожаютъ дать захватить себя на мѣстѣ преступленія». (М.). Фразы *по словамъ М. Смита*, и проч., и примѣчанія къ ней нѣтъ, въ изданіяхъ А. и В. См. гл. IV, прим. 5.

имѣть болѣе одной жены, и сравнить это съ чистыми нравами женщинъ въ Турціи, Персіи, Китаѣ, Японіи и государствѣ Могола,—увидитъ ясно, что часто бываетъ столь-же необходимо отдѣлять женщинъ отъ мужчинъ при одной женѣ, какъ и при многоженствѣ.

Въ этихъ случаяхъ рѣшительное слово должно принадлежать климату [1]). Зачѣмъ было-бы, напримѣръ, подвергать заключенію женщинъ въ нашихъ странахъ сѣвера, гдѣ нравы ихъ хороши отъ природы, гдѣ страсти ихъ такъ спокойны, такъ мало стремительны и такъ мало изощрены; гдѣ власть любви такъ благоразумно управляетъ сердцемъ, что достаточно самыхъ легкихъ мѣръ для того, чтобы управлять ими.

Счастливы люди, живущіе въ этихъ климатахъ, которые дозволяютъ имъ общеніе другъ съ другомъ; гдѣ полъ, наиболѣе привлекательный, составляетъ украшеніе общества, и гдѣ женщины, назначившія себя для счастія одного, являются источникомъ веселья также для всѣхъ.

ГЛАВА XII.

О естественной стыдливости [2]).

Всѣ народы одинаково относятся съ презрѣніемъ къ невоздержности женщинъ, потому что всѣ они повинуются голосу природы. Она установила нападеніе; она-же установила и защиту, и, внушивъ обѣимъ сторонамъ желанія, дала одной дерзость, а другой стыдъ. Она дала людямъ много времени для заботъ о самосохраненіи и лишь короткіе моменты для воспроизведенія себѣ подобныхъ.

Поэтому неправда, будто, предаваясь невоздержности, люди слѣдуютъ законамъ природы: они, напротивъ, нарушаютъ ихъ; скромность и самообладаніе—вотъ что предписывается этими законами.

Кромѣ того, въ природѣ разумныхъ существъ заключается способность чувствовать свои несовершенства, и потому-то природа и дала намъ стыдливость, т. е. чувство стыда передъ этими несовершенствами.

И если физическая мощь нѣкоторыхъ климатовъ нарушаетъ и естественный законъ обоихъ половъ, и такой-же законъ разумнаго существа, то—дѣло законодателя дать намъ гражданскіе законы, которые противодѣйствовали бы природѣ климата, возстановляя силу первоначальныхъ законовъ.

---

[1]) Не видно, чтобы англичанки, живущія въ Индіи, подвергались какому нибудь ущербу своего достоинства и своихъ добродѣтелей. Поэтому нельзя сказать, чтобы затворничество женщинъ на Востокѣ требовалось единственно климатомъ. Съ неменьшимъ правомъ можно видѣть причину безпорядочности ихъ поведенія въ особенностяхъ расы, въ нравахъ страны или въ ея религіи.

[2]) См. кн. VII, гл. VIII.

ГЛАВА XIII.

О ревности.

Слѣдуетъ тщательно различать у народовъ между ревностью, которая порождается страстью, и тою, которая имѣетъ основаніе въ обычаѣ, нравахъ, законахъ. Одна — пожирающее пламя горячки; другая же, холодная, но порою страшная, можетъ идти рядомъ съ равнодушіемъ и презрѣніемъ [1]).

Одна, будучи извращеніемъ любви, любовью-же и порождается. Другая зависитъ единственно отъ нравовъ и обычаевъ народа, отъ законовъ страны, отъ морали, а иногда даже и отъ религіи [2]).

Она почти всегда является результатомъ физической силы климата и въ то-же время цѣлительнымъ средствомъ противъ нея,

ГЛАВА XIV.

Объ управленіи домомъ на Востокѣ.

На Востокѣ такъ часто мѣняютъ женъ, что имъ не можетъ быть вручено управленіе домомъ. Поэтому его возлагаютъ на евнуховъ; имъ вручаютъ всѣ ключи отъ дома и завѣдываніе всѣми дѣлами его. «Въ Персіи, говоритъ г. Шарденъ, женщины, какъ и дѣти [3]), не сами выбираютъ себѣ свои одежды»; такимъ образомъ ихъ совершенно не касается дѣло, которое такъ имъ свойственно, и повсюду составляетъ одну изъ первыхъ ихъ заботъ.

---

[1]) *Персидскія письма*, VI, русск. пер. стр. 7.

[2]) Магометъ заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ стеречь своихъ женъ. То-же самое сказалъ умирая одинъ иманъ, и этому же училъ и Конфуцій. (М.).

«Персы, по сообщеніямъ Шардена (*Путешествіе по Персіи, О правленіи*, гл. XII), говорятъ, что Магометъ, сказалъ въ предсмертной агоніи своимъ вѣрнымъ: *Храните вашу религію и вашихъ женъ*». Отъ этой заповѣди будто бы и произошло затворничество гарема. Тутъ нѣтъ ничего невозможнаго; но, кажется, что у древнихъ народовъ Востока гаремы уже существовали за много вѣковъ до Магомета.

[3]) Персы говорятъ, что женщины служатъ лишь для рожденія дѣтей, и они не придаютъ никакой цѣны ихъ ловкости, уму и искусству въ разнаго рода работахъ, такъ что женщины тамъ не вмѣшиваются даже въ домашнее хозяйство. Онѣ ведутъ жизнь безпечную, изнѣженную и праздную, проводя дни въ томъ, что или заставляютъ маленькихъ рабынь растирать имъ тѣло, что составляетъ одно изъ высшихъ наслажденій въ Азіи, или занимаются куреніемъ табака, который въ этихъ странахъ отличается такою мягкостью, что можно безъ вреда предаваться этому занятію съ утра до вечера. Болѣе дѣятельныя занимаются разными работами иглою, которыя онѣ выполняютъ очень искусно. Пища и одежда доставляется имъ совсѣмъ готовыми, какъ дѣтямъ. Шарденъ, гл. XII.

ГЛАВА XV

О разводѣ и репудіаціи.

Между разводомъ и репудіаціей та разница, что разводъ совершается по взаимному соглашенію, вслѣдствіе взаимнаго несоотвѣтствія, тогда какъ репудіація совершается по волѣ и въ интересѣ одной изъ сторонъ, независимо отъ интереса и желанія другой стороны.

Репудіація иногда бываетъ такъ необходима для женщинъ и сопряжена для нихъ съ такими тяжелыми послѣдствіями, что законъ, который даетъ это право мужчинамъ, отказывая въ немъ женщинамъ, очень сурово относится къ послѣднимъ. Мужъ—глава дома; у него есть тысячи средствъ заставить женъ исполнять свой долгъ, такъ что это право является въ его рукахъ какъ бы новымъ средствомъ злоупотребленія властью. Со стороны же женщины оно можетъ быть только печальною необходимостью. Необходимость искать себѣ второго мужа послѣ того, какъ она утратила свою привлекательность при первомъ, будетъ для нея всегда большимъ несчастіемъ. Одна изъ существенныхъ для женщины выгодъ ея юныхъ прелестей заключается въ томъ, что воспоминаніе о томъ наслажденіи, которое онѣ доставляли ея мужу въ пору ея молодости, побуждаетъ его относиться къ ней благосклонно и во время ея старости.

Поэтому должно быть принято за общее правило, чтобы во всѣхъ странахъ, гдѣ законъ предоставляетъ мужчинѣ право репудіаціи, то-же право должно быть предоставлено и женщинѣ. Болѣе того: въ климатахъ, гдѣ женщины живутъ въ домашнемъ рабствѣ, кажется, законъ долженъ дозволить женщинамъ репудіацію, а мужчинамъ—только разводъ.

Когда женщинъ держатъ въ сераляхъ, то мужъ не можетъ пользоваться правомъ отвергнуть жену по причинѣ несоотвѣтствія характеровъ, такъ какъ, если согласія нѣтъ, то виноватъ въ этомъ мужъ.

Репудіація вслѣдствіе безплодія жены можетъ имѣть мѣсто только въ случаѣ единобрачія [1]), такъ какъ если женъ много, то эта причина, для мужа, не имѣетъ никакой важности.

Законъ малдивовъ [2]) дозволяетъ вновь соединяться съ отвергнутой женою; а законъ Мексики [3]) запрещаетъ это подъ угрозою смертной казни. Въ этомъ мексиканскомъ законѣ болѣе смысла, чѣмъ въ малдивскомъ: онъ даже и во время расторженія брака не покидаетъ мысли о вѣчности брака; между тѣмъ какъ законъ малдивовъ, кажется, относится съ одинаковымъ пренебреженіемъ и къ браку и къ отлученію.

---

[1]) Это не значитъ, что репудіація по причинѣ безплодія была дозволена христіанствомъ. (М.).

[2]) *Путешествіе* Фр. Пирара. Соединяются съ нею, а не съ другою, потому что это требуетъ меньше расходовъ. (М.).

[3]) *Исторія ея завоеванія.* Солиса, стр. 499. (М.).

Законъ Мексики дозволялъ только разводъ. Въ этомъ заключалась новая причина не допускать сходиться вновь людямъ, которые разлучились по взаимному соглашенію. Репудіація кажется болѣе слѣдствіемъ вспыльчивости и страсти, а разводъ — болѣе результатомъ обдуманнаго рѣшенія.

Разводъ очень полезенъ въ отношеніи политическомъ; что же касается до гражданскаго, то онъ полезенъ для мужа и для жены, но не всегда благопріятенъ для дѣтей [1]).

ГЛАВА XVI.

О репудіаціи и разводѣ у римлянъ.

Ромулъ дозволилъ мужу расторгнуть бракъ съ его женою, если она совершила прелюбодѣяніе, приготовила ядъ или поддѣлала ключи. Но онъ не далъ того же права женѣ по отношенію къ ея мужу. Плутархъ [2]) называетъ этотъ законъ очень суровымъ.

Такъ какъ въ Аѳинахъ законъ [3]) предоставилъ это право обоимъ супругамъ, и такъ какъ римскія женщины получили это право въ первыя времена Рима, не взирая на законъ Ромула, то ясно, что это учрежденіе принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя послы римскіе вывезли изъ Аѳинъ и внесли въ число законовъ Двѣнадцати Таблицъ [4]).

Цицеронъ [5]) говоритъ, что причины расторженія брака вытекали изъ закона Двѣнадцати Таблицъ. Нельзя поэтому сомнѣваться, чтобы этотъ законъ не умножилъ числа причинъ расторженія брака, установленныхъ Ромуломъ.

Право развода было также установленіемъ или, по крайней мѣрѣ, по-

---

[1]) Вопросъ о разводѣ очень сложенъ и всегда затруднялъ законодателя. Если имѣть въ виду только обоихъ супруговъ, то допущеніе разлученія для лицъ, не могущихъ продолжать совмѣстную жизнь, кажется дѣломъ вполнѣ естественнымъ; но когда примешь во вниманіе интересы общества: вредное вліяніе на прочность семьи, которое производится перспективой легкости разлуки и поощреніе страсти, которая пользуется разводомъ какъ средствомъ обратить прелюбодѣяніе въ законную связь,—понятнымъ становится, почему во многихъ странахъ интересы личности были принесены въ жертву интересу общественному. Что же до дѣтей, то не слѣдуетъ говорить вслѣдъ за Монтескье, что разводъ не всегда для нихъ благопріятенъ, потому что для нихъ онъ почти всегда величайшее изъ несчастій, состоящее въ заброшенности, дурномъ воспитаніи, извращеніи ума и сердца.

[2]) *Жизнь Ромула*, гл. XI. (М.).

[3]) Это былъ законъ Солона. (М.).

[4]) Объ этой римской депутаціи въ Аѳины неизвѣстно ничего достовѣрнаго, и нѣтъ основанія утверждать, что то или другое постановленіе закона Двѣнадцати таблицъ заимствовано у грековъ. Трудно допустить, чтобы въ странѣ, гдѣ законъ смотрѣлъ на жену какъ на дочь своего мужа, эта жена имѣла бы право расторженія брака.

[5]) *Mitam res suas sibi habere jussit, ex duodecim tabulis causam addidit.* Philipp. II, c. LXIX. (М.).

слѣдствіемъ закона Двѣнадцати Таблицъ; такъ какъ если оба супруга имѣли, каждый въ отдѣльности, право расторгать бракъ, то тѣмъ болѣе могли они разлучаться по обоюдному соглашенію.

Законъ не требуетъ заявленія причинъ развода [1]). По самой сущности дѣла такое заявленіе необходимо при одностороннемъ расторженіи брака, но нисколько не нужно для развода, потому что тамъ, гдѣ причины, по которымъ бракъ можетъ быть расторгнутъ, опредѣляются закономъ, взаимное несоотвѣтствіе является причиной, преобладающей надъ всѣми прочими.

Діонисій Галикарнасскій [2]), Валерій Максимъ [3]) и Авлъ Геллій [4]) разсказываютъ вещь, которая кажется мнѣ неправдоподобной. Они говорятъ, что хотя въ Римѣ и было дозволено разрывать бракъ съ женою, но, вслѣдствіе особеннаго уваженія къ гаданіямъ, тамъ, до Карвилія Руги, отвергнувшаго жену по причинѣ безплодія, никто не пользовался этимъ правомъ въ теченіе пятисотъ двадцати лѣтъ [5]). Но достаточно знать природу человѣческаго ума, чтобы видѣть нѣчто невѣроятное въ томъ, что никто во всемъ народѣ, которому дано подобное право закономъ, не воспользовался имъ. Коріоланъ, удаляясь въ изгнаніе, посовѣтывалъ [6]) своей женѣ найти себѣ мужа, болѣе, чѣмъ онъ, счастливаго. Мы только что видѣли, что законъ Двѣнадцати Таблицъ и нравы римлянъ значительно расширили рамки закона Ромула. Но зачѣмъ это расширеніе закона, если никто не пользуется правомъ, установленнымъ въ законѣ. Сверхъ того, если граждане не пользовались имъ, по своему чрезвычайному уваженію къ гаданіямъ, то почему же эти гаданія менѣе уважались законодателями? Или нравы постоянно извращались закономъ?

При сопоставленіи двухъ цитатъ изъ Плутарха все чудесное изъ даннаго вопроса исчезаетъ. Законъ царей [7]) дозволялъ мужу расторгать бракъ въ трехъ случаяхъ, о которыхъ мы говорили. «Если же, говоритъ Плутархъ [8]), кто отлучалъ отъ себя жену по какимъ-либо другимъ причинамъ, то законъ требовалъ, чтобы одна половина его имущества была отдана его женѣ, а другая—посвящена Церерѣ». Слѣдовательно, подвергая себя этому взысканію, можно было отвергнуть жену по всякимъ при-

---

[1]) Юстиніанъ измѣнилъ это Новелла 117, гл. X. (М.).

[2]) Кн. II. (М.).

[3]) Кн. II, гл. IV. (М.).

[4]) Кн. IV, гл. III. (М.).

[5]) Пятьсотъ двадцать лѣтъ, по Діонисію Галикарнасскому и Валерію Максиму, и пятьсотъ двадцать три года, по Авлу-Геллію. Поэтому они означаютъ время не одними и тѣми же консулами.

[6]) Ср. рѣчь Ветуріи въ VIII кн. Діонисія Галикарнасскаго. (М.). Это не былъ разводъ; Коріоланъ былъ лишенъ права гражданства; въ этомъ отношеніи онъ считался умершимъ, и его гражданская смерть разрушала его бракъ.

[7]) Плутархъ, *Жизнь Ромула*. (М.).

[8]) Плутархъ, *Жизнь Ромула*. (М).

чинамъ. Никто этого не дѣлалъ до Карвилія Руги [1]), «который, по словамъ того же Плутарха [2]), разорвалъ бракъ съ женою по причинѣ ея безплодія черезъ двѣсти тридцать лѣтъ послѣ Ромула», то есть черезъ семьдесять одинъ годъ послѣ закона Двѣнадцати Таблицъ, который расширилъ право репудіаціи и умножилъ число его причинъ.

Писатели, которыхъ я цитировалъ, говорятъ, что Карвилій Руга любилъ свою жену, но что, въ виду ея безплодія, цензоры обязали его клятвой разлучиться съ нею, дабы онъ могъ произвести дѣтей для республики; и что это и сдѣлало его ненавистнымъ народу [3]). Надо однако знать духъ римскаго народа, чтобы обнаружить истинную причину его ненависти къ Карвилію. Карвилій впалъ въ немилость народа не потому, что онъ разорвалъ бракъ съ женою—дѣлами этого рода народъ не возмущался [4]),— а потому что онъ далъ клятву цензорамъ разлучиться съ женою по случаю ея безплодія, для того, чтобы дать дѣтей республикѣ. Въ этомъ обязательствѣ народъ римскій видѣлъ бремя, которое цензора собирались навалить и на его плечи. Дальше [5]), я укажу на отвращеніе, съ которымъ народъ всегда относился къ подобнымъ распоряженіямъ [6]). Но чѣмъ объяснить такое противорѣчіе между Плутархомъ и прочими писателями? Вотъ чѣмъ: Плутархъ изслѣдовалъ фактъ, а прочіе разсказывали сказку [7]).

---

[1]) О безплодіи, дѣйствительно, нѣтъ упоминанія въ законѣ Ромула. И такъ какъ Карвилій Руга дѣйствовалъ по приказанію цензора, то онъ, конечно, и не подлежалъ конфискаціи. (М.).

[2]) Въ *Сравненіи Тезея и Ромула.* (М.).

[3]) Монтескье говоритъ, что этотъ разводъ произошелъ за семьдесять одинъ годъ до закона Двѣнадцати Таблицъ и въ то-же время предполагаетъ, что цензора вмѣшались въ это дѣло. Но до закона Двѣнадцати Таблицъ цензоровъ не было. Эта должность была создана черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ децемвировъ (Кревье).

[4]) Валерій Максимъ въ кн. II, гл. II говоритъ, что римляне порицали его: *Quia nec cupiditatem quidem liberorum conjugali fidei praeponi debuisse arbitrabantur.*

[5]) Въ кн. XXIII, гл. XXI. (М.).

[6]) Въ изд. А. и В. Къ подобнымъ распоряженіямъ. Надо объяснять законы посредствомъ законовъ и исторію посредствомъ исторіи.

Понятно, почему Монтескье вычеркнулъ эту фразу; она противорѣчитъ другому правилу (кн. XXXI, гл. II, въ концѣ), которое является ключемъ къ *Духу законовъ.*

[7]) Въ изд. А. и В. этихъ двухъ послѣднихъ фразъ нѣтъ.

КНИГА СЕМНАДЦАТАЯ.

Объ отношеніи законовъ политическаго рабства къ природѣ климата.

ГЛАВА I.

О рабствѣ политическомъ.

Рабство политическое, какъ это сейчасъ будетъ показано, не менѣе гражданскаго и домашняго, зависитъ отъ природы климата [1]).

ГЛАВА II.

Различіе народовъ относительно мужества.

Мы уже сказали, что чрезмѣрные жары подрываютъ силы и бодрость людей, и что холодный климатъ придаетъ уму и тѣлу людей извѣстную силу, которая дѣлаетъ ихъ способными къ дѣйствіямъ продолжительнымъ, труднымъ, великимъ и отважнымъ [2]). Это различіе замѣчается не только при сравненіи одного народа съ другимъ, но и между частями одной и той-же страны. Народы сѣвернаго Китая мужественнѣе южныхъ [3]); народы южной Кореи [4]) уступаютъ въ этомъ отношеніи сѣвернымъ.

[1]) Чѣмъ болѣе вдумываешься въ этотъ принципъ, установленный Монтескье, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ его истинности; и чѣмъ болѣе его пытаются опровергнуть, тѣмъ болѣе открывается случаевъ подтвердить его новыми доказательствами. Во всѣхъ правленіяхъ міра государственные люди потребляютъ, но ничего не производятъ. Откуда же они получаютъ предметы своего потребленія? Отъ работы прочихъ членовъ общества. Все необходимое для удовлетворенія нуждъ общества создается избыткомъ частныхъ лицъ. Отсюда слѣдуетъ, что гражданское состояніе возможно лишь настолько. насколько трудъ человѣка доставляетъ ему нѣкоторый избытокъ, сверхъ удовлетворенія его нуждъ. Но этотъ избытокъ не одинаковъ въ различныхъ странахъ міра. У многихъ онъ очень значителенъ, у другихъ онъ посредственный, у третьихъ его совсѣмъ нѣтъ, у четвертыхъ онъ является отрицательной величиною. Все это зависитъ отъ благопріятнаго климата, отъ рода труда, требуемаго почвой, отъ свойства ея производительности, отъ энергіи ея жителей, отъ бо̀льшихъ или меньшихъ размѣровъ необходимаго для нихъ потребленія, и отъ многихъ другихъ подобныхъ условій.—Ж. Ж. Руссо, *Соціальный договоръ*, кн. I, гл. VIII.

[2]) Историкъ де Ту говоритъ, что характеръ Генриха III совершенно измѣнялся подъ вліяніемъ холодной погоды; этотъ государь погружался тогда въ глубокую меланхолію, мало спалъ, неустанно работалъ, мучилъ своихъ министровъ и вносилъ въ рѣшеніе дѣлъ духъ суровости, который не замѣчался въ немъ въ другія времена года. Де Ту прибавляетъ, что канцлеръ де-Шиверни у котораго онъ остановился на пути въ Блуа, гдѣ находился дворъ, сказалъ ему, что если герцогъ Гизъ не перестанетъ огорчать короля во время морозовъ, то тотъ *расправится съ нимъ помимо формъ судопроизводства*. И въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ послѣ этого разговора Гизъ былъ убитъ. Это произошло во время рождественскихъ праздниковъ и въ самомъ разгарѣ холодовъ. (Паррель).

[3]) О. дю-Гальдъ, т. I, стр. 112. (М.).

[4]) Такъ говорятъ книги китайцевъ. *Ibid.*, т. IV, стр. 448. (М.).

Поэтому не надо удивляться, что малодушіе народовъ жаркаго климата почти всегда приводило ихъ къ рабству, между тѣмъ какъ мужество народовъ холоднаго климата удерживало ихъ въ свободномъ состояніи. Все это — слѣдствія, вытекающія изъ своей естественной причины [1]).

То-же самое оказалось справедливымъ и въ Америкѣ; деспотическія государства Мексики и Перу лежали по экватору, а почти всѣ свободныя племена находились и теперь еще находятся ближе къ полюсамъ.

ГЛАВА III.

О климатѣ Азіи.

Въ сообщеніяхъ путешественниковъ [2]) говорится, что «сѣверъ Азіи, этотъ обширный материкъ, который простирается отъ сорокового градуса, или около того, до полюса, и отъ границъ Россіи до Великаго моря, лежитъ въ очень холодномъ климатѣ; что эта громадная область отдѣлена отъ запада къ востоку горною цѣпью, къ сѣверу отъ которой находится Сибирь, а къ югу — великая Татарія; что климатъ Сибири до того суровъ, что въ этой странѣ, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, земледѣліе невозможно; и что хотя у русскихъ по всему теченію Иртыша есть поселенія, но они тамъ ничего не воздѣлываютъ; что въ этой странѣ растутъ лишь низкорослыя ели да кустарникъ, а туземцы раздѣлены на нѣсколько бѣдствующихъ народцевъ, подобныхъ тѣмъ, которые встрѣчаются въ Канадѣ; что причина этого холода заключается, съ одной стороны, въ высотѣ почвы надъ уровнемъ моря, а съ другой—въ томъ, что горы идутъ въ ней понижаясь отъ юга къ сѣверу, такъ что сѣверный вѣтеръ, не встрѣчая препятствія, дуетъ въ ней повсюду; что этотъ вѣтеръ, сдѣлавшій необитаемой Новую Землю, обдувая Сибирь, дѣлаетъ ее негодной къ обработкѣ, между тѣмъ какъ, наоборотъ, въ Европѣ, горы Норвегіи и Лапландіи составляютъ превосходныя преграды, которыя прикрываютъ отъ этого вѣтра сѣверныя страны, велѣдствіе чего въ Стокгольмѣ, который находится на пятьдесятъ девятомъ градусѣ широты, или около того, почва производитъ плоды, зерновые хлѣба, растенія, а вокругъ Або, который лежитъ на шестьдесятъ первомъ градусѣ, точно такъ-же какъ и въ мѣстностяхъ шестьдесятъ третьяго и шестьдесятъ четвертаго градусовъ, есть серебряные рудники и почва довольно плодородна».

---

[1]) Если бы весь югъ былъ покрытъ республиками, а весь сѣверъ—государствами деспотическими, то и это нисколько не поколебало бы той истины, что, имѣя въ виду дѣйствія климата, деспотизмъ свойственъ жаркимъ странамъ, варварство—холоднымъ; а государственное благоустройство—умѣреннымъ. Ж. Ж. Руссо, *Соціальный договоръ*, кн. III, гл., VIII.

[2]) *Путешествія*, т. VIII; *Исторія Татаръ* и четвертый томъ *Исторіи Китая*, О. дю Гальда. (М.).

Изъ тѣхъ-же сообщеній мы видимъ, что «великая Татарія, лежащая къ югу отъ Сибири, тоже очень холодна, и земля тамъ не воздѣлывается; что тамъ нѣтъ ничего, кромѣ пастбищъ для стадъ, а вмѣсто деревьевъ есть только рѣдкіе кустарники, какъ въ Исландіи; что близъ Китая и Монголіи есть нѣсколько странъ, гдѣ растетъ родъ проса, но ни пшеница, ни рисъ тамъ не дозрѣваютъ; что въ китайской Татаріи, на 43, 44 и 45 градусахъ, нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ бы не было морозовъ въ теченіе семи или восьми мѣсяцевъ въ году; такъ что тамъ также холодно, какъ въ Исландіи, хотя должно бы быть теплѣе, чѣмъ на югѣ Франціи; городовъ, исключая четырехъ или пяти у Восточнаго моря и нѣсколькихъ городовъ, которые китайцы, по политическимъ соображеніямъ, построили близъ Китая, здѣсь совсѣмъ нѣтъ, во всей остальной Великой Татаріи есть лишь нѣсколько городовъ, расположенныхъ въ Бухарѣ, Туркестанѣ и Хивѣ; что причина этого чрезвычайнаго холода въ свойствѣ почвы, пропитанной селитрой и песчаной и, кромѣ того,— въ высотѣ мѣста. Патеръ Верби нашелъ, что одна мѣстность, въ восьмидесяти миляхъ къ сѣверу отъ великой стѣны, у истока Кавамизрама, лежитъ на три тысячи геометрическихъ шаговъ выше морского берега близъ Пекина; и что эта высота [1]) является причиной того, что несмотря на то, что почти всѣ большія рѣки Азіи имѣютъ свои истоки въ этой странѣ, послѣдняя, однако, испытываетъ недостатокъ въ водѣ, такъ что она можетъ быть обитаема лишь близъ рѣкъ и озеръ».

Установивъ эти факты, я вывожу изъ нихъ слѣдующее заключеніе: Азія, собственно говоря, совершенно не имѣетъ умѣреннаго пояса, и ея страны, расположенныя въ очень холодномъ климатѣ, непосредственно соприкасаются съ тѣми, которыя находятся въ климатѣ очень жаркомъ, каковы Турція, Персія, Монголія, Китай, Корея и Японія.

Въ Европѣ, напротивъ, умѣренный поясъ занимаетъ очень большое пространство; и хотя онъ и вмѣщаетъ въ себѣ страны съ климатами столь различными, каковы климаты Испаніи съ Италіей и Норвегіи съ Швеціей, однако, такъ какъ холодъ климата возрастаетъ отъ юга къ сѣверу съ нечувствительной постепенностью, въ точной почти пропорціи къ широтѣ каждой страны, то выходитъ, что каждая страна по своему климату почти сходна съ сосѣднею съ нею страною; что въ этомъ отношеніи тамъ не встрѣчается рѣзкихъ различій, и, что, какъ я только что сказалъ, умѣренный поясъ занимаетъ тамъ очень большое пространство.

Отсюда слѣдуетъ, что въ Азіи народы противостояли другъ другу, какъ сильный слабому; народы воинственные, храбрые и дѣятельные соприкасаются непосредственно съ народами изнѣженными, лѣнивыми и робкими: поэтому неизбѣжно, чтобы одинъ изъ нихъ сталъ завоевате-

---

[1]) Такимъ образомъ Татарія является чѣмъ то вродѣ плоскогорія. (М.).

лемъ, а другой—завоеваннымъ. Въ Европѣ, напротивъ, народы противостоятъ другъ другу какъ сильный сильному; тѣ, которые соприкасаются, почти равно мужественны. Вотъ гдѣ великая причина слабости Азіи и силы Европы, свободы Европы и рабства Азіи: причина, насколько мнѣ извѣстно, ни кѣмъ еще не выясненная [1]). Вотъ отчего въ Азіи свобода никогда не возрастаетъ, между тѣмъ какъ въ Европѣ она возрастаетъ или убываетъ, смотря по обстоятельствамъ.

Хотя московская знать и была обращена въ рабство однимъ изъ своихъ государей, но въ ней все таки замѣчались признаки неудовольствія, которое не встрѣчается въ климатахъ юга. И мы видѣли, что тамъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней господствовало правленіе аристократическое. И если другое государство сѣвера утратило свои законы, то климатъ его можетъ служить намъ порукой, что оно утратило ихъ не окончательно [2]).

ГЛАВА IV.

Слѣдствія всего этого.

Все, сказанное нами, согласуется съ событіями исторіи. Азія была покорена тринадцать разъ; одиннадцать разъ сѣверными народами и два раза—южными. Во времена отдаленныя она была завоевана скиѳами три раза; потомъ мидянами и персами по одному разу, а также греками, арабами, монголами, турками, татарами, персами и афганцами. Я говорю лишь о верхней Азіи и совсѣмъ не упоминаю о нашествіяхъ, испытанныхъ остальнымъ югомъ этой части свѣта, который былъ постоянно потрясаемъ величайшими переворотами.

Наоборотъ, въ Европѣ, со времени основанія въ ней греческихъ и финикійскихъ поселеній, намъ извѣстны лишь четыре великіе переворота: первый былъ вызванъ завоеваніями римлянъ; второй—наплывомъ варваровъ, уничтожившихъ римлянъ; третій—побѣдами Карла Великаго, и послѣдній—нашествіями норманновъ. И если хорошенько вникнуть во все это, то мы увидимъ, что въ самыхъ этихъ переворотахъ сказалось присутствіе общей силы, разлитой по всѣмъ частямъ Европы. Извѣстно, какъ трудно было римлянамъ покорять Европу и какъ легко они овладѣвали Азіей. Извѣстны тяжкія усилія народовъ сѣвера при разрушеніи римской имперіи, войны и подвиги Карла Великаго и различныя предпріятія норманновъ. Разрушители были сами постоянно разрушаемы.

[1]) Азіаты, говоритъ Аристотель, люди очень искусные и способные; но у нихъ нѣтъ мужества, вслѣдствіе чего они всегда повинуются и раболѣпствуютъ. *Политика*, кн. VII, гл. VII.

[2]) Авторъ имѣетъ въ виду Данію (*Размышленія о величіи римлянъ*, гл. XV); но ла Бомелль въ своемъ пятомъ письмѣ о *Духѣ Законовъ*, доказалъ, что Данія не подходитъ подъ опредѣленіе деспотическаго государства, такъ какъ, говоритъ онъ, это страна, гдѣ управляетъ одинъ, но посредствомъ твердо установленныхъ законовъ.

ГЛАВА V.

О томъ, что завоеванія, произведенныя народами сѣверной Азіи, имѣли не одинаковыя послѣдствія съ завоеваніями, произведенными народами сѣверной Европы.

Народы сѣвера Европы покорили ее, какъ свободные люди; народы сѣвера Азіи покорили ее, какъ рабы, и побѣждали лишь въ пользу своего господина.

Причина этого въ томъ, что татарскій народъ, естественный покоритель Азіи, сдѣлался самъ рабомъ. Онъ дѣлаетъ постоянныя завоеванія на югѣ Азіи, онъ создаетъ имперіи, но часть этого народа, пребывающая въ своей странѣ, находится въ подчиненіи у могучаго повелителя, который, властвуя деспотически на югѣ, хочетъ также властвовать и на сѣверѣ, и, подчинивъ своему произволу своихъ побѣжденныхъ подданныхъ, подчиняетъ ему и своихъ побѣдителей. Все это ясно обнаруживается теперь на примѣрѣ обширной страны, которую называютъ китайской Татаріей и которою императоръ управляетъ почти такъ же деспотически, какъ самимъ Китаемъ, постоянно расширяя ея предѣлы своими завоеваніями.

Изъ исторіи Китая видно также, что императоры [1]) заводили въ Татаріи китайскія колоніи. Эти колонисты-китайцы сдѣлались татарами и смертельными врагами Китая, что не помѣшало имъ внести въ Татарію духъ китайскаго правленія.

Нерѣдко часть татарскаго народа, совершившая завоеваніе, изгоняется изъ завоеванной ею страны и вноситъ въ свои пустыни духъ рабства, который она усвоила въ климатѣ рабства. Великіе примѣры этого доставляетъ намъ исторія Китая, а также и наша древняя исторія [2]).

Вотъ почему духъ татарскаго, или гетскаго народа былъ всегда подобенъ тому, который господствовалъ въ имперіяхъ Азіи. Народы послѣднихъ управлялись палками; а народы татарскіе—длинною плетью. Духъ Европы былъ всегда противенъ этимъ нравамъ, и во всѣ времена то, что народы Азіи называли наказаніемъ, народы Европы называли тяжкимъ оскорбленіемъ [3]).

Татары, разрушивъ греческую имперію, установили въ завоеванномъ краѣ рабство и деспотизмъ; а готы [4]), покорившіе римскую имперію, основали повсюду монархіи и свободу.

---

[1]) Какъ, напр., Венти, пятый императоръ пятой династіи. (М.).

[2]) Скиѳы три раза покоряли Азію и три раза были изгоняемы оттуда. Юстинъ, кн. II, гл. III. (М.).

[3]) Все это нисколько не противорѣчитъ тому, что я скажу въ кн. XXIII, гл. XX, о томъ, каковы были взгляды германцевъ на палку. Въ произвольной власти наноситъ побои они всегда видѣли оскорбленіе, каковы бы ни были орудія этихъ побоевъ. (М.). Эта замѣтка появилась первый разъ въ изд. В.

[4]) Такъ Монтескье называетъ германцевъ.

Не знаю указалъ-ли пресловутый Рудбекъ [1]), столь восхвалившій въ своей Атлантикѣ Скандинавію, на то великое преимущество, благодаря которому народы, населяющіе эту страну, должны быть поставлены выше всѣхъ народовъ свѣта; именно на то, что они были источникомъ свободы Европы, то есть почти всей той свободы, которая есть въ настоящее время у людей.

Готъ Іорнандъ назвалъ сѣверъ Европы фабрикой человѣческаго рода [2]). Я бы скорѣе назвалъ его фабрикой орудій, которыми сокрушаютъ выкованныя на югѣ цѣпи. Здѣсь, въ этихъ странахъ, образуются тѣ мощные народы, которые выступаютъ изъ своей страны для того, чтобы уничтожать тирановъ и рабовъ и заявить людямъ, что если природа создала ихъ равными, то разумъ могъ ихъ преклонить къ зависимости ради одного только ихъ собственнаго благополучія.

ГЛАВА VI.

Новая физическая причина рабства Азіи и свободы Европы.

Въ Азіи всегда были обширныя имперіи; а въ Европѣ онѣ никогда не могли удержаться. Это потому, что въ извѣстной намъ Азіи равнины гораздо обширнѣе, и она разрѣзана горами и морями на части болѣе значительной величины; и такъ какъ она занимаетъ болѣе южное положеніе, то ея источники легче изсякаютъ, горы менѣе покрыты снѣгомъ, и менѣе многоводныя рѣки [3]) являются менѣе значительными преградами.

Власть въ Азіи должна быть всегда деспотической, и если бы тамъ не было такого чрезвычайнаго рабства [4]), то въ ней прежде всего произошло бы раздѣленіе на государства, несовмѣстныя съ естественнымъ раздѣленіемъ страны.

Въ Европѣ, въ силу ея естественнаго раздѣленія, образовалось нѣсколько государствъ посредственной величины, гдѣ правленіе, основанное на законахъ, не только не оказывается вреднымъ для прочности государства, но, напротивъ, является настолько благопріятнымъ въ этомъ отношеніи, что государство, лишенное такого правленія, приходитъ въ упадокъ и становится слабѣе прочихъ.

Вотъ что образовало тотъ духъ свободы, благодаря которому каждая часть этой страны съ большимъ трудомъ подчиняется посторонней силѣ, если эта послѣдняя не дѣйствуетъ посредствомъ законовъ и ради пользы ея торговли.

---

[1]) Рудбекъ (1630—1702), шведскій натуралистъ, духовникъ Густава-Адольфа, пытался доказать въ своей *Атлантикѣ* (4 тома in-f°), что Атлантида Платона есть Скандинавія.

[2]) *Humani generis officinam*. (М.).

[3]) Воды исчезаютъ или испаряются и до своего сліянія, и послѣ него. (М.).

[4]) См. кн. X, гл. XVI.

Напротивъ, въ Азіи царствуетъ духъ рабства, который никогда ее не покидалъ; во всей исторіи этой страны невозможно найти ни одной черты, знаменующей свободную душу, и только одинъ героизмъ рабства можно увидѣть въ ней [1]).

ГЛАВА VII.

Объ Африкѣ и Америкѣ.

Вотъ что я могу сказать объ Азіи и Европѣ. Африка лежитъ въ климатѣ, сходномъ съ климатомъ юга Азіи, и находится въ одинаковомъ съ нею рабствѣ. Америка, опустошенная и вновь населенная народами Европы и Африки, не можетъ еще въ настоящее время проявить свой собственный духъ; но все, что мы знаемъ о ея древней исторіи, вполнѣ согласуется съ принятыми нами истинами.

ГЛАВА VIII [2]).

О столицѣ имперіи.

Одно изъ послѣдствій только что сказаннаго нами заключается въ томъ, что для государя очень большого государства весьма важенъ хорошій выборъ мѣста для своей столицы [3]). Тотъ, кто помѣстилъ-бы ее на югѣ, рискуетъ утратить сѣверъ; а кто помѣститъ ее на сѣверѣ, легко сохранитъ за собою и югъ. Я не говорю о частныхъ случаяхъ: въ механикѣ существуютъ тренія, которыя часто измѣняютъ или останавливаютъ выводы теоріи: есть такія тренія и у политики.

КНИГА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

О законахъ въ ихъ отношеніи къ природѣ почвы [4]).

ГЛАВА I.

Какъ природа почвы вліяетъ на законы.

Духъ зависимости естественно устанавливается въ странѣ, съ подходящей для земледѣлія почвой. Поселяне, которые составляютъ главную

---

[1]) Маленькіе варварскіе народцы Америки называются испанцами *Indios bravos* и требуютъ гораздо бо́льшихъ усилій для своего подчиненія, чѣмъ имперіи Мексики или Перу. (М.). *Indios bravos*, или дикари, противопоставляются *Indios mansos*, т. е. цивилизованнымъ или прирученнымъ. *Cosa brava* по испански значитъ дикій звѣрь.

[2]) Этой главы нѣтъ въ изд. А. и В.

[3]) Не намекъ ли это на Петра Великаго и на С.-Петербургъ?

[4]) Болѣе подходящее для этой книги заглавіе было-бы: *О законахъ въ ихъ отношеніи къ воздѣлыванію почвы*, такъ какъ авторъ говоритъ въ ней гораздо болѣе о воздѣлываніи земли, чѣмъ о ея природныхъ свойствахъ. (Извлеченіе изъ книги *О Духѣ Законовъ*, стр. 96.).

часть ея населенія, менѣе ревнивы къ своей свободѣ; они слишкомъ заняты и слишкомъ поглощены своими частными дѣлами [1]). Деревня, которая всѣмъ изобилуетъ, боится грабежей, страшится войска. «Въ комъ слѣдуетъ видѣть добрыхъ гражданъ, говорилъ Цицеронъ Аттику [2])? Ужъ не въ торговыхъ-ли и сельскихъ людяхъ, которыхъ нельзя считать противниками монархіи, такъ какъ для нихъ всѣ правленія равны, лишь-бы сами они были спокойны?»

Такимъ образомъ въ странахъ плодородныхъ всего чаще встрѣчается правленіе одного, а въ странахъ неплодородныхъ—правленіе нѣсколькихъ, которое является иногда вознагражденіемъ.

Безплодная почва Аттики породила тамъ народное правленіе; а на плодородной почвѣ Лакедемона возникло правленіе аристократическое, какъ болѣе близкое къ правленію единоличному, котораго въ тѣ времена совсѣмъ не желала Греція.

Плутархъ [3]) говоритъ намъ, «что послѣ того какъ въ Аѳинахъ былъ усмиренъ мятежъ Килона, городъ снова возвратился къ своимъ старымъ раздорамъ и раздѣлился на столько партій, сколько было разнаго сорта земель въ Аттикѣ. Горцы хотѣли во что-бы ни стало народнаго правленія; жители равнинъ требовали правленія знатныхъ; а тѣ, которые жили близь моря, стояли за правленіе, смѣшанное изъ двухъ первыхъ [4]).

---

[1]) Скромный достатокъ земледѣльца не позволяетъ ему оставаться праздным и не даетъ ему времени для частаго присутствія въ собраніяхъ. Вынужденный добывать себѣ необходимое для жизни, онъ весь погруженъ въ свое дѣло и не нуждается въ постороннихъ развлеченіяхъ. Свои полевыя работы онъ предпочитаетъ удовольствію управлять и приказывать; и если почетныя должности не даютъ вознагражденія, то выгода для него дороже почета. Аристотель, *Политика*, кн. IV, гл. IV.

[2]) Кн. VII, гл. VII. (М.).—*Ad foeneratores? an agricolas? Quibus optatissimum est otium; nisi eos timere putas ne sub regno sint, quid id nunquam, dummodo otiosi essent, recusarunt.*

[3]) *Жизнь Солона*, гл. VIII.

[4]) Мы извлекаемъ нынѣ изъ рабскихъ Аѳинъ хлопчатую бумагу, шелкъ, рисъ, пшеницу, масло, кожи; а изъ страны Лакедемонской—ничего. Аѳины были въ двадцать разъ богаче Лакедемона. Что-же до богатства почвы, то, чтобы судить объ этомъ, надо было видѣть ее. Но никто и никогда еще не связывалъ формы правленія съ большимъ или меньшимъ плодородіемъ почвы. Венеція очень мало производила хлѣба, когда состояла подъ управленіемъ знати. Генуя, конечно, имѣетъ мало плодородную почву, и однако это—аристократія. Женева болѣе придерживается народнаго правленія, и не могла бы прокормиться плодами своей почвы въ продолженіе пятнадцати дней. Скудная Швеція долго находилась подъ игомъ монархіи, а плодородная Польша была аристократіей. Не понимаю, какъ можно устанавливать, въ качествѣ правилъ, положенія, постоянно опровергаемыя опытомъ. (Вольтеръ).

Замѣчаніе справедливо, и однако, есть большая доля истины въ томъ, что говоритъ Монтескье. Не въ томъ ли состоитъ ошибка автора и его критика, что оба они смотрятъ на вещи съ исключительной точки зрѣнія?

ГЛАВА II.

Продолженіе о томъ-же предметѣ.

Эти плодородныя страны—равнины, гдѣ нельзя ничего отстаивать отъ болѣе сильнаго: поэтому ему подчиняются; а разъ ему подчинились, духъ свободы уже не можетъ вернуться; имущества деревни являются залогомъ вѣрности. Но въ странѣ гористой можно сохранить что имѣешь, да тамъ немногое приходится и сохранять. Свобода, т. е. существующее правленіе, есть единственное благо, которое стоитъ защищать. Поэтому она и царствуетъ болѣе въ странахъ горныхъ и неудобныхъ, чѣмъ въ тѣхъ, которыя, повидимому, всего болѣе облагодѣтельствованы природой.

Горцы пользуются болѣе умѣреннымъ правленіемъ, потому что они менѣе подвержены риску завоеванія. Имъ защищаться легко, а нападать на нихъ трудно; собираніе и передвиженіе военныхъ снарядовъ и провіанта въ войнѣ съ ними требуетъ большихъ издержекъ, такъ какъ въ ихъ странѣ ничего этого добыть нельзя. Поэтому вести съ ними войну труднѣе, предпринимать ее опаснѣе, и въ законахъ, которые издаются для охраненія народа, тамъ нѣтъ такой надобности.

ГЛАВА III.

Каковы наиболѣе воздѣланныя земли.

Большая или меньшая воздѣланность страны зависитъ не отъ ея плодородія, а отъ ея свободы; раздѣливъ мысленно землю, мы удивимся, увидавъ, по большей части, пустыни въ ея частяхъ наиболѣе плодородныхъ, и густое населеніе въ тѣхъ, гдѣ земля, кажется, ничего не даетъ человѣку [1]).

Весьма естественно, что народъ покидаетъ плохую страну, чтобы искать лучшей, а не хорошую страну, чтобы поискать худшей. Нашествіямъ, поэтому, чаще всего подвергаются страны, которыя созданы природой для счастливой жизни; и такъ какъ нѣтъ ничего столь близкаго къ опустошенію, какъ нашествіе, то обезлюденію чаще всего подвергаются страны наиболѣе благодатныя, между тѣмъ какъ ужасныя страны сѣвера всегда бываютъ населены по той причинѣ, что онѣ почти необитаемы.

Изъ того, что намъ говорятъ историки о переходѣ народовъ Скандинавіи на берега Дуная, видно, что это было не завоеваніе, а только переселеніе въ пустующія земли.

---

[1]) Увѣренность въ томъ, что будешь спокойно пользоваться своимъ имуществомъ и въ томъ, что находишься внѣ опасности отъ нападенія чужеземцевъ, вотъ два условія, при наличности которыхъ заселяются самыя неблагодарныя страны, и вотъ что сдѣлало изъ Голландіи высшій образецъ человѣческой культуры. (Люзакъ).

Эти благодатныя страны значитъ были нѣкогда опустошены прежними переселеніями, и мы ничего не знаемъ о трагедіяхъ, которыя разыгрывались тамъ.

Аристотель [1]) говоритъ, что «Сардинія, судя по многимъ ея памятникамъ, есть греческая колонія. Нѣкогда она была очень богата, и Аристей, столь прославленный за свою любовь къ земледѣлію, далъ ей законы. Но съ тѣхъ поръ она очень упала, потому что завладѣвшіе ею карѳагеняне разрушили въ ней все, что могло давать пищу людямъ, и подъ страхомъ смертной казни запретили обработывать тамъ землю». И Сардинія еще не оправилась во времена Аристотеля; она и теперь еще не оправилась.

Самыя умѣренныя по климату части Персіи, Турціи, Россіи и Польши не смогли оправиться отъ опустошеній большихъ и малыхъ татарскихъ ордъ.

ГЛАВА IV.

Прочія слѣдствія плодородія и безплодія страны.

Безплодіе земли дѣлаетъ людей промышленными, воздержными, закаленными въ трудѣ, мужественными, способными къ войнѣ; надо-же имъ добывать себѣ то, въ чемъ имъ отказываетъ почва. Плодородіе страны вмѣстѣ съ довольствомъ приноситъ имъ изнѣженность и нѣкоторую любовь къ охраненію жизни.

Было замѣчено, что нѣмецкія войска, набранныя въ мѣстахъ, гдѣ крестьяне богаты, какъ въ Саксоніи, уступаютъ по качеству прочимъ. Военные законы могутъ восполнить этотъ недостатокъ посредствомъ болѣе строгой дисциплины.

ГЛАВА V.

Объ островитянахъ.

Островитяне болѣе склонны къ свободѣ, чѣмъ жители континента. Острова бываютъ обыкновенно небольшого размѣра [2]); тамъ менѣе удобно употреблять одну часть населенія для угнетенія другой его части; отъ большихъ имперій они отдѣлены моремъ, и тираннія не можетъ найти въ нихъ поддержку; море преграждаетъ путь завоевателямъ; опасность быть покоренными не угрожаетъ островитянамъ, и имъ легче сохранять свои законы.

ГЛАВА VI.

О странахъ, созданныхъ трудолюбіемъ людей.

Страны, которыя стали обитаемы, благодаря человѣческому искусству и существованіе которыхъ поддерживается имъ-же, стремятся къ прав-

[1]) Или тотъ, кто написалъ книгу *de Mirabilibus*. (М.).

[2]) Японія является исключеніемъ и по своей величинѣ, и по своему рабству. (М.).

ленію умѣренному. Есть три главныя страны этого рода—двѣ прекрасныя провинціи Китая: Кіангъ-нанъ и Че-кіангъ, Египетъ и Голландія.

Древніе императоры Китая не были завоевателями. Первое дѣло, совершенное ими для увеличенія своей страны, болѣе всего доказало ихъ мудрость. Благодаря имъ, выступили изъ водъ двѣ самыя прекрасныя провинціи имперіи; онѣ созданы людьми, и онѣ-то своимъ безпримѣрнымъ плодородіемъ и внушили Европѣ представленіе о благоденствіи этой обширной страны. Но необходимость постоянно заботиться объ охранѣ отъ разрушенія значительной части имперіи скорѣе нуждалась въ благоразуміи народа, чѣмъ въ изнѣженности, и болѣе требовала законнаго правленія монарха, чѣмъ тираннической власти деспота. Странѣ была необходима умѣренная власть, какая была нѣкогда въ Египтѣ. Ей была необходима умѣренная власть, какая есть въ настоящее время въ Голландіи, которую природа создала для постоянныхъ заботъ о себѣ самой, а не для того, чтобы предаваться безпечности или произволу.

Такимъ образомъ, несмотря на климатъ Китая, естественно располагающій къ рабскому повиновенію, несмотря на ужасы, связанные съ чрезмѣрной величиной имперіи, первые законодатели Китая были вынуждены издать очень хорошіе законы, а правительство—соблюдать ихъ [1]).

ГЛАВА VII.

О дѣлахъ рукъ человѣческихъ.

Трудомъ да хорошими законами люди обратили землю въ болѣе удобное для себя жилище. Мы видимъ рѣки, протекающія тамъ, гдѣ прежде были лишь озера да болота; это благо, которое не создано природой, но которое поддерживается ею. Сдѣлавшись властителями Азіи, персы [2]) дозволяли всякому, кто провелъ бы воду на земли, еще не знавшія орошенія, владѣть ими въ теченіе пяти поколѣній, и люди не останавливались ни передъ какими издержками для проведенія воды изъ безчисленныхъ ручьевъ, стекающихъ съ горъ Тавра. Теперь они находятъ эту воду въ своихъ поляхъ и садахъ, не зная, откуда она притекаетъ туда.

Подобно тому какъ есть народы разрушительные, творящіе зло, некоторое переживаетъ ихъ самихъ, есть народы трудолюбивые, творящіе добрыя дѣла, которыя не погибаютъ вмѣстѣ съ ними [3]).

---

[1]) Значитъ вопросъ о рабствѣ или свободѣ былъ рѣшенъ не климатомъ, а формой правленія. (Люзакъ).

[2]) Полибій, кн. X, гл. XXV. (М.).

[3]) Это можно сказать объ арабахъ Испаніи, которые оставили послѣ себя цѣлую систему орошенія, и теперь еще служащую благоденствію Валенціи, Гренады и Мурсіи.

ГЛАВА VIII.

Общее отношеніе законовъ.

Законы находятся въ очень тѣсномъ соотношеніи съ тѣми способами, посредствомъ которыхъ народъ добываетъ себѣ средства къ жизни. У народа, занимающагося торговлей и мореплаваніемъ, законы должны быть многочисленнѣе, чѣмъ у народа, довольствующагося воздѣлываніемъ своихъ земель. Они должны быть многочисленнѣе у земледѣльческаго народа, чѣмъ у народа, живущаго скотоводствомъ; и они должны быть многочисленнѣе у этого послѣдняго народа, чѣмъ у того, который живетъ охотой [1]).

ГЛАВА IX.

О земляхъ Америки.

Въ Америкѣ потому такъ много дикихъ народовъ, что тамъ земля сама собою производитъ много продуктовъ, которыми можно питаться. Кусокъ земли вокругъ хижины, обработываемый женщинами, прежде всего доставляетъ людямъ маисъ, а охота и рыбная ловля мужчинъ довершаетъ ихъ изобиліе [2]). Сверхъ того, животныя травоядныя, какъ, напримѣръ, быки и буйволы, тамъ удаются лучше плотоядныхъ. Царство послѣднихъ было всегда въ Африкѣ [3]).

Я думаю, что Европа не имѣла бы ни одного изъ этихъ преимуществъ, если бы ея земли не обрабатывались. Лѣса, дубы и другія не плодовыя деревья,—вотъ все, что она давала бы въ такомъ случаѣ.

ГЛАВА X.

Объ отношеніи между количествомъ людей и способомъ, которымъ они добываютъ себѣ пропитаніе.

У народовъ, не воздѣлывающихъ землю, количество людей опредѣляется слѣдующей пропорціей: какъ продуктъ земли невоздѣланной относится къ продукту воздѣланной земли, такъ число дикарей въ одной странѣ относится къ числу земледѣльцевъ другой страны; если же на-

---

[1]) Другими словами, чѣмъ народъ богаче, тѣмъ его потребности сложнѣе, и тѣмъ болѣе требуется законовъ для упорядоченія его многочисленныхъ и разнообразныхъ интересовъ. Количество законовъ зависитъ не столько отъ самаго пропитанія, сколько отъ образа жизни народа.

[2]) Де Пау, въ своихъ *Изслѣдованіяхъ о народахъ Америки* (т. I, стр. 90) не безъ основанія замѣчаетъ, что въ этой главѣ Монтескье принимаетъ за истину то, что ложно, и выводитъ отсюда заключеніе, опровергнутое фактами. Туземцы Сѣверной Америки ведутъ самую суровую жизнь и во множествѣ погибаютъ отъ голода. Если бы жить этимъ племенамъ было такъ легко, какъ предполагаетъ авторъ *Духа Законовъ*, то они образовали бы большіе народы, и въ Америкѣ возникла бы великая имперія.

[3]) Въ изд. А. и В. этой послѣдней фразы не имѣется.

родъ, который воздѣлываетъ землю, занимается также искусствами [1]), то эта пропорція требуетъ болѣе сложнаго расчета [2]).

Такія племена не могутъ образовать большой народъ. Если они ведутъ пастушескій образъ жизни, то для существованія въ данномъ количествѣ они нуждаются въ большомъ пространствѣ земли; если они живутъ охотой, то они еще многочисленнѣе, и для того чтобы жить, должны образовать менѣе многочисленную группу.

Страна ихъ обыкновенна покрыта лѣсами, и такъ какъ люди тамъ не осушаютъ почвы, то она усѣяна болотами, среди которыхъ маленькіе поселки образуютъ ничтожные народцы.

ГЛАВА XI.

О народахъ дикихъ и народахъ варварскихъ.

Между народами дикими и народами варварскими та разница, что первые—малые, разсѣянные народцы, которые по какимъ либо особеннымъ причинамъ не могутъ соединиться; между тѣмъ какъ варвары состоятъ изъ малыхъ народцевъ, которые могутъ соединиться. Къ первымъ обыкновенно принадлежатъ народы охотничьи, ко вторымъ—народы пастушескіе. Все это мы видимъ на сѣверѣ Азіи. Народы Сибири не способны къ совмѣстной жизни, потому что въ такомъ случаѣ имъ нечѣмъ было бы питаться; татары способны къ совмѣстной жизни на нѣкоторое время, потому что ихъ стада могутъ быть на нѣкоторое время собраны въ одно мѣсто. Итакъ, всѣ татарскія орды могутъ соединиться; это соединеніе и происходитъ, когда какой-нибудь ихъ предводитель подчинитъ своей власти многихъ другихъ предводителей, послѣ чего имъ остается одно изъ двухъ: или снова разойтись, или отправиться совершать завоеваніе въ предѣлахъ какой-нибудь имперіи юга.

ГЛАВА XII.

О международномъ правѣ у народовъ, не занимающихся земледѣліемъ.

Такъ какъ эти народы не занимаютъ пространства опредѣленнаго, съ точно обозначенными границами, то у нихъ всегда будетъ много причинъ для раздоровъ. Они станутъ спорить другъ съ другомъ изъ за куска невоздѣланной земли, какъ у насъ спорятъ изъ за наслѣдствъ. Они будутъ вести частыя войны другъ съ другомъ за мѣста для охоты, за рыбныя ловли, за кормъ для скота, за похищеніе ихъ рабовъ и, за неимѣніемъ опредѣленной территоріи, должны будутъ тѣмъ чаще разрѣ-

---

[1]) Т. е. промышленностью.

[2]) Изд. А. и В. ...То въ такомъ случаѣ число дикарей состоитъ къ числу этого народа въ отношеніи сложномъ числа дикарей къ числу земледѣльцевъ и числа земледѣльцевъ къ числу людей, занимающихся искуствами.

шать свои столкновенія путемъ международнаго права, чѣмъ рѣже можно будетъ разрѣшать ихъ посредствомъ права гражданскаго [1]).

ГЛАВА XIII.

О гражданскихъ законахъ у народовъ, не занимающихся земледѣліемъ.

Раздѣлъ земель — вотъ главная причина увеличивающая размѣры гражданскаго уложенія. У народовъ, гдѣ нѣтъ этого раздѣла, очень мало гражданскихъ законовъ.

Учрежденія этихъ народовъ заслуживаютъ болѣе названія нравовъ, чѣмъ законовъ [2]).

У такихъ народовъ старики, помнящіе о дѣлахъ прошлаго, пользуются большимъ авторитетомъ; тамъ люди пріобрѣтаютъ почетъ не богатствомъ, а силою рукъ и разумными совѣтами.

Эти народы разсѣяны по лѣсамъ и пастбищамъ. Бракъ у нихъ не имѣетъ той прочности, какъ у насъ, гдѣ онъ утверждается жилищемъ, и гдѣ женщина принадлежитъ къ дому; поэтому имъ легче мѣнять женъ, обзаводиться нѣсколькими, а иногда и соединяться съ женщинами съ безразличіемъ животныхъ.

Народы пастушескіе [3]) не могутъ разлучаться со своими стадами, которыя даютъ имъ пропитаніе, и потому не могутъ они также разлучаться и со своими женами, которыя ухаживаютъ за этими стадами. Все это должно быть неразлучно, тѣмъ болѣе, что, въ противномъ случаѣ, ихъ жены, дѣти и стада сдѣлались-бы добычей непріятелей, такъ какъ они обыкновенно живутъ въ большихъ равнинахъ, гдѣ мало укрѣпленныхъ природою мѣстъ.

Законы ихъ должны установить правила для раздѣла добычи и, подобно нашимъ салическимъ законамъ [4]), обратить особенное вниманіе на воровство.

ГЛАВА XIV.

О политическомъ состояніи народовъ, не занимающихся земледѣліемъ.

Эти народы пользуются большою свободой, такъ какъ, не занимаясь воздѣлываніемъ земли, они нисколько не связаны съ нею. Они кочуютъ и бродятъ, и если-бы какой нибудь изъ ихъ вождей захотѣлъ лишить ихъ свободы, то они или пойдутъ искать ее у другого вождя, или уда-

---

[1]) См. кн XVIII, гл. XXVI.

[2]) Авторъ говоритъ здѣсь о дикаряхъ Америки.

[3]) А именно татары и арабы, гл. XIX.

[4]) Словами *законы салическіе* и *законы бургундскіе* Монтескье означаетъ латинскіе *lex salica* и *lex burgundionum*, и онъ безразлично пользуется выраженіемъ *законъ салическій* или *законы салическіе*, полагая, что имѣющійся у насъ сборникъ этихъ законовъ составляетъ лишь нѣкоторую часть древнихъ обычаевъ. См гл. XXII; кн. XXVIII, гл. I, и кн. XXX, гл. XIX, *passim*.

лятся въ лѣса, чтобы жить тамъ со своими семьями. У этихъ народовъ свобода человѣка такъ велика, что естественно влечетъ за собою и свободу гражданина [1]).

ГЛАВА XV.

О народахъ, которымъ извѣстно употребленіе денегъ.

Аристиппъ, потерпѣвъ кораблекрушеніе, достигнулъ вплавь ближайшаго берега и увидавъ тамъ начерченныя на пескѣ геометрическія фигуры, былъ очень обрадованъ, рѣшивъ, что онъ попалъ въ страну, обитаемую греками, а не варварами [2]).

Если какой-нибудь случай заброситъ васъ, одинокаго, въ страну неизвѣстнаго вамъ народа, и вы увидите тамъ монету, то можете быть увѣрены, что вы находитесь въ странѣ благоустроенной.

Воздѣлываніе земель требуетъ употребленія денегъ. Оно предполагаетъ искусства и знанія; а рядомъ съ искусствами и знаніями идутъ потребности, и все это приводитъ къ установленію денежнаго знака [3]).

Благодаря потопамъ и пожарамъ [4]) мы узнали, что земля содержитъ металлы, которые легко вошли въ употребленіе, разъ они были отдѣлены отъ земли.

ГЛАВА XVI.

О законахъ гражданскихъ у народовъ, которые не знаютъ употребленія денегъ.

У народа, не вѣдающаго употребленія денегъ, существуютъ лишь тѣ несправедливости, которыя порождаются насиліемъ; слабые люди соединяются другъ съ другомъ, чтобы защищаться отъ насилія, и всѣ учрежденія этого народа относятся лишь къ области политики. Но у народа, употребляющаго деньги, люди подвергаются несправедливостямъ, которыя порождаются хитростью, и такъ какъ эти несправедливости могутъ быть

---

[1]) Нельзя говорить о гражданахъ тамъ, гдѣ нѣтъ ни города, ни государства, и не слѣдуетъ также говорить о свободѣ въ томъ смыслѣ, который это слово имѣетъ у народовъ цивилизованныхъ. Свобода дикарей—это право бродить по лѣсамъ и равнинамъ съ рискомъ умереть тамъ съ голода. У дикарей можно найти семью, иногда даже племя; но сравнивать ихъ независимость съ гражданскою свободой народовъ, образующихъ государства, значитъ сближать вещи, не имѣющія ничего общаго. Дикарь, который можетъ дѣлать все, во сто разъ менѣе свободенъ, чѣмъ англичанинъ, живущій подъ покровительствомъ законовъ своей страны.

[2]) Подобное этому разсказываютъ о философѣ, который, очутившись въ неизвѣстной странѣ, увидѣлъ тамъ повѣшеннаго человѣка. Казнь предполагаетъ существованіе суда, а слѣдовательно и цивилизованнаго народа.—Цицеронъ. *de Rep.*, кн. I, гл. XVII

[3]) См. кн. XXII, гл. II.

[4]) Діодоръ, въ кн. V, гл. XXXV, говоритъ, что такимъ образомъ было открыто золото пиренейскими пастухами. (М.).

совершаемы тысячами разныхъ способовъ, то является необходимость въ хорошихъ гражданскихъ законахъ. Послѣдніе рождаются вмѣстѣ съ новыми средствами и разными способами дѣлать зло [1]).

Въ странахъ, гдѣ нѣтъ монеты, похититель похищаетъ только вещи, а вещи всегда различны. Въ странахъ, гдѣ есть монета, похититель похищаетъ знаки, а знаки всегда сходны. Въ первыхъ странахъ ничего нельзя утаить, потому что похититель всегда носитъ съ собою улику своей вины; но не такъ оно въ другихъ странахъ.

ГЛАВА XVII.

О политическихъ законахъ у народовъ, не знающихъ употребленія денегъ.

У народовъ, не воздѣлывающихъ землю, свобода болѣе всего поддерживается тѣмъ, что они не знаютъ денегъ [2]). Продукты охоты, рыбной ловли или скотоводства не могутъ быть ни накоплены въ достаточно большомъ количествѣ, ни сохраняться достаточно долго для того, чтобы дать возможность человѣку подкупать другихъ; между тѣмъ какъ знаки богатства можно накоплять и раздавать ихъ, кому угодно.

У народа, не употребляющаго денегъ, потребности людей не велики, и удовлетворяются онѣ легко и равномѣрно. Равенство у нихъ вынужденное, почему предводители ихъ и не являются деспотами.

ГЛАВА XVIII.

Сила предразсудковъ.

Исключеніемъ изъ этого правила является народъ въ Луизіанѣ, называемый начесы, если справедливо то, что намъ говорятъ о его государственномъ устройствѣ сообщенія путешественниковъ. Глава этого народа [3]) располагаетъ по своей волѣ всѣмъ имуществомъ своихъ подданныхъ и распоряжается ихъ трудами по произволу: онъ властенъ надъ ихъ жизнью; онъ точно турецкій султанъ. Когда у него родится наслѣдникъ, то всѣ грудные младенцы даются новорожденному въ слуги на всю его жизнь. Подумаешь, что это самъ великій Сезострисъ. Въ своемъ шалашѣ онъ окруженъ такимъ-же церемоніаломъ, какой бываетъ при дворахъ императоровъ Японіи и Китая.

---

[1]) Они скорѣе порождаются различіемъ и сложностью интересовъ.

[2]) См. гл. XIV, примѣчаніе I. Много злоупотребляли разсказами о предполагаемой свободѣ дикарей и ихъ примитивныхъ добродѣтеляхъ. Руссо даже кончилъ тѣмъ, что пріурочилъ золотой вѣкъ къ быту этихъ варваровъ. Монтескье не зашелъ такъ далеко, но и онъ не чуждъ этого заблужденія; въ авторѣ *Троглодитовъ* легко узнать ученика Платона и почитателя Фенелона.

[3]) *Поучительныя письма*, собраніе двадцатое. (М.).

Предразсудки суевѣрія властвуютъ надъ всѣми прочими предразсудками, и его сужденія—надъ всѣми прочими сужденіями. Поэтому, хотя дикіе народы вообще не знаютъ деспотизма, этотъ народъ знаетъ его. Онъ боготворитъ солнце, и если-бы предводитель его не выдумалъ назвать себя братомъ солнца, то остался бы въ глазахъ своихъ подданныхъ такимъ-же ничтожествомъ, какъ они сами [1]).

ГЛАВА XIX.

О свободѣ арабовъ и рабствѣ татаръ.

Арабы и татары—два пастушескіе народа. Арабы находятся въ тѣхъ общихъ условіяхъ, о которыхъ мы только что говорили, и пользуются свободой; между тѣмъ какъ татары (самый своеобразный народъ на землѣ) находятся въ политическомъ рабствѣ [2]). Я уже привелъ [3]) нѣкоторыя причины этого обстоятельства; вотъ еще нѣсколько новыхъ.

У нихъ нѣтъ городовъ, у нихъ нѣтъ лѣсовъ, у нихъ мало болотъ; ихъ рѣки почти всегда окованы льдомъ; они живутъ въ громадной равнинѣ; у нихъ есть пастбища и стада, а слѣдовательно имущества, но нѣтъ ничего, способнаго служить убѣжищемъ или защитой. Разъ какой нибудь ханъ побѣжденъ, ему отрубаютъ голову [4]), поступаютъ такимъ же образомъ съ его дѣтьми, и всѣ его подданные уже принадлежатъ побѣдителю. Ихъ не обращаютъ въ гражданское рабство: такіе рабы были бы только въ тягость для народа, который ведетъ простую жизнь, не обрабатываетъ землю и не нуждается ни въ какой домашней прислугѣ. Поэтому они входятъ въ составъ населенія этого народа, умножая его численность. Но понятно, что вмѣсто рабства гражданскаго въ этомъ народѣ должно было водвориться рабство политическое.

Въ самомъ дѣлѣ, въ странѣ, гдѣ различныя орды постоянно воюютъ другъ съ другомъ, безпрерывно покоряя другъ друга; въ странѣ, гдѣ политическое тѣло каждой побѣжденной орды, вслѣдствіе смерти ея вождя, всегда разрушается, народъ вообще не можетъ быть свободнымъ, потому что нѣтъ ни одной части его, которая не перебывала бы множество разъ подъ игомъ завоевателя.

Побѣжденные народы могутъ сохранить нѣкоторую долю свободы лишь тогда, когда они въ силу своего положенія въ состояніи вступать въ до-

---

[1]) Эти обычаи наводятъ на предположеніе, что начесы, прославленные Шатобріаномъ, принадлежатъ къ особенному племени, быть можетъ, пришедшему изъ Мексики. Ничего подобнаго обычаямъ этого народа не встрѣчается у прочихъ дикарей Сѣверной Америки.

[2]) При провозглашеніи хана весь народъ возглашаетъ: *Да будетъ его слово мечемъ*. (М.).

[3]) Кн. XVII, гл. V. (М.).

[4]) Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Мирвейсъ, овладѣвъ Испаганью, приказалъ умертвить всѣхъ принцевъ крови. (М.).

говоры съ побѣдителемъ. Но всегда беззащитные татары, будучи разъ побѣждены, никогда не могли предлагать своихъ условій побѣдителю.

Во второй главѣ я сказалъ, что народы воздѣлываемыхъ равнинъ рѣдко были свободны, благодаря обстоятельствамъ; татары, населяющіе невоздѣлываемыя земли, раздѣляютъ ихъ судьбу.

ГЛАВА XX.

О международномъ правѣ у татаръ.

Татары во взаимныхъ отношеніяхъ мягки и человѣчны, но какъ завоеватели они очень жестоки; они вырѣзываютъ жителей взятыхъ ими городовъ и думаютъ, что оказываютъ имъ милость, когда продаютъ ихъ или раздаютъ своимъ солдатамъ [1]). Они опустошили Азію отъ Индіи до Средиземнаго моря, и весь край, составляющій восточную часть Персіи, обратился въ пустыню.

Вотъ что, по моему мнѣнію, произвело такое международное право. У этихъ народовъ не было городовъ, и всѣ ихъ войны были стремительны и быстры. Они сражались, если надѣялись побѣдить, и присоединялись къ войскамъ сильнѣйшаго, если этой надежды не было. Въ силу такихъ обычаевъ они видѣли нѣчто противное своему международному праву, когда какой-нибудь городъ, который не могъ имъ противостоять, задерживалъ ихъ шествіе. Въ городахъ они видѣли не собраніе жителей, а мѣста, способныя ускользнуть отъ ихъ власти. Осаднаго искусства они совсѣмъ не знали и, неся большія потери при осадѣ, мстили кровью за пролитую кровь.

ГЛАВА XXI.

Гражданскій законъ татаръ.

Отецъ Дюгальдъ говоритъ, что у татаръ всегда бываетъ наслѣдникомъ послѣдній изъ дѣтей мужескаго пола, по той причинѣ, что старшіе, по мѣрѣ того какъ они становятся способными вести пастушескую жизнь, уходятъ изъ дома съ нѣкоторымъ количествомъ скота, полученнымъ отъ отца, и основываютъ новое хозяйство. Поэтому послѣдній изъ сыновей, который остается въ дому вмѣстѣ со своимъ отцомъ, становится естественнымъ наслѣдникомъ послѣдняго.

Я слышалъ, что подобный обычай былъ соблюдаемъ въ нѣкоторыхъ малыхъ округахъ Англіи; встрѣчается онъ еще въ Бретани и въ герцогствѣ Роганскомъ у простонародья [2]). Это, безъ сомнѣнія, одинъ изъ законовъ пастушескаго быта, заимствованный у какого-нибудь бретон-

---

[1]) См. письмо Монтескье къ Гролэ и кн. XV, гл. II.

[2]) Это—такъ называемое право *de juveigneur* и право *de quévaise*. См. *Обычаи Бретани*.

скаго народца или занесенный какимъ нибудь народомъ германскимъ. Послѣдніе, какъ извѣстно изъ Цезаря и Тацита [1]), мало занимались земледѣліемъ.

ГЛАВА XXII.

Объ одномъ гражданскомъ законѣ у народовъ германскихъ.

Я объясню здѣсь какимъ образомъ то особенное постановленіе салическаго закона, которое обыкновенно и называютъ закономъ салическимъ, вытекаетъ изъ учрежденій народа, который совсѣмъ не занимался земледѣліемъ или мало занимался имъ.

По закону салическому [2]), салическую землю послѣ умершаго отца наслѣдуетъ мужское потомство; дочери исключаются.

Чтобы узнать, что̀ такое были эти салическія земли, надо разсмотрѣть, что̀ представляло собою право собственности и владѣнія землями у франковъ до выхода ихъ изъ Германіи.

Эккаръ доказалъ неопровержимо [3]), что слово салическій происходитъ отъ слова s a l a, которое значитъ домъ, и что, слѣдовательно, земля салическая была землею, принадлежащею дому (усадебная земля). Я пойду далѣе и разсмотрю, что такое былъ этотъ домъ и земля при домѣ у германцевъ.

«Они не живутъ въ городахъ, говоритъ Тацитъ [4]), и не могутъ терпѣть, чтобы ихъ дома соприкасались другъ съ другомъ; каждый оставляетъ вокругъ своего дома небольшое пространство земли огороженной и замкнутой». Что Тацитъ говорилъ вѣрно, видно изъ того, что многіе законы кодексовъ варваровъ [5]) содержатъ различныя наказанія для тѣхъ которые разрушатъ эту ограду и для тѣхъ, которые ворвутся въ самый домъ.

Мы знаемъ, по Цезарю и Тациту, что земли, которыя германцы обрабатывали, давались имъ только на одинъ годъ, по истеченіи котораго онѣ снова становились общественною собственностью. Ихъ наслѣдственная собственность заключалась только въ домѣ и кускѣ земли въ оградѣ около дома [6]). Вотъ эта частная собственность и принадлежала лицамъ мужескаго пола. И зачѣмъ бы ей, въ самомъ дѣлѣ, было принадлежать дочерямъ? Вѣдь онѣ переходили въ другой домъ, въ другую семью.

---

[1]) *О нравахъ германцевъ*, гл. XIV и XV.

[2]) Tit. LXII. (М.).

[3]) Eccard. *Leges francorum Salicae et Ripuariorum*, 1720, in-f°.

[4]) *Nullas Germanorum populis urbes habitari satis notum est, ne pati quidem inter se junctas sedes. Colunt discreti ac diversi, ut fons, ut campus, ut nemus placuit. Vivos locant, non in nostrum morem connexis et cohaerentibus aedificiis: suam quisque domum spatio circumdat. О нравахъ Герм*, с. XVI. (М.).

[5]) Законъ аллемановъ, гл. X, и законъ баваровъ, тит. X. § 1 и 2. (М.).

[6]) Эта ограда обозначается въ старыхъ актахъ словомъ *curtis*. (М.).

Земля салическая, слѣдовательно, была та окружавшая домъ германца земля, которая находилась въ этой оградѣ. И это была его единственная собственность. Когда, послѣ завоеванія, франки пріобрѣли въ собственность новыя земли, усадьбы продолжали называться землями салическими.

Пока франки жили въ Германіи, ихъ имущества состояли изъ рабовъ, стадъ, лошадей, оружія и т. д. Домъ вмѣстѣ съ небольшимъ участкомъ земли, окружающимъ его, естественно передавался дѣтямъ мужского пола, которые должны были жить тамъ. Но когда, послѣ завоеванія, франки пріобрѣли большія земли, имъ уже показалось несправедливымъ не выдѣлять изъ нихъ никакой части дочерямъ и дѣтямъ этихъ дочерей. Образовался обычай, который дозволялъ отцу призывать къ участію въ наслѣдствѣ его дочь и дѣтей его дочери. И такого рода призывы, конечно, были весьма обычнымъ дѣломъ, судя по тому, что они были облечены въ формулы [1]).

Между всѣми этими формулами я нахожу одну весьма своеобразную [2]). вѣдъ назначаетъ наслѣдниками послѣ себя своихъ внучатъ вмѣстѣ со своими сыновьями и дочерьми. Что же сталось при этомъ съ закономъ салическимъ? Одно изъ двухъ: или этотъ законъ въ тѣ времена не соблюдался, или, вслѣдствіе постояннаго обычая давать наслѣдство дочерямъ, фактъ этого наслѣдованія казался всѣмъ однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ случаевъ.

Салическій законъ не имѣлъ предметомъ преимущества одного пола предъ другимъ, и еще менѣе—сохраненіе семьи, имени или передачи земель: ничего подобнаго не могло придти на умъ германцамъ. Законъ, отдававшій домъ вмѣстѣ съ зависѣвшею отъ него землею мужчинамъ, которые должны были тамъ жить и потому являлись его естественными обладателями,—былъ закономъ чисто экономическаго свойства.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно будетъ привести здѣсь статью салическаго закона о помѣстьяхъ, эту знаменитую статью, о которой столь многіе разсуждали, и которую столь немногіе прочли.

«1) Если человѣкъ умеръ бездѣтнымъ, то ему наслѣдуютъ его отецъ или его мать. 2) Если у него нѣтъ ни отца, ни матери, то ему наслѣдуютъ его братъ или его сестра. 3) Если у него нѣтъ ни брата, ни сестры, то ему наслѣдуетъ сестра его матери. 4) Если у его матери нѣтъ сестры, то ему наслѣдуетъ сестра его отца [3]). 5) Если у его отца нѣтъ сестры, то ему наслѣдуетъ его ближайшій родственникъ мужского пола. 6) Ни одна часть [4]) салической земли не переходитъ къ женщи-

[1]) См. у Маркульфа, кн. II, *форм.* 10 и 12; *Приложеніе* Маркульфа форм. 49, и *древнія формулы* Сирмонда, *форм.* 22. (М.).

[2]) *Форм.* 55 въ сборникѣ Линдендрога. (М.).

[3]) По тексту, опубликованному Балюзомъ, сестры отца наслѣдуютъ прежде сестеръ матери.

[4]) *De terrâ vero salicâ in mulierem nulla portio hereditatis transit, sed hoc*

намъ; она должна принадлежать мужчинамъ, т. е. наслѣдниками по отцѣ будутъ его дѣти мужского пола».

Ясно, что первые пять пунктовъ касаются наслѣдованія послѣ того, кто умеръ бездѣтнымъ; а шестой—наслѣдованія послѣ того, у кого остались дѣти.

Когда человѣкъ умиралъ бездѣтнымъ, то законъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ давалъ преимущества одному полу надъ другимъ. Въ первыхъ двухъ степеняхъ наслѣдованія оба пола имѣли равныя права; въ третьей и четвертой преимущество принадлежало женскому полу, а въ пятой—мужскому.

Я нахожу указанія на зародыши этихъ странностей у Тацита. «Дядя, говоритъ онъ, любитъ сестриныхъ дѣтей [1]), какъ ихъ родной отецъ. Есть люди, которые почитаютъ эту родственную связь болѣе тѣсной и даже священной; при полученіи заложниковъ они отдаютъ ей предпочтеніе». Вотъ почему наши первые историки [2]) такъ много говорятъ намъ о любви франкскихъ королей къ ихъ сестрамъ и дѣтямъ ихъ сестеръ. Если въ домѣ на дѣтей сестры смотрѣли, какъ на собственныхъ, то и дѣти, естественно, смотрѣли на свою тетку, какъ на свою собственную мать.

Сестра матери предпочиталась сестрѣ отца. Это объясняется другими текстами салическаго закона: ставши вдовой [3]), женщина попадала подъ опеку родственниковъ своего мужа, и законъ давалъ предпочтеніе для этой опеки родственникамъ по женской линіи надъ родственниками по мужской линіи. И въ самомъ дѣлѣ, женщина, вступившая въ семью, живя въ обществѣ лицъ своего пола, имѣла болѣе связи съ родственниками по женской, чѣмъ по мужеской линіи. Сверхъ того, когда человѣкъ [4]), убившій другого человѣка, не былъ въ состояніи уплатить слѣдуемый за это денежный штрафъ, то законъ дозволялъ ему раздѣлаться уступкой своего имущества, при чемъ его родственники должны были доплатить то, чего не доставало. Послѣ отца, матери и брата доплата производилась сестрою матери, какъ будто эта родственная связь заключала въ себѣ нѣчто болѣе нѣжное; но родство, налагающее тягости, должно доставлять и выгоды.

---

virilis sexus acquirit, hoc est filii in ipsa hereditate succedunt. Tit. LXII. § 6. (М.).

[1]) *Sororum filiis idem apud avunculum quam apud patrem honor. Quidam sanctiorem arctiorem que hunc nexum sanguinis arbitrantur, et in accipiendis absidibus magis exigunt, tanquam ii et animum firmius et donum latius teneant. De moribus Germ.* C. XX. (М.).

[2]) Читайте у Григорія Турскаго (кн. VIII, гл. XVIII и XX; кн. IX. гл. XVI и XX), о томъ какъ Гонтранъ разъярился на Левигильда за дурное обращеніе съ своей племянницей Ингундой, и какъ братъ его Хильдеберъ велъ войну, чтобы отомстить за нее. (М.).

[3]) Законъ салическій, тит. XLVII. (М.).

[4]) Ibid. тит. LXI. § 1. (М.).

Салическій законъ требовалъ, чтобы послѣ сестры отца наслѣдовалъ ближайшій родственникъ по мужской линіи; но если онъ былъ родственникомъ, болѣе чѣмъ въ пятой степени, то не могъ наслѣдовать. Такъ, женщина въ пятой степени родства наслѣдовала предпочтительно передъ мужчиной въ шестой степени родства. Это усматривается изъ закона [1]) франковъ рипуарскихъ, который является вѣрнымъ истолкователемъ салическаго закона о помѣстьяхъ, слѣдуя шагъ за шагомъ за всѣми постановленіями салическаго закона по этому предмету.

Если послѣ отца оставались дѣти, то салическій законъ требовалъ, чтобы дочери были исключены изъ наслѣдованія салическою землею и чтобы эта земля переходила къ сыновьямъ.

Мнѣ не трудно будетъ доказать, что салическій законъ устранялъ отъ наслѣдства дочерей не вообще, а лишь въ томъ случаѣ, когда онѣ устранялись братьями. 1) Это видно изъ самого салическаго закона, который, сказавши, что салическою землею должны владѣть не женщины, а только мужчины, истолковываетъ и ограничиваетъ себя, говоря: «то есть, что наслѣдникомъ отца долженъ быть сынъ».

2) Текстъ салическаго закона объясняется закономъ франковъ рипуарскихъ [2]), который тоже заключаетъ въ себѣ статью [3]) о помѣстьяхъ, очень сходную со статьею закона салическаго.

3) Законы этихъ варварскихъ народовъ, которые были всѣ уроженцами Германіи, объясняютъ другъ друга тѣмъ болѣе, что у всѣхъ у нихъ почти одинъ и тотъ-же духъ. Законъ саксовъ [4]) требуетъ, чтобы отецъ и мать оставляли наслѣдство своему сыну, а не своей дочери; но если есть только дочери, то чтобы все наслѣдство принадлежало дочерямъ.

4) Мы имѣемъ двѣ старинныя формулы [5]), гдѣ опредѣляется случай, когда, по салическому закону, дочери исключаются мужчинами,—а именно тогда, когда онѣ сталкиваются съ своими братьями.

5) Другая формула [6]) доказываетъ, что дочь наслѣдовала предпочтительно передъ внукомъ, изъ чего слѣдуетъ, что исключалъ ее только сынъ.

6) Если бы дочери были вообще устранены салическимъ закономъ отъ наслѣдованія земель, то всѣ исторіи, формулы и хартіи, въ которыхъ постоянно говорится о женскихъ имѣніяхъ и земляхъ при короляхъ первой расы (Меровингахъ) были бы необъяснимы.

---

[1]) *Et. deinaps ud que ad qui utum genuculum qui proximus fuerit in hereditatem succedat.* Тит. LVI, § 6. (М.).

[2]) Въ изд. А.—Закономъ рипуаріевъ, установленнымъ народами франкскими, какъ и законъ салическій, въ которомъ тоже есть и т. д.

[3]) Ст. LVI. (М.).

[4]) Ст. VIII, § I. *Pater aut mater defuncti, filio non filiae hereditatem relinquant*, § 4. *Qui defunctus, non filios sed filias reliquerit, ad eas omnis hereditas pertineat.* (М.).

[5]) У Маркульфа, кн. II, *form.* 12, и въ *Прибавленіи* Маркульфа, *form.* 49. (М.).

[6]) Въ сборникѣ Линденброга, *form.* 55. (М.).

Напрасно [1]) утверждали, что земли салическія были ленами, такъ какъ: 1) Эта статья носитъ заглавіе: о помѣстьяхъ. 2) Первоначально лены совсѣмъ не были наслѣдственными. 3) Если бы салическія земли были ленами, то какъ могъ бы Маркульфъ назвать безбожнымъ обычай, устранявшій женщинъ отъ наслѣдованія ими, тогда какъ лены не наслѣдовались даже и мужчинами? 4) Документы, на которые ссылаются въ доказательство того, что салическія земли были ленами, доказываютъ только то, что онѣ были землями свободными, не платящими налоговъ. 5) Лены были учреждены уже послѣ завоеванія, а салическіе обычаи существовали еще до выступленія франковъ изъ Германіи. 6) Не салическій законъ, ограничивъ наслѣдованіе женщинъ, образовалъ учрежденіе леновъ; но учрежденіе леновъ положило границы наслѣдованію женщинъ и дѣйствію салическаго закона.

Кто повѣритъ послѣ всего сказаннаго нами, что постоянное наслѣдоніе французскаго престола лицами мужескаго пола проистекало изъ салическаго закона? И однако оно несомнѣнно проистекаетъ изъ него. Я доказываю это ссылками на различныя уложенія варварскихъ народовъ. По закону салическому [2]) и закону бургундовъ [3]) дочери не имѣли права наслѣдства на земли вмѣстѣ съ своими братьями; не наслѣдовали онѣ также и престола Законъ вестготовъ [4]), напротивъ, допускалъ дочерей [5]) къ наслѣдованію вмѣстѣ съ ихъ братьями. У этихъ народовъ гражданскій законъ бралъ верхъ [6]) надъ закономъ политическимъ.

И это не единственный случай, когда политическій законъ отступалъ у франковъ передъ закономъ гражданскимъ. По закону салическому, всѣ братья имѣли равное право на наслѣдство земли, и таково-же было постановленіе закона бургундовъ. Поэтому въ монархіи франковъ, а также и бургундовъ престолъ переходилъ по наслѣдству ко всѣмъ братьямъ, не считая нѣкоторыхъ захватовъ, насилій и убійствъ у бургундовъ.

ГЛАВА XXIII.

О длинныхъ волосахъ у франкскихъ королей.

Народы, не воздѣлывающіе земель, не имѣютъ даже понятія о роскоши. Читая Тацита, удивляешься простотѣ жизни германскихъ народовъ.

---

[1]) Дю Канжъ, Питу и др. (М.).

[2]) Ст. LXII. (М.).

[3]) Ст. I, § 3; ст. XVI, § 1; и ст. LI. (М.)

[4]) Кн. IV, ст. II, § 1. (М.).

[5]) У германскихъ народовъ, говоритъ Тацитъ, *О нравахъ Германцевъ*, гл. XXII, были обычаи общіе, а также и частные. (М.).

[6]) У Остготовъ престолъ два раза переходилъ къ мужчинамъ черезъ женщинъ; разъ черезъ Амаласунту къ Аталариху, а потомъ чрезъ Амалафреду къ Теодату. И это не потому, чтобы у нихъ женщины сами не могли царствовать. Амаласунта царствовала по смерти Аталариха и даже по избраніи Теодата и вмѣстѣ съ нимъ. См. письма Амаласунты и Теодата въ X-ой кн. Кассіодора. (М.).

Искусство не трудилось надъ ихъ украшеніемъ: свои украшенія они находили въ природѣ. Если семейство ихъ вождя должно было быть отмѣчено какимъ нибудь отличительнымъ знакомъ, то они обращались за нимъ все къ той же природѣ. Королямъ франковъ, бургундовъ и вестготовъ замѣняли діадему ихъ длинные волосы [1]).

ГЛАВА XXIV.

О бракахъ франкскихъ королей.

Выше я сказалъ [2]), что у народовъ, не воздѣлывающихъ земель, браки гораздо менѣе прочны и что у нихъ въ обычаѣ многоженство. «Изо всѣхъ варваровъ почти одни только германцы [3]) довольствовались одною женою, если исключить [4]), говоритъ Тацитъ, нѣкоторыхъ особъ, которыя имѣли нѣсколько женъ, но не ради распутства, а въ знакъ своего благородства».

Этимъ объясняется, почему короли первой расы имѣли такъ много женъ. Такіе браки были у нихъ не столько свидѣтельствами невоздержности, сколько признаками достоинства, и лишить ихъ такого преимущества, значило бы нанести имъ ударъ въ самое чувствительное мѣсто [5]). Отсюда понятно, почему подданные не слѣдовали примѣру своихъ королей.

ГЛАВА XXV.

Хильдерикъ.

«У германцевъ браки соблюдаются строго [6]), говоритъ Тацитъ: они не видятъ ничего потѣшнаго въ порокахъ и не называетъ разврата обычаемъ или образомъ жизни; въ этомъ столь многочисленномъ народѣ мало встрѣчается примѣровъ [7]) нарушеніе супружеской вѣрности».

Этимъ объясняется изгнаніе Хильдерика: онъ оскорблялъ строгость нравовъ, которые завоеваніе не успѣло еще измѣнить.

ГЛАВА XXVI.

О совершеннолѣтіи франкскихъ королей.

Народы варварскіе, которые не воздѣлываютъ земель, не имѣютъ поземельной собственности и, какъ мы сказали, управляются болѣе правомъ

[1]) Не имѣло ли это отличіе какого нибудь религіознаго значенія?

[2]) См. кн. XVIII, гл. XIII.

[3]) *Prope soli barbarorum singulis uxoribus contenti sunt. De moribus Germ.*, c. XVIII. (М.).

[4]) *Exceptis admodum paucis qui, nonlibiaine, sed ob nobilitatem, plurimis nuptiis ambiuntur. Ibid.* (М.).

[5]) См. *Хронику* Фредегарія о годѣ 628-мъ. (М.).

[6]) *Severa matrimonia... Nemo illic vitia ridet, nec corrumpere ei corrumpi saeculum vocatur. De Germ.*, c. XIX. (М.).

[7]) *Paucissima in tam numerosa gente adulteria. Ibid.* (М.).

международнымъ, чѣмъ гражданскимъ [1]). Поэтому они почти всегда вооружены. Тацитъ говоритъ, что германцы [2]) отправляли всѣ частныя и общественныя дѣла съ оружіемъ въ рукахъ. Они подавали голоса посредствомъ знака, который дѣлали оружіемъ [3]). Какъ скоро они были въ состояніи носить оружіе [4]), ихъ представляли собранію и давали имъ въ руки копье [5]). Съ этого момента они переставали быть дѣтьми [6]); они были членами семьи, и становились членами республики».

«Орлы, говорилъ король остготовъ, перестаютъ кормить [7]) своихъ птенцовъ, какъ скоро ихъ крылья и когти окрѣпнутъ; они уже не нуждаются въ чужой помощи, когда могутъ сами отправляться за поискомъ добычи. И было бы недостойно почитать нашихъ молодыхъ людей, находящихся въ нашемъ войскѣ, слишкомъ малолѣтними для того, чтобы управлять своимъ имуществомъ и своими поступками. У готовъ мужество порождаетъ совершеннолѣтіе».

Хильдеберту было пятнадцать [8]) лѣтъ, когда его дядя Гонтранъ объявилъ его совершеннолѣтнимъ и способнымъ управлять самому [9]).

Изъ закона рипуаріевъ видно, что пятнадцатилѣтній возрастъ, способность носить оружіе и совершеннолѣтіе наступали одновременно. «Сынъ рипуарія, отецъ котораго умеръ или былъ убитъ, сказано тамъ [10]), не можетъ ни преслѣдовать, ни быть преслѣдуемымъ судомъ, прежде чѣмъ ему исполнится пятнадцать лѣтъ; съ этой-же поры онъ или отвѣчаетъ за себя самъ или избираетъ себѣ защитника». Нуженъ былъ зрѣлый умъ, чтобы защищаться на судѣ и достаточно окрѣпшее тѣло, чтобы за-

---

[1]) См. кн. XVIII. гл. XII.

[2]) *Nihil, neque publicae, neque privatae rei, nisi armati agunt.* Тацитъ. *О нравахъ Германцевъ*, с. XIII. (М.).

[3]) *Si displicuit sententia, aspernantur; sin placuit, frameas concutiunt, Ibid.*, с. XI. (М.).

[4]) *Sed arma sumere non ante cuiquam moris quam civitas suffecturum probaverit. Ibid.*, с. XIII. (М.).

[5]) *Tum in ipso concilio, vel principum aliquis, vel pater, vel propinquus, scuto frameaque juvenem ornant.* (М.).

[6]) *Haec apud illos toga, hic primus juventae honos; ante hoc domus pars videntur mox reipublicae.* (М.).

[7]) Теодорихъ у Кассіодора, кн. I, письм. 38. (М.). Этого параграфа нѣтъ въ изд. А. и В.

[8]) Ему едва было пять лѣтъ, говоритъ Григорій Турскій, кн. V, гл. I, когда онъ наслѣдовалъ отцу въ 575 г., а Гонтранъ объявилъ его совершеннолѣтнимъ въ 585 г.; значитъ ему было тогда пятнадцать лѣтъ. (М.).

[9]) Въ изд. А. и В. прибавлено: Онъ ему сказалъ: «Я вложилъ въ твои руки это копье въ знакъ того, что отдалъ тебѣ все мое королевство».—И оборотившись къ собранію онъ произнесъ: «Вы видите, что мой сынъ Хильдебертъ сталъ мужемъ, повинуйтесь ему» *).

[10]) Ст. LXXXI. (М.).

---

*) Григорій Турскій, VII, xxxiii. Гонтранъ объявилъ своего племянника Хильдеберта, бывшаго уже королемъ, совершеннолѣтнимъ и сверхъ того сдѣлалъ его своимъ наслѣдникомъ. Кн. гл. XXXIII. (М.).

щищаться въ сраженіи. Для бургундовъ [1]), у которыхъ тоже былъ обычай судебныхъ поединковъ, совершеннолѣтіе наступало также въ пятнадцать лѣтъ.

Агафій говоритъ, что оружіе у франковъ было легкое, почему они и могли быть совершеннолѣтними въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ. Впослѣдствіи оружіе стало тяжеловѣснѣе, а во время Карла Великаго, какъ это видно изъ нашихъ капитуляріевъ и нашихъ романовъ, оно было очень тяжело. Тѣ, которые имѣли лены [2]) и вслѣдствіе этого были обязаны военною службою, считались тогда совершеннолѣтними лишь въ двадцать одинъ годъ [3]).

ГЛАВА XXVII.

Продолженіе о томъ-же предметѣ.

Мы видѣли, что у германцевъ несовершеннолѣтніе не принимали участія въ собраніи; они были членами семьи, а не республики. Поэтому то дѣти Хлодомира, короля Орлеанскаго и завоевателя Бургундіи, не были объявлены королями, такъ какъ по причинѣ своего нѣжнаго возраста они не могли быть представлены собранію. Они еще не были королями; но должны были быть ими, какъ только стали бы способными носить оружіе; пока же государствомъ управляла [4]) ихъ бабка Клотильда. Ихъ дядья—Лотарь и Хильдебертъ умертвили ихъ и раздѣлили между собою ихъ государство. Этотъ случай былъ причиною того, что впослѣдствіи несовершеннолѣтніе принцы были объявляемы королями тотчасъ послѣ смерти своихъ отцовъ. Такъ, герцогъ Гундобальдъ, спасая Хильдеберта II отъ жестокостей Хильперика, объявилъ его королемъ [5]) въ пятилѣтнемъ возрастѣ.

Но даже и на этой перемѣнѣ сказалось вліяніе первоначальнаго духа народнаго, такъ какъ всѣ дѣла и распоряженія совершались не отъ имени королей-малолѣтокъ. Отсюда у франковъ возникло двойное управленіе: одно, относившееся къ особѣ малолѣтняго короля, а другое, относившееся къ королевству; въ области леновъ тоже появилось различіе между дѣлами личной опеки и дѣлами управленія [6]).

---

[1]) Ст. LXXXVII. (М.).

[2]) Эти измѣненія не касались простаго народа. (М.).

[3]) Людовикъ Святой былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ только въ этомъ возрастѣ; это было измѣнено указомъ Карла V, въ 1374 году. (М.).

[4]) По Григорію Турскому (кн. V, гл. I), выходитъ, что она избрала двухъ человѣкъ изъ Бургундіи, которая была завоевана Хлодомиромъ, что бы возвести ихъ на престолъ Тура, который тоже принадлежалъ къ королевству Хлодомира. (М.).

[5]) Григорій Турскій, кн. V, гл. I. *Vix lustra aetatis uno jam peracto, qui die dominicae natalis, regnare coepit.* (М.).

[6]) Т. е. между охраной лица и охраной лена.

ГЛАВА XXVIII [1]).

Объ усыновленіи у германцевъ.

Германцы становились совершеннолѣтними, получая оружіе, и такимъ же точно образомъ они усыновлялись. Такъ Гонтранъ, желая объявить совершеннолѣтнимъ и сверхъ того усыновить своего племянника Хильдеберта, сказалъ ему: «я вложилъ [2]) тебѣ въ руки копье въ знакъ того, что отдалъ тебѣ все мое королевство». И обратившись къ собранію: «Вы видите, что сынъ мой Хильдебертъ сталъ мужемъ; повинуйтесь ему»: Теодорихъ, король остготовъ, желая усыновить короля геруловъ, писалъ ему [3]): «Нашъ обычай усыновлять оружіемъ—прекрасное дѣло, такъ какъ одни мужественные люди достойны называться нашими дѣтьми. Въ этомъ обрядѣ заключается такая сила, что всякій, ставшій предметомъ его, согласится лучше умереть, чѣмъ выносить какой-либо позоръ. Итакъ, по обычаю народа и потому, что ты мужъ, мы усыновляемъ тебя этими щитами, мечами и конями, которые посылаемъ тебѣ».

ГЛАВА XXIX.

Свирѣпость королей франкскихъ.

Изъ королей франковъ не одинъ только Хлодвигъ предпринималъ походы въ Галлію. Многіе его родственники водили туда отдѣльныя племена; но такъ какъ онъ имѣлъ болѣе удачи и могъ раздавать значительныя имѣнія тѣмъ, которые послѣдовали за нимъ, то франки стекались къ нему изо всѣхъ племенъ, а прочіе вожди не были въ силахъ ему сопротивляться. Онъ замыслилъ истребить весь свой родъ и успѣлъ въ этомъ [4]). Онъ опасался, говоритъ Григорій Турскій [5]), чтобы франки не взяли себѣ другого вождя. Его дѣти и преемники слѣдовали, насколько могли, его примѣру: братъ, дядя, племянникъ, даже сынъ и отецъ безпрерывно составляли заговоры противъ всей его семьи. Законъ постоянно раздѣлялъ монархію, а страхъ, честолюбіе и жестокость стремились возсоединить ее.

ГЛАВА XXX.

О народныхъ собраніяхъ у франковъ.

Выше было сказано, что народы, не воздѣлывающіе земель, пользуются большой свободой [6]). Таковы были германцы. Тацитъ говоритъ, что

---

[1]) Этой главы въ изд. А. и В. нѣтъ.
[2]) Чит. Григ. Турскаго, кн VII, гл. XXIII. (М.).
[3]) Кассіодоръ, кн. IV, II. (М.).
[4]) Григорій Турскій, кн. II (М.).
[5]) *Ibid.* (М.).
[6]) См. кн. XVIII, гл. XIV.

они давали своимъ королямъ или вождямъ лишь весьма умѣренную власть, а Цезарь—что во время мира у нихъ не было общаго начальника, но что въ каждомъ селеніи короли отправляли правосудіе между своими. Поэтому въ Германіи франки и не имѣли короля, какъ это прекрасно доказываетъ Григорій Турскій [1]).

«Государи [2]), говоритъ Тацитъ, совѣщаются о незначительныхъ дѣлахъ, а о важныхъ совѣщается весь народъ, такъ, однако, что дѣла, подлежащія обсужденію народа, предъявляются также и государямъ». Этотъ обычай сохранился и послѣ завоеванія, какъ это видно изъ всѣхъ памятниковъ.

Тацитъ [4]) говоритъ, что уголовныя дѣла могли быть вносимы въ собраніе. Такъ оно было и послѣ завоеванія, и знатнѣйшіе вассалы судились въ собраніяхъ.

ГЛАВА XXXI.

О власти духовенства при короляхъ первой династіи.

У варварскихъ народовъ духовенство пользуется обыкновенно властью, вслѣдствіе вліянія, которое ему доставляетъ религія, и могущества, которое у подобныхъ народовъ дается суевѣріемъ; потому мы и видимъ у Тацита, что жрецы были въ большомъ уваженіи у германцевъ, что они наблюдали за порядкомъ [5]) въ народныхъ собраніяхъ. Только имъ однимъ [6]) было дозволено карать, вязать и бить, что они и дѣлали, но не по приказу государя и не для наложенія наказанія, а какъ-бы по вдохновенію божества, всегда присутствующаго среди сражающихся.

Поэтому не надо удивляться тому, что, съ самаго воцаренія первой династіи, епископы являются верховными судьями [7]), что они присутствуютъ въ народныхъ собраніяхъ, что они сильно вліяютъ на рѣшеніе королей и что ихъ осыпаютъ такими богатствами [8]).

---

[1]) Кн. II. (М.).

[2]) *De minoribus principes consultant, de majoribus omnes; ita tamen ut ea quorum penes plebem arbitrium est, apud principes quoque pertractentur. De moribus Germ.*, c. XI. (М.).

[3]) *Lex consensu populi fit et constitutione regis.* Капитуляріи Карла Плѣшиваго, годъ 864, ст. 6. (М.).

[4]) *Licet apud concilium accusare, et discrimen capitis intendere. О нравѣ Герм.*, c. XII. (М.).

[5]) *Silentium per sacerdotes, quibus et coercendi jus est, imperatur. De moribus Germ.* c. XI, (М.).

[6]) *Nec regibus libera et aut infinita potestas. Caeterum neque animadvertere, neque vincire, neque verberare, nisi sacerdotibus est permissum; non quasi in poenam, nec ducis jussu, sed velut Deo imperante, quem adesse bellatoribus credunt Ibid*, c. VII. (М.)

[7]) См. конституцію Лотаря, годъ 560, ст. 6. (М.).

[8]) Десять послѣднихъ главъ этой книги, въ соединеніи съ книг. XXIII, XXX и XXX, представляютъ цѣльный трактатъ о происхожденіи и первыхъ

КНИГА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

О законахъ въ ихъ отношеніи къ основнымъ началамъ, образующимъ общій духъ, нравы и обычаи народа.

ГЛАВА I.

О предметѣ этой книги.

Предметъ этотъ очень обширенъ. Въ этой массѣ мыслей, которыя представляются моему уму, я буду обращать вниманіе болѣе на порядокъ вещей, чѣмъ на самыя вещи. Я долженъ пробиваться то направо, то налѣво, чтобы выбиться къ свѣту [1]).

ГЛАВА II.

О томъ, какъ необходимо, чтобы умы были подготовлены къ воспріятію наилучшихъ законовъ.

Ничто не было столь тягостно для германцевъ [2]) какъ судъ Вара. Судъ, наряженный Юстиніаномъ [3]) у лазійцевъ надъ убійцею ихъ ко-

вѣкахъ нашей монархіи, и только при такомъ чтеніи онѣ могутъ быть надлежащимъ образомъ поняты. (Паррель).

[1]) Монтескье, который впродолженіе двадцати лѣтъ обдумывалъ предметъ своихъ твореній, обладалъ однако умомъ чрезвычайно быстрымъ, *размышленіемъ порывистымъ*, по выраженію Вовенарга, и мысли самыя глубокія иногда овладѣвали имъ въ видѣ внезапнаго настроенія. Тогда-то онъ и восклицаетъ: «Я открылъ то, чего такъ долго и напрасно искалъ... Я постигаю смыслъ этого... Я вижу множество вещей разомъ; надо дать мнѣ время изложить ихъ». Геній Монтескье не принадлежалъ къ разряду ясно управляемыхъ, покорно подчиняющихся руководству воли; онъ часто покидалъ его въ лѣсахъ Бреды и овладѣвалъ имъ въ Парижскомъ обществѣ.

Монтескье былъ разсѣянъ до чрезвычайности; онъ никогда не былъ увѣренъ въ томъ, что ему удастся написать, или что онъ уже написалъ самыя лучшіе плоды своихъ размышленій; отсюда эти столь часто встрѣчающіяся выраженія: «я чуть не забылъ сказать. Я забылъ сказать... Не сказалъ ли я?» И эти вещи, которыя онъ готовъ забыть, или уже забылъ, или не знаетъ высказалъ ли, очень часто принадлежатъ къ мыслямъ возвышеннаго полета. По характеру спокойный и ровный, какъ дитя, онъ часто бывалъ нетерпѣливъ, какъ дитя, и законодатель народовъ порою даетъ замѣтить это свое нетерпѣливое настроеніе. «Я подавленъ содержаніемъ этой книги... Я бросаюсь направо, и налѣво, я пробиваюсь къ свѣту». Всѣ эти выраженія, которые повидимому странно встрѣчать въ такой книгѣ, какъ *Духъ Законовъ*, производитъ очень пріятное впечатлѣніе, потому что они вѣрно и наивно отражаютъ все, что испытывалъ авторъ во время писанія и одновременно знакомятъ насъ и съ его характеромъ, и съ его геніемъ. Вы ожидали видѣть только писателя, а нашли только человѣка. (*Mercure de France*, 6 avril 1784).

[2]) Они рѣзали языки адвокатамъ, приговаривая: *Перестань шипѣть, змѣя*. Тацитъ. (М.). Это сообщаетъ Флоръ, IV, 12.

[3]) Агаѳій, кн. IV. (М.).

роля, показался имъ ужаснымъ и варварскимъ дѣломъ. Митридатъ [1]) въ своей рѣчи противъ римлянъ болѣе всего упрекаетъ ихъ за формальности [2]) ихъ судопроизводства. Пареяне не могли выносить того царя, который будучи воспитанъ въ Римѣ, былъ со всѣми привѣтливъ [3]) и для всѣхъ доступенъ. Сама свобода казалась несносной народамъ, которые не привыкли пользоваться ею [4]). Такъ чистый воздухъ бываетъ иногда вреденъ для обитателей болотистыхъ странъ.

Венеціанецъ, по имени Бальби, находясь въ Пегу, былъ приведенъ къ тамошнему королю. Послѣдній, услыхавъ, что въ Венеціи нѣтъ совсѣмъ короля, разразился такимъ хохотомъ, что, закашлявшись съ большимъ трудомъ могъ говорить съ своими придворными [5]). Какой законодатель могъ бы предложить народное правленіе подобнымъ народамъ?

ГЛАВА III.

О тиранніи.

Есть два рода тиранніи: одна дѣйствительная, которая заключается въ насильственномъ правленіи, другая воображаемая, которая даетъ себя чувствовать, когда правители вводятъ порядки, противные образу мыслей народа [6]).

Діонъ говоритъ, что Августъ хотѣлъ наименовать себя Ромуломъ, но узнавъ, что народъ боится, чтобы онъ не захотѣлъ стать царемъ, оставилъ это намѣреніе. Первобытные римляне не хотѣли царей, потому что не терпѣли ихъ власти; тогдашніе римляне не хотѣли царей, потому что не терпѣли ихъ обычаевъ. Хотя Цезарь, тріумвиры, Августъ были настоящими царями, но они сохранили всѣ внѣшніе признаки равенства, и ихъ частная жизнь была въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ пышностью прежнихъ царей. Поэтому сказать, что римляне не хотѣли царя, значитъ сказать, что они не хотѣли мѣнять своихъ обычаевъ на обычаи народовъ Африки и Востока.

Діонъ [7]) говоритъ, что народъ римскій вознегодовалъ на Августа за нѣкоторые, изданные имъ слишкомъ суровые законы; но когда Августъ

---

[1]) Юстин., кн. XXXIII. (М.).

[2]) *Calumnias litium Ibid.* (М.). Это значитъ: *ненавистныя кляузы.*

[3]) *Prompti aditus, nova comitas, ignotae Parthis virtutes, nova vitia.* Тацитъ, Анналы, кн. II, гл. II.

[4]) См. кн. XI, гл. II.

[5]) Бальби составилъ описаніе Пегу въ 1596 г. *Собраніе путешествій, послужившихъ къ основанію индійской компаніи*, т. III, ч. I, стр. 33. (М.).

Городъ Пегу былъ столицей государства того-же имени, покореннаго въ XVIII вѣкѣ Бирманцами; въ 1853 г. англичане присоединили его къ Бенгальской провинціи.

[6]) Вотъ очень разумное разсужденіе, на которое, къ сожалѣнію, слишкомъ мало обращаютъ вниманія. (Люзакъ).

[7]) Кн. LIV, гл. XVII. (М.).

велѣлъ возвратить изгнаннаго изъ города партіями актера Пилада, то это неудовольствіе прекратилось. Подобный народъ живѣе чувствуетъ тиранію, когда изгоняютъ комедіанта, чѣмъ когда его лишаютъ всѣхъ его законовъ [1]).

ГЛАВА IV.

Что такое общій духъ.

Многія вещи управляютъ людьми: климатъ, религія, законы, правила правленія, примѣры прошлаго, нравы, обычаи, и какъ результатъ всего этого, образуется общій духъ народа.

Чѣмъ болѣе усиливается въ народѣ дѣйствіе одной изъ этихъ причинъ, тѣмъ болѣе ослабляется дѣйствіе прочихъ. Природа и климатъ почти одни властвуютъ надъ дикарями; обычаи управляютъ китайцами; законы тиранствуютъ въ Японіи; надъ Лакедемономъ въ былое время господствовали нравы; правила правленія и нравы старины [2]) господствовали въ Римѣ [3]).

ГЛАВА V.

О томъ, какъ важно избѣгать всего, что могло-бы измѣнить общій духъ націи.

Если бы на свѣтѣ былъ народъ съ нравомъ общительнымъ, открытымъ сердцемъ, веселымъ характеромъ, одаренный вкусомъ и способностью легко сообщать свои мысли; если бы это былъ народъ живой, симпатичный, игривый, иногда вѣтреный, часто нескромный, и если бы при этомъ онъ обладалъ мужествомъ, щедростью и нѣкоторымъ чувствомъ чести, то не слѣдовало-бы стѣснять законами его обычаевъ, чтобы не стѣснить и его добродѣтелей. Когда характеръ вообще хорошъ, то не бѣда, если въ немъ оказываются и нѣкоторые недостатки [4]).

У такого народа можно бы обуздать женщинъ, создавать законы для исправленія ихъ нравовъ и ограниченія ихъ роскоши; но, кто знаетъ,

---

[1]) См. кн. II, гл. II, въ концѣ.

[2]) *Mores majorum*. Эти слова имѣли у римлянъ очень опредѣленный и техническій смыслъ; это то, что англичане называютъ *прецендентами*.

[3]) Хотя законы дѣйствуютъ на нравы, но они и зависятъ отъ нихъ. Такъ Монтескье всегда исправляетъ посредствомъ какой нибудь новой истины свою первую мысль, которая казалась преувеличенной лишь потому, что была изолирована; природа и климатъ почти исключительно господствуютъ надъ дикарями; народы цивилизованные повинуются нравственнымъ вліяніямъ. Самое непобѣдимое среди нихъ—общій духъ народа. Передъ нимъ безсильна всякая власть. Онъ дѣйствуетъ на отвергающихъ его; онъ и создаетъ законы и лишаетъ ихъ силы; законы не могутъ бороться съ нимъ, потому что это двѣ силы различныя по природѣ; онъ ускользаетъ или отражаетъ всѣ нападенія. (Вильменъ, *Похвала Монтескье*).

[4]) Не нужно рысьихъ глазъ, чтобъ видѣть, что здѣсь рѣчь идетъ о французахъ. (Люзакъ). См. кн. IX, гл. VII.

не утратился ли бы въ немъ отъ этого тотъ вкусъ, который является источникомъ его богатства, и та вѣжливость, которая привлекаетъ къ нему иностранцевъ?

Законодатель долженъ сообразоваться съ духомъ народнымъ, если онъ не противенъ принципамъ правленія, такъ какъ лучше всего мы дѣлаемъ лишь то, что дѣлается нами свободно и въ согласіи съ нашимъ природнымъ геніемъ.

Внушите духъ педантства народу по природѣ веселому, и государство ничего не выиграетъ отъ этого ни для своего внѣшняго, ни для своего внутренняго благополучія. Не мѣшайте же этому народу заниматься серьезно бездѣлками и весело—серьезными дѣлами.

ГЛАВА VI.

О томъ, что не все слѣдуетъ исправлять.

Оставьте насъ такими, какъ мы есть, сказалъ одинъ дворянинъ изъ народа, очень похожаго на тотъ, который мы только что описали. Природа все исправляетъ. Она надѣлила насъ живостью, способною оскорблять и нарушать всѣ правила приличія; но это исправляется въ насъ вѣжливостью, которую доставляетъ намъ та же самая живость, внушая намъ склонность къ общежитію и въ особенности къ женскому обществу.

Оставьте насъ такими, какъ мы есть. Наши нескромныя качества въ соединеніи съ нашимъ незлобіемъ дѣлаютъ непригодными для насъ законы, подавляющіе въ насъ духъ общительности.

ГЛАВА VII.

Объ аѳинянахъ и лакедемонянахъ.

Аѳинскій народъ, продолжаетъ тотъ же дворянинъ, имѣлъ нѣкоторое сходство съ нашимъ. Онъ вносилъ веселость въ дѣла; остроумная насмѣшка нравилась ему въ судѣ какъ и въ театрѣ. Живость, съ которою онъ обсуждалъ дѣла, проявлялась у него и при ихъ выполненіи. Лакедемоняне были по характеру люди важные, серьезные, сухіе и молчаливые. У аѳинянина столь же мало можно было выиграть важностью, сколько у лакедемонца—шутками.

ГЛАВА VIII.

Послѣдствія духа общительности.

Чѣмъ болѣе народы сообщаются другъ съ другомъ, тѣмъ легче они измѣняютъ свои обычаи, такъ какъ тѣмъ чаще они видятъ другъ друга и тѣмъ лучше замѣчаютъ особенности отдѣльныхъ лицъ. Климатъ, возбуждающій въ народѣ любовь къ общительности, возбуждаетъ въ немъ

также и любовь къ перемѣнамъ, а то, что вызываетъ въ народѣ любовь къ перемѣнамъ, образуетъ также и его вкусъ.

Общество женщинъ портитъ нравы и образуетъ вкусъ. Желаніе нравиться болѣе другихъ порождаетъ наряды, а желаніе нравиться болѣе, чѣмъ можешь самъ по себѣ, производитъ моды. Моды же дѣло важное: чѣмъ прихотливѣе становится умъ людей, тѣмъ болѣе умножаютъ они отрасли своей торговли [1]).

ГЛАВА IX.

О тщеславіи и гордости народовъ.

Тщеславіе настолько же полезно для правительства, насколько гордость опасна [2]). Чтобы согласиться съ этимъ, надо только представить себѣ, съ одной стороны, безчисленныя блага, вытекающія изъ тщеславія: роскошь, промышленность, искусства, моды, вѣжливость, вкусъ; а съ другой стороны, безконечное множество золъ, порождаемыхъ гордостью нѣкоторыхъ народовъ: лѣность, бѣдность, пренебреженіе всѣмъ, истребленіе народностей, случайно попавшихся имъ въ руки и даже своей собственной націи. Лѣность происходитъ отъ гордости [3]), трудъ—слѣдствіе тщеславія. Гордость заставляетъ испанца не работать; тщеславіе заставляетъ француза научиться работать лучше другихъ.

Всякій лѣнивый народъ важенъ; такъ какъ тѣ, которые не работаютъ, считаютъ себя какъ бы владыками тѣхъ, которые работаютъ [4]).

Изслѣдуйте всѣ народы, и вы увидите, что у большинства ихъ важность, гордость и лѣнь идутъ рядомъ.

Народы Ахима [5]) горды и лѣнивы: у кого нѣтъ рабовъ, тотъ нанимаетъ раба, хотя бы для того только, чтобы онъ прошелъ съ нимъ сотню шаговъ и пронесъ двѣ кружки риса, они сочли бы за безчестіе нести ихъ сами.

Есть много мѣстъ на землѣ, гдѣ люди отращиваютъ себѣ ногти въ знакъ того, что они не работаютъ.

---

[1]) См. *Басню о пчелахъ*. (М.). Этотъ политическій и философскій романъ англичанина Мандевиля былъ моднымъ романомъ XVIII-го вѣка.

[2]) Кажется, что гордость влечетъ человѣка къ великому, а тщеславіе сосредоточиваетъ его вниманіе на мелочахъ. (Grosley). См. кн. XIX, гл. XXXVII, въ концѣ.

[3]) Народы ханства Малакамберскаго, Карнатакскаго и Коромандельскаго горды и лѣнивы; они потребляютъ мало, потому что бѣдны; между тѣмъ какъ монголы и народы Индостана трудятся и, подобно европейцамъ, пользуются удобствами жизни. *Собраніе путешествій, послужившихъ къ основанію индійской компаніи*, т. I, ств. 54. (М.).

[4]) Объ арабахъ и туркахъ можно сказать то-же, что Монтескье сказалъ объ испанцахъ. Ихъ важность не болѣе какъ признакъ лѣни и невѣжества. Народъ, лишенный любознательности, неспособенъ къ цивилизаціи, т. е. къ постоянному преслѣдованію идеаловъ полезнаго, истиннаго и прекраснаго.

[5]) См. Дампьера, т. III. (М.).

Индійскія женщины [1]) считаютъ стыдомъ для себя учиться читать: это, говорятъ онѣ, дѣло рабовъ, поющихъ гимны въ пагодахъ. Въ одной кастѣ онѣ не прядутъ; въ другой—дѣлаютъ только корзины и рогожи; тутъ нельзя толочь рисъ, тамъ онѣ не должны ходить за водою. Гордость установила свои правила и заставляетъ ихъ слѣдовать имъ. Нѣтъ надобности говорить, что нравственныя качества производятъ различныя дѣйствія, смотря по своей связи съ другими качествами. Такъ гордость въ связи съ необъятнымъ честолюбіемъ и возвышенными понятіями и т. д. произвела у римлянъ всѣмъ извѣстныя послѣдствія.

ГЛАВА X.

О характерѣ испанцевъ и китайцевъ.

Различные характеры народовъ являются смѣсью изъ добродѣтелей и пороковъ, хорошихъ и дурныхъ качествъ. Есть счастливыя смѣшенія, производящія много добра, котораго часто не ожидали отъ нихъ; есть и такія, которыя производятъ много зла, столь же неожиданнаго.

Честность испанцевъ славилась во всѣ времена. Юстинъ [2]) говоритъ намъ о вѣрности, съ которой они охраняютъ ввѣренное имъ добро. Они часто умирали, чтобы сохранить его въ тайнѣ. Эту прежнюю вѣрность свою имѣютъ они и теперь. Всѣ народы, производящіе торговлю въ Кадиксѣ, довѣряютъ свое состояніе испанцамъ, и никогда въ этомъ не раскаивались. Но это прекрасное качество въ соединеніи съ ихъ лѣнью образуетъ смѣшеніе, производящее вредныя для нихъ послѣдствія: народы Европы овладѣваютъ на ихъ глазахъ всею торговлею ихъ монархіи.

Характеръ китайцевъ являетъ другую смѣсь, противоположную характеру испанцевъ. Необезпеченность существованія [3]) развиваетъ въ китайцахъ чрезвычайное трудолюбіе и такую чрезмѣрную жажду стяжанія, что никакая торговая нація не можетъ довѣриться имъ [4]). Эта дознанная нечестность ихъ сохранила въ ихъ рукахъ японскую торговлю. Ни одинъ европейскій купецъ не рѣшился попытаться повести ее отъ ихъ имени, какія бы удобства ни представляли для этого ихъ сѣверныя приморскія области.

---

[1]) *Поучительныя письма*, двѣнадцатый сборникъ, стр. 80. (М.).

[2]) Кн. XLIV, гл. II. (М.). Юстинъ хвалитъ вѣрность испанцевъ въ сохраненіи тайнъ: *Saepe tormentis pro silentio rerum creditarum immortui*, а Монтескье, цитируя Юстина, говоритъ намъ о вѣрности испанцевъ въ сбереженіи порученныхъ имъ залоговъ. (Кревье).

[3]) Вслѣдствіе свойствъ климата и земли. (М. .

[4]) От. дю Гальдъ, т. II. (М.).

ГЛАВА XI.

Размышленіе.

Все это я сказалъ совсѣмъ не для того, чтобы уменьшить безконечное разстояніе между пороками и добродѣтелями: избави Богъ! Я хотѣлъ только объяснить, что не всѣ пороки политическіе суть пороки нравственные и что не всѣ пороки нравственные суть пороки политическіее что всегда должны имѣть въ виду тѣ, кто издаетъ законы, противны, общему духу.

ГЛАВА XII.

О нравахъ и обычаяхъ въ государствѣ деспотическомъ.

Надо видѣть основное правило въ томъ, что никогда не слѣдуетъ измѣнять нравы и обычаи въ государствѣ деспотическомъ. Ничто скорѣе этого не вызоветъ въ немъ революціи. Причина тутъ въ томъ, что у этихъ государствъ, такъ сказать, совсѣмъ нѣтъ законовъ; тамъ есть только нравы и обычаи, такъ что, разрушивъ ихъ, вы разрушите все.

Законы издаются, а нравы внушаются; послѣдніе болѣе зависятъ отъ общаго духа, а первые отъ особеннаго учрежденія; но извращать нравы столь же и даже болѣе опасно, чѣмъ измѣнять особенное учрежденіе.

Люди сообщаются другъ съ другомъ менѣе въ странахъ, гдѣ каждый, и какъ начальникъ, и какъ подчиненный, пользуется произвольной властью и терпитъ отъ нея, чѣмъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ свобода господствуетъ во всѣхъ положеніяхъ. Поэтому тамъ нравы и обычаи менѣе измѣняются, и обычаи, наиболѣе укоренившіеся, болѣе приближаются къ законамъ. Тамъ государь или законодатель долженъ нарушать нравы и обычаи менѣе, чѣмъ во всякой другой странѣ на свѣтѣ.

Женщинъ тамъ обыкновенно держатъ взаперти, и онѣ не имѣютъ никакого вліянія. Въ другихъ странахъ, гдѣ онѣ живутъ съ мужчинами. ихъ желаніе нравиться, а также и желаніе нравиться имъ производятъ постоянныя перемѣны въ обычаяхъ. Оба пола портятся и утрачиваютъ свои отличительныя и существенныя качества; то, что было непреложнымъ, подчиняется произволу, и обычаи измѣняются ежедневно [1]).

---

[1]) Трудно допустить, что оба пола при совмѣстной жизни портятъ другъ друга и утрачиваютъ свои отличительныя и существенныя качества, такъ какъ мужчины и женщины созданы не для отдѣльной другъ отъ друга жизни. Непонятно также, что это за *непреложное*, которое подчиняется произволу. Мнѣ думается, что все это не болѣе какъ указаніе на распущенность XVIII вѣка, которая дѣлала женоподобными мужчинъ, а женщинамъ внушала такую смѣлость въ порокахъ, которая заставляла ихъ забывать стыдливость и сдержанность, свойственныя ихъ полу.

ГЛАВА XIII.

Обычаи китайцевъ.

Но гдѣ обычаи неистребимы, такъ это въ Китаѣ. Тамъ женщины совершенно отдѣлены отъ мужчинъ, а нравы и обычаи преподаются въ школахъ. Тамъ ученаго узнаютъ [1]) по непринужденности его поклона. Эти вещи, будучи разъ установлены въ видѣ правилъ важными учеными, утверждаются тамъ въ качествѣ основныхъ началъ нравственности и болѣе не измѣняются.

ГЛАВА XIV.

Каковы естественныя средства для измѣненія нравовъ и обычаевъ народа.

Мы сказали, что законы являются особенными и точно опредѣленными установленіями законодателя, а нравы и обычаи—установленіями народа вообще. Отсюда слѣдуетъ, что, желая измѣнить нравы и обычаи, не слѣдуетъ измѣнять ихъ посредствомъ законовъ: это показалось бы слишкомъ тиранническимъ; лучше измѣнять ихъ посредствомъ иныхъ нравовъ и иныхъ обычаевъ.

Итакъ, государь, который пожелалъ бы произвести большія перемѣны въ своемъ народѣ, долженъ преобразовать посредствомъ законовъ то, что установлено законами, и измѣнять посредствомъ обычаевъ то, что установлено обычаями; измѣнять же посредствомъ законовъ то, что должно быть измѣнено посредствомъ нравовъ—очень дурная политика.

Законъ, обязывавшій москвитянъ брить бороду [2]) и укорачивать платье, и насиліе Петра I-го, приказывавшаго обрѣзывать до колѣнъ длинныя одежды тѣхъ, которые входили въ города, были дѣломъ тиранническимъ. Есть средства бороться съ преступленіями: они заключаются въ наказаніяхъ; есть средства для измѣненія обычаевъ: они заключаются въ примѣрахъ.

Легкость и быстрота, съ которой этотъ народъ ввелъ у себя порядокъ, доказали несомнѣнно, что его государь былъ слишкомъ дурного мнѣнія о немъ, и что его народы вовсе не были скотами, какъ онъ отзывался о нихъ. Насильственныя средства, которыя онъ употреблялъ, были безполезны: онъ могъ бы достигнуть своей цѣли и кротостью.

Онъ и самъ имѣлъ примѣръ легкости, съ которою совершались эти перемѣны. Женщины были затворницами и до нѣкоторой степени рабынями; онъ призвалъ ихъ ко двору, велѣлъ имъ одѣться по-нѣмецки, онъ посылалъ имъ матеріи на платье. И этотъ полъ тотчасъ же полюбилъ

---

[1]) По словамъ о. дю Гальда. (М.).

[2]) Священники говорили имъ, что брить бороду грѣхъ. (Ристо).

образъ жизни, столь много льстившій его вкусу, суетности и страстямъ, и заставилъ полюбить его и мужчинъ.

Обстоятельство, облегчавшее преобразованіе, заключалось въ томъ, что тогдашніе нравы были несогласны съ климатомъ страны и были занесены въ нее смѣшеніемъ разныхъ народовъ и завоеваніями. Петръ I-й, вводя нравы и обычаи Европы въ европейскій народъ, находилъ такія облегченія своему дѣлу, которыхъ онъ и самъ не ожидалъ. Власть климата сильнѣе всѣхъ властей [1]).

Итакъ, онъ не нуждался въ законахъ для измѣненія нравовъ и обычаевъ своего народа: онъ могъ бы ограничиться простымъ внушеніемъ этому народу другихъ нравовъ и другихъ обычаевъ.

Народы вообще очень привязаны къ своимъ обычаямъ, и лишать ихъ этихъ обычаевъ насиліемъ значитъ дѣлать ихъ несчастными: поэтому не измѣнять надо обычаи народа, а поощрять народъ къ тому, чтобы онъ самъ измѣнилъ ихъ [2]).

Всякое наказаніе, не обусловленное необходимостью, есть тираннія. Законъ не есть простое прояленіе силы; вещи, по своей природѣ безразличныя, не подлежатъ его дѣйствію [3]).

ГЛАВА XV.

Вліяніе домашняго правленія на политическое.

Это измѣненіе нравовъ женщинъ окажетъ, безъ сомнѣнія, сильное вліяніе на правленіе московскаго государства. Все тѣсно связано: деспотизмъ естественно соединяется съ рабствомъ женщинъ; а свобода женщинъ—съ духомъ монархіи.

ГЛАВА XVI.

Какъ нѣкоторые законодатели перемѣшали принципы, которые управляютъ людьми [4]).

Нравы и обычаи суть обыкновенія, не установленныя законами; законы или не могутъ, или не хотятъ установить ихъ.

---

[1]) Не слишкомъ ли это безусловно сказано? Развѣ религія менѣе могущественна, чѣмъ климатъ въ дѣлѣ преобразованія нравовъ и обычаевъ? Климатъ вліяетъ непосредственно на тѣло и посредственно на умъ; религія измѣняетъ внутренняго человѣка и торжествуетъ надъ климатомъ. Развѣ евреи, напримѣръ, не остаются евреями во всякой странѣ?

[2]) Т. е.—не слѣдуетъ насильственно измѣнять нравы посредствомъ законовъ, но такъ воздѣйствовать на народы чтобы они измѣняли сами свои нравы.

[3]) Прекрасное правило, значеніе котораго трудно преувеличить: законъ существуетъ для того, чтобы установить миръ между гражданами и обезпечить господство справедливости. Цѣль его не порабощеніе людей произволу и прихотямъ законодателя. Великое заблужденіе утопистовъ состоитъ въ томъ, что они воображаютъ, что имѣютъ и право и силу передѣлать человѣческую природу; а сколько есть законодателей, которые не болѣе какъ утописты?

[4]) Монтескье приписываетъ законодателю намѣренія, которыхъ у него нѣтъ,

Между законами и нравами есть то различіе, что законы опредѣляютъ болѣе дѣйствія гражданина, а нравы—дѣйствія человѣка. Между нравами и обычаями есть то различіе, что первые имѣютъ въ виду внутреннее, а вторые внѣшнее поведеніе человѣка.

Иногда, въ государствѣ эти вещи [1]) смѣшиваются. Ликургъ составилъ одно общее уложеніе для законовъ, нравовъ и обычаевъ, и то же самое сдѣлали и законодатели Китая.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что законодатели Лакедемона и Китая смѣшали законы, нравы и обычаи, такъ какъ нравы являются представителями законовъ, а обычаи—представителями нравовъ.

Китайскіе законодатели имѣли главнымъ предметомъ обезпечить своему народу спокойную жизнь. Они желали, чтобы люди питали большое уваженіе другъ къ другу; чтобы каждый ежеминутно чувствовалъ, какъ много онъ обязанъ другимъ; чтобы не было гражданина, который не зависѣлъ бы въ какомъ-нибудь отношеніи отъ другого гражданина. Поэтому они отвели самое большое мѣсто для правилъ вѣжливости.

Отсюда произошло то, что у китайскихъ народовъ деревенскіе жители [2]) соблюдаютъ между собою такія же церемоніи, какъ люди высокаго званія: средство—очень способное внушать кротость, поддерживать миръ и добрый порядокъ въ народѣ и противодѣйствовать порокамъ, происходящимъ отъ крутого нрава. Въ самомъ дѣлѣ, освобождать себя отъ соблюденія правилъ приличія не значитъ ли искать средства для свободнаго проявленія своихъ недостатковъ?

Приличія, въ этомъ отношеніи, лучше учтивости. Учтивость побуждаетъ насъ льстить чужимъ порокамъ, а приличія не дозволяютъ намъ выставлять напоказъ наши собственные пороки: это—преграда, которую люди полагаютъ между собою, чтобы помѣшать себѣ развращать другъ друга.

Ликургъ, учрежденія котораго были очень суровы, творя народные обычаи, не имѣлъ предметомъ приличія; но ставилъ себѣ цѣлью тотъ воинственный духъ, который ему хотѣлось внушить своему народу. Люди, которые постоянно исправляли другихъ или постоянно бывали исправляемы сами, которые всегда поучали и всегда бывали поучаемы — эти

и власть, которой онъ не обладаетъ. У первобытныхъ народовъ право составляетъ часть религіи и не отличается отъ нравственности. Обычай обнимаетъ всю жизнь гражданина. Нынѣ мы различаемъ законъ, касающійся только дѣйствій, способныхъ наносить вредъ третьему лицу, отъ морали или религіи, имѣющихъ предметомъ лишь внутренній міръ человѣка; но это различеніе принадлежитъ новѣйшему времени. Спартанцы столь же мало могли помышлять о немъ, какъ и древніе римляне. Католическая церковь, пока она была одною изъ великихъ государственныхъ силъ, тоже не признавала этого различенія.

[1]) Моисей составилъ одно уложеніе для законовъ и для религіи. Первобытные римляне смѣшивали древніе обычаи съ законами. (М.).

[2]) См. т. II. *Описаніе Китая*, О. Дю-Гальда. (М.).

равно простые и суровые люди, во взаимныхъ отношеніяхъ своихъ болѣе облюдали правила добродѣтели, чѣмъ правила приличія.

ГЛАВА XVII.

Особенныя свойства китайскаго правленія.

Законодатели Китая сдѣлали еще больше [1]); они смѣшали въ одно религію, законы, нравы и обычаи: все это стало моралью, все это стало добродѣтелью. Правила, относившіяся къ этимъ четыремъ пунктамъ, составили то, что названо было обрядами. Неуклонное исполненіе этихъ обрядовъ и является торжествомъ китайскаго правленія. Люди проводятъ всю свою молодость въ изученіи ихъ, и всю свою жизнь—въ ихъ исполненіи. Ученые ихъ преподаютъ, чиновники ихъ проповѣдуютъ. И такъ какъ они обнимаютъ всѣ малѣйшія дѣла жизни, то разъ найдено было средство заставить ихъ выполнять въ точности, Китай оказался страной хорошо управляемой.

Двѣ вещи могли легко запечатлѣть эти правила въ сердцѣ и умѣ китайца: одна заключалась въ ихъ способѣ письма, до такой степени сложномъ, что значительная часть жизни человѣка исключительно занята этими обрядами, потому что ему надо научиться читать книги, въ которыхъ они изложены и ради того, что они въ нихъ содержатся; другая—въ томъ, что правила обрядовъ, не заключая въ себѣ ничего духовнаго, но состоя изъ простыхъ предписаній обыденной практики, были болѣе способны убѣждать и поражать умы, чѣмъ предметы болѣе отвлеченные.

Были государи, которые вмѣсто того, чтобы управлять при помощи обрядовъ, управляли силой казней, захотѣли предоставить казнямъ совершить то, чего они не могли сдѣлать, а именно—создавать нравы. Казни могутъ, конечно, устранить изъ общества гражданина, который, утративъ добрые нравы, нарушаетъ законы; но если добрые нравы утрачены всѣми, то какъ же они возстановятъ ихъ? Казни, конечно, могутъ предупредить многія послѣдствія общаго зла, но самого зла онѣ не исправятъ. Поэтому, когда основныя начала китайскаго правленія были отвергнуты и нравственность его утрачена, государство впало въ анархію, и начались революціи.

ГЛАВА XVIII.

Слѣдствіе, вытекающее изъ предыдущей главы.

Изъ этого слѣдуетъ, что Китай не утрачиваетъ своихъ законовъ вслѣдствіе завоеванія. Обычаи, нравы, законы и религія составляютъ въ немъ одно нераздѣльное цѣлое, а всего этого сразу нельзя перемѣнить. Но такъ

[1]) См. классическія книги, изъ коихъ о. дю Гальдъ сдѣлалъ столько прекрасныхъ извлеченій. (М.).

какъ необходимо, чтобы измѣнился или побѣдитель или побѣжденный, то въ Китаѣ этой необходимости всегда подчинялся побѣдитель: у послѣдняго не было такого тожества между его нравами и обычаями, между его обычаями и его законами, между его законами и его религіей, и ему легче было мало-по-малу приспособляться къ побѣжденному народу, чѣмъ побѣжденному народу—къ побѣдителю [1]).

Отсюда вытекаетъ тоже весьма печальная вещь, а именно, что христіанство не имѣетъ почти никакой возможности когда-либо утвердиться въ Китаѣ [2]). Обѣты безбрачія, присутствіе женщинъ въ церквахъ, ихъ необходимое сообщеніе съ служителями религіи, ихъ участіе въ таинствѣ причащенія, ихъ исповѣдь на ухо священнику, соборованіе, единоженство,—все это разрушаетъ нравы и обычаи Китая, поражая въ то же время и его религію и его законы.

Христіанская религія своею проповѣдью милосердія, своимъ общимъ для всѣхъ богослуженіемъ и таинствами, кажется, хочетъ все соединить; обряды китайцевъ какъ бы предписываютъ все разъединять и разлучать.

И такъ какъ мы уже видѣли, что это стремленіе къ разъединенію [3]) составляетъ вообще свойство духа деспотизма, то мы находимъ здѣсь одну изъ причинъ, по которымъ правленіе монархическое и всякое умѣренное правленіе [4]) лучше всего сочетается съ христіанствомъ [5]).

ГЛАВА XIX.

Какимъ образомъ произошло у китайцевъ это соединеніе религіи, законовъ, нравовъ и обычаевъ.

Законодатели Китая имѣли главнымъ предметомъ правленія спокойствіе имперіи. Строгое подчиненіе показалось имъ лучшимъ средствомъ для этого. Въ этихъ видахъ они сочли долгомъ внушать почтеніе къ родителямъ и сосредоточили всѣ свои силы на этомъ. Они установили безчисленные обряды и церемонію для воздания имъ почестей какъ во время ихъ жизни, такъ и послѣ ихъ смерти. Оказывая великія почести умер-

---

[1]) «Китай, нѣсколько разъ побѣжденный, укрощалъ своихъ побѣдителей, подчиняя ихъ своимъ обычаямъ и до такой степени измѣнялъ ихъ, что черезъ нѣкоторое время они становились неузнаваемыми. Это—море, которое пропитываетъ своею солью всѣ впадающія въ него рѣки. Я хочу сказать, что побѣдители Китая были вынуждены управлять этой страной по ея законамъ, правиламъ и обычаямъ. Они не могли измѣнить ни характера китайцевъ, ни ихъ языка; они не могли даже ввести свой родной языкъ въ тѣ города, гдѣ держали свой дворъ. Однимъ словомъ, потомки ихъ становились китайцами». (*Письма* П. Паренненa къ де-Мэрану, *Поучительныя письма*, XXIV собраніе, стр. 58 и 59).

[2]) Ср. причины, изложенныя китайскими властями въ ихъ декретахъ, осуждающихъ христіанскую религію. (*Поучительныя письма*, собраніе XVII. (М.).

[3]) См. кн. IV, гл. III и кн. XIX, гл. XIII. (М.).

[4]) Этого послѣдняго параграфа въ изд. А. и В. не имѣется.

[5]) См. кн. XXIV, гл. III. (М.).

шимъ родителямъ, невозможно было не развить въ себѣ такого же почтенія и къ живымъ. Церемоніи въ честь умершихъ родителей относились болѣе къ религіи; церемоніи въ честь живыхъ родителей относились болѣе къ законамъ, нравамъ и обычаямъ; но и тѣ, и другія были лишь частями одного и того же кодекса, а этотъ кодексъ былъ очень обширенъ.

Почтеніе къ родителямъ распространялось конечно на всѣхъ, кто можетъ служить представителемъ отцовъ: на старцевъ, на господъ, начальниковъ, императора. Это почтеніе къ родителямъ предполагало обратную любовь къ дѣтямъ, и, слѣдовательно, такую же любовь стариковъ къ молодымъ людямъ, начальниковъ къ подчиненнымъ, императора къ своимъ подданнымъ. Изо всего этого образовывались обряды, а изъ обрядовъ — общій духъ народа.

Теперь не трудно будетъ замѣтить то отношеніе, которое могутъ имѣть къ основамъ государственнаго строя Китая нѣкоторыя, повидимому, самыя безразличныя вещи. Это государство построено по образцу семейнаго управленія. Если вы уменьшите въ немъ отцовскую власть или даже только отмѣните церемоніи, въ которыхъ выражается почтеніе къ этой власти, то этимъ самымъ вы ослабите уваженіе къ начальникамъ, на которыхъ смотрятъ, какъ на отцовъ; и начальники не будутъ уже заботиться о народахъ, какъ о своихъ дѣтяхъ; и то отношеніе любви, которое существуетъ между государемъ и подданными, тоже мало-по-малу исчезнетъ. Отмѣните одинъ изъ этихъ обрядовъ, и вы потрясете все государство. По существу нѣтъ ни малѣйшей важности въ томъ, чтобы сноха шла каждое утро оказывать ту или другую услугу своей свекрови, но, принявъ во вниманіе, что эти внѣшнія дѣйствія постоянно напоминаютъ о чувствѣ, которое необходимо напечатлѣть во всѣхъ сердцахъ и которое, исходя изо всѣхъ сердецъ, образуетъ духъ, управляющій имперіей, мы поймемъ, какъ необходимо, чтобы то или другое частное дѣйствіе продолжало выполняться [1]).

ГЛАВА XX.

Объясненіе одной странности у китайцевъ.

Кажется страннымъ, что китайцы, жизнь которыхъ всецѣло управляется обрядами, тѣмъ не менѣе оказываются самымъ плутовскимъ народомъ въ свѣтѣ. Это особенно обнаруживается въ ихъ торговлѣ, которая

[1]) Эти размышленія о характерѣ учрежденій китайцевъ остроумны и справедливы; но не слѣдуетъ воображать, чтобы культъ предковъ былъ обязанъ своимъ происхожденіемъ измышленію и расчету законодателя. Монтескье впалъ въ заблужденіе, очень распространенное въ XVIII столѣтіи. Первобытныя законодательства — національные обычаи, коренятся въ вѣрованіяхъ и нравахъ народа, и законодатель не создаетъ ихъ, а только признаетъ и утверждаетъ.

никогда не могла внушить имъ свойственной ей добросовѣстности. Тамъ покупщикъ долженъ имѣть при себѣ свои собственные вѣсы [1]), такъ какъ у каждаго купца три сорта вѣсовъ: тяжелые для покупокъ, легкіе для продажи и вѣрные для людей осторожныхъ. Я надѣюсь объяснить это противорѣчіе.

Законодатели Китая преслѣдовали двѣ цѣли. Они хотѣли сдѣлать народъ покорнымъ и спокойнымъ и въ то же время трудолюбивымъ и промышленнымъ. Свойства климата и почвы не даютъ ему вѣрныхъ средствъ къ существованію, и только усиленнымъ трудомъ и промышленностью онъ можетъ обезпечить свою жизнь.

Когда всѣ повинуются и всѣ работаютъ, государство находится въ счастливомъ положеніи. Но нужда, а можетъ быть и природа климата развили у всѣхъ китайцевъ непомѣрную жадность къ пріобрѣтенію, и законы не позаботились ограничить ее. Тамъ все запрещено, когда вопросъ заходитъ о пріобрѣтеніи насиліемъ, и все дозволено, когда дѣло идетъ о выигрышѣ посредствомъ хитрости или обмана. Не будемъ же сравнивать китайскую мораль съ европейской. Въ Китаѣ каждому предстояло быть внимательнымъ самому къ тому, что ему полезно; если обманщикъ соблюдалъ свои выгоды, то обманутый долженъ былъ подумать о своихъ. Въ Лакедемонѣ было дозволено воровать [2]); въ Китаѣ дозволяется обманывать.

ГЛАВА XXI.

Каково должно быть отношеніе законовъ къ нравамъ и обычаямъ.

Одни только до странности своеобразныя учрежденія могутъ такимъ образомъ смѣшивать такія естественно раздѣленныя вещи какъ законы, нравы и обычаи; но и будучи раздѣленными, они все же находятся въ самыхъ тѣсныхъ взаимныхъ отношеніяхъ.

На вопросъ: даны ли имъ аѳинянамъ лучшіе изъ всѣхъ законовъ, Солонъ отвѣчалъ: «Я далъ имъ лучшіе изъ тѣхъ, которые они могли вынести» [3]). Вотъ прекрасныя слова, которыя должны быть приняты къ свѣдѣнію всѣми законодателями. Когда божественная премудрость сказала еврейскому народу: «Я далъ вамъ правила, которыя не хороши», то это значило, что они были хороши только въ относительномъ смыслѣ; въ этомъ заключается отвѣтъ на всѣ затрудненія, которыя могутъ возникнуть въ пониманіи законовъ Моисея.

---

[1]) *Journal* de Lange 1721 и 1722 г.; томъ XIII, о Voyages du Nord, стр. 363. (М.).

[2]) См. кн. IX, гл. VI; томъ III, стр. 153, примѣчаніе 3.

[3]) Плутархъ, *Жизнь Солона*, гл. IX.

ГЛАВА XXII.

Продолженіе о томъ-же предметѣ.

У народа съ хорошими нравами законы отличаются простотой. Платонъ [1]) говоритъ, что Радамантъ, управлявшій народомъ чрезвычайно религіознымъ, оканчивалъ быстро всѣ процессы, отбирая лишь у тяжущихся показанія подъ присягой по каждому пункту ихъ дѣла. Но тотъ же Платонъ [2]) говоритъ, что если народъ не религіозенъ, то слѣдуетъ пользоваться присягой только въ томъ случаѣ, когда присягающій лицо незаинтересованное, каковы судья и свидѣтели.

ГЛАВА XXIII.

Какъ законы слѣдуютъ за нравами.

Пока у римлянъ были чистые нравы, они не имѣли особаго закона противъ казнокрадства. Когда же это преступленіе начало появляться, оно показалось до такой степени позорнымъ, что присужденіе возвратить [3]) похищенное почиталось величайшимъ наказаніемъ: судъ Сципіона свидѣтельствуетъ о томъ [4]).

ГЛАВА XXIV.

Продолженіе о томъ-же предметѣ.

Законы, поручающіе опеку матери, имѣютъ въ виду болѣе охраненіе личности опекаемаго; а законы, поручающіе опеку ближайшему наслѣднику, имѣютъ въ виду болѣе сохранность имущества. У народовъ съ испорченными нравами лучше поручать опеку матери; тамъ же, гдѣ законы могутъ имѣть довѣріе къ нравамъ гражданъ, опека поручается ли наслѣднику имущества, или матери, а иногда имъ обоимъ.

Поразмысливъ о римскихъ законахъ, не трудно найти, что сказанное мною согласно съ ихъ духомъ. Во время изданія Двѣнадцати Таблицъ у римлянъ были превосходные нравы. Опека была тогда поручена ближайшему родственнику малолѣтняго, въ томъ предположеніи, что обязанности опеки должны нести тѣ, которымъ могутъ достаться выгоды наслѣдства [5]). Жизнь малолѣтняго не почиталась въ опасности, несмотря на то, что она была отдана въ руки того, кому смерть его была выгодна. Но когда

---

[1]) *О законахъ*, кн. XXII. (М.).
[2]) *Ibid.* (М.).
[3]) In simplum. (М.).
[4]) Титъ-Ливій, кн. XXXVIII, гл. LII. (М.).
[5]) Опека поручалась ближайшему родственнику мужского пола, и никакъ не могла быть поручена матери въ такое время, когда всѣ женщины состояли подъ вѣчной опекой.

нравы римлянъ измѣнились, измѣнился и образъ мыслей законодателей. «Если завѣщатель, назначившій своему малолѣтнему наслѣднику преемника, опасается, какъ бы тотъ не сталъ устраивать ковы этому наслѣднику, то завѣщатель, говорятъ Кай [1]) и Юстиніанъ [2]), можетъ оставить открытой одну вульгарную субституцію [3]), а пупиллярную помѣстить въ такой части завѣщанія, которую можно будетъ вскрыть лишь по истеченіи извѣстнаго времени». Вотъ опасенія и предосторожности, неизвѣстныя прежнимъ римлянамъ.

ГЛАВА XXV.

Продолженіе о томъ-же предметѣ.

Римскій законъ позволялъ давать другъ другу подарки до бракосочетанія, послѣ котораго они уже воспрещались. Это основывалось на нравахъ римлянъ, которые, будучи привлекаемы къ браку, какъ къ воздержному, скромному и простому образу жизни, могли однако поддаться соблазну домашняго ухода, удобствъ и благополучія цѣлой жизни.

Законъ вестготовъ [4]) требовалъ, чтобы женихъ не могъ дарить невѣстѣ болѣе десятой части своего имущества, и не дарилъ бы ей ничего въ первый годъ брака. Это тоже вытекало изъ нравовъ страны. Законодатели хотѣли обуздать испанское хвастовство, которое склонно блескомъ своей чрезмѣрной щедрости поражать умы людей.

Римляне своими законами противодѣйствовали нѣкоторымъ слабостямъ самой прочной въ свѣтѣ власти добродѣтели; испанцы своими законами хотѣли предупредить дурныя послѣдствія самой непостоянной въ свѣтѣ тиранніи—тиранніи красоты.

ГЛАВА XXV.

Продолженіе о томъ-же предметѣ.

Законъ Ѳеодосія и Валентиніана [5]) заимствовалъ причины развода изъ древнихъ нравовъ [6]) и обычаевъ римлянъ. Къ этимъ причинамъ онъ отнесъ поступокъ мужа [7]), который наказалъ бы свою жену недостойнымъ

---

[1]) *Институціи*, кн. II, ст. VI, § 2; компиляція Озеля, Лейденъ, 1658. (М).

[2]) *Инстит.*, кн. II, *de pupil. substit.*, § 3. (М.).

[3]) Примѣръ субституціи вульгарной: *Если такой-то не приметъ наслѣдства, то я назначаю ему преемникомъ* и т. д. Примѣръ субституціи пупиллярной: *Если такой-то умретъ ранѣе своего совершеннолѣтія, то я назначаю ему преемникомъ* и т. д. (М.).

[4]) Кн. III, ст. I, § 5. (М.).

[5]) Зак. 8, Код. *de repudiis*. (М.).

[6]) Изъ закона Двѣнадцати Таблицъ. См. *вторую Филиппику*, Цицеронъ, гл. LXIX. (М.).

[7]) *Si verberibus, quae ingenuis aliena sunt, officientem probaverit.* (М.).

для свободнорожденнаго человѣка образомъ. Эта причина была опущена въ послѣдовавшихъ за этимъ законахъ [1]), потому что нравы въ этомъ отношеніи уже измѣнились; обычаи Востока заняли мѣсто европейскихъ. Изъ исторіи видно, что главный евнухъ императрицы, жены Юстиніана II, угрожалъ ей тѣмъ наказаніемъ, которымъ наказываютъ дѣтей въ школахъ. Только одни нравы, установившіеся или еще пытающіеся установиться, способны навести на подобную мысль.

Мы видѣли, какъ законы приспособляются къ нравамъ; посмотримъ теперь, какъ нравы приспособляются къ законамъ.

ГЛАВА XXVII.

Какимъ образомъ законы могутъ способствовать образованію нравовъ, обычаевъ и характера народа.

Обычаи рабскаго народа составляютъ часть его рабства; обычаи свободнаго народа составляютъ часть его свободы.

Въ книгѣ XIV-й [2]) я говорилъ о народѣ свободномъ и представилъ принципы его государственнаго строя; посмотримъ теперь, какія онъ долженъ внушать дѣйствія, какой можетъ образовать характеръ и какіе порождаетъ обычаи.

Я не говорю, чтобы большая часть законовъ, нравовъ и обычаевъ такого народа не была произведена климатомъ, но хочу только сказать, что его нравы и обычаи должны быть въ большой связи съ его законами.

Такъ какъ у этого народа двѣ видимыя власти: законодательная и исполнительная, и такъ какъ каждый гражданинъ обладаетъ тамъ собственною волею и можетъ распоряжаться своею независимостью, какъ ему угодно, то большая часть людей будутъ тамъ предпочитать какую нибудь одну изъ этихъ властей [3]), по той причинѣ, что у большинства обыкновенно не хватаетъ ни справедливости, ни разсудка, чтобы равно цѣнить обѣ.

И такъ какъ исполнительная власть, располагая всѣми должностями, можетъ тамъ возбуждать большія надежды, не будучи въ состояніи внушать страхъ, то она будетъ имѣть на своей сторонѣ всѣхъ, которыхъ она удовлетворила, и станетъ предметомъ нападенія со стороны тѣхъ, которымъ нечего отъ нея ожидать.

Такъ какъ тамъ всѣ страсти свободны, то ненависть, ревность, зависть, жажда обогащенія и отличій обнаружатся во всей своей силѣ; и если бы этого не было, то государство уподобилось бы человѣку, изну-

---

[1]) Въ *Новеллѣ* CXVII, гл. XIV. (М.).

[2]) Гл. VI. (М.). Тутъ рѣчь объ англійскомъ народѣ.

[3]) Это намекъ на *тори* и *виговъ*, изъ которыхъ первые защищаютъ права короны, а вторые болѣе преданы народному дѣлу.

ренному болѣзнью, у котораго нѣтъ страстей, потому что нѣтъ совсѣмъ силъ.

Взаимная ненависть обѣихъ партій тамъ никогда не прекратится, потому что всегда будетъ безсильна.

Эти партіи состоятъ изъ людей свободныхъ; поэтому, если бы одна изъ нихъ взяла слишкомъ много верху надъ другою, то свобода стала бы дѣйствовать для пониженія первой, между тѣмъ какъ граждане, подобно рукамъ, помогающимъ тѣлу, старались бы приподнять другую.

Такъ какъ каждая отдѣльная личность изъ этого народа, пользуясь своею независимостью, можетъ безпрепятственно предаваться своимъ причудамъ и прихотямъ, то люди будутъ часто переходить изъ одной партіи въ другую; покидать ту, гдѣ находятся ихъ друзья, чтобы примкнуть къ другой, гдѣ они найдутъ всѣхъ своихъ враговъ, и въ этомъ народѣ часто будутъ нарушаться законы и дружбы и ненависти.

Монархъ будетъ тамъ находиться въ положеніи частнаго лица и, вопреки обыкновеннымъ правиламъ благоразумія, часто будетъ вынужденъ дарить своимъ довѣріемъ тѣхъ, которые его всего болѣе оскорбляли, и лишать своей милости тѣхъ, которые всего лучше ему служили, дѣлая подъ давленіемъ необходимости то, что другіе государи дѣлаютъ по свободному рѣшенію.

Народъ тамъ будетъ въ постоянномъ страхѣ упустить какое-нибудь благо, о которомъ онъ не имѣетъ опредѣленнаго представленія, и которое отъ него могли бы скрыть; а страхъ все преувеличиваетъ. Народъ будетъ безпокоиться о своемъ положеніи и считать его опаснымъ въ самое безопасное время [1]).

Тѣмъ болѣе, что тѣ, которые всего сильнѣе противятся исполнительной власти, не желая обнаружить корыстныя причины своего сопротивленія, станутъ умножать опасенія народа, который никогда не будетъ знать навѣрно, находится ли онъ въ опасности или нѣтъ. За то эти призрачныя опасенія помогутъ народу избѣжать и дѣйствительныхъ опасностей, которымъ онъ впослѣдствіи могъ бы подвергнуться.

Между тѣмъ законодательное собраніе, обладая довѣріемъ народа и бо́льшимъ чѣмъ онъ образованіемъ, можетъ разсѣять внушенныя ему дурныя впечатлѣнія и успокоить его волненія.

Въ этомъ состоитъ большое преимущество такого образа правленія надъ древними демократіями, гдѣ народъ обладалъ непосредственною властью, и гдѣ поэтому народныя волненія, разъ возбужденныя ораторами, всегда производили свои дѣйствія.

---

[1]) ... L'Anglais indompté
Qui ne peut ni servir, ni vivre en liberté.

(Т. е. «Необузданный англичанинъ, который не можетъ ни служить, ни жить на свободѣ».—Вольтеръ, Генріада, пѣснь I).

Тогда какъ здѣсь всѣ безпредметные страхи, внушенные народу, не производятъ ничего, кромѣ пустого крика и брани, и даже приносятъ пользу, напрягая всю дѣятельность правленія и вниманіе всѣхъ гражданъ [1]). Но если бы страхи народные были порождены ниспроверженіемъ основныхъ законовъ, то они явились бы силою глухою, пагубною, ужасною, и повели бы къ катастрофамъ.

Тогда вскорѣ водворилась бы страшная тишина, во время которой все соединится противъ власти, нарушившей законы.

Если бы въ то время, когда опасенія народа не имѣютъ опредѣленной цѣли, какая-нибудь иностранная держава стала угрожать государству, подвергая опасности его богатство или славу, то въ послѣднемъ мелкіе интересы умолкнутъ передъ болѣе важными, и все обратится на пользу его исполнительной власти.

Если же иностранная держава станетъ угрожать государству въ такое время, когда въ немъ происходятъ раздоры, возникшіе вслѣдствіе нарушенія его основныхъ законовъ, то въ странѣ произойдетъ переворотъ, который не измѣнитъ ни ея формы правленія, ни ея основныхъ законовъ, потому что переворотъ, произведенный свободою, есть лишь утвержденіе свободы [2]).

У свободнаго народа можетъ быть освободитель; у порабощеннаго народа можетъ быть только новый притѣснитель. Ибо каждый человѣкъ, имѣющій достаточно силы для того, чтобы изгнать деспота, имѣетъ достаточно силы и для того, чтобы самому стать деспотомъ.

Такъ какъ для того, чтобы пользоваться свободой, надо, чтобы каждый могъ говорить, что думаетъ; и такъ какъ для того, чтобы сохранить свободу, тоже надо, чтобы каждый могъ говорить, что думаетъ, то гражданинъ этого государства будетъ говорить и писать обо всемъ, о чемъ не запрещено говорить и писать прямымъ постановленіемъ законовъ.

Такой народъ, находясь въ постоянно возбужденномъ состояніи, можетъ быть легче управляемъ посредствомъ его страстей, чѣмъ доводами разсудка, которые никогда не производятъ большого дѣйствія на умъ людей, почему лица, управляющія имъ, легко могутъ вовлекать его въ дѣла, противныя его истиннымъ интересамъ.

Такой народъ будетъ безразлично любить свою свободу, потому что это—свобода истинная; и можетъ случиться, что для защиты ея онъ пожертвуетъ своимъ имуществомъ, своимъ благосостояніемъ, своими интересами; что онъ обложитъ себя налогами самыми тяжкими, какими не-

---

[1]) То-же самое говоритъ Юмъ въ своихъ *Опытахъ моральныхъ* и *политическихъ*, а именно въ 11 опытѣ.—*О свободѣ прессы*. Не надо забывать, что Юмъ писалъ въ 1742 г.

[2]) Намекъ на вліяніе Людовика XIV на англійскій дворъ, на изгнаніе Якова II-го и на революцію 1688 г.

ограниченнѣйшій изъ государей не осмѣлился бы обременить своихъ подданныхъ.

Но такъ какъ этотъ народъ будетъ имѣть ясное сознаніе о необходимости нести такія тяготы и будетъ уплачивать налоги въ полной увѣренности, что платитъ не больше того, что слѣдуетъ, то тяжесть налоговъ покажется ему легче, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ; между тѣмъ есть государства [1]), гдѣ ощущеніе неизмѣримо сильнѣе самого зла.

У такого народа есть вѣрный кредитъ, такъ какъ онъ занимаетъ у самого себя и самому же себѣ уплачиваетъ [2]). Можетъ случиться, что онъ затѣетъ предпріятія, превышающія его естественныя силы, и употребитъ для борьбы съ своими врагами огромныя фиктивныя [3]) богатства, которыя силою довѣрія и природы правленія обратятся въ реальныя.

Для защиты своей свободы это государство будетъ производить займы у своихъ подданныхъ, а его подданные, зная, что кредитъ его погибнетъ, если бы оно было завоевано, почерпнутъ въ этомъ сознаніи новое побужденіе къ усиліямъ для защиты его свободы.

Если бы этотъ народъ жилъ на островѣ, то онъ не сталъ бы предаваться завоеваніямъ [4]), такъ какъ всякое отдѣльное завоеваніе можетъ лишь ослабить его. Если бы почва этого острова была плодородна, то онъ еще менѣе сталъ бы думать о завоеваніяхъ, потому что не нуждался бы въ войнѣ для своего обогащенія. И такъ какъ ни одинъ гражданинъ этого государства не находился бы въ подчиненіи у другого гражданина, то каждый сталъ бы болѣе дорожить своею свободою, чѣмъ славою нѣсколькихъ гражданъ или одного человѣка.

Тамъ на людей военнаго званія стали бы смотрѣть какъ на людей, занимающихся ремесломъ, которое можетъ быть полезно, но и опасно; какъ на людей, услуги которыхъ слишкомъ дорого стоятъ, и люди гражданскаго званія были бы въ большемъ почетѣ у этого народа.

Этотъ народъ, которому миръ и свобода доставили бы довольство, освободивъ себя отъ разрушительныхъ предразсудковъ, получилъ бы склонность стать торговымъ народомъ. Если бы у него были одни изъ тѣхъ естественныхъ произведеній [5]), которыя служатъ для приготовленія издѣлій, получающихъ большую цѣнность отъ руки работника, то онъ могъ бы устроить заведенія, которыя дали бы ему возможность пользоваться этимъ даромъ небесъ во всемъ его объемѣ.

Если бы этотъ народъ жилъ ближе къ сѣверу и имѣлъ множество излишнихъ для него товаровъ, то, нуждаясь и самъ во множествѣ та-

[1]) Намекъ на Францію XVIII-го вѣка.

[2]) См. кн. XIII, гл. XIII.

[3]) Подъ словами: *фиктивныя богатства* авторъ разумѣетъ займы и государственный долгъ.

[4]) Въ Европѣ.

[5]) Шерсть и ленъ.

кихъ товаровъ, въ которыхъ ему отказано климатомъ, онъ по необходимости завелъ бы обширную торговлю съ народами юга и, избравъ благопріятныя для этой торговли государства, сталъ бы заключать выгодные для обѣихъ сторонъ договоры съ избранными имъ народами [1]).

Въ государствѣ съ чрезвычайнымъ изобиліемъ, съ одной стороны, и чрезмѣрными налогами—съ другой, люди съ ограниченнымъ состояніемъ не могутъ жить безъ занятія. Поэтому многіе люди станутъ тамъ покидать свою страну, чтобы искать счастія даже въ такихъ странахъ, гдѣ господствуетъ рабство [2]).

У народа торговаго есть безчисленное множество мелкихъ частныхъ интересовъ, и слѣдовательно тысячи возможностей для разныхъ столкновеній, въ которыхъ то онъ обижаетъ другихъ, то его обижаютъ. Поэтому онъ становится въ высшей степени завистливымъ, и даже больше огорчается чужимъ благосостояніемъ, чѣмъ радуется собственному.

Законы этого народа, вообще мягкіе и необременительные, могутъ быть по отношенію къ торговлѣ и мореплаванію до такой степени суровы, какъ будто онъ торгуетъ только съ непріятелями [3]).

Если этотъ народъ станетъ высылать колоніи въ отдаленныя страны, то онъ будетъ при этомъ имѣть въ виду не столько распространеніе своего владычества, сколько распространеніе своей торговли.

Слѣдуя общей наклонности вводить въ чужія страны порядки нашей собственной, онъ введетъ въ свои колоніи свою собственную форму правленія; и такъ какъ это правленіе приноситъ съ собою благосостояніе, то даже въ лѣсахъ, заселяемыхъ имъ, образуются многочисленные народы [4]).

Могло быть, что онъ нѣкогда подчинилъ своей власти какую-нибудь сосѣднюю націю [5]), которая возбуждаетъ его зависть своимъ положеніемъ, удобствами своихъ гаваней и природою своихъ богатствъ; въ такомъ случаѣ, хотя онъ и дастъ ей свои собственные законы, но будетъ держать ее въ величайшемъ подчиненіи, такъ что граждане покореннаго имъ государства будутъ пользоваться свободой, а само государство находиться въ рабствѣ.

Покоренное имъ государство получитъ очень хорошее гражданское управленіе, но оно будетъ подавлено международнымъ правомъ, и его отношенія къ другимъ народамъ будутъ опредѣлены такими законами,

---

[1]) См. кн. XX, гл. VII.

[2]) Въ колоніи? Быть можетъ это намекъ на Италію или даже на Францію.

[3]) См. кн. XX, гл. XII.

[4]) Изъ этого видно, что Монтескье предвидѣлъ будущее величіе Сѣверной Америки; онъ даже предвидѣлъ и ея отдѣленіе отъ Англіи: «Я думаю, говоритъ онъ въ своихъ *Замѣткахъ объ Англіи*, что если народы будутъ лишаться своихъ колоній, то это начнется съ Англіи».

[5]) Ирландія.

вслѣдствіе которыхъ благосостояніе его станетъ непрочнымъ и какъ бы только залогомъ въ рукахъ его господина.

Господствующій народъ, обитая на большомъ островѣ и обладая обширною торговлею, будетъ имѣть всевозможныя удобства для образованія морскихъ силъ; и такъ какъ охраненіе его свободы требуетъ, чтобы у не было ни укрѣпленныхъ городовъ, ни крѣпостей, ни сухопутныхъ армій, то ему нужна будетъ морская сила для обезпеченія себя отъ вторженій; и его флотъ будетъ сильнѣе флотовъ всѣхъ другихъ державъ, которыя, будучи вынуждены тратить большую часть своихъ средствъ на содержаніе сухопутныхъ войскъ, не могутъ уже много тратить на морскія.

Владычество надъ морями всегда внушало естественную гордость народамъ, которые имъ обладали: потому что они могутъ вездѣ творить насилія, они воображаютъ, что ихъ власть безгранична, какъ океанъ.

Такой народъ можетъ имѣть большое вліяніе на дѣла своихъ сосѣдей: такъ какъ онъ не пользуется своимъ могуществомъ для завоеваній, то его дружбы будутъ искать и опасаться его ненависти болѣе, чѣмъ можно бы, повидимому, ожидать этого, въ виду частыхъ перемѣнъ въ его правленіи и волненій въ народѣ.

Такимъ образомъ быть постоянно тревожимой внутри государства и уважаемой внѣ его,—такова будетъ судьба исполнительной власти народа.

Если бы этому народу пришлось въ нѣкоторыхъ случаяхъ стать средоточіемъ переговоровъ Европы, то онъ внесъ бы въ нихъ нѣсколько болѣе честности и прямоты, чѣмъ другіе народы по той причинѣ, что его министры, будучи обязаны отдавать отчетъ въ своемъ поведеніи передъ народнымъ собраніемъ [1]) и не имѣя вслѣдствіе этого возможности держать въ тайнѣ свое поведеніе при этихъ переговорахъ, были бы вынуждены явиться въ нихъ людьми немного болѣе честными.

Сверхъ того, такъ какъ на нихъ падала бы до нѣкоторой степени отвѣтственность за событія, которыя могли быть слѣдствіемъ ихъ криводушнаго поведенія, то самый прямой путь оказался бы для нихъ и самымъ безопаснымъ.

Если дворянство пользовалось когда-нибудь чрезмѣрною властью въ этомъ народѣ, а монархъ нашелъ средство поразить его, возвышая народъ, то рабство народное достигло бы высшей точки въ періодѣ времени между моментомъ, когда началось пониженіе дворянъ и тѣмъ, когда народъ началъ ощущать свою силу.

Могло быть, что этотъ народъ, нѣкогда подчиненный произвольной власти [2]), сохранилъ во многихъ случаяхъ нѣкоторые слѣды своего прежняго подчиненія, такъ что на фонѣ его свободнаго правленія часто видѣлись бы формы правленія неограниченнаго.

[1]) Парламентомъ.
[2]) Во времена Тюдоровъ.

Что же касается до религіи, то, такъ какъ въ этомъ государствѣ каждый гражданинъ обладаетъ собственною волею и, слѣдовательно, руководится собственнымъ разумомъ и произволомъ, то отсюда произойдетъ, что или люди будутъ питать большое равнодушіе ко всякаго рода вѣроисповѣданіямъ [1]), вслѣдствіе чего они станутъ придерживаться вѣроисповѣданія господствующаго, или они проникнутся рвеніемъ къ религіи вообще, вслѣдствіе чего между ними размножатся религіозныя секты.

Возможно и то, что въ этой странѣ окажутся люди, которые совсѣмъ не имѣютъ религіи, но которые, однако, не потерпѣли бы, чтобы ихъ заставляли перемѣнить ту, которая бы у нихъ была, если бы они ее имѣли; ибо, въ противномъ случаѣ, они почувствовали бы, что ихъ имущество и жизнь столь же мало принадлежатъ имъ, какъ и ихъ образъ мыслей, и что тотъ, кто можетъ лишить ихъ одного, могъ бы отнять у нихъ и другое.

Если бы между различными религіями была тамъ такая [2]), которую пытались водворить при помощи рабства [3]), то она возбудила бы общую ненависть; потому что мы судимъ о вещахъ по тѣмъ отношеніямъ и побочнымъ обстоятельствамъ, которыя связываемъ съ ними; а такая религія никогда не явится уму въ связи съ представленіемъ о свободѣ.

Законы, изданные противъ тѣхъ, которые исповѣдывали бы эту религію, но были бы кровожадны, такъ какъ свобода не изобрѣтаетъ такого рода каръ; но они были бы тамъ тягостны, что причинили бы все то зло, которое можетъ быть хладнокровно сдѣлано людямъ.

Могло случиться по тысячѣ причинъ, что духовенство будетъ пользоваться гораздо меньшимъ довѣріемъ, чѣмъ прочіе граждане; поэтому вмѣсто того, чтобы отдѣляться [4]) отъ нихъ, оно предпочтетъ нести одинаковыя тягости съ людьми свѣтскаго званія, составляя съ ними въ этомъ отношеніи какъ бы одно сословіе; но, стараясь всегда привлечь къ себѣ

---

[1]) Монтескье упрекаетъ англичанъ въ недостаткѣ религіозности. «Вотъ, что значитъ держаться умѣреннаго образа мыслей, говоритъ онъ въ своихъ *Pensées diverses;* во Франціи меня считаютъ малорелигіознымъ, а въ Англіи я слыву за слишкомъ религіознаго человѣка». Но онъ остановился на поверхности предмета. Вѣрнѣе слѣдующее заявленіе Ристо: «Я могу сказать, не опасаясь быть опровергнутымъ, что на каждую выходящую въ Англіи книгу противъ религіи тамъ появляется тридцать за религію; богословы этой страны—люди, болѣе всѣхъ прочихъ богослововъ міра искусившіеся въ борьбѣ съ невѣріемъ». Не надо, впрочемъ, забывать, что Монтескье писалъ раньше той поры, когда Веслей вызвалъ своимъ проповѣдничествомъ религіозное возрожденіе въ Англіи. Теперь уже доказано многочисленными примѣрами, что полная свобода религіи менѣе благопріятствуетъ невѣрію, чѣмъ государственныя религіи. Стоитъ только сравнить Англію и Америку съ Италіей и Испаніей, чтобы убѣдиться въ этомъ.

[2]) Католицизмъ.

[3]) Т. е. посредствомъ насилія или несправедливыхъ законовъ.

[4]) Т. е. вмѣсто того, чтобы стремиться образовать изъ себя отдѣльное сословіе, какъ во Франціи

уваженіе народа, оно будетъ отличаться болѣе скромною жизнью, болѣе строгимъ поведеніемъ и болѣе чистыми нравами.

Это духовенство, не будучи въ состояніи ни покровительствовать религіи, ни само пользоваться ея покровительствомъ, за невозможностью принуждать, будетъ стараться дѣйствовать убѣжденіемъ, вслѣдствіе чего изъ подъ его пера станутъ выходить прекрасныя сочиненія, имѣющія цѣлью доказать дѣйствительность откровенія и промысла Высшаго Существа.

Можетъ статься, что будутъ избѣгать его собраній, что ему даже не захотятъ позволить исправлять свои злоупотребленія [1]) и, въ изступленіи свободы, предпочтутъ не дать довершиться его преобразованію, чѣмъ позволить ему стать преобразователемъ.

Наслѣдственныя достоинства, составляющія существенный элементъ государственнаго строя, будутъ здѣсь болѣе устойчивы и опредѣленны, чѣмъ въ другихъ странахъ; но, съ другой стороны, люди знатные въ этой странѣ свободы будутъ ближе къ народу; такъ что тутъ сословія будутъ чрезвычайно отдалены другъ отъ друга, а личности чрезвычайно перемѣшаны другъ съ другомъ [2]).

Лица, управляющія государствомъ, обладая властью, которая, такъ сказать, подновляется и ежедневно измѣняется, станутъ болѣе дорожить людьми, которые имъ полезны, чѣмъ тѣми, которые ихъ забавляютъ, такъ что тутъ мало будетъ придворныхъ, льстецовъ, угодниковъ, наконецъ людей той породы, которая заставляетъ вельможъ платить себѣ даже за пустоту своего ума.

Тамъ будутъ почитать людей не за ихъ суетные таланты и свойства но за ихъ дѣйствительныя качества; а такихъ только два: богатства и личное достоинство.

Тамъ водворится роскошь, солидная, основанная на утонченномъ удовлетвореніи реальныхъ нуждъ, а не на тщеславіи, и люди не станутъ искать въ вещахъ иныхъ наслажденій, кромѣ тѣхъ, которыя связаны съ ними природой.

Тамъ будутъ пользоваться большимъ избыткомъ, а предметы суетныхъ удовольствій не будутъ терпимы; вслѣдствіе чего многіе люди, имѣя болѣе богатства, чѣмъ случаевъ къ издержкамъ, будутъ употреблять его на разныя странности, и у этого народа будетъ болѣе ума, чѣмъ вкуса.

Такъ какъ тамъ люди будутъ всегда заняты попеченіемъ о своихъ,

---

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, духовенство уже не созывается на собранія, и всѣ церковныя дѣла управляются парламентомъ.

[2]) Извѣстно, что сыновья пера Англіи—простые граждане (commoners). Нравы проводятъ большое различіе между общественными положеніями, которыя даются рожденіемъ, но законъ не знаетъ этихъ различій.

выгодахъ, то у нихъ не разовьется той вѣжливости, которая имѣетъ основаніе въ праздности, да у нихъ и не достанетъ времени для этого [1]).

У римлянъ эпоха вѣжливости была вмѣстѣ эпохой господства произвола. Самовластное правленіе производитъ праздность, а праздность порождаетъ вѣжливость.

Чѣмъ больше въ народѣ людей, которымъ надо угождать и нравиться другъ другу, тѣмъ болѣе въ немъ вѣжливости. Но та вѣжливость, которою мы должны отличаться отъ варварскихъ народовъ, заключается болѣе въ внутренней вѣжливости, чѣмъ въ внѣшней учтивости.

Въ народѣ, гдѣ всякій по своему принимаетъ участіе въ управленіи государствомъ, женщины мало бываютъ въ обществѣ мужчинъ. Поэтому онѣ будутъ скромны, то есть робки, и эта скромность составитъ ихъ добродѣтель, между тѣмъ какъ мужчины, не привыкшіе къ тонкому обращенію, станутъ предаваться распутству при полной свободѣ отъ всякихъ стѣсненій.

Такъ какъ законы тамъ одинаковы для всѣхъ, то каждый будетъ смотрѣть на себя какъ на монарха, и представители этого народа будутъ между собой скорѣе союзниками, чѣмъ согражданами.

Если бы климатъ страны, государственный строй которой предоставляетъ всѣмъ участіе въ управленіи и политическихъ интересахъ, надѣлилъ многихъ ея жителей безпокойнымъ умомъ и обширными замыслами, то въ этой странѣ станутъ много разсуждать о политикѣ, и явятся люди, которые станутъ проводить свою жизнь въ предугадываніи событій, которыя по природѣ вещей и капризамъ судьбы, т. е. людей, совсѣмъ не подлежатъ вычисленію.

Въ свободной странѣ очень часто бываетъ безразлично, хорошо или дурно разсуждаютъ люди; а важно лишь, чтобы они разсуждали, такъ какъ отъ этого происходитъ свобода, обезпечивающая отъ дурныхъ послѣдствій этихъ разсужденій.

Въ деспотическомъ же правленіи и хорошія и дурныя разсужденія одинаково пагубны; вредно самое разсужденіе, такъ какъ принципъ этого правленія подрывается уже тѣмъ однимъ, что тамъ разсуждаютъ.

Многіе люди этого народа, при отсутствіи стремленія нравиться кому бы то ни было, отдадутся вполнѣ своему дурному расположенію духа. Людей съ умомъ будетъ мучить самый умъ ихъ, и въ своемъ презрѣніи и отвращеніи ко всему, они станутъ несчастны, имѣя столько причинъ не быть несчастными.

И такъ какъ тамъ ни одинъ гражданинъ не боится никакого другого гражданина, то это будетъ гордый народъ: вѣдь и гордость самихъ царей основана лишь на ихъ независимости.

---

[1]) Англичане оказываютъ вамъ мало вѣжливости; но никогда—не бываютъ невѣжливы (Монтескье, *Замѣтки объ Англіи*).

Свободные народы горды, а прочіе легче становятся тщеславными [1]).

Но эти столь гордые и сосредоточенные въ себѣ люди, очутившись въ средѣ незнакомыхъ имъ людей, будутъ робки, и въ нихъ вы по большей части увидите тогда странную смѣсь застѣнчивости съ гордостью.

Характеръ народа болѣе всего обнаружится въ произведеніяхъ его ума, въ которыхъ будутъ видны люди, углубившіеся въ себя и размышлявшіе наединѣ.

Общество научаетъ насъ замѣчать смѣшное; одиночество развиваетъ въ насъ способность замѣчать порочное. Сатирическія произведенія этого народа будутъ отличаться безпощадною рѣзкостью, и вы здѣсь найдете множество Ювеналовъ, прежде чѣмъ вамъ удастся отыскать хоть одного Горація.

Въ монархіяхъ, слишкомъ неограниченныхъ, историки измѣняютъ истинѣ, потому что не имѣютъ свободы высказать ее; въ государствахъ чрезвычайно свободныхъ, они измѣняютъ истинѣ по причинѣ самой свободы, которая, вслѣдствіе постоянно производимыхъ ею раздѣленій, побуждаетъ каждаго становиться такимъ же рабомъ предразсудковъ своей партіи, какимъ онъ былъ бы и относительно деспота.

Поэты этого народа будутъ чаще отличаться оригинальною рѣзкостью изобрѣтенія, чѣмъ тою утонченностью, которая внушается вкусомъ; вы найдете у нихъ нѣчто такое, что болѣе приближается къ силѣ Микель-Анджело, чѣмъ къ граціи Рафаэля [2]).

---

[1]) Гролэ находитъ противорѣчіе между этимъ утвержденіемъ и тѣмъ, что сказано въ гл. IX книги XIX-й. Монтескье такъ отвѣчаетъ ему: «Что касается до противорѣчія, то оно объясняется тѣмъ, что дѣйствіе нравственныхъ качествъ измѣняется отъ соединенія ихъ съ другими качествами. Гордость, соединенная съ огромнымъ честолюбіемъ и величіемъ замысловъ, произвела извѣстныя дѣйствія у римлянъ; гордость въ соединеніи съ величайшею праздностью, слабостью ума и любовью къ житейскимъ удобствамъ производитъ другія дѣйствія у другихъ народовъ». Отвѣтъ неудовлетворителенъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ IX-й гл. XIX-й кн. Монтескье поставилъ французовъ выше испанцевъ; здѣсь онъ ставитъ ихъ ниже англичанъ.

[2]) Намекъ на Мильтона.

Часть четвертая.

КНИГА ДВАДЦАТАЯ.

Объ отношеніи законовъ къ торговлѣ, разсматриваемой въ ея природѣ и подраздѣленіяхъ.

Воззваніе къ музамъ [1]).

Дѣвы горы Піэрійской,—слышите ли, какъ я называю васъ?—вдохновите меня. Путь мой долгъ, и я удрученъ заботами и печалью [2]); возвратите моему уму ту нѣжность и ту прелесть, которыя я, бывало, чувствовалъ, а теперь уже давно не испытываю. Вы всего божественнѣе тогда, когда ведете насъ къ истинѣ и мудрости по пути удовольствія.

Но, если вы не пожелаете усладить суровость моего труда, то сдѣлайте этотъ трудъ незамѣтнымъ; сдѣлайте такъ, чтобы люди научались, а я не училъ ихъ; чтобы я работалъ мыслью, а казался чувствующимъ, когда-же мнѣ придется возвѣщать людямъ о новыхъ вещахъ, заставьте ихъ думать, что я ничего не зналъ, а все это это сказали мнѣ вы.

---

[1]) Изданія *Духа Законовъ*, опубликованныя при жизни Монтескье, раздѣлялись на двѣ части, и это воззваніе должно было быть помѣщено во главѣ второй части, начинавшейся съ XX-й книги. Но Яковъ Верне, женевецъ, который обязался слѣдить за печатаніемъ *Духа Законовъ*, и не однажды позволялъ себѣ исправлять Монтескье, нашелъ это воззваніе неумѣстнымъ и предложилъ автору уничтожить его.

Монтескье далъ ему слѣдующій отвѣтъ: «Что касается до *Воззванія въ музамъ*, то противъ него можно сказать, что появленіе его въ такой книгѣ - вещь странная и безпримѣрная; но если странная вещь сама по себѣ хороша, то не слѣдуетъ ее забраковывать изъ за ея странности, которая въ такомъ случаѣ становится условіемъ успѣха; а моя книга, вслѣдствіе утомительности и сухости ея содержанія, болѣе всего нуждается въ отступленіяхъ, на которыхъ могло бы отдохнуть вниманіе читателя .

Какъ ни основательны эти доводы, но Монтескье послушался своего Аристарха, и нѣсколько дней спустя писалъ ему: «Относительно *Воззванія* я долго колебался между мнѣніями моихъ друзей, изъ коихъ одинъ совѣтывалъ его оставить, а другой уничтожить. Присоединяюсь къ вашему мнѣнію и убѣдительно прошу васъ не помѣщать его . (Эти интересные документы находятся въ *Истор. мемуарѣ о жизни и трудахъ Якова Верне*. Женева, 1790). Да извинятъ насъ, если мы останемся вѣрными первому мнѣнію Монтескье. Мы никогда не поймемъ генія этого великаго человѣка, если станемъ отдѣлять въ немъ автора *Духа Законовъ* отъ автора *Персидскихъ писемъ* и *Храма въ Книдѣ*.

[2]) ...Narrate puellae
Pierides; prosit mihi vos dixisse puellas.
Ювеналъ, Сатира IV. стихи 35—36. (М.).

Воды вашего ручейка, вытекающія изъ милой вамъ скалы, не поднимаются къ небу, чтобы снова опуститься на землю; онѣ текутъ по лугамъ, и вы наслаждаетесь ими, потому что ими наслаждаются пастухи.

Музы-волшебницы, я чувствую, что вы внушаете мнѣ не то, о чемъ поютъ темпейскія свирѣли или звучатъ лиры Делоса; вы хотите, чтобы я обратилъ свою рѣчь къ разуму, этой совершеннѣйшей, благороднѣйшей и прекраснѣйшей нашей способности.

ГЛАВА I.

О торговлѣ.

Вещи, о которыхъ я буду говорить, требовали бы болѣе обширнаго обсужденія, но природа настоящаго труда не дозволяетъ этого. Мнѣ хотѣлось бы плыть по спокойной рѣкѣ; но я увлеченъ потокомъ.

Торговля исцѣляетъ насъ отъ пагубныхъ предразсудковъ, и надо видѣть почти общее правило въ томъ, что вездѣ, гдѣ нравы кротки, тамъ есть и торговля, и что вездѣ, гдѣ есть торговля, тамъ и нравы кротки.

Поэтому не надо удивляться, что наши нравы менѣе свирѣпы, чѣмъ прежде. Благодаря торговлѣ, знаніе нравовъ всѣхъ народовъ проникло повсюду; мы стали сравнивать ихъ другъ съ другомъ, и отсюда произошло много добра.

Можно сказать, что законы торговли совершенствуютъ нравы, по той же причинѣ, по которой они ихъ и губятъ. Торговля развращаетъ чистые нравы [1]): на это жаловался Платонъ [2]); она очищаетъ и смягчаетъ варварскіе нравы: это мы видимъ ежедневно.

ГЛАВА II.

О духѣ торговли.

Естественное дѣйствіе торговли — склонять людей къ миру. Между двумя торгующими другъ съ другомъ народами устанавливается взаимная зависимость: если одному выгодно покупать, то другому выгодно продавать, и всѣ ихъ связи основаны на взаимныхъ нуждахъ.

Но духъ торговли, соединяя народы, не соединяетъ также и частныхъ лицъ. Мы видимъ, что въ странахъ [3]), гдѣ одинъ только духъ торговли одушевляетъ людей, всѣ человѣческія дѣла и даже моральныя

---

[1]) Цезарь говоритъ, что сосѣдство и торговля Марсели до того развратили галловъ, что они, прежде всегда побѣждавшіе германцевъ, стали слабѣе ихъ. *Гальская война*, кн. VI, гл. XXIII. (М.).

[2]) Эти чистые нравы Платона—нравы монастыря, гдѣ господствуетъ общность имуществъ, а то и женъ. Это утопія Въ самомъ дѣлѣ, совсѣмъ не видно, чтобы нравы народовъ, занимающихся торговлей, были хуже нравовъ народовъ, которые ничѣмъ не занимаются.

[3]) Голландія. (М.).

добродѣтели становятся предметомъ торга: малѣйшія вещи, даже тѣ, которыхъ требуетъ человѣколюбіе, тамъ дѣлаются или доставляются за деньги [1]).

Духъ торговли порождаетъ въ людяхъ нѣкоторое чувство строгой справедливости, съ одной стороны, противоположной разбойничеству; а съ другой—тѣмъ моральнымъ добродѣтелямъ, которыя внушаютъ намъ, что не должно всегда неуклонно преслѣдовать свои выгоды, но можно и поступаться ими въ пользу другихъ людей.

Совершенное же отсутствіе торговли производитъ, наоборотъ, разбойничество, которое Аристотель относитъ къ числу способовъ пріобрѣтенія. Духъ разбойничества не исключаетъ нѣкоторыхъ добродѣтелей; такъ напримѣръ, гостепріимство, очень рѣдко встрѣчающееся у народовъ торговыхъ, прекрасно отправляется у разбойническихъ [2]).

Германцы, говоритъ Тацитъ, считаютъ большимъ нечестіемъ затворять двери своихъ домовъ передъ какимъ бы то ни было человѣкомъ, знакомымъ или незнакомымъ. Человѣкъ, оказавшій гостепріимство [3]) иностранцу, указываетъ ему другой домъ, гдѣ то же гостепріимство оказываютъ ему снова и принимаютъ его съ тѣмъ-же радушіемъ. Но когда германцы основали государство, гостепріимство стало имъ въ тягость. Это видно по двумъ законамъ кодекса [4]) бургундовъ, изъ коихъ въ одномъ назначается наказаніе всякому варвару, который укажетъ страннику домъ римлянина, а другой постановляетъ, что принявшій странника долженъ быть вознагражденъ жителями, сколько съ кого причтется.

ГЛАВА III.

О бѣдности народовъ.

Есть два рода бѣдныхъ народовъ: одни доведены до этого жестокостью правленія, и такіе неспособны почти ни къ какой добродѣтели, потому что ихъ бѣдность составляетъ элементъ ихъ рабства; другіе же бѣдны только потому, что пренебрегаютъ житейскими удобствами или не знаютъ ихъ, и такіе способны совершать великія дѣла, потому что ихъ бѣдность составляетъ часть ихъ свободы [5]).

---

[1]) Если бы г. Монтескье поближе познакомился съ голландцами, онъ бы значительно смягчилъ этотъ свой отзывъ о нихъ. (Люзакъ).

[2]) Въ странахъ торговыхъ есть постоялые дворы, которые доставляютъ гостепріимство болѣе надежное, удобное и менѣе дорогое, чѣмъ въ разбойничьихъ странахъ.

[3]) *Et qui modo hospes fuerat, monstrator hospitu. De moribus Germ.* c. XXI. См. также у Цезаря. *Галльская война*, кн. VI, гл. XXI. (М.).

[4]) Ст. XXXVIII. (М.).

[5]) См. кн. XIII, гл. II.

ГЛАВА IV.

О торговлѣ въ разныхъ правленіяхъ.

Торговля имѣетъ отношеніе къ строю государства. Въ правленіи единоличномъ она обыкновенно основана на роскоши [1]), и хотя она имѣетъ въ виду также и дѣйствительныя нужды, но главная цѣль ея въ томъ, чтобы доставить занимающемуся ею народу все, что можетъ служить его тщеславію, наслажденіямъ и прихотямъ [2]). Въ правленіи многихъ, она всего чаще основана на экономіи [3]). Купцы, обозрѣвая всѣ земные народы, доставляютъ однимъ то, что берутъ у другихъ. Такъ производили торговлю республики Тира, Карѳагена, Аѳинъ, Марсели, Флоренціи, Венеціи и Голландіи.

Этотъ родъ торговли связанъ съ правленіемъ многихъ своею природою, а въ правленіяхъ монархическихъ составляетъ явленіе случайное по той причинѣ, что, будучи основанъ на томъ, чтобы, получая прибыли небольшія, и даже меньшія, чѣмъ всѣ прочіе народы, вознаграждать себя непрерывнымъ полученіемъ этихъ малыхъ прибылей, — онъ не можетъ быть свойственъ народу, въ которомъ водворилась роскошь, который тратитъ много и гоняется лишь за великимъ [4]).

Поэтому-то Цицеронъ [5]) и говорилъ: «я не допускаю, чтобы одинъ и тотъ же народъ былъ одновременно и властелиномъ и факторомъ всего міра». Въ самомъ дѣлѣ, въ противномъ случаѣ надо было бы допустить, что умъ каждой отдѣльной личности этого государства и даже всего государства былъ бы всегда поглощенъ мыслью о великихъ замыслахъ и мелочныхъ дѣлишкахъ [6]), что противорѣчитъ другъ другу.

---

[1]) Въ изд. А. и В.: «Въ правленіи одного она основана на роскоши, и ея единственная цѣль—доставить занимающемуся ею народу все, что можетъ служить его тщеславію, наслажденіямъ и прихотямъ. Въ правленіи многихъ она обыкновенно основана на экономіи.

[2]) И прежде всего его потребностямъ. Во всякой странѣ, каково бы ни было ея правленіе, у торговли одна и та-же цѣль: покупать все, что продается, и продавать все, что покупается.

[3]) Это различеніе торговли на торговлю для роскоши и торговлю хозяйственную составляетъ особенность Монтескье. По мнѣнію Ристо, Монтескье имѣлъ въ виду голландцевъ. «Они относятся къ прочимъ народамъ Европы, какъ коммиссіонеры къ своимъ довѣрителямъ; и *это то и есть истинная хозяйственная торговля*». Отсюда, на языкѣ Монтескье, торговлей для роскоши будетъ та, которая снабжаетъ для потребленія; а торговлей хозяйственной—коммиссіонная и вывозная торговля.

[4]) Т. е. въ странѣ, гдѣ знать презираетъ торговлю.

[5]) Nolo eumdem populum, imperatorem et portitorem esse terrarum. *О республикѣ*, lib. IV. (М.). Цицеронъ говоритъ какъ римлянинъ, уважающій только службу военную и правительственную.

[6]) Подъ мелочными дѣлишками Монтескье разумѣетъ торговлю, составляющую богатство страны; а подъ великими замыслами—интриги двора и вызываемыя честолюбіемъ войны, которыя разоряютъ народъ.

Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы государства, существующія хозяйственною торговлею, не затѣвали также величайшихъ предпріятій, проявляя при этомъ мужество, подобному которое не встрѣчается и въ монархіяхъ, и вотъ почему.

Одинъ родъ торговли ведетъ къ другому: мелочный къ посредственному, посредственный къ обширному; такъ что тотъ, кто такъ сильно желалъ малаго, становится въ положеніе, въ которомъ онъ не менѣе сильно будетъ желать многаго.

Сверхъ того большія торговыя предпріятія всегда состоятъ въ связи съ дѣлами общественными. Но общественныя дѣла по большей части [1]) кажутся купечеству настолько же подозрительными въ монархіяхъ, насколько надежными въ республикахъ [2]). Поэтому большія предпріятія свойственны не монархіямъ, а правленію многихъ.

Однимъ словомъ, такъ какъ въ этихъ послѣднихъ государствахъ собственность людей болѣе ограждена отъ нарушеній, то люди отваживаются на всякія предпріятія, и такъ какъ они увѣрены въ неприкосновенности того, что пріобрѣтаютъ, то и не опасаются пускать свои пріобрѣтенія въ оборотъ для того, чтобы пріобрѣсти еще больше; весь рискъ тутъ заключается лишь въ средствахъ пріобрѣтенія; но люди вообще много полагаются на свое счастье.

Я не хочу сказать, что хозяйственная торговля совсѣмъ не существуетъ въ монархіи, а то, что она менѣе свойственна природѣ монархіи: не говорю и того, что извѣстныя намъ республики совершенно лишены торговли, основанной на роскоши; а только то, что эта торговля не соотвѣтствуетъ основамъ ихъ государственнаго строя [3]).

Что же касается до государства деспотическаго, то о немъ нечего и говорить [4]). Вотъ общее правило: въ народѣ, подверженномъ рабству, люди работаютъ болѣе для того, чтобы сохранять, чѣмъ пріобрѣтать. Въ народѣ свободномъ они работаютъ болѣе для того, чтобы пріобрѣтать, чѣмъ сохранять.

ГЛАВА V.

О народахъ, производившихъ хозяйственную торговлю.

Марсель, это необходимое убѣжище среди бурнаго моря, Марсель, это мѣсто, куда вѣтры, морскія отмели и расположеніе береговъ заставляютъ приставать корабли,—была часто посѣщаема моряками. Безплодіе [5]) земель

---

[1]) Въ изд. А. и В. словъ *по большей части* не имѣется.

[2]) Въ изд. А. и В. вмѣсто: въ республикахъ сказано въ государствахъ свободныхъ.

[3]) Этого параграфа нѣтъ въ изд. А. и В.

[4]) Этой фразы нѣтъ въ изд. А. и В.

[5]) Юстинъ, кн. XLIII, гл. III. (М.)

заставило гражданъ этого города обратиться къ хозяйственной торговлѣ Чтобы вознаградить себя за скупость природы, они должны были стать трудолюбивыми; чтобы уживаться съ варварскими народами, которымъ предстояло основать ихъ благоденствіе, они должны были стать справедливыми; чтобы всегда пользоваться спокойнымъ правленіемъ, они должны были стать умѣренными; наконецъ, для того чтобы имѣть возможность всегда существовать торговлею, которую тѣмъ вѣрнѣе можно сохранить въ своихъ рукахъ, чѣмъ она менѣе выгодна, они должны были стать людьми съ воздержными нравами.

Торговля хозяйственная повсюду обязана своимъ происхожденіемъ насиліямъ и притѣсненіямъ, которыя вынуждали людей искать убѣжища въ болотахъ, островахъ, на морскихъ отмеляхъ и даже утесахъ. Такъ возникли Тиръ, Венеція и города Голландіи. Бѣглецы нашли тамъ безопасность; но они нуждались въ средствахъ существованія и стали извлекать ихъ изо всѣхъ странъ міра.

ГЛАВА VI [1]).

О нѣкоторыхъ послѣдствіяхъ обширнаго мореходства.

Иногда случается, что народъ, производящій хозяйственную торговлю, нуждаясь въ товарахъ одной страны лишь для того, чтобы посредствомъ ихъ добывать товары другой страны, довольствуется очень малою прибылью, и даже вовсе не получаетъ прибыли отъ однихъ товаровъ, въ надеждѣ или увѣренности получить большую прибыль отъ другихъ. Такъ, когда Голландія почти одна вела торговлю юга Европы съ ея сѣверомъ, французскія вина, перевозимыя ею въ сѣверныя страны, служили ей только средствомъ для веденія ея сѣверной торговли.

Извѣстно, что въ Голландіи нѣкоторые роды товаровъ, привезенныхъ издалека, часто продаются не дороже того, во что они обошлись на мѣстѣ. Объясняютъ это слѣдующимъ образомъ: капитанъ, нуждая ь въ баластѣ для своего корабля, нагружаетъ его мраморомъ; нуждаясь въ деревѣ для укладки груза, закупаетъ дерево, и если не понесетъ убытка на этихъ предметахъ, то считаетъ себя въ большомъ выигрышѣ. Такимъ образомъ Голландія имѣетъ свои каменоломни и свои лѣса.

Не только что безвыгодная, но даже убыточная торговля можетъ быть полезна. Я слышалъ въ Голландіи, что китобойный промыселъ никогда не окупаетъ своей стоимости. Но такъ какъ главными участниками въ ней являются тѣ-же самые люди, которые строятъ корабль, снабжаютъ его снастями и съѣстными припасами, то они, теряя на промыслѣ, выигрываютъ на снаряженіи судовъ. Эта торговля походитъ на лотерею, гдѣ

[1]) Въ изд. А. и В., этой главы нѣтъ.

каждый надѣется выиграть. Всѣ любятъ игру; и люди самые благоразумные охотно предаются ей, пока не познаютъ всѣхъ сопряженныхъ съ нею насилій, уловокъ, заблужденій и утратъ денегъ, времени и даже жизни.

ГЛАВА VII.

Торговый духъ Англіи.

У Англіи нѣтъ опредѣленнаго торговаго договора съ другими народами [1]); ея ввозная пошлина мѣняется, такъ сказать, съ каждымъ новымъ парламентомъ, то налагающимъ новыя, то отмѣняющимъ прежнія частныя пошлины. Она и въ этомъ отношеніи хочетъ сохранить свою независимость. Въ высшей степени ревнивая къ производимой съ нею торговлѣ, она мало связываетъ себя договорами и зависитъ лишь отъ собственныхъ законовъ.

Другія націи жертвуютъ торговыми интересами интересамъ политическимъ; Англія же всегда жертвовала политическими интересами интересамъ своей торговли.

Этотъ народъ лучше всѣхъ народовъ свѣта сумѣлъ воспользоваться тремя великими предметами: религіей, торговлей и свободой.

ГЛАВА VIII.

Какимъ стѣсненіямъ подвергалась иногда хозяйственная торговля.

Въ нѣкоторыхъ монархіяхъ [2]) издавались законы, весьма способные причинить вредъ государству, которое производитъ хозяйственную торговлю. Здѣсь запретили ввозъ всякихъ товаровъ, кромѣ сырыхъ произведеній ихъ страны, и дозволили пріѣзжать для торговли только на корабляхъ, построенныхъ въ той странѣ, куда они направляются.

Необходимо, чтобы государство, издающее такіе законы, было само въ состояніи легко вести торговлю, иначе оно причинитъ себѣ по крайней мѣрѣ равный убытокъ. Лучше имѣть дѣло съ народомъ, который довольствуется малымъ, и по требованіямъ своей торговли находится въ нѣкоторой зависимости съ народомъ, который по обширности своихъ видовъ и дѣлъ знаетъ куда направить всѣ свои излишніе товары, который богатъ, можетъ забирать большія массы товаровъ и расплачиваться за нихъ скоро, который сама необходимость заставляетъ быть исправнымъ, который миролюбивъ по принципу и старается пріобрѣтать, а не порабощать; лучше, говорю я, имѣть дѣло съ такимъ народомъ, а не съ тѣми, которые постоянно соперничаютъ другъ съ другомъ и не доставятъ всѣхъ этихъ выгодъ [3]).

---

[1]) Т. е. торговыхъ трактатовъ.

[2]) Подъ этими словами Монтескье почти всегда разумѣетъ Францію.

[3]) Другими словами: Франціи лучше было бы имѣть дѣло съ голландцами, чѣмъ съ англичанами.

ГЛАВА IX.

Объ ограниченіи торговыхъ сношеній.

Истинная польза народа требуетъ, чтобы онъ, безъ важныхъ причинъ, не устранялъ ни одного народа отъ торговли съ своею страной. Японцы торгуютъ лишь съ двумя націями: китайской и голландской, и китайцы [1]) выручаютъ съ нихъ по тысячѣ процентовъ на сто на сахарѣ и иногда столько-же на полученномъ за него въ обмѣнъ товарѣ. Такую-же почти прибыль получаютъ и голландцы. Всякій народъ, который сталъ-бы слѣдовать правиламъ японцевъ, будетъ неизбѣжно обманутъ. Настоящая цѣна товаровъ и истинное отношеніе между ними, устанавливается только конкурренціей.

Еще менѣе должно государство обязываться продавать свои товары лишь одному какому-нибудь народу, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ будетъ забирать ихъ всѣ по извѣстной цѣнѣ. Поляки заключили такой договоръ относительно своего хлѣба съ городомъ Данцигомъ; многіе индійскіе государи вступили въ подобныя-же обязательства съ голландцами [2]) относительно своихъ пряностей. Такія соглашенія свойственны лишь народу, который, находясь въ бѣдности, охотно готовъ отказаться отъ надежды на обогащеніе, лишь бы ему были обезпечены необходимыя средства къ существованію, или народамъ, которые вынуждены рабствомъ отказаться отъ пользованія вещами, дарованными имъ природою, или производить этими вещами невыгодную торговлю.

ГЛАВА X.

Учрежденіе, свойственное хозяйственной торговлѣ.

Въ государствахъ, производящихъ хозяйственную торговлю, удачно создано нѣкоторое учрежденіе,—банки, которые съ помощью своего кредита создали новые знаки цѣнности [3]); но переносить эти учрежденія въ государства, ведущія торговлю, основанную на роскоши, было бы неблагоразумно. Вводить ихъ въ страны, управляемыя однимъ лицомъ, значитъ предполагать на одной сторонѣ деньги, а на другой—власть, т. е. возможность все имѣть безо всякой власти, на одной сторонѣ, и власть съ возможностью ничего не имѣть, на другой сторонѣ. Въ подобномъ правленіи только одинъ государь обладаетъ или можетъ обладать сокровищами, всѣ-же сокровища прочихъ лицъ, достигнувъ внушительныхъ размѣровъ, тотчасъ-же становятся сокровищами государя.

---

[1]) О дю-Гальдъ, т. II, стр. 170.

[2]) Такія обязательства впервые установлены португальцами. *Путешествія Франсуа Пирара,* гл. XV, ч. II. (М.).

[3]) Намекъ на Голландскій банкъ.

По той-же причинѣ и компаніи купцовъ, соединяющихся для веденія какой-либо торговли, рѣдко соотвѣтствуютъ [1]) правленію одного. Эти компаніи имѣютъ свойство придавать частному богатству силу богатства общественнаго [2]). Но эта сила, въ такихъ государствахъ, всегда находится въ рукахъ государя. Скажу болѣе: упомянутыя компаніи не всегда пригодны и для государствъ, производящихъ хозяйственную торговлю, и если дѣла тамъ не такъ обширны, чтобы быть не подъ силу отдѣльнымъ личностямъ, то будетъ лучше не стѣснять свободы торговли установленіемъ исключительныхъ привилегій.

ГЛАВА XI.

Продолженіе о томъ-же предметѣ.

Въ государствахъ, производящихъ хозяйственную торговлю, можно учредить порто-франко. Экономія государства, всегда сопутствующая воздержному образу жизни частныхъ лицъ, придаетъ, такъ сказать, душу хозяйственной торговлѣ. И всѣ потери въ пошлинахъ, которыя оно понесетъ отъ сказаннаго учрежденія, вознаградятся ему тѣмъ, что оно въ состояніи будетъ извлечь изъ увеличившагося промышленнаго богатства республики. Но заводить подобныя учрежденія въ монархическомъ государствѣ было-бы нелѣпо, такъ-какъ здѣсь все ихъ дѣйствіе заключалось бы только въ томъ, чтобы облегчать отъ тяжести налоговъ роскошь, и слѣдовательно лишать государство и единственной выгоды отъ этой роскоши, и единственнаго въ этомъ управленія ограниченія.

ГЛАВА XII.

О свободѣ торговли.

Свобода торговли заключается не въ томъ, чтобы дать волю купцамъ дѣлать все, что имъ угодно; это было бы скорѣе рабствомъ торговли. Не все, что стѣснительно для торговца, тѣмъ самымъ еще не дѣлается стѣснительно и для торговли [3]). Нигдѣ торговецъ не встрѣчаетъ такого безчисленнаго множества ограниченій, какъ въ странахъ свободы [4]), и нигдѣ онъ не стѣсненъ такъ мало законами, какъ въ странахъ рабства [5]).

---

[1]) Въ изд. А. и В. вмѣсто: «рѣдко соотвѣтствуютъ», сказано: «не соотвѣтствуютъ».

[2]) Посредствомъ выпускаемыхъ ими акцій и кредитныхъ билетовъ.

[3]) Съ такимъ же правомъ можно было бы сказать, что вредное для пчелы полезно для улья.

[4]) Такъ оно было во время Монтескье. Но это все-таки была плохая система. Монтескье видѣлъ, какъ англійская и голландская торговля преуспѣвала, несмотря на препятствія, и заключилъ, что она преуспѣвала, *благодаря* этимъ препятствіямъ. Это заблужденіе. Франклинъ первый опровергъ эти софизмы, дожившіе и до нашихъ дней.

[5]) Въ странѣ безъ промышленности, какъ въ Турціи, не было никакихъ основаній стѣснять торговлю. Ввозныя пошлины и запреты на привозъ раз-

Англія запрещаетъ вывозить свою шерсть; она хочетъ, чтобы уголь былъ доставляемъ въ ея столицу моремъ; она дозволяетъ вывозъ своихъ лошадей; только въ томъ случаѣ, если онѣ выхолощены; корабли [1]) ея колоній, торгующихъ съ Европою должны направляться въ англійскіе [2]) порты. Она стѣсняетъ торговца, но для блага торговли.

ГЛАВА XIII.

Чѣмъ эта свобода разрушается.

Гдѣ торговля, тамъ и таможни. Предметъ торговли—привозъ и вывозъ товаровъ для пользы государства [3]); предметъ таможенъ наложеніе извѣстныхъ пошлинъ на этотъ привозъ и вывозъ тоже для пользы государства. Поэтому государство должно занимать нейтральное положеніе между своими таможнями и своей торговлей и поступать такъ, чтобы онѣ не вредили другъ другу; въ такомъ случаѣ въ немъ пользуются свободно торговлею.

Откупная система разрушаетъ торговлю своими несправедливостями, своею требовательностью, чрезмѣрностью своихъ налоговъ, и кромѣ того, и независимо отъ всего этого, затрудненіями, которыя она порождаетъ, и формальностями, которыя она предписываетъ. Въ Англіи, гдѣ таможни состоятъ въ государственномъ управленіи, торговля производится съ удивительною легкостью; одно словечко на бумагѣ устраиваетъ важнѣйшія дѣла; торговецъ не вынужденъ терять времени въ безконечныхъ проволочкахъ и не долженъ содержать особыхъ лицъ для устраненія затрудненій, причиняемыхъ ему откупщиками, или для удовлетворенія требованій этихъ откупщиковъ [4]).

ныхъ товаровъ появились въ государствахъ Европы, какъ слѣдствія господствовавшаго тамъ духа промышленной монополіи (а мореплаваніе есть тоже промышленность).

[1]) *Навигаціонный актъ* 1660 г. Корабли Бостона и Филадельфіи только во время войны направлялись съ своими товарами прямымъ путемъ въ Средиземное море. (М.).

[2]) Этотъ послѣдній законъ имѣлъ силу во Франціи.

[3]) Читайте: *для пользы частныхъ лицъ*. Торговля производится и должна быть производима для блага и выгоды частныхъ лицъ, причемъ благо государства получается какъ вытекающее отсюда послѣдствіе. Правило обратное этому, а именно, что цѣль торговли благо государства, а выгода частныхъ лицъ лишь ея послѣдствіе, приводитъ къ правиламъ и постановленіямъ, разрушительнымъ для торговли. Голландія могла бы доставить намъ много примѣровъ этого. Справедливо, однако, то, что торговля вредная для государства должна быть запрещена. (Люзакъ).

[4]) Монтескье противуполагаетъ французскій обычай отдавать на откупъ или въ аренду таможенные сборы. англійскому обычаю государственнаго завѣдыванія таможенными доходами. Откупщикъ, обязанный доставить государству опредѣленную договоромъ сумму налога, руководится лишь своимъ личнымъ интересомъ и потому усиливается выжать изъ плательщика какъ можно больше; между тѣмъ какъ завѣдующее сборомъ налоговъ государство не теряетъ изъ

ГЛАВА XIV.

О торговыхъ законахъ, воспрещающихъ конфискацію товаровъ.

Великая хартія англичанъ [1]) запрещаетъ во время войны захватъ и конфискацію товаровъ, принадлежащихъ иностраннымъ купцамъ, за исключеніемъ случаевъ репрессаліи. И есть нѣчто прекрасное въ томъ, что англійскій народъ сдѣлалъ изъ этого правила одну изъ статей своей свободы.

Испанія во время своей войны съ Англіей въ 1740 году издала законъ [2]), запрещавшій, подъ страхомъ смертной казни, ввозить англійскіе товары въ Испанію и испанскіе товары въ Англію. Образецъ подобнаго распоряженія можно бы, кажется мнѣ, найти развѣ только въ законахъ Японіи. Оно противно нашимъ нравамъ, духу торговли и той гармоніи, которая должна существовать въ соразмѣрности наказаній; оно спутываетъ всѣ понятія, обращая въ государственное преступленіе простое нарушеніе полицейскихъ правилъ.

ГЛАВА XV.

О заключеніи за долги.

Солонъ [3]) издалъ въ Аѳинахъ законъ, отмѣнявшій личное задержаніе за долги. Онъ заимствовалъ [4]) этотъ законъ у Египта, гдѣ Бохирисъ его издалъ, а Сезострисъ возобновилъ.

Это очень хорошій законъ для дѣлъ обыкновеннаго гражданскаго оборота [5]); но мы имѣемъ основаніе не примѣнять его къ дѣламъ коммерческимъ; такъ какъ въ виду того, что торговцы должны ввѣрять большія суммы на сроки часто очень короткіе, постоянно то выдавая, то обратно получая ихъ—необходимо, чтобы ихъ должники всегда исполняли свои обязательства въ опредѣленные сроки, а это предполагаетъ и необходимость личнаго задержанія за долги [6]).

виду общественнаго интереса, который побуждаетъ его щадить плательщика, чтобы излишними требованіями не подрывать промышленности и не заставить казну терять съ одной стороны то, что она выигрываетъ съ другой. Таковъ англійскій способъ управленія, дѣйствующій въ цивилизованныхъ странахъ. См. кн. XIII, гл. XIX.

[1]) Вынужденная у Іоанна Безземельнаго въ началѣ XIII-го столѣтія.

[2]) Опубликованный въ Кадиксѣ въ мартѣ 1740 г. (М.).

[3]) Трактатъ Плутарха: *Не слѣдуетъ дѣлать займовъ подъ лихвенные проценты*, гл. IV. (М.).

[4]) Діодоръ, кн. I, чать II, гл. LXXIX. (М.).

[5]) Греческіе законодатели достойны порицанія за то, что, запретивъ брать въ закладъ оружіе и плугъ человѣка, дозволили принимать въ закладъ самого человѣка. Діодоръ, кн. I, ч. II, гл. LXXIX. (М.).

[6]) Въ этомъ предположеніи нѣтъ необходимости. Опасеніе банкротства и безчестія достаточно ручаются за аккуратность должника. Правда, что во время Монтескье, и даже позднѣе, думали иначе. Отмѣна личнаго задержанія за долги представлялась тогда гибелью торговли. Это предразсудокъ, надъ которымъ Монтескье не сумѣлъ возвыситься.

По дѣламъ, вытекающимъ изъ обыкновенныхъ гражданскихъ договоровъ, законъ не долженъ дозволять личнаго задержанія, потому что свобода гражданина для него дороже достатка другого гражданина. Но въ соглашеніяхъ, вытекающихъ изъ торговыхъ отношеній, законъ долженъ болѣе дорожить достояніемъ всего общества, чѣмъ свободой одного гражданина, что не мѣшаетъ допущенію исключеній и ограниченій, требуемыхъ человѣчностью и благоустройствомъ [1]).

ГЛАВА XVI.

Прекрасный законъ.

Очень хорошъ [2]) женевскій законъ, не допускающій къ занятію государственныхъ должностей и даже ко вступленію въ Большой Совѣтъ дѣтей лицъ, которыя умерли неоплатными должниками, если они не уплатятъ долговъ своихъ отцовъ. Онъ внушаетъ довѣріе и къ торговцамъ, и къ правителямъ, и даже къ самой республикѣ. Вѣра въ слово отдѣльнаго лица усиливается тамъ вѣрою въ общественную честность.

ГЛАВА XVII [3]).

Законъ родосскій.

Родосцы пошли еще дальше. Секстъ Эмпирикъ [4]) говоритъ, что у нихъ сынъ не могъ отказаться уплачивать долги отца подъ предлогомъ отказа отъ наслѣдства. Родосскій законъ былъ изданъ для республики, основанной на торговлѣ [5]). Но я думаю, что самый духъ торговли требовалъ ограничить его условіемъ, въ силу котораго долги, сдѣланные отцомъ съ тѣхъ поръ, какъ его сынъ сталъ самъ заниматься торговлей, не касались бы имущества, пріобрѣтеннаго сыномъ. Купецъ долженъ всегда знать свои обязательства и постоянно вести себя сообразно своему состоянію.

ГЛАВА XVIII.

О судьяхъ для торговли.

Ксенофонтъ въ книгѣ «О Доходахъ» [6]) желаетъ, чтобы завѣдующіе торговлей чиновники, всего скорѣе оканчивающіе процессы, были

---

[1]) Всегда гуманный Монтескье возстаетъ здѣсь противъ вѣчнаго заключенія за долги. Извѣстно, что въ Англіи должникъ, не уплачивающій долга, могъ всю свою жизнь просидѣть въ тюрьмѣ.

[2]) Справедливъ ли этотъ законъ? И не лучше ли было бы въ этомъ случаѣ положиться на мнѣніе и нравы общества?

[3]) Этой главы нѣтъ въ изд. А. и В.

[4]) Hypotyposes, кн. I, гл. XIV. (М.).

[5]) См. кн. XI, гл. V.

[6]) Гл. III, § 3.

за это награждаемы. Онъ уже чувствовалъ надобность въ нашей консульской юрисдикціи [1]).

Торговыя дѣла очень мало доступны формальностямъ. Это дѣйствія повседневныя, за которыми каждый день должны слѣдовать дѣйствія такого же рода и которыя поэтому должны и рѣшаться ежедневно. Не таковы дѣла общежитія, которыя оказываютъ большое вліяніе на будущее, но случаются рѣдко. Люди обыкновенно женятся одинъ только разъ; они не каждый день совершаютъ дарственныя записи или духовныя завѣщанія; они бываютъ совершеннолѣтними только однажды.

Платонъ [2]) говоритъ, что въ городѣ, гдѣ нѣтъ морской торговли, надо на половину менѣе гражданскихъ законовъ, и это вполнѣ справедливо. Торговля вводитъ въ одну страну разнообразные народы, великое множество договоровъ, родовъ имущества и способовъ пріобрѣтенія.

Поэтому въ торговомъ городѣ судей меньше [3]), а законовъ больше.

ГЛАВА XIX.

О томъ, что государь не долженъ заниматься торговлей.

Ѳеофилъ [4]), увидя корабль, нагруженный товарами для своей жены Ѳеодоры, приказалъ его сжечь. «Я императоръ», сказалъ онъ ей, «а ты дѣлаешь изъ меня корабельщика. Чѣмъ будутъ существовать бѣдняки, если мы станемъ заниматься ихъ промыслами?» Онъ могъ бы прибавить къ этому: кто воспротивится намъ, если мы станемъ заводить монополіи? Кто заставитъ насъ выполнять наши обязательства? Наши придворные вслѣдъ за нами тоже пожелаютъ заняться торговлей, и они будутъ и жаднѣе, и несправедливѣе насъ. Народъ полагается на наше правосудіе, а не на наше богатство: множество налоговъ, повергающихъ его въ бѣдность, служитъ вѣрнымъ доказательствомъ и нашей бѣдности [5]).

---

[1]) Въ изд. А. и Б. находится слѣдующее добавленіе: У Римлянъ Византійской имперіи такая юрисдикція существовала для моряковъ.

[2]) О законахъ, кн. VIII. (М.).

[3]) Т.-е. меньше гражданскихъ судей по причинѣ консульскихъ судовъ и особаго свойства дѣлъ.

[4]) Зонаръ. (М.).

[5]) «Есть страны, гдѣ нѣкоторыя отрасли торговли ведутся самимъ государемъ и за его счетъ. Это обычай очень дурной и ведущій къ установленію монополіи. Нѣтъ сомнѣнія, что торговля, находящаяся въ рукахъ московскихъ царей, приняла бы гораздо болѣе значительные размѣры, если бы стала свободной. Испанія въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ испытала тѣже неудобства. Вообще говоря, это нѣчто въ родѣ обкрадыванія народа». *Пеке. Систематическое изслѣдованіе* и т. д., стр. 171. Понятно, къ кому обращаетъ свою рѣчь Монтескье, указывая на императора Ѳеофила.

ГЛАВА XX.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Когда португальцы и кастильцы господствовали въ Восточной Индіи, тамъ были отрасли торговли, до того выгодныя, что, ихъ государи не преминули завладѣть ими. Это привело въ упадокъ ихъ поселенія въ этихъ краяхъ.

Вице-король въ Гоа раздавалъ частнымъ лицамъ исключительныя привилегіи. Но къ такимъ лицамъ не имѣютъ никакого довѣрія; торговля подвергается постояннымъ перерывамъ, вслѣдствіе безпрестанной смѣны тѣхъ, которымъ она ввѣряется. Никто не бережетъ такой торговли, никто не смущается передать ее въ разоренномъ видѣ своему преемнику [1]). Прибыль ея остается въ рукахъ частныхъ лицъ и не имѣетъ достаточнаго распространенія.

ГЛАВА XXI.

О торговлѣ дворянства въ монархіи.

Духъ торговли противится тому, чтобы въ монархіи ею занималось дворянство. «Это причинило бы вредъ городамъ», говорятъ [2]) императоры Гонорій и Ѳеодосій, «и затруднило бы куплю и продажу для купцовъ и простого народа».

Духъ монархіи противится тому, чтобы дворянство занималось торговлей [3]). Обычай, дозволившій въ Англіи дворянству торговать, былъ одною изъ причинъ, которыя болѣе всего содѣйствовали ослабленію въ ней монархическаго правленія [4]).

ГЛАВА XXII.

Отдѣльное разсужденіе.

Люди [5]), прельщенные тѣмъ, что дѣлается въ нѣкоторыхъ государствахъ, полагаютъ, что во Франціи слѣдовало-бы издать законы для поощренія дворянъ къ торговлѣ. Такимъ путемъ можно бы только погубить дворянство этой страны, безъ всякой выгоды для ея торговли. У этой страны очень благоразумный обычай: тамъ купцы не дворяне, но

---

[1]) Т.-е не заботятся о томъ, что преемникъ не сможетъ ее продолжать.

[2]) *L. nobiliores*, *cod. de commerc.* и *L. ult. de rescind. vendit.* (М.).

[3]) По понятіямъ нашихъ отцовъ, дворянство должно было всецѣло посвящать себя военной службѣ и не унижать себя работой.

[4]) И возвышенію благосостоянія и величія Англіи.

[5]) Это намекъ на проекты аббата Сенъ-Пьера. (*Rêves d'un homme de bien*, p. 195 et suiv.). Аббатъ былъ во сто разъ правѣе президента.

могутъ сдѣлаться дворянами [1]). Они могутъ надѣяться получить дворянство безъ его нынѣшнихъ неудобствъ. Самое вѣрное средство выйти изъ профессіи состоитъ для нихъ въ томъ, чтобы хорошо выполнять ее или выполнить ее съ честью [2]); дѣло, обыкновенно связанное со способностями [3]).

Законы, повелѣвающіе каждому оставаться при его занятіи и передавать его своимъ дѣтямъ, полезны и могутъ быть полезными лишь въ государствахъ деспотическихъ [4]), гдѣ не можетъ и не должно быть соревнованія.

И пусть не говорятъ, что каждый будетъ лучше выполнять обязанности, связанныя съ званіемъ, если не будетъ имѣть возможности замѣнить его другимъ. Я утверждаю, что люди будутъ лучше отправлять обязанности, свойственныя ихъ занятію, если тѣ, которые наиболѣе отличились въ немъ, могутъ надѣяться возвыситься до другого [5]).

Возможность пріобрѣтать дворянство за деньги очень поощряетъ купцовъ достигнуть этой возможности. Не говорю о томъ, хорошо ли вознаграждать богатство тѣмъ, что есть по существу награда за добродѣтели: есть государства, гдѣ и это можетъ быть очень полезно.

Во Франціи есть знать гражданская, которая занимаетъ среднее мѣсто между народомъ и высшимъ дворянствомъ и, не имѣя блеска послѣдняго, обладаетъ всѣми его привилегіями. Находясь по своему образу жизни въ скромной посредственности, она, какъ сословіе, поставленное блюсти законы, облечена славою и, кромѣ способностей и добродѣтели, не имѣетъ другихъ средствъ къ отличіямъ. Надъ этимъ почтеннымъ дворянствомъ возносится другое, болѣе славное [6]), воинственное дво-

[1]) Торговая профессія не много выиграетъ въ почетѣ отъ этого.

(*Extrait du livre de l'Esprit des Lois*, p. 26).—Въ монархіи каждый занимается торговлей съ тѣмъ, чтобы пріобрѣсти возможность перестать заниматься ею; между тѣмъ какъ въ республикахъ къ ней приступаютъ съ надеждой продолжать и расширить ее.

[2]) Въ изд. А. и В., вмѣсто словъ «или выполнять ее съ честью» (avec honneur), сказано: «или выполнять ее счастливо» (avec bonheur). (Не тутъ ли истинный смыслъ совѣта?)

[3]) *Suffisance* (довольство) у Монтескье, такъ же какъ и у Монтаня, есть синонимъ *capacité* (способность).

[4]) И тамъ, дѣйствительно, часто встрѣчаются такія установленія. (М.).

[5]) Это невѣрно. Въ странѣ, гдѣ недостаточно быть честнымъ человѣкомъ, а надо еще быть человѣкомъ титулованнымъ, для того чтобы имѣть доступъ въ высшіе круги и не быть тамъ презираемымъ, торговлѣ не посчастливится. Не процвѣтетъ она и тамъ, гдѣ богатство будетъ служить лишь средствомъ для перехода въ другое званіе изъ того, которое считается презрѣннымъ, такъ какъ вся сила торговли въ тѣхъ лицахъ, которыя были бы въ состояніи покинуть ее. Все честолюбіе купца должно заключаться въ стремленіи увеличить свой капиталъ для расширенія своей торговли. И его не надо отвлекать отъ этого, потому что только въ такомъ случаѣ возрастающая торговля частныхъ лицъ будетъ служить для возрастанія силы и могущества государства. Дурные послѣдствія правила противоположнаго этому особенно замѣтны въ Германіи. (Люзакъ).

[6]) Видно, что Монтескье по своему происхожденію принадлежалъ къ воен-

рянство—то дворянство, которое думаетъ, что слѣдуетъ стремиться къ увеличенію своего благополучія, несмотря ни на какое богатство, но что стыдно заботиться объ умноженіи своего богатства, не растративъ его предварительно [1]). Эта часть націи посвящаетъ военной службѣ все свое имущество и, разорившись, уступаетъ мѣсто другимъ, поступающимъ точно такимъ же образомъ; эти люди идутъ на войну, чтобы никто не смѣлъ сказать, что они не были на войнѣ; не имѣя надежды на пріобрѣтеніе богатства, они стремятся къ пріобрѣтенію почестей, а не достигнувъ почестей, утѣшаютъ себя пріобрѣтенною ими честью [2]); оба эти дворянства, безъ сомнѣнія, содѣйствовали величію своего государства. И если могущество послѣдняго постоянно возростало въ теченіе двухъ или трехъ столѣтій, то это слѣдуетъ приписать достоинству его законовъ, а никакъ не счастію, которому не свойственно такое постоянство.

ГЛАВА XXIII.

Какимъ народамъ невыгодно заниматься торговлей.

Богатства состоятъ изъ земель и движимостей. Землями въ каждомъ государствѣ обыкновенно владѣютъ его жители. Въ большинствѣ государствъ есть законы, которые отбиваютъ у иностранцевъ охоту пріобрѣтать тамъ земли [3]), а между тѣмъ многія изъ этихъ земель при одномъ только присутствіи хозяина и могутъ приносить доходы. Богатства этого рода принадлежатъ, поэтому, каждому государству въ отдѣльности. Но движимыя имущества, каковы деньги, банковые билеты, векселя, акціи компаній, корабли и всякіе товары, принадлежатъ всему свѣту, который по отношенію къ нимъ составляетъ одно государство, членами котораго являются всѣ общества, и самый богатый народъ тотъ, у кого всего болѣе этихъ міровыхъ движимостей. Нѣкоторыя государства обладаютъ огромнымъ количествомъ послѣднихъ; они пріобрѣтаютъ ихъ произведеніями своей почвы, трудами своихъ ремесленниковъ, своею промышленностью, своими открытіями и даже благодаря случаю. Корыстолюбіе народовъ вовлекаетъ ихъ въ борьбу за обладаніе имуществомъ всемірнымъ, то-есть движимостями. При этомъ какое-нибудь несчастное государство можетъ лишиться не телько чужестранныхъ, но и почти всѣхъ своихъ собственныхъ произведеній: его поземельные собственники станутъ работниками иностранцевъ; оно будетъ терпѣть недостатокъ во всемъ и ни-

---

ному дворянству и, будучи дворяниномъ по рожденію, сталъ гражданскимъ должностнымъ лицомъ по случаю.

[1]) На военной службѣ.

[2]) См. IV, II. Сравните это мѣсто съ тѣмъ, что авторъ говоритъ о придворныхъ въ V-й гл. III-ей книги.

[3]) Таковъ былъ законъ (droit d'aubaine), конфисковавшій наслѣдства иностранцевъ.

чего не будетъ въ состояніи пріобрѣсти. Лучше было бы, если бы оно не вело торговли ни съ однимъ народомъ въ свѣтѣ, такъ какъ эта торговля, при обстоятельствахъ, въ которыхъ оно находилось, и довела его до бѣдности.

Въ странѣ, которая всегда менѣе вывозитъ товаровъ, чѣмъ ввозитъ, равновѣсіе между ввозомъ и вывозомъ устанавливается по мѣрѣ ея обѣднѣнія, такъ какъ, получая товары все въ меньшемъ и меньшемъ количествѣ, она дойдетъ, наконецъ, до такой крайней бѣдности, что уже совсѣмъ не будетъ получать ихъ.

Деньги, внезапно исчезнувшія изъ страны торговой, возвращаются къ ней обратно, потому что государства, получившія ихъ отъ нея, состоятъ у нея въ долгу; но въ государствахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, деньги никогда не возвращаются, потому что взявшіе ихъ не должны имъ ничего.

Примѣромъ этому служитъ Польша. Того, что мы назвали всемірными движимостями, у нея почти совсѣмъ нѣтъ, кромѣ развѣ хлѣба ея полей. Нѣсколько важныхъ господъ владѣетъ тамъ цѣлыми областями, и притѣсняетъ земледѣльца, стараясь выжать изъ него, какъ можно больше хлѣба для того, чтобы, продавъ его иностранцамъ, добыть себѣ нужные для нихъ предметы роскоши. Народы Польши были бы счастливѣе, если бы она совсѣмъ не вела иностранной торговли. Вельможи ея, не имѣя ничего, кромѣ хлѣба, стали бы отдавать его для пропитанія своимъ крестьянамъ; слишкомъ обширныя владѣнія сдѣлались бы имъ въ тягость, и они раздѣлили бы ихъ со своими крестьянами; такъ какъ у всѣхъ было бы довольно кожъ и шерсти отъ животныхъ, то не было бы надобности дѣлать огромныхъ издержекъ на одежду, и вельможи, всегда любящіе роскошь, не имѣя возможности найти ее нигдѣ какъ въ своемъ отечествѣ, стали бы поощрять бѣдныхъ людей къ труду. Я утверждаю, что такой народъ пришелъ бы въ болѣе цвѣтущее состояніе, если бы только онъ не обратился въ варварство: обстоятельство, которое могло бы быть предотвращено законами [1]).

Посмотримъ теперь на Японію. Чрезмѣрное количество привозимыхъ товаровъ вызываетъ въ ней чрезмѣрный вывозъ, и такъ какъ между ея привозомъ и вывозомъ существуетъ равновѣсіе, то и самая чрезмѣрность ихъ не приноситъ вреда; она даже можетъ доставить государству тысячи выгодъ: его потребленіе увеличится, у него будетъ больше матеріаловъ для обработки, больше занятыхъ работой людей, больше средствъ къ пріобрѣтенію могущества, и въ случаяхъ, требующихъ скорой помощи, такое изобилующее всѣмъ государство можетъ оказать ее раньше другого. Не часто въ странѣ бываютъ излишки; но одной только торговлѣ

[1]) Изъ самыхъ разсужденій Монтескье, мнѣ кажется, слѣдуетъ, что причиной гибели Польши была не ея хлѣбная торговля, но расточительность ея богачей, нищенское положеніе земледѣльца и отсутствіе промышленности.

свойственно дѣлать излишнія вещи полезными, а полезныя необходимыми. Поэтому такое государство можетъ доставить необходимыя вещи болѣе значительному количеству своихъ подданныхъ.

Итакъ, можно сказать, что отъ торговли проигрываютъ не тѣ народы, которые ни въ чемъ не нуждаются, а тѣ, которые нуждаются во всемъ, и въ отсутствіи международной торговли находятъ выгоду не тѣ народы, у которыхъ всего довольно, а тѣ, которые у себя ничего не имѣютъ.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

О законахъ въ ихъ отношеніи къ торговлѣ, разсматриваемой въ связи съ переворотами, которымъ она подверглась.

ГЛАВА I.

Нѣкоторыя общія разсужденія.

Хотя торговля подвержена великимъ переворотамъ, но бываетъ, что природа ея разъ навсегда опредѣляется нѣкоторыми физическими причинами, каковы, напр., качества почвы или климата.

Нынѣ мы ведемъ торговлю съ Индіей не иначе, какъ на деньги, которыя посылаемъ туда. Римляне [1]) ежегодно отправляли туда около пятидесяти милліоновъ сестерцій, и эти деньги, какъ теперь наши, обращались тамъ въ товары, которые они вывозили на Западъ. Всѣ народы, торговавшіе съ Индіей, всегда отправляли туда металлы и вывозили оттуда товары.

Причина этого лежитъ въ самой природѣ. У индійцевъ—свои искусства, приспособленныя къ ихъ образу жизни; ихъ роскошь—не наша роскошь, и ихъ нужды—не наши нужды. Климатъ ихъ не требуетъ и не дозволяетъ имъ почти ничего изъ того, что идетъ отъ насъ. Большинство ихъ ходятъ нагими; подходящую для нихъ одежду доставляетъ имъ ихъ собственная страна; и ихъ религія, имѣющая столь сильную власть надъ ними [2]), внушаетъ имъ отвращеніе къ тому, что служитъ намъ пищею. Поэтому они нуждаются лишь въ нашихъ металлахъ, служащихъ знаками цѣнности, и отдаютъ за нихъ товары, которые, благодаря природѣ и воздержанію этого народа, имѣются у него въ большомъ изобиліи. Въ описаніяхъ древнихъ авторовъ [3]), Индія является такою-

[1]) Плиній, *Натуральн. Истор.*, кн. VI, гл. XXIII, и inf. гл. VI. (М.)

[2]) Въ изд. А. и В.: и ихъ религія, которую сокрушить невозможно, внушаетъ, и т. д.

[3]) См. Плинія, кн. VI, гл. XIX и Страбона, кн. XV. (М.).

же, какою мы видимъ ее нынѣ по отношенію къ ея нравамъ, обычаямъ и благоустройству. Индія была и будетъ тѣмъ, что она есть теперь, и торгующіе съ нею народы всегда будутъ ввозить туда деньги, а не вывозить ихъ оттуда.

ГЛАВА II.

О народахъ Африки.

Большая часть народовъ, живущихъ по берегамъ Африки, — дикари или варвары. Я думаю, что это въ значительной степени происходитъ отъ того, что тамъ небольшія удобообитаемыя страны отдѣлены другъ отъ друга странами, почти совсѣмъ неудобными для обитанія. У нихъ нѣтъ промышленности, нѣтъ искусствъ и есть изобиліе драгоцѣнныхъ металловъ, получаемыхъ непосредственно изъ рукъ природы. Поэтому цивилизованные народы могутъ торговать съ ними съ выгодой; они могутъ продавать имъ вещи, не имѣющія никакой цѣнности, по весьма большимъ цѣнамъ [1]).

ГЛАВА III [2]).

О томъ, что нужды южныхъ народовъ отличаются отъ нуждъ народовъ сѣверныхъ.

Въ Европѣ установилось нѣкоторое равновѣсіе между народами юга и сѣвера. Первые имѣютъ всевозможныя удобства для жизни и мало нуждъ; у вторыхъ есть много нуждъ и мало удобствъ для жизни. Однимъ природа дала много, а они требуютъ отъ нея немногаго; другимъ природа дала мало, а они требуютъ отъ нея многаго. Равновѣсіе между ними поддерживается лѣнью, которою природа надѣлила южные народы, и трудолюбіемъ и энергіей, которыми она надѣлила народы сѣвера. Послѣдніе должны работать много, иначе они будутъ нуждаться во всемъ и обратятся въ варваровъ. У южныхъ народовъ утвердилось рабство по той причинѣ, что, имѣя возможность легко обходиться безъ богатства, они еще лучше могутъ обойтись безъ свободы. Но народы сѣвера нуждаются въ свободѣ, которая доставляетъ имъ средства для удовлетворенія нуждъ, данныхъ имъ природой. Отсюда, сѣверные народы, если они не свободны или не варвары, находятся въ состояніи вынужденнаго стремленія къ свободѣ; а всѣ почти южные народы живутъ подъ гнетомъ насилія, если не рабства.

---

[1]) Въ изд. А. и В. эта глава заключается параграфомъ: Но народы Сѣвера нуждаются въ свободѣ, и т. д., который читатель найдетъ въ концѣ слѣдующей главы.

[2]) Въ изд. А. и В. эта глава помѣщена послѣ слѣдующей.

ГЛАВА IV.

Главное различіе между торговлею древнихъ и нынѣшней.

Отъ времени до времени міръ становится въ положеніе, которое измѣняетъ торговлю. Нынѣ европейская торговля ведется преимущественно между сѣверомъ и югомъ, и различіе климатовъ является причиною, по которой народы имѣютъ большую нужду во чужихъ товарахъ. Такъ, напримѣръ, напитки юга, вывозимые на сѣверъ, составляютъ родъ торговли, совсѣмъ неизвѣстный древнимъ, и самая вмѣстимость кораблей, которая прежде измѣрялась хлѣбными мѣрами, нынѣ измѣряется мѣрами жидкостей.

Извѣстная намъ древняя торговля, производившаяся между портами Средиземнаго моря, была почти вся южная. Но народы одного и того же климата, имѣющіе у себя приблизительно тѣ же самыя произведенія, не испытываютъ такой нужды въ торговлѣ другъ съ другомъ, какъ народы различныхъ климатовъ. Поэтому торговля въ Европѣ была прежде менѣе обширная, чѣмъ въ настоящее время.

И это нисколько не противорѣчитъ тому, что я сказалъ о нашей торговлѣ съ Индіей, потому что при чрезмѣрной разницѣ въ климатѣ потребность въ обмѣнѣ продуктовъ совсѣмъ уничтожается.

ГЛАВА V.

Другія различія.

Торговля, то разрушаемая завоевателями, то стѣсняемая монархами, странствуетъ по свѣту, убѣгая оттуда, гдѣ ее угнетаютъ и, отдыхая тамъ, гдѣ ее не тревожатъ: нынѣ мы видимъ ее царствующей тамъ, гдѣ прежде были одни моря, пустыни да скалы, и видимъ однѣ только пустыни тамъ, гдѣ она прежде царила.

Кто бы сказалъ теперь, что Колхида, представляющая нынѣ одинъ громадный лѣсъ съ населеніемъ, которое, уменьшаясь со дня на день, отстаиваетъ свою свободу лишь для того, чтобы продавать себя по частямъ туркамъ или персамъ—была во времена римлянъ наполнена городами, которые своею торговлею привлекали къ себѣ всѣ народы свѣта. Ни одного памятника не осталось въ странѣ отъ этого прошлаго, и только у Плинія [1]) и Страбона [2]) находятся нѣкоторые слѣды его.

Исторія торговли есть исторія общенія народовъ. Произведенныя ими разрушенія, да нѣкоторые приливы и отливы народовъ и опустошеній составляютъ ея величайшія событія.

---

[1]) Кн. VI, гл. IV и V. (М.).
[2]) Кн. XI. (М.).

ГЛАВА VI.

О торговлѣ древнихъ народовъ.

Безчисленныя сокровища Семирамиды [1]), пріобрѣтеніе которыхъ не могло быть дѣломъ одного дня, приводятъ насъ къ заключенію, что ассиріяне ограбили не мало богатыхъ народовъ, прежде чѣмъ сами были ограблены.

Торговля ведетъ къ богатству; богатство ведетъ къ роскоши, а роскошь—къ усовершенствованію искусствъ. Искусства, вознесенныя на ту ступень, на которой они находились во время Семирамиды [2]), указываютъ на существовавшую уже тогда обширную торговлю.

Въ государствахъ Азіи производилась большая торговля, основанная на роскоши. Одна изъ прекраснѣйшихъ частей исторіи торговли заключалась бы въ исторіи роскоши. Роскошь персовъ была роскошью мидянъ, а роскошь мидянъ—роскошью ассиріянъ. Сѣверо-восточная часть Персіи, Гирканія, Маргіана, Бактріана и др. были нѣкогда усѣяны цвѣтущими городами [3]), которыхъ уже нѣтъ; а сѣверъ [4]) этого государства, т.-е. перешеекъ, отдѣляющій Каспійское море отъ Понта Эвксинскаго, былъ покрытъ городами и народами, которыхъ тоже уже нѣтъ [5]).

Эратосѳенъ [6]) и Аристовулъ слышали отъ Патрокла [7]), что товары Индіи проходили черезъ Оксусъ въ Понтійское море. Маркъ Варронъ [8]) говоритъ, что при Помпеѣ, во время войны съ Митридатомъ, римляне узнали, что изъ Индіи можно въ семь дней добраться до Бактріи и до рѣки Икары, впадающей въ Оксусъ, по которому товары Индіи могли переправиться черезъ Каспійское море и войти въ устье Кира, а отъ этой рѣки, дней черезъ пять сухого пути, достигнуть рѣки Фаза, приводившей къ Понту Эвксинскому. Черезъ посредство народовъ, которые населяли эти различныя страны, великія имперіи ассирійцевъ, мидянъ и персовъ, безъ сомнѣнія, и входили въ сообщеніе съ самыми отдаленными частями Востока и Запада.

Этихъ путей сообщенія теперь уже нѣтъ. Всѣ эти страны были опустошены татарами [9]), и этотъ разрушительный народъ все еще живетъ

---

[1]) Діодоръ, кн. II. (М.).
[2]) Діодоръ, кн. II, гл. VII, VIII, IX. (М.).
[3]) См. Плинія, кн. VI, гл. XVI и Страбона кн. XI. (М.).
[4]) Страбонъ, кн. XI. (М.).
[5]) Т.-е., которые также исчезли.
[6]) Страбонъ, кн. XI. (М.).
[7]) Судя по одному разсказу Страбона, Патроклъ пользовался большимъ авторитетомъ. Страбонъ, кн. II. (М.).
[8]) Плиній, кн. VI, гл. XVII. См. также въ XI-й кн. Страбона о провозѣ товаровъ отъ р. Фаза до р. Кира. (М.).
[9]) Надо полагать, что со временъ Птоломея, описавшаго также множество рѣкъ, впадающихъ въ Каспійское море съ востока, въ этой странѣ произошли

тамъ на пагубу имъ. Оксусъ уже не направляется въ Каспійское море: татары, по разнымъ причинамъ [1]), отвели отъ него теченіе этой рѣки, и она исчезаетъ въ пескахъ.

Рѣка Яксартъ, составлявшая прежде границу между народами цивилизованными и варварскими, тоже отведена [2]) татарами, и уже не доходитъ до моря.

Селевкъ Никаторъ вознамѣрился было [3]) соединить Понтъ Эвксинскій съ Каспійскимъ моремъ; но это предпріятіе, которое много облегчило бы тогдашнюю торговлю, исчезло вмѣстѣ съ его смертью [4]). Неизвѣстно, могъ ли бы онъ осуществить его въ самомъ перешейкѣ, раздѣляющемъ оба моря. Эта страна нынѣ очень мало извѣстна; она плохо населена и покрыта лѣсами. Въ водахъ тамъ нѣтъ недостатка, благодаря безчисленному множеству рѣкъ, стекающихъ съ горъ Кавказа; но самый этотъ Кавказъ, образующій сѣверъ перешейка и простирающій свои отроги [5]) къ югу, оказался бы великимъ препятствіемъ, особенно въ тѣ времена, когда совсѣмъ не знали искусства дѣлать шлюзы.

Можно бы предположить, что Селевкъ хотѣлъ соединить оба моря въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи это было сдѣлано царемъ Петромъ I, т.-е. въ той полосѣ земли, гдѣ Танаисъ (Донъ) приближается къ Волгѣ; но сѣверъ Каспійскаго моря тогда еще не былъ открытъ.

Въ то время, какъ въ азіатскихъ государствахъ производилась торговля для роскоши, тирійцы вели повсемѣстно торговлю хозяйственную. Бошаръ [6]) посвятилъ первую книгу своего Ханаана перечисленію ихъ колоній во всѣхъ приморскихъ странахъ; они прошли за Геркулесовы столпы и водворились [7]) на берегахъ океана.

Въ тѣ времена мореплаватели должны были держаться береговъ, которые служили имъ вмѣсто компаса. Путешествія были долгія и трудныя.

большія измѣненія. На картѣ царя находится на этой сторонѣ лишь одна рѣка, а на картѣ Bathalsi—ни одной (М.). Въ изд. А. и В. эта замѣтка имѣетъ слѣдующій видъ: отсюда происходитъ, что лица, описывавшія эти страны послѣ татарскаго нашествія, совершенно исказили ихъ въ своихъ описаніяхъ. Карта Каспійскаго моря, составленная по приказу царя Петра I-го, обнаружила вопіющія заблужденія нашихъ новѣйшихъ картъ относительно формы Каспійскаго моря и подтвердила показанія древнихъ объ этомъ предметѣ. См. Плинія, кн. VI, гл. XII.

[1]) См. сообщеніе Дженкинсона въ *Собраніи путешествій по Сѣверу*, т. IV. (М.).

[2]) Я думаю, что это и было причиной образованія Аральскаго озера. (М.).

[3]) Клавдій Цезарь, у Плинія, кн. VI, гл. XI. (М.).

[4]) Онъ былъ убитъ Птоломеемъ Керауномъ (М.).

[5]) См. Страбонъ, кн. XI. (М.).

[6]) Самуилъ Бошаръ, французскій ученый оріенталистъ, 1559—1664. Сочиненія его изданы въ трехъ томахъ in-f° въ Лейденѣ въ 1712 г.

[7]) Они основали Тартесъ и утвердились въ Кадиксѣ. (М.).

Подвиги мореплаванія Улисса послужили благодарнымъ предметомъ для поэмы самой прекрасной въ мірѣ [1]), послѣ первой изъ всѣхъ поэмъ [2]).

Недостаточныя свѣдѣнія большей части народовъ объ удаленныхъ странахъ благопріятствовали тѣмъ, которые вели хозяйственную торговлю; они могли содержать втайнѣ свои торговыя операціи и пользовались всѣми преимуществами, которыя образованные народы имѣютъ надъ невѣжественными.

Египетъ, отрѣшенный религіей и нравами отъ всякаго общенія съ иностранцами, совсѣмъ не занимался внѣшней торговлей: онъ пользовался плодородною почвою и чрезвычайнымъ изобиліемъ. Это была Японія тѣхъ временъ; онъ довольствовался тѣмъ, что имѣлъ у себя.

Египтяне такъ мало заботились о внѣшней торговлѣ, что предоставили всю торговлю по Красному морю мелкимъ народцамъ, которые имѣли тамъ нѣсколько портовъ. Они допустили идумеянъ, евреевъ и сирійцевъ содержать на этомъ морѣ флоты. Соломонъ [3]) употреблялъ для мореплаванія тирянъ, которымъ были извѣстны эти воды.

Іосифъ [4]) говоритъ, что его народъ, занимавшійся единственно земледѣліемъ, былъ мало знакомъ съ мореплаваніемъ; и дѣйствительно, евреи стали торговать на Красномъ морѣ, лишь благодаря случаю. Они завоевали у идумеянъ Элафъ и Азіонгаберъ, которые и доставили имъ эту торговлю, и, лишившись этихъ двухъ городовъ, лишились и ихъ торговли.

Не то было съ Финикіянами: они не занимались торговлею, основанной на роскоши, и не вели торговли посредствомъ завоеваній; благодаря своей воздержности, искусству, промышленности, безстрашію и неутомимости, они стали необходимы для всѣхъ народовъ въ свѣтѣ.

Народы, жившіе близъ Краснаго моря, вели торговлю только по этому морю и морямъ Африки. Всеобщее изумленіе, возбужденное открытіемъ Индійскаго моря, сдѣланнымъ при Александрѣ, достаточно доказываетъ это. Мы сказали, что драгоцѣнные металлы всегда привозятся въ Индію, но никогда не вывозятся оттуда [5]); поэтому, еврейскіе корабли, привозившіе золото и серебро по Красному морю, возвращались, конечно, изъ Африки, а никакъ не изъ Индіи.

Скажу болѣе: это мореплаваніе совершалось по восточному берегу Африки, и состояніе тогдашняго мореходства служитъ достаточнымъ доказательствомъ того, что люди не заходили въ слишкомъ отдаленныя страны.

---

[1]) Одиссея.

[2]) Илліада.

[3]) Кн. III *Царствъ*, гл. IX. ст. 26; Паралипом., кн. II, гл. VIII, ст. 17. (М.).

[4]) Противъ Аппіона. (М.).

[5]) Вслѣдствіе установившагося въ Европѣ отношенія между золотомъ и серебромъ, можетъ иногда быть выгодно мѣнять въ Индіи золото на серебро; но это очень незначительная выгода. (М.).

Этого примѣчанія нѣтъ въ изд. А. и В.

Я знаю, что флоты Соломона и Іосафата возвращались лишь на третій годъ послѣ отплытія; но не нахожу, чтобы продолжительность этого путешествія свидѣтельствовала о дальности пройденнаго ими разстоянія.

Плиній и Страбонъ говорятъ, что греческій или римскій корабль проходилъ въ семь дней тотъ путь, который корабли Индіи или Краснаго моря, сдѣланные изъ тростника, проходили въ двадцать дней [1]). Согласно этой пропорціи, одинъ годъ пути для греческихъ и римскихъ кораблей былъ почти то же, что три года пути для кораблей Соломона.

Продолжительность путешествія двухъ кораблей неравной скорости не всегда пропорціональна ихъ скорости. Одна медленность часто влечетъ за собою другую, еще большую медленность. Когда въ плаваніи надо держаться береговъ и постоянно измѣнять направленіе, выжидать одного благопріятнаго вѣтра для выхода изъ залива и другого для того, чтобы подвигаться впередъ, — хорошее парусное судно воспользуется всякимъ благопріятнымъ временемъ, между тѣмъ какъ другое будетъ оставаться въ неудобномъ мѣстѣ и выжидать по нѣскольку дней перемѣны вѣтра.

Медленность индійскихъ кораблей, совершавшихъ лишь третью часть того пути, который въ равное время проходили корабли грековъ и римлянъ, можетъ найти объясненіе въ опытахъ современнаго мореплаванія. Индійскія суда, сдѣланныя изъ тростника, сидѣли въ водѣ менѣе глубоко, чѣмъ греческіе и римскіе корабли, построенные изъ дерева и связанные желѣзомъ.

Эти индійскія суда можно сравнить съ кораблями нѣкоторыхъ нынѣшнихъ народовъ, гавани которыхъ не глубоки, каковы порты венеціанскіе, большая часть итальянскихъ [2]), балтійскіе и голландскіе [3]).

Корабли, которые должны выходить изъ этихъ гаваней и возвращаться въ нихъ, имѣютъ круглую форму и плоское дно, тогда какъ корабли другихъ народовъ, имѣющихъ глубокія гавани, получаютъ такое устройство, которое позволяетъ имъ глубоко сидѣть въ водѣ. Вслѣдствіе такого устройства этихъ кораблей, послѣдніе могутъ пользоваться и боковыми вѣтрами, между тѣмъ какъ первые—только однимъ попутнымъ вѣтромъ. Корабль, глубоко сидящій въ водѣ, идетъ въ одну и ту же сторону почти при всякомъ вѣтрѣ что зависитъ отъ сопротивленія воды, которое при противномъ вѣтрѣ, даетъ ему точку опоры, и отъ длинной формы корабля, благодаря которой, повернувшись бокомъ къ вѣтру и въ то же время обращаясь, посредствомъ руля, носомъ въ сторону направленія своего пути, онъ можетъ итти очень близко къ вѣтру, то-есть

---

[1]) См. Плинія кн. VI, гл. XXII и Страбона кн. XV. (М.).

[2]) Въ Италіи почти одни рейды; но въ Сициліи есть очень хорошіе порты. (М.).

[3]) Но только въ провинціи Голландіи, потому что порты Зеландіи очень глубоки (М.).

очень близко къ той сторонѣ, откуда дуетъ вѣтеръ. Но если корабль имѣетъ круглую и плоскодонную форму и, слѣдовательно, мало погружается въ воду, то тутъ уже нѣтъ точки опоры, и вѣтеръ гонитъ корабль, который, не будучи въ состояніи противиться ему, можетъ плыть лишь въ сторону, противную вѣтру. Отсюда слѣдуетъ, что корабли плоскодонные совершаютъ свой путь медленнѣе другихъ, такъ какъ: 1) они теряютъ много времени на выжиданіе вѣтра, въ особенности, когда должны часто измѣнять направленіе, и 2) потому что, не имѣя точки опоры, не могутъ имѣть и столько парусовъ, какъ другіе корабли. И если въ такое время, когда мореплаваніе такъ много усовершенствовано, когда такъ распространено знаніе искусствъ, когда искусствомъ исправляются недостатки не только природы, но и самого искусства—эти различія все еще даютъ себя чувствовать, то какова же была ихъ роль въ мореплаваніи древнихъ?

Не могу не сказать еще кое-что объ этомъ предметѣ. Индійскіе корабли были малы, а корабли грековъ и римлянъ, за исключеніемъ громадъ, сооружаемыхъ изъ тщеславія, были меньше нашихъ. Но чѣмъ корабль меньше, тѣмъ болѣе опасны для него непогоды. Иная буря, потопившая корабль, только покачала бы его, если бы онъ былъ болѣе значительнаго размѣра. Чѣмъ больше объемъ тѣла, тѣмъ относительно менѣе величина его поверхности по сравненію съ другимъ тѣломъ меньшаго объема, откуда слѣдуетъ, что меньшій корабль имѣетъ и меньшую вмѣстимость, или, что то же—большую разность между величиною его поверхности и вѣсомъ груза, который онъ въ состояніи вынести. Извѣстно, что по общепринятому обычаю корабли нагружаются такъ, чтобы вѣсъ груза равнялся половинѣ вѣса воды, которую могъ бы вмѣстить корабль. Такъ, если корабль можетъ содержать восемьсотъ тоннъ воды, то вѣсъ его груза будетъ равенъ четыремстамъ тоннамъ; между тѣмъ какъ для корабля, вмѣщающаго лишь четыреста тоннъ воды, онъ будетъ равенъ двумстамъ тоннамъ. Отсюда, объемъ перваго корабля относится къ вѣсу его груза какъ 8 къ 4; а объемъ второго какъ 4 къ 2. Если предположить, что поверхность большаго корабля относится къ поверхности меньшаго какъ 8 къ 6, то поверхность [1]) послѣдняго будетъ относиться къ вѣсу его груза какъ 6 къ 2, между тѣмъ какъ поверхность перваго къ его грузу—лишь какъ 8 къ 4; и такъ какъ вѣтеръ и волны дѣйствуютъ лишь на поверхность, то большій корабль своимъ вѣсомъ окажетъ болѣе значительное сопротивленіе ихъ напору, чѣмъ меньшій [2]).

---

[1]) То-есть, взявъ для сравненія величины однородныя: дѣйствіе жидкости на корабль будетъ относиться къ сопротивленію этого корабля какъ и т. д. (М.).

[2]) Въ изд. А. и В., здѣсь помѣщаются три первые параграфа X-й главы нашего изданія.

ГЛАВА VII [1]).

О торговлѣ грековъ.

Первые греки были всѣ морскими разбойниками. Миносъ, владычествовавшій надъ морями, можетъ-быть, только удачнѣе прочихъ разбойничалъ. Владычество его было ограничено окрестностями его острова. Но когда греки стали сильнымъ народомъ, аѳиняне пріобрѣли дѣйствительное владычество надъ моремъ, такъ какъ этотъ торговый и побѣдоносный народъ предписывалъ законы самому могущественному монарху [2]) того времени, и разрушилъ морскія силы Сиріи, острова Кипра и Финикіи.

Поговоримъ объ этомъ владычествѣ аѳинянъ надъ моремъ. «Аѳиняне», говоритъ Ксенофонтъ [3]), «господствуютъ надъ моремъ; но такъ какъ Аттика находится на материкѣ, то непріятели опустошаютъ ее въ то время, когда она совершаетъ свои отдаленные походы. Высшіе классы отвозятъ свои имущества для сохраненія на какой-нибудь островъ и допускаютъ разорять свои земли, а не имѣющая земель чернь живетъ, ни о чемъ не безпокоясь. Но если бы аѳиняне жили на островѣ и въ то же время господствовали надъ моремъ, то они, будучи владыками моря, могли бы вредить всѣмъ, между тѣмъ какъ имъ самимъ никто не могъ бы вредить». Можно подумать, что Ксенофонтъ говоритъ объ Англіи.

Аѳины, полныя стремленій къ славѣ, усиливавшія зависть къ себѣ, вмѣсто того, чтобы усиливать свое вліяніе, болѣе заботившіяся о расширеніи своего морского владычества, чѣмъ о томъ, чтобы пользоваться имъ— эти Аѳины, съ ихъ политическимъ строемъ, дозволявшимъ черни дѣлить общественные доходы, между тѣмъ какъ богатые люди подвергались угнетенію, не вели той обширной торговли, которую онѣ могли бы вести, благодаря своимъ рудникамъ, множеству своихъ рабовъ, числу своихъ моряковъ, своей власти надъ греческими городами и болѣе всего этого,— благодаря прекраснымъ учрежденіямъ Солона. Торговля ихъ ограничивалась Греціей да Эвксинскимъ Понтомъ, откуда онѣ и получали все нужное для себя.

Коринѳъ пользовался чудеснымъ положеніемъ: онъ стоялъ у двухъ морей, онъ открывалъ и замыкалъ входъ въ Пелопонезъ и въ самую Грецію. Этотъ городъ имѣлъ огромное значеніе въ такое время, когда Греція была цѣлымъ міромъ, а ея города—народами. Его торговля была обширнѣе аѳинской. У него былъ одинъ портъ для азіатскихъ товаровъ и другой—для итальянскихъ. Такъ какъ моряки встрѣчали большія затрудненія при огибаніи Малейскаго мыса, гдѣ отъ столкновенія противопо-

---

[1]) Въ изд. А. и В. VII и X главы нашего изданія соединены въ одну подъ заглавіемъ: *О торговлѣ грековъ и Египта послѣ завоеваній Александра.*

[2]) Царю Персіи. (М.).

[3]) Объ Аѳинской республикѣ, гл. II. (М.).

ложныхъ вѣтровъ [1]) происходятъ кораблекрушенія, то они предпочитали приставать къ Коринѳу, откуда можно было перетащить судно по землѣ до другого моря. Ни въ одномъ городѣ произведенія искусства не достигали такого совершенства. Религія довершила порчу того, что осталось еще не поврежденнаго роскошью въ нравахъ Коринѳа. Она воздвигнула тамъ храмъ Венерѣ, которому было посвящено болѣе тысячи куртизанокъ. Изъ этой-то школы и вышла большая часть тѣхъ знаменитыхъ прелестницъ, исторію которыхъ осмѣлился написать Атеней [2]).

Во времена Гомера богатѣйшими городами Греціи были, повидимому, Родосъ, Коринѳъ и Орхоменъ. «Юпитеръ», говоритъ онъ, «возлюбилъ родосцевъ и даровалъ имъ большія богатства». Коринѳу Гомеръ придаетъ эпитетъ богатаго [3]).

Когда же онъ заводитъ рѣчь о городахъ, имѣющихъ много золота, то упоминаетъ Орхоменъ [4]), который ставится имъ рядомъ съ египетскими Ѳивами. Родосъ и Коринѳъ сохранили свое могущество, а Орхоменъ утратилъ его. Положеніе Орхомена вблизи Геллеспонта, Пропонтиды и Понта Эвксинскаго естественно наводитъ на мысль, что онъ обогащался отъ торговли, производимой по берегамъ этихъ морей, которые дали поводъ къ никновенію басни о золотомъ рунѣ. И дѣйствительно, названіе Миніевъ давалось не только жителямъ Орхомена [5]), но также и аргонавтамъ. Когда же, впослѣдствіи, эти моря стали болѣе извѣстны, когда греки основали по ихъ берегамъ множество колоній, которыя завели торгъ съ варварскими народами и вступили въ общеніе съ своей метрополіей, то Орхоменъ началъ приходить въ упадокъ и смѣшался съ другими городами Греціи.

Греки, до Гомера, торговали только между собою и съ нѣкоторыми варварскими народами; но по мѣрѣ того, какъ они образовывали новые народы, владычество ихъ расширялось. Греція была большимъ полуостровомъ, мысы котораго, казалось, отодвигали отъ нея море, а заливы со всѣхъ сторонъ открывались передъ нимъ какъ бы для того, чтобы снова привлечь его къ ной. Бросивъ взглядъ на Грецію, мы увидимъ довольно узкую полосу земли съ большимъ пространствомъ береговъ. Ея безчисленныя колоніи образовали около нея громадную окружность, въ предѣлахъ которой она, такъ сказать, созерцала весь непогруженный въ варварство міръ. Проникая въ Сицилію и Италію, она создавала тамъ новые народы и то же самое дѣлала она, направляясь къ Понтійскимъ морямъ и къ берегамъ Малой Азіи и Африки. Благосостояніе ея городовъ возрастало

---

[1]) См. Страбонъ, кн. VIII. (М.).
[2]) Всей остальной части этой главы въ изд. А. и В. нѣтъ.
[3]) Иліада. кн. II, ст. 668. (М.).
[4]) *Ibid.*, кн. I, стихъ 381. См. Страбона. кн. IX, стр. 414, изд. 1620 г. (М.).
[5]) Страбонъ, кн. IX, стр. 414. (М.).

по мѣрѣ ихъ близости къ этимъ народамъ. Но великолѣпнѣе всего было то, что она еще была окружена безчисленными островами, какъ бы составлявшими первую линію ея ограды.

Какимъ источникомъ благосостоянія для Греціи были ея игры, которыя она устраивала, такъ сказать, для всего міра; эти храмы, куда всѣ цари посылали вклады; эти празднества, на которыя со всѣхъ сторонъ стекались толпы людей; эти оракулы, которые привлекали вниманіе всего человѣческаго любопытства, и, наконецъ, этотъ вкусъ и эти искусства, доведенные до такой высокой степени, что желаніе превзойти ихъ всегда будетъ признакомъ неспособности понять ихъ!

ГЛАВА VIII.

Объ Александрѣ и его завоеваніяхъ.

Большой переворотъ въ торговлѣ произвели слѣдующія четыре событія, случившіяся при Александрѣ: взятіе Тира, завоеваніе Египта, завоеваніе Индіи и открытіе моря, которое находится на югъ отъ этой страны [1]).

Персидское государство простиралось до Инда [2]). Дарій [3]), задолго до Александра, послалъ мореходцевъ, которые спустились по этой рѣкѣ и доходили до Краснаго моря. Почему же греки первые открыли торговыя сношенія съ Индіей съ юга? Почему не предупредили ихъ персы? Къ чему послужила персамъ близость морей, омывавшихъ ихъ государство? Правда, Александръ покорилъ Индію, но развѣ нужно покорить страну для того, чтобы торговать съ нею! Изслѣдуемъ это.

Аріана [4]), простиравшаяся отъ Персидскаго залива до Инда и отъ Южнаго моря до горъ Паропамиза, находилась въ нѣкоторой зависимости отъ Персидскаго царства; но въ южной своей части это была страна безплодная, выжженная солнцемъ, необработанная и варварская. Преданіе [5]) говорило, что въ ея пустыняхъ погибли войска Семирамиды и Кира; и самъ Александръ, за которымъ слѣдовалъ его флотъ, не избѣжалъ тамъ потери большей части своего войска. Персы оставили весь берегъ этой страны во власти ихтіофаговъ [6]), ориттовъ и другихъ варваровъ. Къ

---

[1]) Въ изд. А. и В. прибавлены къ этому слѣдующія строки: Греки находились въ Египтѣ въ положеніи, которое позволяло имъ производить очень обширную торговлю. Они владѣли портами Краснаго моря; Тиръ, соперникъ всякой торговой націи, уже не существовалъ; они не стѣснялись древними предразсудками страны; Египетъ сдѣлался центромъ міра.

[2]) Страбонъ, кн. XV. (М.).

[3]) Геродотъ, *кн. Мельпомены*, IV, 44 (М.).

[4]) Страбонъ, кн. XV. (М.).

[5]) *Ibid.* (М.).

[6]) Плиній, кн. VI, гл XXIII: Страбонъ, кн. XV. (М.).

тому же персы [1]) не были мореплавателями, и самая религія ихъ не дозволяла имъ и думать о морской торговлѣ. Произведенный Даріемъ опытъ плаванія по Инду и Индійскому морю былъ болѣе прихотью государя, желающаго показать свое могущество, чѣмъ обдуманнымъ намѣреніемъ монарха, умѣющаго пользоваться имъ. Онъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій ни для торговли, ни для мореплаванія, знаніе было пріобрѣтено лишь для того, чтобы быть утраченнымъ.

Болѣе того, до похода Александра южная часть Индіи считалась [2]) необитаемой [3]); къ такому заключенію приводило преданіе о томъ, что Семирамида [4]) вывела оттуда только двадцать, а Киръ всего семь человѣкъ.

Александръ вступилъ туда съ сѣвера. Намѣреніе его было итти къ востоку, но найдя, что южная часть ея изобилуетъ многочисленными народами, городами и рѣками, онъ попытался покорить ее и покорилъ.

Затѣмъ онъ вознамѣрился связать Индію съ западомъ посредствомъ морской торговли, подобно тому, какъ онъ уже устроилъ такую связь между ними посредствомъ колоній, основанныхъ имъ на твердой землѣ.

Онъ построилъ флотъ на Гидаспѣ, поплылъ внизъ по этой рѣкѣ, вошелъ въ Индъ и добрался до его устья. Потомъ онъ оставилъ свое войско и флотъ въ Паталѣ, а самъ отправился съ нѣсколькими кораблями осматривать море и назначилъ мѣста для устройства портовъ, пристаней и арсеналовъ. Возвратясь въ Паталу, онъ отдѣлился отъ флота и пошелъ сухимъ путемъ, чтобы его сухопутныя и морскія силы могли оказывать помощь другъ другу. Флотъ слѣдовалъ отъ устья Инда вдоль владѣній ориттовъ, ихтіофаговъ, Караманіи и Персіи. Онъ велѣлъ рыть колодцы, построилъ города и запретилъ ихтіофагамъ [5]) питаться одною рыбою; онъ желалъ, чтобы берега этого моря были населены цивилизованными народами. Неархъ и Онесикритъ вели дневникъ этого плаванія [6]), которое

---

[1]) Они не плавали по рѣкамъ, чтобы не осквернять стихіи. М. Нуде, *Религія Персовъ*. У нихъ и теперь еще нѣтъ морской торговли, и они считаютъ мореплавателей безбожниками. (М.).

[2]) Страбонъ, кн. XV. (М.).

[3]) Геродотъ, *кн. Мельпомены*, гл. XLIV,—говоритъ, что Дарій покорилъ Индію. Но тутъ подъ Индіей надо разумѣть лишь одну Аріану.

[4]) Страбонъ, кн. XV. (М.).

[5]) Нельзя думать, чтобы это запрещеніе относилось ко всѣмъ ихтіофагамъ, которые населяли берегъ, простиравшійся на десять тысячъ стадій. Какимъ образомъ Александръ могъ бы доставлять имъ пищу? Какъ онъ могъ бы заставить ихъ повиноваться? Очевидно, что тутъ рѣчь идетъ лишь о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ народахъ. Неархъ въ книгѣ *Объ индійскихъ дѣлахъ* говоритъ, что на оконечности этого берега, близкой къ Персіи, онъ нашелъ народы менѣе рыбоядные, и надо полагать, что мѣра Александра касалась этой страны или какой-либо другой, еще болѣе близкой къ Персіи. (М.). Этого примѣчанія нѣтъ въ изд. А. и В.

[6]) Плиній, *Ест. истор.*, VI. XIII. (М.).

продолжалось десять мѣсяцевъ. Пріѣхавъ въ Сузы, они нашли тамъ Александра, дававшаго празднества своему войску.

Этотъ завоеватель основалъ Александрію для того, чтобы закрѣпить за собою Египетъ; она была для него ключемъ, которымъ онъ отпиралъ двери этой страны въ томъ самомъ мѣстѣ [1]), гдѣ у предшествовавшихъ ему царей былъ ключъ, чтобы запирать ихъ, и онъ тогда еще не помышлялъ о той торговлѣ, мысль о которой могла зародиться въ немъ лишь вслѣдствіе открытія Индійскаго моря.

Кажется даже [2]), что и послѣ этого открытія онъ не имѣлъ еще никакихъ новыхъ видовъ насчетъ Александріи; и хотя у него и было вообще намѣреніе установить торговлю между Индіей и западными частями своей имперіи, но онъ имѣлъ еще слишкомъ мало свѣдѣній для того, чтобы помыслить о возможности вести ее черезъ Египетъ. Онъ видѣлъ Индъ, видѣлъ Нилъ, но ничего не зналъ о находящихся между ними Аравійскихъ моряхъ. Но, возвратившись изъ Индіи, онъ тотчасъ же велѣлъ построить новые флоты, плавалъ [3]) по Эвлу, Тигру, Евфрату и по морю; уничтожилъ пороги, сдѣланные на этихъ рѣчкахъ персами, и открылъ, что Персидскій заливъ [4]) есть часть океана. И такъ какъ онъ производилъ изслѣдованіе [5]) этого моря, какъ прежде Индійскаго, устроилъ въ Вавилонѣ арсеналы и портъ для тысячи кораблей, послалъ въ Финикію и Сирію пятьсотъ талантовъ для вызова оттуда моряковъ, которыхъ хотѣлъ размѣстить по колоніямъ, учреждаемымъ имъ по морскимъ берегамъ, и такъ какъ, наконецъ, онъ произвелъ большія работы по Евфрату и другимъ ассирійскимъ рѣкамъ, то въ виду всего этого, нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ имѣлъ намѣреніе вести торговлю съ Индіей черезъ Вавилонъ и Персидскій заливъ.

Нѣкоторые писатели, основываясь на томъ, что Александръ хотѣлъ покорить Аравію [6]), утверждали, что онъ имѣлъ намѣреніе устроить тамъ столицу своей имперіи; но какъ же могъ онъ выбрать для нея мѣсто, котораго не зналъ? [7]). При томъ же Аравія была для этого самая неудобная страна на свѣтѣ: она отдалила бы его отъ его имперіи. Калифы, завоевавъ отдаленныя страны, не замедлили покинуть Аравію, чтобы поселиться въ другихъ мѣстахъ.

---

[1]) Александрія была основана на прибрежьи, именуемомъ *Ракотисъ*. Древніе цари держали тутъ гарнизонъ, чтобы не впускать въ страну иностранцевъ и особенно грековъ, которые, какъ извѣстно, были большими пиратами. См. Плинія, кн. VI, гл. X; и Страбона, кн. XVIII. (М.).

[2]) Всего конца этой главы въ изд. А. и В. не имѣется.

[3]) Арріанъ, *О походѣ Александра*, lib. XII. (М.).

[4]) *Sinus Persicus* или Персидскій заливъ.

[5]) Арріанъ, *Ibid.* (М.).

[6]) Страбонъ, кн. XVI, въ концѣ. (М.).

[7]) Видя наводненія въ Вавилоніи, онъ считалъ близкую къ ней Аравію островомъ. Аристобулъ, у Страбона, кн. XVI. (М.).

ГЛАВА IX.

О торговлѣ греческихъ царей послѣ Александра.

Когда Александръ покорилъ Египетъ, Красное море было еще очень мало извѣстно, а та часть океана, которая соединяется съ этимъ моремъ и съ одной стороны омываетъ берегъ Африки, а съ другой берегъ Аравіи, и совсѣмъ была неизвѣстна. Впослѣдствіи даже думали, что объѣхать моремъ Аравійскій полуостровъ невозможно, и лица, пытавшіяся съ разныхъ сторонъ осуществить этотъ объѣздъ, отказались отъ своего замысла. «Возможно ли, говорилось тогда [1]),—плавать у южныхъ береговъ Аравіи, когда войско Камбиза, прошедшее сѣверной частью этой страны, почти все погибло, а войско, посланное Птоломеемъ, сыномъ Лага, въ Вавилонъ на помощь Селевку Никатору, терпѣло невѣроятныя бѣдствія и изъ-за зноя могло идти только ночью?»

У персовъ совсѣмъ не было мореплаванія. Покоривъ Египетъ, они внесли въ него тотъ же духъ, который господствовалъ въ ихъ собственной странѣ, и отличались такой необычайной небрежностью въ этомъ отношеніи, что, по свидѣтельству греческихъ царей, они ничего не знали не только что о путешествіяхъ тирянъ, идумеянъ и евреевъ по океану, но даже и о мореплаваніи по Красному морю. Я думаю, что уничтоженіе Навуходоносоромъ перваго Тира и разныхъ племенъ и городовъ, сосѣднихъ съ Краснымъ моремъ, было причиной утраты всѣхъ пріобрѣтенныхъ прежде свѣдѣній.

Во время персовъ Египетъ не соприкасался съ Краснымъ моремъ; онъ весь состоялъ [2]) изъ длинной и узкой полосы земли, покрываемой наводненіями Нила и сжатой съ обѣихъ сторонъ горными цѣпями. Поэтому тамъ надо было открыть во второй разъ и Красное море, и океанъ, и честь этого открытія принадлежитъ любопытству греческихъ царей.

При нихъ совершались плаванія вверхъ по Нилу; стали охотиться за слонами въ странахъ между Ниломъ и моремъ и открыли берега этого моря, дойдя до нихъ сухимъ путемъ; и такъ какъ это открытіе состоялось во время владычества грековъ, то имена новооткрытымъ мѣстамъ давались греческія, и храмы посвящались [3]) греческимъ божествамъ.

Египетскіе греки могли производить обширную торговлю; они владѣли портами Краснаго моря; Тиръ — соперникъ всякой торговой націи—уже не существовалъ; древніе предразсудки страны [4]) не стѣсняли ихъ, и, благодаря имъ, Египетъ сталъ центромъ міра [5]).

---

[1]) См. кн. *Объ индійск. дѣлахъ*. (М).
[2]) Страбонъ, кн. XVI. (М.).
[3]) *Ibid.* (М.).
[4]) Они внушали имъ отвращеніе къ иностранцамъ. (М.).
[5]) Всей этой первой части гл. IX, въ изд. А. и В. нѣтъ.

Сирійскіе цари оставили царямъ Египта южную торговлю съ Индіей и занялись лишь тою сѣверной торговлей, которая велась черезъ рѣку Оксусъ и Каспійское море. Въ то время думали, что [1]) это море составляетъ часть Сѣвернаго океана, и Александръ незадолго до своей смерти построилъ [2]) флотъ, чтобы развѣдать, не сообщается ли оно съ океаномъ посредствомъ Понта Эвксинскаго или съ Индіей посредствомъ какого-нибудь другого восточнаго моря. Послѣ него Селевкъ и Антіохъ обратили особенное вниманіе на изслѣдованіе этого моря и содержали [3]) на немъ флоты. Часть его, открытая Селевкомъ, названа моремъ Селевка, а часть, открытая Антіохомъ—моремъ Антіохійскимъ. Внимательно слѣдя за всѣмъ, что могло быть предпринято съ этой стороны [4]), они пренебрегли южными морями, можетъ быть, потому, что Птоломеи уже господствовали тамъ посредствомъ своихъ флотовъ, или потому, что замѣтили въ персахъ непобѣдимое отвращеніе къ мореплаванію [5]). Южный берегъ [6]) Персіи не поставлялъ матросовъ; они встрѣчались тамъ лишь въ послѣднее время жизни Александра. Но египетскіе цари, владѣвшіе Кипромъ, Финикіей и множествомъ мѣстъ на берегахъ Малой Азіи, имѣли всевозможныя средства для морскихъ предпріятій. И при этомъ имъ уже не надо было идти наперекоръ духу своихъ подданныхъ, а оставалось только слѣдовать ему.

Трудно понять, почему древніе такъ упорствовали въ мнѣніи, что Каспійское море есть часть океана. Никакія экспедиціи Александра, сирійскихъ царей, пареянъ и римлянъ не могли разубѣдить ихъ [7]). Не потому ли, что люди вообще отстаютъ отъ своихъ заблужденій, какъ можно позднѣе. Сначала была открыта только южная часть Каспійскаго моря, и ее приняли за океанъ, а слѣдуя вдоль береговъ его сѣверной стороны, думали, что плывутъ по части океана, вдавшейся въ землю. Это береговое мореплаваніе съ востока простиралось только до Яксарта, а на западѣ—до окраины Албаніи. Сѣверная сторона моря была тинистая [7]) и потому мало пригодная для судоходства. И все это заставляло видѣть въ немъ океанъ [8]).

---

[1]) Плиній, кн. II, гл. LXVII; и кн. VI, гл. IX и XIII; Страбонъ, кн. XI, стр. 507; Арріанъ, *О походахъ Александра*, кн. III, стр. 74 и кн. V, стр. 104. (М.).

[2]) Арріанъ, *О поход. Алекс.*, кн. VII. (М.).

[3]) Плиній, кн. II, гл. LXVII. (М.).

[4]) Въ изд. А. и В. прибавлено: въ надеждѣ зайти въ тылъ Европѣ черезъ Галлію и Германію, они пренебрегли, и т. д.

[5]) Въ изд. А. и В. прибавлено: наконецъ, можетъ быть и потому, что всеобщая подчиненность народовъ этой стороны, не оставляла имъ мѣста для завоеваній.

[6]) Весь конецъ этого параграфа въ изд. А. и В. отсутствуетъ.

[7]) Смотрите карту русскаго царя. (М.).

[8]) Правда, что Страбонъ, Помпоній Мела и Плиній считали Каспійское море частью Сѣвернаго океана, но писатели болѣе древніе, какъ Діодоръ Сицилійскій, Аристотель и особенно Геродотъ (I, ccii, cciii), выказали болѣе правиль-

Войско Александра съ восточной стороны доходило только до рѣки Гипаниса, послѣдней изъ впадающихъ въ Индъ. Поэтому первоначальная торговля грековъ съ Индіей происходила въ очень небольшой части страны. Селевкъ Никаторъ проникъ до Ганга [1]), что привело къ открытію и моря, куда впадаетъ эта рѣка, то-есть Бенгальскаго залива. Нынѣ открываютъ земли посредствомъ морскихъ путешествій; прежде открывали моря посредствомъ завоеванія земель.

Страбонъ [2]), несмотря на свидѣтельство Аполлодора, повидимому, сомнѣвается, чтобы греческіе цари [3]) Бактріи заходили далѣе Селевка и Александра. Но если бы они и дѣйствительно не проникали дальше Селевка на востокъ, то они зато проникли дальше на югъ: они открыли [4]) Сигеръ и Малабарскіе порты, подавшіе поводъ къ мореплаванію, о которомъ я сейчасъ буду говорить.

Плиній [5]) сообщаетъ намъ, что плаваніе въ Индію совершалось послѣдовательно тремя путями. Сначала отправлялись отъ Сіагрскаго мыса къ острову Паталена, который находится въ устьѣ Инда: это путь флота Александра. Потомъ избрана была болѣе короткая [6]) и вѣрная дорога, и ее начинали отъ того же мыса, идя къ Сигеру. Этотъ Сигеръ, должно быть, ничто иное какъ царство Сигерское, о которомъ говоритъ Страбонъ [7]), и которое было открыто греческими царями. Плиній могъ назвать этотъ путь болѣе короткимъ только потому, что на него тратилось менѣе времени, такъ какъ Сигеръ, имѣя въ виду его открытіе царями Бактріи, долженъ былъ лежать далѣе Инда; но этотъ путь избирали, вѣроятно, для того, чтобы избѣжать обхода разныхъ береговъ и воспользоваться нѣкоторыми вѣтрами. Наконецъ, купцы открыли еще третій путь: они отправлялись въ Канъ или Окелъ—два порта, расположенные въ устьѣ Краснаго моря,—откуда съ западнымъ вѣтромъ достигали до первой индійской пристани Музириса и шли далѣе къ другимъ портамъ [8]).

Отсюда видно, что вмѣсто того, чтобы идти отъ устья Краснаго моря до Сіагры, поднимаясь вдоль сѣверо-восточныхъ береговъ Счастливой Аравіи, они шли прямо отъ запада къ востоку, съ одной стороны на другую, при помощи муссоновъ, которые были открыты во время плаванія по

ныя понятія, говоря, что оно не сообщается ни съ какимъ другимъ моремъ. (Кревье).

[1]) Плиній, кн. VI, гл. XVII. (М.).

[2]) Кн. XV. (М.).

[3]) Македоняне Бактріаны, Индіи и Аріаны, отдѣлившись отъ Сирійскаго царства, образовали большое государство. (М).

[4]) Апполоній Адрамиттинъ, у Страбона, кн. XI. (М.).

[5]) Кн., VI, гл. XXIII. (М.).

[6]) Плиній, кн, XI, гл. XXIII. (М.).

[7]) Кн. XI, *Sigertidis* regnum. (М.).

[8]) Эта послѣдняя фраза, также какъ и слѣдующій параграфъ появились въ первый разъ въ изд. В.

этимъ мѣстамъ. Древніе удалялись отъ береговъ, только когда могли пользоваться муссонами [1]) и пассатными вѣтрами, которые были для нихъ своего рода компасомъ.

Плиній [2]) говоритъ, что въ Индію отправлялись по срединѣ лѣта, а возвращались оттуда къ концу декабря или въ началѣ января. Это совершенно согласно съ дневниками нашихъ мореплавателей. Въ той части Индійскаго моря, которая находится между полуостровомъ Африки и полуостровомъ по сю сторону Ганга, есть два муссона: одинъ, дующій съ запада на востокъ, начинается въ августѣ и сентябрѣ, и другой, дующій съ востока на западъ, начинается въ январѣ. И нынѣ мы отправляемся изъ Африки въ Малабаръ въ то же самое время, когда туда отправлялись флоты Птоломея, и въ одно время съ ними возвращаемся оттуда.

Флотъ Александра употребилъ семь мѣсяцевъ на путь отъ Паталы до Сузы. Онъ отплылъ въ іюлѣ, то-есть въ такое время, когда, въ наши дни, ни одинъ корабль не посмѣетъ пуститься въ обратный путь изъ Индіи. Между тѣмъ и другимъ муссономъ есть промежутокъ съ перемѣнными вѣтрами, когда сѣверный вѣтеръ, смѣшавшись съ обычными вѣтрами, производитъ, особенно вблизи береговъ, ужасныя бури. Это продолжается мѣсяцы іюнь, іюль и августъ. Флотъ Александра, отправившійся изъ Паталы въ іюлѣ, испыталъ не мало бурь, и путешествіе его продолжалось долго, потому что онъ плылъ при противномъ муссонѣ.

Плиній говоритъ, что въ Индію отправлялись въ концѣ лѣта, пользуясь такимъ образомъ временемъ перемѣны въ направленіи муссона, для совершенія пути отъ Александріи къ Красному морю.

Обратите вниманіе на то, какъ мало-по-малу усовершенствовалось мореплаваніе. То, что было предпринято по приказанію Дарія для того, чтобы, слѣдуя по Инду, дойти до Краснаго моря, продолжалось два съ половиною года [3]). Флотъ Александра [4]), отплывшій внизъ по Инду, прибылъ въ Сузу черезъ десять мѣсяцевъ, проплававъ три мѣсяца по Инду и семь по Индійскому морю. Впослѣдствіи путь отъ Малабарскаго берега до Краснаго моря совершался въ сорокъ дней [5]).

Страбонъ [6]), объясняя причины неизвѣстности странъ между Гипанисомъ и Гангомъ, говоритъ, что между мореплавателями, отправляющимися изъ Египта въ Индію, очень немногіе доходятъ до Ганга. И дѣйствительно, флоты не ходили туда; они шли по направленію муссоновъ [7]) отъ

[1]) Муссоны дуютъ одну часть года съ одной стороны, а другую часть—съ другой стороны; а пассатные вѣтры дуютъ въ одномъ и томъ же направленіи въ продолженіе цѣлаго года (М.).

[2]) Кн. VI, гл. XXIII. (М.).

[3]) Геродотъ, кн *Мельпомены*, IV, XLIV. (М.).

[4]) Плиній, кн. VI. гл. XXIII. (М.).

[5]) *Ibid* (М.).

[6]) Кн. XV. (М.).

[7]) Въ изд. А. и В.: по направленію пассатовъ.

запада къ востоку, отъ устья Краснаго моря до Малабарскаго берега. Они останавливались въ тамошнихъ портахъ и не предпринимали объѣзда полуострова по сю сторону Ганга черезъ мысъ Коморинъ и по Коромандельскому берегу. И у египетскихъ царей, и у римлянъ былъ одинъ планъ мореплаванія—возвратиться въ томъ же году [1]).

Поэтому торговля грековъ и римлянъ никакъ не могла сравниться по обширности съ тою, которую ведемъ мы, которымъ извѣстны громадныя страны, совсѣмъ неизвѣстныя имъ,—мы, которые ведемъ нашу торговлю со всѣми народами Индіи и даже за нихъ и торгуемъ, и плаваемъ.

Но они вели эту торговлю легче насъ; и если бы мы ограничились нынѣ торговлею по берегамъ Гузарата и Малабара и, не заходя въ южные острова, довольствовались товарами, которые приносили бы къ намъ островитяне, то тогда слѣдовало бы предпочесть путь мимо Египта тому, который огибаетъ мысъ Доброй Надежды. Страбонъ [2]) говоритъ, что такъ велась торговля съ народами Такробана [3]).

---

[1]) Плиній, кн. VI, гл. XXIII. (М.).

[2]) Кн. XV. (М.).

[3]) Въ изд. А. и В. эта глава заключается слѣдующими соображеніями. отчасти воспроизведенными въ слѣдующей за этой X-й главѣ, которая появилась въ первый разъ въ изданіи 1758 г.

«Я закончу эту главу размышленіемъ. Птоломей *), географъ, относитъ извѣстную въ то время часть восточной Африки къ мысу *Prassum*, а Арріанъ **) ограничиваетъ ее мысомъ *Raptum*. На лучшихъ нашихъ картахъ мысъ *Prassum* помѣщенъ въ Мозамбикѣ на четырнадцатомъ съ половиною градусѣ южной широты, а мысъ *Raptum* на десятомъ градусѣ этой широты. Но такъ какъ, начиная отъ берега Аянскаго государства, не производящаго никакихъ товаровъ, страна становится все богаче и богаче, по мѣрѣ удаленія къ югу до страны Софала, гдѣ самый источникъ богатствъ, то становится удивительнымъ, почему всѣ такъ отодвигались на сѣверъ, вмѣсто того, чтобы подвигаться къ югу.

«По мѣрѣ того какъ свѣдѣнія, торговля и мореплаванія шли впередъ относительно Индіи, они отодвигались назадъ по отношенію къ Африкѣ: болѣе богатая и легкая торговля заставила пренебречь менѣе прибыльной и болѣе затруднительной. Восточный берегъ Африки сталъ менѣе извѣстенъ, чѣмъ при Соломонѣ, и Птоломей говоритъ намъ о мысѣ *Prassum* болѣе какъ о мѣстѣ, извѣстномъ прежде, чѣмъ въ его время. Арріанъ ***) ограничиваетъ пространство извѣстныхъ земель мысомъ *Raptum*, потому что далѣе уже не заходили. И если Марціанъ Гераклейскій ****) снова заводитъ рѣчь о мысѣ *Prassum*, то слова его не имѣютъ никакого авторитета: онъ самъ *****) признаетъ, что списывалъ у Артемидора, а Артемидоръ у Птоломея».

---

*) Кн. IV, гл. VII и кн. VIII, табл. 4 Азіи. (М.).

**) См. Плаваніе вокругъ Эритрейскаго моря. (М.).

***) Птоломей и Арріанъ были почти современниками.

****) Его сочиненіе находится въ Recueil de petits géographes grecs, изд. Оксфордское 1696 г., т. I, стр. 10.

*****) Ibid., стр. 1 и 2.

ГЛАВА X.

Объ объѣздѣ Африки [1]).

Изъ исторіи извѣстно, что до изобрѣтенія компаса было четыре попытки объѣхать Африку. Финикіяне, посланные Нехао [2]) и Эвдоксъ [3]), убѣгавшій отъ гнѣва Птоломея-Латура, отправились отъ Краснаго моря и имѣли удачу. Сатамъ [4]), при Ксерксѣ, и Ганнонъ, посланный кароагенянами, отправились отъ столповъ Геркулеса и не имѣли удачи.

Самое необходимое для объѣзда Африки было открыть и обогнуть мысъ Доброй Надежды. Но при отправленіи отъ Краснаго моря этотъ мысъ былъ на полпути ближе, чѣмъ при отправленіи отъ Средиземнаго моря. Берегъ, идущій отъ Краснаго моря къ мысу Доброй Надежды, здоровѣе [5]) того, который простирался отъ мыса къ Геркулесовымъ столпамъ. Чтобы тѣ, которые отправлялись отъ столповъ Геркулеса, могли открыть мысъ, необходимо было изобрѣтеніе компаса, благодаря которому, можно было удалиться отъ береговъ Африки и плавать по обширному океану [6]), направляясь къ острову св. Елены или къ берегамъ Бразиліи. Поэтому нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что, отправившись отъ Краснаго моря, доходили до Средиземнаго, но отъ Средиземнаго моря не доходили до Краснаго.

Поэтому было естественнѣе, во избѣжаніе этого недопускавшаго возвращенія объѣзда, вести торговлю съ восточной Африкой черезъ Красное море, а съ западнымъ ея берегомъ—черезъ Геркулесовы столпы.

Греческіе цари Египта сначала открыли въ Красномъ морѣ ту часть африканскаго берега, который простирается отъ того мѣста залива, гдѣ городъ Герумъ, до Диры, то-есть до нынѣшняго Бабель-Мандебскаго пролива. Отсюда до мыса Ароматовъ, лежащаго у входа въ Красное [7]) море, берегъ не былъ изслѣдованъ мореплавателями; это явствуетъ изъ сообщенія Артемидора [8]), говорящаго, что порты этого берега извѣстны, но неизвѣстно разстояніе между ними, что происходило отъ того, что они

[1]) Эта глава появилась въ первый разъ въ изд. 1758 г.; это передѣлка заключительныхъ соображеній предшествующей главы въ изд. А. и В.

[2]) Геродотъ, кн. IV, XLII. Онъ хотѣлъ покорять земли. (М.).

[3]) Плиній, кн. II, гл. LXVII. Помпоній Мела, кн. III, гл. IX. (М.).

[4]) Геродотъ, кн. *Мельпомены*, IV, XLIII. (М.).

[5]) Сопоставьте съ этимъ то, что сказано мною въ гл. XI-й этой книги о путешествіи Ганнона. (М.).

[6]) Въ Атлантическомъ океанѣ въ теченіе октября, ноября, декабря и января дуетъ сѣверовосточный вѣтеръ. Корабли проходятъ экваторъ и, во избѣжаніе восточнаго вѣтра, направляются къ югу или вступаютъ въ жаркій поясъ, въ мѣста, гдѣ вѣтеръ дуетъ отъ запада къ востоку. (М.).

[7]) Заливъ, который мы называемъ Краснымъ моремъ, древніе называли Аравійскимъ заливомъ; Краснымъ же моремъ они называли часть океана, сосѣднюю съ этимъ заливомъ. (М.).

[8]) Страбонъ, кн. XVI. (М.).

открываемы были порознь со стороны земли, а не переходами отъ одного порта къ другому.

Далѣе же этого мыса, гдѣ начинается берегъ океана, уже ничего не было извѣстно, какъ о томъ свидѣтельствуютъ [1]) Эратосѳенъ и Артемидоръ.

Таковы были свѣдѣнія объ африканскихъ берегахъ во время Страбона, то-есть во время Августа. Но послѣ Августа римляне открыли мысы Раптумъ и Прассумъ, о которыхъ Страбонъ умалчиваетъ, потому что они тогда еще не были извѣстны. Имена этихъ мысовъ, какъ видно, римскія.

Птоломей, географъ, жилъ при Адріанѣ и Антонинѣ Благочестивомъ; а авторъ Перипла (объѣзда) Эритрейскаго моря, кто бы онъ ни былъ, жилъ немного спустя послѣ нихъ. Однако, первый ставитъ предѣломъ извѣстной въ то время Африки [2]) мысъ Прассумъ, лежащій близъ четырнадцатаго градуса южной широты; между тѣмъ, какъ авторъ Перипла [3]) ограничиваетъ ее мысомъ Раптумъ, лежащимъ почти на десятомъ градусѣ той же широты. Весьма вѣроятно, что послѣдній назначалъ предѣломъ мѣсто, въ которое тогда ѣздили, а Птоломей — мѣсто, куда въ то время уже перестали ѣздить.

Утверждаетъ же меня въ этомъ предположеніи болѣе всего то, что народы, обитавшіе около мыса Прассумъ, были людоѣды [4]). Птоломей, говоря обо многихъ мѣстахъ [5]) между портомъ Ароматовъ и мысомъ Раптумъ, ничего не говоритъ о тѣхъ, которыя заключаются между мысами Раптумъ и Прассумъ. Большія выгоды, доставляемыя индійскимъ мореплаваніемъ, заставили пренебречь африканскимъ. Наконецъ, римляне никогда не имѣли правильнаго мореходства по берегу Африки. Они открыли эти порты сухимъ путемъ и благодаря бурямъ, занесшимъ корабли на эти берега; и если мы знаемъ теперь довольно хорошо берега Африки и очень плохо ея внутреннія страны [6]), то они были довольно хорошо знакомы съ серединой этой страны и очень плохо—съ ея побережьемъ.

Я сказалъ, что посланные Нехао финикіяне и—при Птоломеѣ Латурѣ—Эвдоксъ совершили путешествіе вокругъ Африки. Весьма вѣроятно, что оба эти путешествія считались баснословными во времена Птоломея-

---

[1]) *Ibid.* Артемидоръ полагалъ, что берегъ извѣстенъ до мѣста *Austricornu*, а Эратосѳенъ—*ad Cinnamomiferam.* (М.).

[2]) Страбонъ, кн. I, гл. VII; кн. IV, гл IX: табл. Африки IV-я. (М).

[3]) Этотъ Периплъ приписывали Арріану. (М.).

[4]) Птоломей, кн. IV, гл. IX. (М.).

[5]) Кн. IV, гл. VII и VIII. (М.).

[6]) Посмотрите. съ какою точностью Страбонъ и Птоломей описываютъ разныя части Африки. Эти свѣдѣнія доставлены имъ разными войнами. которыя вели съ африканскими народами двѣ могущественнѣйшія въ мірѣ державы—Карѳагенъ и Римъ; союзами. которые онѣ заключали, и торговлею, которую онѣ вели въ этой странѣ. (М.).

географа, такъ какъ послѣдній говоритъ о существованіи [1]) неизвѣстной страны, которая, идя отъ Sinus-Magnus—вѣроятно, нынѣшній Сіамскій заливъ—изъ Азіи въ Африку, примыкаетъ къ мысу Прассумъ, вслѣдствіе чего Индійское море должно бы оказаться озеромъ. Древніе, проникнувъ въ Индію съ сѣвера и подвинувшись къ востоку, опредѣлили мѣсто для этой невѣдомой страны на югѣ.

ГЛАВА XI.

Карѳагенъ и Марсель.

Карѳагеняне имѣли странное международное право: они топили [2]) всѣхъ иностранцевъ, торговавшихъ въ Сардиніи и у Геркулесовыхъ столповъ. Не менѣе необычайно было и ихъ государственное право: оно запрещало сардинцамъ обработывать землю, подъ страхомъ смертной казни [3]). Карѳагенъ пріобрѣлъ власть посредствомъ богатства, а потомъ сталъ пріобрѣтать богатства посредствомъ власти. Овладѣвъ берегами Африки, омываемыми Средиземнымъ моремъ, онъ распространилъ свои владѣнія вдоль береговъ океана. Ганнонъ, по повелѣнію карѳагенскаго сената, разселилъ тридцать тысячъ карѳагенянъ на пространствѣ отъ Геркулесовыхъ столповъ до Цернеи. Онъ говоритъ, что это мѣсто такъ же далеко отъ Геркулесовыхъ столповъ, какъ Геркулесовы столпы отъ Карѳагена: положеніе очень замѣчательное; оно показываетъ, что Ганнонъ ограничилъ свои поселенія двадцать пятымъ градусомъ сѣверной широты, то-есть двумя или тремя градусами ниже Канарскихъ острововъ къ югу.

Изъ Цернеи Ганнонъ предпринялъ новое плаваніе, для открытій на болѣе отдаленномъ югѣ. Онъ не собралъ почти никакихъ свѣдѣній о континентѣ и, проплававъ у береговъ двадцать шесть дней, принужденъ былъ возвратиться вслѣдствіе недостатка съѣстныхъ припасовъ. Кажется, карѳагеняне нисколько не воспользовались этимъ предпріятіемъ Ганнона. Сцилаксъ [4]) говоритъ, что по ту сторону Цернеи море неудобно для судоходства [5]), потому что оно тамъ мелко, тинисто и покрыто морскими травами; и дѣйствительно, всего этого вдоволь въ этихъ мѣстахъ [6]). Карѳагенскіе купцы, о которыхъ говоритъ Сцилаксъ, могли быть остановлены препятствіями, которыя преодолѣвались Ганнономъ съ его шестьюдесятью

---

[1]) Кн. VII, гл. III. (М.).

[2]) Эратосѳенъ, у Страбона, кн. XVII, стр. 802. (М.).

[3]) Въ изд. А. и В. нѣтъ этого начала главы.

[4]) См. его Периплъ, статья о Карѳагенѣ. (М.)

[5]) См Геродота въ кн. *Мельпомены*, IV, XLIII, о препятствіяхъ, встрѣченныхъ Сатаспомъ. (М.).

[6]) См. карты и сообщенія перваго тома *Путешествій, послужившихъ къ основанію Индійской компаніи*, ч. I, стр 201.-- Эта трава такъ густо покрываетъ поверхность моря, что едва видна вода, и корабли могутъ пробираться сквозь нее только при довольно сильномъ вѣтрѣ. (М.).

пятидесятивесельными кораблями. Затрудненіе — дѣло относительное; и, кромѣ того, нельзя же смѣшивать обыкновенное житейское дѣло съ предпріятіемъ, въ основѣ котораго лежала смѣлость и неустрашимая отвага.

Описаніе путешествія Ганнона — прекрасное твореніе древности. Оно написано тѣмъ же человѣкомъ, который его совершилъ. Въ немъ совсѣмъ не замѣтно тщеславія. Великіе полководцы описываютъ свои дѣянія просто, потому что они болѣе гордятся своими дѣлами, чѣмъ словами.

Каковъ его слогъ, таково и содержаніе. У него нѣтъ ничего чудеснаго: все, что онъ разсказываетъ о климатѣ, почвѣ, нравахъ, обычаяхъ жителей,—все это мы видимъ и теперь на этомъ африканскомъ берегѣ; кажется, что передъ нами дневникъ современнаго мореплавателя.

Ганнонъ замѣтилъ [1]) во время своего путешествія, что днемъ на континентѣ царствовала глубокая тишина, а ночью тамъ раздавались звуки разныхъ музыкальныхъ инструментовъ и видны были повсюду огни разнообразной величины. Подтвержденіе этого встрѣчается въ сообщеніяхъ нашихъ мореплавателей; въ нихъ говорится, что днемъ эти дикари укрываются въ лѣсахъ отъ солнечнаго зноя, а ночью раскладываютъ большіе огни для удаленія дикихъ звѣрей, и что они страстно любятъ танцы и музыку.

Ганнонъ описываетъ вулканъ, со всѣми тѣми явленіями, которыя теперь представляетъ Везувій, и даже его разсказъ о двухъ косматыхъ женщинахъ, кожи которыхъ онъ привезъ въ Кореагенъ, такъ какъ сами онѣ предпочли лучше умереть, чѣмъ слѣдовать за кареагенянами, не такъ невѣроятенъ, какъ думаютъ [2]).

Это сообщеніе особенно драгоцѣнно, какъ пуническій памятникъ, и на томъ основаніи, что оно пуническій памятникъ, его и считали баснословнымъ: римляне продолжали ненавидѣть кареагенянъ и послѣ того, какъ истребили ихъ. Но одна только побѣда рѣшила, какому изъ двухъ выраженій войти въ поговорку: пуническая вѣрность или римская вѣрность.

Этотъ предразсудокъ раздѣляли и нѣкоторые писатели новаго времени [3]). Что сталось съ тѣми городами, говорятъ они, которые описалъ Ганнонъ, и отъ которыхъ во время Плинія не осталось малѣйшаго слѣда? Удивительно было бы, если бы эти слѣды остались. Развѣ Ганнонъ строилъ по этимъ берегамъ нѣчто подобное Аѳинамъ или Коринѳу? Онъ поселялъ въ нѣкоторыхъ годныхъ для торговли мѣстахъ по нѣскольку кареагенскихъ семей и наскоро устраивалъ имъ огражденія отъ дикарей и хищ-

[1]) Плиній, *Ест. Ист.*, V, I, говоритъ то же самое о горѣ Атласѣ: Noctibus micare crebis ignibus, tibiarum cantu tympanorumque sonitu strepere, neminem interdiu cerni. (М.).

[2]) По всѣмъ видимостямъ это были двѣ гориллы.

[3]) Додвель. См. его *Разсужденіе о Периплѣ Ганнона.* (М.). Додвель не одинъ такого мнѣнія; подлинность *Перипла* далеко не доказана.

ныхъ животныхъ. Когда послѣ бѣдствій, поразившихъ кареагенянъ, прекратилось мореплаваніе въ Африку, этимъ семействамъ оставалось или погибнуть, или превратиться въ дикарей. Мало того: если бы даже развалины этихъ городовъ и сохранились еще, то кто же пошелъ бы описывать ихъ въ лѣсахъ и болотахъ? И, однако, Сцилаксъ и Полибій не даромъ же говорятъ, что у кареагенянъ были значительныя поселенія на этихъ берегахъ. Вотъ гдѣ слѣды городовъ Ганнона, и никакихъ другихъ нѣтъ, потому что никакихъ другихъ почти не осталось и отъ самаго Кареагена.

Кареагеняне были на пути къ богатству, и если бы они проникли до четырнадцатаго градуса сѣверной широты и пятнадцатаго долготы, то открыли бы Золотой берегъ и сосѣдніе съ нимъ берега. Они бы завели тамъ торговлю поважнѣе той, которая ведется тамъ въ настоящее время, когда Америка, повидимому, обезцѣнила богатства всѣхъ прочихъ странъ. Они нашли бы тутъ сокровища, которыхъ римляне не могли бы у нихъ отнять.

Много было наговорено чудеснаго о богатствахъ Испаніи. Если вѣрить Аристотелю [1]), то финикіяне, приставшіе къ Тартесу, нашли тамъ столько серебра, что не могли умѣстить его на своихъ корабляхъ и понадѣлали изъ этого металла вещи для самаго низкаго употребленія. Кареагеняне, по свидѣтельству Діодора [2]), нашли въ Пиренеяхъ столько золота и серебра, что употребляли его на якори своихъ кораблей. Не слѣдуетъ полагаться на эти народные разсказы; но вотъ дѣйствительные факты.

Изъ приведеннаго Страбономъ [3]) отрывка Полибія видно, что серебряные рудники при истокѣ рѣки Бетиса, на разработку которыхъ употребляли сорокъ тысячъ человѣкъ, доставляли римскому народу по двадцати пяти тысячъ драхмъ въ день, что составитъ около пяти милліоновъ ливровъ въ годъ, считая по пятидесяти франковъ въ маркѣ (восемь унцовъ). Горы, содержавшія эти рудники, называли Серебряными горами [4]), изъ чего слѣдуетъ, что онѣ были Потози того времени. Нынѣ, для разработки рудниковъ въ Ганноверѣ, употребляютъ вчетверо меньше рабочихъ, чѣмъ для тогдашнихъ испанскихъ рудниковъ, а они даютъ больше; но такъ какъ у римлянъ были почти исключительно мѣдные рудники и очень мало серебряныхъ, а греки знали только очень небогатые рудники Аттики, то не мудрено, что они удивлялись изобилію рудниковъ испанскихъ.

---

[1]) *О чудесныхъ вещахъ.* (М.).

[2]) Кн. VI. (М.). Авторъ ссылается на шестую книгу Діодора, а эта шестая книга не существуетъ. Въ пятой-же книгѣ своей Діодоръ говоритъ о финикіянахъ, а не о кареагенянахъ. (Вольтеръ).

[3]) Кн. III. (М.).

[4]) Mons argentarius. (М.).

Во время войны за испанское наслѣдство, нѣкто маркизъ де-Родъ, о которомъ говорили, что онъ разорился отъ золотыхъ рудниковъ и обогатился отъ госпиталей [1]), предложилъ французскому двору разыскать рудники въ Пиринеяхъ. Онъ указывалъ на примѣры тирянъ, кареагенянъ и римлянъ. Ему позволили дѣлать розыски; онъ искалъ вездѣ, рылся повсюду, не переставая цитировать древнихъ авторовъ, и не находилъ ничего.

Кареагеняне, владѣвшіе торговлею золотомъ и серебромъ, пожелали овладѣть также торговлею свинцомъ и оловомъ. Эти металлы перевозились сухимъ путемъ отъ гальскихъ портовъ на океанѣ до портовъ Средиземнаго моря. Кареагеняне захотѣли получать ихъ изъ первыхъ рукъ и послали Гимилькона завести [2]) колоніи на островахъ Касситеридскихъ, какъ полагаютъ, тѣхъ самыхъ, которые нынѣ называются Силлейскими [3]).

Эти путешествія изъ Бетики въ Англію внушили нѣкоторымъ лицамъ мысль, что у кареагенянъ былъ компасъ, но ясно, что они придерживались береговъ. Лучшее доказательство этого заключается въ заявленіи самого Гимилькона, который употребилъ четыре мѣсяца на переѣздъ отъ устья Бетиса до Англіи; да и пресловутая [4]) повѣсть о кареагенскомъ кормчемъ, который, завидя приближеніе римскаго корабля, посадилъ себя на мель, чтобы не показать ему дороги въ Англію [5]), доказываетъ, что эти корабли находились на очень близкомъ разстояніи отъ береговъ во время своей встрѣчи.

Древніе, быть можетъ, совершали иногда и такія морскія путешествія, которыя давали поводъ думать, что они употребляли компасъ, хотя его не было у нихъ. Такъ, напримѣръ, кормчій, удалившійся отъ береговъ въ ясную погоду, когда, ему всегда были видны ночью одна изъ полярныхъ звѣздъ [6]), а днемъ—восходъ и закатъ солнца, могъ по нимъ направлять свой путь такъ же, какъ нынѣ по компасу; но такія путешествія были бы случайностью, а не правиломъ.

Изъ договора, которымъ завершилась первая пуническая война, видно, что Кареагенъ главнымъ образомъ заботился о сохраненіи своего господства надъ моремъ, а Римъ—надъ землею. Ганнонъ [7]), во время пере-

---

[1]) Онъ кое гдѣ завѣдывалъ ими. (М.).

[2]) См. Феста Авіена. (М.). По Плинію выходитъ, что этотъ Гимильконъ былъ посланъ въ одно время съ Ганнономъ, и такъ какъ при Агаѳоклѣ было два кареагенскихъ вождя, изъ коихъ одному было имя Ганнонъ, а другому Гимильконъ, то Додвель заключаетъ, что это тѣ самыя лица, о которыхъ въ настоящемъ случаѣ идетъ рѣчь, тѣмъ болѣе что республика въ это время находилась въ цвѣтущемъ состояніи. См. его *Разсужденіе о Перипл ѣ Ганнона*. (М.).

[3]) Острова *Scilly* или *Сорлинскіе*.

[4]) Страбонъ, кн. III, въ концѣ. (М.).

[5]) Кареагенскій сенатъ наградилъ его за это. (М.).

[6]) Полярная звѣзда—одна и ближе всего находится къ нашему сѣверному полюсу. (Кревье).

[7]) Титъ-Ливій, приложеніе Фрейнсгеміуса, вторая декада, кн. VI. (М.).

говоровъ съ римлянами, заявилъ, что онъ не дозволитъ имъ даже умывать себѣ руки въ сицилійскихъ моряхъ; имъ запрещено было плавать далѣе тамошняго мыса; они не должны были [1]) торговать въ Сициліи [2]), Сардиніи и Африкѣ ни съ кѣмъ, кромѣ Карѳагена: исключеніе, доказывающее, что торговля тамъ не обѣщала быть для нихъ выгодной.

Первоначально между Карѳагеномъ и Марселью [3]) были большія войны изъ-за рыбной ловли. По заключеніи мира, они занялись на перебой другъ другу торговлей хозяйственной. Марсель была тѣмъ завистливѣе, что, не уступая своему сопернику въ промышленности, уступала ему въ силѣ: вотъ причина ея непоколебимой вѣрности римлянамъ. Война, которую послѣдніе вели съ карѳагенянами въ Испаніи, была источникомъ обогащенія Марсели, служившей складочнымъ мѣстомъ. Разрушеніе Карѳагена и Коринѳа еще болѣе увеличило славу Марсели; и не будь тамъ междуусобій, гдѣ слѣдовало, невзирая ни на что, примкнуть къ какой либо партіи, она могла бы жить счастливо подъ покровительствомъ римлянъ, которые нисколько не завидовали ея торговлѣ.

ГЛАВА XII [4]).

Островъ Делосъ. Митридатъ.

Когда римляне разрушили Коринѳъ, купцы удалились оттуда въ Делосъ. Религія и благоговѣніе народовъ заставили смотрѣть на этотъ островъ, какъ на безопасное убѣжище [5]). Кромѣ того, онъ занималъ очень выгодное положеніе для итальянской и азіатской торговли, важность которой увеличилась послѣ уничтоженія Африки и ослабленія Греціи.

Греки, какъ мы сказали, съ давнихъ временъ основывали колоніи на берегахъ Пропонтиды и Понта Эвксинскаго; эти колоніи при персахъ сохранили свои законы и свою свободу. Александръ, выступившій въ походъ лишь противъ варваровъ, не тронулъ ихъ [6]). Кажется, даже и цари понтійскіе, овладѣвшіе многими изъ этихъ колоній, не лишили ихъ [7]) государственной самостоятельности.

---

[1]) Полибій кн. III. (М.). Монтескье смѣшалъ въ одинъ различные договоры, заключенные между Карѳагеномъ и Римомъ.

[2]) Въ той ея части, которая была подчинена Карѳагену. (М.).

[3]) Юстинъ, кн. XLIII, гл. V. *Carthaginensium quoque exercitus, cum bellum captis piscatorum navibus ortum esset, saepe fuderunt, pacemque victis dederunt.* (М.).

[4]) Въ изд. А. и В. этой главы нѣтъ.

[5]) Страбонъ, кн. X. (М.).

[6]) Онъ подтвердилъ свободу города Амизоса, аѳинской колоніи, который пользовался народнымъ правленіемъ даже при персидскихъ царяхъ. Лукуллъ, овладѣвъ Синопомъ и Амизосомъ, возвратилъ имъ свободу и призвалъ обратно жителей, убѣжавшихъ на свои корабли. (М.).

[7]) См., что пишетъ Аппіанъ о жителяхъ Фанагоріи, Амизоса и Синопа въ своей книгѣ *О войнѣ съ Митридатомъ.* (М.).

Могущество понтійскихъ царей усилилось, какъ скоро они овладѣли ими [1]). Митридатъ оказался въ состояніи нанимать вездѣ войска; постоянно вознаграждать [2]) свои потери; имѣть работниковъ, корабли, военныя машины, пріобрѣтать союзниковъ, подкупать союзниковъ римлянъ и даже самихъ римлянъ, содержать на жалованіи [3]) азіатскихъ и европейскихъ варваровъ, вести продолжительную войну и, слѣдовательно, пріучать свои войска къ дисциплинѣ; онъ могъ ихъ вооружить, обучить военному искусству [4]) римлянъ и образовать большіе отряды изъ римскихъ перебѣжчиковъ; наконецъ, онъ могъ нести большія потери и испытывать великія пораженія, не погибая; и онъ бы не погибъ, если бы, будучи царемъ сладострастнымъ и варварскимъ въ счастіи, не разрушалъ того, что дѣлалъ, будучи великимъ государемъ въ несчастіи.

Такимъ-то образомъ, въ то время, когда римляне были на верху величія и, казалось, не должны были бояться никого, кромѣ самихъ себя, Митрадатъ снова обратилъ въ вопросъ то, что было рѣшено взятіемъ Карѳагена и пораженіями Филиппа, Антіоха и Персея. Не было еще войны пагубнѣе этой; и такъ какъ обѣ стороны обладали равнымъ могуществомъ и выгодами, то народы Греціи и Азіи были истребляемы, то какъ друзья, то какъ враги Митридата. Делосъ не избѣжалъ общаго несчастія. Торговля гибла повсюду; да и какъ ей было не гибнуть, когда погибали народы.

Римляне, которые, слѣдуя указанной мною въ другомъ мѣстѣ [5]) системѣ, предпочитали разрушеніе завоеванію, уничтожили Карѳагенъ и Коринѳъ, и, продолжая дѣйствовать такимъ образомъ, можетъ-быть, погубили бы, и себя самихъ, если бы не завоевали весь міръ. Напротивъ того, понтійскіе цари, овладѣвъ греческими колоніями на Понтѣ Эвксинскомъ, остерегались разрушать то, что должно было стать источникомъ ихъ величія.

ГЛАВА XIII.

О духѣ римлянъ по отношенію къ морскому дѣлу.

Римляне почитали только сухопутное войско, духъ котораго состоялъ въ томъ, чтобы стоять твердо, сражаясь и умирая на томъ же мѣстѣ. Они не могли уважать способа дѣйствія моряковъ, которые, вступивъ въ

---

[1]) См. у Аппіана о томъ, какъ велики были сокровища, которыя Митридатъ тратилъ на войну, сохранялъ втайнѣ, терялъ вслѣдствіе измѣны своихъ и оставилъ послѣ своей смерти. (М.).

[2]) Однажды онъ потерялъ 170 тысячъ человѣкъ и тотчасъ же выставилъ новыя войска. (М.).

[3]) См. Аппіана *О войнѣ съ Митридатомъ*. (М.).

[4]) *Ibid.* (М.).

[5]) Въ *Размышленіяхъ о причинахъ величія Римлянъ*. (М.). Глава VII-я посвящена Митридату.

бой, то отступаютъ, то наступаютъ и, всегда избѣгая опасности, болѣе берутъ хитростью, чѣмъ силой. Все это совсѣмъ не было въ духѣ грековъ [1]) и еще менѣе—римлянъ.

Поэтому они назначали для морской службы только такихъ гражданъ, которые по менѣе почетному своему положенію [2]) не могли служить въ легіонахъ; моряками были обыкновенно вольноотпущенники.

Въ настоящее время мы не питаемъ ни этого уваженія къ сухопутному воинству, ни этого презрѣнія къ морскому. У перваго [3]) военное искусство понизилось; у второго [4]) оно повысилось; но военное дѣло уважается по мѣрѣ тѣхъ способностей, которыя требуются для его хорошаго выполненія.

ГЛАВА XIV.

О торговомъ духѣ римлянъ.

Въ римлянахъ никогда не замѣчалась зависть къ чужой торговлѣ. Они ополчились на Карѳагенъ, какъ на соперника, а не какъ на торговый народъ. Они покровительствовали городамъ, занимавшимся торговлею, хотя они и не были имъ подвластны; такъ, напримѣръ, они увеличили могущество Марсели уступкою ей многихъ областей. Они опасались всего отъ варваровъ и ничего не опасались отъ торговаго народа. Да и самый духъ римлянъ, ихъ слава, военное воспитаніе и образъ правленія отдаляли ихъ отъ торговли.

Въ городѣ они были заняты только войнами, выборами, происками и тяжбами; въ деревнѣ—земледѣліемъ; а въ провинціяхъ суровое и тираническое управленіе было несовмѣстимо съ торговлей [5]).

Не менѣе ихъ государственнаго устройства было противно торговлѣ и ихъ международное право. «Народы», говоритъ юристъ Помпоній [6]), «съ которыми у насъ нѣтъ ни дружбы, ни права взаимнаго гостепріимства, ни союза, намъ не враги; но если что-либо, принадлежащее намъ, попадаетъ имъ въ руки, оно становится ихъ собственностью, свободные люди дѣлаются ихъ рабами, и мы относимся къ нимъ точно такъ же».

Не менѣе тягостно было ихъ гражданское право. Законъ Костантина, объявивъ незаконнорожденными дѣтей человѣка низкаго происхожденія, женившагося на женщинѣ высшаго званія, смѣшиваетъ женщинъ, имѣющихъ лавку товаровъ [7]), съ рабынями, кабатчицами, комедіантками. съ

---

[1]) Какъ это замѣтилъ Платонъ въ IV-й кн. *О законахъ*. (М.).
[2]) Полибій, кн. V. (М.).
[3]) См. *Размышленія о причинахъ величія Римлянъ*, и т. д., гл. IV. (М.).
[4]) *Ibid.* (М.)
[5]) См. кн. XX, гл. XXII, примѣчаніе 3.
[6]) *Leg.* 5, § 2, ff. de captivis. (М.).
[7]) *Quae mercimoniis publice praefuit.* Leg. I, cod. *de natural. liberis.* (М.).

дочерьми человѣка, содержащаго непотребный домъ или осужденнаго на бой съ звѣрями въ циркѣ.

Я знаю. что люди, убѣжденные въ томъ, что торговля есть самое полезное въ мірѣ дѣло для государства, и что римляне имѣли наилучшее государственное благоустройство въ свѣтѣ, полагали, что они много поощряли и уважали торговлю; но истина въ томъ, что римляне очень мало о ней думали [1]).

ГЛАВА XV.

Торговля римлянъ съ варварами.

Римляне образовали изъ Европы, Азіи и Африки обширную имперію. Слабость народовъ и тираннія правленія соединили всѣ части этого огромнаго тѣла. Съ тѣхъ поръ цѣлью политики Рима было отчужденіе отъ всѣхъ неподвластныхъ ему народовъ: опасеніе передать имъ свое искусство побѣждать заставляло римлянъ пренебрегать искусствомъ обогащаться. Они создали законы, воспрещавшіе всякое сообщеніе съ варварами. «Да не осмѣлится никто» [2]), говорятъ Валентъ и Граціанъ, «посылать имъ вино, масло и другія жидкости даже для того, чтобы дать имъ попробовать ихъ». «Да не отвозятъ къ нимъ золота» [3]), прибавляютъ Граціанъ, Валентиніанъ и Ѳеодосій, «но да ухитрятся лишить ихъ даже того, которое есть у нихъ». Вывозъ желѣза былъ запрещенъ подъ страхомъ смертной казни [4]).

Доминціанъ, государь робкій, приказалъ истребить въ Галліи [5]) виноградники, конечно, изъ опасенія, чтобы вино не привлекло туда варваровъ, какъ оно нѣкогда привлекло ихъ въ Италію. Пробъ и Юліанъ, никогда не боявшіеся варваровъ, возстановили эти виноградники.

Я знаю, что въ пору слабости имперіи варвары принудили римлянъ устроить складочныя мѣста для товаровъ [6]) и торговать съ ними. Но это и доказываетъ, что духъ римлянъ былъ противенъ торговлѣ.

---

[1]) Это возраженіе относится къ аббату Сенъ-Пьеру.

[2]) Leg. *ad Barbaricum*, cod. *quae res exportari non debeant.* (M).

[3]) Leg. 2, cod. *de commerc. et mercator.* (M.).

[4]) Leg. 2, *quae res exportari non debeant.*

[5]) Прокопъ, *Персидская война*, кн. I. (M.). Светоній, *Доминціанъ*, гл. VII., говоритъ вообще о всѣхъ провинціяхъ и приписываетъ императору совсѣмъ другое намѣреніе. *Ad summam quondam ubertatem vini, frumenti vero inopiam existimans vinio vinearum studio negligi arva, edixit nequis in Italia novellaret, utque in provinciis vineta succiderentur, relicta ubi plurimum dimidia parte: nec exsequi rem perseveravit.* Объясненія Светонія болѣе вѣроятно: нельзя, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы въ Римѣ, при Доминціанѣ, опасались нашествія варваровъ. Имперія тогда еще не дошла до этого.

[6]) См. *Размышленія о причинахъ величія и упадка римлянъ.* (M.).

ГЛАВА XVI.

О торговлѣ римлянъ съ Аравіей и Индіей.

Торговля со Счастливой Аравіей да торговля съ Индіей были двумя и почти единственными отраслями внѣшней торговли. Арабы владѣли большими богатствами [1]); они извлекали ихъ изъ своихъ морей и лѣсовъ; и такъ какъ они покупали мало, и продавали много, то привлекали [2]) къ себѣ золото и серебро сосѣднихъ странъ. Августъ [3]) зналъ объ ихъ богатствахъ и рѣшился имѣть въ нихъ друзей или враговъ. Онъ приказалъ Элію Галлу перейти изъ Египта въ Аравію. Послѣдній нашелъ тамъ народъ праздный, смирный и мало привыкшій къ войнѣ. Онъ давалъ сраженія, осаждалъ города и потерялъ всего семь солдатъ; но вѣроломство проводниковъ, походы, климатъ, голодъ, жажда, болѣзни и неудачныя распоряженія погубили его войско.

Итакъ приходилось довольствоваться лишь тою торговлею съ арабами, которую вели съ ними прочіе народы, то-есть давать за ихъ товары золото и серебро. Также торгуютъ съ ними и нынѣ: караваны изъ Алеппо и корабли изъ Суэца привозятъ имъ огромныя суммы [4]).

Природа предназначила арабовъ къ торговлѣ, а совсѣмъ не къ войнѣ. Но, сдѣлавшись сосѣдями пароянъ и римлянъ, эти миролюбивые народы стали союзниками тѣхъ и другихъ. Элій Галлъ засталъ ихъ еще торговцами; Магометъ видѣлъ въ нихъ воиновъ; послѣдній внушилъ имъ энтузіазмъ, и они стали завоевателями [5]).

Торговля римлянъ съ Индіей была значительна; Страбонъ [6]) узналъ въ Египтѣ, что они употребляли для нея сто двадцать кораблей, но эта торговля поддерживалась только ихъ деньгами. Они посылали туда ежегодно по пятидесяти милліоновъ сестерцій. Плиній [7]) говоритъ, что привозимые оттуда товары продавались въ Римѣ во сто разъ дороже, чѣмъ они стоили. Но я думаю, что это сказано въ слишкомъ общемъ смыслѣ,

---

[1]) Въ изд. А. и В. сказано: Арабы и теперь, какъ тогда, равно предаются и торговлѣ, и разбоямъ. Ихъ необозримыя пустыни, съ одной стороны, и богатства, за поискомъ которыхъ туда отправлялись, произвели оба эти послѣдствія. Они находили эти богатства въ своихъ моряхъ и лѣсахъ, и такъ какъ они продавали много, а покупали мало, то римское золото и серебро притекало къ нимъ. Такая же торговля ведется съ ними и теперь: алеппскіе караваны и суэцскіе корабли привозятъ туда огромныя суммы.

[2]) Плиній, кн. VI, гл. XXVIII; Страбонъ, кн. XVI. (М.).

[3]) *Ibid.* (М.).

[4]) Караваны алеппскіе и суэцскіе отвозятъ туда два милліона нашей монеты, и столько же проходитъ тайкомъ; султанскій суэцскій корабль привозитъ тоже два милліона. (М.).

[5]) Въ изд. А. и В. этого параграфа нѣтъ.

[6]) Кн. II, стр. 181, изд. 1587 г. (М.).

[7]) Кн. VI, гл. XXIII. (М.).

такъ какъ, если бы разъ кто-нибудь получилъ такую прибыль, то всѣ погнались бы за нею, и, слѣдовательно никто бы ея, не получалъ.

Можно еще спросить, выгодна ли была римлянамъ ихъ торговля съ Аравіей и Индіей. Они должны были посылать туда деньги, а у нихъ не было, какъ у насъ, Америки, которая восполняетъ намъ наши затраты. Я убѣжденъ, что одна изъ причинъ, заставившихъ римлянъ увеличить номинальную цѣнность ихъ монеты, то-есть чеканить малоцѣнную [1]) монету, заключалась въ рѣдкости денегъ, происходившей отъ постояннаго вывоза ихъ въ Индію. Если же товары этой страны въ Римѣ оплачивались сторицею, то такая прибыль не могла служить къ обогащенію имперіи, такъ какъ она получалась римлянами съ самихъ же римлянъ.

Можно, съ другой стороны, сказать, что эта торговля развивала морскія силы римлянъ, а слѣдовательно, и ихъ могущество; что новые товары усиливали внутреннюю торговлю, благопріятствовали искусствамъ, поддерживали промышленность; что съ появленіемъ новыхъ средствъ къ существованію увеличивалось число гражданъ; что эта новая торговля порождала роскошь, которая, какъ уже было доказано нами, столь же полезна въ правленіи одного лица, сколько вредна въ правленіи многихъ; что время ея появленія совпадаетъ со временемъ паденія республики; что роскошь въ Римѣ была необходима, и что городъ, привлекавшій къ себѣ всѣ богатства міра, долженъ же былъ возвращать ихъ посредствомъ своей роскоши [2]).

Страбонъ [3]) говоритъ, что торговля римлянъ съ Индіей была гораздо значительнѣе такой же торговли египетскихъ царей; но не странно ли, что римляне, столь мало знавшіе торговлю, обращали на торговлю съ Индіей гораздо болѣе вниманія, чѣмъ египетскіе цари, у которыхъ она была, такъ сказать, подъ рукою. Надо это объяснить.

По смерти Александра цари египетскіе установили съ Индіей морскую торговлю, а цари Сиріи, владѣвшіе восточными областями имперіи и, слѣдовательно, Индіей, поддерживали ту упомянутую нами въ шестой главѣ торговлю, которая производилась сухимъ путемъ и рѣками и получила новыя удобства отъ учрежденія македонскихъ колоній, такъ что Европа могла сноситься съ Индіей и черезъ Египетъ и черезъ Сирійское царство. Распаденіе этого послѣдняго и возникновеніе на его развалинахъ государства Бактрійскаго не нанесло никакого вреда этой торговлѣ. Маринъ,

---

[1]) Монтескье разумѣетъ здѣсь пониженіе пробы и порчу монетъ. См. кн. XXII, гл. XXIII.

[2]) Всей остальной части главы, за исключеніемъ послѣдняго параграфа, нѣтъ въ изд. А. и В.

[3]) Онъ говоритъ во второй книгѣ, что римляне употребляли на нее сто двадцать кораблей, а въ кн. семнадцатой, что греки посвящали ей не болѣе двадцати. (М.).

тирянинъ, цитируемый Птоломеемъ [1]), говоритъ объ открытіяхъ, сдѣланныхъ въ Индіи нѣкоторыми македонскими купцами. Чего не удалось сдѣлать экспедиціямъ, посланнымъ царями, то сдѣлали купцы. По словамъ Птоломея [2]), они, отправившись отъ Каменной башни [3]), доходили до Серы; это открытіе столь отдаленной мѣстности въ восточной и сѣверной части Китая купцами было своего рода чудомъ. Такимъ образомъ при царяхъ Сиріи и Бактріи товары южной Индіи шли черезъ Индъ, Оксусъ и Каспійское море на западъ; а товары болѣе восточныхъ и сѣверныхъ странъ проходили отъ Серы, Каменной башни и другихъ складочныхъ мѣстъ до Евфрата. Эти купцы совершали свой путь, держась приблизительно сорокового градуса сѣверной широты, по странамъ къ западу отъ Китая, которыя въ то время были болѣе цивилизованы, чѣмъ теперь, такъ какъ татары не успѣли еще наводнить ихъ.

Но, между тѣмъ какъ Сирія такъ усердно распространяла свою сухопутную торговлю, морская торговля Египта увеличилась очень мало.

Явились пареяне и основали свое государство; когда Египетъ подпалъ подъ власть римлянъ, это государство было въ полной силѣ и распространяло свои предѣлы.

Римляне и пареяне были два государства—соперника, которыя боролись не за господство, а за существованіе. Между ними образовались пустыни; между ними всѣ жили на сторожѣ съ оружіемъ въ рукахъ, и не только что торговли, но и никакого даже сообщенія не имѣли они другъ съ другомъ. Честолюбіе, зависть, религія, нравы совершенно разрознили ихъ. Вслѣдствіе этого, торговля между востокомъ и западомъ, имѣвшая прежде много путей, осталась лишь при одномъ, и Александрія, сдѣлавшаяся главнымъ складочнымъ мѣстомъ этой торговли, стала быстро возрастать.

О внутренней торговлѣ скажу только одно. Главная отрасль ея состояла въ привозѣ хлѣба для пропитанія римскаго народа,—дѣло, касавшееся болѣе управленія, чѣмъ расчетовъ торговли. Судохозяева, занимавшіеся этимъ дѣломъ, получили нѣкоторыя привилегіи [4]), такъ какъ отъ ихъ бдительности зависѣло спасеніе государства.

ГЛАВА XVII.

О торговлѣ послѣ разрушенія Западной Римской имперіи.

Римская имперія была завоевана, и одно изъ послѣдствій общаго бѣдствія было разрушеніе торговли. Варвары сначала видѣли въ ней лишь

[1]) Кн. I, гл. II. (М.).

[2]) Кн. VI, гл. XIII. (М.).

[3]) Наши лучшія карты помѣщаютъ Каменную башню подъ сотымъ градусомъ долготы и около сорокового градуса широты. (М.).

[4]) Светоній, *Клавдій*, гл. XVIII. Lex 7, Cod. Theodos. *de navicularіis*. (М.). См. кн. XX, гл. XVIII, примѣч. 2.

предметъ грабежа, а осѣвши на мѣстѣ, они уважали ее не болѣе, чѣмъ земледѣліе и другіе промыслы побѣжденнаго народа.

Вскорѣ торговля почти совсѣмъ исчезла въ Европѣ. Господствовавшее повсюду дворянство не обращало на нее вниманія.

Законъ вестготовъ [1]) дозволялъ частнымъ лицамъ занимать половину русла большихъ рѣкъ, лишь бы другая половина оставалась свободной для рыболовныхъ сѣтей и лодокъ. Въ странахъ, покоренныхъ вестготами торговля, какъ надо полагать, была самая незначительная.

Въ эти-то времена установилось безразсудное право наслѣдства казны послѣ чужестранцевъ и право пользоваться кораблекрушеніемъ [2]). Люди полагали, что они не связаны съ иностранцами никакими предписаніями гражданскаго права и не обязаны оказывать имъ ни правосудія, ни состраданія.

При тѣсныхъ границахъ, въ которыхъ заключена была жизнь сѣверныхъ народовъ, все имъ казалось чуждымъ, а при ихъ бѣдности все казалось имъ богатствомъ. Обитая, до своихъ завоеваній, на берегахъ моря, стѣсненнаго и усѣяннаго подводными камнями, они извлекали себѣ пользу даже изъ изъ этихъ камней.

Но римляне, составлявшіе законы для всего міра, издали очень человѣчныя постановленія относительно кораблекрушеній [3]): они обуздали и грабительство побережныхъ жителей, и—что еще важнѣе—алчность своей казны [4]).

ГЛАВА XVIII.

Особое постановленіе.

И, однако, законъ [5]) вестготскій заключалъ въ себѣ одно благопріятное для торговли постановленіе. Онъ предписалъ, чтобы взаимныя тяжбы купцовъ, пріѣхавшихъ изъ за-моря, были обсуживаемы по законамъ и судьями ихъ страны. Это вытекало изъ укоренившагося у всѣхъ этихъ смѣшанныхъ народовъ обычая, чтобы каждый жилъ подъ закономъ своей собственной страны, о чемъ я много буду говорить впослѣдствіи [6]).

ГЛАВА XIX.

О торговлѣ послѣ ослабленія римлянъ на востокѣ.

Магометане пришли, совершили завоеванія и раздѣлились. Египетъ имѣлъ своихъ особыхъ государей. Онъ продолжалъ вести торговлю съ

---

[1]) Кн. VIII, тит. 4, § 9. (М.).

[2]) Т.-е. право грабить корабли, потерпѣвшіе крушеніе у береговъ или въ открытомъ морѣ.

[3]) Toto titulo, ff. *de incend. ruin. naufrag;* Cod. *de naufragiis;* 1. 3. ff. ad leg. Cornel., *de sicariis.* (М.).

[4]) L. I, Cod. *de naufragiis* (М.).

[5]) Кн. XI, тит. III, § 2. (М.).

[6]) Кн. XXVIII.

Индіей. Сдѣлавшись господиномъ надъ товарами этой страны, онъ привлекъ къ себѣ и богатство всѣхъ прочихъ странъ. Его султаны были самыми могущественными государями того времени: мы видимъ изъ исторіи, какъ они рядомъ постоянныхъ и вѣрно разсчитанныхъ усилій восторжествовали надъ пыломъ, рвеніемъ и неукротимою отвагою крестоносцевъ.

ГЛАВА XX.

Какъ торговля проложила себѣ въ Европѣ путь среди варварства.

Философія Аристотеля, будучи перенесена въ Европу, очень пришлась по вкусу людямъ утонченнаго ума, которые, во времена невѣжества, слывутъ за умныхъ людей. Схоластики пристрастились къ ней и заимствовали у этого философа [1]) множество мнѣній о займѣ подъ проценты, вмѣсто того, чтобы руководствоваться въ этомъ дѣлѣ простыми правилами Евангелія [2]). Они осудили проценты безразлично, во всѣхъ случаяхъ. Вслѣдствіе этого, торговля, бывшая до сихъ поръ профессіей людей низкаго происхожденія, стала еще и профессіей людей нечестныхъ, такъ какъ, запрещая какое-либо само по себѣ дозволительное или необходимое дѣло, мы только принуждаемъ быть нечестными людей, которые занимаются имъ.

Тогда торговля перешла въ руки народа, считавшагося въ то время презрѣннымъ [3]), и вскорѣ ее перестали отличать отъ самаго ужаснаго ростовщичества, отъ монополій и всѣхъ безчестныхъ средствъ добывать деньги.

Евреи [4]), обогатившіеся своими стяжаніями, были съ такою же жестокостью обираемы государями,—что утѣшало народъ, но не облегчало его.

По тому, что происходило въ Англіи, можно судить о томъ, что дѣлалось въ другихъ странахъ. Король Іоаннъ [5]), пожелавъ завладѣть имуществомъ евреевъ, бросилъ ихъ въ темницу, и у рѣдкаго изъ заключенныхъ не было тамъ выколото хотя бы по одному глазу: такъ этотъ король отправлялъ правосудіе. Одинъ изъ евреевъ, у котораго вырвали семь зубовъ, по одному въ день, далъ на восьмой день десять тысячъ серебряныхъ марокъ. Генрихъ III вытребовалъ у іоркскаго еврея Аарона четырнадцать тысячъ марокъ для себя и десять тысячъ для королевы. Въ тѣ времена дѣлали съ жестокимъ насиліемъ то, что теперь дѣлается въ

---

[1]) См. *Политику* Аристотеля, кн. I, гл. IX и X. (М.).

[2]) Кн. XX, гл. XIX.

[3]) То-есть подвергавшагося варварскимъ гоненіямъ. Дѣло идетъ о евреяхъ.

[4]) См. въ *Marca Hispanica* о конституціяхъ Арагоніи 1228 и 1231 гг.; и у Brussel'я о соглашеніи 1206 г., заключенномъ между королемъ, графиней де-Шампань и Гюи де-Дампьеромъ. (М.).

[5]) Slowe, *in his Survey of London*, кн. III, стр. 54. (М.).

Польшѣ съ нѣкоторой умѣренностью. Не имѣя возможности рыться въ кошелькѣ своихъ подданныхъ, по причинѣ ихъ привилегій, короли подвергали пыткѣ евреевъ, которые не считались гражданами.

Наконецъ, вошло даже въ обычай конфисковать имущества и у евреевъ, принявшихъ христіанство. О существованіи этого страннаго обычая мы знаемъ по изданному въ его отмѣну закону [1]). Причины, приводимыя для его объясненія были вздорныя. Говорили, что евреевъ хотѣли испытать, такъ чтобы они уже совершенно очистились отъ власти дьявола. Но очевидно, что эта конфискація была для короля и синьоровъ своего рода правомъ на вознагражденіе [2]) за тѣ поборы, которые они взимали съ евреевъ и которыхъ должны были лишиться съ переходомъ послѣднихъ въ христіанство. Въ тѣ времена на людей смотрѣли какъ на земельные участки. Я хочу лишь мимоходомъ отмѣтить, какъ изъ вѣка въ вѣкъ издѣвались надъ этимъ народомъ. У евреевъ конфисковали имущество, когда они хотѣли быть христіанами, и въ то же время ихъ сожигали за то, что они не хотѣли принимать христіанства.

Между тѣмъ торговля возникала изъ самыхъ нѣдръ насилія и отчаянія. Евреи, изгоняемые поперемѣнно отовсюду, нашли средство обезопасить свое имущество, и этимъ навсегда обезпечили себѣ прочное убѣжище, такъ какъ государи, весьма желавшіе избавиться отъ нихъ, не имѣли никакого желанія избавиться отъ ихъ денегъ.

Они изобрѣли [3]) вексель, посредствомъ котораго торговля ограждалась отъ насилія и могла держаться повсюду, такъ какъ, благодаря ему, имущество богатѣйшихъ торговцевъ принимало неуловимую форму, въ которой оно могло переноситься всюду, не оставляя слѣда нигдѣ.

Богословы были вынуждены ограничить правила, и торговля, которой силой навязали безчестіе, возвратилась, такъ сказать, въ лоно чести.

Итакъ умствованіямъ схоластики мы одолжены всѣми бѣдствіями [4]), которыя сопровождали разрушеніе торговли; а корыстолюбію государей—

---

[1]) Эдиктъ, данный 4 апрѣля 1392 г. (М.).

[2]) Во Франціи евреи были крѣпостными, они не имѣли права распоряжаться своимъ состояніемъ, которое послѣ ихъ смерти переходило по наслѣдству къ ихъ господину. Брюссель приводитъ соглашеніе, которое въ 1206 г. состоялось между королемъ и графомъ Шампани—Тибо, и въ силу котораго евреямъ, принадлежавшимъ одному изъ нихъ, запрещалось дѣлать ссуды подъ проценты въ земляхъ другого. (М.).

[3]) Извѣстно, что, при Филиппѣ Августѣ и Филиппѣ Долгомъ, евреи, изгнанные изъ Франціи, удалились въ Ломбардію и что тамъ они давали иностраннымъ купцамъ и путешественникамъ секретныя письма на имя тѣхъ лицъ, которымъ они во Франціи довѣрили свое имущество, и получили по этимъ письмамъ удовлетвореніе. (М.).

[4]) См. въ Corpus juris восемьдесятъ третью новеллу Льва, которою послѣдній отмѣняетъ законъ своего отца Василія. Этотъ законъ Василія находится у *Арменопуло* съ именемъ Льва, въ книгѣ III, тит. VII, § 27. (М.). Этого примѣчанія въ первыхъ изданіяхъ нѣтъ.

изобрѣтеніемъ вещи, которая нѣкоторымъ образомъ поставила торговлю внѣ ихъ произвола.

Съ этого времени государи стали вести себя съ благоразуміемъ, о которомъ они прежде и не помышляли, такъ какъ обнаруженная опытомъ несостоятельность жестокихъ мѣръ произвольной власти ясно доказывала, что благоденствіе можетъ быть достигнуто только кроткимъ управленіемъ [1]).

Государства начали исцѣляться отъ маккіавелизма и будутъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе избавляться отъ него. Отъ мѣропріятій требуется уже больше умѣренности. То, что прежде именовалось рѣзкимъ оборотомъ политики, стало теперь, не говоря объ ужасныхъ послѣдствіяхъ подобныхъ дѣйствій, просто нелѣпостью.

Счастливы люди, находящіеся въ положеніи, которое заставляетъ ихъ быть добрыми ради собственной выгоды, въ то время какъ страсти внушаютъ имъ злобныя мысли.

ГЛАВА XXI.

Открытіе двухъ новыхъ міровъ; состояніе Европы въ связи съ этимъ событіемъ.

Компасъ раскрылъ, такъ сказать, всю вселенную. Съ его помощью открыты Азія и Африка, извѣстныя лишь въ немногихъ своихъ побережьяхъ, и Америка, которая была совсѣмъ неизвѣстна.

Португальцы, плавая по Атлантическому океану, открыли самую южную оконечность Африки и увидѣли передъ собой обширное море, которое привело ихъ къ восточной Индіи. Опасности, угрожавшія имъ на этомъ морѣ, и сдѣланныя ими открытія Мозамбика, Мелинды и Калькутты были воспѣты Камоэнсомъ въ поэмѣ, напоминающей прелести Одиссеи и великолѣпіе Энеиды.

Венеціанцы производили до сихъ поръ торговлю черезъ турецкія владѣнія, подвергаясь тамъ всевозможнымъ притѣсненіямъ и обидамъ. Вслѣдствіе открытія мыса Доброй Надежды и послѣдовавшихъ за этимъ другихъ открытій, Италія перестала быть центромъ торговаго міра; она осталась, такъ сказать, въ углу вселенной, гдѣ и теперь находится. И даже въ торговлѣ съ Востокомъ, зависящей нынѣ отъ той, которую сильные народы ведутъ съ обѣими Индіями, Италія имѣетъ второстепенное значеніе.

Португальцы вели торговлю съ Индіей, какъ завоеватели. Стѣснительные законы [2]), которымъ теперь голландцы подчиняютъ мелкихъ индій-

---

[1]) Кн. XXII, гл. XIII и XIV.
[2]) См. сообщеніе Франсуа Пирара, часть II, гл. XV. (М.)

скихъ государей по отношенію къ торговлѣ, были раньше ихъ установлены португальцами.

Австрійскій домъ былъ удивительно счастливъ. Карлъ V наслѣдовалъ Бургундію, Кастилію и Арагонію; онъ сдѣлался императоромъ, и какъ бы для того, чтобы еще болѣе возвысить его величіе, вселенная раздвинулась и породила новый міръ, подчинившійся его власти.

Христофоръ Колумбъ открылъ Америку [1]), и хотя Испанія послала туда войска не болѣе, чѣмъ могъ бы послать какой-нибудь небольшой государь Европы, она всетаки покорила двѣ большія имперіи и другія большія государства.

Между тѣмъ какъ испанцы открывали и покоряли на западѣ, португальцы подвигали свои завоеванія и открытія на востокѣ; оба эти народа встрѣтились и обратились за рѣшеніемъ своихъ притязаній къ папѣ Александру IV, который проведеніемъ знаменитой разграничительной линіи рѣшилъ этотъ великій споръ [2]).

Но другіе европейскіе народы не позволили имъ спокойно пользоваться этимъ раздѣломъ: голландцы вытѣснили португальцевъ почти изо всей Остъ-Индіи, и разные народы [3]) основали въ Америкѣ колоніи.

Испанцы сначала смотрѣли на открытыя земли, какъ на предметъ завоеванія; болѣе прозорливые народы увидѣли въ нихъ предметъ торговли и на нее то и устремили все свое вниманіе. Многіе изъ этихъ народовъ имѣли благоразуміе предоставить власть надъ ними торговымъ компаніямъ, которыя, управляя этими отдаленными странами, единственно въ видахъ торговли, образовали изъ нихъ большое добавочное государство, безъ всякаго обремененія для главнаго [4]).

Образованныя такимъ образомъ колоніи, зависятъ ли онѣ прямо отъ государства, или отъ какой-нибудь существующей въ немъ торговой компаніи, представляютъ родъ зависимости, имѣющей очень мало примѣровъ въ колоніяхъ древности.

Цѣль этихъ колоній состоитъ въ томъ, чтобы производить торговлю при лучшихъ условіяхъ, чѣмъ она производится съ сосѣдними народами на основаніи взаимности выгодъ. При этомъ принято за правило, что одна только метрополія можетъ торговать въ колоніяхъ; правило очень основательное, такъ какъ колоніи учреждены съ цѣлью расширенія торговли, а не для того, чтобы основать городъ или новое государство.

---

[1]) Въ 1492 г.

[2]) Папа Александръ VI издалъ буллу, подѣлившую Новый Свѣтъ между испанцами и португальцами, не принимая въ расчетъ правъ индійцевъ, *ut fides catholica exaltetur, ac barbarae nationes deprimantur, et ad fidem ipsam reducantur.*

[3]) Англичане, французы и голландцы.

[4]) Здѣсь рѣчь идетъ объ основанныхъ въ Англіи, Голландіи и Франціи индійскихъ компаніяхъ.

Поэтому, правило, въ силу котораго всякая торговля съ иностранной колоніей разсматривается какъ худшая монополія [1]), наказуемая по законамъ страны, стало въ Европѣ основнымъ закономъ, о чемъ не слѣдуетъ судить по законамъ и примѣрамъ древнихъ народовъ [2]), которые тутъ совсѣмъ неприложимы.

Принято тоже за правило, что торговля, установленная между метрополіями, не влечетъ за собою дозволенія такой же торговли и для ихъ колоній, которыя въ этомъ отношеніи продолжаютъ находиться подъ запретомъ.

Что же касается до неудобствъ, вытекающихъ для колоній отъ лишенія ихъ свободы торговли, то они явно вознаграждаются покровительствомъ метрополіи [3]), которая защищаетъ ихъ своимъ оружіемъ и поддерживаетъ ихъ существованіе своими законами.

Отсюда слѣдуетъ третій законъ Европы, по которому запрещеніе иностранцамъ торговать съ колоніей влечетъ за собою и запрещеніе мореплаванія въ моряхъ этихъ колоній, за исключеніемъ случаевъ, установленныхъ трактатами [4]).

Народы, которые въ отношеніи ко всему міру—то же, что частныя лица въ отношеніи къ государству, управляются, подобно послѣднимъ, естественнымъ правомъ и законами, которые они создаютъ сами для себя. Одинъ народъ можетъ уступить другому народу море, такъ же, какъ онъ уступилъ бы ему землю [5]). Карѳагеняне потребовали [6]) отъ римлянъ ограничить ихъ мореплаваніе извѣстными предѣлами, подобно тому какъ греки требовали отъ царя персовъ не подходить къ морскимъ берегамъ [7]) ближе, чѣмъ на разстояніе конскаго бѣга.

Чрезвычайная удаленность нашихъ колоній не составляетъ препятствія для ихъ безопасности, потому что, если метрополія слишкомъ удалена для

---

[1]) Подъ именемъ *монополіи* въ нашемъ древнемъ правѣ разумѣлось всякое недозволенное закономъ общество.

[2]) За исключеніемъ карѳагенянъ, какъ оно явствуетъ изъ договора, завершившаго первую пуническую войну.

[3]) *Метрополіей* на языкѣ древнихъ называется государство, основавшее колонію. (М.).

[4]) Монтескье излагаетъ въ этой главѣ тѣ принципы колоніальной системы, которые въ XVII и XVIII столѣтіяхъ вооружили другъ противъ друга великія европейскія державы и были причиною безчисленныхъ войнъ и бѣдствій. Эта система привела къ отдѣленію отъ Англіи ея сѣверо-американскихъ колоній, образовавшихъ Соединенные Штаты.

[5]) На дѣлѣ это возможно, но съ точки зрѣнія права, справедливо ли предоставлять какому-либо народу исключительное обладаніе моремъ? Не есть ли оно *res nullius juris*, большая дорога, которая открыта для всѣхъ народовъ и не можетъ стать собственностью ни одного изъ нихъ?

[6]) Полибій, кн. III. (М.).

[7]) Персидскій царь обязался договоромъ не заходить ни на одномъ военномъ кораблѣ дальше Скіанейскихъ скалъ и Хелидонскихъ острововъ. Плутархъ, *Жизнь Кимона*. (М.).

ихъ защиты, то соперничающіе съ метрополіей народы не менѣе удалены для ихъ завоеванія.

Кромѣ того, эта удаленность колоній имѣетъ слѣдствіемъ, что люди, поселяющіеся тамъ, не могутъ усвоить себѣ образа жизни страны со столь различнымъ климатомъ и вынуждены получать всѣ предметы житейскихъ удобствъ изъ страны, откуда прибыли. Для того, чтобы держать въ большей зависимости жителей Сардиніи и Корсики, карѳагеняне [1]) запретили имъ, подъ угрозою смертной казни, сажать, сѣять и всякія занятія подобнаго рода и высылали имъ жизненные припасы изъ Африки. Мы пришли къ тому же безъ помощи такихъ жестокихъ законовъ, примѣромъ чему могутъ служить наши превосходныя въ этомъ отношеніи колоніи Антильскихъ острововъ: онѣ имѣютъ такіе товары, которыхъ у насъ нѣтъ и не можетъ быть, и нуждаются въ такихъ, которые составляютъ предметъ нашей торговли.

Открытіе Америки имѣло послѣдствіемъ сближеніе Азіи и Африки съ Европой. Европа стала получать отъ Америки матеріалъ для своей торговли съ тою обширною частью Азіи, которая названа Остъ-Индіей. Серебро, этотъ металлъ, столь полезный для торговли, какъ знакъ цѣнности, сталъ предметомъ самой обширной въ свѣтѣ торговли, въ качествѣ товара [2]). Наконецъ, мореплаваніе въ Африку стало необходимо, какъ средство добывать тамъ людей для разработки американскихъ рудниковъ и земель.

Европа достигла такого могущества, что исторія ничего не можетъ представить равнаго громадности ея издержекъ, значительности ея обязательствъ, числу ея войскъ и постоянной наличности этихъ войскъ, даже когда они совсѣмъ безполезны и содержатся лишь ради тщеславія.

О. дю Гальдъ [3]) говоритъ, что внутренняя торговля Китая превосходитъ торговлю всей Европы. Оно, можетъ-быть, такъ бы и было, если бы къ нашей внутренней торговлѣ не прибавлялась наша внѣшняя торговля. Европа занимается торговлей и мореплаваніемъ трехъ прочихъ частей свѣта, подобно тому, какъ Франція, Англія и Голландія занимаются мореплаваніемъ и торговлей почти всей Европы.

ГЛАВА XXII.

О богатствахъ, извлеченныхъ Испаніей изъ Америки.

Если Европа [4]) получила столько выгодъ отъ торговли съ Америкой,

[1]) Аристотель, *Достопримѣчательности*; Титъ-Ливій, кн. VII второй декады. (М.).

[2]) Если серебро имѣетъ цѣнность въ качествѣ товара, то какъ могъ Монтескье не видѣть, что монета была не знакомъ цѣнности, а всеобщей мѣрой, эквивалентомъ товара, цѣна котораго не зависитъ отъ произвола? Кн. XXII, глава II.

[3]) Томъ II, стр. 170. (М.).

[4]) Эта глава появилась болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ въ небольшомъ

то естественно было бы думать, что Испанія получила ихъ въ еще большемъ количествѣ. Она извлекла изъ вновь открытаго свѣта количество золота и серебра, безъ сравненія превосходившее то, которое имѣлось до этой поры.

Но—чего нельзя было предположить—бѣдность преслѣдовала ее по пятамъ. Филиппъ II, наслѣдовавшій Карлу V, былъ вынужденъ понести знаменитое, всему свѣту извѣстное банкротство [1]), и никогда еще не было государя, которому приходилось столько, какъ ему, терпѣть отъ ропота, дерзости и возмущеній своихъ всегда дурно оплачиваемыхъ войскъ.

Съ этого времени испанская монархія неизмѣнно склонялась къ упадку, по той причинѣ, что въ самой природѣ ея богатствъ заключался внутренній и физическій порокъ, который уничтожалъ ихъ и съ каждымъ днемъ усиливалъ свое дѣйствіе.

Золото и серебро — богатство фиктивное, состоящее изъ знаковъ — представителей вещей [2]). Эти знаки очень прочны и, согласно своей природѣ, разрушаются очень медленно. Но чѣмъ болѣе увеличивается ихъ число, тѣмъ болѣе упадаетъ ихъ цѣнность, потому что они становятся представителями меньшаго количества вещей [3]).

рукописномъ сочиненіи автора, которое почти цѣликомъ вошло въ содержаніе этой книги. (М.). Такъ какъ эти строки, согласно сдѣланному Монтескье заявленію въ X гл. XXII-й книги, писаны въ 1744 г., то *небольшой рукописный трудъ* его, значитъ, относится къ 1724 г.

Валькенэръ, писавшій о жизни и трудахъ Монтескье *(Bioqraphie universelle* подъ словомъ Монтескье), говоритъ, что этотъ небольшой трудъ былъ напечатанъ, по крайней мѣрѣ, въ корректурныхъ оттискахъ. «Экземпляръ, имѣющійся у насъ и принадлежащій г. Лэнэ, министру и члену палаты депутатовъ», говоритъ онъ, «содержитъ много собственноручныхъ поправокъ Монтескье, который на заглавномъ листѣ написалъ слѣдующее: «Это напечатано по дурному оригиналу и будетъ перепечатано по другому, согласно сдѣланнымъ мною тамъ поправкамъ». Затѣмъ на первомъ листкѣ находится еще слѣдующая замѣтка Монтескье: «Опасаясь превратнаго пониманія нѣкоторыхъ мѣстъ этого сочиненія, я велѣлъ его уничтожить, а если нѣкоторые экземпляры его уже выпущены, то напечатать другое по лучшей рукописи». Рекламы, находящіяся въ концѣ страницъ этой книги, ея бумага и шрифтъ—все указываетъ что она отпечатана въ Голландіи: имени типографа и мѣста, гдѣ она отпечатана на ней не имѣется. Это брошюра въ сорокъ четыре страницы in-12°, содержащая двадцать пять отдѣльныхъ размышленій».

[1]) Можетъ-быть, Монтескье слѣдовало бы указать, какъ на истинную причину этого истощенія, на громадныя издержки, которыя Филиппъ II дѣлалъ по всей Европѣ въ ущербъ своей странѣ, такъ какъ ничто изъ истраченнаго имъ не возвращалось въ Испанію. (Pecquet, *Analyse raisonnée*, etc. p. 211). О. Даніэль *(Hist. de France*. t. X, p. 237) говоритъ, что въ бумагахъ Филиппа II найдена была запись того, что онъ издержалъ на войны и другія свои предпріятія въ продолженіе почти сорока пяти лѣтъ. Эти издержки доходили до четырехъ милліардовъ пятисотъ четырнадцати милліоновъ золотомъ, то-есть болѣе, чѣмъ по сту милліоновъ въ годъ,—сумма громадная для того времени и объясняющая разореніе Испаніи.

[2]) Это заблужденіе. См. кн. XXII, гл. II.

[3]) Это общее свойство всѣхъ мѣновыхъ цѣнностей. Цѣна ихъ опредѣляется спросомъ и предложеніемъ. См. кн. XXII, гл. V, примѣч. I.

Завоевавъ Мексику и Перу, испанцы забросили разработку естественныхъ богатствъ для добыванія богатства, состоящаго изъ этихъ понижающихся въ цѣнности знаковъ. Золото и серебро были очень рѣдки въ Европѣ. Испанія, ставшая внезапно обладательницей очень большого количества этихъ металловъ, увлеклась надеждами, которыхъ никогда не имѣла. Богатства, найденныя ею въ покоренныхъ странахъ, составляли лишь малую часть того, что находилось въ ихъ рудникахъ. Индѣйцы часть этихъ богатствъ скрыли, и, кромѣ того, этотъ народъ, у котораго золото и серебро служило лишь для украшенія храмовъ его боговъ и дворцовъ его государей, не разыскивалъ его такъ жадно, какъ мы; наконецъ, онъ не обладалъ искусствомъ добывать металлы изъ всякихъ рудниковъ и разрабатывалъ только тѣ, гдѣ отдѣленіе ихъ производится огнемъ, такъ какъ имъ неизвѣстно было употребленіе ртути, а можетъ-быть, и сама ртуть.

Между тѣмъ количество денегъ удвоилось въ Европѣ, что проявилось въ удвоеніи цѣны всѣхъ товаровъ.

Испанцы рылись въ рудникахъ, прокапывали горы, изобрѣли машины для вычерпыванія воды, раздробленія рудъ и выдѣленія металловъ и, ставя ни во что жизнь индѣйцевъ, заставляли ихъ работать безъ пощады. Количество денегъ вскорѣ удвоилось въ Европѣ, а получаемая отъ нихъ прибыль уменьшилась вдвое для Испаніи, которая каждый годъ получала все то же количество металла, ставшаго вдвое дешевле.

По удвоенному времени, количество денегъ снова удвоилось, а прибыль опять уменьшилась вдвое.

Она уменьшилась даже больше, чѣмъ на половину, и вотъ какимъ образомъ.

Чтобы извлечь золото изъ рудниковъ, обработать его надлежащимъ образомъ и перевезти въ Европу, необходимо сдѣлать нѣкоторыя издержки. Положимъ, что величина ихъ выражается отношеніемъ 1 къ 64; послѣ того какъ количество денегъ удвоилось и, слѣдовательно, цѣна ихъ стала вдвое меньше, величина издержекъ выразится уже въ отношеніи 2 къ 64, такъ что корабли, привезшіе въ Испанію все то же количество золота, на самомъ дѣлѣ привезутъ туда товаръ, который цѣнится вдвое дешевле, а стоитъ вдвое дороже.

Идя такимъ образомъ отъ удвоенія къ удвоенію, мы обнаружимъ, какимъ образомъ прогрессировали причины обезсиленія испанскихъ богатствъ.

Американскіе рудники разрабатываются уже около двухсотъ лѣтъ. Предположимъ, что количество денегъ, обращающихся теперь въ торговомъ мірѣ, относится къ тому количеству ихъ, котерое было до открытія Америки, какъ 32 къ 1, то-есть, что оно пять разъ удвоилось; по прошествіи новыхъ двухсотъ лѣтъ, то же количество будетъ относиться къ тому, которое было до открытія, уже какъ 64 къ 1, то-есть, что оно

еще разъ удвоится. Но теперь пятьдесятъ квинталовъ [1]) золотой руды даютъ четыре, пять или шесть унцій чистаго золота, а когда они даютъ не болѣе двухъ унцій, то рудокопъ только выручаетъ издержки, сдѣланныя имъ на добываніе золота. Значитъ, черезъ двѣсти лѣтъ, когда то же количество руды будетъ давать не болѣе четырехъ унцій, рудокопъ будетъ тоже выручать только свои издержки. Добыча золота, поэтому, не обѣщаетъ быть прибыльной. То же самое вѣрно и относительно серебра, съ тою разницей, что разработка серебряныхъ рудниковъ немного выгоднѣе золотыхъ.

Если бы были найдены рудники настолько изобильные, чтобы давать бо̀льшую прибыль, то чѣмъ они будутъ изобильнѣе, тѣмъ скорѣе прекратится прибыль.

Португальцы нашли въ Бразиліи такъ много золота [2]), что необходимымъ послѣдствіемъ этого должно быть значительное уменьшеніе прибыли у испанцевъ, а также и у нихъ самихъ.

Нѣсколько разъ приходилось мнѣ слышать жалобы на ослѣпленіе совѣтниковъ Франциска I, которые оттолкнули Христофора Колумба, предлагавшаго имъ Индію [3]). На самомъ дѣлѣ, они, по своему, можетъ-быть, неразумію, поступили очень благоразумно. Испанія же уподобилась тому безразсудному королю, который, испросивъ у боговъ, чтобы все, до чего онъ коснется, обращалось въ золото, былъ потомъ вынужденъ умолять ихъ объ избавленіи его отъ такого бѣдствія.

Компаніи и банки, учрежденные многими народами, довершили упадокъ золота и серебра въ качествѣ знаковъ цѣны товаровъ, такъ какъ посредствомъ новыхъ фикцій они до такой степени размножили эти знаки, что золото и серебро перестали быть ихъ исключительными представителями и должны были подешевѣть.

Такимъ образомъ публичный кредитъ началъ замѣнять собою рудники и этимъ еще больше уменьшилъ доходность испанскихъ рудниковъ.

Правда, что голландцы посредствомъ производимой ими торговли съ восточной Индіей придали нѣкоторую цѣнность испанскому товару, такъ какъ въ обмѣнъ за произведенія востока они вывозили деньги и этимъ освобождали Испанію и Европу отъ нѣкоторой части товара, находившагося тамъ въ слишкомъ большомъ изобиліи.

---

[1]) См. путешествія де Фрезье. (М.).

[2]) По словамъ лорда Ансона, Европа получаетъ ежегодно изъ Бразиліи на два милліона стерлинговъ золота, которое тамъ добывается изъ песковъ у подошвы горъ или въ руслахъ рѣкъ. Въ то время, какъ я окончилъ свой небольшой трудъ, о которомъ говорилъ въ первомъ примѣчаніи къ этой главѣ, вывозъ изъ Бразиліи далеко не имѣлъ такого важнаго значенія, какъ теперь. (М.). Примѣчаніе, прибавленное къ изданію 1758 г.

[3]) Когда, въ 1492 г., Колумбъ обратился со своими предложеніями къ королямъ Испаніи, Франциска I еще не было на свѣтѣ; королемъ же онъ сталъ лишь въ 1515 г., а Колумбъ умеръ въ 1506 г.

Эта торговля, затрагивавшая Испанію только косвеннымъ образомъ, была одинаково выгодна какъ для нея, такъ и для народовъ, занимавшихся ею.

По всему сказанному можно судить о тѣхъ постановленіяхъ испанскаго совѣта, которыми запрещалось употреблять золото и серебро для позолоты и тому подобныхъ излишествъ; это все равно, какъ если бы голландскіе штаты запретили потребленіе корицы.

Сказанное мною, не относится ко всѣмъ рудникамъ вообще: рудники нѣмецкіе и венгерскіе, дающіе очень немного сверхъ стоимости ихъ разработки, очень полезны. Они находятся въ самомъ государствѣ и даютъ работу множеству людей, потребляющихъ излишніе припасы страны; это, собственно говоря, туземная мануфактура.

Рудники Германіи и Венгріи содѣйствуютъ земледѣлію, а разработка рудниковъ Мексики и Перу разрушаетъ его.

Индія [1]) и Испанія — двѣ державы подвластныя одному и тому же государю; но Индія главная, а Испанія лишь побочная держава. И тщетно политика хочетъ притянуть главную къ побочной; Индія всегда притягиваетъ къ себѣ Испанію.

Въ Индію ежегодно привозится товаровъ на пятьдесятъ милліоновъ, при чемъ Испанія доставляетъ ихъ всего на два съ половиною милліона; Индія, значитъ, ведетъ торговлю на пятьдесятъ милліоновъ, а Испанія на два съ половиною милліона.

Всякіе доходы, зависящіе отъ случая, не связанные ни съ промышленностью страны, ни съ числомъ ея жителей, ни съ состояніемъ ея земледѣлія, составляютъ самый дурной родъ богатства. Испанскій король, получающій огромныя суммы съ таможни въ Кадиксѣ, есть ничто иное, какъ очень богатый человѣкъ въ очень бѣдномъ государствѣ. Все идетъ отъ иностранцевъ къ нему безъ всякаго почти участія его подданныхъ; эта торговля независима отъ хорошаго или бѣдственнаго состоянія его государства.

Могущество этого государя было бы гораздо значительнѣе, если бы ту же сумму, которую доставляетъ ему кадикская таможня, онъ получалъ отъ какихъ-либо провинцій Кастиліи. Его богатство было бы тогда лишь слѣдствіемъ богатства его страны; его благоденствующія провинціи одушевили бы своимъ примѣромъ прочія; всѣмъ имъ вмѣстѣ стало бы легче нести общія тягости, и вмѣсто великой сокровищницы получился бы великій народъ.

---

[1]) То-есть Вестъ-Индія или Америка

ГЛАВА XXIII.

Задача.

Не мнѣ рѣшать вопросъ о томъ, не лучше ли было бы для Испаніи, если бы она, не будучи въ состояніи сама вести торговлю съ Индіей [1]), дала свободу торговать съ нею иностранцамъ. Скажу только, что ей, ради собственной выгоды, слѣдовало бы предоставить этой торговлѣ столько свободы, сколько можетъ только дозволить ея политика. Когда товары, привозимые разными народами въ Индію, бываютъ тамъ дороги, то Индія даетъ въ обмѣнъ за нихъ большее количество своихъ товаровъ, то-есть золота и серебра, чѣмъ когда они бываютъ дешевы. Можетъ-быть, въ видахъ поддержанія постоянной дешевизны этихъ товаровъ, было бы полезно, чтобы народы, привозящіе ихъ въ Индію, старались вредить другъ другу [2]). Вотъ принципы, которые слѣдуетъ разсмотрѣть, не отдѣляя ихъ, однако, при этомъ отъ другихъ соображеній, каковы, напримѣръ, тѣ, которыя имѣютъ въ виду безопасность Индіи, пользу единственной таможни, опасности большой перемѣны и всѣ доступныя предвидѣнію неудобства, часто менѣе опасныя, чѣмъ тѣ, которыя недоступны предвидѣнію.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

О законахъ въ ихъ отношеніи къ употребленію монеты.

ГЛАВА I.

Основанія опредѣленія монеты.

Народы, имѣющіе мало товаровъ для торговли, какъ, напр., дикіе народы, и народы просвѣщенные, располагающіе всего двумя или тремя видами такихъ товаровъ, ведутъ мѣновой торгъ. Такъ, караваны мавровъ, отправляющіеся къ Тимбукту, во внутрь Африки, для обмѣна соли на золото, не нуждаются въ монетѣ: мавръ ссыпаетъ свою соль въ одну кучу, негръ свой золотой песокъ—въ другую; если золота недостаточно, мавръ убавляетъ соли, или же негръ прибавляетъ золота, пока обѣ стороны не останутся довольны [3]).

Но когда народъ ведетъ торговлю весьма разнородными товарами, монета оказывается необходимой, потому что удобный для перемѣщенія металлъ служитъ средствомъ къ сбереженію многихъ расходовъ, которые

---

[1]) Т.-е. съ Вестъ-Индіей.

[2]) То-есть конкурировать другъ съ другомъ.

[3]) Геродотъ (кн. IV, гл. CXCVI) говоритъ то-же самое о торговлѣ Карѳагенянъ съ нѣкоторыми народами Африки.

были бы неизбѣжны, если бы во всѣхъ случаяхъ стали прибѣгать къ мѣнѣ товаровъ.

Всѣ народы взаимно нуждаются въ производимыхъ другими предметахъ, при чемъ часто случается, что одинъ изъ нихъ желаетъ получить много разныхъ товаровъ отъ другого, тогда какъ этотъ послѣдній, съ своей стороны, нуждается въ весьма незначительномъ числѣ его произведеній, но зато находится въ обратномъ отношеніи къ третьему народу. Но когда народы имѣютъ монету и ведутъ торгъ посредствомъ купли и продажи, тѣ изъ нихъ, которые берутъ больше товара, уплачиваютъ излишекъ его деньгами. Разница въ томъ, что при куплѣ торговля совершается соотвѣтственно потребностямъ народа, предъявляющаго наибольшій спросъ, тогда какъ при мѣнѣ торговля не идетъ дальше удовлетворенія потребностей народа съ наименьшимъ спросомъ; иначе этотъ послѣдній былъ бы поставленъ въ невозможность произвести уплату по предъявленному къ нему счету.

ГЛАВА II.

О природѣ денегъ.

Деньги—это знакъ, представляющій собою цѣнность всѣхъ товаровъ [1]). Чтобы дать этому знаку прочность [2]), наименьшую потребляемость отъ обращенія и большую дѣлимость безъ траты матеріала,—для него берутъ какой-нибудь металлъ, выбирая при этомъ металлъ цѣнный, въ виду удобствъ его перемѣщенія. Металлу вообще свойственно служить общею мѣрою, потому что его легко привести къ одной опредѣленной пробѣ. Всякое государство кладетъ на него свое клеймо, чтобы внѣшній видъ соотвѣтствовалъ пробѣ и вѣсу, и чтобы то и другое можно было отличить на взглядъ.

Когда аѳиняне еще не знали употребленія металловъ, они пользовались, вмѣсто денегъ, быками [3]), а римляне—овцами; но быкъ не тождественъ съ другимъ быкомъ, тогда какъ кусокъ металла можетъ быть вполнѣ тождественъ съ другимъ такимъ-же кускомъ металла.

Подобно тому, какъ деньги служатъ знакомъ цѣнности товаровъ, бумага [4]) служитъ знакомъ цѣнности денегъ, и если этотъ знакъ доброка-

---

[1]) Металлическія деньги—это цѣнность, обмѣнивающаяся на всевозможные товары; но онѣ имѣютъ и свою внутреннюю стоимость, а не суть только условный знакъ. Въ противномъ случаѣ, какъ могли бы принимать ихъ чужіе народы?

[2]) Соль, которая служитъ въ Абиссиніи для этой цѣли, имѣетъ тотъ недостатокъ, что постоянно сама собою уменьшается въ количествѣ. (М.).

[3]) Геродотъ въ кн. *Кліо* говоритъ, что лидійцы открыли искусство чеканить монету, а греки его заимствовали отъ нихъ. Аѳинскія монеты носили на себѣ изображеніе быка. Я видѣлъ такую монету въ кабинетѣ графа Пемброка. (М.).

[4]) Тацитъ, *О нравахъ герм.*, гл. XII и XXI.

чественъ, то онъ такъ хорошо представляетъ ихъ, что по дѣйствію своему ничѣмъ отъ нихъ не отличается.

Какъ деньги суть знакъ вещи и представляютъ ее, такъ и всякая вещь есть знакъ денегъ и представляетъ ихъ. Государство процвѣтаетъ постольку, поскольку, съ одной стороны, деньги дѣйствительно представляютъ въ немъ всякую вещь, а съ другой—всякая вещь представляетъ собою деньги, и онѣ взаимно служатъ другъ другу знаками, т.-е. когда, въ мѣрѣ ихъ относительной цѣнности, можно получить однѣ, какъ только имѣешь другія. Это возможно только при умѣренномъ образѣ правленія но и при немъ не всегда,—напр., если законы благопріятствуютъ недобросовѣстному должнику, то принадлежащія ему вещи не представляютъ собою денегъ и не служатъ ихъ знаками [1]). Въ отношеніи же деспотическаго образа правленія было бы чудомъ, если бы при немъ вещи служили представителями своихъ знаковъ: тиранія и недовѣріе въ такихъ странахъ доводятъ до того, что всѣ зарываютъ свои деньги въ землю [2]) Слѣдовательно, вещи здѣсь не представляютъ собою денегъ.

Иногда законодатели искусственными мѣрами достигали того, что вещи не только по природѣ своей представляли деньги, но и становились монетою, какъ бы самыя деньги. Цезарь [3]), будучи диктаторомъ, разрѣшилъ должникамъ расплачиваться съ заимодавцами землями по цѣнѣ, которую земли эти имѣли до междоусобной войны. Тиверій [4]) постановилъ, что желающіе могутъ получить деньги отъ казны подъ залогъ земель въ двойномъ противъ получаемой суммы количествѣ. При Цезарѣ земля стала монетою, которой уплачивались всѣ долги; при Тиверіи десять тысячъ сестерцій землями сдѣлались такою же общею монетою, какъ и пять тысячъ сестерцій деньгами.

Англійская «Великая Хартія» запрещаетъ налагать арестъ на земли и доходы должника въ тѣхъ случаяхъ, когда его движимое имущество или личный заработокъ достаточны для покрытія долга, и онъ предоставляетъ ихъ въ распоряженіе заимодавца. Такимъ образомъ, всякое имущество англичанина представляло собою деньги.

Законы у германцевъ опредѣляли въ деньгахъ мѣру удовлетворенія за причиненныя обиды и наказанія за совершенныя преступленія [5]). Но такъ какъ деньги въ странѣ были очень рѣдки, то законъ далъ имъ

---

[1]) Было бы точнѣе, если бы мы сказали, что эти вещи не находятся въ торговомъ оборотѣ, и что привилегированное положеніе должника лишаетъ его всякаго кредита. Что касается цѣнности вещей, она имѣется всегда, коль скоро вещи эти подлежатъ продажѣ.

[2]) Въ Алжирѣ сохранился древній обычай, чтобы всякій отецъ семейства имѣлъ зарытое сокровище. Ложье де Тасси, *Исторія королевства Алжирскаго* кн. I, гл. VIII. (М.).

[3]) См. Цезаря, *О междоусобн. войнѣ*, кн. III. (М.). Ср. кн. XXIX, гл. VI.

[4]) Тацитъ, *Анналы*, кн. VI, гл. XVII. (М.).

[5]) Тацитъ, *О нравахъ германцевъ*, гл. XII и XXI.

обратную оцѣнку, выраженную въ съѣстныхъ припасахъ и домашнемъ скотѣ. Мы находимъ соотвѣтствующія опредѣленія въ Саксонскомъ Зерцалѣ, съ извѣстными видоизмѣненіями, сообразно степени благосостоянія и требованіямъ удобства у отдѣльныхъ народовъ. Прежде всего [1]) законъ опредѣляетъ цѣнность солида, выраженную въ домашнемъ скотѣ: солидъ (дукатъ) двухъ тремисъ [2]) соотвѣтствовалъ двѣнадцатимѣсячному быку или овцѣ съ ягненкомъ; солидъ трехъ тремисъ—шестнадцатимѣсячному быку. У этихъ народовъ монета становилась домашнимъ скотомъ, товаромъ или съѣстными припасами, и всѣ эти предметы становились монетою.

Деньги не только составляютъ знакъ вещей, но и знакъ денегъ представляетъ деньги, какъ мы то увидимъ въ главѣ объ обмѣнѣ.

ГЛАВА III.

Объ идеальной монетѣ.

Есть монета реальная и монета идеальная [3]). Почти всѣ цивилизованные народы употребляютъ идеальную монету и пришли къ этому единственно обращеніемъ своей реальной монеты въ идеальную. Сначала, ихъ реальная монета есть какой-либо металлъ опредѣленнаго вѣса и опредѣленной пробы; но скоро недобросовѣстность или нужда побуждаютъ къ отнятію части металла отъ каждой отдѣльной монеты, при сохраненіи ея прежняго названія. Напр., отъ монеты вѣсомъ въ одинъ фунтъ серебра отнимаютъ половину этого количества и продолжаютъ называть ее ливромъ, т.-е. фунтомъ; монету, заключающую въ себѣ двадцатую часть фунта серебра, продолжаютъ называть су, хотя она уже болѣе не содержитъ въ себѣ двадцатой части этого фунта. И вотъ ливръ сталъ идеальнымъ ливромъ, а су—идеальнымъ су. То же и съ прочими подраздѣленіями, и такъ можетъ продолжаться, пока не станутъ называть ливрами то, что составляетъ лишь ничтожную часть ливра, и это сдѣлаетъ его еще болѣе идеальнымъ. Можетъ даже случиться, что совершенно перестанутъ чеканить монету, равную одному ливру, т.-е. фунту металла, и не будутъ также дѣлать монеты, равной одному су. Тогда ливръ и су станутъ монетой чисто идеальной. Каждой монетѣ станутъ давать наименованіе столькихъ то ливровъ, и столькихъ-то су по произволу. Измѣненія могутъ быть при этомъ безграничны, потому что какъ легко дать вещи новое названіе, такъ трудно измѣнить ея сущность. Для уничтоже-

---

[1]) Саксонское Зерцало, гл. XVIII. (М.).

[2]) *Tremis*, missis, т. (отъ *tres* и *as*, по аналогіи отъ *semis*) *треть* (дуката), монета. Alex. Sev. 39. Cod. Just. 12, 40, 3. См. Lateinsch-Deutsches Handwörterbuch von Dr. Karl Ernst Georges. Leip., 1861 (Прим. перев.).

[3]) Было бы вѣрнѣе сказать — *нарицательная монета*. Эта малоцѣнная монета не имѣетъ въ себѣ ничего идеальнаго; стоимость ея опредѣляется количествомъ заключающагося въ ней чистаго металла.

нія самаго источника злоупотребленій оказалъ бы большую пользу такой законъ, который, имѣя въ виду процвѣтаніе торговли въ странѣ, предписалъ бы употребленіе одной реальной монеты и воспретилъ бы всѣ операціи, которыя могутъ сдѣлать ее идеальной [1]).

Ничто не нуждается такъ сильно въ неизмѣнности, какъ то, что предназначено служить всему мѣрою.

Торговля уже сама по себѣ очень непостоянна, и прибавлять къ этому основанному на природѣ вещей непостоянству еще новое — есть великое зло.

ГЛАВА IV.

О количествѣ золота и серебра.

Когда надъ міромъ господствуютъ просвѣщенные народы, количество золота и серебра постоянно растетъ: добываютъ ли эти народы ихъ у себя или отправляются добывать ихъ туда, гдѣ эти металлы находятся. Напротивъ, количество ихъ уменьшается, когда народы варварскіе берутъ верхъ. Извѣстно, какъ рѣдки стали эти металлы во время нашествій, съ одной стороны, готовъ и вандаловъ, съ другой—сарацинъ и татаръ [2]).

ГЛАВА V.

Продолженіе о томъ-же предметѣ.

Серебро, извлеченное изъ американскихъ рудниковъ и перевезенное въ Европу, а изъ Европы на Востокъ, благопріятствовало развитію мореплаванія въ Европѣ. Оно увеличило собою число товаровъ, которые путемъ обмѣна получались Европой отъ Америки и отправлялись Европой для обмѣна въ Индію. Поэтому, приращеніе въ количествѣ золота и серебра слѣдуетъ считать удобствомъ, если смотрѣть на эти металлы какъ на товаръ; заключеніе получится обратное, если смотрѣть на нихъ какъ на знакъ, такъ какъ ихъ изобиліе находится въ противорѣчіи съ ихъ качествомъ знака, которое въ значительной степени основано на ихъ рѣдкости [3]).

---

[1]) Потому что эти операціи въ дѣйствительности совершенно безполезны и часто весьма вредны. Распространяя ихъ на чужія страны, мы губимъ нашъ кредитъ; ограничивая дѣйствіе ихъ своимъ государствомъ, мы не достигаемъ ровно никакихъ цѣлей—если только не имѣемъ въ виду погасить займы меньшими цѣнностями, чѣмъ тѣ, которыя сами получили. Но и въ этомъ случаѣ происходитъ паденіе кредита націи или государя (Люзакъ).

[2]) Германцы, саррацины, татары грабили добытыя раньше богатства, уничтожали промышленность и, не работая сами, ничего не производили. При этомъ золото и серебро по необходимости исчезали, потому что ихъ прятали изъ страха, или потому что ихъ вывозили за границу для пріобрѣтенія необходимыхъ для жизни предметовъ.

[3]) Когда денегъ много, цѣны на вещи поднимаются: нужно больше денегъ чтобы уплатить за всякую вещь; когда денегъ мало, цѣны на вещи падаютъ,

До первой пунической войны, цѣна мѣди относилась къ цѣнѣ серебра 960 къ 1 [1]); въ настоящее время это отношеніе есть приблизительно 73½: 1 [2]). Если бы возстановилось старое отношеніе, серебро только лучше исполняло бы свою функцію знака [3]).

ГЛАВА VI.

По какой причинѣ размѣры роста [4]), со времени открытія Вестъ-Индіи, уменьшились вдвое.

Инка Гарцилассо [5]) говоритъ, что въ Испаніи, послѣ покоренія Вестъ-Индіи, доходъ съ капиталовъ съ десятой капитала упалъ до двадцатой (съ 10% до 5%). Такъ оно и должно было быть. Въ Европу разомъ было ввезено большое количество серебра, и скоро меньшее число людей стало нуждаться въ деньгахъ. Цѣна всѣхъ предметовъ поднялась, а цѣна на серебро упала. Такимъ образомъ старое отношеніе было нарушено, всѣ старые долги были погашены. Это напоминаетъ время системы [6]), когда всѣ вещи получили высокую цѣнность, за исключеніемъ однѣхъ денегъ [7]). Послѣ покоренія Вестъ-Индіи, кто имѣлъ серебро, вынужденъ былъ уменьшить цѣну своего товара или плату за наемъ его, т.-е. процентъ. Съ этихъ поръ старый размѣръ процента съ ссуды не возвращался болѣе, потому что количество серебра въ Европѣ постоянно увеличивалось. Кромѣ того, такъ какъ государственные займы въ нѣкоторыхъ государствахъ, основанные на богатствѣ, которое доставляла имъ торговля, стали давать очень умѣренный процентъ, сдѣлки между частными лицами по необходимости должны были сообразоваться съ этими измѣненіями въ размѣрѣ процента. Наконецъ, благодаря вексельнымъ операціямъ, удивительнымъ образомъ облегчившимъ передачу денегъ изъ одной страны въ другую, какъ только обнаруживался въ какомъ-нибудь мѣстѣ недостатокъ въ деньгахъ, онѣ начинали притекать къ нему отовсюду, гдѣ только находились въ изобиліи.

потому что вещей больше, чѣмъ денегъ. Таковъ законъ предложенія и спроса, который управляетъ всѣми продажами и всѣми покупками. То, что деньги исполняютъ роль знака, тутъ не при чемъ.

[1]) См. ниже кн. XXII, гл. XII. (М.).

[2]) Полагая 49 ливровъ въ маркѣ серебра и 20 су въ ливрѣ мѣди. (М.). Кажется, слѣдовало бы сказать, что цѣна мѣди относилась къ цѣнѣ серебра какъ 1 къ 960; въ настоящее время относится какъ 1 къ 73½.

[3]) Такъ какъ отношеніе между цѣнами товаровъ не измѣнится, деньги будутъ исполнять свою роль знака не лучше и не хуже. (Люзакъ).

[4]) Въ настоящее время сказали бы *процентъ*.

[5]) Garcilasso, *Histoire des guerres civiles des Espagnoles dans les Indes*. (М.).

[6]) Такъ называли проектъ Ло во Франціи. (М.).

[7]) Не деньги упали въ цѣнѣ (никогда онѣ не были дороже), а бумаги, которыя собою ничего не представляли. Самъ авторъ ясно доказываетъ это ниже, въ концѣ X-ой гл.

ГЛАВА VII.

Какъ опредѣляются цѣны на вещи при измѣняющемся богатствѣ въ знакахъ.

Деньги—это цѣна товаровъ или жизненныхъ припасовъ. Но какъ опредѣляется эта цѣна?—т. е. какою частью денегъ будетъ всякая вещь представлена?

Если мы противопоставимъ всей массѣ золота и серебра, какая только существуетъ въ мірѣ, сумму всѣхъ находящихся въ немъ товаровъ, для насъ будетъ ясно, что всякій изъ этихъ припасовъ или товаровъ въ частности можетъ быть пріуроченъ къ извѣстной долѣ всей массы золота и серебра. Какъ сумма однихъ относится къ суммѣ другихъ, такъ и часть однихъ будетъ относиться къ части другихъ. Предположимъ, что на свѣтѣ существуетъ одинъ лишь видъ жизненныхъ припасовъ или товара, или что существуетъ только одинъ такой, который продается, и что онъ дѣлимъ, какъ деньги. Часть этого товара будетъ отвѣчать соотвѣтствующей части всей массы денегъ: половина всего товара—половинѣ всѣхъ денегъ; одна десятая, сотая, тысячная перваго—одной десятой, сотой, тысячной части всей массы денегъ. Но такъ какъ не все изъ того, что составляетъ собственность людей, находится одновременно въ торговомъ оборотѣ, точно также, какъ не находятся одновременно въ оборотѣ всѣ металлы или монета, которые служатъ имъ знаками, то цѣны опредѣляются отношеніемъ совокупности всѣхъ вещей къ совокупности всѣхъ знаковъ и совокупности всѣхъ вещей, находящихся въ торговомъ оборотѣ, къ совокупности всѣхъ знаковъ, также находящихся въ оборотѣ; а такъ какъ вещи, не вошедшія въ торговый оборотъ сегодня, могутъ войти въ него завтра, точно также, какъ и знаки, то установленіе цѣнъ на вещи будетъ всегда въ основѣ своей въ зависимости отъ отношенія между совокупностью вещей и совокупностью знаковъ.

Такимъ образомъ, государь или власти также мало могутъ установить цѣну на товаръ, какъ и опредѣлить правительственнымъ распоряженіемъ, чтобы отношеніе единицы къ десяти было равно отношенію единицы къ двадцати. Когда Юліанъ [1]) понизилъ цѣны на съѣстные припасы въ Антіохіи, то произвелъ этимъ въ странѣ страшный голодъ.

ГЛАВА VIII.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Черные обитатели африканскихъ береговъ имѣютъ знакъ цѣнностей безъ монеты: это—чисто идеальный знакъ, основанный на степени зна-

[1]) Сократъ, *Исторія церкви*, кн. II, гл. XVII. (М.). Это—исторія *максимальныхъ цѣнъ* (таксъ) вездѣ, гдѣ онѣ были установляемы. Когда правительство заберетъ себѣ въ голову, что имѣетъ возможность и право установлять цѣны на жизненные припасы, послѣдніе исчезаютъ съ рынка, на которомъ не находятъ выгодной цѣны.

ченія, которое они придаютъ въ умѣ своемъ тому или другому товару соотвѣтственно чувствуемой въ немъ потребности. Извѣстный припасъ или товаръ стоитъ три макуты, другой—шесть макутъ, третій—десять макутъ. Это тоже, какъ если бы они просто говорили: два, шесть, десять. Цѣна ими опредѣляется сравненіемъ всѣхъ товаровъ между собою. Такимъ образомъ, собственно денегъ нѣтъ, но всякая часть одного товара служитъ деньгами по отношенію къ другому товару.

Перенесемъ въ кругъ нашихъ понятій этотъ способъ оцѣнки и соединимъ его съ тѣмъ, который дѣйствуетъ у насъ. Товары и жизненные припасы всего свѣта или же товары и жизненные припасы одного какого-либо государства, разсматриваемаго отдѣльно отъ другихъ, будутъ стоить извѣстное число макутъ, и если раздѣлимъ деньги этого государства на столько-же частей, сколько этихъ макутъ, то одна такая часть денегъ будетъ знакомъ одной макуты.

Если предположимъ, что количество денегъ въ государствѣ удвоится, для одной макуты потребуется денегъ также вдвое противъ прежняго. Но если, удвоивъ количество денегъ, вы удвоите и число макутъ, отношеніе останется то же, какое было до удвоенія тѣхъ и другихъ.

Если, со времени открытія Вестъ-Индіи, количество золота и серебра въ Европѣ увеличилось въ размѣрѣ, который опредѣляется отношеніемъ 1 къ 20, то и цѣны жизненныхъ припасовъ и товаровъ должны были также увеличиться въ размѣрѣ отношенія 1 къ 20. Но если, съ другой стороны, количество товаровъ возросло въ размѣрѣ отношенія 1 къ 2, то цѣна товаровъ и жизненныхъ припасовъ необходимо должна была, съ одной стороны, повыситься въ размѣрѣ отношенія 1 къ 20, а съ другой, понизиться въ размѣрѣ отношенія 1 къ 2 и, слѣдовательно, размѣръ цѣны будетъ опредѣляться отношеніемъ 1 къ 10.

Количество товаровъ и жизненныхъ припасовъ возрастаетъ съ увеличеніемъ торговли; торговля же возрастаетъ вслѣдствіе увеличенія количества денегъ, входящихъ послѣдовательно въ оборотъ, и вновь открываемыхъ сообщеній съ новыми землями и морями, которыя доставляютъ намъ новые жизненные припасы и новые товары.

ГЛАВА IX.

Объ относительной рѣдкости золота и серебра.

Кромѣ положительнаго обилія и положительной рѣдкости золота и серебра, возможны еще относительное обиліе и относительная рѣдкость этихъ металловъ.

Скупость хранитъ золото и серебро, потому что, избѣгая расходовъ, любитъ знаки, не подверженные разрушенію; она предпочитаетъ золото серебру, потому что, находясь подъ постояннымъ страхомъ потерять свое

имущество, можетъ легче спрятать предметъ меньшаго объема. Золото исчезаетъ, когда серебро въ изобиліи, потому что всѣ его прячутъ; оно появляется снова, когда серебро становится рѣдкимъ, потому что оказывается необходимо извлечь его изъ мѣста его храненія.

Итакъ, вотъ правило: золото бываетъ въ изобиліи, когда серебро рѣдко; и золото бываетъ рѣдко, когда серебро въ изобиліи. Этимъ познается разница между относительными изобиліемъ и рѣдкостью, съ одной стороны, и изобиліемъ и рѣдкостью дѣйствительными, съ другой—предметъ, о которомъ мнѣ придется еще много говорить [1]).

ГЛАВА X.

О вексельномъ курсѣ.

Относительное изобиліе и относительная рѣдкость монеты въ разныхъ странахъ и производятъ то, что называютъ курсомъ.

Вексельный курсъ есть опредѣленіе дѣйствительной, въ данный моментъ существующей цѣнности монеты.

Серебро, какъ металлъ, имѣетъ цѣнность подобно всякому другому товару; оно, кромѣ того, имѣетъ еще цѣнность, которая происходитъ отъ его способности служить знакомъ другихъ товаровъ. Еслибъ оно было только простымъ товаромъ, то, несомнѣнно, утратило бы значительную долю своей стоимости [2]).

Серебро, какъ монета, имѣетъ цѣнность, которую государь страны можетъ установить въ однихъ отношеніяхъ, но не въ состояніи установить въ другихъ.

Государь опредѣляетъ отношеніе между количествомъ серебра, какъ металла, и тѣмъ же количествомъ, какъ монеты; во-2-хъ, онъ установляетъ отношеніе цѣнности между различными металлами, употребляемыми для монеты; въ 3-хъ, онъ опредѣляетъ вѣсъ и пробу каждаго монетнаго знака; наконецъ, каждому изъ этихъ послѣднихъ сообщаетъ ту идеальную цѣнность, о которой было говорено выше [3]). Цѣнность монеты въ этихъ

---

[1]) Между золотомъ и серебромъ существуетъ извѣстное количественное отношеніе, соблюдаемое государствомъ при чеканкѣ монеты. Золотая монета въ 20 франковъ закономъ опредѣлена равноцѣнною четыремъ монетамъ въ пять франковъ (серебрянымъ). Но если, въ силу особыхъ обстоятельствъ (открытія новыхъ рудниковъ, напр.), обиліе золота уронитъ его цѣну, то, очевидно, серебро будетъ получать доплату, т.-е. прибавку небольшой суммы при обмѣнѣ четырехъ монетъ въ пять франковъ на одну золотую двадцати франковую монету. Въ случаѣ надобности, станутъ вывозить серебрянную монету или обращать ее въ слитки для болѣе выгоднаго обмѣна ея на золото. Скупость частныхъ лицъ не при чемъ въ этихъ вполнѣ естественныхъ торговыхъ процессахъ.

[2]) Въ этомъ можно сомнѣваться: слитокъ въ Китаѣ имѣетъ ту-же цѣнность, что монета у насъ.

[3]) Кн. XXII, гл. III.

четырехъ отношеніяхъ я назову положительною цѣнностью, потому что она можетъ быть установлена закономъ.

Монета всякаго государства имѣетъ, кромѣ того, еще относительную цѣнность, въ смыслѣ сравненія съ монетою другихъ странъ. Вотъ эта то относительная цѣнность и опредѣляется курсомъ. Она въ большой мѣрѣ зависитъ отъ положительной цѣнности. Она опредѣляется наиболѣе распространенною въ торговой средѣ оцѣнкою, а никакъ не распоряженіемъ государя, такъ какъ безпрестанно мѣняется и зависитъ отъ тысячи обстоятельствъ.

При установленіи относительной цѣнности, разныя націи должны въ значительной степени сообразоваться съ тою, которая располагаетъ наибольшимъ количествомъ денегъ [1]). Если она имѣетъ ихъ столько же, сколько всѣ остальныя вмѣстѣ, необходимо, чтобы каждая изъ этихъ послѣднихъ мѣрялась съ нею своими силами, изъ чего слѣдуетъ, что ихъ взаимныя отношенія опредѣлятся приблизительно такимъ же порядкомъ, какъ и отношенія каждой изъ нихъ къ сильнѣйшей между ними.

При настоящемъ строѣ міровыхъ отношеній эта послѣдняя роль принадлежитъ Голландіи [2]). Разсмотримъ курсъ по отношенію къ ней.

Есть въ Голландіи монета, называемая флориномъ. Флоринъ стоитъ 20 су или 40 полу-су или грошей. Для упрощенія предположимъ, что голландскихъ флориновъ не существуетъ, а есть только гроши; что человѣкъ, у котораго 1,000 флориновъ, будетъ имѣть 40,000 грошей и т. д. Такимъ образомъ, курсъ на Голландію будетъ состоять въ томъ, чтобы опредѣлить, сколькимъ грошамъ равняется каждая изъ монетъ другихъ странъ; а такъ какъ во Франціи счетъ обыкновенно ведется на экю въ три ливра, то вопросъ будетъ: сколько экю въ три ливра дастъ грошей? Если курсъ равенъ 54, экю въ три ливра дастъ 54 гроша, а при курсѣ въ 60—60 грошей. Если деньги во Франціи рѣдки, экю въ три ливра дастъ большее число грошей; а если онѣ въ изобиліи—то меньшее.

Эти рѣдкость и изобиліе, послѣдствіемъ которыхъ является измѣненіе курса, суть не дѣйствительныя рѣдкость и изобиліе, а относительныя. Напр., когда Франція болѣе пріобрѣтаетъ фондовъ въ Голландіи, чѣмъ Голландія во Франціи, то обыкновенно говорится, что Франція изобилуетъ деньгами, и что онѣ рѣдки въ Голландіи [3]).

---

[1]) Говоря точнѣе,—съ той, которая имѣетъ самыя обширныя торговыя сношенія.

[2]) Голландцы регулируютъ курсъ почти всей Европы посредствомъ какъ-бы взаимнаго соглашенія и сообразно своимъ интересамъ. (М.). Не слѣдуетъ однако принимать это замѣчаніе въ абсолютномъ смыслѣ. Было бы ошибкой думать, что какой либо народъ можетъ по произволу регулировать курсовыя цѣны, какъ и цѣны всякаго другого товара. Курсъ опредѣляется потребностью въ переводѣ денегъ изъ одного города въ другой, согласно закону предложенія и спроса. Монтескье и самъ доказываетъ это нѣсколькими страницами ниже.

[3]) Курсъ есть истинный барометръ торговли, сказалъ Дюто.

Положимъ, что курсъ на Голландію равенъ 54. Если бы Франція и Голландія составляли одинъ городъ, то дѣло обошлось бы какъ при простомъ размѣнѣ экю: французъ вынулъ-бы изъ кармана три ливра, а голландецъ 54 гроша. Но такъ какъ Парижъ отдѣленъ отъ Амстердама не малымъ разстояніемъ, необходимо, чтобы тотъ, кто даетъ мнѣ за мой экю въ три ливра 54 гроша, которые онъ имѣетъ въ Голландіи, далъ мнѣ вексель на 54 гроша на Голландію. Такимъ образомъ, дѣло уже идетъ не о 54 грошахъ, а о векселѣ на 54 гроша. Такимъ образомъ, чтобы судить [1]) о степени рѣдкости или изобилія денегъ, надо знать, чего больше во Франціи—векселей въ 54 гроша, предназначенныхъ для Франціи, или экю, предназначенныхъ для Голландіи. Если со стороны Голландіи предложено много векселей, а со стороны Франціи мало экю, тогда деньги рѣдки во Франціи, а Голландія ими изобилуетъ; курсъ долженъ подняться, и мнѣ за мой экю должны дать больше 54 грошей, иначе я его не отдамъ,—и наоборотъ.

Изъ этого видно, что различныя операціи курса образуютъ приходо-расходный счетъ, который нужно постоянно покрывать, и что государство, на которомъ лежитъ долгъ, такъ же мало погашаетъ его операціями курса, какъ и частное лицо оплачиваетъ свой долгъ, когда размѣниваетъ свои деньги.

Предположимъ, что на свѣтѣ существуетъ всего три государства—Франція, Испанія и Голландія; что разныя частныя лица въ Испаніи должны Франціи 100,000 марокъ серебра и что разныя частныя лица во Франціи состоятъ въ долгу у Испаніи на 110,000 марокъ серебра; что вслѣдствіе какихъ-то обстоятельствъ всѣ эти лица въ Испаніи и во Франціи захотѣли разомъ получить свои деньги. Въ чемъ же при этомъ будутъ состоять операціи курса? Онъ освободитъ обѣ націи отъ обоюднаго обязательства на сумму въ 100,000 марокъ. Но Франція всетаки останется должна Испаніи 10,000 марокъ, и испанцы будутъ имѣть на Францію на 10,000 марокъ векселей, тогда какъ Франція не будетъ имѣть ихъ вовсе на Испанію.

Предположимъ далѣе, что Голландія находится къ Франціи въ обратномъ, сравнительно съ Испаніей, положеніи,—что она должна ей, какъ остатокъ по счету, 10,000 марокъ серебра. Теперь Франція можетъ уплатить Испаніи свой долгъ двумя способами: или давъ своимъ кредиторамъ въ Испаніи на своихъ должниковъ въ Голландіи векселей на 10,000 марокъ, или же отославъ эти 10,000 марокъ серебра наличными въ Испанію

Изъ этого слѣдуетъ, что если государству нужно передать сумму денегъ въ другую страну, то по существу предмета безразлично, будутъ ли перевезены деньги, или взяты векселя. Преимущество того или другого

[1]) Денегъ много въ данномъ мѣстѣ, когда въ немъ больше денегъ, чѣмъ бумагъ, и мало денегъ, когда больше бумагъ чѣмъ денегъ.

способа уплаты будетъ зависѣть единственно отъ обстоятельствъ минуты: надо знать, что́ въ данное время дастъ больше грошей въ Голландіи — деньги ли [1]), отправленныя наличными, или вексель на Голландію на такую же сумму.

Если монета опредѣленнаго вѣса и пробы во Франціи даетъ мнѣ монету того же вѣса и той же пробы въ Голландіи, я говорю, что курсъ стоитъ al-pari. При нынѣшнихъ отношеніяхъ [2]) курсъ al-pari равняется приблизительно 54 грошамъ за экю. Когда курсъ выше 54 грошей, говорятъ, что онъ выше pari; когда ниже—говорятъ, что онъ ниже pari.

Чтобы при извѣстномъ состояніи курса опредѣлить, выигрываетъ государство или теряетъ, необходимо разсматривать его, какъ должника, какъ кредитора, какъ продавца и какъ покупщика. Если курсъ ниже pari, государство теряетъ, какъ должникъ, выигрываетъ, какъ кредиторъ; теряетъ, какъ покупщикъ и выигрываетъ, какъ продавецъ. Понятно, почему оно теряетъ, какъ должникъ: если, напр., Франція должна Голландіи извѣстное число грошей,—чѣмъ менѣе грошей будетъ стоить ея экю, тѣмъ болѣе нужно ей экю, чтобы уплатить свой долгъ; наоборотъ, если Франція состоитъ кредиторомъ на извѣстное число экю,—чѣмъ менѣе грошей будетъ стоить экю, тѣмъ больше она получитъ экю. Государство теряетъ, какъ покупщикъ, потому что потребно одно и то же количество грошей для покупки одного и того же количества товара; а когда курсъ падаетъ, каждый французскій экю даетъ меньшее число грошей. На томъ же основаніи государство выигрываетъ, какъ продавецъ: я продаю мой товаръ въ Голландіи за то же число грошей, что и прежде; но получаю бо́льшее число экю во Франціи, платя за одинъ экю 50 грошей, чѣмъ если бы платилъ за тотъ же экю 54 гроша. Обратное всему этому получится для Голландіи: если она должна извѣстное число экю, она будетъ въ выигрышѣ, а если ей должны—потеряетъ; продавая, она теряетъ; покупая—выигрываетъ.

Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду слѣдующее. Когда курсъ стоитъ ниже pari, напр., равенъ 50 вмѣсто 54, слѣдовало бы, кажется, ожидать, что, пославъ въ Голландію переводомъ 54,000 экю, Франція купитъ на нихъ товару только на 50,000; съ другой же стороны, Голландія, пославъ во Францію 50,000 экю, купитъ на нихъ товару на 54,000, что составитъ разницу въ $^{8}/_{54}$, т. е. болѣе $^{1}/_{7}$ потери для Франціи, которой придется послать въ Голландію на $^{1}/_{7}$ деньгами или товарами болѣе, чѣмъ она посылала, когда курсъ стоялъ al-pari; а такъ какъ подобный долгъ долженъ произвести дальнѣйшее паденіе курса, то зло, постоянно увеличиваясь, приведетъ Францію въ разореніе. Казалось бы, говорю, что такъ должно быть; но этого нѣтъ, въ силу правила, которое было установлено

[1]) За вычетомъ расходовъ за провозъ и страхованіе. (М.).
[2]) Въ 1744 г.

выше [1]), а именно, что государства всегда тяготѣютъ къ равновѣсію и къ свободѣ отъ обязательствъ: не занимаютъ иначе, какъ въ размѣрѣ тѣхъ средствъ, которыми располагаютъ для уплаты, и не покупаютъ иначе, какъ по мѣрѣ того, какъ продаютъ. Вернемся къ приведенному только что примѣру. Если курсъ во Франціи съ 54 упалъ на 50, голландецъ, который покупая въ прежнее время товару на 1,000 экю, платилъ за него 54,000 грошей, не заплатилъ бы за него болѣе 50,000 грошей, если бы французъ на это согласился. Но французскій товаръ мало-по-малу поднимется въ цѣнѣ, и прибыль подѣлится между французомъ и голландцемъ; ибо если торговецъ можетъ выиграть, онъ охотно дѣлится прибылью, и такимъ образомъ состоится общеніе въ прибыли между французомъ и голландцемъ. Такимъ же порядкомъ французъ, покупая у Голландіи товара на 54,000 грошей, платилъ за него 1,000, когда курсъ былъ 54; долженъ былъ бы дать теперь на $^4/_{54}$ больше французскими экю за прежній товаръ; но, чувствуя тяжесть угрожающей ему потери, онъ постарается заплатить меньше за голландскій товаръ, и такимъ образомъ установится равновѣсіе въ убыткахъ между французскимъ и голландскимъ купцами. Государство мало-по-малу возстановитъ свой балансъ, и паденіе курса не повлечетъ за собою всѣхъ тѣхъ неудобствъ, которыхъ можно было опасаться.

Когда курсъ стоитъ ниже pari, торговецъ можетъ безъ ущерба для себя помѣстить свои капиталы въ чужихъ странахъ, потому что когда онъ возьметъ ихъ назадъ, онъ получитъ обратно потерянное; но государь, посылающій въ чужіе края только такія деньги, которыя никогда не вернуться, всегда теряетъ.

Когда торговцы совершаютъ частыя сдѣлки съ какой-либо страной, курсъ въ ней неизбѣжно подымается. Происходитъ это вслѣдствіе многочисленныхъ, принятыхъ по отношенію къ ней обязательствъ, множество покупаемыхъ у нея товаровъ и векселей, переводимыхъ для уплаты за эти товары.

Если государь дѣлаетъ въ своей странѣ большой запасъ денегъ, эти послѣднія могутъ быть рѣдки въ дѣйствительности и въ изобиліи относительно; напр., если бы этому государству предстояло произвести одновременно платежи чужой странѣ за многіе товары, курсъ упалъ бы, хотя бы денегъ и было мало.

Курсъ всѣхъ городовъ тяготѣетъ къ опредѣленному соотношенію, что̀ лежитъ въ самой природѣ вещей. Если курсъ Ирландіи на Англію ниже pari и курсъ Англіи на Голландію также ниже pari,—курсъ Ирландіи на Голландію будетъ еще ниже, т. е. будетъ опредѣляться отношеніемъ курса Ирландіи на Англію и Англіи на Голландію. Надо полагать, что голлан-

---

[1]) См. кн. XX, гл. XXIII. (М.).

дець, имѣя возможность получить свои деньги изъ Ирландіи черезъ посредство Англіи, не захочетъ платить дороже за непосредственный переводъ денегъ. Я говорю, что такъ должно было бы быть; но въ дѣйствительности бываетъ не совсѣмъ такъ. Встрѣчаются всегда такія обстоятельства, которыя видоизмѣняютъ эти условія, и разница въ прибыли отъ перевода векселей черезъ тотъ, а не другой городъ, составляетъ предметъ особаго искусства или ловкости банкировъ,—но объ этомъ здѣсь нѣтъ рѣчи.

Когда государство повышаетъ номинальную цѣнность своей монеты, напр., три ливра или одинъ экю начинаетъ называть шестью ливрами или двумя экю,—это новое наименованіе, не прибавляя ничего дѣйствительнаго къ экю, не даетъ при размѣнѣ по курсу ни одного лишняго гроша: за два новыхъ экю слѣдуетъ получить то же количество грошей, которое получали за одинъ старый. Если же этого нѣтъ, то причина тому заключается не въ самомъ установленіи цѣны, а въ новости его и внезапности. Курсъ находится въ зависимости отъ начатыхъ сдѣлокъ и устанавляется лишь по прошествіи извѣстнаго времени.

Когда государство, вмѣсто того, чтобы повышать цѣнность своей монеты посредствомъ простого законодательнаго опредѣленія, переливаетъ ее въ болѣе легковѣсную монету, то во время производства этой операціи оказывается въ наличности два сорта монеты: болѣе тяжеловѣсная—старая и легковѣсная—новая монета; а такъ какъ первая изъ нихъ изъ обращенія изъята и принимается только на монетномъ дворѣ, слѣдовательно, и платежъ по векселямъ долженъ производиться новой монетой, то казалось бы, что курсъ долженъ регулироваться новой монетой. Если бы, напр., монета во Франціи потеряла половину своего вѣса, и старый экю въ три ливра давалъ въ Голландіи 60 грошей, новый экю не долженъ былъ бы давать болѣе тридцати. Съ другой стороны, казалось бы, что курсъ долженъ регулироваться цѣнностью старой монеты, потому что банкиръ, который, имѣя деньги, покупаетъ векселя, обязанъ отнести на монетный дворъ старую монету для обмѣна на новую, на которой онъ теряетъ. Поэтому установится курсъ средній между цѣнностью новой и цѣнностью старой монеты. Цѣнность старой монеты падаетъ, такъ сказать, потому, что въ обращеніи есть уже новая монета, и еще потому, что банкиръ не въ состояніи строго блюсти свои выгоды: въ его интересахъ выпустить скорѣе изъ кассы старую монету, чтобъ она не оставалась безъ оборота, тѣмъ болѣе, что его понуждаетъ къ тому и производство платежей. Съ другой стороны, цѣнность новой монеты подымается, такъ сказать, потому, что банкиръ, имѣя новую монету, получаетъ возможность, какъ мы это сейчасъ увидимъ, съ большою для себя выгодою пріобрѣтать старую монету. Поэтому, курсъ, какъ я уже сказалъ, получится средній между новою и старою монетою. И вотъ банкиры находятъ свой интересъ въ томъ, чтобы старая монета уходила изъ государства,

потому что это дастъ имъ такія же выгоды, какія давалъ бы курсъ, регулируемый старою монетою, т. е. они получаютъ много грошей въ Голландіи; съ другой стороны, получая обратно разницу по болѣе низкому, среднему между новой и старой монетой курсу, они получаютъ много экю во Франціи.

Предположимъ, что три ливра или экю старою монетою даютъ по дѣйствующему курсу 45 грошей, и что, переводя тотъ же экю въ Голландію, мы получимъ за него 60 грошей; но вексель въ 45 грошей дастъ во Франціи экю въ три ливра, который, перевезенный старой монетой въ Голландію, дастъ опять 60 грошей. Такимъ образомъ, при переливкѣ монеты, вся старая монета уйдетъ изъ государства, и выгоду отъ этого получатъ банкиры.

Чтобы устранить это неудобство, необходимо будетъ прибѣгнуть къ новой операціи. Государство, предпринимающее переливку монеты, должно будетъ взять на себя посылку большого количества старой монеты въ страну, регулирующую курсъ, и, обезпечивъ себѣ кредитъ, заставить курсъ подняться на высоту, при которой получилось бы почти столько же грошей за новый экю въ три ливра, сколько получилось бы ихъ при вывозѣ изъ страны экю въ три ливра старою монетою. Я говорю *почти*, потому что при малой прибыли не будетъ побужденій къ вывозу монеты заграницу вслѣдствіе издержекъ провоза и риска конфискаціи [1]).

При этомъ полезно будетъ дать еще отчетливое представленіе о слѣдующемъ. Бернаръ, или иной банкиръ, услугами котораго захочетъ воспользоваться государство, предлагаетъ векселя на Голландію по цѣнѣ на одинъ, два и три гроша выше дѣйствительнаго курса: онъ запасся ими заграницей помощью постоянной высылки туда старой монеты. Такимъ образомъ, онъ поднимаетъ курсъ на ту высоту, о которой мы только-что говорили. По мѣрѣ выдачи векселей, онъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ новую монету и заставляетъ другихъ банкировъ, которымъ предстоятъ платежи, представлять имѣющуюся у нихъ старую монету на монетный дворъ; мало того, сосредоточивъ незамѣтно въ своихъ рукахъ всѣ деньги, онъ заставляетъ другихъ банкировъ въ свою очередь давать ему переводные векселя по очень высокому курсу: прибыль въ концѣ операціи, такимъ образомъ, въ значительной степени вознаградитъ его за убытки, понесенные въ началѣ ея.

Очевидно, что въ продолженіе всей этой операціи государство будетъ страдать отъ жестокаго кризиса. Деньги въ немъ уменьшаются въ количествѣ до крайности, во-первыхъ, потому, что приходится объявить внѣ обращенія наибольшую ихъ массу; во-вторыхъ, вывезти часть ихъ за-

[1]) Вывозъ изъ предѣловъ Франціи серебряныхъ экю и луидоровъ для продажи ихъ за границей по цѣнѣ металла разсматривался, какъ преступленіе.

границу; въ-третьихъ, потому, что всѣ будутъ скрывать ихъ, не желая уступить государю прибыли, которую надѣются получить сами. Опасно совершать эту операцію медленно; опасно совершать и очень быстро. Если предполагаемыя выгоды слишкомъ велики, то въ равной съ ними мѣрѣ будутъ расти и неудобства отъ операціи.

Выше мы видѣли, что когда курсъ бываетъ ниже стоимости монеты, выгодно вывозить деньги; по той же причинѣ становится выгоднымъ снова ввозить ихъ, когда курсъ подымается выше этой стоимости.

Но есть одинъ случай, когда бываетъ выгодно вывозить монету, хотя бы курсъ и стоялъ al-pari; это—когда ее посылаютъ заграницу, чтобы перечеканить или наложить клеймо. Съ возвращеніемъ ея обратно, будетъ ли она служить внутри страны, или будутъ взяты векселя на чужіе края, получится прибыль на монету.

Если бы въ какомъ-нибудь государствѣ образовалась промышленная компанія съ очень большимъ числомъ акцій, и ей удалось поднять ихъ цѣну въ двадцать или двадцать пять разъ противъ первоначальной покупной цѣны; если бы то же государство основало банкъ, билеты котораго должны были бы исполнять роль монеты и представляли бы громадную, выраженную въ монетѣ цѣнность, соотвѣтствующую такой же, выраженной въ монетѣ цѣнности акцій (это—система Ло), то въ силу самой природы вещей эти акціи и билеты должны будутъ уничтожиться такимъ же порядкомъ, какимъ они возникли. Нельзя разомъ поднять акціи въ 20 или 25 разъ противъ ихъ первоначальной цѣнности, не давъ многимъ людямъ возможности пріобрѣсти громадныя богатства въ бумагахъ. Всякій будетъ стараться при этомъ упрочить свое состояніе, а такъ какъ вексельный курсъ даетъ наиболѣе легкій способъ измѣнить его сущность или перемѣстить его по желанію, то и произойдетъ постоянное перемѣщеніе части этихъ цѣнностей въ страну, регулирующую курсъ. Постоянное стремленіе къ переводу на чужія страны понизитъ курсъ. Предположимъ, что во время *системы*, при существовавшихъ тогда пробѣ и вѣсѣ серебряной монеты, обмѣнъ по курсу равнялся 40 грошамъ за экю. Послѣ того какъ безчисленное количество бумагъ стало монетой, начали давать лишь 39 грошей за экю; затѣмъ 38, 37 и т. д., пока курсъ не упалъ до 8 грошей, и, наконецъ, всякій обмѣнъ по курсу прекратился [1]).

Курсу было предоставлено въ этомъ случаѣ опредѣлить во Франціи отношеніе между серебромъ и бумагой. Предполагая, что по вѣсу и пробѣ серебряный экю въ три ливра стоилъ 40 грошей, и что по курсу, выраженному въ бумагѣ, экю въ три ливра бумагой стоилъ всего 8 грошей, разница была на четыре пятыхъ. Итакъ, экю въ три ливра бумагой стоилъ на четыре пятыхъ менѣе, чѣмъ экю въ три ливра серебромъ.

[1]) *Персидскія письма*, CXXXVIII и CXLII, русск. пер., стр. 294 и 310.

ГЛАВА XI.

Объ измѣненіяхъ монеты у римлянъ.

Какъ ни были произвольны правительственныя мѣропріятія относительно монеты во Франціи за наше время, при двухъ смѣнившихъ другъ друга министерствахъ, римляне предпринимали еще болѣе важныя—не въ то время, когда республика разлагалась, и не тогда, когда она находилась въ состояніи полной анархіи, но въ цвѣтущее время ея расцвѣта, когда силою своей мудрости и своего мужества, покоривъ города Италіи, она оспаривала владычество надъ міромъ у Карѳагена.

Я охотно углублюсь въ разсмотрѣніе этого предмета для того, чтобы не приводили какъ образецъ то, что образцомъ служить не можетъ.

Въ первую пуническую войну [1]), асъ, который долженъ былъ содержать 12 унцій мѣди, вѣсилъ всего двѣ, а во вторую пуническую войну—только одну унцію. Это уменьшеніе вѣса соотвѣтствуетъ тому, что мы теперь называемъ повышеніемъ номинальной цѣнности монеты. Отнять отъ экю въ шесть ливровъ половину серебра, чтобы сдѣлать изъ одного экю два, или присвоить ему стоимость двѣнадцати ливровъ—не одно ли это и то же?

До насъ не дошло никакихъ свидѣтельствъ о томъ, какимъ способомъ римляне произвели эту операцію въ первую пуническую войну; но то, что они сдѣлали во вторую, обнаруживаетъ удивительную ихъ прозорливость. Республика лишена была возможности уплатить свои долги. Асъ вѣсилъ двѣ унціи мѣди, а динарій стоилъ 10 асовъ или 20 унцій мѣди; республика сдѣлала асы изъ одной унціи мѣди [2]) и выиграла половину на своихъ кредиторахъ [3]), уплативъ динарій 10-ью унціями мѣди. Эта операція произвела сильное потрясеніе въ государствѣ,—надо было его по возможности умѣрить. Она заключала въ себѣ несправедливость,—надо было сдѣлать ее возможно менѣе несправедливой. Цѣлью ея было освобожденіе республики отъ обязательства въ отношеніи гражданъ; не слѣдовало, чтобы она освобождала гражданъ отъ ихъ обязательствъ другъ къ другу. Это дало поводъ ко второй операціи: было постановлено, чтобы динарій, содержавшій въ себѣ 10 асовъ, впредь содержалъ ихъ шестнадцать. Слѣдствіемъ этой двойной операціи было то, что въ то время, какъ кредиторы республики теряли половину [4]), кредиторы частныхъ лицъ теряли только одну пятую [5]; товары поднялись въ цѣнѣ на одну пятую;

---

[1]) Плиній, *Ест. ист.*, кн. XXXIII, ст. 13. (М.).

[2]) Плиній, *Ест. ист.*, кн. XXXIII, ст. 13. (М.).

[3]) Другими словами, она объявила себя несостоятельной на 50% своего долга.

[4]) Они получали 10 унцій мѣди вмѣсто 20. (М.).

[5]) Они получали 16 унцій мѣди вмѣсто 20. (М.).

дѣйствительное измѣненіе въ монетѣ равнялось одной пятой. Остальныя послѣдствія ясны.

Итакъ, римляне поступали лучше нашего, такъ какъ мы включили въ наши операціи и общественное, и частное имущество. Это еще не все: они, какъ это будетъ обнаружено ниже, совершали ихъ при условіяхъ болѣе благопріятныхъ, чѣмъ мы.

ГЛАВА XII.

Обстоятельства, при которыхъ римляне производили свои операціи съ монетой.

Въ древней Италіи было очень мало золота и серебра: въ этой странѣ мало или вовсе нѣтъ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ. Когда Римъ былъ взятъ галлами, въ немъ нашлось всего 1,000 фунтовъ золота [1]), хотя римляне ограбили многіе могущественные города и перенесли къ себѣ ихъ богатства. Они долго употребляли одну только мѣдную монету, и лишь послѣ мира, заключеннаго съ Пирромъ, у нихъ оказалось достаточно серебра, чтобы ввести у себя серебряную монету [2]). Они сдѣлали изъ этого металла динаріи стоимостью въ 10 асовъ [3]), или 10 фунт. мѣди. Серебро, слѣдовательно, относилось къ мѣди какъ 1 къ 960 [4]): римскій динарій, равный 10 асамъ или 10 фунтамъ мѣди, стоилъ 120 унцій мѣди, и тотъ же динарій стоилъ одну восьмую унціи серебра [5]),— что и даетъ приведенное отношеніе.

Сдѣлавшись господиномъ той части Италіи, которая всего ближе лежитъ къ Греціи и Сициліи, Римъ мало-по-малу занялъ положеніе между двумя богатыми народами: греками и карѳагенянами. Количество серебра стало увеличиваться, и прежнее его отношеніе къ мѣди какъ 1 къ 960 не могло болѣе держаться. Тогда Римъ предпринялъ рядъ операцій со своей монетой, сущность которыхъ осталась для насъ неизвѣстной. Мы знаемъ только, что въ началѣ второй пунической войны римскій динарій не стоилъ болѣе 20 унцій мѣди [6]), и, такимъ образомъ, отношеніе серебра къ мѣди было не болѣе 1 къ 160 [7]). Сокращеніе это было весьма значительно, такъ какъ республика выигрывала $^5/_6$ на всей мѣдной монетѣ; но этимъ было сдѣлано лишь то, чего требовала сама природа вещей, и возстановлено равновѣсіе между металлами, служившими монетой.

---

[1]) Плиній, кн. XXXIII, ст. 5. (М.).

[2]) Фрейнсгеміусъ, кн. V, второй декады. (М.).

[3]) Ibid ci. Они выбивали также, говоритъ тотъ же авторъ, половины, называвшіяся квинарами, и четверти, называвшіяся сестерціями.

[4]) См. выше гл. V, прим. 2.

[5]) Одну восьмую, по Бюдэ; одну седьмую, согласно другимъ авторамъ. (М.).

[6]) Плиній, *Ест. ист.*, кн. XXXIII, ст. 13. (М.).

[7]) 160 къ 1.

Миръ, закончившій первую пуническую войну, сдѣлалъ римлямъ господами Сициліи. Вскорѣ затѣмъ они перешли въ Сардинію, вступили въ сношенія съ Испаніей,—и количество серебра опять увеличилось въ Римѣ. Новая операція уменьшила серебряный динарій съ 20 унцій на 16 [1]), и слѣдствіемъ ея было установленіе новаго отношенія серебра къ мѣди—какъ 1 къ 128 [2]), вмѣсто 1 къ 160.

Изучая римлянъ, вы ни въ чемъ не познаете лучше ихъ превосходства, какъ въ выборѣ ими обстоятельствъ, при которыхъ они творили добро и зло [3]).

ГЛАВА XIII.

Операціи съ монетой во времена императоровъ.

Операціи съ монетой во время республики совершались посредствомъ уменьшенія вѣса монеты, при чемъ государство повѣряло народу свои затрудненія и не пыталось вводить его въ заблужденіе. При императорахъ эти операціи стали совершаться при помощи примѣсей. Приведенные въ отчаяніе собственной щедростью, эти государи поставлены были въ необходимость прибѣгнуть къ порчѣ монеты. Это было окольное средство, которое умѣряло зло, хотя, повидимому, его не касалось: часть даруемаго бралась обратно, при чемъ рука берущаго была скрыта; не упоминалось объ уменьшеніи слѣдуемой платы или распредѣляемыхъ щедротъ, и тѣмъ не менѣе онѣ оказывались уменьшенными. Можно еще видѣть въ собраніяхъ монетъ [4]) медали такъ наз. накладного металла, въ которыхъ серебра одна лишь пластинка, покрывающая мѣдь. Объ этой монетѣ говорится въ отрывкѣ кн. LXXVII Діона [5]).

Дидій Юліанъ началъ первый практиковать уменьшеніе цѣнности монеты. Находятъ, что монета [6]) Каракаллы содержала на половину примѣси, а Александра Севера [7])—двѣ трети; такъ шло дальше, и при Гальенѣ [8]) ходила одна посеребренная мѣдь.

Очевидно, что эти насильственныя операціи невозможны въ наше время; предпринимая ихъ, государи будутъ сами заблуждаться, но ужъ никого не введутъ въ заблужденіе. Вексельный курсъ научилъ банкировъ сравнивать между собою монеты всѣхъ странъ свѣта и опредѣлять ихъ дѣйствительное достоинство. Проба монеты не можетъ болѣе оста-

---

[1]) Плиній, *Ест. ист.*, кн. XXXIII, ст. 13. (М.).
[2]) См. гл. V, прим. 2.
[3]) Этого заключенія нѣтъ въ А. В.
[4]) См. *Науку о медаляхъ* Жубера. Парижъ, 1739, стр. 59. (М.).
[5]) *О порокахъ и добродѣтеляхъ*. (М.).
[6]) См. Саво; part. II, c. XII; и *Journal des savants* отъ 28 іюля 1681 г., по поводу открытія 50,000 медалей. (М.).
[7]) Idem, Ibid. (М.).
[8]) Idem, Ibid. (М.).

ваться тайной. Если государь начнетъ дѣлать низкопробную монету, всѣ бросятся помогать ему. Прежде всего уйдетъ полноцѣнная монета и вернется къ нему малоцѣнной [1]). Если бъ, подобно римскимъ императорамъ, онъ сталъ обезцѣнивать серебро, не касаясь золота, онъ увидѣлъ бы быстрое исчезновеніе золота, и ему осталось бы одно порченное серебро. Вексельный курсъ, какъ я сказалъ въ предыдущей книгѣ [2]), устранилъ въ этомъ отношеніи произвольныя мѣропріятія власти или, по крайней мѣрѣ, возможность успѣха такихъ мѣропріятій [3]).

ГЛАВА XIV.

Какимъ образомъ вексельный курсъ служитъ стѣсненіемъ для деспотическихъ государствъ.

Московія хотѣла бы поступиться своимъ деспотизмомъ—и не можетъ. Торговля, чтобы сдѣлаться прочною, требуетъ курсовыхъ операцій; но операціи курса находятся въ противорѣчіи со всѣми законами этой страны.

Въ 1745 г. царица [4]) подписала указъ объ изгнаніи евреевъ за то, что они перевели заграницу деньги лицъ, сосланныхъ въ Сибирь, а также состоящихъ на русской службѣ иностранцевъ. Подданные имперіи, подобно рабамъ, не имѣютъ права ни сами выѣхать, ни имущество свое переслать за границу безъ разрѣшенія. Итакъ, вексельный курсъ, дающій возможность переводить деньги изъ одной страны въ другую, противорѣчитъ законамъ Московіи.

Самая торговля противорѣчитъ этимъ законамъ. Народъ состоитъ изъ однихъ рабовъ—рабовъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, и рабовъ [5]), которые называются духовными или дворянами, ибо они—господа первыхъ. Такимъ образомъ не остается почти никого для образованія третьяго сословія, которое должно состоять изъ ремесленниковъ и купцовъ.

ГЛАВА XV.

Обычай, существующій въ нѣкоторыхъ странахъ Италіи.

Въ нѣкоторыхъ странахъ Италіи были изданы законы, имѣвшіе цѣлью воспрепятствовать продажѣ земель подданными этихъ странъ для перевода денегъ заграницу. Эти законы могли быть хороши, когда богатства всякаго государства находились въ столь тѣсной съ нимъ связи, что нельзя

---

[1]) Idem, Ibid. (M.).

[2]) Гл. XXI. (M.).

[3]) Вотъ слова, которыя можно было-бы отнести къ современному положенію монеты въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Германіи, писалъ Люзакъ въ 1767 г.

[4]) Елисавета.

[5]) Политическихъ рабовъ, потому что сами они и ихъ имущество находятся въ рукахъ царя, ихъ господина.

было безъ большихъ затрудненій передать ихъ другому. Но съ тѣхъ поръ какъ, благодаря употребленію вексельнаго курса, богатства не принадлежатъ, такъ сказать, тому или другому государству въ отдѣльности, и существуетъ возможность безъ всякихъ затрудненій переводить ихъ изъ страны въ страну, законъ, не позволяющій располагать земельною обстоятельностью, тогда какъ можно располагать своими деньгами, долженъ быть признанъ дурнымъ закономъ. Онъ дуренъ, потому что даетъ преимущество движимому имуществу передъ землею, потому что отбиваетъ у иностранцевъ охоту селиться въ странѣ и, наконецъ, потому что его легко обойти.

ГЛАВА XVI.

О помощи, которая можетъ быть оказана государству банкирами.

Банкиры существуютъ для того, чтобы мѣнять деньги [1]), а не для того, чтобы давать взаймы. Если государь пользуется ими лишь въ первомъ смыслѣ, то такъ какъ онъ дѣлаетъ большіе обороты, самая малая прибыль, которую онъ доставляетъ банкирамъ за ихъ переводные векселя, имѣетъ для нихъ большое значеніе. Если-же отъ него требуютъ бо̀льшихъ прибылей, онъ можетъ быть увѣренъ, что причина тому заключается въ дурной администраціи. Когда, напротивъ, банкирами пользуются для полученія авансовъ, ихъ искусство заключается въ томъ, чтобы получать возможно большіе барыши, не подвергаясь при этомъ обвиненію въ ростовщичествѣ.

ГЛАВА XVII.

О государственныхъ долгахъ.

Существовало мнѣніе, что государству выгодно состоять въ долгу у самого себя. Предполагалось, что это умножаетъ богатство черезъ усиленіе обращенія.

Я полагаю, что здѣсь смѣшали понятія обращающейся бумаги, представляющей собою монету [2]), или обращающейся бумаги, служащей знакомъ уже реализованныхъ или предстоящихъ прибылей какой-нибудь торговой компаніи [3]), съ бумагой, которая представляетъ собою долгъ [4]). Первыя двѣ для государства очень выгодны, тогда какъ послѣдняя не можетъ быть таковою; все, чего можно отъ нея ожидать, это—чтобъ она служила прочнымъ ручательствомъ для частныхъ кредиторовъ національнаго долга, т.-е. доставляла слѣдуемые по ней платежи. Но, съ другой стороны, изъ нея проистекаютъ слѣдующія неудобства.

[1]) Выраженіе: *мѣнять деньги* употреблено авторомъ въ смыслѣ учета (дисконта).

[2]) Банковый билетъ.

[3]) Акціи.

[4]) Свидѣтельство государственной ренты.

1. Если въ рукахъ иностранцевъ находится много такихъ бумагъ, представляющихъ долгъ, они ежегодно извлекаютъ изъ страны значительныя суммы въ видѣ получаемыхъ процентовъ.

2. Въ странѣ, которая состоитъ въ постоянномъ долгу, вексельный курсъ долженъ быть очень низокъ.

3. Налогъ, взимаемый для уплаты процентовъ долга, вредитъ промышленности, возвышая заработную плату.

4. Прямые доходы государства отнимаются у труда и промышленности для передачи ихъ людямъ празднымъ; другими словами, облегчается трудъ для тѣхъ, которые не трудятся, и создаются препятствія къ труду для тѣхъ, которые трудятся.

Вотъ неудобства; выгодъ-же никакихъ не знаю. Возьмемъ десять человѣкъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ тысячу экю дохода отъ земли или отъ промышленности. Для націи это составляетъ, по расчету изъ 5%, капиталъ въ 200,000 экю. Если эти десять человѣкъ употребляютъ половину своего дохода, т.-е. 5,000 экю на уплату процентовъ на занятые ими 100,000 экю, для государства это составляетъ тѣ-же 200,000 экю или, на языкѣ алгебры: 200,000 экю—100,000 экю+100,000 экю=200,000 экю.

При этомъ можетъ еще ввести въ заблужденіе то, что бумага представляющая собою національный долгъ, есть свидѣтельство богатства, такъ какъ только богатое государство можетъ поддерживать такую бумагу, не подвергаясь разоренію. Если оно не разоряется, надо заключить, что оно располагаетъ другими большими богатствами. На томъ основаніи, что есть средства противъ зла, утверждаютъ, будто нѣтъ самого зла, и называютъ зло добромъ, потому что средства борьбы со зломъ сильнѣе зла.

ГЛАВА XXVIII.

О погашеніи государственныхъ долговъ. [1])

Необходимо соблюденіе извѣстной соразмѣрности между государствомъ, какъ кредиторомъ и государствомъ, какъ должникомъ. Государство можетъ быть кредиторомъ безъ ограниченія; но должникомъ можетъ быть только до извѣстнаго предѣла, за которымъ право кредитора исчезаетъ.

Если такое государство пользуется не поврежденнымъ еще кредитомъ, оно можетъ послѣдовать счастливому примѣру одного изъ европейскихъ

[1]) Аббатъ де Сенъ-Пьеръ изучалъ этотъ вопросъ раньше Монтескье (*Rêves d'un homme de bien*, p. 62), но обнаружилъ больше дальновидности, рекомендуя систему срочнаго погашенія капитала по англійскому образцу предпочтительно передъ вѣчной рентой, не обязывающей государство къ уплатѣ долга. «Такимъ образомъ государство, накопляя новые долги и не уплачивая старыхъ, теряетъ съ каждымъ днемъ свой кредитъ». Монтескье же остановился на системѣ факультативнаго погашенія по сложнымъ процентамъ.

государствъ [1]), а именно: пріобрѣсти большое количество наличныхъ денегъ и предложить своимъ кредиторамъ возвращеніе капитала, если только они не предпочтутъ уменьшеніе процента. И дѣйствительно, когда государство занимаетъ, размѣръ процента опредѣляется капиталистами; поэтому, если оно предлагаетъ уплатить долгъ, то оно можетъ само опредѣлить и размѣръ процента.

Но одно уменьшеніе процента недостаточно; надо, чтобы сберегаемая этимъ путемъ сумма пошла на образованіе фонда погашенія для ежегодной уплаты части капитала—операція тѣмъ болѣе счастливая, что выгода отъ нея растетъ съ каждымъ днемъ [2]).

Когда кредитъ государства не вполнѣ проченъ, является новая побудительная причина образовать фондъ для погашенія, ибо установленіе такого фонда скоро возвращаетъ государству утраченное довѣріе.

1-е. Если это государство—республика, т.-е. имѣетъ образъ правленія, который по природѣ своей допускаетъ мѣропріятія, разсчитанныя на продолжительное время впередъ, капиталъ фонда погашенія можетъ быть незначителенъ; въ монархіи размѣръ его долженъ быть больше [3]).

2-е. Правила этой операціи должны быть такого рода, чтобы тяжесть ея падала на всѣхъ гражданъ государства, такъ какъ всѣ они несутъ тяжесть долга, при чемъ кредиторы государства, внося свою долю, сами себѣ платятъ.

3-е. Есть четыре класса людей, уплачивающихъ государственные долги: собственники земли, лица торговыхъ профессій, землепашцы и ремесленники и, наконецъ, лица, живущія на доходъ съ государственной ренты или капиталовъ. Изъ этихъ четырехъ классовъ послѣдній, въ случаѣ нужды, казалось бы, наименѣе заслуживаетъ пощады какъ классъ вполнѣ бездѣятельный въ государствѣ, тогда какъ это послѣднее поддерживается дѣятельными усиліями остальныхъ трехъ классовъ. Но такъ какъ нельзя отягощать его болѣе другихъ, не уничтожая этимъ того чувства общественнаго довѣрія, безъ котораго какъ государство вообще, такъ и эти три класса въ частности обойтись не могутъ; такъ какъ общественное довѣріе не можетъ отсутствовать у извѣстнаго числа гражданъ и не казаться въ тоже время отсутствующимъ у всѣхъ; такъ какъ классъ заимодавцевъ наиболѣе рискуетъ сдѣлаться предметомъ мѣропріятій со стороны правителей и всегда находится на глазахъ и подъ рукою, — надо чтобы государство оказывало ему особое покровительство, и чтобы сто-

---

[1]) Англія. (М.).

[2]) Потому что при такой системѣ погашенія накопляются проценты на проценты.

[3]) Другими словами, монархія, подобная Франціи, гдѣ расходы постоянно увеличивались и финансовая неурядица была велика, пользовалась меньшимъ кредитомъ чѣмъ благоустроенная республика, какою была, напр., Голландія.

рона, представляющая собою должника, не имѣла никогда ни малѣйшаго преимущества передъ стороною, представляющею собою заимодавца.

ГЛАВА XIX.

О ссудѣ изъ процента.

Деньги суть знаки цѣнностей [1]). Ясно, что тотъ, кто нуждается въ этихъ знакахъ, долженъ взять ихъ на прокатъ, подобно тому какъ онъ это дѣлаетъ со всѣми другими вещами, въ которыхъ имѣетъ нужду. Разница лишь въ томъ, что всѣ другія вещи могутъ быть нанимаемы и покупаемы, тогда какъ деньги, составляющія цѣну вещей, нанимаются, но не покупаются [2]).

Давать кому-либо свои деньги заимообразно безъ процентовъ — дѣло весьма похвальное; но очевидно, что такое дѣйствіе можетъ быть предметомъ религіознаго совѣта, но никакъ не гражданскаго закона.

Для правильнаго хода торговли необходимо, чтобы деньги имѣли извѣстную цѣну, но чтобы цѣна эта была не высока. Если она слишкомъ высока, то торговецъ, соображая, что ему, пожалуй, придется заплатить процентовъ болѣе, чѣмъ онъ получитъ барышей, ничего не предпринимаетъ; если же деньги не имѣютъ цѣны, тогда никто не даетъ ихъ въ ссуду, и торговецъ опять-таки ничего не предприметъ.

Я ошибаюсь, предполагая, что никто не даетъ денегъ въ ссуду: дѣла не могутъ оставаться безъ движенія; установляются лихвенные проценты, но сопровождаются неурядицей, которая была извѣстна во всѣ времена.

Законъ Магомета не дѣлаетъ разницы между лихвою и ссудой изъ процента, и ростовщичество растетъ въ магометанскихъ странахъ пропорціонально строгостямъ запрета. Заимодавецъ вознаграждаетъ себя этимъ способомъ за рискъ, проистекающій изъ нарушенія закона.

Въ этихъ странахъ Востока большинство людей ни въ чемъ не имѣетъ прочной увѣренности; не существуетъ почти отношенія между дѣйствительнымъ обладаніемъ извѣстной суммой и надеждой, отдавъ ее въ ссуду, получить обратно,—и лихвенный процентъ поэтому растетъ пропорціонально риску отъ несостоятельности должника.

ГЛАВА XX.

О процентахъ въ морской торговлѣ [3]).

Чрезмѣрность процентовъ въ морской торговлѣ имѣетъ два основанія: опасность морскихъ плаваній, въ виду которой человѣкъ рѣшается отдать

---

[1]) Деньги есть цѣнность, а не только знакъ цѣнностей. *Персидскія письма* CV, русск. пер., стр. 218. См. выше гл. II, прим. 1.

[2]) Здѣсь не говорится о тѣхъ случаяхъ, когда золото и серебро разсматриваются какъ товаръ. (М.).

[3]) См. *Защита Духа законовъ*, вторая часть, статья *О процентахъ*.

свои деньги въ долгъ лишь въ расчетѣ получить гораздо больше, и легкость, съ которою заемщикъ можетъ быстро совершать значительныя и многочисленныя торговыя операціи; чрезмѣрные же проценты на сушѣ, не имѣя за себя ни того, ни другого изъ этихъ основаній, воспрещены закономъ, или же, что гораздо разумнѣе, ограничены надлежащими размѣрами [1]).

ГЛАВА XXI.

О ссудѣ по договору и о лихвѣ у римлянъ.

Кромѣ торговой ссуды, есть еще родъ ссуды по гражданскому договору, дающей въ результатѣ процентъ, простой или лихвенный.

Когда могущество народа въ Римѣ росло съ каждымъ днемъ, власти старались угождать ему и предлагали на его утвержденіе такіе законы, которые были ему наиболѣе пріятны. Народъ сократилъ размѣръ капиталовъ [2]), уменьшилъ проценты, воспретилъ взимать ихъ, отмѣнилъ личное задержаніе за долги; наконецъ, всякій разъ, какъ тотъ или другой трибунъ добивался популярности, поднимался вопросъ объ уничтоженіи долговыхъ обязательствъ.

Эти безпрестанныя перемѣны помощью законовъ и плебисцитовъ ввели въ Римѣ въ обычное употребленіе лихвенные проценты, ибо кредиторы, видя въ народѣ одновременно своего должника, законодателя и судью, потеряли всякую вѣру въ силу договоровъ. Народъ, какъ утратившій довѣріе должникъ, не могъ достать денегъ [3]) иначе, какъ соблазняя большой выгодой—тѣмъ болѣе, что, если законы и появлялись черезъ бо̀льшіе или меньшіе промежутки времени, жалобы народа не прекращались никогда и постоянно устрашали кредиторовъ. Слѣдствіемъ было то, что всѣ честные способы брать и давать деньги взаймы были въ Римѣ уничтожены и водворилось самое ужасное ростовщичество, постоянно поражаемое [4]) и постоянно возрождающееся [5]). Зло проистекало отъ недостатка мѣры. Законы, не знающіе предѣловъ въ добрѣ, производятъ и безпредѣльное зло. Приходилось платить и за полученіе денегъ въ ссуду, и за опасность подвергнуться карѣ закона.

---

[1]) Тюрго обнаружилъ всю призрачность и опасность этихъ притязаній законодателя на установленіе законныхъ размѣровъ роста.

[2]) Онъ уменьшилъ подлежащій возврату капиталъ, или другими словами, узаконилъ банкротство.

[3]) То-есть не могъ занять.

[4]) Тацитъ, *Анналы*, кн. VI, гл. XVI. (М.).

[5]) Въ А. В. прибавлено; Цицеронъ говоритъ, что въ его время давали въ долгъ въ Римѣ изъ 34%, а въ провинціяхъ изъ 48%. (*Письма къ Аттику*, кн. V, письмо XXI). Зло это происходило опять таки отъ недостатка мѣры въ законахъ и т. д.

ГЛАВА XXII.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Древніе римляне не имѣли вовсе законовъ, опредѣляющихъ размѣръ роста [1]). Въ распряхъ, возникшихъ по этому поводу между плебеями и патриціями и во время самаго возмущенія [2]) на Священной горѣ, одна сторона ссылалась только на вѣрность данному слову, другая—на суровость договора.

Итакъ, въ дѣлахъ ссуды стороны руководились частными соглашеніями, и я полагаю, что самый обыкновенный размѣръ процента равнялся 12% въ годъ. Я основываюсь на томъ, что на древнемъ языкѣ [3]) римлянъ ростъ въ 6% назывался половиннымъ, въ 3%—четвертнымъ; полнымъ ростомъ было, слѣдовательно, 12%.

На вопросъ, какимъ образомъ могли установиться столь высокіе проценты у народа, почти не имѣвшаго торговли [4]), я отвѣчу, что народъ этотъ, очень часто ходившій на войну по обязанности и безъ жалованія, очень часто нуждался въ займахъ; что оканчивая обыкновенно счастливо свои походы, онъ очень часто могъ безъ затрудненія уплачивать свои долги. Это чувствуется и въ повѣствованіи о возникшихъ по этому поводу распряхъ: въ немъ не оспаривается алчность заимодавцевъ, но говорится, что жалобщики могли бъ заплатить долги, если бъ вели болѣе соотвѣтственный образъ жизни [5]).

Такимъ образомъ издавались законы, дѣйствіе которыхъ не шло далѣе существующаго положенія вещей: постановлялось, напр., что тѣ, которые поступятъ на службу, чтобы принять участіе въ предстоящей войнѣ, не будутъ преслѣдуемы своими кредиторами; что заключенные въ оковы будутъ освобождены, а наиболѣе нуждающіеся отправлены въ колоніи; иногда раздавались деньги изъ общественной казны. Народъ успокаивался, чувствуя облегченіе отъ настоящихъ страданій; а такъ какъ онъ затѣмъ ничего не требовалъ для предупрежденія того же зла въ будущемъ, то сенатъ не находилъ нужнымъ предупреждать его.

Въ тѣ еще времена, когда сенатъ съ большой настойчивостью отстаивалъ высокіе проценты, любовь къ бѣдности, воздержаніе и довольство скромнымъ положеніемъ доходили у римлянъ до крайности; но государственное устройство было такого рода, что главнѣйшіе граждане несли

---

[1]) Лихва и ростъ на языкѣ римлянъ имѣли одинаковое значеніе. (М.).

[2]) См. у Діонисія Галикарнасскаго, который его такъ хорошо описалъ. (М).

[3]) *Usuris semisses*, *trientes*, *quadrantes*. См. различн. о томъ трактаты дигестъ и кодекса *de usuris*, а въ особенности законъ 17, съ его примѣчаніемъ, *de usuris*. (М).

[4]) У народовъ безъ торговли деньги и встрѣчаются всего рѣже, а слѣдовательно и бываютъ всего дороже.

[5]) См. рѣчи Аппія по этому поводу у Діонисія Галикарнасскаго, кн. V. (М.).

всѣ повинности, простой же народъ не платилъ ничего. Какимъ образомъ можно было лишить первыхъ права преслѣдовать своихъ должниковъ и въ то же время требовать, чтобы они исполняли свои обязанности и приходили на помощь настоятельнымъ потребностямъ республики?

Тацитъ [1]) говоритъ, что законъ двѣнадцати таблицъ установилъ размѣръ роста въ одинъ процентъ въ годъ. Очевидно, онъ ошибся, принявъ за законъ двѣнадцати таблицъ другой законъ, о которомъ будетъ сейчасъ рѣчь. Предполагая, что законъ двѣнадцати таблицъ дѣйствительно установилъ размѣръ роста, можно ли допустить, чтобы въ возникшихъ впослѣдствіи спорахъ между заимодавцами и должниками никто на него ни разу не сослался? Вообще, нѣтъ никакихъ слѣдовъ этого закона о ростѣ; къ тому же не требуется глубокаго знанія римской исторіи, чтобы убѣдиться, что подобный законъ не могъ быть дѣломъ децемвировъ.

Законъ Лицинія [2]), изданный черезъ 85 лѣтъ спустя послѣ закона двѣнадцати таблицъ, былъ однимъ изъ тѣхъ временныхъ законовъ, на которые указано выше. Имъ постановлялось объ уменьшеніи капитала на сумму внесенныхъ уже процентовъ и объ уплатѣ его въ три срока, поровну.

Въ 398 г. отъ осн. Р., трибуны Дуэлій и Мененій провели законъ, ограничившій размѣръ роста до 1% въ годъ [3]). Это и былъ тотъ самый законъ, который Тацитъ [4]) смѣшалъ съ закономъ двѣнадцати таблицъ—первый законъ, установившій у римлянъ размѣръ роста. Десять лѣтъ спустя [5]), этотъ ростъ былъ уменьшенъ вдвое [6]), а впослѣдствіи отмѣненъ совершенно [7]),—въ 413 г. отъ основ. Рима, при консулахъ К. Марціи Рутиліи и К. Сервиліи [8]), если вѣрить свидѣтельству нѣкоторыхъ авторовъ, которыми пользовался Титъ-Ливій.

Съ этимъ закономъ произошло то, что бываетъ со всѣми законами, въ которыхъ законодатель впалъ въ крайность, а именно: найдено было средство обходить его [9]). Чтобъ его утвердить, исправить и умѣрить, пришлось издать цѣлый рядъ другихъ. Въ однихъ случаяхъ оставляли

---

[1]) *Анналы*, кн. VI, гл. XVI. (М.).

[2]) 388 г. отъ осн. Р. Титъ-Ливій, кн. VI, гл. XXX. (М.).

[3]) *Unciaria usura*. Титъ-Ливій, кн. VII, гл. XXI. (М.). Ср. *Защиту Духа Законовъ*, ч. вторая, ст. *Usure*.

[4]) Анналы, кн. VI, гл. XVI. (М.).

[5]) При консулахъ Манліи Торкватѣ и К. Плавтіи, по Титъ-Ливію, кн. VII, гл. XXII, это и есть тотъ самый законъ, о которомъ говоритъ, Тацитъ, *Annal.*, кн. VI, *ibid.* (М.).

[6]) *Semiunciaria usura*. (М.).

[7]) Какъ говоритъ Тацитъ, *Annal.*, кн. VI. (М.).

[8]) Законъ этотъ состоялся по настоянію М. Генуція, народнаго трибуна. Титъ-Ливій, кн. VII, въ концѣ. (М.).

[9]) А Безконечное число способовъ обходить его.

законы, чтобы слѣдовать обычаямъ [1]); въ другихъ покидали обычаи, чтобы слѣдовать законамъ, при чемъ обычай все-таки легко одерживалъ верхъ. Занимая деньги, человѣкъ находитъ препятствіе въ томъ самомъ законѣ, который имѣетъ въ виду его пользу; противниками этого закона оказываются и тотъ, кого онъ защищаетъ, и тотъ, кого онъ осуждаетъ. Преторъ Семпроній Азелліо разрѣшившій [2]) должникамъ дѣйствовать согласно закону, былъ умерщвленъ заимодавцами [3]) за то, что осмѣлился напомнить о неукоснительности въ исполненіи закона, которой не могли болѣе переносить [4]).

Оставляю городъ, чтобы бросить взглядъ на провинціи [5]).

Я говорилъ уже [6]), что римскія провинціи были разорены деспотическимъ и жестокимъ правленіемъ. Но это не все: они были разорены еще и страшнымъ ростовщичествомъ.

Цицеронъ говоритъ [7]), что саламинцы хотѣли заключить заемъ въ

---

[1]) *Veteri jam more foenus receptum erat.* Анніанъ, *О междуусодной войнѣ.* кн. I. (М.).

[2]) Permisit eos legibus agere. Анніанъ, *ibid*; и *Сокращ.* Титъ-Ливія кн. LXIV. (М.).

[3]) Въ 663 г. осн. Рима. (М.).

[4]) А. В. заключаетъ главу слѣдующими двумя параграфами и вовсе не говоритъ о лихвенныхъ процентахъ въ провинціяхъ.

«При Суллѣ, Л. Валерій Флаккъ провелъ законъ, которымъ разрѣшался ростъ въ три процента годовыхъ. Законъ этотъ былъ самымъ умѣреннымъ изъ всѣхъ, какіе только были постановлены римлянами по этому предмету. Правда, Патеркулъ порицаетъ его *); но если онъ былъ необходимъ для республики, если онъ былъ полезенъ частнымъ лицамъ, если онъ установлялъ мирныя отношенія между кредиторомъ и должникомъ, то никакъ не былъ несправедливымъ закономъ.

«Тотъ платитъ менѣе, кто платитъ позже, говоритъ Ульпіанъ **), и этимъ разрѣшается вопросъ о законности роста, т.-е. вопросъ – можетъ ли кредиторъ продавать время, а должникъ покупать его?

[5]) Все что слѣдуетъ ниже до конца главы, кромѣ послѣдняго параграфа, было прибавлено въ изданіи 1758 г.

[6]) Кн. XI, гл. XIX. (М.).

[7]) Письма къ Аттику, кн. V, письмо XXI. (М.).

---

*) Turpissimae legis auctor qua creditoribus solviquadrantem jusserat. Кн. II. Нѣкоторые авторы объясняли эти слова такимъ образомъ, будто законъ Флакка разрѣшалъ ограничиться уплатою одной лишь четверти капитала. Но, мнѣ кажется, не таковъ былъ способъ выраженія у латинскихъ авторовъ: когда дѣло касалось сокращенія размѣровъ долга, они употребляли слова quadrans, triens и т. д. для обозначенія роста, и tertia pars, quarta pars для обозначенія капитала. 2) Называютъ консула Валерія авторомъ закона, который могъ быть дѣломъ лишь мятежнаго трибуна. 3) То было время, когда междоусобная война находилась въ полномъ разгарѣ, и вопросъ состоялъ больше въ поддержаніи кредита, чѣмъ въ его уничтоженіи; наконецъ, эта междоусобная война вовсе не имѣла предметомъ своимъ уничтоженіе долговъ (М.).

Кревье (Crévier) доказалъ, что если quadrantes usurae дѣйствительно означаетъ ростъ въ 3%, слово quadrans, употребленное отдѣльно, не имѣетъ этого значенія и не можетъ быть понимаемо иначе какъ въ смыслѣ четверти капитала. Вопросъ этотъ рѣшенъ цитатой изъ Катилины Саллюстія Argentum aere solutum est, говорятъ уполномоченные Маллія, К. Марцію Рексу, т.-е. при выкупѣ одной сестерціи серебра платила одинъ асъ — мѣдная монета въ четверть сестерціи. Что касается Л. Вал. Флакка, то это былъ неистовый сторонникъ Марія, отправившійся въ Грецію чтобы вести войну противъ Суллы и убитый въ этомъ предпріятіи. Въ качествѣ мятежника онъ не уступалъ трибуну.

**) L. 12, Dig. De verb. Sign.

Римѣ, но не могли, по причинѣ закона Габинія. Слѣдуетъ объяснить, что это былъ за законъ.

Послѣ того какъ займы изъ процентовъ были въ Римѣ запрещены, начались всевозможныя измышленія съ цѣлью обойти законъ [1]). Такъ какъ союзники [2]) и латины не были подчинены гражданскому законодательству римлянъ, то стали прибѣгать къ содѣйствію латина или союзника, который давалъ свое имя и принималъ на себя роль кредитора. Такимъ образомъ, законъ достигъ только того, что подчинилъ заимодавцевъ новой формальности, но народу отъ этого не стало легче.

Народъ началъ жаловаться на этотъ обманъ, и народный трибунъ Маркъ Семпроній, по распоряженію сената, провелъ плебисцитъ [3]), которымъ постановлено, что дѣйствіе закона, воспрещающаго заключеніе займовъ изъ процента между двумя римскими гражданами, впредь распространяется на такія же сдѣлки между римскимъ гражданиномъ и союзникомъ или латиномъ.

Въ тѣ времена союзниками называли народы собственно Италіи до Арно и Рубикона, которые не подлежали управленію, установленному для римскихъ провинцій.

Тацитъ [4]) говоритъ, что это не отвратило новыхъ подлоговъ для обхода законовъ о ростѣ. Если нельзя было больше ни брать, ни давать взаймы подъ личиной союзника, можно было легко замѣнить его провинціаломъ, дававшимъ свое имя на прокатъ.

Оказалась нужда въ новомъ законѣ, который пресѣкъ бы и это злоупотребленіе. Габиній [5]), занятый проведеніемъ знаменитаго закона, имѣвшаго въ виду устраненіе подкупа при подачѣ голосовъ, естественно долженъ былъ притти къ заключенію, что лучшимъ къ тому средствомъ было отбить охоту къ заключенію займовъ. Подкупы и займы находились между собою въ естественной связи: ростъ на деньги всегда увеличивался [6]) ко времени выборовъ, такъ какъ деньги были нужны для пріобрѣтенія голосовъ. Очевидно, Габиніевъ законъ распространилъ на провинціаловъ дѣйствіе Семпроніева сенатскаго постановленія, такъ какъ саламинцы не могли занять денегъ въ Римѣ по причинѣ этого закона. Брутъ, подъ чужими именами, далъ имъ деньги взаймы [7]) изъ четырехъ процентовъ въ мѣсяцъ [8]) и получилъ на это два сенатскихъ постановле-

[1]) Титъ-Ливій, кн. XXXV, гл. VII. (М.).
[2]) Ibid. (М.).
[3]) Годъ отъ осн. Р. 561. См. Тита-Ливіи, кн. XXV, гл. VII. (М.).
[4]) *Анналы*, кн. VI, гл. XVI. (М.).
[5]) Въ 615 г. отъ осн. Р. (М.).
[6]) См. письма Цицерона къ Аттику, кн. IV, письма XV и XVI. (М.).
[7]) См. письма Цицерона къ Аттику, кн. VI, письмо I. (М.).
[8]) Помпей, давшій царю Аріобарзану въ ссуду 600 талантовъ бралъ съ него 33 аттическихъ таланта каждые тридцать дней. Письма Цицерона къ Аттику, кн. V, письмо XXI; книга VI, письмо I. (М.).

нія: въ первомъ изъ нихъ было сказано, что заемъ этотъ не будетъ считаться обманнымъ обходомъ закона, и что правитель Киликіи долженъ разбирать это дѣло согласно договору, изложенному въ заемномъ документѣ саламинцевъ [1]).

Такъ какъ займы изъ процентовъ между провинціалами и римскими гражданами были воспрещены закономъ Габинія, римскіе же граждане имѣли въ то время въ своихъ рукахъ деньги всего свѣта, то приходилось соблазнять ихъ обѣщаніемъ высокихъ процентовъ, которые заставляли алчныхъ людей забывать объ опасности, грозившей капиталу. Къ тому же въ Римѣ находились сильные люди, которыхъ боялись сами власти и которые заставляли безмолвствовать законъ; они тѣмъ смѣлѣе давали взаймы и тѣмъ смѣлѣе требовали очень высокихъ процентовъ. Поэтому провинціи одна за другой подвергались ограбленію со стороны всѣхъ, кто только пользовался вліяніемъ въ Римѣ; а такъ какъ всякій правитель, вступая въ свою провинцію [2]), издавалъ свой эдиктъ, въ которомъ опредѣлялъ размѣръ роста по произволу, то и выходило, что корыстолюбіе и законодательство подаютъ другъ другу руку.

Необходимо, чтобы дѣла шли своимъ чередомъ: государство погибло, если въ немъ все бездѣйствуетъ. Были случаи, когда города, сословія, городскія общества, частныя лица занимали, понуждаемые крайней необходимостью, хоть бы для того, чтобы исправить опустошенія, произведенныя арміями, хищеніями властей, лихоимствомъ должностныхъ лицъ и дурными привычками, которыя укоренялись съ каждымъ днемъ; ибо никогда еще не было ни столько богатства, ни столько бѣдности. Сенатъ, имѣвшій въ своихъ рукахъ исполнительную власть, по необходимости, а часто и по попустительству, разрѣшалъ займы у римскихъ гражданъ и издавалъ на этотъ предметъ сенатскія постановленія. Но эти постановленія сената [3]) были сами опорочены закономъ и могли послужить для народа поводомъ къ требованію новыхъ таблицъ [4]); все это, усиливая рискъ потери капитала, еще болѣе увеличивало размѣръ роста. Опять повторю: умѣренность управляетъ людьми, а не крайности.

Тотъ платитъ меньше, говоритъ Ульпіанъ [5]), кто платитъ позже [6]).

---

[1]) Ut neque Salaminis, neque cui eis dedisset, fraudi esset. Ibid. (M.).

[2]) Эдиктъ Цицерона опредѣлялъ постъ равнымъ одному проц. въ мѣсяцъ, съ присоединіемъ процентовъ на проценты по истеченіи года. Что касается откупщиковъ республики, онъ обязывалъ ихъ давать отсрочку должникамъ Если же эти послѣдніе не платили въ назначенный срокъ, онъ приговаривалъ ихъ къ уплатѣ роста, обозначеннаго въ долговомъ обязательствѣ. Письма Цицерона къ Аттику, кн. VI, письмо I. (M.).

[3]) Ср. слова Лукцея въ письмѣ XXI къ Аттику, кн. V. Было даже одно постановленіе сената, опредѣлявшее размѣръ роста въ 1% въ мѣсяцъ. См. тоже письмо. (M.).

[4]) Т.-е. новыхъ законовъ о долгахъ.

[5]) L 12, ff. Der verbor signif. (M.).

[6]) A. B. Это разрѣшаетъ вопросъ о законности роста, т.-е. можетъ ли заимодавецъ продавать время, а должникъ покупать его.

Вотъ тотъ принципъ, который руководилъ законодателями послѣ разрушенія римской республики [1]).

КНИГА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

О законахъ въ ихъ отношеніи къ численности населенія.

ГЛАВА I.

О людяхъ и животныхъ въ отношеніи размноженія рода ихъ.

«О Венера! О мать Любви!

. . . . . .

Съ наступленіемъ перваго прекраснаго дня, приводимаго обратно твоимъ свѣтиломъ, зефиры даютъ чувствовать свое влюбленное дыханіе; земля украшаетъ грудь свою блистающими красками и воздухъ наполняется сладкимъ дыханіемъ цвѣтовъ; птицы, пораженныя твоимъ могуществомъ, славятъ твое присутствіе тысячью сладострастныхъ звуковъ; гордые быки скачутъ въ равнинѣ или пересѣкаютъ воды слѣдомъ за прекрасной телкой. Словомъ, обитатели лѣсовъ и горъ, рѣкъ и морей, и зеленыхъ полей, разгораясь, при видѣ тебя, желаніемъ и любовью, даютъ обѣтъ размноженія по побужденіямъ удовольствія: такъ сладко подчиняться тебѣ и чарующему господству красоты надъ всѣмъ, что дышитъ [2]).

---

[1]) Этой фразы нѣтъ въ А. В.

[2]) Вступленіе Лукреція, переведенное, на французскій языкъ, Эно (Hesnaut, ум. въ 1682 г., пользовался въ свое время репутаціей человѣка, мастерски владѣющаго стихомъ. Изъ Лукреція перевелъ лишь это начальное обращеніе).

O Vénus! ô mère de l'Amour!

. . . . . .

Dès le premier beau jour que ton astre ramène,
Les zéphyrs fontsentir leur amoureuse haleine;
La terre orne son sein de brillantes couleurs,
Et l'air est parfumé du doux esprit des fleurs.
On entend les oiseaux, frappés de ta puissance,
Par mille tons lascifs celébrer ta présence:
Pour la belle génisse on voit les fiers taureaux,
Ou bondir dans la plaine, ou traverser les eaux:
Enfin les habitants des bois et des montagnes,
Brûlant à ton aspect d'amour et de desir,
J'engagent a peupler par l'attrait du plaisir:
Tant on aime à te suivre, et ce charmant empire,
Que donne la beauté sur tout ce qui respire.

Самки животныхъ обладаютъ способностью почти постояннаго размноженія; но у человѣка образъ мыслей, характеръ, страсти, прихоти, капризы, желаніе сохранить красоту, неудобства беременности, слишкомъ многочисленнаго семейства ставятъ размноженію тысячи помѣхъ.

ГЛАВА II.

О бракѣ.

Единственная обязанность отца пропитывать своихъ дѣтей послужила поводомъ къ установленію брака, указывающаго на лицо, которое должно нести эту обязанность. Народы [1]), о которыхъ говоритъ Помпоній Мела [2]), опредѣляли эти отношенія лишь на основаніи сходства.

У просвѣщенныхъ народовъ отцомъ признается тотъ, кого, въ силу брачнаго обряда, законы признаютъ за таковаго [3]), потому что въ немъ они находятъ то самое лицо, которое ищутъ.

У животныхъ эта обязанность обыкновенно настолько ограниченна, что можетъ быть въ достаточной мѣрѣ выполнена одной матерью; но у человѣка предѣлы ея несравненно шире: если его дѣти и одарены разумомъ, то онъ развивается у нихъ лишь постепенно; поэтому недостаточно ихъ выкормить, ими нужно еще руководить; когда они уже могутъ жить, они еще не въ состояніи собою управлять.

Неразрѣшенныя закономъ связи мало способствуютъ размноженію рода. Личность отца, на которомъ лежатъ естественныя обязанности прокормленія и воспитанія дѣтей, остается въ такомъ случаѣ не выясненною; мать же, на которую эти обязанности ложатся, въ исполненіи ихъ встрѣчаетъ тысячу препятствій, какъ, напр., стыдъ, угрызенія совѣсти, стѣсненія, свойственныя ея полу, строгость законовъ, такъ что въ большинствѣ случаевъ она лишена къ тому средствъ.

Женщины, предающіяся открытой проституціи, лишены потребныхъ для воспитанія дѣтей удобствъ. Заботы по воспитанію даже несовмѣстимы съ ихъ положеніемъ; къ тому же онѣ настолько развращены, что не могутъ пользоваться довѣріемъ закона.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что общественная нравственность составляетъ естественное условіе, соединенное съ размноженіемъ человѣческаго рода.

---

[1]) Гараманты. (М.).
[2]) Lis. I, c. VIII. (М.).
[3]) Pater est quem nuptiae demonstrant. (М.).

ГЛАВА III.

О положеніи дѣтей.

Самый разсудокъ говоритъ намъ, что въ бракѣ дѣти слѣдуютъ званію отца, а внѣ брака могутъ имѣть отношеніе лишь къ матери [1]).

ГЛАВА IV.

О семействѣ.

Почти повсемѣстно принято, чтобы жена вступила въ семью мужа. Обратное, однако, существуетъ, безъ всякихъ, впрочемъ, неудобствъ, на Формозѣ [2]), гдѣ мужъ становится членомъ женинной семьи.

Законъ, установляя семью въ преемственномъ ряду лицъ одного пола, благопріятствуетъ въ сильной степени размноженію человѣческаго рода. Семья становится какъ бы собственностью; человѣкъ, имѣющій дѣтей только того пола, который не обезпечиваетъ ея существованія въ будущемъ, бываетъ всегда недоволенъ, что у него нѣтъ дѣтей другого пола, который долженъ ее увѣковѣчить.

Родовыя прозвища, дающія человѣку представленіе чего-то, что не должно погибнуть, обладаютъ способностью внушать всякому семейству желаніе распространить свое существованіе. Есть народы, у которыхъ имена служатъ для обозначенія семействъ; у другихъ ими отличаютъ лишь отдѣльныхъ лицъ, что менѣе удобно [3]).

ГЛАВА V.

О различныхъ разрядахъ законныхъ женъ.

Иногда законы устанавливаютъ нѣсколько видовъ гражданскаго союза, напр., у магометанъ, у которыхъ различаютъ нѣсколько разрядовъ женъ, и дѣти распознаются по рожденію въ домѣ, или по гражданскимъ контрактамъ, или по нахожденію въ рабствѣ матери, или же по послѣдующему признанію ихъ со стороны отца.

Было бы противно разуму, если бы законъ сталъ признавать позорнымъ въ дѣтяхъ то, что одобрялъ въ отцѣ; всѣ эти дѣти, слѣдовательно, должны участвовать въ наслѣдствѣ, если нѣтъ тому какихъ-либо особыхъ препятствій, какъ, напр., въ Японіи, гдѣ наслѣдуютъ лишь дѣти

---

[1]) Поэтому у народовъ имѣющихъ рабовъ, дѣти почти всегда слѣдуютъ званію матери.

[2]) О. дю Гальдъ, t. I, p. 156. (М.).

[3]) Такъ было у евреевъ, и только въ XV вѣкѣ ихъ принудили принять фамильныя прозвища. Этимъ объясняется, почему названія городовъ, какъ Шпейеръ, Вормсъ, Фульда, Кремьё и т. д., и животныхъ, какъ Ліонъ, Лёве, Беръ, Вольфъ и т. д., такъ часто встрѣчаются у нихъ.

отъ жены, взятой по назначенію императора. Послѣднее дѣлается по политическимъ соображеніямъ, требующимъ, чтобы пожалованное императоромъ имущество не подвергалось слишкомъ мелкому дробленію, такъ какъ владѣніе имъ соединено съ обязательною службою, подобно тому, какъ это было съ нашими ленами въ прежнее время.

Есть страны [1]), въ которыхъ законная жена пользуется въ домѣ приблизительно такимъ же почетомъ, какимъ пользуется у насъ единственная жена и дѣти отъ наложницъ считаются принадлежащими первой женѣ. Такъ установлено въ Китаѣ. Дѣтское почтеніе [2]), церемоніалъ строгаго траура оказываютъ здѣсь не естественной матери, а этой матери по назначенію закона.

Помощью такой фикціи [3]) устраняется представленіе о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ; но гдѣ этой фикціи нѣтъ, законъ, признающій законными дѣтей отъ наложницы, очевидно долженъ быть закономъ насильственнымъ, потому что налагаетъ позорное клеймо на большинство народа.

Точно также въ этихъ послѣднихъ странахъ не можетъ быть рѣчи и о дѣтяхъ, прижитыхъ въ прелюбодѣйной связи: отдѣленіе женщинъ, затворничество, евнухи и запоры такъ затрудняютъ подобныя отношенія, что законъ считаетъ ихъ невозможными. Къ тому же послѣдствіемъ ихъ было бы уничтоженіе однимъ и тѣмъ же мечомъ и матери, и ребенка.

ГЛАВА VI.

О незаконнорожденныхъ дѣтяхъ при разныхъ образахъ правленія.

Итакъ, незаконнорожденныхъ дѣтей не знаютъ тамъ, гдѣ дозволено многоженство; наоборотъ, ихъ знаютъ въ такихъ странахъ, въ которыхъ законъ не допускаетъ болѣе одной жены. Въ этихъ послѣднихъ приходилось клеймить позоромъ незаконное сожительство, а слѣдовательно, и дѣтей рожденныхъ въ немъ [4]).

Въ республикахъ, въ которыхъ необходимо блюсти чистоту нравовъ, незаконнорожденныя дѣти должны быть еще болѣе презираемы, чѣмъ въ монархіяхъ.

Законы въ Римѣ были къ нимъ, быть-можетъ, слишкомъ суровы; но такъ какъ древнія учрежденія дѣлали бракъ необходимымъ для всѣхъ гражданъ, а, съ другой стороны, брачныя узы облегчались разрѣшеніемъ

---

[1]) Конца этой главы нѣтъ въ А. В.

[2]) О. дю Гальдъ, t. II, p. 121. (М.).

[3]) При этомъ женщины дѣлятся на большихъ и малыхъ, т.-е. законныхъ и незаконныхъ; но между дѣтьми подобнаго разграниченія не допускается. «Это есть великое ученіе Имперіи», какъ сказано въ одномъ китайскомъ сочиненіе о нравственности, переведенномъ на французскій языкъ тѣмъ же О. Дю Гальдомъ, стр. 140. (М.).

[4]) Этого параграфа нѣтъ въ А. В.

отреченія или развода, то только одно чрезмѣрное развращеніе нравовъ могло побуждать къ незаконному сожительству [1]).

Слѣдуетъ еще замѣтить, что такъ какъ званіе гражданина въ демократіяхъ, соединенное съ правами верховной власти, пользовалось большимъ значеніемъ, то при этихъ формахъ правленія часто постановлялись законы о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ, имѣвшіе отношеніе не столько къ существу предмета и достоинству брака, сколько къ частнымъ свойствамъ республиканскихъ учрежденій. Такъ, народъ иногда принималъ незаконнорожденныхъ въ число гражданъ [2]) съ цѣлью увеличить свои силы противъ вліятельной знати. Такъ, въ Аѳинахъ онъ исключилъ незаконнорожденныхъ изъ числа гражданъ, чтобы увеличить причитающуюся на гражданина долю изъ присланнаго египетскимъ царемъ хлѣба. Наконецъ, Аристотель [3]) говоритъ намъ, что во многихъ городахъ, когда чувствовался недостатокъ въ гражданахъ, незаконнорожденные допускались къ наслѣдованію, и устранялись отъ наслѣдованія, когда гражданъ было достаточно.

ГЛАВА VII.

О согласіи родителей на бракъ.

Требованіе согласія родителей основано на ихъ власти, т. е. на ихъ правѣ собственности [4]). Оно еще основано на ихъ любви, разумѣ и несовершенствѣ послѣдняго у дѣтей, которыхъ возрастъ держитъ въ невѣдѣніи, а страсти—въ состояніи опьяненія.

Въ малыхъ республикахъ или при тѣхъ особенныхъ учрежденіяхъ, о которыхъ мы говорили, возможны законы, предоставляющіе должностнымъ лицамъ наблюденіе за браками дѣтей гражданъ, уже разъ предоставленное природою отцамъ. При этомъ любовь къ общественному благу можетъ равняться всякой другой любви и даже превосходить всякую другую любовь. Поэтому Платонъ требовалъ, чтобы власти устраивали браки, правители же Лакедемона дѣйствительно вмѣшивались въ ихъ заключенія [5]).

Но въ обыкновенномъ строѣ право устраивать браки дѣтей принадле-

---

[1]) «Дѣтей, рожденныхъ въ конкубинатѣ, римляне не называли незаконнорожденными, а побочными дѣтьми; незаконнорожденныя же дѣти именовались у нихъ *Spurii*. Совершенно вѣрно, что законъ относился сурово къ незаконнорожденнымъ дѣтямъ, но не къ дѣтямъ, рожденнымъ отъ наложницы: римское законодательство всегда терпѣло и даже разрѣшало конкубинатъ». Пилати де Тассуло, *О гражд. законахъ*. Гага 1774, т II, стр. 18.

[2]) См. *Политику*, Арист. кн. VI, гл. IV. (М.).

[3]) Тамъ же, кн. III, гл. III. (М.). Плутархъ, *Периклъ*, Гл. XXXII. Ниже, гл. XVII.

[4]) Это справедливо только въ отношеніи къ римлянамъ и тѣмъ народамъ, которые предоставили отцамъ семействъ неограниченную власть.

[5]) Это не единственный случай, когда Платонъ оказываетъ предпочтеніе систематической странности передъ велѣніями первоначальнаго и естественнаго разума. Пеке, *Системат. анализъ*, стр. 226.

житъ отцамъ; ихъ благоразумная осторожность въ этомъ случаѣ будетъ превосходить всякую другую. Природа внушаетъ родителямъ желаніе доставить дѣтямъ наслѣдниковъ—желаніе, которое они сами для себя мало чувствуютъ. Въ различныхъ поколѣніяхъ они ощущаютъ медленное восхожденіе свое къ будущему. Но что произошло бы, если бы насиліе и алчность захотѣли похитить эту власть у отцовъ? Послушаемъ, что говоритъ Томасъ Гажъ [1]) о поведеніи испанцевъ въ Индіи.

«Для увеличенія числа плательщиковъ податей, было приказано, чтобы всѣ индѣйцы, достигшіе пятнадцати лѣтъ, вступили въ бракъ; и даже былъ установленъ возрастъ брачущихся—14-лѣтній для мужчинъ и 13-лѣтній для дѣвушекъ. При этомъ ссылались на правило, гласящее, что «злонравіе восполняетъ возрастъ». Авторъ видѣлъ одну изъ такихъ переписей: это было, говоритъ онъ, нѣчто позорное. Такимъ образомъ, въ житейскомъ дѣлѣ, нуждающемся болѣе всякаго другого въ свободѣ, индѣйцы остаются еще рабами.

ГЛАВА VIII.

Продолженіе о томъ-же предметѣ.

Въ Англіи дѣвушки часто злоупотребляютъ законами, выходя замужъ по собственному выбору, не спросясь родителей. Но обычай этотъ, кажется, можетъ быть терпимъ въ Англіи болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, потому что англійскіе законы не знаютъ монастырскаго безбрачія, и дѣвушки, не имѣя въ виду иного состоянія, кромѣ брачнаго, не могутъ отъ него воздерживаться. Во Франціи, наоборотъ, признается закономъ учрежденіе иночества, и потому дѣвушки всегда могутъ избрать состояніе безбрачія [2]); поэтому и законъ, связывающій ихъ родительскимъ согласіемъ, можетъ считаться въ этомъ случаѣ болѣе умѣстнымъ. Съ этой точки зрѣнія обычаи Италіи и Испаніи должны быть признаны наименѣе разумными [3]): монашество въ нихъ утверждено закономъ, и въ то же время допускается бракъ помимо родительскаго согласія.

ГЛАВА IX.

О дѣвушкахъ [4]).

Дѣвушки, которымъ только бракъ открываетъ путь къ удовольствіямъ и свободѣ, умъ которыхъ не дерзаетъ думать, а сердце чувствовать, глаза

---

[1]) *Relation* de Thomas Gage, p. 171. (M.).

[2]) Состояніе противное какъ религіи, такъ и началу личной свободы, если нѣтъ къ нему особаго призванія.

[3]) Въ Италіи и въ Испаніи дѣйствовало каноническое право.

[4]) Это—изображеніе французской дѣвушки, какою дѣлало ее воспитаніе XVIII-вѣка.

не смѣютъ видѣть, а уши слышать, которыя являются въ общество для того только, чтобы разыграть роль дурочки, которыя осуждены на безконечный вздоръ и пошлыя правила, не обнаруживаютъ отвращенія къ браку: не ихъ, а молодыхъ людей приходится поощрять къ нему.

ГЛАВА X.

Что побуждаетъ людей къ браку.

Гдѣ только есть мѣсто для спокойнаго существованіи двухъ человѣческихъ существъ, тамъ заключается бракъ. Сама природа располагаетъ къ тому, если только ее не удерживаютъ трудности въ добываніи средствъ къ жизни.

Вновь нарождающіеся народы размножаются и ростутъ быстро: жизнь въ безбрачіи составляетъ для нихъ большое неудобство, тогда какъ они не видятъ его въ большомъ числѣ дѣтей [1]). Обратное происходитъ въ народѣ уже сформировавшемся.

ГЛАВА XI.

О суровости правительствъ.

У людей, которые рѣшительно ничего не имѣютъ, какъ, напр., у нищихъ, бываетъ много дѣтей, это потому что они находятся въ положеніи народовъ нарождающихся: отцу ничего не стоитъ научить дѣтей своему ремеслу,—они, едва родившись, становятся уже орудіемъ этого ремесла [2]). Люди эти въ странѣ богатой или суевѣрной плодятся потому, что не несутъ никакихъ общественныхъ тягостей, а сами существуютъ на счетъ общества.

Но люди, которые бѣдны, потому что находятся подъ управленіемъ суроваго правительства, которое смотритъ на ихъ поля не какъ на средство къ ихъ пропитанію, а какъ на предлогъ къ ихъ утѣсненію,—эти люди, говорю я, производятъ мало дѣтей. У нихъ нѣтъ достаточно пищи для себя; какъ могутъ они думать о томъ, чтобы раздѣлить ее съ другими? Они не могутъ имѣть попеченія о самихъ себѣ во время болѣзни: какъ станутъ они воспитывать существа, которыя находятся въ состояніи постоянной болѣзни, именуемой дѣтствомъ?

Только способность легко говорить, соединенная съ неспособностью думать, могла привести къ заключенію, что чѣмъ бѣднѣе люди, тѣмъ многочисленнѣе ихъ семейства, и чѣмъ обременительнѣе налоги, тѣмъ легче

---

[1]) Потому что работы и средствъ къ жизни хватаетъ на всѣхъ; совсѣмъ не то бываетъ, когда населеніе густо, жизнь дорога и конкуренція безгранична.

[2]) Другими словами, они уже съ самаго дѣтства могутъ помогать отцу въ обработкѣ земли или въ занятіяхъ какимъ-либо первобытнымъ промысломъ.

они уплачиваются [1]). Вотъ два софизма, которые всегда губили и будутъ губить монархіи.

Суровость правленія можетъ достигнуть того, что станетъ истреблять естественныя чувства людей другими естественными же чувствами. Развѣ американскія женщины [2]) не дѣлали себѣ искусственно выкидышей, чтобъ только дѣти ихъ не имѣли столь жестокихъ господъ?

ГЛАВА XII.

О числѣ дѣтей мужскаго и женскаго пола въ разныхъ странахъ.

Я уже сказалъ [3]), что въ Европѣ рождается больше мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ. Замѣчено, что въ Японіи [4]) дѣвочекъ рождается немного больше, чѣмъ мальчиковъ. При равенствѣ всѣхъ другихъ условій, въ Японіи будетъ больше женщинъ способныхъ къ рожденію дѣтей, чѣмъ въ Европѣ, а слѣдовательно, и больше жителей.

Въ Донесеніяхъ [5]) говорится, что въ Бантамѣ на одного мальчика приходится десять дѣвочекъ. Такая несоразмѣрность, выражающаяся отношеніемъ числа семей въ Бантамѣ къ числу семей въ другихъ странахъ равнымъ 1 къ $5^1/_2$, слишкомъ велика. Конечно, семьи въ Бантамѣ могутъ быть многочисленнѣе; но, вообще, бываетъ мало людей настолько зажиточныхъ, чтобы содержать столь большія семьи.

ГЛАВА XIII.

О портовыхъ городахъ.

Въ портовыхъ городахъ, гдѣ мужское населеніе подвергается тысячѣ опасностей и уходитъ жить и умирать въ отдаленныя страны, мужчинъ меньше, чѣмъ женщинъ, дѣтей же замѣчается больше, чѣмъ гдѣ-либо. Причина тому—легкость добыванія средствъ къ жизни. Быть можетъ также, что жирныя части рыбы легче доставляютъ вещество, необходимое для дѣторожденія. Это можетъ служить объясненіемъ, какъ одна изъ причинъ, чрезвычайной многочисленности населенія въ Японіи [6]) и Ки-

---

[1]) «Чѣмъ болѣе берутъ денегъ съ народа, тѣмъ больше отнимаютъ ихъ у промышленности», сказалъ Вобанъ въ *Королевской десятинѣ*.—Тѣ деньги въ государствѣ получаютъ наилучшее употребленіе, которыя остаются въ рукахъ частныхъ лицъ, гдѣ онѣ никогда не бываютъ ни безполезными, ни праздными. Бенж. Констанъ, *Комментарій къ Филанджіери*, ч. II, гл. XV.

[2]) Relation de Thomas Gage, p. 58. (М.).

[3]) Въ кн. XVI, гл. IV. (М.).

[4]) Ср. Кемпфера, который ссылается на перепись жителей въ Меако. (М.).

[5]) Собраніе путешествій, послужившихъ къ учрежденію Индійской компаніи, гл. I, стр. 347. (М.).

[6]) Японія состоитъ изъ острововъ; въ ней много береговъ, море же очень богато рыбою. (М.).

таѣ [1]), питающихся почти одною рыбою [2]). Если это такъ, то монастырскія правила, обязывающія къ употребленію одной рыбной пищи, находятся въ противорѣчіи съ намѣреніемъ законодателей.

ГЛАВА XIV.

О произведеніяхъ земли, требующихъ того или иного количества населенія.

Страны, въ которыхъ преобладаютъ пастбища, бываютъ слабо населены, потому что въ нихъ люди находятъ мало занятій; пахотныя земли требуютъ большаго числа работниковъ, а виноградники—еще несравненно большаго.

Въ Англіи [3]) часто слышались жалобы на то, что увеличеніе пастбищъ ведетъ къ уменьшенію населенія; во Франціи же замѣчено, что множество виноградниковъ составляютъ одну изъ главныхъ причинъ ея многолюдія.

Страны, въ которыхъ каменноугольныя копи даютъ горючій матеріалъ, имѣютъ то преимущество, что, не нуждаясь въ лѣсѣ, могутъ обрабатывать всѣ свои земли.

Гдѣ произрастаетъ рисъ, тамъ необходимы большія работы для правильнаго распредѣленія влаги, а слѣдовательно, нужно и много рабочихъ рукъ; но это еще не все: рисъ требуетъ меньшаго, чѣмъ какой-либо другой хлѣбъ, пространства земли для пропитанія семьи; наконецъ, поскольку работы производятся здѣсь не животными, а людьми, пространства земли, идущія въ другихъ случаяхъ на производство корма для животныхъ, служатъ для непосредственнаго производства пищи для человѣка, и земледѣліе становится какъ бы неизмѣримой мануфактурой [4]).

ГЛАВА XV.

О количествѣ населенія по отношенію къ промышленности.

При аграрныхъ законахъ и равномѣрномъ распредѣленіи земель страна можетъ имѣть очень густое населеніе, хотя бы промышленность и была въ ней очень слабо развита, потому что каждый гражданинъ получаетъ

---

[1]) Китай изобилуетъ ручьями. (М.).

[2]) См. О. дю-Гальда, т. II, стр. 139. 142. (М.).

[3]) Большинство землевладѣльцевъ, говоритъ Бёрнетъ, находя болѣе выгоднымъ производство шерсти, чѣмъ хлѣба, огородили свои владѣнія. Общины (т.-е. народъ), умиравшія съ голоду, возстали: предлагалось введеніе аграрнаго закона—самъ молодой король писалъ по этому поводу—и появлялись прокламаціи, направленныя противъ тѣхъ, которые загородили свои земли. *Сокр. истор. реформ.*, стр. 44 и 83. (М.).

[4]) См. выше, кн. VIII, гл. XXI.

отъ обработки своей земли какъ разъ то, что необходимо для его пропитанія. Такъ было въ нѣкоторыхъ древнихъ республикахъ [1]).

Но въ современныхъ государствахъ земли распредѣлены неравномѣрно [2]); онѣ производятъ болѣе, чѣмъ могутъ потребить тѣ, которые ихъ обрабатываютъ, и если въ такой странѣ пренебрегаютъ промыслами, оставаясь при одномъ земледѣліи, она не можетъ имѣть густого населенія. Тѣ, которые работаютъ въ ней сами или заставляютъ другихъ работать, имѣя свободный остатокъ продуктовъ, не будутъ побуждаемы къ постоянной изъ года въ годъ работѣ: продукты эти не будутъ потребляться праздными людьми, потому что празднымъ людямъ будетъ не на что покупать ихъ. Необходимо поэтому развитіе промысловъ, чтобы продукты земледѣлія были потребляемы земледѣльцами и ремесленниками. Короче, необходимо, чтобы многіе земледѣльцы производили болѣе, чѣмъ нужно для ихъ пропитанія, а для этого, въ свою очередь, необходимо развить въ нихъ вкусъ къ излишку; вкусъ же этотъ дается лишь работой ремесленниковъ.

Машины, предназначаемыя для сокращенія промышленнаго труда, не всегда бываютъ полезны. Если какое-нибудь издѣліе продается по умѣренной цѣнѣ, выгодной какъ для покупщика, такъ и для работника, машина, которая упроститъ его производство, слѣдовательно, сократитъ число рабочихъ, будетъ имѣть пагубное [3]) дѣйствіе; если-бъ водяныя мельницы не находились во всеобщемъ употребленіи, я не считалъ бы ихъ столь полезными, какъ это обыкновенно полагаютъ, такъ-какъ онѣ оставили безчисленное множество рукъ безъ работы [4]), отняли у многихъ людей воду и много земель лишили плодородія.

ГЛАВА XVI.

Объ отношеніи законодателя къ размноженію населенія.

Характеръ постановленій, регулирующихъ число гражданъ, много зависитъ отъ обстоятельствъ. Есть страны, въ которыхъ природа все сдѣ-

[1]) А. Въ нѣкоторыхъ республикахъ.

[2]) А. В. Гдѣ земли такъ неравномѣрно распредѣлены.

[3]) Авторъ защищаетъ заблужденіе, давно отвергнутое опытомъ и изслѣдованіемъ. Изобрѣтеніе машины, конечно, вноситъ временное разстройство въ ту промышленную отрасль, которая ее употребляетъ: она сокращаетъ число рабочихъ рукъ и лишаетъ заработка честныхъ и искусныхъ рабочихъ; все это причиняетъ преходящія страданія, которыя общество должно принимать въ расчетъ. Но конечнымъ результатомъ всякой машины бываетъ уменьшеніе цѣны производимаго продукта, увеличеніе его потребленія и усиленіе запроса на трудъ—послѣдствія, одинаково выгодныя для потребителя и для работника. Развѣ желѣзныя дороги упразднили лошадей и экипажи?

[4]) Это то же, какъ если бы кто сказалъ, что водяныя мельницы, подобно вѣтрянымъ (а эти послѣднія суть также машины), разорили рабовъ и женщинъ, которыхъ изнуряли верченіемъ жернововъ и толченіемъ зерна. Авторъ забываетъ, что прогрессъ въ употребленіи машинъ въ извѣстной степени есть прогрессъ самой цивилизаціи.

лала, и законодателю больше ничего не остается дѣлать. Къ чему станетъ законъ поощрять къ размноженію тамъ, гдѣ самый климатъ обезпечиваетъ достаточное количество населенія? Иногда климатъ болѣе благопріятствуетъ размноженію, чѣмъ почва; въ такомъ случаѣ народъ плодится, а голодъ истребляетъ его. Таково положеніе Китая, гдѣ отецъ продаетъ дочерей своихъ и забрасываетъ дѣтей. Тѣ же причины производятъ въ Тонкинѣ [1]) тѣ же послѣдствія, и для этого нѣтъ надобности, подобно арабскимъ путешественникамъ, о которыхъ говоритъ Ренадо, обращаться за объясненіемъ къ ученію [2]) о переселеніи душъ.

По тѣмъ же побужденіямъ, религія, на островѣ Формозѣ [3]), не дозволяетъ женщинѣ имѣть дѣтей ранѣе тридцатипятилѣтняго возраста. Женщинѣ, забеременѣвшей ранѣе этого возраста, жрица мнетъ животъ, пока не произойдетъ выкидыша.

ГЛАВА XVII.

О Греціи и числѣ ея обитателей.

То, что въ нѣкоторыхъ странахъ Востока было слѣдствіемъ физическихъ причинъ, получилось въ Греціи какъ результатъ особенностей ея политическаго устройства. Многочисленная греческая нація распадалась на отдѣльные города, изъ которыхъ каждый имѣлъ свое правительство и свои законы. Они обнаруживали такъ же мало склонности къ завоева, ніямъ, какъ Швейцарія, Голландія и Германія въ наше время. Въ каждой отдѣльной республикѣ законодатель стремился, чтобы граждане внутри ея были счастливы и чтобы во внѣшнемъ могуществѣ не уступали сосѣднимъ городамъ [4]). При ограниченной территоріи и при большомъ благосостояніи населенія, число гражданъ легко возростало и становилось странѣ въ тягость. Поэтому греки основывали постоянно колоніи [5]), нанимались въ военную службу, подобно тому, какъ это дѣлаютъ въ наше время швейцарцы, и не пренебрегали никакими средствами, чтобы задержать слишкомъ большое увеличеніе числа дѣтей.

Нѣкоторыя изъ греческихъ республикъ отличались особеннымъ устройствомъ: у нихъ подчиненные народы должны были поставлять гражданамъ съѣстные припасы; такъ лакедемонянъ кормили илоты, критянъ— періэки, ѳессалійцевъ—пенесты. Число свободныхъ людей не должно было превышать извѣстной цифры, чтобы рабы могли прокормить ихъ. Мы го-

---

[1]) *Путешествія* Дампьера, т. II, стр. 41. (М.).

[2]) Стр. 167. (М.).

[3]) См. *Собр. путеш., послуж. къ учрежд. Индійской компаніи*, т. V, ч. I, стр. 182 и 188. (М.). Приводимому свидѣтельству трудно повѣрить, если нѣтъ особой къ тому склонности, которую обнаруживаетъ авторъ «Духа Законовъ».

[4]) Въ мужествѣ, дисциплинѣ и военномъ искусствѣ. (М.).

[5]) Галлы, жившіе въ тѣхъ же условіяхъ, поступали такъ же. (М.).

ворим теперь, что слѣдуетъ ограничить число регулярныхъ войскъ; Лакедемонъ же былъ одной арміей, содержимой земледѣльцами: необходимо было удерживать численность этой арміи въ извѣстныхъ предѣлахъ, иначе свободные люди, пользующіеся всѣми общественными преимуществами, размножились бы настолько, что земленащцы были бы подавлены ихъ числомъ.

Греческіе политики поэтому обращали особое вниманіе на способы урегулированія числа гражданъ. Платонъ [1]) опредѣляетъ ихъ число въ 5040 челов. и требуетъ, чтобы размноженіе населенія, смотря по надобности, задерживалось или поощрялось помощью почестей, страха позора, увѣщаній старцевъ; онъ хочетъ даже [2]), чтобы государство опредѣляло число браковъ съ цѣлью нормированія количества населенія, чтобы не обременять республики.

Если законы страны, говоритъ Аристотель [3]), воспрещаютъ забрасывать дѣтей, необходимо, чтобы ограничить ихъ число, заранѣе опредѣлить, сколько каждый можетъ ихъ произвести; если же ихъ оказывается больше, чѣмъ то опредѣлено закономъ, онъ совѣтуетъ [4]) производить искусственные выкидыши, пока зародышъ не одаренъ еще способностью жизни [5]).

Аристотель же [6]) свидѣтельствуетъ о гнусномъ средствѣ, употребляемомъ критянами для предотвращенія слишкомъ большого числа дѣтей; но чувство стыдливости не позволяетъ мнѣ говорить о немъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, говоритъ еще Аристотель [7]), законъ признаетъ гражданами иностранцевъ, незаконнорожденныхъ и тѣхъ, которые только родились отъ гражданки; но законъ этотъ отмѣняется, какъ только размѣръ населенія оказывается достаточнымъ. Дикари Канады обыкновенно сжигаютъ своихъ плѣнниковъ; но если у нихъ оказываются незанятыя хижины, они помѣщаютъ ихъ въ этихъ послѣднихъ и считаютъ принадлежащими къ своему народу.

Петти высчитываетъ, что человѣкъ въ Англіи стоитъ столько же, за сколько его можно продать въ Алжирѣ [8]). Это, быть-можетъ, вѣрно

---

[1]) Въ своихъ *Законахъ*, кн. V. (М.). Въ государствахъ, ограниченныхъ стѣнами города, у народа, который самъ рѣшалъ свои дѣла на площади, населеніе гражданъ не могло бозконечно увеличиваться. Послѣ того, какъ оно достигало извѣстнаго числа, всякое совѣщаніе, голосованіе и управленіе становилось невозможнымъ. Но затрудненія эти не существуютъ въ наше время, располагающее типографіями, прессой и представительной системой. У древнихъ были только самоуправляющіеся города, тогда какъ у насъ государства.

[2]) Республика, кн. V. (М.).

[3]) Политикѣ, кн. VII, гл. XVI. (М.).

[4]) Тамъ же. (М.).

[5]) Въ извиненіе Аристотелю слѣдуетъ замѣтить, что онъ полагалъ, что зародышъ до извѣстнаго времени не обладаетъ ни чувствомъ, ни самостоятельнымъ существованіемъ и составляетъ лишь часть утробы матери.

[6]) Полит., кн. II. гл. VII.

[7]) Полит., кн. III. гл. V. (М.). Пр. къ гл. VI.

[8]) 60 ф. стерл. (М.).

относительно Англіи; но есть страны, въ которыхъ человѣкъ ничего не стоитъ, а есть и такія, гдѣ онъ стоитъ менѣе, чѣмъ ничего.

ГЛАВА XVIII.

О состояніи народовъ до римлянъ.

Италія, Сицилія, Малая Азія, Испанія, Галлія, Германія были почти такъ же полны мелкихъ народовъ, какъ Греція, и кишѣли жителями; въ нихъ, слѣдовательно, не было никакой надобности въ законахъ, поощряющихъ увеличеніе числа [1]) послѣднихъ.

ГЛАВА XIX.

Какъ міръ обезлюдѣлъ.

Всѣ эти мелкія республики были поглощены одною большою, и міръ мало-по-малу обезлюдѣлъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить, чѣмъ были Италія и Греція до и послѣ римскихъ завоеваній.

«Меня спросятъ», говоритъ Титъ-Ливій [2]), «гдѣ вольски могли найти достаточное число воиновъ для веденія войны, послѣ того какъ они были уже столько разъ побѣждены. Надо думать, что несмѣтное множество народа жило въ этихъ странахъ, которыя теперь были бы пустыней безъ тѣхъ немногихъ воиновъ и римскихъ рабовъ, которые въ нихъ находятся».

«Оракулы умолкли», говоритъ Плутархъ [3]), «потому что разорены тѣ мѣста, гдѣ раздавался ихъ голосъ; едвали найдется теперь въ Греціи и три тысячи воиновъ».

«Я не стану описывать», говоритъ Страбонъ [4]), «Эпира и окрестныхъ мѣстъ, потому что они совсѣмъ запустѣли. Безлюдье въ нихъ началось уже давно и растетъ съ каждымъ днемъ, такъ что римскіе солдаты размѣщались въ покинутыхъ домахъ. Причину этому онъ находитъ у Полибія, который говоритъ, что Павелъ Эмилій, послѣ одержанной имъ побѣды, уничтожилъ въ Эпирѣ 70 городовъ и вывелъ изъ него 150,000 рабовъ.

ГЛАВА XX.

О томъ, что обстоятельства заставили римлянъ издать законы, имѣющіе цѣлью увеличеніе населенія.

Римляне, уничтоживъ всѣ народы, уничтожили и самихъ себя. Находясь въ постоянномъ дѣйствіи и напряженіи, постоянно кого-нибудь при-

---

[1]) Персидскія письма. CXII, рус. пер. стр. 232.

[2]) Liv. VI, c. XII. (M.). In eis locisquae nunc, vix seminario exiguo militum relicto, servitia romana ab solitudine vindicant, т.-е.: теперь эта страна была бы пустыней, если бъ въ ней не было небольшого числа римскихъ рабовъ, такъ что въ ней почти нѣтъ людей, которые могли бы быть воинами (Кревье).

[3]) *Нравств. сочиненія:* объ умолкшихъ оракулахъ. (M.).

[4]) Lib. VII, p. 496. (M.).

тѣсняя, они изнашивались, какъ изнашивается оружіе отъ постояннаго употребленія.

Я не стану говорить здѣсь объ ихъ заботахъ по пріобрѣтенію новыхъ гражданъ [1]), по мѣрѣ того, какъ они теряли старыхъ; объ устроенныхъ ими союзахъ, о дарованіи ими гражданскихъ правъ и о необъятномъ питомникѣ гражданъ, который они нашли въ своихъ рабахъ; я буду говорить о томъ, что они сдѣлали для пополненія убыли—не въ гражданахъ, а въ людяхъ [2]); и такъ какъ это былъ народъ, который умѣлъ лучше, чѣмъ всякій другой, приводить свои законы въ согласіе со своими намѣреніями, то будетъ во всякомъ случаѣ не безполезно разсмотрѣть, что именно они сдѣлали въ этомъ направленіи.

ГЛАВА XXI.

О законахъ римлянъ для увеличенія населенія.

Древніе римскіе законы настойчиво побуждали гражданъ ко вступленію въ бракъ. Сенатъ и народъ часто издавали постановленія по этому предмету, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Августъ въ своей рѣчи, приводимой Діономъ [3]).

Діонисій Галикарнасскій [4]) не хочетъ вѣрить, чтобы послѣ 305 фабіевъ, истребленныхъ жителями Вей, въ живыхъ изъ всего рода осталось одно только дитя, потому что древній законъ, предписывавшій, чтобы всякій гражданинъ былъ женатъ и воспитывалъ всѣхъ своихъ дѣтей, находился еще въ полной силѣ [5]).

Независимо отъ законовъ, за браками наблюдали цензоры, и если того требовали интересы республики, побуждали [6]) гражданъ ко вступленію въ бракъ, при посредствѣ стыда и наказанія.

Начавшаяся затѣмъ порча нравовъ много способствовала тому, что граждане мало-по-малу получили отвращеніе къ браку, который не даетъ ничего, кромѣ заботъ людямъ, потерявшимъ вкусъ къ радостямъ невинности. Таковъ смыслъ увѣщанія [7]), обращеннаго цензоромъ Метелломъ Нумидикомъ къ народу: «Если бы возможно было обойтись совсѣмъ безъ женъ, мы избавились бы отъ этого зла; но такъ какъ установлено природой, что нельзя ни жить счастливо съ ними, ни обойтись безъ нихъ,

---

[1]) Я уже говорилъ объ этомъ въ *Размышл. о величіи Римлянъ*, гл. XIII. (М.).

[2]) А. В. Одинъ современный авторъ обсуждалъ этотъ вопросъ въ своихъ *Размышленіяхъ* и т. д.

[3]) Ливій, LVI. (М.).

[4]) Лив. II. (М.).

[5]) 277 годъ отъ осн. Р. (М.).

[6]) Какъ они въ этихъ случаяхъ поступали, о томъ см. у Тита-Ливія, кн. 45. *Сокращ.* Тита-Ливія, кн. LIX, Авла Геллія, кн. I, гл. VI; Валерія Максима, кн. II, гл. IX. (М.).

[7]) Оно приведено у Авла Геллія, кн. I, гл. VI. (М.).

то слѣдуетъ болѣе имѣть въ виду сохраненіе нашего рода, чѣмъ преходящія радости».

Паденіе нравовъ устранило цензуру, призванную къ устраненію порчи нравовъ, но оказавшуюся безсильною [1]), послѣ того какъ паденіе это стало всеобщимъ.

Усобицы, тріумвираты, проскрипціи ослабили Римъ болѣе всякой войны. Гражданъ оставалось мало [2]), да и тѣ большею частью были неженаты. Чтобы устранить послѣднее зло, Цезарь и Августъ возстановили цензуру и захотѣли [3]) сами сдѣлаться цензорами. Ими изданы различныя постановленія. Цезарь [4]) назначилъ награды тѣмъ, кто имѣлъ много дѣтей. Онъ запретилъ [5]) женщинамъ моложе 45 лѣтъ, не имѣвшимъ ни мужа, ни дѣтей, носить драгоцѣнности и употреблять носилки, — превосходный способъ борьбы съ безбрачіемъ посредствомъ тщеславія. Законы Августа [6]) были еще требовательнѣе: онъ наложилъ [7]) новыя наказанія на холостыхъ и увеличилъ награды женатымъ и тѣмъ, которые имѣли дѣтей. Тацитъ называетъ эти законы Юліевыми [8]); повидимому, они образовались изъ сочетанія древнихъ постановленій, изданныхъ сенатомъ, народомъ и цензорами.

Законъ Августа встрѣтилъ въ примѣненіи своемъ тысячу препятствій, и 34 года [9]) спустя послѣ его изданія римскіе всадники стали просить объ его отмѣнѣ. Августъ приказалъ стать на одну сторону всѣмъ женатымъ, на другую холостымъ. Послѣдніе оказались въ большинствѣ, что очень удивило и смутило гражданъ. Напоминая суровымъ видомъ древнихъ цензоровъ, Августъ обратился къ присутствующимъ съ такими словами [10]):

«Въ то время какъ болѣзни и войны похищаютъ у насъ такое множество гражданъ, что будетъ съ городами, если никто болѣе не захочетъ вступать въ бракъ? Не дома, портики и площади составляютъ городъ; его составляютъ люди. Они не выйдутъ изъ-подъ земли, какъ въ баснѣ, чтобы взять на себя попеченіе о вашихъ дѣлахъ. Если вы предпочитаете оставаться холостыми, то вовсе не потому, чтобы искали одиночества; ибо

---

[1]) См. выше, кн. V, гл. XIX. (М.).

[2]) По переписи, произведенной по распоряженію Цезаря послѣ междоусобной войны, оказалось всего 150,000 главъ семействъ. *Сокращеніе* Тита-Ливія, сост. Флоромъ. 12-я декада. (М.).

[3]) См. Діона, кн. XLIII и Ксифилина, *in August*. (М.).

[4]) Діонъ, кн. XLIII, гл. XXV; Светоній, *Жизнь Цезаря*, гл. XX; Аппіанъ, кн. II, о междоусобной войнѣ. (М.).

[5]) Евсевій, въ своей *Хроникѣ*, (М.) Светоній, *Жизнь Цезаря*, гл. XLIII.

[6]) Діонъ, кн. LIX, гл. XVI. (М.).

[7]) Въ 736 г. п. осн. Рима. (М.).

[8]) Julias rogationes. Анналы, кн. III, гл. XXV. (М.).

[9]) Въ 762 г. п. осн. Рима, Діонъ, кн. LVI, гл. I. (М.).

[10]) Я сократилъ эту рѣчь, которая утомительно длинна; она приведена у Діона, кн. LVI. (М.).

каждый изъ васъ имѣетъ подругъ у своего стола и постели: вы ищете лишь покоя въ вашемъ распутствѣ. Не сошлетесь ли вы, напримѣръ, на дѣвъ-весталокъ? Но тогда за нарушеніе цѣломудрія васъ слѣдовало бы подвергать одинаковому съ ними наказанію. Послѣдуютъ ли всѣ вашему примѣру, или никто не станетъ подражать вамъ,—вы въ томъ и другомъ случаѣ одинаково дурные граждане. Моя единственная цѣль — долговѣчность республики. Я увеличилъ наказанія тѣмъ, которые оказали неповиновеніе; что же касается наградъ, то не думаю, чтобы добродѣтель когда-нибудь получала бо́льшія. Есть и ме́ньшія награды, за которыя тысячи людей готовы рисковать жизнью, а васъ онѣ не могутъ заставить взять жену и кормить дѣтей».

Онъ издалъ законъ, который былъ названъ его именемъ—Юлія, и именемъ двухъ консуловъ [1])—Папія-Поппея, правившихъ эту должность въ то время. Размѣры зла обнаружились въ самомъ ихъ избраніи: Діонъ [2]) говоритъ, что оба были неженаты и не имѣли дѣтей.

Этотъ законъ Августа былъ собственно-законодательнымъ кодексомъ и систематическимъ сборникомъ всѣхъ законоположеній по этому предмету. Законы Юліевы [3]) въ немъ переработаны и имъ придано болѣе силы. Въ нихъ такъ много соображеній, и они оказываютъ вліяніе на такое множество отношеній, что составляютъ прекраснѣйшую часть римскаго гражданскаго законодательства.

Части ихъ [4]) разсѣянны въ драгоцѣнныхъ фрагментахъ Ульпіана; въ законахъ Дигестъ, заимствованныхъ у авторовъ, писавшихъ о законахъ Папія; у историковъ и другихъ авторовъ, которые дѣлали на нихъ ссылки; въ кодексѣ Ѳеодосія, который ихъ отмѣнилъ; у отцовъ церкви, которые осуждали ихъ съ ревностью, похвальною съ точки зрѣнія будущей жизни, но съ весьма слабымъ пониманіемъ жизни настоящей.

Законы эти имѣли много статей, изъ которыхъ извѣстны тридцать пять [5]); но избирая болѣе прямой путь къ моему предмету, я начну со статьи, которую Авлъ Гелій [6]) называетъ седьмою, и которая касается почестей и наградъ, предоставляемыхъ этимъ закономъ.

Римляне, которые были большею частью выходцами изъ латинскихъ городовъ, бывшихъ лакедемонскихъ колоній [7]), и даже отчасти заимство-

---

[1]) Marcus Papius Mutilus и Q. *Poppoeus* Sabinus. Діонъ, кн. LVI. (М.).

[2]) Діонъ, кн. LVI. (М.).

[3]) Гл. XIV *Фрагментовъ* Ульпіана ясно отличаетъ законы Юлія отъ закона Папія. (М.).

[4]) Жакъ Годфруа составилъ изъ нихъ компиляцію.

[5]) На тридцать пятую сдѣлана ссылка въ законѣ 19-мъ *de ritu nuptiarum*. (М.).

[6]) Кн. II, гл. XV.

[7]) Діонисій Галикарнасскій. (М.). Фантазія Діонисія.

вали у этихъ городовъ [1]) свои законы, питали, подобно лакедемонянамъ, то почтеніе къ старости, которое предполагаетъ предоставленіе ей всѣхъ почестей и всѣхъ правъ старшинства. Когда въ республикѣ сталъ ощущаться недостатокъ въ гражданахъ, преимущества, присвоенныя возрасту [2]), предоставили браку и опредѣленному числу дѣтей въ семьѣ. Одни изъ этихъ преимуществъ давались браку, независимо отъ дѣтей, которыя могли отъ него произойти; это называлось правомъ мужей. Другія преимущества были присвоены лицамъ, имѣвшимъ дѣтей; наибольшія,—если дѣтей было не менѣе трехъ. Не слѣдуетъ смѣшивать эти три случая: были преимущества, которыми всѣ женатые люди неизмѣнно пользовались, какъ, напр., особыя мѣста въ театрѣ [3]); другими же они пользовались лишь въ томъ случаѣ, если ихъ не оспаривали лица, имѣвшія дѣтей или имѣвшія ихъ болѣе, чѣмъ они.

Преимущества эти были весьма обширны. Людямъ женатымъ, имѣвшимъ наибольшее число дѣтей, всегда оказывалось предпочтеніе [4]) какъ при соисканіи почестей, такъ и въ то время, когда они ими пользовались. Консулъ, имѣвшій большое число дѣтей, первый принималъ знаки своего достоинства [5]) (несъ связки прутьевъ) и имѣлъ преимущество въ выборѣ провинцій [6]). Сенаторъ съ наибольшимъ числомъ дѣтей вносился первымъ въ списокъ сенаторовъ и первый давалъ въ сенатѣ свое мнѣніе [7]). Дѣти доставляли возможность занятія государственныхъ должностей ранѣе общаго срока, потому что каждый ребенокъ давалъ одинъ годъ преимущества по службѣ [8]). Кто имѣлъ въ Римѣ трехъ дѣтей, тотъ избавлялся отъ всѣхъ личныхъ повинностей [9]). Свободнорожденныя матери троихъ дѣтей и вольноотпущенницы, имѣвшія ихъ не менѣе четырехъ, выходили [10]) изъ-подъ всякой опеки, въ которой держали [11]) ихъ древніе римскіе законы.

На ряду съ наградами полагались и наказанія [12]). Холостые не могли наслѣдовать по завѣщанію посторонняго лица [13]); а тѣ изъ нихъ, которые

---

[1]) Выборные отъ г. Рима, посланные за греческими законами, отправились въ Аѳины и города Италіи.

[2]) Авлъ Гелій, кн. II, гл. XV. (М.).

[3]) Светоній, *Августъ*, гл. XLIV. (М.).

[4]) Тацитъ, *Анналы*, кн. II, гл. LI. *Ut numerus liberorum in candidatis preopolleret, quod lex jubebat.* (М.).

[5]) Авлъ Гелій, кн. II, гл. XV. (М.).

[6]) Тацитъ *Анналы*, кн. XV, гл. XIX. (М.).

[7]) См. законъ 6, § 5 ff *de decurion.* (М.).

[8]) См. законъ 2, ff de minorib. (М.).

[9]) Законъ 1, § 3 и 1. 2, ff de vacat. et excusat. muner. (М.).

[10]) Ульпіанъ: Fragm. tit XXIX, § 3. (М.).

[11]) Плутархъ, Жизнеоп. Нумы. (М.).

[12]) См. *Fragm.* Ульпіана, tit. XIV, XV, XVI, XVII, XVIII, которые принадлежатъ къ прекраснѣйшимъ страницамъ древней римской юриспруденціи.

[13]) Созом., кн. I, гл. IX. Наслѣдовали отъ родственниковъ. *Fragm.* Ульпіанъ tit. XVI, § 1. (М.).

хотя и были женаты, но не имѣли дѣтей, получали по такому завѣщанію только половину [1]). Римляне, говоритъ Плутархъ [2]), вступали въ бракъ для того, чтобы наслѣдовать, а не для того, чтобы имѣть наслѣдниковъ.

Права отказа между супругами по завѣщанію были ограничены закономъ. Супруги могли отказывать другъ другу все свое имущество [3]), если имѣли отъ своего брака дѣтей; если не имѣли ихъ, то могли получать одну десятую наслѣдства на правахъ супруговъ; если же имѣли дѣтей отъ другого брака, то могли отдавать другъ другу столько десятыхъ частей изъ своего имущества, сколько было такихъ дѣтей.

Мужъ, оставившій [4]) жену не по дѣламъ республики, а по инымъ причинамъ, не могъ послѣ нея наслѣдовать.

Въ случаѣ смерти одного изъ супруговъ, законъ давалъ оставшемуся въ живыхъ два года [5]) срока для вступленія въ новый бракъ, въ случаѣ развода—полтора года. Если родители мѣшали дѣтямъ вступать въ бракъ или не давали дочерямъ приданаго, то приневоливались къ тому властями [6]).

Помолвка не допускалась въ тѣхъ случаяхъ, когда самый бракъ отлагался болѣе, чѣмъ на два года [7]); а такъ какъ нельзя было жениться на дѣвушкѣ моложе 12 лѣтъ, то нельзя было и обручиться съ нею прежде, чѣмъ она достигала десяти лѣтъ. Законъ воспрещалъ, подъ предлогомъ обрученія, пользоваться [8]) преимуществами женатыхъ людей.

Человѣку въ шестьдесятъ лѣтъ [9]) воспрещалось брать жену пятидесяти лѣтъ. Предоставляя женатымъ большія преимущества, законъ воспрещалъ браки безполезные. По той же причинѣ сенатскимъ опредѣленіемъ Кальвизія [10]) объявленъ неравнымъ бракъ между женщиной старше пятидесяти и мужчиной моложе шестидесяти лѣтъ, такъ что женщина пятидесяти лѣтъ, выходя замужъ, всегда подлежала опредѣляемымъ этими законами наказаніямъ. Тиверій еще усилилъ [11]) суровость Папіева закона,

---

[1]) Созом. ibid. et leg. unic. cod. Theodos. De infirm. poenis coelib. et orbitat. (M.)

[2]) Произведенія нравоучительныя: *О любви родителей къ дѣтямъ*. (M.).

[3]) Подробности въ *фрагментахъ* Ульпіана, tit. XV и XVI. (M.).

[4]) *Fragm.* Ульпіапа, tit. XVI, § 1. (M.).

[5]) *Fragm.* Ульпіана. tit. XIV. Какъ кажется, первыми Юліевыми законами срокъ полагался трехлѣтній. См. рѣчь Августа у Діона, кн. LVI; Светонія. *Жизнь Августа*, гл. XXXIV. Другіе Юліевы законы давали только одинъ годъ: наконецъ, Папіевъ законъ—два года: *Fragm.* Ульпіана, tit. XIV. Законы эти не были пріятны народу, и Августъ умѣрялъ или усиливалъ ихъ строгость, сообразуясь съ большею или меньшей готовностью народа переносить ихъ. (M.).

[6]) Тридцать пятая статья Папіанова закона, § 19, ff de ritu nuptiarum. (M.).

[7]) См. Діона, кн. LVI, годъ 736; Светонія *Октавій*. гл. XXXIV. (M.).

[8]) См. Діона, кн. LVI и его же рѣчь Августа, кн. LVI. (M.).

[9]) *Fragm.* Ульпіана, tit. XVI; и законъ 27-й cod. de nuptiis. (M.).

[10]) Ibid.

[11]) См. Светонія: *Клавдій*, гл. XXIII. (M.),

запретивъ мужчинѣ въ шестьдесятъ лѣтъ вступать въ бракъ съ женщиной моложе пятидесяти, такъ что человѣкъ шестидесяти лѣтъ не могъ ни въ какомъ случаѣ жениться, не подвергаясь угрозѣ наказанія; но Клавдій [1]) отмѣнилъ все, что было постановлено Тиверіемъ по этому предмету.

Всѣ эти распоряженія болѣе соотвѣтствовали климату Италіи, чѣмъ сѣвера, гдѣ мужчина шестидесяти лѣтъ не лишенъ еще силы, а женщина пятидесяти не всегда бываетъ безплодна.

Чтобы устранить безполезныя ограниченія при выборѣ супруга, Августъ разрѣшилъ всѣмъ свободнорожденнымъ, кромѣ сенаторовъ [2]), жениться на вольноотпущенницахъ [3]). Папіевъ законъ [4]) воспрещалъ сенаторамъ бракъ съ женщинами, отпущенными на волю или игравшими на сценѣ; во время же Ульпіана [5]) свободнорожденный не могъ жениться на женщинѣ, распутной, игравшей на сценѣ или осужденной по судебному приговору. Надо думать, что это было постановлено какимъ-нибудь сенатскимъ опредѣленіемъ: во времена республики подобные законы не встрѣчаются, потому что исправленіе и предупрежденіе безчинствъ этого рода лежало на обязанности цензоровъ.

Послѣ того какъ Константинъ [6]) издалъ законъ, которымъ включилъ въ запрещенія Папіева закона не только сенаторовъ, но и всѣхъ, занимавшихъ въ государствѣ значительныя должности, не говоря о людяхъ болѣе скромныхъ положеній, только тѣмъ свободнорожденнымъ, на которыхъ указывалъ законъ Константина, были воспрещены такіе браки. Юстиніанъ [7]) отмѣнилъ и этотъ законъ Константина, разрѣшивъ вступленіе въ бракъ между собою всѣмъ лицамъ безъ различія. Отсюда начало той печальной свободы, которой и мы пользуемся.

Понятно, что наказанія за воспрещенные закономъ браки были тѣ же, что и за не вступленіе въ бракъ; браки эти не давали никакихъ гражданскихъ выгодъ [8]), и законъ о приданомъ [9]) послѣ смерти жены терялъ для мужа свою силу [10]).

Послѣ того какъ Августъ объявилъ собственностью казны [11]) наслѣдства и легаты всѣхъ тѣхъ, которыхъ законы объявили неправоспособными, законы эти получили болѣе фискальный, чѣмъ политическій и

---

[1]) См. Светонія: *Клавдій*, гл. XXIII; а также *Fragm.* Ульпіана, tit. XVI. § 3. (М.).

[2]) Діонъ, кн. LIV; *Fragm.* Ульпіана, tit. XIII. (М.).

[3]) Рѣчь Августа, у Діона, кн. LVI. (М.)

[4]) *Fragm.* Ульпіана, гл. XIII; зак. 44, ff. *de ritu nuptiarum*, въ концѣ. (М.).

[5]) См. *Fragm.* Ульпіана, tti. XIII, et. XVI. (М.).

[6]) См. 1-й законъ, въ код. de nat. lib. (М.).

[7]) Новелла 117. (М.).

[8]) Законъ 37-й, § 7, ff. *de oper. libert; Fragm.* Ульпіана, tit. XVI, § 2. (М.)

[9]) *Fragm*, ibid. (М.).

[10]) См. ниже, гл. XIII, кн. XXVI. (М.).

[11]) За исключ. извѣстн. случаевъ. См. *Fragm.* Ульпіана, tit. XVIII; и единственный законъ въ код. de caduc. tollend. (М.).

гражданскій характеръ. Отвращеніе къ налагаемымъ ими стѣсненіями, которыя и такъ уже почитались крайне обременительными, еще усилилось отъ угрозы постоянныхъ притязаній со стороны алчной казны. Слѣдствіемъ было то, что при Тиверіи оказалось необходимымъ умѣрить [1]) дѣйствіе этихъ законовъ, что Неронъ уменьшилъ размѣръ опредѣленнаго доносчикамъ [2]) вознагражденія, Траянъ [3]) остановилъ ихъ грабительства, Северъ [4]) видоизмѣнилъ эти законы и что юристы, считая ихъ притѣснителями, въ своихъ рѣшеніяхъ уклонялись отъ точнаго ихъ толкованія.

Къ тому же императоры ослабляли значеніе этихъ законовъ [5]) дарованіемъ преимуществъ, соединенныхъ съ правомъ мужей, дѣтей и троихъ дѣтей; они пошли еще дальше, когда стали освобождать частныхъ лицъ [6]) отъ налагаемыхъ этими законами наказаній,—хотя въ дѣлахъ общественной пользы, согласно общепринятымъ правиламъ, никакъ не слѣдовало бы допускать такія изъятія.

Здравый смыслъ потребовалъ распространенія правъ дѣтей на весталокъ [7]), которыхъ религія обязывала вѣчно оставаться дѣвственницами. Право мужей было даровано [8]) солдатамъ, потому что они лишены были возможности жениться. Согласно обычаю, императоры освобождались отъ стѣсненій, налагаемыхъ нѣкоторыми гражданскими законами; такъ, Августъ былъ избавленъ отъ исполненія закона, ограничивающаго право [9]) отпуска на волю рабовъ, и закона, ограничивающаго завѣщательныя права [10]).

Все это были лишь частные случаи, но впослѣдствіи изъятія назначались съ такою неумѣренностью, что общее правило стало исключеніемъ.

Философскія секты внесли въ имперію тотъ духъ отчужденія отъ дѣлъ, который не могъ бы такъ сильно распространиться во времена республики [11]), когда всѣ проводили время въ военныхъ или мирныхъ занятіяхъ. Отсюда идея совершенствованія, пріуроченная ко всему, что

---

[1]) Relatum de moderanda Papia Popporea. Тацитъ. *Ann.* III, XXV. (М.).

[2]) Онъ уменьшилъ его до одной четверти. Светоній, *Неронъ*, гл. X. (М.).

[3]) См. *Панегирикъ* Плинія. (М.).

[4]) Северъ отсрочилъ до 25 лѣтъ для мужчинъ и 20 лѣтъ для дѣвушекъ дѣйствіе Папіева закона, какъ это можно видѣть при сравненіи *Fragm.* Ульпіана, т. XVI, съ тѣмъ, что говоритъ Тертуліанъ въ *Apologet*, гл. IV. (М.).

[5]) Р. Сципіонъ, цензоръ, въ своей обращенной къ народу рѣчи о нравахъ, жалуется на вошедшее въ практику злоупотребленіе, предоставляющее пріемному сыну одинаковыя права съ побочнымъ сыномъ. Авлъ Гелій, кн. V, гл. XIX. (М.).

[6]) См. законъ 31, ff. de ritu nupt. (М.).

[7]) Августъ далъ имъ Папіевымъ закономъ тѣ же преимущества, что и матерямъ. См. Діона, кн. LVI. Нума присвоилъ имъ древнее право женщинъ, имѣющихъ троихъ дѣтей, освобождавшее ихъ отъ обязательнаго попечителя. Плутархъ, въ *Жизнеописаніи Нумы*. (М.).

[8]) Клавдіемъ Діона, кн. LX. (М.).

[9]) L. Apud cum, ff. de manumissionib. § 1. (М.).

[10]) Діонъ, кн. LVI. (М.).

[11]) См. у Цицерона: *De officiis*, кн. I, его мнѣніе касательно этого спекулятивнаго направленія. (М.).

только влечетъ къ созерцательной жизни; отсюда удаленіе отъ заботъ и стѣсненій семейнаго существованія. Христіанская религія, явившись послѣ философіи, установила, такъ скать, понятія, которыя философія только подготовила.

Христіанство сообщило свой характеръ и юриспруденціи, такъ какъ свѣтская власть всегда находится въ извѣстной связи съ духовною [1]). Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взглянуть на кодексъ Ѳеодосія, который есть не что иное, какъ сводъ указовъ христіанскихъ императоровъ [2]).

Одинъ изъ панегиристовъ [3]) Константина говоритъ этому императору: «Единственною цѣлью твоихъ законовъ было наказаніе пороковъ и исправленіе нравовъ: ты уничтожилъ коварство въ старыхъ законахъ, которые, казалось, стремились только къ тому, чтобы уловлять въ свои сѣти простодушныхъ».

Перемѣны, произведенныя Константиномъ, несомнѣнно, имѣли въ основаніи или идею распространенія христіанства, или идею его усовершенствованія. Изъ первой возникли законы, сообщавшіе авторитету епископовъ столь широкое значеніе, что послужили основаніемъ церковной юрисдикціи: отсюда законы, ограничившіе родительскую власть [4]) тѣмъ, что лишили отцовъ права собственности надъ имуществомъ ихъ дѣтей. Въ интересахъ распространенія новой религіи потребовалось ограничить чрезмѣрную зависимость дѣтей, которыя получаютъ всегда менѣе того, что имъ бываетъ опредѣлено.

Къ законамъ, имѣвшимъ въ виду совершенство христіанства, прежде всего слѣдуетъ отнести законы, отмѣнившіе наказанія, установленныя Папіевымъ [5]) закономъ какъ для тѣхъ, которые оставались холостыми, такъ и для тѣхъ, которые, будучи женаты, не имѣли дѣтей.

«Установляли эти законы», говоритъ одинъ церковный историкъ [6]), «такъ, какъ будто размноженіе человѣческаго рода зависитъ отъ насъ; не думали о томъ, что число людей растетъ и падаетъ по волѣ Провидѣнія [7]).

---

[1]) Говоря въ болѣе общемъ смыслѣ, законы имѣютъ всегда отношеніе къ религіознымъ убѣжденіямъ, заключающимъ въ себѣ убѣжденія нравственныя.

[2]) Онъ былъ обнародованъ въ 438 г.

[3]) Назарій, in panegyrico Constantini, anno 321. (М.).

[4]) См. зак. 1, 2 и 3, въ код. Ѳеодос., de bonis maternis, maternique generis, etc., и единственный законъ въ томъ же кодексѣ: de bonis quoe filiis famil. acquiruntus. (М.).

[5]) L. *unic* Cod. Theod. *de infirm. poen. coelib et orbit.*

[6]) Созоменъ, кн. I, гл. IX. (М.)

[7]) Монтескье лучше, чѣмъ кто-либо знаетъ, какъ мало основанія въ умозаключеніяхъ Созомена; но, мнѣ кажется, онъ не отдаетъ должной справедливости законамъ христіанскихъ императоровъ. Папіевы законы были мѣропріятіями, лишенными всякой силы: нельзя законами возстановлять добрые нравы у народа, пораженнаго гангреной роскоши и нищеты. Христіанскіе законы болѣе благопріятствовали размноженію. Если они и превозносили безбра-

Основы религіи всегда оказывали чрезвычайное вліяніе на размноженіе человѣческаго рода: въ однихъ случаяхъ онѣ ему благопріятствовали, какъ, напр., у евреевъ [1]), магометанъ, гебровъ, китайцевъ; въ другихъ—относились къ нему непріязненно, какъ то было, напр., у римлянъ, сдѣлавшихся христіанами.

Всюду непрестанно проповѣдывалось воздержаніе — добродѣтель по преимуществу, потому что по природѣ своей она можетъ быть соблюдаема лишь весьма немногими.

Константинъ не коснулся законовъ о десятой части, которые увеличивали право одного изъ супруговъ дарить часть своего имущества другому, пропорціонально числу ихъ дѣтей; Ѳеодосій младшій [2]) отмѣнилъ и эти законы.

Юстиніанъ объявилъ дѣйствительными [3]) всѣ браки, запрещенные Папіевыми законами. Эти законы требовали, чтобы вдовцы снова женились; Юстиніанъ [4]) предоставилъ преимущества тѣмъ изъ нихъ, которые останутся неженатыми.

По древнимъ законамъ, никто не могъ быть лишенъ естественнаго права вступать въ бракъ и имѣть дѣтей. Поэтому, если кто-нибудь получалъ наслѣдство [5]) подъ условіемъ невступленія въ бракъ, или патронъ бралъ съ своего вольноотпущенника клятву [6]), что онъ не женится и не будетъ имѣть дѣтей, — Папіевъ законъ признавалъ недѣйствительными [7]) и это условіе, и эту клятву. Слѣдовательно, существующая у насъ оговорка: подъ условіемъ сохраненія вдовства, противорѣчитъ древнему праву и ведетъ свое начало отъ императорскихъ постановленій [8]), возникшихъ на основѣ представленія о совершенствѣ.

Хотя нѣтъ закона, который содержалъ бы въ себѣ прямую отмѣну преимуществъ и почестей, предоставленныхъ римлянами-язычниками браку и числу дѣтей,—тамъ, гдѣ давалось преимущество безбрачію, не могло быть почестей, воздаваемыхъ браку; и если можно было посредствомъ

чіе, они, тѣмъ не менѣе, возстановляя чистоту нравовъ, подрѣзывали зло въ корнѣ и способствовали росту многолюдныхъ семей. Не уничтоженіе законовъ Юлія и Папія-Поппея, а фискальныя притѣсненія и вторженія варваровъ были причиною безлюдья и гибели имперіи.

[1]) Безплодіе было у нихъ позоромъ; см. исторію Сарры.

[2]) L. 2 et 3. Cod, Theod., *de jure lib.* (М.).

[3]) L. *Sancimus*, Cod. *de nuptiis.* (М.).

[4]) Nov. 127, гл. III, Nov. 118, гл. V. (М.).

[5]) L. 54, ff. de condit, et demonst. (М.).

[6]) L. 5, § 4, de jure patronat. (М.).

[7]) Павелъ въ своихъ изреченіяхъ, кн. III, гл. IV, § 15. (М.).

[8]) Постановленій христіанскихъ императоровъ за время, когда обѣтъ вдовства почитался за добродѣтель, а второй бракъ—уступкой человѣческой слабости. Это опять ученіе католической церкви. Между обычаями среднихъ вѣковъ встрѣчается иногда денежная пеня, налагаемая на вдову, вступающую во второй бракъ.

отмѣны штрафовъ лишить откупщиковъ значительныхъ выгодъ, то было, конечно, еще легче устранить награды.

Тѣ же духовныя соображенія, которыя побудили разрѣшить безбрачіе, скоро сдѣлали самое безбрачіе необходимостью. Избави Богъ, чтобы я сталъ говорить здѣсь противъ безбрачія, установленнаго религіей [1]); но кто можетъ молчать при видѣ безбрачія, созданнаго распущенностью— безбрачія, въ которомъ оба пола, развращаемые даже вполнѣ естественными чувствами, избѣгаютъ союза, который долженъ сдѣлать ихъ лучшими, чтобы пребывать въ другомъ, который дѣлаетъ ихъ все хуже и хуже.

Самой природой установлено, что, чѣмъ болѣе мы ограничиваемъ число браковъ изъ тѣхъ, которые могли бы состояться, тѣмъ болѣе развращаемъ мы тѣ, которые уже существуютъ; чѣмъ менѣе людей женатыхъ, тѣмъ менѣе вѣрности въ бракахъ. Это тоже, какъ еслибъ мы сказали: чѣмъ больше воровъ, тѣмъ больше бываетъ воровства.

ГЛАВА XXII.

О выбрасываніи дѣтей.

У древнихъ римлянъ были хорошіе законы относительно выбрасыванія дѣтей. «Ромулъ» говоритъ Діонисій Галикарнасскій [2]), «вмѣнилъ всѣмъ, гражданамъ въ обязанность воспитывать всѣхъ сыновей и старшихъ дочерей. Если дѣти были безобразны или уродливы, онъ позволялъ выбрасывать ихъ, показавъ предварительно пятерымъ изъ ближайшихъ сосѣдей».

Ромулъ не позволялъ [3]) убивать ни одного ребенка моложе трехъ лѣтъ: этимъ онъ примирялъ законъ, предоставлявшій отцамъ право жизни и смерти надъ дѣтьми, съ закономъ, запрещавшимъ забрасывать ихъ.

У того же Діонисія Галикарнасскаго [4]) мы находимъ, что законъ, обязывавшій гражданъ вступать въ бракъ и воспитывать всѣхъ своихъ дѣтей, былъ въ силѣ въ 277 г. отъ осн. Р.; изъ этого видно, что законъ Ромула, дозволявшій выбрасывать младшихъ дочерей, былъ въ то время уже ограниченъ обычаемъ.

Какого рода постановленія относительно забрасыванія дѣтей были приняты закономъ Двѣнадцати Таблицъ въ 301 г. отъ осн. Р. — намъ неизвѣстно; до насъ дошло только одно мѣсто изъ Цицерона [5]), гдѣ онъ говоритъ о народныхъ трибунахъ, что учрежденіе это вслѣдъ за своимъ рожденіемъ было задушено, подобно тому, какъ душили уродливыхъ дѣтей по закону Двѣнадцати Таблицъ. Слѣдовательно, тѣ дѣти, которыя не были

[1]) Кн. XXV, гл. IV. *Защита Духа Законовъ*, часть вторая: *Безбрачіе*.
[2]) *Римскія древности*, кн. II. (М.).
[3]) Ibid. (М.).
[4]) Кн. III, *de legib*, гл. XIX. (М.).
[5]) Ливій, кн. III, de legib., гл. XIX. (М.).

уродами, оставлялись въ живыхъ, и законъ Двѣнадцати Таблицъ ничего не измѣнилъ въ прежнихъ постановленіяхъ.

«Германцы», говоритъ Тацитъ [1]), «не выбрасываютъ своихъ дѣтей; у нихъ добрые нравы имѣютъ болѣе силы, чѣмъ въ другихъ странахъ добрые законы». У римлянъ, слѣдовательно, были законы, направленные противъ этого обычая, но ихъ не соблюдали. Мы не находимъ ни одного римскаго закона [2]), который разрѣшалъ бы выбрасывать дѣтей: оно, конечно, практиковалось въ послѣднія времена какъ злоупотребленіе, когда роскошь уничтожила благосостояніе, когда поступившее въ раздѣлъ богатство стало называться бѣдностью, когда отецъ считалъ потеряннымъ то, что давалъ своему семейству, и противополагалъ свою семью своей собственности.

ГЛАВА XXIII.

О состояніи міра послѣ паденія римлянъ.

Мѣропріятія римлянъ, направленныя къ увеличенію числа гражданъ, оказывали дѣйствіе до тѣхъ поръ, пока республика, сохраняя всю силу своей организаціи, должна была возмѣщать лишь ту убыль, которая являлась слѣдствіемъ ея мужества, ея отваги, ея твердости, ея любви къ славѣ и даже ея добродѣтели. Но скоро самые мудрые законы не въ состояніи уже были возстановить того, что послѣдовательно разрушали и умирающая республика, и всеобщая анархія, и военное правленіе, и суровая власть, и надменный деспотизмъ, и слабая монархія, и ея бездарный, слабоумный и суевѣрный дворъ. Казалось, римляне покорили міръ лишь для того, чтобы обезсилить его и беззащитный предать въ руки варваровъ. Народы готовъ [3]), гетовъ, саррацинъ и татаръ попеременно терзали ихъ. Скоро варварамъ пришлось уничтожать однихъ варваровъ Такъ въ баснословныя времена, послѣ наводненій и потоповъ, изъ земли вышли вооруженные люди, которые истребили другъ друга.

ГЛАВА XXIV.

Измѣненія, происшедшія въ Европѣ по отношенію къ численности населенія.

Въ состояніи, въ какомъ находилась Европа, трудно было разсчитывать на ея возстановленіе—въ особенности послѣ того, какъ она, при Карлѣ Великомъ, соединилась въ одну обширную имперію. Но вслѣдствіе особенностей тогдашняго правленія имперія эта распалась на безчислен-

---

[1]) *О нрав. Герм.*, гл. XIX. (М).

[2]) Въ Дигестахъ нѣтъ соотвѣтствующей главы; Кодексъ же о немъ вовсе не упоминаетъ, равно какъ и Новеллы. (М.).

[3]) Въ словарѣ Монтескье *готическій* есть синонимъ слова *германскій*.

ное множество мелкихъ самостоятельныхъ владѣній; а такъ какъ каждый владѣтель жилъ въ своей деревнѣ или своемъ городѣ и все его величіе, богатство, могущество, мало того—самая его безопасность находились въ прямой зависимости отъ числа жителей, то онъ и прилагалъ все свое стараніе къ приведенію своей маленькой страны въ цвѣтущее состояніе. Это удалось настолько, что, несмотря на всю безпорядочность управленія, на недостатокъ пріобрѣтеннаго лишь позднѣе опыта въ дѣлахъ торговли, безпрестанные войны и споры,—населеніе въ большинствѣ европейскихъ странъ было многочисленнѣе, чѣмъ въ настоящее время [1]).

Недостатокъ времени не позволяетъ мнѣ входить въ подробное разсмотрѣніе предмета; сошлюсь только на безчисленныя арміи крестоносцевъ, состоявшія изъ людей всякаго рода. Г. Пуфендорфъ говоритъ [2]), что при Карлѣ IX во Франціи было двадцать милліоновъ жителей.

Безостановочное объединеніе мелкихъ государствъ произвело это уменьшеніе населенія. Въ прежнее время всякая деревня во Франціи была столицей; теперь же столица только одна, большая. Всякая часть государства была центромъ власти; теперь же все тяготѣетъ къ центру, и этотъ центръ, такъ сказать, есть само государство. [3]).

ГЛАВА XXV.

Продолженіе о томъ-же предметѣ.

Несомнѣнно, Европа за послѣднія два столѣтія сильно увеличила свое мореплаваніе; это, съ одной стороны, дало ей новыхъ жителей, но съ другой, ихъ у нея отняло. Голландія каждый годъ посылаетъ въ Индію много матросовъ; изъ нихъ только двѣ трети возвращаются домой, остальные погибаютъ или остаются въ Индіи. То же приблизительно происходитъ со всѣми другими народами, занимающимися торговлею.

Не слѣдуетъ судить о Европѣ, какъ объ отдѣльномъ государствѣ, которое одно только занимается мореплаваніемъ. Такое государство увеличило бы свое населеніе, потому что сосѣдніе народы стали бы посѣщать его, чтобы принять участіе въ его мореплаваніи, и матросы стали бы стекаться къ нему со всѣхъ сторонъ; но Европа, отдѣленная отъ остального свѣта религіей [4]), обширными морями и пустынями, не можетъ возстановлять своего населенія этимъ путемъ.

---

[1]) Вопросъ, поднятый Монтескье, остается еще нерѣшеннымъ, хотя и заслуживаетъ изслѣдованія: мы располагаемъ лишь весьма смутными свѣдѣніями о количествѣ населенія въ различныхъ странахъ Европы въ средніе вѣка.

[2]) *Исторія вселенной*, гл. V, о Франціи. (М.). Число это требуетъ ближайшаго изслѣдованія До сихъ поръ остается недоказаннымъ, чтобы Франція при Карлѣ IX была болѣе населена, чѣмъ при Людовикѣ XIV.

[3]) *Персидскія письма*, CXIII, русск. пер. стр. 236.

[4]) Она почти окружена странами съ магометанскимъ населеніемъ. (М.).

ГЛАВА XXVI.

Выводы.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что Европа и теперь еще нуждается въ законахъ, благопріятствующихъ размноженію населенія; и если греческіе политики постоянно жаловались на слишкомъ большое число гражданъ, истощающее республику, теперешніе политики толкуютъ лишь о лучшихъ средствахъ увеличить ихъ число.

ГЛАВА XXVII.

О законѣ, изданномъ во Франціи для увеличенія количества населенія.

Людовикъ XIV назначилъ [1]) пенсіи лицамъ, имѣющимъ десять человѣкъ дѣтей, и пенсіи болѣе значительныя за двѣнадцать человѣкъ дѣтей. Но вопросъ былъ вовсе не въ томъ, чтобы поощрять исключительныя явленія природы: для того, чтобы вызвать общее стремленіе къ размноженію, необходимо было, по примѣру римлянъ, установить общія награды или общія наказанія.

ГЛАВА XXVIII.

Чѣмъ можно устранить уменьшеніе народонаселенія.

Если государство обезлюдѣло отъ такихъ временныхъ обстоятельствъ, какъ война, зараза или голодъ, то противъ этого есть еще средства; оставшіеся въ живыхъ могли сохранить способность къ труду и промысламъ и, въ стремленіи своемъ загладить слѣды несчастія, могутъ сдѣлаться еще болѣе искусными работниками, вслѣдствіе самаго несчастія, ихъ постигшаго. Но зло оказывается почти неизлечимымъ, если убыль въ населеніи проявляется, какъ застарѣлый недугъ вслѣдствіе какого-нибудь внутренняго недостатка или дурного правленія. Въ этомъ случаѣ люди пропадаютъ отъ незамѣтной и привычной болѣзни. Предоставленные съ самаго рожденія дѣйствію изнуренія и нищеты, правительственныхъ насилій и предразсудковъ, они гибнутъ, сами часто не сознавая причинъ своей гибели. Страны, разоряемыя деспотизмомъ или чрезмѣрными преимуществами духовенства надъ мірянами, служатъ двумя лучшими тому примѣрами [2]).

Безполезно для возстановленія такого государства ждать помощи отъ вновь нарождающихся дѣтей; время для этого прошло: населеніе, окруженное пустынею, лишено энергіи и промышленнаго духа. На простран-

---

[1]) Эдиктъ 1666 г. въ пользу вступающихъ въ бракъ. (М.).
[2]) Кажется, авторъ въ этой главѣ имѣетъ въ виду Испанію.

ствѣ, достаточномъ для прокормленія цѣлаго народа, съ трудомъ прокармливается одна семья. Простой народъ лишенъ даже доли въ пользованіи тѣмъ, что создаетъ его нищету, т.-е. пустырями, которыми полны эти страны. Духовенство, государь, города, вельможи и нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ гражданъ незамѣтно сдѣлались собственниками всей земли. Она, правда, невоздѣлана; но погибшія семейства оставили имъ ее какъ пастбище, тогда какъ работникъ ничего не имѣетъ.

Въ этомъ положеніи слѣдуетъ примѣнить ко всему пространству страны то, что римляне сдѣлали для одной части своего государства, поступая при недостаткѣ населенія такъ же, какъ они поступали при его изобиліи, т. е. надѣлить землею всѣ семейства, у которыхъ ничего нѣтъ, и дать имъ возможность ее воздѣлать и обрабатывать. Надѣленіе это должно производиться по мѣрѣ того, какъ будутъ являться желающіе, чтобы ни минуты не пропадало для работы.

ГЛАВА XXIX.

О богадѣльняхъ.

Человѣкъ бѣденъ не потому, что ничего не имѣетъ, а потому, что не работаетъ. Кто не имѣетъ никакого имущества, но работаетъ,—пользуется такимъ же достаткомъ, какъ и тотъ, кто получаетъ сто экю дохода, не работая. Кто ничего не имѣетъ, но знаетъ ремесло, тотъ не бѣднѣе собственника десяти арпановъ земли, которую онъ долженъ обрабатывать, чтобы жить. Ремесленникъ, который обучилъ своихъ дѣтей своему ремеслу, оставилъ имъ въ наслѣдство имущество, увеличившееся пропорціонально ихъ числу. Нельзя сказать того же о человѣкѣ, который, имѣя десять арпановъ земли, какъ средство къ жизни, раздѣлилъ ихъ между своими дѣтьми.

Въ торговыхъ странахъ, гдѣ многіе ничего не имѣютъ, кромѣ своего ремесла, государство часто вынуждено брать на себя попеченіе о старикахъ, больныхъ и сиротахъ. Благоустроенное государство почерпаетъ для этого средства изъ самой промышленности: однимъ оно даетъ работу, на которую они способны, другихъ оно учитъ работать, что составляетъ уже работу.

Милостыня, подаваемая отъ времени до времени нищему, никакъ не исчерпываетъ обязанностей государства: на немъ лежитъ долгъ обезпечить всѣмъ гражданамъ прочныя средства къ жизни, пищу, приличную одежду и родъ жизни, не вредящій здоровью [1]).

[1]) Государство должно стараться облегчить всѣмъ гражданамъ путь къ труду и благосостоянію удаленіемъ тѣхъ политическихъ и экономическихъ препятствій, которыя могутъ быть устранены законами; но говорить, что на государствѣ лежитъ долгъ обезпечить всѣхъ гражданъ пищею, одеждою и т. д. значитъ преобразовывать общество въ монастырь-фабрику.

Когда у Аврангъ-Сиба [1]) спросили, почему онъ не строитъ богадѣленъ, онъ отвѣтилъ: «Я сдѣлаю мою имперію настолько богатою, что она не будетъ нуждаться въ богадѣльняхъ». Ему слѣдовало бы сказать:—Я начну съ того, что сдѣлаю мою имперію богатою и построю богадѣльни.

Богатство государства предполагаетъ обширную промышленность. Невозможно, чтобы въ многочисленныхъ отрасляхъ промышленности не было такихъ, которыя бы не страдали, и въ которыхъ рабочіе, слѣдовательно, не находились бы въ состояніи временной нужды.

Въ этомъ случаѣ необходимо оказаніе со стороны государства скорой помощи, чтобы предотвратить страданія народа или чтобы предупредить возмущеніе съ его стороны. Въ такихъ то обстоятельствахъ и потребны богадѣльни или другія подобныя имъ учрежденія, которыя могли бы предупредить это дѣйствіе.

Но когда народъ бѣденъ, частная бѣдность происходитъ отъ общаго бѣдствія: она, такъ сказать, и есть это общее бѣдствіе. Богадѣльни всего свѣта не въ состояніи измѣнить этой частной бѣдности; напротивъ, лѣность, къ которой онѣ пріучаютъ, лишь увеличиваетъ общую бѣдность, а слѣдовательно, и частную.

Генрихъ VIII [2]), желая преобразовать англійскую церковь, уничтожилъ монаховъ, которые, будучи сами лѣнивы, поддерживали лѣность и въ другихъ: благодаря соблюдаемому ими гостепріимству, безчисленное множество праздныхъ людей, дворянъ и горожанъ проводили жизнь въ скитаніяхъ изъ монастыя, въ монастырь. Онъ уничтожилъ также и богадѣльни, гдѣ простой народъ находилъ средства къ существованію, подобно тому, какъ ихъ находили дворяне въ монастыряхъ. Послѣ этого преобразованія духъ торговли и промышленности водворился въ Англіи.

Въ Римѣ, благодаря богадѣльнямъ, всѣ пользуются довольствомъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые работаютъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые занимаются промышленностью, за исключеніемъ тѣхъ, которые посвятили себя искусству, за исключеніемъ тѣхъ, которые имѣютъ земли, за исключеніемъ тѣхъ, которые ведутъ торговлю.

Я уже сказалъ, что богатые народы нуждаются въ богадѣльняхъ, потому что богатство ихъ подвергается тысячѣ случайностей; но и здѣсь, надо думать, временная помощь несравненно лучше постоянныхъ учреж-

---

Впрочемъ, мнѣніе Монтескье совпадаетъ съ мнѣніемъ аббата де Сенъ-Пьера: «Кто находится въ крайней бѣдности», говоритъ этотъ послѣдній, «тотъ имѣетъ за собою реальное и положительное право, естественное право предъявленія иска къ богатому. Крайняя нищета служитъ источникомъ этого права — права неоспоримаго». (*Мечтанія благон. человѣка*, стр. 268). Аббатъ называетъ это *благодѣяніемъ справедливости*, и не замѣчаетъ, что эти два слова одно другому противорѣчатъ.

[1]) Шардэнъ, *Путеш. въ Персію*, томъ VIII. (М.).

[2]) См. Бюрне, *Истор. англійск. реформ.* (М.).

деній: такъ какъ зло бываетъ временное, то и помощь должна быть такою же, примѣнимою къ отдѣльнымъ случаямъ.

Часть пятая.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

О законахъ въ ихъ отношеніяхъ къ установленной въ странѣ религіи, разсматриваемой въ ея обрядахъ и сущности.

ГЛАВА I.

О религіяхъ вообще.

Подобно тому, какъ въ различныхъ состояніяхъ мрака мы можемъ распознать мракъ наименѣе густой и между различными безднами—бездны наименѣе глубокія,—мы можемъ и между ложными религіями искать такія, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ цѣлямъ общественнаго блага,—такія, которыя хотя и не ведутъ человѣка къ загробному блаженству, тѣмъ не менѣе могутъ не мало способствовать его земному счастью.

Итакъ, я буду разсматривать различныя, существующія на свѣтѣ религіи исключительно въ ихъ отношеніи къ тому благу, которое онѣ доставляютъ гражданскому быту, независимо отъ того, кроются ли корни ихъ на небѣ, или въ землѣ.

Выступая въ этомъ сочиненіи не въ качествѣ богослова, а политическаго писателя, я могу высказать въ немъ положенія, вполнѣ справедливыя только съ точки зрѣнія человѣческаго мышленія, такъ какъ онѣ вовсе не были разсмотрѣны по отношенію къ высшимъ истинамъ.

Что касается истинной религіи, то потребуется немного безпристрастія, чтобы убѣдиться въ томъ, что я никогда не искалъ предпочтенія ея интересамъ интересовъ политическихъ, но стремился къ сочетанію тѣхъ и другихъ; а прежде чѣмъ сочетать ихъ, необходимо ихъ познать.

Христіанская религія, повелѣвающая людямъ любить другъ друга, желаетъ, конечно, чтобы всякій народъ имѣлъ наилучшіе законы политическіе и наилучшіе законы гражданскіе, потому что послѣ нея они составляютъ величайшее благо, какое только человѣкъ можетъ дать и получить.

ГЛАВА II.

Парадоксъ Бэйля.

Бэйль [1]) брался доказать, что лучше быть атеистомъ, чѣмъ идолопоклонникомъ; другими словами, что менѣе опасно не имѣть вовсе религіи, чѣмъ имѣть дурную религію. «Я предпочитаю, говоритъ онъ, чтобы обо мнѣ сказали, что я не существую, чѣмъ чтобъ говорили, что я дурной человѣкъ». Это—софизмъ, основанный на томъ, что для человѣчества вопросъ,—вѣрятъ или не вѣрятъ въ существованіе того или другого человѣка, не представляетъ никакой пользы, тогда какъ вѣра въ существованіе Бога весьма полезна. Изъ понятія Его небытія вытекаетъ понятіе нашей независимости, или — если мы этого понятія не можетъ имѣть — идея нашего бунта противъ Него. Говорятъ, что религія не есть начало обуздывающее, потому что она не всегда обуздываетъ; это то же, если бы сказали, что и гражданскіе законы лишены обуздывающей силы. Изложить въ обширномъ сочиненіи длинную вереницу причиненныхъ религіей страданій и не сдѣлать того же для содѣяннаго ею добра—плохое разсужденіе противъ религіи. Если бы я сталъ разсказывать о всѣхъ тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя причинили человѣчеству гражданскіе законы, монархія, республиканскій образъ правленія, я насказалъ бы ужасныхъ [2]) вещей. Если бъ религія могла даже быть безполезна для подданныхъ, она все-таки оставалась бы полезной для государей, для которыхъ, какъ для всѣхъ, не боящихся человѣческаго закона, она составляетъ единственную узду.

Государя, который любитъ религію и боится ея, можно уподобить льву, когда онъ уступаетъ рукѣ, которая его ласкаетъ, и голосу, который его укрощаетъ; государь, который боится религіи и ненавидитъ ее, подобенъ дикому звѣрю, когда онъ кусаетъ цѣпь, которая мѣшаетъ ему бросаться на проходящихъ; государь, который вовсе не имѣетъ религіи, подобенъ ужасному животному, которое чувствуетъ свою свободу только тогда, когда раздираетъ и пожираетъ.

Вопросъ вовсе не въ томъ, что лучше: когда отдѣльный человѣкъ или цѣлый народъ вовсе не имѣютъ религіи, или когда они злоупотребляютъ той, которую имѣютъ; но вопросъ заключается въ томъ, которое зло меньше: когда отъ времени до времени злоупотребляютъ религіей, или когда ея вовсе нѣтъ среди людей.

Желая уменьшить ужасъ, внушаемый атеизмомъ, уже слишкомъ нападаютъ на идолопоклонство. Несправедливо предполагать, что если древ-

---

[1]) *Pensées sur la comète*, etc. *Continuation des pensées*, etc. tome II. (М.).

[2]) Ту же мысль находимъ у Цицерона, *de legibus*, кн. III, гл. XXIII. Показывать одну—и притомъ дурную сторону вещей есть—и въ религіи, и въ политикѣ—пріемъ софистическій.

ніе воздвигали алтари какому-нибудь пороку, то это значило, что они любили этотъ порокъ; напротивъ, это доказывало, что они его ненавидѣли. Когда лакедемоняне поставили храмъ Страху, это не значило, чтобы эта воинственная нація молила о ниспосланіи, во время битвы, страха въ сердца ея гражданъ. Были божества, которыхъ молили объ избавленіи отъ соблазна къ преступленію, и были другія, которыхъ молили объ отвращеніи опасности отъ преступленія.

ГЛАВА III.

Что умѣренный образъ правленія болѣе соотвѣтствуетъ христіанской религіи, а деспотическій—магометанской.

Христіанская религія чуждается чистаго деспотизма; благодаря столь настойчиво предписываемой Евангеліемъ кротости, она противится неукротимому гнѣву, побуждающему государя къ самоуправству и жестокости.

Такъ какъ христіанская религія воспрещаетъ многоженство, христіанскіе государи ведутъ менѣе замкнутый образъ жизни, менѣе отдѣлены отъ своихъ подданныхъ, а слѣдовательно и сами больше люди; они болѣе расположены къ тому, чтобы налагать на себя законы и болѣе способны сознавать, что не все для нихъ возможно.

Между тѣмъ какъ магометанскіе государи безпрестанно предаютъ людей смерти и сами принимаютъ смерть отъ нихъ, религія у христіанъ дѣлаетъ государей менѣе робкими, а слѣдовательно и менѣе жестокими. Государь полагается на своихъ подданныхъ, а подданные—на своего государя. Удивительное дѣло! Христіанская религія, имѣющая, повидимому, въ виду лишь загробное блаженство, устраиваетъ наше счастье и въ этой жизни[1]).

Только христіанская религія помѣшала деспотизму утвердиться въ Эѳіопіи, не смотря на обширность этой имперіи и недостатокъ ея климата, и водворила внутри Африки нравы Европы и ея законы.

Наслѣдный принцъ въ Эѳіопіи пользуется владѣтельными правами и подаетъ другимъ подданнымъ примѣръ любви и повиновенія. Рядомъ же, въ Сенаарѣ, мы видимъ, что дѣти государя, согласно господствующимъ тамъ магометанскимъ нравамъ, содержатся взаперти [2]) и, по смерти отца,

[1]) Нельзя заподозрить искренность этихъ словъ. Если бы Монтескье не думалъ того, что говоритъ, политическая осторожность могла бы заставить его молчать; но ничто не заставляло его говорить. Слѣдуетъ замѣтить, что въ «Духѣ Законовъ» онъ вездѣ и въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ воздаетъ хвалу той самой религіи, о которой такъ легкомысленно разсуждалъ въ молодости. Онъ видитъ въ ней не только самое совершенное изъ всѣхъ религіозныхъ ученій, но и самую устойчивую основу общественнаго порядка, и основательно опровергаетъ тѣхъ, которые не признаютъ ея пользы и ея прочности (Ла Гарпъ).

[2]) Relation d'Ethiopie, par le sieur Ponce, médecin, au quatriéme recueil des Lettres édifiantes, p. 290. (M.).

умерщвляются по распоряженію правительственнаго совѣта, въ интересахъ вступающаго на престолъ новаго государя.

Если обратимъ вниманіе, съ одной стороны, на безпрестанныя умерщвленія греческихъ и римскихъ государей и вождей, а съ другой — на истребленіе народовъ и городовъ тѣми же вождями, вспомнимъ Тимура и Чингисхана, опустошившихъ Азію, — мы увидимъ, что обязаны христіанству опредѣленнымъ политическимъ правомъ во внутреннемъ правленіи и опредѣленнымъ международнымъ правомъ, за которыя человѣческая природа не можетъ быть достаточно признательной.

Международное право—причина того, что у насъ побѣдитель оставляетъ побѣжденнымъ народамъ такія великія блага, какъ жизнь, свободу, законы, имущество и всегда религію,—если только самъ не становится жертвою самообмана [1]).

Можно сказать, что отчужденность между народами Европы въ настоящее время не превышаетъ той розни, какая существовала въ римской имперіи, послѣ того какъ она стала деспотическимъ и военнымъ государствомъ, между ея народами и арміями и между отдѣльными арміями, когда, съ одной стороны, арміи воевали между собою, а съ другой имъ отдавали города на разграбленіе, а земли для захвата и дѣлежа.

ГЛАВА IV.

Слѣдствія характера религіи христіанской и магометанской.

Основываясь на одномъ характерѣ религіи христіанской, въ противоположность магометанской, слѣдуетъ, безъ дальнѣйшаго обсужденія, принять одну и отвергнуть другую, потому что для насъ несравненно убѣдительнѣе, что религія должна смягчать нравы людей, чѣмъ то, что она истинна.

Горе человѣчеству, если религія дается завоевателемъ. Магометанская религія, которая говоритъ только о мечѣ, продолжаетъ внушать людямъ тотъ же духъ истребленія, который создалъ ее.

Достоинъ восхищенія разсказъ о Саббаконѣ [2]), одномъ изъ царей-пастырей. Богъ Ѳивъ явился ему въ сновидѣніи и приказалъ лишить жизни всѣхъ египетскихъ жрецовъ. Саббаконъ разсудилъ, что боги не желаютъ, чтобы онъ продолжалъ царствовать, потому что повелѣваютъ ему исполнить то, что всегда было такъ противно ихъ волѣ, — и удалился въ Эѳіопію.

---

[1]) Не намекъ ли это на изгнаніе евреевъ и мавровъ изъ Испаніи?
[2]) См. Діодоръ: кн. I, гл. XVIII. (М.).

ГЛАВА V.

Что католическая религія болѣе согласуется съ монархическимъ образомъ правленія, а протестантская съ республиканскимъ.

Во время своего возникновенія и перваго развитія въ государствѣ, религія обыкновенно слѣдуетъ общему строю его правленія, потому что какъ тѣ, которые ее принимаютъ, такъ и тѣ, которые ее вводятъ, не имѣютъ иныхъ представленій о гражданскомъ порядкѣ, кромѣ господствующихъ въ государствѣ, въ которомъ они выросли [1]).

Когда, два вѣка тому назадъ, христіанскую религію постигло злополучное раздѣленіе на католическую и протестантскую, сѣверные народы приняли протестантство, южные же остались католиками.

Причина этому та, что у сѣверныхъ народовъ существуетъ и всегда будетъ царить духъ независимости и свободы, котораго нѣтъ у южныхъ [2]), и что религія безъ видимаго главы болѣе соотвѣтствуетъ духу независимости этихъ странъ, чѣмъ та, которая имѣетъ такого главу.

Въ странахъ, гдѣ утвердилась протестантская религія, перевороты совершались также согласно съ ихъ политическимъ строемъ. Лютеръ, имѣя на своей сторонѣ могущественныхъ государей, не могъ бы заставить ихъ признать церковный авторитетъ лица, не облеченнаго внѣшними преимуществами власти; Кальвинъ же, на сторонѣ котораго находился народъ, жившій въ республикахъ, или темный мѣщанскій людъ въ монархіяхъ [3]), могъ легко обойтись безъ первенствующихъ положеній и высшихъ чиновъ.

Каждая изъ этихъ двухъ религій могла почитать себя наиболѣе совершенною: кальвинистская потому, что она болѣе сообразовалась съ тѣмъ, что говорилъ Іисусъ Христосъ, а лютеранская съ тѣмъ, какъ дѣйствовали апостолы.

ГЛАВА VI

Другой парадоксъ Бэйля.

Бэйль, надругавшись надъ всѣми религіями вообще, поноситъ и христіанскую религію: онъ осмѣливается утверждать, будто истинные хри-

---

[1]) Поэтому первые христіане организовали церковь по образцу администраціи въ Римской имперіи.

[2]) Слѣдовало бы сказать—независимости и *личной* свободы, потому что было бы рисковано утверждать, что въ настоящее время въ Европѣ южные народы имѣютъ меньше склонности къ политической свободѣ, чѣмъ сѣверные.

[3]) На сторонѣ Кальвина, вначалѣ, была часть французскаго дворянства. Если въ организацію своей церкви онъ внесъ духъ демократизма и равенства, то это не потому только, что онъ жилъ въ Женевѣ. Революція 1789 г. показала намъ, что логика, доведенная до крайнихъ слѣдствій, вообще свойственна французскому характеру.

стіане не въ состояніи основать государство, жизнеспособное [1]). Почему нѣтъ? Это были бы граждане, превосходно понимающіе свои обязанности и прилагающіе все свое стараніе, чтобы ихъ выполнить; они-бъ отлично сознали право естественной обороны; чѣмъ требовательнѣе относились бы они къ своимъ религіознымъ обязанностямъ, тѣмъ лучше они помнили бы о своихъ обязанностяхъ къ отечеству. Христіанскія начала, глубоко запечатлѣнныя въ сердцѣ ихъ, были бы несравненно дѣйствительнѣе ложной чести монархіи, человѣческихъ добродѣтелей республикъ и раболѣпнаго страха деспотическихъ государствъ.

Удивительно, что приходится обвинять этого великаго человѣка [2]) въ непониманіи собственной религіи, въ неумѣніи отличить порядокъ установленія христіанства отъ самого христіанства и предписаній Евангелія отъ его совѣтовъ. Когда законодатель, вмѣсто того чтобы постановлять законы, даетъ совѣты, то это значитъ, что если-бъ его совѣты были облечены въ форму законовъ, они противорѣчили бы духу его законовъ.

ГЛАВА VII.

О законахъ совершенства въ религіи.

Человѣческіе законы, обращающіеся къ уму, должны давать предписанія, а не совѣты [3]); религія, обращающаяся къ сердцу, должна давать много совѣтовъ и мало предписаній.

Когда, напр., она даетъ правила не для того, что есть благо, а что всего лучше; не для того, что хорошо, но что совершенно,—надо, чтобы это были совѣты, а не законы, потому что совершенство не касается всѣхъ людей или вещей. Кромѣ того, если это законы, то для того, чтобы заставить соблюдать ихъ, потребуется безконечное множество другихъ законовъ. Безбрачіе было совѣтомъ христіанства; когда его сдѣлали закономъ для извѣстнаго класса людей [4]), оказалась повседневная необходимость въ новыхъ законахъ [5]), чтобы принудить людей къ соблюденію этого закона. Законодатель утомилъ и самого себя и общество, понуждая къ исполненію такихъ предписаній, которыя людьми, любящими совершенство, были бы исполнены, какъ совѣтъ.

---

[1]) «Бэйль утверждалъ, что общество истинныхъ христіанъ не можетъ существовать и въ доказательство ссылался на евангельское предписаніе, подставить правую щеку, если тебя ударятъ въ лѣвую, покинуть свѣтъ, удалиться въ пустыню и т. д.» *Защита Духа Законовъ*, часть вторая.

[2]) *Защита Духа Законовъ*, II. *Вт рое возраженіе.*

[3]) Nil frigidius quam lex cum prologo, говоритъ канцлеръ Бэконъ,—aut jubeat lex, aut taceat.

[4]) Священниковъ и монаховъ.

[5]) См. *Bibliothèque des auteurs ecclés. du sixième siècle*, tome V, par. M. Dupin. (M.).

ГЛАВА VIII.

О согласованіи законовъ нравственности съ законами религіи.

Въ странѣ, имѣвшей несчастіе получить свою религію не отъ Бога, необходимо все-таки, чтобы религія находилась въ согласіи съ нравственностью, потому что даже ложная религія, служитъ наилучшимъ ручательствомъ за человѣческую честность [1]).

Основныя правила религіи Пегу [2]) заключаются въ томъ, чтобы не убивать, не красть, избѣгать любострастія, не дѣлать ничего непріятнаго ближнему—напротивъ, дѣлать ему насколько возможно добро [3]). При соблюденіи этихъ правилъ, какъ увѣрены жители Пегу, можно спастись во всякой вѣрѣ, и вотъ почему, хотя гордые и бѣдные, они кротки и сострадательны къ несчастнымъ.

ГЛАВА IX.

О ессеяхъ.

Ессеи [4]) давали обѣтъ соблюдать справедливость къ людямъ; не дѣлать никому зла, даже по долгу повиновенія; ненавидѣть несправедливыхъ, быть вѣрными данному слову, повелѣвать со скромностью, держать всегда сторону правды, избѣгать всякой незаконной прибыли.

ГЛАВА X.

О сектѣ стоиковъ [5]).

Различныя философскія секты у древнихъ могутъ быть разсматриваемы какъ своего рода религіи. Между ними не было ни одной, правила которой были бы болѣе достойны человѣка и болѣе пригодны для образованія добродѣтельныхъ людей, какъ школа стоиковъ. Если бы я могъ на одну минуту забыть, что я христіанинъ, я бы призналъ уничтоженіе школы Зенона за одно изъ величайшихъ несчастій человѣчества [6]).

---

[1]) Всякая религія должна согласоваться съ нравственностью, такъ какъ недопустимо, чтобы частная воля божества уничтожала его общую волю. (Люзакъ).

[2]) *Собраніе путешествій, послужившихъ къ основанію.* Индійской компаніи т. III, ч. I, стр. 63. (М.).

[3]) Это предписанія буддизма.

[4]) *Исторія евреевъ*, Придо. (М.).

[5]) Глава эта взята изъ *Traité général des Dévoirs*—сочиненія, написаннаго авторомъ въ молодости. Оно частію было заслушано Бордоской академіей въ 1725 г. См. статью Despois въ *Revue politique* (14 ноября 1874 г.), подъ заглавіемъ: *De quelques opuscules inédits de Montesquieu.*

[6]) *Размышленія о величіи и паденіи Римлянъ*, гл. XVI.

Наставленія древнихъ имѣли единственною цѣлью сдѣлать людей болѣе счастливыми, а слѣдовательно, и болѣе добродѣтельными. Они смотрѣли на ре-

Она впадала въ преувеличеніе лишь въ такихъ вещахъ, которыя требуютъ душевнаго величія: въ презрѣніи къ наслажденіямъ и страданіямъ.

Она одна умѣла творить гражданъ; она одна создавала великихъ людей; она одна создавала великихъ императоровъ.

Оставьте на минуту въ сторонѣ истины откровенія,—и вы не найдете во всей природѣ ничего величественнѣе Антониновъ. Даже самъ Юліанъ,—да, Юліанъ (эта невольная похвала не сдѣлаетъ меня, конечно, сопричастникомъ его отступничества)—послѣ него не было государя, болѣе достойнаго управлять людьми [1]).

Видя одну тщету въ богатствѣ, въ человѣческомъ величіи, въ скорби, огорченіяхъ и удовольствіяхъ, стоики въ то же время были поглощены неустанной заботой о счастіи людей и объ исполненіи своихъ общественныхъ обязанностей; казалось, они полагали, что этотъ священный духъ, присутствіе котораго они чувствовали въ себѣ, есть родъ провидѣнія, бодрствующаго надъ человѣчествомъ.

Рожденные для общества, они думали, что ихъ участь трудиться для него, и это было имъ тѣмъ менѣе въ тягость, что награду они носили въ самихъ себѣ. Находя все свое счастье въ своей философіи, они, казалось, могли увеличить его только счастіемъ другихъ [2])?

ГЛАВА XI.

О созерцаніи.

Такъ какъ назначеніе людей состоитъ въ томъ, чтобы сохранять себя, питать, одѣвать и принимать участіе въ общественной дѣятель-

---

лигіозные догматы какъ на нѣчто такое, что могло легко ввести умъ человѣка въ ошибку. Поэтому они требовали не вѣры, а исполненія налагаемыхъ религіей обязанностей. Мы же, во что бы то ни стало, требуемъ, чтобы люди вѣрили, и въ вѣрѣ полагаемъ главную заслугу. Въ этомъ отношеніи мы не допускаемъ никакой пощады. Умъ человѣка, насильно обращаемый въ эту сторону, впослѣдствіи уже не можетъ отъ нея отрѣшиться и забываетъ, что есть еще и другая. Въ полной увѣренности, что вѣра приведетъ его къ спасенію, онъ пренебрегаетъ своими обязанностями, слѣдуетъ своимъ склонностямъ, отдается во власть своихъ страстей и становится совершенною противоположностью тому, чѣмъ должно было сдѣлать его исповѣдуемое начало вѣры. Дѣло въ томъ, что вѣра предполагаетъ добрыя дѣла, подобно тому, какъ причина предполагаетъ слѣдствія, которыя должны изъ нея произойти. (Люзакъ)

[1]) Эта похвала Юліану, напоминающая такую же похвалу Монтеня, принадлежитъ къ тѣмъ мѣстамъ изъ *Духа Законовъ*, которыя наиболѣе возмущаютъ Кревье. Прибавьте къ этому, что Монтескье осмѣлился назвать *великимъ человѣкомъ* Бэйля (кн. XIV, гл. VI) и Макіавелли, (кн. VI, гл. V). Этого достаточно, чтобы заставить почтеннаго профессора воскликнуть: «Какъ не видѣть въ этомъ склонности къ восхваленію себѣ подобныхъ»? Другими словами, Монтескье имѣетъ *слабость ко всѣмъ, сдѣлавшимъ себѣ изъ нечестія профессію*. Переводите съ полною увѣренностью: онъ ихъ сообщникъ.

[2]) Луканъ: II, 380.

Hic mores, haec duri immota Cantonis
Secta fuit, servare modum, finemque tenere,

ности, то религія не должна слишкомъ поощрять ихъ къ жизни созерцательной [1]).

Магометане пріобрѣтаютъ склонность къ созерцанію путемъ привычки: пять разъ на день становятся они на молитву, при чемъ отъ нихъ требуется, чтобы они каждый разъ оставляли, такъ сказать, за спиною всѣ помышленія о земномъ, и это воспитываетъ въ нихъ духъ умозрѣнія. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить ихъ равнодушіе ко всему окружающему, которое даетъ имъ вѣра въ непреклонность судьбы.

Если къ тому еще и другія причины способствуютъ ихъ отчужденію отъ жизни, если, напр., суровое правленіе и законы о земельной собственности поддерживаютъ въ нихъ сознаніе ея непрочности,—тогда уже все погибло.

Религія гебровъ когда-то сдѣлала Персидское государство цвѣтущимъ и исправила въ немъ вредныя слѣдствія деспотизма; магометанская же религіи погубила его.

ГЛАВА XII.

О покаяніи.

Слѣдуетъ, чтобы покаяніе сопровождалось идеей труда, а не праздности;—идеей добра, а не чего-то необыкновеннаго;—идеей воздержанія, а не корысти [2]).

ГЛАВА XIII.

О преступленіяхъ неискупимыхъ.

Одно мѣсто въ книгахъ первосвященниковъ, приводимое Цицерономъ [3]), позволяетъ думать, что у римлянъ были не подлежащія искупленію преступленія [4]). На этомъ Зосима основываетъ свой разсказъ, дающій поводъ истолковать въ неблаговидномъ смыслѣ побужденія, руководившія Константиномъ въ его переходѣ въ христіанство; отсюда и горькая насмѣшка Юліана надъ тѣмъ же обращеніемъ въ его книгѣ о Цезаряхъ [5]).

Языческая религія, воспрещавшая лишь нѣкоторыя грубыя преступленія, удерживавшая руку, но предоставлявшая самому себѣ сердце, могла

Naturamque sequi, patriaeque impendere vitam,
Non sibi, sed toti genitum secredere mundo.

[1]) Въ этомъ заключается недостатокъ ученія Фоэ и Лаокіума. (М.). Въ настоящее время говорятъ—Фо или Будда и Лао-цзы.

[2]) По французской поговоркѣ: «хотите каяться—не ходите въ монахи».

[3]) См. кн. II, *О законахъ*, гл. XXII. (М.).

[4]) Sacrum commissum, quod neque expiari poterit, impie commissum est; quod expiari poterit publici sacerdotes expianto. (М.).

[5]) Разсказъ Зосимы былъ опровергнутъ Созоменомъ 1300 л. тому назадъ. См. Тильемона. Обращеніе Константина на 14 лѣтъ предшествовало смерти Криспа; слѣдовательно, Константинъ не могъ принять христіанства съ цѣлью искупить смерть сына.

имѣть такія преступленія, которыя нельзя было искупить. Но религія, которая охватываетъ всѣ страсти, которая одинаково ревниво относится какъ къ дѣйствіямъ, такъ и къ желаніямъ и помысламъ, которая связываетъ насъ не немногими цѣпями, а безчисленными нитями, которая оставляетъ за собой человѣческое правосудіе, чтобы начать другое, которая по природѣ своей постоянно ведетъ отъ раскаянія къ любви и отъ любви къ раскаянію, которая между судьей и преступникомъ ставитъ великаго посредника, а между праведникомъ и посредникомъ—великаго судью,—такая религія не должна имѣть неискупимыхъ преступленій. Но хотя она всѣмъ внушаетъ страхъ и надежду, она все-таки даетъ чувствовать, что если и нѣтъ преступленія, по природѣ своей неискупимаго, то вся жизнь можетъ быть такимъ преступленіемъ; что очень опасно истощать божеское милосердіе постоянно новыми преступленіями и новыми просьбами о прощеніи; что забота о старыхъ долгахъ, никогда не погашаемыхъ передъ Господомъ, должна удерживать насъ отъ заключенія новыхъ, чтобы не переполнить мѣры и не переступить предѣловъ отцовскаго милосердія.

ГЛАВА XIV.

Объ отношеніи силы религіи къ законамъ гражданскимъ.

Такъ какъ религія и гражданскіе законы должны главнымъ образомъ стремиться къ тому, чтобы дѣлать людей добрыми гражданами [1]), то изъ этого слѣдуетъ, что если первая уклоняется отъ этой цѣли, вторые должны сильнѣе къ ней стремиться, и наоборотъ; другими словами, чѣмъ менѣе обуздывающей силы въ религіи, тѣмъ болѣе должны обуздывать законы.

Такъ, въ Японіи, гдѣ господствующая религія почти не имѣетъ догматовъ и не обѣщаетъ ни рая, ни ада, законамъ, чтобы восполнить этотъ недостатокъ, была придана большая строгость, а исполненію ихъ необыкновенная точность.

Когда религія установляетъ догматъ неизбѣжности человѣческихъ дѣйствій [2]), законы должны быть строже и общественное управленіе бдительнѣе обыкновеннаго, такъ какъ они должны опредѣлять поведеніе людей, иначе легко поддающихся природнымъ влеченіямъ. Другое дѣло, когда религія установляетъ догматъ свободы.

Душевная лѣнь породила магометанское ученіе о предопредѣленіи, которое въ свою очередь порождаетъ душевную лѣнь. Говорятъ: такъ опредѣлено Богомъ—тутъ дѣлать нечего! Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ будить закономъ людей, усыпленныхъ религіей.

---

[1]) Всякая религія, которая только стремится сдѣлать человѣка болѣе совершеннымъ, уже тѣмъ самымъ стремится сдѣлать его добрымъ гражданиномъ.

[2]) Т. е. фатализма.

Когда религія осуждаетъ то, что гражданскіе законы должны дозволить, является опасность, какъ бы гражданскіе законы, въ свою очередь, не дозволили чего-нибудь такого, что религія должна осудить. Такимъ образомъ одна изъ сторонъ проявляетъ недостатокъ гармоніи и правильности въ представленіяхъ, отражающійся на другой сторонѣ.

Такъ, напр., татары [1]) Чингисхана, у которыхъ считалось грѣхомъ и даже уголовнымъ преступленіемъ положить ножъ въ огонь, опереться на бичъ, ударить лошадь уздечкой, разбить одну кость другою, не считали грѣхомъ нарушить данное слово, похитить чужое имущество, оскорбить человѣка или убить его. Короче, законы, побуждающіе видѣть необходимое въ томъ, что само по себѣ безразлично, имѣютъ то неудобство, что побуждаютъ видѣть безразличное въ томъ, что необходимо. Жители Формозы [2]) вѣрятъ въ нѣчто вродѣ ада—но въ немъ наказываются лишь тѣ, которые не ходили нагими въ извѣстное время года, носили полотняную одежду вмѣсто шелковой, ловили устрицъ и въ дѣлахъ своихъ не совѣтовались съ пѣніемъ птицъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они не считаютъ за грѣхъ пьянство и развратъ; они даже вѣрятъ, что распутство ихъ дѣтей пріятно богамъ.

Если религія признаетъ умершаго праведникомъ вслѣдствіе какихъ-либо случайныхъ причинъ, она расточаетъ безъ пользы сильнѣйшее изъ всѣхъ человѣческихъ побужденій. Индусы увѣрены, что воды Ганга обладаютъ освящающей силой [3]); что люди, умершіе на его берегахъ, избавлены отъ наказаній въ будущей жизни и ведутъ существованіе, исполненное наслажденій. Поэтому изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ посылаютъ урны съ пепломъ умершихъ, чтобы бросить ихъ въ Гангъ [4]). Что нужды въ томъ, будетъ человѣкъ жить добродѣтельно или нѣтъ,—былъ бы только прахъ его брошенъ въ Гангъ!

Понятіе о мѣстѣ посмертныхъ наградъ необходимо предполагаетъ и понятіе о мѣстѣ посмертныхъ наказаній; и коль скоро можно разсчитывать на первыя безъ опасенія вторыхъ, гражданскіе законы теряютъ силу. Люди, вполнѣ увѣренные въ наградѣ въ будущей жизни, ускользаютъ отъ законодателя. Въ нихъ слишкомъ велико презрѣніе къ смерти. Чѣмъ можетъ законъ обуздать человѣка, который увѣренъ, что величайшее изъ наказаній будетъ для него лишь минутой наступленія блаженства.

---

[1]) См. донесеніе монаха Жана де-Плано-Карпини, посланнаго въ Татарію папою Иннокентіемъ IV, въ 1246 г. (М.).

[2]) *Собр. путеш., послуж. къ основ. Индійск. комп.*, т. V, ч. I, стр. 192. (М.).

[3]) Lettres édifiantes, quinzième recueil. (М.).

[4]) Бросаютъ даже трупы.

ГЛАВА XV.

Какимъ образомъ иногда ложныя религіи исправляются гражданскими законами.

Уваженіе къ старинѣ, простодушіе или суевѣріе вводили иногда таинства и обряды, оскорблявшіе чувство стыдливости. Примѣры тому не рѣдки. Аристотель [1]) говоритъ, что въ такихъ случаяхъ законъ разрѣшаетъ, чтобы отцы семействъ отправляли въ храмахъ эти таинства вмѣсто своихъ женъ и дѣтей. Удивительный законъ, охраняющій нравы отъ дѣйствія религіи!

Августъ [2]) запретилъ молодымъ людямъ обоихъ половъ участвовать въ какихъ бы то ни было ночныхъ церемоніяхъ, если ихъ не сопровождалъ кто-либо изъ старшихъ родственниковъ, и когда онъ возстановилъ празднества [3]) въ честь Пана, онъ воспротивился тому, чтобы молодые люди бѣгали нагіе.

ГЛАВА XVI.

Какимъ образомъ недостатки политическихъ учрежденій исправляются законами религіи.

Съ другой стороны, религія можетъ оказать поддержку гражданскому порядку, когда законы безсильны это сдѣлать.

Такъ, напр., если государство подвергается частымъ междоусобнымъ войнамъ, религія можетъ оказать большую пользу, постановивъ, что опредѣленная область этого государства должна находиться въ постоянномъ мирѣ. У грековъ, Элеяне, въ качествѣ жрецовъ Аполлона, пользовались вѣчнымъ миромъ. Въ Японіи [4]), городъ Меако, почитаемый святымъ городомъ [5]), не знаетъ войны въ силу постановленія, поддерживаемаго религіей. Эта имперія, которая стоитъ какъ бы одинокою на свѣтѣ, которая не пользуется и не хочетъ пользоваться никакою помощью со стороны чужеземцевъ, поддерживаетъ въ своихъ предѣлахъ торговлю, не страдающую отъ войны.

Въ государствахъ, гдѣ вопросы о войнѣ не разрѣшаются на общемъ совѣщаніи, гдѣ законъ лишенъ всякихъ средствъ къ прекращенію и предупрежденію войнъ, религія устанавляетъ періоды мира или перемирій, чтобы дать народу возможность заниматься тѣми работами, безъ которыхъ государство существовать не можетъ,—каковы посѣвъ и тому подобныя работы.

---

[1]) Полит., кн. VII, гл. XXII. (М.).
[2]) Светоній, *Августъ*, гл. XXXI. (М.).
[3]) Ibid. (М.).
[4]) *Собр. путеш., послуж. къ основ. Индійск. комп.*, т. IV, ч. I, стр. 127. (М.).
[5]) Меако или Кіото на остр. Нипонѣ, резиденція императора или Микадо.

Ежегодно, впродолженіе четырехъ мѣсяцевъ, прекращались всѣ непріязненныя дѣйствія между арабскими племенами [1]); малѣйшее нарушеніе мира въ это время почиталось за несчастіе. Когда всякій феодалъ имѣлъ во Франціи право войны и мира, религія устанавливала по опредѣленнымъ временамъ года особыя перемирія [2]).

ГЛАВА XVII.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Если въ государствѣ много поводовъ къ ненависти, необходимо, чтобы религія имѣла много средствъ къ замиренію. Арабы, народъ разбойничій, часто причиняютъ другъ другу оскорбленія и несправедливости. Магометъ [3]) издалъ законъ: «Если кто прощаетъ кровь брата [4]), тотъ можетъ искать на преступникѣ убытки; но кто сдѣлаетъ зло обидчику, послѣ того, какъ получилъ съ него удовлетвореніе, тотъ будетъ подвергнутъ жестокимъ мукамъ въ день судный».

У германцевъ ненависть и вражда передавались близкимъ родственникамъ по наслѣдству, но не были вѣчны.

Можно было искупить убійство извѣстнымъ количествомъ скота, и вся семья убитаго получала такимъ образомъ удовлетвореніе. «И это очень полезно», говоритъ Тацитъ [5]), «потому что вражда представляетъ больше всего опасностей у свободнаго народа». Я полагаю, что жрецы, пользовавшіеся у нихъ большимъ вліяніемъ, должны были играть роль въ этихъ примиреніяхъ.

У малайцевъ [6]), у которыхъ примиренія нѣтъ, убійца, увѣренный, что не избѣгнетъ возмездія со стороны родственниковъ и друзей убитаго, приходитъ обыкновенно въ состояніе бѣшенства, бросается на встрѣчныхъ и наноситъ имъ раны или убиваетъ ихъ.

ГЛАВА XVIII.

Какимъ образомъ законы религіи оказываютъ дѣйствіе законовъ гражданскихъ.

Первые греки жили мелкими, часто разсѣянными на большомъ пространствѣ племенами, промышляли пиратствомъ на морѣ и насиліемъ на сушѣ, не имѣли ни гражданскаго порядка, ни законовъ. Прекрасныя

---

[1]) См. *Придо, Жизнь Магомета*, стр. 64. (М.).
[2]) То, что называлось Божьимъ миромъ (trève de Dieu) .
[3]) Въ коранѣ, кн. I, гл. *О коровѣ*. (М.).
[4]) Т. е. отказывается отъ права возмездія.
[5]) *О нрав. герм.*, гл. XXI. (М.).
[6]) *Собр. путеш., послуж. къ основ. Индійск. компаніи*, т. VII, стр. 303. См. также: *Записки графа Форбэна* и что онъ говоритъ о макассарцахъ. (М.).

дѣянія Геркулеса и Тезея рисуютъ намъ состояніе этого нарождающагося народа. Что могла сдѣлать религія болѣе того, что она сдѣлала, чтобы внушить ему отвращеніе къ убійству? Она утверждала, что человѣкъ, умершій насильственной смертью [1]), сохраняетъ гнѣвъ противъ убійцы, наводитъ на него смущеніе и ужасъ и добивается его удаленія изъ тѣхъ мѣстъ, которыя посѣщалъ онъ, убитый. Нельзя было ни коснуться преступника, ни вступить съ нимъ въ разговоръ, не осквернивъ себя [2]) или не потерявъ права быть свидѣтелемъ. Городъ долженъ былъ избѣгать присутствія преступника и очищенъ отъ него [3]).

ГЛАВА XIX.

Что не столько истинность или ложность догмата, сколько примѣненіе его людьми во благо или во зло дѣлаетъ его полезнымъ или вреднымъ въ гражданскомъ обществѣ.

Самые истинные и самые священные догматы могутъ имѣть очень дурныя послѣдствія, если не приведены въ связь съ общественными началами, и, наоборотъ, наиболѣе ложные догматы могутъ имѣть превосходныя послѣдствія, если находятся въ согласіи съ этими началами.

Религія Конфуція отрицаетъ безсмертіе души, а послѣдователи Зенона не вѣрятъ въ него. И что же? Оба вѣроученія изъ дурного начала вывели хоть и невѣрныя, но превосходныя для общества заключенія.

Религія Тао и Фое [4]) вѣритъ въ безсмертіе души, но изъ этого столь святого догмата выводитъ отвратительныя заключенія [5]).

Почти во всемъ свѣтѣ и во всѣ времена вѣрованія въ безсмертіе души, дурно понятое, побуждало женъ, рабовъ, подданныхъ и друзей умершаго лишать себя жизни, чтобы и въ другомъ мірѣ служить предмету своего почитанія или любви. Такъ дѣлалось въ Вестъ-Индіи, а также

---

[1]) Платонъ, *О законахъ*, кн. IX. (М.).

[2]) См. трагедію *Эдипъ въ Колонѣ*.

[3]) Платонъ, *О законахъ*, кн. IX. (М.).

[4]) *Тао-ссе* суть послѣдователи *Лао-цзе*. *Фо* есть китайское имя Будды, а не секты.

[5]) Одинъ китайскій философъ приводитъ слѣдующіе доводы противъ ученія *Фо:* «Въ одной изъ книгъ этого вѣроученія сказано, что тѣло есть наше жилище, а душа—безсмертная гостья въ немъ. Но если тѣло нашихъ родителей только жилище, не естественно ли взирать на него съ такимъ же презрѣньемъ, какъ на кучу грязи и земли. Не значитъ ли это пытаться вырвать изъ сердца добродѣтель любви къ родителямъ? Это побуждаетъ также пренебрегать заботами о нашемъ тѣлѣ, отказывать ему въ состраданіи и привязанности, столь необходимыхъ для его сохраненія. По этому то ученики Фо и лишаютъ себя жизни тысячами». Произведеніе одного китайскаго философа въ собраніи о. Дю-Гальда, т. III, стр. 52. (М.).—Не трудно найти натяжку въ этой аргументаціи; можно сказать то же самое и о христіанствѣ, имѣя для того также мало основаній.

у датчанъ [1]); дѣлается еще и понынѣ въ Японіи [2]), въ Макассарѣ [3]) и во многихъ другихъ мѣстностяхъ земного шара.

Эти обычаи обязаны своимъ происхожденіемъ не столько догмату безсмертія души, сколько догмату воскресенія тѣла, изъ котораго сдѣланъ выводъ, что человѣкъ послѣ смерти сохраняетъ свои чувства, потребности и даже страсти. Съ этой точки зрѣнія догматъ безсмертія производитъ на человѣка необыкновенно сильное впечатлѣніе, потому что представленіе о простой перемѣнѣ мѣста пребыванія болѣе доступно нашему уму и болѣе льститъ нашему сердцу, чѣмъ представленіе о нашемъ видоизмѣненіи.

Недостаточно еще, чтобы религія установила догматъ; надо еще, чтобы она давала ему надлежащее направленіе, что превосходно исполнила христіанская религія въ отношеніи догматовъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Она внушаетъ намъ надежду на состояніе, въ которомъ мы вѣримъ, а не на состояніе, которое мы чувствуемъ или знаемъ. Все въ ней, не исключая и воскресенія тѣла, ведетъ насъ къ духовнымъ представленіямъ.

ГЛАВА XX.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Священныя книги древнихъ персовъ учили: «Если хотите быть святыми, просвѣщайте дѣтей вашихъ, потому что всѣ ихъ добрыя дѣла зачтутся вамъ» [4]). Они давали совѣтъ рано жениться, потому что дѣти въ день судный будутъ служить какъ бы мостомъ, и у кого не будетъ дѣтей, тѣ не смогутъ его пройти. Эти догматы были ложны, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень полезны [5]).

ГЛАВА XXI.

О переселеніи душъ.

Догматъ безсмертія души дѣлится на три вѣтви: чистаго безсмертія, простой перемѣны мѣстопребыванія и переселенія душъ (метампсихоза), т. е. на систему христіанъ, систему скиѳовъ и систему индусовъ. Я говорилъ о двухъ первыхъ; теперь скажу о третьей, что такъ какъ она находилась подъ вліяніемъ хорошихъ и дурныхъ руководителей, то и дала въ Индіи какъ хорошія, такъ и дурныя послѣдствія. Она пріучаетъ лю-

---

[1]) См. *Томасъ Бартолэнъ*, Датскія древности. (М.).

[2]) *Сообщеніе о Японіи* въ *Собраніи путешествій, послуживш. къ основ. Индійск. комп.* (М.).

[3]) *Записки Форбэна.* (М.).

[4]) M. Hyde. *De Religione veterum Persarum*, in Sad-der. (М.).

[5]) Наставленія эти не могутъ быть названы догматами въ собственномъ смыслѣ слова; это превосходныя нравственныя правила, какія можно найти въ большинствѣ религій.

дей относиться съ нѣкоторымъ ужасомъ къ пролитію крови, вслѣдствіе чего убійства въ Индіи очень рѣдки; и хотя въ ней никого не наказываютъ смертью, всѣ живутъ спокойно.

Съ другой стороны, индійскія жены сжигаютъ себя по смерти мужей; какимъ образомъ здѣсь одни только невинные подвергаются насильственной смерти.

ГЛАВА XXII.

О томъ, какъ опасно, когда религія внушаетъ отвращеніе къ вещамъ безразличнымъ.

Извѣстныя представленія о чести, установленныя религіозными предразсудками въ Индіи, дѣлаютъ то, что различныя касты ея населенія гнушаются другъ друга. Представленія эти основаны исключительно на религіи, при чемъ семейныя отличія не переходятъ въ отличія гражданскія: иной индусъ почтетъ для себя безчестіемъ ѣсть за однимъ столомъ со своимъ государемъ.

Этотъ родъ отличій, соединенный съ извѣстнымъ отвращеніемъ къ другимъ людямъ, совершенно не соотвѣтствуетъ тѣмъ чувствамъ, которыя должны вытекать изъ различія классовъ и въ нашей средѣ поддерживаютъ любовь къ низшимъ [1]).

Законы истинной религіи внушаютъ презрѣніе къ одному лишь пороку и, прежде всего, не удаляютъ людей отъ любви и состраданія къ другимъ людямъ.

Религія магометанская и религія индусовъ обнимаютъ собою безконечное множество народовъ; но индусы ненавидятъ магометанъ за то, что они ѣдятъ мясо коровы, а магометане—индійцевъ за то, что они ѣдятъ свинину.

ГЛАВА XXIII.

О праздникахъ.

Когда религія предписываетъ прекращеніе работы, она должна имѣть въ виду потребности людей болѣе, чѣмъ величіе чтимаго ею существа.

Слишкомъ большое число праздниковъ въ Аѳинахъ [2]) сказывалось большимъ неудобствомъ: у этого господствующаго народа, къ которому обращались всѣ города Греціи за рѣшеніемъ своихъ тяжбъ, не хватало времени для надлежащаго веденія дѣлъ.

Установляя празднованіе воскреснаго дня, Константинъ предназначалъ

---

[1]) Содержатъ ли они въ себѣ любовь низшихъ къ высшимъ, превосходство которыхъ состоитъ въ одной случайности рожденія?

[2]) Ксенофонтъ, *объ Аѳинской республикѣ*, гл. III, § 8. (М.).

свой указъ для городовъ [1]), но не для деревень: онъ понималъ, что работа городовъ полезна, сельская же работа необходима.

По тѣмъ же причинамъ, въ странахъ, живущихъ преимущественно торговлею, число праздниковъ должно сообразоваться съ условіями этой торговли. Географическое положеніе [2]) странъ протестантскихъ по отношенію къ католическимъ требуетъ отъ первыхъ большаго количества работы, чѣмъ отъ вторыхъ, и потому сокращеніе числа праздниковъ было болѣе умѣстно въ протестантскихъ странахъ, чѣмъ въ католическихъ [3]).

Дампьеръ [4]) замѣчаетъ, что народныя развлеченія значительно видоизмѣняются съ климатомъ. Такъ какъ жаркій климатъ производитъ много нѣжныхъ плодовъ, то дикари, имѣя возможность безъ большого труда добывать необходимое для своего существованія, употребляютъ и болѣе времени на увеселенія. Индійцы холоднаго климата [5]) не располагаютъ такимъ досугомъ, — для нихъ необходимы постоянныя занятія рыбной ловлей и охотой; поэтому у нихъ меньше танцевъ, музыки и пировъ. Какая бы религія ни утвердилась у этихъ народовъ, она должна считаться со всѣми этими обстоятельствами при установленіи праздниковъ.

ГЛАВА XXIV.

О мѣстныхъ религіозныхъ законахъ.

Въ различныхъ религіяхъ много мѣстныхъ законовъ. Когда Монтезума такъ настойчиво утверждалъ, что религія испанцевъ была хороша для ихъ страны, а мексиканская была хороша для Мексики, онъ не говорилъ ничего нелѣпаго, потому что, дѣйствительно, законодатели этой послѣдней страны не могли не принять во вниманіе того, что ранѣе ихъ было установлено природою.

Вѣра въ переселеніе душъ вполнѣ соотвѣтствуетъ климату Индіи. Чрезмѣрный зной [6]) сжигаетъ поля; на нихъ можно прокормить лишь ничтожное количество скота, и постоянно грозитъ опасность, что его не хватитъ для воздѣлыванія земли; быки размножаются [7]) медленно и подвержены многимъ болѣзнямъ. Поэтому законъ религіи, сохраняющій ихъ, весьма полезенъ въ смыслѣ мѣры, охраняющей благосостояніе страны [8]).

---

[1]) L. 3. Cod. *de feriis*. Законъ этотъ, несомнѣнно, относился только къ язычникамъ. (М.).

[2]) Католики живутъ болѣе на югѣ, а протестанты на сѣверѣ. (М.).

[3]) Въ прошломъ столѣтіи насчитывали въ протестантскихъ странахъ на пятьдесятъ рабочихъ дней въ году болѣе чѣмъ въ католическихъ; но въ настоящее время гражданское законодательство значительно сократило число праздниковъ въ католическихъ государствахъ.

[4]) *Новыя путешествія вокругъ свѣта*, т. II. (М.).

[5]) Т. е. индѣйцы Сѣверной Америки.

[6]) *Путешествіе* Бернье, т. II, стр. 137. (М.).

[7]) *Lettres édifiantes*, douzième recueil, p. 95. (М.).

[8]) Ученіе о переселеніи душъ имѣетъ иное начало и иную цѣль чѣмъ со-

Въ то время какъ луга выжжены солнцемъ, рисъ и овощи растутъ прекрасно, благодаря орошенію. Законъ религіи, разрѣшающій только эту пищу, слѣдовательно, очень полезенъ для населенія этихъ странъ.

Мясо [1]) домашнихъ животныхъ здѣсь не имѣетъ вкуса; молоко же и масло, добываемыя отъ нихъ, составляютъ для населенія одно изъ средствъ его пропитанія. Законъ, воспрещающій ѣсть и убивать коровъ, значитъ, не лишенъ основанія для Индіи.

Въ стѣнахъ города Аѳинъ жило безчисленное множество народа [2]), окружная же территорія республики была безплодна. Согласно съ этимъ. существовало религіозное правило, что приносящіе богамъ извѣстные незначительные дары чествуютъ [3]) ихъ болѣе, чѣмъ тѣ, которые приносятъ имъ въ жертву быковъ.

ГЛАВА XXV.

Неудобства перенесенія религіи изъ одной страны въ другую.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что перенесеніе религіи [4]) изъ одной страны въ другую очень часто представляетъ большія неудобства.

«Свинья должна очень рѣдко встрѣчаться въ Аравіи», говоритъ [5]) де-Булянвилье: «эта страна почти лишена лѣсовъ, и въ ней нѣтъ почти ничего, что могло бы служить пищею этимъ животнымъ. Кромѣ того, избытокъ соли въ водѣ и въ пищѣ дѣлаетъ населеніе ея очень воспріимчивымъ къ накожнымъ болѣзнямъ». Мѣстный законъ, воспрещающій употребленіе свиного мяса, не былъ бы пригоденъ въ такихъ странахъ [6]), гдѣ свиное мясо составляетъ почти всеобщую и въ нѣкоторомъ родѣ необходимую пищу.

Присоединяю къ этому еще одно соображеніе. Санкторій замѣтилъ, что употребляемое нами свиное мясо очень слабо всасывается [7]) и даже препятствуетъ всасыванію всякой другой пищи. Онъ нашелъ, что это

храненіе быковъ. Это то же, еслибъ мы стали утверждать, что церковь установила посты съ цѣлью покровительства ловлѣ трески. Случайныя совпаденія, усматриваемыя въ томъ или другомъ вѣроученіи, не имѣютъ ничего общаго съ чувствомъ или идеей, внушившими эту вѣру.

[1]) *Путешествіе* Бернье. т. II, стр. 137. (М.).

[2]) См. выше кн. III. гл. III. *Безчисленное множество* слѣдуетъ понимать относительно: аѳинская республика была дѣйствительно очень густо заселена. если принимать во вниманіе размѣръ занимаемой ею территоріи, что объясняетъ и самъ Монтескье въ своихъ *Eclaircissements sur l'Esprit des Lois.*

[3]) Эврипидъ въ *Athénée*, кн. II, стр. 40. (М.).

[4]) Это не относится къ христіанской религіи, потому что, какъ это было уже сказано въ кн. XXIV, въ концѣ гл. I, христіанская религія составляетъ первое благо. (М.).—Этого примѣч. нѣтъ въ А. В.

[5]) *Жизнь Магомета.* (М.).—Объ этомъ запрещеніи см. Персидскія письма, XVII и XVIII, русск. пер., стр. 33 и 35.

[6]) Какъ, наприм., въ Китаѣ. (М.).

[7]) *Medecine Statique*, sect. III, aphor. 22. (М.).

уменьшеніе всасыванія достигаетъ одной трети [1]) нормальнаго его количества. Между тѣмъ извѣстно, что недостаточное всасываніе причиняетъ или усиливаетъ накожныя болѣзни. Употребленіе свиного мяса должно быть, слѣдовательно, воспрещено въ такихъ странахъ, въ которыхъ эти болѣзни часто встрѣчаются, какъ въ Палестинѣ, Аравіи, Египтѣ и Ливіи.

ГЛАВА XXVI.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Г. Шарденъ [2]) говоритъ, что въ Персіи нѣтъ ни одной судоходной рѣки, кромѣ Куры [3]), которая лежитъ на краю государства. Поэтому древній законъ Гебровъ, запрещавшій плаваніе по рѣкамъ, не представлялъ никакихъ неудобствъ для этой страны, тогда какъ въ другой онъ могъ разорить торговлю.

Частыя омовенія въ большомъ употребленіи въ жаркихъ странахъ; потому-то магометанская и индійская религіи и предписываютъ ихъ. Въ Индіи считается весьма богоугоднымъ дѣломъ молиться [4]), стоя въ проточной водѣ; но какъ исполнять всѣ эти обряды въ другихъ странахъ?

Когда религія, основанная на свойствахъ извѣстнаго климата, слишкомъ рѣзко противорѣчила климату другой страны, она не могла утвердиться въ этой послѣдней, и если ее вводили въ ней, она впослѣдствіи изъ нея изгонялась. Въ предѣлахъ человѣческихъ понятій, кажется, что климатомъ опредѣляются границы распространенія какъ христіанской, такъ и магометанской религіи [5]). Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что всего лучше, чтобы религія имѣла догматы, особые, а культъ — общаго характера. Законы, относящіеся къ обрядамъ культа, не требуютъ подробностей; такъ, напр., они должны говорить объ истощеніи плоти вообще, а не о частныхъ видахъ истощенія. Христіанство исполнено въ этомъ отношеніи здраваго смысла: воздержаніе въ немъ составляетъ предметъ божественнаго права, тогда какъ частныя формы воздержанія составляютъ предметъ государственнаго благоустройства и могутъ быть измѣняемы, смотря по обстоятельствамъ.

---

[1]) Ibid.

[2]) Шарденъ, *Путешествіе въ Персію,* т. II. (М.).

[3]) Древній Cyrus, впадаетъ въ Каспійское море.

[4]) *Путешествіе* Бернье, т. II. (М.).

[5]) Нужно ли напоминать г. де-Монтескье, что христіанство родилось въ Азіи; что оно впродолженіе многихъ столѣтій процвѣтало и господствовало въ Азіи и Африкѣ; что оно лишь уступило насилію и жестокости магометанскаго оружія, и еще въ настоящее время число христіанъ между Евфратомъ и Греціей равняется числу послѣдователей Магомета и даже превосходитъ его. Климатъ, какъ причина, въ этомъ случаѣ одна химера, отвергаемая самими фактами (Кревье).

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

О законахъ въ ихъ отношеніяхъ къ вводимой въ отдѣльныхъ странахъ религіи и ея внѣшнему благоустройству.

ГЛАВА I.

О религіозномъ чувствѣ.

И набожный человѣкъ и безбожникъ постоянно говорятъ о религіи: но первый говоритъ о томъ, что любитъ, а второй о томъ, чего боится [1]).

ГЛАВА II.

О причинахъ приверженности къ той или другой религіи.

Въ различныхъ религіяхъ привязанность къ нимъ людей, ихъ исповѣдующихъ, вызывается не одинаковыми побужденіями; въ этомъ отношеніи многое зависитъ отъ способа, которымъ устанавливается согласіе между религіей и направленіемъ мысли и чувства людей.

Мы чрезвычайно склонны къ идолопоклонству, хотя и мало привязаны къ идолопоклоническимъ религіямъ; мы совсѣмъ не склонны къ духовнымъ представленіямъ и однако очень привязаны къ религіямъ, которыя требуютъ отъ насъ поклоненія духовному существу. Это счастливое чувство происходитъ частью отъ того внутренняго удовлетворенія, которое мы находимъ въ сознаніи нашей интеллектуальной силы, побудившей насъ избрать такую религію, которая выводитъ божество изъ унизительнаго состоянія, созданнаго для него другими религіями. Мы смотримъ на идолопоклонство какъ на религію народовъ грубыхъ, а на религію, имѣющую своимъ предметомъ духовное существо, какъ на религію народовъ, просвѣщенныхъ [2]).

Когда съ идеей высшаго духовнаго существа, составляющей догматъ, мы можемъ соединить чувственныя представленія, входящія въ область культа, то это даетъ намъ большую привязанность къ религіи, потому что побужденія, о которыхъ мы только что говорили, сочетаются въ данномъ случаѣ съ нашими естественными склонностями къ чувственнымъ предметамъ. Поэтому католики, у которыхъ этотъ родъ культа болѣе развитъ, чѣмъ у протестантовъ, сильнѣе привязаны къ своей религіи, чѣмъ протестанты къ своей, и проявляютъ болѣе ревности въ распространеніи ея.

---

[1]) Люди обыкновенно пугаются представленія судьи всякій разъ, какъ не могутъ познать его иначе, какъ въ его правосудіи. Пеке, Analyse raisonnée. etc., p. 283.

[2]) *Защита Духа Законовъ*, ч. II. *Особая ошибка критика.*

Когда [1]) жители Эфеса узнали о постановленіи Вселенскаго собора, что Пречистую Дѣву можно называть [2]) Матерью Божіей, они пришли въ неописанный восторгъ, цѣловали у епископовъ руки и обнимали колѣни, при несущихся со всѣхъ сторонъ радостныхъ крикахъ.

Если съ духовной религіей соединяется еще представленіе объ избраніи ея Божествомъ, о превосходствѣ исповѣдующихъ ее передъ тѣми, которые ее не исповѣдуютъ, то это сильно привязываетъ насъ къ ней. Магометане не были бы столь ревностными мусульманами, если бы не существовало, съ одной стороны, народовъ идолопоклонниковъ, которые заставляютъ ихъ смотрѣть на себя какъ на мстителей за поруганное единство Божье, а съ другой, не было бы христіанъ, чтобы внушить имъ увѣренность въ оказываемомъ Богомъ предпочтеніи исламу.

Религія, соединенная со многими [3]) обрядами, больше привязываетъ къ себѣ, чѣмъ та, въ которой обрядовъ мало: человѣкъ обыкновенно склоненъ привязываться къ тому, чѣмъ онъ наиболѣе занятъ; доказательствомъ служитъ несокрушимое религіозное упорство магометанъ [4]) и евреевъ и та легкость, съ какою мѣняютъ религію народы варварскіе и дикіе, которые, будучи исключительно заняты охотой и войной, не обременяютъ себя религіозными обрядами.

Люди, вообще, очень склонны къ надеждѣ и страху, религія безъ рая и ада не можетъ имъ нравиться. Это доказывается тою легкостью съ которою иноземныя религіи утвердились въ Японіи и тою ревностью и любовью, съ которою они были ею приняты [5]).

Чтобы привязать къ себѣ, религія должна учить безупречной нравственности. Будучи плутами въ частности, люди въ общемъ — народъ очень честный. Они любятъ то, что нравственно [6]), и если бы дѣло не шло о столь важномъ предметѣ, я бъ сказалъ, что это всего лучше обнаруживается на сценѣ, такъ какъ можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что на ней понравишься народу, если станешь выражать чувства, одобряемыя нравственностью, и оскорбишь его выраженіемъ чувствъ, нравственностью порицаемыхъ.

---

[1]) Письмо Св. Кирилла. (М.).

[2]) Согласно постановленію Эфесскаго собора, не *можно*, а *должно* именовать Марію Матерью Божіей (Кревье).

[3]) Это не противорѣчитъ сказанному мною въ предпослѣдней главѣ предшествующей книги: здѣсь идетъ рѣчь о привязанности къ религіи, тогда какъ тамъ говорилось о средствахъ сдѣлать ее болѣе распространенною. (М.).

[4]) Оно замѣчается повсюду. Относительно турокъ, см. *Восточныя миссіи;* относительно мавровъ Батавіи: *Собр. путешествій, послуж. къ основан. Индійской компаніи,* т. III, ч. I, стр. 201; относительно грековъ—магометанъ—О. Лаба и т. д. (М.)

[5]) Религіи христіанская и индійская, которыя признаютъ адъ и рай, тогда какъ религія *Синто* не знаетъ ни того, ни другого. (М.).

[6]) Другими словами: человѣкъ бываетъ иногда плутомъ за собственный счетъ, но всегда добродѣтеленъ за счетъ другихъ.

Если внѣшній культъ отличается пышностью, намъ это нравится и очень привязываетъ насъ къ религіи. Роскошь храмовъ и духовенства производитъ на насъ сильное впечатлѣніе, такъ, что даже самая народная нищета служитъ мотивомъ, привязывающимъ народъ къ той самой религіи, которая служила предлогомъ для виновниковъ этой нищеты.

ГЛАВА III.

О храмахъ.

Почти всѣ просвѣщенные народы живутъ въ домахъ. Поэтому естественно ихъ желаніе построить и для Бога домъ, въ которомъ они могли бы ему поклоняться и къ нему прибѣгать со своими опасеніями или надеждами [1]).

Дѣйствительно, нигдѣ человѣкъ не находитъ большаго утѣшенія какъ въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ Божество предполагается постоянно присутствующимъ и въ которомъ онъ, въ соединеніи съ другими вѣрными, открываетъ передъ Богомъ свои прегрѣшенія и свои печали.

Но эта столь естественная мысль свойственна лишь народамъ, воздѣлывающимъ землю; никогда не строятъ храмовъ народы, которые сами не имѣютъ домовъ.

Вотъ почему Чингисханъ выказалъ такое презрѣніе къ мечетямъ [2]). Распросивъ магометанъ о вѣрѣ [3]), онъ одобрилъ всѣ ихъ догматы, за исключеніемъ обязательнаго путешествія въ Мекку. Онъ никакъ не могъ понять, чтобы нельзя было вездѣ одинаково поклоняться Богу. Татары не жили въ домахъ и потому не знали храмовъ.

Народы, не имѣющіе храмовъ, бываютъ мало привязаны къ своей религіи. Вотъ почему татары во всѣ времена были такъ вѣротерпимы [4]); вотъ почему варвары, покорившіе римскую имперію, безъ всякихъ колебаній приняли христіанство; вотъ почему дикіе Америки такъ мало привязаны къ своей вѣрѣ и, съ тѣхъ поръ какъ наши миссіонеры построили имъ въ Парагваѣ церкви, такъ ревностно относятся къ нашей.

Такъ какъ Божество есть прибѣжище несчастныхъ, и нѣтъ на свѣтѣ людей несчастнѣе преступниковъ, то естественно было придти къ заключенію, что храмъ есть ихъ убѣжище. Это понятіе казалось наиболѣе естественнымъ у грековъ, у которыхъ убійцы, изгоняемые изъ своего

---

[1]) Церковь (Ecclesia), или собраніе, есть соединеніе вѣрныхъ; естественно, чтобы эти вѣрные имѣли мѣсто для своихъ собраній. Алтарь посвященъ Богу; остальная часть храма служитъ пристанищемъ для вѣрующихъ.

[2]) Войдя въ мечеть въ Бухарѣ, онъ схватилъ Коранъ и бросилъ его подъ ноги своимъ лошадямъ. *Истор. татаръ,* ч. III, стр. 273. (М.).

[3]) Ibid., p. 342. (М.).

[4]) Это настроеніе перешло отъ нихъ даже къ японцамъ, которые, какъ это легко доказать, происходятъ отъ татаръ. (М.).

города и человѣческаго общества, повидимому не имѣли другого дома, кромѣ храма и иныхъ защитниковъ, кромѣ боговъ.

Сначала это относилось только къ нечаяннымъ убійцамъ; но когда къ нимъ присоединили и настоящихъ преступниковъ, то получилось грубое противорѣчіе: если послѣдніе оскорбили людей, то тѣмъ болѣе еще оскорбили боговъ.

Эти убѣжища сильно размножились въ Греціи. Храмы, говоритъ Тацитъ [1]), были переполнены несостоятельными должниками и злонамѣренными рабами. Власти встрѣчали большія затрудненія въ охраненіи безопасности; народъ покровительствовалъ человѣческимъ преступленіямъ, точно религіознымъ обрядамъ; наконецъ, сенатъ вынужденъ былъ ограничить число такихъ убѣжищъ.

Законы Моисея отличались большой мудростью. Неумышленные убійцы почитались невинными, но ихъ слѣдовало скрыть отъ глазъ родственниковъ убитаго, и потому для нихъ полагалось убѣжище [2]). Настоящіе преступники не заслуживали убѣжища и потому не имѣли его [3]). У евреевъ была лишь передвижная скинія, переносимая съ мѣста на мѣсто, исключавшая самую мысль объ убѣжищѣ. Правда, при ней долженъ былъ находиться храмъ; но преступники, которые стали бы стекаться въ него со всѣхъ сторонъ, могли мѣшать богослуженію. Съ другой стороны, если бъ убійцъ стали изгонять изъ отечества, какъ у грековъ, то можно было опасаться, что они станутъ поклоняться иноземнымъ богамъ. Всѣ эти соображенія побудили назначить въ качествѣ убѣжищъ отдѣльные города, въ которыхъ преступники должны были оставаться до смерти первосвященника.

ГЛАВА IV.

О священнослужителяхъ.

Первые люди, говоритъ Порфирій [4]), приносили въ жертву однѣ лишь травы. При столь простомъ богослуженіи всякій могъ быть первосвященникомъ въ своемъ семействѣ.

Естественное желаніе угодить богамъ породило умноженіе обрядовъ; слѣдствіемъ этого было то, что люди, занимавшіеся земледѣліемъ, поставлены были въ невозможность исполнять всѣ эти обряды во всѣхъ ихъ подробностяхъ.

Богамъ были посвящены особыя мѣста; оказалось необходимымъ держать при нихъ служителей, которые имѣли бы о нихъ попеченіе, подобно тому, какъ это дѣлаетъ всякій гражданинъ относительно своего

---

[1]) Его *Анналы*, кн. III, гл. LX. (М.).
[2]) Кн. чиселъ, гл. XXXV, ст. 14. (М.).
[3]) Тамъ же ст. 16 и слѣд. (М.).
[4]) *De abstinentia animalium*, lib. II, § 5.

дома и своихъ дѣлъ. Поэтому-то народы, не имѣющіе жрецовъ, обыкновенно находятся въ варварскомъ состояніи. Такими въ прежнее время были педалійцы [1]), а въ настоящее время еще остаются волгуски [2]).

Лица, посвященныя божеству, должны были пользоваться общимъ уваженіемъ—въ особенности у народовъ, которые составили себѣ извѣстное понятіе о тѣлесной чистотѣ, съ которою слѣдуетъ приближаться къ мѣстамъ, излюбленнымъ богами, и которая находится въ зависимости отъ исполненія извѣстныхъ обрядовъ.

Служеніе богамъ требовало особаго вниманія, и потому большая часть народовъ нашла нужнымъ выдѣлить духовенство въ особое сословіе. Такъ, у египтянъ, евреевъ и персовъ [3]) посвящены были божеству извѣстныя семейства, въ которыхъ обязанности жреческаго служенія переходили на все ихъ потомство. Были даже религіи, которыя не только удалили духовенство отъ всѣхъ свѣтскихъ дѣлъ, но и устранили отъ него всѣ заботы семейнаго существованія; таково обыкновеніе главной вѣтви христіанской религіи [4]).

Не стану говорить здѣсь о послѣдствіяхъ закона безбрачія. Очевидно, онъ могъ бы сдѣлаться вреднымъ, если бы численность духовенства приняла размѣры, не соотвѣтствующія количеству мірянъ.

По свойству человѣческаго разума, мы въ религіи любимъ все, что предполагаетъ усиліе, точно также какъ въ области нравственныхъ понятій любимъ, въ отвлеченіи, все то, что носитъ въ себѣ характеръ строгой непреклонности. Безбрачіе наиболѣе нравилось народамъ, для которыхъ, казалось, было наименѣе пригодно и которымъ угрожало самыми непріятными послѣдствіями. На югѣ Европы, гдѣ, по свойству климата, законъ безбрачія всего труднѣе исполнимъ, онъ остался въ силѣ; въ сѣверной же Европѣ, гдѣ страсти менѣе живы, онъ былъ отмѣненъ. Мало того: въ странахъ съ рѣдкимъ населеніемъ онъ былъ принятъ; въ странахъ съ населеніемъ густымъ—отвергнутъ. Само собою разумѣется, что всѣ эти размышленія касаются слишкомъ большаго распространенія безбрачія, а не самого безбрачія.

ГЛАВА V.

О предѣлахъ, которыми законъ долженъ ограничить богатство духовенства.

Отдѣльные роды мірянъ могутъ вымирать; слѣдовательно, и ихъ имущество не можетъ быть за ними закрѣплено навѣки. Духовенство со-

---

[1]) Lelius Giraldus, p. 726. (М.).

[2]) Сибирскіе народы. См. *la Relation de M. Everard Isbrands-Ides* въ *Собраніи путеш. по сѣверу*, т. VIII. (М.).

[3]) См. F. Hyde. (М.).

[4]) Римско-католической.

ставляетъ какъ бы одинъ родъ, который не вымираетъ, слѣдовательно, и его имущество связано съ нимъ навѣки и не можетъ перейти въ другія руки.

Роды мірянъ могутъ рости; необходимо, чтобы и ихъ имущества могли рости вмѣстѣ съ ними. Духовенство составляетъ родъ, который не долженъ увеличиваться [1]); слѣдовательно, и размѣръ его имущества долженъ быть ограниченъ.

Мы удержали относительно имущества духовенства предписанія книги Левитовъ, за исключеніемъ предписаній, которыя касаются ограниченій въ размѣрѣ этого имущества. Дѣйствительно, никто изъ насъ не знаетъ тѣхъ предѣловъ, за которыми дальнѣйшее обогащеніе религіозной общинѣ не дозволяется.

Эти неограниченныя пріобрѣтенія до такой степени безразсудны въ глазахъ народовъ, что тотъ, кто сталъ бы говорить въ ихъ защиту, былъ бы принятъ за безумнаго.

Гражданскіе законы иногда встрѣчаютъ препятствія къ устраненію укоренившихся злоупотребленій, когда эти послѣднія находятся въ связи съ предметами, которые они должны уважать. Въ этомъ случаѣ косвенная мѣра болѣе соотвѣтствуетъ благоразумію законодателя, чѣмъ такая, которая непосредственно направлена на самый предметъ. Вмѣсто того, чтобы запрещать духовенству пріобрѣтенія, слѣдуетъ сдѣлать такъ, чтобы оно само потеряло къ тому охоту,—оставить право, но устранить фактъ.

Въ нѣкоторыхъ странахъ Европы было установлено въ пользу сеньеровъ право на вознагражденіе при переходѣ недвижимаго имущества въ руки лицъ не свободнаго состоянія. Интересъ побудилъ государей установить въ свою очередь пошлину, на основанія такъ наз. права погашенія, для тѣхъ же случаевъ. Въ Кастиліи, гдѣ этого права не существуетъ, духовенство завладѣло всѣмъ; въ Аррагоніи, гдѣ отчасти дѣйствуетъ право погашенія, его пріобрѣтенія не такъ велики; во Франціи, гдѣ установлены и право погашенія и право вознагражденія, его пріобрѣтенія еще менѣе значительны, и можно сказать, что благосостояніемъ своимъ послѣднее государство отчасти обязано дѣйствію этихъ двухъ пошлинъ. Увеличьте ихъ и, если возможно [2]), остановить ростъ «мертвой руки».

Признайте священными и неприкосновенными старинныя владѣнія духовенства, для него необходимыя: пусть они будутъ такъ же неподвижны и вѣчны, какъ оно само; но заставьте его возвратить новѣйшія его пріобрѣтенія.

---

[1]) Онъ растетъ съ населеніемъ и потребностями.

[2]) Не намекъ ли это на эдиктъ о «мертвой рукѣ» (неотчуждаемыхъ имуществахъ), который былъ изданъ въ 1747 г. по настоянію генеральнаго контролера де-Машо и воспрещалъ духовенству пріобрѣтеніе новыхъ недвижимыхъ имѣній безъ законнаго на то разрѣшенія?

Допустите нарушеніе правила [1]), когда это правило стало злоупотребленіемъ; сломите злоупотребленіе, послѣ того какъ оно вошло въ правило.

Въ Римѣ еще помнятъ мемуаръ, посланный туда по поводу нѣкоторыхъ споровъ съ духовенствомъ. Въ немъ выставлено было слѣдующее правило: «Духовенство должно принимать участіе въ государственныхъ расходахъ, чтобы ни говорилъ на этотъ счетъ ветхій завѣтъ». Изъ этого заключили, что авторъ мемуара лучше знакомъ съ языкомъ вымогательства, чѣмъ съ языкомъ Библіи» [2]).

ГЛАВА VI.

О монастыряхъ.

Простой здравый смыслъ указываетъ намъ, что не слѣдуетъ, чтобы эти никогда не уничтожающіяся общества продавали свои земли въ пожизненное владѣніе или заключали займы на условіяхъ пожизненной ренты, если не хотятъ, чтобы они сдѣлались наслѣдниками всѣхъ тѣхъ, которые не имѣютъ родственниковъ или не желаютъ ихъ имѣть. Эти господа ведутъ игру противъ народа, да и банкъ держатъ противъ него.

ГЛАВА VII.

О роскоши, порождаемой суевѣріемъ.

«Повинны передъ богами въ нечестіи, говоритъ Платонъ [3]), тѣ, которые отрицаютъ ихъ существованіе; или же, хоть и признаютъ ихъ, но утверждаютъ, что боги не вмѣшиваются въ земныя дѣла; или же, наконецъ, думаютъ, что ихъ легко умилостивить жертвами. Всѣ эти три мнѣнія одинаково пагубны». Естественное проникновеніе разума въ дѣло религіи никогда не произносило ничего разсудительнѣе этихъ словъ Платона.

Великолѣпіе внѣшняго богопочитанія имѣетъ много точекъ соприкосновенія съ государственнымъ устройствомъ. Въ хорошихъ республикахъ была уничтожена не только роскошь, порождаемая тщеславіемъ, но и роскошь, порождаемая суевѣріемъ, и въ религію были внесены законы о

---

[1]) Дѣло здѣсь не въ нарушеніи правила, а въ устраненіи злоупотребленія помощью новаго закона. Разрѣшать подданнымъ нарушеніе какого либо закона—дѣло опасное и дурной примѣръ: всѣ другіе законы потрясаются этимъ. Еще менѣе можно возводить въ общее правило подобную доктрину.

[2]) Въ настоящее время духовенство всѣхъ странъ принимаетъ участіе въ государственныхъ расходахъ, и религія отъ этого нисколько не страдаетъ. Свобода духовенства отъ податей и повинностей (иммунитетъ духовенства) была лишь политической привилегіей, которая самой церкви приносила больше вреда, чѣмъ пользы.

[3]) *О законахъ,* кн. X. (М.).

бережливости. Таковы были многіе законы Солона, многіе законы Платона о погребеніи, принятые Цицерономъ; наконецъ, нѣкоторые законы Нумы [1]) о жертвоприношеніяхъ.

«Птицы», говоритъ Цицеронъ, «и живописныя изображенія, сдѣланныя въ одинъ день, составляютъ весьма угодные богамъ дары» [2]).

«Мы приносимъ въ жертву самыя простыя вещи», говоритъ одинъ спартанецъ, «чтобы имѣть возможность ежедневно воздавать честь богамъ» [3]).

Старательность, которую человѣкъ долженъ влагать въ служеніе божеству, совсѣмъ не то, что великолѣпіе этого служенія. Не станемъ предлагать ему нашихъ богатствъ, если не хотимъ обнаружить передъ нимъ нашего пристрастія къ предметамъ, которые оно насъ учитъ презирать.

«Какъ должны смотрѣть боги на дары нечестивыхъ», прекрасно говоритъ Платонъ [4]), «если добродѣтельный человѣкъ краснѣетъ при одной мысли о принятіи подарковъ отъ человѣка безчестнаго?»

Религія не должна, подъ предлогомъ даровъ, брать у народа то, что у нёго осталось за покрытіемъ государственныхъ нуждъ: цѣломудренные и благочестивые люди, говоритъ Платонъ [5]), должны приносить жертвы имъ подобныя.

Религія также не должна поощрять къ излишнимъ расходамъ на погребеніе. Что можетъ быть естественнѣе уничтоженія имущественныхъ различій въ такомъ дѣлѣ и въ такія минуты, когда всѣ состоянія дѣлаются равными [6])?

ГЛАВА VIII.

О первосвященствѣ.

Если религія имѣетъ много священнослужителей, естественно, чтобы они имѣли начальника, чтобы былъ первосвященникъ. Въ монархіяхъ, гдѣ государственные чины никогда не бываютъ слишкомъ разграничены и гдѣ не слѣдуетъ сосредоточивать всей власти въ однѣхъ рукахъ, отдѣ-

---

[1]) *Rogum vino ne respergito*. Законъ Двѣнадцати таблицъ. (М.).

[2]) Cic. *De Legib.*, II, 45 —Цицеронъ лишь переводитъ *Законы* Платона, кн. XII.

[3]) Плутархъ приписываетъ это прекрасное изреченіе Ликургу.

[4]) *О законахъ*, кн. IV. (М.).

[5]) *Ibid.*, кн. XII.

[6]) Роскошь при погребеніи есть роскошь порождаемая тщеславіемъ, а не суевѣріемъ; Пеке, *Analyse raisonnée*, etc., p. 304. Слѣдовало бы предоставить всякому опредѣлить для своего погребенія такую ограниченную сумму расходовъ, какую онъ только пожелаетъ. Погребеніе мертвыхъ всегда почиталось религіознымъ обрядомъ; оно перестаетъ быть таковымъ, когда становится оплачиваемымъ ремесломъ. Мертвые вовсе не предназначены поддерживать существованіе живыхъ.

леніе первосвященства отъ свѣтской власти полезно. Но въ этомъ нѣтъ такой надобности при деспотическомъ правленіи, въ природѣ котораго лежитъ сосредоточеніе всей власти въ одномъ лицѣ. Здѣсь, однако, можетъ случиться, что государь станетъ относиться къ религіи такъ же, какъ къ своимъ законамъ, т. е. какъ къ проявленіямъ своей воли. Для предупрежденія этого неудобства необходимы памятники религіи, напр., священныя книги, которыя опредѣляютъ и установляютъ ее. Персидскій шахъ есть глава религіи, но коранъ служитъ для нея уставомъ. Китайскій императоръ есть верховный первосвященникъ; но существуютъ книги, которыя находятся въ рукахъ всѣхъ, предписанія которыхъ и для него обязательны. Тщетно пытался одинъ изъ императоровъ отмѣнить ихъ: онѣ восторжествовали надъ тираніей.

ГЛАВА IX.

О вѣротерпимости.

Мы говоримъ здѣсь въ качествѣ политика, а не въ качествѣ богослова; но и для богослововъ далеко не одно и то же—терпѣть религію, или одобрять ее.

Если законы государства находятъ нужнымъ признать терпимыми многія религіи, необходимо, чтобы они обязали эти послѣднія соблюдать терпимость и между собою. Можно принять за общее правило, что религія, которую притѣсняютъ, въ свою очередь обнаруживаетъ склонность къ притѣсненію: какъ только случай позволитъ ей освободиться отъ притѣсненія, она нападаетъ на религію, которая ее притѣсняла, — не какъ на религію, а какъ на тиранію.

Поэтому полезно, чтобы законъ обязывалъ эти различныя религіи не нарушать спокойствія—не только государства, но и другъ друга. Если гражданинъ ограничивается только тѣмъ, что не производитъ волненія въ государствѣ, онъ еще не удовлетворяетъ требованію закона: необходимо, чтобы онъ не нарушалъ спокойствія ни одного, какого бы то ни было гражданина.

ГЛАВА X.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Такъ какъ только религіи, отвергающія вѣротерпимость, ревностно стремятся къ своему водворенію въ чужихъ странахъ (ибо религія, которая можетъ терпѣть другія религіи, мало заботится о своемъ распространеніи), то въ тѣхъ случаяхъ, когда государство вполнѣ довольно своей религіей, гражданскій законъ поступитъ очень хорошо, воспретивъ водвореніе [1]) въ странѣ иной религіи.

[1]) Я не говорю во всей этой главѣ о христіанской религіи, потому что,

Вотъ основное правило для политическихъ законовъ въ дѣлѣ религіи: когда государство можетъ вполнѣ свободно принимать или не принимать у себя новую религію, не надо допускать, чтобы она водворилась въ немъ; но разъ она въ немъ водворилась, надо терпѣть ее [1]).

ГЛАВА XI.

О перемѣнѣ религіи.

Государь, предпринимающій въ своемъ государствѣ уничтоженіе или перемѣну господствующей религіи, подвергается большой опасности. Если правленіе его деспотическое, онъ рискуетъ вызвать этимъ революцію скорѣе, чѣмъ какимъ бы то ни было другимъ насиліемъ, хотя послѣднее въ этого рода государствахъ никогда не бываетъ новостью. Революція происходитъ оттого, что государство не въ состояніи перемѣнить вѣры, нравовъ и обычаевъ разомъ и такъ же быстро, какъ государь издать свой указъ о введеніи новой религіи.

Кромѣ того, старая вѣра тѣсно связана съ государственнымъ устройствомъ страны, а новая чужда ему; старая вѣра соотвѣтствуетъ климату,

---

какъ я уже сказалъ раньше, христіанская религія есть высшее благо. Смконецъ I гл. предш. книги и *Защита Духа Законовъ* II часть. (М.). Примѣчаніе, прибавленное къ изд. 1758 г.

[1]) Автору возражаютъ, что онъ учитъ языческихъ государей, чтобы они не впускали къ себѣ христіанскую религію; въ дѣйствительности—это и есть тайна, которую онъ шепнулъ на ухо Кохинхинскому королю. *Защита Духа Законовъ,* часть II: *Терпимость.*

Отвѣтъ этотъ болѣе остроуменъ, чѣмъ вѣренъ. Монтескье прибавляетъ, что онъ уже сдѣлалъ исключеніе въ пользу христіанской религіи въ концѣ I гл. XXIV-й книги; но, не говоря уже о томъ, что исключеніе это не выражено достаточно ясно, трудно понять, почему языческій государь долженъ уважать религію, которую не признаетъ истинною. Нельзя сказать, чтобъ Кревье былъ не правъ, утверждая, что это правило оправдываетъ преслѣдованія христіанъ римскими императорами. Впрочемъ, мнѣніе, высказанное Монтескье, было господствующимъ среди протестантовъ. Мюрье (*Esprit de M. Arnaud*, 1684, т. II, стр. 335) говоритъ то же и почти тѣми же словами: «Сознаюсь, что считаю несчастьемъ существованіе въ государствѣ многихъ сектъ, и меня не удивляетъ, если государи принимаютъ мѣры противъ этого зла, пока оно еще не проникло въ страну. Вотъ почему я не могу порицать швейцарцевъ за то, что они не хотятъ терпѣть, чтобы у нихъ возникали новыя секты. Но разъ эти секты утвердились, было бы безумно и неосторожно прибѣгать къ насильственному ихъ искорененію. Голландія переполнена разными религіями. Было бы хорошо, если бы этотъ безпорядокъ былъ прекращенъ въ самомъ корнѣ; но если бы въ настоящее время стали насильственно истреблять всѣ эти секты, то разорили бы только государство безъ всякой пользы для церкви. Болѣзнь, пустившая корни внутрь организма, можетъ быть искоренена лишь цѣною самой жизни»

Сколько времени прошло, пока въ общественную совѣсть нашего времени проникла столь простая истина, что религіозное убѣжденіе человѣка есть дѣло его личнаго спасенія и не касается государства. Сколько людей еще проникнуто заблужденіемъ, будто единство вѣры составляетъ силу государства, хотя ясно до очевидности, что полная религіозная свобода такъ же полезна обществу, какъ и церкви.

а новая часто отказывается подчиняться его требованіямъ. Мало этого: граждане получаютъ отвращеніе къ своимъ законамъ, проникаются презрѣніемъ къ установленному правительству; твердая увѣренность въ истинности одной религіи замѣняется сомнѣніемъ въ истинности обѣихъ. Словомъ, государство пріобрѣтаетъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время, дурныхъ гражданъ и дурныхъ приверженцевъ вѣры.

ГЛАВА XII.

Объ уголовныхъ законахъ.

Слѣдуетъ избѣгать примѣненія уголовныхъ законовъ къ религіи. Правда, они внушаютъ страхъ; но такъ какъ религія имѣетъ свои уголовные законы, которые также внушаютъ страхъ, то одинъ страхъ подавляется другимъ, и отъ противорѣчиваго ихъ дѣйствія душа человѣка ожесточается.

Религія располагаетъ столь великими угрозами и обѣщаніями, что, когда они говорятъ нашему воображенію,—какія бы средства ни употребляло должностное лицо, чтобы заставить насъ отъ нея отказаться, намъ кажется, что, отнимая ее, намъ ничего не оставляютъ, а оставляя, ничего не отнимаютъ.

Вызывая въ душѣ человѣка эти высокія чувства, приближая его къ тому моменту, когда они пріобрѣтаютъ для него наибольшее значеніе [1]), всего менѣе можно разсчитывать, что онъ откажется отъ своихъ религіозныхъ убѣжденій. Въ борьбѣ съ религіей вѣрнѣе дѣйствуютъ всякія милости, жизненныя удобства, надежда на богатство—вообще не то, что возбуждаетъ подозрительность, но что даетъ забвеніе; не то, что приводитъ въ негодованіе, но что побуждаетъ къ равнодушію, когда новыя страсти начинаютъ воздѣйствовать на нашу душу, а тѣ, которыя вызываются религіей, молчатъ. Общее правило: въ дѣлѣ перемѣны религіи склонять лучше, чѣмъ наказывать.

Свойства человѣческаго духа обнаруживались и по отношенію къ формамъ наказаній, которыя въ этихъ случаяхъ примѣнялись. Стоитъ только вспомнить о религіозныхъ гоненіяхъ въ Японіи [2]), когда жестокія казни вызывали болѣе сильное негодованіе, чѣмъ медленно дѣйствующія наказанія, которыя болѣе утомляютъ чувство, чѣмъ возмущаютъ его, и которыя, однако, труднѣе переносятся—именно потому, что кажутся менѣе тяжелыми.

Словомъ, въ исторіи мы находимъ достаточно доказательствъ тому, что уголовныя преслѣдованія въ данномъ случаѣ были безсильны въ достиженіи иныхъ результатовъ кромѣ истребленія [3]).

---

[1]) Т. е. къ смерти.

[2]) См. *Собраніе путешествій, послуж. къ основ. Индійск. комп.*, т. V, ч. I, стр. 192. (М.).

[3]) Монтескье правъ: этимъ способомъ протестантство было уничтожено въ Испаніи и Италіи.

ГЛАВА XIII [1]).

Почтительнѣйшее заявленіе инквизиторамъ Испаніи и Португаліи.

Восемнадцатилѣтняя еврейка, сожженная на послѣднемъ ауто-да-фэ въ Лиссабонѣ, послужила поводомъ къ составленію этихъ замѣчаній; но мнѣ кажется, что никогда не было написано ничего болѣе безполезнаго: когда приходится доказывать, что само по себѣ вполнѣ ясно, можно быть заранѣе увѣреннымъ, что никого не убѣдишь.

Авторъ объявляетъ, что хотя онъ и еврей, но уважаетъ христіанскую вѣру и достаточно любитъ ее, чтобы лишить нехристіанскихъ государей благовиднаго предлога къ ея преслѣдованію.

«Вы жалуетесь», говоритъ онъ инквизиторамъ, «что японскій императоръ приказываетъ сжигать на медленномъ огнѣ всѣхъ христіанъ въ своихъ владѣніяхъ; но онъ вамъ отвѣтитъ: мы поступаемъ съ вами, которые вѣруютъ не такъ, какъ мы вѣруемъ, также, какъ вы поступаете съ тѣми изъ васъ, которые вѣруютъ не такъ, какъ вы вѣруете. Вы можете только жаловаться на вашу слабость, которая мѣшаетъ вамъ истребить насъ и даетъ намъ возможность истреблять васъ.

«Но надо признаться, что вы несравненно болѣе жестоки, чѣмъ японскій императоръ. Вы убиваете насъ, которые вѣруемъ въ то, во что и вы вѣруете, за то, что мы не вѣруемъ во все то, во что вы вѣруете. Мы исповѣдуемъ вѣру, которая, какъ вамъ извѣстно, была въ прежнее время угодна Богу. Мы думаемъ, что Богъ и теперь еще любитъ ее, а вы—что онъ не любитъ ее болѣе; и потому, что вы такъ думаете, вы предаете огню и мечу тѣхъ, которые держатся столь простительнаго заблужденія, что Богъ [2]) любитъ еще то, что онъ любилъ.

«Будучи жестоки съ нами, вы еще болѣе жестоки съ нашими дѣтьми: вы сжигаете ихъ, потому что они слѣдуютъ внушенію тѣхъ, кого, согласно требованію естественнаго закона и законовъ всѣхъ народовъ, должны чтить, какъ божество.

«Вы лишаете себя преимущества, которое даетъ вамъ надъ магометанами способъ, которымъ они распространяли свою вѣру. Когда они хвалятся числомъ ея послѣдователей, вы возражаете, что эти послѣдователи пріобрѣтены силой и что они распространили свою религію мечомъ; зачѣмъ же вы водворяете вашу огнемъ?

«Когда вы призываете насъ къ себѣ, мы указываемъ вамъ на тотъ источникъ, происхожденіемъ отъ котораго вы такъ гордитесь. Вы отвѣчаете намъ, что ваша религія новая, но божественнаго происхожденія, и

---

[1]) Сравн. *Персидск. письма*, XIX, русск. пер., стр. 37.

[2]) Основная причина заблужденія евреевъ и заключается въ томъ, что они не видятъ той непосредственной связи между Евангеліемъ и Господними помышленіями, которая есть слѣдствіе непреложности Господа Бога. (М.).

вы доказываете это тѣмъ, что она распространялась дѣйствіемъ языческихъ гоненій и крови мучениковъ; но теперь вы берете на себя роль Діоклетіана и заставляете насъ принять вашу.

«Мы заклинаемъ васъ не Всемогущимъ Богомъ, которому и вы и мы служимъ, но Христомъ, который, какъ вы намъ говорите, принялъ образъ человѣческій, чтобы показать вамъ примѣръ, которому вы могли бы слѣдовать,—мы заклинаемъ васъ поступать съ нами такъ, какъ поступалъ бы онъ самъ, если бы находился еще на землѣ. Вы требуете отъ насъ, чтобы мы были христіанами, а сами не хотите быть ими.

«Но если вы не хотите быть христіанами, то будьте, по крайней мѣрѣ, людьми: поступайте съ нами такъ, какъ поступали бы, если бы вами управлялъ одинъ слабый свѣтъ правосудія, который даетъ намъ природа, и у васъ не было бы религіи, чтобы руководить вами, ни откровенія, чтобы просвѣщать васъ.

«Если небо такъ возлюбило васъ, что открыло вамъ истину, то этимъ оно даровало вамъ великую благодать; но развѣ дѣтямъ, получившимъ наслѣдіе отца, прилично ненавидѣть дѣтей, которыя его не получили?

«Если вы обладаете этой истиной, не скрывайте ея отъ насъ вашимъ способомъ предлагать ее намъ. Свойство истины—власть ея надъ человѣческимъ сердцемъ и умомъ, а не то безсиліе, которое вы сами признаете, заставляя насъ казнями принять ее.

«Если вы благоразумны, вамъ не слѣдуетъ лишать насъ жизни за то, что мы не хотимъ васъ обманывать. Если вашъ Христосъ есть сынъ Божій, мы надѣемся, что онъ вознаградитъ насъ за то, что мы не хотимъ осквернять его таинства; мы надѣемся, что Богъ, которому вы и мы служимъ, не накажетъ насъ за то, что мы претерпѣваемъ смерть ради вѣры, которую онъ намъ нѣкогда далъ, потому что мы и теперь еще вѣримъ, что это онъ намъ далъ ее.

«Вы живете въ такомъ вѣкѣ, когда свѣтъ просвѣщенія проявляетъ невиданную до сихъ поръ силу, когда философія озарила умы и распространилось нравственное ученіе вашего Евангелія; когда взаимныя права людей и авторитетъ совѣсти надъ другою совѣстью лучше опредѣлены. Поэтому, если вы не откажетесь отъ вашихъ старыхъ предразсудковъ—предразсудки же эти, если вы не остерегаетесь ихъ, дѣйствуютъ въ васъ какъ страсти,—то надо будетъ признаться, что вы неисправимы, не доступны ни просвѣщенію, ни наставленію, и останется только пожалѣть несчастный народъ, который вручаетъ власть надъ собою такимъ людямъ какъ вы.

«Хотите, чтобы мы чистосердечно высказали вамъ нашу мысль? Вы видите въ насъ скорѣе вашихъ личныхъ враговъ, чѣмъ враговъ вашей вѣры; если бы вы дѣйствительно любили вашу вѣру, вы не позволили бы грубому невѣжеству искажать ее.

«Мы должны предупредить васъ, что если когда-нибудь въ будущемъ кто-либо осмѣлится утверждать, что въ столѣтіи, въ которомъ мы живемъ, народы Европы были народами просвѣщенными, то ему укажутъ на васъ въ доказательство того, что они были варварами, и представленіе о васъ будетъ такого рода, что покроетъ позоромъ вашъ вѣкъ и вызоветъ ненависть ко всѣмъ вашимъ современникамъ».

ГЛАВА XIV.

Почему такъ ненавидятъ христіанскую религію въ Японіи.

Я уже говорилъ о признакахъ жестокости въ душѣ японца [1]). Въ стойкости, внушаемой христіанствомъ, когда дѣло идетъ объ отреченіи отъ вѣры, японскія власти усмотрѣли большую опасность: они сочли ее за доказательство возрастающей дерзости.

Японскій законъ строго караетъ малѣйшее неповиновеніе. Приказано было отречься отъ христіанской религіи; не отречься отъ нея значило ослушаться; виновные въ этомъ преступленіи были наказаны, и упорство въ ослушаніи считалось заслуживающимъ новаго наказанія.

Наказаніе, по понятіямъ японцевъ, есть возмездіе за оскорбленіе, нанесенное государю. Радостное пѣніе нашихъ мучениковъ они приняли за злой противъ него умыселъ. Названіе мученика приводило въ негодованіе [2]) власти; по ихъ понятіямъ, оно означало мятежника, и они употребляли всѣ усилія, чтобы никого такъ не называли. Тогда овладѣла всѣми душевная тревога и наступила страшная борьба между судами, которые приговаривали къ наказанію, и обвиняемыми, которые терпѣли отъ противорѣчія, между законами гражданскими и законами религіи.

ГЛАВА XV.

О распространеніи религіи.

Народы Востока, за исключеніемъ магометанъ, полагаютъ, что всѣ религіи, сами по себѣ, безразличны. Если они и опасаются введенія новой религіи, то это только въ смыслѣ государственной перемѣны. У японцевъ, гдѣ существуетъ много сектъ и гдѣ государство такъ долго имѣло духовнаго главу, никогда не возникаетъ спора о вѣрѣ [3]). То же у сіамцевъ [4]). Калмыки [5]) идутъ дальше: для нихъ терпимость относительно

---

[1]) Кн. VI, гл. XIII. (М.).

[2]) Вмѣсто *приводить въ негодованіе* (indigner), въ изданіи 1758 г. употреблено слово *устрашать* (intimider).

[3]) Ср. у *Кемпфера*. (М.).

[4]) *Записки* графа де Форбэна. (М.).

[5]) *Исторія татаръ*, ч. V. (М.).

всѣхъ религій есть дѣло совѣсти. Въ Каликутѣ [1]) принято какъ государственное правило, что всѣ религіи хороши [2]).

Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы религія, принесенная изъ страны очень отдаленной, съ совершенно другимъ климатомъ, другими законами, нравами и обычаями, могла въ новомъ мѣстѣ разсчитывать на тотъ успѣхъ, который, казалось бы, ей должна обезпечить ея святость; наименѣе можетъ она на это разсчитывать въ большихъ деспотическихъ государствахъ. Здѣсь сначала терпятъ иностранцевъ, потому что не обращаютъ никакого вниманія на то, что не противорѣчитъ представленіямъ о власти государя. Въ этихъ странахъ господствуетъ незнаніе самыхъ простыхъ вещей, и потому европеецъ можетъ снискать расположеніе къ себѣ сообщеніемъ полезныхъ свѣдѣній. Но какъ только онъ пріобрѣтетъ нѣкоторый успѣхъ, или возникнетъ какой-нибудь споръ, или же окажутся затронутыми чьи-либо интересы,—все мѣняется: такъ какъ подобное государство по природѣ своей ни въ чемъ такъ не нуждается, какъ въ спокойствіи, и малѣйшее волненіе въ состояніи его ниспровергнутъ, то прежде всего изгоняется новая религія и ея проповѣдники; если къ тому еще обнаруживается раздоръ между проповѣдниками, то возникаетъ отвращеніе къ самой религіи, допускающей разногласіе даже среди тѣхъ, которые ее предлагаютъ [3]).

КНИГА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

О законахъ съ точки зрѣнія отношеній ихъ къ отдѣльнымъ разрядамъ предметовъ, входящихъ въ область ихъ постановленій.

ГЛАВА I.

Идея этой книги.

Люди управляются разными законами: правомъ естественнымъ, правомъ божественнымъ, которое есть право религіи; правомъ церковнымъ,

---

[1]) Каликутъ, давшій свое названіе *каленкору*,—городъ въ Индостанѣ, на Коромандельскомъ берегу, бывшая столица государства, воспѣтаго Камоэнсомъ. Въ настоящее время это главный городъ англійской провинціи въ Мадрасскомъ президентствѣ.

[2]) *Путешествіе* Ф. Пирара, гл. XXVII. (М.).

[3]) Намекъ на Китай и на раздоры іезуитовъ съ доминиканцами. Въ 1705 г. Антіохійскій патріархъ Карлъ Турнонскій, присланный въ Китай папою Климентомъ XI, приказалъ іезуитамъ удалить изъ храмовъ изображенія и символы, относящіеся къ культу предковъ. Императоръ Кангъ-хи, подстрекаемый, какъ утверждаютъ, іезуитами, повелѣлъ арестовать папскаго посланнаго въ 1707 г. Карлъ Турнонскій умеръ въ Макао въ 1710 г.; папа сдѣлалъ его кардиналомъ. 1762 г. были обнародованы его *Мемуары*, объясняющіе это печальное событіе.

иначе—каноническимъ, которое есть право религіозной дисциплины; правомъ международнымъ, которое можно разсматривать какъ вселенское гражданское право—въ томъ смыслѣ, что каждый народъ есть гражданинъ міра; общимъ государственнымъ правомъ, имѣющимъ своимъ предметомъ человѣческую мудрость, какъ основательницу человѣческихъ обществъ; частнымъ государственнымъ правомъ, имѣющимъ въ виду каждое отдѣльное общество; правомъ завоеванія, которое основано на представленіи, что одинъ народъ хотѣлъ, могъ или долженъ былъ совершить насиліе надъ другимъ народомъ; гражданскимъ правомъ отдѣльныхъ обществъ, помощью котораго гражданинъ можетъ защищать свое имущество и жизнь противъ всякаго другого гражданина; наконецъ, семейнымъ правомъ, которое является слѣдствіемъ раздѣленія общества на отдѣльныя семейства, требующія особаго управленія.

Есть, слѣдовательно, различные разряды законовъ, и задача высшаго разума состоитъ въ томъ, чтобы точнымъ образомъ опредѣлить, къ какому изъ названныхъ разрядовъ по преимуществу относятся тѣ или другіе вопросы, подлежащіе опредѣленію закона, дабы не внести безпорядка въ тѣ начала, которыя должны управлять людьми.

ГЛАВА II.

О законахъ божественныхъ и законахъ человѣческихъ.

Не слѣдуетъ дѣлать предметомъ постановленій божественнаго закона то, что относится къ законамъ человѣческимъ, ни разрѣшать на основаніи постановленій человѣческаго закона то, что подлежитъ разрѣшенію законовъ божественныхъ.

Эти два рода законовъ отличаются одинъ отъ другого своимъ происхожденіемъ, своею цѣлью и своею природою.

Всѣ согласны въ томъ, что природа человѣческихъ законовъ отличается отъ природы законовъ религіозныхъ,—и это есть великое начало; но оно въ свою очередь подчинено другимъ началамъ, которыя требуютъ изысканія.

Въ природѣ человѣческихъ законовъ—подчиняться всѣмъ видоизмѣняющимся обстоятельствамъ дѣйствительности и слѣдовать всѣмъ измѣненіямъ въ направленіи воли людей; напротивъ, свойство религіозныхъ законовъ—никогда не измѣняться. Постановленія человѣческихъ законовъ относятся къ тому, что есть благо, а религіозныхъ законовъ—къ тому, что всего лучше [1]). Благо можетъ мѣнять свою цѣль, потому что блага различны; но то, что всего лучше (высшее благо), едино и, слѣдовательно, измѣняться не можетъ. Законы могутъ быть всегда измѣняемы,

---

[1]) См. кн. XXIV, гл. VII.

потому что отъ нихъ требуютъ только, чтобы они были добрыми законами; но религіозные законы всегда считаются наилучшими.

Есть государства, въ которыхъ значеніе законовъ ничтожно или въ которыхъ они служатъ лишь выраженіемъ прихотливой и преходящей воли государя. Если бы въ такихъ государствахъ религіозные законы были однородны съ человѣческими законами, то тѣ и другіе были бы одинаково ничтожны. Между тѣмъ для общества необходимо, чтобы существовало что-либо постоянное; это постоянное и есть религія.

Сила религіи покоится главнымъ образомъ на вѣрѣ въ нее, а сила человѣческихъ законовъ—на страхѣ передъ ними. Древность существованія благопріятствуетъ религіи, ибо степень вѣры часто соразмѣряется съ отдаленностью предмета, въ который мы вѣримъ, и нашему уму при этомъ не предстоятъ побочныя понятія тѣхъ отдаленныхъ временъ, которыя могли бы стать въ противорѣчіе съ нашими вѣрованіями. Человѣческимъ законамъ, напротивъ, даетъ преимущество новизна ихъ происхожденія; она указываетъ на особое, еще дѣйствующее вниманіе законодателя, направленное къ тому, чтобы заставить исполнять ихъ.

ГЛАВА III.

О гражданскихъ законахъ, противорѣчащихъ естественному праву.

«Если рабъ», говоритъ Платонъ [1]), «защищаясь, убьетъ свободнаго человѣка, его слѣдуетъ судить какъ отцеубійцу». Вотъ гражданскій законъ, который караетъ за естественную самозащиту [2]).

Законъ, по которому, при Генрихѣ VIII, постановлялся обвинительный приговоръ надъ человѣкомъ безъ очной ставки со свидѣтелями, противорѣчитъ естественной самозащитѣ. Дѣйствительно, чтобы осудить человѣка, необходимо, чтобы свидѣтели удостовѣрились, что человѣкъ, противъ котораго они показываютъ, и человѣкъ, котораго обвиняютъ, одно и то же лицо, и чтобы обвиняемый могъ сказать: тотъ, о комъ вы говорите, вовсе не я [3]).

Законъ того же царствованія, осуждавшій всякую дѣвушку, которая состояла съ кѣмъ-либо въ недозволенной связи и не объявляла о томъ королю до вступленія съ нимъ въ бракъ, нарушалъ естественную защиту стыдливости. Въ этомъ случаѣ также неразумно требовать отъ дѣвушки признанія, какъ и требовать отъ мужчины, чтобы онъ не защищался, когда жизни его угрожаетъ опасность.

Законъ Генриха II, осуждавшій на смерть дѣвушку въ случаѣ погибели ея ребенка, если она не объявила власти о своей беременности, не

---

[1]) Книга *Законовъ* IX. (М.).
[2]) См. выше, кн. XV, гл. XVII.
[3]) См. ниже, кн. XXIX, гл. XI.

менѣе противорѣчитъ естественной защитѣ. Было бы достаточно обязать ее, объявить о томъ одной изъ своихъ ближайшихъ родственницъ, которая позаботилась бы о сохраненіи ребенка.

Какое другое признаніе могла бы она сдѣлать въ мученіяхъ естественной стыдливости? Воспитаніе только усилило въ ней сознаніе необходимости сохранять это чувство, и въ эти минуты въ ней едва ли оставалось самое понятіе объ утратѣ жизни [1]).

Много было говорено объ англійскомъ законѣ [2]), который позволялъ семилѣтней дѣвушкѣ избирать себѣ мужа. Законъ этотъ былъ возмутителенъ въ двухъ отношеніяхъ: онъ совершенно упускалъ изъ виду какъ время, опредѣленное природой для умственной зрѣлости, такъ и время, опредѣленное ею для зрѣлости физической.

У римлянъ отецъ могъ заставить дочь развестись съ мужемъ [3]), хотя бы бракъ былъ заключенъ съ его согласія. Между тѣмъ совсѣмъ не согласно съ природой, чтобы разводъ находился въ распоряженіи третьяго лица.

Если разводъ и оправдывается природою, то лишь при условіи согласія обѣихъ сторонъ или, по крайней мѣрѣ, одной изъ нихъ; если же нѣтъ согласія ни той, ни другой, разводъ является чѣмъ-то чудовищнымъ. Наконецъ, право развода можетъ быть предоставлено только лицамъ, которыя испытываютъ на себѣ неудобство брака и которыя знаютъ время, когда имъ всего лучше освободиться имъ отъ этого неудобства.

ГЛАВА IV.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Бургундскій король Гундобальдъ [4]) постановилъ, чтобы жена или сынъ вора были обращаемы въ рабство [5]), если не донесутъ о совершенномъ имъ преступленіи. Законъ этотъ противорѣчилъ природѣ. Какъ могла жена быть обвинительницей мужа? Какъ могъ сынъ сдѣлаться обвинителемъ отца? Чтобы наказать преступное дѣйствіе, онъ предписывалъ дѣйствіе еще болѣе преступное [6]).

---

[1]) Этихъ послѣднихъ строкъ нѣтъ въ А. В.: онѣ содержатъ въ себѣ отвѣтъ на *Заключенія* Гролэ.

[2]) Бэйль въ своей *Критикѣ исторіи кальвинизма,* стр. 293, говоритъ объ этомъ законѣ. (М.).

[3]) См. законъ 5-й въ код. de Repudiis et Judicio de moribus sublato. (М.).— Это было слѣдствіемъ неограниченной власти отца въ семьѣ.

[4]) Бургундскій законъ, ст. XLVII. (М.).

[5]) Въ пользу обокраденнаго.

[6]) Параграфъ этотъ приведенъ въ А. В. въ главѣ III. Окончаніе его имѣетъ нѣсколько иную редакцію: «Законъ этотъ противенъ природѣ: жена—обвинительница своего мужа, сынъ—обвинитель своего отца! Для наказанія преступнаго дѣянія, предписывается дѣяніе еще болѣе преступное».

Законъ Рессесуинда [1]) разрѣшалъ дѣтямъ женщины, повинной въ прелюбодѣяніи, или дѣтямъ ея мужа, выступить противъ нея обвинителями и подвергнуть допросу подъ пыткою домашнихъ рабовъ, — законъ единственный въ своемъ родѣ, ниспровергавшій, въ виду охраненія нравовъ, самую природу, отъ которой нравы ведутъ свое начало.

Мы съ удовольствіемъ смотримъ въ нашихъ театрахъ на молодого героя, для котораго мысль обнаружить преступленіе мачихи кажется столь же ужасной, какъ и самое ея преступленіе. Его обвиняютъ, судятъ, приговариваютъ, а онъ въ смущеніи, опозоренный, едва рѣшается остановиться на мысли объ ужасномъ происхожденіи Федры. Онъ покидаетъ все, что ему дорого, предметъ самой нѣжной своей привязанности,—все, что говоритъ его сердцу,—все, что можетъ вызвать его негодованіе, и предаетъ себя мщенію боговъ, котораго совсѣмъ не заслужилъ [2]). Что доставляетъ намъ при этомъ такое удовольствіе? Голосъ природы, которому мы внимаемъ, съ которымъ въ привлекательности никакой другой сравниться не можетъ.

ГЛАВА V.

Случаи, къ которымъ можно примѣнять начала гражданскаго права, видоизмѣняя при этомъ начала права естественнаго.

Въ Аѳинахъ былъ законъ, который обязывалъ [3]) дѣтей кормить неимущаго отца. Но онъ дѣлалъ исключеніе для дѣтей, рожденныхъ [4]) отъ куртизанки; если отецъ нарушилъ ихъ цѣломудріе, дѣлая изъ нихъ предметъ постыднаго торга и если онъ не научилъ ихъ [5]) никакому ремеслу, которое давало бы имъ средства къ пропитанію.

Законъ имѣлъ въ виду, въ первомъ случаѣ, что такъ какъ подлинность отца подлежитъ сомнѣнію, то и естественное обязательство въ отношеніи его теряло свою опредѣленность; во второмъ случаѣ, что онъ опозорилъ жизнь, имъ дарованную, и причинилъ дѣтямъ самое большое зло, какъ только могъ, лишивъ ихъ званія [6]); въ третьемъ случаѣ, что онъ сдѣлалъ ихъ существованіе крайне тягостнымъ, ибо они лишь съ большимъ трудомъ могли его поддерживать [7]). Законъ здѣсь смотрѣлъ на отца и сына, какъ на двухъ гражданъ, и въ своихъ постановленіяхъ руководился исключительно соображеніями политическаго и гражданскаго

---

[1]) Въ код. вестготовъ: кн. III, ст. IV, § 13. (М.).

[2]) *Федра* Расина, дѣйствіе IV, сцена II.

[3]) Одинъ—подъ угрозой безчестія; другой—подъ угрозой тюремнаго заключенія.

[4]) Плутарха: *Жизнь Солона*. (М.).

[5]) Плутархъ: *Жизнь Солона*; Гальена: in Exhort. ad Art. cap. VIII. (М.).

[6]) То есть чести.

[7]) Въ изд. А. Существованіе, для поддержанія котораго они не имѣли никакихъ средствъ. Законъ освобождалъ дѣтей отъ естественной обязанности, потому что отецъ нарушилъ его съ своей стороны; законъ смотрѣлъ и т. д.

характера. Онъ полагалъ, что доброй республикѣ прежде всего необходимы добрые нравы.

Я думаю, что законъ Солона былъ хорошъ лишь въ двухъ первыхъ случаяхъ, а именно, когда природа оставляла сына въ невѣдѣніи, кто именно его отецъ, и когда она даже какъ бы повелѣвала сыну не признавать отца; но нельзя одобрить этого закона въ третьемъ случаѣ, когда отецъ нарушалъ только гражданское предписаніе [1]).

ГЛАВА VI.

Что порядокъ наслѣдованія покоится на началахъ права политическаго или гражданскаго, а не права естественнаго.

Воконіевъ законъ воспрещалъ назначать наслѣдницею жену и даже единственную дочь. Никогда еще не было болѣе несправедливаго закона, говоритъ Св. Августинъ [2]). Формула Маркульфа [3]) называетъ нечестивымъ обычай, лишающій дочерей наслѣдства послѣ ихъ отцовъ. Юстиніанъ [4]) называетъ варварскимъ право наслѣдованія мужчинъ въ ущербъ дочерямъ. Эти понятія были слѣдствіемъ взгляда на право наслѣдованія дѣтей послѣ отцовъ какъ на выводъ изъ естественнаго права, чего въ дѣйствительности нѣтъ.

Единственный законъ требуетъ отъ отцовъ, чтобы они кормили своихъ дѣтей, но не обязываетъ дѣлать ихъ своими наслѣдниками. Раздѣлъ имущества, законы, касающіеся этого раздѣла, наслѣдованіе послѣ лица, участвовавшаго въ этомъ раздѣлѣ,—все это не можетъ быть урегулировано иначе, какъ обществомъ, т. е. законами политическими или гражданскими.

Правда, соображенія политическаго или гражданскаго порядка часто требуютъ, чтобъ дѣти наслѣдовали послѣ родителей, но не требуютъ этого всегда.

Наши ленные законы могли имѣть основаніе, когда опредѣляли, чтобы старшій сынъ или ближайшій мужской родственникъ получали все, а дочери не получали ничего; равно могли имѣть основаніе и лонгобардскіе [5]) законы, когда опредѣляли, что сестры, побочныя дѣти и прочіе родственники, а за неимѣніемъ ихъ—казна, принимаютъ участіе въ наслѣдствѣ вмѣстѣ съ дочерьми.

Нѣкоторыми китайскими династіями было принято за правило, что императору должны наслѣдовать его братья и что дѣти ему не наслѣдники. Предполагая, что къ этому побуждало желаніе имѣть государемъ

---

[1]) Послѣдней фразы нѣтъ въ изд. А.; она приведена, какъ исправленіе опечатки, въ В.

[2]) *De civitate Dei*, кн. III. (М.).—См. ниже кн. XXII.

[3]) Кн. II, гл. XII. (М.).

[4]) Новелла 21. (М.).

[5]) Кн. II, ст. XIV, §§ 6, 7 и 8. (М.).

человѣка, пользующагося извѣстною опытностью, опасеніе послѣдствій его несовершеннолѣтія, намѣреніе избѣжать постояннаго занятія престола дѣтьми вслѣдствіе происковъ евнуховъ,—этотъ порядокъ наслѣдованія могъ вполнѣ соотвѣтствовать цѣли; если же нѣкоторые [1]) писатели и считали братьевъ этихъ государей за узурпаторовъ, то они въ своихъ сужденіяхъ руководились понятіями, заимствованными изъ законовъ нашихъ странъ.

Согласно обычаю, существовавшему въ Нумидіи [2]), царю Галѣ наслѣдовалъ братъ его Эльзацій, а не сынъ Масинисса. Еще и въ настоящее время [3]), у берберскихъ арабовъ, гдѣ всякое селеніе имѣетъ своего вождя, наслѣдникомъ ему, въ силу этого древняго обычая, избирается дядя или иной родственникъ.

Есть монархіи чисто избирательныя, и коль скоро ясно, что опредѣленіе порядка наслѣдованія есть дѣло законовъ политическихъ или гражданскихъ, то монархіи эти сами должны рѣшать, въ какихъ случаяхъ разсудокъ требуетъ, чтобы наслѣдовали дѣти, и въ какихъ наслѣдованіе должно быть предоставлено другимъ родственникамъ [4]).

Тамъ, гдѣ существуетъ многоженство, у государя бываетъ много дѣтей. Въ однихъ странахъ ихъ бываетъ больше, въ другихъ меньше. Есть государства, въ которыхъ [5]) содержаніе дѣтей государя было бы не по силамъ народу; въ нихъ естественно было утвердиться порядку, устраняющему отъ престолонаслѣдія дѣтей государя въ пользу дѣтей его сестры.

Слишкомъ большое число дѣтей подвергаетъ государство опасности страшныхъ междоусобій. Порядокъ престолонаслѣдія, предоставляющій корону дѣтямъ сестры, у которой ихъ не будетъ болѣе того, сколько могъ бы имѣть государь при одной женѣ, предотвращаетъ это неудобство.

Есть народы, у которыхъ соображенія государственной пользы или какое-либо религіозное правило требуютъ, чтобы престолъ находился неизмѣнно въ одномъ и томъ же родѣ. Такимъ же побужденіемъ въ Индіи [6]) служитъ привязанность къ своей кастѣ и страхъ не принадлежать бо-

---

[1]) См. у О. Гальда о второй династіи. (М.).

[2]) Титъ-Ливій, кн. XXIX, гл. XXIX. (М.).

[3]) См. путешествія Г. Шау (Schaw), т. I, стр. 402. (М.).—Словъ: «еще и въ настоящее время» и т. д. нѣтъ въ А. В.

[4]) У А. В. прибавлено: «У одного изъ аравійскихъ народовъ, въ день восшествія государя на престолъ, приставлялась стража ко всѣмъ беременнымъ женщинамъ въ странѣ, и первый родившійся ребенокъ становился наслѣдникомъ престола *)».

[5]) Какъ Ловенго, въ Африкѣ. См. *Собр. путеш., послужив. къ основ. Индійск. комп.*, т. IV, ч. I, стр. 114, и *Смитъ, Путешествіе въ Гвинею*, ч. II, стр. 150, о королевствѣ Юида. (М.).

[6]) См. 14-й сборн. *Поучит. писемъ;* а также *Путеш., послуж. къ основ. Индійск. комп.*, т. IV, ч. II, стр. 644. (М.).

---

*) Страбонъ, кн. XVI. (М.).—Страбонъ говоритъ не о всѣхъ беременныхъ женщинахъ въ странѣ, а о беременныхъ женахъ знатныхъ людей (Кревье).

лѣе къ ней. Это привело къ мнѣнію, что наслѣдника слѣдуетъ брать изъ дѣтей старшей сестры государя, чтобы имѣть всегда государей царской крови.

Общее правило: кормленіе дѣтей есть обязанность, установленная по праву естественному; предоставленіе имъ наслѣдства есть обязанность, возлагаемая гражданскимъ или государственнымъ правомъ. Отсюда различія въ постановленіяхъ относительно незаконнорожденныхъ въ разныхъ странахъ, такъ какъ постановленія эти слѣдуютъ направленію гражданскихъ или политическихъ законовъ каждой отдѣльной страны.

ГЛАВА VII.

Не слѣдуетъ разрѣшать вопроса на основаніи предписаній религіи когда дѣло идетъ о предписаніяхъ закона естественнаго.

Абиссинцы соблюдаютъ пятидесятидневный, очень строгій постъ, который до такой степени ослабляетъ ихъ, что они послѣ него долго не въ состояніи ничего дѣлать, и турки [1]), пользуясь этимъ, не упускаютъ случая нападать на нихъ послѣ поста. Религіи, въ интересахъ естественной защиты, слѣдовало бы ограничить этотъ обычай.

Евреямъ было предписано соблюдать субботу; но они дошли при этомъ до такого безразсудства, что не считали возможнымъ защищаться [2]), когда враги выбирали этотъ день для нападенія на нихъ.

Камбизъ, осаждая Пелузій, выставилъ въ первомъ ряду множество животныхъ, считавшихся у египтянъ священными, и гарнизонъ поэтому не рѣшался стрѣлять. Для кого не очевидно, что естественная самозащита принадлежитъ къ требованіямъ высшаго порядка, чѣмъ какія бы то ни было предписанія!

ГЛАВА VIII.

Не слѣдуетъ подчинять правиламъ такъ называемаго каноническаго права то, что подлежитъ правиламъ права гражданскаго.

По римскому гражданскому праву [3]) человѣкъ, похитившій изъ священнаго мѣста вещь, принадлежащую частному лицу, подлежалъ наказанію только за кражу, по праву [4]) каноническому онъ подвергался наказанію за святотатство. Каноническое право имѣетъ въ виду мѣсто, гражданское право—вещь. Но обращать вниманіе только на мѣсто, зна-

---

[1]) *Собраніе путеш.*, т. IV, ч I, стр. 35 и 103. (М.).

[2]) Какъ, напр., при осадѣ храма Помпеемъ. См. Діона, кн. XXXVII, гл. XVI. (М.).—Однако см. также исторію Маккавеевъ и у Іосифа, *Іудейскія древности*, XII, VIII.

[3]) Leg. 5, ff. *ad leg. peculatus*. (М.).

[4]) Cap. *quisquis* 17, quaestione 4; Куяцій *Observat.* кн. XIII, гл. XIX, т. III. (М.).

чить упускать изъ виду какъ природу и опредѣленіе кражи, такъ и природу и опредѣленіе святотатства [1]).

Какъ мужъ можетъ требовать развода по причинѣ невѣрности жены, такъ и жена въ прежнее время могла требовать развода по причинѣ невѣрности мужа [2]). Обычай этотъ, противный римскимъ [3]) законамъ, проникъ въ церковные суды [4]), принимавшіе къ руководству лишь правила каноническаго права. И дѣйствительно, если относиться къ браку съ точки зрѣнія исключительно духовной, въ связи съ представленіями о будущей жизни, нарушеніе брака въ обоихъ случаяхъ будетъ тождественно; но политическіе и гражданскіе законы, почти у всѣхъ народовъ, совершенно основательно различаютъ эти два случая. Они требуютъ отъ женщины скромности и воздержанности въ такой мѣрѣ, въ какой вовсе не требуютъ ихъ отъ мужчины, потому что потеря стыдливости предполагаетъ у женщины отреченіе отъ всѣхъ добродѣтелей; потому что жена, нарушившая брачные законы, выходитъ изъ состоянія естественной зависимости; потому что природа отмѣчаетъ невѣрность женъ ясными признаками, не говоря уже о томъ, что прижитыя въ прелюбодѣяніи дѣти жены по необходимости достаются мужу и поступаютъ на его попеченіе, тогда какъ прижитыя въ прелюбодѣяніи дѣти мужа не достаются женѣ и не поступаютъ на ея попеченіе [5]).

ГЛАВА IX.

То, что должно быть подчинено правиламъ гражданскаго права, рѣдко можетъ быть подчиняемо правиламъ законовъ религіозныхъ.

Законы религіи представляютъ болѣе величія, законы гражданскіе— бо̀льшую широту.

Законы совершенства, заимствованные изъ религіи, имѣютъ въ виду болѣе качество отдѣльнаго человѣка, который ихъ соблюдаетъ, чѣмъ общества, въ которомъ они соблюдаются; законы гражданскіе, напротивъ, имѣютъ въ виду болѣе нравственное достоинство людей вообще, чѣмъ отдѣльнаго человѣка.

Такимъ образомъ, какъ бы почтенны ни были сами по себѣ понятія, вытекающія непосредственно изъ религіи, они не должны всегда служить руководящимъ началомъ для гражданскихъ законовъ, потому что эти послѣдніе имѣютъ иное руководящее начало — благо общества въ его цѣломъ.

---

[1]) Не можетъ быть святотатства безъ намѣренія.
[2]) Бомануаръ, *Древніе обычаи*, гл. XVIII, § 6. (М.).
[3]) Leg. 1, Cod. *ad leg. jul. de adult.* (М.).
[4]) Въ настоящее время во Франціи они уже не вѣдаютъ этихъ дѣлъ. (М.).
[5]) Всѣ эти доводы мало убѣдительны и въ дѣйствительности сводятся къ одному: *потому что законы писаны мужчинами.*

Римляне издавали постановленія для охраненія въ республикѣ женской нравственности; то были постановленія политическаго характера. Когда утвердилась монархія, они стали издавать по тому же предмету гражданскіе законы, придерживаясь при этомъ началъ гражданскаго управленія. Послѣ принятія христіанства вновь появившіеся законы имѣли уже менѣе связи съ чистотой нравовъ вообще, чѣмъ съ святостью брака. Въ союзѣ двухъ половъ, надъ гражданской точкой зрѣнія воспреобладала точка зрѣнія духовная.

Во-первыхъ, по римскому закону [1]), мужъ, возвратившій жену въ свой домъ, послѣ того, какъ она была обвинена въ прелюбодѣяніи, подвергался наказанію какъ соучастникъ ея въ развратѣ. Юстиніанъ [2]), руководимый другимъ взглядомъ, постановилъ, что мужъ можетъ впродолженіе двухъ лѣтъ взять жену изъ монастыря.

Если жена не получала никакихъ свѣдѣній о мужѣ, который находился на войнѣ, она могла, въ прежнія времена, безпрепятственно вступить въ новый бракъ, потому что располагала правомъ на полученіе развода. Законъ Константина [3]) потребовалъ, чтобъ она ждала четыре года, послѣ чего могла послать начальнику мужа письменное требованіе о расторженіи брака, и если послѣ этого мужъ возвращался, онъ уже не могъ обвинять ее въ прелюбодѣяніи. Но Юстиніанъ [4]) постановилъ, что сколько бы времени ни прошло послѣ отлучки мужа, жена не могла вступить въ новый бракъ, если только не представляла доказательства его смерти въ формѣ удостовѣренія въ томъ его военнаго начальника подъ присягою. Юстиніанъ имѣлъ при этомъ въ виду нерасторжимость брака; но можно сказать, что онъ придавалъ ей чрезмѣрное значеніе. Онъ требовалъ положительнаго доказательства тамъ, гдѣ доказательства отрицательнаго было бы совершенно достаточно; онъ ставилъ трудно выполнимое требованіе представленія отчета о судьбѣ человѣка, находящагося въ отдаленной странѣ и подвергающагося всякаго рода случайностямъ; онъ предполагалъ преступленіе, именно—побѣгъ мужа со службы, когда всегда естественнѣе было придти къ заключенію о его смерти; онъ погрѣшалъ противъ общественнаго блага, оставляя женщину внѣ супружества; онъ нарушалъ ея частный интересъ, отдавая ее въ жертву тысячѣ опасностей.

Законъ Юстиніана [5]), принимавшій за одинъ изъ поводовъ къ разводу согласіе мужа и жены на вступленіе въ монастырь, совершенно удалялся отъ основныхъ началъ гражданскаго права. Разводъ слѣдуетъ признать въ порядкѣ вещей, если причины его кроются въ такихъ препятствіяхъ,

[1]) Leg. 11, § ult. ff. *ad leg. Jul. de adult.* (M.).

[2]) Новелла 134, гл. X. (M.).—Юстиніанъ слѣдовалъ христіанской заповѣди прощенія.

[3]) Leg 7. Cod. de Repudiis et Judicio de moribus Sublato. (M.).

[4]) Auth. *Hodie quantiscumque*, cod. *de repud.* (M.).

[5]) Auth. *Quod hodie;* cod. *de repud.* (M.).

которыя нельзя было предвидѣть до брака; но желаніе сохранить цѣломудріе можно было предвидѣть, потому что оно заключено въ насъ самихъ. Этотъ законъ покровительствуетъ непостоянству въ такомъ состояніи, которое по природѣ своей должно быть постояннымъ; онъ нарушаетъ основное начало развода, которое терпитъ расторженіе брака только въ виду надежды на новый бракъ [1]). Наконецъ, даже съ точки зрѣнія чисто религіозной, онъ совершаетъ закланіе Богу безъ жертвы.

ГЛАВА X.

Въ какомъ случаѣ должно слѣдовать закону гражданскому, который разрѣшаетъ, а не закону религіи, который воспрещаетъ.

Когда религія, воспрещающая многоженство, проникаетъ въ страну, въ которой оно дозволено, то, съ точки зрѣнія исключительно политической, нельзя утверждать, чтобы законъ долженъ былъ допустить вступленіе въ новую религію человѣка, имѣющаго нѣсколько женъ,—если только власти или мужъ не вознаградили ихъ, возвративъ имъ, тѣмъ или другимъ способомъ, ихъ прежнее гражданское состояніе; иначе положеніе ихъ сдѣлалось бы крайне жалкимъ: онѣ, которыя повиновались только законамъ, оказались бы лишенными важнѣйшихъ общественныхъ преимуществъ.

ГЛАВА XI.

Не слѣдуетъ человѣческіе суды подчинять правиламъ судовъ, имѣющихъ въ виду загробную жизнь.

Судъ инквизиціи, учрежденный христіанскими монахами на основаніи представленія о судѣ кающихся грѣшниковъ, противенъ всякому гражданскому порядку. Онъ вызвалъ противъ себя общее негодованіе и уступилъ бы противодѣйствію, если бы сторонники его не воспользовались этимъ самымъ противодѣйствіемъ въ своихъ интересахъ.

Этотъ судъ невыносимъ при всѣхъ образахъ правленія. Въ монархіяхъ онъ только создаетъ доносчиковъ и измѣнниковъ; въ республикахъ плодитъ безчестныхъ людей; въ деспотическомъ государствѣ является такимъ же разрушителемъ, какъ и само это государство.

ГЛАВА XII.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Одно изъ злоупотребленій этого суда состоитъ въ томъ, что изъ двухъ обвиняемыхъ въ одинаковыхъ преступленіяхъ тотъ, который отрицаетъ

[1]) Римскіе законы благопріятствовали второму браку; но дѣлать изъ надежды на вступленіе во второй бракъ основное начало развода, это значитъ итти слишкомъ далеко, даже что касается римлянъ.

преступленіе, приговаривается къ смерти, а тотъ, который сознается въ немъ, избавляется отъ смертной казни. Это основано на монастырскихъ понятіяхъ, согласно которымъ несознающійся считается нераскаяннымъ и осужденнымъ грѣшникомъ, а сознающійся—кающимся и спасеннымъ. Но такое толкованіе не можетъ имѣть отношенія къ человѣческому суду. Человѣческое правосудіе, которое взираетъ на одни дѣянія, располагаетъ по отношенію къ людямъ лишь однимъ условіемъ для оправданія—условіемъ невинности; божественное правосудіе, которое читаетъ мысли человѣка, имѣетъ ихъ два—условіе невинности и условіе раскаянія.

ГЛАВА XIII.

Въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ относительно брака держаться законовъ религіи и въ какихъ—законовъ гражданскихъ.

Во всѣхъ странахъ и во всѣ времена мы встрѣчаемся съ вмѣшательствомъ церкви въ брачныя дѣла. Коль скоро извѣстныя отношенія принимались за нечистыя или недозволенныя, и въ то же время были необходимы, приходилось прибѣгать къ религіи, чтобы, въ однихъ случаяхъ ихъ узаконить, а въ другихъ—отвергнуть.

Съ другой стороны необходимо было подчинить бракъ правиламъ гражданскихъ законовъ, какъ такое человѣческое дѣйствіе, въ которомъ общество заинтересовано болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ.

Все, что касается существа брака—его форма, способъ его заключенія, сообщаемое имъ плодородіе, которое почитается у всѣхъ народовъ благословеніемъ, не всегда сопровождающимъ бракъ, но составляющимъ проявленіе особой, высшей благодати,—все это подлежитъ вѣдѣнію религіи [1]).

Послѣдствія брачнаго союза по отношенію къ имуществу, взаимныя выгоды супруговъ, все, что имѣетъ отношеніе къ новой семьѣ, къ семьѣ, изъ которой оно вышло, и семьѣ, которая должна отъ него произойти,—все это касается гражданскихъ законовъ.

Такъ какъ одна изъ главнѣйшихъ цѣлей брака заключается въ томъ, чтобы отстранить отъ сожительства всякое сомнѣніе въ его законности, то религія налагаетъ на него свою печать, а гражданскіе законы присоединяютъ свою съ цѣлью вполнѣ установить его подлинность. Такимъ образомъ, кромѣ условій, требуемыхъ религіей для установленія дѣйстви-

---

[1]) Бракъ имѣетъ двойной характеръ: онъ одинаково затрагиваетъ интересы государства и церкви, такъ какъ одновременно есть договоръ и таинство. Государство имѣетъ, слѣдовательно, право опредѣлить гражданскій порядокъ его заключенія. Въ первые вѣка христіанской церкви постановленія, регулирующія брачное законодательство, исходили отъ императоровъ. См. Потье, *Traité du contrat de mariage.*

тельности брака, гражданскіе законы могутъ съ своей стороны требовать еще другихъ.

Власть эту даетъ гражданскимъ законамъ то обстоятельство, что сообщаемые ими признаки суть добавочные, а не противорѣчащіе. Религіозный законъ требуетъ извѣстныхъ обрядовъ, законъ гражданскій—согласія родителей: гражданскій законъ требуетъ, такимъ образомъ, нѣсколько больше, чѣмъ законъ религіозный, но не требуетъ ничего такого, что было бы этому послѣднему противно.

Отсюда слѣдуетъ, что разрѣшеніе вопроса — будетъ ли союзъ нерасторжимымъ, или нѣтъ, принадлежитъ религіозному закону, потому что если бы религіозные законы постановили, что брачныя узы нерасторжимы, а гражданскіе — что онѣ могутъ быть расторгнуты, то получилось бы два противорѣчивыхъ опредѣленія.

Иногда признаки, сообщаемые браку гражданскими законами, не имѣютъ значенія необходимости. Сюда принадлежатъ постановленія закона, которыя, вмѣсто расторженія брака, довольствуются наложеніемъ наказанія на вступившихъ въ бракъ.

У римлянъ Папіевы законы объявляли всѣ воспрещенные ими браки незаконными и подвергали за нихъ только наказаніямъ [1]); сенатское же рѣшеніе, состоявшееся по поводу рѣчи императора Марка Антонина, отмѣнило эти законы. Съ тѣхъ поръ не стало ни браковъ, ни женъ, ни приданаго, ни мужей [2]). Гражданскій законъ сталъ сообразоваться съ обстоятельствами, обращая, въ однихъ случаяхъ, вниманіе преимущественно на исправленіе зла, въ другихъ—на его предупрежденіе.

ГЛАВА XIV.

Въ какихъ случаяхъ браки между родственниками должны быть подчинены указаніямъ законовъ природы, и въ какихъ — требованіямъ гражданскихъ законовъ.

Въ дѣлѣ воспрещенія браковъ между родственниками весьма трудно опредѣлить съ точностью ту границу, на которой прекращается дѣйствіе законовъ природы и наступаетъ дѣйствіе законовъ гражданскихъ. Для этого необходимо установить руководящія начала.

Бракъ сына съ матерью ниспровергаетъ всякій естественный порядокъ: сынъ долженъ питать безграничное почтеніе къ матери, а жена къ мужу; бракъ матери съ сыномъ извратилъ бы въ томъ и другомъ ихъ естественное положеніе.

---

[1]) См. сказанное мною выше въ главѣ XXI, кн. XXIII: *О законахъ въ ихъ отношеніи къ численности населенія* (стр. 426).

[2]) См. зак. 16, ff. *De ritu nuptiarum;* и зак. 3, § 1, также Dig., *de donationibus inter Sirum et uxorem.* (М.).

Кромѣ того, природа дала женщинѣ способность имѣть дѣтей въ болѣе раннемъ возрастѣ, чѣмъ можетъ ихъ имѣть мужчина; по той же причинѣ, женщина теряетъ эту способность ранѣе мужчины. Если бы бракъ между матерью и сыномъ былъ дозволенъ, то случалось бы сплошь и рядомъ, что мужчина сохранялъ бы еще способность отвѣчать намѣреніямъ природы, послѣ того какъ женщина эту способность уже утратила.

Бракъ между отцомъ и дочерью противорѣчитъ природѣ, какъ и предыдущій, — хотя и въ меньшей мѣрѣ, такъ какъ не представляетъ двухъ послѣднихъ препятствій. Потому-то татары, которые могутъ жениться на дочеряхъ [1]), никогда не вступаютъ въ бракъ съ матерями, какъ мы это видимъ въ Донесеніяхъ [2]).

Всегда почиталось естественнымъ, чтобы родители наблюдали за цѣломудріемъ дѣтей. Вмѣстѣ съ обязанностью пристраивать ихъ, на нихъ ложится обязанность сохранять ихъ тѣло возможно совершеннымъ, а ихъ душу—наименѣе развращенною,—дѣлать все, что наиболѣе способствуетъ возбужденію желаній и развитію нѣжности. Въ постоянной заботѣ объ охраненіи нравовъ дѣтей, родители, естественно, должны удалять отъ нихъ все, что можетъ ихъ развратить. Бракъ не есть развращеніе, возразятъ на это; конечно,—но прежде вступленія въ бракъ надо говорить, надо заставить полюбить себя, надо обольстить. Вотъ это-то обольщеніе и должно было казаться отвратительнымъ.

Явилась такимъ образомъ необходимость создать непреодолимую преграду между воспитывающими и воспитываемыми, избѣгать всякаго рода развращенія даже по законнымъ побужденіямъ; почему родители и стараются удалять дочерей своихъ отъ общенія и интимныхъ отношеній [3]) съ людьми, которые должны вступить съ ними въ бракъ.

Отвращеніе, вызываемое мыслью о кровосмѣшеніи между братомъ и сестрой, должно было произойти изъ того же источника. Достаточно со стороны отцовъ и дѣтей желанія сохранить нравы дѣтей и дома свои чистыми, чтобы побудить ихъ поселить въ дѣтяхъ страхъ ко всему, что ведетъ къ сближенію половъ.

Запрещеніе браковъ между двоюродными братьями и сестрами того же происхожденія. Въ первобытныя времена, т. е. во времена священныя—въ тѣ вѣка, когда роскоши не знали, всѣ дѣти [4]) оставались въ домѣ и устраивались въ немъ, такъ какъ достаточно было очень малаго

---

[1]) Очень древній у нихъ обычай. Прискъ въ своемъ «*Посольствѣ*» говоритъ, что Аттила остановился на походѣ, чтобы вступить въ бракъ съ своею дочерью Эской: *вещь дозволенная*, говоритъ онъ, закономъ скиѳовъ, стр. 22. (М.).

[2]) Hist. des Tartares, part. III, p. 256. (М.).

[3]) Въ XVIII вѣкѣ, къ сношеніямъ между женихомъ и невѣстой относились гораздо строже, чѣмъ теперь. Въ наше время больше довѣряютъ честности ухаживателя, что дѣлаетъ честь нашимъ нравамъ.

[4]) Такъ было у первыхъ римлянъ. (М.).

дома для большого семейства. Дѣти [1]) двухъ братьевъ, или двоюродные братья, почитались всѣми и считали другъ друга наравнѣ съ родными братьями. Отвращеніе къ браку между родными братьями и сестрами распространялось и на двоюродныхъ братьевъ и сестеръ [2]).

Причины эти такъ могущественны и естественны, что дѣйствовали почти повсемѣстно на землѣ, независимо отъ сношеній народовъ между собою. Не римляне, конечно, внушили жителямъ Формозы [3]), что браки между родственниками въ четвертой степени были кровосмѣсительными; не римляне повѣдали о томъ арабамъ [4]) и научили тому же малдивцевъ [5]).

Если нѣкоторые народы не отвергали браковъ между родителями и дѣтьми и между братьями и сестрами, то ужъ было замѣчено въ первой книгѣ [6]), что одаренныя разумомъ существа не всегда слѣдуютъ своимъ законамъ. Кто бы могъ думать, что религіозныя понятія часто были причиной того, что люди впадали въ эти заблужденія! Если ассиріяне и персы женились на своихъ матеряхъ, то первые дѣлали это изъ религіознаго благоговѣнія къ Семирамидѣ, а вторые потому, что религія Зороастра предпочитала эти браки другимъ [7]). Если египтяне женились на сестрахъ, то это опять-таки было заблужденіемъ египетской религіи, которая посвящала эти браки Изидѣ. Такъ какъ религія, по природѣ своей, располагаетъ насъ къ напряженію нашихъ силъ для совершенія великихъ и трудныхъ дѣлъ, то не слѣдуетъ считать вещи естественными только потому, что онѣ освящены ложной религіей.

Принявъ за основное начало, что браки между родителями и дѣтьми и между братьями и сестрами запрещены въ интересахъ сохраненія естественнаго цѣломудрія въ семьѣ, мы можемъ вывести отсюда, какіе именно браки воспрещаются естественнымъ закономъ и какіе могутъ быть воспрещены только закономъ гражданскимъ.

Такъ какъ дѣти живутъ или считаются живущими въ домѣ отца, а слѣдовательно, пребываютъ вмѣстѣ зять съ тещею, тесть съ невѣсткою или падчерицею, браки между ними воспрещены законами природы. Въ этомъ случаѣ представленіе, въ послѣдствіяхъ своихъ, совпадаетъ съ дѣй-

---

[1]) Дѣйствительно, у римлянъ они носили одно названіе: двоюродные братья назывались братьями. (М.).

[2]) Такъ было въ Римѣ первое время, пока народъ не разрѣшилъ эти браки особымъ закономъ, постановленнымъ ради одного очень популярнаго человѣка, женившагося на двоюродной сестрѣ. Плутархъ въ *Quaestiones Romanae*. (М.).

[3]) *Собр. индійск. путеш.*, т. V, ч. I. *Донесеніе объ островѣ Формозѣ.* (М.).

[4]) Альконъ, гл. *о женщинахъ.* (М.).

[5]) Франсуа Пираръ. (М.).

[6]) См. выше, кн. I, гл. I.

[7]) Ихъ считали болѣе почетными. См. Филона: *De specialibus legibus quae pertinent ad praecepta decalogi.* Paris 1640, p. 778. (М.).

ствительностью, потому что имѣетъ одинаковую съ ней причину, и законъ гражданскій не можетъ и не долженъ допускать этихъ браковъ.

Есть народы, у которыхъ, какъ я уже сказалъ, на двоюродныхъ братьевъ и сестеръ смотрятъ какъ на родныхъ братьевъ и сестеръ, потому что тѣ и другіе живутъ въ одномъ и томъ же домѣ; у другихъ народовъ не знаютъ этого обычая. У первыхъ браки между двоюродными братьями и сестрами должны быть разсматриваемы какъ противные природѣ, а у вторыхъ—нѣтъ.

Законы природы не могутъ быть мѣстными законами. Поэтому, когда эти браки воспрещены или дозволены, они, смотря по обстоятельствамъ, бываютъ воспрещены или дозволены общимъ гражданскимъ закономъ.

Нѣтъ необходимости, чтобы шуринъ и золовка жили въ одномъ домѣ; слѣдовательно, цѣль сохраненія цѣломудрія въ домѣ вовсе не требуетъ воспрещенія брака между ними, и законъ, воспрещающій или дозволяющій такой бракъ, не есть законъ природы, но законъ гражданскій, который подчиняется обстоятельствамъ и зависитъ отъ обычаевъ каждой отдѣльной страны: это тѣ случаи, когда законы находятся въ зависимости отъ нравовъ и привычекъ.

Гражданскіе законы воспрещаютъ браки, когда, въ силу обычаевъ, дѣйствующихъ въ данной странѣ, браки эти оказываются въ такихъ же условіяхъ, какъ и тѣ, которые воспрещены законами природы; и разрѣшаютъ ихъ, когда они не находятся въ этихъ условіяхъ. Запрещенія, начинаемыя законами природы, не подлежатъ измѣненіямъ, потому что зависятъ отъ неизмѣняющихся обстоятельствъ: отецъ, мать и дѣтя живутъ непремѣнно въ одномъ домѣ. Но запрещенія гражданскихъ законовъ случайны, потому что зависятъ отъ случайныхъ обстоятельствъ: двоюродные братья и сестры и другіе родственники живутъ въ домѣ случайно.

Этимъ объясняется, почему законы Моисея, законы египтянъ [1]) и многихъ другихъ народовъ дозволяютъ браки между шуриномъ и золовкой, тогда какъ тѣ же браки запрещены у другихъ народовъ.

Въ Индіи существуютъ вполнѣ естественныя основанія къ допущенію этихъ браковъ. На дядю въ этой странѣ смотрятъ какъ на отца, — онъ обязанъ содержать и пристраивать племянниковъ какъ бы собственныхъ дѣтей. Таковъ ужъ нравъ этого добраго и человѣколюбиваго народа. Этотъ законъ, или обычай, породилъ другой: мужъ, потерявшій жену, всегда женится но ея сестрѣ [2]); и это совершенно естественно, потому что вторая жена, становясь матерью дѣтей своей сестры, исключаетъ злую мачиху.

---

[1]) См. зак. 8, въ код. *de incestis et inutilibus nuptiis.* (М.).
[2]) *Поучительныя письма,* 14-е собраніе, стр. 403. (М.).

ГЛАВА XV.

Не слѣдуетъ подчинять началамъ государственнаго права то, что находится въ зависимости отъ началъ права гражданскаго.

Подобно тому, какъ люди отказались отъ естественной независимости, чтобы жить подъ властью законовъ государства, они отказались отъ естественной общности имуществъ, чтобы жить подъ властью законовъ гражданскихъ [1]).

Первые изъ этихъ законовъ дали имъ свободу, вторые—собственность. Не слѣдуетъ разрѣшать по законамъ свободу, которая, какъ мы уже сказали, есть господство гражданскаго общества, то, что должно быть разрѣшаемо по законамъ собственности. Если говорятъ, что благо частное должно уступать благу общественному, то это лишь ложное умозаключеніе. Правило это имѣетъ мѣсто только въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о господствѣ гражданскаго общества, т. е. свободѣ гражданина; но оно неумѣстно въ примѣненіи къ вопросамъ собственности, потому что общественное благо всегда требуетъ, чтобы всякій неизмѣнно сохранялъ право на собственность, обезпеченное ему гражданскими законами.

Цицеронъ утверждалъ, что дѣйствіе аграрныхъ законовъ было пагубно, потому что гражданскій порядокъ былъ установленъ единственно съ тою цѣлью, чтобы всякій могъ сохранить свое имущество.

Итакъ, въ дѣлѣ общественнаго блага примемъ за правило, что благо это никогда не можетъ состоять въ томъ, чтобы лишить человѣка имущества, и даже самой ничтожной части его, политическимъ закономъ или распоряженіемъ. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ въ точности держаться закона гражданскаго, составляющаго верховную охрану собственности.

Поэтому, когда общество нуждается въ имуществѣ частнаго лица: никогда не слѣдуетъ прибѣгать къ строгости государственнаго закона, побѣда должна принадлежать гражданскому закону, который, какъ добрый отецъ, съ одинаковою любовью взираетъ на все общество и на его отдѣльнаго члена.

Если правительство захочетъ соорудить общественное зданіе или провести новую дорогу, необходимо, чтобы оно вознаградило кого слѣдуетъ: общество въ этомъ отношеніи есть какъ бы частное лицо, вступающее въ сдѣлку съ частнымъ лицомъ [2]). Уже довольно того, что оно можетъ за-

---

[1]) Эти два положенія при Монтескье были общимъ мѣстомъ, въ настоящее же время считаются заблужденіемъ. Внѣ общества и гражданскихъ законовъ, естественная независимость есть ничто иное какъ право быть убитымъ, а естественная общность имуществъ—право быть ограбленнымъ первымъ встрѣчнымъ. Внѣ общества человѣкъ—ничто и ничего не имѣетъ, но *ubi societas. ibi jus.*

[2]) Въ нашемъ старомъ законодательствѣ, при проведеніи дорогъ по землѣ частныхъ лицъ, эти послѣднія не имѣли права на вознагражденіе. Отчужденіе

ставить гражданина продать свое достояніе, лишая его этимъ дарованнаго ему гражданскими законами преимущества, по которому никто не можетъ принуждать его къ отчужденію его собственности.

Народы, разрушившіе римскую имперію, нѣкоторое время злоупотребляли завоеваніемъ; но духъ свободы заставилъ и ихъ вернуться къ справедливости: они стали пользоваться самыми варварскими правами съ умѣренностью, и тѣ, которые сомнѣваются въ этомъ, пусть прочтутъ прекрасное сочиненіе Бомануара, писавшаго о юриспруденціи въ XII в. [1]).

Въ его время, исправленіе большихъ дорогъ производилось, какъ и теперь. Онъ говоритъ, что, когда большая дорога не могла быть возстановлена, пролагали новую, возможно ближе къ старой; но при этомъ вознаграждали частныхъ собственниковъ [2]) на счетъ тѣхъ лицъ, которымъ проведеніе дороги доставляло какія-нибудь выгоды. Итакъ, въ то время дѣла эти рѣшались гражданскимъ законодательствомъ, тогда какъ теперь они рѣшаются правомъ государственнымъ.

ГЛАВА XXVI.

Не слѣдуетъ примѣнять постановленія гражданскаго права къ случаямъ, рѣшеніе которыхъ зависитъ отъ права государственнаго.

Мы найдемъ основаніе всѣхъ относящихся къ предмету вопросовъ, если только не станемъ смѣшивать правилъ, вытекающихъ изъ собственности гражданъ, съ правилами, порождаемыми свободой гражданъ.

Могутъ ли быть отчуждаемы государственныя имущества [3]), или нѣтъ? Этотъ вопросъ подлежитъ разрѣшенію права государственнаго, а не гражданскихъ законовъ. Онъ не долженъ быть разрѣшаемъ гражданскими законами, потому что государственныя имущества такъ же необходимы для содержанія государства, какъ необходимы государству гражданскіе законы для опредѣленія правилъ какъ распоряжаться имуществами.

Такимъ образомъ, если отчуждено государственное имущество, государство вынуждено образовать новый фондъ для пріобрѣтенія другого имущества. Но эта мѣра опять-таки нарушаетъ государственный порядокъ, потому что, согласно природѣ самого предмета, съ образованіемъ новаго

въ видахъ общественной пользы, съ обязательствомъ предварительной уплаты вознагражденія, ведетъ свое начало только съ революціи.

[1]) Бомануаръ принадлежитъ къ XIII стол. Ниже Монтескье говоритъ, что онъ былъ современникомъ Людовика Святого и писалъ свою книгу въ 1283 г. См. ниже кн. XXVIII, гл. XXIII.

[2]) Сеньеръ назначалъ «лучшихъ людей» для взиманія сборовъ съ крестьянъ; дворяне платили налогъ по требованію графа, а духовные – епископа. Бомануаръ, XXV, §§ 13. 17. (М.).

[3]) Государственныя имущества—это всѣ богатства принадлежащія государству и дающія средства для покрытія государственныхъ расходовъ, какъ земли, лѣса, налоги, дорожныя пошлины и всякаго рода доходы.

государственнаго имущества, подданнымъ придется платить болѣе, а государю получать менѣе прежняго; короче, необходимы государственныя имущества, а не отчужденіе ихъ.

Порядокъ престолонаслѣдія въ монархіяхъ имѣетъ своимъ основаніемъ благо государства, которое требуетъ прочнаго установленія этого порядка для предотвращенія несчастій, свойственныхъ, какъ я уже говорилъ, деспотическому правленію, въ которомъ все перемѣнчиво, потому что все произвольно.

Установляется порядокъ престолонаслѣдія не въ интересахъ царствующаго дома, но въ интересахъ государства, требующихъ, чтобъ былъ царствующій домъ. Законъ, опредѣляющій порядокъ наслѣдованія для частныхъ лицъ, есть законъ гражданскій и имѣетъ предметомъ интересы частныхъ лицъ; законъ же, опредѣляющій порядокъ престолонаслѣдія въ монархіи, есть велѣніе права государственнаго и имѣетъ предметомъ своимъ благо и сохраненіе государства.

Изъ этого слѣдуетъ, что если государственное право установитъ порядокъ престолонаслѣнія въ государствѣ, и этотъ порядокъ самъ собою прекратится, то будетъ безсмысленно въ такомъ случаѣ предъявлять права на престолонаслѣдіе на основаніи гражданскаго закона какого бы то ни было народа [1]). Одно общество не можетъ предписывать законовъ другому. Гражданскіе законы римлянъ въ этомъ случаѣ также мало примѣнимы, какъ и всякіе другіе гражданскіе законы. Сами римляне не прибѣгали къ нимъ, когда судили государей; правила же, которымъ они въ послѣднемъ случаѣ слѣдовали, такъ гнусны, что никакъ не слѣдуетъ воскрешать ихъ.

Изъ этого еще слѣдуетъ, что если бы государственное право заставило отказаться какой-либо родъ отъ престолонаслѣдія, безсмысленно было бы искать возстановленія его правъ при помощи гражданскихъ законовъ. Права возстановленія существуютъ въ законѣ и могутъ имѣть силу противъ тѣхъ, которые находятся подъ властью этого закона; но они недѣйствительны противъ тѣхъ, которые сами поставлены для установленія закона и живутъ для закона.

Смѣшно притязаніе на рѣшеніе правовыхъ вопросовъ, касающихся государствъ, народовъ и всего міра, на основаніи правилъ, по которымъ, говоря словами Цицерона, рѣшается споръ между частными лицами о правѣ на кровельный жолобъ.

---

[1]) Намекъ на Людовика XIV, изъявившаго притязанія на нѣкоторыя испанскія провинціи, слѣдуемыя, какъ онъ утверждалъ, его женѣ по наслѣдственному праву, признаваемому гражданскими законами Фландріи и Артуа.

ГЛАВА XVII.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Объ остракизмѣ слѣдуетъ судить на основаніи указаній государственнаго, а не гражданскаго права. Обычай этотъ далеко не ложится позорнымъ пятномъ на народное правленіе—напротивъ, скорѣе доказываетъ его умѣренность.

Мы легко поняли бы это, если бы изгнаніе не было у насъ карательной мѣрой, и мы были бы въ состояніи отдѣлить понятіе остракизма отъ понятія наказанія.

Аристотель [1]) говоритъ намъ, что всѣ были согласны въ томъ, что обычай этотъ заключалъ въ себѣ нѣчто человѣчное и согласное съ народными воззрѣніями. Если въ тѣ отдаленныя времена и въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ примѣнялись эти приговоры, ихъ не находили чудовищными, то не намъ, конечно, которые смотримъ на вещи издалека, судить объ этомъ дѣлѣ иначе, чѣмъ судили тогдашніе обвинители, судьи и сами осужденные.

Если затѣмъ мы обратимъ вниманіе на то, что народный приговоръ покрывалъ славой гражданина, противъ котораго былъ направленъ; что, послѣ того какъ злоупотребили этимъ обычаемъ, примѣнивъ его къ человѣку безъ всякихъ заслугъ [2]), перестали употреблять его [3]),—мы убѣдимся, какъ ошибочно было наше мнѣніе на этотъ счетъ, и какъ былъ прекрасенъ законъ, который предупреждалъ возможность дурныхъ послѣдствій отъ славы гражданина, покрывая его новой славой [4]).

ГЛАВА XVIII.

Когда законы кажутся противорѣчащими одинъ другому, слѣдуетъ разсмотрѣть, одного ли они порядка.

Въ Римѣ дозволено было ссужать свою жену другому. Плутархъ положительно утверждаетъ это [5]). Извѣстно, что Катонъ уступилъ на время свою жену Гортензію [6]), а Катонъ ужъ никакъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые нарушали законы своей страны.

---

[1]) *Политика*, кн. III, гл. III. (М.).

[2]) Гиперболъ. См. Плутарха: *Жизнь Аристида*. (М.).

[3]) Онъ оказался въ противорѣчіи съ намѣреніемъ законодателя. См. ниже, кн. XXIX, гл. VII. (М.).

[4]) Это разсужденіе Монтескье приводилось сторонниками остракизма въ 1796 г., а также при установленіи ссылки въ фруктидорѣ. Несравненно ближе къ правдѣ Макіавелли, когда клеймитъ Аѳины словами: «Неблагодарность, болѣе чѣмъ какое-либо другое животное, любила свивать въ нихъ гнѣздо свое».

[5]) Плутархъ, въ его *Сравненіи Ликурга съ Нумой*. (М.).

[6]) Плутархъ, *Жизнеописаніе Катона*. Это случилось въ наше время, говоритъ Страбонъ, кн. XI. (М.). Катонъ жену уступилъ Гортензію, разведясь съ

Съ другой стороны, мужъ, терпѣвшій распутное поведеніе своей жены, не предававшій ее суду, или принимавшій ее назадъ [1]), послѣ обвиненія ея по суду, подвергался наказанію. Эти законы кажутся противорѣчащими другъ другу; но въ дѣйствительности противорѣчія нѣтъ. Законъ, разрѣшавшій римлянину отдавать свою жену въ ссуду, есть очевидно установленіе лакедемонскаго происхожденія [2]), имѣвшее въ виду доставленіе республикѣ людей хорошей породы, если позволено будетъ такъ выразиться; другой же законъ охранялъ чистоту нравовъ. Первый былъ закономъ политическимъ, а второй—гражданскимъ.

ГЛАВА XIX.

Не слѣдуетъ примѣнять гражданскихъ законовъ къ вопросамъ, рѣшеніе которыхъ подлежитъ законамъ семейнымъ.

Законъ вестготовъ ставилъ рабамъ въ обязанность [3]) связать мужчину и женщину, застигнутыхъ ими при совершеніи прелюбодѣянія, и представлять ихъ мужу и судьѣ,—законъ ужасный, такъ какъ онъ предоставлялъ этимъ низкимъ людямъ заботу о мщеніи общественномъ, семейномъ и частномъ.

Этотъ законъ годился бы только для восточныхъ сералей, гдѣ рабъ, поставленный стражемъ, считается нарушителемъ порядка, коль скоро порядокъ нарушенъ. Онъ останавливаетъ преступниковъ не столько для суда надъ ними, сколько для суда надъ собою, чтобы по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла могли рѣшить, не слѣдуетъ ли снять съ него подозрѣніе въ нерадѣніи. Но тамъ, гдѣ женщинъ не держатъ за замкомъ, нельзя не признать безумнымъ, когда ихъ, которыя управляютъ домомъ, гражданскій законъ подчиняетъ инквизиціонному преслѣдованію ихъ собственныхъ рабовъ.

Это могло быть допустимо, самое большое, лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ качествѣ частнаго семейнаго закона, но никогда—въ качествѣ закона гражданскаго.

ГЛАВА XX.

Не слѣдуетъ рѣшать по гражданскимъ законамъ того, что относится къ праву международному.

Свобода заключается главнымъ образомъ въ томъ, что человѣкъ не можетъ быть принужденъ совершить дѣйствіе, котораго законъ ему не

нею, и взялъ ее назадъ по смерти Гортензія. Совершенно естественно, что такое поведеніе непріятно поражаетъ насъ; но Катонъ не отдавалъ жены въ ссуду, на манеръ спартанцевъ, и нѣтъ римскаго закона, который разрѣшалъ такое прелюбодѣяніе по договору.

[1]) Leg. 11, § ult. ff *ad leg. Iul. de adult* (M.).

[2]) Нѣтъ ничего менѣе очевиднаго.

[3]) Законъ вестготовъ, кн. III, ст. IV, § 6. (M.)

предписываетъ [1]). Это состояніе возможно только потому, что мы управляемся гражданскими законами. Мы свободны, слѣдовательно, потому, что живемъ подъ властью гражданскихъ законовъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что государи, во взаимныхъ своихъ отношеніяхъ не подчиняющіеся гражданскимъ законамъ, не свободны: они управляются силою и могутъ постоянно насиловать другихъ или сами подвергаться насилію; а отсюда слѣдуетъ, что договоры, заключенные ими по принужденію, столько же для нихъ обязательны, какъ и тѣ, которые они заключили добровольно. Если мы, живущіе подъ властью гражданскихъ законовъ, беремъ на себя по принужденію обязательство, котораго законъ отъ насъ не требуетъ, то можемъ, съ помощью закона, нарушить его; но государь, который постоянно находится въ положеніи насилующаго, не можетъ жаловаться на договоръ, силою ему навязанный. Это то же, какъ еслибъ онъ сталъ жаловаться на свое естественное состояніе, или захотѣлъ быть государемъ надъ другими государями, и чтобъ другіе государи сдѣлались гражданами по отношенію къ нему, т. е. пойти противъ природы вещей [2]).

ГЛАВА XXI.

Не слѣдуетъ рѣшать по началамъ права государственнаго того, что относится къ международному праву.

Начала права государственнаго требуютъ, чтобы всякій человѣкъ подчинялся уголовному и гражданскому суду той страны, въ которой находится, и усмотрѣнію ея государя.

Международнымъ правомъ установлено, чтобы государи посылали другъ къ другу пословъ, при чемъ, по самой природѣ вещей, не могло быть допущено, чтобы послы находились въ зависимости отъ государя, къ которому посланы, или его судовъ. Они—голосъ пославшаго ихъ государя, и этотъ голосъ долженъ быть свободенъ. Никакое препятствіе не должно стѣснять ихъ дѣйствій. Они могутъ часто не нравиться, потому что говорятъ отъ имени лица независимаго. Можно бы было приписать имъ преступленіе, еслибъ они могли быть наказываемы за преступленія; можно бы было насчитать на нихъ долги, если бы они могли быть задерживаемы за долги. Государь, движимый естественной гордостью, говорилъ бы устами человѣка, которому все страшно. Поэтому слѣдуетъ относительно пословъ держаться соображеній, заимствованныхъ изъ международнаго, а не государственнаго права. Если же они злоупотребляютъ зва-

---

[1]) См. выше, кн. XI, гл. III.

[2]) Мнѣ кажется, что это отвѣтъ аббату де-Сентъ-Пьеръ, который правило: *Не слѣдуетъ нарушать даннаго слова,* подчинялъ закону: *Salus populi suprema lex esto. Rêves d'un homme de bien*, p. 49.

ніемъ представителя, то ихъ лишаютъ этого званія, отсылая ихъ обратно на родину. Можно даже принести на нихъ жалобу ихъ государю, который въ такомъ случаѣ становится ихъ судьей или ихъ соучастникомъ.

ГЛАВА XXII.

Несчастная участь инки Атуальпа.

Установленныя нами выше начала были жестоко нарушены испанцами. Инка [1]) Атуальпа не долженъ былъ быть судимъ иначе, какъ на основаніи международнаго права; они судили его на основаніи права государственнаго и гражданскаго. Они обвинили его въ лишеніи жизни нѣкоторыхъ изъ его подданныхъ, въ многоженствѣ и т. д. Но верхомъ ихъ безразсудства было то, что они осудили его на основаніи государственныхъ и гражданскихъ законовъ не его, а своей страны.

ГЛАВА XXIII.

Если почему-либо законъ государства дѣйствуетъ на него разрушительно, слѣдуетъ примѣнить другой законъ, который охранялъ бы государство, и этотъ новый законъ становится иногда закономъ международнымъ.

Когда политическій законъ, установившій порядокъ престолонаслѣдія въ государствѣ, обнаруживаетъ разрушительное дѣйствіе на политическій организмъ, для котораго былъ созданъ, не слѣдуетъ останавливаться передъ опасеніемъ, что другой политическій законъ можетъ измѣнить этотъ порядокъ; этотъ второй законъ не только не будетъ противорѣчить первому, но въ основѣ своей будетъ вполнѣ съ нимъ согласенъ, потому что оба закона исходятъ изъ одного и того же начала: благо народа есть верховный законъ.

Я уже говорилъ, что большое государство [2]), сдѣлавшись придаткомъ другого, обезсиливаетъ этимъ и себя и даже то государство, отъ котораго зависитъ. Въ интересахъ всякаго государства, чтобъ его глава пребывалъ въ немъ; чтобы управленіе государственными доходами совершалось правильно; чтобы монета государства не уходила изъ его предѣловъ для обогащенія другой страны [3]). Важно, чтобы тотъ, кто правитъ государствомъ,

---

[1]) Инка Гарсилассо де ла Вега, стр. 108. (М.).

[2]) См. выше: кн. V, гл. XIV; кн. VIII, гл. XVI—XX; кн. IX, гл. IV—VII и кн. X, гл. IX и X. (М.).

[3]) Это одно изъ заблужденій прошлаго вѣка. Если монета уходитъ изъ страны, то это потому, что она должна оплатить товаръ, который ввозится въ страну. При этомъ происходитъ обмѣнъ цѣнностей, а не обѣдненіе. Если я купилъ у Испаніи на 100,000 фр. шерсти, которая стоитъ во Франціи 110,000 фр.,—чѣмъ сдѣлалъ я Францію бѣднѣе или обогатилъ Испанію, пославъ въ нее 100,000 франковъ?

не увлекался иноземными правилами: они менѣе пригодны, чѣмъ тѣ, которыя уже укоренились въ странѣ. Къ тому же люди обыкновенно крѣпко держатся своихъ законовъ и обычаевъ, потому что въ нихъ благополучіе всякаго народа, и рѣдко удается измѣнить ихъ безъ большихъ потрясеній и кровопролитій, какъ это доказываетъ исторія всѣхъ странъ. Отсюда слѣдуетъ, что если наслѣдникъ престола большого государства состоитъ владѣтелемъ другого большого государства, первое можетъ отстранить его отъ престолонаслѣдія, потому что для обоихъ государствъ полезно, чтобы порядокъ престолонаслѣдія былъ измѣненъ.

Такъ русскій законъ, изданный въ началѣ царствованія императрицы Елисаветы, очень благоразумно устранилъ отъ преемства всякаго наслѣдника, владѣющаго другой монархіей, а португальскій законъ отвергаетъ всякаго иностранца изъ числа лицъ, которыя могутъ быть призваны къ занятію престола по праву крови.

Но если нація можетъ отстранить отъ престолонаслѣдія, то она еще съ большимъ основаніемъ можетъ потребовать отреченія отъ престола. Если она опасается, что извѣстный брачный союзъ по своимъ послѣдствіямъ можетъ послужить угрозой ея независимости или повести къ раздѣлу ея территоріи, она вполнѣ можетъ заставить вступающихъ въ бракъ отказаться за себя и за свое потомство отъ всѣхъ правъ, которыя они могутъ имѣть на нее; и тотъ, кто отказывается, и тѣ, за которыхъ отказываются, тѣмъ менѣе имѣютъ основаніе жаловаться, что государство могло бы устранить [1]) ихъ отъ престола изданіемъ закона.

ГЛАВА XXIV.

Полицейскія предписанія относятся къ иной области, чѣмъ другіе гражданскіе законы.

Есть преступники, которыхъ власть наказываетъ, и есть такіе, которыхъ она исправляетъ. Одни подлежатъ могуществу закона, другіе— его авторитету [2]); первые исключаются изъ общества, вторыхъ заставляютъ жить согласно порядку, установленному въ обществѣ.

Въ дѣятельности полиціи караетъ скорѣе власть, чѣмъ законъ; въ дѣятельности уголовнаго суда наказываетъ скорѣе законъ, чѣмъ власть. Вѣдѣнію полиціи подлежатъ повседневныя дѣла, касающіяся обыкновенно мелочей, и потому не требующія формальностей. Дѣйствія полиціи быстры и касаются предметовъ, безпрестанно повторяющихся; тяжкія наказанія,

[1]) Намекъ на отреченіе Королевы Маріи-Тереезы, когда она вступила въ бракъ съ Людовикомъ XIV; отреченіе это не помѣшало однако Людовику XIV предъявить права свои на французскія провинціи испанской монархіи, какъ на наслѣдіе жены. Война съ палатинатомъ возникла по такому же поводу.

[2]) Т. е. авторитету властей.

слѣдовательно, внѣ ея дѣятельности. Она занята постоянно подробностями, и крупныя мѣры устрашенія существуютъ не для нея. Она руководится больше распоряженіями, чѣмъ законами. Лица, состоящія подъ ея вѣдѣніемъ, находятся всегда на глазахъ начальства; поэтому, если они впадаютъ въ крайности, виновато это послѣднее. Итакъ, не слѣдуетъ смѣшивать крупныхъ нарушеній закона съ мелкими полицейскими правонарушеніями, какъ вещи разнаго порядка.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ заключить, что совершенно противно природѣ вещей, если ношеніе огнестрѣльнаго оружія наказуется какъ уголовное преступленіе, такъ что злоупотребляющій оружіемъ не подвергается большей отвѣтственности, чѣмъ тотъ, кто его только носитъ при себѣ, какъ мы это находимъ въ извѣстной итальянской республикѣ [1]).

Изъ сказаннаго слѣдуетъ еще, что столь прославленный поступокъ одного императора, который приказалъ посадить на колъ булочника, уличеннаго имъ въ обманѣ, есть поступокъ султана, не умѣющаго творить правосудія безъ того, чтобы не выйти изъ его предѣловъ.

ГЛАВА XXV.

Не должно слѣдовать общимъ положеніямъ гражданскаго права въ такихъ дѣлахъ, которыя должны быть подчинены частнымъ правиламъ, вытекающимъ изъ особенностей ихъ природы.

Хорошъ ли законъ, признающій недѣйствительными всѣ гражданскія обязательства, принятыя на себя матросами на кораблѣ во время плаванія? Франсуа Пираръ говоритъ [2]), что въ его время законъ этотъ не былъ соблюдаемъ португальцами, но дѣйствовалъ у французовъ. Люди, соединившіеся лишь на короткое время, не нуждающіеся ни въ чемъ, потому что государь обезпечиваетъ всѣ ихъ потребности, не имѣющіе другой цѣли, кромѣ своего путешествія, не находящіеся болѣе въ обществѣ, но сдѣлавшіеся гражданами корабля, не должны совершать обязательствъ, которыя введены въ употребленіе лишь съ цѣлью облегчить перенесеніе тягостей гражданскаго общества.

Такой же смыслъ имѣлъ дѣйствовавшій на островѣ Родосѣ еще въ то время, когда плаваніе совершалось только вдоль береговъ, законъ, который опредѣлялъ, что людямъ, остававшимся на кораблѣ во время бури, принадлежитъ и корабль и грузъ, а тѣ, которые его покинули, не получаютъ ничего.

---

[1]) Венеціи. (М.).
[2]) Гл. XIV, ч. 12. (М.).

Часть шестая.

КНИГА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ [1]).

ГЛАВА ПЕРВАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

О происхожденіи римскаго законодательства о наслѣдствѣ и его измѣненіяхъ.

Настоящій предметъ находится въ связи съ учрежденіями глубокой древности, и чтобы проникнуть въ его основаніе, да будетъ мнѣ дозволено обратиться къ первымъ римскимъ законамъ за свѣдѣніями, которыхъ, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ въ нихъ не примѣчали.

Извѣстно, что Ромулъ раздѣлилъ земли своего маленькаго государства между его гражданами [2]); мнѣ кажется, что это обстоятельство и послужило основаніемъ римскихъ законовъ о наслѣдствѣ [3]).

Законъ раздѣла земель требовалъ, чтобы собственность одного рода не переходила въ другой родъ. Отсюда только два порядка наслѣдниковъ, установленные закономъ [4]): дѣти и всѣ нисходящіе потомки, которые жили подъ властью отца и которыхъ называли своими наслѣдниками (sui heredes); а за неимѣніемъ ихъ, ближайшіе родственники въ мужскомъ колѣнѣ, которыхъ называли агнатами.

Отсюда слѣдовало также, что родственники по женской линіи, которыхъ называли когнатами, не должны были наслѣдовать: они перенесли бы имущество въ другой родъ, и потому такъ было установлено.

Отсюда слѣдовало еще, что дѣти не должны были наслѣдовать послѣ матери, ни мать послѣ дѣтей, такъ какъ и это повело бы къ переходу имущества изъ одного рода въ другой. Поэтому то мы не находимъ ихъ

---

[1]) Можно сказать, что «Духъ Законовъ» заканчивается XXVI книгой Слѣдующія затѣмъ книги составляютъ частныя изслѣдованія, въ подтвержденіе установленныхъ Монтескье началъ, но не входятъ въ первоначальный планъ книги. Что же касается XXVII книги, разсматривающей процессъ измѣненій въ римскихъ законахъ о наслѣдствѣ, то система, отстаиваемая въ ней Монтескье, не находится болѣе на уровнѣ позднѣйшихъ научныхъ открытій, такъ какъ значеніе родительской власти, агната и порядокъ наслѣдованія римлянъ объясняется ихъ священнымъ. а не государственнымъ правомъ.

[2]) Діонисій Галикарнасскій, кн. II, гл. III. Плутархъ въ «Сравненіи Нумы съ Ликургомъ». (М.).

[3]) Законы о наслѣдованіи у римлянъ коренятся въ культѣ предковъ и домашняго очага. Семейство соединено узами общей религіи; женщина, вышедшая изъ родительскаго дома, подобно пріемышу, вступающему въ чужую семью, не участвуя въ жертвоприношеніи, не участвуетъ болѣе и въ наслѣдованіи.

[4]) Ast si intestatus moritur, cui suus haeres nec extabit, agnatus proximus familiam habeto. Фраги. закона Двѣнадцати Таблицъ у Ульпіана, ст. послѣдн. (М.).

въ законѣ Двѣнадцати Таблицъ [1]), который призывалъ къ наслѣдству только агнатовъ, а сынъ и мать не были между собою агнатами.

Но полъ наслѣдника, былъ ли онъ свой наслѣдникъ или, за неимѣніемъ таковаго, ближайшій агнатъ, въ разсчетъ не принимался: такъ какъ родственники со стороны матери не наслѣдовали, то хотя бы наслѣдница и вышла замужъ, имущество возвращалось въ тотъ родъ, изъ котораго вышло. Вотъ почему законъ Двѣнадцати Таблицъ не различаетъ наслѣдниковъ по ихъ полу [2]).

Изъ этого происходило, что хотя внуки отъ сына и наслѣдовали послѣ дѣда, внуки отъ дочери послѣ него не наслѣдовали: чтобъ устранить переходъ имущества въ чужой родъ, агнатамъ давалось преимущество передъ когнатами, такъ что наслѣдовала послѣ отца дочь, а не ея дѣти [3]).

Итакъ, у первыхъ римлянъ, женщины наслѣдовали, если это согласно было съ закономъ о раздѣлѣ земелъ, и не наслѣдовали въ случаяхъ противорѣчія съ этимъ закономъ.

Таковы были законы о наслѣдствѣ у первыхъ римлянъ. Такъ какъ законы эти находились въ естественной зависимости отъ государственнаго устройства и вели свое происхожденіе отъ раздѣла земель, то, очевидно, не были иностраннаго происхожденія и не принадлежали къ числу законовъ, принесенныхъ изъ греческихъ городовъ римскими уполномоченными.

Діонисій Галикарнасскій [4]) говоритъ, что Сервій Тулій, найдя законы Ромула и Нумы о раздѣлѣ земель отмѣненными, возстановилъ ихъ и издалъ новые, чтобы древнимъ законамъ придать болѣе силы. Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію [5]), что законы о наслѣдствѣ, происшедшіе отъ этого раздѣла земель, были дѣломъ трехъ названныхъ законодателей.

Такъ какъ порядокъ наслѣдованія былъ установленъ политическимъ закономъ, гражданинъ не долженъ былъ нарушать его проявленіемъ частной воли; т. е. въ первыя времена Рима не должно было быть дозволено распоряженіе имуществомъ посредствомъ завѣщанія. Было бы однако жестоко лишать человѣка возможности дѣлать благодѣянія въ послѣднія минуты жизни; поэтому найденъ былъ способъ къ примиренію закона съ волею частнаго лица: дозволено было располагать своимъ имуществомъ съ разрѣшенія народнаго собранія, при чемъ всякое завѣщаніе пріобрѣтало, такъ сказать, значеніе акта законодательной власти.

---

[1]) См. фрагм. Ульпіана, § 8, ст. XXVI; институтъ, ст. III. *In proemio ad Sen. cons. Tertullianum.* (М.).

[2]) Павелъ, кн. IV, *Senten.*, ст. VIII, § 3. (М.).

[3]) Instit., кн. III, ст. I, § 15. (М.).

[4]) Кн. IV, стр. 276. (М.).

[5]) Всегда можно сомнѣваться въ томъ, что говоритъ этотъ мало надежный историкъ.

Законъ Двѣнадцати Таблицъ дозволялъ завѣщателю избирать своимъ наслѣдникомъ любого гражданина. Причина, почему римскіе законы такъ сильно ограничивали число наслѣдующихъ не по завѣщанію, заключалась въ законѣ о раздѣлѣ земель; а причина, почему они такъ расширили права завѣщателя, состояла въ томъ, что такъ какъ отецъ имѣлъ право продавать своихъ дѣтей [1]), то, казалось, онъ еще съ большимъ основаніемъ могъ лишать ихъ своего имущества. Послѣдствія, значитъ, были различны, потому что вытекали изъ разныхъ принциповъ. Таковъ духъ римскихъ законовъ въ этомъ случаѣ.

Древніе законы въ Аѳинахъ не дозволяли гражданамъ совершать завѣщанія. Солонъ разрѣшилъ дѣлать ихъ [2]), но только не гражданамъ, которые имѣли дѣтей; римскіе же законодатели, проникнутые идеей родительской власти, дозволили передачу имущества по завѣщанію даже въ ущербъ дѣтямъ. Надо признаться, что древніе аѳинскіе законы были послѣдовательнѣе римскихъ. Неограниченное разрѣшеніе завѣщать у римлянъ мало-по-малу уничтожило политическое установленіе раздѣла земель. Оно, болѣе чѣмъ какія-либо другія причины, произвело роковую разницу между бѣдностью и богатствомъ: многіе участки соединились въ однихъ рукахъ; нѣкоторые изъ гражданъ имѣли слишкомъ много, у безчисленнаго множества другихъ не было ничего. Поэтому народъ, постоянно лишаемый своихъ участковъ, то и дѣло требовалъ передѣла земель [3]). Онъ требовалъ его и тогда, когда умѣренность, бережливость и бѣдность были отличительными чертами римлянъ, и тогда, когда роскошь была доведена до крайности.

Такъ какъ завѣщаніе было собственно закономъ, постановляемымъ въ народномъ собраніи, то граждане, находившіеся на войнѣ, были тѣмъ самымъ лишены способности завѣщать. Народъ предоставилъ войскамъ право дѣлать [4]) завѣщательныя распоряженія въ присутствіи нѣсколькихъ ихъ товарищей, какъ бы передъ самымъ народнымъ собраніемъ [5]).

---

[1]) Діонисій Галикарнасскій доказываетъ, ссылкой на законъ Нумы, что законъ, дозволявшій отцу продавать сына до трехъ разъ, былъ закономъ Ромула, а не децемвировъ. Кн. II. (М.).

[2]) См. Плутарха, *Жизнеописаніе Солона.* (М.).

[3]) Римскій народъ вовсе не требовалъ *передѣла земель;* вопросъ состоялъ вовсе не въ томъ, чтобы соединить въ одно земельную собственность всѣхъ гражданъ и затѣмъ выдать каждому отцу семейства одинаковую съ другими долю изъ этого новаго имущества. Нѣтъ, чего требовали плебеи и трибуны, что было предметомъ аграрныхъ законовъ, это—раздѣлъ *общественныхъ* земель. Движеніе это преслѣдовало не химеру равенства, а надѣленіе гражданъ частью той самой земли, которую они сами завоевали какъ воины.

[4]) Это завѣщаніе, носившее названіе *in procinctu*, отличалось отъ того, которое называли *военнымъ*, и которое было введено конституціями императоровъ, leg. 1, ff. de militari testamento; оно было однимъ изъ слѣдствій ихъ заискиваній у воиновъ.

[5]) Это завѣщаніе не было письменнымъ и не требовало формальностей, sine libra et tabulis, какъ говоритъ Цицеронъ, кн. I. *Оратора.* (М.).

Большія народныя собранія происходили только два раза въ годъ. Къ тому же съ увеличеніемъ населенія увеличилось и количество дѣлъ. Поэтому найдено было удобнымъ дозволить всѣмъ гражданамъ дѣлать свои завѣщанія въ присутствіи нѣсколькихъ совершеннолѣтнихъ римскихъ гражданъ [1]), которые представляли собою народное собраніе. Брали пять человѣкъ гражданъ [2]), передъ которыми наслѣдникъ покупалъ у завѣщателя его семейство, т. е. наслѣдство [3]), другой гражданинъ держалъ вѣсы, для взвѣшиванія уплачиваемаго металла, такъ какъ римляне тогда не имѣли еще монеты [4]).

Можно предположить, что эти пять гражданъ представляли пять классовъ народа и что при этомъ не считали шестого, состоявшаго изъ людей, у которыхъ ничего не было.

Нельзя согласиться съ Юстиніаномъ, чтобы эти продажи были воображаемыя; онѣ сдѣлались воображаемыми, но вначалѣ такими не были. Большая часть законовъ, которыми впослѣдствіи опредѣлялись правила составленія завѣщанія, носятъ слѣды своего происхожденія отъ дѣйствительной продажи. Доказательства можно найти въ Фрагментахъ Ульпіана [5]). Глухой, нѣмой, расточитель не могли совершать завѣщаній; глухой,—потому что не могъ слышать словъ покупщика наслѣдства; нѣмой,—потому что не могъ произнести формулы назначенія; расточитель—потому что всякое управленіе дѣлами было ему воспрещено, и онъ не могъ продавать своего наслѣдства. Не упоминаю о другихъ примѣрахъ.

Совершаемыя въ народномъ собраніи завѣщанія были скорѣе актами государственнаго, чѣмъ гражданскаго права, болѣе актами права публичнаго, чѣмъ частнаго. Отсюда вытекало, что отецъ не могъ дозволить сыну, состоящему подъ его властью, совершить завѣщаніе.

У большинства народовъ, завѣщанія не подлежатъ бо̀льшимъ формальностямъ чѣмъ обыкновенные договоры, потому что и тѣ и другіе суть ни что иное какъ выраженіе воли совершающаго актъ и одинаково относятся къ частному праву; но у римлянъ завѣщанія, вытекая изъ публичнаго права, были обставлены бо̀льшими формальностями [6]), чѣмъ другія правовыя дѣйствія, и это сохранилось по настоящее время въ тѣхъ французскихъ провинціяхъ, которыя подлежатъ дѣйствію римскаго права.

Такъ какъ завѣщанія, какъ я уже сказалъ, были народными законами, они должны были имѣть силу велѣнія и требовали выраженій, на-

---

[1]) Instit., кн. II, ст. X, § 1; Авлъ Геллій, кн. XV, гл. XXXII. Этого рода завѣщанія назывались—per oes et libram. (М).

[2]) Ульпіанъ, ст. X, § 2. (М.).

[3]) Ѳеофилъ, *Inst.*, кн. II, ст. X. (М.).

[4]) Она появилась у нихъ только во время войны съ Пирромъ. Титъ-Ливій, повѣствуя объ осадѣ Веи, говоритъ: *nondum argentum signatum erat*, кн. IV. (М.).

[5]) Ст. XX, § 13. (М.).

[6]) Instit., кн. II, ст. X, § 1. (М.).

зываемыхъ прямыми и повелительными. Отсюда произошло правило, что нельзя ни отказывать, ни передавать своего наслѣдія иначе какъ въ выраженіяхъ повелительныхъ [1]). Поэтому, если въ извѣстныхъ случаяхъ допускалась субституція или распоряженіе о переходѣ наслѣдства отъ одного лица къ третьему лицу,—никогда не допускался фидеикомисъ [2]), т. е. нельзя было поручить кому-либо, въ формѣ просьбы, передать третьему лицу все наслѣдство или часть его.

Когда отецъ не назначалъ сына наслѣдникомъ и не лишалъ его наслѣдства, завѣщаніе теряло свою силу; но оно считалось дѣйствительнымъ, когда онъ не лишалъ наслѣдства и не назначалъ своей наслѣдницей дочь. Я понимаю, почему. Когда онъ не назначалъ своимъ наслѣдникомъ и не лишалъ наслѣдства сына, онъ причинялъ этимъ вредъ своему внуку, который наслѣдовалъ бы по закону послѣ своего отца; но, не назначая своей наслѣдницей дочь и не лишая ее наслѣдства, онъ не причинялъ вреда дѣтямъ дочери, которыя не могли наслѣдовать по закону послѣ своей матери, такъ какъ они не были ни своими наслѣдниками, ни агнатами [3]).

Законы первыхъ римлянъ о наслѣдствахъ, слѣдуя единственно духу, направлявшему раздѣлъ земель, недостаточно ограничили богатство женщинъ и оставили открытую дверь роскоши, всегда неразлучной съ богатствомъ. Между второй и третьей пунической войной начали сознавать это зло. Ему противопоставленъ былъ Воконіевъ законъ [4]). Имѣя въ виду, что законъ этотъ былъ вызванъ весьма важными причинами, что до насъ дошло мало относящихся къ нему памятниковъ и что до сихъ поръ говорилось о немъ смутно, я постараюсь его выяснить.

Цицеронъ сохранилъ намъ его отрывокъ, въ которомъ запрещается назначать женщину наслѣдницей—все равно, будетъ она замужемъ, или нѣтъ [5]).

Сокращеніе Тита-Ливія, въ которомъ говорится объ этомъ законѣ, сообщаетъ намъ не болѣе Цицерона [6]). Судя по тому, что̀ говоритъ Цицеронъ [7]) и Св. Августинъ [8]), можно заключить, что дочь и даже единственная дочь были включены въ это запрещеніе.

---

[1]) *Титій, будь моимъ наслѣдникомъ.* (М.).

[2]) Августъ, по особымъ причинамъ, сталъ разрѣшать фидеикомисы.

[3]) Ad liberos matris intestatae haereditas, lege XII tabularum, non pertinebat quia feminae suos haeredes non habent. Ulp. fragm., tit. XXI, § 7. (М.).

[4]) Его предложилъ народный трибунъ Квинтъ Воконій въ 585 г. отъ осн. Рима, 169 г. до Р. Х. См. Цицерона—«Вторую рѣчь противъ Верреса». Въ *Сокращеніи* Тита-Ливія, кн. XLI, слѣдуетъ читать Воконій вмѣсто Волюмній. (М.).

[5]) Sanxit... ne quis haeredem virginem neve mulierem faceret. Цицеронъ, «Вторая рѣчь противъ Верреса», гл. CVII. (М.).

[6]) Legem tulit, ne quis haeredem mulierem institueret. Кн. XLI. (М.).

[7]) *Вторая рѣчь противъ Верреса.* (М.).

[8]) Кн. III.

Катонъ Старшій употребилъ все свое вліяніе, чтобы добиться принятія этого закона [1]). Авлъ Геллій приводитъ отрывокъ изъ рѣчи, произнесенной имъ по этому поводу [2]). Не допуская женщинъ къ наслѣдованію, онъ хотѣлъ устранить причины роскоши, подобно тому какъ, взявъ на себя защиту Оппіева закона онъ хотѣлъ остановить самую роскошь.

Въ институтахъ Юстиніана [3]) и Θеофила [4]) говорится о главѣ Воконіева закона, ограничивавшей завѣщательную способность. Кто бъ ни читалъ этихъ авторовъ, придетъ къ заключенію, что названная глава имѣла цѣлью избѣжать такого поглощенія наслѣдства отказами (легатами), которое могло бы заставить наслѣдника отказаться отъ принятія наслѣдства. Но не въ этомъ заключалась сущность Воконіева закона. Мы видѣли сейчасъ, что цѣлью его было воспрепятствовать полученію женщинами какого бы то ни было наслѣдства. Глава этого закона, ограничивавшая право завѣщателя по назначенію отказовъ, относилась именно къ этому предмету: если бы можно было дѣлать отказы въ неограниченномъ размѣрѣ, то женщины могли бы получать въ формѣ отказовъ то, чего не могли пріобрѣтать какъ наслѣдство.

Воконіевъ законъ имѣлъ цѣлью предупредить слишкомъ большое скопленіе богатствъ въ рукахъ женщинъ. Ихъ, значитъ, слѣдовало [5]) лишать значительныхъ наслѣдствъ, а не такихъ, которыя были недостаточны для поддержанія роскоши. Законъ опредѣлялъ извѣстную сумму для выдачи женщинамъ, которыхъ онъ лишалъ наслѣдства. Цицеронъ [6]), который сообщаетъ намъ этотъ фактъ, умалчиваетъ о размѣрахъ этой суммы; но Діонъ [7]) говоритъ, что она равнялась ста тысячамъ сестерцій [8]).

Воконіевъ законъ имѣлъ цѣлью подчинить извѣстнымъ правиламъ богатство, а не бѣдность, поэтому мы и находимъ у Цицерона [9]), что его постановленія касались только тѣхъ, которые были внесены въ списки ценза.

---

[1]) Титъ-Ливій, кн. XLI. (М.).

[2]) Кн. XVI, гл. VI. (М.).

[3]) Instit., кн. II, ст. XXII. (М.).

[4]) Кн. II, ст. XXII. (М.).

[5]) Изданія А. и В. Ихъ, значитъ, слѣдовало лишать большихъ наслѣдствъ, а не такихъ, которыя были недостаточны для поддержанія роскоши. Поэтому мы и находимъ у Цицерона, что женщины не могли наслѣдовать только послѣ тѣхъ, имущество которыхъ находилось въ спискахъ ценза *).

[6]) *Nemo consuit plus Fadiæ dandum, quam posset ad eam lege Voconia pervenire.* De finibus bon. et mal., lib. II, c. LV. (М.).

[7]) *Cum lege Voconia mulieribus prohiberetur ne qua majorem centum millibus nummûm haereditatem posset adire,* lib. LVI. (М.).

[8]) Этого параграфа, отъ словъ: *законъ опредѣлялъ извѣстную сумму,* нѣтъ въ изд. А. и В., точно такъ же, какъ и девяти слѣдующихъ параграфовъ.

[9]) *Qui census esset.* Вторая рѣчь противъ Верреса. (М.).

---

*) Qui census esset; согласно объясненію Діона, кн. LVI, означаетъ того, кто имѣлъ сто тысячъ, т. е. имѣлъ первый цензъ, какъ это можно видѣть у Тита-Ливія, кн. I, и у Діонисія Галикарнасскаго.

Это обстоятельство послужили предлогомъ къ обходу закона. Извѣстно, что римляне были большіе формалисты, и мы уже говорили, что въ духѣ всякой республики держаться буквы закона. Находились отцы, которые не записывались въ цензъ, чтобы только сохранить за собою возможность передачи наслѣдства дочери, а преторы не считали Воконіевъ законъ нарушеннымъ, если не нарушалась его буква.

Нѣкто, по имени Аній Азелъ, назначилъ свою единственную дочь своей наслѣдницей. Онъ могъ это сдѣлать, говоритъ Цицеронъ,—Воконіевъ законъ не служилъ тому препятствіемъ, потому что Аній Азелъ не былъ внесенъ въ цензъ [1]). Верресъ, будучи преторомъ, лишилъ дочь Азела наслѣдства, и Цицеронъ настаиваетъ на томъ, что Верресъ былъ подкупленъ, потому что иначе онъ не нарушилъ бы порядка, которому слѣдовали другіе преторы.

Какіе же это были граждане, которые не попадали въ цензъ, предназначавшійся для всѣхъ гражданъ? Согласно установленію Сервія Туллія, приводимому Діонисіемъ Галикарнасскимъ [2]), всякій гражданинъ, не записавшійся въ цензъ, былъ обращаемъ въ рабство. Самъ Цицеронъ говоритъ, что такой человѣкъ терялъ свободу [3]). Зонаръ говоритъ то же Надо думать, что существовала разница между невнесеніемъ въ цензъ по смыслу Воконіева закона и невнесеніемъ въ цензъ по смыслу закона Сервія Туллія. Граждане, не записавшіеся въ первые пять классовъ, въ которыхъ они распредѣлялись соотвѣтственно размѣру имущества [4]), считались, по смыслу Воконіева закона, внѣ ценза; тѣ же, которые не были занесены ни въ одинъ изъ шести классовъ или не были отнесены цензорами къ числу такъ наз. aerarii, были внѣ ценза по закону Сервія Туллія.

Сила природы была такова, что отцы, чтобы только обойти Воконіевъ законъ, соглашались на позорное зачисленіе въ шестой классъ вмѣстѣ съ пролетаріями и тѣми, которые несли подушную подать,—соглашались, быть можетъ, даже поступить въ церитскіе списки [5]).

Мы уже сказали, что римское законодательство не допускало фидеикомисовъ. Надежда избѣжать Воконіева закона ввела ихъ въ употребленіе. При этомъ имущество передавалось по завѣщанію человѣку, котораго законъ признавалъ способнымъ наслѣдовать, съ просьбою передать наслѣдство третьему лицу, не имѣвшему законныхъ правъ къ наслѣдованію. Дѣйствія этого новаго способа распоряжаться своимъ имуществомъ, были весьма различны. Находились люди, которые передавали наслѣдство, и въ

---

[1]) *Census non erat.* Ibid. (M.).

[2]) Кн. IV. (M.).

[3]) In oratione pro Ceccinna. (M.).

[4]) Эти пять классовъ были настолько значительны, что иногда авторы ссылались только на нихъ (M.).

[5]) *In Caeritum tabulas referri; aerarius fieri* (M.).

этомъ отношеніи замѣчателенъ поступокъ Секста Педуцея [1]). Онъ получилъ по завѣщанію огромное наслѣдство, и не было, кромѣ него, на свѣтѣ человѣка, который бы зналъ, что оно завѣщано для передачи; но онъ отправился ко вдовѣ завѣщателя и отдалъ ей все имущество ея мужа.

Другіе оставляли наслѣдство за собою, и въ этомъ случаѣ примѣръ П. Секстилія Руфа пріобрѣлъ извѣстность, благодаря Цицерону, сославшемуся на него въ своихъ спорахъ съ эпикурейцами [2]). «Въ моей молодости», говорилъ онъ, «Секстилій обратился ко мнѣ съ просьбою сопровождать его къ его друзьямъ, чтобы узнать отъ нихъ, слѣдуетъ ли ему передать наслѣдство Квинта Фадія Галла дочери его Фадіи. Онъ созвалъ много молодыхъ людей и нѣсколько очень важныхъ особъ, и ни одинъ изъ нихъ не былъ того мнѣнія, чтобы онъ далъ Фадіи болѣе того, сколько ей слѣдовало по Воконіеву закону. Такимъ образомъ Секстилій получилъ большое наслѣдство, изъ котораго онъ не удержалъ бы ни одной сестерціи, если-бы предпочелъ то, что было справедливо и благородно, тому, что было полезно. Я могу повѣрить, прибавляетъ Цицеронъ, что вы отдали бы наслѣдство; я даже могу повѣрить, что Эпикуръ его бы отдалъ,—но вы поступили бы противъ вашихъ правилъ». Здѣсь я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній.

Таково ужъ бѣдственное состояніе человѣка, что законодатель бываетъ вынужденъ постановлять законы, которые вступаютъ въ борьбу съ естественными человѣческими чувствами. Такимъ былъ и Воконіевъ законъ. Дѣло въ томъ, что законодатель имѣетъ въ своихъ постановленіяхъ въ виду болѣе общество чѣмъ гражданина, и болѣе гражданина, чѣмъ человѣка. Названный законъ приносилъ въ жертву и гражданина и человѣка, а думалъ только объ одномъ государствѣ. Одинъ человѣкъ просилъ своего друга передать наслѣдство его дочери. Законъ пренебрегъ естественными чувствами завѣщателя; онъ пренебрегъ и чувствомъ почтенія дочери къ отцу; онъ не принялъ во вниманіе и ужаснаго положенія человѣка, которому поручена передача наслѣдства. Передавая его, онъ становился дурнымъ гражданиномъ; удерживая его—безчестнымъ человѣкомъ. Только добронравные люди думали о томъ, чтобы обойти законъ; только честнымъ людямъ можно было поручить обойти его, потому что для этого надо было одержать побѣду надъ алчностью и сластолюбіемъ — побѣду, которая бываетъ подъ силу однимъ честнымъ людямъ. Быть можетъ, было бы слишкомъ строго смотрѣть на нихъ какъ на дурныхъ гражданъ. Можно даже предположить, что законодатель въ значительной мѣрѣ достигъ бы цѣли, если бъ его законъ былъ такого свойства, что заставлялъ бы только честныхъ людей обходить его.

---

[1]) Цицеронъ: *de finib. bon. et mol.*, lib. II, c. LVIII. (M.).
[2]) *Ibid.* (M.).

Въ то время, когда вышелъ Воконіевъ законъ, нравы сохраняли еще слѣды древней чистоты. Иногда привлекалась общественная совѣсть къ интересамъ закона и требовалась присяга въ его исполненіи [1]), такъ что прямодушіе вступало, такъ сказать, въ борьбу съ прямодушіемъ. Впослѣдствіи, однако, развращеніе нравовъ достигло того, что фидеикомисы, надо думать, еще съ большимъ трудомъ достигали цѣли уклоненія отъ предписаній закона, чѣмъ самый законъ—повиновенія своимъ предписаніямъ.

Междоусобія [2]) погубили безчисленное множество гражданъ. Римъ при Августѣ почти опустѣлъ; приходилось его снова заселять. Были изданы Папіевы законы и при этомъ не упущено ничего, что могло поощрить гражданина вступить въ бракъ и имѣть дѣтей [3]). Однимъ изъ главныхъ къ тому средствъ было увеличеніе надежды на полученіе наслѣдства для тѣхъ, которые склонялись на убѣжденія закона, и уменьшеніе этой надежды для тѣхъ, которые отказывались слѣдовать имъ. Если Воконіевъ законъ объявлялъ женщинъ неспособными къ наслѣдованію, Папіевъ законъ въ извѣстныхъ случаяхъ снималъ съ нихъ это запрещеніе.

Женщины, въ особенности тѣ, которыя имѣли дѣтей, снова получили возможность наслѣдовать по завѣщанію своихъ мужей; имѣя дѣтей, онѣ могли наслѣдовать по завѣщанію постороннихъ лицъ [4]). Все это нарушало постановленія Воконіева закона; замѣчательно, однако, что отъ духа этого закона не отказались вполнѣ. Напр., Папіевъ законъ [5]) разрѣшалъ мужчинѣ, имѣвшему ребенка [6]), наслѣдовать по завѣщанію посторонняго лица все его имущество; но предоставлялъ женщинѣ то же преимущество только въ томъ случаѣ, если она имѣла троихъ дѣтей [7]).

Надо замѣтить, что Папіевъ законъ предоставилъ женщинамъ, имѣющимъ троихъ дѣтей, право наслѣдованія только по завѣщаніямъ постороннихъ лицъ; что же касается наслѣдованія послѣ родственниковъ, онъ оставилъ древніе законы и Воконіевъ законъ [8]) въ полной ихъ силѣ. Но этотъ порядокъ не удержался.

Римъ, доведенный до гибели скопленіемъ въ немъ богатствъ всѣхъ народовъ, мало-по-малу утратилъ прежніе нравы: ужъ не было больше

---

[1]) Секстилій говорилъ, что онъ поклялся соблюдать этотъ законъ. Цицеронъ de finib. bon. et mal., кн. II, гл. LV. (М.).

[2]) Отсюда продолжается текстъ въ изд. А. и В.

[3]) См. сказ. выше, въ книгѣ XXIII, гл. XXI. (М.).

[4]) См. *Фрагм.* Ульпіана, ст. XVI, § 16. (М.).

[5]) Та же разница соблюдается во многихъ другихъ постановленіяхъ Папіева закона. См. *Фрагм.* Ульпіана, §§ 4 и 5 послѣдней ст. и тамъ же въ § 6 той же ст. (М.).

[6]) Quod tibi filiolus, vel filia, nascitur, ex me... Iura parentis habes; propter me scriberis hocres. Juven., vat. IX, V. V, 83, 87. (М.).

[7]) См. Законъ 9-й, код. Θеод., *de bonis proscriptorum;* и Діона, кн. LV. См. *Фрагм.* Ульпіана, ст. послѣдн., § 6, и ст. XXIX, § 3. (М.).

[8]) *Фрагм.* Ульпіана, ст. XVI, § 1; Сазом., кн. I, гл. XIX. (М.).

рѣчи объ обузданіи роскоши женщинъ. Авлъ Гелій, жившій при Адріанѣ [1]), говоритъ, что въ его время Воконіевъ законъ былъ почти уничтоженъ: его покрыла пышность, распространившаяся среди римскихъ гражданъ. Изъ Сентенцій Павла [2]), жившаго при Нигерѣ, и изъ Фрагментовъ Ульпіана [3]), современника Александра Севера, мы узнаемъ также, что сестры со стороны отца могли уже наслѣдовать, и что только для болѣе отдаленныхъ родственниковъ существовали еще запрещенія Воконіева закона.

Древніе законы [4]) Рима начинали казаться суровыми. Преторы слѣдовали лишь указаніямъ справедливости, умѣренности и благоразумія [5]).

Мы видѣли, что по древнимъ римскимъ законамъ матери не участвовали въ наслѣдствѣ послѣ дѣтей. Воконіевъ законъ послужилъ новымъ основаніемъ къ устраненію ихъ отъ этого наслѣдованія. Но императоръ Клавдій предоставилъ матери наслѣдство послѣ дѣтей, какъ бы въ видѣ утѣшенія въ понесенной утратѣ. Сенатское постановленіе Тертуліана, состоявшееся при Адріанѣ [6]), предоставило его свободнорожденнымъ женщинамъ, если онѣ имѣли троихъ дѣтей, и вольноотпущеннымъ, если онѣ имѣли ихъ не менѣе четвёрыхъ. Ясно, что это сенатское постановленіе было лишь расширеніемъ Папіева закона, который подъ такимъ же условіемъ предоставилъ женщинамъ наслѣдованіе по завѣщанію постороннихъ лицъ. Наконецъ, Юстиніанъ [7]) предоставилъ имъ право наслѣдованія независимо отъ числа дѣтей.

Тѣ же самыя причины, которыя привели къ ограниченію закона, служившаго для женщины препятствіемъ къ наслѣдованію, мало-по-малу ниспровергли и законъ, стѣснявшій наслѣдованіе для родственниковъ съ женской стороны. Между тѣмъ эти законы вполнѣ отвѣчали духу хорошей республики, въ которой слѣдуетъ наблюдать, чтобы женщина не пользовалась съ цѣлью роскоши ни богатствами, которыя имѣетъ, ни разсчетомъ на богатства, которыя можетъ получить. Наоборотъ, такъ какъ роскошь въ монархіяхъ дѣлаетъ бракъ обременительнымъ и соединеннымъ съ большими расходами, необходимо привлекать къ нему богатствомъ, которое женщина можетъ принести [8]), и надеждою на богатства, которыя

---

[1]) Кн. XX, гл. I (М.).

[2]) Кн. IV, ст. VIII, § 3. (М.). Павелъ и Ульпіанъ были современники.

[3]) Ст. XXVI, § 6. (М.).

[4]) Изд. А. и В. Изъ дѣйствій Верреса видно, что преторы суживали и расширяли смыслъ Воконіева закона по произволу. Древніе законы и т. д.

[5]) Изд. А. и В. прибавляютъ: они обезсилили всѣ эти законы. Дѣло въ томъ, что законы часто создаютъ великое, хотя и глубоко скрытое благо и мелкія, хотя и весьма чувствительныя неудобства.

[6]) Т. е. императоръ Пій (Antoninus Pius), принявшій имя Адріана по усыновленію.

[7]) Leg. 2, cod. *de jure liberorum*, *Inst.*, lib. III, tit. III, § 4, *de senatus—consult. Tertul.* (М.).

[8]) См. выше, VII, XV.

она можетъ впослѣдствіи доставить. Поэтому, послѣ того какъ въ Римѣ утвердилась монархія, весь порядокъ наслѣдованія измѣнился. Преторы стали признавать наслѣдниками родственниковъ жены, когда не было родственниковъ со стороны мужа; тогда какъ по старымъ законамъ родственники жены никогда не наслѣдовали. Сенатское опредѣленіе Орфитія призвало дѣтей къ наслѣдованію послѣ матери, а императоры Валентиніанъ [1]), Θеодосій и Аркадій призвали внуковъ со стороны дочери къ наслѣдованію послѣ дѣда. Наконецъ, императоръ Юстиніанъ [2]) уничтожилъ послѣдніе слѣды древняго права наслѣдованія. Онъ установилъ три разряда наслѣдниковъ—нисходящихъ, восходящихъ и боковыхъ, безъ всякаго различія между мужчиной и женщиной, между родственниками по мужской и женской линіи, и отмѣнилъ всѣ различія, которыя по этому предмету еще существовали. Онъ думалъ, что слѣдуетъ самой природѣ, уклоняясь отъ всего того, что онъ называлъ путаницей древней юриспруденціи.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

О происхожденіи и измѣненіяхъ гражданскихъ законовъ у французовъ [3]).

In nova fert animus mutatas dicere formas
Corpora...

Ovid., Metam. L. I, v. 1.

ГЛАВА I.

О различномъ характерѣ законовъ у германскихъ народовъ.

Выйдя изъ родной страны, франки поручили мудрымъ людямъ изъ своего народа составленіе [4]) книги салическихъ [5]) законовъ. Племя рипуарскихъ франковъ, присоединившееся къ племени франковъ салическихъ при Хлодвигѣ [6]), сохранило свои обычаи, и Теодорихъ [7]), король

---

[1]) Leg. 9, cod. *de suis et legitimis liberis*. (M).

[2]) Leg. 12, Cod. Ibid.; Novel. 118, 127. (M.).

[3]) «Я думалъ, что не перенесу трехмѣсячной работы надъ окончаніемъ книги *О происхожденіи и измѣненіяхъ нашихъ гражданскихъ законовъ*. Прочтеніе ея займетъ всего часа три; но, увѣряю васъ, она мнѣ стоила столько работы, что волосы на моей головѣ побѣлѣли» (Письмо Монтескье къ монсеньеру Черати, отъ 28 марта 1748 г.).

[4]) См. введеніе въ салическій законъ. Г-нъ де-Лейбницъ, въ своемъ трактатѣ *О происхожденіи франковъ* говоритъ, что этотъ законъ былъ составленъ ранѣе царствованія Хлодвига; но онъ не могъ быть составленъ ранѣе выхода франковъ изъ Германіи, такъ какъ они въ то время еще не знали латинскаго языка. (M.).

[5]) См. выше, кн. XVIII, гл. XIII.

[6]) См. Григорія Турскаго. (M.).

[7]) См. введеніе въ законъ баварскій и законъ салическій. (M.).

Австразіи, приказалъ записать ихъ. Онъ собралъ [1]) также обычаи подвластныхъ ему баварцевъ и аллемановъ: послѣ того какъ Германія была обезсилена выходомъ изъ нея столь многихъ народовъ, франки, покоривъ страны, лежавшія передъ ними, отступили, чтобы подчинить себѣ лѣса своихъ предковъ. Кажется, тюрингенскій кодексъ [2]) былъ данъ тѣмъ же Теодорихомъ, такъ какъ тюрингенцы были также его подданными. Фризы были покорены Карломъ Мартеломъ и Пипиномъ, и ихъ [3]) законы не восходятъ раньше этой эпохи. Карлъ Великій, который впервые укротилъ саксовъ, далъ имъ законы, которые мы имѣемъ. Стоитъ прочесть два послѣдніе свода, чтобы убѣдиться, что они вышли изъ рукъ побѣдителя. Вестготы, бургунды и лонгобарды, основавъ государства, записали свои законы,—но не для того, чтобы сдѣлать свои обычаи обязательными для покоренныхъ народовъ, а чтобы самимъ соблюдать ихъ.

Въ этихъ законахъ салическихъ и рипуарскихъ, въ законахъ аллемановъ, баварцевъ, тюрингенцевъ и фризовъ замѣчается дивная простота. Въ нихъ мы находимъ своеобразную суровость и настроеніе духа, не ослабленное вліяніемъ какого-либо посторонняго духа. Они мало измѣнились, потому что всѣ эти народы, за исключеніемъ франковъ, остались въ Германіи. Сами франки основали въ ней значительную часть своихъ владѣній, и потому ихъ законы оставались вполнѣ германскими. Не то было съ законами вестготовъ, лонгобардовъ и бургундовъ: они въ значительной мѣрѣ утратили свой первоначальный характеръ, потому что народы эти, поселившись на новыхъ мѣстахъ, сами значительно измѣнились въ своемъ характерѣ. Существованіе бургундскаго королевства не было достаточно продолжительно, чтобы законы народа-завоевателя могли подвергнуться значительнымъ измѣненіямъ. Гундобальдъ и Сигизмундъ, собравшіе обычаи этого народа, были почти послѣдними его королями. Законы лонгобардовъ были скорѣе дополнены чѣмъ измѣнены. За законами Ротариса слѣдовали законы Гримуальда Луитпранда, Рахиса, Айстульфа; но они не приняли новой формы. Не то было съ законами вестготовъ [4]): вестготскіе короли видоизмѣняли ихъ сами и предоставляли видоизмѣнять ихъ духовенству.

Короли первой династіи исключили [5]) изъ законовъ салическихъ и рипуарскихъ то, что не могло быть согласовано съ христіанствомъ; но

---

[1]) Ibid. (M.).

[2]) Lex Angliorum Werinorum, hoc est, Thuringorum. (M.).

[3]) Имъ еще неизвѣстно было письмо. (M.).

[4]) Эрикъ далъ ихъ, Левигильдъ ихъ исправилъ. См. *Хронику* Исидора. Шендасуиндъ и Ресессуиндъ ихъ реформировали. Эгика издалъ ихъ сводъ, который мы имѣемъ, и составленіе котораго онъ поручилъ епископамъ. Тѣмъ не менѣе удержаны были законы Шендасуинда и Ресессуинда, если судить по постановленіямъ шестнадцатаго собора въ Толедо.

[5]) См. введеніе въ баварскій законъ. (M.).

оставили неприкосновенною ихъ сущность, чего нельзя сказать о законахъ вестготовъ.

Законы бургундовъ и, въ особенности, вестготовъ допустили тѣлесныя наказанія. Законы салическіе и рипуарскіе отвергли ихъ [1]); они лучше сохранили свой характеръ.

Бургунды и вестготы, владѣнія которыхъ подвергались большимъ опасностямъ, искали сближенія съ коренными жителями и ввели у нихъ самые безпристрастные законы [2]); но франкскіе короли, увѣренные въ своемъ могуществѣ, не дѣлали [3]) этихъ послабленій.

Саксы, находившіеся подъ властью франковъ, отличались неукротимымъ нравомъ и обнаруживали настойчивую склонность къ возстаніямъ. Поэтому мы находимъ въ ихъ [4]) законахъ слѣды, оставленные суровымъ побѣдителемъ, которыхъ не видимъ въ другихъ кодексахъ варваровъ.

Въ нихъ духъ германскихъ законовъ обнаруживается въ денежныхъ пеняхъ, а духъ побѣдителя—въ тѣлесныхъ наказаніяхъ.

Преступленія, совершенныя саксами въ предѣлахъ ихъ страны, подлежали тѣлеснымъ наказаніямъ; а духъ германскихъ законовъ сохранялся только въ наказаніяхъ за преступленія, совершенныя внѣ предѣловъ ихъ территоріи.

Законъ объявляетъ имъ, что въ своихъ преступленіяхъ они никогда не будутъ пользоваться миромъ, и отказываетъ имъ даже въ церковномъ убѣжищѣ.

Епископы пользовались очень большимъ вліяніемъ при дворѣ вестготскихъ королей; важнѣйшія дѣла рѣшались на соборахъ. Мы обязаны вестготскому кодексу всѣми правилами, принципами и всѣми понятіями современнаго слѣдствія [5]), и впослѣдствіи монахи буквально примѣняли къ евреямъ эти законы, составленные нѣкогда епископами [6]).

Вообще, законы Гундобальда, предназначенные для бургундовъ, кажутся довольно разсудительными; законы Ротариса и другихъ лонгобардскихъ государей обнаруживаютъ еще болѣе благоразумія [7]); но законы вестготовъ, законы Ресессуинда, Шендасуинда и Эгиги могутъ быть названы ребяческими, нескладными и безсмысленными: они не достигаютъ

---

[1]) Они встрѣчаются лишь въ нѣсколькихъ декретахъ Хильдеберта. (М.).

[2]) См. введеніе въ бургундскій кодексъ и самый кодексъ, въ особенности ст. XII, § 5 и ст. XXXVIII. См. также Григорія Турскаго, кн. II, гл. XXXIII и кодексъ вестготовъ (М.).

[3]) См. ниже, гл. III. (М.),

[4]) См. гл. II, §§ 8 и 9; гл. IV, §§ 2 и 7. (М.).—Смертная казнь тѣмъ, которые отказываются принять крещеніе, и тѣмъ, которые приносятъ человѣка въ жертву дьяволу.

[5]) Законъ вестготовъ заимствовалъ свое слѣдственное судопроизводство изъ законовъ римской имперіи.

[6]) Противъ вестготовъ.

[7]) См. кн. XXX, гл. XIX.

цѣли, исполнены риторики и лишены смысла; легкомысленные по содержанію, они чудовищны по слогу [1]).

ГЛАВА II.

Всѣ законы варваровъ были законами личными.

Всѣ эти законы варваровъ имѣли ту особенность, что не были пріурочены къ какой-либо опредѣленной территоріи. Франкъ судился по закону франковъ, аллеманъ—по закону аллемановъ, бургундъ—по закону бургундскому и римлянинъ—по римскому, и въ тѣ времена не только никто не помышлялъ объ объединеніи законовъ народа побѣдителя, но никому и въ голову не приходило сдѣлаться законодателемъ народа побѣжденнаго.

Причину этому я нахожу въ нравахъ германскихъ народовъ. Народы эти были разъединены болотами, озерами и лѣсами. Мы видимъ еще у Цезаря [2]), что они любили жить особнякомъ. Страхъ передъ римлянами заставилъ ихъ соединиться. Каждый человѣкъ въ этой смѣси племенъ долженъ былъ судиться по обычаю и праву своего племени. Всѣ эти народы въ отдѣльности были свободны и независимы, и, соединившись, не утратили еще своей независимости [3]). Отечество было общее, а государство отдѣльное; территорія одна, а племена разныя. Духъ партикулярнаго закона, существовавшій у этихъ народовъ, прежде чѣмъ они оставили свою страну, былъ ими перенесенъ и въ страны, ими завоеванныя. Этотъ обычай мы находимъ установленнымъ въ формулахъ Маркульфа, въ сводахъ законовъ варваровъ, особенно въ законахъ рипуаровъ [4]), въ декретахъ [5]) королей первой династіи, откуда произошли капитуляріи, изданные по этому предмету при второй династіи [6]). Дѣти [7]) слѣдовали закону отца, жены [8])—мужа, вдовы [9]) возвращались къ своему пер-

---

[1]) Авторъ слишкомъ строгъ къ законамъ вестготовъ. Можно подумать, что онъ смѣшалъ нѣкоторыя напыщенныя предисловія къ законамъ съ самыми законами, которые вообще вполнѣ разумны. Не заслуживаетъ ли вниманія, что эти законы, переведенные на испанскій языкъ подъ именемъ *Fuer Juzgo (Forum judicum)*, пережили всѣ средніе вѣка и до сихъ составляютъ основаніе испанскаго права? Найдется ли другой законъ варваровъ, который прожилъ бы или заслуживалъ прожить столь долгое время?

[2]) De bello gallico, lib. VI. (М.).

[3]) Кн. I, форм. VIII. (М.).

[4]) Гл. XXX. (М.).

[5]) Декретъ Клотаря отъ 560 г. въ изд. *Капитуляріевъ* Балюза (Baluze). т. I, ст. 4; ibid., in fine. (М.).

[6]) Капитуляріи, присоединенные къ закон. лонгобардовъ, кн. I, ст. XXV. гл. LXXI; кн. II, ст. XLI, гл. VII; ст. LVI, гл. I и II. (М.).

[7]) Ibid., кн. II, ст. V. (М.).

[8]) Ibid., кн. II, ст. VII, гл. I. (М.).

[9]) Ibid., гл. II. (М.).

воначальному закону, вольноотпущенные [1]) слѣдовали закону патрона. Но это еще не все: всякій могъ избирать законъ по желанію; постановленіе Лотаря I [2]) требовало, чтобы такой выборъ объявлялся публично.

ГЛАВА III.

Основное различіе между салическими законами и законами вестготовъ и бургундовъ.

Я уже сказалъ [3]), что законы бургундовъ и вестготовъ были безпристрастны; но не таковъ былъ салическій законъ: онъ установилъ между франками и римлянами самыя обидныя различія. За убійство [4]) франка, варвара или человѣка, живущаго подъ защитою салическаго закона, уплачивалась его родственникамъ пеня въ 200 солидовъ; пеня въ сто солидовъ за убитаго римлянина-собственника [5]), и только въ сорокъ пять солидовъ за римлянина-данника. Пеня за убійство франка-королевскаго вассала [6]) полагалась въ 600 солидовъ, а римлянина - королевскаго [7]) гостя [8])—только въ триста солидовъ. Итакъ, законъ ставилъ жестокое различіе между сеньоромъ франкомъ и сеньоромъ римляниномъ, а равно франкомъ и римляниномъ низшихъ классовъ.

Этого мало. Если кто, собравъ толпу [9]), нападалъ на франка въ его собственномъ домѣ и убивалъ его, то платилъ, по опредѣленію салическаго закона, 600 солидовъ пени; но если нападали на римлянина или отпущенника [10]), то платили лишь половину этой пени. По тому же закону, если римлянинъ заключалъ франка въ оковы, то долженъ былъ платать тридцать солидовъ пени; но если франкъ заключалъ въ оковы римлянина, то платилъ ему только пятнадцать солидовъ. Франкъ, ограбленный римляниномъ, получалъ шестьдесятъ два съ половиною солида пени, а римлянинъ, ограбленный франкомъ—только тридцать. Все это было весьма тягостно для римлянъ.

---

[1]) Ibid., кн. II, ст. XXXV, гл. II. (М.).

[2]) Законъ лонгобардовъ, кн. II, ст. XXXVII. (М.).

[3]) См. главу I наст. книги. (М.).

[4]) Салическій законъ, ст. XLIV, § 1. (М.). Золотой солидъ (или су) составлялъ цѣну одного быка.

[5]) *Qui res in pago ubi remanet proprias habet.* Салич. законъ, ст. XLIV- § 15; см. также § 7. (М.).

[6]) *Qui in truste dominica est*, ibid., ст. XLIV, § 4. (М.).

[7]) *Si Romanus homo conviva regis fuerit.* Ibid., § 6. (М.).

[8]) Знатные римляне поступали ко двору, какъ это видно изъ жизнеописа, ній многихъ епископовъ, которые были воспитаны при дворѣ. Кромѣ римлянъ, почти никто не умѣлъ въ то время писать. (М.).

[9]) Салич. законъ, ст. XLV. (М.).

[10]) *Lidus*, положеніе котораго было выше крѣпостного. Зак. аллемановъ, гл. XCV. (М.).

[11]) Ст. XXXV, §§ 3 и 4. (М.).

И при всемъ томъ мы встрѣчаемъ знаменитаго [1]) писателя, который излагаетъ свой особый взглядъ на «Водвореніе франковъ въ Галліи», исходя изъ предположенія, что франки были лучшими друзьями римлянъ. Итакъ, тѣ самые франки, которые причиняли римлянамъ и терпѣли отъ нихъ [2]) самыя ужасныя бѣдствія, были лучшими ихъ друзьями? Франки, подчинившіе себѣ римлянъ силою оружія и затѣмъ равнодушно угнетавшіе ихъ силою своихъ законовъ, были лучшими ихъ друзьями? Да, они были столько же друзьями римлянъ, сколько татары, покорившіе Китай, были друзьями китайцевъ.

Если нѣсколько католическихъ епископовъ задумали воспользоваться франками для истребленія королей-аріанъ, то слѣдуетъ-ли изъ этого, что они хотѣли жить подъ властью варварскихъ народовъ? Можно-ли изъ этого заключить, что франки оказывали особое вниманіе римлянамъ? Я-бъ вывелъ изъ всего этого совсѣмъ иное заключеніе, а именно: чѣмъ болѣе франки были увѣрены въ римлянахъ, тѣмъ менѣе они щадили ихъ.

Но аббатъ Дюбо черпалъ свои свѣдѣнія изъ непригодныхъ для историка источниковъ—у поэтовъ и ораторовъ: нельзя строить цѣлую систему на произведеніяхъ, исполненныхъ тщеславія.

ГЛАВА IV.

Какимъ образомъ римское право исчезло въ земляхъ франкскихъ и сохранилось въ земляхъ готскихъ и бургундскихъ.

Сказанное мною выше послужитъ къ уясненію нѣкоторыхъ обстоятельствъ, которыя до сихъ поръ были покрыты совершеннымъ мракомъ.

Страна, которую теперь называютъ Франціей, управлялась во время королей первой династіи римскимъ правомъ, или кодексомъ Ѳеодосія, а также разными законами варваровъ [3]), которые ее населяли.

Во владѣніяхъ франковъ салическій законъ предназначался для франковъ, а кодексъ [4]) Ѳеодосія — для римлянъ. Во владѣніяхъ вестготовъ спорныя дѣла между римлянами разрѣшались на основаніи компиляціи (кодекса) Ѳеодосія, составленной по приказанію Алариха [5]), а спорныя дѣла между вестготами—на основаніи народныхъ обычаевъ, записанныхъ по распоряженію Эрика [6]).

Но почему салическіе законы сдѣлались почти господствующими въ странѣ франковъ и почему римское право мало-по-малу исчезло въ нихъ,

---

[1]) Аббатъ Дюбо (Dubos). Книга появилась въ 1734 г.; 2 тома in—4-ое.

[2]) Доказательство—экспедиція Арбогаста у Григорія Турскаго, *Исторія*, кн. II. (М.).

[3]) Франковъ, вестготовъ и бургундовъ. (М.).

[4]) Онъ былъ оконченъ въ 438 году. (М.).

[5]) Въ двадцатый годъ его царствованія и обнародованный два года спустя Аніаномъ, какъ это видно изъ предисловія къ кодексу. (М.).

[6]) Въ 504 г. испанской эры. *Хроника* Исидора. (М.).

тогда какъ во владѣніяхъ вестготовъ дѣйствіе его распространилось и сдѣлалось всеобщимъ?

Я говорю, что римское право вышло изъ употребленія у франковъ по причинѣ тѣхъ преимуществъ, которыми пользовался франкъ [1]), варваръ и вообще всякій, жившій подъ властью салическаго закона. Всѣ стремились покинуть римское право для салическаго закона. Оно было удержано только духовенствомъ [2]), потому что перемѣна не имѣла для него никакого интереса. Различіе состояній и общественныхъ положеній заключалось лишь въ различныхъ размѣрахъ пени, какъ я это объясню ниже. Особыми законами [3]) для духовенства были установлены пени, столь же выгодныя какъ и тѣ, которыми пользовались франки, — оно и сохранило римское право, которое не представляло для него никакихъ невыгодъ и болѣе соотвѣтствовало его положенію, какъ произведеніе христіанскихъ императоровъ.

Съ другой стороны, въ странахъ, унаслѣдованныхъ вестготами, законъ вестготскій [4]) не давалъ вестготамъ никакихъ преимуществъ передъ римлянами; римлянамъ не было никакого интереса перейти изъ-подъ власти одного закона подъ власть другого, поэтому они сохранили свои законы и не приняли законовъ вестготовъ.

Все это подтверждается послѣдующими событіями. Законъ Гундобальда отличался безпристрастіемъ и не давалъ никакихъ преимуществъ бургундамъ передъ римлянами. Изъ предисловія къ этому закону можно заключить, что онъ былъ составленъ для бургундовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и для рѣшенія дѣлъ, возникающихъ между римлянами и бургундами. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ составъ суда былъ смѣшанный: одна половина его состояла изъ римлянъ, другая—изъ бургундовъ. Порядокъ этотъ былъ нуженъ по особымъ соображеніямъ, основаннымъ на политическихъ отношеніяхъ [5]) того времени. Римское право продолжало существовать въ Бургундіи для рѣшенія споровъ, возникавшихъ между римлянами. Эти

---

[1]) *Francum aut barbarum, aut hominem qui salica lege vivit.* Салич. законъ, ст. XLV, § 1. (М.).

[2]) *Согласно римскому закону, которому слѣдуетъ церковь,* сказано въ законѣ рипуаріевъ, ст. LVIII, § 1. См. также безчисленное множество авторитетныхъ по этому предмету указаній, приведенныхъ у Г. Дюканжа подъ словами *Lex romana.* (М.).

[3]) См. Капитуляріи, приложенные къ салическому закону, въ концѣ этого закона, у Линденбруха, и различные кодексы законовъ варваровъ, гдѣ они говорятъ о привилегіяхъ духовенства въ этомъ отношеніи. См. также письмо Карла В. къ сыну его Пипину, королю Италіи, отъ 807 г., въ изданіи Балюза, т. I, стр. 462, въ которомъ говорится, что одно духовное лицо должно получить тройную пеню; также собраніе капитуляріевъ, кн. V, ст. 302, томъ I, изд. Балюза. (М.).

[4]) См. этотъ законъ. (М.).

[5]) Я буду говорить объ этомъ въ другомъ мѣстѣ, кн. XXX, гл. VI, VII, VIII и IX. (М.).

послѣдніе не имѣли никакого основанія покидать свой законъ, какъ они то дѣлали въ странѣ франковъ—тѣмъ менѣе, что салическій законъ не былъ введенъ въ Бургундіи, если судить по знаменитому письму Агобарда къ Людовику Благочестивому.

Агобардъ [1]) просилъ этого государя о введеніи салическаго закона въ Бургундіи,—слѣдовательно, законъ этотъ не былъ тамъ введенъ. Такимъ образомъ римское право удержалось и до сихъ поръ держится въ столь многихъ провинціяхъ, находившихся нѣкогда въ зависимости отъ этого королевства.

Римское право и законъ готовъ удержались такимъ же порядкомъ въ странѣ, занятой когда-то готами. Салическій законъ никогда не былъ въ ней принятъ. Послѣ того какъ Пипинъ и Карлъ Мартелъ изгнали изъ нея сарацинов, города и провинціи, подчинившіеся этимъ государямъ [2]), просили оставить имъ ихъ законы и получили на то согласіе, что вскорѣ и заставило всѣхъ смотрѣть на римское право какъ на дѣйствующій и территоріальный законъ въ этихъ странахъ, вопреки обычаю тѣхъ временъ, по которому всѣ законы имѣли личный характеръ.

Это доказывается эдиктомъ Карла Лысаго, даннымъ въ Пистѣ въ 864 г. Въ немъ различаются [3]) страны, подлежащія суду по римскому праву, отъ странъ, въ которыхъ римское право не дѣйствовало.

Эдиктъ этотъ [4]) доказываетъ, во-первыхъ, что были страны, которыя судились по римскому закону, и были такія, въ которыхъ по этому закону не судились; во-вторыхъ, что страны, въ которыхъ судились по римскому [5]) закону, были тѣ самыя, въ которыхъ по настоящее время существуетъ этотъ законъ, какъ это слѣдуетъ изъ того же эдикта. Такимъ образомъ, различіе между Франціей, слѣдовавшей обычному праву и Франціей, слѣдовавшей писанному праву, было установлено уже во время этого эдикта.

Я говорилъ, что въ началѣ существованія монархіи всѣ законы были

---

[1]) Agob. *Opera.* (M.).

[2]) См. Gervais de Tilburi, въ собраніи Дюшена т. III, стр. 366: *Facta pactione cum Francis, quod illic Gothi patriis legibus, moribus paternis vivant. Et sic Narbonensis provincia Pippino subjicitur.* Также хронику 759 г., на которую ссылается Catel: Hist. du Languedoc [*]), а равно неизвѣстн. автора жизни Людовика Благочестиваго, котор. говоритъ о поданной народами Септиманіи просьбѣ въ собраніи въ *Carisiaco*, Дюшена, т. II, стр. 316. (M.).

[3]) *In illa terra in qua jupicia secundum legem romanum terminantur, secundum ipsam legem judicetur; et in illa terra inqua*, etc. art. 16. См. также art. 20.

[4]) *Pistis, locus super Sequanam, ubi aliquadir sedes fuit Normannorum.* (Synod. Pist. Ed. *Capitulaires.* Балюза).

[5]) См. art. 12, 16, *Cavilono*, *in Narbona*, etc. (M.)

---

[*]) A. B. даетъ въ примѣчаніи это мѣсто хроники: Franci Narbonam obsident datoque sacramento Gothis, ut civitatem traderent partibus Pipini, permitterent eos legem suam habere; quo facto Gothi Saracenos occiderunt, et civitatem partibus Pipini reddiderunt.

личными, и если пистскій эдиктъ отличаетъ страны, въ которыхъ дѣйствовало римское право, отъ странъ, въ которыхъ оно не дѣйствовало, то это значитъ, что въ этихъ послѣднихъ почти всѣ предпочитали жить подъ властью закона какого-либо изъ варварскихъ народовъ, и не оставалось почти никого, кто отдавалъ бы предпочтеніе римскому праву; что въ странахъ, въ которыхъ господствовалъ римскій законъ, было мало людей, которые предпочитали бы ему законы варваровъ.

Я знаю, что вещи, о которыхъ я здѣсь говорю, новы; но, если онѣ вѣрны, онѣ очень древни. Въ сущности, не все-ли равно, высказываю ихъ я, или Валуа [1]) и Биньоны [2])!

ГЛАВА V.

Продолженіе о томъ-же предметѣ.

Законъ Гундобальда долго дѣйствовалъ въ Бургундіи совмѣстно съ римскимъ закономъ; онъ былъ въ дѣйствіи еще во время Людовика Благочестиваго: письмо Агобарда не оставляетъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Точно также, хотя пистскій эдиктъ и называетъ страну, которая была занята вестготами, страною римскаго закона, законъ вестготовъ продолжалъ дѣйствовать въ ней, что доказывается постановленіями съѣзда въ Труа при Людовикѣ Косноязычномъ въ 878 году, т.-е. четырнадцать лѣтъ спустя послѣ пистскаго эдикта.

Впослѣдствіи, однако, законы готовъ и бургундовъ погибли въ ихъ собственныхъ странахъ по общимъ причинамъ [3]), которыми обусловливалось повсемѣстное исчезновеніе личныхъ законовъ варваровъ.

ГЛАВА VI.

Какимъ образомъ римское право сохранилось въ странѣ лонгобардовъ.

Все подчиняется этимъ началамъ. Законъ лонгобардовъ былъ безпристрастенъ, и римляне не имѣли никакого интереса оставить свой законъ и принять законъ лонгобардовъ. Причина, побудившая римлянъ, находившихся подъ властью франковъ, избрать салическій законъ, не имѣла мѣста въ Италіи, и риское право держалось въ ней рядомъ съ закономъ лонгобардовъ.

Вышло даже такъ, что этотъ послѣдній законъ уступилъ римскому праву и пересталъ быть закономъ господствующаго народа. Хотя онъ и

---

[1]) Адріанъ де Валуа (1607—1697), авторъ *Gesta Francorum*, 1646—1658, 3 т. in-f°.

[2]) Жеромъ Биньонъ (1589—1656), издатель формулъ Маркульфа, авторъ книги: *L' Excellence des Rois et du Royaume de France* и т. д., прозванный *французскимъ Варрономъ*.

[3]) См. ниже, главы IX, X и XI. (М.).

продолжалъ быть закономъ высшаго дворянства, но послѣ того какъ бо́льшая часть городовъ преобразовалась въ республики, это дворянство пало или было истреблено [1]). Граждане новыхъ республикъ совсѣмъ не были расположены принять законъ, который признавалъ обычай судебнаго поединка и установленія котораго во многомъ держались нравовъ и обычаевъ рыцарства. Такъ какъ и духовенство, съ тѣхъ поръ столь могущественное въ Италіи, почти все признавало авторитетъ римскаго закона, то число послѣдователей лонгобардскаго закона должно было постоянно уменьшаться.

Кромѣ того, законъ лонгобардовъ не обладалъ величіемъ римскаго права, которое вызывало въ итальянцѣ воспоминаніе о господствѣ Рима надъ всею землею; ему недоставало его широты. Законъ лонгобардовъ и римскій законъ могли теперь служить лишь къ тому, чтобы возмѣстить собою недостатокъ въ статутахъ для городовъ, ставшихъ республиками; но что въ состояніи было сдѣлать это лучше: законъ ли лонгобардовъ, постановленія котораго касались лишь немногихъ случаевъ, или римскій законъ, обнимавшій собою все?

ГЛАВА VII.

Какимъ образомъ римское право исчезло въ Испаніи.

Иначе происходило дѣло въ Испаніи. Законъ вестготовъ въ ней восторжествовалъ, а римское право погибло. Шендасуиндъ [2]) и Ресессуиндъ [3]) отмѣнили римскіе законы и не позволили даже ссылаться на нихъ въ судахъ. Кромѣ того, Ресессуиндъ былъ авторомъ [4]) закона, отмѣнившаго запрещеніе браковъ между готами и римлянами. Ясно, что оба закона запечатлѣны однимъ и тѣмъ же духомъ: Ресессуиндъ хотѣлъ устранить главнѣйшіе поводы къ раздѣленію, существовавшему между готами и римлянами: полагалось, что ничто ихъ такъ не разъединяло какъ запрещеніе вступать между собою въ бракъ и дозволеніе жить подъ властью разныхъ законовъ.

Но хотя вестготскіе короли и отмѣнили римское право, оно продолжало существовать въ ихъ владѣніяхъ въ южной Галліи. Эти области, удаленныя отъ центра монархіи, пользовались большою независимостью [5]). Изъ исторіи Вамбы, вступившаго на престолъ въ 672 году, видно, что

---

[1]) См., что говоритъ Макіавель объ уничтоженіи древняго дворянства во Флоренціи. (М.).

[2]) Онъ началъ царствовать въ 642 г. (М.).

[3]) *Мы болѣе не желаемъ, чтобы намъ докучали какъ иностранными такъ и римскими законами.* Законы вестготовъ, кн. II, ст. I, §§ 9 и 10. (М.).

[4]) *Ut tam Gotho Romanam quam Romano Gotham matrimonio liceat sociari.* Закон. вестготовъ, кн. III, ст. I, гл. I. (М.).

[5]) См. у Кассіодора, какъ снисходительно относился къ нимъ Теодорихъ, король остготовъ, славнѣйшій изъ тогдашнихъ государей; кн. IV, 19 и 26. (М.).

въ нихъ туземное населеніе взяло верхъ [1]); поэтому и римскій законъ пользовался здѣсь бо̀льшимъ авторитетомъ, чѣмъ готскій. Испанскіе законы не соотвѣтствовали ни нравамъ населенія, ни положенію, въ которомъ оно находилось. Быть можетъ также, народъ упорно держался римскаго закона потому, что соединялъ съ нимъ идею своей свободы. Мало того. Законы Шендасуинда и Ресессуинда заключали въ себѣ жестокія предписанія противъ евреевъ; между тѣмъ евреи были очень могущественны въ южной Галліи. Авторъ исторіи короля Вамбы называетъ эти провинціи непотребнымъ домомъ евреевъ. Сарацины пришли сюда, потому что ихъ призвали; кто могъ призвать ихъ, кромѣ евреевъ или римлянъ? Готы первые подверглись угнетенію, потому что были господствующимъ народомъ. Изъ Прокопа [2]) видно, что бѣдственное положеніе заставляло ихъ уходить изъ Нарбонской Галліи въ Испанію. Несомнѣнно, что во время этихъ несчастій они скрылись въ тѣхъ частяхъ Испаніи, которыя еще защищались. Такимъ образомъ число послѣдователей вестготскаго закона въ южной Галліи сильно уменьшилось.

ГЛАВА VIII.

Ложный капитулярій.

Пришла же въ голову жалкаго компилятора, Бенуа Левита, мысль преобразовать вестготскій законъ, воспрещавшій употребленіе римскаго права, въ капитулярій [3]), приписанный впослѣдствіи Карлу Великому! Изъ этого частнаго закона онъ сдѣлалъ законъ общій, какъ бы желая истребить римское право на всемъ свѣтѣ.

ГЛАВА IX.

Какъ исчезли законы варваровъ и капитуляріи.

Законы салическіе, рипуаріевъ, бургундовъ и вестготовъ вышли мало-по-малу изъ употребленія у франковъ; вотъ какъ это произошло.

Послѣ того какъ первые лены сдѣлались наслѣдственными и распространилась система подчиненныхъ имъ леновъ (arrière-fiefs), возникло множество обычаевъ, къ которымъ эти законы не были примѣнимы. Правда, удержанъ былъ ихъ духъ, который заключался въ томъ, чтобы

---

[1]) Возстаніе этихъ провинцій имѣло характеръ совершеннаго ихъ отпаденія, какъ это видно изъ приговора, приложеннаго въ концѣ исторіи. Павелъ и его единомышленники были римляне; имъ даже покровительствовали епископы. Вамба не рѣшился казнить побѣжденныхъ имъ бунтовщиковъ. Авторъ исторіи называетъ Нарбонскую Галлію питомникомъ крамолы. (М.).

[2]) Gothi qui cladi superfuerant, ex Gallia cum uxoribus liberisque egressi, in Hispaniam ad Teudim jam palam tyrannum se receperunt.. De bello Gothorum, liv. I, chap. XIII. (М.).

[3]) *Капитуляріи*, изд. Балюза, кн. VI, гл. CCCXLIII, стр. 981, т. I. (М.).

разрѣшать наибольшую часть дѣлъ наложеніемъ пеней; но такъ какъ цѣнность денегъ несомнѣнно измѣнилась, то измѣнились и размѣры денежныхъ штрафовъ, и мы находимъ множество хартій [1]), въ которыхъ сеньеры опредѣляютъ величину этихъ штрафовъ, платимыхъ въ ихъ малыхъ судахъ. Такимъ образомъ, они слѣдовали духу закона, хотя и не слѣдовали самому закону.

Кромѣ того, такъ какъ Франція дѣлилась на безчисленное множество мелкихъ владѣній, которыя признавали зависимость феодальную предпочтительно предъ зависимостью политическою, было очень трудно обезпечить авторитетъ за какимъ-либо однимъ закономъ. Въ сущности не было возможности заставить исполнять его. Уже вышелъ изъ употребленія обычай посылать въ провинціи чрезвычайныхъ королевскихъ уполномоченныхъ [2]) для наблюденія за отправленіемъ суда и ходамъ политическихъ дѣлъ. Изъ хартій слѣдуетъ даже заключить, что государи сами лишали себя этого права при установленіи новыхъ леновъ. Такимъ образомъ, послѣ того какъ почти вся территорія была обращена въ ленъ, нельзя ужъ было болѣе употреблять этихъ уполномоченныхъ; не было болѣе общаго закона, потому что не было никого, кто бы могъ заставить соблюдать этотъ общій законъ.

Законы салическіе, бургундскіе и вестготскіе находились въ большомъ пренебреженіи къ концу царствованія государей второй династіи, а въ началѣ третьей о нихъ ужъ не было слышно.

При государяхъ двухъ первыхъ династій часто созывались народныя собранія, т. е. собранія сеньеровъ и епископовъ (о коммунахъ не было еще и рѣчи). Въ этихъ собраніяхъ старались опредѣлить положеніе духовенства, которое было сословіемъ, образующимся, такъ сказать, подъ защитой побѣдителя и само установляло свои прерогативы. Постановляемые въ этихъ собраніяхъ законы и были то, что мы называемъ капитуляріями. Отсюда четыре слѣдствія: установились законы о ленахъ и значительная часть церковныхъ имуществъ стала управляться по этимъ законамъ; духовенство еще болѣе обособилось и стало относиться пренебрежительно [3]) къ законодательнымъ преобразованіямъ, если только не являлось въ нихъ въ роли единственнаго преобразователя; были составлены [4]) сборники соборныхъ каноновъ и папскихъ декреталій; духовен-

[1]) См. де ла Томасьеръ: *Древніе обычаи Берри,* гдѣ собраны многія изъ нихъ, наприм., въ гл. LXI, LXVI, и друг. (М).

[2]) Missi dominici (М.).

[3]) «Чтобы епископы», говоритъ Карлъ Лысый въ капитуляріи 844 г., ст. 8. «подъ предлогомъ, что имѣютъ право издавать каноны, не стали противиться этому постановленію или пренебрегать имъ». Онъ какъ будто уже предвидѣлъ его паденіе. (М.).

[4]) Въ собраніе каноновъ было введено безчисленное множество папскихъ декреталій. Въ древнемъ собраніи ихъ было очень мало. Діонисій Малый многія изъ нихъ внесъ въ свое собраніе, а Исидоръ Меркаторъ переполнилъ свое

ство приняло эти законы какъ бы происходящіе изъ болѣе чистаго источника. Со времени учрежденія большихъ леновъ, государи, какъ я уже сказалъ, не посылали болѣе своихъ уполномоченныхъ въ провинціи для наблюденія за исполненіемъ исходившихъ отъ нихъ законовъ. Такимъ образомъ, при государяхъ третьей династіи не было уже болѣе рѣчи о капитуляріяхъ.

ГЛАВА X.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Много капитуляріевъ было присоединено къ закону лонгобардскому, салическому и баварскому. Старались найти этому причину. Она заключается въ существѣ самого дѣла. Капитуляріи были разнаго рода. Одни изъ нихъ относились къ политическому управленію, другіе къ экономическому, бо́льшая часть къ управленію церковному, нѣкоторые къ управленію гражданскому. Эти послѣдніе были присоединены къ гражданскому закону, т. е. къ законамъ отдѣльныхъ націй. Поэтому-то и говорится въ капитуляріяхъ, что въ нихъ не постановлено [1]) ничего, что было-бы противно римскому закону. Дѣйствительно, тѣ изъ нихъ, которые относились къ управленію экономическому, церковному или политическому, не имѣли никакого отношенія къ этому закону; а тѣ, которые касались гражданскаго управленія, относились единственно къ законамъ варваровъ подвергавшимся разъясненіямъ, исправленіямъ, расширеніямъ и урѣзкамъ Но капитуляріи эти, присоединенные къ личнымъ законамъ, вызвали, мнѣ кажется, пренебрежительное отношеніе къ капитуляріямъ въ ихъ ихъ цѣломъ. Во времена невѣжества краткое изложеніе того или другого творенія часто роняетъ самое твореніе.

ГЛАВА XI.

Другія причины паденія законовъ варваровъ, римскаго права и капитуляріевъ.

Когда германскіе народы покорили римскую имперію, они нашли въ ней употребленіе письма и, въ подражаніе римлянамъ, записали свои обычаи [2]) и составили изъ нихъ своды. Несчастныя царствованія послѣ

подлинными и подложными декреталіями. Древнее собраніе было въ употребленіи во Франціи до Карла Великаго. Этотъ государь получилъ изъ рукъ папы Адріана I собраніе Діонисія Малаго и употребленіе его сдѣлалъ обязательнымъ. Собраніе Исидора Меркатора появилось во Франціи ко времени царствованія Карла Великаго, и нашло упорныхъ сторонниковъ. Затѣмъ появился такъ наз. *Сводъ каноническаго права.* (М.).

[1]) См. Пистскій эдиктъ, ст. 20. (М).

[2]) Это ясно выражено въ нѣкоторыхъ предисловіяхъ къ этимъ сводамъ. Мы даже находимъ въ законахъ саксовъ и фризовъ различныя постановленія въ разныхъ округахъ. Къ этимъ обычаямъ были присоединены нѣкоторыя

Карла Великаго, нашествіе нормановъ и междоусобныя войны снова повергли побѣдоносные народы въ тотъ мракъ, изъ котораго они вышли. Они снова стали неграмотными, что въ свою очередь привело во Франціи и въ Германіи къ забвенію письменныхъ законовъ варваровъ, римскаго права и капитуляріевъ. Употребленіе письма еще лучше сохранилось въ Италіи, гдѣ господствовали папы и греческіе императоры, находились цвѣтущіе города и велась почти единственная въ то время торговля. Сосѣдство Италіи было причиной, почему римское право лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ сохранилось въ странахъ Галліи, подчиненныхъ въ прежнее время готамъ и бургундамъ—тѣмъ болѣе, что оно было въ нихъ территоріальнымъ закономъ и составляло родъ привилегіи. Повидимому, незнаніе грамотъ привело и въ Испаніи къ гибели законодательство вестготовъ [1]). Вслѣдствіе паденія столькихъ законодательствъ, образовались всюду правовые обычаи.

Личные законы пали. Пени и то, что называли freda [2]), стали опредѣляться больше обычаями, чѣмъ текстомъ законовъ. Такимъ образомъ, если, при основаніи монархій, отъ германскихъ обычаевъ былъ сдѣланъ переходъ къ письменнымъ законамъ, то нѣсколько столѣтій спустя, произошло возвращеніе отъ письменныхъ законовъ къ неписаннымъ обычаямъ.

ГЛАВА XII.

О мѣстныхъ обычаяхъ; переворотъ въ законахъ варваровъ и римскомъ правѣ.

Изъ многихъ памятниковъ видно, что мѣстные обычаи существовали уже во время королей первой и второй династіи. Въ нихъ говорится о мѣстномъ обычаѣ [3]), о древнемъ обыкновеніи [4]), объ обычаѣ вообще [5]), о законахъ и обычаяхъ [6]). Нѣкоторые авторы полагали, что обычаями называли законы варваровъ, а закономъ—римское право. Я доказываю, что это невозможно. Король Пипинъ [7]) издалъ повелѣніе, чтобы вездѣ, гдѣ не окажется соотвѣтствующаго закона, слѣдовали обычаю, но чтобы обычаю не было отдаваемо предпочтенія передъ закономъ. Поэтому, говорить, что римское право имѣло пре-

частныя постановленія по требованію обстоятельствъ. Таковы были суровые законы противъ саксовъ.

[1]) Это ошибка: законы вестготовъ вовсе не погибли въ Испаніи. См. выше, гл. I, послѣднее примѣчаніе.

[2]) О ней въ другомъ мѣстѣ (М.).—См. ниже, кн. XXX, гл. XIV.

[3]) Введеніе къ формуламъ Маркульфа. *Quae apud majores, nostros, juxta consuetudinem loci quo degimus, didici, vel e sensu proprio cogitavi*, etc. (М.

[4]) Законъ лонгобардовъ, кн. II, ст. LVIII, § 3. (М.).

[5]) *Ibid.*, кн. II, ст. XLI, § 6. (М.).

[6]) Vie de S. Léger. (М.).

[7]) Законъ лонгобардовъ, кн. II, ст. XLI, § 6. (М.).

имущество передъ законами варваровъ, значитъ ниспровергать всѣ древніе памятники и въ особенности эти законы варваровъ, которые постоянно говорятъ противоположное.

Законы варваровъ не только не были обычаями, но эти самые законы, какъ личные, ввели обычаи въ употребленіе. Салическій законъ, напр., былъ личнымъ закономъ; но въ странахъ, заселенныхъ по преимуществу салическими франками, при всѣхъ своихъ свойствахъ чисто личнаго закона, онъ становился закономъ территоріальнымъ по отношенію къ этимъ салическимъ франкамъ, и оставался личнымъ по отношенію къ франкамъ, жившимъ въ другихъ мѣстахъ. Если же тамъ, гдѣ салическій законъ былъ закономъ территоріальнымъ, оказалось бы много бургундовъ, аллемановъ и даже римлянъ, которые имѣли бы часто спорныя дѣла, то эти послѣднія стали бы рѣшаться по законамъ этихъ народовъ, и большое число приговоровъ, постановленныхъ, согласно нѣкоторымъ изъ этихъ законовъ, должно было ввести въ странѣ новые обычаи. Это отлично объясняетъ смыслъ постановленія Пипина. Обычаи естественно могли быть усвоены самими мѣстными франками въ тѣхъ случаяхъ, для которыхъ не оказывалось рѣшенія въ салическихъ законахъ; но изъ этого еще не слѣдовало, чтобы они могли взять верхъ надъ этими послѣдними.

Такимъ образомъ, во всякой мѣстности существовалъ господствующій законъ вмѣстѣ съ принятыми обычаями, которые служили дополненіемъ къ господствующему закону, если только ему не противорѣчили.

Они могли даже служить дополненіемъ къ закону, который не былъ территоріальнымъ. Пояснимъ это на томъ же примѣрѣ. Если бы въ такомъ мѣстѣ, гдѣ салическій законъ имѣлъ значеніе территоріальнаго закона, былъ судимъ бургундецъ по бургундскому закону и въ этомъ послѣднемъ не нашлось бы подходящаго къ случаю постановленія, то, несомнѣнно, было бы рѣшено на основаніи мѣстнаго юридическаго обычая.

Во время короля Пипина дѣйствующее обычное право имѣло менѣе силы, чѣмъ законы; но вскорѣ за тѣмъ обычай уничтожилъ законы. А такъ какъ вновь появляющіяся постановленія суть лѣкарства, указывающія на существованіе болѣзни, то можно думать, что уже во время Пипина начали предпочитать обычаи законамъ.

Сказанное мною служитъ объясненіемъ тому, какимъ образомъ римское право уже съ первыхъ временъ начало дѣлаться правомъ территоріальнымъ, какъ то видно изъ пистскаго эдикта, и какимъ образомъ, совмѣстно съ нимъ и готскій законъ продолжалъ оставаться въ употребленіи, какъ то подтверждается собраніемъ въ Труа, о которомъ я говорилъ.

Римскій законъ сдѣлался общимъ, а готскій — частнымъ личнымъ закономъ; слѣдовательно, римскій законъ былъ закономъ территоріальнымъ.

Но какимъ образомъ могло невѣжество повсемѣстно уничтожить личные законы варваровъ, тогда какъ римское право продолжало существовать какъ территоріальный законъ въ вестготскихъ и бургундскихъ провинціяхъ? Я отвѣчу на это, что и римскій законъ постигла приблизительно та же судьба, что и другіе личные законы: иначе мы и теперь еще имѣли бы кодексъ Ѳеодосія въ тѣхъ провинціяхъ, въ которыхъ римскій законъ былъ закономъ территоріальнымъ, вмѣсто дѣйствующихъ у нихъ законовъ Юстиніана [1]). Провинціи эти долго сохраняли почти одно названіе странъ римскаго или писаннаго права, вмѣстѣ съ тою любовью къ нему, которую питаютъ народы къ своему закону, въ особенности, когда смотрятъ на него какъ на привилегію, да еще нѣсколько постановленій римскаго права, сохранявшихся въ памяти людей. Но и этого было достаточно, чтобы компиляція Юстиніана при появленіи своемъ была принята въ провинціяхъ, находившихся подъ властью готовъ и бургундовъ, какъ писанный законъ, тогда какъ въ прежнихъ владѣніяхъ франковъ ее приняли только какъ писанный разумъ.

ГЛАВА XIII.

Разница между закономъ салическимъ, или салическихъ франковъ, и закономъ франковъ рипуарскихъ и другихъ варваровъ [2]).

Салическій законъ не допускалъ употребленія отрицательныхъ доказательствъ, т.-е., по салическому закону, истецъ, или обвинитель, долженъ былъ представить доказательства своего иска или обвиненія, а обвиняемый не могъ ограничиться отрицаніемъ обвиненія, что вполнѣ согласно съ законами народовъ почти всего свѣта.

Законъ франковъ-рипуаріевъ былъ исполненъ иного [3]) духа: онъ довольствовался отрицательными доказательствами, и отвѣтчикъ, или обвиняемый, могъ въ большинствѣ случаевъ оправдать себя, присягнувъ, вмѣстѣ съ опредѣленнымъ числомъ свидѣтелей, что онъ не совершалъ того, въ чемъ его обвиняютъ. Число [4]) свидѣтелей, которые должны были приносить клятву, сообразовалось съ важностью дѣла и достигало иногда [5]) семидесяти двухъ. Законы аллемановъ, баварцевъ, тюрингенцевъ, фризовъ, саксовъ, лонгобардовъ и бургундовъ были основаны на тѣхъ же началахъ.

Я сказалъ, что законъ салическій не допускалъ отрицательныхъ до-

---

[1]) См. выше, гл. V. (М.).

[2]) Монтескье первый обратилъ вниманіе на это различіе.

[3]) Это имѣетъ отношеніе къ словамъ Тацита (*О нравахъ герм.*, гл. 28), что у германскихъ народовъ были обычаи общіе и обычаи частные. (М.).

[4]) Законъ рипуаріевъ, ст. VI, VII, VIII и друг. (М.).— Онъ не требовалъ доказательствъ отъ обвинителя.

[5]) *Ibid.*, ст. XI, XII и XIII. (М.).

казательствъ. Былъ, однако, одинъ [1]) случай, когда онъ допускалъ ихъ; но и въ этомъ случаѣ онъ не допускалъ ихъ однихъ и безъ содѣйствія положительныхъ доказательствъ. Истецъ [2]) представлялъ къ допросу своихъ свидѣтелей, чтобы обосновать свой искъ; отвѣтчикъ представлялъ своихъ въ свое оправданіе, а судья искалъ истины въ тѣхъ и другихъ [3]) показаніяхъ. Этотъ порядокъ веденія дѣла совершенно разнился отъ порядка, принятаго законами рипуаріевъ и другихъ варваровъ, по которымъ обвиняемый оправдывался тѣмъ, что клялся въ своой невинности и заставлялъ клясться своихъ родственниковъ, что сказалъ правду. Послѣдніе законы пригодны были только для народа, который обладалъ простосердечіемъ и нѣкоторою принужденною искренностью, и законодателю приходилось принимать мѣры къ предупрежденію возможныхъ злоупотребленій, какъ мы это сейчасъ увидимъ.

ГЛАВА XIV.

Другая разница.

Салическій законъ вовсе не допускалъ доказательства посредствомъ поединка; законъ же рипуаріевъ [4]) и законы почти [5]) всѣхъ варваровъ принимали его. Мнѣ кажется, что законъ о поединкѣ былъ естественнымъ послѣдствіемъ и поправкой закона, установившаго порядокъ отрицательныхъ доказательствъ. Когда истецъ видѣлъ, что требованіе его хотятъ несправедливо обойти присягою, что оставалось ему, воину [6]), котораго готовились обличить во лжи, какъ не искать удовлетворенія за понесенную обиду и за предложеніе ложной присяги? Салическій законъ, вовсе не допускавшій отрицательныхъ доказательствъ, не нуждался въ доказательствѣ поединкомъ и не принималъ его; но законы рипуаріевъ [7]) и другихъ [8]) варваровъ, допускавшихъ употребленіе отрицательныхъ доказательствъ, были вынуждены къ допущенію и доказательства поединкомъ.

Я прошу прочитать два знаменитыя [9]) распоряженія бургундскаго короля Гундобальда по этому предмету, почерпнутыя, какъ это увидимъ,

---

[1]) А именно, когда обвинялся антрустіонъ, т. е. вассалъ короля, въ которомъ предполагалось болѣе правдивости, чѣмъ въ комъ-либо другомъ. См. ст. LXXVI. *Pactus legis salicae.* (М.).

[2]) См. ту же LXXVI ст. (М.).

[3]) Какъ это дѣлается еще теперь въ Англіи. (М.).

[4]) Ст. XXXII; ст. I, LVII; § 2, ст. LIX, § 4. (М.).

[5]) См. слѣд. примѣч. (М.).

[6]) Духъ этотъ рѣзко выступаетъ въ законѣ рипуаріевъ, ст. LIX, § 4 и ст. LXVII, § 5, и въ капитуляріи Людовика Благочестиваго, присоединенномъ къ закону рипуаріевъ, 803 года, ст. 22. (М.).

[7]) См. этотъ законъ. (М.).

[8]) Законъ фризовъ, лонгобардовъ, баварцевъ, саксовъ, тюрингенцевъ и бургундовъ.

[9]) Въ законѣ бургундовъ, ст. VIII, §§ 1 и 2, объ уголовныхъ дѣлахъ, и ст. XLV, которая содержитъ въ себѣ опредѣленія и по гражданскимъ дѣламъ. См. также

изъ самой природы предмета. Выражаясь словами закона варваровъ, надо было вырвать присягу изъ рукъ человѣка, который хотѣлъ употребить ее во зло.

У лонгобардовъ законъ Ротариса допускалъ случаи, въ которыхъ человѣка, очистившаго себя присягою, слѣдовало освобождать отъ поединка. Обычай этотъ получилъ распространеніе [1]), и мы увидимъ ниже, какія бѣдствія онъ породилъ и какъ оказалось необходимымъ вернуться къ старой судебной практикѣ.

ГЛАВА XV.

Оговорка.

Я не говорю, чтобы въ измѣненіяхъ, которымъ подверглись законы варваровъ, въ распоряженіяхъ, которыя были къ нимъ присоединены, и въ собраніяхъ капитуляріевъ нельзя было найти какого-нибудь текста, въ которомъ доказательство поединкомъ встрѣчалось бы въ дѣйствительности не какъ слѣдствіе отрицательнаго доказательства. Въ продолженіе многихъ вѣковъ, особыя обстоятельства могли побудить къ изданію какихъ-либо частныхъ въ этомъ смыслѣ законовъ; но я говорю объ общемъ духѣ германскихъ законовъ, объ ихъ природѣ и происхожденіи; я говорю о древнихъ обычаяхъ этихъ народовъ, на которые эти законы указываютъ и которые они утверждаютъ. Здѣсь только объ этомъ и идетъ рѣчь.

ГЛАВА XVI.

О доказательствѣ кипящею водою, установленномъ салическимъ закономъ.

Салическій законъ [2]) допускалъ доказательство кипящею водою; но такъ какъ испытаніе это было очень мучительно, то законъ [3]) принялъ мѣру къ его смягченію: онъ разрѣшалъ лицу, позванному въ судъ для учиненія доказательства кипящею водою, выкупить, съ согласія противной стороны, свою руку. Обвинитель за извѣстную, закономъ опредѣленную сумму, могъ удовольствоваться присягой свидѣтелей, которые удостовѣрили бы, что обвиняемый не совершалъ взводимаго на него преступленія. Это былъ особенный случай въ салическомъ законѣ, въ которомъ допускалось отрицательное доказательство.

законъ тюрингенцевъ, ст. I, § 31; ст. VII, § 6 и ст. VIII; законъ аллемановъ, ст. LXXXIX; законъ баварцевъ, ст. VIII, гл. II, § 6 и гл. III, § 1; и ст. IX, гл. IV, § 4; законъ фризовъ, ст. II, § 3 и ст. XIV, § 4; законъ лонгобардовъ, кн. I, ст. XXXII, § 3 и ст. XXXV, § 1, и кн. II, ст. XXXV, § 2. (М.).

[1]) См. ниже, въ концѣ XVIII гл. (М.).

[2]) А также нѣкоторые другіе законы варваровъ. (М.).

[3]) Ст. LVI. De manu ab œneo redimenda. (М.).

Доказательство кипящею водою имѣло такимъ образомъ договорный характеръ. Законъ его терпѣлъ, но не предписывалъ. Онъ опредѣлялъ извѣстное вознагражденіе въ пользу обвинителя, если этотъ послѣдній предоставлялъ обвиняемому возможность защищаться помощью отрицательнаго доказательства: обвинитель могъ удовольствоваться клятвой обвиняемаго, точно такъ же какъ могъ простить ему его вину или причиненную имъ обиду.

Законъ [1]) допустилъ эту смягчающую мѣру, чтобы, до постановленія приговора, стороны, одна—подъ страхомъ ужаснаго испытанія, а другая—въ виду небольшого немедленнаго вознагражденія, прекратили свой споръ и покончили распрю. Ясно, что разъ это отрицательное доказательство получало мѣсто, другого уже не требовалось, такъ что обычай поединка не могъ быть послѣдствіемъ этого особеннаго постановленія салическаго закона.

ГЛАВА XVII.

Образъ мыслей нашихъ предковъ.

Какъ не удивляться тому, что наши предки ставили такимъ образомъ честь, благосостояніе и жизнь гражданъ въ зависимость отъ обстоятельствъ, имѣвшихъ отношеніе не столько къ разсудку, сколько къ случайности; что они безпрестанно прибѣгали къ доказательствамъ, которыя ничего не доказывали и не находились въ связи ни съ невиновностью, ни съ преступленіемъ!

Германцы, никогда не находившіеся въ порабощеніи, пользовались чрезмѣрной свободой [2]). Ихъ роды вели между собою войны по поводу убійства, кражи или оскорбленія [3]). Впослѣдствіи обычай этотъ былъ видоизмѣненъ въ смыслѣ подчиненія этого рода войнъ опредѣленнымъ правиламъ: онѣ совершались по распоряженію и подъ наблюденіемъ властей [4]), что было, конечно, лучше неограниченнаго произвола въ нанесеніи вреда другъ другу.

Подобно тому, какъ въ наше время турки въ своихъ междоусобіяхъ считаютъ первую побѣду за рѣшеніе Божьяго суда, германскіе народы въ своихъ частныхъ распряхъ принимали исходъ битвы за приговоръ Провидѣнія, всегда готоваго покарать преступника или узурпатора.

Тацитъ разсказываетъ, что когда какой-либо германскій народъ имѣлъ въ виду начать войну съ другимъ, онъ старался захватить плѣнника, для единоборства съ однимъ изъ своихъ людей, чтобы по результату по-

[1]) Ibid., ст. LVI. (М.).

[2]) Это видно изъ словъ Тацита: *Omnibus idem habitus*. (М.).

[3]) Веллей Патеркулъ, кн. II, гл. CXVIII говоритъ, что германцы рѣшали всѣ свои дѣла оружіемъ. (М.).

[4]) См. законы варваровъ, а для болѣе близкихъ къ намъ временъ—Боманнуара: *Обычаи Бовуази*. (М.).

единка установить сужденіе объ исходѣ предстоящей войны. Народы, полагавшіе, что поединкомъ могутъ быть регулируемы общественныя дѣла, могли конечно думать, что этимъ способомъ могутъ быть регулируемы и частныя распри.

Бургундскій король Гундобальдъ [1]) изъ всѣхъ королей наиболѣе поощрялъ обычай поединка. Этотъ государь въ самомъ текстѣ закона приводитъ его мотивы. «Это, говоритъ онъ, дѣлается съ тѣмъ, чтобы наши подданные не приносили болѣе присяги въ сомнительныхъ случаяхъ и не впадали въ клятвопреступленіе въ случаяхъ, не подлежащихъ сомнѣнію». Такимъ образомъ, въ то время, какъ духовенство [2]) объявляло нечестивымъ законъ, дозволявшій единоборство, бургундское законодательство считало святотатствомъ законъ, установлявшій присягу.

Доказательство поединкомъ имѣло за себя нѣкоторое почерпнутое изъ опыта [3]) основаніе. У народа, по преимуществу воинственнаго, трусость предполагаетъ существованіе другихъ пороковъ. Она доказываетъ, что человѣкъ не хотѣлъ усвоить того воспитанія, которое ему дали, что онъ остался нечувствительнымъ къ голосу чести и не подчиняется руководству тѣхъ началъ, которыя управляютъ дѣйствіями другихъ людей; она обнаруживаетъ, что человѣкъ не страшится презрѣнія людей и ставитъ ни во что ихъ уваженіе. Если только онъ принадлежитъ къ честному роду, онъ обыкновенно не бываетъ лишенъ ловкости, которая должна соединяться съ силой, ни силы, которая должна соперничать съ мужествомъ: придавая высокое значеніе чести, онъ долженъ всю жизнь свою посвятить развитію въ себѣ упражненіемъ такихъ качествъ, безъ которыхъ пріобрѣсти ее невозможно. Кромѣ того, у воинственнаго народа, у котораго сила, храбрость и удаль въ почетѣ, наиболѣе гнусными преступленіями почитаются такія, въ основѣ которыхъ лежитъ обманъ, хитрость и лукавство, т. е. трусость [4]).

Что касается испытанія огнемъ, то послѣ того, какъ обвиняемый клалъ руку на раскаленное желѣзо или опускалъ ее въ кипятокъ, ее завязывали въ мѣшокъ, къ которому прикладывали печать; если, по прошествіи трехъ дней, рука не сохраняла слѣдовъ обжога, обвиняемый объявлялся невиновнымъ. Для всякаго ясно, что у народа, привычнаго къ употребленію оружія, грубая и мозолистая кожа не должна была страдать отъ раскаленнаго желѣза или кипятка настолько, чтобы слѣды сохранились по прошествіи трехъ дней. Противное служило признакомъ того, что подвергшійся испытанію былъ человѣкъ изнѣженный. Наши

[1]) Бургундскій законъ, гл. XLV. (М.).

[2]) См. произведенія Агобарда. (М.).

[3]) Основаніемъ служило благочестивое вѣрованіе: убѣжденіе, что Богъ скорѣе совершитъ чудо, чѣмъ дастъ погибнуть невинному. Основанія, приводимыя авторомъ, слишкомъ замысловаты, чтобъ быть вѣрными.

[4]) См. ниже, кн. XXX, гл. XIX.

крестьяне свободно ворочаютъ раскаленное желѣзо своими мозолистыми руками. Что касается женщинъ, то руки рабочихъ женщинъ могли также легко противостоять прикосновенію къ раскаленному желѣзу; женщины же высшихъ классовъ не имѣли недостатка въ бойцахъ, готовыхъ выступить въ ихъ защиту [1]). Наконецъ, средняго класса вовсе не было у народа, не вѣдавшаго роскоши.

Согласно тюрингенскому закону [2]), женщина, обвиняемая въ прелюбодѣяніи, могла быть приговорена къ испытанію кипящею водою только въ томъ случаѣ, когда у нея не было защитника; законъ же рипуаріевъ [3]) допускалъ это испытаніе лишь при отсутствіи свидѣтелей для оправданія подсудимаго. Но женщина, которую не хотѣлъ защищать ни одинъ изъ родственниковъ, и мужчина, который не въ состояніи былъ представить никакого удостовѣренія въ своей честности, почитались уже этимъ самымъ изобличенными.

Итакъ, я говорю, что въ господствующихъ жизненныхъ условіяхъ того времени, когда имѣлъ силу обычай доказательствъ поединкомъ, раскаленнымъ желѣзомъ и кипящею водою, существовало столь тѣсное согласіе между этими законами и нравами, что первые причиняли менѣе несправедливостей, чѣмъ были сами по себѣ несправедливы; что послѣдствія были болѣе невинны, чѣмъ причины; что они болѣе оскорбляли справедливость, чѣмъ нарушали право, и были болѣе безразсудны, чѣмъ стѣснительны [4]).

ГЛАВА XVIII.

Какимъ образомъ получилъ распространеніе обычай судебнаго поединка.

Изъ письма Агобарда къ Людовику Благочестивому можно заключить, что доказательство поединкомъ не было въ обычаѣ у франковъ. Изложивъ этому государю, какія злоупотребленія проистекаютъ изъ закона Гундобальда, Агобардъ [5]) проситъ, чтобы въ Бургундіи судъ производился по закону франковъ. Но такъ какъ съ другой стороны извѣстно, что су-

[1]) Гл. XXI, § 5. (М.)

[2]) См. Бомануаръ, *Обычаи Бовуази*, гл. LXI. Также законъ англовъ, гл. XIX, гдѣ испытаніе кипящею водою служитъ лишь второстепеннымъ доказательствомъ.

[3]) Ст. XIX. (М.).

[4]) Судебныя испытанія, за исключеніемъ, быть можетъ, дуэли *), не составляютъ особенности германскихъ народовъ. Они образуютъ общую основу обычнаго права и, вѣроятно, религіозныхъ понятій арійскихъ народовъ. Испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ встрѣчается у грековъ, такъ наз. liba—у римлянъ; холодною и горячею водою, горячимъ желѣзомъ, рисомъ—всѣ признаются законами индусовъ. Они могутъ послужить прекраснымъ предметомъ изслѣдованія для молодого законовѣда.

[5]) *Si placeret domino nostro ut eos transferret ad legem Francorum.* (М.).

*) Что такое битва между Гораціями и Куріаціями, какъ не доказательство поединкомъ?

дебный поединокъ былъ во Франціи въ то время въ обычаѣ, то это подало поводъ къ недоумѣнію. Разъясняется оно тѣмъ, что я уже сказалъ, а именно, что законъ солическихъ франковъ отвергалъ это доказательство, тогда какъ законъ франковъ рипуарскихъ [1]) принималъ его.

Но, несмотря на ропотъ духовенства, обычай судебнаго поединка все болѣе и болѣе распространялся во Франціи, и я докажу сейчасъ, что само духовенство въ значительной мѣрѣ тому способствовало.

Законъ лонгобардовъ даетъ намъ это доказательство. «Съ давнихъ поръ повелся отвратительный обычай (говоритъ предисловіе къ закону Оттона II), чтобы въ случаѣ иска о поддѣлкѣ грамоты на какое-либо наслѣдственное имущество, предъявитель грамоты удостовѣрялъ подлинность ея присягою на Евангеліи и затѣмъ, помимо всякаго судебнаго приговора, дѣлался собственникомъ наслѣдства. Такимъ образомъ клятвопреступники съ полною увѣренностью могли пріобрѣтать имущество» [2]). Во время коронаціи императора Оттона I въ Римѣ [3]), всѣ итальянскіе сеньеры на соборѣ, созванномъ папою Іоанномъ XII, громогласно потребовали [4]) отъ императора изданія закона противъ такого недостойнаго злоупотребленія. Папа съ императоромъ разсудили, что дѣло это должно быть отослано на обсужденіе собора [5]), который долженъ былъ вскорѣ затѣмъ собраться въ Равеннѣ. Здѣсь сеньеры возобновили свои требованія еще съ большимъ шумомъ; но, подъ предлогомъ отсутствія нѣкоторыхъ лицъ, дѣло было снова отложено. Когда Оттонъ II и Конрадъ [6]), король бургундскій, прибыли затѣмъ въ Римъ, между ними и итальянскими сеньерами состоялось въ Веронѣ [7]) совѣщаніе [8]), и, вслѣдствіе неотступныхъ требованій со стороны послѣднихъ, императоръ, со всеобщаго согласія, издалъ законъ, опредѣлявшій, что въ случаяхъ спора о наслѣдствѣ, если одна изъ сторонъ сошлется на грамоту, а другая станетъ настаивать на ея подложности, дѣло должно быть рѣшаемо поединкомъ; что то же правило будетъ соблюдаемо по отношенію къ ленамъ; что церкви подлежатъ тому же закону и будутъ вступать въ поединокъ въ лицѣ своихъ защитниковъ.

Изъ этого видно, что дворянство требовало доказательства поединкамъ по причинѣ неудобства, соединеннаго съ доказательствомъ, введеннымъ въ

---

[1]) См. этотъ законъ, ст. LIX, § 4, и ст. LXVII, § 5. (М.).

[2]) Законъ лонгобардовъ, кн. II, ст. LV. гл. XXXIV. (М.).

[3]) Въ 962 г. (М.).

[4]) *Ab Italiæ proceribus est proclamatum, ut imperator sanctus, mutata lege, facinus indignum destrueret.* Законъ лонгобардовъ, кн. II, ст. LV, гл. XXXIV. (М.).

[5]) Состоялся въ 967 г, въ присутствіи папы Іоанна XIII и императора Оттона I. (М.).

[6]) Дядя Оттона II, сынъ Рудольфа и король заюрской Бургундіи. (М.).

[7]) Въ 988 г. (М.).

[8]) Cum in hoc ab omnibus imperiales aures pulsarentur. Законъ лонгобардовъ, кн. II, ст. LV, гл. XXXIV. (М.).

церквахъ; что, несмотря на настоянія этого дворянства, на вопіющія злоупотребленія и на авторитетъ Оттона, прибывшаго въ Италію во всеоружіи власти, духовенство настояло на своемъ на двухъ соборахъ; что послѣ того какъ совмѣстныя усилія дворянства и государей заставили духовенство уступить, обычай судебнаго поединка долженъ былъ получить значеніе дворянской привилегіи, оплота противъ несправедливости и обезпеченія правъ собственности; что съ этой минуты употребленіе судебнаго поединка должно было все болѣе и болѣе распространяться. И произошло это въ то время, когда императоры были могущественны, а папы слабы, въ то время, когда Оттоны приходили въ Римъ возстановлять достоинство имперіи.

Здѣсь я приведу одно соображеніе въ подтвержденіе высказаннаго мною выше положенія, что установленіе отрицательныхъ доказательствъ влекло за собою практику судебнаго поединка. Злоупотребленіе, на которое жаловались Оттонамъ, состояло въ томъ, что человѣкъ, которому возражали, что его грамота подложная, защищался помощью отрицательнаго доказательства, утверждая на Евангеліи, что она подлинная. Что же было сдѣлано противъ злоупотребленія закономъ, подвергшимся искаженію? Былъ возстановленъ обычай поединка.

Я поспѣшилъ сослаться на законъ Оттона II съ цѣлью дать ясное представленіе о существовавшихъ въ тѣ времена распряхъ между духовенствомъ и мірянами; но еще раньше существовало постановленіе [1]) Лотаря I, который въ виду тѣхъ же жалобъ и распрей, желая оградить право собственности, опредѣлилъ, чтобы нотаріусъ давалъ присягу въ томъ, что его грамота не была подложной, и чтобы въ томъ случаѣ, если онъ не находился болѣе въ живыхъ, отбирали присягу у свидѣтелей, ее подписавшихъ. Но зло тѣмъ не менѣе оставалось въ силѣ, и пришлось прибѣгнуть къ указанному выше средству.

Я нахожу, что еще раньше общія собранія, созывавшіяся Карломъ Великимъ, входили къ этому государю съ представленіемъ [2]) о томъ, что при тогдашнемъ порядкѣ вещей было очень трудно избѣгнуть клятвопреступленія со стороны обвинителя или обвиняемаго и что поэтому было бы лучше возстановить судебный поединокъ,—что онъ и сдѣлалъ.

Обычай судебнаго поединка получилъ распространеніе у бургундцевъ, а употребленіе присяги было ограничено. Теодорихъ, король Италіи отмѣнилъ поединокъ у остготовъ [3]); законы Шендассуинда и Ресессуинда, казалось, стремились истребить самое понятіе о немъ. Но законы эти полу-

---

[1]) Законъ лонгобардовъ, кн. II, ст. LV, § 33. Въ экземплярѣ, которымъ пользовался Г. Мураторъ, оно приписывается императору Гвидо. (М.).

[2]) Законъ лонгобардовъ, кн. II, ст. LV, § 23. (М.).

[3]) См. Кассіодора, кн. III, §§ 23 и 24. (М.).

чили столь слабое примѣненіе въ нарбонской области [1]), что въ ней смотрѣли на поединокъ какъ на преимущественное право готовъ [2]).

Лонгобарды, покорившіе Италію послѣ истребленія остготовъ греками, вернули въ эту страну обычай поединка; но первые ихъ законы снова его ограничили [3]). Карлъ Великій [4]), Людовикъ Благочестивый и Оттоны издали различныя общія постановленія, которыя мы находимъ включенными въ лонгобардскіе законы и присоединенными къ салическимъ законамъ и которыя распространили обычай поединка сначала на уголовныя, а потомъ и на гражданскія дѣла. При этомъ часто недоумѣвали, какъ поступить: отрицательное доказательство присягою представляло свои неудобства, доказательство поединкомъ имѣло свои; слѣдовали тому или другому, смотря по тому, которыя изъ этихъ неудобствъ производили на умы болѣе сильное впечатлѣніе.

Съ одной стороны, духовенству пріятно было видѣть, что міряне во всѣхъ свѣтскихъ дѣлахъ прибѣгаютъ къ церкви [5]) и алтарю; а съ другой, гордое дворянство любило отстаивать права свои мечомъ.

Я совсѣмъ не хочу сказать, чтобы духовенство ввело обычай, на который жаловалось дворянство: обычай этотъ вытекалъ изъ духа законовъ у варваровъ и изъ установленія отрицательныхъ доказательствъ. Но такъ какъ судебный порядокъ, могущій обезпечить безнаказанность для столь многихъ преступленій, вызвалъ мысль о необходимости прибѣгнуть къ святости церкви, чтобы привести въ смущеніе виновныхъ и заставить трепетать клятвопреступниковъ, то духовенство и поддержало этотъ обычай и соединенный съ нимъ порядокъ суда, хотя во всѣхъ другихъ случаяхъ оно было противъ отрицательныхъ доказательствъ. Мы видимъ у Боманyара [6]), что отрицательныя доказательства никогда не

---

[1]) *In palatio quoque Bera comes Barcinonensis, cum impeteretur a quodam vocato Sunila, et infidelitatis argueretur cum eodem secundum legem propriam, utpote quid uterque Gothus erat, equestri proelio congressus est et victus.*—Въ точности неизвѣстный авторъ жизнеописанія Людовика Благочестиваго. (М.). *).

[2]) Редакція этой послѣдней фразы въ А. В.: У готовъ законы Шендассуинда и Ресессуинда не оставили никакихъ слѣдовъ поединка,—духовенство дѣлало препятствія этому обычаю. Впослѣдствіи эти породы прекратили насиліе, причиняемое имъ по этому поводу.

[3]) См. законъ лонгобардовъ, кн. I, ст. IV и ст. IX, § 23; кн. II, ст. XXXV, §§ 4 и 5, и ст. LV, §§ 1, 2 и 3, предписанія Лотаря, а въ § 15 предписанія Лунтпранда. (М.).

[4]) *Ibid.*, кн. II, ст. LV, § 23. (М.)

[5]) Судебная присяга отбиралась въ то время въ церкви, и во время первой династіи въ королевскомъ дворцѣ находилась особая часовня, предназначенная для дѣлъ, которыя въ немъ разбирались. См. формулы Маркульфа, кн. I, гл. XXXVIII; законы рипуар., ст. LXI, § 4, ст. LXX, § 5; исторію Григорія Турскаго; капитулярій 803 г., присоединенный къ салич. закону. (М.).

[6]) Ch. XXXIX, p. 212. Les clercs si dient que *négative ne doit point cheoir en preuve*, car elle ne peut être prouvée. (М.).

---

*) Изд. А. В.: не помню, гдѣ я взялъ эту цитату.

допускались въ духовныхъ судахъ, и это, безъ сомнѣнія, много способствовало ихъ паденію, а также ослабляло значеніе постановленій по этому предмету въ законахъ варваровъ.

Связь между отрицательными доказательствами и судебнымъ поединкомъ, о которой я такъ много говорилъ, станетъ еще болѣе ясною, когда я скажу, что свѣтскіе суды приняли оба способа доказательства, духовные же суды отвергли и тотъ и другой.

Давая предпочтеніе доказательству поединкомъ, народъ подчинялся своему военному генію, ибо по мѣрѣ того какъ укоренялось употребленіе судебнаго поединка въ смыслѣ Божьяго суда, уничтожались испытанія крестомъ, холодною и кипящею водою, на которыя также смотрѣли какъ на судъ Божій.

Карлъ Великій [1]) повелѣлъ, чтобы, въ случаѣ возникнутъ несогласія между его дѣтьми, споръ былъ рѣшенъ помощью испытанія крестомъ. Людовикъ Благочестивый [2]) этотъ родъ суда ограничилъ областью духовныхъ дѣлъ, а его сынъ Лотарь отмѣнилъ его для всѣхъ случаевъ [3]). Онъ равно отмѣнилъ [4]) и испытаніе холодною водою.

Я не хочу сказать, чтобы въ то время, когда было такъ мало общепринятыхъ обычаевъ, испытанія эти не были въ употребленіи въ нѣкоторыхъ церквахъ — тѣмъ болѣе, что о нихъ упоминается въ одной изъ грамотъ [5]) Филиппа-Августа; я говорю только, что употребленіе ихъ было очень ограничено. Боманауаръ [6]), жившій во время Людовика Святого и нѣсколько позже, перечисляя различные роды доказательствъ, говоритъ о судебномъ поединкѣ, но умалчиваетъ объ остальныхъ, указанныхъ выше.

ГЛАВА XIX.

Еще одна причина, почему законы римскіе, законы салическіе и капитуляріи пришли въ забвеніе.

Я уже говорилъ о томъ, почему законы салическіе, римскіе и капитуляріи утратили свою силу; прибавлю еще, что широкое распространеніе доказательства посредствомъ поединка было тому главною причиною.

Салическіе законы, не допускавшіе этого обычая, сдѣлались какъ бы безполезными и исчезли; римскіе законы, которые также не допускали его, одинаково погибли. Все вниманіе устремилось на то, чтобы дать над-

---

[1]) Въ 806 г. *Charta divisionis*, гл. XIV.

[2]) Его постановленія включены въ законы лонгобардовъ и находятся въ продолженіи къ салическимъ законамъ.

[3]) Изъ чувства почтенія къ страданіямъ Спасителя.

[4]) Въ его постановленіи, включенномъ въ законъ лонгобардовъ, кн. II, см. LV, § 31. (М.).

[5]) 1200 г. (М.).

[6]) *Обычаи Бовуази*, гл. XXXIX. (М.).

лежащее развитіе закону о судебномъ поединкѣ и установить юридическія нормы для его практическаго примѣненія. Постановленія капитуляріевъ оказались не менѣе безполезными. Такимъ образомъ множество законовъ утратило свою силу, при чемъ нельзя опредѣлить времени, когда именно это случилось; о нихъ забыли, и мы не видимъ другихъ, которые заняли бы ихъ мѣсто.

Въ этихъ условіяхъ народъ не нуждался въ писанныхъ законахъ, и эти писанные законы легко приходили въ забвеніе.

Какъ только происходило разногласіе между сторонами, постановлялось рѣшить его поединкомъ. Для этого не требовалось большихъ тонкостей.

Всѣ гражданскіе и уголовные иски сводились къ фактамъ и по поводу этихъ фактовъ стороны вступали въ поединокъ; и не только рѣшалось поединковъ существо дѣла, но и его побочныя обстоятельства и частныя опредѣленія, какъ говоритъ Бомануаръ [1]), подтверждающій это примѣрами.

Я вижу, что въ началѣ правленія третьей династіи, вся юриспруденція сводилась къ судебной процедурѣ и все было подчинено понятію чести. Если кто не слушался судьи, судья искалъ за обиду. Въ Буржѣ [2]), если кто не являлся на вызовъ прево, то прево объявлялъ вызванному: «Я посылалъ за тобою, и ты пренебрегъ моимъ зовомъ; ты отвѣтишь за это презрѣніе ко мнѣ»,—и они вступали въ поединокъ. Людовикъ Толстый отмѣнилъ [3]) этотъ обычай.

Судебный поединокъ примѣнялся въ Орлеанѣ ко всѣмъ долговымъ взысканіямъ [4]). Людовикъ Младшій постановилъ, что обычай этотъ сохраняетъ силу лишь въ такихъ случаяхъ, когда искъ превышаетъ пять су. Но этотъ указъ имѣлъ значеніе только мѣстнаго закона, такъ какъ при Людовикѣ Святомъ [5]) для дѣйствія этого обычая достаточно было, чтобъ искъ превышалъ двѣнадцать денье. Бомануаръ [6]) слышалъ отъ одного высокопоставленнаго судьи, что во Франціи существовалъ нѣкогда дурной обычай, допускавшій наемъ на опредѣленное время бойца для отбытія поединковъ во всѣхъ дѣлахъ нанимателя. Надо думать, что обычай судебнаго поединка имѣлъ въ это время громадное распространеніе.

---

[1]) Гл. LXI, стр. 309 и 310. (М.).
[2]) Хартія Людовика Толстаго, отъ 1145 г. въ *Recueil des Ordonnances*. (М.).
[3]) Ibid. (М.).
[4]) Хартія Людовика Младшаго отъ 1168 г. въ *Recueil des Ordonnances*. (М.).
[5]) Бомануаръ, гл. LXIII, стр. 325. (М.).
[6]) *Обычай Бовуази*, гл. XXVIII, стр. 203. (М.).

ГЛАВА XX.

Происхожденіе чести.

Въ законахъ варваровъ встрѣчаются загадочныя опредѣленія. Законъ [1]) фризовъ назначаетъ лишь полъ су виры въ пользу побитаго палкою, и нѣтъ такой ничтожной раны, за которую онъ не назначалъ бы большей пени. Согласно салическому закону, свободнорожденный, нанесшій свободнорожденному три удара палкою, платитъ три су; за пролитіе при этомъ крови, онъ подвергается такому же наказанію, какъ и за нанесеніе раны желѣзомъ и платитъ пятнадцать су; наказаніе соразмѣряется съ величиною нанесенныхъ ранъ. Законъ лонгобардовъ [2]) опредѣлялъ разныхъ размѣровъ пени за одинъ, за два, за три и четыре удара. Въ настоящее время одинъ ударъ стоитъ сто тысячъ.

Постановленіе Карла Великаго, включенное въ законъ лонгобардовъ [3]), требуетъ, чтобы тѣ, которымъ оно разрѣшаетъ поединокъ, бились на палкахъ. Можетъ быть, это была уступка духовенству; а можетъ быть также, что, распространяя употребленіе поединка, хотѣли сдѣлать его менѣе кровопролитнымъ. Капитулярій [4]) Людовика Благочестиваго предоставляетъ участникамъ на выборъ палку или оружіе. Впослѣдствіи только одни крѣпостные бились на палкахъ [5]).

Я вижу, какъ уже въ то время возникаютъ и начинаютъ вырабатываться отдѣльныя представленія, входящія въ наше понятіе о чести. Обвинитель начиналъ съ объявленія передъ судьей, что такой-то совершилъ такое-то дѣяніе, на что обвиняемый отвѣчалъ, что обвинитель солгалъ [6]), а судья назначалъ поединокъ. Установленное правило требовало, чтобы обличеніе во лжи разрѣшалось поединкомъ.

Разъ человѣкъ [7]) объявилъ, что будетъ драться, онъ уже не могъ отступить; въ противномъ случаѣ судъ приговаривалъ его къ наказанію. Отсюда возникло правило, что если человѣкъ далъ слово, честь не позволяетъ взять его назадъ.

Дворяне [8]) дрались на коняхъ и своимъ оружіемъ, а простолюдины [9])— пѣшіе и палками. Отсюда установилось понятіе, что палка есть орудіе

---

[1]) Additio sapientium Wilemari, tit. V. (М.).
[2]) Кн. I, ст. VI, § 3. (М.).
[3]) Кн. II, ст. V, § 23. (М.).
[4]) Включенное въ салическій законъ отъ 8193 г. (М.).
[5]) Бомануаръ, гл. LXIV, стр. 328. (М.).
[6]) *Ibib.*, p. 329. (М.).
[7]) *Ibid.*, гл. III, p. 25, et. 329. (М.).
[8]) См. объ оружіи бойцовъ—Бомануаръ, гл. LXI, стр. 308, и гл. LXIV, стр. 328. (М.).
[9]) См. Бомануаръ, гл. LXIV, стр. 328.—См. также хартіи Saint Aubin d'Anjou, приведенныя у Галланда (Galland), стр. 263. (М.).

оскорбленія [1]), потому что если человѣка били палкою, съ нимъ обошлись, какъ съ мужикомъ.

Только простолюдины дрались съ открытымъ лицомъ [2]); слѣдовательно, только они могли получать удары по лицу. Пощечина сдѣлалась оскорбленіемъ, которое необходимо было смыть кровью, потому что съ человѣкомъ, получившимъ ее, обошлись какъ съ мужикомъ.

Германскіе народы были не менѣе насъ щекотливы въ вопросахъ чести, — даже превосходили насъ. Такъ, самые отдаленные родственники принимали у нихъ живѣйшее участіе въ дѣлахъ по оскорбленіямъ, и это понятіе лежитъ въ основѣ всѣхъ ихъ кодексовъ. Законъ лонгобардовъ [3]) требуетъ, чтобы человѣкъ, побившій другого, застигнутаго имъ врасплохъ человѣка, въ сопровожденіи своихъ людей, съ цѣлью его опозорить или сдѣлать смѣшнымъ, платилъ половину той пени, которая слѣдовала бы съ него, если-бъ онъ его убилъ; если по тѣмъ же побужденіямъ онъ его связалъ, то платилъ три четверти этой пени [4]).

Итакъ, мы можемъ сказать, что предки наши были чрезвычайно чувствительны къ оскорбленіямъ; но что оскорбленія особаго рода, состоящія изъ ударовъ извѣстнымъ орудіемъ по извѣстной части тѣла, наносимыхъ извѣстнымъ образомъ, не были имъ еще извѣстны. Все это соединялось въ одномъ оскорбленіи быть битымъ, и въ этомъ случаѣ размѣръ злоупотребленія опредѣлялъ размѣры оскорбленія.

ГЛАВА XXI.

Новыя соображенія касательно вопросовъ чести у германцевъ.

«У германцевъ», говоритъ Тацитъ [5]), «считалось большимъ позоромъ оставить свой щитъ на полѣ сраженія, и многіе лишили себя жизни послѣ такого несчастія, приключившагося съ ними». Поэтому древній салическій законъ [6]) опредѣляетъ пятнадцать солидовъ пени въ пользу чечеловѣка, про котораго кто-нибудь, съ цѣлью оскорбить его, скажетъ, что онъ бросилъ свой щитъ.

Карлъ Великій [7]), дѣлая исправленія въ салическомъ законѣ, установилъ для такого случая лишь три солида пени. Нельзя, конечно, заподозрить этого государя въ желаніи ослабить военную дисциплину: оче-

---

[1]) У римлянъ ударъ палкою не причинялъ позора. L. Ictus fustium. De iis qui notantur infamia. (М.).

[2]) Имъ давалась только палка и круглый щитъ. Бомануаръ, гл. LXIV. стр. 328. (М.).

[3]) Кн. I, ст. VI, § 1. (М.).

[4]) Зак. лонгоб., кн. I, ст. VII, § 2. (М.).

[5]) *О нравахъ германцевъ,* гл. VI. (М.).

[6]) Pactus legis salicæ, c. VI. (М.).

[7]) Передъ нами старый законъ и законъ исправленный этимъ государемъ. (М.).

видно, что сдѣланное имъ измѣненіе было вызвано измѣненіемъ въ способѣ вооруженія, которое послужило началомъ для многихъ обычаевъ.

ГЛАВА XXII.

О нравахъ, имѣющихъ отношеніе къ поединку.

Наша связь съ женщиной основана на счастьѣ, доставляемомъ чувственными удовольствіями, на обаяніи любви и взаимности и еще на желаніи нравиться женщинамъ, такъ какъ онѣ превосходные судьи по нѣкоторымъ вопросамъ, касающимся личныхъ достоинствъ человѣка. Это желаніе нравиться вообще и бываетъ причиной того ухаживанія (galanterie) за женщиною, которое далеко еще не любовь, но тонкій, легкій и постоянный любовный обманъ.

Смотря по обстоятельствамъ, различнымъ для всякой націи и для всякаго вѣка, любовь руководится однимъ изъ названныхъ мотивовъ преимущественно передъ двумя другими, и я полагаю, что во времена господства у насъ поединковъ долженъ былъ преобладать духъ ухаживанья.

Я нахожу въ законѣ лонгобардовъ [1]), что въ случаѣ если одинъ изъ противниковъ имѣлъ на себѣ волшебныя травы, судья у него ихъ отбиралъ и заставлялъ присягать, что никакихъ травъ на немъ больше нѣтъ. Законъ этотъ не могъ имѣть иного основанія, кромѣ господствующаго мнѣнія; страхъ, который считается авторомъ столь многихъ изобрѣтеній, нашелъ силою воображенія и эти чары. Такъ какъ на поединокъ противники являлись въ полномъ вооруженіи, и тяжелое наступательное и оборонительное оружіе извѣстнаго закала и силы давало громадныя преимущества, то мнѣніе о заколдованномъ оружіи нѣкоторыхъ поединщиковъ должно было кружить головы очень многимъ.

Отсюда исполненное чудесъ представленіе рыцарства, проникшее во всѣ умы. Въ романахъ появились витязи, волшебники, феи, крылатые или одаренные разумомъ кони, невидимые или неуязвимые люди; чародѣи, интересующіеся рожденіемъ знатныхъ людей или ихъ воспитаніемъ; дворцы очарованные или дворцы, освобожденные отъ чаръ,—новый міръ въ мірѣ дѣйствительномъ, при чемъ обычное движеніе природы оставалось удѣломъ одной пошлой толпы.

Витязи, всегда вооруженные въ странѣ полной замковъ, крѣпостей и разбойниковъ, пріобрѣтали славу преслѣдованіемъ несправедливыхъ и защитою слабыхъ. Отсюда, въ нашихъ романахъ, опять-таки ухаживанье, основанное на идеѣ любви, соединенное съ идеей силы и покровительства.

Такимъ образомъ ухаживанье возникло, когда воображеніе создало необыкновенныхъ людей, которые, подъ вліяніемъ доблести, соединенной съ

---

[1]) Кн. II, ст. LV, § 11. (М.).

красотой и слабостью, стали обнаруживать стремленіе подвергать себя ради нея опасностямъ и желаніе ей нравиться въ обычныхъ житейскихъ отношеніяхъ.

Наши рыцарскіе романы льстили этому желанію нравиться и развили въ одной части Европы тотъ духъ ухаживанія, который, можно сказать, былъ мало знакомъ древнимъ.

Необычайная роскошь необъятнаго города Рима направляла мысль къ представленіямъ о чувственныхъ наслажденіяхъ. Извѣстное представленіе мирной деревенской жизни у грековъ располагало къ описаніямъ чувствъ любви [1]). Представленіе о витязяхъ, покровителяхъ женской добродѣтели и красоты, привело къ идеѣ ухаживанія за женщиной.

Этотъ духъ еще болѣе упрочился, благодаря обычаю турнировъ, которые, связавъ воедино права мужества и любви, сообщили ухаживанью за женщиной еще большее значеніе.

ГЛАВА XXIII.

О правовой конструкціи судебнаго поединка.

Быть можетъ небезынтересно будетъ взглянуть, какимъ образомъ чудовищный обычай судебнаго поединка былъ подведенъ подъ опредѣленныя начала и подчиненъ столь странному уставу судопроизводства. Будучи разсудителенъ по природѣ, человѣкъ подчиняетъ правиламъ даже свои предразсудки. Ничто не могло быть болѣе противно здравому смыслу, какъ судебный поединокъ; но разъ онъ былъ принятъ, примѣненіе его совершалось съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ благоразумія.

Чтобы вполнѣ понять юриспруденцію тѣхъ временъ, необходимо прочесть со вниманіемъ уставы Людовика Святого, который произвелъ столь большія измѣненія въ судопроизводствѣ. Дефонтенъ былъ современникомъ этого государя; Бомануаръ писалъ послѣ него [2]); другіе жили позднѣе. Слѣдовъ древняго производства надо, слѣдовательно, искать въ тѣхъ исправленіяхъ, которымъ оно было подвергнуто.

ГЛАВА XXIV.

Правила судебнаго поединка.

Когда [3]) въ одномъ и томъ же дѣлѣ являлось нѣсколько обвинителей, то, по взаимному ихъ соглашенію, веденіе дѣла должно было быть предоставлено одному изъ нихъ; если же они къ такому соглашенію не при-

---

[1]) Подтвержденіемъ могутъ служить средневѣковые романы изъ греческой жизни. (М.).—Вѣроятно, авторъ намекаетъ на *Дафниса и Хлою, Ѳеагена и Хариклею* и др.

[2]) Въ 1283 г. (М.).

[3]) Бомануаръ, гл. VI, стр. 40 и 41. (М.).

ходили, судья, которому подлежалъ разборъ дѣла, назначалъ, кому изъ нихъ вести его.

Когда [1]) дворянинъ привлекалъ къ суду простолюдина, то долженъ былъ являться на бой пѣшій, съ палкою и щитомъ; если же являлся верхомъ и въ дворянскомъ вооруженіи, у него отбирали лошадь и оружіе, оставляли въ одной рубахѣ, и въ этомъ видѣ онъ долженъ былъ драться съ простолюдиномъ.

Передъ поединкомъ судъ [2]) дѣлалъ три громогласныхъ объявленія: однимъ предписывалось, чтобы удалились родственники сторонъ; вторымъ— чтобы окружающій народъ не нарушалъ молчанія; третьимъ воспрещалось оказаніе помощи одной изъ сторонъ подъ страхомъ тяжкихъ наказаній—даже смерти, если-бъ одинъ изъ бойцовъ былъ побѣжденъ вслѣдствіе такого вмѣшательства.

Судебные служители охраняли [3]) огороженную площадь поединка, и если одна изъ сторонъ заговаривала о мирѣ, тщательно замѣчали положеніе обоихъ противниковъ въ эту минуту, чтобы, въ томъ случаѣ, если примиреніе не состоится, поставить [4]) ихъ въ то же положеніе, въ которомъ они находились раньше.

Когда поединокъ былъ слѣдствіемъ обвиненія въ преступленіи или неправомъ судѣ, миръ не могъ быть заключенъ помимо согласія сеньера; если же одна изъ сторонъ была побѣждена, миръ не былъ возможенъ иначе, какъ съ разрѣшенія графа [5]), что соотвѣтствовало нашему помилованію.

Но если преступленіе было уголовное и сеньеръ, будучи подкупленъ, соглашался на миръ, онъ платилъ шестьдесятъ ливровъ штрафу и принадлежащее ему право наказанія [6]) преступника переходило къ графу.

Много было людей, которые не могли ни дѣлать, ни принимать вызова. Такимъ, послѣ надлежащаго удостовѣренія, дозволялось ставить за себя бойца; чтобы вызвать въ послѣднемъ большую ревность въ защитѣ представляемой имъ стороны, ему отрубали кисть руки, если онъ оставался побѣжденнымъ [7]).

Въ прошломъ столѣтіи издавались законы, опредѣлявшіе за дуэль смертную казнь; было бы, быть можетъ, совершенно достаточно отрѣшать воина отъ его занятія отсѣченіемъ у него кисти руки, такъ какъ

---

[1]) *Ibid*, гл. LXIV, стр. 328. (М.).
[2]) *Ibid.*, стр. 330. (М.).
[3]) Бомануаръ, гл. LXIV, стр. 330. (М.).
[4]) Ibid. (М.).
[5]) Главные вассалы руководились особыми правилами. (М.).
[6]) Бомануаръ, гл. LXIV, стр. 330, говоритъ: *il perdroit sa justice.* Слова эти, у писателей того времени, не имѣютъ общаго значенія, а примѣнялись къ разсматриваемому случаю.—Defont., ch. XXI, art. 29. (М.).
[7]) Этотъ обычай, о которомъ говорится въ капитуляріяхъ, существовалъ во время Бомануара: гл. LXI, стр. 315. (М.).

обыкновенно нѣтъ ничего печальнѣе для человѣка, какъ пережить свое званіе.

Когда, въ случаяхъ уголовнаго преступленія [1]), поединокъ совершался черезъ замѣстителей, тяжущіеся ставились въ такомъ мѣстѣ, откуда имъ не было видно бойцовъ. Каждый изъ нихъ былъ опоясанъ веревкою, которая должна была служить орудіемъ казни для того изъ нихъ, боецъ котораго остался бы побѣжденнымъ.

Побѣжденный въ поединкѣ, не всегда еще проигрывалъ дѣло. Если, напр. [2]), поединокъ установлялъ какое-либо частное опредѣленіе, не разрѣшавшее дѣла по существу, побѣжденный терялъ только то, что было предметомъ этого частнаго опредѣленія.

ГЛАВА XXV.

О предѣлахъ судебнаго поединка.

Въ случаяхъ принятія вызова по какому-нибудь маловажному гражданскому иску, сеньеръ заставлялъ противниковъ отказаться отъ поединка.

Въ случаѣ общеизвѣстности факта [3]), напр., если былъ убитъ человѣкъ на рынкѣ, на глазахъ толпы, не требовалось ни доказательства посредствомъ свидѣтелей, ни доказательства посредствомъ поединка, постановлялся судьей приговоръ на основаніи общеизвѣстности.

Если на судѣ сеньера часто повторялись тождественныя рѣшенія и и такимъ образомъ обычай дѣлался извѣстнымъ [4]), сеньеръ, чтобы не вводить измѣненія въ обычаяхъ въ зависимости отъ исхода поединка, отказывалъ сторонамъ въ этомъ послѣднемъ.

Нельзя было вызывать на поединокъ иначе какъ за себя [5]), за члена своего рода или за своего сеньера.

Если обвиняемый былъ по суду оправданъ [6]), другой родственникъ не могъ требовать поединка: въ противномъ случаѣ дѣло могло бы тянуться до безконечности.

Если человѣкъ, за смерть котораго родственники хотѣли мстить, оказывался въ живыхъ, о поединкѣ не могло быть болѣе рѣчи, равно какъ и въ томъ случаѣ [7]), когда, за общеизвѣстнымъ отсутствіемъ приводимыхъ обстоятельствъ, обнаруживалась невозможность самого факта.

Если убитый [8]), передъ смертью, объявлялъ невиннымъ человѣка, на котораго пало подозрѣніе въ убійствѣ, и при этомъ называлъ дру-

[1]) Бомануаръ, гл. LXIV, стр. 330. (М.).
[2]) Бомануаръ, гл. LXI, стр. 309. (М.).
[3]) Ibid., гл. LXI, стр. 308.—Ibid., гл. LXIII, стр. 330. (М.).
[4]) Ibid., гл. LXI, стр. 314.—Дефонтенъ, гл. XXII, стр. 24. (М.).
[5]) Бомануаръ, гл. LXIII, стр. 322. (М.).
[6]) Ibid. (М.).
[7]) Ibid., гл. LXIII, стр. 332. (М.).
[8]) Ibid., стр. 323. (М.).

гого, поединокъ не могъ имѣть мѣста; но если онъ при этомъ никого не называлъ, его объявленіе принималось за свидѣтельство прощенія своему убійцѣ, и тогда преслѣдованіе вступало въ силу, а дворяне въ такомъ случаѣ могли даже вступать между собою въ войну.

Если во время этой войны одинъ изъ родственниковъ дѣлалъ или принималъ вызовъ, право войны прекращалось: предполагалось, что стороны имѣли намѣреніе вести дѣло обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ, и та изъ нихъ, которая стала бы продолжать войну, была бы приговорена къ возмѣщенію убытковъ.

Итакъ, примѣненіе судебнаго поединка представляло ту выгоду, что могло общественную усобицу обратить въ частную распрю, возстановить авторитетъ суда и вернуть въ сферу гражданскихъ отношеній людей, которые слушались однихъ указаній международнаго права.

Если есть безчисленное множество разумныхъ вещей, которыя ведутся самымъ безразсуднымъ образомъ, то, съ другой стороны, встрѣчаются и безразсудства, которымъ дается очень разумное направленіе.

Когда [1]) обвиняемый въ преступленіи обнаруживалъ, что преступленіе совершено самимъ обвинителемъ, то вызова на поединокъ не допускалось, потому что преступникъ всегда предпочелъ бы сомнительный исходъ поединка несомнѣнному наказанію.

Не существовало [2]) поединка въ дѣлахъ, рѣшаемыхъ третейскимъ судомъ или духовными судами, а равно въ спорахъ о вдовьей части.

«Женщина», говоритъ Боманyаръ, «не можетъ вступать въ единоборство». Если женщина звала кого-нибудь къ суду, не называя при этомъ своего бойца, вызовъ на поединокъ не принимался. Для этого требовалось, кромѣ того, полномочіе со стороны ея барона [3]), т. е. мужа; но къ суду она могла быть позвана и помимо такого полномочія.

Если истецъ [4]) или отвѣтчикъ были моложе пятнадцати лѣтъ, поединокъ не имѣлъ мѣста; впрочемъ, онъ могъ быть предписываемъ по дѣламъ малолѣтнихъ, если опекунъ, или завѣдующій имуществомъ малолѣтняго, принималъ на себя рискъ, соединенный съ этимъ судопроизводствомъ.

Вотъ, по моему, тѣ случаи, когда поединокъ допускался для крѣпостного: онъ вступалъ въ единоборство съ другимъ крѣпостнымъ, со свободнымъ и даже съ дворяниномъ въ случаѣ обращеннаго къ нему вызова; но если онъ самъ звалъ къ суду дворянина [5]), послѣдній могъ отказаться отъ поединка, и даже сеньеръ крѣпостного имѣлъ право отозвать его изъ

---

[1]) Ibid., гл. LXIII, стр. 324. (М.).
[2]) Ibid , гл. LXIII, стр. 325. (М.).
[3]) Ibid., стр. 325. (М.).
[4]) Ibid., стр. 323.—См. также сказанное мною въ кн. XVIII, гл. XXVI. (М.).
[5]) Ibid., гл. LXIII, стр. 327. (М.).

суда [1]). Крѣпостной могъ на основаніи грамоты сеньера [2]), или на основаніи обычая, вступать въ поединокъ со всякимъ свободнымъ человѣкомъ, и церковь [3]) настаивала на этомъ правѣ для своихъ крѣпостныхъ, усматривая въ немъ знакъ особаго къ себѣ почтенія [4]).

ГЛАВА XXVI.

О судебномъ поединкѣ между одной изъ сторонъ и однимъ изъ свидѣтелей.

Бомануаръ говоритъ [5]), что если тяжущійся усматривалъ опасность въ показаніи свидѣтеля, то могъ отвести слѣдующаго свидѣтеля, объявивъ судьямъ [6]), что противная сторона поставила ложнаго свидѣтеля и клеветника; и, если свидѣтель хотѣлъ поддержать споръ, то дѣлалъ вызовъ. Этимъ устранялся вопросъ о судебномъ изслѣдованіи, потому что если одна изъ сторонъ брала надъ свидѣтелемъ верхъ, то это служило доказательствомъ, что другая сторона поставила ложнаго свидѣтеля, и она считалась проигравшей.

Не слѣдовало допускать второго свидѣтеля до присяги, потому что онъ далъ бы свое показаніе, и дѣло было бы рѣшено показаніемъ двухъ свидѣтелей [7]); если же остановленъ былъ второй свидѣтель, показаніе перваго становилось безполезнымъ.

Послѣ того, какъ второй свидѣтель былъ отвергнутъ, сторона не могла уже представлять другихъ свидѣтелей и проигрывала; но если не было вызова на поединокъ [8]), можно было представлять другихъ свидѣтелей.

Бомануаръ говоритъ [9]), что свидѣтель, прежде чѣмъ дать показаніе, могъ сказать своей сторонѣ: «Я не хочу драться изъ-за вашей ссоры, ни судиться о моей; но если вы согласны защищать меня, то я охотно скажу правду». Тогда тяжущійся долженъ былъ драться за своего свидѣтеля, и хотя не терялъ части тѣла [10]) въ случаѣ побѣды противника надъ нимъ, но свидѣтель его отвергался.

---

[1]) Даже тогда, когда онъ уже держалъ щитъ и палку для вступленія въ поединокъ.

[2]) Дефонтенъ, гл. XXII, § 7. (М.).

[3]) *Habeant bellandi et testificandi licentiam.* Хартія Людовика Толстаго. отъ 1118 г. (М.).

[4]) Ibid. (М.).

[5]) Бомануаръ, гл. LXI, стр. 316. (М.).

[6]) «Leur doit-on demander, avant qu'ils fassent nul serment, pour qui ils veulent tesmoigner; car lenques gist li point d'aus lever de faus tesmoignage». Бомануаръ, гл. XXXIX, стр. 218. (М.).

[7]) «Autant valent deux bons tesmoins pour une cause gagner que feroient vingt». Бомануаръ, гл. LXI, стр. 315.

[8]) Ibid., гл. LXI, стр. 316. (М.).

[9]) Ibid. гл. VI, стр. 40. (М.).

[10]) Но если на поединокъ выходили замѣстители, побѣжденному замѣстителю отсѣкали кисть руки. (М.).

Я полагаю, что порядокъ этотъ составлялъ видоизмѣненіе древняго обычая; основываюсь на томъ, что обычай вызова на поединокъ свидѣтелей находится въ баварскомъ [1]) и бургундскомъ [2]) законодательствахъ безъ какихъ-либо ограниченій.

Я уже говорилъ о постановленіи Гундобальда, противъ котораго такъ сильно возставали Агобардъ [3]) и Св. Авитъ [4]). «Если обвиняемый, говоритъ этотъ государь, представляетъ свидѣтелей, готовыхъ показать подъ присягою, что онъ не совершилъ преступленія, обвинитель можетъ вызвать на поединокъ одного изъ свидѣтелей; ибо согласно съ справедливостью, чтобы тотъ, кто вызвался дать присягу и объявилъ, что знаетъ правду, не отказывался постоять за нее на поединкѣ». Такимъ образомъ, этотъ король не допускалъ со стороны свидѣтелей никакихъ отговорокъ, которыя позволяли бы имъ уклониться отъ поединка.

ГЛАВА XXVII.

О поединкѣ между одною изъ сторонъ и однимъ изъ пэровъ сеньера. Апелляція на неправое рѣшеніе.

Такъ какъ рѣшеніе дѣла поединкомъ было по природѣ своей рѣшеніемъ окончательнымъ, несовмѣстимымъ [5]) съ новымъ приговоромъ и преслѣдованіемъ, то апелляція, въ смыслѣ, установленномъ римскимъ и каноническимъ законодательствомъ, т. е. обращеніе къ суду высшей инстанціи за перерѣшеніемъ постановленія низшей, была во Франціи неизвѣстна.

Воинственная нація, руководимая единственно правилами чести, не вѣдала этихъ формъ судопроизводства; слѣдуя одному и тому же духу, она и противъ судей принимала тѣ самыя мѣры [6]), какими располагала противъ сторонъ.

Апелляція у этого народа состояла въ вызовѣ на единоборство оружіемъ, чтобы рѣшить дѣло кровью, а не въ приглашеніи на чернильную брань, съ которой онъ познакомился лишь впослѣдствіи [7]).

Потому-то Людовикъ Святой говоритъ въ своихъ Установленіяхъ [8]), что апелляція есть измѣна и беззаконіе, а Боманyаръ—что человѣкъ [9]),

---

[1]) Tit. XVI, § 2. (M.).
[2]) Tit. XLV. (M.).
[3]) Письмо его къ Людовику Благочестивому. (M).
[4]) Vie de S. Avit. (M.).
[5]) «Car en la cour on l'on va par la raison de l'appel pour les gages maintenir, se bataille est faite, la querelle est venue à fin, si que il n'y a métier de plus d'apiaux». Бом, гл. II, стр. 22. (M.).
[6]) Ibid., гл. LXI, стр. 312, и гл. LXVII, стр. 338. (M.).
[7]) Дефонтенъ, гл. XXII, стр. 5.—«Ce que les lois (romaines) font par appel, fet notre usage par fausser».
[8]) *Établissements,* liv. II, ch. XV. (M.).
[9]) Бом., гл. LXI, стр. 310 и 311, и гл. LXVII, стр. 337. (M.).

прежде чѣмъ обвинять сеньера въ зломъ умыслѣ, долженъ былъ заявить ему, что покидаетъ его ленъ, и уже потомъ позвать его на судъ сеньера-сюзерена и вызвать на поединокъ. Такимъ же образомъ и сеньеръ долженъ былъ отказаться отъ своихъ правъ на вассала, если звалъ его на судъ графа.

Апелляція на неправое рѣшеніе своего сеньера была равносильна утвержденію, что его рѣшеніе лживо и злонамѣренно; обращеніе къ нему съ такими словами было, такъ сказать, преступленіемъ и измѣной со стороны вассала.

Поэтому, вмѣсто апелляціи на неправое рѣшеніе сеньера, который учреждалъ и вѣдалъ судъ, апеллировали на рѣшеніе пэровъ, которые этотъ судъ составляли. Этимъ устранялось обвиненіе въ измѣнѣ, ибо истецъ наносилъ оскорбленіе лишь своимъ пэрамъ, которымъ могъ всегда дать удовлетвореніе.

Обвиненіе пэровъ въ неправомъ рѣшеніи подвергало [1]) тяжущагося немаловажнымъ опасностямъ. Если онъ ждалъ постановленія и произнесенія приговора, ему приходилось выходить на поединокъ [2]) со всѣми пэрами, которые обязывались рѣшить дѣло по справедливости; если онъ высказывалъ недовольство раньше, чѣмъ всѣ судьи произносили свое мнѣніе, ему приходилось драться съ тѣми изъ нихъ, которые были одного мнѣнія [3]). Чтобъ избѣгнуть этой опасности, онъ обращался къ сеньеру [4]) съ просьбою приказать, чтобы каждый пэръ произносилъ громко свое мнѣніе, и какъ только одинъ изъ нихъ его высказывалъ, и прежде чѣмъ второй успѣвалъ сдѣлать то же, объявлялъ это мнѣніе лживымъ, злонамѣреннымъ и клеветническимъ. Въ такомъ случаѣ ему приходилось драться только съ однимъ этимъ судьей.

Дефонтенъ предлагалъ, чтобы, прежде обжалованія неправаго рѣшенія, давали высказать свое мнѣніе тремъ судьямъ; но не говоритъ, чтобы слѣдовало выходить со всѣми тремя на поединокъ, и еще менѣе о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ приходилось бы драться со всѣми тѣми, которые объявляли, что они одного съ ними мнѣнія [5]). Различія эти происходятъ оттого, что не существовало обычаевъ вполнѣ тождественныхъ. Бомануаръ говоритъ о томъ, что происходило въ Клермонскомъ графствѣ, а Дефонтенъ—какихъ порядковъ держались въ Вермандуа.

Когда одинъ изъ пэровъ [6]) или ленниковъ объявлялъ, что готовъ защищать приговоръ, судья требовалъ формальнаго вызова и, кромѣ того,

---

[1]) Бомануаръ, гл. LXI, стр. 313. (М.).
[2]) Ibid., стр. 314. (М.).
[3]) Которые были согласны въ рѣшеніи. (М.).
[4]) Бомануаръ, гл. LXI, стр. 314. (М.).
[5]) Дефонтенъ, гл. XXII, стр. 1, 10 и 11.—Онъ говоритъ только, что каждому изъ нихъ платился штрафъ. (М.).
[6]) Бомануаръ, гл. LXI, стр. 314. (М.).

бралъ съ жалобщика обезпеченіе въ томъ, что онъ станетъ на поединокъ; но съ пэра обезпеченія не бралось, такъ какъ онъ былъ человѣкомъ сеньера и обязанъ былъ или защищать приговоръ, или уплатить сеньеру шестьдесятъ ливровъ штрафа.

Если жалобщикъ [1]) не могъ доказать ложности приговора, то платилъ сеньеру шестьдесятъ ливровъ штрафа, столько же [2]) пэру, противъ котораго апеллировалъ, и каждому изъ пэровъ, открыто согласившихся съ приговоромъ.

Человѣкъ, арестованный по сильному подозрѣнію въ преступленіи, за которое полагалась смертная казнь, и затѣмъ подвергшійся осужденію, не могъ обжаловать [3]) неправаго рѣшенія, потому что дѣлалъ бы это всегда съ цѣлью продлить жизнь или покончить дѣло миромъ.

Если кто-либо [4]) утверждалъ, что приговоръ суда былъ лживый и злонамѣренный, и не вызывался доказать это, т. е. выйти на поединокъ, то за произнесеніе этихъ непристойныхъ словъ приговариваемъ былъ къ уплатѣ штрафа въ десять су, если былъ дворянинъ, и въ пять су, если былъ простолюдинъ.

Судьи [5]) или пэры, побѣжденные на поединкѣ, не теряли ни жизни, ни частей тѣла; жалобщикъ же наказывался смертью, если дѣло было уголовнаго характера [6]).

Этотъ способъ обвиненія ленниковъ въ неправомъ рѣшеніи имѣлъ цѣлью устранить отъ обвиненія самого сеньера. Когда [7]) сеньеръ не имѣлъ пэровъ или имѣлъ ихъ въ недостаточномъ числѣ, онъ могъ, на свой счетъ, занять [8]) ихъ у сеньера-сюзерена; но эти пэры не были обязаны творить судъ: они могли объявить, что прибыли только для подачи совѣта. Если, въ этомъ особомъ случаѣ [9]), сеньеръ самъ творилъ судъ и произносилъ рѣшеніе, то долженъ былъ принимать и вызовъ по обвиненію въ неправомъ судѣ.

Если сеньеръ [10]) былъ такъ бѣденъ, что не могъ взять пэровъ у своего сюзерена, или не просилъ ихъ у него по нерадѣнію, или же сюзеренъ ему ихъ не давалъ, то такъ какъ онъ не могъ судить одинъ, и ни-

[1]) Бомануаръ, гл. LXI, стр. 314. (М.).—Дефонтенъ, гл. XXII, стр. 9. (М.).
[2]) Ibid. (М.).
[3]) Бомануаръ, гл. LXI, стр. 316—Дефонтенъ, гл. XXII, стр. 21. (М.).
[4]) Бомануаръ, гл. LXI, стр. 314. (М.).
[5]) Дефонтенъ, гл. XXII, стр. 7. (М.).
[6]) См. Дефонтенъ, гл. XXI, стр. 11, 12 и слѣд., въ которыхъ различаются случаи, когда жалобщикъ терялъ жизнь, предметъ спора или только побочный искъ. (М.).
[7]) Бомануаръ, гл. LXII, стр. 322.—Дефонтенъ, гл. XXII, стр. 3. (М.).
[8]) Графъ не былъ обязанъ давать ихъ. Бомануаръ, гл. LXVII, стр. 336 и 337. (М.).
[9]) «Никто не можетъ произносить рѣшеніе въ своемъ судѣ», говоритъ Бомануаръ, гл. LXVII, стр. 336 и 337. (М.).
[10]) Ibid., гл. LXII, стр. 322. (М.).

кто не обязанъ былъ являться передъ судомъ, который не могъ постановлять рѣшеній, дѣла поступали въ судъ сюзерена.

Я полагаю, что это было одною изъ главныхъ причинъ отдѣленія суда отъ лена, откуда образовалось впослѣдствіи правило французскихъ юристовъ: одно дѣло ленъ, другое—судъ [1]). Такъ какъ было безчисленное множество ленниковъ, которые, не имѣя подвластныхъ имъ людей, не могли отправлять суда, то всѣ дѣла поступали въ судъ ихъ сюзерена. Такимъ образомъ, они потеряли право суда, потому что не имѣли ни возможности, ни желанія пользоваться имъ.

Всѣ судьи [2]), участвовавшіе въ постановленіи приговора, должны были присутствовать и при его объявленіи, чтобы, въ случаѣ если тяжущійся, желая обжаловать неправое рѣшеніе, обратился бы къ нимъ съ вопросомъ,—согласны ли они съ постановленнымъ рѣшеніемъ,—они могли отвѣчать утвердительно; «ибо, говоритъ Дефонтенъ [3]), таково требованіе вѣжливости и законности, не допускающихъ ни уклончиваго отвѣта, ни отлрочки». Я полагаю, что по этимъ же побужденіямъ возникъ, до сихъ поръ сохранившійся въ Англіи обычай, требующій, чтобы всѣ присяжные были одного мнѣнія, когда дѣло идетъ о смертномъ приговорѣ.

Приходилось, слѣдовательно, объявить свое согласіе съ мнѣніемъ большинства; если же происходило раздѣленіе голосовъ, приговоръ постановлялся: въ случаѣ преступленія—въ пользу обвиняемаго; въ случаѣ преслѣдованія за долги—въ пользу должника; въ случаѣ наслѣдованія—въ пользу отвѣтчика.

Пэръ, говоритъ Дефонтэнъ [4]), не имѣлъ права говорить, что не станетъ судить, пока ихъ будетъ всего четверо [5]), или пока они не будутъ всѣ налицо, или пока не присоединятся къ нимъ мудрѣйшіе изъ нихъ. Это было-бъ то же, какъ если-бъ онъ сказалъ, во время военной схватки, что не станетъ помогать своему сеньеру, потому что тотъ имѣлъ при себѣ лишь часть своихъ людей [6]). Дѣло сеньера было, конечно, поддержать честь своего суда и брать для него самыхъ доблестныхъ и разумныхъ изъ своихъ людей. Я привожу это мѣсто, чтобы показать, что обязанностью вассала было драться и судить, и что обязанность эта была такого рода, что судить значило драться.

Сеньеръ [7]), который судился въ собственномъ судѣ съ своимъ вассa-

---

[1]) *Autre chose est le fief, autre chose est la justice,* или: *fief et justice n'ont rien de commun.*

[2]) Дефонтенъ, гл. XXII, стр. 27 и 28. (М.).

[3]) *Ibid.*, стр. 28. (М.).

[4]) Гл. XXI, стр. 37. (М.).

[5]) Необходимо было, чтобы ихъ присутствовало не менѣе этого числа. Дефотентъ, гл. XXI, стр. 36. (М.).

[6]) Nus ne doibt laisser à faire son debvoir parce que son compains ne le fet. Бомануаръ, гл. LXVII. стр. 337.

[7]) Бомануаръ, гл. LXVII, стр. 337. (М.).

ломъ и проигралъ дѣло, могъ обжаловать неправое рѣшеніе одного изъ своихъ людей. Но въ виду того почтенія, которымъ вассалъ обязанъ былъ сеньеру, въ силу данной присяги въ вѣрности, и благосклоннаго отношенія, которымъ сеньеръ обязанъ былъ своему вассалу въ силу принятія этой присяги, допускалось слѣдующее различіе: или сеньеръ говорилъ вообще, что приговоръ былъ лживый и злонамѣренный [1]), или же обвинялъ непосредственно своего вассала въ преступномъ нарушеніи долга [2]). Въ первомъ случаѣ, онъ оскорблялъ собственный судъ и, въ нѣкоторомъ родѣ, самого себя, а потому и не могъ требовать поединка; во второмъ, онъ могъ его требовать, потому что посягалъ на честь своего вассала, при чемъ, въ интересахъ общественнаго спокойствія, тотъ изъ нихъ, который былъ побѣжденъ, лишался жизни и имущества.

Это различіе, необходимое въ настоящемъ особомъ случаѣ, было распространено и на другіе. Бомануаръ говоритъ, что если жалующійся на неправое рѣшеніе обращался къ одному изъ ленниковъ съ личнымъ обвиненіемъ, дѣло разрѣшалось поединкомъ; но если онъ отвергалъ только приговоръ, предоставлялось на выборъ пэра [3]), къ которому обращена была аппеляція, потребовать рѣшенія спора поединкомъ или судомъ. Но такъ какъ во время Бомануара господствовало стремленіе къ ограниченію судебнаго поединка, и въ то же время предоставленная пэру свобода отстаивать или не отстаивать приговоръ поединкомъ противорѣчила установленнымъ понятіямъ о чести и объ обязанностяхъ вассала защищать судъ сеньера, то я и полагаю, что приведенное у Бомануара различіе было новой формой судопроизводства у французовъ.

Я не говорю, чтобы всѣ обжалованія неправаго рѣшенія оканчивались поединкомъ. Съ этой формой апелляціи было то же, что и со всѣми другими. Я уже указывалъ въ главѣ XXV на исключенія, когда судъ сюзерена рѣшалъ, быть или не быть поединку.

Обжалованіе неправаго рѣшенія не существовало для постановленій королевскаго суда: король не имѣлъ себѣ равнаго, и никто не могъ обращаться къ нему съ вызовомъ; не было никого выше его, и никто не могъ обжаловать его рѣшенія.

Этотъ основной законъ, необходимый какъ законъ политическій, ограничивалъ также, какъ законъ гражданскій, злоупотребленія судебной практики тѣхъ временъ. Когда сеньеръ опасался [4]) апелляціи на неправое рѣшеніе своего суда или узнавалъ, что готовятся предъявить таковую, и если это было противъ интересовъ правосудія, онъ могъ просить о присылкѣ къ нему людей изъ королевскаго суда, приговоръ которыхъ не

[1]) Это приговоръ лживый и злонамѣренный. *Ibid.*

[2]) Vous avez fet jugement faus et mauvès comme mauvès que vous estes ou par louier ou par promesse. Бомануаръ, гл. LXVII, стр. 337. (М.).

[3]) Бомануаръ, гл. LXVII, стр. 337 и 338. (М.).

[4]) Дефонтенъ, гл. XXII, стр. 14. (М.).

подлежалъ апелляціи. Такъ, Дефонтенъ говоритъ [1]), что король Филиппъ послалъ весь свой совѣтъ въ судъ корбійскаго аббата для рѣшенія одного дѣла.

Если сеньеръ не могъ имѣть судей короля, онъ еще могъ перенести свой судъ въ судъ короля, если только зависѣлъ непосредственно отъ короля; если же между ними находились еще посредствующіе сеньеры, онъ обращался къ своему сеньеру-сюзерену и, переходя отъ сеньера къ сеньеру, достигалъ короля.

Итакъ, хотя въ тѣ времена не существовало, ни на практикѣ, ни даже въ понятіяхъ, апелляціи въ современномъ смыслѣ, можно было тѣмъ не менѣе обращаться къ правосудію короля, который всегда былъ источникомъ, изъ котораго исходили всѣ рѣки, и океаномъ, въ который онѣ возвращались.

ГЛАВА XXVIII.

Объ апелляціи по поводу отказа въ правосудіи.

Жалоба объ отказѣ въ правосудіи (défaut de droit) подавалась въ тѣхъ случаяхъ, когда на судѣ сеньера затягивали рѣшеніе дѣла, уклонялись отъ такого рѣшенія или отказывали въ немъ сторонамъ.

Хотя, при короляхъ второй династіи, графъ и имѣлъ много подчиненныхъ ему чиновниковъ, но подчиненіе это относилось къ ихъ личности, а не юрисдикціи. Въ своихъ съѣздахъ, ассизахъ или засѣданіяхъ, чиновники эти постановляли, какъ и графы, окончательныя рѣшенія. Вся разница состояла въ распредѣленіи судебной власти каждаго изъ нихъ. Такъ, напр., графъ [2]) могъ приговорить къ смерти, рѣшить вопросъ о личной свободѣ или о возвращеніи имущества, тогда какъ сотникъ (centenier) ничего этого дѣлать не могъ.

На томъ же основаніи, существовали дѣла высшаго порядка [3]), которыя подлежали рѣшенію короля; это были дѣла, непосредственно затрогивавшія политическія отношенія. Сюда принадлежали, напр., споры между епископами, аббатами и другими знатными людьми, которыхъ судилъ король вмѣстѣ съ важнѣйшими вассалами [4]).

Мнѣніе нѣкоторыхъ авторовъ, будто существовала апелляція на графа королевскому посланному, missus dominicus, не имѣетъ основанія: графъ и missus имѣли равную, независимую одна отъ другой [5]) юрис-

---

[1]) Дефонтенъ, гл. XXII, стр. 14. (М.).

[2]) Капитулярій III, отъ 812 г., ст. 3, изд. Балюза, стр. 497 и Карла Лысаго присоединенный къ закону лонгобардовъ, кн. II, ст. 3. (М.).

[3]) Капит. III, отъ 812 г., ст. 2, изд. Балюза, стр. 497. (М.).

[4]) *Cum fidelibus*. Капит. Людов. Благоч., изд. Балюза, стр. 667. (М.).

[5]) См. Капит. Карла Лысаго, приложенный къ закону лонгобардовъ, кн. II. ст. 3. (М.).

дикцію; вся разница [1]) состояла въ томъ, что missus имѣлъ свои засѣданія въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ въ году, а графъ—въ продолженіе остальныхъ восьми.

Тотъ [2]), кто будучи разъ осужденъ въ засѣданіи уголовнаго суда [3]), просилъ о новомъ разсмотрѣніи дѣла и снова его проигрывалъ, платилъ 15 су пени или получалъ пятнадцать ударовъ отъ судей, рѣшившихъ дѣло.

Когда графы или королевскіе посланные видѣли, что не въ силахъ справиться съ людьми, принадлежавшими къ знати, то обязывали ихъ, за поруками [4]), явиться въ королевскій судъ; дѣлалось это для разсмотрѣнія, а не пересмотра дѣла. Изъ капитулярія въ Метцѣ [5]) я вижу, что установлена была лишь апелляція на неправое рѣшеніе въ королевскій судъ; всѣ же другія апелляціи были отмѣнены и за подачу ихъ полагалось наказаніе.

Если кто не хотѣлъ подчиниться [6]) приговору графскихъ судей (èchevins) [7]) и не подавалъ жалобы на ихъ рѣшеніе, тотъ подвергался тюремному заключенію впредь до подчиненія его этому приговору; если же онъ подавалъ жалобу, то подъ надежной стражей препровождался для разбора своего дѣла въ королевскій судъ.

О жалобѣ на отказъ въ правосудіи не могло быть въ тѣ времена рѣчи. Не только никто не жаловался на то, что графы и другія лица, имѣвшія право открытія судебныхъ съѣздовъ, неисправно производили свой судъ—напротивъ, жаловались [8]) на слишкомъ большое ихъ усердіе въ этомъ дѣлѣ [9]). Существуетъ множество указовъ, воспрещающихъ графамъ и всякаго рода судебнымъ чинамъ открывать засѣданія суда болѣе трехъ разъ въ году. Приходилось не столько взыскивать за ихъ нерадѣніе, сколько сдерживать ихъ неумѣренную ревность.

Но послѣ того какъ образовалось безчисленное множество мелкихъ сеньерій и установлены были различныя степени вассальныхъ отношеній, небрежное отношеніе нѣкоторыхъ вассаловъ въ дѣлѣ суда породило этого рода апелляціи [10]) тѣмъ болѣе, что соединенные съ ними штрафы давали сеньеру-сюзерену значительный доходъ.

---

[1]) Капит. III, отъ 812 г., ст. 8. (М.).

[2]) Капитулярій, приложенный къ закону лонгобардовъ, кн. II, ст. LIX. (М.)

[3]) *Placitum*. (М.).

[4]) Это слѣдуетъ изъ формулъ, хартій и капитуляріевъ. (М.).

[5]) Отъ 757 г., изд. Балюза, стр. 180, ст. 9 и 10; синодъ *apud Vernas*, отъ 755 г., ст. 29, изд. Балюза, стр. 175. Оба капитулярія относятся къ царствованію короля Пипина.

[6]) Капитулярій XI Карла В., отъ 805 г., изд. Балюза, стр. 423; законъ Лоторя въ зак. лонгобардовъ, кн. II, гл. LII, ст. 23. (М.).

[7]) Члены суда, подчиненные графу: *Scabini*.

[8]) См. законъ лонгобардовъ, кн. II, гл. LII, ст. 22. (М.).

[9]) Magis propter cupiditatem quam propter justitiam, loco cit. предшест. примѣч.

[10]) Жалобы на отказъ въ правосудіи встрѣчаются со времени Филиппа-Августа. (М.).

Вмѣстѣ съ распространеніемъ обычая судебнаго поединка, стали встрѣчаться такія мѣстности и обстоятельства, когда трудно было собирать пэровъ; и когда вслѣдствіе этого отправленіе правосудія приходило въ упадокъ. Такимъ образомъ появились жалобы на отказъ въ правосудіи, и эти жалобы часто бывали замѣчательными моментами нашей исторіи, потому что въ тѣ времена войны въ большинствѣ случаевъ возникали по поводу нарушенія права государственнаго, тогда какъ въ современныхъ войнахъ обыкновенно причиною или поводомъ къ нимъ служитъ нарушеніе права международнаго.

Бомануаръ [1]) говоритъ, что въ случаѣ отказа въ правосудіи никогда не было поединка, и вотъ почему: нельзя было вызывать на поединокъ самого сеньера вслѣдствіе того уваженія, которымъ онъ пользовался; нельзя было вызывать и пэровъ сеньера, такъ какъ дѣло само по себѣ было ясно, и требовалось только сосчитать дни, полагаемые для вызова къ суду, или другіе сроки; къ тому же не было никакого рѣшенія, а слѣдовательно, не могло быть и неправаго рѣшенія. Наконецъ, проступокъ пэровъ причинялъ оскорбленіе сеньеру какъ сторонѣ; между тѣмъ было противъ всякихъ правилъ выходить сеньеру на поединокъ со своими пэрами.

Но [2]) такъ какъ въ трибуналѣ сюзерена отказъ въ правосудіи доказывался свидѣтелями, можно было вызвать на поединокъ свидѣтелей, не нанося этимъ оскорбленія ни сеньеру, ни его суду.

1) Когда отказъ въ правосудіи происходилъ по винѣ людей или пэровъ сеньера, вслѣдствіе того, что они замедлили разбирательствомъ дѣла или уклонились отъ постановленія приговора по минованіи установленныхъ сроковъ, жалоба подавалась сюзерену противъ пэровъ сеньера, которые, если проигрывали дѣло, платили пеню своему сеньеру [3]). При этомъ сеньеръ не могъ оказать никакой помощи своимъ людямъ; напротивъ, онъ налагалъ арестъ на ихъ лены, пока каждый изъ нихъ не уплачивалъ ему пеню въ шестьдесятъ ливровъ.

2) Когда отказъ въ судѣ происходилъ по винѣ сеньера, что случалось, когда въ его судѣ не доставало людей для постановленія приговора, или когда онъ не собиралъ своихъ людей, или никого не уполномочивалъ собрать ихъ, то обращались съ жалобой къ сеньеру-сюзерену; но въ силу почтенія, слѣдуемаго сеньеру, вызывалась на судъ къ сроку сторона [4]), а не сеньеръ.

Сеньеръ вызывалъ свой судъ къ суду сюзерена, и если выигрывалъ по иску объ отказѣ въ правосудіи, дѣло возвращалось къ нему, и ему

---

[1]) Гл. LXI, стр. 315. (М.).
[2]) Бомануаръ, гл. LXI, стр. 315. (М.).
[3]) Дефонтенъ, гл. XXI, стр. 24. (М.).
[4]) Дефонтенъ, гл. XXI, стр. 32. (М.).

платили шестьдесятъ ливровъ пени [1]); но если жалоба объ отказѣ въ правосудіи была доказана, наказаніе [2]) и ему состояло въ томъ, что онъ лишался права суда по спорному дѣлу, которое поступало на разбирательство по существу въ трибуналъ сюзерана. Въ сущности, жалоба объ отказѣ въ правосудіи приносилась лишь съ этой цѣлью.

3) Въ случаѣ иска [3]) вассала противъ своего сеньера на его судѣ (что могло случаться только въ дѣлахъ о ленахъ), истецъ, по минованіи всѣхъ сроковъ, звалъ самого сеньера [4]) къ суду передъ «добрыми людьми» и черезъ посредство своего государя, отъ котораго нужно было имѣть на то разрѣшеніе. Вызовъ не происходилъ черезъ пэровъ, потому что пэры не могли вызвать въ судъ своего сеньера, но могли дѣлать это [5]) только отъ имени сеньера.

Иногда [6]) за жалобой объ отказѣ въ провосудіи слѣдовала жалоба на неправый судъ, если сеньеръ постановлялъ рѣшеніе по дѣлу послѣ того, какъ уже миновали положенные на то сроки.

Вассалъ, несправедливо обвинявшій своего сеньера въ не дачѣ суда, платилъ ему штрафъ въ размѣрѣ, опредѣляемомъ сеньеромъ по произволу.

Жители Гента [7]) подали королю жалобу объ отказѣ въ правосудіи на графа фландрскаго, отсрочившаго постановленіе рѣшенія по ихъ дѣлу на своемъ судѣ. При разсмотрѣніи жалобы, оказалось, что имъ соблюдены были сроки даже болѣе короткіе, чѣмъ тѣ, на которые давала ему право мѣстный обычай. Гентцамъ было въ искѣ отказано, и графъ фландрскій приказалъ заарестовать у нихъ имущества на сумму 60,000 ливровъ. Они снова обратились въ королевскій судъ, прося уменьшить размѣръ пени; на это послѣдовало рѣшеніе, что графъ могъ взять эту пеню и даже большую, если хотѣлъ. Бомануаръ принималъ участіе въ постановленіи этихъ рѣшеній.

4) Въ дѣлахъ, которыя сеньеръ могъ имѣть противъ своего вассала во всемъ, что касалось личности и чести этого послѣдняго, или его имущества, не принадлежавшаго къ лену, не могло быть рѣчи объ аппеляціонной жалобѣ объ отказѣ въ правосудіи, ибо дѣло въ такомъ случаѣ

---

[1]) Бомануаръ, гл. LXI, стр. 312. (М.).

[2]) Дефонтенъ, гл. XXI, стр. 29. (М.).

[3]) Въ царствованіе Людовика VIII, сиръ де Нэль велъ дѣло противъ Жанны, графини фландрской: онъ требовалъ отъ нея суда въ сорока дневный срокъ и затѣмъ подалъ на нее въ королевскій судъ жалобу объ отказѣ въ правосудіи. Она отвѣчала, что дастъ ему судъ черезъ своихъ пэровъ во Фландріи. Королевскій судъ постановилъ, не отсылать его во фландрскій судъ, а вызвать въ судъ графиню. (М.).

[4]) Дефонтенъ, гл. XXI, стр. 34 (М.).

[5]) *Ibid.*, стр. 9. (М.).

[6]) Бомануаръ, гл. LXI, стр. 311. (М.).

[7]) Бомануаръ, гл. LXI, стр. 318. (М.).

подлежало не суду сеньера, а суду того, отъ кого сеньеръ зависѣлъ; вассалы», говоритъ Дефонтэнъ [1]), «не могутъ быть судьями личности своего сеньера.

Я старался дать ясное понятіе о всѣхъ этихъ отношеніяхъ, которыя у современныхъ имъ авторовъ до такой степени сбивчивы и темны, что. поистинѣ, извлечь ихъ изъ того хаоса, въ которомъ они находятся, значитъ открыть ихъ.

ГЛАВА XXIX.

Правленіе Людовика Святого.

Людовикъ Святой отмѣнилъ судебные поединки въ своихъ владѣніяхъ, какъ это видно изъ изданнаго по этому случаю указа [2]) и изъ его Установленій [3]); но онъ оставилъ ихъ въ силѣ въ судахъ своихъ бароновъ [4]), за исключеніемъ случаевъ жалобы на неправовое рѣшеніе.

Раньше нельзя было апеллировать на неправое рѣшеніе суда своего сеньера безъ требованія поединка съ судьями, которые произнесли приговоръ; но Людовикъ Святой ввелъ [5]) въ употребленіе апелляцію безъ поединка, и перемѣна эта была нѣкотораго рода переворотомъ.

Онъ объявилъ [6]), что нельзя апеллировать на неправое рѣшеніе сеньеріальныхъ судовъ въ его владѣніяхъ, потому что такая аппеляція равняется преступленію—государственной измѣнѣ. И дѣйствительно, если она почиталась чѣмъ-то въ родѣ измѣны въ отношеніи сеньера, то тѣмъ болѣе было основаній считать ее таковою въ отношеніи короля. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ допускалъ просьбы о пересмотрѣ [7]) судебныхъ рѣшеній, но не потому, чтобы такія рѣшенія были несправедливы и злонамѣренны, но потому, что они причиняли кому-либо ущербъ [8]). Съ другой стороны, онъ требовалъ, чтобы жалобы на рѣшенія баронскихъ судовъ были приносимы не иначе, какъ въ формѣ апелляціи на неправое рѣшеніе [9]).

Итакъ, Установленія не допускали жалобы на неправый судъ въ предѣлахъ королевскихъ владѣній. Можно было просить у того же суда о пересмотрѣ рѣшенія и, въ случаѣ если королевскій судья (bailli) отказывалъ въ просьбѣ, король дозволялъ подавать апелляцію въ коро-

---

[1]) Дефонтенъ, гл. XXI, стр. 35. (М.).
[2]) Въ 1260 г. (М.).
[3]) *Établissements de Saint Louis:* liv. I, ch. II et. VII, liv. II, ch. X et XI. (М.).
[4]) Какъ это можно видѣть повсюду въ *Установленіяхъ;* см. также Бомануаръ, гл. LXI, стр. 309. (М.).
[5]) *Établissements,* liv. I, ch. VI. liv. II, ch. XV. (М.).
[6]) Ibid., кн. II, ch. XV. (М.).
[7]) *Établissements,* liv. I, ch. LXXVIII, et. liv. II, ch. XV. (М.).
[8]) *Ibid.*, liv. I, ch. LXXVIII. (М.).
[9]) *Ibid.*, liv. II, ch. XV. (М.).

левскій судъ [1]), или, скорѣе, согласно ссылкамъ на отдѣльныя статьи Установленій, подавать [2]) ему прошеніе о пересмотрѣ дѣла или челобитную (supplication).

Что касается сеньеріальныхъ судовъ, то, допуская относительно ихъ жалобы на неправый судъ, Людовикъ Святой требовалъ, чтобы онѣ поступали [3]) въ королевскій трибуналъ или судъ сеньера-сюзерена и рѣшались [4]) въ нихъ не поединкомъ, а показаніями свидѣтелей, согласно процессуальнымъ правиламъ [5]), имъ самимъ на этотъ предметъ установленнымъ.

Такимъ образомъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда допускалась жалоба на неправое рѣшеніе, какъ, напр., въ сеньеріальныхъ судахъ, и въ тѣхъ, когда она не допускалась, какъ, напр., въ судахъ королевскихъ владѣній, открывалась возможность апеллировать, не прибѣгая къ случайностямъ поединка.

Дефонтенъ [6]) сообщаетъ намъ о двухъ такихъ, впервые имъ видѣнныхъ разбирательствахъ съ устраненіемъ судебнаго поединка: одно въ Сенъ-Кентенѣ, который находился во владѣніяхъ короля; другое въ Понтье, гдѣ графъ, присутствовавшій на судѣ, сослался на старый порядокъ судопроизводства; но оба дѣла были рѣшены по новому закону.

Можетъ быть спросятъ, почему Людовикъ Святой установилъ въ судахъ своихъ бароновъ иной порядокъ судопроизводства, чѣмъ въ трибуналахъ собственныхъ владѣній. Причина была слѣдующая. Людовикъ Святой, создавая новый порядокъ суда въ своихъ владѣніяхъ, не встрѣчалъ никакого стѣсненія для своихъ намѣреній; но онъ долженъ былъ обходиться осторожнѣе съ сеньерами, пользовавшимися въ этомъ случаѣ старинной прерогативой, а именно, что дѣла никогда не переносились изъ ихъ судовъ иначе, какъ при условіи риска, соединеннаго съ жалобой на неправое рѣшеніе. Людовикъ Святой, удержавъ обычай жалобы на неправое рѣшеніе, опредѣлилъ, чтобы эта послѣдняя обходилась безъ поединка. Другими словами, чтобы сдѣлать перемѣну менѣе чувствительной, онъ уничтожилъ предметъ, но оставилъ его названіе.

Новый порядокъ не былъ принятъ повсемѣстно въ сеньеріальныхъ судахъ. Бомануаръ [7]) говоритъ, что въ его время судъ производился двумя способами: по королевскимъ Установленіямъ и старымъ порядкамъ;

---

[1]) *Ibid.*, liv. I, ch. LXXVIII. (M.).

[2]) *Ibid.*, liv. II, ch. XV. (M.).

[3]) Но апеляція, помимо жалобы на неправый судъ, не была принимаема. *Établissements,* liv. II, ch. XV. *Li sire en auvoit le recort de sa cour, droit faisant.* (M.).

[4]) *Établissements,* liv. I, ch. VI, et XVII, et liv. LII, ch. XV, Бомануаръ, гл. XI, стр. 58. (M.).

[5]) *Établissements,* liv. I, ch. I, II et III. (M.).

[6]) Ch. XXII, art. 16 et 17. (M.).

[7]) Бомануаръ, гл. LXI, стр. 309. (M.).

но что, начавъ дѣло по одному изъ нихъ, нельзя уже было вернуться къ другому. Онъ прибавляетъ [1]), что графъ клермонтскій слѣдовалъ новому порядку судопроизводства, тогда какъ его вассалы держались стараго. Но и онъ, если бы пожелалъ, могъ возстановить у себя старый порядокъ, иначе онъ пользовался бы меньшими размѣрами власти, чѣмъ, его вассалы.

Надо еще знать, что Франція [2]) дѣлилась въ то время на области, находившіяся во владѣніи короля, и на такъ называемыя области бароновъ или баронства (по терминологіи Установленій: область, подчиненная королю, и область, не подчиненная королю). Издавая указы для областей, состоящихъ въ ихъ владѣніи, короли опирались исключительно на свою власть; но когда эти указы могли имѣть отношеніе и къ областямъ ихъ бароновъ, то составлялись [3]) по соглашенію съ этими послѣдними или скрѣплялись ихъ подписью или печатью. Въ противномъ случаѣ, бароны принимали или не принимали ихъ, смотря по тому, находили ихъ соотвѣтствующими интересамъ своихъ сеньерій, или нѣтъ. Меньшіе вассалы (arrière-vassaux) стояли въ такихъ же отношеніяхъ къ большимъ вассаламъ. Установленія были обнародованы безъ согласія сеньеровъ, хотя и относились къ предметамъ, имѣвшимъ для нихъ большое значеніе; они и были приняты только тѣми изъ нихъ, которые считали это для себя выгоднымъ. Сынъ Людовика Святого, Робертъ, принялъ ихъ въ своемъ Клермонтскомъ графствѣ, а его вассалы не нашли употребленіе ихъ для себя удобнымъ.

ГЛАВА XXX.

Замѣчаніе по поводу апелляцій.

Понятно, что апелляція, которая была вызовомъ на поединокъ, должна была подаваться тутъ же на мѣстѣ. «Кто оставляетъ судъ, не обжаловавъ рѣшенія», говоритъ Бомануаръ [4]), «теряетъ право апелляціи и признаетъ дѣйствительность приговора». Порядокъ этотъ сохранился и послѣ того какъ ограничено было употребленіе [5]) судебнаго поединка [6]).

---

[1]) Ibid. (M.).

[2]) См. Бомануара, Дефонтена и *Установленія* (liv. II, ch. X, XI, XV, et autres). (M.).

[3]) См. указы первыхъ королей третьей династіи; въ сборникѣ Ларьера, и особенно указы Филиппа-Августа, относительно церковной юрисдикціи, и Людовика VIII, относительно евреевъ; также хартіи, приведенныя г. Брюсселемъ, хартіи Людовика Св. о залогѣ и выкупѣ земель, и о феодальномъ совершеннолѣтіи дѣвушекъ: tome II, liv. III, p. 35; et *ibid.*, l'ordonance de Philippe-Auguste, p. 7. (M.).

[4]) Бомануаръ, гл. LXIII, p. 327; *ibid.*, ch. LXI, p. 312. (M.).

[5]) *Établissements* de saint Louis, liv. II, ch. XV; *l'Ordonnance* de Charles VII, de 1453. (M.).

[6]) Въ А. В. Это сохранилось даже послѣ всѣхъ тѣхъ ограниченій, которымъ подвергся судебный поединокъ.

ГЛАВА XXXI.

Продолженіе о томъ-же предметѣ.

Простолюдинъ не могъ подавать жалобы на неправое рѣшеніе суда своего сеньера. Это мы узнаемъ у Дефонтена [1]); правило это подтверждается Установленіями [2]). «Поэтому», говоритъ еще Дефонтенъ [3]), «нѣтъ между тобою, сеньеромъ, и твоимъ мужикомъ иного судьи, кромѣ Бога».

Такое устраненіе простолюдина отъ права жалобы на неправый судъ было прямымъ слѣдствіемъ обычая судебнаго поединка. Это настолько вѣрно, что если простолюдинъ, въ силу полученной грамоты или обычая [4]), имѣлъ право вступать въ поединокъ, то располагалъ также и правомъ подавать жалобу на неправое рѣшеніе суда сеньера, хотя-бъ лица, рѣшившія его дѣло, и были рыцарскаго званія [5]), и Дефонтенъ [6]) даетъ наставленіе, помощью какихъ уловокъ избѣжать скандальнаго поединка рыцаря съ простолюдиномъ, подавшимъ жалобу на его неправый судъ.

Послѣ того какъ судебный поединокъ началъ выходить изъ употребленія, и стало распространяться употребленіе новыхъ апелляцій, возникла мысль, что нѣтъ разумнаго основанія лишать простолюдина тѣхъ средствъ защиты противъ несправедливостей суда сеньера, которыми пользуется человѣкъ свободнаго состоянія, и парламентъ сталъ принимать апелляціи простолюдина наравнѣ съ апелляціями свободнаго человѣка.

ГЛАВА XXXII.

Продолженіе о томъ-же предметѣ.

Въ случаѣ жалобы вассала на неправое рѣшеніе суда его сеньера, послѣдній является лично на судъ сеньера-сюзерена защищать рѣшеніе своего суда. Также [7]), и при апелляціи на отказъ въ правосудіи, вызванная на судъ сеньера-сюзерена сторона являлась съ своимъ сеньеромъ, чтобы, въ случаѣ обвиненіе останется недоказаннымъ, сеньеръ могъ снова возстановить свое право суда.

---

[1]) Дефонтенъ, XXI, ст. 21 и 22. (М.).

[2]) *Etablissements,* liv. I, ch. CXXXVI. (М.).

[3]) Дефонтенъ, II, ст. 8. (М.).

[4]) Дефонтенъ, XXII, ст. 7. Эта и 21 ст. той же книги до сихъ поръ были ошибочно объясняемы. Дефонтенъ вовсе не противополагаетъ приговоръ сеньера приговору рыцаря, такъ какъ это одно и то же; но онъ противопоставляетъ обыкновеннаго простолюдина простолюдину, пользующемуся привилегіей вступать въ поединокъ. (М.).

[5]) Рыцари всегда могутъ находиться въ числѣ судей. Дефонтенъ, XXI, стр. 48. (М.).

[6]) Ch. XXII, art. 14. (М.).

[7]) Дефонтенъ, гл. XXI, ст. 33 (М.).

Впослѣдствіи, когда, при введеніи всякаго рода апелляцій, правило, соблюдавшееся въ этихъ двухъ спеціальныхъ случаяхъ, сдѣлалось общимъ для всѣхъ дѣлъ, не могло не казаться страннымъ, что сеньеръ долженъ былъ проводить жизнь въ чужихъ судахъ, а не въ своемъ, и по чужимъ, а не своимъ дѣламъ. Филиппъ Валуа [1]) постановилъ, чтобы вызывать однихъ королевскихъ судей (baillis); а когда употребленіе апелляціи еще болѣе распространилось, защита апелляціонныхъ жалобъ была предоставлена сторонамъ: дѣло судьи стало дѣломъ стороны [2]).

Я уже говорилъ [3]), что при жалобѣ на отказъ въ правосудіи сеньеръ терялъ только право разбирательства подлежащаго дѣла на своемъ судѣ; но если вчинался искъ противъ самого сеньера, какъ стороны [4]), что стало повторяться очень часто [5]), сеньеръ платилъ королю или сеньеру-сюзерену, которымъ подавалась апелляція, пеню въ 60 ливровъ. Отсюда, послѣ того какъ апелляція вошла во всеобщее употребленіе, произошелъ обычай брать съ сеньера пеню при отмѣнѣ приговора его судьи. Обычай этотъ долго существовалъ, былъ подтвержденъ указомъ въ Руссильонѣ [6]) и исчезъ, наконецъ, по отсутствію въ немъ всякаго смысла.

ГЛАВА XXXIII.

Продолженіе о томъ-же предметѣ.

Въ практикѣ судебнаго поединка, тотъ, кто предъявлялъ противъ одного изъ судей обвиненіе въ неправомъ рѣшеніи, могъ потерять [7]) въ поединкѣ свой искъ, но не могъ его выиграть. Дѣйствительно, сторона, въ пользу которой состоялся приговоръ, не могла его лишиться черезъ вмѣшательство третьяго лица; для этого необходимо было, чтобы жалобщикъ побѣдившій въ поединкѣ, вступилъ въ поединокъ и со стороною— не для того, чтобы опредѣлить, хорошъ или дуренъ приговоръ (о приговорѣ ужъ не было болѣе рѣчи, такъ какъ поединокъ уничтожилъ его), но чтобы рѣшить вопросъ о законности или незаконности жалобы: поединокъ происходилъ только по этому новому обстоятельству. Отсюда, надо думать, произошла наша формула произнесенія приговора: судъ уничтожаетъ апелляцію; судъ уничтожаетъ аппеляцію и то, на что эта апелляція была подана.

---

[1]) Въ 1332 г. (М.).

[2]) См. положеніе этого дѣла во время Бутилье, который жилъ въ 1402 г. *Somme rurale*, liv. I. p. 19, et 20. (М.).

[3]) См. выше, гл. XXX. (М).

[4]) Бомануаръ, LXI, стр. 312 и 318. (М.).

[5]) *Ibid.* (М.).

[6]) Стр. 27 указа въ Руссильонѣ (ordonnance de Roussillon), обнародованнаго Карломъ IX въ 1564 г. Этимъ указомъ было установлено начало года съ 1-го января.

[7]) Дефонтенъ, XXI, стр. 14. (М.).

И дѣйствительно, если подавшій аппеляцію на неправый судъ былъ побѣжденъ, апелляція уничтожалась; если же онъ оставался побѣдителемъ уничтожался приговоръ и сама апелляція: приходилось постановлять новое рѣшеніе.

Это настолько вѣрно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло рѣшалось судебнымъ слѣдствіемъ (par enquêtes), формула эта не употреблялась. Г. де-ла Рошъ-Флавенъ [1]) говоритъ намъ, что слѣдственная палата не могла пользоваться этой формулой въ первое время своего существованія.

ГЛАВА XXXIV.

Какимъ образомъ судопроизводство сдѣлалось тайнымъ.

Поединки ввели въ употребленіе публичное судопроизводство. Обвиненіе и защита были одинаково всѣмъ открыты. «Свидѣтели», говоритъ [2]) Бомануаръ, «должны показывать передъ всѣми».

Комментаторъ Бутилье [3]) говоритъ, что слышалъ отъ старыхъ законовѣдовъ-практиковъ и читалъ въ актахъ старинныхъ процессовъ, что въ старину во Франціи уголовныя разбирательства совершались публично, въ формахъ, мало отличающихся отъ публичнаго суда у римлянъ. Этотъ порядокъ находился въ связи съ незнаніемъ письма, обычнымъ въ тѣ времена. Употребленіе письма закрѣпляетъ на бумагѣ мысли и дѣлаетъ возможнымъ установленіе тайны; но безъ письма одно только публичное судопроизводство можетъ закрѣплять эти самыя мысли.

Такъ какъ легко могли возникать сомнѣнія относительно того, что происходило на судѣ [4]) людей или разбиралось передъ людьми, то для возстановленія всего этого въ памяти въ любомъ засѣданіи суда служилъ способъ производства, носившій названіе свидѣтельскаго удостовѣренія (la procédure par record) [5]). Въ этомъ случаѣ вызовъ свидѣтелей на поединокъ не допускался: иначе дѣла никогда не приходили-бъ къ концу.

Впослѣдствіи вошелъ въ употребленіе способъ тайнаго судебнаго разбирательства. Прежде все совершалось публично, теперь же все стало скрытымъ: допросы, дознанія, прочтеніе свидѣтельскихъ показаній, очныя ставки, заключенія обвинительной власти; этотъ самый обычай дѣйствуетъ и въ настоящее время. Первый способъ производства суда соотвѣтствовалъ образу правленія того времени, тогда какъ новый былъ болѣе свойственъ образу правленія, установившемуся впослѣдствіи.

---

[1]) Де ла Рошъ-Флавенъ, *Французскіе парламенты*, кн. I, гл. XVI. (М.).
[2]) Гл. LXI, стр. 315. (М.).
[3]) Charondas le Caron.
[4]) Какъ выражается Бомануаръ, гл. XXXIX, стр. 209. (М.).
[5]) Опросомъ свидѣтелей подтверждалось все происшедшее, сказанное и постановленное на судѣ. (М.).

Комментаторъ Бутилье пріурочиваетъ это измѣненіе ко времени появленія указа 1539 года [1]). Я полагаю, что оно совершалось мало-помалу, распространяясь отъ сеньеріи къ сеньеріи, по мѣрѣ того какъ сеньеры оставляли старыя формы суда, а новыя, заимствуемыя изъ Установленій Людовика Святого, подвергались постепенному усовершенствованію. Дѣйствительно, Бомануаръ [2]) говоритъ, что свидѣтели выслушивались публично только въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ допускался поединокъ; въ другихъ же ихъ допрашивали секретно и показанія записывали. Такимъ образомъ судопроизводство стало тайнымъ, послѣ того какъ вышелъ изъ употребленія судебный поединокъ.

ГЛАВА XXXV.

О судебныхъ издержкахъ.

Въ старое время во Франціи вовсе не приговаривали къ уплатѣ судебныхъ издержекъ въ свѣтскихъ судахъ [3]). Сторона, проигравшая дѣло, несла достаточное наказаніе въ пеняхъ, платимыхъ сеньеру и его пэрамъ. Способъ рѣшенія дѣлъ судебнымъ поединкомъ, въ случаяхъ преступленій приводилъ къ тому, что неправая сторона лишалась жизни и имущества и, слѣдовательно, не могла нести большаго наказанія; въ другихъ же случаяхъ судебнаго поединка взимались пени, размѣръ которыхъ иногда точно опредѣлялся закономъ, а иногда предоставлялся на усмотрѣніе сеньера, и которыя служили достаточнымъ поводомъ для опасеній за исходъ процесса. То же самое было и относительно такихъ дѣлъ, которыя разрѣшались не иначе, какъ поединкомъ. Такъ какъ наибольшія выгоды получалъ при этомъ сеньеръ, то онъ же несъ и важнѣйшіе расходы, всякій разъ, когда нужно было созвать пэровъ или поставить ихъ въ условія, благопріятныя для производства суда. Къ тому же дѣла оканчивались на мѣстѣ и почти всегда безъ промедленія, безъ того безконечнаго письмоводства, которое развилось впослѣдствіи, и потому не было нужды въ вознагражденіи сторонъ за издержки.

Введеніе апелляцій должно было естественно повлечь за собою и введеніе судебныхъ издержекъ. Такъ Дефонтенъ [4]) говоритъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда подавалась апелляція на основаніи писаннаго закона, т.-е. когда слѣдовали новымъ законамъ Людовика Святого, платились издержки; но при обыкновенномъ порядкѣ производства, не допускавшемъ апелляціи безъ жалобы на неправый судъ, никакихъ издержекъ не взыскивалось:

---

[1]) Указъ въ Villers-Cotterets, въ царствованіе Франциска I.

[2]) Гл. XXXIX, стр. 218. (М.).

[3]) Défont., *Conseil*, ch. XXII, art. 3 et 8; Боман., XXXIII; *Établissements*, liv. I, ch. XC. (М.).

[4]) Гл. XXII, ст. 8. (М.).

давалась лишь пеня и право на владѣніе спорною вещью въ теченіе года и дня, если дѣло возвращалось къ сеньеру.

Но когда новые, болѣе легкіе способы апелляціи умножили число апелляціонныхъ жалобъ [1]); когда, благодаря частому употребленію апелляцій отъ одного суда къ другому, стороны были поставлены въ необходимость безпрестанно отлучаться изъ мѣста своего жительства; когда новое искусство судопроизводства умножило число тяжбъ и сдѣлало ихъ безконечными; когда достигло большой утонченности умѣнье уклоняться отъ самыхъ законныхъ требованій; когда сутяга понялъ, какъ ему слѣдуетъ убѣгать, чтобъ только заставить за собою слѣдовать; когда положеніе истца становилось разорительнымъ, а отвѣтчика спокойнымъ; когда доказательства стали исчезать въ цѣлыхъ томахъ словъ и писаній; когда суды переполнились помощниками правосудія, посторонними дѣлу правосудія; когда недобросовѣстность нашла совѣтниковъ тамъ, гдѣ не находила опоры,— тогда оказалось необходимымъ удерживать ябедниковъ страхомъ издержекъ. Они должны были платить ихъ за рѣшеніе и за тѣ уловки, которыя употребляли, чтобы его избѣгнуть. Общее постановленіе по этому предмету принадлежитъ Карлу Красивому [2]).

ГЛАВА XXXVI.

О государственномъ обвинителѣ.

По салическимъ и рипуарскимъ законамъ, а также законамъ другихъ варваровъ, преступленія наказывались денежными пенями; поэтому у этихъ народовъ и не было государственной обвинительной власти, обязанной преслѣдовать преступленія, какъ это дѣлается у насъ. Дѣйствительно, въ тѣ времена все сводилось къ вознагражденію за убытки; всякій искъ былъ, такъ сказать, гражданскимъ дѣломъ, и всякое частное лицо могло вчинать его. Съ другой стороны, и римское право въ способахъ преслѣдованія преступленій держалось народныхъ формъ, которыя не могли быть согласованы съ представленіемъ государственной обвинительной власти.

Обычай судебнаго поединка не менѣе противорѣчилъ этому представленію, ибо кто-бъ согласился, взявъ на себя роль государственнаго обвинителя, драться на поединкѣ за всѣхъ противъ всѣхъ?

Я нахожу въ одномъ сборникѣ формулъ, которыя г. Муратори включилъ въ собраніе лонгобардскихъ законовъ, что во время второй династіи существовалъ представитель общественныхъ интересовъ [3]). Но стоитъ прочесть этотъ сборникъ, чтобы убѣдиться, въ со-

[1]) *A présent que l'on est si enclin à appeler*, говоритъ Бутилье въ *Somme rurale*, liv. I, tit. III, éd. de Paris 1621, p. 16. (M.).

[2]) 1324 года. (M.).

[3]) Advocatus de parte publica. (M.).

вершенномъ отсутствіи сходства между этимъ чиновникомъ и тѣмъ, что мы теперь называемъ обвинительной властью, т. е. нашими генеральными прокурорами и прокурорами короля или сеньеровъ. Первые были публичными охранительными органами скорѣе въ смыслѣ политическомъ и семейномъ, чѣмъ гражданскомъ. Мы, дѣйствительно, не видимъ изъ этихъ формулъ, чтобы на этого представителя общественныхъ интересовъ возлагалась обязанность преслѣдовать преступленія, вступать въ дѣла малолѣтнихъ, церквей, или разбирать состояніе лицъ.

Я сказалъ, что установленіе званія государственнаго обвинителя противорѣчило обычаю судебнаго поединка. Я, однако, нахожу въ одной изъ указанныхъ формулъ такого представителя общественныхъ интересовъ, которому предоставляется свобода выходить на поединокъ. Г. Муратори помѣстилъ ее непосредственно за узаконеніемъ Генриха I [1]), для котораго она была составлена. Въ этомъ узаконеніи говорится, что «если кто убьетъ отца, брата, племянника или иного родственника, тотъ лишается наслѣдства послѣ нихъ, которое переходитъ къ другимъ родственникамъ, его же собственное поступаетъ въ казну». Въ такомъ то предъявленномъ къ наслѣдству искѣ со стороны казны и предоставлялась представителю общественныхъ интересовъ свобода отстаивать свое право поединкомъ. Случай этотъ входилъ въ общее правило.

Мы видимъ въ этихъ формулахъ, что представитель общественныхъ интересовъ выступаетъ противъ того, кто, поймавъ вора [2]), не представилъ его графу; кто [3]) вызвалъ возмущеніе или собралъ толпу противъ графа; кто [4]) спасъ жизнь человѣка, порученнаго ему графомъ для преданія смерти; онъ выступалъ противъ церковнаго повѣреннаго [5]), отъ котораго графъ потребовалъ выдачи вора, и который не исполнилъ этого требованія; противъ человѣка [6]), открывшаго государеву тайну чужеземцамъ; противъ такого [7]), который, съ оружіемъ въ рукахъ, преслѣдовалъ императорскаго посланнаго; который [8]) пренебрегъ императорскими распоряженіями и подвергся преслѣдованію со стороны императорскаго повѣреннаго или самого императора; который [9]) отказался принять монету

---

[1]) См. это узаконеніе и эту формулу во 2-мъ томѣ *Историкъ Италіи*, стр. 175. (М.).

[2]) *Собраніе* Муратори, стр. 104, о законѣ 88 Карла Великаго, liv. I, tit. XXVI, § 78. (М.).

[3]) *Ibid.*, другая формула, стр. 87. (М.).

[4]) *Ibid.*, стр. 104. (М.).

[5]) *Ibid.*, стр. 95. (М.). Отказъ въ выдачѣ вора, искавшаго прибѣжища у престола.

[6]) *Ibid.*, стр. 88. (М.).

[7]) *Ibid.*, стр. 98. (М.).

[8]) *Ibid.*, стр. 132. (М.).

[9]) *Ibid.*, стр. 132. (М.).—Преступленіе извинительное, такъ какъ отказъ относился къ фальшивой монетѣ государя.

государя; наконецъ, этотъ представитель общественныхъ интересовъ требовалъ выдачи вещей, которыя законъ присуждалъ казнѣ [1]).

Но мы не встрѣчаемъ представителя общественныхъ интересовъ въ дѣлахъ о преслѣдованіи преступленій, даже въ такихъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о поединкахъ [2]), о пожарахъ [3]), объ убіеніи [4]) судьи на судѣ о состояніи лицъ [5]), о свободѣ и крѣпостной зависимости [6]).

Эти формулы составлены не только для законовъ лонгобардовъ, но и для приложенныхъ къ нимъ капитуляріевъ. Поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что по разсматриваемому предмету онѣ даютъ намъ дѣлопроизводство за время второй династіи.

Ясно, что эти представители общественныхъ интересовъ должны были исчезнуть вмѣстѣ со второй династіей, подобно королевскимъ посланнымъ (missi dominici) въ провинціяхъ [7])—по той причинѣ, что не стало ни общаго закона, ни общей государственной казны; что не было больше графовъ въ провинціяхъ и ихъ судебныхъ засѣданій, а слѣдовательно и этого рода чиновниковъ, главное назначеніе которыхъ состояло въ поддержаніи авторитета графа [8]).

Примѣненіе поединка, получившаго болѣе широкое распространеніе при третьей династіи, не допустило учрежденія публичныхъ обвинителей. Поэтому Бутилье, когда говорятъ о судебныхъ чиновникахъ, упоминаетъ только о бальи, о людяхъ феодальнаго владѣльца (hommes féodaux) и о сержантахъ. По Установленіямъ [9]) и Бомануару [10]) можно ознакомиться съ порядкомъ судебнаго преслѣдованія въ тѣ времена [11]).

Въ законахъ Якова II, короля Маіорки [12]), я нахожу въ первый разъ должность королевскаго прокурора [13]) съ тѣми функціями, какія сопровождаютъ ее у насъ. Очевидно, прокуроры эти появились здѣсь лишь послѣ измѣненія судебныхъ формъ у насъ.

---

[1]) *Ibid.*, стр. 137. (М.).
[2]) *Ibid.*, стр. 147. (М.).
[3]) *Ibid.* (М.).
[4]) *Ibid.*, стр. 168. (М.).
[5]) *Ibid.*, стр. 134. (М.).
[6]) *Ibid.*, стр. 107. (М.).
[7]) См. выше; кн. XXVIII, гл. IX.
[8]) Этого параграфа нѣтъ въ А. В.
[9]) Кн. I, гл. I; кн. II, гл. XI—и XIII. (М.).
[10]) Бомануаръ, гл. I и XXI. (М.).
[11]) Этой послѣдней фразы нѣтъ въ А. В.
[12]) См. эти законы *Vies des Saints* за іюнь м., т. III, стр. 26. (М.).
[13]) *Qui continue nostram sacram curiam sequi teneatur, instituatur qui facta et causas in ipsa curia promoveat atque prosequatur.* (М.).

ГЛАВА XXXVII.

Какимъ образомъ Установленія Людовика Святого вышли изъ употребленія.

Установленіямъ суждено было родиться, состарѣться и умереть въ очень короткій періодъ времени.

Я позволю себѣ нѣсколько размышленій по этому поводу. Кодексъ, извѣстный у насъ подъ именемъ Установленій Святого Людовика, никогда не предназначался къ тому, чтобы служить закономъ для всего королевства, хотя объ этомъ и говорится въ предисловіи къ нему. Компиляція эта есть общій кодексъ, заключающій въ себѣ постановленія по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ, распоряженія о переходѣ имущества по завѣщанію и даренію, о приданомъ и преимуществахъ, предоставляемыхъ женщинамъ, о выгодахъ и прерогативахъ леннаго владѣнія, о полицейскихъ дѣлахъ и т. д. Но давать общее уложеніе гражданскихъ законовъ въ такое время, когда каждый городъ, каждое мѣстечко или деревня имѣли свои обычаи, значило стремиться къ внезапному ниспроверженію всѣхъ частныхъ законовъ, которымъ люди слѣдовали, каждый въ своемъ мѣстѣ. Создать изъ всѣхъ частныхъ обычаевъ одно общее обычное право было бы большою неосмотрительностью даже въ наше время [1]), когда государи встрѣчаютъ повсюду безпрекословное повиновеніе. Если вѣрно правило, что не слѣдуетъ мѣнять существующаго, когда происходящія отъ этого неудобства равняются выгодамъ, еще менѣе слѣдуетъ это дѣлать, когда выгоды ничтожны, а неудобства очень велики. Принявъ во вниманіе положеніе государства въ то время, когда всѣ были увлечены идеей своей неограниченной власти и своего могущества, мы должны будемъ согласиться, что намѣреніе повсемѣстно перемѣнить принятые законы и обычаи не могло придти въ голову правителей.

Все мною сказанное доказываетъ еще, что кодексъ Установленій не былъ утвержденъ въ парламентѣ баронами и судьями государства, какъ то говорится въ одной рукописи, хранящейся въ амьенской ратушѣ, на которую ссылается Дюканжъ [2]). Изъ другихъ рукописей видно, что кодексъ этотъ былъ данъ Людовикомъ Святымъ въ 1270 г., передъ отъ-

---

[1]) Мнѣніе Монтескье было господствующимъ въ современной ему магистратурѣ—великой защитницѣ обычая. Рипертъ Монкларъ разсуждаетъ такимъ же образомъ. Въ созданіи общаго закона онъ видитъ актъ насилія надъ всѣми существующими договорами между государемъ и народами; разрушеніемъ всѣхъ торжественныхъ уставовъ, которые служатъ узами зависимости этихъ народовъ и основаніемъ господствующей надъ ними власти. Но народъ былъ другого мнѣнія. То, что Монтескье находилъ необдуманнымъ въ 1748 г., въ 1789 г. было встрѣчено какъ необходимая реформа. Подобные примѣры дожны ободрять всѣхъ тѣхъ, которые работаютъ для блага своей страны.

[2]) Предисловіе къ *Установленіямъ*. (М.).

ѣздомъ въ Тунисъ. Но это невѣрно, такъ какъ Людовикъ Святой отправился въ Тунисъ въ 1269 г., какъ то замѣтилъ Дюканжъ, заключившій отсюда, что кодексъ этотъ былъ обнародованъ въ отсутствіе короля. Я же утверждаю, что это невозможно. Какъ могъ король избрать время своего отсутствія для осуществленія такого дѣла, которое могло послужить сѣменемъ раздора и породить не перемѣны, а перевороты? Преобразованіе это болѣе чѣмъ всякое другое нуждалось въ ближайшемъ надзорѣ и ни въ какомъ случаѣ не было дѣломъ слабаго регентства, состоявшаго къ тому же изъ сеньеровъ, заинтересованныхъ въ его неудачѣ. Это были: Матье, аббатъ Сенъ-Дени [1]) и Симонъ Клермонтскій, графъ де-Нэль, а на случай ихъ смерти — Филиппъ, епископъ Эвре, и Жанъ, графъ де-Понтье. Мы уже видѣли [2]), что графъ де-Понтье воспротивился введенію новаго судопроизводства въ своей сеньеріи [3]).

Въ третьихъ, я считаю весьма вѣроятнымъ, что дошедшій до насъ кодексъ есть нѣчто совершенно отличное отъ Установленій Людовика Святого по предмету судебныхъ уставовъ [4]). Этотъ кодексъ ссылается на Установленія: слѣдовательно, онъ есть сочиненіе объ Установленіяхъ, а не самыя Установленія. Кромѣ того, Бомануаръ, который часто упоминаетъ объ Установленіяхъ Людовика Святого, ссылается лишь на частныя установленія этого государя, а не на эту компиляцію Установленій. Дефонтенъ [5]), писавшій при жизни того же государя, разсказываетъ о двухъ первыхъ случаяхъ примѣненія Установленій по предмету судебныхъ уставовъ, какъ о давнишнемъ фактѣ. Установленія Людовика Святого, слѣдовательно, предшествовали компиляціи, о которой идетъ рѣчь, и которая, говоря въ точномъ смыслѣ и принимая во вниманіе ошибочныя вступленія, помѣщенныя какимъ то невѣждою во главѣ сочиненія, могла появиться лишь въ послѣдній годъ жизни Людовика Святого или даже послѣ смерти этого государя.

ГЛАВА XXXVIII.

Продолженіе о томъ-же предметѣ.

Что же, наконецъ, представляетъ собой эта компиляція, которая носитъ у насъ названіе Установленій Людовика Святого, этотъ темный, запутанный и двусмысленный кодексъ, въ которомъ французское законодательство безпрестанно перепутывается съ римскими законами; въ которомъ мы слышимъ какъ бы голосъ законодателя, а встрѣчаемъ уче-

[1]) Это мѣсто, до конца параграфа, приведено въ А. В., какъ примѣчаніе.
[2]) См. выше, гл. XXIX. (М.).
[3]) Согласно свидѣтельству Дефонтена. (М.).
[4]) Слово *Установленіе* (*Établissement*) во времена Людовика Святого служило синонимомъ словъ «*Законы и указы*» (*Lois et Ordonnances*),
[5]) См. выше, гл. XXIX. (М.).

наго юриста; въ которомъ находимъ полный сводъ юриспруденціи на всѣ случаи и на всѣ положенія гражданскаго права? Для объясненія необходимо будетъ перенестись въ тѣ отдаленныя времена.

Людовикъ Святой, видя злоупотребленія судебной практики своего времени, старался внушить своимъ народамъ отвращеніе къ ней. Онъ издалъ рядъ уставовъ для судовъ въ своихъ владѣніяхъ и для судовъ своихъ бароновъ. Достигнутый имъ успѣхъ былъ такъ великъ, что Бомануаръ [1]), писавшій вскорѣ по смерти этого государя, говоритъ намъ, что порядокъ суда, установленный Людовикомъ Святымъ, примѣнялся въ очень многихъ сеньеріальныхъ судахъ.

Такимъ образомъ этотъ государь достигъ цѣли, хотя его уставы для сеньеріальныхъ судовъ были составлены не съ тѣмъ, чтобы создать одинъ общій законъ для всего королевства, но чтобы дать образецъ, которому всякій могъ бы слѣдовать и даже имѣлъ бы въ томъ интересъ. Онъ устранилъ зло, показавъ нѣчто лучшее. Когда въ его судахъ и судахъ сеньеровъ увидѣли новый способъ судопроизводства—болѣе естественный и разумный, болѣе согласный съ началами нравственности и религіи, съ требованіями общественнаго спокойствія и личной и имущественной безопасности,—его приняли, а прежній бросили.

Убѣждать, когда не слѣдуетъ принуждать; руководить, когда не слѣдуетъ повелѣвать, — вотъ высшее искусство. Разумъ обладаетъ естественной, ему свойственной властью; его власть можно даже назвать тираннической: ему оказываютъ сопротивленіе, но это сопротивленіе — его побѣда; подождите еще немного, и человѣкъ вынужденъ будетъ вернуться къ нему [2]).

Желая отбить Пристрастіе къ французской юриспруденціи, Людовикъ Святой приказалъ перевести книги римскаго права, чтобы познакомить съ ними законовѣдовъ своего времени. Дефонтенъ, который былъ первымъ [3]) нашимъ практическимъ юристомъ-писателемъ, много пользовался ими. Его сочиненіе составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ смѣшеніе старинной французской юриспруденціи, законовъ или Установленій Людовика Святого и римскихъ законовъ [4]). Бомануаръ мало руководился римскими законами; но онъ согласовалъ старую французскую юриспруденцію съ уставами Людовика Святого.

---

[1]) Гл. LXI, стр. 309. (М.).

[2]) Требованія разума несравненно авторитетнѣе требованій властителя ослушавшись послѣдняго, мы дѣлаемся несчастными; не повинуясь первому, мы становимся безумцами. Pascal, *Pensées*.

[3]) Онъ самъ говоритъ въ предисловіи: *Nus n'enprit onques devant moi cette chose dont j'aie exemplaire*, т. е. никто до меня не брался за дѣло, образецъ котораго я даю. (М.).

[4]) *Le Conseil de Pierre de Fontaines* состоитъ изъ двухъ частей, не имѣющихъ между собою никакой связи: изъ указателя, или руководства къ судопроизводству, и части перевода сокращеннаго Юстиніанова кодекса.

И вотъ, въ духѣ этихъ двухъ сочиненій, и въ особенности книги Дефонтена, какой-то бальи, какъ я думаю, написалъ книгу по юриспруденціи [1]), которую мы называемъ Установленіями. Въ оглавленіи этой книги говорится, что она составлена согласно обычаямъ Парижа, Орлеана и баронскаго суда; а въ предисловіи — что въ ней идетъ рѣчь объ обычаяхъ всего королевства, а также Анжу и баронскаго суда. Повидимому, книга эта была составлена для Парижа, Орлеана и Анжу, подобно тому, какъ сочиненія Бомануара и Дефонтена предназначались для Клермона и Вермандуа; а такъ какъ изъ книги Бомануара можно заключить, что многіе законы Людовика Святого проникли въ баронскіе суды, то составитель имѣлъ основаніе утверждать, что его книга [2]) относилась также и къ баронскимъ судамъ.

Ясно, что составитель этой книги скомпилировалъ обычаи страны съ законами и Установленіями Людовика Святого [3]). Это очень цѣнное произведеніе, потому что содержитъ въ себѣ старинные обычаи Анжу и Установленія Людовика Святого въ томъ видѣ, какъ они примѣнялись тогда на практикѣ, а также удержавшіеся еще въ судебной практикѣ остатки стариннаго французскаго судопроизводства.

Разница между этимъ произведеніемъ и произведеніями Дефонтена и Бомануара состоитъ въ томъ, что въ немъ изложеніе ведется въ повелительномъ тонѣ, какъ бы отъ лица законодателя; это и понятно, такъ какъ оно было смѣсью писанныхъ обычаевъ и законовъ [4]).

Компиляція эта имѣла тотъ внутренній недостатокъ, что составляла пестрый кодексъ, въ которомъ французское законодательство было пере-

---

[1]) Въ А. В. какіе-то бальи, какъ я думаю, написали.

[2]) Не можетъ быть ничего болѣе не яснаго, какъ оглавленіе и предисловіе этихъ Установленій, несомнѣнно прибавленныя лишь впослѣдствіи. Сначала это обычаи Парижа и Орлеана и баронскаго суда; за тѣмъ—обычаи всѣхъ свѣтскихъ судовъ королевства и превотальнаго суда Франціи; наконецъ – обычаи всего королевства, Анжу и баронскаго суда. (М.).

[3]) Въ А. В. Я полагаю, что произведеніе это было начато по распоряженію Людовика Святого и окончено его преемникомъ; что тотъ или другой изъ нихъ, или оба, приказали записать обычаи, дѣйствія въ ихъ владѣніяхъ; и такъ какъ къ нимъ присоединены были законы, постановленные Людовикомъ Святымъ, все произведеніе и получило наименованіе *Установленій* Людовика Святого. Дѣйствительно, столь великое имя должно было сообщить большой авторитетъ книгѣ. Всему этому были приданы общія рамки, и весь этотъ способъ обнаруживалъ большое благоразуміе. Тѣмъ, что изложили обычаи на бумагѣ сдѣлали ихъ болѣе извѣстными; а тѣмъ, что изложили ихъ въ общей формѣ, распространили ихъ употребленіе. Законы королевства были въ то время ничѣмъ инымъ, какъ мѣстными обычаями, сохраняемыми въ памяти стариковъ. При этой всеобщей бѣдности въ законахъ, всякій могъ найти въ новомъ уложеніи то, чего недоставало его законамъ. Это былъ источникъ, изъ котораго могли черпать всѣ. Разница между этимъ произведеніемъ и т. д.

[4]) Въ А. В. этимъ заканчивается XXXVIII глава; слѣдующими затѣмъ двумя параграфами начинается XXXIX гл.

мѣшано съ римскими законами; рядомъ стояли вещи, не имѣвшія между собою никакого отношенія и часто противорѣчивыя [1]).

Я знаю, что французскіе суды ленниковъ или пэровъ, приговоры безъ права аппеляціи другому суду, произнесеніе приговора словами: я осуждаю [2]) или: я оправдываю,—что все это было сходно съ формами народнаго суда въ Римѣ; но это старинное судопроизводство было мало употребительно [3]), его замѣнило позднѣйшее, введенное императорами. Это послѣднее употребляется повсюду въ разсматриваемой компиляціи для упорядоченія, ограниченія, исправленія и распространенія французскаго судопроизводства [4]).

ГЛАВА XXXIX.

Продолженіе о томъ-же предметѣ.

Судебныя формы, введенныя Людовикомъ Святымъ, вышли изъ употребленія. Этотъ государь имѣлъ въ виду не столько сущность предмета, т.-е. наилучшій способъ суда, сколько наилучшій способъ замѣны старыхъ порядковъ суда. Первая цѣль была заставить отказаться отъ стараго судопроизводства; вторая—создать новое. Но какъ только обнаружились неудобства этого послѣдняго, оно было замѣнено другимъ.

Такимъ образомъ законы Людовика Святого не столько измѣнили французское законодательство, сколько дали возможность измѣнить его: они открыли новые суды или, скорѣе, пути къ нимъ, и когда стало легко достигнуть суда, пользующагося общепризнаннымъ авторитетомъ, рѣшенія, отвѣчавшія раньше обычаямъ той или другой частной сеньеріи, теперь образовали новую юстицію. Помощью Установленій удалось

---

[1]) Въ А. В. прибавлено: невозможно создать хорошее законодательство изъ двухъ, другъ другу противоположныхъ.

[2]) *Établissements*, liv II, ch. XV. (М.).

[3]) А. Вовсе не употреблялось и т. д.

[4]) Въ А. и В. прибавлено: Я уже говорилъ, что Людовикъ Святой приказалъ сдѣлать переводъ Юстиніана, съ цѣлью внушить довѣріе къ римскому праву. Вскорѣ за тѣмъ это послѣднее уже преподавали въ школахъ, предпочитая римское законодательство въ его естественномъ видѣ той искаженной его формѣ, въ которой оно явилось въ новомъ кодексѣ.

Кромѣ того, компиляція эта содержала въ себѣ множество постановленій о такихъ предметахъ, которые скоро совершенно исчезли: напр., о судѣ пэровъ, о судебныхъ поединкахъ, о войнахъ между частными лицами, о сборахъ на евреевъ, о крестоносцахъ, о крѣпостныхъ людяхъ; а такъ какъ слѣдующія за тѣмъ столѣтія были столѣтіями большихъ преобразованій и, чѣмъ болѣе ихъ дѣлали, тѣмъ болѣе встрѣчалась въ нихъ надобность, то кодексъ этотъ все менѣе и менѣе отвѣчалъ требованіямъ дѣйствительности. Слѣдуетъ прибавить, что заключавшіяся въ немъ мѣстныя постановленія также подверглись измѣненіямъ.

Кромѣ того, судебныя формы, введенныя Людовикомъ Святымъ вышли изъ употребленія и т. д.

достигнуть общихъ рѣшеній, которыхъ раньше въ королевствѣ совсѣмъ не было, и послѣ того, какъ зданіе было выстроено, убрали лѣса.

Такимъ образомъ законы Людовика Святого [1]) дали результаты, которыхъ нельзя было ждать отъ образцоваго законодательства. Иногда необходимъ цѣлый рядъ вѣковъ, чтобъ подготовить измѣненіе; но событія достигаютъ своей зрѣлости—и переворотъ готовъ.

Парламентъ сталъ послѣдней инстанціей почти по всѣмъ дѣламъ въ королевствѣ. Раньше его разбирательству подлежали лишь дѣла [2]) между герцогами, графами, баронами, епископами, аббатами или между королемъ и его вассалами [3]),—скорѣе по степени прикосновенности этихъ дѣлъ къ политическому, а не гражданскому порядку отношеній. Впослѣдствіи оказалось необходимымъ пріурочить парламентъ къ одному мѣсту и держать его постоянно въ сборѣ. Наконецъ, учреждены были многіе парламенты, чтобы ихъ стало для рѣшенія всѣхъ дѣлъ.

Едва парламентъ сдѣлался прочнымъ учрежденіемъ, какъ стали компилировать его рѣшенія. Жанъ де-Монлюкъ, въ царствованіе Филиппа Красиваго, составилъ изъ нихъ сборникъ, который въ настоящее время носитъ названіе старинныхъ протоколовъ (les registres Olim) [4]).

ГЛАВА XL.

Какимъ образомъ было введено судопроизводство декреталій.

Какъ могло случиться, что при отмѣнѣ дѣйствующихъ формъ судопроизводства, таковыя были заимствованы изъ каноническаго, а не римскаго права? Произошло это потому, что духовные суды, слѣдовавшіе формамъ каноническаго права, были у всѣхъ на виду, тогда какъ не было ни одного суда, который слѣдовалъ бы формамъ римскаго права. Къ тому же предѣлы духовной и свѣтской юрисдикціи были въ тѣ времена очень мало извѣстны. Были лица [5]), обращавшіяся по своимъ дѣламъ безразлично въ тѣ и другіе суды, и были предметы, которые безразлично разсматривались въ тѣхъ и другихъ [6]). Какъ кажется [7]), свѣтская юрисдикція сохранила за собою исключительно лишь судъ по феодальнымъ отношеніямъ и по преступленіямъ, совершеннымъ мірянами, въ случаяхъ, не касающихся вѣры [8]); ибо мы видимъ, что дѣла, касающіяся догово-

---

[1]) А. В., такимъ образомъ *Установленія* и т. д.

[2]) См. у Дютимэ о судѣ пэровъ; также ла-Рошъ-Флавенъ, кн. I, гл. III. (М.).

[3]) Другія дѣла разрѣшались обыкновенными судами. (М.).

[4]) См. превосходное сочиненіе президента Эно о 1313 годѣ. (М.).

[5]) Бомануаръ, гл. XI, стр. 58. (М.).

[6]) Вдовы, крестоносцы, лица арендовавшія церковную землю,—по дѣламъ, касающимся этой земли. *Ibid.* (М.).

[7]) См. всю XI гл. у Бомануара. (М.).

[8]) Духовные суды, подъ предлогомъ отобранія присяги, пытались захватить даже и эти дѣла, какъ то видно изъ знаменитаго конкордата, заключеннаго

ровъ и условій, хотя и подлежали вѣдѣнію свѣтскихъ судовъ, тѣмъ не менѣе, по соглашенію сторонъ, могли быть разсматриваемы духовными судами; эти послѣдніе, не имѣя законнаго права заставить свѣтскій судъ приводить въ исполненіе свои рѣшенія, вынуждали повиновеніе этимъ рѣшеніямъ угрозой церковнаго отлученія [1]). При такихъ условіяхъ, свѣтскіе суды, задумавъ измѣнить существующій порядокъ судопроизводства, приняли тотъ, который былъ въ духовныхъ судахъ, потому что знали его. Они не приняли судопроизводства по римскому праву, потому что совсѣмъ его не знали: въ дѣлѣ практики мы знаемъ только то, что практически нами примѣняется.

ГЛАВА XLI.

Приливъ и отливъ въ юрисдикціи духовной и свѣтской.

Такъ какъ гражданская власть находилась въ рукахъ безчисленнаго множества сеньеровъ, духовной юрисдикціи ничего не стоило расширять съ каждымъ днемъ свои предѣлы; но, подрывая значеніе сеньеріальнаго суда, духовный судъ этимъ самымъ способствовалъ расширенію королевской юрисдикціи, которая мало-по-малу ограничила дѣятельность духовнаго суда и поставила ее въ болѣе тѣсныя границы. Парламентъ, принявшій въ свое судопроизводство все, что нашелъ въ этомъ отношеніи хорошаго и полезнаго въ духовныхъ судахъ, скоро увидѣлъ и всѣ ихъ злоупотребленія; но такъ какъ королевская юрисдикція усиливалась съ каждымъ днемъ, то параллельно съ этимъ росла для нея и возможность исправленія этихъ злоупотребленій. Послѣднія были дѣйствительно нестерпимы. Не перечисляя ихъ здѣсь, сошлюсь на Бомануара [2]), Бутилье и указы нашихъ королей, а самъ укажу только на тѣ изъ нихъ, которыя имѣли наиболѣе прямое отношеніе къ общественному благосостоянію. Мы узнаемъ о нихъ изъ приговоровъ, которыми они были отмѣнены. Ихъ породило темное невѣжество; но появился нѣкоторый свѣтъ, и они исчезли. Изъ молчанія духовенства слѣдуетъ заключить, что оно само пошло навстрѣчу реформѣ, и это, принимая во вниманіе природу человѣка, заслуживаетъ похвалы. Всякій человѣкъ, не отказавшій передъ смертью части своего имущества церкви, что называлось—умереть безъ покаянія, лишался св. причастія и погребенія. Если кто умиралъ безъ завѣщанія, родственники умершаго должны были обращаться къ епископу съ прось-

---

между Филиппомъ-Августомъ, духовенствомъ и баронами, приведеннаго въ собраніи указовъ Лорьера. (М.).

[1]) Бомануаръ, гл. XI, стр. 60. (М.).

[2]) См. Бутилье, *Somme rurale*, tit. IX, *Quelles personnes ne peuvent faire demande en cour laie;* Beaum., ch. XI, p. 56; уставъ Филиппа-Августа по этому предмету и установленіе Филиппа-Августа, состоявшееся по соглашенію между духовенствомъ, королемъ и баронами. (М.).

бою о назначеніи третейскаго суда, для опредѣленія совмѣстно съ ними той части имущества, которую умершій долженъ былъ бы дать церкви, если бы оставилъ завѣщаніе [1]). Новобрачные не могли провести вмѣстѣ первой ночи, и даже слѣдующихъ двухъ ночей, не купивъ на то разрѣшенія. Выборъ падалъ именно на эти три ночи, потому что отъ послѣдующихъ нельзя было ожидать большого дохода. Парламентъ исправилъ все это. Въ толковомъ словарѣ французскаго права Раго [2]) мы находимъ парламентскій приговоръ противъ епископа Амьенскаго [3]) постановленный по этому поводу.

Я возвращаюсь къ началу этой главы. Когда въ томъ или другомъ столѣтіи, въ томъ или другомъ правительствѣ мы видимъ, какъ одни сословія стремятся къ увеличенію своей власти насчетъ другихъ, мы легко можемъ впасть въ ошибку, принявъ ихъ дѣйствія за несомнѣнныя доказательства ихъ порочности. Таково ужъ несчастное положеніе человѣка, что великіе люди рѣдко отличаются умѣренностью; а такъ какъ всегда легче подчиняться своей силѣ, чѣмъ ее обуздывать, то, быть можетъ, поэтому среди людей выдающихся бываетъ легче найти людей очень добродѣтельныхъ, чѣмъ очень благоразумныхъ.

Человѣкъ находитъ слишкомъ большое наслажденіе въ господствѣ надъ другими людьми. Даже тѣ, которые любятъ добро, настолько сильно любятъ самихъ себя, что нѣтъ человѣка, который не былъ бы и такъ уже довольно несчастливъ, чтобы не довѣрять еще своимъ добрымъ намѣреніямъ; и сказать правду, дѣйствія наши находятся въ зависимости отъ столькихъ обстоятельствъ, что въ тысячу разъ легче дѣлать добро, чѣмъ дѣлать это добро хорошо.

ГЛАВА XLII.

Возрожденіе римскаго права и послѣдствія этого возрожденія. Измѣненія въ судахъ.

Послѣ того какъ были найдены Дигесты Юстиніана (около 1137 г.), римское право какъ бы воскресло къ новой жизни. Въ Италіи возникли новыя школы, въ которыхъ преподавали его; тогда имѣли уже Кодексъ Юстиніана и Новеллы. Я уже говорилъ, что это право сдѣлалось настолько популярно, что затмило законъ лонгобардовъ.

Благодаря итальянскимъ ученымъ, Юстиніаново право проникло и во Францію, гдѣ раньше знали [4]) только кодексъ Ѳеодосія, такъ какъ за-

[1]) *Episcopus de jure est executor*, таково правило того времени. См. *Тридентскій соборъ*, зас. XXII, кан. 8.

[2]) Подъ словомъ *Executeurs testamentaires*. (М.). Ragueau: *L'Indice des droits royaux et seigneuriax* было слито въ одно съ *Glossaire du droit français*, сост. Eusèbe de Laurière, Paris, 1704 2 vol. in-4°.

[3]) Отъ 19-го марта 1409 г. (М.).

[4]) Въ Италіи слѣдовали кодексу Юстиніана. Если папа Іоаннъ VIII, въ

коны Юстиніана были составлены [1]) уже послѣ водворенія варваровъ въ Галліи. Это право встрѣтило нѣкоторое противодѣйствіе; тѣмъ не менѣе удержалось, вопреки отлученіямъ со стороны папъ, покровительствовавшихъ своимъ канонамъ [2]). Людовикъ Святой старался распространить добрую о немъ славу помощью изготовленныхъ по его распоряженію переводовъ книгъ Юстиніана, которые, въ рукописяхъ, хранятся еще въ нашихъ библіотекахъ; изъ нихъ, какъ я уже сказалъ, было сдѣлано много заимствованій при составленіи Установленій. Филиппъ Красивый [3]) ввелъ преподаваніе Юстиніановыхъ законовъ, но только въ качествѣ писаннаго разума, въ областяхъ, управляемыхъ обычаями; но въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ дѣйствовало римское право, они были приняты какъ законъ.

Я уже сказалъ выше, что судопроизводство, посредствомъ судебнаго поединка, требовало отъ судей мало познаній. Дѣла рѣшались согласно мѣстному обычаю и немногимъ простымъ обычаямъ, переходившимъ по преданію. Во время Бомануара [4]) судъ производился двумя различными способами: въ однихъ мѣстахъ судили пэры [5]), въ другихъ—бальи. Въ первомъ случаѣ, пэры судили по обычаю своего судебнаго округа [6]); во второмъ указывали бальи на этотъ обычай старшины или старики. Все это не требовало никакого письмоводства, никакихъ способностей и никакого изученія. Но когда появлялся запутанный кодексъ Установленій и другія произведенія законовѣдѣнія; когда было переведено римское право, когда началось преподаваніе его въ школахъ; когда положено было начало искусству дѣлопроизводства и законовѣдѣнія, когда появились стряпчіе и юристы,—тогда пэры и старшины не были уже болѣе въ состояніи творить судъ. Пэры стали уклоняться отъ исполненія обязанностей судей, да и сеньеры неохотно созывали ихъ; къ тому же судебныя разбирательства изъ блистательныхъ дѣйствій, пріятныхъ дворянству, занимательныхъ для военныхъ людей стали судебной процедурой, которой они не знали, да и знать не хотѣли. Суды пэровъ стали падать [7]), а суды бальи — распространяться. Сначала бальи не судили

своемъ постановленіи, состоявшемся послѣ собора въ Гируа, говоритъ объ этомъ кодексѣ, то не потому чтобы его знали во Франціи, а потому что самъ папа зналъ его; постановленіе же было общимъ. (М.).

[1]) Кодексъ этого императора былъ обнародованъ около 5302 г. (М.).

[2]) *Décrétales* liv. V, tit. *de privilegiis*, cap. 28, *super specula*. (М.).

[3]) Хартіей отъ 1312 г., данной Орлеанскому университету; приведена у Дютилле. (М.).

[4]) *Обычаи Бовуази*, c. I, *de l'Office des baillis*. (М.).

[5]) Въ коммунахъ граждане судились другими гражданами, подобно тому какъ и леккики судились между собою. См. Томассьеръ, гл. XIX. (М.).

[6]) Поэтому всѣ прошенія начинались словами: «Sire juge, il est d'usage qu'en votre jurisdiction» и т. д., какъ это видно изъ формулы, приведенной у Бутилье, *Somme rurale*, liv. I, tit. XXI. (М.).

[7]) Перемѣна эта совершалась нечувствительно. Пэры дѣйствуютъ еще при Бутилье, который жилъ въ 1402 году (годъ его завѣщанія) и въ кн. I, ст. XXI.

сами [1]): они производили дознаніе и произносили приговоръ, постановленный старшинами; но такъ какъ старшины не въ состояніи были теперь судить, стали судить сами бальи.

Это происходило тѣмъ легче, что у всѣхъ на глазахъ было дѣлопроизводство церковныхъ судей: каноническое право и новое гражданское право одинаково содѣйствовали устраненію пэровъ.

Такимъ образомъ утратился обычай, постоянно соблюдавшійся до тѣхъ поръ въ монархіи, чтобы судья никогда не судилъ одинъ, какъ на то указываютъ законы салическіе, капитуляріи и первые авторы, писавшіе о судебной практикѣ за время королей третьей династіи [2]). Злоупотребленіе въ противоположномъ смыслѣ, встрѣчавшееся только въ мѣстныхъ судахъ, было ограничено и въ нѣкоторомъ родѣ исправлено учрежденіемъ во многихъ мѣстахъ должности помѣщика-судьи, съ которымъ судья совѣщался и который представлялъ собою прежнихъ старшинъ; а также постановленіемъ судьѣ въ обязанность, въ случаяхъ, которые могли повлечь за собою примѣненіе тѣлеснаго наказанія, брать двухъ ученыхъ экспертовъ; наконецъ, злоупотребленіе это потеряло всякую силу, благодаря чрезвычайнымъ облегченіямъ въ подачѣ аппеляціи.

ГЛАВА XLIII.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Итакъ, вовсе не законъ воспретилъ сеньеру имѣть свой судъ и не законъ отмѣнилъ дѣятельность пэровъ въ этихъ судахъ; не было такого закона, который предписывалъ бы учрежденіе бальи и предоставлялъ имъ право суда. Все это совершилось мало-по-малу силою обстоятельствъ. Знаніе римскаго права, судебныхъ рѣшеній, собраній вновь записанныхъ обычаевъ — все это требовало изученія, на которое неграмотные дворяне и народъ были неспособны.

своего сочиненія приводитъ слѣдующую формулу: „Sire juge, en ma justice haute, moyenne, et basse, que j'ai en tel lieu, cour, plaids, baillis, hommes, féodaux et sergents"... Но судъ пэровъ распространялся только на дѣла, касавшіяся ленныхъ отношеній. *Ibid.* liv. I, tit. I, p. 16. (М.).

[1]) Какъ это видно изъ формулы вѣрющей грамоты, вручаемой имъ сеньеромъ, о которой говоритъ Бутилье въ *Somme rurale*, liv. I, tit. XIV, p. 16. Это доказывается еще *Обычаями Бовуази* Бомануара: гл. I, *о бальи*. Онъ только направлялъ дѣлопроизводство. «Le bailli est tenu eu la présence des hommes à penre les paroles de chaux qui plaident, et doit demander as parties se il veulent oir droit selon les raisons que ils ont dites: et se il dient, *Sire, oïl*, le le bailli doit contraindre les hommes que ils facent le jugement.» (то есть: бальи долженъ въ присутствіи мужей выслушать показанія тяжущихся и спросить стороны, хотятъ-ли они выслушать приговоръ сообразно съ изложенными ими доводами; но если они скажутъ—*да, господинъ*,—онъ долженъ заставить мужей вынести рѣшеніе). См. также *Établissements de saint Louis*, liv. I, ch. CV, и liv. II, ch. XX. «Le juge, si ne doit pas faire le jugement». (М.).

[2]) Бомануаръ, гл. LXVII, стр. 336; гл. LXI, стр. 315, 316. Les *Établissements*, liv. II, ch. XV. (М.).

Единственный указъ, который мы имѣемъ по этому предмету [1]), обязываетъ сеньеровъ избирать своихъ бальи изъ мірянъ. Совершенно ошибочно смотрѣли на этотъ указъ, какъ на законъ, создавшій должность бальи, тогда какъ онъ не говоритъ больше того, что въ немъ сказано. Къ тому же онъ опредѣляетъ точный смыслъ своего предписанія приведеніемъ мотивовъ. «Для того», говорится въ этомъ указѣ, «чтобы бальи могли быть подвергаемы наказанію за нарушеніе своихъ обязанностей [2]), необходимо брать ихъ изъ мірянъ». Привилегіи духовенства въ тѣ времена хорошо извѣстны.

Не слѣдуетъ думать, чтобы права, которыми сеньеры нѣкогда пользовались и которыми они въ настоящее время уже не пользуются, были у нихъ отняты, какъ пріобрѣтенныя захватомъ. Многія изъ этихъ правъ они утратили по нерадѣнію, а другія были ими покинуты потому, что различныя перемѣны, происшедшія въ теченіе многихъ вѣковъ, сдѣлали существованіе этихъ правъ невозможнымъ.

ГЛАВА XLIV.

О доказательствѣ посредствомъ свидѣтелей.

Судьи, не имѣвшіе иныхъ правилъ, кромѣ обычаевъ, обыкновенно справлялись о нихъ черезъ свидѣтелей, по всякому представляющемуся на судѣ вопросу.

При болѣе ограниченномъ употребленіи судебнаго поединка, стали прибѣгать къ письменнымъ разслѣдованіямъ. Но словесное доказательство, занесенное на бумагу, остается всегда только словеснымъ доказательствомъ, и порядокъ этотъ велъ только къ увеличенію расходовъ по производству дѣла. Тогда изданы были уставы, которые сдѣлали наибольшую часть разслѣдованій [3]) безполезными. Введены были офиціальныя книги записей, которыми доказывалась наибольшая часть требуемыхъ фактовъ, какъ, напр., дворянское происхожденіе лица, его возрастъ, законное рожденіе, бракъ. Запись—свидѣтель, котораго трудно подкупить. Были также изложены письменно обычаи. Все это было очень разумно. Легче справиться въ метрической записи о родившихся, дѣйствительно ли Петръ сынъ Павла, чѣмъ искать тому доказательства помощью долгихъ разспросовъ. Если въ какой-либо странѣ очень много обычаевъ, легче записать ихъ всѣ и составить изъ нихъ одинъ сводъ, чѣмъ обязывать частное лицо доказывать существованіе всякаго отдѣльнаго обычая. Наконецъ, былъ изданъ знаменитый указъ, воспрещавшій принимать доказа-

---

[1]) Отъ 1287 г. (М.).

[2]) *Ut, si ibi delinquant, superiores sui possint animadvertere in eosdem.* (М.).

[3]) См., какимъ образомъ доказывался возрастъ и родство: *Établissements*, liv. I, ch. LXXI et. LXXII. (М.).

тельства черезъ свидѣтелей по взысканію долговъ свыше ста ливровъ, если не было хоть начала доказательства на письмѣ [1]).

ГЛАВА XLV.

Обычное право Франціи.

Франція управлялась, какъ я уже сказалъ, неписанными обычаями, а частные обычаи всякой сеньеріи составляли ея гражданское право. Всякая сеньерія имѣла свое особое гражданское право, говоритъ Бомануаръ [2]),—настолько особое, что этотъ авторъ, на котораго слѣдуетъ смотрѣть какъ на свѣточъ того времени, и на яркій свѣточъ, предполагаетъ, что во всемъ королевствѣ не было двухъ сеньерій, которыя управлялись бы вполнѣ тождественными законами.

Это чрезвычайное разнообразіе имѣло двоякую причину. Относительно одной я напомню только, что было мною сказано по этому поводу въ главѣ о мѣстныхъ обычаяхъ [3]); что касается второй, то она заключается въ различныхъ обстоятельствахъ судебнаго поединка: безпрестанно возникающіе непредвидѣнные случаи должны были, естественно, вводить въ употребленіе и новые обычаи.

Эти обычаи хранились въ памяти стариковъ; но затѣмъ мало-по-малу образовались законы или писанные обычаи.

1) Въ началѣ правленія третьей династіи [4]), короли давали частныя хартіи и даже хартіи общія порядкомъ, который былъ объясненъ мною выше. Сюда принадлежатъ Установленія Филиппа-Августа и тѣ, которыя были даны Людовикомъ Святымъ. Такимъ же образомъ большіе вассалы, по соглашенію съ зависѣвшими отъ нихъ сеньерами, давали на судебныхъ засѣданіяхъ въ своихъ герцогствахъ и графствахъ извѣстныя хартіи или Установленія, сообразуясь съ обстоятельствами. Такими были, напр., постановленія Годфрида, графа Бретани, по вопросу о раздѣлѣ дворянскихъ имѣній; обычаи Нормандіи, дарованныя герцогомъ Раулемъ; обычаи Шампани, дарованныя королемъ Тибо; законы Симона, графа Монфортскаго, и другіе. Это дало начало нѣкоторымъ писаннымъ законамъ, которые были даже болѣе общими, чѣмъ тѣ, которые имѣлись раньше.

2) Въ началѣ правленія королей третьей династіи, почти весь простой народъ состоялъ въ крѣпостной зависимости. Короли и сеньеры, по многимъ причинамъ вынуждены были освободить его.

Сеньеры, освобождая своихъ крѣпостныхъ, дали имъ собственность; надо было дать имъ также гражданскіе законы, которые опредѣляли бы

---

[1]) Указъ изд. въ Муленѣ, 1566 г., при Карлѣ XI, ст. 54.
[2]) Вступленіе къ *Обычаямъ Бовуази*. (М.).
[3]) Гл. XII. (М.).
[4]) См. *Recueil des Ordonnances de Laurière*. (М.).

порядокъ, въ которомъ они могли располагать этой собственностью. Освободивъ своихъ крѣпостныхъ, сеньеры лишили себя ихъ имущества; надо было опредѣлить тѣ повинности, которыя они выговорили въ свою пользу какъ вознагражденіе, равное уступленному ими имуществу. Тѣ и другія отношенія были упорядочены освободительными хартіями. Эти хартіи составили часть нашихъ обычаевъ, и эта часть получила письменную редакцію.

Въ царствованіе Людовика Святого и послѣдующихъ государей, законовѣды-практики, какъ Дефонтенъ, Бомануаръ и друг. изложили на письмѣ обычаи своихъ судебныхъ округовъ. Цѣль ихъ состояла скорѣе въ изложеніи порядка дѣлопроизводства, чѣмъ обычаевъ того времени по предмету распоряженія имуществомъ. Но мы находимъ у нихъ все, и хотя авторитетъ этихъ неофиціальныхъ авторовъ былъ основанъ единственно на вѣрности и общеизвѣстности всего, что они говорили, они несомнѣнно много способствовали возрожденію нашего французскаго права. Такимъ было, въ тѣ времена, наше писанное обычное право.

Затѣмъ слѣдовала великая эпоха. Карлъ VII и его преемники предписывали составленіе записей различныхъ мѣстныхъ обычаевъ, при чемъ требовалось соблюденіе извѣстныхъ формальностей. Такъ какъ ихъ редакція составлялась по провинціямъ, и изъ каждой сеньеріи доставлялись въ генеральное собраніе провинціи писанные и неписанные обычаи всѣхъ ея населенныхъ пунктовъ, то обнаружилась попытка къ обобщенію этихъ обычаевъ, насколько это было возможно безъ нарушенія частныхъ интересовъ, которые были оговорены [1]). Такимъ образомъ наше обычное право получило три отличительныхъ признака: оно было записано, обобщено и получило санкцію королевской власти.

Многіе изъ этихъ обычаевъ впослѣдствіи были подвергнуты новой редакціи, при чемъ были сдѣланы въ нихъ многія измѣненія,—исключено все то, что оказалось несовмѣстнымъ съ дѣйствующей юриспруденціей, и прибавлено много такого, что было заимствовано изъ этой юриспруденціи.

Хотя у насъ полагается, что обычное право какъ бы составляетъ противоположность римскому праву, такъ что эти два права дѣлятъ на двое нашу территорію,—тѣмъ не менѣе справедливо, что многія положенія римскаго права вошли въ наши обычаи—въ особенности при новой ихъ редакціи, во времена, не очень удаленныя отъ нашихъ, когда это право было предметомъ изученія для всѣхъ тѣхъ, которые предназначали себя для занятія гражданскихъ должностей, когда еще не кичились невѣдѣніемъ того, что знать надлежитъ, и знаніемъ того, чего знать не слѣдуетъ, когда проницательность ума служила болѣе для изу-

---

[1]) Такъ было при редактированіи обычаевъ Берри и Парижа. См. Ла Томасьеръ, гл. III. (М.).

ченія профессіи, чѣмъ для исполненія ея, и когда постоянная погоня за удовольствіями не была даже отличительнымъ признакомъ женщины.

Мнѣ слѣдовало бы [1]) еще болѣе углубиться въ разсматриваемый предметъ и, войдя во всѣ его подробности, прослѣдить тѣ, едва замѣтныя измѣненія, которыя, со времени введенія апелляціи, образовали обширное цѣлое нашей французской юриспруденціи. Но въ такомъ случаѣ мнѣ пришлось бы въ одно большое сочиненіе вставить другое такое же; я же поступаю подобно тому археологу [2]), который, оставивъ свою страну, пріѣхалъ въ Египетъ, бросилъ взглядъ на пирамиды—и вернулся домой.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

О способѣ составленія законовъ.

ГЛАВА I.

О духѣ законодателя.

Я уже сказалъ и, мнѣ кажется, все это сочиненіе написано мною лишь съ цѣлью доказать, что духъ умѣренности долженъ быть духомъ законодателя [3]). Благо политическое, какъ и благо нравственное, всегда находится между двумя предѣлами, и вотъ примѣръ тому.

Въ видахъ свободы [4]) необходимы судебныя формальности; но число ихъ можетъ быть такъ велико, что онѣ станутъ препятствовать цѣлямъ тѣхъ самыхъ законовъ, которые ихъ установили. Дѣла будутъ тянуться безъ конца; право собственности потеряетъ свою устойчивость; станутъ отдавать одной сторонѣ собственность другой безъ разслѣдованія, или разорятъ обѣ безконечными разслѣдованіями.

При этомъ граждане могутъ потерять свободу и безопасность; обвинитель—возможность доказать обвиненіе, а обвиняемый — возможность оправдаться.

ГЛАВА II.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Цецилій, у Авла Гелія [6]), разсуждая о законѣ двѣнадцати таблицъ, который позволялъ кредитору разрѣзать на куски несостоятельнаго долж-

[1]) А. В. Сказанное мною о развитіи нашихъ гражданскихъ законовъ, казалось бы, должно побудить меня къ постановкѣ такой же теоріи для нашихъ политическихъ законовъ. Но это было бы обширное произведеніе; я-же, какъ тотъ археологъ, и т. д.

[2]) См. *Spectateur anglois*. (М.).

[3]) См. выше кн. XXII, гл. XXII, въ концѣ, и кн. XXIII, гл. XLI.

[4]) Это теорія Аристотеля въ его *Морали* и въ *Политикѣ*.

[5]) См. выше, кн. VI, гл. II.

[6]) Кн. XX, гл. I. (М.).

ника, находилъ этому закону оправданіе въ самой его жестокости, удерживавшей [1]) отъ займовъ не по средствамъ. Если такъ, то самые жестокіе законы должны считаться наилучшими; добро будетъ состоять въ крайности, и всѣ отношенія между предметами должны быть ниспровергнуты.

ГЛАВА III.

О томъ, что законы, повидимому, отступающіе отъ намѣреній законодателя, въ дѣйствительности часто съ ними совпадаютъ.

Законъ Солона, лишавшій чести всякаго, кто во время народной смуты не пристанетъ ни къ одной изъ партій, казался очень страннымъ; но необходимо обратить вниманіе на условія, въ которыхъ находилась въ то время Греція. Она дѣлилась на очень мелкія государства, и можно было опасаться, что въ республикѣ, терзаемой гражданской усобицей, наиболѣе благоразумные люди останутся въ сторонѣ, и дѣло дойдетъ до крайности.

Въ смутахъ, которыя происходили въ этихъ мелкихъ государствахъ, большинство гражданъ принимало участіе въ распрѣ или производило ее. Въ нашихъ большихъ монархіяхъ партіи составляются изъ малаго числа людей, а народъ предпочитаетъ бездѣйствіе [2]). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ будетъ совершенно естественно уговаривать мятежниковъ, чтобъ они пристали къ большинству гражданъ, а не большинство гражданъ, чтобы оно пристало къ мятежникамъ; тогда какъ въ первомъ случаѣ слѣдуетъ стараться, чтобы небольшое число людей благоразумныхъ и спокойныхъ соединилось съ мятежниками. Такъ броженіе одной жидкости можетъ быть остановлено одной каплей другой жидкости.

ГЛАВА IV.

О законахъ, противорѣчащихъ намѣреніямъ законодателя.

Есть законы, дѣйствіе которыхъ законодатель такъ плохо сообразилъ, что они оказались противными той цѣли, которую онъ преслѣдовалъ. Французскій законъ, постановившій, что если умретъ одинъ изъ двухъ со-

---

[1]) Цецилій говоритъ, что онъ никогда не видѣлъ и не читалъ, чтобы это наказаніе примѣнялось на дѣлѣ; есть основаніе думать, что оно никогда не было даже установлено. Мнѣніе нѣкоторыхъ юристовъ, что законъ двѣнадцати таблицъ говоритъ только о раздѣленіи между кредиторами платы, вырученной за проданнаго должника, весьма правдоподобно. (M).

Существуетъ отрывокъ изъ Діона Кассія, не оставляющій никакихъ сомнѣній въ точномъ смыслѣ названнаго закона; но Діонъ прибавляетъ, что этотъ послѣдній никогда не примѣнялся (Excerpta Maii, XII). Дѣйствительно, было проще и выгоднѣе продать должника заграницей и раздѣлить вырученную сумму.

[2]) Политическомъ бездѣйствіи, разумѣется.

искателей на бенефицію, то она достается тому, который остался въ живыхъ, конечно имѣлъ въ виду прекращеніе тяжебъ; но результатъ получился совершенно противоположный: мы видимъ, какъ духовенство вступаетъ между собою въ драку и грызню на смерть не хуже англійскихъ договъ.

ГЛАВА V.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Законъ, о которомъ я хочу говорить здѣсь, заключается въ слѣдующей клятвѣ, сохраненной Эсхиномъ [1]). «Клянусь никогда не разрушать города, принадлежащаго къ союзу Амфиктіоновъ и не отводить отъ него проточную воду: если какой-либо народъ осмѣлится сдѣлать что-нибудь подобное, я объявлю ему войну и разрушу его города». Послѣдній пунктъ этого закона, повидимому, подтверждающій его, въ дѣйствительности ему противорѣчитъ. Амфиктіонъ [2]) хочетъ, чтобъ никогда не разрушали греческихъ городовъ, а между тѣмъ его законъ отворяетъ дверь къ разрушенію этихъ городовъ. Чтобы установить между греками истинныя понятія о международномъ правѣ, слѣдовало пріучить ихъ къ мысли, что уничтоженіе греческаго города есть нѣчто ужасное; ему [3]) не слѣдовало допускать уничтоженіе даже тѣхъ городовъ, которые уничтожали города. Амфиктіоновъ законъ былъ справедливъ, но не разуменъ. Это доказывается самымъ употребленіемъ его во зло. Развѣ Филиппъ не добился полномочія на уничтоженіе городовъ подъ предлогомъ, что они нарушили законы грековъ? Амфиктіонъ могъ назначить другія наказанія: опредѣлить, напр., чтобы извѣстное число изъ городскихъ начальниковъ или предводителей войска того города, который посягнулъ на цѣлость другого, были наказаны смертью; чтобы народъ, виновный въ разрушеніи города, былъ лишенъ, на извѣстное время, преимуществъ, которыми пользовались греки; чтобъ онъ платилъ пеню, пока разрушенный имъ городъ не будетъ возстановленъ. Но больше всего законъ долженъ былъ бы обратить вниманіе на вознагражденіе за убытки.

ГЛАВА VI.

О томъ, что законы, кажущіеся одинаковыми, не всегда имѣютъ одинаковое дѣйствіе.

Цезарь [4]) воспретилъ римлянамъ хранить у себя въ домѣ болѣе шестидесяти сестерцій. Въ Римѣ законъ этотъ считался вполнѣ цѣлесооб-

[1]) *De falsa legatione.* (М.).

[2]) Амфиктіонъ, сынъ Девкаліона,—лицо миѳическое. Амфиктіоны суть народы, соединенные общностью жертвоприношеній,—союзники по религіи.

[3]) Т.-е. Амфиктіонъ.

[4]) Діонъ. кн. XLI. (М.).

разнымъ въ смыслѣ примиренія кредиторовъ съ должниками, потому что, понуждая богатыхъ давать въ долгъ бѣднымъ, онъ доставлялъ бѣднымъ возможность удовлетворять богатыхъ [1]). Тотъ же законъ, изданный во Франціи во время системы [2]), имѣлъ очень пагубныя послѣдствія, потому что былъ изданъ при самыхъ ужасныхъ обстоятельствахъ. Отнявъ у частныхъ лицъ всѣ средства къ помѣщенію денегъ, онъ отнималъ у нихъ возможность хранить ихъ у себя, что равнялось насильственному ихъ отнятію. Цезарь издалъ свой законъ съ цѣлью увеличить обращеніе денегъ въ народѣ; французскій же министръ издалъ свой, чтобы соединить деньги въ однихъ рукахъ. Первый давалъ за деньги земли или ипотеки на частныхъ лицъ; второй предлагалъ за деньги бумаги, которыя не имѣли никакой цѣнности и по своей природѣ не могли ея имѣть, потому что законъ обязывалъ принимать ихъ [3]).

ГЛАВА VII.

Продолженіе о томъ же предметѣ. Необходимость осмотрительности при составленіи законовъ.

Законъ объ остракизмѣ существовалъ въ Аѳинахъ, Аргосѣ и Сиракузахъ [4]). Въ Сиракузахъ онъ былъ причиною многихъ бѣдствій, потому что былъ составленъ безъ соблюденія требованій благоразумія. Здѣсь знатнѣйшіе граждане изгоняли другъ друга, беря въ руку листъ фиговаго дерева [5]), такъ что всѣ граждане, обладавшіе какими-либо достоинствами, удалились отъ дѣлъ. Въ Аѳинахъ, гдѣ законодатель сознавалъ мѣру растяжимости и границы, которыхъ долженъ былъ держаться въ законѣ объ остракизмѣ, остракизмъ былъ прекраснымъ дѣломъ. Ему никогда не подвергали больше одного лица за разъ, при чемъ требовалось столь

---

[1]) Законъ Цезаря былъ несправедливъ и безсмысленъ. Какъ велика должна была быть тиранія этого, столь милосердаго человѣка, если онъ присвоилъ себѣ право обыскивать дома гражданъ, отбирать у нихъ деньги и т. д.! Если же онъ не прибѣгалъ къ этимъ средствамъ, къ чему служилъ его законъ? Къ тому же онъ долженъ былъ увеличить массу долговъ и могъ быть полезенъ должникамъ только уменьшеніемъ размѣра роста. Но свобода торговаго обращенія служитъ собственно единственнымъ къ тому средствомъ. Всякій другой законъ въ состояніи только поднять процентъ выше его естественнаго размѣра. Законъ Цезаря былъ, по всей вѣроятности, ничѣмъ инымъ, какъ разбоемъ, а законъ Ло, кромѣ того, и нелѣпостью (Кондорсе).

[2]) Системы Ло.

[3]) Законъ Цезаря, предоставлявшій право расплачиваться землями по цѣнѣ, которую онѣ имѣли до войны, былъ банкротствомъ и никакъ не могъ способствовать денежному обращенію. См. выше, кн. XXII, гл. II. Что же касается ассигнацій Ло, то такъ какъ онѣ не были ничѣмъ обезпечены и ничего собою не представляли, то и не имѣли большей цѣнности, чѣмъ простой листъ бумаги

[4]) *Политика* Аристотеля, кн. V, гл. III. (М.).

[5]) Плутархъ. *Жизнеописаніе Діонисія*, гл. I. (М.). Плутархъ и Діодоръ, кн. XI, говоритъ—листъ оливковаго дерева, πέταλον ἐλαίας, откуда слово *петализмъ*, которымъ называли остракизмъ въ Сициліи.

большое число голосовъ, что трудно было подвергнуть изгнанію человѣка, отсутствіе котораго не было необходимо [1]).

Далѣе, приговаривать къ изгнанію можно было только разъ въ пять лѣтъ; и дѣйствительно, такъ какъ остракизмъ могъ быть примѣняемъ лишь къ знатнѣйшимъ людямъ, дающимъ ихъ согражданамъ поводъ къ опасенію, онъ не могъ быть повседневной мѣрой [2]).

ГЛАВА VIII.

Что законы, повидимому, одинаковые, не всегда возникали по одинаковымъ побужденіямъ.

Во Франціи была принята бо́льшая часть римскихъ законовъ о субституціяхъ, но самыя субституціи основаны въ этой странѣ совсѣмъ на другомъ побужденіи, чѣмъ у римлянъ. У этихъ послѣднихъ наслѣдованіе было соединено съ извѣстными [3]) жертвоприношеніями, которыя долженъ былъ совершать наслѣдникъ, и которыя опредѣлялись жреческимъ правомъ. Изъ этого произошло то, что римляне считали для себя безчестіемъ умереть безъ наслѣдника, назначали своими наслѣдниками своихъ рабовъ и изобрѣли субституціи. «Субституція вульгарная», раньше всѣхъ другихъ изобрѣтенная, примѣнявшаяся лишь въ случаяхъ отказа законнаго наслѣдника отъ наслѣдства, служитъ очевиднымъ тому доказательствомъ: цѣль ея состояла не въ томъ, чтобы увѣковѣчить наслѣдство въ родѣ, носящемъ общее имя, но чтобы найти человѣка, который принялъ бы наслѣдство [4]).

ГЛАВА IX.

О томъ, что греческіе и римскіе законы карали самоубійство по различнымъ побужденіямъ [5]).

«Человѣкъ», говоритъ Платонъ [6]), «убившій существо тѣсно съ нимъ связанное, т.-е. самого себя, не по приказанію власти и не во избѣжаніе

---

[1]) Остракизмъ былъ несправедливостью Нельзя разсматривать какъ преступленіе вліяніе человѣка, его богатство или большія способности. Кромѣ того, остракизмъ лишалъ республику лучшихъ ея гражданъ, которые не могли вернуться въ отечество иначе, какъ при содѣйствіи внѣшней войны или внутренняго мятежа (Кондорсе).

[2]) Защиту остракизма см. выше, кн. XXV, гл. XVII.

[3]) Если наслѣдство было обременено долгами, то его избавляли отъ требованій жреческаго права помощью извѣстныхъ перепродажъ. Отсюда выраженіе: *Sine sacris hacreditas*. (М).

[4]) Она имѣла цѣлью увѣковѣчить родъ поддержаніемъ семейнаго культа.

[5]) Въ какой греческой странѣ наказывалось самоубійство, и какое полагалось за него наказаніе? Монтескьё ничего не говоритъ объ этомъ. Полагаютъ, что Платонъ говоритъ въ своемъ діалогѣ не о законѣ установленномъ, а о законѣ, который слѣдовало бы установить (Кондорсе).

[6]) Кн. IX *о законахъ*. (М.). См. ниже, гл. XVI.

позора, а по малодушію, будетъ наказанъ». Римскій законъ каралъ это дѣяніе, если оно имѣло причиной не душевную слабость, не отвращеніе къ жизни, не безсиліе въ перенесеніи страданій, но отчаяніе вслѣдствіе совершеннаго преступленія. Римскій законъ оправдывалъ человѣка въ томъ случаѣ, когда греческій обвинялъ, и наоборотъ, обвинялъ его, когда греческій оправдывалъ.

Образцомъ для Платона служили установленія лакедемонянъ съ ихъ абсолютными распоряженіями властей [1]), съ ихъ отношеніемъ къ позору какъ къ величайшему изъ несчастій и къ малодушію, какъ къ величайшему изъ преступленій. Римскій законъ оставилъ безъ вниманія всѣ эти прекрасныя понятія; онъ былъ лишь финансовымъ закономъ.

Во времена республики, въ Римѣ вовсе не было закона, который наказывалъ бы самоубійцъ: поступокъ этотъ у историковъ всегда принимался въ хорошемъ смыслѣ, и нѣтъ примѣровъ, чтобы за него карали.

Во времена первыхъ императоровъ знатные римскіе роды были безпрестанно приговариваемы къ уничтоженію. Тогда вошло въ обычай предупреждать приговоръ добровольною смертью. Въ этомъ видѣли большое преимущество, потому что лишившему себя жизни могли быть воздаваемы [2]) похоронныя почести, и завѣщаніе его сохраняло свою силу. Такъ было потому, что въ Римѣ не существовало еще закона противъ самоубійцъ. Но когда алчность императоровъ сравнялась съ ихъ жестокостью, они отняли право распоряженія своимъ имуществомъ у тѣхъ, отъ которыхъ хотѣли отдѣлаться, и объявили преступленіемъ лишеніе себя жизни вслѣдствіе угрызеній совѣсти по поводу совершенія другого преступленія.

Что дѣйствительно таковы были побужденія, руководившія императорами, подтверждается ихъ согласіемъ, чтобы имущество [3]) самоубійцъ не было конфискуемо въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе, побудившее къ самоубійству, не влекло за собою конфискаціи.

ГЛАВА X.

О томъ, что законы, съ виду противорѣчащіе другъ другу, иногда бываютъ родственны по духу.

Въ настоящее время входятъ въ домъ человѣка, чтобы позвать его къ суду; это не допускалось у римлянъ [4]).

Вызовъ къ суду почитался у нихъ насильственнымъ дѣйствіемъ [5]),

---

[1]) См. выше, кн. V, гл. VII.

[2]) *Eorum qui de se statuebant, humabantur corpora, manebant testamenta pretium festinandi*: Тацитъ, Ann. lib. VI, c. XXIX. (M.).

[3]) Рескриптъ императора Пія, въ зак. 3, §§ 1 и 2, ff. *De bonis eorum qui ante sententiam mortem sibi consciverunt.* (M.).

[4]) Leg. 18, ff. *De in jus vocando.* (M.).

[5]) См. законъ двѣнадцати таблицъ. (M.).

чѣмъ то въ родѣ личнаго задержанія [1]), и нельзя было войти въ домъ человѣка, чтобы позвать его къ суду [2]), какъ нельзя въ настоящее время арестовать человѣка у него въ домѣ по приговору за частные долги.

Римскіе законы наравнѣ съ нашими принимаютъ за правило, что домъ всякаго гражданина есть его убѣжище, и что въ этомъ убѣжищѣ не допустимо противъ него никакое насиліе [3]).

ГЛАВА XI.

Какимъ образомъ могутъ быть сравниваемы два различныхъ закона [4]).

Во Франціи за лжесвидѣтельство полагается смертная казнь; въ Англіи же этого нѣтъ. Чтобы судить, который изъ этихъ двухъ законовъ лучше, слѣдуетъ прибавить слѣдующее: во Франціи примѣняется допросъ преступника подъ пыткой, въ Англіи же пытки нѣтъ. И еще надо сказать, что во Франціи обвиняемый не представляетъ своихъ свидѣтелей, и рѣдко случается, чтобы принимались отъ него такъ называемыя оправдывающіе факты; въ Англіи же свидѣтельскія показанія принимаются отъ той и другой стороны. Три французскихъ закона составляютъ одно послѣдовательное и тѣсно связанное цѣлое; три англійскихъ закона представляютъ не меньшее единство и связь. Англійскій законъ, не допускающій допроса обвиняемаго подъ пыткою, не можетъ много разсчитывать на добровольное признаніе подсудимаго [5]); поэтому онъ сзываетъ со всѣхъ сторонъ свидѣтелей и опасается вызвать въ нихъ нерѣшительность угрозой смертной казни. Французскій законъ, располагающій однимъ средствомъ больше, чѣмъ англійскій [6]), менѣе боится застращиванья свидѣтелей; напротивъ, здравый смыслъ требуетъ, чтобы онъ наводилъ на нихъ страхъ: онъ выслушиваетъ свидѣтелей только одной стороны [7]), т.-е. тѣхъ, которыхъ представляетъ обвинительная власть, и судьба обвиняемаго зависитъ единственно отъ ихъ показаній. Но въ Англіи, гдѣ выслушиваются свидѣтели отъ двухъ сторонъ, и дѣло, такъ сказать, рѣшается споромъ между ними, ложное показаніе представляетъ, быть можетъ, менѣе опасности: обвиняе

---

[1]) *Rapit in jus*, Horat. lib. I, sat. IX. Поэтому нельзя было звать къ суду людей, которымъ обязаны были извѣстнымъ почтеніемъ. (М.).

[2]) См. законъ 18, ff. De in jus vocando. (М.).

[3]) Этотъ судебный порядокъ измѣненъ въ Парижѣ въ 1772 г. (Примѣч. изд. Бастьена. Парижъ 1788).

[4]) А. В. Какимъ образомъ слѣдуетъ судить о различіи въ законахъ.

[5]) Онъ отказывается отъ него; онъ не допускаетъ, чтобы можно было заставлять обвиняемаго свидѣтельствовать противъ самого себя.

[6]) Т.-е. пыткой.

[7]) По старому французскому законодательству, выслушивались свидѣтели обѣихъ сторонъ. Поэтому мы и находимъ въ *Установленіяхъ Людовика Святого*, кн. I, гл. VII, что ложное показаніе на судѣ наказывалось денежнымъ штрафомъ. (М.).

мому дается средство предотвратить ее, тогда какъ французскій законъ ему такого средства не даетъ. Итакъ, чтобы судить, которые изъ этихъ законовъ лучше отвѣчаютъ требованіямъ разума, слѣдуетъ вводить въ сравненіе не одинъ изъ нихъ съ другимъ попарно, но сравнивать ихъ между собою въ ихъ совокупности [1]).

ГЛАВА XII.

О томъ, что законы, кажущіеся одинаковыми, иногда бываютъ въ дѣйствительности различны.

Греческіе и римскіе законы подвергали укрывателя [2]) краденыхъ вещей одинаковому наказанію съ воромъ. Французскій законъ дѣлаетъ то же самое. Первые были благоразумны, послѣдній же нѣтъ. У римлянъ и грековъ воръ приговаривался къ денежной пенѣ, а потому и укрыватель долженъ былъ нести то же наказаніе; ибо всякій, кто какимъ бы то ни было образомъ способствуетъ причиненію убытка, долженъ его возмѣстить. Но у насъ воровство наказуется смертью и потому нельзя, не впадая въ крайность, карать укрывателя наравнѣ съ воромъ. Кто покупаетъ краденое, очень часто можетъ дѣлать это совершенно невинно; но кто крадетъ, тотъ всегда виновенъ. Одинъ препятствуетъ обнаруженію уже совершеннаго преступленія, другой совершаетъ его; въ первомъ все пассивно, второй— активенъ. Вору приходится преодолѣвать бо́льшія препятствія и оказывать болѣе продолжительное противодѣйствіе закону.

Юристы въ своихъ сужденіяхъ шли еще дальше: они смотрѣли на укрывателей какъ на преступниковъ болѣе гнусныхъ, чѣмъ воры [3]). «Безъ укрывателей», говорили они, «нельзя было бы долго скрывать покражи». Повторяю, этотъ взглядъ могъ быть вѣренъ, пока за воровство полагался денежный штрафъ; когда дѣло шло объ убыткахъ, и укрыватель обыкновенно находился въ лучшемъ положеніи для возмѣщенія ихъ. Но послѣ того какъ денежная пеня была замѣнена смертной казнью, слѣдовало бы принять въ основаніе этого дѣла другія начала.

---

[1]) Мы позволимъ себѣ выразить нѣкоторое удивленіе, что варварскій обычай пытки, несправедливый и тиранническій отказъ въ принятіи оправдательныхъ фактовъ, какъ доказательство, и двусмысленный и, быть можетъ, слишкомъ суровый законъ противъ ложныхъ свидѣтелей рекомендуются Монтескье, какъ законодательная система, которую слѣдуетъ разсматривать въ ея цѣломъ. Если это насмѣшка, то она недостаточно рѣзко выражена (Кондорсе).

Чтобы понять мысль автора, стоитъ только прочесть гл. III, кн. XVI.

[2]) L. 1, ff. *De receptatoribus* (М.).

[3]) *Ibid.* (М.).

ГЛАВА XIII.

О томъ, что никогда не слѣдуетъ разсматривать законы независимо отъ цѣли, ради которой они были постановлены. Римскіе законы о кражѣ.

Когда у римлянъ воръ попадался съ поличнымъ, прежде чѣмъ успѣвалъ спрятать украденное, то кража называлась явною; если же вора обнаруживали лишь впослѣдствіи, то кража называлась неявною.

Законъ двѣнадцати таблицъ предписывалъ наказывать явнаго вора розгами и обращать въ рабство, если онъ былъ въ совершенномъ возрастѣ; или только наказывать розгами, если онъ былъ несовершеннолѣтній. Неявнаго вора тотъ же законъ приговаривалъ лишь къ уплатѣ двойной стоимости украденной вещи.

Послѣ того какъ законъ Порція отмѣнилъ наказаніе гражданъ розгами и обращеніе ихъ въ рабство, явный воръ былъ приговариваемъ къ уплатѣ четвертой стоимости [1]) украденнаго, тогда какъ неявный воръ продолжалъ платить вдвое противъ этой стоимости.

Кажется страннымъ, что законы эти полагали такую разницу въ оцѣнкѣ этихъ двухъ преступленій и въ размѣрѣ опредѣленныхъ за нихъ наказаній. Дѣйствительно, былъ ли воръ пойманъ прежде, или послѣ того, какъ относилъ украденное въ предназначенное мѣсто,—обстоятельство это ничего не измѣняло въ сущности преступленія [2]). Для меня не подлежитъ сомнѣнію, что вся теорія римскихъ законовъ о кражѣ была заимствована изъ лакедемонскихъ установленій [3]). Ликургъ, желая развить въ своихъ согражданахъ ловкость, хитрость и неутомимость, требовалъ, чтобы дѣтей упражняли въ воровствѣ и жестоко наказывали тѣхъ изъ нихъ, которыя дадутъ себя поймать. Это и было причиной, почему у грековъ, а за тѣмъ и у римлянъ, установилось столь большое различіе между явной и неявной кражей [4]).

У римлянъ раба за воровство сбрасывали съ Тарпейской скалы. Въ этомъ случаѣ не было рѣчи о лакедемонскихъ установленіяхъ: законы Ликурга о воровствѣ были не для рабовъ, и такое отступленіе отъ нихъ имѣло смыслъ точнаго ихъ исполненія.

Въ Римѣ, если человѣкъ несовершеннаго возраста попадался въ воровствѣ, преторъ приказывалъ наказывать его розгами по своему усмотрѣнію, какъ это дѣлалось у лакедемонянъ. Впрочемъ, все это было бо-

---

[1]) См. замѣчаніе *Фаворина* объ Авлѣ Гелліи, кн. XX, гл. I. (М.).

[2]) Конечно, нѣтъ; но измѣняло силу доказательства.

[3]) Мнѣніе это въ настоящее время не принято.

[4]) Сличите Плутарха въ «*Жизнеописаніи Ликурга*» съ законами *Дигестъ*, подъ оглавл. *De furtis*, и институты, кн. IV, ст. I, §§ 1, 2 и 3. (М.). См. выше, IV, VI.

лѣе ранняго происхожденія. Лакедемоняне заимствовали эти обычаи у критянъ. Платонъ [1]), желая доказать, что учрежденія критянъ были созданы для войны, ссылается на «способность этого народа переносить боль въ частномъ бою и въ случаяхъ кражи, требующихъ скрытности [2])».

Такъ какъ гражданскіе законы находятся въ зависимости отъ государственнаго строя, потому что предназначаются для общества [3]), то было бы полезно, прежде чѣмъ ввести законъ одного народа у другого, предварительно разсмотрѣть, имѣютъ ли оба народа одинаковыя установленія и одинаковое государственное право.

Такимъ образомъ, когда законы о воровствѣ перешли отъ критянъ къ лакедемонянамъ, то такъ какъ они перешли къ нимъ вмѣстѣ съ образомъ правленія и государственнымъ устройствомъ критянъ, они оказались одинаково разумными у обоихъ народовъ, но когда изъ Лакедемона они были перенесены въ Римъ [4]), гдѣ нашли иное государственное устройство, они остались въ немъ навсегда чужими, безъ всякой связи съ другими гражданскими законами римлянъ.

ГЛАВА XIV.

О томъ, что не слѣдуетъ разсматривать законы независимо отъ обстоятельствъ, при которыхъ они были постановлены.

Въ Аѳинахъ существовалъ законъ, требовавшій, чтобы, въ случаѣ осады города, были предаваемы смерти тѣ изъ его жителей, которые были безполезны для его защиты [5]). Это былъ отвратительный политическій законъ, слѣдствіе отвратительнаго международнаго права. У грековъ населеніе покореннаго города теряло гражданскую свободу и поступало въ продажу въ качествѣ рабовъ; взятіе города влекло за собою совершенное его разрушеніе. Все это было причиною не только отчаяннаго сопротивленія и безчеловѣчныхъ дѣйствій, но иногда и ужасныхъ законовъ.

Согласно постановленіямъ римскихъ законовъ [6]), врачи могли быть наказываемы за нерадѣніе и неспособность. Въ этомъ случаѣ, законъ опредѣлялъ ссылку для врача, занимающаго болѣе или менѣе значительное положеніе, и смертную казнь для врачей низшаго разряда. Наши законы относятся къ этому иначе. Римскіе законы возникли при иныхъ условіяхъ, чѣмъ наши. Въ Римѣ лѣченіемъ занимался всякій, кто хотѣлъ. У насъ же врачи обязаны проходить курсъ ученія и пріобрѣтать

---

[1]) *О законахъ*, кн. I. (М.).
[2]) См. выше, кн. IV, гл. VI.
[3]) Это мысль Бекона: At jus civile latet sub tutela juris publici.
[4]) Еще вопросъ, были ли они перенесены?
[5]) *Inutilis aetas occidatur*, Syrian in *Hermeg*. (М.).
[6]) Законъ Корнелія. *De sicariis;* Instit. lib. IV, tit. III, *De lege Aquilia*, § 7. (М.).

извѣстныя степени. Поэтому предполагается, что они свѣдущи въ своемъ искусствѣ [1]).

ГЛАВА XV.

О томъ, что иногда полезно, чтобы законъ самъ себѣ служилъ поправкой.

Законъ двѣнадцати таблицъ разрѣшалъ убить ночного вора [2]), а также и дневного, если только этотъ послѣдній защищался во время преслѣдованія, но требовалъ, чтобы человѣкъ, убивающій вора, при этомъ кричалъ и звалъ гражданъ [3]). И дѣйствительно, необходимо, чтобы законъ, допускающій самосудъ, всегда ставилъ такое требованіе. Это крикъ невинности, который въ моментъ дѣйствія призываетъ свидѣтелей и судей. Надо, чтобы народъ былъ освѣдомленъ объ этомъ дѣйствіи, освѣдомленъ въ ту самую минуту, когда оно происходитъ, когда все говоритъ о немъ: видъ человѣка, выраженіе лица, проявленіе страстей, молчаніе,—когда каждое слово осуждаетъ или оправдываетъ. Законъ, который можетъ стать въ чрезвычайное противорѣчіе съ требованіями безопасности и свободы гражданъ, долженъ быть исполняемъ въ ихъ присутствіи.

ГЛАВА XVI.

Что именно слѣдуетъ имѣть въ виду при составленіи законовъ.

Люди, настолько одаренные, что имѣютъ возможность составлять законы для своего или чужаго народа, должны соблюдать извѣстныя правила при составленіи этихъ законовъ. Слогъ ихъ долженъ быть сжатъ. Законы двѣнадцати таблицъ служатъ образцомъ точности: дѣти заучивали ихъ на память [4]). Новеллы же Юстиніана столь многословны, что пришлось ихъ сократить [5]).

Слогъ законовъ долженъ быть простъ. Рѣшенія прямыя всегда доступнѣе пониманію реченій изысканныхъ. Поэтому нѣтъ слѣдовъ величія въ законахъ восточной римской имперіи: въ нихъ государей заставляютъ говорить на манеръ риторовъ. Когда законы писаны надутымъ слогомъ, на нихъ обыкновенно смотрятъ какъ на плодъ тщеславія.

Существенное условіе—чтобы слова закона вызывали у всѣхъ людей одни и тѣ же понятія. Кардиналъ де Ришелье соглашался, что можно об-

---

[1]) Это не мѣшаетъ, въ случаѣ тяжкихъ съ ихъ стороны погрѣшностей, подвергать ихъ отвѣтственности. Законодательство не разъ высказывалось въ этомъ смыслѣ.

[2]) См. законъ 4, ff. *Ad leg. Aquil.* (М.).

[3]) Ibid. См. декретъ Тассильона, приложенный къ закону баварцевъ, *De copularibus legibus*, ст. 4. (М.).

[4]) *Ut carmen necessarium.* Цицеронъ. *De legibus*, II, XXIII. (М.).

[5]) Это было сдѣлано Ирнеріемъ. (М.).

винять министра передъ королемъ [1]); но онъ требовалъ, чтобы обвинитель подвергался наказанію, если, обвиненіе имъ доказанное, не важно. Это должно было остановить всякаго отъ обвиненія его въ чемъ бы то ни было, потому что понятіе важнаго совершенно относительное, и то, что важно для одного, не важно для другого.

Законъ Гонорія наказывалъ смертью того, кто покупалъ вольноотпущенника какъ раба или же причинялъ ему безпокойство [2]). Не слѣдовало употреблять столь неопредѣленное выраженіе: понятіе причиняемаго человѣку безпокойства вполнѣ зависитъ отъ степени его впечатлительности.

Если закону приходится постановить какую-либо норму, слѣдуетъ по возможности избѣгать выраженія ея въ цѣнѣ денегъ. Тысяча обстоятельствъ вліяетъ на колебанія цѣнности монеты, и, сохраняя свое наименованіе, она перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ была прежде. Всѣмъ знакомъ разсказъ о нагломъ [3]) римлянинѣ, который давалъ пощечины всѣмъ встрѣчнымъ и предлагалъ получить 12 солидовъ, согласно опредѣленію закона двѣнадцати таблицъ.

Если въ законѣ были точнымъ образомъ опредѣлены извѣстныя понятія, не слѣдуетъ болѣе возвращаться къ выраженіямъ неяснымъ. Въ уголовномъ законѣ Людовика XIV [4]), послѣ точнаго перечисленія всѣхъ случаевъ, подлежащихъ веденію королевскаго суда, прибавлено: «И тѣ, которые во всѣ времена разбирались королевскими судьями»,—опредѣленіе, заставляющее вернуться къ тому самому произволу, изъ котораго только что вышло.

Карлъ VII [5]) говоритъ: дошло до его свѣдѣнія, что стороны, вопреки обычному праву въ тѣхъ странахъ королевства, въ которыхъ это право дѣйствуетъ, подаютъ апелляцію три, четыре и шесть мѣсяцевъ спустя послѣ состоявшагося рѣшенія; онъ предписываетъ апеллировать безъ всякаго промедленія, если только не было подлога или обмана со стороны прокурора [6]), или важнаго и очевиднаго повода къ оказанію содѣйствія жалобщику. Конецъ этого закона уничтожилъ его начало—и сдѣлалъ это такъ основательно, что впослѣдствіи подавали апелляцію въ продолженіе тридцати лѣтъ [7]).

---

[1]) Его *Политическое завѣщаніе* (М.).

[2]) *Aut qualibet manumissione donatum inquistare voluerit.* Приложеніе къ Ѳеодосіеву кодексу, въ томѣ I произведеній П. Сирмонда, стр. 737. (М.). *Inquistare* имѣло здѣсь закономъ установленный смыслъ и значило—юридически оспаривать дарованную свободу.

[3]) Авлъ Геллій, кн. XX, гл. 1. (М.).

[4]) (Отъ 1670 г.). Въ текстѣ закона приведены мотивы этого постановленія. (М.).

[5]) Въ своемъ указѣ въ Монтель ле Туръ, 1453 г. (М.)

[6]) Можно было подвергнуть наказанію прокурора, не нарушая законнаго порядка, въ чемъ не было надобности.

[7]) Указъ 1667 г. содержитъ уставъ по этому предмету. (М.).

Законъ лонгобардовъ не допускаетъ, чтобы женщина, надѣвшая монашеское платье, хотя бы и не принявшая еще постриженія, могла выйти замужъ [1]); «ибо», говоритъ онъ, «если мужчина, обмѣнявшись только кольцомъ съ женщиною, не можетъ, не совершивъ преступленія, вступить въ бракъ съ другою женщиною, то тѣмъ менѣе можетъ это женщина, обрученная Богу или Пресвятой Дѣвѣ»... Я говорю, что въ законахъ слѣдуетъ заключать отъ реальнаго къ реальному, а не отъ реальнаго къ иносказательному и не отъ иносказательнаго къ реальному.

Законъ [2]) Константина постановляетъ, чтобы показаніе одного епископа считать достаточнымъ и не опрашивать прочихъ свидѣтелей. Этотъ государь избралъ очень короткій путь: онъ судилъ о дѣлахъ по людямъ и о людяхъ—по ихъ званію.

Законы не должны впадать въ тонкости; они предназначаются для людей посредственныхъ способностей и содержатъ въ себѣ не искусство логики, а здравыя понятія отца семейства.

Когда законъ не нуждается въ исключеніяхъ, ограниченіяхъ и видоизмѣненіяхъ, то всего лучше обходиться безъ нихъ. Такія подробности ведутъ за собою новыя подробности.

Не слѣдуетъ дѣлать измѣненій въ законѣ безъ достаточнаго къ тому основанія. Юстиніанъ постановилъ, что жена можетъ развестись съ мужемъ, не теряя при этомъ своего приданаго, если мужъ въ продолженіе двухъ лѣтъ не могъ исполнить своего супружескаго долга [3]). Затѣмъ онъ измѣнилъ свой законъ, предоставивъ трехлѣтній срокъ несчастному [4]). Но въ подобномъ случаѣ два года стоятъ трехъ, а три года не стоятъ больше двухъ.

Когда приводится основаніе къ закону, нужно, чтобы основаніе это было достойно закона. Одинъ изъ римскихъ законовъ постановляетъ, что слѣпой не можетъ вести дѣла на судѣ, потому что не видитъ знаковъ судебной власти [5]). Можно подумать, что нарочно приведенъ столь плохой резонъ, когда есть такъ много другихъ, хорошихъ.

Юристъ Павелъ говоритъ, что дитя родится на седьмомъ мѣсяцѣ вполнѣ сформировавшимся, и что Пиѳагоровы числа повидимому доказываютъ это [6]). Странно, что судятъ о такихъ вещахъ на основаніи Пиѳагоровыхъ чиселъ.

Нѣкоторые французскіе юристы утверждали, что во всякой вновь пріобрѣтаемой странѣ король становится собственникомъ церковныхъ рега-

---

[1]) Liv. II, tit. XXXVII. (М.).
[2]) Въ *приложеніи* П. Сирмонда къ Ѳеодосіеву кодексу, т. I. (М.).
[3]) L. 1, код. De repudiis. (М.).
[4]) См. автентикъ *sed hodie*, въ код *De repudiis*. (М.).
[5]) L. 1, ff. *De postulando*. (М.).
[6]) Въ своихъ *Сентенціяхъ*, кн. VI. ст. IX. (М.).

лій,—на томъ основаніи, что королевская корона кругла [1]). Я не стану спорить здѣсь о правахъ короля и о томъ, должны ли въ данномъ случаѣ требованія закона гражданскаго и церковнаго уступить требованіямъ политическаго закона; я скажу только, что въ защиту столь почтенныхъ правъ должны быть приводимы болѣе серіозныя основанія. Гдѣ это видано, чтобъ на формѣ знака королевскаго достоинства основывали реальныя права этого достоинства [2])?

Давила [3]) говоритъ, что Карлъ IX былъ объявленъ Руанскимъ парламентомъ совершеннолѣтнимъ, послѣ того какъ ему едва наступилъ четырнадцатый годъ, потому что законъ требуетъ, чтобы время считалось минутами, когда дѣло идетъ о возвращеніи имущества малолѣтняго или объ управленіи этимъ имуществомъ; но что начатый годъ считается за полный, когда дѣло касается пріобрѣтенія почета [4]). Я вовсе не думаю порицать постановленія, которое, повидимому, не представляло до сихъ поръ неудобствъ; скажу только, что основаніе, приведенное канцлеромъ де-Лопиталемъ [5]), не вѣрно: управленіе народами далеко нельзя назвать одной почестью.

Что касается предположеній, то предположеніе закона лучше предположеній человѣка. Французскій законъ смотритъ какъ на подлогъ на всѣ документы, совершенные купцомъ за десять дней, предшествующихъ банкротству; таково предположеніе закона [6]). Римскій законъ полагалъ наказаніе мужу, который оставлялъ у себя жену послѣ совершеннаго ею прелюбодѣянія,—если только имъ не руководило опасеніе за исходъ процесса или пренебреженіе къ собственному стыду: таково предположеніе предоставленное человѣку. Надо было, чтобы судья сдѣлалъ предположеніе, о мотивахъ, руководившихъ дѣйствіями мужа, и чтобы онъ пришелъ къ опредѣленному рѣшенію на основаніи весьма неясныхъ умозаключеній. Когда предполагаетъ судья, то приговоръ становится произвольнымъ; когда же предполагаетъ законъ, онъ даетъ судьѣ постоянное правило.

---

[1]) Въ спорѣ о религіяхъ, въ царствованіе Людовика XIV, архіепископъ парижскій де-Гарлэ получилъ, въ одномъ изъ памфлетовъ того времени, прозвище *Округлителя короны*, потому-что, какъ говоритъ Жюрьё, онъ доказывалъ, что право религій находится въ зависимости отъ круглой формы короны, и *принадлежности самодержавія французскихъ государей.*

[2]) Когда говорили, что королевская корона кругла, то подъ этимъ разумѣли, что король былъ императоромъ въ своей странѣ и не признавалъ надъ собой ничьей власти. Выраженіе можетъ казаться страннымъ, но правило было вѣрно. Къ тому же надо замѣтить, что это не слова законодателя, а разсужденіе юриста, заимствованное у геральдики—науки, пользовавшейся большимъ значеніемъ у народа, у котораго господствовало дворянство.

[3]) Della guerra civile di Francia, p. 96. (M.).

[4]) Dupuy, *Traité de la majorité de nos rois*, 1655, in 4, p. 364.

[5]) Законъ этотъ отъ 18 ноября 1702 г.

[6]) Этой первой половины фразы нѣтъ въ А.

Законъ Платона [1]), какъ я уже говорилъ [2]), требовалъ наказанія человѣку, лишившему себя жизни не съ цѣлью избѣжать позора, но по малодушію. Это былъ дурной законъ въ томъ смыслѣ, что требовалъ отъ судьи заключенія о мотивахъ въ единственномъ случаѣ, когда нельзя было получить ихъ черезъ признаніе виновнаго.

Подобно тому, какъ безполезные законы ослабляютъ дѣйствіе законовъ необходимыхъ, законы, отъ исполненія которыхъ можно уклониться, ослабляютъ дѣйствіе законодательства. Законъ долженъ имѣть свое дѣйствіе, и не слѣдуетъ допускать устраненія его подъ какимъ либо особымъ условіемъ.

У римлянъ, законъ Фальцидія предписывалъ, чтобы наслѣднику всегда отдавали четвертую часть наслѣдства; другой законъ [3]) предоставилъ завѣщателю право воспретить наслѣднику удержаніе этой четвертой части. Это значило издѣваться надъ закономъ, потому что Фальцидіевъ законъ становился такимъ образомъ безполезнымъ: если завѣщатель былъ за своего наслѣдника, послѣдній не нуждался въ законѣ Фальцидія; если же онъ былъ противъ своего наслѣдника, то отнималъ у него возможность пользоваться этимъ закономъ.

Слѣдуетъ остерегаться давать законамъ такую форму, которая противна природѣ вещей. Въ проскрипціи принца Оранскаго, Филиппъ II обѣщаетъ тому, кто умертвитъ его, или наслѣдникамъ убійцы, двадцать пять тысячъ экю и дворянство обѣщаетъ словомъ короля и служителя Божія. Дворянство за такое дѣло! и такое дѣло, предписываемое отъ имени служителя Божія! Все это одинаково ниспровергаетъ понятіе чести [4]), нравственности и религіи.

Рѣдко встрѣчается надобность запрещать дѣйствія, въ которыхъ нѣтъ дурного, только ради представленія чего то болѣе совершеннаго [5]).

Законамъ должна быть присуща извѣстная чистота. Предназначенные для наказанія людской злобы, они должны сами обладать совершенной непорочностью. Въ вестготскомъ законѣ [6]) находится забавное постановленіе, обязывавшее евреевъ ѣсть всякую пищу, приготовленную со свининою, хотя и не обязывало ихъ ѣсть самое свиное мясо. Это было большою жестокостью: ихъ подчиняли закону, который былъ противенъ ихъ закону, оставляя имъ изъ этого послѣдняго лишь то, что могло служить признакомъ, по которому распознавали ихъ.

---

[1]) Кн. IX. *О законахъ*. (М.).
[2]) См. выше, кн. XXIX. гл. IX.
[3]) Автентика (выписка изъ новеллы) *Sed cum testator*. (М.).
[4]) См. выше, кн. IV. гл. II.
[5]) Намекъ на законы, которые воспрещаютъ или тѣмъ, или другимъ способомъ клеймятъ вступленіе во второй бракъ.
[6]) Кн. XII, ст II, § 16. (М.).

ГЛАВА XVII.

Дурной способъ изданія законовъ.

Римскіе императоры, подобно нашимъ государямъ, выражали свою волю декретами и эдиктами; но, чего не дѣлаютъ наши государи, они позволяли судьямъ, въ случаяхъ разногласія, обращаться къ нимъ съ письменными вопросами, и ихъ отвѣты носили названіе рескриптовъ. Папскія декреталіи были, собственно говоря, такими рескриптами [1]). Очевидно, что это плохой родъ законодательства. Тѣ, которые просятъ этимъ путемъ законовъ, плохіе руководители для законодателя; факты у нихъ всегда дурно изложены. «Траянъ», говоритъ Юлій Капитолинъ [2]), «часто отказывалъ въ этого рода рескриптахъ, чтобы не распространяли на всѣ случаи отдѣльнаго рѣшенія или частной милости». Макринъ рѣшилъ уничтожить всѣ эти рескрипты [3]). Онъ не могъ переносить, чтобы отвѣты Коммода, Каракаллы и другихъ невѣжественныхъ императоровъ были разсматриваемы какъ законы. Юстиніанъ былъ иного мнѣнія и наполнилъ ими свою компиляцію.

Я хотѣлъ бы, чтобы тѣ, которые читаютъ римскіе законы, надлежащимъ образомъ отличали этотъ родъ гипотезъ отъ сенатскихъ опредѣленій, плебисцитовъ, общихъ конституцій императоровъ и всѣхъ законовъ, основанныхъ на природѣ вещей, непостоянствѣ женщинъ, слабости малолѣтнихъ и общественномъ благѣ.

ГЛАВА XVIII.

Объ идеяхъ единообразія [4]).

Есть извѣстныя понятія единообразія, которыя овладѣваютъ иногда и великими умами (ибо они вліяли на Карла Великаго), но неизмѣнно

---

[1]) Такъ наз. *Силлабусъ* есть ничто иное какъ собраніе папскихъ рескриптовъ. Это частныя рѣшенія, а не общій законъ.

[2]) См. *in Macrino*, c. XIII. (M.).

[3]) Ibid., c. XIII. *Fuit in jure non incallidus, adeo ut statuisset omnia rescripta veterum principum tollere, ut jure, non rescriptis ageretur, nefas esse dicens leges videri Commodi et Caracalae et hominum imperitorum voluntates, quum Trajanus nunquam libellis responderit, ne ad alias causas facta praeferrentur, quae ad gratiam composita viderentur.* (M.).

[4]) Вотъ одна изъ наиболѣе интересныхъ главъ сочиненія. Это одна изъ тѣхъ, которыя пріобрѣли Монтескье снисходительное отношеніе всѣхъ людей, одержимыхъ предразсудками, всѣхъ ненавистниковъ просвѣщенія, всѣхъ покровителей злоупотребленій и т. д. (Кондорсэ).

Съ позволенія Кондорсэ, — Монтескье, указаніемъ на злоупотребленіе единообразіемъ во чтобы то ни стало, отмѣтилъ одинъ изъ самыхъ ощутительныхъ недостатковъ французскаго ума. Единообразіе, конечно, хорошая вещь; но, какъ и великая реформа, она имѣетъ цѣну, которую нужно разсчитать заранѣе. Впрочемъ, вопросъ этотъ превосходно разработанъ у Бенжамена Констана въ его *Esprit de conquête*, ch. XIII, *Cours de politique constit.*, t. II, p. 170.

поражаютъ умы мелкіе. Послѣдніе находятъ въ нихъ нѣкотораго рода совершенство и признаютъ его, такъ какъ невозможно его не видѣть: одинаковый вѣсъ въ полиціи, одинаковая мѣра въ торговлѣ, одинаковые законы въ государствѣ, одинаковая религія во всѣхъ частяхъ его. Но всегда ли это, безъ исключенія, бываетъ кстати? Зло отъ перемѣны всегда ли бываетъ менѣе зла отъ перенесенія существующаго? И величіе генія не состоитъ ли скорѣе въ томъ, чтобы распознать, въ какомъ случаѣ нужно единообразіе и въ какомъ различіе? Въ Китаѣ, китайцы управляются по китайскимъ обычаямъ, а татары по татарскимъ. При всемъ томъ, изъ всѣхъ существующихъ народовъ, народъ этотъ наиболѣе цѣнитъ спокойствіе. Если только граждане подчиняются законамъ, что въ томъ, будутъ ли они подчиняться одинаковому закону?

ГЛАВА XIX.

О законодателяхъ.

Аристотелемъ руководили не то зависть къ Платону, не то пристрастіе къ Александру [1]). Платона возмущала тиранія аѳинскаго народа. Макіавелли преклонялся передъ своимъ идоломъ—герцогомъ де-Валентинуа. Томасъ Моръ, который говорилъ болѣе о томъ, что прочелъ, чѣмъ о томъ, что думалъ, хотѣлъ управлять всѣми государствами съ простотою, господствовавшею въ греческихъ городахъ [2]). Гаррингтонъ [3]) не хотѣлъ знать ничего, кромѣ англійской республики, между тѣмъ какъ множество писателей видѣли безпорядокъ всюду, гдѣ только не находили монархической власти [4]). Законы всегда сталкиваются со страстями и предразсудками законодателя. Иногда они проходятъ сквозь эти послѣдніе, принимая отъ нихъ лишь нѣкоторую окраску; иногда же задерживаются ими и съ ними сливаются.

---

[1]) Ни то, ни другое изъ этихъ побужденій не можетъ быть приписываемо Аристотелю, который писалъ свою *Политику* съ опытностью и безпристрастіемъ мудреца.

[2]) Въ своей *Утопіи* (М). *Утопія* Томаса Мора - политическій романъ вродѣ *Телемака*, произведеніе философа, а не законодателя.

[3]) Въ *Океанѣ*.

[4]) Гоббсъ, Фильмеръ и друг.

КНИГА ТРИДЦАТАЯ.

Теорія феодальныхъ законовъ франковъ въ ихъ отношеніи къ установленію монархіи [1]).

ГЛАВА I.

О феодальныхъ законахъ.

Я бы счелъ недостаткомъ моего сочиненія умолчаніе о событіи, которое совершилось на свѣтѣ всего разъ и, быть можетъ, никогда ужъ болѣе не повторится, если-бъ я ничего не сказалъ о законахъ, которые

[1]) Эти двѣ послѣднія книги о феодальныхъ законахъ были холодно приняты современниками. «Между людьми со вкусомъ», говоритъ Гара (*Mercure de France* du 6 Août 1784), лишь у немногихъ хватило духу прочесть эту послѣднюю часть; да и тѣ, которые ее прочли, жалуются, что не могли ея понять, Слѣдовало мало-по-малу ознакомить читателя съ темными путями, которые ведутъ въ эти отдаленные вѣка; связать между собою всѣ факты, объяснить отдѣльныя слова этихъ законовъ, языкъ которыхъ пересталъ быть понятнымъ; восполнить недостающіе памятники подробнымъ изложеніемъ тѣхъ, которые намъ остались; не слѣдовало ничего ни опускать, ни переступать; но способъ этотъ противорѣчилъ генію Монтескье. Стремясь къ тому, чтобы открыть, онъ никогда не старается доказать; онъ какъ будто никогда не помышляетъ о томъ, что его будутъ читать, или же полагаетъ, что всѣ читатели обладаютъ его геніемъ. Постоянная смѣсь отрывковъ изъ законовъ варваровъ и краткихъ и разрозненныхъ мыслей, темныхъ текстовъ и глубокихъ коментаріевъ утомляетъ самое строгое вниманіе и заставляетъ закрывать книгу каждую минуту. Лучезарныя мысли, блестящія выраженія напоминаютъ вамъ, что вы блуждаете въ темнотѣ, руководимые геніальнымъ человѣкомъ; освѣщенія, однако, нѣтъ: онъ создаетъ свѣтъ, но не распространяетъ его на окружающіе предметы».

Гара ошибается. Монтескье вовсе не теменъ; но люди XVIII вѣка, относившіеся съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ къ прошлому, вовсе не слушали автора «Духа Законовъ», когда онъ раскрывалъ передъ ними происхожденіе нашей цивилизаціи. *Предметъ былъ великолѣпенъ*, какъ говорилъ Монтескье, и онъ совершилъ дѣйствительныя открытія; но какое дѣло было до старой Франціи философамъ, которые стремились пересоздать общество сверху до низу и считали себя свободомыслящими людьми, когда порывали всякую связь съ преданіемъ? Монтескье создавалъ исторію права въ то самое время, когда хотѣли покончить съ исторіей. Естественно, что его не поняли.

Въ настоящее время мы вернулись къ болѣе здравымъ понятіямъ. Мы знаемъ, что прошедшее есть часть народной жизни. Мы—дѣти нашихъ отцовъ по нашимъ понятіямъ не менѣе, чѣмъ по крови. Кто не слѣдитъ за этимъ непрерывнымъ развитіемъ, тотъ всегда будетъ иностранцемъ въ своемъ отечествѣ, и вотъ чѣмъ мы можемъ объяснить себѣ, почему дѣятели революціи все разрушили и ничего не создали.

Что касается теорій Монтескье, то онѣ очень остроумны и часто вѣрны. Ему можно поставить въ упрекъ, слишкомъ суровое отношеніе къ аббату Дюбо; но онъ лучше своего противника понималъ и наше древнее право, и наши старые обычаи. Нѣкоторые изъ его взглядовъ были настоящими открытіями; такъ. напр., я полагаю, что въ вопросѣ о сеньеріальныхъ судахъ онъ былъ правъ, хотя и расходился съ мнѣніемъ юристовъ XVI вѣка. Можно сдѣлать не одно возраженіе противъ приводимыхъ имъ частностей; но, имѣя въ виду общія основанія, слѣдуетъ сказать, что изученіе его весьма полезно.

одно время были распространены по всей Европѣ, хотя и не находились въ связи съ законами, до тѣхъ поръ извѣстными [1];—законахъ, которые причинили безконечно много добра и зла; которые оставляли право послѣ перехода страны въ новыя руки; которые, предоставивъ многимъ лицамъ различныя права на однѣ и тѣже вещи и на однихъ и тѣхъ же лицъ, уменьшили тяжесть правъ въ ихъ совокупности; которые провели различныя ограниченія въ государствахъ чрезмѣрно обширныхъ; которые создали строй, стремящійся къ анархіи, и анархію, обнаруживающую склонность къ порядку и гармоніи.

Все это потребовало бы особаго сочиненія; но, въ виду характера настоящей книги, въ ней найдутъ эти законы скорѣе такими, какими я ихъ понялъ, чѣмъ такими, какими я ихъ изучалъ.

Феодальные законы даютъ прекрасное зрѣлище. Передъ нами высится древній дубъ [2]); еще издали мы видимъ его листву; подойдя ближе, видимъ его стволъ,—но никогда не видимъ его корней: чтобы найти ихъ, нужно проникнуть въ землю.

ГЛАВА II.

Объ источникахъ феодальнаго права.

Народы, покорившіе римскую имперію, вышли изъ Германіи. Хотя изъ древнихъ авторовъ лишь немногіе оставили намъ описаніе ихъ нравовъ, мы имѣемъ двухъ, значеніе которыхъ очень велико. Цезарь, который велъ войну съ германцами, описалъ ихъ нравы [3]) и на этихъ нравахъ основалъ нѣкоторыя изъ своихъ предпріятій [4]). Нѣсколько страницъ Цезаря по этому предмету стоятъ томовъ.

Тацитъ написалъ особое сочиненіе о нравахъ германцевъ. Это сочиненіе коротко, но оно принадлежитъ Тациту, который обо всемъ говорилъ коротко, потому что все видѣлъ.

Эти два писателя находятся въ такой гармоніи съ имѣющимися у насъ кодексами законовъ варваровъ, что, читая Цезаря и Тацита, мы повсюду находимъ эти кодексы; а читая эти кодексы, повсюду находимъ Цезаря и Тацита.

Хотя, при изученіи феодальныхъ законовъ, я и чувствую себя какъ бы въ темномъ лабиринтѣ съ безчисленными дорогами и поворотами,

---

[1]) Они не имѣли никакого отношенія къ римскимъ законамъ, и духъ ихъ былъ совершенно иной; но они имѣли связь съ германскими законами, и трудъ Монтескье имѣетъ своимъ предметомъ единственно доказать этотъ фактъ, часто оспариваемый историками, но не подлежащій сомнѣнію въ глазахъ юриста.

[2]) ... *Quantum vertice ad auras*
Aethereas, tantum radice ad Tartara tendit. (М.).
Virg., *Georg.*, II, v. 292; et *Aeneid.*, IV, 446.

[3]) Кн. IV. (М.).

[4]) Напр., его отступленіе изъ Германіи, *ibid.* (М.).

мнѣ кажется, что я держу въ рукахъ конецъ нити и могу двигаться впередъ.

ГЛАВА III.

О происхожденіи вассальныхъ отношеній.

Цезарь [1]) говоритъ, что «германцы не обнаруживали привязанности къ земледѣлію; что наибольшая ихъ часть питалась молокомъ, сыромъ и мясомъ; что никто не имѣлъ собственныхъ земель и границъ; что государи и начальники каждаго племени раздавали отдѣльнымъ лицамъ участки земли, какъ и гдѣ хотѣли, заставляя ихъ на слѣдующій годъ переходить на новыя мѣста». Тацитъ говоритъ [2]), что «всякій государь держалъ при себѣ толпу людей, которые были къ нему привязаны и за нимъ слѣдовали». Этотъ авторъ даетъ имъ на своемъ языкѣ соотвѣтствующее ихъ положенію названіе [3]) спутниковъ. Между ними существовало удивительное соревнованіе [4]) въ пріобрѣтеніи отличій у своего государя, и такое же соревнованіе существовало между государями въ отношеніи числа и храбрости своихъ спутниковъ. «Быть всегда окруженнымъ толпою избранныхъ молодыхъ людей, прибавляетъ Тацитъ, составляетъ ихъ достоинство и могущество, украшеніе во время мира и оплотъ во время войны. Превосходство передъ другими въ числѣ и храбрости спутниковъ даетъ славу въ своемъ племени и у сосѣднихъ народовъ, доставляетъ подарки и привлекаетъ со всѣхъ сторонъ посольства. Часто извѣстность рѣшаетъ вопросъ о войнѣ. Считается постыднымъ для государя, если онъ въ бою уступаетъ своимъ спутникамъ въ мужествѣ, какъ считается постыднымъ для его спутниковъ, если они уступаютъ своему государю въ доблести; вѣчный позоръ тому, кто переживетъ его. Самая священная изъ всѣхъ обязанностей, это—защищать его. Если одни государства находятся въ мирѣ, государи идутъ въ другія, гдѣ война: этимъ они сохраняютъ себѣ большое число друзей. Послѣдніе получаютъ отъ нихъ боевого коня и страшный дротикъ. Не изысканная, но обильная ѣда служитъ для нихъ какъ бы жалованьемъ. Государь поддерживаетъ свою щедрость только помощью войны и грабежа. Ихъ гораздо труднѣе убѣдить обрабатывать землю и ждать жатвы, чѣмъ бросить вызовъ противнику и получать раны въ бою. Они не станутъ пріобрѣтать потомъ того, что могутъ добыть кровью».

Итакъ, у германцевъ были вассалы, но не было леновъ. Не было леновъ потому, что у государей не было земли, которую они могли бы

[1]) Кн. VI войны въ Галліи, гл. XXI. Тацитъ прибавляетъ: *Nulli domus, aut ager, aut aliqua cura; prout ad quem venere aluntur. De morib. Germ.*, c. XXXI. (M.).

[2]) *De morib. Germ.*, c. XIII. (M.).

[3]) *Comites.* (M.).

[4]) *De morib. Germ.*, c XIII—XIV. (M.).

раздавать; или, скорѣе, ихъ лены состояли въ боевыхъ коняхъ, въ оружіи и пирахъ. У нихъ были вассалы, потому что были вѣрные люди, связанные словомъ и обязавшіеся вести войну; они несли приблизительно ту же службу, какая впослѣдствіи полагалась за владѣніе леномъ.

ГЛАВА IV.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

«Когда одинъ изъ государей, говоритъ Цезарь [1]), объявлялъ народному собранію, что имѣетъ въ виду какое-либо военное предпріятіе и требовалъ, чтобы за нимъ слѣдовали, то тѣ, которые одобряли вождя и предпріятіе, вставали и предлагали свою помощь. Толпа хвалила ихъ за это. Но если они не исполняли своихъ обязанностей, они теряли общественное довѣріе, и на нихъ смотрѣли какъ на отступниковъ и измѣнниковъ».

То, что говоритъ здѣсь Цезарь, вмѣстѣ съ тѣмъ, что мы сказали въ предыдущей главѣ, слѣдуя Тациту, составляетъ зародышъ исторіи первой династіи.

Не слѣдуетъ удивляться, что короли для всякаго вновь предпринимаемаго похода должны были составлять новыя арміи, привлекать убѣжденіемъ въ свою службу новыя дружины и вербовать новыхъ воиновъ; что для того, чтобы много пріобрѣтать, имъ приходилось много раздавать; что они постоянно пріобрѣтали, достававшіяся имъ при раздѣлѣ, земли и добычу, и постоянно раздавали эти земли и эту добычу; что ихъ владѣнія постоянно увеличивались и постоянно уменьшались; что отецъ, давая одному изъ дѣтей своихъ королевство, присоединялъ къ нему всегда сокровищницу [2]); что королевская сокровищница всегда разсматривалась какъ необходимая принадлежность монархіи, и что король не могъ дать изъ нея чего-либо, безъ согласія другихъ королей, постороннему человѣку, даже въ приданое за дочерью [3]). Монархія приводилась въ движеніе помощью механизма, который приходилось постоянно заводить вновь.

ГЛАВА V.

О завоеваніяхъ франковъ.

Невѣрно, будто франки, войдя въ Галлію, заняли всѣ ея земли для обращенія въ лены. Нѣкоторые [4]) держались этого мнѣнія потому, что

[1]) *De bello Gallico*, lib. VI, c. XXII. (M.).

[2]) См. Жизнеописаніе Дагобера. (M.).

[3]) См. у Григорія Турскаго, кн. VI, о бракосочетаніи дочери Хильпериха. Хильдебертъ посылаетъ къ нему пословъ сказать, что онъ ничего не можетъ дать изъ имущества своего отца за его дочерью — ни изъ городовъ его королевства, ни изъ его сокровищъ, ни изъ рабовъ, ни изъ коней, ни изъ всадниковъ, ни изъ упряжныхъ воловъ и т. д. (M.).

[4]) Графъ де-Буленвилье. См. ниже, гл. X.

къ концу второй династіи почти всѣ земли сдѣлались ленами и подъленами (arrière-fiefs) или стали въ зависимость отъ тѣхъ или другихъ; но этому были особыя причины, о которыхъ скажу ниже.

Выводимое отсюда заключеніе, будто и варвары издали общее постановленіе съ цѣлью повсемѣстнаго прикрѣпленія населенія къ землѣ, также ложно, какъ и самая посылка. Предположимъ, что въ тѣ времена, когда лены подлежали еще отмѣнѣ, всѣ земли королевства были ленами или въ зависимости отъ леновъ, и всѣ жители королевства были вассалами или крѣпостными вассаловъ; такъ какъ владѣющій имуществомъ обладаетъ и властью, король, постоянно располагающій всѣми ленами, т. е. единственною въ то время собственностью, имѣлъ бы въ своихъ рукахъ такую же неограниченную власть, какую имѣетъ въ настоящее время турецкій султанъ, что находится въ противорѣчіи со всею исторіею.

ГЛАВА VI.

О готахъ, бургундахъ и франкахъ.

Галлія была занята германскими народами. Вестготы захватили нарбонскую область и почти весь югъ; бургунды утвердились на востокѣ, а франки покорили приблизительно все остальное.

Нельзя допустить, чтобы эти варвары не сохранили въ завоеванныхъ ими странахъ нравовъ, склонностей и обычаевъ своей страны, потому что народъ не можетъ измѣнить разомъ своего образа мыслей и дѣйствій. Въ Германіи, эти народы мало занимались обработкою земли. Изъ Цезаря и Тацита видно, что пастушескій образъ жизни былъ у нихъ очень распространенъ; поэтому и въ наставленіяхъ ихъ кодексовъ почти всегда идетъ рѣчь о стадахъ. Рориконъ [1]), писавшій у франковъ ихъ исторію, былъ пастухомъ.

ГЛАВА VII.

Различные способы раздѣла земель.

Послѣ того, какъ готы и бургунды подъ разными предлогами проникли во внутрь имперіи, римляне, чтобы остановить ихъ опустошенія, вынуждены были обезпечить имъ средства къ существованію. Сначала они снабжали ихъ хлѣбомъ [2]), но потомъ предпочли надѣлить ихъ

---

[1]) По всей вѣроятности, имя Рориконъ (Rorico) есть псевдонимъ какого-нибудь монаха, жившаго въ X-мъ вѣкѣ. «Никто не знаетъ, откуда былъ этотъ Рорико и когда именно жилъ. Онъ описалъ *Дѣянія франкскихъ королей* отъ начала ихъ до смерти Хлодвига; но все это однѣ фантазіи и басни. Его сочиненіе было опубликовано Андрэ Дюшеномъ съ древней рукописи аббатства Муассакъ» (Дюпэнъ).

[2]) А. Римляне обязывались къ тому договорами. См. Зосимы кн. V, о распредѣленіи хлѣба по требованію Алариха. (М.).

землями. Императоры, или дѣйствовавшія отъ ихъ имени римскія власти [1]) вступали съ этими народами въ соглашенія касательно раздѣла территоріи, какъ то видно изъ лѣтописей и кодексовъ вестготовъ [2]) и бургундовъ [3]).

Франки не слѣдовали этому порядку. Въ законахъ салическихъ и рипуарскихъ мы не находимъ никакихъ слѣдовъ такого раздѣла земель. Они завоевали страну и взяли, что хотѣли; порядокъ же взаимныхъ отношеній установили только между собою.

Поэтому слѣдуетъ отличать способъ дѣйствія бургундовъ и вестготовъ въ Галліи, тѣхъ же вестготовъ въ Испаніи, вспомогательныхъ войскъ [4]) подъ начальствомъ Августула и Одоакра въ Италіи отъ способа дѣйствія франковъ въ Галліи и вандаловъ въ Африкѣ [5]). Первые вступали въ договоры съ прежними жителями и согласно этимъ договорамъ дѣлили съ ними землю; вторые же ничего подобнаго не дѣлали.

ГЛАВА VIII.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Что даетъ представленіе о широкомъ захватѣ римскихъ земель варварами, такъ это — свидѣтельство, которое мы находимъ въ законахъ вестготовъ и бургундовъ, объ уступкѣ этимъ двумъ народамъ двухъ третей земли; но эти двѣ трети отводились имъ только въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, для нихъ предназначенныхъ.

Въ законѣ бургундовъ, Гондебальдъ говоритъ [6]), что его народъ, при своемъ водвореніи, получилъ двѣ трети земель; а во второмъ прибавленіи къ тому же закону [7]) сказано, что тѣ, которые придутъ впредь селиться въ странѣ, не получатъ болѣе половины земли. Слѣдовательно, не всѣ земли были съ самаго начала подѣлены между римлянами и бургундами.

Въ текстахъ обоихъ постановленій мы находимъ одни и тѣ же выраженія; слѣдовательно, постановленія эти объясняются одно другимъ, и

---

[1]) *Burgundiones partem Galliae occupaverunt, terrasque cum Gallicis senatoribus diviserunt.* Лѣтопись Марія за 456 годъ. (М.). Я думаю, что *senatores* означаетъ здѣсь большихъ собственниковъ и что смыслъ фразы слѣдующій: варвары взяли часть земель у этихъ *Gallici senatores.*

[2]) Кн. X, ст. I, §§ 8, 9 и 16. (М.).

[3]) Гл. LIV, §§ 1 и 2. Раздѣлъ этотъ существовалъ еще во время Людовика Благочестиваго, какъ то видно изъ капитулярія этого государя отъ 829 года, включеннаго въ бургундскіе законы, ст. LXXIX, § 1. (М.).

[4]) См. Прокопа: *Война готовъ.* (М.)

[5]) См. его же: *Война вандаловъ.* (М.).

[6]) *Licet eo tempore quo populus noster mancipiorum tertiam et duas terrarum pertes accepit*, etc. Законъ бургундовъ, ст. LIV, § 1. (М.).

[7]) *Ut non amplius a Burgundionibus, qui infra venerunt, requiratur, quam ad praesens necessitas fuerit, medietas terrae*, art. 11. (М.).

такъ какъ нельзя принимать второго въ смыслѣ общаго раздѣла земель, что нельзя приписывать и первому этого значенія.

Франки дѣйствовали съ такою же умѣренностью, какъ и бургунды: они не отняли у римлянъ всего, что было завоевано [1]). Да и на что имъ было столько земли? Они взяли изъ нея то, что имъ было нужно, а прочее оставили.

ГЛАВА IX.

Надлежащее примѣненіе закона бургундовъ и закона вестготовъ о раздѣлѣ земель.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что раздѣлы эти предпринимались не по произволу тираніи, но съ намѣреніемъ придти на помощь потребностямъ обоихъ народовъ, которые должны были населять одну и ту же страну.

Законъ бургундовъ требуетъ, чтобы всякій бургундъ былъ принятъ у римлянина въ качествѣ гостя. Это было вполнѣ согласно съ нравами германцевъ, которые, по свидѣтельству Тацита [2]), болѣе всѣхъ другихъ народовъ любили оказывать гостепріимство [3]).

Законъ требуетъ, чтобы бургундъ получалъ двѣ трети земли и одну треть крѣпостныхъ людей. Онъ въ этомъ случаѣ слѣдовалъ духу обоихъ народовъ и сообразовался со способомъ добыванія средствъ къ жизни, принятымъ у каждаго изъ нихъ. Бургундъ, занимавшійся скотоводствомъ, нуждался въ большомъ количествѣ земли съ малымъ числомъ крѣпостныхъ людей, тогда какъ обширныя земледѣльческія работы римлянина требовали меньшаго количества земли, но большаго числа крѣпостныхъ. Лѣса были подѣлены пополамъ, такъ какъ потребности въ этомъ отношеніи были одинаковы.

Изъ бургундскаго кодекса видно [4]), что у каждаго римлянина помѣщался варваръ. Раздѣлъ, слѣдовательно, не былъ всеобщимъ; но число римлянъ, уступавшихъ часть земли, равнялось числу бургундовъ, которые ее получали. Римлянину наносился возможно малый ущербъ [5]). Бургундъ, какъ воинъ, охотникъ и пастухъ, не пренебрегалъ пустырями; римлянинъ же сохранялъ за собою земли наиболѣе удобныя для хлѣбопашества; стада бургундца удобряли поля римлянина [6]).

---

[1]) По всей вѣроятности потому, что не нуждались въ этомъ, не будучи достаточно многочисленны. Въ дѣлѣ завоеванія не можетъ быть рѣчи объ умѣренности.

[2]) *De morib. German.*; c. XXI. (М.).

[3]) Съ тою разницею, что гостепріимство, оказываемое бургундамъ, было вынужденное и лишало хозяина дома имущества.

[4]) А также изъ кодекса вестготовъ. (М.).

[5]) Нѣтъ никакихъ доказательствъ этой германской кротости.

[6]) Не видно, на чемъ основано утвержденіе автора, что бургунды были пастушескимъ народомъ. Сократъ, Hist, eccl. VII, 30, говоритъ, что наибольшая часть бургундовъ состояла изъ каменщиковъ, кузнецовъ и плотниковъ. Орозъ,

ГЛАВА X.

О крѣпостной зависимости.

Въ законѣ бургундовъ сказано [1]), что, поселившись въ Галліи, народъ этотъ получилъ двѣ трети земель и одну треть крѣпостныхъ. Крѣпостная зависимость, слѣдовательно, существовала въ этой части Галліи прежде прибытія бургундовъ [2]).

Законъ бургундовъ, въ своихъ постановленіяхъ, относящихся къ обоимъ народамъ, точнымъ образомъ различаетъ [3]) у того и у другого благородныхъ, свободныхъ и крѣпостныхъ. Крѣпостная зависимость, слѣдовательно, не была особенностью римлянъ, а свобода и знатность — особенностью варваровъ.

Тотъ же законъ говоритъ [4]), что если бургундскій вольноотпущенникъ не заплатитъ опредѣленной суммы своему господину и не получитъ трети отъ римлянина, то будетъ всегда считаться принадлежащимъ къ семейству своего господина. Римскій собственникъ былъ, слѣдовательно, свободенъ, потому что не принадлежалъ къ чужому семейству; онъ былъ свободенъ, потому что треть земли была признакомъ свободы.

Стоитъ только развернуть салическіе и рипуарскіе законы, чтобы убѣдиться, что римляне также мало находились въ крѣпостной зависимости среди франковъ, какъ и среди другихъ завоевателей Галліи.

Система графа де-Буленвилье [5]) грѣшитъ въ одномъ существенномъ пунктѣ: въ ней остается недоказаннымъ, чтобы франки издали общее постановленіе, которое ставило бы римлянъ въ положеніе близкое къ рабству.

Такъ какъ сочиненіе его лишено всякаго искусства, и онъ говоритъ съ простосердечіемъ, искренностью и неопытностью, свойственными старой аристократіи, изъ которой онъ вышелъ [6]), то всякій можетъ распознать прекрасныя мысли, которыя онъ высказываетъ, и ошибки, въ которыя

VII, 28, описываетъ намъ варваровъ, какъ людей, сдѣлавшихся неутомимыми земледѣльцами послѣ покоренія страны.

[1]) Tit. LIV. (M.).

[2]) Это подтверждается всею статьею кодекса De agricolis et censitiset colonis. (M.).

[3]) *Si dentem optimati Burgundioni vel Romano nobili excusserit*, tit, XXVI, § 1; и *Si mediocribus personis ingenuis, tam Burgundionibus quam Romanis*. Ibid. § 2. (M.).

[4]) Tit., LVII. (M.).

[5]) Графъ де Буленвилье. *Историческіе мемуары о старинномъ управленіи Франціи*. По Буленвилье французское дворянство происходитъ отъ франковъ, древнихъ завоевателей Галліи; горожане же и простолюдины суть потомки древнихъ галло-римлянъ, обращенныхъ въ крѣпостное состояніе. Книга эта есть сплошная фантазія тщеславія.

[6]) Въ качествѣ дворянина, графъ Буленвилье считалъ себя за потомка франковъ. Монтескье поддавался тому же чувству. Такъ онъ любилъ употреблять выраженіе: *Наши отцы германцы*.

онъ впадаетъ. Поэтому я не стану разбирать его. Скажу только, что у него было больше ума, чѣмъ просвѣщенія и больше просвѣщенія, чѣмъ знанія; но все-таки къ этому знанію не слѣдуетъ относиться пренебрежительно, потому что великіе моменты нашей исторіи и нашего законодательства были ему очень хорошо извѣстны.

Графъ де-Буленвилье и аббатъ Дюбо [1])—оба составили по системѣ, изъ которыхъ одна походитъ на заговоръ противъ третьяго сословія, а другая—противъ дворянства. Когда солнце представило Фаэтону управлять своей колесницей, оно сказало ему: «Если подымешься слишкомъ высоко, то сожжешь небесное жилище; если спустишься слишкомъ низко—превратишь землю въ пепелъ. Не уклоняйся слишкомъ вправо, чтобы не попасть въ созвѣздіе змѣя; но и не удаляйся слишкомъ влѣво, а то попадешь въ созвѣздіе жертвенника: держись между тѣмъ и другимъ» [2]).

ГЛАВА XI.

Продолженіе о томъ-же предметѣ.

Мнѣніе о составленіи одного общаго постановленія о крѣпостной зависимости послѣ покоренія Галліи варварами возникло вслѣдствіе существованія во Франціи, къ началу воцаренія королей третьей династіи, необыкновенно многочисленнаго класса несвободныхъ людей; а такъ какъ не замѣчали постепеннаго развитія этого состоянія, то и вообразили себѣ существованіе въ покрытыя мракомъ времена общаго закона, котораго на самомъ дѣлѣ никогда не было.

Въ началѣ царствованія корелей первой династіи, мы видимъ безчисленное множество свободныхъ людей какъ среди франковъ, такъ и среди римлянъ; но число крѣпостныхъ столь быстро росло, что въ началѣ царствованія третьей династіи всѣ земледѣльцы и почти всѣ горожане были закрѣпощены [3]); и если при воцареніи первой династіи въ городахъ существовало приблизительно то же управленіе, что и при римлянахъ—со-

---

[1]) Аббатъ Дюбо (Du Bos), авторъ книги: *Основаніе французской монархіи*, располагалъ большей эрудиціей чѣмъ Буленвилье и, быть можетъ, былъ менѣе далекъ отъ истины. Объ этихъ авторахъ и ихъ системахъ см. у Огюстена Тьерри предисловіе къ *Récits mérovingiens*.

[2])
Nec preme, nec summum molire per aethera currum.
Altius egressus, caelestia tecta cremabis;
Inferius, terras: medio tutissimus ibis.
Neu te dexterior tortum declinet ad Anguem,
Neve sinisterior pressam rota ducat ad Aram,
Inter utrumque tene.
Ovid. Metam.. lib. II, 134.

[3]) Пока Галлія находилась подъ властью римлянъ, эти крѣпостные составляли особое сословіе, состоявшее обыкновенно изъ вольноотпущенниковъ и потомковъ вольноотпущенниковъ. (М.).

словіе гражданъ, сенатъ и суды [1]), въ началѣ существованія третьей династіи мы находимъ только сеньера и населеніе крѣпостныхъ.

Во время набѣговъ франки, бургунды и готы забирали золото, серебро, домашнюю утварь, одежду, мужчинъ, женщинъ, мальчиковъ— сколько могли съ собой захватить. Все это свозилось въ одно мѣсто и затѣмъ поступало въ раздѣлъ между воинами [2]). Вся исторія доказываетъ, что послѣ перваго водворенія, т.-е. послѣ первыхъ опустошеній, побѣдители вступали въ соглашеніе съ жителями и оставляли неприкосновенными всѣ ихъ политическія и гражданскія права. Таково было международное право того времени: все отбиралось во время войны, все уступалось во время мира. Если-бъ это было иначе, какимъ образомъ могли попасть въ салическіе и бургундскіе законы столь многочисленныя распоряженія, находящіяся въ противорѣчіи съ представленіемъ объ общемъ несвободномъ состояніи людей?

Но чего не сдѣлало завоеваніе, то сдѣлало то самое международное право [3]), которое продолжало существовать послѣ завоеванія. Сопротивленіе, возстаніе, взятіе городовъ влекли за собою закрѣпощеніе населенія. А такъ какъ, кромѣ войнъ, которыя вели между собою различные народы завоеватели, франки представляли еще ту особенность, что различные раздѣлы монархіи безпрестанно порождали у нихъ междоусобныя войны между братьями или племянниками, при чемъ примѣнялось всегда международное право, закрѣпощеніе получило во Франціи большее распространеніе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Въ этомъ, я полагаю, и заключается одна изъ причинъ того различія, которое существуетъ между нашими французскими законами и законами Италіи и Испаніи по предмету сеньеріальныхъ правъ.

Завоеваніе совершилось въ короткое время, и примѣненіе къ нему международнаго права произвело лишь ограниченныя измѣненія въ смыслѣ закрѣпощенія свободныхъ людей. Употребленіе же этого права въ продолженіе многихъ столѣтій привело къ крайнему распространенію такого закрѣпощенія.

Теодорихъ [4]), предполагая въ жителяхъ Оверни готовность измѣнить ему, сказалъ франкамъ своего удѣла: «Слѣдуйте за мною, я васъ поведу въ страну, гдѣ вы найдете золото, серебро, плѣнниковъ, одежду и стада въ изобиліи, и вы переселите всѣхъ жителей въ вашу страну».

Послѣ мира [5]), заключеннаго между Гонтраномъ [6]) и Хильперихомъ, войско, осаждавшее Буржъ, получивъ приказаніе вернуться назадъ, захва-

[1]) Слова: *сенатъ и судьи* опущены въ А,
[2]) См Григорія Турскаго, кн. II, гл. XXVII; Аймонна, кн. I, гл. XII. (М.).
[3]) См. *Жизнеописаніе святыхъ*, указываемыя ниже. (М.).
[4]) Григорій Турскій, кн. III, гл. XI. (М.).
[5]) Ibid., кн. VI, гл. XXXI. (М.).
[6]) Какъ этого, такъ и слѣд. параграфа нѣтъ ни въ А.. ни въ В.

тило съ собою столько добычи, что въ странѣ не осталось почти ни людей, ни скота.

Теодорихъ, король Италіи, превосходившій умомъ и политикой всѣхъ другихъ королей варваровъ, посылая войска въ Галлію, писалъ военачальнику [1]): «Я хочу, чтобы слѣдовали римскимъ законамъ, и чтобы ты возвращалъ бѣглыхъ рабовъ ихъ господамъ: защитникъ свободы никогда не долженъ благопріятствовать уклоненію отъ рабства. Пусть другіе короли находятъ удовольствіе въ грабежахъ и въ разрушеніи взятыхъ ими городовъ: мы же хотимъ побѣждать такъ, чтобы наши подданные сожалѣли о томъ, что не подчинились намъ раньше». Очевидно, онъ хотѣлъ сдѣлать ненавистными франкскихъ и бургундскихъ королей и намекалъ на ихъ международное право.

Это право существовало и при второй династіи. Согласно лѣтописямъ Метца [2]), Пипинъ вернулся изъ аквитанскаго похода во Францію съ несмѣтнымъ множествомъ богатствъ и людей.

Въ доказательство я могъ бы привести безчисленное множество другихъ авторитетныхъ источниковъ [3]); а такъ всѣ эти бѣдствія вызывали глубокое чувство состраданія, и многіе благочестивые епископы, видя плѣнниковъ, связанныхъ подвое, отдавали для выкупа ихъ церковныя деньги и даже продавали священные сосуды, и благочестивые монахи поступали такимъ же образомъ, то поэтому въ жизнеописаніяхъ святыхъ мы находимъ наилучшія объясненія по этому предмету [4]). Хотя и можно иногда упрекнуть авторовъ этихъ жизнеописаній въ излишнемъ легковѣріи относительно такихъ обстоятельствъ, которыя были, конечно, Божіимъ дѣломъ, если только находились на пути его Промысла, тѣмъ не менѣе они даютъ много весьма поучительнаго касательно нравовъ и обычаевъ тѣхъ временъ.

Когда смотришь на памятники нашей исторіи и законодательства, то кажется, что передъ тобою одно море и что море это не имѣетъ даже береговъ [5]). Всѣ эти холодныя, сухія, безвкусныя и жесткія писанія нужно прочесть, нужно проглотить, подобно тому, какъ въ баснѣ Сатурнъ глоталъ камни.

Громадное количество земель, обрабатываемыхъ въ прежнее время сво-

---

[1]) Подъ 43, кн. III у Кассіодора. (М.).

[2]) Подъ 763 годамъ. Innumerabilibus spoliis et captivis totus ille exercitus ditatus, in Franciam reversus ast. (М.).

[3]) А. См. хронику Фредегарія подъ 600 г. и его продолжателя подъ 741 г. Лѣтопись Фульдскаго монастыря отъ 732 г.; Павла Діакона: *de Gestis Langobardorum*, кн. III, гл. XXX, и кн. IV, гл. I, а также жизнеописанія святыхъ, приведенныя въ слѣд. примѣчаніи. (М.).

[4]) См. жизнеописанія: св. Епифана, св. Епгадія, св. Цезарія, св. Фидола, св. Порціана, св. Треверія, св. Евсихія и св. Легерія; чудеса св. Юліана. (М.).

[5]) ... *Deerant quoque littora ponto.*
Ovid. Metam., lib. I, v. 293. (М.).

бодными людьми [1]), обратились въ неотчуждаемое имущество. Послѣ того какъ страна лишилась свободныхъ людей, которые ее населяли, собственники многихъ крѣпостныхъ людей захватили и заставили уступить себѣ цѣлыя области и построили въ нихъ селенія, какъ это можно видѣть въ различныхъ документахъ. Съ другой стороны, свободные ремесленники должны были продолжать свои занятія уже какъ крѣпостные люди; такимъ образомъ рабство возвращало ремесламъ и земледѣлію то, что у нихъ было отнято.

Вошло въ употребленіе, чтобы собственникъ отдавалъ свою землю церкви и получалъ ее обратно за оброчную плату, предполагая посредствомъ этой зависимости сдѣлаться причастнымъ церковной святости [2]).

ГЛАВА XII.

Что земли варваровъ, доставшіяся по раздѣлу, не были обложены налогомъ.

Народы простые, бѣдные, свободные, воинственные и пастушескіе, не вѣдавшіе промышленности, связанные съ землею одними тростниковыми хижинами [3]), слѣдовали за своими вождями ради добычи, а не для того, чтобы платить или взимать подати. Искусство вымогательства податей возникаетъ всегда позже, послѣ того какъ люди начали познавать благословеніе, приносимое другими искусствами.

Временная подать [4]) по кувшину вина съ арпана земли, бывшая однимъ изъ насилій Хильпериха и Фредегонды, падала на однихъ римлянъ, и вовсе не франки рвали при этомъ податные списки, а духовенство, которое въ тѣ времена состояло изъ однихъ римлянъ [5]). Эта подать ложилась главнымъ образомъ на жителей городовъ [6]); города же въ то время почти всѣ были населены римлянами.

Григорій Турскій [7]) разсказываетъ, что послѣ смерти Хильпериха одинъ судья долженъ былъ искать спасенія въ церкви, потому что въ царствованіе этого государя облагалъ податями франковъ, которые во время Хильдеберта считались свободнорожденными: Multos de Francis, qui,

---

[1]) Даже не всѣ колоны были крѣпостными: см. зак. 18 и 23 код. *de agricolis et censitis et colonis* и 20 зак. той же ст. (М.).

[2]) Убѣжденный также, и не безъ основанія, что неприкосновенность церковныхъ правъ обезпечитъ ему спокойное пользованіе его имуществомъ.

[3]) См. Григорія Турскаго. кн. II. (М.).

[4]) Ibid., кн. V, гл. XXVIII. (М.).

[5]) Это слѣдуетъ изъ всей исторіи Григорія Турскаго. Тотъ же Григорій спрашиваетъ у извѣстнаго Вальфиліана, какимъ образомъ могъ онъ попасть въ духовное сословіе, будучи лонгобардскаго происхожденія. Григорій Турскій, кн. VIII, гл. XXXVI. (М.).

[6]) Quae conditio universis urbibus per Galliam constitutis summopere est adhibita. Жизнеописаніе св. Аридія. (М.).

[7]) Кн. VII. (М.).

tempore Childeberti regis, ingenui fuerant, publico tributo subegit. Слѣдовательно, франки, которые не были крѣпостными, не платили вовсе податей.

Человѣкъ, хорошо знающій науку о языкѣ, не можетъ не поблѣднѣть при видѣ толкованія, которое даетъ этимъ словамъ аббатъ Дюбо [1]). Онъ замѣчаетъ, что вольноотпущенники въ тѣ времена также назывались свободнорожденными, и латинское слово ingenui переводитъ affranchis de tributs (свободные отъ податей). Выраженіе это употребительно во французскомъ языкѣ, подобно выраженіямъ affranchis de soins (свободные отъ заботъ), affranchis de peines (свободные отъ трудовъ); но на латинскомъ языкѣ ingenui a tributis, libertini a tributis, manumissi tributorum были бы чудовищными выраженіями.

Пареній, говоритъ Григорій Турскій [2]), думалъ, что франки убьютъ его за то, что онъ обложилъ ихъ налогами. Аббатъ Дюбо [3]), стѣсняемый этимъ свидѣтельствомъ, утверждаетъ то, что должно быть подвергнуто изслѣдованію: это было произвольное увеличеніе налога, говоритъ онъ [4]).

Изъ закона вестготовъ [5]) видно, что, если варваръ пріобрѣталъ землю у римлянина, судья обязывалъ его продать ее, такъ какъ она должна была оставаться обложенной. Варвары, слѣдовательно, не платили налоговъ съ земли [6]).

Аббатъ Дюбо [7]), которому нужно было, чтобы вестготы платили налоги [8]), оставляетъ въ сторонѣ буквальный и внутренній смыслъ закона и открываетъ, единственно силою собственной фантазіи, что въ промежутокъ времени между водвореніемъ готовъ и появленіемъ этого закона произошло увеличеніе налоговъ, распространившееся на однихъ только римлянъ. Но столь произвольное обращеніе съ фактами дозволяется только одному О. Гардуину [9]).

---

[1]) *Établissement de la monarchie française*, tome III, ch. XIV, p. 515. (М.).

[2]) Кн. III, ч. XXXVI. (М.).

[3]) Томъ III, стр. 514. (М.).

[4]) Какъ этого, такъ и слѣд. параграфа нѣтъ въ А. и В.

[5]) *Judices atque praepositi tertias Romanorum, ab illis qui occupatas tenent, auferant, et Romanis sua exactione sine aliqua dilatione restituant, ut nihil fisco debeat deperire.* Lib. X, tit. I, c. XIV. (М.).

[6]) Вандалы не платили ихъ въ Африкѣ. Прокопій, *Вандальская война*, кн. I и II; *Historia miscella*, lib. XVI, p. 106. Надо еще замѣтить, что завоеватели Африки составляли смѣсь изъ вандаловъ, алановъ и франковъ.

[7]) *Établissements*, tome III, ch. XIV, p. 510. (М.).

[8]) Онъ опирается на другой законъ вестготовъ, кн. X, отд. I, ст. 11, который ровно ничего не доказываетъ. Въ немъ говорится только, что получившій землю отъ сеньера подъ условіемъ оброка, долженъ платить его. (М.).

[9]) О. Гардуинъ, іезуитъ (1646—1729), былъ человѣкъ ученый, и мы ему обязаны хорошимъ изданіемъ Плинія Старшаго и собраніемъ постановленій соборовъ въ 12 томахъ in-folio. Но онъ утверждалъ, что бо́льшая часть произведеній, завѣщанныхъ намъ греками и римлянами, была написана монахами

Аббатъ Дюбо [1]) обращается къ кодексу Юстиніана [2]) за поисками [3]) законовъ, доказывающихъ, что участки земли, раздаваемые у римлянъ воинамъ (военныя бенефиціи), подлежали налогу, откуда заключаетъ, что то же самое было съ ленами или такими же, поступавшими въ раздѣлъ участками земли у франковъ. Но мнѣніе, будто наши лены ведутъ свое начало отъ указаннаго учрежденія римлянъ, въ настоящее время отвергнуто; оно и не могло имѣть кредита какъ только въ тѣ времена, когда знали исторію Рима, но очень мало знали нашу, и когда наши древніе памятники были, такъ сказать, еще погребены въ пыли.

Напрасно аббатъ Дюбо ссылается на Кассіодора и на событія въ Италіи и въ той части Галліи, которая была подчинена Теодориху, чтобы познакомить насъ съ тѣмъ, что было въ обычаѣ у франковъ. Все это вещи, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать. Я покажу когда-нибудь въ особомъ сочиненіи [4]), что строй остготской монархіи былъ совершенно иной, чѣмъ всѣхъ другихъ монархій, основанныхъ въ тѣ времена другими варварскими народами; что не только нельзя сказать, чтобы тотъ или другой порядокъ былъ въ обычаѣ у франковъ, потому что мы находимъ его у остготовъ, но, напротивъ, есть положительное основаніе думать, что то, что было въ употребленіи у остготовъ, не было въ употребленіи у франковъ.

Что всего труднѣе дается умамъ, плавающимъ въ обширной эрудиціи, это—отысканіе потребныхъ имъ доказательствъ тамъ, гдѣ они дѣйствительно находятся, или, говоря языкомъ астрономовъ, нахожденіе истиннаго положенія солнца.

Аббатъ Дюбо злоупотребляетъ капитуляріями, равно какъ исторіей и законами варваровъ. Когда онъ хочетъ доказать, что франки платили налоги, онъ примѣняетъ къ свободнымъ людямъ то, что можетъ быть примѣнимо только къ крѣпостнымъ [5]); а когда говоритъ объ ихъ милиціи, то примѣняетъ къ крѣпостнымъ то, что могло имѣть отношеніе только къ свободнымъ людямъ [6]).

ГЛАВА XIII.

Какого рода повинности несли римляне и галлы во франкской монархіи.

Я могъ бы изслѣдовать продолжали ли побѣжденные римляне и галлы платить повинности, которыя несли при императорахъ. Но, чтобы скорѣе

XIII в. Такъ, напр., онъ воображалъ, что *Энеида* было твореніемъ бенедиктинца, прославлявшаго въ ней побѣду церкви надъ синагогой.

[1]) Этотъ параграфъ и два слѣдующіе прибавлены въ послѣднемъ изданіи.

[2]) Кн. 3, ч. LXXIV, отд. XI. (М.).

[3]) Томъ III, стр. 511. (М.).

[4]) Монтескье имѣлъ въ виду написать исторію остготскаго короля Теодориха. Въ его бумагахъ найдены были ея отрывки.

[5]) *Établisement de la monarchie française*, tome III, ch. XIV, p. 513, гдѣ онъ цитируетъ ст. 28 пистскаго эдикта. См. ниже, гл. XVIII.

[6]) *Ibid.*, tome III, ch. IV, p. 298. (М.).

придти къ цѣли, скажу только, что если они ихъ и платили сначала, то скоро отъ нихъ были избавлены, и что эти повинности были замѣнены военною службою. Признаюсь, для меня остается совсѣмъ непонятнымъ, какимъ образомъ франки, которые были столь ревностными сторонниками притѣснительныхъ налоговъ, какъ бы сразу отказались отъ нихъ.

Капитулярій [1]) Людовика Благочестиваго превосходно объясняетъ намъ положеніе свободныхъ людей во франкской монархіи. Толпы [2]) готовъ и иберовъ бѣжали отъ притѣсненія мавровъ и были приняты на земляхъ Людовика. Въ договорѣ съ ними было постановлено, что они, какъ и прочіе свободные люди, будутъ выходить на войну со своимъ графомъ; будутъ въ походѣ [3]) содержать караулы и дѣлать объѣзды подъ начальствомъ того же графа и будутъ давать посланнымъ отъ короля [4]) и посланникамъ, отправляющимся отъ королевскаго двора или ѣдущимъ ко двору, лошадей и подводы; что затѣмъ ихъ нельзя будетъ понуждать къ уплатѣ иныхъ повинностей и что съ ними будутъ поступать какъ съ другими свободными людьми.

Нельзя утверждать, чтобы то были новые обычаи, введенные въ началѣ воцаренія второй династіи; они относятся по крайней мѣрѣ къ серединѣ или концу царствованія первой. Капитулярій [5]) 864 года положительно говоритъ, что, по древнему обычаю, свободные люди несли воинскую службу и, кромѣ того, платили за лошадей и повозки, о которыхъ мы говорили, что составляло ихъ спеціальную повинность, отъ которой владѣльцы леновъ, какъ я докажу это ниже, были избавлены.

Мало того. Существовало постановленіе [6]), воспрещавшее облагать этихъ свободныхъ людей налогами. Кто изъ нихъ имѣлъ четыре двора [7]), долженъ былъ всегда выходить на войну; кто имѣлъ только три двора, былъ присоединяемъ къ свободному человѣку съ однимъ дворомъ; послѣдній платилъ первому четверть всѣхъ расходовъ и оставался дома. Такимъ же порядкомъ соединяли двухъ свободныхъ людей, изъ которыхъ

---

[1]) Отъ 815 г., гл. I. Вполнѣ согласенъ съ капитуляріемъ Карла Лысаго, отъ 844 г., ст. 1 и 2. (М.).

[2]) *Pro Hispanis in partibus Aquitaniae, Septimaniae et Provinciae consistentibus.* Ibid. (М.).

[3]) *Excubias et explorationes quas wactas dicunt.* Ibid. (М.).

[4]) Они не были обязаны давать ихъ графу. Ibid. art. 5. (М.)

[5]) *Ut pagenses Franci, qui caballos habent, cum suis comitibus in hostem pergant.* Графамъ воспрещается отнимать у нихъ лошадей; *ut hostem facere. et debitos paraveredos secundum antiquam consuetudinem exsolvere possint.* Пистскій эдиктъ, у Балюза, стр. 186. (М.).

[6]) Капитулярій Карла В, отъ 812 г., гл. I; Пистскій эдиктъ, отъ 864 г. ст. 27. (М.).

[7]) *Quatuor mansos.* Я полагаю, что то, что называли *mansus*, былъ опредѣленный участокъ земли, обложенный оброкомъ и населенный рабами; объ этомъ свидѣтельствуетъ капитулярій отъ 853 г., *apud* Sylvacum, tit. XIV, противъ тѣхъ, которые прогоняли рабовъ съ ихъ *mansus*. (М.).

каждый имѣлъ два двора. Тотъ изъ нихъ, который уходилъ въ походъ, получалъ половину расходовъ отъ того, который оставался дома.

Кромѣ того, у насъ существуетъ безчисленное множество грамотъ, которыми предоставлялись ленныя права землямъ и округамъ, находившимся во владѣніи свободныхъ людей. О нихъ мнѣ придется еще много говорить [1]) ниже. Эти земли были освобождены отъ всѣхъ повинностей, платимыхъ графу и другимъ чиновникамъ короля; а такъ какъ въ грамотахъ перечисляются подробно всѣ эти повинности, причемъ вовсе не упоминается о податяхъ, то очевидно, что послѣднія не были взымаемы.

Естественно предположить, что римская система налоговъ сама собою исчезла въ монархіи франковъ. Это было очень запутанное искусство, не соотвѣтствовавшее ни понятіямъ, ни строю жизни этихъ безхитростныхъ народовъ. Если бы татары наводнили въ настоящее время Европу, какого бы труда стоило втолковать имъ, что такое откупщикъ государственныхъ налоговъ [2]) у насъ!

Неизвѣстный авторъ жизнеописанія Людовика Благочестиваго разсказываетъ по поводу графовъ и другихъ франкскихъ чиновниковъ, поставленныхъ Карломъ В. въ Аквитаніи, что этотъ государь предоставилъ имъ охрану границы, военную власть и управленіе коронными имуществами. Это даетъ намъ понятіе о доходахъ государя во время второй династіи. Государь сохранялъ за собою коронныя имущества, которыя обрабатывалъ своими рабами; но подушная подать и другіе налоги, которые во времена императоровъ взымались съ лица и имущества свободныхъ людей, были замѣнены обязательствомъ защищать границы и выходить на войну.

Мы читаемъ въ той же исторіи [3]), что когда Людовикъ Благочестивый посѣтилъ своего отца въ Германіи, и послѣдній спросилъ его, какъ могъ онъ, будучи королемъ, находиться въ такой бѣдности, Людовикъ отвѣчалъ, что онъ король только по имени, и что почти всѣ его коронныя имущества находятся въ рукахъ сеньеровъ; тогда Карлъ Великій, опасаясь, что этотъ молодой государь можетъ лишиться ихъ расположенія, если станетъ отнимать у нихъ то, что такъ легкомысленно имъ отдалъ, отрядилъ своихъ уполномоченныхъ для приведеніи дѣла въ порядокъ [4]).

Епископы писали Людовику [5]), брату Карла Лысаго: «Имѣйте попеченіе о вашихъ земляхъ, чтобы не было вамъ нужды, во время путешествій, постоянно останавливаться въ домахъ духовенства и отягощать его крѣпостныхъ подводами».

---

[1]) См. ниже, гл. XX настоящей книги. (М.).
[2]) Дюшенъ, т. II, стр. 287. (М.).
[3]) Ibid., p. 89. (М.).
[4]) Этого параграфа нѣтъ въ А. В.
[5]) См. капитулярій отъ 858 г., ст. 14. (М.).

«Дѣлайте такъ», говорили они еще, «чтобы у васъ было на что жить и принимать пословъ [1])». Очевидно, что источникомъ доходовъ королей были ихъ коронныя имущества.

ГЛАВА XIV.

О томъ, что именно носило названіе ценза (census).

Когда варвары вышли изъ своей земли, они задумали записать свои обычаи; но такъ какъ оказывалось затруднительнымъ писать германскія слова латинскими буквами, то эти законы были изложены по-латыни.

Во время смуты завоеванія и его успѣховъ, многіе предметы измѣнились въ самой своей сущности; чтобы выразить ихъ, приходилось пользоваться древними латинскими словами, имѣвшими наиболѣе отношенія къ новымъ обычаямъ. Такимъ образомъ, то, что вызывало представленіе о древнемъ римскомъ цензѣ [2]), получило наименованіе census, tributum; а то, что не имѣло никакого отношенія къ этимъ представленіямъ, выражали, какъ могли, германскимъ словомъ, написаннымъ латинскими буквами. Такимъ образомъ образовалось слово fredum, о которомъ мнѣ придется много говорить въ слѣдующихъ главахъ.

Такъ какъ слова census и tributum получили произвольное употребленіе, то истинное значеніе ихъ за время первой и второй династіи стало неяснымъ, и новѣйшіе авторы, имѣвшіе свои особыя системы [3]), найдя это слово въ сочиненіяхъ тѣхъ временъ, рѣшили, что то, что называли тогда census, было вполнѣ тождественно съ римскимъ цензомъ. Затѣмъ, они вывели заключеніе, что наши короли первыхъ двухъ династій замѣнили римскихъ императоровъ и не сдѣлали никакихъ перемѣнъ въ способѣ ихъ управленія [4]); а такъ какъ извѣстныя пошлины, которыя взымались при второй династіи, вслѣдствіе какихъ-то случайностей и извѣстныхъ видоизмѣненій обратились въ другого рода пошлины [5]), то они заключили, что первыя были римскимъ цензомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, усматривая, со времени позднѣйшихъ постановленій, что коронныя имущества были безусловно неотчуждаемы, они сказали, что назван-

---

[1]) Они также взимали нѣкоторыя пошлины на рѣкахъ—тамъ, гдѣ находились мосты или переправы. (М.).

[2]) Слово *census* имѣло столь общее значеніе, что употреблялось для обозначенія рѣчной пошлины, гдѣ былъ мостъ или ходилъ паромъ. См. капитулярій III, 803 г., изд. Балюза, стр. 395, ст. I, и капит. V, 819 г., стр. 616. Тѣмъ-же именемъ называли подводы, доставляемыя свободными людьми королю и его посланнымъ, какъ то видно изъ капитулярія Карла Лысаго, отъ 865 г., ст. 8. (М.).

[3]) Аббатъ Дюбо и его послѣдователи. (М.).

[4]) См. слабыя основанія, приводимыя аббатомъ Дюбо въ *Établissement de la monarchie française*, tome III, lib. VI, ch. XIV,—въ особенности сдѣланное имъ заключеніе изъ одного мѣста у Григорія Турскаго, относящагося къ спору его Церкви съ королемъ Харибертомъ. (М.).

[5]) Напр., вслѣдствіе отпущенія на волю.

ныя пошлины, образовавшіяся изъ римскаго ценза и не вошедшія въ составъ коронныхъ имуществъ, были дѣломъ прямого произвола. Умалчиваю о прочихъ заключеніяхъ.

Переносить въ давно минувшіе вѣка понятія своего времени значитъ обращаться къ источнику наиболѣе обильному заблужденіями. Тѣмъ, которые хотятъ передѣлать на новый ладъ древнія времена, я повторю сказанное египетскими жрецами Солону: «О, аѳиняне! вы не болѣе какъ дѣти» [1]).

ГЛАВА XV.

То, что называли цензомъ, взималось только съ крѣпостныхъ, но не съ свободныхъ людей.

Король, духовенство и сеньеры взимали установленные налоги, каждый съ крѣпостныхъ на своей землѣ. Я доказываю это, въ отношеніи короля, капитуляріемъ de Villis; въ отношеніи духовенства — законами варваровъ [2]); въ отношеніи сеньеровъ—постановленіями Карла Великаго по этому предмету [3]).

Налоги эти и носили названіе census; то были хозяйственные, а не казенные сборы,—исключительно частные оброки, а не общественныя повинности.

Я говорю, что такъ наз. census была подать, взимаемая съ крѣпостныхъ. Я доказываю это формулой Маркульфа, заключающей въ себѣ королевское разрѣшеніе вступать въ число церковнослужителей всякому человѣку, если только онъ свободнорожденный и не внесенъ въ цензуальный списокъ [4]). Я доказываю это еще порученіемъ, которое Карлъ Великій даетъ одному изъ своихъ графовъ [5]), отправиться въ страну саксонцевъ и объявить имъ свободу вслѣдствіе принятія ими христіанства. Это собственно грамота дарованія свободы [6]). Этотъ государь возстановляетъ ихъ въ первоначальныхъ правахъ гражданской свободы [7]) и освобождаетъ отъ платежа ценза. Быть крѣпостнымъ и платить цензъ, быть свободнымъ и не платить его означало, слѣдовательно, одно и то же.

Родъ жалованныхъ грамотъ того же государя [8]) въ пользу испанцевъ, принятыхъ въ составъ французской монархіи, воспрещаетъ графамъ

---

[1]) У Платона, въ *Тимеѣ*.

[2]) Законъ аллемановъ, гл. XXII и законъ баварцевъ, ст. I, гл. IV, гдѣ находятся постановленія духовенства, относящіяся къ собственному ихъ сословію. (М.).

[3]) Кн. V капитул., гл. CCCIII. (М).

[4]) *Si ille de capite suo bene ingenuus sit, et in puletico publico censitus non est* Liv. I, form. XIX. (М.).

[5]) Въ 789 г., изд. капитул. Балюза, т. I, стр. 250. (М.).

[6]) *Et ut ista ingenutiatis pagina firma stabilisque consistat.* Ibid. (М.).

[7]) *Pristinaeque libertati donatos, et omni nobis delito censu solutos.* Ibid. (М.).

[8]) *Praeceptum pro Hispanis* 812 г., изд. Балюза, т. I, стр. 500. (М.).

требовать отъ нихъ какого бы то ни было ценза и отнимать отъ нихъ ихъ земли. Извѣстно, что съ прибывшими во Францію иностранцами обращались какъ съ крѣпостными; но Карлъ Великій, который хотѣлъ, чтобы на нихъ смотрѣли какъ на свободныхъ людей, ибо предоставлялъ имъ право собственности на принадлежавшія имъ земли, запрещалъ требовать съ нихъ цензъ.

Капитулярій [1]) Карла Лысаго въ пользу тѣхъ же испанцевъ предписываетъ, чтобы съ ними поступали наравнѣ съ прочими франками и запрещаетъ требовать съ нихъ цензъ; слѣдовательно, свободные люди его не платили.

30-я ст. пистскаго эдикта устраняетъ злоупотребленіе, помощью котораго многіе королевскіе и церковные крестьяне продавали духовенству или другимъ людямъ своего званія принадлежащія къ ихъ дворамъ земли, оставляя за собою лишь малую хижину, такъ что не съ кого было получать ценза. Поэтому постановлено было возстановить вещи въ ихъ первоначальномъ видѣ. Цензъ былъ, слѣдовательно, податью рабовъ. Отсюда же слѣдуетъ, что въ монархіи не существовало общаго ценза; это доказывается большимъ числомъ текстовъ. Какой иной смыслъ можетъ имѣть такой капитулярій [2]): «Мы желаемъ, чтобы взыскивали королевскій цензъ вездѣ, гдѣ только взыскивали его на законномъ основаніи въ прежнее время» [3]). Что можетъ означать другой капитулярій [4]) Карла Великаго, который предписываетъ своимъ посланнымъ въ провинціяхъ произвести точное разслѣдованіе всѣхъ цензовъ, изстари взимаемыхъ въ пользу короля [5])?—или тотъ [6]), въ которомъ онъ дѣлаетъ свое распоряженіе относительно разныхъ цензовъ, платимыхъ тѣми, съ кого ихъ взыскиваютъ [7])? Какъ понимать слѣдующій [8]), въ которомъ говорится: «Если кто [9]) пріобрѣлъ податную землю, съ которой мы всегда взимали цензъ»? или еще другой, наконецъ [10]), въ которомъ Карлъ Лысый [11]) говоритъ о земляхъ, подчиненныхъ цензу, гдѣ цензъ издревле принадлежалъ королю?

---

[1]) Отъ 844 г., изд. Балюза, т. II, ст. 1 и 2, стр. 27. (М.).

[2]) Капит. III, отъ 805 г., ст. 20 и 22, въ сборникѣ Анзегиза, кн. III, ст. 15. Онъ сходенъ съ капитул. Карла Лысаго, отъ 854 г., apud Attiniacum., ст. 6. (М.).

[3]) *Undecumque legitime exigebatur.* Ibid. (М.).

[4]) Отъ 812 г., ст. 10 и 11, изд. Балюза, т. I, стр. 498. (М.).

[5]) *Undecumque antiquitus ad partem regis venire solebant.* Капитул. 812 г., ст. 10 и 11. (М.).

[6]) 813 г., ст. 6, изд. Балюза, т. I, стр. 508. (М.).

[7]) *De illis unde censa exigunt.* Капитул. 813 г., ст. 6. (М.).

[8]) Кн. IV *Капитуляріевъ,* ст. 37; также включенъ въ законъ лонгобардовъ. (М.)

[9]) *Si quis terram tributariam, unde census ad partem nostram exire solebat, susceperit,* кн. IV *Капитуляріевъ,* ст. 37. (М.).

[10]) 805 года, ст 8. (М.).

[11]) *Unde census ad partem regis exivit antiquitus.* Капитулярій 803 г., ст. 8. (М.).

Слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторые тексты какъ бы противорѣчатъ мнѣ; но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что они въ дѣйствительности подтверждаютъ мною сказонное. Мы видѣли выше, что свободные люди въ монархіи несли только повинность по поставкѣ извѣстныхъ подводъ. Послѣдній изъ приведенныхъ мною капитуляріевъ называетъ ее цензомъ, но противопоставляетъ цензу, платимому крѣпостными [1]).

Далѣе, пистскій [2]) эдиктъ говоритъ о свободныхъ людяхъ, которые должны были платить королевскій цензъ съ головы и съ дома и которые продали себя въ рабство во время голода [3]). Король требовалъ ихъ выкупа. Дѣло въ томъ [4]), что отпущенные на волю королевской грамотой обыкновенно еще не пріобрѣтали этимъ полной и совершенной свободы [5]), и платили подушную подать, censum in capite; и вотъ объ этихъ-то людяхъ и идетъ здѣсь рѣчь.

Итакъ, слѣдуетъ совершенно оставить мысль объ общемъ и повсемѣстномъ цензѣ римскаго происхожденія, отъ котораго, какъ это предполагаютъ, получили, путемъ захвата, свое начало и сеньеріальныя повинности. То, что называли цензомъ, было, независимо отъ злоупотребленія этимъ словомъ, особой повинностью, взимаемой съ крѣпостныхъ ихъ господами.

Прошу читателя простить мнѣ ту скуку, которую должны были причинить ему столь многочисленныя цитаты. Я былъ бы короче, если бы передо мною не находилась постоянно книга аббата Дюбо: Объ учрежденіи французской монархіи въ Галліи. Ничто такъ не препятствуетъ развитію знаній какъ дурное сочиненіе знаменитаго автора, потому что, прежде чѣмъ объяснить, бываетъ необходимо еще вывести изъ заблужденія.

ГЛАВА XVI.

О вассалахъ.

Я уже говорилъ [6]) объ охотникахъ, сопровождавшихъ нѣмецкихъ князей въ ихъ предпріятіяхъ. Этотъ обычай сохранился и послѣ завоеванія. Тацитъ называетъ ихъ спутниками [7]); салическій законъ— людьми, находящимися въ довѣріи у своего государя [8]); формулы Мар-

---

[1]) *Censibus vel paraveredis quos Franci homines ad regiam protestatem exsolvere debent.* (M.).

[2]) 864 года, ст. 34, изд. Балюза, стр. 192. (M.).

[3]) *De illis Francis hominibus qui censum regium de suo capite et de suis recellis debeant.* Ibid. (M.).

[4]) Ст. 28 того же эдикта хорошо все это объясняетъ. Она дѣлаетъ даже разницу между вольноотпущеннымъ римляниномъ и вольноотпущеннымъ франкомъ. Отсюда видно, что цензъ не былъ общимъ. Надо это прочесть.

[5]) Какъ видно изъ указаннаго выше капитулярія Карла В., отъ 813 г. (M.).

[6]) См. выше, гл. III.

[7]) Comites De mor. germ., c. XIII. (M.).

[8]) *Qui sunt in truste regis,* tit. XLIX, art. 4. (M.).

кульфа [1])—королевскими антрустіонами [2]); наши первые историки—леудами и вѣрными [3]), а послѣдующіе—вассалами и сеньерами [4]).

Въ салическихъ и рипуарскихъ законахъ безчисленное множество постановленій относится къ франкамъ и лишь немногія къ антрустіонамъ. Постановленія объ этихъ антрустіонахъ совершенно отличны отъ тѣхъ, которыя имѣютъ въ виду другихъ франковъ; вездѣ опредѣляются имущественныя отношенія франковъ, но ничего не говорится объ имуществѣ антрустіоновъ. Происходило это оттого, что имущественныя отношенія въ этомъ послѣднемъ случаѣ опредѣлялись скорѣе государственнымъ, чѣмъ гражданскимъ закономъ, и что самое имущество было военнымъ жребіемъ, а не семейнымъ наслѣдіемъ.

Имущества, предназначенныя для леудовъ, носили, у разныхъ авторовъ и въ разныя времена, названія фискальныхъ имуществъ [5]), бенефицій, почетныхъ имуществъ, леновъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что лены вначалѣ могли быть отбираемы [6]). У Григорія Турскаго [7]) мы находимъ, что у Сунегизила и Галломана было отнято все имущество, которое они держали отъ казны, и оставлено только то, которое принадлежало имъ какъ собственность. Гонтранъ, возведя на престолъ племянника своего Хильдеберта, въ тайномъ съ нимъ совѣщаніи указалъ ему какъ на тѣхъ [8]), кому онъ долженъ былъ дать лены, такъ и на тѣхъ, у кого онъ долженъ былъ ихъ отнять. Въ одной изъ формулъ Маркульфа [9]) король даетъ въ обмѣнъ не только бенефиціи, которыми располагаетъ его фискъ, но и такія, которыя находятся въ чужихъ рукахъ. Законъ лонгобардовъ противопоставляетъ бенефиціи собственности [10]). Историки, формулы, кодексы разныхъ варварскихъ народовъ, всѣ дошедшіе до насъ памятники единогласно подтверждаютъ это. Наконецъ, составители Книги о Ленахъ [11]) говорятъ намъ, что сначала сеньеры могли отбирать лены по произволу, затѣмъ отдавали ихъ срокомъ на одинъ годъ [12]), и, наконецъ, отдавали въ пожизненное владѣніе.

---

[1]) Кн. I, форм. XVIII. (М.).

[2]) Отъ слова *treu*, которое у нѣмцевъ значитъ *вѣрный*, а у англичанъ *true* значитъ *истинный*. (М.). На старомъ франц. яз. *dru* значитъ *вѣрный*, а *druerie—вѣрность*.

[3]) *Leudes*, *вѣрные*. (М.).

[4]) *Vassali*, *seniores*. (М.).

[5]) *Fiscalia* См. Маркульфа, форм. XIV, кн. I. Въ жизнеописаніи св. Мавра сказано: *dedit fiscum unum*; а въ лѣтописяхъ гор. Метца подъ 747 год.: *dedit illi comitatus et fiscos plurimos*. Имущества, предназначенныя для содержанія королевскаго семейства, назывались *regalia*. (М.).

[6]) См. кн. I, ст. I, о ленахъ, а также у Куяція объ этой книгѣ. (М.).

[7]) Кн. IX, гл XXXVIII. (М.).

[8]) *Quos honoraret muneribus, quos ab honore repelleret*. Ibid., кн. VII. (М.).

[9]) *Vel reliquis quibus cumque beneficiis, quodcumque ille, vel fiscus noster in ipsis locis tenuisse noscitur*. Lib. I, form XXX. (М.).

[10]) Lib. III, tit. VIII, § 3. (М.).

[11]) *Feudorum*, lib. I, tit. I. (М.).

[12]) Это былъ родъ уступки во временное пользованіе, которую сеньеръ

ГЛАВА XVII.

О военной службѣ свободныхъ людей.

Два рода людей обязаны были отправлять военную службу: леуды, вассалы или подвассалы, несшіе это обязательство, въ силу содержимыхъ ими леновъ; и свободные люди, франки, римляне и галлы, которые служили подъ начальствомъ графа и выходили на войну подъ предводительствомъ его самого и подчиненныхъ ему начальниковъ.

Свободными людьми назывались тѣ, которые, съ одной стороны, не имѣли ни бенефицій, ни леновъ; а съ другой, не находились въ крѣпостномъ состояніи. Земли, которыми они владѣли, назывались аллодіальными.

Графы собирали свободныхъ людей и вели ихъ на войну [1]). Подъ ихъ властью состояли военачальники, которыхъ они называли викаріями [2]). Такъ какъ всѣ свободные люди дѣлились на сотни, которыя составляли то, что называлось бургомъ, то графамъ были подчинены еще другіе начальники, которыхъ называли сотниками и которые вели на войну свободныхъ людей бурга, или свои сотни [3]).

Это дѣленіе на сотни было введено послѣ водворенія франковъ въ Галліи, а именно Клотаремъ и Хильдебертомъ съ цѣлью обязать каждый отдѣльный округъ нести отвѣтственность въ произведенныхъ въ немъ кражахъ Это видно изъ декретовъ этихъ государей [4]). Сходный порядокъ соблюдается еще въ настоящее время въ Англіи.

Подобно тому какъ графы водили на войну свободныхъ людей, леуды водили своихъ вассаловъ и подвассаловъ, а епископы, аббаты или ихъ довѣренные [5]) водили своихъ [6]).

Положеніе епископовъ было довольно затруднительное, и они сами недоумѣвали, какъ изъ него выйти [7]). Они просили Карла Великаго болѣе

могъ, по усмотрѣнію, возобновить или нѣтъ по прошествіи года, какъ замѣтилъ Куяцій. (М.).

Liber Feodorum не имѣетъ прочнаго авторитета въ исторіи феодальнаго права во Франціи. Эта книга была написана въ Италіи, на основаніи лангобардскихъ обычаевъ двумя юристами, которые были весьма посредственными историками.

[1]) См. капитулярій Карла Великаго отъ 812 г., ст. 3 и 4, изд. Балюза, т. I, стр. 491, а также эдиктъ въ Пистѣ, 864 г., ст. 26, т. II, стр. 186. (М.).

[2]) *Et habebat unusquisque comes vicarios et centenarios secum.* Кн. II *Капитуляріевъ*, ст. 28. (М.).

[3]) Ихъ называли *compagenses.* (М.).

[4]) Изданы около 595 г., ст. 1. См. *Капитуляріи*, изд. Балюза, стр: 20. Эти постановленія, несомнѣнно, состоялись по соглашенію. (М.).

[5]) *Advocati.* (М.).

[6]) Капитулярій Карла В., отъ 812 г., ст. 1 и 5, изд. Балюза, томъ I, стр. 490. (М.).

[7]) См. Капит. 803 г., данный въ Вормсѣ, изд. Балюза, стр. 408 и 410. (М.).

не понуждать ихъ ходить на войну; а когда имъ это было разрѣшено, стали жаловаться, что ихъ лишаютъ общественнаго уваженія, такъ что этотъ государь вынужденъ былъ оправдываться въ своихъ намѣреніяхъ. Какъ бы то ни было, я не вижу, чтобы за то время, когда они не ходили болѣе на войну, ихъ вассалы были предводимы графами; напротивъ, видно, что короли или епископы избирали одного изъ вѣрныхъ, который предводительствовалъ ими [1]).

Въ одномъ капитуляріи Людовика Благочестиваго [2]) король различаетъ три рода вассаловъ: вассаловъ короля, вассаловъ епископовъ и вассаловъ графа. Вассалы леуда [3]) или сеньера ходили на войну подъ предводительствомъ графа только въ томъ случаѣ, если какое-либо занятіе при дворѣ короля не позволяло леудамъ самимъ вести своихъ вассаловъ.

Но кто велъ на войну леудовъ? Внѣ всякаго сомнѣнія, король, который всегда находился во главѣ своихъ вѣрныхъ. Поэтому-то мы видимъ, что въ капитуляріяхъ вассалы короля всегда противопоставляются вассаламъ епископовъ [4]). Наши мужественные, гордые и великодушные короли находились въ войскѣ вовсе не для того, чтобы стоять во главѣ церковной милиціи; конечно, не этого рода людей предпочитали они, чтобы побѣдить или умереть вмѣстѣ.

Но эти леуды также вели съ собою своихъ вассаловъ и подвассаловъ, и это ясно видно изъ капитулярія [5]) Карла Великаго, въ которомъ онъ предписываетъ, чтобы всякій свободный человѣкъ, имѣющій четыре двора, будетъ ли то собственность, или бенефиція, шелъ противъ непріятеля или слѣдовалъ за своимъ сеньеромъ. Очевидно, Карлъ Великій хочетъ сказать, что тотъ, кто имѣлъ только собственную землю, вступалъ въ милицію графа; а кто держалъ бенефицію отъ сеньера, шелъ съ этимъ послѣднимъ.

Между тѣмъ аббатъ Дюбо [6]) утверждаетъ, будто во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ капитуляріяхъ говорится о людяхъ, зависѣвшихъ отъ какого-либо отдѣльнаго сеньера, слѣдуетъ подразумѣвать крѣпостныхъ людей, и онъ основываетъ это на законѣ вестготовъ и ихъ обычаѣ. Было

---

[1]) Капит. въ Вормсѣ 803 г., изд. Балюза, стр. 409; и соборъ 845 г. при Карлѣ Лысомъ, in Verno palatio, изд. Балюза, т. II, стр. 17, ст. 8. (М.).

[2]) Capitulare quintum, anni 819, art. 37, изд. Балюза, стр. 618. (М.).

[3]) *De vassis dominicis qui adhuc intra casam serviunt, et tamen beneficia habere noscuntur, statutum est ut quicumque ex eis cum domino imperatore domi remanserint, vassallos suos casatos secum non retineant; sed cum comite, cujus pagenses sunt, ire permittant.* Капитулярій XI, 812 г., ст. 7, изд. Балюза, т. I, стр. 494. (М.).

[4]) Капитулярій I, 812 г., ст. 5. *De hominibus nostris, et episcoporum et abbatum qui vel beneficia, vel talia propia habent*, etc. Изд. Балюза, т. I, стр 490. (М.).

[5]) 812 г., гл. I, изд. Балюза, стр. 490. *Ut omnis homo liber qui quatuor mansos vestitos de proprio suo, sive de alicujus beneficio, habet, ipse se praeparet, et ipse in hostem pergat, sive cum seniore suo.* (М.).

[6]) Т. III, кн. VI, гл. IX, стр. 299: *Établissement de la monarchie française.* (М.).

бы лучше взять за основаніе самые капитуляріи. Только что приведенный мною утверждаетъ какъ разъ противное. Въ договорѣ Карла Лысаго съ братьями также говорится о свободныхъ людяхъ, которые могутъ по желанію избрать сеньера или короля, и это распоряженіе находится въ согласіи съ многими другими.

Итакъ, можно сказать, что существовало три рода ополченія: ополченіе леудовъ или вѣрныхъ людей короля, которые имѣли у себя другихъ, зависимыхъ отъ нихъ вѣрныхъ людей; ополченіе епископовъ, или другихъ духовныхъ, и ихъ вассаловъ; и, наконецъ, ополченіе графа, который велъ свободныхъ людей.

Я не говорю, чтобы вассалы не могли быть подчинены графу, какъ частные предводители, находящіеся въ зависимости отъ общаго предводителя.

Мы видимъ даже, что графъ и королевскіе посланные могли взыскивать съ нихъ штрафы за неисполненіе соединенныхъ съ ихъ ленами обязательствъ.

Точно также, въ тѣхъ случаяхъ, когда королевскіе вассалы совершали грабежи [1]), они подлежали наказанію, налагаемому графомъ,—если только не предпочитали наказанія, исходящаго отъ короля.

ГЛАВА XVIII.

О двойной службѣ.

Въ монархіи существовало основное начало, требовавшее, чтобы подчиненіе военной власти лица соединялось съ подчиненіемъ и гражданской его юрисдикціи. Поэтому и капитулярій [2]) Людовика Благочестиваго, отъ 815 года, ставитъ рядомъ военную власть графа и его гражданскую юрисдикцію по отношенію къ свободнымъ людямъ; поэтому и суды графа, водившаго на войну свободныхъ людей, носили названіе судовъ свободныхъ людей [3]); отсюда, несомнѣнно, ведетъ свое начало то правило, что только на судѣ самого графа, а не его чиновниковъ, могли разбираться вопросы о свободѣ. Точно такъ же, графы не водили на войну вассаловъ епископовъ и аббатовъ, потому что они не подлежали его гражданскому суду; равно не водили на войну подвассаловъ леудовъ; поэтому въ толковомъ словарѣ [4]) англійскихъ законовъ значится [5]), что то, что сак-

---

[1]) Капитул. 882 г., ст. 11, *apud Vernis palatium*, изд. Балюза, т. II, стр. 17. (М.).

[2]) Ст. 1 и 2; также соборное постан. *in Verno palatio*, 845 г. ст. 8, изд. Балюза, т. II, гл. I. (М.).

[3]) *Капитуляріи*, кн. IV собранія Анзегиза, ст. 57; также капит. V Людовика Благочестиваго, 819 г., ст. 14, изд. Балюза, т. I, стр. 615. (М.).

[4]) См. сборникъ Вильг. Ламбарда: *De priscis Anglorum legibus*. (М.).

[5]) Подъ словомъ *satrapia*. (М.).

сонцы называли c o p l e s, у норманновъ носило названіе графовъ и товарищей (comtes, compagnons), такъ какъ они дѣлились съ королемъ судебными пенями; поэтому мы видимъ, во всѣ времена, что обязанность всякаго вассала въ отношеніи [1]) сеньера состояла въ томъ, чтобы ходить съ нимъ на войну и судить своихъ пэровъ на его судѣ [2]).

Одна изъ причинъ, почему право творить судъ соединялось съ правомъ водить на войну, заключалась въ томъ, что тотъ, кто водилъ на войну, взыскивалъ въ то же время казенныя пошлины, состоявшія въ нѣкоторыхъ повинностяхъ по поставкѣ подводъ свободными людьми и извѣстныхъ судебныхъ пошлинахъ, о которыхъ я скажу ниже.

Сеньеры имѣли право суда въ своемъ ленѣ на томъ же самомъ основаніи, на которомъ графы имѣли его въ своемъ графствѣ; говоря точнѣе, въ происходившихъ въ разныя времена измѣненіяхъ, графства слѣдовали тѣмъ изъ этихъ измѣненій, которыя происходили въ ленахъ: графства и лены управлялись по одному общему плану и на основаніи однихъ и тѣхъ же понятій. Однимъ словомъ, графы въ своихъ графствахъ были леудами; а леуды въ своихъ сеньеріяхъ были графами.

Ошибались тѣ, которымъ казалось, что графы это чины судебные, а герцоги—чины военные, тогда какъ и тѣ и другіе были одинаково военными и гражданскими чинами [3]). Вся разница состояла въ томъ, что герцогу было подчинено нѣсколько графовъ, хотя и были графы, не подчиненные никакому герцогу, какъ мы это узнаемъ изъ Фредегарія [4]).

Могутъ подумать, что правленіе у франковъ было въ то время крайне суровое, такъ какъ въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ соединялась власть военная, гражданская и даже фискальная, что составляетъ, какъ я уже говорилъ въ предыдущихъ книгахъ, одинъ изъ отличительныхъ признаковъ деспотизма.

Не слѣдуетъ однако полагать, чтобы графы рѣшали дѣла одни и творили судъ подобно турецкимъ пашамъ [5]); они разбирали дѣла въ судебныхъ засѣданіяхъ, собирая родъ ассизовъ, на которые призывались нотабли [6]).

Чтобы дать ясное представленіе о томъ, что говорится о судѣ въ формулахъ, законахъ варваровъ и капитуляріяхъ, я скажу, что обязанности графа, гравіона и сотника были однѣ и тѣ же [7]); что судьи, ра-

[1]) Іерусалимскіе ассизы, гл. CCXXI и CCXXII, служатъ хорошимъ тому объясненіемъ.

[2]) Церковные повѣренные (advocati) точно такъ же стояли во главѣ своихъ судовъ и милицій.

[3]) Ср. формулу VIII Маркульфа, кн. I, которая содержитъ въ себѣ грамоты, выданныя герцогу, патрицію или графу на право гражданской юрисдикціи и фискальной администраціи. (М.).

[4]) *Хроника*, гл. LXXVIII, подъ 636 г. (М.).

[5]) См. Григорія Турскаго, кн. V, ad annum 580. (М.).

[6]) *Mallum*. (М.).

[7]) Прибавьте къ этому сказанное мною въ кн. XXVII, гл. XXVIII и въ кн. XXXI, гл. VIII. (М.).

химбурги и эшевены были, подъ разными именами, одни и тѣ же лица: они были помощники графа, обыкновенно въ числѣ семи. Но такъ какъ ему необходимо было не менѣе двѣнадцати человѣкъ для постановленія приговора [1]), онъ пополнялъ недостающее число нотаблями [2]).

Кому бы ни принадлежало право суда,—королю, гравіону, сотнику, сеньерамъ или духовенству, они никогда не судили одни. Обычай этотъ, вышедшій изъ германскихъ лѣсовъ, удержался и послѣ того, какъ лены приняли новую форму.

Что касается фискальной власти, то она была такого рода, что графъ не могъ злоупотреблять ею. Повинности, платимыя государю свободными людьми, были чрезвычайно просты и, какъ я уже сказалъ, состояли только въ поставкѣ нѣкоторыхъ подводъ для опредѣленныхъ общественныхъ потребностей [3]); относительно же судебныхъ пошлинъ существовали законы, принимавшіе мѣры къ предупрежденію злоупотребленій [4]).

ГЛАВА XIX.

О пеняхъ у варваровъ.

Такъ какъ невозможно сдѣлать шага въ области государственнаго права безъ основательнаго знанія законовъ и нравовъ германскихъ народовъ, то я остановлюсь нѣсколько на изслѣдованіи этихъ нравовъ и этихъ законовъ.

Судя по Тациту, германцы узнали только два уголовныхъ преступленія: они вѣшали измѣнниковъ и топили трусовъ; это были у нихъ единственныя преступленія общественнаго характера. Если человѣкъ причинялъ вредъ другому, то за обиженнаго или понесшаго ущербъ вступались его родственники [5]), и вражда прекращалась удовлетвореніемъ. Удовлетвореніе это принадлежало обиженному, если онъ могъ получить его, а также его родственникамъ, если оскорбленіе или обида были нанесены всѣмъ имъ вообще, или когда, вслѣдствіе смерти обиженнаго или понесшаго ущербъ, удовлетвореніе переходило къ нимъ по праву.

Судя по тому, что говоритъ Тацитъ, удовлетвореніе это совершалось

---

[1]) См. обо всемъ этомъ капитуляріи Людовика Благочестиваго, приложенные къ салическому закону, ст. 2-я, и формулу приговоровъ, приведенную Дю-Канжемъ подъ словомъ *boni homines*. (М.).

[2]) *Per bonos homines*. Иногда были одни нотабли. См. приложеніе къ формуламъ Маркульфа, гл. LI. (М.).

[3]) И нѣкоторыя рѣчныя пошлины, о которыхъ я говорилъ. (М.). См. выше, примѣчаніе къ гл. XIII.

[4]) См. законъ рипуаріевъ, ст. LXXXIX, и законъ лонгобардовъ, кн. II, ст. LII, § 9. (М.).

[5]) *Suscipere tam inimictiias, seu patris, seu propinqui, quam amicitias, necesse est: nec implacabiles durant; luitur enim etiam homicidium certo armentorum ac pecorum numero, repipitque satisfactionem universa domus*. Тацитъ, De morib. Germ., c. XXI. (М.).

по обоюдному соглашенію между сторонами. Поэтому въ законахъ варваровъ оно и носитъ названіе композиціи, т.-е. соглашенія, сдѣлки.

Только у однихъ фризовъ, сколько мнѣ извѣстно, законъ предоставлялъ враждующія семьи ихъ первобытному состоянію [1]); не стѣсняемыя никакимъ политическимъ или гражданскимъ закономъ, онѣ могли по произволу предаваться мести до полученія удовлетворенія. Но и этотъ законъ былъ смягченъ: было постановлено, чтобы тотъ, смерти котораго искали, находилъ миръ въ своемъ домѣ, на пути въ церковь и изъ церкви, а равно по дорогѣ отъ мѣста суда [2]).

Компиляторы салическихъ законовъ приводятъ древній обычай франковъ, по которому человѣкъ, вырывшій мертвое тѣло съ цѣлью ограбленія, изгонялся изъ человѣческаго общества, пока родственники не давали согласія на его возвращеніе [3]); а такъ какъ до полученія этого согласія воспрещалось всѣмъ и каждому и даже женѣ виновнаго давать ему хлѣба и пускать его въ домъ, то такой изгнанникъ находился въ отношеніи къ другимъ и другіе люди находились въ отношеніи къ нему въ первобытномъ состояніи, пока таковое не прекращалось помощью соглашенія, т. е. уплатою пени.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы видимъ, что мудрые люди между варварами задумали постановить отъ себя то, что такъ медленно и съ такими опасностями совершалось путемъ взаимнаго соглашенія сторонъ. Они обратили вниманіе на установленіе справедливой по своему размѣру пени въ пользу потерпѣвшаго вредъ или оскорбленіе. Всѣ законы варваровъ представляютъ въ этомъ отношеніи удивительную точность [4]); въ нихъ соблюдается тонкое различіе между отдѣльными случаями и тщательно взвѣшиваются всѣ обстоятельства [5]). Законъ ставитъ себя въ положеніе обиженнаго и требуетъ для него того удовлетворенія, котораго онъ самъ потребовалъ-бы по зрѣломъ размышленіи.

Благодаря введенію этихъ законовъ, германскіе народы вышли изъ того первобытнаго состоянія, въ которомъ они, повидимому, находились еще во время Тацита.

Ротарисъ въ законѣ лонгобардовъ, объявляетъ, что увеличилъ размѣръ штрафовъ, налагаемыхъ древнимъ обычаемъ за нанесеніе ранъ, чтобы раненый получилъ удовлетвореніе и могла прекратиться непріязнь [6]). Дѣйствительно, послѣ того, какъ этотъ первоначально бѣдный народъ обогатился при покореніи Италіи, старыя пени сдѣлались ничтожными и

---

[1]) См. этотъ законъ, ст. II, о смертоубійствахъ, и приложеніе Вулемара о кражахъ. (М).

[2]) *Addito sapientium*, tit. I, § 1. (М.).

[3]) Салич. законъ, tit. LVIII; tit. XVII, § 3. (М.).

[4]) А. В. Законы салическіе удивительны въ этомъ отношеніи.

[5]) См. ст. III—VI салическаго закона, относящихся къ кражѣ животныхъ.

[6]) Кн. I, ст. VII, § 15. (М.).

примиренія прекратились. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что то же соображеніе побудило предводителей и другихъ побѣдоносныхъ народовъ къ составленію разныхъ законодательныхъ кодексовъ, сохранившихся по настоящее время [1]).

Самая значительная пеня платилась убійцей родственникамъ убитаго Различіе въ сословномъ положеніи предполагало и соотвѣтствующее различіе въ размѣрахъ пени. Такъ, напр., по закону англовъ, за смерть эделинга [2]) полагалось шестьсотъ, свободнаго человѣка—двѣсти, а крѣпостного — тридцать су пени. Такимъ образомъ, высокая пеня, которою оплачивалась жизнь человѣка, составляла одно изъ важнѣйшихъ его преимуществъ, потому что, кромѣ личнаго отличія, она, у народовъ, склонныхъ къ насиліямъ, обезпечивала бо́льшую безопасность.

Законъ баварцевъ убѣждаетъ насъ въ этомъ [3]): онъ даетъ имена баварскихъ семействъ, получавшихъ двойную пеню, потому что они были первыми послѣ Агилольфинговъ [4]). Агилольфинги были герцогскаго рода и изъ нихъ избирались герцоги; они получали четвертую пеню. Пеня, платимая герцогу, превосходила на одну треть ту, которая полагалась Агилольфингамъ. «Такъ какъ онъ герцогъ», говоритъ законъ, «ему воздается бо́льшая честь, чѣмъ его родственникамъ».

Всѣ эти пени были опредѣлены въ деньгахъ. Но такъ какъ народы эти мало имѣли денегъ — въ особенности пока жили въ Германіи — то можно было уплачивать пеню скотомъ, хлѣбомъ, домашней утварью, оружіемъ, собаками, ловчими птицами, землями и проч. [5]). Часто законъ опредѣлялъ даже цѣну этимъ вещамъ [6]), и это объясняетъ, какимъ образомъ, при столь маломъ количествѣ денегъ, у нихъ могло быть такъ много денежныхъ штрафовъ.

Итакъ, эти законы старались со всею точностью разграничить различные роды вины, оскорбленій и преступленій, чтобы всякій могъ точнымъ образомъ опредѣлить мѣру понесеннаго имъ убытка или оскорбленія и слѣдуемаго ему вознагражденія; главное же, чтобы никто не разсчитывалъ на полученіе бо́льшаго.

Съ этой точки зрѣнія понятно, что тотъ, кто мстилъ, послѣ того какъ получилъ удовлетвореніе, совершалъ большое преступленіе. Пре-

---

[1]) См. законъ англовъ, ст. I, §§ 1, 2, 4; *ibid.*, ст. V., § 6; законъ баварцевъ, ст. I, гл. VIII и IX, и законъ фризовъ, ст. XV. (М.).

[2]) Т.-е. благороднаго.

[3]) Ст. II, гл. XX. (М.).

[4]) Hozidra, Ozza, Sagana, Habilingua, Anniena. Ibid. (М.).

[5]) Законъ Ины оцѣнивалъ жизнь опредѣленной суммой денегъ или опредѣленнымъ количествомъ земли. Leges Inae regis, tit. *de Villico regio. De priscis Anglorum Legibus.* Cambridge, 1644. (М.).

[6]) См. законъ саксовъ, который дѣлаетъ эту оцѣнку даже для многихъ народовъ, с. XVIII. См. также законъ рипуар., tit. XXXVI, § 11, законъ баварц., tit. I, §§ 10—11. *Si aurum non habet, donet aliam pecuniam, mancipia, terram*, etc. (М.).

ступленіе это составляло оскорбленіе столько же общественнаго, сколько и частнаго характера: оно было презрѣніемъ къ самому закону, и законодатели [1]) не оставили его безъ наказанія.

Было еще другое преступленіе, которое разсматривалось какъ особенно опасное въ то время, когда эти народы, находясь подъ гражданскимъ управленіемъ, отчасти утратили духъ независимости [2]), а короли стремились дать государству лучшій порядокъ управленія. Преступленіе это заключалось какъ въ нежеланіи давать удовлетвореніе, такъ и въ нежеланіи получать его. Мы находимъ въ разныхъ кодексахъ варваровъ, что законодатели [3]) обязывали къ тому и другому. Дѣйствительно, кто отказывался отъ полученія удовлетворенія, тотъ этимъ хотѣлъ сохранить за собою право мести; а кто отказывался дать его, оставлялъ обиженному его право мести. Въ этомъ отношеніи мудрые люди исправили германскія установленія, которыя призывали, но не обязывали къ уплатѣ пени.

Я только что говорилъ о текстѣ салическаго закона, которымъ законодатель предоставлялъ на усмотрѣніе обиженнаго принимать или не принимать удовлетворенія; это тотъ самый законъ, который воспрещалъ человѣку, ограбившему трупъ, всякія сношенія съ людьми [4]), пока родственники не примутъ удовлетворенія и не испросятъ разрѣшенія провинившемуся снова жить среди людей. Почтеніе къ священнымъ предметамъ сдѣлало то, что составители салическихъ законовъ въ этомъ случаѣ не коснулись древняго обычая.

Было бы несправедливо опредѣлять пеню въ пользу родственниковъ вора, убитаго въ моментъ совершенія кражи, или родственниковъ жены, отосланной мужемъ послѣ развода по причинѣ нарушенія ею супружеской вѣрности. Законъ баварцевъ не давалъ пени въ подобныхъ случаяхъ [5]) и наказывалъ родственниковъ, если они пытались мстить за обиду.

Въ кодексахъ варваровъ нерѣдко приходится встрѣчать пени за дѣйствія непроизвольныя. Законъ лонгобардовъ, почти всегда отличающійся

[1]) См. законъ лонгобардовъ, кн. I, ст. XXV, § 21; *ibid.*, кн. I, ст. IX, §§ 8 и 34; *ibid.*, § 38; капит. Карла Великаго, отъ 802 г., гл. XXXII, заключающій въ себѣ инструкцію его посланнымъ въ провинціи. (М.).

[2]) См. у Григорія Турскаго, кн. VII, гл. XLVII, подробности процесса, въ которомъ одна сторона потеряла половину присужденной ей раньше пени, въ наказаніе за учиненный ею самосудъ вмѣсто полученія удовлетворенія,—хотя ей и приходилось послѣ этого терпѣть насилія со стороны противника. (М).

[3]) См. законъ саксовъ, гл. III, § 4; законъ лонгобардовъ, кн. I, ст. XXXVII, §§ 1 и 2; законъ аллемановъ, ст. XLV, §§ 1 и 2. Этотъ послѣдній законъ разрѣшилъ дѣйствіе самосудомъ на мѣстѣ столкновенія и въ моментъ перваго возбужденія. См. также капитулярія Карла Великаго отъ 779 г., гл. XXII; отъ 802 г., гл. XXXII и отъ 805 г., гл. V. (М.).

[4]) Компиляторы рипуарскихъ законовъ повидимому измѣнили это. См. гл. LXXXV этихъ законовъ. (М.).

[5]) См. декретъ Тассилона *de popularibus legibus*, ст. 3, 4, 10, 16, 19; законъ англовъ, гл. VII, § 4. (М).

разсудительностью [1]), требовалъ [2]) въ такомъ случаѣ, чтобы размѣръ пени предоставлялся великодушію платящаго, и чтобы родственники послѣ этого не смѣли мстить ему.

Клотарь II издалъ очень мудрый законъ, воспрещавшій обокраденному получать пеню втайнѣ [3]) и безъ постановленія судьи. Мы сейчасъ увидимъ мотивы этого закона.

ГЛАВА XX.

О томъ, что впослѣдствіи называли судомъ сеньера.

Кромѣ пени, которую приходилось платить родственникамъ за убійство, убытки и оскорбленія, нужно было еще платить извѣстную пошлину, которая въ кодексахъ варваровъ носитъ названіе fredum [4]). Мнѣ придется много [5]) говорить о ней; чтобы дать о ней нѣкоторое понятіе, я скажу, что она была вознагражденіемъ за покровительство противъ права мести. По настоящее время [6]), на шведскомъ языкѣ слово fred означаетъ миръ [7]). У этихъ буйныхъ народовъ творить судъ значило не болѣе какъ оказывать защиту обидчику противъ мести со стороны обиженнаго, чтобы заставить этого послѣдняго принять слѣдуемое ему удовлетвореніе; такимъ образомъ у германцевъ, въ противоположность всѣмъ другимъ народамъ, судъ существовалъ для огражденія преступника со стороны лица, отъ него пострадавшаго.

Законы варваровъ представляютъ случаи, когда требованіе этого freda было обязательно. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда родственники не могли мстить, fredum не взималось. И дѣйствительно, гдѣ не было мести, тамъ не могло быть и права на покровительство противъ мести. Такъ, по закону лонгобардовъ [8]), тотъ, кто убивалъ случайно свободнаго человѣка, платилъ его цѣну, но не платилъ fredum: невольное убійство исключало право родственниковъ на мщеніе. Такъ, по закону рипуаріевъ [9]), когда человѣкъ былъ убитъ кускомъ дерева или какимъ-либо предметомъ, сдѣланнымъ руками человѣка, этотъ предметъ или этотъ кусокъ дерева

---

[1]) См. выше, кн. XXVIII, гл. I.

[2]) Кн. I, гл. IX, § 4. (М.).

[3]) *Pactus pro tenore pacis inter Childebertum et Clotarium, anno 593, и decretio Clotarii II regis, circa annum 595*, c. XI. (М.).

[4]) Когда законъ не опредѣлялъ ея размѣра, она обыкновенно составляла третью часть пени, какъ это видно изъ закона рипуаріевъ, гл. LXXXIX, объясненнаго въ третьемъ капитуляріи 813 года, изд. Балюза, т. I, стр. 512. (М.).

[5]) А. В. Въ нашихъ современныхъ языкахъ нѣтъ соотвѣтствующаго термина; тѣмъ не менѣе, мнѣ придется много говорить о ней.

[6]) Этой послѣдней фразы нѣтъ въ А. В.

[7]) Нѣмецкое слово *Friede* имѣетъ тотъ же смыслъ.

[8]) Кн. I. гл. IX, § 17, изд. Линденброка. (М.).

[9]) Гл. LXX. (М.).

разсматривались какъ виновники смерти, и родственники убитаго брали ихъ для своего употребленія, но не могли требовать fredum.

Точно также, если человѣка убивало животное, тотъ же [1]) законъ опредѣлялъ пеню безъ fredum, потому что родственники убитаго не несли обиды.

Наконецъ, по салическому закону [2]), если совершало проступокъ дитя, не достигшее двѣнадцатилѣтняго возраста, то съ него бралась пеня безъ fredum, такъ какъ оно не могло еще носить оружія, и, слѣдовательно, не отвѣчало условію, при которомъ потерпѣвшая сторона или родственники могли требовать мести.

Fredum платилъ виновный за спокойствіе и безопасность, которыхъ онъ лишился по собственной винѣ и которыя могъ вернуть черезъ покровительство закона; но ребенокъ не лишался безопасности: онъ не былъ вполнѣ человѣкомъ и не могъ быть исключенъ изъ человѣческаго общества.

Fredum было мѣстной пошлиной въ пользу судьи [3]) подлежащаго округа. Законъ рипуаріевъ [4]) запрещалъ ему однако самому ее взыскивать; онъ требовалъ, чтобы сторона, въ пользу которой рѣшено было дѣло, получила ее и представила въ казну, чтобы миръ, какъ говоритъ законъ, оставался вѣчнымъ среди рипуаріевъ.

Размѣръ fredum соотвѣтствовалъ значенію оказываемаго покровительства [5]); такъ, fredum за покровительство, оказываемое королю, было выше fredum за покровительство, оказываемое графу и другимъ судьямъ.

Я уже вижу порядокъ, въ которомъ возникаютъ судьи сеньеровъ. Лены, какъ это слѣдуетъ изъ безчисленнаго множества памятниковъ, заключали въ себѣ обширныя территоріи. Я уже доказалъ, что короли не брали ничего съ земель, доставшихся по раздѣлу франкамъ; еще менѣе могли они предъявлять притязанія на какіе-либо сборы съ леновъ. Тѣ, которые ихъ получили, располагали самыми широкими правами пользованія ими и извлекали изъ нихъ всѣ плоды и всѣ доходы; а такъ какъ одинъ изъ наиболѣе значительныхъ доходовъ [6]) составляли судебныя пошлины (freda), взымаемыя по обычаямъ франковъ, то и выходило, что

[1]) Гл. XLVI. См. также законъ лонгобардовъ, кн. I, гл. XXI, § 3, изд. Линденброка: *Si caballus cum pede* etc. (М.).

[2]) Гл. XXVIII, § 6. (М.).

[3]) Какъ это явствуетъ изъ декрета Клотаря II, отъ 595 г. *Fredus tamen judicis, in cujus pago est, reservatur.* (М.).

[4]) Гл. LXXXIX. (М.).

[5]) *Capitulare incerti anni*, гл. LVII, у Балюза т. I, стр. 515. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что то, что называется *fredum* или *faida* въ памятникахъ первой династіи, носитъ названіе *bannum* въ памятникахъ второй, какъ то видно изъ капитулярія *de partibus Saxoniae*, 789 г. (М.).

[6]) См. капитулярій Карла Великаго, *de Villis*, въ которомъ онъ присоединяетъ эти пошлины къ числу большихъ доходовъ, такъ наз. *villae*, или королевскихъ имуществъ. (М.).

тотъ, кто имѣлъ ленъ, имѣлъ также право суда въ немъ, каковое право проявляло себя въ полученіи пени въ пользу родственниковъ и пошлинъ въ пользу сеньера. Оно было ничѣмъ инымъ, какъ правомъ взыскивать законныя пени и требовать законныя пошлины.

Что лены дѣйствительно пользовались этимъ правомъ, можно видѣть изъ формулъ, заключающихъ въ себѣ закрѣпленіе леннаго владѣнія, или передачу лена въ вѣчное владѣніе леуду или вѣрному [1]), или же предоставленіе ленныхъ привилегій въ пользу церквей [2]). То же доказывается безчисленнымъ множествомъ грамотъ [3]), въ которыхъ запрещается судьямъ или чиновникамъ короля въѣзжать въ чужія территоріи для совершенія какихъ бы то ни было судебныхъ дѣйствій и для взысканія какихъ бы то ни было судебныхъ доходовъ. Какъ только королевскіе судьи не могли болѣе ничего взыскивать въ какомъ-либо округѣ, они уже болѣе не въѣзжали въ этотъ округъ, и тѣ, кому этотъ округъ оставался, вступали въ отправленіе ихъ обязанностей.

Королевскимъ судьямъ воспрещается обязывать стороны помощью поручительства являться къ себѣ на судъ; слѣдовательно, дѣлать это могъ тотъ, кто держалъ территорію. Говорится, что посланные короля не могутъ требовать постоя; оно и понятно, такъ какъ на нихъ не лежало болѣе никакихъ обязанностей.

Итакъ, судъ въ старыхъ и новыхъ ленахъ составлялъ право неотдѣлимое отъ самаго лена, право на доходъ, составлявшее часть самаго лена. Во всѣ времена оно было принимаемо за таковое, откуда и произошло правило, что право суда во Франціи есть право вотчинное.

Нѣкоторые полагали, что право суда брало начало отъ освобожденія королями и сеньерами своихъ крѣпостныхъ. Но не одни германскіе народы и тѣ, которые отъ нихъ произошли, освободили своихъ рабовъ, и въ то же время только они одни учредили вотчинный судъ. Кромѣ того, мы видимъ изъ формулъ Маркульфа [4]), что и свободные люди зависѣли первое время отъ этихъ судовъ. Слѣдовательно, крѣпостные были подвѣдомственны этимъ судамъ, потому что находились на данной территоріи; но они не дали начала ленамъ потому, что были включены въ ленъ.

Другіе избрали еще болѣе краткій путь: сеньеры насильственно присвоили себѣ право суда, сказали они,—и этимъ было все сказано. Но развѣ одни только народы германскаго происхожденія захватили права го-

---

[1]) См. формулы III, IV и XVII въ кн. I Маркульфа. (М.).

[2]) *Ibid.*, форм. II, III и IV. (М.).

[3]) См. сборники этихъ грамотъ, въ особенности тотъ, который находится въ концѣ пятаго тома *Historiens de France* бенедиктинцевъ. (М.).

[4]) См. формулы III, IV и XIV, книга I; и грамоту Карла В. отъ 771 г., у Мартенна, т. I, Anectod. collect. 11. *Procxipientes jubemus ut ullus judex publicus... homines ipsius ecclesiae et monasterii ipsius Morbacensis, tam ingenuos quam et servos, et qui super eorum terras manere*, etc. (М.).

сударей? Исторія достаточно убѣдительно доказываетъ намъ, что и другіе народы посягали на своихъ государей; но мы еще не видимъ, чтобы это служило поводомъ къ возникновенію т. наз. сеньеріальныхъ судовъ. Происхожденіе ихъ слѣдуетъ поэтому искать въ основѣ привычекъ и обычаевъ германцевъ.

Здѣсь прошу обратить вниманіе на мнѣніе Луазо [1]) о томъ, какими способами сеньеры постепенно развили и захватили въ свои руки различныя судебныя права. Изъ того, что онъ говоритъ, слѣдовало бы заключить, что это былъ самый хитрый на свѣтѣ народъ; что они крали не такъ, какъ воины грабятъ, но какъ сельскіе судьи и прокуроры обкрадываютъ другъ друга; можно подумать, что эти воины во всѣхъ отдѣльныхъ провинціяхъ королевства и въ столь многихъ королевствахъ выработали одну общую систему политики. Луазо заставляетъ ихъ разсуждать, подобно тому, какъ разсуждаетъ самъ у себя въ кабинетѣ.

Повторяю: если судъ не былъ принадлежностью лена, то почему мы видимъ повсюду [2]), что обязанности, соединенныя съ леннымъ владѣніемъ, состояли въ службѣ королю или сеньеру въ ихъ судахъ и въ ихъ войнахъ?

ГЛАВА XXI.

О территоріальномъ церковномъ судѣ.

Церкви пріобрѣли весьма значительныя имущества. Мы знаемъ, что короли давали имъ обширныя помѣстья, т. е. обширныя лены, и находимъ съ самаго начала въ этихъ владѣніяхъ особые суды. Откуда могла получить свое начало столь необычайная привилегія? Она была въ природѣ самого предмета. Церковное имущество имѣло эту привилегію, потому что ее отъ него не отняли. Церкви давали недвижимое имущество, оставляя за нимъ тѣ же права, которыя оно имѣло бы, если бы досталось леуду. Поэтому, оно, какъ мы уже видѣли, подлежало той же службѣ, на которую государство получило бы право, отдавъ его міряниму.

Такимъ образомъ церкви имѣли право требовать на своей территоріи

---

[1]) Loyseau, *Traité des justices de village*. (М.).

[2]) См. у Дю-Канжа подъ словомъ *hominium*. (М.).

Въ XVI в. наши юристы, преданные монархіи—этому символу французскаго единства, объясняютъ феодальный строй всеобщимъ захватомъ со стороны дворянстка—захватомъ, который народъ имѣетъ всегда право отмѣнить. Вещи происходили далеко не такъ и теорія нашихъ легистовъ далека отъ истины. Великая заслуга Монтескье въ томъ, что онъ изучалъ прошедшее безъ предубѣжденій и объяснялъ измѣненія въ учрежденіяхъ естественнымъ ходомъ событій. Благодаря этому безпристрастію, Монтескье стоитъ выше своего времени и господствуетъ надъ его предразсудками. Феодализмъ, когда онъ появился, имѣлъ свое основаніе, изъ чего вовсе не слѣдуетъ, чтобы, начиная съ XVI вѣка, не имѣли повода требовать отмѣны устарѣлаго учрежденія, отъ котораго не оставалось ничего, кромѣ злоупотребленій.

уплаты пеней и взыскивать fredum, а такъ какъ права эти имѣли своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ еще другое право, по которому королевскимъ чиновникамъ запрещалось въѣзжать въ чужую территорію для взысканія этихъ freda, совершать на ней какія бы то ни было судебныя дѣйствія, то право духовенства на производство суда въ предѣлахъ его территоріи наименованіе иммунитета на языкѣ формулъ [1]), грамотъ и капитуляріевъ.

Законъ рипуаріевъ [2]) запрещаетъ церковнымъ вольноотпущеннымъ [3]) собираться для производства суда [4]) иначе, какъ въ церкви, въ которой они получила свободу. Слѣдовательно церкви располагали правомъ суда надъ свободными людьми и имѣли свои судебныя засѣданія съ первыхъ временъ монархіи.

Я нахожу въ Жизнеописаніи святыхъ [5]), что Хлодвигъ далъ одному святому человѣку власть надъ территоріей пространствомъ въ шесть лье, при чемъ освободилъ ее отъ какой бы то ни было юрисдикціи. Я думаю, что это вымыселъ, но вымыселъ очень древній. Въ данномъ случаѣ, какъ основа жизни, такъ и вымыслы относятся къ правамъ и законамъ того времени; мы же разыскиваемъ здѣсь эти нравы и эти законы [6]).

Клотарь II приказалъ епископамъ и большимъ вассаламъ (potentes) [7]), имѣвшимъ земли въ отдаленныхъ странахъ, избрать на мѣстахъ лицъ, которыя должны творить судъ и получать доходы.

Тотъ же государь [8]) опредѣляетъ предѣлы подсудности по отношенію къ его чиновникамъ и королевскимъ судьямъ. Капитулярій Карла Великаго отъ 802 г. указываетъ епископамъ и аббатамъ, какія именно качества должны имѣть назначаемые ими судебные чиновники. Другой [9]) капитулярій того же государя запрещаетъ королевскимъ чиновникамъ вмѣшиваться въ судъ надъ людьми, обрабатывающими земли духовенства [10]), если только они не принимаютъ этого состоянія обманнымъ образомъ и съ цѣлью уклониться отъ общественныхъ повинностей. Собравшіеся въ Реймсѣ епископы [11]) объявили, что вассалы церквей подлежатъ иммунитету этихъ

[1]) См. формулы III и IV Маркульфа, кн. I. (М.).

[2]) *Ne aliubi nisi ad ecclesiam, ubi relaxati sunt, mallum teneant*, tit. LVIII, § 1. См. также § 19, изд. Линденброка. (М.).

[3]) *Tabulariis*. (М.).

[4]) *Mallum*. (М.).

[5]) *Vita sancti Germerii, episcopi Tolosani, apud Bollandianos*, 16 maii. (М.).

[6]) См. также *Жизнь св. Меланія* и *жизнь св. Деикола*. (М.).

[7]) На соборѣ въ Парижѣ въ 615 г. *Episcopi vel potentes, qui in aliis possident regionibus, judices vel missos discussores de aliis provinciis non instituant, nisi de loco, qui justitiam percipiant et aliis reddant*, art. 19. См. также art. 12. (М.).

[8]) На парижскомъ соборѣ 615 г., ст. 5. (М.).

[9]) Въ законѣ лонгобардовъ, кн. II, отд. XLIV, гл. II, изд. Линденброка. (М.).

[10]) *Servi aldiones, libellarii antiqui, vel alii noviter facti*. Ibid. (М.).

[11]) Этой фразы нѣтъ въ А. В.

церквей [1]). Капитулярій Карла Великаго 806 г. [2]) постановляетъ, чтобы церкви имѣли право уголовнаго и гражданскаго суда надъ всѣми обитателями ихъ территоріи. Наконецъ, капитулярій Карла Лысаго разграничиваетъ судебныя права короля [3]), сеньеровъ и церквей. Больше этого сказать нечего.

ГЛАВА XXII.

О томъ, что порядокъ судебной юрисдикціи установился до конца второй династіи.

Утверждали, будто вассалы, только благодаря смутамъ за время второй династіи, могли присвоить себѣ право суда въ своихъ ленахъ. Говорившіе это, предпочли обобщеніе изслѣдованію; конечно, легче было сказать, что вассалы вовсе не владѣли, чѣмъ найти, какимъ образомъ они владѣли. Но право суда не обязано было своимъ происхожденіемъ захвату: оно было дѣломъ коренныхъ установленій, а не ихъ распаденія.

«Кто убьетъ свободнаго человѣка», говорится въ законѣ баварцевъ [4]), «заплатитъ пеню его родственникамъ, если таковые окажутся; если же ихъ не будетъ, то—герцогу или тому, кому онъ препоручилъ себя (s'étoit recommandé) во время своей жизни». Извѣстно, что значило препоручать себя для полученія бенефиціи.

«Тотъ, у кого отняли раба», говоритъ законъ аллемановъ [5]), «отправится къ государю, которому подчиненъ похититель, чтобы получить слѣдуемую пеню».

«Если сотникъ», говорится въ декретѣ Хильдеберта [6]), «найдетъ вора не въ своей, а въ чужой сотнѣ, или въ области нашихъ вѣрныхъ, и не выгонитъ его оттуда, то онъ самъ пойдетъ вмѣсто вора или же долженъ будетъ очистить себя присягою». Изъ этого слѣдуетъ, что существовала разница между областью сотниковъ и областью вѣрныхъ.

Этотъ декретъ Хильдеберта служитъ объясненіемъ постановленія Клотаря [7]) отъ того же года, которое состоялось по такому же случаю

---

[1]) Письмо отъ 858 г. ст. 7, въ капитуляріяхъ стр. 108. *Gicut illae res et facultates in quibus vivunt clerici, ita et illae sub consecratione immunitatis sunt de quibus debent militare vassalli.* (М.).

[2]) Онъ приложенъ къ закону баварцевъ, ст. 7; см. также ст. 3 изд. Линденброка, стр. 444. *Imprimis omnium jubendum est ut habeant ecclesiae earum justitias, et in vita illorum qui habitant in ipsis ecclesiis et post, tam in pecuniis quam et in substantiis earum.* (М.).

[3]) 857 года, *in synodo apud Carisiacum*, ст. 4, изд. Балюза, стр. 96. (М.).

[4]) Tit. III, c. XIII, изд. Линденброка. (М.).

[5]) Tit. LXXXV. (М.).

[6]) 595 года, ст. 11 и 12, изд. Капитул. Балюза, стр. 19. *Pari conditione convenit ut si una centena in alia centena vestigium secuta fuerit et invenerit, vel in quibuscumque fidelium nostrorum terminis vestigium miserit, et ipsum in aliam centenam minime expellere potuerit, aut convictus reddat latronem*, etc. (М.).

[7]) *Si vestigius comprobatur latronis, tamen praesentia nihil longe muletando; aut si persequens latronem suum comprehenderit, integram sibi compositionem*

и при тѣхъ же обстоятельствахъ, и отличается отъ перваго только способомъ выраженія. Постановленіе называетъ in truste то, что въ декретѣ носитъ наименованіе in terminis fidelium nostrorum. Биньонъ и дю-Канжъ [1]), полагавшіе, что in truste означало владѣніе другого короля, впали въ этомъ случаѣ въ заблужденіе [2]).

Въ одномъ постановленіи [3]) короля Италіи Пипина, которое предназначалось столько же для франковъ, сколько для лонгобардовъ, государь этотъ, опредѣливъ наказаніе графамъ и другимъ королевскимъ чиновникамъ за нарушеніе обязанностей при отправленіи правосудія или проволочку въ рѣшеніи дѣлъ, предписываетъ [4]), чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда франкъ или лонгобардъ, имѣя ленъ, не станетъ творить суда, судья того округа, къ которому онъ принадлежалъ, временно отстранялъ его отъ распоряженія леномъ и на этотъ срокъ отправлялъ въ немъ судъ самъ или черезъ повѣреннаго.

Одинъ изъ капитуляріевъ Карла Великаго [5]) доказываетъ намъ, что короли не повсемѣстно взимали freda [6]). Изъ другого капитулярія [7]) того же государя видно, что въ то время уже существовали правила феодальныхъ отношеній и феодальные суды. Затѣмъ капитулярій Людовика Благочестиваго постановляетъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣлецъ лена самъ не даетъ суда [8]) или другимъ въ томъ препятствуетъ, обращающіеся къ нему за правосудіемъ могутъ жить постоемъ въ его домѣ, пока не послѣдуетъ рѣшеніе ихъ дѣла. Укажу еще два капитулярія Карла Лысаго,

---

accipiat. Quodsi in truste invenitur, medietatem compositionis trustis adquirat et capitale exigat a latrone, ст. 2 и 3. (М.).

[1]) См. Глоссарій дю-Канжа, подъ слов. *trustis*. (М.).

[2]) А. и Б. прибавляютъ: Однимъ словомъ, вторая династія при Карлѣ Великомъ не находилась ни въ состояніи хаоса, ни наканунѣ своего исчезновенія. Въ царствованіе этого государя не было захватовъ. Если въ его время установились вотчинные суды, то прекрасная система, которую намъ предлагаютъ, падаетъ сама собою.

[3]) Включенное въ законъ лонгобардовъ lib. II, tit. LII, § 14. У Балюза— капит. 703 г., стр. 544, ст. 10. (М.).

[4]) *Et si forsitan Francus aut Longobardus habens beneficium justitiam facere voluerit, ille judex in cujus ministerio fuerit, contradicat illi beneficium suum, interim, dum ipse aut missus ejus justitiam faciat.* См. еще тотъже законъ лонгобардовъ, lib. II, tit. LII, § 2, который относится къ капитулярію Карла В. отъ 779 г., ст. 21. (М.).

[5]) Третій въ 812, ст. 10. (М.).

[6]) А В. прибавляютъ: Другой *) того же государя, напоминаетъ многія статьи закона салическаго, бургундскаго и римскаго, чтобы каждый **) изъ его вѣрныхъ творилъ правосудіе, сообразуясь съ ними.

[7]) Второй капит. 813 г., ст. 14 и 20, стр. 509 (М.).

[8]) *Capitulare quintum* anni 819, art. 23, изд. Балюза, стр. 617. *Ut ubicumque missi, aut episcopum, aut abbatem, aut alium quemlibet honore proeditum invenerint, qui justitiam facere noluit vel prohibuit, de ipsius rebus vivant quandiu in eo loco justitias facere debent.* (М.).

---

*) Второй въ 813 г. Изд. Балюза, стр. 106.

**) Ut unus quisque fidelis justicias ita faceret. Ibid.

одинъ отъ 861 года [1]), въ которомъ мы находимъ установленіе частныхъ юрисдикцій съ ихъ судьями и чиновниками; другой [2]) отъ 864 г., въ которомъ государь этотъ различаетъ собственныя сеньеріи отъ сеньерій частныхъ лицъ.

Мы вовсе не знаемъ первоначальной уступки леновъ, потому что лены произошли отъ извѣстнаго намъ раздѣла земель между побѣдителями. Поэтому, нельзя доказать первоначальными договорами, чтобы право суда было съ самаго начала соединено съ леномъ. Но если въ формулахъ, подтверждающихъ право на эти лены или установляющихъ переходъ ихъ на вѣчныя времена, мы находимъ, какъ было сказано, что они имѣли уже право суда, необходимо будетъ признать, что это право суда становится сущностью лена и одного изъ важнѣйшихъ его прерогативъ.

Мы располагаемъ большимъ числомъ памятниковъ, указывающихъ на введеніе вотчиннаго церковнаго суда на церковной территоріи, чѣмъ памятниковъ, доказывающихъ дѣйствіе того же вотчиннаго суда въ бенефиціяхъ или ленахъ леудовъ или вѣрныхъ, и это по двумъ причинамъ: первая состоитъ въ томъ, что наибольшая часть дошедшихъ до насъ памятниковъ была сохранена и собрана монахами въ интересахъ ихъ монастырей; вторая въ томъ, что церковныя владѣнія, образовавшіяся путемъ особыхъ уступокъ и, такъ сказать, какъ бы наперекоръ установленному порядку, предполагали существованіе документовъ, тогда какъ уступка земель леудамъ, будучи слѣдствіемъ политическаго строя отношеній, дѣлала ненужнымъ полученіе, а тѣмъ болѣе сохраненіе частныхъ документовъ. Даже часто случалось, что короли при этомъ довольствовались простою формою передачи посредствомъ скипетра, какъ это можно видѣть въ жизнеописаніи св. Мавра

Но третья формула [3]) Маркульфа служитъ для насъ достаточнымъ доказательствомъ въ томъ, что привилегія иммунитета, а слѣдовательно и суда была общею для духовныхъ и для мірянъ, такъ какъ установлена для тѣхъ и другихъ. То же слѣдуетъ сказать и объ узаконеніи Клотаря II [4]).

---

[1]) *Edictum in Carisiaco*, у Балюза, т. II, стр. 152. *Unusquisque advocatus pro omnibus de sua advscatione... in convenientia ut cum ministerialibus de sua advocatione quos invenerit contra hunc bannum nostrum fecisse... castiget* (M.).

[2]) *Edictum Pistense*, art. 18, édit de Baluze, tome II p. 181. *Si in fiscum nostrum, vel in quamcumque immunitatem, aut alicujus potentis potestatem vel prorietatem confugerit*, etc. (M.).

[3]) Lib. I. *Maximum regni nostri augere credimus monimentum, si beneficia opportuna locis ecclesiarum, aut cui volueris dicere, benevola deliberatone concedimus.* (M.).

[4]) M. приводилъ его въ предыдущей главѣ: Episcopi vel potentes, etc. (M.).

ГЛАВА XXIII.

Общее понятіе о книгѣ аббата Дюбо: «Основаніе французской монархіи въ Галліи».

Прежде чѣмъ кончить эту книгу, считаю полезнымъ подвергнуть нѣкоторому изслѣдованію произведеніе аббата Дюбо, потому что мои понятія постоянно противорѣчатъ тѣмъ, которыя онъ высказываетъ, и если онъ нашелъ истину, то я не нашелъ ея.

Это произведеніе ввело многихъ въ заблужденіе, потому что написано съ большимъ искусствомъ; потому что въ немъ постоянно предполагается то, что слѣдуетъ доказать; потому что чѣмъ менѣе оно преставляетъ доказательствъ, тѣмъ болѣе даетъ вѣроятностей; потому что безчисленное множество предположеній выдается въ немъ за основныя положенія, и изъ нихъ, въ видѣ заключенія, выводятся другія предположенія. Читатель забываетъ о своихъ сомнѣніяхъ и начинаетъ вѣрить. А такъ какъ безконечная эрудиція не входитъ въ систему, а стоитъ рядомъ съ нею, то умъ отвлекается подробностями и не занимается болѣе главнымъ. Къ тому же такое множество изслѣдованій не допускаетъ мысли, чтобы ничего не было найдено. Продолжительность путешествія заставляетъ думать, что цѣль его, наконецъ, достигнута.

Но, присмотрѣвшись внимательно, находишь передъ собою невѣроятныхъ размѣровъ колосса на глиняныхъ ногахъ; и именно потому онъ безмѣрно великъ, что у него глиняныя ноги. Если бы система аббата Дюбо была построена на прочной основѣ, ему-бъ не за чѣмъ было доказывать ее въ трехъ скучныхъ томахъ; онъ нашелъ бы все, что ему было нужно, въ своемъ предметѣ, не вдаваясь въ безпрестанные поиски за тѣмъ, что лежитъ отъ него очень далеко,—самъ разсудокъ включилъ бы эту истину въ цѣпь другихъ истинъ. Исторія и наши законы сказали бы ему: «Не берите на себя такъ много труда: мы станемъ свидѣтельствовать за васъ».

ГЛАВА XXIV.

Продолженіе о томъ-же предметѣ. Взглядъ на основу системы.

Аббатъ Дюбо хочетъ устранить всякое представленіе о томъ, что франки вошли въ Галлію какъ побѣдители. По его мнѣнію, наши короли, призванные народами, заняли мѣсто римскихъ императоровъ и получили ихъ права.

Утвержденіе это не примѣнимо ни къ тому времени, когда Хлодвигъ, войдя въ Галлію, грабилъ и захватывалъ ея города, ни къ тому, когда онъ, разбивъ римскаго намѣстника Сіагрія, покорилъ страну, которою тотъ управлялъ; оно можетъ, слѣдовательно, относиться только къ вре-

мени, когда Хлодвигъ уже завладѣлъ насильно значительной частью Галліи, и за тѣмъ избраніемъ и любовью народовъ могъ быть призванъ къ владычеству надъ остальною страною. Недостаточно, чтобы онъ былъ принятъ, необходимо, чтобы онъ былъ призванъ; аббату Дюбо необходимо доказать, что народы предпочитали власть Хлодвига власти римлянъ или собственныхъ законовъ. Между тѣмъ, римляне въ той части Галліи, которая еще не была покорена варварами, были, по мнѣнію аббата Дюбо, дворянскаго рода: одни повиновались римскимъ начальникамъ; другіе же, принадлежавшіе къ арморійскому союзу, прогнали ихъ, чтобы защищаться собственными силами и управляться собственными законами. Доказываетъ-ли аббатъ Дюбо, что римляне, которые оставались еще подчиненными Риму, призвали Хлодвига? Нисколько. Доказываетъ-ли онъ, что арморійская республика призвала Хлодвига или хоть заключила какой-либо договоръ съ нимъ? И этого нѣтъ. Онъ не только ничего не можетъ сказать намъ о судьбѣ этой республики, но не можетъ даже доказать ея существованія; и хотя онъ слѣдилъ за нею со времени Гонорія и до завоеваній Хлодвига и съ удивительнымъ искусствомъ описывалъ событія того времени, ея совсѣмъ не видно у писателей. И дѣйствительно, одно дѣло доказать, опираясь на цитату изъ Зосимы [1]), что, при Гонорія, арморійская страна и другія галльскія провинціи возстали и образовали родъ республики [2]); другое—обнаружить, что, несмотря на неоднократное умиротвореніе Галліи, арморійцы все еще составляли отдѣльную республику, существовавшую до завоеваній Хлодвига. Между тѣмъ, чтобы установить свою систему, онъ нуждался въ очень сильныхъ и очень точныхъ доказательствахъ: когда мы видимъ, что завоеватель входитъ въ государство и подчиняетъ себѣ значительную его часть, благодаря своему могуществу и насиліямъ; что, по прошествіи нѣкотораго времени, вся страна оказывается въ его рукахъ, и исторія не говоритъ, какъ это случилось,—есть сильное основаніе думать, что дѣло кончилось также какъ и началось.

Разъ доказательство противнаго не удалось, очевидно, что вся система аббата Дюбо разрушается до самаго основанія, и всякій разъ, какъ онъ будетъ приходить къ заключенію отъ положенія, что Галлія не была покорена франками, но что франки были призваны римлянами, положеніе это можно будетъ отвергнуть.

Аббатъ Дюбо хочетъ доказать свое основное положеніе ссылкой на римскія званія, въ которыя былъ облеченъ Хлодвигъ; онъ утверждаетъ, будто Хлодвигъ наслѣдовалъ своему отцу Хильдерику въ должности начальника милиціи. Но эти два свидѣтельства составляютъ его собственное изобрѣтеніе. Письмо св. Ремигія къ Хлодвигу, на которое ссылается авторъ [3]),

[1]) Исторія, кн. VI. (М.).
[2]) *Totusque tractus armoricus, aliaeque Galliarum provinciae.* Ibid. (М.).
[3]) Томъ II, кн. III, гл. XVIII, стр. 270. (М.).

содержитъ въ себѣ лишь поздравленіе короля съ восшествіемъ его на престолъ. Когда цѣль документа извѣстна, зачѣмъ приписывать ему другую, которой онъ не имѣетъ?

Къ концу своего правленія, Хлодвигъ получилъ отъ императора Анастасія званіе консула. Но какое право пріобрѣталъ онъ этимъ званіемъ, которое должно было продолжаться всего одинъ годъ? Есть основаніе думать, говоритъ аббатъ Дюбо, что императоръ Анастасій, въ томъ же дипломѣ, сдѣлалъ Хлодвига проконсуломъ. А я скажу, что есть основаніе думать, что онъ этого не сдѣлалъ. При наличности ни на чемъ не основаннаго положенія, авторитетъ отрицающаго равносиленъ авторитету утверждающаго. Кромѣ того, у меня есть на это основаніе. Григорій Турскій, который говоритъ о консульствѣ, умалчиваетъ о проконсульствѣ; если бъ оно и существовало, то длилось всего около шести мѣсяцевъ, такъ какъ Хлодвигъ умеръ полтора года спустя послѣ того, какъ сдѣланъ былъ консуломъ, а изъ проконсульской должности нельзя было дѣлать наслѣдственнаго званія. Наконецъ, когда Хлодвигъ былъ назначенъ консуломъ и, если вамъ угодно, проконсуломъ, онъ былъ уже властелиномъ монархіи, и всѣ его права были прочно установлены.

Другое доказательство, приводимое аббатомъ Дюбо, это—совершенная императоромъ Юстиніаномъ передача всѣхъ имперскихъ правъ на Галлію дѣтямъ и внукамъ Хлодвига. Я могъ бы многое сказать по поводу этой передачи. О значеніи, которое придавали ей франкскіе короли, можно судить уже изъ того, какъ они исполнили ея условія. Къ тому же они были господами Галліи, ея неоспоримыми государями. Юстиніанъ не владѣлъ въ ней ни пядью земли. Западная имперія была уже давно уничтожена, а восточный императоръ не имѣлъ на Галлію никакихъ правъ, кромѣ правъ представителя западнаго императора; то были права на права. Монархія франковъ была уже основана; законный порядокъ ихъ водворенія получилъ свою силу; взаимныя отношенія лицъ и населявшихъ монархію народовъ были приведены къ соглашенію; каждому народу были даны свои законы, получившіе даже письменную редакцію. Какое значеніе могла имѣть эта посторонняя уступка правъ уже установившемуся учрежденію?

Для чего понадобились аббату Дюбо разглагольствованія всѣхъ этихъ епископовъ, которые, среди безпорядка и смятенія, среди полнаго разрушенія государства и опустошеній завоеванія, стараются льстить побѣдителю? Что доказываетъ лесть, кромѣ слабости того, кто вынужденъ льстить; что доказываетъ краснорѣчіе и поэзія—кромѣ примѣненія этихъ искусствъ.

Кого не удивитъ Григорій Турскій, когда, послѣ разсказа объ убійствахъ, совершенныхъ Хлодвигомъ, говоритъ, что Богъ тѣмъ не менѣе ежедневно поражалъ его враговъ, потому что онъ ходилъ по путямъ Божіимъ? Кто сомнѣвается въ томъ, что духовенство было очень радо обра-

щенію Хлодвига и что оно извлекло изъ этого большія выгоды? Но кто можетъ, съ другой стороны, сомнѣваться и въ томъ, что народы подверглись всѣмъ бѣдствіямъ завоеванія, и что римское правительство уступило мѣсто правительству германскому? Франки не хотѣли да и не могли все измѣнить; да и вообще говоря, рѣдко кто изъ завоевателей одержимъ былъ этой маніей. Но чтобы всѣ выводы аббата Дюбо были вѣрны, необходимо чтобы франки не только ничего не перемѣнили у римлянъ, но еще перемѣнились сами.

Слѣдуя методу аббата Дюбо, я могъ бы доказать, что греки вовсе не покорили Персіи. Сначала я сталъ бы говорить о договорахъ, которые нѣкоторые изъ ихъ городовъ заключили съ персами; я сказалъ бы о грекахъ, которые были на жалованьи у персовъ, подобно тому какъ франки были на жалованьи у римлянъ; что если Александръ вошелъ въ страну персовъ, если онъ осадилъ, взялъ и разрушилъ городъ Тиръ, то это было частное дѣло, подобно дѣлу Сіагрія. Взгляните, какъ еврейскій первосвященникъ выходитъ къ нему навстрѣчу; прислушайтесь къ оракулу Юпитера Аммонія; вспомните, что было предсказано о немъ въ Гордіи; посмотрите, какъ всѣ города выбѣгаютъ, такъ сказать, къ нему навстрѣчу; какъ являются къ нему толпою сатрапы и знать. Онъ одѣвается по-персидски; это—консульское одѣяніе Хлодвига. Развѣ Дарій не предлагалъ ему половину своего государства? Развѣ Дарій не былъ убитъ какъ тиранъ? Не оплакиваютъ-ли мать и жена Дарія смерть Александра? Развѣ Квинтъ Курцій, Арріанъ и Плутархъ были современниками Александра? Не наградило-ли насъ книгопечатаніе [1]) познаніями, которыхъ не доставало этимъ авторамъ? Такова «Исторія основанія французской монархіи въ Галліи».

ГЛАВА XXV.

О французскомъ дворянствѣ.

Аббатъ Дюбо утверждаетъ, что въ первое время существованія нашей монархіи у франковъ былъ только одинъ классъ гражданъ. Это утвержденіе одинаково оскорбительно и для нашихъ знатнѣйшихъ родовъ,. и для трехъ великихъ династій, послѣдовательно одна за другой царствовавшихъ надъ нами. Итакъ, начало ихъ величія не теряется въ забвеніи, во мракѣ и времени? Итакъ, исторія можетъ освѣтить столѣтія, въ продолженіе которыхъ они принадлежали къ простымъ родамъ? И чтобы Хильперикъ, Пипинъ и Гуго Капетъ были дворянами, надобно искать ихъ происхожденіе у римлянъ и саксовъ, т.-е. народовъ порабощенныхъ [2])?

---

[1]) Предисловіе аббата Дюбо. (М.).

[2]) Это выходка дворянина, которую нельзя принимать за сужденіе

Аббатъ Дюбо основывалъ [1]) свое мнѣніе на салическомъ законѣ. Изъ этого закона, говоритъ онъ, ясно, что у франковъ вовсе не было двухъ классовъ гражданъ. Онъ назначалъ двѣсти су пени за смерть всякаго франка безъ различія [2]); но между римлянами различалъ королевскаго гостя, римлянина собственника и податного римлянина: за смерть перваго назначалъ триста су пени, второго — сто су, а третьяго—только сорокъ пять су. А такъ какъ въ размѣрахъ пени состоялъ главный признакъ различія классовъ, то аббатъ Дюбо и заключилъ, что у франковъ былъ только одинъ классъ гражданъ, а у римлянъ было ихъ три.

Удивительно, какъ это самая ошибка аббата Дюбо не открыла ему его заблужденія. Въ самомъ дѣлѣ, было бы очень странно, если бы классъ благородныхъ у римлянъ, жившій подъ владычествомъ франковъ, получалъ болѣе высокую пеню и пользовался бо̀льшимъ значеніемъ, чѣмъ славнѣйшіе изъ франковъ и величайшіе изъ ихъ предводителей.

Можно ли повѣрить, чтобы народъ побѣдитель проявлялъ такъ мало уваженія къ самому себѣ и такъ много къ народу имъ побѣжденному? Кромѣ того, аббатъ Дюбо ссылается на законы другихъ варваровъ, доказывающіе, что у нихъ были различные классы гражданъ. Было бы очень странно, если бы франки составляли исключеніе изъ этого правила. Ужъ это одно должно было навести его на мысль, что онъ невѣрно понялъ или невѣрно примѣнилъ текстъ салическаго закона, что въ дѣйствительности и было.

Изъ этого закона мы узнаемъ, что пеня за смерть антрустіона [3]), т.-е. вѣрнаго или вассала короля, была въ шестьсотъ су, а за римлянина, гостя короля,—только въ триста су [4]). Тамъ же находимъ [5]), что пеня за смерть простого франка была въ двѣсти су [6]), а римлянина [7]) обыкновеннаго состоянія—только въ сто. Еще платилось за податного

Если бы Гуго Капетъ и былъ дѣйствительно внукомъ парижскаго мясника, какъ утверждаетъ преданіе, отголосокъ котораго мы находимъ у Данте (*Чистилище*, пѣснь 20-я *), онъ не перестанетъ быть основателемъ третьей династіи.

[1]) См. Основаніе французской монархіи, т. III, кн. VI, гл. IV, стр. 304. (М.).

[2]) Онъ ссылается на гл. XLIV, § 4 этого закона и законъ рипуаріевъ, гл. VII и XXXVI. (М.).

[3]) *Qui in truste dominica est,* tit. XLIV, § 4. Это имѣетъ отношеніе къ формулѣ XIII Маркульфа, *de regis antrustione.* См. также: tit. LXVI салич. закона, § 3 и 4, и tit. LXXIV; а равно законъ рипуаріевъ, tit. XI, и капитулярій Карла Лысаго. apud *Carisiacum*, 877 г., ch. XX. (М.).

[4]) Салич. законъ, tit. XLIV, § 6. (М.).

[5]) *Ibid.*, § 4. (М.).

[6]) *Ibid.*, § 1. (М.).

[7]) *Ibid.*, § 15. (М.).

---

*) Виллонъ говоритъ въ одной изъ своихъ баллядъ:

Se fusse des hoirs Hüe Cappet,
Qui fut extrait de boucherie.

римлянина [1]), родъ крѣпостного или вольноотпущеннаго, пеня въ сорокъ-пять су; но я не стану говорить о ней, какъ и о пенѣ за крѣпостного или вольноотпущеннаго франка, такъ какъ здѣсь нѣтъ рѣчи объ этомъ третьемъ классѣ.

Что же дѣлаетъ аббатъ Дюбо? Онъ умалчиваетъ о высшемъ общественномъ классѣ у франковъ, т.-е. о статьѣ закона, относящейся къ антрустіонамъ, и затѣмъ, сравнивая простого франка, за смерть котораго полагалось двѣсти су пени, съ римлянами такъ называемыхъ имъ трехъ классовъ, за которыхъ платились различныхъ размѣровъ пени, онъ дѣлаетъ заключеніе, что у франковъ былъ только одинъ классъ гражданъ, а у римлянъ—три.

Если у франковъ былъ только одинъ классъ гражданъ, то, казалось бы, и у бургундовъ не должно было быть иначе, такъ какъ ихъ королевство составило одну изъ главнѣйшихъ частей нашей монархіи; между тѣмъ въ ихъ кодексахъ существуетъ три рода пени [2]): одна для бургундовъ и римлянъ изъ сословія благородныхъ, другая для бургундовъ и римлянъ средняго состоянія и третья для людей низшаго состоянія изъ обоихъ народовъ. Аббатъ Дюбо совсѣмъ не упомянулъ объ этомъ законѣ.

Нельзя не удивляться, когда видишь, какъ онъ уклоняется отъ наступающихъ на него со всѣхъ сторонъ противорѣчій [3]). Заговорятъ ли о знати, сеньерахъ и дворянахъ, онъ отвѣчаетъ, что то были частныя, а не сословныя различія, формы вѣжливости, а не законныя преимущества; или, что люди, о которыхъ говорятъ, принадлежали къ совѣту короля: что это даже могли быть римляне, но что во всякомъ случаѣ у франковъ былъ только одинъ классъ гражданъ.

Съ другой стороны, если говорится гдѣ-нибудь о франкѣ низшаго сословія [4]), то онъ утверждаетъ, что это крѣпостной. Такимъ образомъ, онъ толкуетъ и декретъ Хильдеберта. Считаю нужнымъ войти въ нѣкоторыя объясненія по поводу этого декрета. Аббатъ Дюбо сдѣлалъ его знаменитымъ, потому что воспользовался имъ съ цѣлью доказать: во-первыхъ [5]), что всѣ пени, какія только мы находимъ въ законахъ варваровъ, были гражданскими вознагражденіями, сопровождавшими тѣлесныя наказанія—положеніе, ниспровергающее всѣ наши древніе памятники; во-

---

[1]) *Ibid*, § 7. (M.).

[2]) *Si quis, quolibet casu, dentem optimati Burgundioni vel Romano nobili excusserit, solidos viginti quinque cogatur exsolvere; de mediocribus personis ingenuis, tam Burgundionibus quam Romanis, si dens excussus fuerit, decem solidis componatur; ac inferioribus personis, quinque solidos*; tit. XXVI, art. 1—3 бургундск. зак.

[3]) Établissement de la monarchie française, tome III, liv. VI, ch. IV, et V. (M.).

[4]) Ibid., ch. V, p. 319 - 320. (M.).

[5]) Établissement de la monarchie française, t. III, liv. VI, ch. IV, p. 307 et 308. (M.).

вторыхъ, что всѣ свободные люди подлежали прямому и непосредственному суду короля [1]), чему опять-таки противорѣчитъ безконечное множество сочиненій и авторитетовъ, которые знакомятъ насъ съ судебными порядками тѣхъ временъ [2]).

Въ этомъ декретѣ [3]), поставленномъ въ народномъ собраніи, говорится, что если судья найдетъ завѣдомаго вора, то, въ случаѣ если это будетъ франкъ (Francus), долженъ связать его и отослать къ королю; если же это будетъ лицо меньшаго достоинства (debilior persona), то тутъ же повѣсить. Аббатъ Дюбо слово Francus переводитъ — свободный человѣкъ, а debilior persona—крѣпостной. Оставимъ на время въ сторонѣ слово Francus, и начнемъ съ разсмотрѣнія, какъ слѣдуетъ понимать слова debilior persona, въ буквальномъ переводѣ—болѣе слабое лицо. Я говорю, что на какомъ бы то ни было языкѣ всякое сравненіе необходимо предполагаетъ три степени: высшую, меньшую и наименьшую. Если бы здѣсь рѣчь шла только о свободныхъ людяхъ и крѣпостныхъ, то сказали бы крѣпостной, а не человѣкъ меньшей силы. Такимъ образомъ debilior persona вовсе не означаетъ здѣсь крѣпостного человѣка, но человѣка, ниже котораго долженъ стоять крѣпостной. Если такъ, то Francus будетъ означать не свободнаго, а могущественнаго человѣка. И слово Francus имѣетъ здѣсь дѣйствительно этотъ смыслъ, потому что между франками всегда находились люди, которые пользовались въ государствѣ большимъ могуществомъ и съ которыми судьѣ или графу трудно было справиться. Объясненіе это находится въ согласіи съ большимъ числомъ капитуляріевъ [4]), въ которыхъ приводятся случаи, когда преступниковъ можно было отсылать на судъ короля и когда этого нельзя было дѣлать.

Изъ жизнеописанія Людовика Благочестиваго, написаннаго Теганомъ [5]), видно, что епископы были главными виновниками униженія этого государя—въ особенности тѣ изъ нихъ, которые раньше были крѣпостными, и тѣ, которые родились между варварами. Теганъ обращается къ Гебону, котораго этотъ государь вывелъ изъ рабства и сдѣлалъ реймскимъ архіепископомъ, съ такими словами: «Какую награду получилъ императоръ за столько благодѣяній [6])! Онъ сдѣлалъ тебя свободнымъ, но не благороднымъ; благороднымъ онъ не могъ тебя сдѣлать, даровавъ тебѣ свободу».

---

[1]) Ibid., tome III, ch. IV, p. 309; ch. V, p. 319 et 320. (М.).

[2]) См. кн. XXVIII наст. сочин., гл. XXVIII и кн. XXXI, гл. VIII. (М.).

[3]) *Itaque Colonia convenit et ita bannivimus, ut unusquisque judex criminosum latronem at audierit, ad casam suam ambulet, et ipsum ligare faciat: ita ut, si Francus fuerit, ad nostram praesentiam dirigatur; etsi debiliar persona fuerit, in loco pendatur.* Капит. изд. Балюса, томъ I, стр. 19. (М).

[4]) См. кн. XXVIII, гл. XXVIII и кн. XXXI, гл. VIII. (М.).

[5]) Гл. XLIII и XLIV. (М.).

[6]) *O qualem remunerationem reddidisti ei! Fecit te liberum, non nobilem, quod impossibile est post libertatem.* Ibid. (М.).

моей критики выведу одно размышленіе: если этотъ великій человѣкъ [1]) заблуждался, то чего только не могу опасаться я?

КНИГА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Теорія феодальнаго права франковъ по отношенію къ измѣненіямъ, послѣдовавшимъ въ ихъ монархіи.

ГЛАВА I.

Перемѣны въ должностяхъ и ленахъ.

Сначала графы посылались въ ихъ округа только на одинъ годъ. Впослѣдствіи они стали покупать право оставаться въ своихъ должностяхъ болѣе продолжительное время. Мы находимъ примѣръ тому уже въ царствованіе внуковъ Хлодвига. Нѣкто Пеоній [2]), графъ въ городѣ Оксеррѣ, послалъ сына своего Муммола съ деньгами къ Гонтрану, чтобы получить разрѣшеніе на дальнѣйшее пребываніе въ своей должности. Сынъ отдалъ эти деньги за себя и такимъ образомъ получилъ мѣсто отца. Короли уже тогда начинали торговать своими милостями.

Хотя, по законамъ королевства, лены и подлежали возвращенію, ихъ, однако, не давали и не отбирали назадъ по капризу или произволу. Предметъ этотъ принадлежалъ обыкновенно къ одному изъ главныхъ вопросовъ, разрѣшаемыхъ въ народныхъ собраніяхъ. Само собою разумѣется, что и въ настоящемъ, подобно тому, какъ въ предыдущемъ случаѣ, подкупъ оказывалъ свое дѣйствіе, и что за деньги можно было продлить владѣніе леномъ такъ же, какъ и графствомъ.

Я покажу дальше [3]), что, кромѣ пожалованій, дѣлаемыхъ государями на время, были такія, которыя дѣлались навсегда. Однажды случилось, что дворъ задумалъ отмѣнить сдѣланныя ранѣе пожалованія; это вызвало общее неудовольствіе, слѣдствіемъ котораго былъ знаменитый въ исторіи Франціи переворотъ, начавшійся удивительнымъ зрѣлищемъ казни Брунгильды.

Прежде всего кажется непонятнымъ, какимъ образомъ эта королева, дочь, сестра, мать столь многихъ королей, знаменитая еще теперь созданіями, достойными Эдила или римскаго проконсула, одаренная отъ природы удивительной способностью къ дѣламъ, обладающая достоинствами, которыя такъ долго пользовались уваженіемъ,—какимъ образомъ могла она

[1]) А. В. Если великій человѣкъ заблуждается, и т. д.
[2]) Григорій Турскій, кн IV, гл. XLII. (М.).
[3]) Гл. VII. (М.).

вдругъ подвергнуться [1]) столь продолжительнымъ, постыднымъ и жестокимъ мученіямъ по распоряженію короля [2]), не пользовавшагося большимъ значеніемъ у своего народа,—если только не предположить, что была какая-то особая причина нерасположенія къ ней этого самаго народа. Клотарь упрекалъ ее [3]) въ смерти десяти королей; но между ними было двое, убитыхъ по его приказанію, а изъ остальныхъ нѣкоторые пали жертвою судьбы или злобы другой королевы, и народъ, который оставилъ Фредегонду умирать въ постели и даже воспротивился [4]) ея наказанію за ужасныя преступленія, могъ бы, казалось, оставаться равнодушнымъ къ преступленіямъ Брунгильды.

Посадивъ на верблюда, ее возили по всему войску: очевидно, войско было нерасположено къ ней. Фредегарій говоритъ, что Протарій, любимецъ Брунгильды, отбиралъ имущество у сеньеровъ и пополнялъ имъ казну; что онъ унижалъ дворянство и что никто не былъ увѣренъ въ сохраненіи за собой своей должности [5]). Въ войскѣ образовался противъ него заговоръ, и онъ былъ заколотъ въ собственной палаткѣ. Брунгильда, мстя [6]) за его смерть, или преслѣдуя тѣ же цѣли, становилась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ненавистна народу [7]).

Клотарь, который хотѣлъ царствовать одинъ, былъ исполненъ чувства самой ужасной мести и увѣренности, что погибнетъ, если только дѣти Брунгильды одержатъ верхъ, вступилъ въ заговоръ противъ самого себя. Вслѣдствіе ли своей неспособности или потому, что его принуждали къ тому обстоятельства, онъ выступилъ обвинителемъ Брунгильды и явилъ на этой королевѣ примѣръ жестокаго возмездія.

Варнахаръ былъ душою заговора противъ Брунгильды. Онъ былъ сдѣланъ майордомомъ Бургундіи и потребовалъ отъ Клотаря обязательства, что тотъ сохранитъ за нимъ это мѣсто до самой его смерти [8]). Такимъ образомъ майордомъ вышелъ изъ положенія, въ которомъ находились французскіе сеньеры, и власть эта начала становиться независимой отъ власти королевской.

Пагубное правленіе Брунгильды всего больше встревожило народъ.

---

[1]) Хроника Фредегарія, гл. XLII.

[2]) Клотарь II, сынъ Хильперика и отецъ Дагоберта, (М.).

[3]) Хроника Фредегарія, гл. XLII. (М.).

[4]) См. Григорія Турскаго, кн. VIII, гл. XXXI. (М.).

[5]) *Saeva illi fuit contra personas iniquitas, fisco nimium tribuens, de rebus personarum ingeniose fiscum vellens implere... ut nullus reperiretur qui gradum quem arripuerat potuisset adsumere*, Хроника Фредегарія, гл. XXVII, подъ 605 г. (М.).

[6]) *Ibid.*, гл. XXVIII, подъ 607 г. (М.).

[7]) *Ibid.*, гл. XLI, подъ 613 г. *Burgundiae farones, tam episcopi quam coeteri leudes, timentes Brunichildem, et odium in eam habentes, consilrum inientes*, e c. (М.)

[8]) Хроника Фредегарія, гл. XLII, отъ 613 г. *Sacramento a Clotario occepto ne unquam vitae suae temporibus degradaretur.* (М.).

Пока законы сохраняли свою силу, никто не могъ жаловаться на отнятіе леновъ, ибо законъ не давалъ ихъ навсегда; но когда раздачею леновъ стали руководить алчность, происки и подкупы, то поднялись жалобы на отнятіе неправымъ путемъ того, что часто было пріобрѣтено не лучшимъ способомъ. Быть можетъ, не было бы возраженій противъ отнятія леновъ, если бы побуждали къ тому требованія общественнаго блага. Но дѣло въ томъ, что предъявлялось требованіе, и въ то же время не скрывался подкупъ; предъявлялись права казны, чтобы затѣмъ расточить казенное имущество по произволу, и пожалованія перестали быть наградой за оказанныя или ожидаемыя услуги. Находясь сама подъ властью порочныхъ побужденій, Брунгильда хотѣла исправить злоупотребленія прежней испорченности. Ея прихоти вовсе не были прихотями слабаго ума. Леуды и высшіе чины были увѣрены, что она ихъ погубитъ и потому погубили ее.

Мы располагаемъ далеко не всѣми актами, обнародованными въ то время, а извѣстія хроникъ, составители которыхъ знали объ исторіи своего времени, приблизительно не болѣе того, что знаютъ въ настоящее время сельскіе жители изъ нашей, отличаются крайней бѣдностью. У насъ однако есть конституція Клотаря, данная на соборѣ въ Парижѣ [1]) съ цѣлью исправленія злоупотребленій; изъ нея видно, что государь этотъ прекратилъ жалобы, вызвавшія переворотъ [2]). Съ одной стороны, онъ утверждаетъ въ ней всѣ пожалованія, сдѣланныя королями, его предшественниками [3]), или ими утвержденныя; а съ другой постановляетъ, чтобы все отнятое у его леудовъ или вѣрныхъ, было имъ возвращено [4]).

Это не было единственной уступкой короля на этомъ соборѣ. Онъ потребовалъ, чтобы всѣ нарушенія привилегій духовенства были исправлены [5]), и ограничилъ вліяніе двора на избраніе епископовъ [6]). Онъ также измѣнилъ фискальные порядки: онъ отмѣнилъ всѣ вновь введенныя поземельныя повинности [7]) послѣ смерти равно всѣ дорожныя пошлины, установленныя Гонтрана, Зигеберта и Хильперика [8]); словомъ, онъ отмѣнялъ все, что

---

[1]) Вскорѣ послѣ казни Брунгильды, въ 615 г. См. изд. *Капитуляріевъ* Балюза, стр. 21. (М.).

[2]) *Quae contra rationis ordinem acta vel ordinata sunt, ne in antea, quod avertat divinitas, contingant, disposuerimus, Christo proesule, per hujus edicti tenorum generaliter emendere.* Ibid., art. 16. (М.).

[3]) Ibid., art. 16. (М.).

[4]) Ibid., art. 17. (М.).

[5]) *Et quad per tempora ex hoc praetermissum est, vel dehinc, perpetuatiter observetur.* (М.).

[6]) *Ita ut episcopo decedente, in loco ipsius qui a metropolitano ordinari debet cum provincialibus, a clero et populo eligatur; et si persona condigna fuerit, per ordinationem principio ordinetur; vel certe si de palatio eligitur, per meritum personae et doctrinae ordinetur.* Ibid, art. 1. (М.).

[7]) *Ut ubicumque census novus impie additus est, emendetur*, art. 8. (М.).

[8]) Ibid., art. 9. (М.).

было сдѣлано за время регенства Фредегонды и Брунгильды: онъ запретилъ, чтобы его стада входили въ лѣса частныхъ лицъ [1]). Мы сейчасъ увидимъ, что этимъ еще не ограничились его преобразованія и что они распространились на дѣла гражданскія.

ГЛАВА II.

Какимъ образомъ было преобразовано гражданское управленіе.

До сихъ поръ мы видѣли, какъ народъ обнаруживалъ нетерпѣніе и легкомысліе въ дѣлѣ выбора своихъ повелителей и относительно ихъ поведенія; видѣли, какъ онъ улаживалъ ихъ взаимныя распри и понуждалъ ихъ къ миру. Но чего мы еще не видѣли, то народъ совершилъ теперь: онъ обратилъ вниманіе на свое настоящее положеніе, подвергъ хладнокровному разсмотрѣнію свои законы, исправилъ ихъ недостатки, остановилъ насиліе и установилъ нормы власти [2]).

Мужественное, отважное и наглое правленіе Фредегонды и Брунгильды не столько удивило націю, сколько послужило для нея предупрежденіемъ. Фредегонда защищала свои злобныя дѣянія такими же злобными дѣяніями, оправдывала отравленія и убійства отравленіями же и убійствами; поведеніе ея было такого рода, что ея посягательства имѣли болѣе частный, чѣмъ общественный характеръ. Фредегонда дѣлала больше зла, Брунгильда заставила болѣе его опасаться. Во время этого кризиса народъ не ограничился приведеніемъ въ порядокъ феодальнаго управленія, онъ захотѣлъ также обезпечить порядокъ своего гражданскаго управленія, такъ какъ это послѣднее находилось въ состояніи еще большаго развращенія, чѣмъ первое, развращенія тѣмъ болѣе опаснаго, что оно было застарѣлымъ и находилось въ нѣкоторомъ родѣ болѣе въ связи съ злоупотребленіями нравовъ, чѣмъ законовъ.

Исторія Григорія Турскаго и другіе памятники обнаруживаютъ передъ нами, съ одной стороны, народъ жестокій и дикій; съ другой—королей не менѣе жестокихъ и дикихъ. Они проявляли склонность къ убійствамъ, несправедливостямъ и жестокостямъ, потому что весь народъ былъ такимъ. Если христіанство иногда какъ бы укрощало ихъ, то это единственно помощью того ужаса, который оно внушаетъ виновнымъ. Церкви защищались отъ нихъ чудесами и знаменіями своихъ святыхъ. Короли не были святотатцами, потому что боялись наказаній за святотатство; но въ то же время, въ порывѣ гнѣва, или хладнокровно, совершали всевозможныя преступленія и несправедливости, потому что эти преступленія и несправедливости у нихъ не вызывали предста-

[1]) Ibid, art. 21. (M.).

[2]) Монтескье приписываетъ *леудамъ*, которыхъ называетъ народомъ, мудрость и расчетъ, наличность которыхъ было бы довольно трудно доказать.

вленія о непосредственномъ вмѣшательствѣ карающаго божества, какъ въ первомъ случаѣ. Франки, какъ я сказалъ, терпѣли королей-убійцъ, потому что сами были убійцами. Ихъ не поражали насилія и грабительства ихъ королей, потому что они сами были такими же грабителями и насильниками. Правда, существовали законы; но короли дѣлали ихъ безполезными своими грамотами, которыя назывались прецепціи [1]) (наставленія) и ниспровергали эти самые законы. Приблизительно, это было то же, что рескрипты римскихъ императоровъ,—неизвѣстно только, у нихъ ли франки заимствовали этотъ обычай, или изобрѣли его сами, слѣдуя влеченіямъ собственной природы. Мы узнаемъ отъ Григорія Турскаго, что они совершенно хладнокровно совершали убійства и казнили обвиняемыхъ, не выслушавъ ихъ. Они выдавали прецепціи на заключеніе противозаконныхъ браковъ [2]), на завладѣніе чужимъ наслѣдствомъ, на устраненіе правъ родителей, на вступленіе въ бракъ съ монахинями. Правда, они не издавали законовъ по однимъ личнымъ побужденіямъ, но зато останавливали дѣйствіе законовъ существующихъ.

Эдиктъ Клотаря [3]) отмѣнилъ всѣ эти несправедливости. Никого нельзя было болѣе осуждать, не выслушавши предварительно [4]); родственники должны были всегда наслѣдовать согласно правиламъ, установленнымъ закономъ [5]); всѣ прецепціи относительно замужества дочерей, вдовъ и монахинь были объявлены недѣйствительными, и опредѣлены строгія наказанія тѣмъ, которые, получивъ ихъ, дѣлали изъ нихъ употребленіе [6]). Мы имѣли бы, быть можетъ, болѣе точныя свѣдѣнія о томъ, что именно постановлялъ эдиктъ объ этихъ прецепціяхъ, если бы 13-я его статья и двѣ слѣдующія не сдѣлались жертвою времени. До насъ дошли только первыя слова этой 13-й статьи, въ которыхъ предписывается соблюденіе прецепцій, что, конечно, не можетъ относиться къ тѣмъ изъ нихъ, которыя были отмѣнены этимъ же закономъ. У насъ есть другая конституція того же государя [7]), которая имѣетъ отношеніе къ его эдикту [8]) и одинаково исправляетъ одно за другимъ всѣ злоупотребленія прецепцій.

Правда, Балюзъ, не найдя на этой конституціи обозначенія времени и мѣста ея изданія, приписалъ ее Клотарю I, между тѣмъ какъ она при-

---

[1]) Это были королевскіе приказы судьямъ совершать или допускать извѣстныя дѣйствія, воспрещаемыя закономъ. (М.).

[2]) См. Григорія Турскаго, кн. IV, стр. 227. Исторія и хартіи полны прецепцій этого рода. Размѣръ этихъ злоупотребленій всего рѣзче выступаетъ въ эдиктѣ Клотаря II, отъ 615 года, изданномъ съ цѣлью ихъ уничтоженія. *Капитуляріи*, изд. Балюза, т. I, стр. 22. (М.).

[3]) А. В. Конституція Клотаря, и т. д.

[4]) Статья 22. (М.).

[5]) *Ibid.*, ст. 6. (М.).

[6]) *Ibid.*, ст. 18. (М).

[7]) Въ изд. *Капитуляріевъ* Балюза, т. I, стр. 7. (М.).

[8]) А. В. Къ его декрету и т. д.

надлежитъ Клотарю II, что я могу подтвердить слѣдующими тремя доводами.

1. Въ ней сказано, что король сохраняетъ за церквами ихъ особыя права и преимущества, дарованныя его отцомъ и дѣдомъ [1]). Какія такія особыя права и преимущества могъ даровать церквамъ Хильдерихъ, дѣдъ Клотаря I, который не былъ христіаниномъ и жилъ до основанія монархіи? Другое дѣло, если мы припишемъ этотъ декретъ Клотарю II, дѣдомъ котораго былъ этотъ самый Клотарь I, даровавшій церквамъ несмѣтныя имущества, чтобъ только искупить смерть сына своего Крамна, сожженнаго имъ съ женою и дѣтьми.

2. Злоупотребленія, исправленіе которыхъ было предпринято этой конституціей, не только продолжали существовать послѣ смерти Клотаря I, но и достигли самой высокой степени во время слабаго правленія Гунтрама, жестокаго правленія Хильпериха и отвратительнаго регентства Фредегонды и Брунегильды. Какимъ это образомъ могла нація переносить всѣ эти несправедливости, послѣ того какъ онѣ были торжественно отмѣнены, переносить безъ всякой жалобы на постоянное ихъ возобновленіе? Почему еще въ то время не поступила она такъ, какъ поступила впослѣдствіи, когда принудила Хильпериха II [2]), возобновившаго прежнія насилія, предписать, чтобы на судѣ слѣдовали закону и обычаямъ, по примѣру прежнихъ временъ [3]).

3. Наконецъ, эта конституція, имѣвшая цѣлью прекращеніе неудовольствій, не можетъ относиться къ Клотарю I, такъ какъ въ его царствованіе не было въ королевствѣ никакихъ жалобъ по этому поводу, а власть короля стояла очень твердо, въ особенности въ то время, къ которому относятъ изданіе этой конституціи; съ другой стороны, она вполнѣ соотвѣтствуетъ событіямъ, происшедшимъ въ царствованіе Клотаря II и имѣвшимъ своимъ послѣдствіемъ переворотъ въ политическомъ положеніи государства. Слѣдуетъ искать объясненія исторіи въ законахъ и объясненія законовъ въ исторіи.

ГЛАВА III.

Власть майордомовъ.

Я сказалъ, что Клотарь II обязался не лишать Варнахара должности майордома въ продолженіе его жизни. Переворотъ имѣлъ еще другое дѣй-

---

[1]) Въ предыдущей книгѣ, гл. XXI, я говорилъ объ этихъ особыхъ правахъ или иммунитетахъ, которыя состояли въ предоставленіи правъ суда, содержали въ себѣ запрещеніе королевскимъ судьямъ исполнять какія-либо обязанности на церковной территоріи и были равносильны установленію или уступкѣ лена. (М.).

[2]) Онъ началъ царствовать около 670 года. (М.).

[3]) См. *Жизнеописаніе св. Легерія.* (М.).

ствіе: раньше этого времени майордомъ былъ майордомомъ короля, теперь же онъ сталъ майордомомъ королевства; прежде король избиралъ его, теперь же избирала нація. До революціи Проторія назначилъ майордомомъ Теодорихъ [1]), Ландериха—Фредегонда [2]); но затѣмъ право избранія стало принадлежать націи [3]).

Итакъ, не слѣдуетъ смѣшивать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые авторы, послѣднихъ майордомовъ съ тѣми, которые занимали эту должность до смерти Брунегильды, майордомовъ короля съ майордомами королевства. Изъ закона бургундовъ видно, что у нихъ должность майордома не была изъ первыхъ въ королевствѣ [4]); она не принадлежала къ высшимъ должностямъ и у первыхъ франкскихъ королей [5]).

Клотарь закрѣпилъ должности и лены за ихъ владѣльцами; а когда послѣ смерти Варнахара онъ обратился къ собраннымъ въ Труа сеньерамъ съ вопросомъ, кого они желаютъ избрать майордомомъ, они всѣ воскликнули, что выбирать не станутъ [6]); что, препоручая себя его благосклонности, отдаются въ его распоряженіе.

Дагоберъ, подобно отцу, объединилъ всю монархію въ своихъ рукахъ; народъ довѣрился ему и не назначилъ ему майордома. Почуявъ свободу и къ тому же увѣренный, вслѣдствіе одержанныхъ имъ побѣдъ, въ собственной силѣ, онъ пошелъ по слѣдамъ Брунгильды. Но онъ потерпѣлъ неудачу: леуды Австразіи допустили [7]) разбить себя и разошлись по домамъ, а пограничныя земли Австразіи сдѣлались добычею варваровъ.

Тогда онъ рѣшился предложить австразійцамъ уступить Австразію сыну своему Зигеберту, вмѣстѣ съ казною, а управленіе государствомъ и дворцомъ отдать въ руки Кельнскаго епископа Куниберта и герцога Адальгиза. Фредегарій не вдается въ подробности состоявшихся въ то

---

[1]) *Instigante Brunichilde, Theodorico jubente*, etc. *Frédégaire*, ch. XXVII, подъ 605 г. (М.).

[2]) Gesta regum Francorum, ch. XXXVI. (М.).

[3]) См. *Хронику* Фредегарія, гл. LIV, подъ 626 г., и его анонимнаго продолжателя, гл. CI, подъ 695 г., и гл. CV, подъ 715 г. Аймуанъ, кн. VI, гл. XV. Эгингардъ, *Жизнеописаніе Карла Великаго*, гл. XLVIII. Gesta regum Francorum, ch. XLV. (М.).

[4]) См. законъ бургундовъ, *in praefat.*, и второе приложеніе къ этому закону, ст. XIII. (М.).

[5]) См. Григорія Турскаго, кн. IX, гл. XXXVI. (М.).

[6]) *Eo anno, Clotarius cum proceribus et leudibus Burgundiae Trecassinis conjungitur cum eorum esset sollicitus, si vellent jam, Warnachario discesso, alium in ejus honoris gradum sublimare; sed omnes unanimiter deneganles se nequaquam velle Majorem domus eligere, regis gratiam obnixe petentes, cum rege transegere.* Хроника Фредегарія, гл. LIV, подъ 626 г. (М.).

[7]) *Istam victoriam quam Vinidi contra Francos meruerunt, non tantum Sclavinorum fortitudo obtinuit, quantum dementatio Austrasiorum, dum se cernebant cum Dagoberto odium incurrisse, et assidue expoliarentur.* Хроника Фредегарія, гл. LXVIII, подъ 630 г. (М.).

время условій; но король утвердилъ ихъ всѣ своими грамотами, и Австразія была немедленно освобождена отъ всякой опасности [1]).

Дагоберъ, чувствуя приближеніе смерти, препоручилъ Эгѣ свою жену Нантехильду и своего сына Хлодвига. Леуды Нейстріи и Бургундіи избрали этого молодого принца своимъ королемъ [2]). Эга и Нантехильда управляли дворцомъ [3]); они возвратили всѣ имущества, отнятыя Дагоберомъ [4]), и жалобы прекратились въ Нейстріи и Бургундіи такъ же, какъ онѣ раньше прекратились въ Австразіи.

По смерти Эги королева Нантехильда убѣдила бургундскихъ сеньеровъ выбрать Флоахата своимъ майордомомъ [5]). Этотъ послѣдній разослалъ епископамъ и главнымъ сеньерамъ Бургундскаго королевства письма, въ которыхъ обѣщалъ имъ сохранить за ними навсегда, т.-е. пожизненно, ихъ почетныя званія и должности [6]). Онъ подтвердилъ свое слово присягою, и авторъ Книги о майордомахъ королевскихъ ведетъ съ этого времени начало управленія королевства майордомами [7]).

Фредегарій, бургундъ по рожденію, сообщаетъ большія подробности о бургундскихъ майордомахъ во времена описываемаго нами переворота, чѣмъ о майордомахъ Австразіи и Нейстріи; но договоры, заключенные въ Бургундіи, были, по тѣмъ же причинамъ, заключены и въ Нейстріи и Австразіи.

Народъ полагалъ, что гораздо безопаснѣе имѣть могущественнаго майордома, котораго онъ самъ избиралъ и которому могъ предписать условія, чѣмъ могущественнаго короля, власть котораго была наслѣдственной.

ГЛАВА IV.

Какъ относился народъ къ майордомамъ.

Образъ правленія, въ которомъ народъ, имѣвшій короля, выбиралъ человѣка, который долженъ былъ располагать королевской властью, кажется весьма необычайнымъ; но, независимо отъ обстоятельствъ того времени, я полагаю, что франки вынесли относящіяся сюда понятія изъ очень отдаленной эпохи.

---

[1]) *Deinceps Austrasii eorum studio limitem et regnum Francorum contra Vinidos utiliter defensasse noscuntur.* Хроника Фредегарія, гл. LXXV, подъ 632 г. (М.).

[2]) *Хроника* Фредегарія, гл. LXXIX, подъ 638 г. (М.).

[3]) *Ibid.* (М.).

[4]) *Ibid.*, гл. LXXX, подъ 639 г. (М.).

[5]) *Ibid.*, гл. LXXXIX, подъ 641 г. (М.).

[6]) Ibid. *Floachatuo cunctio ducibus a regno Burgundiae, seu et pontificibus, per epistolam etiam et sacramentis firmavit unicuique gradum honoris et dignitatem, seu et amicitiam, perpetuo conservare.* (М.).

[7]) *Deinceps a temporibus Clodovei, qui fuit filius Dagoberti inclyti regis, pater vero Theodorici, regnum Francorum decidens per majores domus coepit ordinari.* De major. domus regiae. (М.).

Они происходили отъ германцевъ, о которыхъ Тацитъ говоритъ, что при выборѣ короля они руководились благородствомъ его происхожденія [1]), а при выборѣ вождя—его доблестью. Такими были короли первой династіи и майордомы первые—наслѣдственные, вторые—выборные [2]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что тѣ государи, которые вставали въ народномъ собраніи и предлагали вести на какое-либо предпріятіе тѣхъ, которые захотятъ за ними слѣдовать, въ большинствѣ случаевъ соединяли въ своемъ лицѣ авторитетъ короля съ могуществомъ майордома.

Ихъ благородное происхожденіе сообщало имъ королевское достоинство, а ихъ доблесть, побуждавшая многихъ охотниковъ слѣдовать за ними, какъ за добровольно признанными вождями, сообщала имъ могущество майордомовъ. Такъ, въ силу своего королевскаго достоинства, наши первые короли предсѣдательствовали въ судахъ и собраніяхъ и издавали, съ согласія этихъ собраній, законы; а въ качествѣ герцоговъ или вождей предпринимали походы и предводительствовали арміями.

Чтобы понять тотъ духъ, который руководилъ первыми франками въ этомъ отношеніи, стоитъ только бросить взглядъ на поведеніе Арбогаста [3]), родомъ франка, которому Валентиніанъ поручилъ начальство надъ войскомъ. Онъ заключилъ императора во дворцѣ и запретилъ кому бы то ни было говорить съ нимъ о какихъ бы то ни было гражданскихъ или военныхъ дѣлахъ. Онъ дѣлалъ то же самое, что дѣлали впослѣдствіи Пипины.

ГЛАВА V.

Какимъ образомъ майордомы пріобрѣли начальство надъ войскомъ.

Пока короли предводительствовали войскомъ, націи и въ голову не приходило выбирать себѣ военачальника. Хлодвигъ и его четыре сына стояли во главѣ французовъ и водили ихъ отъ побѣды къ побѣдѣ. Теобальдъ, сынъ Теодеберта, государь юный, слабый и болѣзненный, первый изъ королей остался во время войны въ своемъ дворцѣ [4]). Онъ отказался отправиться въ походъ въ Италію противъ Нарсеса и, къ своему огорченію, долженъ былъ видѣть, какъ франки избрали себѣ двухъ вождей, которые и повели ихъ въ этотъ походъ [5]). Изъ четырехъ сыновей Клотаря I Гунтрамъ наиболѣе пренебрегалъ своими обязанностями военачальника [6]).

---

[1]) *Reges ea nobilitate, duces ex virtute sumunt.* О нравахъ Германіи, гл. VII. (М.).

[2]) Монтескье воспроизводитъ здѣсь мысль графа де-Буленвилье въ *Управленіи Франціи,* т. I, стр. 28.

[3]) См. *Сульпиція Александра* у Григорія Турскаго, кн. II. (М.).

[4]) Въ 552 г. (М.).

[5]) *Leutheris vero et Butilinus, tametsi id regi ipsorum minime placebat, belli cum eis societatem inierunt.* Agathias, lib. I. Григорій Турскій, кн. IV, гл. IX. (М.).

[6]) Гунтрамъ не участвовалъ даже въ походѣ противъ Гундобальда, который выдавалъ себя за сына Клотаря и требовалъ своей части королевства. (М.).

Другіе короли слѣдовали этому примѣру; а чтобы избѣгнуть опасности отъ передачи распоряженія войскомъ въ чужія руки, они назначали многихъ предводителей или герцоговъ [1]).

Отсюда произошли безчисленныя неудобства: не стало дисциплины и исчезъ духъ повиновенія; войско губило только собственную страну и оказывалось обремененнымъ добычею прежде чѣмъ достигало непріятельскихъ владѣній. У Григорія Турскаго мы находимъ живое описаніе всѣхъ этихъ бѣдствій [2]). «Какъ можемъ мы побѣдить», говоритъ Гунтрамъ [3]), «если не въ состояніи удержать и того, что пріобрѣли наши отцы? Нашъ народъ уже не тотъ». Странная вещь! Онъ находился въ упадкѣ уже со времени внуковъ Хлодвига.

Поэтому было естественно придти къ избранію единственнаго герцога, герцога, который имѣлъ бы власть надъ безчисленнымъ множествомъ сеньеровъ и леудовъ, не признававшихъ болѣе своихъ обязательствъ; который возстановилъ бы военную дисциплину, и повелъ бы на непріятеля націю, умѣвшую воевать только противъ собственной страны. Власть эта была предоставлена майордомамъ.

Первая должность майордомовъ состояла въ хозяйственномъ управленіи королевскими имуществами. Имъ также принадлежало политическое управленіе ленами; этой частью они сначала завѣдовали совмѣстно съ другими чиновниками, а потомъ одни [4]). Затѣмъ, имъ принадлежало управленіе военными дѣлами и командованіе войсками; двѣ послѣднія должности находились по необходимости въ связи съ двумя первыми. Въ тѣ времена было труднѣе собрать войско, чѣмъ имъ предводительствовать, и кто могъ располагать въ этомъ дѣлѣ большимъ авторитетомъ, какъ не тотъ, кто раздавалъ милости?

У этой независимой и воинственной націи приходилось больше призывать, чѣмъ принуждать; давать лены или хоть надежду на полученіе леновъ, оставшихся свободными послѣ смерти владѣльцевъ, безпрестанно награждать, заставлять опасаться предпочтеній. Кто завѣдывалъ дворцомъ, долженъ былъ, слѣдовательно, и начальствовать войсками.

---

[1]) Иногда въ числѣ двадцати. См. Григорія Турскаго, кн. V, гл. XXVII; кн. VIII, гл. XVIII и XXX; кн. X, гл. III. Дагоберъ, у котораго не было майордома въ Бургундіи, держался той же политики и отправилъ противъ гасконцевъ десять герцоговъ и многихъ графовъ, не подчиненныхъ власти одного герцога. *Хроника* Фредегарія, гл LXXVIII, подъ 636. (М.).

[2]) Григорій Турскій, кн. VIII, гл. XXX; кн. X, гл. III. (М.).

[3]) *Ibid.*, кн. VIII, гл. XXX. (М.).

[4]) См. второе приложеніе къ закону бургундовъ, отд. XIII, а также Григорія Турскаго, кн. IX, гл. XXXVI. (М.).

ГЛАВА VI.

Второй періодъ упадка королей первой династіи.

Послѣ казни Брунгильды майордомы управляли королевствомъ подъ властью королей, и хотя они руководили военными дѣйствіями, короли тѣмъ не менѣе стояли во главѣ войскъ, а майордомъ и народъ сражались подъ ихъ начальствомъ. Но побѣда герцога Пипина надъ Теодорихомъ и его майордомомъ [1]) довершила униженіе королей [2]); побѣда же, одержанная [3]) Карломъ Мартеломъ надъ Хильперихомъ и его майордомомъ Ренфридомъ, подтвердила это уничиженіе. Австразія дважды одержала верхъ надъ Нейстріей и Бургундіей, а такъ какъ званіе майордомовъ Австразіи сдѣлалось какъ бы принадлежностью рода Пипиновъ, то это майордомство возвысилось надъ всѣми остальными, и этотъ домъ—надъ всѣми другими домами. Опасаясь, чтобы какое-нибудь вліятельное лицо не овладѣло особой государя съ цѣлью произвести смуту, побѣдители стали держать его во дворцѣ какъ бы въ тюрьмѣ [4]), и только разъ въ годъ показывали его народу. Онъ издавалъ указы,—но то были указы майордома [5]); онъ отвѣчалъ посламъ, но то были отвѣты майордома. Историки того времени говорятъ намъ, что майордомы управляли королями, которые были имъ подчинены [6]).

Пристрастіе народа къ роду Пипина было такъ велико, что онъ избралъ майордомомъ одного изъ его внуковъ, который былъ еще ребенкомъ [7]), и поставилъ его надъ извѣстнымъ Дагоберомъ, какъ бы призракъ надъ другимъ призракомъ.

ГЛАВА VII.

Важнѣйшія должности и лены при майордомахъ.

Майордомы никогда не думали о возстановленіи начала смѣняемости лицъ на занимаемыхъ ими мѣстахъ и должностяхъ; господство ихъ было основано на покровительствѣ, которое они въ этомъ случаѣ оказывали

---

[1]) См. *Анналы* Метца подъ 687 и 688 гг. (М.).

[2]) *Illis quidem nomina regum imponens, ipse totius regni habens privilegium*, etc. *Ibid.* подъ 695 г. (М.).

[3]) *Ibid.*, подъ 719 г. (М.).

[4]) *Sedemque illi regalem sub sua ditione concessit.* Анналы Метца подъ 719 г. (М.).

[5]) *Ex Chronico Centulensi*, lib. II. *Ut responsa quae erat edoctus, vel potius jussus, ex sua velut potestate redderet.* (М.).

[6]) Анналы Метца, подъ 691 г. *Anno principatus Pippini super Theodoricum...* Анналы монаст. Фульда или Лаурисгама. *Pippinus dux Francorum obtinuit regnum Francorum per annos 27, cum regibus sibi subjectis.* (М.).

[7]) *Posthoc Theudoaldus, filius ejus (Grimoaldi) parvulus, in loco ipsius, cum praedicto rege Dagoberto, majordamus palatii effectus est.* Анонимный продолжатель Фредегарія, подъ 714 г., гл. CIV. (М.).

дворянству, и высшія должности продолжали попрежнему поступать въ пожизненное пользованіе, такъ что обычай этотъ все болѣе и болѣе укоренялся.

Но я хочу сдѣлать нѣсколько особыхъ замѣчаній по поводу леновъ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что уже въ рассматриваемое время они, въ большинствѣ случаевъ, сдѣлались наслѣдственными.

Въ договорѣ, заключенномъ въ Андели [1]), Гунтрамъ и его племянникъ Хильдебертъ обязались утвердить за леудами и церквами пожалованія королей, ихъ предшественниковъ; королевамъ же и дочерямъ и вдовамъ королей дозволялось располагать по завѣщанію и на вѣчныя времена имуществомъ, полученнымъ ими отъ фиска [2]).

Маркульфъ писалъ свои формулы во времена майордомовъ [3]). Во многихъ изъ нихъ мы находимъ королевскія пожалованія лицу и наслѣдникамъ [4]), а такъ какъ формулы эти отражаютъ въ себѣ повседневныя дѣйствія, то и служатъ доказательствомъ, что при послѣднихъ короляхъ первой династіи часть леновъ уже переходила къ наслѣдникамъ. Понятіе о неотчуждаемости государственной собственности было совершенно чуждо тому времени [5]). Оно возникло лишь очень недавно, и его тогда еще не знали ни въ теоріи, ни на практикѣ.

Мы скоро увидимъ фактическія тому доказательства, и если я укажу на такое время, когда не стало больше ни военныхъ бенефицій, ни иного фонда для содержанія войска, необходимо будетъ признать, что старыя бенефиціи были отчуждены. То было время Карла Мартела, основателя новыхъ леновъ, которые слѣдуетъ строго отличать отъ старыхъ.

Начавъ раздачу имуществъ на вѣчныя времена,—вслѣдствіе ли подкуповъ, проникшихъ въ государственное управленіе, или самаго государственнаго строя, обязывавшаго королей постоянно раздавать награды,—короли, естественно, должны были предпочесть задачу на вѣчныя времена леновъ раздачѣ графствъ: лишая себя немногихъ земель, они не несли особенно важной потери; тогда какъ, отказываясь отъ первыхъ въ государствѣ должностей, они отказывались отъ собственной власти.

---

[1]) Приведенъ у Григорія Турскаго, кн. IX. См. также эдиктъ Клотаря II, отъ 615 г., ст. 16. (М.).

[2]) *Ut si quid de agris fiscalibus vel speciebus atque presidio, pro arbitrii sui voluntate, facere, aut cuiquam conferre voluerint, fixa stabilitate perpetuo conservetur.* (М.).

[3]) См. форм. XXIV и XXXIV, кн. I. (М.).

[4]) См. форм. XIV, кн. I, которая относится также къ фискальнымъ имуществамъ, жалуемымъ непосредственно на вѣчныя времена, или сначала въ качествѣ бенефиціи, а потомъ на вѣчныя времена: *Sicut ab illo, aut a fisco nostro, fuit possessa.* См. также формулу XVII, *ibid.* (М.).

[5]) Неотчуждаемость коронной собственности при третьей династіи сдѣлалась основнымъ закономъ королевства. Начало это сохранилось до сихъ поръ.

ГЛАВА VIII.

Какимъ образомъ алоды обратились въ лены.

Способъ обращенія алода въ ленъ приведетъ въ одной изъ формулъ Маркульфа [1]). Собственникъ отдавалъ свою землю королю; получалъ ее отъ него обратно для пользованія или какъ бенефицію и указывалъ королю своихъ наслѣдниковъ.

Чтобы найти причины, побуждавшія къ такому извращенію сущности алода, мнѣ приходится разыскивать какъ бы въ безднѣ временъ древнія прерогативы дворянства, покрытаго пылью, кровью и потомъ одиннадцати вѣковъ.

Тѣ, которые владѣли леномъ, пользовались очень большими преимуществами. Они пользовались болѣе высокой пеней за причиненныя обиды, чѣмъ свободные люди. Изъ формулъ Маркульфа можно заключить, что пеня въ шестьсотъ су, платимая убійцею, составляла привилегію королевскаго вассала. Она была установлена салическимъ закономъ [2]) и закономъ рипуаріевъ [3]); но, назначая шестьсотъ су за смерть королевскаго вассала, эти два закона опредѣляли только двѣсти су за смерть свободнорожденнаго, франка, варвара или человѣка, живущаго подъ властью салическаго закона [4]), и только сто су за жизнь римлянина.

Но это не была единственная привилегія королевскихъ вассаловъ. Надо знать, что если кто-либо, будучи вызванъ къ суду [5]), неявлялся или оказывалъ неповиновеніе постановленіямъ суда, тотъ призывался къ суду короля; если же не являлся и на судъ короля, то лишался покровительства короля [6]), и никто не имѣлъ права ни принять его у себя, ни дать ему хлѣба. Если онъ былъ простого званія, все его имущество подвергалось конфискаціи [7]); но если былъ вассаломъ короля, то конфискаціи не подлежалъ [8]). Неявка на судъ почиталась доказательствомъ виновности перваго, но не второго, и тогда какъ первый за малѣйшее преступленіе подвергался испытанію кипящею водою [9]), второй приговаривался къ этому испытанію только въ случаѣ убійства [10]). Наконецъ нельзя было заставлять королевскаго вассала приносить на судѣ присягу противъ другого вассала [11]). Число этихъ привилегій постоянно увеличи-

---

[1]) Кн. I, форм. XIII. (М.).
[2]) Tit. XLIX; tit. LXVI, §§ 3 и 4; tit. LXXIV. (М.).
[3]) Tit. XI. (М.).
[4]) См. законъ рипуаріевъ, гл. VII; салическій зак., гл. XLIX, ст. 1 и 4. (М.)
[5]) Салическій законъ, гл. LIX и LXXVI. (М.).
[6]) *Extra sermonem regis*. Салическій законъ, гл. LIX и LXXVI. (М.).
[7]) *Ibid.*, гл. LIX, § 1. (М.).
[8]) *Ibid.*, гл. LVI, § 1. (М.).
[9]) *Ibid.*, гл. LVI и LIX. (М.).
[10]) *Ibid.*, гл. LXXVI, § 1. (М.).
[11]) Салическій законъ, гл. LXXVI, § 2. (М.).

валось, и капитулярій Карломана оказываетъ честь королевскимъ вассаламъ, предоставляя имъ право приносить присягу не лично, а устами своихъ вассаловъ [1]). Кромѣ того, если кто, занимая почетную должность, не являлся въ войско, тотъ, въ наказаніе, долженъ былъ воздерживаться отъ мяса и вина столько времени, сколько онъ отсутствовалъ на службѣ; но если свободный человѣкъ не слѣдовалъ за графомъ [2]), то платилъ пеню въ шестьдесятъ су [3]), а до тѣхъ поръ пока не вносилъ ея, долженъ былъ состоять въ крѣпостной зависимости.

Итакъ, легко понять, что франки, и еще болѣе римляне, не бывшіе вассалами короля, старались ими сдѣлаться; а чтобы не лишиться своихъ владѣній, ввели обычай отдавать свой алодъ королю, получать его отъ короля обратно какъ ленъ и указывать ему своихъ наслѣдниковъ. Обычай этотъ упрочился, и получилъ особенно сильное распространеніе въ смутное время второй династіи, когда всякій нуждался въ защитникѣ и искалъ союза съ прочими сеньерами [4]), чтобы войти, такъ сказать, въ феодальную монархію, такъ какъ политической монархіи болѣе не существовало.

Такъ продолжалось и во время третьей династіи, какъ это видно изъ многихъ грамотъ [5]), при чемъ или отдавали свой алодъ и получали его въ томъ же актѣ обратно; или же объявляли его алодомъ и затѣмъ признавали леномъ. Лены эти назывались возвратными ленами (fiefs de reprise).

Изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы владѣтели леновъ управляли ими, какъ бы слѣдовало хорошимъ отцамъ семейства; хотя свободные люди и очень старались получить лены, они обращались съ этого рода имуществами подобно тому, какъ въ наше время хозяйничаютъ въ имѣніяхъ, находящихся въ пожизненномъ пользованіи. Это-то и побуждало Карла Великаго, самаго бдительнаго и внимательнаго изъ всѣхъ нашихъ государей, къ изданію многихъ распоряженій съ цѣлью воспрепятствовать разоренію леновъ ихъ владѣльцами въ интересахъ имуществъ, составлявшихъ ихъ собственность [6]). Это доказываетъ только, что въ его время бенефиціи въ большинствѣ случаевъ были еще пожизненными, и что, слѣдовательно, о нихъ заботились менѣе, чѣмъ объ алодахъ. Но это нисколько не мѣшало отдавать предпочтеніе званію королевскаго вассала

---

[1]) *Apud Vernis palatium*, 883 г., ст. 4 и 11. (М.).

[2]) *Капитулярій* Карла Великаго, второй въ 812 г., ст. 1 и 3. (М.).

[3]) *Heribannum*. (М.).

[4]) *Non infirmis reliquit haeredibus*, говоритъ Lambert d'Ardres, у Дюканжа, подъ словомъ *alodis*. (М.).

[5]) См. тѣ изъ нихъ, которыя Дюканжъ цитируетъ подъ словомъ *alodis*, и тѣ, которыя приводитъ Galland: *Traité du franc-aleu*, стр. 14 и слѣд. (М.).

[6]) *Капитулярій* II, 802 г., ст. 10; *Капитулярій* VII, 803 г., ст. 3; *Капитулярій* I, *incerti anni*, ст. 49; *Капитулярій* 806 г., ст. 7. (М.).

передъ званіемъ свободнаго человѣка. Желаніе располагать извѣстною частью лена могло имѣть свои причины; но никто не хотѣлъ терять соединеннаго съ нимъ достоинства.

Мнѣ не безызвѣстно, что Карлъ Великій, въ одномъ изъ капитуляріевъ, жалуется, что встрѣчались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ люди, которые отдавали свои лены въ собственность и за тѣмъ выкупали ихъ какъ собственность [1]). Но я вовсе не говорю, чтобы собственность не предпочитали пожизненному пользованію; я говорю только, что когда представлялась возможность обратить алодъ въ ленъ съ правомъ передачи его наслѣдникамъ, что составляетъ предметъ приведенной выше формулы, то было очень выгодно это дѣлать.

ГЛАВА IX.

Какимъ образомъ церковныя имущества были обращены въ лены.

Государственныя имущества не должны были имѣть иного назначенія какъ служить королевской казной для пожалованій, съ цѣлью привлеченія франковъ къ новымъ предпріятіямъ, которые, съ другой стороны, опять-таки увеличивали государственныя имущества. Это, какъ я сказалъ, вполнѣ соотвѣтствовало духу націи; но пожалованія приняли иное направленіе. До насъ дошла рѣчь Хильпериха, внука Хловдига, въ которой онъ уже въ то время жалуется, что почти всѣ его имущества были отданы церквямъ [2]). «Наша казна обѣднѣла», говоритъ онъ, «наши богатства перешли къ церквямъ [3]). Епископы одни господствуютъ; они на высотѣ, а мы—ужъ нѣтъ».

Слѣдствіемъ этого было то, что майордомы, не дерзавшіе трогать сеньеровъ, обобрали церкви. Одинъ изъ поводовъ, приведенныхъ Пипиномъ для вторженія въ Нейстрію, заключался въ томъ, что его призвало духовенство для обузданія королей, т.-е. майордомовъ, которые лишали церковь всего его имущества [4]).

Майордомы Австразіи, т.-е. домъ Пипиновъ, проявляли въ отношеніяхъ къ церкви болѣе умѣренности, чѣмъ то было въ Нейстріи и Бургундіи. Это ясно видно въ нашихъ хроникахъ, въ которыхъ монахи не могутъ нахвалиться благочестіемъ и щедростью Пипина [5]). Они сами за-

---

[1]) Пятый въ 806 году, ст. 8. (М.).

[2]) У Григорія Турскаго, кн. VI, гл. XLVI. (М.).

[3]) Поэтому онъ объявилъ завѣщанія въ пользу церкви и даже пожертвованія, сдѣланныя его отцомъ, недѣйствительными. Гунтрамъ возстановилъ ихъ снова и даже даровалъ ей новыя имущества.

[4]) См. *Анналы* Метца подъ 687 г. *Excitor imprimis querelis sacerdotum et servorum dei, qui me saepius adierunt ut pro sublatis injuste patrimoniis*, etc. (М.).

[5]) См. *Анналы* Метца. (М.).

няли первыя мѣста въ церкви. «Воронъ ворону глазъ не выклюетъ», говаривалъ Хильперихъ епископамъ [1]).

Пипинъ покорилъ Нейстрію и Бургундію; и такъ какъ онъ предпринялъ уничтоженіе майордомовъ и королей подъ предлогомъ защиты церквей отъ притѣсненій, то уже не могъ обирать эти послѣднія, не входя въ противорѣчіе съ принятой на себя ролью или не вызывая подозрѣнія въ томъ, что смѣется надъ націей; впрочемъ, завоеваніе двухъ большихъ королевствъ и уничтоженіе противной партіи доставили ему достаточно средствъ для удовлетворенія своихъ военачальниковъ.

Пипинъ, покровительствуя духовенству, сдѣлался господиномъ монархіи; сынъ его, Карлъ Мартелъ, могъ держаться во власти, только притѣсняя это духовенство. Видя, что часть королевскихъ и казенныхъ имуществъ была роздана въ пожизненное владѣніе и въ собственность дворянству, и что духовенство, получая дары отъ богатыхъ и бѣдныхъ, пріобрѣло значительную часть даже алодіальныхъ земель, онъ отобралъ у церквей ихъ имущества; а такъ какъ лены перваго раздѣла не существовали болѣе, то онъ вторично образовалъ лены [2]). Онъ забралъ для себя и для своихъ военачальниковъ церковныя имущества и самыя церкви и прекратилъ злоупотребленіе, которое, въ противоположность обыкновеннымъ бѣдствіямъ, было тѣмъ легче искоренить, что оно достигло крайнихъ предѣловъ.

ГЛАВА X.

Богатства духовенства.

Духовенство получало такъ много, что за время трехъ династій всѣ имущества государства, надо думать, много разъ прошли черезъ его руки. Но если короли, дворянство и народъ находили возможность отдавать духовенству все свое имущество, то они находили поводы и брать его обратно. Во время первой династіи, благочестіе побуждало людей къ созиданію церквей, а военный духъ къ раздачѣ ихъ военнымъ людямъ, которые дѣлили церковныя земли между своими дѣтьми. Сколько такихъ земель вышло изъ имуществъ, первоначально предназначенныхъ для содержанія трапезы духовенства! Короли второй династіи осыпали его своими щедротами. Приходятъ норманны, которые все грабятъ и опустошаютъ; но больше всего преслѣдуютъ они священниковъ и монаховъ, ищутъ аббатствъ и не пропускаютъ ни одного святого мѣста: они приписывали [3]) духовенству уничтоженіе ихъ идоловъ и всѣ насилія Карла Великаго, кото-

---

[1]) У Григорія Турскаго. (М.).

[2]) *Karolus, plurima jure ecclesiastico detrahens praedia fisco sociavit, ac deinde militibus dispertivit. Ex Chronico Centulensi*, lib. II. (М.).

[3]) Фраза: *Они приписывали...* и слѣдующая за тѣмъ: *Это вызвало такую ненависть...* не находятся у А. В.

рыя заставили ихъ искать убѣжища на сѣверѣ. Это вызвало въ нихъ такую ненависть, что промежутокъ въ сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ времени не могъ погасить ея. При такомъ положеніи вещей, какую массу имуществъ потеряло духовенство! Едва оставалось достаточное число духовныхъ лицъ, чтобы требовать ихъ возврата. Такимъ образомъ благочестивыя чувства третьей династіи не имѣли недостатка въ поводахъ къ пожертвованіямъ вкладами и землями. Весьма въ то время распространенныя и находившія вездѣ вѣру понятія могли бъ лишить мірянъ всего ихъ имущества, если бы только они обладали соотвѣтствующею честностью. Но если духовенство было одержимо честолюбіемъ, его не лишены были и міряне: если умирающій дарилъ, наслѣдникъ пытался взять назадъ. Не было конца спорамъ между сеньерами и епископами, дворянами и аббатами, и надо думать, что борьба эта была духовенству не по силамъ, такъ какъ оно вынуждено было искать покровительства извѣстныхъ сеньеровъ, которые нѣкоторое время его защищали, но потомъ сами стали притѣснять его.

Лучшій порядокъ гражданскихъ отношеній, утвердившійся за время третьей династіи, давалъ возможность духовенству увеличивать свои имущества. Но вотъ появились кальвинисты и обратили въ монету все золото и серебро, найденное ими въ церквахъ. Какъ могло быть духовенство увѣрено въ своемъ имуществѣ, когда оно не было увѣрено въ своемъ существованіи? Оно занималось обсужденіемъ спорныхъ вопросовъ, а ему жгли его архивы. Что пользы было требовать отъ разореннаго дворянства возвращенія того, чего у него уже не было или что было уже тысячу разъ заложено и перезаложено. Духовенство всегда пріобрѣтало и всегда возвращало, оно пріобрѣтаетъ и понынѣ.

ГЛАВА XI.

Состояніе Европы временъ Карла Мартела.

Карлъ Мартелъ, предпринявшій отнятіе у духовенства его имуществъ, находился для этого въ самыхъ счастливыхъ условіяхъ: его любили и боялись военные люди, для которыхъ онъ трудился, а предлогомъ служили его войны съ саррацинами [1]). Сколько бы духовенство его ни ненавидѣло, онъ не нуждался въ немъ; папа, которому онъ былъ необходимъ, простиралъ къ нему свои объятія: извѣстно знаменитое посольство [2]), посланное къ нему Григоріемъ III. Эти двѣ власти были въ

[1]) См. *Анналы* Метца. (М.).

[2]) *Epistolam quoque, decreto romanorum principum, sibi praedictus praesul Gregorius miserot quod sese populus Romanus, relicta imperatoris dominatione, ad suam defensionem et invictam clementiam convertere voluisset.* Анналы Метца, подъ 741 г... *Eo pacto patrato, ut a partibus imperatoris recederet.* Фредегарій. (М).

тѣсномъ между собою союзѣ, потому что не могли обойтись одна безъ другой: папа искалъ во франкахъ опоры противъ лонгобардовъ и грековъ; Карлъ Мартелъ [1]) нуждался въ папѣ, чтобы унизить грековъ, привести въ затрудненіе лонгобардовъ, увеличить свое значеніе у себя и чтобы утвердить за собою права, которыя онъ имѣлъ, и права, на которыя онъ и его дѣти могли имѣть притязанія. Итакъ, онъ не могъ потерпѣть неудачи въ своемъ предпріятіи [2]).

Святой Евхарій, епископъ Орлеанскій, имѣлъ видѣніе, поразившее князей. Необходимо указать здѣсь на письмо [3]), написанное собравшимися въ Реймсѣ епископами Людовику Германскому, вступившему во владѣнія Карла Лысаго; письмо это даетъ намъ ясное представленіе о положеніи вещей и настроеніи умовъ въ описываемое время. Въ немъ говорится [4]), что «святый Евхарій, перенесенный на небо, видѣлъ, какъ Карлъ Мартелъ мучится въ преисподней по велѣнію святыхъ, которые должны присутствовать со Іисусомъ Христомъ на страшномъ судѣ; что онъ былъ приговоренъ къ этому наказанію безъ срока за то, что отобралъ у церквей ихъ имущества и тѣмъ самымъ принялъ на себя грѣхи тѣхъ, отъ кого имущества эти достались церкви; что король Пипинъ созвалъ по этому случаю соборъ и приказалъ возвратить церквамъ все, что только изъ церковныхъ имуществъ могло быть разыскано; а такъ какъ, вслѣдствіе раздоровъ его съ Вайфаромъ, герцогомъ Аквитанскимъ, могла быть получена обратно только часть отобраннаго отъ церквей имущества, то онъ приказалъ на недостающую часть его составить въ пользу церквей грамоты на временное пользованіе доходами [5]) и вмѣстѣ съ тѣмъ установилъ, чтобы міряне платили десятину съ содержимыхъ ими церковныхъ имѣній и 12 денье съ каждаго дома; что Карлъ Великій не раздавалъ церковныхъ имуществъ — напротивъ, издалъ капитулярій, въ которомъ обязался за себя и своихъ наслѣдниковъ никогда церковныхъ имуществъ не раздавать; что все ими утверждаемое доказывается письменными свидѣтельствами, и

[1]) А В. Франки нуждались въ папѣ, который долженъ былъ служить для нихъ оплотомъ противъ грековъ и приводить въ затрудненіе лонгобардовъ: Карлъ Мартелъ, слѣдовательно, не могъ потерпѣть неудачи въ своемъ предпріятіи.

[2]) Мы видимъ у авторовъ того времени, какое сильное впечатлѣніе производилъ авторитетъ столькихъ папъ. Хотя король Пипинъ и былъ уже коронованъ архіепископомъ Майнцскимъ, онъ смотрѣлъ на миропомазаніе, совершенное надъ нимъ папою Стефаномъ, какъ на нѣчто такое, что утверждало его во всѣхъ его правахъ. (М.).

[3]) Anno 858, apud Carisiacum, édition de Baluze, tome II, p. 101. (М.).

[4]) Ibid., tome II, art. 7, p. 109 (М.).

[5]) *Precaria, quod precibus utendum conceditur,* говоритъ Куяцій въ своихъ примѣчаніяхъ къ Книгѣ I о ленахъ. Я нахожу въ одномъ изъ актовъ короля Пипина, отъ 3-го года его царствованія, что государь этотъ не былъ первымъ, который ввелъ эти грамоты: онъ ссылается на такую же грамоту, которая была выдана майордомомъ Эброиномъ и затѣмъ была возобновляема. См. въ *Историкахъ Франціи,* изд. бенедиктинцевъ, т. V, ст. 6. (М.).

что многіе изъ нихъ сами слышали все это изъ устъ Людовика Благочестиваго, отца обоихъ королей».

Распоряженіе короля Пипина, о которомъ говорятъ епископы, состоялось на соборѣ въ Лептинѣ [1]). Церковь находила въ немъ ту выгоду, что лица, получившія ея имущества, сохраняли ихъ лишь на правахъ временнаго пользованія; она же, кромѣ того, получала съ нихъ десятину и 12 денье съ каждаго принадлежавшаго ей жилища. Но это было только смягчающее средство, зло же оставалось въ своей силѣ.

Но и эта мѣра встрѣтила противодѣйствіе, и Пипинъ вынужденъ былъ составить другой капитулярій [2]), которымъ предписывалъ владѣтелямъ этихъ бенефицій платить указанную десятину и подать и даже содержать въ порядкѣ епископскія и монастырскія строенія подъ страхомъ отобранія самыхъ имуществъ. Карлъ Великій возобновилъ распоряженіе Пипина [3]).

То, что епископы говорятъ въ томъ же письмѣ, будто Карлъ Великій обѣщалъ за себя и своихъ наслѣдниковъ не раздавать болѣе церковныхъ имуществъ военнымъ, подтверждается капитуляріемъ этого государя, даннымъ въ Ахенѣ, въ 803 году, съ цѣлью разсѣять возникшія на этотъ счетъ опасенія духовенства; но сдѣланныя раньше пожалованія остались въ своей силѣ [4]). Епископы справедливо прибавляютъ, что Людовикъ Благочестивый слѣдовалъ примѣру Карла Великаго и не раздавалъ вовсе церковныхъ имѣній военнымъ людямъ.

Между тѣмъ прежнія злоупотребленія дошли до того, что при дѣтяхъ Людовика Благочестиваго міряне опредѣляли и прогоняли священниковъ въ своихъ церквахъ, не испрашивая согласія епископа [5]). Церкви подвергались раздѣлу между наслѣдниками [6]); а въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ держали въ подобающемъ видѣ, епископы не имѣли иныхъ средствъ воздѣйствія, какъ удаленіе изъ нихъ мощей [7]).

Капитулярій, данный [8]) въ Компьени, опредѣляетъ, что посланный короля будетъ имѣть право осматривать всѣ монастыри вмѣстѣ съ епи-

---

[1]) 743 г. См. кн. V *Капитуляріевъ*, ст. 3, изд. Балюза, стр. 825. (М.).

[2]) Въ Метцѣ, въ 756 г., ст. 4. (М.).

[3]) См. его капитулярій отъ 803 г., въ Вормсѣ, изд. Балюза, стр. 411, въ которомъ онъ установляетъ правила относительно контракта на временное пользованіе; капитулярій отъ 794 г., во Франкфуртѣ, стр. 267, ст. 24, о починкѣ домовъ, и капитулярій отъ 800 г., стр. 330. (М.).

[4]) Какъ это слѣдуетъ изъ предыдущаго примѣчанія и капитулярія Пипина, короля Италіи; въ капитуляріи говорится, что король будетъ давать въ ленъ монастыри. Онъ приложенъ къ закону лонгобардовъ, кн. III, гл. I, § 30, и къ салическимъ законамъ,—сборникъ законовъ Пипина, у Экегарда, стр. 195, гл. XXVI, ст. 4. (М.).

[5]) См. конституцію Лотаря I въ законѣ лонгбардовъ, кн. III, законъ 1, § 43. (М.).

[6]) Ibid., § 44. (М.).

[7]) Ibid. (М.).

[8]) Въ 28-й годъ царствованія Карла Лысаго, въ 868 г., изд. Балюза, стр. 203. (М.).

скопами и съ вѣдома и въ присутствіи ихъ владѣльцевъ [1]). Это общее правило доказываетъ, что злоупотребленіе было всеобщимъ.

Происходило это не отъ недостатка въ законахъ, опредѣляющихъ возвращеніе церковныхъ имуществъ: когда папа упрекнулъ епископовъ въ ихъ небрежномъ отношеніи къ возстановленію монастырей, они написали [2]) Карлу Лысому, что этотъ упрекъ ихъ не касается, потому что они ни въ чемъ не повинны, и обратили его вниманіе на все то, что было имъ обѣщано, рѣшено и опредѣлено на столь многихъ народныхъ собраніяхъ. Послѣднихъ они, дѣйствительно, насчитываютъ девять.

Такъ тянулся споръ, пока не пришли норманны и не водворили согласіе [3]).

ГЛАВА XII.

Установленіе десятины.

Постановленія короля Пипина дали церкви скорѣе надежду на облегченіе, чѣмъ самое облегченіе, и если Карлъ Мартелъ нашелъ все общественное достояніе въ рукахъ духовенства, то Карлъ Великій нашелъ имущество духовенства въ рукахъ военныхъ. Нельзя было заставить этихъ послѣднихъ возвратить то, что имъ было дано; къ тому же обстоятельства того времени дѣлали это еще менѣе исполнимымъ чѣмъ когда-либо. Съ другой стороны, нельзя было оставить христіанство погибнуть отъ недостатка въ церковно-служителяхъ, храмахъ и просвѣщеніи [4]).

Это побудило Карла Великаго установить десятину—новый родъ имущества, который представлялъ для духовенства то удобство, что составлялъ исключительно достояніе церкви и, слѣдовательно, впослѣдствіи могъ быть легко распознаваемъ въ случаяхъ захвата.

Нѣкоторые приписывали этому учрежденію болѣе отдаленное происхожденіе; но авторитетные источники, на которыхъ основываютъ это мнѣніе, мнѣ кажется, утверждаютъ противное. Въ конституціи [5]) Клотаря говорится только, что опредѣленныя десятины [6]) не будутъ вовсе взи-

---

[1]) *Cum consilio et consensu ipsius qui locum retinet* (М.).

[2]) *Consilium apud Bonoilum,* 16-й годъ царствованія Карла Лысаго, 868 г., изд. Балюза, стр. 203. (М.).

[3]) См. ниже, гл. XXIII.

[4]) Во время междоусобій, возникшихъ при Карлѣ Мартелѣ, имущество Реймской церкви роздали мірянамъ, а духовенству предоставили *жить, какъ оно можетъ,* какъ сказано въ жизнеописаніи св. Ремигія. Суріусъ, т. I, стр. 279. (М.).

[5]) Та самая, о которой я такъ много говорилъ выше, въ главѣ IV, и которая находится въ изд. *Капитуляріевъ* Балюза, т. I. ст. 11, стр. 9. (М.).

[6]) *Agraria et pascuaria, vel decimas porcorum, Ecclesiae concedimus; ita ut actor aut decimator in rebus Ecclesiae nullus accedat.* Капитулярій Карла Великаго, 800 г., изд. Балюза, стр. 336, очень хорошо объясняетъ, что это за десятина, отъ которой Клотарь освобождаетъ церковь: это была десятина со свиней, впускаемыхъ въ королевскіе лѣса для откорма, и Карлъ Великій тре-

маться съ церковныхъ имуществъ. Итакъ, церковь въ то время была далека отъ того, чтобы взимать десятины; все, чего она добивалась, — это чтобы не платить ихъ. Второй соборъ въ Маконѣ [1]), 585 г., предписывая сборъ десятины, въ дѣйствительности говоритъ, что ее платили въ старое время; но онъ говоритъ также, что въ его время ея не платили болѣе.

Никто, конечно, не сомнѣвается, что и до Карла Великаго читали Библію и проповѣдывали пожертвованія и приношенія, слѣдуя книгѣ Левита. Я говорю только, что если раньше этого государя десятина и могла быть проповѣдуема, она не была установлена.

Я уже говорилъ, что постановленія, состоявшіяся при королѣ Пипинѣ, обязывали владѣльцевъ церковными имуществами на правѣ леновъ платить десятину и поддерживать въ исправности церковныя зданія. Было уже много заставить высшихъ представителей націи помощью закона, справедливость котораго была неоспорима, служить для другихъ примѣромъ.

Карлъ Великій сдѣлалъ больше: изъ капитулярія de Villis [2]) мы видимъ, что онъ принялъ обязательство въ уплатѣ десятины съ собственныхъ земель; это былъ другой великій примѣръ.

Но простой народъ не очень-то способенъ отказываться отъ собственныхъ интересовъ подъ вліяніемъ примѣра. Франкфуртскій соборъ [3]) представилъ ему болѣе вѣское побужденіе къ платежу десятины. На немъ состоялся капитулярій, въ которомъ говорилось, что во время послѣдняго голода находили все пустые колосья [4]); что демоны пожирали ихъ и что можно было слышать, какъ они порицали людей за неплатежъ десятины. Поэтому, всѣмъ владѣльцамъ церковныхъ имѣній предписывалось платить десятину, а ужъ за одно и всѣмъ остальнымъ.

Намѣреніе Карла Великаго сначала не удалось: повинность эта казалась слишкомъ обременительной [5]). У евреевъ десятина входила въ общій планъ основанія ихъ государства; здѣсь же десятина была бременемъ, независимымъ отъ учрежденій монархіи. Изъ постановленій, приложенныхъ къ закону лонгобардовъ [6]), можно видѣть, съ какими трудностями было со-

---

буетъ, чтобы его судьи, платя ее наравнѣ съ другими, служили примѣромъ. Изъ этого видно, что то была сеньеріальная или хозяйственная подать. (М.).

[1]) *Canone V, ex tomo I. Conciliorum antiquarum Galliae, opera Iacobi Sirmondi.* (М.).

[2]) Ст. 6, изд. Балюза, стр. 332. Данъ въ 800 г. (М.).

[3]) Засѣдавшій при Карлѣ Великомъ, въ 749 г. (М.).

[4]) *Experimento enim didicimus in anno quo illa valida fames irrepsit, ebullire vacuas annonas a daemonibus devoratas, et voces exprobationis auditas,* etc., изд. Балюда, стр. 267, ст. 23. (М.).

[5]) См. между прочимъ капитулярій Людовика Благочестиваго 829 г., изд. Балюда, стр. 663, направленный противъ тѣхъ, которые, чтобы не платить только десятины, оставляли свои земли невоздѣланными; а также ст. 5. *Nonis quidem et decimis, unde et genitor noster et nos frequenter in diversis placitis admonitionem fecimus.* (М.).

[6]) Между другими и постановленіе Лотаря, кн. III, отд. III, гл. VI. (М.).

единено включеніе десятинъ въ гражданское законодательство; можно судить по различнымъ соборнымъ канонамъ, какихъ затрудненій стоило принятіе ихъ церковнымъ законодательствомъ.

Народъ согласился, наконецъ, платить десятины съ условіемъ сохраненія за собою права ихъ выкупа. Конституція Людовика Благочестиваго [1]) и сына его, императора Лотаря [2]), не разрѣшили этого.

Законы Карла Великаго объ установленіи десятины были дѣломъ необходимости. Побужденіемъ для нихъ служила одна религія, а никакъ не суевѣріе.

Его знаменитое раздѣленіе [3]) десятины на четыре части: на содержаніе церквей, на бѣдныхъ, на епископа и на церковнослужителей доказываетъ, что онъ хотѣлъ возвратить церкви ту устойчивость и крѣпость, которыя она утратила.

Его завѣщаніе [4]) обнаруживаетъ въ немъ желаніе загладить зло, причиненное Карломъ Мартеломъ, его дѣдомъ. Онъ раздѣлилъ все свое движимое имущество на три равныя части и хотѣлъ, чтобы двѣ изъ нихъ были подраздѣлены на двадцать одну часть — по одной на каждую изъ двадцати одной метрополіи его имперіи; чтобы каждая изъ этихъ послѣднихъ частей была, въ свою очередь, раздѣлена между метрополіей и епископствами, отъ нея зависѣвшими. Остающуюся затѣмъ треть онъ дѣлилъ на четыре части: одну отдавалъ своимъ дѣтямъ и внукамъ, другую присоединялъ къ двумъ, уже распредѣленнымъ частямъ, а двѣ остальныя предназначалъ для богоугодныхъ дѣлъ. Казалось, онъ смотрѣлъ на громадный приносимый имъ церкви даръ не какъ на актъ благочестія, но какъ на актъ политическаго возмездія.

ГЛАВА XIII.

О выборахъ въ епископствахъ и аббатствахъ.

Послѣ того какъ церкви объднѣли, короли стали отказываться отъ своихъ избирательныхъ правъ въ епархіяхъ и другихъ духовныхъ бенефиціяхъ [5]). У нихъ было теперь менѣе заботъ по назначенію священнослужителей, и соискатели менѣе обращались къ содѣйствію ихъ власти. Въ этомъ церковь получала какъ бы вознагражденіе за тѣ имущества, которыя были у нея отняты.

---

[1]) 829 г., ст. 7, у Балюза, томъ I, стр. 663. (М.).

[2]) Законъ лонгобардовъ, кн. III, отд. III, § 8. (М.).

[3]) Ibid., § 4. (М.).

[4]) Это родъ добавочнаго духовнаго завѣщанія (кодицилла), приводимаго Эгингартомъ, отличнаго отъ самаго завѣщанія, находящагося у Гольдаста и Балюза. (М.).

[5]) См. капитулярій Карла Великаго, отъ 803 г., ст. 2, изд. Балюза, стр. 379; а также эдиктъ Людовика Благочестиваго, отъ 834 г., у Гольдаста: *Constitutions impériales*, т. I. (М.).

Если Людовикъ Благочестивый [1]) дѣйствительно предоставилъ римскому народу право избранія папъ, то это было однимъ изъ проявленій господствующаго духа того времени, который требовалъ, чтобы относительно римскаго престола поступали такъ же, какъ и относительно другихъ епископскихъ престоловъ.

ГЛАВА XIV.

О ленахъ Карла Мартела.

Не могу сказать, раздавалъ ли Карлъ Мартелъ церковныя имущества въ пожизненное или въ вѣчное ленное владѣніе. Знаю только, что во время Карла Великаго [2]) и Лотаря I [3]) существовали этого рода имущества, переходившія къ наслѣдникамъ и поступавшія между ними въ раздѣлъ.

Кромѣ того, я вижу, что часть ихъ [4]) была отдана на правѣ алодіальной собственности, а другая—леннаго владѣнія.

Я уже говорилъ, что какъ алодіальные собственники, такъ и владѣльцы леновъ одинаково подлежали военной службѣ. Несомнѣнно, это и было отчасти причиною, почему Карлъ Мартелъ раздавалъ эти имущества одинаково и въ алоды и въ лены.

ГЛАВА XV.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что такъ какъ лены были обращаемы въ церковныя имѣнія, а церковныя имѣнія въ лены, то тѣ и другіе имѣли въ своей природѣ нѣчто общее. Такъ, церковныя имущества пользовались привилегіями леновъ, а лены—привилегіями церковныхъ имуществъ. Сюда принадлежали почетныя права церкви [5]), возникшія въ разсматриваемое время. А такъ какъ эти права были соединены съ правомъ высшаго суда, въ особенности съ тѣмъ, что мы теперь называемъ леномъ, то изъ этого

---

[1]) Такъ говорится въ знаменитомъ канонѣ *Ego Ludovicus,* несомнѣнно подложномъ. См. изд. Балюза, стр. 591, подъ 817 г. (М.).

[2]) Какъ это видно изъ его капитулярія отъ 801 г., ст. 17, у Балюза, т. I, ст. 360. (М.).

[3]) См. его конституцію, включенную въ законы лонгобардовъ, кн. III, отд. I, § 44. (М.).

[4]) См. указанную выше конституцію и капитулярій Карла Лысаго, отъ 846 г., гл. XX, *in villa Sparnaco,* изд. Балюза, т. II, стр. 31; капитул., отъ 853 г., гл. III и V, на Суассонскомъ соборѣ, изд. Балюза, т. II, стр. 54; капитул. 854 г., *apud Attiniacum,* гл. X, изд. Балюза, т. II, стр. 70. См. также первый капитулярій Карла Великаго, *incerti anni,* ст. 49 и 56, изд. Балюза, т. I, стр. 519. (М.).

[5]) См. *Капитуляріи,* кн. V, ст. 44, и Пистскій эдиктъ 866 г., ст. 8 и 9, гдѣ мы находимъ почетныя права сеньеровъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ и теперь. (М.).

слѣдуетъ, что вотчинный судъ былъ установленъ въ одно время съ этими правами [1]).

ГЛАВА XVI.

Сліяніе королевскаго достоинства и должности майордома. Вторая династія.

Слѣдуя порядку изложенія предмета по его содержанію, я нарушилъ этотъ порядокъ по отношенію ко времени,—говорилъ о Карлѣ Великомъ прежде чѣмъ сказать о знаменитой эпохѣ, которую составляетъ переходъ короны къ Карловингамъ при королѣ Пипинѣ,—эпохѣ, съ точки зрѣнія отступленія событій отъ обычнаго теченія, быть-можетъ—обращающей на себя болѣе вниманія теперь, чѣмъ въ свое время.

Короли совсѣмъ не имѣли власти, но имѣли имя; санъ короля былъ наслѣдственный, а званіе майордома—выборное. Хотя майордомы въ послѣднее время сажали на престолъ того изъ Меровинговъ, кого хотѣли, они никогда не брали короля изъ другого рода, такъ что древній законъ, предоставлявшій корону опредѣленному роду, оставался неприкосновеннымъ въ сердцахъ франковъ. Личность короля была почти неизвѣстна въ монархіи, но не королевскій санъ. Сынъ Карла Мартела, Пипинъ, полагалъ, что слѣдуетъ соединить оба достоинства, при чемъ должно было оставаться сомнѣніе по вопросу о наслѣдственности или ненаслѣдственности новой монархіи; а этого было достаточно для того, кто къ королевскому достоинству присоединялъ сильную власть. Такимъ образомъ власть майордома соединилась съ властью короля. Въ сліяніи этихъ двухъ властей какъ бы сказалось своего рода примиреніе. Майордомъ былъ избираемъ, король былъ наслѣдственнымъ; корона въ началѣ правленія второй династіи была избирательной, потому что народъ избиралъ; она сдѣлалась наслѣдственной, потому что онъ избиралъ короля всегда изъ одного и того же рода [2]).

Отецъ Ле-Куантъ [3]), вопреки свидѣтельству всѣхъ памятниковъ [4]), отрицаетъ [5]), что папа далъ свое разрѣшеніе на столь важную перемѣну, и подтверждаетъ это между прочимъ соображеніемъ, что папа, въ противномъ случаѣ, совершилъ бы несправедливость. Удивительно, какъ это

---

[1]) Этой послѣдней фразы нѣтъ въ А. В.

[2]) См. завѣщаніе Карла Великаго и приведенный у Гольдаста раздѣлъ, произведенный Людовикомъ Благочестивымъ между своими дѣтьми въ собраніи сословій въ Керси: *Quem populus eligere velit, ut patri suo succedat in regni haereditate.* (М.).

[3]) Авторъ книги: Annales ecclesiastici Francorum, съ 417 по 845 годъ. Парижъ, 1665—1683, 8 томовъ in-f°.

[4]) Анонимъ на 752 г. и Chron. Centul. на 754 г. (М.).

[5]) *Fabella quae post Pippini mortem excogitata est, aequitati ac sanctitati Zachariae papae plurimum adversatur... Annales ecclesiastici Francorum,* tome II, p. 319. (М.).

историкъ основываетъ свое сужденіе о томъ, какъ люди поступали, на томъ, какъ они должны были поступать! Если бы всѣ такъ разсуждали, то не было бы и исторіи.

Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что съ той минуты, какъ герцогъ Пипинъ одержалъ побѣду, его родъ сдѣлался царствующимъ, а родъ Меровинговъ пересталъ быть таковымъ. Когда короновался королемъ его внукъ, Пипинъ, то перемѣна состояла лишь въ томъ, что однимъ обрядомъ стало больше и однимъ призракомъ меньше. Все, что онъ пріобрѣлъ, это—знаки королевскаго достоинства; въ государствѣ же не произошло никакой перемѣны.

Я говорю это, чтобы установить моментъ переворота: чтобы не впадали въ заблужденіе, принимая за переворотъ то, что было лишь слѣдствіемъ переворота.

Когда въ началѣ правленія третьей династіи короновался королевскою короною Гуго Капетъ, перемѣна была значительнѣе, потому что государство отъ анархіи перешло къ правленію, каково бы это правленіе ни было; но когда корону принималъ Пипинъ, страна переходила отъ правленія къ тому же правленію.

Когда былъ коронованъ Пипинъ, онъ перемѣнилъ только имя; но когда коронованъ былъ Гуго Капетъ, измѣнилась самая сущность предмета, такъ какъ большой ленъ, присоединенный къ коронѣ, прекратилъ анархію.

Когда былъ коронованъ королемъ Пипинъ, королевское достоинство было присоединено къ важнѣйшей въ государствѣ должности; когда былъ коронованъ Гуго Капетъ, достоинство короля было присоединено къ самому большому лену.

ГЛАВА XVII.

Особенность въ избраніи королей второй династіи.

Изъ формулы коронованія Пипина [1]) видно, что Карлъ и Карломанъ были также помазаны и благословлены, и что французскіе сеньеры обязались, подъ страхомъ интердикта и церковнаго отлученія, никогда не избирать короля изъ другого рода [2]).

Изъ завѣщанія Карла Великаго и Людовика Благочестиваго слѣдуетъ заключить что франки избирали себѣ королемъ одного изъ королевскихъ дѣтей, что вполнѣ отвѣчаетъ приведенному только что условію. Когда же имперія перешла въ другой домъ, избирательное право, которое было ограниченно и условно, сдѣлалось простымъ и безусловнымъ, и старая конституція подверглась такимъ образомъ измѣненію.

---

[1]) Томъ V, *Французскіе историки* о.о. бенедиктинцевъ, стр. 9. (М.).

[2]) *Ut nunquam de alterius lumbis regem in aevo praesumant eligere, sed ex ipsorum.* Ibid., p. 10. (М.).

Пипинъ, чувствуя приближеніе смерти, созвалъ духовныхъ и свѣтскихъ сеньеровъ въ Сенъ-Дени [1]) и раздѣлилъ свое королевство между двумя сыновьями, Карломъ и Карломаномъ. Хотя акты этого собранія не дошли до насъ, мы находимъ извѣстіе о томъ, что на немъ происходило, въ старомъ, изданномъ Канизіемъ [2]) историческомъ сборникѣ и въ Мецскихъ анналахъ, какъ это было указано Балюзомъ [3]). Я нахожу здѣсь два, нѣкоторымъ образомъ противорѣчащихъ другъ другу обстоятельства: что Пипинъ произвелъ раздѣлъ съ согласія своихъ вельможъ и, затѣмъ, что онъ сдѣлалъ это въ силу своего родительскаго права. Это доказываетъ, какъ я уже замѣтилъ, что право народа, при этой династіи, заключалось въ избраніи короля изъ королевской семьи. Собственно говоря, это было скорѣе правомъ исключенія, чѣмъ правомъ избранія.

Этотъ родъ права выбора подтверждается памятниками второй династіи. Сюда принадлежитъ и капитулярій Карла Великаго о раздѣлѣ имперіи между тремя его сыновьями, въ которомъ, опредѣливъ ихъ доли, онъ говоритъ [4]), что «если одинъ изъ трехъ братьевъ будетъ имѣть сына, котораго народъ захочетъ избрать наслѣдникомъ его отцу, дядья его должны будутъ подчиняться этому».

Это самое распоряженіе находится въ раздѣлѣ, произведенномъ Людовикомъ Благочестивымъ между его тремя сыновьями [5]), Пипиномъ, Людовикомъ и Карломъ, въ 837 г., на Ахенскомъ съѣздѣ и еще въ другомъ раздѣлѣ того же государя [6]), учиненномъ двадцатью годами раньше, между Лотаремъ, Пипиномъ и Людовикомъ. Еще можно сослаться на присягу Людовика Косноязычнаго по случаю его коронованія въ Компьенѣ. «Я, Людовикъ [7]), поставленный королемъ милостью Божіею и избраніемъ народа, обѣщаю»... Сказанное мною подтверждается актами съѣзда въ Валенсѣ [8]), созваннаго въ 890 году для избранія Людовика, сына Бозона, королемъ въ Арлѣ. Здѣсь Людовикъ былъ дѣйствительно избранъ, и какъ главные поводы къ его избранію было выставлено то, что онъ происходилъ изъ императорской семьи [9]), что Карлъ Толстый [10]) сообщилъ ему достоинство короля и что императоръ Арнульфъ утвердилъ его въ этомъ достоинствѣ силою своего скипетра и присылкою къ нему своихъ послан-

[1]) Въ 768 г. (М.).
[2]) Томъ II, Lectionis antiquae. (М.).
[3]) Изд. *Капитуляріевъ*, томъ I, стр. 188. (М.).
[4]) Въ капитул. I, 806 г., изд. Балюза, стр. 439, ст. 5. (М.).
[5]) У Гольдаста: *Constitutions impériales*, t. II, p. 19. (М.).
[6]) Изд. Балюза, стр. 574, ст. 14. *Si vero aliquis illorum decedens, legitimos filios reliquerit, non inter eos potestas ipsa dividatur; sed potius populus, pariter conveniens, unum ex eis, quem Dominus voluerit, eligat; et hunc seniore frater in loco fratris et filii suscipiat.* (М.).
[7]) Капитуляріи 877 г., изд. Балюза, стр. 272. (М.).
[8]) Dumont: *Corps diplomatique*, tome I, art. 36. (М.).
[9]) По женской линіи. (М.).
[10]) *Carolus Crassus.*

никовъ. Арльское королевство, подобно другимъ отдѣлившимся или зависимымъ отъ имперіи Карла Великаго королевствамъ, было избирательное и наслѣдственное.

ГЛАВА XVIII.

Карлъ Великій.

Карлъ Великій старался сдерживать власть дворянства въ надлежащихъ предѣлахъ и противодѣйствовать насиліямъ со стороны духовенства и свободныхъ людей. Онъ настолько умѣрилъ притязанія государственныхъ сословій, что привелъ эти послѣднія въ равновѣсіе, а самъ остался ихъ господиномъ. Все было объединено силою его генія. Онъ постоянно водилъ дворянство изъ одного похода въ другой, не оставляя ему времени для какихъ либо замысловъ, а заставляя его слѣдовать своимъ собственнымъ. Имперія держалась величіемъ своего главы: государь былъ великъ, но человѣкъ превосходилъ его. Короли, его дѣти, были первыми его подданными, орудіемъ его власти, образцомъ послушанія. Онъ издалъ прекрасныя постановленія и, мало того,—заставилъ исполнять ихъ. Его геній проникалъ во всѣ части имперіи. Въ законахъ этого государя мы находимъ духъ предусмотрительности, который все обнимаетъ, и силу, которая за собою все увлекаетъ. Поводы [1]) къ уклоненію отъ исполненія своихъ обязанностей были устраняемы, нерадѣніе подвергалось наказанію, противъ злоупотребленій принимались исправительныя или предупредительныя мѣры. Онъ умѣлъ наказывать; но онъ еще лучше умѣлъ прощать. Человѣкъ обширныхъ предначертаній, онъ былъ простъ въ исполненіи ихъ; никто еще не обладалъ въ большей мѣрѣ искусствомъ совершать величайшія дѣла легко и трудныя дѣла быстро. Онъ постоянно объѣзжалъ свою обширную имперію, входя во все, что только встрѣчалъ. Дѣла возникали со всѣхъ сторонъ, и онъ вездѣ ихъ оканчивалъ. Ни одинъ государь не умѣлъ лучше пренебрегать опасностями и ни одинъ не умѣлъ лучше избѣгать ихъ. Онъ издѣвался надъ ними, преимущественно надъ тѣми изъ нихъ, которымъ почти всегда подвергаются великіе завоеватели: я разумѣю заговоры. Этотъ удивительный государь былъ крайне умѣренъ: былъ мягкаго характера, простъ въ обращеніи и любилъ общество своихъ придворныхъ. Онъ былъ, быть-можетъ, слишкомъ доступенъ женскимъ соблазнамъ; но государь, который самъ всѣмъ управлялъ и провелъ всю жизнь въ трудахъ, заслуживаетъ нѣкотораго извиненія. Онъ наблюдалъ удивительный порядокъ въ своихъ расходахъ и управлялъ своими имуществами съ благоразуміемъ, вниманіемъ и расчетомъ; отецъ се-

---

[1]) См. капитулярій III 811 г., стр. 486, ст. 1—8; капитулярій I 812 г., стр. 490, ст. 1, и капитулярій того же года, стр. 494, ст. 9 и 11, а также и другіе. (М).

мейства могъ бы научиться [1]) изъ его законовъ, какъ слѣдуетъ управлять своимъ домомъ. Въ его Капитуляріяхъ виденъ тотъ чистый и священный источникъ, изъ котораго онъ черналъ свои богатства. Скажу только одно: онъ приказывалъ продавать яйца съ птичьихъ дворовъ своихъ имѣній и излишнюю зелень изъ своихъ садовъ [2]); а между тѣмъ онъ раздѣлилъ между своими народами всѣ богатства лонгобардовъ и несмѣтныя сокровища гунновъ, ограбившихъ весь свѣтъ.

ГЛАВА XIX.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Карлъ Великій и первые его преемники [3]) опасались, чтобы посылаемые ими въ отдаленныя провинціи правители не стали обнаруживать наклонности къ крамолѣ; они полагали, что найдутъ болѣе покорности въ духовныхъ лицахъ и потому основали въ Германіи большое число епископскихъ каѳедръ [3]) и присоединили къ нимъ большіе лены. Изъ нѣкоторыхъ хартій можно заключить, что статьи, заключавшія въ себѣ прерогативы этихъ леновъ, не отличались отъ тѣхъ, которыя обыкновенно помѣщались въ этого рода пожалованіяхъ [4]), хотя въ настоящее время главныя духовныя лица въ Германіи и облечены верховною властью. Какъ бы то ни было, но императоры выдвигали ихъ впередъ противъ саксовъ. На что они не могли расчитывать со стороны безпечныхъ и нерадивыхъ леудовъ, того, какъ имъ казалось, они должны были достигнуть, благодаря ревности и дѣятельному вниманію епископовъ, которые не только не могли возстановить противъ нихъ подчиненные народы, но, напротивъ, сами нуждались въ ихъ защитѣ противъ этихъ народовъ [5]).

ГЛАВА XX.

Людовикъ Благочестивый [6]).

Августъ, когда былъ въ Египтѣ, приказалъ вскрыть гробъ Александра [7]). Его спросили, не желаетъ ли онъ, чтобы вскрыли и гробы

---

[1]) См. капитулярій *de Villis*, 800 г.; его 2-й капитулярій 813 г., ст. 6 и 19, и книгу V *Капитуляріевъ*, ст. 303. (М.).

[2]) Капитулярій *de Villis*, ст. 39. Весь этотъ капитулярій можетъ служить образцомъ благоразумія, хорошей администраціи и экономіи. (М.).

[3]) См. между прочимъ основаніе Бременской епархіи въ капитул. 789 г., изд. Балюза, стр. 245. (М.).

[4]) Напр., запрещеніе королевскимъ судьямъ вступать на территорію вассаловъ для взысканія такъ наз. *freda* и другихъ повинностей. Объ этомъ я уже довольно говорилъ въ предыдущей книгѣ, въ гл. XX, XXI и XXII. (М.).

[5]) Въ А. В. говорится объ одномъ Карлѣ Великомъ.

[6]) Въ А. В. эта глава озаглавлена: *Преемники Карла Великаго.*

[7]) Светоній: *Augustus*, с. XVIII, Діонъ, LI, XVI.

Птоломеевъ; онъ отвѣтилъ, что хотѣлъ видѣть царя, а не мертвыхъ. Такъ и въ исторіи второй династіи мы ищемъ Пипина и Карла Великаго; мы хотимъ видѣть королей, а не мертвыхъ.

Государь, который былъ игрушкой своихъ страстей и даже жертвою собственныхъ добродѣтелей; государь, который никогда не сознавалъ ни силъ своихъ, ни слабостей, не умѣлъ внушить къ себѣ ни страха, ни любви; который съ незначительными пороками сердца обладалъ всевозможными недостатками ума,—государь этотъ принялъ въ свои руки тѣ самыя бразды имперіи, которыя держалъ Карлъ Великій.

Въ то время, когда весь міръ оплакивалъ его отца; когда всѣ въ изумленіи взываютъ къ Карлу и не находятъ его,—торопясь занять его мѣсто, онъ посылаетъ передъ собою своихъ повѣренныхъ съ приказаніемъ арестовать тѣхъ, которые способствовали безпорядочному поведенію его сестеръ. Это вызвало рядъ кровавыхъ трагедій [1]) и было дѣйствіемъ крайне поспѣшнаго неблагоразумія. Онъ сталъ мстить за семейныя преступленія, прежде чѣмъ прибылъ во дворецъ, и возбуждать противъ себя умы, прежде чѣмъ сдѣлался господиномъ [2]).

Онъ приказалъ выколоть глаза королю Италіи Бернару, своему племяннику, который явился къ нему съ мольбою о прощеніи и умеръ нѣсколько дней спустя. Тогда число его враговъ увеличилось. Вызванный этимъ страхъ побудилъ его заставить своихъ братьевъ постричься въ монахи. Слѣдствіемъ было дальнѣйшее увеличеніе числа его враговъ. Два послѣднія дѣйствія вызвали противъ него особенно сильные упреки [3]): стали говорить, что онъ нарушилъ присягу и торжественные обѣты, которые далъ отцу во время своего коронованія [4]).

По смерти императрицы Гирменгарды, отъ которой имѣлъ трехъ дѣтей, онъ женился на Юдиѳи, и отъ нея у него родился сынъ. Вслѣдъ за тѣмъ, соединяя снисходительность стараго мужа съ слабостями стараго короля, онъ внесъ безпорядокъ въ свою семью, повлекшій за собою паденіе монархіи.

Онъ безпрестанно мѣнялъ доли своихъ дѣтей; а между тѣмъ эти раздѣлы каждый разъ скрѣплялись присягою его, его дѣтей и сеньеровъ. Это значило искушать вѣрность своихъ подданныхъ, вносить путаницу, сомнѣнія и двусмысленность въ ихъ долгъ повиновенія; это значило смѣшивать различныя права государей [5]), да еще въ такое время, когда крѣ-

---

[1]) Неизвѣстный авторъ жизнеописанія Людовика Благочестиваго, въ собраніи Дюшена, томъ II, стр. 295. (М.).

[2]) Этого параграфа нѣтъ въ А. В., равно какъ и слѣдующаго.

[3]) См. протоколъ его отреченія, въ собраніи Дюшена, т. II, стр. 333. (М.).

[4]) Онъ приказывалъ ему оказывать своимъ сестрамъ, братьямъ и племянникамъ безконечное милосердіе, *indeficientem misericordiam*. Теганъ, въ собраніи Дюшена, т. II, стр. 276. (М.).

[5]) А. В. прибавляютъ: и дѣлать ихъ права неопредѣленными.

пости были рѣдки и главнѣйшимъ оплотомъ власти служила вѣрность данному и принятому слову.

Дѣти императора, стремясь удержать за собою полученное ими по раздѣлу, обращались къ духовенству за содѣйствіемъ, при чемъ предоставляли ему неслыханныя до тѣхъ поръ права. Но это были мнимыя права: они искали поручительства церкви въ дѣлѣ, для котораго хотѣли получить ея одобреніе. Агабардъ [1]) обращалъ вниманіе Людовика Благочестиваго на то, что онъ послалъ Лотаря въ Римъ для провозглашенія его императоромъ; что онъ произвелъ раздѣлъ между дѣтьми, попросивъ на то небесное благословеніе трехдневнымъ постомъ и молитвою. Что могъ сдѣлать суевѣрный государь, поражаемый самимъ суевѣріемъ? Понятно какой ударъ былъ нанесенъ верховной власти, одинъ разъ—заключеніемъ въ темницу, въ другой—публичнымъ покаяніемъ этого государя. Хотѣли унизить короля, и унизили королевскій санъ.

Съ перваго взгляда трудно понять, какимъ образомъ государь, обладавшій многими хорошими качествами, не чуждый просвѣщенія, по природѣ своей любившій добро, короче—сынъ Карла Великаго, могъ имѣть враговъ столь многочисленныхъ [2]) враговъ столь неистовыхъ и непримиримыхъ, столь страстныхъ въ своемъ желаніи искорбить его, наглыхъ въ стремленіи его унизить и рѣшительныхъ въ своемъ намѣреніи его погубить; и они два раза погубили бы его безвозвратно, если бъ его дѣти, въ дѣйствительности болѣе ихъ честные, могли слѣдовать какому-либо плану и придти къ какому-либо соглашенію [3]).

ГЛАВА XXI.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Сила, сообщенная народу Карломъ Великимъ, продолжала существовать при Людовикѣ Благочестивомъ настолько, что государство могло поддерживать свое величіе и уваженіе къ себѣ чужеземцевъ. Государь былъ слабъ умомъ, но народъ былъ воинственъ. Авторитетъ власти падалъ внутри государства, но извнѣ казался все тѣмъ же.

Карлъ Мартелъ, Пипинъ и Карлъ Великій одинъ за другимъ управляли монархіей. Первый потакалъ алчности военныхъ, два другіе—алчности духовенства; Людовикъ же Благочестивый вызвалъ неудовольствіе и въ томъ и въ другомъ сословіи [4]).

---

[1]) См. его письма. (М.).

[2]) См. протоколъ его отреченія въ собраніи Дюшена, т. II, стр. 331. См. также его жизнеописаніе, составленное Теганомъ. *Tanto enim odio laborabat, ut taederet eos vita ipsius,* говоритъ неизвѣстный авторъ у Дюшена, томъ II, стр. 307. (М.).

[3]) Послѣдняго параграфа нѣтъ въ А. В.

[4]) А. В. Дѣти Людовика Благочестиваго возбуждали честолюбіе въ томъ и другомъ.

Сообразно государственному строю Франціи, вся власть находилась въ рукахъ короля, дворянства и духовенства. Карлъ Мартелъ, Пипинъ и Карлъ Великій иногда соединяли свои интересы съ интересами одной изъ этихъ сторонъ, чтобы сдержать третью, но чаще всего дѣйствовали заодно съ обѣими; Людовикъ же Благочестивый разошелся съ обоими сословіями [1]). Онъ возстановилъ противъ себя епископовъ постановленіями, которыя они почитали слишкомъ суровыми, потому что онъ шелъ въ нихъ дальше, чѣмъ они сами хотѣли.

Бываютъ очень хорошіе законы, но которые появляются не кстати. Епископы, привыкшіе ходить на войну противъ саррациновъ и саксовъ, были чужды монашескаго духа [2]). Съ другой стороны, потерявъ всякое довѣріе къ своему дворянству, государь этотъ возвышалъ людей изъ ничтожества [3]); лишалъ его должностей, устранялъ отъ двора и призывалъ чужеземцевъ [4]). Онъ отдѣлился отъ этихъ двухъ сословій, и былъ ими покинутъ.

ГЛАВА XXII [5]).

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Но что больше всего ослабило монархію—это то, что Людовикъ Благочестивый расточилъ коронныя имущества [6]). Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ выслушать Нитара, одного изъ наиболѣе разсудительныхъ нашихъ историковъ, внука Карла Великаго, принадлежавшаго къ партіи Людовика Благочестиваго и писавшаго исторію по приказанію Карла Лысаго.

Онъ говоритъ, что «въ продолженіе нѣкотораго времени нѣкто Адельгардъ имѣлъ столь сильное вліяніе на государя, что тотъ подчинялся во всемъ его волѣ; что, по внушенію этого любимца, онъ раздавалъ [7]) казен-

---

[1]) А. В. «Но дѣти Людовика Благочестиваго отдалили отъ короля оба эти сословія, и авторитетъ короля оказался слишкомъ слабымъ».

Этимъ заканчивается глава. Все, что затѣмъ слѣдуетъ, было прибавлено въ послѣднемъ изданіи.

[2]) «На ту пору епископы и церковнослужители стали покидать пояса и золотыя перевязи, привѣшенныя къ нимъ, и осыпанные драгоцѣнными камнями ножи, изысканныя одежды, шпоры, роскошь которыхъ отягощала ихъ каблуки. Но врагъ рода человѣческаго не потерпѣлъ такого благочестія, которое воздвигло противъ себя духовныхъ всѣхъ званій и вступило съ самимъ собою въ войну». Неизвѣстный авторъ житія Людовика Благочестиваго, въ собраніи Дюшена, т. II, стр. 298. (М.).

[3]) Теганъ говоритъ, что то, что случалось очень рѣдко при Карлѣ Великомъ, стало обычнымъ при Людовикѣ. (М.).

[4]) Желая обуздать дворянство, онъ взялъ къ себѣ въ качествѣ chambrier нѣкоего Бенара, который довершилъ отчаяніе этого дворянства. (М.).

[5]) Этой главы нѣтъ въ А. В.

[6]) *Villas regias, quae erant sui et avi et tritavi, fidelibus suis tradidit eas in possessiones sempiternas: fecit enim hoc diu tempore.* Tegan, *de Gestis Ludovici Pii.* (М.).

[7]) *Hinc libertates, hinc publica in propriis usibus distribuere suasit.* Nitard. Кн. IV, въ концѣ. (М.).

ныя имущества всѣмъ, кто только желалъ, и этимъ привелъ государство въ совершенный упадокъ» [1]). И такъ, онъ сдѣлалъ во всемъ государствѣ то, что сдѣлалъ раньше, какъ я уже сказалъ [2]), въ Аквитаніи. Но тогда ошибка его была исправлена Карломъ Великимъ; теперь же исправить ее было некому.

Государство было доведено до того истощенія, въ которомъ нашелъ его Карлъ Мартелъ, когда сдѣлался майордомомъ, и обстоятельства были такого рода, что не могло быть и рѣчи о возстановленіи порядка какимъ-нибудь энергичнымъ мѣропріятіемъ власти.

Казна оказалась до такой степени истощенной, что при Карлѣ Лысомъ пришлось отмѣнить всѣ почетныя должности [3]); безопасность пріобрѣталась только за деньги: когда можно было уничтожить норманновъ [4]), имъ за деньги давали возможность уйти, и первый совѣтъ, какой Гинкмаръ даетъ Людовику Косноязычному, это—потребовать у народнаго собранія средствъ для содержанія своего дома.

ГЛАВА XXIII.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Духовенству пришлось раскаяться въ покровительствѣ, оказанномъ имъ дѣтямъ Людовика Благочестиваго. Этотъ государь никогда не раздавалъ мірянамъ церковныхъ имуществъ [5]), тогда какъ Лотарь въ Италіи и Пишинъ въ Аквитаніи скоро перестали слѣдовать въ этомъ отношеніи примѣру Карла Великаго, чтобы вернуться къ практикѣ Карла Мартела. Духовенство прибѣгло къ защитѣ императора противъ его дѣтей; но оно само ослабило ту власть, къ которой теперь обращалось. Аквитанія согласилась на нѣкоторыя уступки, но Италія отказала въ повиновеніи.

Междоусобныя войны, терзавшія существованіе Людовика Благочестиваго, послужили зародышемъ тѣхъ, которыя слѣдовали послѣ его смерти. Три брата,—Лотарь, Людовикъ и Карлъ, старались, каждый съ своей стороны, привлечь знатныхъ людей въ свою партію и создать себѣ приверженцевъ. Тѣмъ, которые соглашались за ними слѣдовать, они давали прецепціи на церковныя имущества; а чтобы расположить къ себѣ дворянство, они предоставили духовенство его произволу.

Изъ капитуляріевъ [6]) мы видимъ, что эти государи должны были уступать назойливымъ просьбамъ своихъ сторонниковъ, и что у нихъ часто

[1]) *Rempublicam penitus annullavit.* Nitard. Кн. IV, въ концѣ. (М.).

[2]) См. кн. XXX, гл. XIII. (М.).

[3]) Гинкмаръ, 1-е письмо къ Людовику Косноязыч. (М.).

[4]) См. отрывокъ изъ хроники монастыря св. Сергія Анжерскаго, у Дюшена, т. II, стр. 401. (М.).

[5]) См., что говорятъ епископы на синодѣ 845 г., *apud Teudonis villam*, ст. 4. (М.).

[6]) См. соборъ 845 г., *apud Teudonis villam*, ст. 3 и 4, которыя даютъ

вырывали насильно то, чего они не хотѣли давать добровольно. Изъ нихъ также видно, что само духовенство полагало, что терпитъ притѣсненія болѣе со стороны дворянства, чѣмъ королей. Повидимому Карлъ Лысый [1]) болѣе другихъ посягалъ на имущество духовенства, потому ли, что былъ противъ него наиболѣе раздраженъ за то, что, по поводу его, оно унизило его отца, или потому, что онъ былъ трусливѣе другихъ. Какъ бы то ни было, капитуляріи [2]) обнаруживаютъ постоянныя распри между духовенствомъ, которое требовало своего имущества, и дворянствомъ, которое уклонялось или откладывало его возвращеніе, тогда какъ короли находились между противниками. Положеніе вещей въ то время представляетъ поистинѣ жалкое зрѣлище. Одновременно Людовикъ Благочестивый раздавалъ церквамъ обширныя коронныя имущества, а его дѣти дѣлили имущества духовенства между мірянами. Часто одна и та же рука основывала новыя аббатства и грабила старыя. Духовенство не имѣло прочнаго положенія: отъ него отбирали имущества, оно ихъ пріобрѣтало снова; но корона всегда только теряла.

Къ концу царствованія Карла Лысаго и со времени этого царствованія, не было больше рѣчи о распряхъ между духовенствомъ и мірянами по вопросу о возвращеніи церковныхъ имуществъ. Правда, епископы приносили еще отъ времени до времени жалобы по этому поводу Карлу Лысому: мы находимъ ихъ въ капитуляріи 856 г. и въ письмѣ [3]) къ Людовику Нѣмецкому, отъ 858 г.; но дѣлая предложенія и ссылаясь на обѣщанія, отъ которыхъ противная сторона уже такъ часто уклонялась, они, видимо, потеряли всякую надежду на ихъ осуществленіе.

Рѣчь шла только объ исправленіи зла, причиненнаго церкви и госу-

---

очень хорошее описаніе современнаго положенія, а равно соборъ, засѣдавшій въ Вернскомъ дворцѣ, въ томъ же году, ст. 12; также соборъ въ Бове, того же года, ст. 3, 4 и 6; еще—капитулярій *in villa Sparnaco*, 846 г., ст. 20, и письмо, написанное епископами, собравшимися въ Реймсѣ, въ 858 г., Людовику Нѣмецкому, ст. 8. (М.).

[1]) См. капитулярій *in villa Sparnaco*, 846 г. Дворянство возбудило гнѣвъ короля противъ епископовъ, такъ что онъ прогналъ ихъ съ собранія. Выбравъ нѣсколько соборныхъ каноновъ, имъ объявили, что будутъ соблюдаемы одни только эти каноны. Такимъ образомъ имъ уступили только то, въ чемъ нельзя было отказать. См. ст. 20, 21 и 22. См. также письмо, написанное собравшимися епископами въ 858 г., Людовику Нѣмецкому, ст 8; Пистскій эдиктъ 864 г., ст. 5. (М.).

[2]) См. тотъ же капитулярій, отъ 846 г., *in villa Sparnaco*; см. также капитулярій собранія *apud Marsnam*, 847 г., ст. 4, въ которомъ духовенство усиленно настаивало на возвращеніе ему всего, чѣмъ оно владѣло въ царствованіе Людовика Благочестиваго. См. также капитулярій 851 г., *apud Marsnam*, ст. 6 и 7, который утверждаетъ дворянство и духовенство въ ихъ владѣніяхъ, и капитул. *apud Bonoilum* 856 г., составляющій заявленіе епископовъ королю о томъ, что зло, вопреки изданію многихъ законовъ, все остается не исправленнымъ, и, наконецъ, письмо, написанное собравшимися въ Реймсѣ епископами въ 858 г., Людовику Нѣмецкому, ст. 8. (М.).

[3]) Ст. 8. (М.).

дарству [1]) вообще. Короли обязались не отнимать впредь у леудовъ ихъ свободныхъ людей и не давать болѣе преценцій на церковныя имущества [2]), такъ что духовенство и дворянство, казалось, снова пришли къ соглашенію обоюдныхъ интересовъ.

Страшныя опустошенія, произведенныя норманнами, какъ я уже сказалъ [3]), много способствовали прекращенію этой распри.

Короли съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряли общественное къ себѣ довѣріе и по причинамъ, о которыхъ я говорилъ, и по другимъ еще, о которыхъ я скажу, не нашли ничего лучшаго, какъ отдаться въ руки духовенства. Но духовенство истощило королей и въ свою очередь было ими истощено.

Напрасно Карлъ Лысый и его преемники обращались къ духовенству [4]), чтобы оно поддержало государство и воспрепятствовало его паденію; напрасно старались они воспользоваться уваженіемъ, которое народы питали къ этому сословію [5]), чтобы поддержать уваженіе къ себѣ самимъ; напрасно старались сообщить авторитетъ своимъ законамъ, опираясь на авторитетъ каноновъ [6]); напрасно присоединяли церковныя показанія къ показаніямъ гражданскимъ [7]); напрасно, съ цѣлью создать противовѣсъ власти графа, давали они всякому епископу званіе ихъ посланнаго въ провинціи [8]),—духовенство было не въ силахъ исправить содѣянное имъ зло, и удивительное несчастье, о которомъ я скоро скажу, сдѣлало то, что корона упала на землю.

---

[1]) См. капитулярій 851 г., ст. 6 и 7. (М.)

[2]) Карлъ Лысый сказалъ на Суассонскомъ соборѣ, что обѣщалъ епископамъ не давать болѣе преценцій на церковныя имущества. Капитулярій 853 г., ст. 11, изд. Балюза, т. II, ст. 56. (М.).

[3]) См. выше, гл. X.

[4]) См. у Нитара, въ кн. IV, какъ, послѣ бѣгства Лотаря, короли Людовикъ и Карлъ совѣщались съ епископами о томъ, могутъ ли они взять и подѣлить между собою королевство, которое онъ оставилъ. И дѣйствительно, такъ какъ епископы составляли между собою болѣе сплоченное цѣлое, чѣмъ леуды, то и слѣдовало этимъ государямъ утвердить свои права силою постановленія епископовъ, которые могли побудить всѣхъ другихъ сеньеровъ слѣдовать за собою. (М.). Примѣчаніе послѣдняго изданія.

[5]) См. капитулярій Карла Лысаго, *apud Saponarias*, 859 г., гл. III. «Венилонъ, котораго я сдѣлалъ архіепископомъ въ Сансѣ, помазалъ меня на царство, и никто не могъ выгнать меня изъ королевства, *saltem sine audientia et judicio episcoporum, quorum ministerio in regem sum consecratus, et qui throni Dei sunt dicti, in quibus Deus sedet, et per quos sua decernit judicia; quorum paternis correctionibus et castigatoriis judiciis me subdere fui paratus, et in praesenti sum subditus*». (М.).

[6]) См. капит. Карла Лысаго, *de Carisiaco*, 857 г., изд. Балюза, т. II, стр. 88, ст. 1, 2, 3, 4 и 7. (М.).

[7]) См. соборъ въ Пистѣ 862 г., ст. 4, и капитулярій Карломана и Людовика II, *apud Vernis palatium*, 883 г., ст. 4 и 5. (М.).

[8]) Капитулярій 876 г., при Карлѣ Лысомъ, *in Synodo Pontigonensi*, изд. Балюза, ст. 12. (М.).

ГЛАВА XXIV.

О томъ, что свободные люди пріобрѣли право владѣть ленами.

Я уже говорилъ, что свободные люди выходили на войну подъ предводительствомъ своего графа, а вассалы—своего сеньера. Благодаря этому, государственныя сословія взаимно другъ друга уравновѣшивали, и хотя леуды имѣли подвластныхъ себѣ вассаловъ, они тѣмъ не менѣе могли быть сдерживаемы графомъ, который стоялъ во главѣ всѣхъ свободныхъ людей монархіи.

Первоначально [1]) эти свободные люди не могли искать леновъ, но впослѣдствіи они получили это право. По-моему, это произошло въ періодъ времени между царствованіемъ Гунтрама и Карла Великаго. Я доказываю это сравненіемъ договора въ Андели [2]), заключеннаго между Гунтрамомъ, Хильдебертомъ и королевой Брунегильдой, и раздѣломъ, совершеннымъ Карломъ Великимъ между его дѣтьми, а равно сходнымъ раздѣломъ Людовика Благочестиваго [3]). Эти три документа содержатъ въ себѣ почти одинаковыя постановленія относительно вассаловъ, и такъ какъ въ нихъ имѣются въ виду одни и тѣ же обстоятельства, приблизительно при одинаковыхъ условіяхъ, то всѣ эти три трактата по духу и буквѣ въ этомъ отношеніи почти тождественны.

Но что касается свободныхъ людей, то различіе между ними весьма существенно. Договоръ въ Андели совсѣмъ не упоминаетъ о тотъ, чтобы они могли искать леновъ, тогда какъ въ раздѣльныхъ актахъ Карла Великаго и Людовика Благочестиваго есть особыя статьи, по которымъ имъ предоставляется это право. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что, послѣ договора въ Андели, вошелъ въ употребленіе новый обычай, предоставившій свободнымъ людямъ пользоваться этимъ важнымъ преимуществомъ.

Это должно было произойти въ то время, когда Карлъ Мартелъ, раздавъ церковныя имущества своимъ воинамъ, частью въ качествѣ леновъ, частью въ качествѣ алодовъ, произвелъ родъ переворота въ феодальныхъ законахъ. По всей вѣроятности, благородные, имѣвшіе уже лены, нашли болѣе для себя выгоднымъ получить новыя пожалованія какъ алодъ, а свободные люди были очень счастливы уже тѣмъ, что могли получать ихъ какъ ленъ.

---

[1]) См. сказанное мною выше, въ концѣ послѣдней главы XXX книги. (М.).

[2]) 587 года, у Григорія Турскаго, кн. IX. (М.).

[3]) См. слѣдующую главу, въ которой болѣе пространно говорится объ этихъ раздѣлахъ, и ссылки на нихъ въ примѣчаніяхъ. (М.)

ГЛАВА XXV.

Главная причина упадка второй династіи. Перемѣна въ алодіальной системѣ.

Въ раздѣльномъ актѣ, о которомъ говорилось въ предшествующей главѣ [1]), Карлъ Великій постановилъ, чтобы послѣ его смерти вассалы получали бенефиціи въ королевствѣ своего, а не чужого короля [2]); но чтобы удерживали свои алоды, въ какомъ бы королевствѣ эти послѣдніе ни находились. Онъ прибавляетъ, что всякій свободный человѣкъ можетъ, по смерти своего сеньера, искать лена въ трехъ королевствахъ, у кого пожелаетъ, точно также какъ и тотъ, кто никогда не имѣлъ сеньера [3]). То же распоряженіе находится въ раздѣльномъ актѣ, совершенномъ Людовикомъ Благочестивымъ между его дѣтьми въ 817 г. [4]).

Хотя свободные люди и искали леновъ, милиція графа отъ этого не стала слабѣе, такъ какъ попрежнему требовалось, чтобы свободный человѣкъ несъ повинность за свой алодъ и ставилъ людей на службу, по одному съ четырехъ дворовъ; или чтобъ поставилъ человѣка, который исполнялъ бы его ленныя обязанности. Когда же въ это дѣло вкрадывались злоупотребленія, то ихъ исправляли, какъ это видно изъ постановленій [5]) Карла Великаго и короля Италіи [6]) Пипина, взаимно объясняющихъ другъ друга.

Мнѣніе историковъ, что битва при Фонтенэ была причиною паденія монархіи, совершенно вѣрно; но я позволю себѣ указать на нѣкоторыя роковыя послѣдствія этого событія.

Вскорѣ послѣ этой битвы, три брата Лотарь, Людовикъ и Карлъ, заключили договоръ, нѣкоторыя статьи котораго должны были измѣнить весь государственный строй французовъ [7]).

Въ манифестѣ [8]), сообщавшемъ народу ту часть договора, которая его касалось, Карлъ говоритъ, что всякому свободному человѣку предоста-

---

[1]) Въ 806 г. между Карломъ, Пипиномъ и Людовикомъ. Приведенъ у Гольдаста, а также у Балюза, т. I, стр. 439. (М.).

[2]) Ст. 9, стр. 443. что вполнѣ согласно съ договоромъ въ Андели, у Григорія Турскаго, кн. IX. (М.).

[3]) Ст. 10. Объ этомъ ничего не говорится въ договорѣ въ Андели. (М.).

[4]) У Балюза, т. I, стр. 174. *Licentiam habeat unusquisque liber homo qui seniorem non habuerit, cuicumque ex his tribus fratribus voluerit, se commendandi*, ст. 9. См. также раздѣлъ, произведенный тѣмъ же императоромъ 837 г., ст. 6, изд. Балюза, стр. 686. (М.).

[5]) 811 г., изд. Балюза, т. I, стр. 486, ст. 7 и 8; а равно 812 г., ibid., стр. 490, ст. 1. *Ut omnis liber homo qui quatuor mansos vestitos de proprio suo, sive de alicujus beneficio habet, ipse se praeparet, et ipse in hostem pergat, sive cum seniore suo*, etc. См. капит. 807 г., изд. Балюза, т. I, стр. 458. (М.).

[6]) 793 г., включено въ законъ лонгобарговъ, кн. III, отд. IX, гл. IX. (М.).

[7]) Въ 847 году, приведенъ Одеромъ-ле-Миръ и у Балюза, т. II, стр. 42. *Conventus apud Marsnam.* (М.).

[8]) *Adnunciatio.* (М.).

вляется избирать сеньеромъ, кого захочетъ — короля или кого-либо изъ сеньеровъ [1]). До этого договора, свободный человѣкъ могъ искать лена, но его алодъ находился всегда подъ непосредственной властью короля, то-есть былъ подчиненъ юрисдикціи графа; отъ сеньера же онъ зависѣлъ лишь въ отношеніи лена, который отъ него получилъ. Но со времени этого договора всякій свободный человѣкъ могъ подчинить свой алодъ королю или другому сеньеру по своему свободному выбору. При этомъ рѣчь шла не о тѣхъ, которые желали получить ленъ, а о тѣхъ, которые хотѣли обратить свой алодъ въ ленъ, которые, такъ сказать, уходили изъ гражданской юрисдикціи и вступали подъ власть короля или сеньера по собственному выбору.

Такимъ образомъ, тѣ, которые въ прежнее время находились непосредственно подъ властью короля, въ качествѣ свободныхъ, предводимыхъ графомъ людей, незамѣтнымъ образомъ стали вассалами другъ друга, такъ какъ всякій свободный человѣкъ могъ избирать себѣ сеньеромъ, кого хотѣлъ—короля или другого сеньера.

Когда человѣкъ обращалъ въ ленъ землю, которая находилась въ его вѣчномъ владѣніи, то этотъ ленъ не могъ быть болѣе пожизненнымъ. Поэтому мы видимъ, вскорѣ за тѣмъ, общій законъ о передачѣ леновъ дѣтямъ ихъ владѣльцевъ; онъ былъ изданъ Карломъ Лысымъ, однимъ изъ трехъ участниковъ договора [2]).

То, что я сказалъ о свободѣ, предоставленной всякому человѣку въ монархіи, со времени договора между тремя братьями, выбирать себѣ сеньеромъ, по желанію, короля или другого сеньера, подтверждается многими позднѣйшими актами.

Во времена Карла Великаго, когда вассалъ получалъ что-либо отъ сеньера, то не могъ ужъ болѣе его покинуть [3]), если бъ даже полученная вещь не стоила болѣе одного су. Но при Карлѣ Лысомъ вассалы могли безнаказанно слѣдовать своимъ интересамъ и влеченіямъ, и этотъ государь выражается на этотъ счетъ такъ рѣшительно, что кажется, будто онъ скорѣе предлагаетъ имъ пользоваться этой свободой, чѣмъ ограничивать ее [4]). Во время Карла Великаго бенефиціи были скорѣе личными,

---

[1]) *Ut unusquisque liber homo in nostro regno seniorem quem voluerit, in nobis et in nostris fidelibus, accipiat.* Ст. 2 манифеста Карла.

[2]) Капитулярій 877 г., отд. LIII, ст. 9 и 10, *apud Carisiacum. Similiter et de nostris vassalis faciendum est,* etc. Этотъ капитулярій ссылается на другой того же года и мѣста, ст. 3. (М.).

[3]) Капитулярій въ Аxенѣ 813 г., ст. 16. *Quod nullus seniorem suum dimittat, postquam ab eo acceperit valente soludum unum.* Также капитулярій Пипина, 785 г., ст. 5. (М.).

[4]) См. капитулярій *de Carisiaco* 856 г., ст. 10 и 13, изд. Балюза, т. II. стр. 83, въ которомъ король и свѣтскіе и духовные сеньеры пришли къ слѣдующему соглашенію: *Et si aliquis de vobis talis est cui suus senioratus non placet, et illi simulat ut ad alium seniorem melius quam ad illum acaptare possit, veniat ad illum, et ipse tranquille et pacifico animo donet illi commea-*

чѣмъ вещественными; впослѣдствіи онѣ сдѣлались болѣе вещественными, чѣмъ личными.

ГЛАВА XXVI.

Измѣненія въ ленахъ.

Въ ленахъ произошли не меньшія измѣненія, чѣмъ въ алодахъ. Изъ капитулярія, даннаго въ Компьенѣ, при королѣ Пипинѣ [1]) видно, что тѣ, которые получали бенефиціи отъ короля, раздавали ихъ частью вассаламъ; но что отдѣленныя такимъ образомъ части не отличались отъ цѣлаго: отбирая все, король отбиралъ и ихъ, и если умиралъ леудъ, вассалъ терялъ пріобрѣтенный отъ него ленъ. Являлся новый владѣлецъ бенефиціи, который ставилъ своихъ подвассаловъ. Такимъ образомъ, подленъ не зависѣлъ отъ лена, — зависѣло лицо. Съ одной стороны, подвассалъ возвращался къ королю, потому что не былъ навсегда связанъ съ вассаломъ; и подленъ также возвращался къ королю, потому что былъ тѣмъ же леномъ, а не частью его.

Таковы были подвассальныя отношенія, когда лены были временными; они оставались такими и послѣ того, какъ лены сдѣлались пожизненными; но это измѣнилось, когда лены, а съ ними и подлены, стали переходить къ наслѣдникамъ. То, что раньше находилось въ непосредственной зависимости отъ короля, теперь зависѣло отъ него черезъ посредство третьихъ лицъ, и королевская власть оказалась, такъ сказать, спустившеюся на одну и двѣ ступени, а часто и болѣе.

Изъ Книгъ Леновъ [2]) видно, что хотя королевскіе вассалы могли давать земли въ ленъ, т.-е. въ подленъ короля, но эти подвассалы, или мелкіе вассалы вассаловъ (petits vavasseurs) уже не могли раздавать леновъ, такъ что все, что они давали, они во всякое время могли взять обратно. Кромѣ того, подобная уступка не переходила къ дѣтямъ какъ ленъ, потому что не считалась совершенною по законамъ о ленахъ.

Если мы станемъ сравнивать подвассальныя отношенія за время, въ которое два миланскихъ сенатора писали свои Книги Леновъ, съ подвассальными отношеніями эпохи короля Пипина, то найдемъ, что подлены дольше сохранились въ своемъ первоначальномъ видѣ, чѣмъ лены [3]).

Но когда писали эти два сенатора, существовали уже исключенія изъ этого правила, настолько общія, что само правило было ими почти уни-

---

tum... et quod Deus illi cupierit, et ad alium seniorem acaptare potuerit, pacifice habeat. (М.).

[1]) Въ 757 г., ст. 6, изд. Балюза, стр. 181. (М.).

[2]) *Livres des Fiefs*, кн. I, гл. I. (М.).

[3]) По крайней мѣрѣ, въ Италіи и Германіи. (М.).

чтожено. Такъ, если человѣкъ, получившій свой ленъ отъ малаго вассала, сопровождалъ этого послѣдняго въ походѣ въ Римъ, то пріобрѣталъ всѣ права вассала; точно такъ же, если онъ ссужалъ малаго вассала деньгами, чтобы получить отъ него ленъ, малый вассалъ не могъ взять у него ленъ обратно, и даже помѣшать ему передать свой ленъ сыну впредь до возвращенія ему денегъ [1]). Наконецъ, это правило не соблюдалось болѣе миланскимъ сенатомъ [2]).

ГЛАВА XXVII.

Другое измѣненіе въ ленахъ.

При Карлѣ Великомъ [3]) всѣ должны были являться по призыву на какую бы то ни было войну подъ страхомъ тяжкихъ наказаній. При этомъ не принималось никакихъ отговорокъ, и самъ графъ подвергся бы наказанію, если бы освободилъ кого-нибудь отъ этой обязанности. Но договоръ трехъ братьевъ допустилъ въ этомъ случаѣ исключеніе [4]), которое, такъ сказать, вырвало дворянство изъ рукъ короля [5]): обязанность слѣдовать на войну за королемъ сохранялась только на случай оборонительной войны; во всѣхъ другихъ предоставлялось всякому идти за своимъ сеньеромъ или заниматься собственными дѣлами. Этотъ договоръ [6]) имѣетъ отношеніе къ другому, заключенному за пять лѣтъ передъ тѣмъ между Карломъ Лысымъ и Людовикомъ, королемъ нѣмецкимъ; по послѣднему договору оба брата освобождали своихъ вассаловъ отъ обязанности слѣдовать за собою на войну, въ случаѣ они предпримутъ что-либо другъ противъ друга. Они присягнули въ этомъ сами и заставили присягнуть оба войска [7]).

Гибель ста тысячъ французовъ въ битвѣ при Фонтенэ внушила оставшемуся еще дворянству [8]) мысль, что частныя распри его королей по поводу раздѣла могутъ привести къ совершенному его уничтоженію; что ихъ честолюбіе и зависть прольютъ всю кровь, какая только оставалась. Поэтому изданъ былъ законъ о томъ, что дворянство не обязано слѣдовать за своими государями на войну иначе какъ въ случаѣ защиты го-

---

[1]) Первая кн. *Леновъ*, гл. I. (М.).

[2]) *Ibid.* (М.).

[3]) Капитулярій 802 г., ст. 7, изд. Балюза, стр. 365. (М.).

[4]) *Apud Marsnam*, въ 847 г., ст. 7, изд. Балюза, стр. 365. (М.).

[5]) *Volumus ut cujuscumque nostrum homo, in cujuscumque regno sit, cum seniore suo in hostem, vel aliis suis utilitatibus, pergat; nisi talis regni invasio quam Lamtuveri dicunt, quod absit, acciderit, ut omnis populus illius regni ad eam repellendam communiter pergat.* Art. 5, *ibid.*, p. 44. (М.).

[6]) Вся эта фраза была прибавлена въ послѣднемъ изданіи.

[7]) *Apud Argentoratum*, у Балюза, *Капитулярій*, т. II, стр. 39. (М.).

[8]) Дѣйствительно, договоръ этотъ былъ дѣломъ дворянства. См. Нитара, кн. IV. (М.).

сударства отъ иноземнаго нашествія. Законъ этотъ соблюдался въ продолженіе многихъ столѣтій [1]).

ГЛАВА XXVIII.

Измѣненія въ большихъ должностяхъ и ленахъ.

Казалось, будто все приняло ложное направленіе и въ то же время стало приходить въ состояніе разложенія. Я уже говорилъ, что первоначально многіе лены были отчуждены въ вѣчное владѣніе; но то были отдѣльные случаи, въ общемъ же лены оставались вѣрными своей природѣ, и если корона и теряла лены, то она замѣняла ихъ другими. Я говорилъ еще, что корона никогда еще не отчуждала большихъ должностей въ вѣчное владѣніе [2]).

Но Карлъ Лысый издалъ общее постановленіе, которое одинаково повліяло и на большія должности и на лены. Въ своихъ капитуляріяхъ онъ установилъ, что графства будутъ передаваемы дѣтямъ графовъ, и чтобы это распоряженіе было также распространено и на лены [3]).

Мы сейчасъ увидимъ, что оно получило дальнѣйшее распространеніе, такъ что большія должности и лены стали переходить къ болѣе отдаленнымъ родственникамъ. Слѣдствіемъ было то, что большинство сеньеровъ, зависѣвшихъ раньше непосредственно отъ короны, стали къ ней въ зависимость лишь черезъ посредство третьяго лица. Тѣ самые графы, которые въ прежнее время творили судъ въ королевскихъ судебныхъ собраніяхъ, которые водили свободныхъ людей на войну, теперь заняли мѣсто между королемъ и его свободными людьми, и королевская власть спустилась еще на одну ступень ниже.

Мало этого: изъ капитуляріевъ можно заключить, что у графовъ были бенефиціи, соединенныя съ ихъ графствомъ, и зависѣвшіе отъ нихъ вассалы [4]). Когда графства сдѣлались наслѣдственными, эти вассалы перестали быть непосредственными вассалами короля; графы же выиграли въ могуществѣ, потому что, имѣя своихъ вассаловъ, они получили возможность пріобрѣтать черезъ нихъ новыхъ вассаловъ.

---

[1]) См. законъ римскаго короля Гвидо между тѣми, которые были присоединены къ закону салическому и закону лонгобардовъ, отд. VI, § 2, у Эшара. (М.).

[2]) Нѣкоторые авторы говорили, что графство Тулузское было дано Карломъ Мартеломъ и отъ наслѣдника къ наслѣднику дошло до послѣдняго представителя рода Раймондовъ. Если это такъ, то это было слѣдствіемъ какихъ-либо обстоятельствъ, побуждавшихъ избирать тулузскихъ графовъ между дѣтьми послѣдняго владѣльца. (М.).

[3]) См. его капитулярій 877 г., отд. LIII, ст. 9 и 10, *apud Carisiacum*. Этотъ капитулярій относится къ другому, того же года и мѣста, ст. 3. (М.).

[4]) Капитулярій III, 812 г., ст. 7, и капит. 815 г., ст. 6, объ испанцахъ; собраніе *Капитуляріевъ*, кн. V, ст. 288; капит. 869 г., ст. 2, и капит. 877 г., ст. 13, изд. Балюза. (М.).

Чтобы лучше понять, до какой степени этотъ порядокъ способствовалъ ослабленію власти въ концѣ второй династіи, стоитъ только обратить вниманіе на положеніе вещей въ началѣ третьей династіи, когда размноженіе подленовъ привело большихъ вассаловъ въ отчаяніе.

Въ королевствѣ существовалъ такого рода обычай, что старшіе братья, подѣлившись съ младшими, принимали [1]) отъ нихъ ленную присягу, такъ что господствующій сеньеръ (seigneur dominant) держалъ ихъ уже какъ подленниковъ. Филиппъ-Августъ, герцогъ Бургундскій, графы Неверскій, Булонскій, Сенъ-Польскій, Дампіерскій и другіе сеньеры объявили, что впредь лены, при раздѣлѣ ихъ между наслѣдниками или какимъ инымъ способомъ, будутъ всегда считаться зависимыми отъ одного и того же сеньера, безъ всякаго посредствующаго сеньера [2]). Хотя этотъ указъ и не получилъ общаго примѣненія, потому что, какъ я уже сказалъ въ другомъ мѣстѣ, изданіе общихъ указовъ [3]) было въ то время немыслимо, тѣмъ не менѣе многіе изъ нашихъ обычаевъ сообразовались съ нимъ.

ГЛАВА XXIX.

О природѣ леновъ со времени Карла Лысаго.

Я уже сказалъ, что Карломъ Лысымъ было постановлено, чтобы, въ случаѣ если владѣлецъ большой должности или лена оставитъ послѣ себя сына, должность или ленъ переходили къ этому послѣднему. Было бы затруднительно прослѣдить развитіе возникшихъ отсюда злоупотребленій и размѣры примѣненія этого закона въ отдѣльныхъ странахъ. И нахожу въ Книгахъ Леновъ [4]), что въ началѣ царствованія императора Конрада II лены въ подвластныхъ ему странахъ не переходили къ внукамъ; они переходили только къ тому изъ дѣтей послѣдняго владѣльца, котораго избиралъ [5]) самъ сеньеръ. Такимъ образомъ лены давались какъ бы по выбору, дѣлаемому сеньеромъ между дѣтьми бывшаго владѣльца.

Я объяснилъ въ главѣ XVII этой книги, какимъ образомъ, при второй династіи, корона сдѣлалась въ однихъ отношеніяхъ избирательной, а въ другихъ наслѣдственной. Она была наслѣдственной, потому что королей брали всегда изъ этой династіи, и еще потому, что наслѣдовали дѣти; она была избирательной, потому что народъ избиралъ между дѣтьми. Такъ какъ явленія между собою мало-по-малу сближаются, и одинъ по-

---

[1]) Какъ это видно въ «Дѣяніяхъ Фридриха» Оттона Фрейзинга, кн. II, гл. XXIX. (М.).

[2]) См. указъ Филиппа-Августа 1209 г., въ новомъ сборникѣ указовъ, Лоріера. (М.).

[3]) Выше, кн. XXVIII, гл. XLV.

[4]) Livres des Fiefs: liv. I, tit. I. (М.).

[5]) *Sic progressum est, ut at filios deveniret in quem dominus hoc vellet beneficium confirmare.* Ibid. (М.).

литическій законъ всегда имѣетъ отношеніе къ другому политическому закону, то въ наслѣдованіи леновъ держались того же начала, какъ и въ наслѣдованіи короны [1]). Поэтому лены переходили къ дѣтямъ и по праву преемства и по праву выбора, и всякій ленъ, подобно коронѣ, сталъ избирательнымъ и наслѣдственнымъ.

Это предоставленное сеньеру право выбора не существовало [2]) при авторахъ Книгъ Леновъ [3]), т.-е. въ царствованіе императора Фридриха I [4]).

ГЛАВА XXX.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Въ Книгахъ Леновъ [5]) говорится, что когда императоръ Конрадъ отправлялся въ Римъ, вѣрные, находившіеся на его службѣ, просили его издать законъ, по которому лены, переходившіе къ дѣтямъ, могли бы переходить и къ внукамъ, и чтобы братъ могъ наслѣдовать послѣ умершаго безъ законныхъ наслѣдниковъ брата его ленъ, принадлежавшій ихъ общему отцу. Просьба эта была исполнена.

Къ этому прибавлено (причемъ не слѣдуетъ забывать, что тѣ, которые говорятъ здѣсь, жили во время императора Фридриха I [6]), «что, согласно мнѣнію, котораго всегда держались старые юристы, наслѣдованіе леновъ въ боковой линіи не можетъ идти далѣе родныхъ братьевъ, хотя въ позднѣйшее время оно стало переходить до седьмого колѣна, а по новому праву, по прямой линіи,—до безконечности» [7]). Такимъ способомъ законъ Конрада получалъ мало-по-малу дальнѣйшее распространеніе.

Если примемъ все это во вниманіе, то простое чтеніе французской исторіи покажетъ намъ, что вѣчное владѣніе ленами утвердилось во Франціи раньше чѣмъ въ Германіи. Въ началѣ царствованія императора Конрада II, въ 1024 г., положеніе вещей въ Германіи оставалось еще такимъ, какимъ оно было въ царствованіе Карла Лысаго, умершаго въ 877 году. Но во Франціи со времени царствованія Карла Лысаго [8]) произошли столь важныя измѣненія, что Карлъ Простоватый оказался не въ силахъ отстоять свои несомнѣнныя права на имперію отъ притязаній чужеземнаго дома, а во время Гуго Капета правящая династія, лишившаяся всѣхъ своихъ коронныхъ владѣній, не могла даже удержаться на престолѣ.

---

[1]) По крайней мѣрѣ въ Италіи и Германіи. (М.).

[2]) *Quod hodie ita stabilitum est, ut ad omnes aequaliter veniat.* Книга I *Леновъ*, ст. I. (М.).

[3]) Герардъ Нигеръ и Обертусъ де-Орто. (М.).

[4]) Фридрихъ Барбаруcса, род. въ 1121 году, императоръ отъ 1152 по 1190 г. (М.).

[5]) Кн. I *Леновъ*, ст. I.

[6]) Куяцій вполнѣ доказалъ это, отд. I. (М.).

[7]) Кн. I *Леновъ*, отд. I.

[8]) А. В. Въ царствованіе Карла Лысаго.

Слабоуміе Карла Лысаго сдѣлало слабымъ все французское государство. Но такъ какъ братъ его Людовикъ Нѣмецкій и нѣкоторые изъ преемниковъ этого послѣдняго обладали бо́льшими достоинствами, то ихъ государство дольше сохранило свою силу.

А можетъ быть также и то, что флегматическій темпераментъ и, если можно такъ выразиться, малая подвижность духа нѣмецкой націи дали ей возможность противостоять болѣе французской, тому порядку вещей, который заставлялъ лены, какъ бы силою естественнаго влеченія, оставаться неподвижными въ однихъ и тѣхъ же родахъ.

Къ этому прибавлю, что нѣмецкое государство не подверглось тому опустошенію, почти уничтоженію, которое постигло Францію вслѣдствіе особаго рода войны, какую вели противъ нея норманны и сарацины. Въ Германіи было менѣе богатствъ, менѣе городовъ, которые поощряли бы къ грабежу, менѣе морскихъ береговъ для набѣговъ, болѣе служившихъ препятствіемъ къ передвиженію болотъ и лѣсовъ. Государи, не находясь подъ вѣчной угрозой гибели государства, менѣе нуждались въ своихъ вассалахъ, т.-е. менѣе отъ нихъ зависѣли. Если бы нѣмецкіе императоры были избавлены отъ необходимости стремиться въ Римъ для коронованія и дѣлать постоянные походы въ Италію, то лены еще дольше сохранились бы въ ней въ своемъ первоначальномъ видѣ.

ГЛАВА XXXI.

Какимъ образомъ императорскій санъ былъ утраченъ домомъ Карла Великаго.

Имперское достоинство, уже перешедшее разъ, помимо линіи Карла Лысаго, въ линію незаконнорожденныхъ потомковъ Людовика Нѣмецкаго [1]), перешло еще разъ въ чужой домъ вслѣдствіе избранія Конрада, герцога Франконскаго, въ 912 г. Линія, царствовавшая во Франціи, могла съ трудомъ отстаивать свои селенія, — еще менѣе королевское достоинство. До насъ дошло состоявшееся между Карломъ Простоватымъ и императоромъ Генрихомъ I, преемникомъ Конрада, соглашеніе, названное Боннскимъ договоромъ [2]). Оба государя сошлись на кораблѣ посреди Рейна и поклялись другъ другу въ вѣчной дружбѣ. Былъ найденъ довольно удачный mezzo termine: Карлъ принялъ титулъ короля западной Франціи, а Генрихъ—короля Франціи восточной. Карлъ заключилъ договоръ съ королемъ нѣмецкимъ, а не съ императоромъ.

---

[1]) Арнульфъ и его сынъ Людовикъ IV. (М.).

[2]) Въ 926 г. приведенъ у Aubert le Mire: *Cod. donationum piarum*, гл. XXVII. (М.).

ГЛАВА XXXII.

Какъ французская корона перешла въ домъ Гуго Капета.

Наслѣдственность леновъ и повсемѣстное установленіе подленовъ привели къ уничтоженію политическаго образа правленія и замѣнѣ его феодальнымъ. Отъ безконечнаго множества вассаловъ у королей остались лишь немногіе, отъ которыхъ зависѣли всѣ остальные. Короли почти утратили всякую непосредственную власть: проходя черезъ такое множество другихъ властей, и къ тому же властей сильныхъ, королевская власть останавливалась или терялась, не достигнувъ цѣли. Столь могущественные вассалы не хотѣли болѣе повиноваться, опираясь при этомъ на своихъ же подвассаловъ.. Короли, лишенные коронныхъ имуществъ и оставленные при однихъ городахъ, Реймсѣ и Ланѣ, находились въ ихъ власти. Дерево слишкомъ далеко распростерло свои вѣтви, и вершина его засохла. Королевство оказалось безъ государственныхъ имуществъ, подобно имперіи [1]) въ настоящее время; и вотъ, корону получилъ одинъ изъ наиболѣе могущественныхъ вассаловъ.

Норманны опустошали королевство; на своихъ судахъ, имѣвшихъ видъ плотовъ, или небольшихъ лодкахъ они входили вь устья рѣкъ, подымались вверхъ по теченію и разоряли страну въ ту и другую сторону. Орлеанъ и Парижъ задерживали этихъ разбойниковъ [2]), такъ что они не могли двигаться дальше ни по Сенѣ, ни по Лаурѣ. Гуго Капетъ, владѣвшій этими двумя городами, держалъ въ своихъ рукахъ два ключа отъ жалкихъ остатковъ королевства. Ему вручили корону, которую онъ одинъ только могъ защищать, подобно тому какъ санъ императора былъ впослѣдствіи отданъ дому, который остановилъ расширеніе турецкихъ границъ [3]).

Домъ Карла Великаго утратилъ императорское достоинство еще въ то время, когда наслѣдственность лена допускалась лишь изъ снисхожденія. У нѣмцевъ оно вошло въ употребленіе еще позже, чѣмъ у французовъ [4]). Поэтому санъ императора, разсматриваемый какъ ленъ, сталъ избирательнымъ. Напротивъ, когда корона Франціи изъ дома Карла Великаго перешла въ домъ Капета, лены уже были въ дѣйствительности наслѣдственными въ этомъ королевствѣ; поэтому и корона, какъ большой ленъ, была наслѣдственною.

Впрочемъ, впадали въ большое заблужденіе тѣ, которые этому моменту переворота приписывали всѣ какъ современныя ему, такъ и послѣ-

---

[1]) Нѣмецкая имперія.

[2]) См. въ капитуляріи Карла Лысаго, отъ 877 г., *apud Carisiacum*, о значеніи Парижа, Сенъ-Дени и замковъ на Луарѣ въ тѣ времена. (М.).

[3]) Австрійскій домъ.

[4]) См. выше, гл. XXX. (М.).

дующія измѣненія; въ дѣйствительности, все сводится къ двумъ событіямъ: къ перемѣнѣ въ царствующемъ домѣ и соединенію короны съ наибольшимъ леномъ.

ГЛАВА XXXIII.

О нѣкоторыхъ послѣдствіяхъ вѣчнаго владѣнія ленами.

Какъ слѣдствіе вѣчнаго владѣнія ленами, установилось у французовъ право старшинства или первородства. Его не знали во времена первой династіи [1]): государство дѣлилось между братьями, алодъ—также, а лены, временные или пожизненные, не подлежа наслѣдованію, не могли быть также и предметомъ раздѣла.

При второй династіи, Людовикъ Благочестивый, носившій титулъ императора и передавшій его старшему сыну своему Лотарю, задумалъ вмѣстѣ съ тѣмъ предоставить ему родъ старшинства надъ младшими братьями. Оба короля должны были ежегодно посѣщать императора, приносить ему подарки [2]), получать и отъ него подарки, но болѣе значительные, и совѣщаться съ нимъ объ общихъ дѣлахъ. Это и дало Лотарю поводъ къ притязаніямъ, въ которыхъ онъ такъ мало имѣлъ успѣха. Когда Агобаръ писалъ въ защиту Лотаря [3]), то ссылался на распоряженіе самого императора, принявшаго сына въ соправители имперіи послѣ обращенія къ Божіему указанію помощью трехдневнаго поста, святой литургіи, молитвъ и милостыни; говорилъ, что народъ принесъ Лотарю присягу и не можетъ ея нарушить; что отецъ посылалъ его въ Римъ для утвержденія въ новомъ званіи папою. Онъ настаиваетъ на всемъ этомъ, только не на правѣ старшинства. Онъ, правда, говоритъ, что императоръ, давъ доли младшимъ дѣтямъ, оказалъ предпочтеніе старшему; но говорить о предпочтеніи, оказанномъ старшему, значило утверждать одновременно, что императоръ могъ оказать его и младшимъ.

Но когда лены стали наслѣдственными, право старшинства утвердилось въ наслѣдованіи леновъ и, на томъ же основаніи, въ наслѣдованіи короны, которая была большимъ леномъ. Древній законъ раздѣла пересталъ существовать. Съ ленами соединены были обязанности службы, и необходимо было, чтобы владѣтель лена могъ исполнять эти обязанности. Поэтому установлено было право первородства, и соображенія феодальнаго права взяло верхъ надъ соображеніями права государственнаго или гражданскаго.

---

[1]) См. салическій законъ и законъ рипуаровъ въ отд. объ алодахъ.

[2]) См. капитулярій 817 г., въ которомъ приведенъ первый раздѣлъ, совершенный Людовикомъ Благочестивымъ между дѣтьми. (М.).

[3]) См. его два письма по этому предмету, изъ которыхъ одно озаглавлено: *de divisione imperii*. (М.).

Такъ какъ лены стали переходить къ дѣтямъ владѣльца, то сеньеры потеряли право располагать ими. Чтобы вознаградить себя за это, они ввели пошлину, которая получила названіе выкупной пошлины (droit de rachat) и о которой говорятъ наши обычаи; сначала она взималась въ прямой линіи, но позже, по обычаю, только въ боковыхъ.

Вскорѣ затѣмъ лены стали передавать постороннимъ лицамъ, какъ родовое имущество. Отсюда возникла пошлина, носившая названіе пошлины съ продажи леннаго владѣнія (le droit de lods et ventes) и существовавшая почти во всемъ королевствѣ. Сначала размѣръ ея опредѣлялся по произволу; но послѣ того какъ сдѣлки этого рода вошли во всеобщее употребленіе, размѣръ ея былъ установленъ особо въ каждой отдѣльной странѣ.

Выкупная пошлина взималась при всякомъ переходѣ наслѣдства, первоначально даже въ прямой линіи [1]). Наиболѣе распространенный обычай опредѣлялъ ее равной годовому доходу. Она была обременительна и стѣснительна для вассала и наносила, такъ сказать, ущербъ самому лену. Поэтому въ актахъ вассальной зависимости вассалъ часто выговаривалъ себѣ обѣщаніе сеньера брать выкупную пошлину лишь въ формѣ опредѣленной суммы денегъ [2]), которая, вслѣдствіе происшедшихъ съ монетою измѣненій, сдѣлалась ничтожною. Такимъ образомъ выкупная пошлина въ настоящее время утратила почти всякое значеніе, тогда какъ пошлина съ продажи леннаго владѣнія, такъ наз. lods et ventes, осталась въ полномъ своемъ объемѣ. Такъ какъ пошлина эта не касалась ни вассала, ни его наслѣдниковъ и была случайнымъ явленіемъ, котораго нельзя было ни предвидѣть, ни ожидать, то на счетъ ея и не вступали въ соглашенія, а продолжали взимать въ видѣ опредѣленной части цѣны.

Когда лены были пожизненными, нельзя было отдавать часть своего лена въ подленъ на вѣчныя времена: было бы безсмысленно, если бы человѣкъ, имѣя имущество въ пожизненномъ пользованіи, сталъ распоряжаться правомъ собственности на него. Но когда лены сдѣлались неотъемлемыми, такія сдѣлки были дозволены [3]), съ нѣкоторыми ограниченіями, которыя полагались обычаями [4]). Это называлось играть своимъ леномъ (se jouer de son fief).

Послѣ того какъ вѣчное владѣніе ленами дало начало выкупной пошлинѣ, дочери получили возможность вступать въ наслѣдованіе леновъ за отсутствіемъ наслѣдниковъ мужского пола: сеньеръ, отдавая ленъ дочери, увеличивалъ число случаевъ выкупа, такъ какъ мужъ обязанъ былъ пла-

[1]) См. указъ Филиппа-Августа о ленахъ, 1209 г. (М.).

[2]) Мы находимъ много такихъ договоровъ въ хартіяхъ, а равно въ капитуляріяхъ—Вандомскомъ и аббатства св. Кипріана въ Пуату. Извлеченія изъ послѣдняго приведены у Галланда, стр. 55. (М.).

[3]) Но нельзя было *сокращать* лена, т. е. погашать часть его. (М.).

[4]) Они опредѣляли, какою частью онъ могъ располагать въ этомъ смыслѣ. (М.).

тить его наравнѣ съ женой [1]). Это опредѣленіе не могло имѣть примѣненія къ коронѣ: не находясь ни отъ кого въ ленной зависимости, она не могла подлежать и праву леннаго выкупа.

Дочь Вильгельма V, графа Тулузскаго, не наслѣдовала графства. Впослѣдствіи Аліенора наслѣдовала Аквитанію, а Матильда — Нормандію, и право дочерей на наслѣдованіе настолько уже утвердилось въ то время, что Людовикъ Младшій, послѣ расторженія своего брака съ Аліенорой, безъ всякаго затрудненія отдалъ ей Гіеннь; а такъ какъ два послѣдніе случая слѣдовали за первымъ въ короткій промежутокъ времени, то надо думать, что общій законъ, призывавшій женщинъ къ наслѣдованію леновъ, былъ введенъ въ Тулузскомъ графствѣ позже, чѣмъ въ другихъ областяхъ королевства [2]).

Государственное устройство различныхъ европейскихъ государствъ соотвѣтствовало положенію леновъ въ то время, когда эти государства были основаны. Женщины не наслѣдовали ни во французской коронѣ, ни въ имперіи, потому что во время основанія этихъ двухъ монархій женщины не наслѣдовали въ ленахъ; но онѣ участвовали въ престолонаслѣдіи въ государствахъ, основанныхъ послѣ того, какъ установилось вѣчное владѣніе ленами. Такъ было въ государствахъ, образовавшихся изъ нормандскихъ завоеваній или пріобрѣтеній на счетъ мавровъ; наконецъ, въ такихъ, которыя, возникнувъ внѣ нѣмецкихъ предѣловъ и въ болѣе близкія къ намъ времена, какъ бы возродились черезъ принятіе христіанства [3]).

Когда лены были временными, ихъ давали людямъ, которые въ состояніи были нести соединенную съ этимъ службу, при чемъ не могло быть рѣчи о несовершеннолѣтнихъ. Но когда владѣніе ленами сдѣлалось вѣчнымъ, сеньеры стали брать ихъ до наступленія совершеннолѣтія вассала съ цѣлью увеличить свои доходы или дать воспитаннику военное образованіе [4]). Это и есть то, что наши обычаи обозначаютъ терминомъ *la garde-noble*. Учрежденіе это основано на иныхъ началахъ, чѣмъ опека, и составляетъ нѣчто совершенно особое.

Когда лены были пожизненными, то желающіе пріобрѣсти ихъ предлагали себя въ вассалы, и дѣйствительная передача, совершавшаяся помощью скипетра, установляла ленъ, подобно тому, какъ это теперь дѣ-

---

[1]) Это и было причиной, почему сеньеръ обыкновенно понуждалъ вдову ко вступленію въ новый бракъ.

[2]) Значительные роды въ большинствѣ случаевъ имѣли свои особые законы о наслѣдованіи. См., что говоритъ по этому поводу Томасьеръ о родахъ Берри. (М.).

[3]) Скандинавскія государства и Россія.

[4]) Въ капитуляріи, отъ 877 г., *apud Carisiacum*, ст. 3, изд. Балюза, т. II, стр. 269, мы находимъ тотъ моментъ, съ котораго короли начинаютъ отдавать распоряженія объ управленіи ленами для сохраненія ихъ несовершеннолѣтнимъ. Примѣру этому послѣдовали сеньеры, и это послужило началомъ того, что мы называемъ *la garde-noble*. (М.).

лается изъявленіемъ ленной зависимости (hommage). Мы не видимъ, чтобы графы, и даже уполномоченные короля, принимали изъявленія ленной зависимости въ провинціяхъ, и объ этомъ ничего не говорится въ инструкціяхъ, которыя давались этимъ чиновникамъ и сохранились въ капитуляріяхъ. Правда, они приводили иногда всѣхъ подданныхъ къ присягѣ на вѣрность [1]); но эта присяга такъ мало походила на установившееся впослѣдствіи изъявленіе ленной зависимости что была его придаткомъ, то предшествовавшимъ этому изъявленію, то слѣдовавшимъ за нимъ, могла въ немъ совсѣмъ отсутствовать и во всякомъ случаѣ была менѣе торжественна и совершенно отлична отъ него [2]).

Графы и королевскіе посланные требовали также иногда отъ вассаловъ, вѣрность которыхъ подвергалась сомнѣнію, удостовѣренія, носившаго названіе firmitas [3]); но это удостовѣреніе не могло быть изъявленіемъ покорности, такъ какъ государи давали его другъ другу [4]).

Если аббатъ Сугерій говоритъ о каѳедрѣ [5]) Дагобера, съ которой, согласно древнимъ свидѣтельствамъ, французскіе короли обыкновенно принимали отъ сеньеровъ [6]) изъявленія ихъ покорности, то очевидно, что онъ въ этомъ случаѣ слѣдуетъ языку и понятіямъ своего времени.

Когда лены стали переходить по наслѣдству, порядокъ признанія вассала, бывшій въ первыя времена побочнымъ дѣйствіемъ, принялъ строго опредѣленныя формы, совершался съ бо̀льшимъ противъ прежняго блескомъ и съ соблюденіемъ большихъ формальностей, потому что долженъ былъ увѣковѣчить память о взаимныхъ обязанностяхъ сеньера и вассала.

Я допускаю, что изъявленія ленной зависимости получили начало при королѣ Пипинѣ, когда, какъ я уже сказалъ, много бенефицій было роздано въ вѣчное владѣніе; но я допускаю это съ большою оговоркою и только на основаніи предположенія, что составители древнихъ франкскихъ лѣтописей не были невѣждами и не описывали церемоніалъ принесенія

---

[1]) Формулу можно видѣть въ капитуляріи II, 802 года. См. также капитул. отъ 854 г., ст. 13 и друг. (М.).

[2]) Дю-Канжъ подъ словами *Hominium*, стр. 1163, и *Fidelitas*, стр. 474, ссылается на древнія хартіи и на большое число авторитетныхъ писателей. При изъявленіи зависимости, вассалъ клалъ свою руку въ руку сеньера и клялся; присяга на вѣрность приносилась на Евангеліи. Изъявленіе покорности совершалось на колѣняхъ; присяга на вѣрность давалась стоя. Изъявленіе покорности могъ принимать одинъ сеньеръ; присягу на вѣрность могли отбирать его чиновники. См. Литльтона, отд. XCI и XCII. (М.). *Foi et hommage*, это—вѣрность и зависимость.

[3]) Капитулярій Карла Лысаго 860 г., *post reditum a Confluentibus*, ст. 3 изд. Валюза, стр. 145. (М.).

[4]) *Ibid.*, ст. 1. (М.).

[5]) Т. е. о креслѣ. Оно существуетъ до сихъ поръ и хранится въ *Музеѣ Государей*.

[6]) Сугерій, *Lib. de administratione sua*. (М.).

присяги въ вѣрности герцогомъ баварскимъ Тассильономъ Пипину [1]) на основаніи обычаевъ, которые примѣнялись въ ихъ время [2]).

ГЛАВА XXXIV.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Пока лены были временными или пожизненными, они имѣли отношеніе къ одному государственному праву; поэтому о нихъ такъ мало говорится въ гражданскихъ законахъ того времени. Но послѣ того какъ они стали наслѣдственными и получилась возможность передавать ихъ посредствомъ даренія, продажи и отказа, они сдѣлались предметомъ какъ права государственнаго, такъ и гражданскаго. Ленъ, съ точки зрѣнія обязательной военной службы, имѣлъ отношеніе къ государственному праву; разсматриваемый какъ родъ имущества, находящагося въ оборотѣ, составлялъ предметъ права гражданскаго. Отсюда произошли гражданскіе законы о ленахъ.

Какъ скоро лены сдѣлались наслѣдственными, законы, относящіеся къ порядку наслѣдованія, должны были принять въ основаніе начало вѣчнаго владѣнія ленами. Такимъ образомъ, вопреки опредѣленію римскаго права и салическаго закона [3]), установилось начало французскаго права: Propres ne remontent point [4]), т.-е. собственность не наслѣдуется въ восходящей линіи. Ленная повинность подлежала исполненію; но дѣдъ и двоюродный дѣдъ были бы плохими вассалами для сеньера. Поэтому правило это первоначально примѣнялось къ однимъ только ленамъ, какъ мы это узнаемъ отъ Бутилье [5]).

Какъ скоро лены сдѣлались наслѣдственными, сеньеры, на которыхъ лежала забота о томъ, чтобы исполнялась ленная служба, стали требовать, чтобы дочери, къ которымъ ленъ переходилъ по наслѣдству [6]), а иногда, какъ я думаю, и мужскіе наслѣдники, не вступали въ бракъ безъ ихъ согласія, такъ что брачные договоры у дворянъ получили одновременно значеніе феодальнаго и гражданскаго акта. Въ подобномъ актѣ, совершаемомъ на глазахъ сеньера, отмѣчались распоряженія касательно

---

[1]) Anno 757, ch XVII. (M.).

[2]) *Fassillo venit in vassatico se commendans, per manus sacramenta juravit multa et innumerabilia, reliquiis sanctorum manus imponens, et fidelitatem promisit Pippino.* Какъ кажется, здѣсь дѣло идетъ объ изъявленіи покорности и о принесеніи присяги вѣрности. (M.).

[3]) Въ главѣ объ алодахъ. (M.).

[4]) Кн. IV, *De feudis*, гл. LIX. (M.).

[5]) Somme rurale, кн. I, гл. LXXVI, стр. 447. (M.).

[6]) Согласно указу Людовика Святого 1246 года касательно установленія подлинныхъ обычаевъ Анжу и Мэна, опекунъ наслѣдующей ленъ дѣвушки долженъ дать сеньеру удостовѣреніе въ томъ, что она не будетъ выдана замужъ помимо согласія его, сеньера. (M.).

наслѣдованія въ будущемъ—съ такимъ расчетомъ, чтобы наслѣдники могли исполнять лежащія на ленѣ обязательства. Поэтому первоначально только одни дворяне могли, посредствомъ брачнаго контракта, свободно располагать порядкомъ наслѣдованія въ будущемъ, какъ ужъ замѣтили это Бойе [1]) и Офрерій [2]).

Было бы излишнимъ говорить о томъ, что основанный на старинномъ правѣ родственниковъ выкупъ родового имущества, составляющій тайну французской старинной юриспруденціи, о которой, по недостатку времени, я не стану здѣсь распространяться, не могъ имѣть примѣненія къ ленамъ, прежде чѣмъ владѣніе ими сдѣлалось вѣчнымъ.

Italiam, Italiam [3])... Я заканчиваю разсужденіе о ленахъ тамъ, откуда бо́льшая часть авторовъ его начинала [4]).

КОНЕЦЪ.

---

[1]) Бойе (или Boerius французскій юристъ XVI в.). Décis. 155, n° 8; 204 n° 38. (М.).

[2]) Anfrérius комментировалъ формулы Тулузскаго парламента. In Capel. Thol., décision 453. (М.).

[3]) Энеида, кн. III, стихъ 523. (М.).

[4]) Провозгласивъ впервые правило, сдѣлавшееся теперь аксіомой, что *слѣдуетъ искать объясненія исторіи въ законахъ и объясненія законовъ въ исторіи*, Монтескье открылъ для науки новые горизонты. Закончивъ свою книгу словами: «Я заканчиваю разсужденіе о ленахъ тамъ, откуда бо́льшая часть авторовъ его начинала», онъ даетъ первый примѣръ приложенія и умѣстности своей доктрины. Дѣлая это замѣчаніе, Монтескье не ограничивался однимъ хронологическимъ вопросомъ. Онъ зналъ, что предметъ этотъ не разсматривался еще ни однимъ юристомъ по принятому имъ историческому методу, и онъ захотѣлъ установить моментъ этого счастливаго нововведенія. Никто не посмѣетъ оспаривать у него права на это. (Sclopis).

Оглавленіе.

стр.

„Духъ законовъ“ Вступительная статья М. М. Ковалевскаго . . I—XCI
Предисловіе (автора) 1
Заявленіе автора 3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КНИГА I. **О законахъ вообще.**
1. О законахъ въ ихъ отношеніи къ различнымъ существамъ 5
2. О законахъ природы 8
3. О законахъ положительныхъ 9

КНИГА II. **О законахъ, вытекающихъ непосредственно изъ природы правительства.**
1. О природѣ трехъ различныхъ родовъ правленія 12
2. О республиканскомъ правленіи и законахъ, относящихся къ демократіи 12
3. О законахъ, относящихся къ природѣ аристократіи . . . 18
4. О законахъ въ ихъ отношеніяхъ къ природѣ монархическаго правленія 20
5. О законахъ, относящихся къ природѣ деспотическаго государства. 23

КНИГА III. **О принципахъ трехъ видовъ правленія.**
1. О различіи между природой правленія и его принципомъ. 24
2. О принципѣ различныхъ видовъ правленія 24
3. О принципѣ демократіи 25
4. О принципѣ аристократіи 27
5. О томъ, что добродѣтель не есть принципъ образа правленія монархическаго. 28
6. Чѣмъ восполняется отсутствіе добродѣтели въ монархическомъ правленіи 29
7. О принципѣ монархіи 30
8. О томъ, что честь не есть принципъ деспотическихъ государствъ. 30
9. О принципѣ деспотическаго правленія. 31
10. Различіе въ образѣ повиновенія въ государствахъ умѣренныхъ и государствахъ деспотическихъ. 32
11. Размышленія обо всемъ этомъ 34

КНИГА IV. **О томъ, что законы воспитанія должны быть въ соотвѣтствіи съ принципами образа правленія.**

1. О законахъ воспитанія 34
2. О воспитаніи въ монархіяхъ. 35
3. О воспитаніи въ государствѣ деспотическомъ 38
4. Различныя дѣйствія воспитанія у древнихъ и у насъ . . 39
5. О воспитаніи въ республиканскомъ государствѣ 39
6. О нѣкоторыхъ учрежденіяхъ грековъ 40
7. Въ какомъ случаѣ могутъ быть полезны эти своеобразныя учрежденія 43
8. Объясненіе одного парадокса древнихъ по отношенію къ нравамъ 44

КНИГА V. **Законы, постановляемые законодателемъ, должны соотвѣтствовать принципу образа правленія.**

1. Идея этой книги 46
2. Что такое добродѣтель въ государствѣ политическомъ . . 47
3. Что такое любовь къ республикѣ въ демократіи 47
4. Какъ внушается любовь къ равенству и умѣренности . . 48
5. Какъ законы учреждаютъ равенство въ демократіи . . . 49
6. Какъ законы должны поддерживать умѣренность въ демократіи 52
7. Другія средства, содѣйствующія принципу демократіи . . 53
8. Каково должно быть отношеніе законовъ къ принципу правленія аристократическаго 56
9. О соотвѣтствіи законовъ монархіи ихъ принципу. 60
10. О быстромъ рѣшеніи дѣлъ въ монархіи 61
11. О преимуществахъ образа правленія монархическаго . . 62
12. Продолженіе о томъ же предметѣ 63
13. Идея деспотизма 64
14. Въ какихъ отношеніяхъ законы состоятъ къ принципу правленія деспотическаго 64
15. Продолженіе о томъ же предметѣ 69
16. О передачѣ власти 70
17. О подаркахъ 72
18. О раздаваемыхъ государемъ наградахъ 73
19. Новыя послѣдствія принциповъ трехъ правленій 73

КНИГА VI. **Послѣдствія принциповъ различныхъ образовъ правленія по отношенію къ простотѣ законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, къ формамъ судопроизводства и опредѣленію наказаній.**

1. О простотѣ гражданскихъ законовъ въ различныхъ правленіяхъ. 77
2. О простотѣ уголовныхъ законовъ въ разныхъ правленіяхъ. 79
3. Въ какихъ правленіяхъ и въ какихъ случаахъ должно судить по точному тексту закона 80
4. О способахъ постановки судебныхъ приговоровъ. 81
5. При какомъ образѣ правленія государь самъ можетъ быть судьей 82
6. О томъ, что въ монархіи министры не должны быть судьями 85
7. О судьѣ единоличномъ 85

8. О способахъ обвиненія въ разныхъ правленіяхъ 86
9. О суровости каръ въ различныхъ правленіяхъ. 87
10. О старинныхъ французскихъ законахъ. 88
11. О томъ, что, если народъ добродѣтеленъ, то не надо много наказаній. 88
12. О силѣ наказаній. 89
13. Безсиліе японскихъ законовъ 90
14. О духѣ римскаго сената. 92
15. О римскихъ законахъ по отношенію къ наказаніямъ . . 93
16. О точномъ соотвѣтствіи между наказаніемъ и преступленіемъ. 95
17. Объ истязаніи или пыткѣ преступниковъ 96
18. О наказаніяхъ денежныхъ и наказаніяхъ тѣлесныхъ . . 97
19. О законѣ возмездія 97
20. О наказаніяхъ дѣтей ихъ отцами 97
21. О милосердіи государя 98

КНИГА VII. **Вліяніе различныхъ принциповъ трехъ видовъ правленія на роскошь, законы противъ роскоши и на положеніе женщинъ.**

1. О роскоши 99
2. О законахъ противъ роскоши въ демократіи. 101
3. О законахъ противъ роскоши въ аристократіи 102
4. О законахъ противъ роскоши въ монархіяхъ 102
5. Въ какомъ случаѣ законы противъ роскоши полезны въ монархіи 104
6. О роскоши въ Китаѣ 105
7. Роковыя послѣдствія роскоши въ Китаѣ 106
8. О публичной пристойности. 107
9. О положеніи женщинъ въ различныхъ государствахъ . . 107
10. О домашнемъ судѣ у римлянъ 108
11. Какъ въ Римѣ учрежденія измѣнились вмѣстѣ съ правленіемъ. 109
12. Объ опекѣ надъ женщинами у римлянъ. 110
13. О законахъ, установленныхъ императорами противъ женскаго распутства 111
14. О законахъ противъ роскоши у римлянъ 112
15. О приданомъ и матеріальныхъ послѣдствіяхъ брака въ разныхъ правленіяхъ 113
16. Прекрасный обычай самнитянъ 113
17. О правленіи женщинъ. 114

КНИГА VIII. **О разложеніи принциповъ трехъ видовъ правленія.**

1. Общая идея этой книги 115
2. О разложеніи принципа демократіи 115
3. О духѣ крайняго равенства 117
4. Особенная причина испорченности народа 117
5. О разложеніи принципа аристократіи 118
6. О разложеніи принципа монархіи 119
7. Продолженіе о томъ же предметѣ 120
8. Опасное слѣдствіе разложенія принципа монархическаго правленія. 120
9. О стремленіи дворянства къ защитѣ трона. 121

10. О разложеніи принципа государства деспотическаго . . . 121
11. О естественныхъ послѣдствіяхъ здороваго и испорченнаго состоянія принциповъ 122
12. Продолженіе о томъ же предметѣ 123
13. О силѣ присяги у народа добродѣтельнаго 124
14. Какъ значительныя измѣненія въ государственномъ строѣ могутъ повлечь за собою гибель принциповъ 125
15. Весьма дѣйствительныя средства для сохраненія трехъ принциповъ. 125
16. Отличительныя свойства республики. 126
17. Отличительныя свойства монархіи 127
18. О томъ, что Испанія находилась въ условіяхъ исключительныхъ 128
19. Отличительныя свойства деспотическаго образа правленія. 128
20. Слѣдствія, выводимыя изъ предшествующихъ главъ . . . 128
21. О китайскомъ государствѣ. 129

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КНИГА IX. **О законахъ въ ихъ отношеніи къ силѣ обороны.**
1. Какъ республики сохраняютъ свою безопасность. 131
2. О томъ, что федерація должна состоять изъ государствъ одинаковой природы и въ особенности изъ республикъ . 133
3. Нѣкоторыя другія требованія федеративной республики. . 134
4. Какъ государства деспотическія обезпечиваютъ свою безопасность 134
5. Какъ охраняетъ себя монархія. 135
6. Оборонительная сила государствъ вообще 135
7. Размышленія 136
8. Случай, когда оборонительная сила государства слабѣе его наступательной силы 137
9. О силѣ государствъ относительной. 137
10. О слабости сосѣдняго государства 138

КНИГА X. **О законахъ въ отношеніяхъ къ силѣ наступательной.**
1. О силѣ наступательной 138
2. О войнѣ. 138
3. О правѣ завоеванія 139
4. Нѣкоторыя выгоды, приносимыя народу завоеваніемъ . . 142
5. Гелонъ, царь Сиракузскій 143
6. О завоеваніяхъ республики 143
7. Продолженіе о томъ же предметѣ 144
8. Продолженіе о томъ же предметѣ 145
9. О монархіи, покоряющей окрестныя страны 145
10. О монархіи, которая завоевываетъ другую монархію. . . 146
11. О правахъ побѣжденнаго народа 146
12. Объ одномъ законѣ Кира 147
13. Карлъ XII. 147
14. Александръ 148
15. Новыя средства сохранять завоеванія 151
16. О завоеваніяхъ государства деспотическаго 152
17. Продолженіе о томъ же предметѣ 152

КНИГА XI. **О законахъ, устанавливающихъ политическую свободу въ ея отношеніи къ государственному устройству.**

1. Общая идея. 153
2. Различныя значенія, придаваемыя слову свобода 154
3. Что такое свобода? 154
4. Продолженіе о томъ же предметѣ 155
5. О цѣляхъ разныхъ государствъ 155
6. О государственномъ устройствѣ Англіи 156
7. Объ извѣстныхъ намъ монархіяхъ. 167
8. Почему древніе не имѣли достаточно яснаго представленія о монархіи 168
9. Воззрѣнія Аристотеля 169
10. Воззрѣнія другихъ политиковъ 169
11. О греческихъ царяхъ временъ героическихъ. 170
12. О правленіи царей Рима и о томъ, каково было тамъ распредѣленіе трехъ властей 171
13. Общія разсужденія о состояніи Рима послѣ изгнанія царей. 172
14. Какимъ образомъ распредѣленіе трехъ властей начало измѣняться послѣ изгнанія царей. 173
15. Какимъ образомъ, во время процвѣтанія республики, Римъ внезапно утратилъ свою свободу. 175
16. О законодательной власти въ римской республикѣ . . . 176
17. О власти исполнительной въ той же республикѣ. 177
18. О судебной власти въ римскомъ государствѣ 179
19. Объ управленіи римскими провинціями 184
20. Конецъ этой книги. 186

КНИГА XII. **О законахъ, которые устанавливаютъ политическую свободу въ ея отношеніи къ гражданину.**

1. Основная мысль этой книги 186
2. О свободѣ гражданина 187
3. Продолженіе о томъ же предметѣ 188
4. О томъ, какимъ образомъ свойства и мѣра налагаемыхъ наказаній благопріятствуютъ свободѣ 188
5. О нѣкоторыхъ обвиненіяхъ, которыя требуютъ особенной умѣренности и осмотрительности 191
6. О преступленіи противъ естества 192
7. О преступленіи оскорбленія величества 193
8. Объ ошибочномъ примѣненіи названій святотатства и оскорбленія величества 194
9. Продолженіе о томъ же предметѣ 195
10. Продолженіе о томъ же предметѣ 196
11. О помышленіяхъ 196
12. О нескромныхъ словахъ. 196
13. О литературныхъ произведеніяхъ 198
14. Оскорбленіе стыдливости при наказаніи преступленія . . 199
15. Объ освобожденіи раба съ цѣлью дать ему возможность обвинить своего господина 199
16. Оклеветаніе въ оскорбленіи величества. 200
17. О раскрытіи заговоровъ 200

18. Какъ опасно въ республикахъ наказывать слишкомъ строго за преступленіе оскорбленія величества 201
19. Какъ пріостанавливаютъ пользованіе свободой въ республикѣ 202
20. О законахъ, благопріятствующихъ свободѣ въ республиканскомъ государствѣ 203
21. О жестокости законовъ противъ должниковъ въ республикѣ 204
22. О мѣрахъ, нарушающихъ свободу въ монархіяхъ 205
23. О шпіонахъ въ монархіи 206
24. Объ анонимныхъ письмахъ 207
25. О пріемахъ правленія въ монархіи 207
26. О томъ, что монархъ долженъ быть доступенъ 208
27. О нравахъ монарха 208
28. Объ обращеніи монарховъ со своими подданными 209
29. О законахъ гражданскихъ, могущихъ внести немножко свободы въ деспотическое правленіе 210
30. Продолженіе о томъ же предметѣ 210

КНИГА XIII. **Объ отношеніяхъ взиманія податей и размѣровъ государственныхъ доходовъ къ свободѣ.**

1. О доходахъ государства. 211
2. О томъ, что дурно разсуждаютъ тѣ, которые говорятъ, что большіе налоги хороши сами по себѣ. 212
3. О налогахъ въ странахъ, гдѣ часть народа закрѣпощена. 213
4. О положеніи республики въ подобномъ случаѣ 213
5. О положеніи монархіи въ подобномъ случаѣ. 213
6. О положеніи государства деспотическаго въ подобномъ случаѣ 214
7. О налогахъ въ странахъ, гдѣ нѣтъ крѣпостныхъ . . . 214
8. Какъ сохраняется иллюзія. 216
9. Объ одномъ дурномъ налогѣ 217
10. О томъ, что величина налоговъ зависитъ отъ природы правленія. 217
11. О наказаніяхъ фискальныхъ. 217
12. Отношеніе величины налоговъ къ свободѣ. 218
13. При какихъ видахъ правленія налоги могутъ быть увеличиваемы 219
14. Объ отношеніи природы налоговъ къ образу правленія . 219
15. Злоупотребленіе свободой 220
16. О завоеваніяхъ магометанства. 221
17. Объ увеличеніи войска 221
18. О сложеніи налоговъ 222
19. Что выгоднѣе для государя и народа: отдача на откупъ налоговъ или казенное управленіе ими? 223
20. Объ откупщикахъ налоговъ 224

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

КНИГА XIV. **О законахъ въ ихъ отношеніяхъ къ свойствамъ климата.**

1. Общая идея. 225
2. Насколько люди различны въ различныхъ климатахъ . . 226

3. Противорѣчія въ характерѣ нѣкоторыхъ южныхъ народовъ 229
4. Причина неизмѣняемости религіи, нравовъ, обычаевъ и закона въ странахъ востока. 229
5. О томъ, что дурные законодатели—тѣ, которые поощряли пороки, порожденные климатомъ, а хорошіе—тѣ, которые боролись съ этими пороками 230
6. О воздѣлываніи земель въ жаркихъ климатахъ 231
7. О монашествѣ. 231
8. Хорошій китайскій обычай 231
9. Способы поощренія промышленности. 232
10. О законахъ, относящихся къ трезвости народовъ 232
11. О законахъ, имѣющихъ отношеніе къ болѣзнямъ, порождаемымъ климатомъ. 234
12. О законахъ противъ тѣхъ, которые сами себя убиваютъ. 235
13. Слѣдствія, вытекающія изъ климата Англіи. 237
14. Другія слѣдствія климата 238
15. О вліяніи климата на довѣріе законовъ къ народу . . . 239

КНИГА XV. **Объ отношеніи законовъ гражданскаго рабства къ природѣ климата.**

1. О гражданскомъ рабствѣ 239
2. Происхожденіе рабства по мнѣнію римскихъ юристовъ . . 240
3. Другой источникъ происхожденія рабства 242
4. Еще одинъ источникъ происхожденія рабства 242
5. О рабствѣ негровъ 243
6. Истинный источникъ происхожденія рабства 244
7. Другой источникъ происхожденія рабства 244
8. Безполезность рабства у насъ 245
9. О народахъ, у которыхъ установлена гражданская свобода 245
10. Различные роды рабства 246
11. Что должны дѣлать законы по отношенію къ рабству . . 247
12. Злоупотребленія рабствомъ 247
13. Опасность отъ большого количества рабовъ 248
14. О рабахъ вооруженныхъ 249
15. Продолженіе о томъ же предметѣ 249
16. Предосторожности, которыя должны быть приняты въ умѣренномъ правленіи 250
17. О законодательномъ опредѣленіи отношеній между господиномъ и рабами 251
18. Объ освобожденіи рабовъ 253
19. О вольноотпущенныхъ евнухахъ. 254

КНИГА XVI. **Объ отношеніи законовъ рабства домашняго къ природѣ климата.**

1. О рабствѣ домашнемъ. 256
2. О естественномъ неравенствѣ половъ въ южныхъ странахъ 256
3. О томъ, что многоженство зависитъ отъ стоимости содержанія женъ. 258
4. О многоженствѣ и его различныхъ причинахъ 258
5. Причина одного закона на Малабарѣ 259

6. Многоженство само по себѣ 259
7. О равенствѣ обращенія въ случаѣ многоженства. 260
8. Объ отдѣленіи женщинъ отъ мужчинъ. 261
9. Связь домашняго управленія съ политическимъ 261
10. Принципъ нравственности Востока. 262
11. О рабствѣ домашнемъ, независимомъ отъ многоженства . 263
12. О естественной стыдливости 264
13. О ревности 265
14. Объ управленіи домомъ на Востокѣ 265
15. О разводѣ и репудіаціи 266
16. О репудіаціи и разводѣ у римлянъ 267

КНИГА XVII. **Объ отношеніи законовъ политическаго рабства къ природѣ климата.**

1. О рабствѣ политическомъ 270
2. Различіе народовъ относительно мужества. 270
3. О климатѣ Азіи. 271
4. Слѣдствія всего этого. 273
5. О томъ, что завоеванія, произведенныя народами сѣверной Азіи, имѣли не одинаковыя послѣдствія съ завоеваніями, произведенными народами сѣверной Европы . . 274
6. Новая физическая причина рабства Азіи и свободы Европы. 275
7. Объ Африкѣ и Америкѣ. 276
8. О столицѣ имперіи 276

КНИГА XVIII. **О законахъ въ ихъ отношеніи къ природѣ почвы.**

1. Какъ природа почвы вліяетъ на законы. 276
2. Продолженіе о томъ же предметѣ 278
3. Каковы наиболѣе воздѣланныя земли. 278
4. Прочія слѣдствія плодородія и безплодія страны 279
5. Объ островитянахъ 279
6. О странахъ, созданныхъ трудолюбіемъ людей 279
7. О дѣлахъ рукъ человѣческихъ 280
8. Общее отношеніе законовъ 281
9. О земляхъ Америки. 281
10. Объ отношеніи между количествомъ людей и способомъ, которымъ они добываютъ себѣ пропитаніе 281
11. О народахъ дикихъ и народахъ варварскихъ 282
12. О международномъ правѣ у народовъ, не занимающихся земледѣліемъ 282
13. О гражданскихъ законахъ у народовъ, не занимающихся земледѣліемъ 283
14. О политическомъ состояніи народовъ, не занимающихся земледѣліемъ 283
15. О народахъ, которымъ извѣстно употребленіе денегъ . . 284
16. О законахъ гражданскихъ у народовъ, которые не знаютъ употребленія денегъ 284
17. О политическихъ законахъ у народовъ, не знающихъ употребленія денегъ 285
18. Сила предразсудковъ 285
19. О свободѣ арабовъ и рабствѣ татаръ 286
20. О международномъ правѣ у татаръ 287

21. Гражданскій законъ татаръ 287
22. Объ одномъ гражданскомъ законѣ у народовъ германскихъ 288
23. О длинныхъ волосахъ у франкскихъ королей 292
24. О бракахъ франкскихъ королей 293
25. Хильдерикъ. 293
26. О совершеннолѣтіи франкскихъ королей. 293
27. Продолженіе о томъ же предметѣ 295
28. Объ усыновленіи у германцевъ 296
29. Свирѣпость королей франкскихъ. 296
30. О народныхъ собраніяхъ у франковъ 296
31. О власти духовенства при короляхъ первой династіи . . 297

КНИГА XIX. **О законахъ въ ихъ отношеніи къ основнымъ началамъ, образующимъ общій духъ, нравы и обычаи народа.**

1. О предметѣ этой книги 298
2. О томъ, какъ необходимо, чтобы умы были подготовлены къ воспріятію наилучшихъ законовъ 298
3. О тиранніи 299
4. Что такое общій духъ. 300
5. О томъ, какъ важно избѣгать всего, что могло бы измѣнить общій духъ націи 300
6. О томъ, что не все слѣдуетъ исправлять 301
7. Объ аѳинянахъ и лакедемонянахъ. 301
8. Послѣдствія духа общительности 301
9. О тщеславіи и гордости народовъ 302
10. О характерѣ испанцевъ и китайцевъ 303
11. Размышленіе 304
12. О нравахъ и обычаяхъ въ государствѣ деспотическомъ . 304
13. Обычаи китайцевъ 305
14. Каковы естественныя средства для измѣненія нравовъ и обычаевъ народа 305
15. Вліяніе домашняго правленія на политическое 306
16. Какъ нѣкоторые законодатели перемѣшали принципы, которые управляютъ людьми 306
17. Особенныя свойства китайскаго правленія. 308
18. Слѣдствіе, вытекающее изъ предыдущей главы 308
19. Какимъ образомъ произошло у китайцевъ это соединеніе религіи, законовъ, нравовъ и обычаевъ. 309
20. Объясненіе одной странности у китайцевъ. 310
21. Каково должно быть отношеніе законовъ къ нравамъ и обычаямъ 311
22. Продолженіе о томъ же предметѣ 312
23. Какъ законы слѣдуютъ за нравами. 312
24. Продолженіе о томъ же предметѣ 312
25. Продолженіе о томъ же предметѣ 313
26. Продолженіе о томъ же предметѣ 313
27. Какимъ образомъ законы могутъ способствовать образованію нравовъ, обычаевъ и характера народа. 314

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

КНИГА XX. Объ отношеніи законовъ къ торговлѣ, разсматриваемой въ ея природѣ и подраздѣленіяхъ.

Воззваніе къ музамъ.

1. О торговлѣ 325
2. О духѣ торговли 325
3. О бѣдности народовъ 326
4. О торговлѣ въ разныхъ правленіяхъ 327
5. О народахъ, производившихъ хозяйственную торговлю. . 328
6. О нѣкоторыхъ послѣдствіяхъ обширнаго мореходства . . 329
7. Торговый духъ Англіи 330
8. Какимъ стѣсненіямъ подвергалась иногда хозяйственная торговля 330
9. Объ ограниченіи торговыхъ сношеній 331
10. Учрежденіе, свойственное хозяйственной торговлѣ 331
11. Продолженіе о томъ же предметѣ 332
12. О свободѣ торговли 332
13. Чѣмъ эта свобода разрушается 333
14. О торговыхъ законахъ, воспрещающихъ конфискацію товаровъ 334
15. О заключеніи за долги 334
16. Прекрасный законъ 335
17. Законъ родосскій 335
18. О судьяхъ для торговли. 335
19. О томъ, что государь не долженъ заниматься торговлей. 336
20. Продолженіе о томъ же предметѣ 337
21. О торговлѣ дворянства въ монархіи 337
22. Отдѣльное разсужденіе 337
23. Какимъ народамъ невыгодно заниматься торговлей . . . 339

КНИГА XXI. О законахъ въ ихъ отношеніи къ торговлѣ, разсматриваемой въ связи съ переворотами, которымъ она подвергалась.

1. Нѣкоторыя общія разсужденія. 341
2. О народахъ Африки. 342
3. О томъ, что нужды южныхъ народовъ отличаются отъ нуждъ народовъ сѣверныхъ 342
4. Главное различіе между торговлею древнихъ и нынѣшней. 343
5. Другія различія. 343
6. О торговлѣ древнихъ народовъ 344
7. О торговлѣ грековъ. 349
8. Объ Александрѣ и его завоеваніяхъ 351
9. О торговлѣ греческихъ царей послѣ Александра 354
10. Объ объѣздѣ Африки 359
11. Карѳагенъ и Марсель 361
12. Островъ Делосъ, Митридатъ 365
13. О духѣ римлянъ по отношенію къ морскому дѣлу. . . . 366
14. О торговомъ духѣ римлянъ 367
15. Торговля римлянъ съ варварами 368
16. О торговлѣ римлянъ съ Аравіей и Индіей. 369

17. О торговлѣ послѣ разрушенія Западной Римской имперіи. 371
18. Особое постановленіе 372
19. О торговлѣ послѣ ослабленія римлянъ на Востокѣ. . . 372
20. Какъ торговля проложила себѣ въ Европѣ путь среди варварства 373
21. Открытіе двухъ новыхъ міровъ; состояніе Европы въ связи съ этимъ событіемъ 375
22. О богатствахъ, извлеченныхъ Испаніей изъ Америки . . 378
23. Задача 383

КНИГА XXII. **О законахъ въ ихъ отношеніи къ употребленію монеты.**

1. Основанія опредѣленія монеты 383
2. О природѣ денегъ. 384
3. Объ идеальной монетѣ 386
4. О количествѣ золота и серебра 387
5. Продолженіе о томъ же предметѣ 387
6. По какой причинѣ размѣры роста, со времени открытія Вестъ-Индіи, уменьшились вдвое 388
7. Какъ опредѣляются цѣны на вещи при измѣняющемся богатствѣ въ знакахъ. 389
8. Продолженіе о томъ же предметѣ 389
9. Объ относительной рѣдкости золота и серебра 390
10. О вексельномъ курсѣ 391
11. Объ измѣненіяхъ монеты у римлянъ 399
12. Обстоятельства, при которыхъ римляне производили свои операціи съ монетой 400
13. Операціи съ монетой во время императоровъ 401
14. Какимъ образомъ вексельный курсъ служитъ стѣсненіемъ для деспотическихъ государствъ 402
15. Обычай, существующій въ нѣкоторыхъ странахъ Италіи. 402
16. О помощи, которая можетъ быть оказана государству банкирами 403
17. О государственныхъ долгахъ 403
18. О погашеніи государственныхъ долговъ 404
19. О ссудѣ изъ процента 406
20. О процентахъ въ морской торговлѣ 406
21. О ссудѣ по договору и о лихвѣ у римлянъ 407
22. Продолженіе о томъ же предметѣ 408

КНИГА XXIII. **О законахъ въ ихъ отношеніи къ численности населенія.**

1. О людяхъ и животныхъ въ отношеніи размноженія рода ихъ. 413
2. О бракѣ 414
3. О положеніи дѣтей 415
4. О семействѣ. 415
5. О различныхъ разрядахъ законныхъ женъ 415
6. О незаконнорожденныхъ дѣтяхъ при разныхъ образахъ правленія. 416
7. О согласіи родителей на бракъ 417
8. Продолженіе о томъ же предметѣ 418
9. О дѣвушкахъ 418

10. Что побуждаетъ людей къ браку 419
11. О суровости правительствъ 419
12. О числѣ дѣтей мужскаго и женскаго пола въ разныхъ странахъ 420
13. О портовыхъ городахъ 420
14. О произведеніяхъ земли, требующихъ того или иного количества населенія 421
15. О количествѣ населенія по отношенію къ промышленности. 421
16. Объ отношеніи законодателя къ размноженію населенія . 422
17. О Греціи и числѣ ея обитателей. 423
18. О состояніи народовъ до римлянъ 425
19. Какъ міръ обезлюдѣлъ 426
20. О томъ, что обстоятельства заставили римлянъ издать законы, имѣющіе цѣлью увеличеніе населенія 425
21. О законахъ римлянъ для увеличенія населенія 425
22. О выбрасываніи дѣтей 435
23. О состояніи міра послѣ паденія римлянъ 436
24. Измѣненія, происшедшія въ Европѣ по отношенію къ численности населенія 436
25. Продолженіе о томъ же предметѣ 437
26. Выводы. 438
27. О законѣ, изданномъ во Франціи для увеличенія количества населенія 438
28. Чѣмъ можно устранить уменьшеніе народонаселенія. . . 438
29. О богадѣльняхъ. 439

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

КНИГА XXIV. **О законахъ въ ихъ отношеніяхъ къ установленной въ странѣ религіи, разсматриваемой въ ея обрядахъ и сущности.**

1. О религіяхъ вообще. 441
2. Парадоксъ Бэйля 442
3. Что умѣренный образъ правленія болѣе соотвѣтствуетъ христіанской религіи, а деспотическій—магометанской. . 443
4. Слѣдствія характера религіи христіанской и магометанской 444
5. Что католическая религія болѣе согласуется съ монархическимъ образомъ правленія, а протестантская—съ республиканскимъ 445
6. Другой парадоксъ Бэйля 445
7. О законахъ совершенства въ религіи 446
8. О согласованіи законовъ нравственности съ законами религіи. 447
9. О ессеяхъ. 447
10. О сектѣ стоиковъ 447
11. О созерцаніи. 448
12. О покаяніи 449
13. О преступленіяхъ неискупимыхъ 449
14. Объ отношеніи силы религіи къ законамъ гражданскимъ. 450

15. Какимъ образомъ иногда ложныя религіи исправляются гражданскими законами 452
16. Какимъ образомъ недостатки политическихъ учрежденій исправляются законами религіи 452
17. Продолженіе о томъ же предметѣ 453
18. Какимъ образомъ законы религіи оказываютъ дѣйствіе законовъ гражданскихъ. 453
19. Что не столько истинность или ложность догмата, сколько примѣненіе его людьми во благо или во зло дѣлаетъ его полезнымъ или вреднымъ въ гражданскомъ обществѣ. . 454
20. Продолженіе о томъ же предметѣ 455
21. О переселеніи душъ. 455
22. О томъ, какъ опасно, когда религія внушаетъ отвращеніе къ вещамъ безразличнымъ 455
23. О праздникахъ 456
24. О мѣстныхъ религіозныхъ законахъ. 457
25. Неудобства перенесенія религіи изъ одной страны въ другую 459
26. Продолженіе о томъ же предметѣ 459

КНИГА XXV. **О законахъ въ ихъ отношеніяхъ къ вводимой въ отдѣльныхъ странахъ религіи и ея внѣшнему благоустройству.**

1. О религіозномъ чувствѣ. 460
2. О причинахъ приверженности къ той или другой религіи. 460
3. О храмахъ 462
4. О священнослужителяхъ. 463
5. О предѣлахъ, которыми законъ долженъ ограничить богатство духовенства. 464
6. О монастыряхъ 466
7. О роскоши, порождаемой суевѣріемъ 466
8. О первосвященствѣ 467
9. О вѣротерпимости 468
10. Продолженіе о томъ же предметѣ 468
11. О перемѣнѣ религіи. 469
12. Объ уголовныхъ законахъ 470
13. Почтительнѣйшее заявленіе инквизиторамъ Испаніи и Португаліи 471
14. Почему такъ ненавидятъ христіанскую религію въ Японіи. 473
15. О распространеніи религіи 473

КНИГА XXVI. **О законахъ съ точки зрѣнія отношеній ихъ къ отдѣльнымъ разрядамъ предметовъ, входящихъ въ область ихъ постановленій.**

1. Идея этой книги 474
2. О законахъ божественныхъ и законахъ человѣческихъ . 475
3. О гражданскихъ законахъ, противорѣчащихъ естественному праву. 476
4. Продолженіе о томъ же предметѣ 477
5. Случаи, къ которымъ можно примѣнять начала гражданскаго права, видоизмѣняя при этомъ начала права естественнаго 478
6. Что порядокъ наслѣдованія покоится на началахъ права

политическаго или гражданскаго, а не права естественнаго 479
7. Не слѣдуетъ разрѣшать вопроса на основаніи предписаній религіи, когда дѣло идетъ о предписаніяхъ закона естественнаго. 481
8. Не слѣдуетъ подчинять правиламъ такъ называемаго каноническаго права то, что подлежитъ правиламъ права гражданскаго. 481
9. То, что должно быть подчинено правиламъ гражданскаго права, рѣдко можетъ быть подчиняемо правиламъ законовъ религіозныхъ 482
10. Въ какомъ случаѣ должно слѣдовать закону гражданскому, который разрѣшаетъ, а не закону религіи, который воспрещаетъ 484
11. Не слѣдуетъ человѣческіе суды подчинять правиламъ судовъ, имѣющихъ въ виду загробную жизнь 484
12. Продолженіе о томъ же предметѣ 484
13. Въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ относительно брака держаться законовъ религіи и въ какихъ—законовъ гражданскихъ 485
14. Въ какихъ случаяхъ браки между родственниками должны быть подчинены указаніямъ законовъ природы и въ какихъ—требованіямъ гражданскихъ законовъ 486
15. Не слѣдуетъ подчинять началамъ государственнаго права то, что находится въ зависимости отъ началъ права гражданскаго 490
16. Не слѣдуетъ примѣнять постановленія гражданскаго права къ случаямъ, рѣшеніе которыхъ зависитъ отъ права государственнаго 491
17. Продолженіе о томъ же предметѣ 493
18. Когда законы кажутся противорѣчащими одинъ другому, слѣдуетъ разсмотрѣть, одного-ли они порядка. 493
19. Не слѣдуетъ примѣнять гражданскихъ законовъ къ вопросамъ, рѣшеніе которыхъ подлежитъ законамъ семейнымъ. 494
20. Не слѣдуетъ рѣшать по гражданскимъ законамъ того, что относится къ праву международному 494
21. Не слѣдуетъ рѣшать по началамъ права государственнаго того, что относится къ международному праву . . . 495
22. Несчастная участь инки Атуальпа. 496
23. Если почему-либо законъ государства дѣйствуетъ на него разрушительно, слѣдуетъ примѣнить другой законъ, который охранялъ-бы государство, и этотъ новый законъ становится иногда закономъ международнымъ 496
24. Полицейскія предписанія относятся къ иной области, чѣмъ другіе гражданскіе законы. 497
25. Не должно слѣдовать общимъ положеніямъ гражданскаго права въ такихъ дѣлахъ, которыя должны быть подчинены частнымъ правиламъ, вытекающимъ изъ особенностей ихъ природы 498

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

КНИГА XXVII.

1. О происхожденіи римскаго законодательства о наслѣдствѣ и его измѣненіяхъ 499

КНИГА XXVIII. **О происхожденіи и измѣненіяхъ гражданскихъ законовъ у французовъ.**

1. О различномъ характерѣ законовъ у германскихъ народовъ 509
2. Всѣ законы варваровъ были законами личными 512
3. Основное различіе между салическими законами и законами вестготовъ и бургундовъ 513
4. Какимъ образомъ римское право исчезало въ земляхъ франкскихъ и сохранилось въ земляхъ готъ и бургундъ. 514
5. Продолженіе о томъ же предметѣ 517
6. Какимъ образомъ римское право сохранилось въ странѣ лонгобардовъ. 517
7. Какимъ образомъ римское право исчезало въ Испаніи . . 518
8. Ложный капитулярій 519
9. Какъ исчезли законы варваровъ и капитуляріи 519
10. Продолженіе о томъ же предметѣ 521
11. Другія причины паденія законовъ варваровъ, римскаго права и капитуляріевъ 521
12. О мѣстныхъ обычаяхъ; переворотъ въ законахъ варваровъ и римскомъ правѣ 522
13. Разница между закономъ салическимъ, или салическихъ франковъ, и закономъ франковъ рипуарскихъ и другихъ варваровъ 524
14. Другая разница. 525
15. Оговорка 526
16. О доказательствѣ кипящею водою, установленномъ салическимъ закономъ 526
17. Образъ мыслей нашихъ предковъ 527
18. Какимъ образомъ получилъ распространеніе обычай судебнаго поединка. 529
19. Еще одна причина, почему законы римскіе, законы салическіе и капитуляріи пришли въ забвеніе. 533
20. Происхожденіе чести 535
21. Новыя соображенія касательно вопросовъ чести у германцевъ 536
22. О нравахъ, имѣющихъ отношеніе къ поединку 537
23. О правовой конструкціи судебнаго поединка. 538
24. Правила судебнаго поединка 538
25. О предѣлахъ судебнаго поединка 540
26. О судебномъ поединкѣ между одной изъ сторонъ и однимъ изъ свидѣтелей 542
27. О поединкѣ между одною изъ сторонъ и однимъ изъ пэровъ сеньера. Апелляція на неправое рѣшеніе 543
28. Объ апелляціи по поводу отказа въ правосудіи 548
29. Правленіе Людовика Святого 552

30. Замѣчаніе по поводу апелляцій 554
31. Продолженіе о томъ же предметѣ 555
32. Продолженіе о томъ же предметѣ 555
33. Продолженіе о томъ же предметѣ 556
34. Какимъ образомъ судопроизводство сдѣлалось тайнымъ . 557
35. О судебныхъ издержкахъ 558
36. О государственномъ обвинителѣ. 559
37. Какимъ образомъ Установленія Людовика Святого вышли изъ употребленія. 562
38. Продолженіе о томъ же предметѣ 563
39. Продолженіе о томъ же предметѣ 566
40. Какимъ образомъ было введено судопроизводство декреталій. 567
41. Приливъ и отливъ въ юрисдикціи духовной и свѣтской . 568
42. Возрожденіе римскаго права и послѣдствія этого возрожденія. Измѣненія въ судахъ 569
43. Продолженіе о томъ же предметѣ 571
44. О доказательствѣ посредствомъ свидѣтелей 572
45. Обычное право Франціи. 573

КНИГА XXIX. **О способѣ составленія законовъ.**

1. О духѣ законодателя 575
2. Продолженіе о томъ же предметѣ 575
3. О томъ, что законы, повидимому, отступающіе отъ намѣреній законодателя, въ дѣйствительности часто съ ними совпадаютъ. 576
4. О законахъ, противорѣчащихъ намѣреніямъ законодателя. 576
5. Продолженіе о томъ же предметѣ 577
6. О томъ, что законы, кажущіеся одинаковыми, не всегда имѣютъ одинаковое дѣйствіе 577
7. Продолженіе о томъ же предметѣ. Необходимость осмотрительности при составленіи законовъ 578
8. Что законы, повидимому. одинаковые, не всегда возникали по одинаковымъ побужденіямъ 579
9. О томъ, что греческіе и римскіе законы карали самоубійство по различнымъ побужденіямъ 579
10. О томъ, что законы, съ виду противорѣчащіе другъ другу, иногда бываютъ родственны по духу. 580
11. Какимъ образомъ могутъ быть сравниваемы два различныхъ закона 581
12 О томъ, что законы, кажущіеся одинаковыми, иногда бываютъ въ дѣйствительности различны 582
13. О томъ, что никогда не слѣдуетъ разсматривать законы независимо отъ цѣли, ради которой они были постановлены. Римскіе законы о кражѣ 583
14. О томъ, что не слѣдуетъ разсматривать законы независимо отъ обстоятельствъ, при которыхъ они были постановлены 584
15. О томъ, что иногда полезно, чтобы законъ самъ себѣ служилъ поправкой. 585
16. Что именно слѣдуетъ имѣть въ виду при составленіи законовъ 585

17. Другой способъ изданія законовъ 590
18. Объ идеяхъ единообразія 590
19. О законодателяхъ. 591

КНИГА XXX. **Теорія феодальныхъ законовъ франковъ въ ихъ отношеніи къ установленію монархіи.**

1. О феодальныхъ законахъ 592
2. Объ источникахъ феодальнаго права 293
3. О происхожденіи вассальныхъ отношеній 294
4. Продолженіе о томъ же предметѣ 295
5. О завоеваніяхъ франковъ 295
6. О готахъ, бургундахъ и франкахъ. 596
7. Различные способы раздѣла земель. 596
8. Продолженіе о томъ же предметѣ 597
9. Надлежащее примѣненіе закона бургундовъ и закона вестготовъ о раздѣлѣ земель 598
10. О крѣпостной зависимости. 599
11. Продолженіе о томъ же предметѣ 600
12. Что земли варваровъ, доставшіяся по раздѣлу, не были обложены налогомъ. 603
13. Какого рода повинности несли римляне и галлы во франкской монархіи 605
14. О томъ, что именно носило названіе ценза (census) . . . 608
15. То, что называли цензомъ, взималось только съ крѣпостныхъ, но не со свободныхъ людей 609
16. О вассалахъ 611
17. О военной службѣ свободныхъ людей 613
18. О двойной службѣ. 615
19. О пеняхъ у варваровъ 617
20. О томъ, что впослѣдствіи называли судомъ сеньера. . . 621
21. О территоріальномъ церковномъ судѣ 624
22. О томъ, что порядокъ судебной юрисдикціи установился до конца второй династіи 626
23. Общее понятіе о книгѣ аббата Дюбо: „Основаніе французской монархіи въ Галліи“ 629
24. Продолженіе о томъ же предметѣ. Взглядъ на основу системы 629
25. О французскомъ дворянствѣ. 632

КНИГА XXXI. **Теорія феодальнаго права франковъ по отношенію къ измѣненіямъ, послѣдовавшимъ въ ихъ монархіи.**

1. Перемѣны въ должностяхъ и ленахъ 638
2. Какимъ образомъ было преобразовано гражданское управленіе 641
3. Власть майордомовъ 643
4. Какъ относился народъ къ майордомамъ 645
5. Какимъ образомъ майордомы пріобрѣли начальство надъ войскомъ 646
6. Второй періодъ упадка королей первой династіи. 648
7. Важнѣйшія должности и лены при майордомахъ 648
8. Какимъ образомъ алоды обратились въ лены 640
9. Какимъ образомъ церковныя имущества были обращены въ лены 652

10. Богатства духовенства. 653
11. Состояніе Европы временъ Карла Мартела. 654
12. Установленіе десятины 657
13. О выборахъ въ епископствахъ и аббатствахъ 659
14. О ленахъ Карла Мартела 660
15. Продолженіе о томъ же предметѣ 660
16. Сліяніе королевскаго достоинства и должности майордома. Вторая династія 661
17. Особенность въ избраніи королей второй династіи . . . 662
18. Карлъ Великій 664
19. Продолженіе о томъ же предметѣ 665
20. Людовикъ Благочестивый 665
21. Продолженіе о томъ же предметѣ 667
22. Продолженіе о томъ же предметѣ 668
23. Продолженіе о томъ же предметѣ 669
24. О томъ, что свободные люди пріобрѣли право владѣть ленами 672
25. Главная причина упадка второй династіи. Перемѣна въ алодіальной системѣ 673
26. Измѣненія въ ленахъ 675
27. Другое измѣненіе въ ленахъ 676
28. Измѣненія въ большихъ должностяхъ и ленахъ 677
29. О природѣ леновъ со времени Карла Лысаго 678
30. Продолженіе о томъ же предметѣ 679
31. Какимъ образомъ императорскій санъ былъ утраченъ домомъ Карла Великаго 680
32. Какъ французская корона перешла въ домъ Гуго Капета. 681
33. О нѣкоторыхъ послѣдствіяхъ вѣчнаго владѣнія ленами . 682
34. Продолженіе о томъ же предметѣ 686